

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

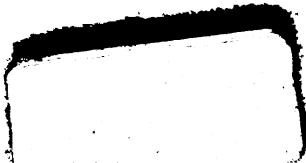
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1853

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

501685

ПАНТЕОНЪ

Юль

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯШНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

✓ **ЗНАХАРЬ.** Историческій романъ въ трехъ частяхъ. (Часть 3). *В.*

И. Савинова.

ШАФЕРЪ. Повѣсть Шарля Бернара.

АРАБСКІЯ КАССИДЫ. *В. Р. Зотова.*

МАЙСКАЯ ПѢСНЬ. *Графини Евдокіи Растопчиной.*

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

✓ **ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ ДВАДЦАТЫХЪ И ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.** *Л. В. Брандта.*

ВИЛЬЯМЪ ГОГГАРТЪ И ЛОНДОНЪ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ. Статья первая.

МЕНУАРЫ.

НОВОБРАНЦЪ 1842 ГОДА. Записки *И. И. Лажечникова.*

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Открытіе сезона — *Марія Симонъ*, — Несколько словъ о содержаніи и направленіи современныхъ французскихъ драмъ. — Длинноты пьесъ и отсутствіе замѣчательныхъ характеровъ. — Пьесы изъ процессовъ и уголовныхъ дѣлъ. — Драммы изъ современнаго быта и трагедіи. — Мнѣніе Эдгара Кинэ о трагедіяхъ и герояхъ ихъ. — Феліксъ Мальонъ и его комедія. — Беневанъ г. Верне. — *Сочиненія Горациа*. — *Дамскій угодникъ*. — *Друзь Франсуа*. — Волшебный сарсъ, за неимѣніемъ фокусовъ. — Беневанъ г-жи Бурде. — Явное несчастіе лучше скрытаго счастья. — Водовиль изъ оперы и оперная пьвица въ водовиль. — Г. Люге. — *Закоренный другъ*. — Тинъ Жювресса.

IV. СМѢСЬ.

1. Ямщики. *В. В. Толбина.*

2. Петербурго-Московская жеманная дорога. Письмо къ пріятелю.

✓ 3. Въ Леруссіа, въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣряхъ. *Наола Шиллескаю.*

4. Мой капитанъ. Эпизодъ изъ войны 1825 года въ Южной Америкѣ.

5. Прегула на Россіи. Побѣда въ Загъсскій и Ярославскій край, лѣтомъ 1852 года. *Н. И. Розанова.*

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАНІИ

Осдоранъ Гони.

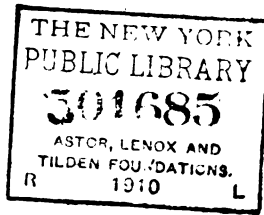
ТОМЪ X.

ІЮЛЬ — ВІИЖКА СЕДЬМАЯ.

1858.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Августа 5-го 1853.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

ВЪ
ВЪ
ВЪ

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

ЗНАХАРЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

В. И. САВИНОВА.

ЧАСТЬ III.

—

I.

Свадебный поѣздъ. — Толки. — Встрѣча старыхъ друзей. — Подгулявшій Кузнецовъ. — Таликовъ самъ не ворожилъ, а его бабушка. — Драгоценная добыча.

Въ нѣсколько дней Яикскій городокъ совершенно измѣнилъ свою физиогномію. Людный и тѣсно застроенный, до появленія въ немъ буйной ватаги Пугачевскихъ, онъ вдругъ опустѣлъ, и средина его превратилась въ огромную пустынную площадь, на которой кое-гдѣ медькали обгорѣлые остатки избъ, да надъ этими черными развалинами возвышались двѣ деревянныя батареи, поставленныя измѣнниками. Ни днемъ, ни ночью ни одного живаго существа не показывалось на этой выжженной равнинѣ. Враги прятались за своими укрѣпленіями, и ни конный, ни пѣшій, не осмѣливался показаться изъ-за засады. Нижняя часть крѣпостной колокольни уцѣлѣла и на ней успѣли поставить нѣсколько орудій, которыя мѣтко обстрѣливали окрестность. Заключенные въ крѣпости и ея защитники изнывали отъ голода и нужды, измѣнники сдавшіе городъ, въ свою очередь, не смѣли оставлять мазанокъ, на которыя падала мѣтная картечь, дробя черепицу кровель. Грустные дни лежали надъ раззореннымъ городкомъ, еще грустнѣе были его ночи! Въ городѣ пар-

ствовалъ тогда совершенный мракъ, даже въ слободкѣ, раскинутой на выгдѣ изъ городка, въ которой помѣщался самъ Емелька, не проглядывало и искры огня, разумѣется изъ опасенія подвергнуться выстрѣламъ крѣпостныхъ орудій. Въ эти долгія степныя ночи молчаніе ничѣмъ не нарушалось, а между-тѣмъ въ немъ бодрствовали—каждое мгновеніе, злоба враговъ, отвага и добрая совѣсть служить.

Но вотъ однажды очнулась эта могила. Въ городкѣ, съ первымъ разсвѣтомъ дня загудѣли колокола, нарядные наѣзники и толпа горожанъ, осторожно обходя выстрѣлы, стали выбираться за городъ, и скоро изъ-за пригорковъ, со стороны отъ хутора Кузнецова, показался свадебный поѣздъ. Съ появленіемъ его звонъ въ городѣ усилился, но въ тоже время толпа народная, и особенно старые казаки, казалось, не сочувствовали усердію звонарей... Многіе изъ любопытныхъ съ явнымъ ропотомъ и негодованіемъ оставили свои мѣста, когда въ новобрачной четѣ узнали Емельку и Устинью.

— Пусть я не дощупаюсь головы, сказалъ одинъ съдой казакъ, бросая слова свои въ первое встрѣчное ухо, если вся эта процессія похожа на что-нибудь толковое!..

— Те... вы, пустоголовые! замѣтилъ третій казакъ: каркали бы на свою шею, гдѣ-нибудь за угломъ, а то становятся рядомъ съ другими, да бѣду на нихъ накликаютъ... Объ вашей головѣ вѣрно некому плакать?..

— Правда, что некому! возразилъ тотъ же казакъ, который по костюму скорѣй походилъ на ямщика, и только одинъ остовъ ржавой сабли, прищипленной къ его кушаку, составлялъ его вооруженіе. Правда, продолжалъ онъ: только скажи голубчикъ, за что ты такъ стосковался за свою то башку? Еще молода братъ, нескоро ее сносишь.

— Толкуй себѣ!

— Чего толковать! видимое дѣло, что тебѣ охота отдать поклонъ поясный честной четѣ... Валяй во всю спину, помѣхи не будетъ... валясь въ поги.

— Вѣстимо, что кланяться надо, замѣтила какая-то баба. Еще вечеромъ было сказано, чтобы Устинью Петровну чествовать...

— Какъ чествовали простую босоногую казачку Устюшку Кузнецову! съ негодованіемъ и запальчиво перебилъ старый казакъ.

Еслибы въ эту минуту въ средину толпы упало полсотни гранатъ, готовыхъ лопнуть, то и тогда бы общій испугъ и замѣшательство не сравнились съ тѣмъ испугомъ и тревогою, которыя были слѣдствіемъ послѣднихъ словъ стараго говоруна. Какъ отъ зачумленного откынулись отъ него посадскіе и казаки. Незнакомецъ презрительнымъ взглядомъ

оплунуть трусливых сосѣдей, надвинулъ на брови шапку—и обращаясь къ немногимъ рисковавшимъ раздѣлить его мысли, сказалъ:

— Э... эхъ, православные! Совѣсть-то нашу вѣрно мы въ каба-лу нечистому отдали? Ну, статочно ли дѣло, чтобы нашъ набольшій былъ тѣмъ, кѣмъ мы его величаемъ?

— Вѣстимо! вѣстимо! откликнулось десятокъ нетвердыхъ голосовъ.

— Ну, умные люди, спрошу васъ: не было ли бы посмѣшищемъ, еслибы даже какой ни-на-есть кошевой вздумалъ повѣнчаться съ Устиной... а то!.. Умъ за разумъ заходить, братцы.... какая жъ она нашъ командерша?

— Правда... и это разумно!

— А тутъ еще велятъ чевствовать ее поклономъ пояснымъ.

— Эва!.. Устюжку-то!

— Просто насъ морочать, православные... и повѣрте не бывать мору: за все про все дадимъ отвѣтъ Богу...

— Морочить, право Емелька морочить... Скрутилъ бы его, да и къ Симонову! раздалось позади стараго храбреца.

Но эта послѣдняя фраза, такъ рано высказанная прежде полнаго ошумевленія толпы, навела новый страхъ на большую половину смельчаковъ; къ тому же видъ поѣзда, окруженнаго двумя сотнями ялецкихъ наѣздниковъ, заставилъ уснуть всякую храбрость. Не измѣнилъ себя только одинъ старый казакъ.

— Чего тутъ крутить, хладнокровно замѣтилъ онъ, вотъ только бы придарить на ялецкихъ щеголей, такъ посмотрѣли бы на ихъ удалъ... такъ бы цѣлымъ стадомъ и гони ихъ за городскія ворота...

— Попробуй-ко, я вижу ты изъ бойкихъ! замѣтилъ одинъ изъ посадскихъ.

— А что же!.. И попробовать могу, если только здѣсь не всѣ такіе храбрецы, какъ ты...

— Ребята! Да нешто не видите, что это симоновскій лазутчикъ? вскричалъ горожанинъ.

— Вишь ты пришелъ подбивать на злое дѣло, да еще и браниться...

— Связать его, да и на расправу!

— Въ одну берлогу съ Таликовымъ!

— Вязи, вязи его!

И толпа сдвинула тѣсный кругъ, но въ ту же минуту нѣсколько рыцарскихъ защитниковъ ялецкой слободы, какъ-будто разбросанные вихремъ, полетѣли съ ногъ направо и налево.

— Ни съ мѣста! крикнулъ бравый казакъ, заслонивъ собою стара-

го говоруна и еще швырнувъ на землю двухъ, трехъ нападающихъ... Гдѣ же ваша казацкая совѣсть, молодцы наѣздники, сказалъ онъ... Хотите тащить подъ топоръ челоуѣка, который послѣ лишней черки разболтался не въ мѣру! Развѣ не хмѣлъ говорить въ немъ... А вы, посадская мелюзга, огородники, только сунься кто, добъ изъ головы выщипу! заключилъ казакъ, взявшись за свою саблю.

— Бери ихъ ребята! Хватай обоихъ! крикнулъ посадскій, которому досталось первому испытать на себѣ быстроту и силу казацкаго толчка.

— Въ дубье ихъ! въ саблѣ! заговорили обиженные горожане и казаки.

Между-тѣмъ еще при началѣ возникшаго въ толпѣ спора, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея остановился всадникъ, повидному весьма заинтересованный смѣлыми выходками стараго казака. Едва замѣтилъ онъ, что для послѣдняго дѣло принимаемъ весьма дурной оборотъ, какъ, не теряя мгновения, вытащилъ изъ за пояса кожаный мѣшокъ, и опривнувъ его, метнулъ въ толпу цѣлымъ дождемъ грошей и нятаковъ.

— На драку, дѣтушки!.. Подбирай! Гей!.. На еще!.. Вотъ такъ... Лови, лови! кричалъ находчивый извѣститель атакованныхъ смѣльчаковъ.

Жадная толпа, забывая двухъ храбрецовъ, хлынула цѣлымъ потокомъ на землю и въ пыли и въ травѣ завязала ожесточенную драку.

— Слава Богу, во-время поспѣлъ! прошепталъ всадникъ — оставя сѣдло и бросаясь къ двумъ друзьямъ.

— Здорово — Недорѣзь, Омичъ! сказалъ онъ.

— А, Марка!.. выручилъ дружище! отозвался молодой казакъ...

— Ну, на уходъ, товарищи! шепнулъ знахарь... сюда, за мной!

И мѣнѣе, чѣмъ въ полминуты, трое нашихъ знакомцевъ скрылись за стѣною чаганской баттарей. Скоро и бѣгемъ достигли — они зарѣчнаго, еще не выжженнаго посада, теперь совершенно опустѣлаго. Марка отперъ калитку крайней избы — и ввелъ въ нее своихъ друзей.

— Неладно, друзья! сказалъ онъ, когда бѣглецы въ изнеможеніи опустились на лавку... Нашли время среди бѣлаго дня, да еще едва ли не подъ саблями влецкихъ, начинать задуманное дѣло... Не говорилъ ли я, что надо обождать вечера, когда Емелька уподучуетъ всю свою сволочь!..

— Не я виноватъ, право не я! замѣтилъ Недорѣзь, всю бѣду накликалъ Омичъ...

— Да, по моему резону такъ бы и слѣдовало, отозвался старшій ящикъ... Чтѣ жъ думаю—гудьнулъ, хлѣбнулъ, въ голову приударило—берись, Ома, за дѣло...

— Это ты бланное дѣтище! насѣдливо сказалъ Марка... сунулся въ воду не спросясь броду: вотъ теперь и сиди у моря, да жди погоды...

— Это почему? Хочешь опять пойду?

— Попробуй... Нѣтъ, голова, теперь и на свѣтъ Божій не показывся, прячься, какъ вротъ въ нору... Ты думалъ, не скажетъ мнѣ Автра Емелька: «Сейчасъ укажи мнѣ въ конвѣ — кто этотъ длинно-мылой, и гдѣ его достать?..»

— Ну а ты, что скажешь?

— Тамъ подумаешь, а теперь—есть другое дѣло... Надо погадать, да спознать, какъ бы накормить нашихъ осужденныхъ...

— Да, голубчикъ Марка, посидѣвши сказать Недорѣзъ: въ укрѣпленіи ни зерна, мрутъ съ голоду православные; вотъ бы дѣло-то христіанское справилъ, еслибы помочь нашимъ бѣднымъ ребѣтушкамъ— душа изныла смотреть на эту напастъ.

— Такъ-таки всѣ и сидятъ безъ хлѣба? спросилъ знахарь.

— Теперь почитай ужъ седьмыя сутки... Только и питаются глиной, которую достаютъ съ чаганскаго берега... Сварятъ ее, сердечные, въ казанѣ, да и за ложку...

— И всѣ такъ?

— Всѣ отъ малаго ребенка до отца командира Симонова...

— И даже мой голубчикъ Сила Львовичъ? почти сквозь слезы спросилъ Марка.

— А онъ-то за что счастливѣе другихъ?..

— Стой же, Недорѣзъ, хоть головой отвѣчать, а раздобуду сегодня хлѣба... Нужны только товарищи... Ночь темна, Емелькина сволочь цѣла, и мы обработаемъ дѣляшко... Ты вѣдь завтра уѣзжаешь въ степь, вѣдать отряда, который идетъ подъ городъ изъ Бузулука...

— Вѣрно, братъ сегодня, да и молвить правду, сердце здѣсь щемить крѣпко больно... Въ степи-то ему есть гдѣ поразмыкаться...

— Ну, ужъ безъ тебя ни шагу; съ однимъ Фомичемъ немного надѣлаемъ. Останься, Недорѣзъ, а если Богъ дастъ къ полночи покончимъ все... иди себѣ съ Богомъ, куда надо...

Казакъ не возражалъ, и съ наступленіемъ поздняго вечера трое друзей, заключенные въ толпу враговъ и такъ отчаянно и смѣло дѣйствовавшие въ пользу несчастныхъ осажденныхъ, — безъ шума и тревоги оставивъ посаль, пустились свѣжными сугробами по направленію къ хутору Кузнецова.

Последній только-что пріѣхалъ съ свадебной пирушки отъ своего зятя. Конь его еще дымился паромъ, оставленный безъ всякаго при-

смотря у околицы. Поравнявшись съ нею наши путники остановились, и въѣзжая въ село, по какому-то неразгаданному обстоятельству, нѣсколько разъ, съ живо выражавшеюся на ихъ лицахъ грустію, переглянулись между собою. Марка при взглядѣ на этотъ хуторъ не могъ не вспомнить съ сердечною тоскою о своей разлукѣ съ барининомъ, потомъ грозное заключеніе, и, наконецъ, ту минуту, въ которую онъ получилъ свою жалкую свободу. Въ сердцѣ втораго еще болѣе проснулось воспоминаніе при взглядѣ на эти амбарныя мазанки, на это рѣзное крыльцо, передъ которымъ онъ такъ часто гарцовалъ въ полѣ и съ котораго Устя любовалась его молодецкой посадкой. Наконецъ, даже и Ѳомичъ, отвѣчая общему настроенію чувствъ, не могъ не заплакать, когда разглядѣлъ казацкаго коня... Съ-тѣхъ-поръ какъ онъ лишился своей повозки и пары кормилцевъ лошадокъ, — Ѳомичъ не могъ не разчувствоваться при взглядѣ на самого не бойкаго скакуна. Первый одумался Марка, и стараясь развлечь грусть Недорѣза, обратился къ нему съ предложеніемъ отвести коня за избы...

— Онъ намъ пригодится, добавилъ знахарь. Теперь, Недорѣзушко и ты, Ѳомичъ, ждите меня, а я отправлюсь на раздобычу... На счастье же наше, Кузнецовъ еще не спитъ, — въ то время, какъ вѣрно — всѣ батраки его подгуляли... Ну, да оно намъ и на руку.

Въ избѣ стараго казака, по заведенному порядку, царствовала обыкновенная чистота, и вся утварь, какъ и въ былое время, освѣщалась яркимъ огнемъ лампы. Только самъ Кузнецовъ на этотъ разъ измѣнилъ своему личному обыкновенію и не заглядывалъ въ желтую книгу. Всегда воздержный, казакъ теперь едва держался на ногахъ и горько рыдалъ надъ старою душегрѣшкою Устиньи...

— Вотъ тебѣ и дочурочка, говорилъ онъ, совершилась не радость сердце веселящая, а злобѣіе лютое... Пришелъ змѣй Горынычъ и пожралъ... Да!.. А Устюши нѣтъ!.. Право нѣтъ!.. Ломоть отрѣзанный, ломоть съѣденный... И кѣмъ же... кѣмъ? я тебя спрашиваю, Петръ Родіонычъ... А-ну-ко, глаголь? Звѣремъ, кровѣдомъ... За что?.. Бесплатно, безмздоимно... И въ грѣхъ тебя ввелъ, Петръ Родіонычъ, за твое же, голубчикъ, добро... Охо-хо-хо!.. А Богъ-то все видитъ... Я не хотѣлъ... И непричастенъ злу... и никакого мудрованія... такъ сказать, мудрованія этого... Ну, да ужъ вѣстимо что...

— Много лѣтъ и столько же радостей! послышалось въ дверяхъ.

Кузнецовъ вздрогнулъ и остановилъ изумленный взглядъ на пришлецѣ, не узнавая въ немъ Марка.

— Кто здѣсь? Кто сулитъ мнѣ радостей? спросилъ онъ.

— Я, батюшка, Петръ Родіонычъ...

— А ты!.. Пу и лаяно... Послушай.. внимай: пришелъ завтра лютый... и пригда пожралъ мое дѣтище. Ей-Богу! И нежравши не ска-
заль нивъ спасибо... Послушай, кто ты?..

— Я, Марка, твой усердный слуга...

— А, Марка! А зачѣмъ пришелъ?

— Какъ зачѣмъ? Да вѣдь извѣстное дѣло, что вѣрно мнѣ жить у тебя на хуторѣ.

— Правда, не облыжно... Ну, а видѣлъ ты Устю?

— Какъ же...

— Что, вѣдь красавица!.. ги..

— Красавица..

— А что съ ней будетъ?

— Какъ что, Петръ Родіонычъ?..

— Ну, вразумись о чемъ глаголю... Что будетъ? Ха! Извѣстно, пропадетъ она, пропала! сказалъ старикъ, и при послѣднемъ словѣ, рыдая опустился на скамью.. Отворижи бѣду, Марка, отворижи — все дамъ, все!.. Вотъ только дай уснуть... А спать... ужъ крѣпко хочется...

— Да ты бы прилежь, Петръ Родіонычъ...

— Можно... Марка, доведи старца до койки, — истаялъ отъ горя...

Марко не заставлялъ Кузнецова повторять его просьбы. Онъ бережно довелъ старика до постели и послѣ нѣсколькихъ минутъ, въ теченіе которыхъ, по его расчетамъ, — казакъ долженъ былъ уснуть, тихо подкрался къ стѣнѣ, снялъ съ нея связку ключей и оставилъ кѣбу.

На свистокъ знахара, Омиичъ и Недорѣзъ показались у околицы.

— За работу, товарищи, время дорого! сказалъ Марка. Хочу спросить тебя, Недорѣзушко, только объ одной аказіи, добавилъ онъ...

— Говори, говори!

— Вотъ связка ключей... Вотъ этотъ отомкнетъ намъ мучной амбаръ, а вотъ этотъ мышеловку Таликова...

— Что ты говоришь?

— Право не лгу. Ну, такъ скажи, пускать-ли звѣрька на волю, пригодится ли онъ намъ въ чемъ-нибудь?

— Пожалуй, что и пригодится, отвѣчалъ Недорѣзъ... Таликовъ также, какъ я и какъ немногіе, знаетъ ходъ съ Чагана въ крѣпость, къ которой именно съ рѣки мы и должны подвести нашу добычу.. Такъ какъ я тороплюсь въ степь, то въ нашемъ дѣлѣ Антошка не будетъ лишнимъ... Только гляди, Марка, не нажить-бы намъ съ нимъ бѣды... Какъ его хватается, что тогда?

— Тогда я и скажу завтра, что онъ бѣжалъ, да что онъ то и подзадоривалъ посадскихъ...

— Ну такъ дѣлай, какъ вѣдаешь... Миѣ нужна мука, а ужъ Таликовъ... моя брать хата съ краю, ничего не знаю! За къ нему не идию... Богъ ему судья!..

Не разсуждая болѣе, наши храбрецы инновали обширный дворъ хutora, и предводимые Маркою, подошли къ той самой мазанкѣ, гдѣ нѣсколько недѣль назадъ былъ заключенъ вѣрный слуга Силы Львовича. Очень хорошо знакомый съ помѣщеніемъ и расположеніемъ хаты, Марка прямо подошелъ къ нарамъ и весьма неласковымъ толчкомъ разбудилъ заключеннаго.

— А!.. Кто!.. За мною? Дрожа отъ ужаса, вскричалъ Таликовъ

— За тобою, дружекъ, отвѣчалъ Марка... Кайся, конецъ твой пришесть...

— Ни въ чемъ не повиненъ, взмилуйтеся...

— Поздно... Зачѣмъ водилъ дружбу съ дьяволомъ.

— Кто и... Неправда... Никогда, никакого знакомства!..

— А!.. Еще запираешься... Развѣ ты не ворожилъ?..

— Да пусть я превалюсь, если когда и кому-нибудь хоть полслова еказалъ правды...

— Такъ ты еще отпираться, что не умѣешь ворожить?

— И ни, ни!.. Вотъ бабужка моя знаетъ, умѣетъ... Идите къ ней, она живетъ въ Астрабатѣ, старуха такая ветхая, рыбой торгуетъ.

— Пестой, постой! Не запирайся! перебилъ Марка, едва удерживаясь отъ смѣха, и забывая, что для нихъ дорого время, онъ продолжалъ пытать несчастнаго висаря... А, ну-ко скажи, дружекъ: ты, не бойсь, не вѣдаешь травокъ приворотныхъ?

— Кто... я-то?.. Да я во всю жизнь мою терпѣть не могъ никакой зелени... Чѣмъ хочешь поклянусь, что кромѣ фіалковаго корня, который клалъ за щеку, являясь къ командиру, никакихъ другихъ корней не знаю...

— Стой, Стой!.. А не ты ли далъ казану Недорѣзу приворотной травы?..

— Вреть онъ, разбойникъ, вреть — если онъ это говоритъ, глупецъ онъ... Эвъ, нашь кому повѣрить!.. Просто, не отставалъ отъ меня человекъ... Ну, я... виновать, сознаюсь, далъ ему порошокъ... Да, вѣдь не самъ же я его сдѣлалъ, а стянулъ у нашего фельдшера...

— Ай да Антоша Таликовъ! рѣшился сказать Недорѣзу... Спасибо, удружилъ!

— Батюшки свѣты, вскричалъ Таликовъ, шаря во все стороны ру-

нами, чтобъ поймать въ нихъ казана, въ появленіи котораго видѣлъ вѣрное свое спасеніе... Недорѣзушко, Сень, голубчикъ! Обойми меня... Пойдемъ-же отсюда, пойдемъ?..

— Тс... Куда ты! перебилъ Марка... Мы присланы за тобою, чтобъ отправить тебя... Понимаешь, будетъ съ тебя, пожилъ, погрѣшилъ...

— Ну, довольно, довольно! перебилъ Недорѣзъ: оставь его товарищъ, не то вѣдь онъ умретъ отъ страха.

Когда дѣло объяснилось, Таликовъ бухнулъ нѣсколько разъ въ ноги своимъ забывателямъ, и отправился вслѣдъ за ними грузить муку на лошадей Кузнецова.

Черезъ полчаса работа счастливо была окончена, ключи положены на старое мѣсто, и караванъ двинулся, въ обходъ города, степью, на Чаганъ.

— Рѣшено было свалить грузъ на рѣчкѣ, и писарю, такъ неосторожно сознавшемуся въ своихъ обманахъ, пробраться въ укрѣпленіе.

— Какъ? спросилъ послѣдній, а развѣ вы неидете со мною.

— Вѣтъ, отвѣчалъ Недорѣзъ, съ тобою отправится только Фомичъ; я ѣду въ степь встрѣтить отрядъ, который идетъ къ намъ на помощь, и довести его...

— Такъ, такъ... Ну, а ихъ-то милость...

— Не съ руки, пріятель, отвѣчалъ Марка... Если не будетъ здѣсь и меня, такъ ужъ никто не подастъ вѣсточку осажденнымъ, никто не похлопочетъ въ ихъ пользу... Къ тому же шепну тебѣ на ушко, а ты скажи коменданту, что если удастся, что если Богъ благословитъ, я постараюсь ежечь чаганскую батарею; она много вредитъ нашимъ солдатамъ...

При поворотѣ къ Чагану, у открытой степи, Недорѣзъ простился съ товарищами...

— Ну, быть-можетъ и навсегда, сказалъ онъ, обнимая Марка... Прости молодецъ, вотъ только забѣгу на посадъ за конемъ, да и въ дорогу... Увидишь Устинью, скажи ей, что горько, крѣпко горько мнѣ саротинкѣ... Все буду думать о ней, пропала моя ласточка... Не сдобровать ворюгуну, у котораго она въ когтяхъ, да стало-быть и ей много придется выкать горя... Другъ, товарищъ, продолжалъ казакъ: ужъ если началъ, доканай Толкачева! Если наши налетятъ въ расилохъ сюда, зарвавъ злодѣя, дай мнѣ надъ нимъ потѣшиться... вѣкъ ему не прощу, онъ все дѣло обработалъ, онъ, варнакъ, указалъ Пугачеву на Устинью!

Напутствуемый словомъ дружеской ласки, молодой казакъ повернулъ въ посадъ, а Марка и его товарищи стали спускаться къ Чагану...

II.

Ночь въ укрѣпленіи. — Офицерская квартира. — Раненный. — Добрый слуга. — Фуражировка Сапугольцева. — Баронъ восхищенъ стихами и пораженъ прозой.

Далеко еще было до разсвѣта. Зимняя ночь, какъ бы нарочно, не разставалась съ степью, раскинувшись непроницаемымъ мракомъ надъ осажденнымъ укрѣпленіемъ и скрывая всѣ ужасы, какіе выносили полумертвые отъ голода страдальцы. На стѣнкахъ царствовало безмолвное молчаніе, казалось, при орудіяхъ и у сторожевыхъ мѣсть оставалась только одна смерть; на площади кое-гдѣ бродили медленно шатающіеся тѣни; въ окнахъ комендантскаго дома было темно, и только въ одномъ изъ нихъ, при слабомъ свѣтѣ ночника, мелькали два силуэта, въ которыхъ бѣдный Полстоваловъ могъ бы узнать головку Вариньки и профиль Силы Львовича... Далѣе, за пороховымъ магазиномъ, въ офицерскомъ флигелѣ, также было освѣщено одно окно. Въ небольшой квадратной комнаткѣ, которой оно принадлежало, любопытный встрѣтилъ-бы картину, какую не создать воображенію безъ помощи самой дѣйствительности. Здѣсь было надъ чемъ задуматься, было гдѣ улыбнуться и, наконецъ, было отчего и погрузиться... По чернымъ и не высокимъ стѣнамъ этой комнатки, спускаясь отъ верхняго карниза — на полъ-аршина внизъ, въ замысловатыхъ фестонахъ и тонкихъ кружевныхъ кругахъ, паукъ раскинулъ свои сѣти; подъ ними, въ самыхъ неправильныхъ направленіяхъ, лишенныхъ всякой симметріи, отдѣлялись отъ черныхъ стѣнъ картинки въ рамкахъ и безъ рамокъ, между которыми знатокъ и археологъ могли найти много замѣчательно, и въ тоже время мечтательница повстрѣчала-бы купидона, вооруженнаго стрѣлами, и рядомъ съ нимъ сладкіе стишки, снятые какъ и купидонъ, съ одной и той же мучной конфетки. Казалось, что всѣ эти виды битвъ, ихълегическіе сюжеты, купидончики и леденечные амуры составляли предметъ особенной любви и заботливости хозяйина, но въ тоже время, нельзя было не обратить вниманія и на то, что хозяйинъ иллюстрировалъ свою стѣну безъ всякихъ видовъ на симметрію. Стѣна эта чрезвычайно походила на ломберный столъ молодого холостяка, на которомъ можно встрѣтить и книгу въ щегольскомъ переплетѣ, и обгрызенную зубочистку, рядомъ съ лимонною коркою, и недопитую рюмку хересу, и счетъ портнаго, и нѣсколько ничего невыражающихъ цифръ, оставленныхъ на краяхъ стола героями преферанса. Подъ иллюстрированную стѣною, на простомъ березовомъ столѣ, рисовались пузырьки съ чернилами, помадная банка, и лежала пара вполетѣ, нѣсколько лоскутковъ бумаги, исписанной стихами, съ бездною помарокъ, шейничекъ, и въ немъ два или три цвѣтка давно иссохшихъ. Противуположная стѣна

украшалась множествомъ ружей, шпажныхъ клинковъ и пистолетовъ, развѣшенныхъ надъ койкою... При слабомъ свѣтѣ глинянной плошки, невозможно было безъ соотраданія и сожалѣнія остановить свой взглядъ на больномъ, который въ тихомъ забытѣ спалъ на ней. Блѣдное, почти синее лицо молодого человѣка выражало всю силу душевнаго и физическаго страданія... Нѣсколько распутанныхъ и окровавленныхъ битовъ были положены въ его изголовьи и таже еще свѣжая кровь черными и блестящими каплями сверкала на подушкѣ... Могильное и грустное молчаніе этого характернаго пріюта нарушалась только шелестомъ и шорохомъ Сапугольцева... Помѣщаясь на низкой табуреткѣ возлѣ постели раненаго, добрый солдатъ, то внимательно заглядывалъ въ лицо спящаго, то успокоенный его тихимъ сномъ, онъ съ усердіемъ и торопливо обращался къ стеклянкамъ и порошкамъ, мѣшая какую-то микстуру. Встряхнувъ нѣсколько разъ стеклянку, Сапугольцевъ съ ловкостію фельдшера перевернулъ ее и поднесъ къ плошкѣ.

— Задалась, да хоть ты что хочешь! сказалъ съ досадою солдатъ... Кажется, всего намѣшалъ поровну, что только велѣно было смѣшать, а вотъ не выходитъ коричневой, бурда-бурдой, зелень какая-то грязная!.. Дай еще подбавлю этихъ черныхъ кашель.

Сапугольцевъ исполнилъ свое намѣреніе, снова встряхнулъ составъ, и наконецъ, совершенно довольный цвѣтомъ жидкости, бережно поставилъ пузырьки на столъ, и также осторожно возвратился къ койкѣ больнаго.

— Голубчикъ ты мой, Петръ Николаевичъ! сказалъ солдатъ съ глубокимъ и задушевнымъ вздохомъ... Уходила коня изрытая дорожка... Просто сказать — ты ли не царскій слуга, не добръющій человѣкъ, а вотъ вѣтъ, какъ нѣтъ тебѣ талану! На-смерть изрѣшетила пуля вражеская, да на смерть подкузмила и красна дѣвица... Охъ, этотъ бабій глазъ, ворогъ молодецкій!.. Проснется голубчикъ мой, охнетъ, вздохнетъ—о рапахъ ни гугу, только и спросу, что о командирской воспитанницѣ... Какъ же, много она о тебѣ думаетъ!... Почитай въ цѣлую недѣлю ни одного раза сюда ни заглянула... все-то ухмыляется съ этимъ, какъ егъ!... нишочемъ—что голодно, что вѣтъ нечего,—видно жить весело... Ухъ, ужъ я бы этого цифирку необстрѣленнаго, я бы на комендантскомъ мѣстѣ сѣлъ бы ему пѣсню на голось: «Ты поди-поди, моя коровушка, домой». За чѣмъ, дескать, пришолъ? А! отвѣчай... Погостить? За три тысячи верстъ погостить ты пришель,.. Стой! Руки во швамъ — смотри совѣтливо, шалопай!.. Дѣлать тебѣ нечего!.. Надѣво кругомъ... Маршъ, иди по квартирамъ, да иди не оглядывайся у меня! Вотъ что!.. Ей-Богу!.. Да еще ногой бы притопнулъ.

Въ эту минуту тихій, но судорожный стонъ Полстоговалова заботилъ солдата отъ Силы Львовича перейти къ мысли о раненномъ офицерѣ. Съ заботливостію нѣжнаго отца, онъ, почти заставъ дыханіе, нагнулся къ лицу молодого человѣка...

— А... Сапугольцевъ!.. Ты здѣсь? едва внятно прошепталъ Полстоговаловъ.

— Здѣсь—батюшка, Петръ Николаевичъ здѣсь.

— Добрый мой... не отходишь отъ меня... Спасибо... Только пошелъ бы—самъ уснулъ...

— Тс... При этомъ звукѣ солдатъ приложилъ палецъ къ губамъ, дѣлая знакъ молчанія.

— Что? спросилъ поручикъ.

— Не извольте говорить много, ваше благородіе: докторъ накрѣпко запретилъ...

— Господи! тяжело трихнувъ головою, прошепталъ раненный.. И говорить-то не ведаютъ... Ладно, ладно—не буду.

— Вотъ лучше, сударь, продолжалъ солдатъ, я перемотаю вамъ бинты и перевязки—примочка готова... Не извольте только, ваше благородіе, снимать перевязокъ... Видите, опять кровь показалась...

— Да жарко мнѣ, Сапугольцевъ... въ этихъ перевязкахъ такъ тяжело мнѣ... Охъ!

— Что дѣлать, батюшка... Надо терпѣть. Позвольте... И Сапугольцевъ ловко и осторожно, почти можно сказать спеленалъ израненнаго офицера.

— Спасибо, спасибо, родной мой...

— Пить не угодно ли?..

— А есть развѣ? съ восторгомъ спросилъ Полстоговаловъ, почти приподнявшись на подушкахъ.

— Есть... Раздобылъ...

— Давай, давай!.. Что это?..

— Вода съ виномъ, ваше благородіе...

— Съ виномъ... Съ виномъ вода! у насъ?.. Гдѣ ты взялъ, Сапугольцевъ?

— Емелька вчера, ваше благородіе, женился на невѣстѣ нашего Недорѣза. Къ вечеру перенились всѣ Пугачевскіе, вотъ было мы и хотѣли приударить на нихъ, такъ—сказать, сдѣлать всполохъ, да некому: изранены и голодны. Подъ вечеръ я съ Быстрошагаевымъ, молвить правду—безъ командирскаго приказа, выбрался на Чаганъ, а оттуда на проѣзжую дорогу—къ посаду. Глядимъ, все пусто! дальше вати не поехали.. Рѣшились было запасть хоть чаганскую банню,

да слышали тамъ такой гвалтъ! Вдругъ, глядь, въ-сторонѣ, на рѣчкѣ что-то чернеется... Мы туда ползкомъ... Смотримъ тѣлега, а въ ней Идда Бѣлдикий... а его, не кладя охулки на руку—по зубамъ да в за воротъ.

— Стой! говорю. Куда и съ чѣмъ?

— Въ пасады, говорить; съ виномъ—изъ умета «Старого Машая».

— А еще что есть?

— Пирогъ.

— Ладно... Поворачивай оглобли! молвилъ я. А чтобы жидъ не зартачился, погрозилъ ему пистолетомъ... Такимъ то манеромъ, ваше благородіе,—черезъ десять минутъ дѣло было слажено. Боченокъ винца раскупорили, половину добычи представилъ я коменданту, другую раздѣлилъ побратимамъ, да и для васъ, про запасъ, оставилъ пирогъ и три бутылочки... Кушайте во здравіе, ваше благородіе! съ низкими поклономъ заключилъ бравый солдатъ.

Между-тѣмъ Полстоваловъ уже давно, съ жадностію большого, изнученнаго жаждою, проглотилъ нѣсколько капель вина, смѣшаннаго съ водою.

— Еще, Сапугольцовъ... еще! Миѣ такъ легко... Еще! сказалъ онъ.

— Сію минуту, батюшка Петръ Николаевичъ. Съ этики словами солдатъ снова налилъ рюмку, дунулъ на нее крестообразно и передалъ вѣручку. Можно было думать, что преданный Полстовалову служака напоилъ его какимъ-нибудь живительнымъ нектаромъ, а не простымъ и, вѣроятно, весьма кислымъ астраханскимъ виномъ. Поручикъ совершенно ожилъ; на лицѣ его выступилъ яркій румянецъ, глаза сверкнули жизнью, онъ даже весьма свободно закинулъ голову...

— Прислушай, голубчикъ — Сапугольцевъ, началъ молодой человекъ... Можно миѣ немножко...

— Что прикажете!

— Я хотѣлъ бы немного поговорить...

— Немного можно, сударь... да только немного...

— Два слова...

— Извольте. Слушаю.

— Теперь ночь, или день?

— Ночь, ваше благородіе.

— Да, да... вѣдь такъ темно...

— Очень темно, ваше благородіе.

— Ну... всѣ здоровы?

— Всѣ большы.

— Больны?

— Да, какъ говорится, отъ голоду пухнемъ... Въдь только малую толику подкрѣпились... Прапорщикъ Бубновъ крѣпко раненъ—не сегодня завтра умереть, капитанъ Крыловъ осыдлалъ оба костыля, коменданта носимъ на рукахъ... Вылазки сдѣлать и не подумай... Всѣ безъ ногъ... Немногихъ Богъ сберегъ, да и тѣ нужны при орудіяхъ.

— Господи! прошепталъ больной... Когда же кончится это испытаніе!.. А постой, Сапугольцевъ... Варинька что... Сила Львовичъ?..

Старый солдатъ какъ будто не вслушался въ послѣдній вопросъ офицера и обратился къ стеклянкамъ, внимательно переставляя ихъ съ мѣста на мѣсто.

— Сапугольцевъ, а Сапугольцевъ, повторилъ больной... Я говорю, Варинька...

— Что-съ?.. Позвольте, сударь, поправлю подушечку... видите, она гора-горой.

— Нѣтъ... мнѣ ловко, ничего—ловко... Слышишь ты, я спрашиваю: здорова ли Варинька?

— Кажись... Слава Богу... Кажинный разъ объ васъ спрашиваютъ. Полстоваловъ горько улыбнулся, и поблѣднѣвъ, какъ полотно, съ чрезвычайнымъ усиленіемъ могъ сказать:

— Не утѣшай, не обманывай... Она забыла меня... разлюбила. Я все знаю.

— Что вы сударь!.. Господь съ вами! Да, барышня вотъ съ часъ назадъ, какъ подозвали меня къ окну и говорятъ...

— Съ часъ... Сапугольцевъ... и ты умѣешь лгать?..

— Право не лгу-съ.

— Лжешь... Ты болѣе полусутокъ не выходилъ изъ моей комнаты... Ну, ладно... оставимъ! Дай вина! съ какимъ-то отчаяніемъ сказалъ больной.

— Нельзя, ваше благородіе... Много будетъ... Вредно, батюшка Петръ Николаевичъ.

— Дай! крикнулъ раненый... Дай!.. Не то перевязки долой и пошелъ вонъ...

— Господи! Онъ помѣшался! почти сквозь слезы проговорилъ солдатъ... За что же вонъ-то, батюшка? сказалъ онъ.

— Кого вонъ? Кому я сказалъ вонъ? съ бессмысленнымъ удивленіемъ спросилъ Полетоваловъ.

— Да сію минуту мнѣ изволили погрозить, что если не дамъ вашей вина, то оборвете перевязки, а меня вышлете вонъ.

— Вина? съ изумленіемъ повторилъ Петръ Николаевичъ — какого вина?.. Да развѣ, Сапугольцевъ — я пью вино?

— Немогимъ знать, ваше благородіе. Успокойсь бы, батюшка, уснул бы, отецъ-родной.

— Уснуть — можно, успокоиться!.. Эхъ, Сапугольцевъ, какъ ты поглупѣлъ, братъ...

— Не могимъ знать, ваше благородіе

— Право поглупѣлъ... И мутный взглядъ Петра Николаевича, оставившаяся на солдатѣ, или блуждая по стѣнамъ комнаты, выражалъ—то безмысленную улыбку, то вдругъ оживалъ огнемъ сильного одушвленія, особенно въ тѣ минуты, когда падалъ на предметы, разбросанные на столѣ.

— Дай ко ихъ сюда, наконецъ и послѣ долгаго молчанія, съ глубокимъ вздохомъ сказалъ больной.

— Кого сударь?

— Ну—письма, ея письма... Вонъ вынь ихъ, онѣ накрыты моришэ эпюлетами... на столѣ.

Сапугольцевъ бросился къ столу, вынулъ нѣсколько бумагъ, и въ ту же минуту подошелъ къ больному. Но въ эту минуту глаза раненаго закрылись, и тяжело дыша — онъ заснулъ.

— Слава тебѣ Господи, уговорился! А ужъ я думалъ быть лихой бѣдѣ, говорилъ служака, кладя на старое мѣсто нѣсколько записокъ и два листка, исписанные стихами. Затѣмъ Сапугольцевъ — заглянулъ въ окно, и удостовѣрися, что все спокойно въ укрѣпленіи, расположився на своемъ табуретѣ.

Двѣ ночи вѣрный стражъ спокойствія раненаго, старый солдатъ, не смыкалъ глазъ, и самъ, измученный и утомленный, онъ уже не могъ болѣе бодрствовать; къ тому же могильное молчаніе, окружавшее его, полумракъ освѣщенія—все это навѣяло крѣпкій сонъ на Сапугольцева. Нѣсколько минутъ тревожно вздрагивая и съ испугомъ озираясь кругомъ, онъ, наконецъ, невольно прислонился къ стѣнѣ и захрапѣлъ богатырскимъ сномъ.

Полусумракъ утра заглянулъ въ крошечное окно поручичьей квартиры, а больной и старый солдатъ все еще не просыпались. Только изрѣдко отрывистый бредъ перваго нарушалъ молчаніе комнаты, какъ вдругъ у двери скрипнулъ снѣгъ подъ слѣдами какого-то прихожаго, и затѣмъ, напѣвая вполголоса веселую ариетку — къ Полстовалову вошелъ Сила Львовичъ.

Изумленіе и неразгаданная улыбка выразились на лицѣ барона,

когда внимательный взгляд его проеѣдидь обстановку поручичьей квартиры.

— Стало-быть все обстоит благополучно, вѣчно безпечный, или по-крайней-мѣрѣ, стараясь казаться имъ, проговорилъ баронъ: больной спитъ, какъ сыто накормленный младенецъ, усатая сидѣлка — тоже... Ну такъ и запишемъ, такъ и доложимъ дядюшкѣ! Выказавъ эти фразы, Сила Львовичъ совершенно забылъ о Полстоваловѣ и Сапугольцовѣ, обративъ свое вниманіе на иллюстрированную стѣну.

— Скажите пожалуйста, какъ это оригинально и затѣйливо, продолжалъ баронъ, взявъ догорающій свѣтильникъ... Поручикъ, какъ видно, большой охотникъ до леденцовъ... Нельзя, молодъ еще... Что это? русскіе при Кагултѣ, славная гравюра... батюшки сколько тутъ убитыхъ турокъ!.. А это? Стихи :

«Прелеста милая сказала мнѣ
Стараю вся — въ любви огнѣ...

Фу-ты пропасть, какъ это не дурно! Вотъ еще, продолжалъ Сила Львовичъ, кажется пастушокъ и пастушка. Что же это они дѣлаютъ?.. А! онъ играетъ на свирѣли, должно быть на свирѣли?.. трудно понять: чубукъ у него во рту, или дудка... А, а! Еще стихи!.. Ну-ка :

«И крылышкомъ касаясь струнъ
Чинять въ сей арфѣ нѣкій звонъ...

Что за странный отрывокъ... Ба, ба! Да, Варинька не лжетъ... Полстоваловъ самъ поэтъ... вотъ лоскутъ, измаранный, исписанный и еще разъ измаранный... однако доберемся смыслу... Напрягая зрѣніе, баронъ принялся читать вслухъ :

КЪ ПРЕЛЕСТЬ.

За что я въ горести моей,
Скажи мнѣ милая Прелеста,
Безъ сна провелъ тму-темъ ночей?
По что.....

Вотъ ужъ теперь и трудно разобрать... Какая это рифма? видно только одно *ста*... Что же это: невѣста, лѣста, тѣсто?.. Не могу прочитать... Ну-съ, а это? Ай да поручикъ! Смотри пожалуй сколько у него писаного... Но въ это мгновеніе, при взглядѣ на бумажку, которую взялъ со стола Сила Львовичъ, какъ-будто бы сотня иглъ возникло въ его сердце. Онъ невольно обернулся къ постели больнаго, какъ-будто бы хотѣлъ сдѣлать ему какой-нибудь вопросъ, и съ глубо-

нимъ вниманіемъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, дочиталъ написанный клочекъ бумаги.

Руки Сила Львовича дрожали, голова его кружилась, и еслибы кто-нибудь въ эту минуту придвинулъ барону стулъ, то могъ бы оказать ему тѣмъ великую услугу... Но какъ стульевъ въ квартиру Полстовалова не было, то Сила Львовичъ едва ли не въ маленькомъ помѣшателствѣ добрелъ до окна и опустился на него.

— Вѣтренная, злая дѣвчонка! съ чувствомъ сильнаго негодованія проговорилъ онъ, послѣ долгаго молчанія. Чего же легче... этотъ несчастный высказалъ здѣсь всѣ свои предсмертныя признанія, всѣ жертвы, которыя принесъ для тебя... наконецъ... эта записка... За что же, за что же было дарить человека надеждой... Чего надеждой!.. Фай!.. а я то что тутъ?.. Завдаю чужое счастье... Вѣрно справедливо намекнулъ мнѣ дядюшка, что Петя не встаетъ потому, что кромѣ четырехъ ранъ въ лопатку и шею, еще крѣпко раненъ въ сердце...

Послѣ долгаго раздумья, Сила Львовичъ еще нѣсколько разъ прочелъ сокровенную исповѣдь Полстовалова, его полныя задушевной грусти жалобы на судьбу, жалобы, въ которыхъ не было ни одного упрека Варинкѣ. Съ чувствомъ непритворнаго сожалѣнія онъ бросилъ взглядъ на больного, стараясь избѣгать шума, и подошелъ къ спящему солдату.

— Сапугольцевъ! шопотомъ сказалъ Сила Львовичъ.

Чуткій служака въ ту же минуту оставилъ свой табуретъ, встрепенулся, и вѣрно бы, пораженный неожиданной встрѣчей съ барономъ, сбѣжалъ десятокъ шаговъ назадъ, еслибы спина и затылокъ его не встрѣтилъ капитальной стѣны.

— Другъ мой, ты замучился, усталъ! тономъ непринужденной ласки сказалъ Сила Львовичъ... Дядюшка прислалъ меня навѣстить больного... возволь мнѣ остаться приемъ, а ты иди отдохнуть.

Съ этими словами Сила Львовичъ занялъ табуретъ Сапугольцева.

Между-тѣмъ послѣдній терялся въ догадкахъ, дѣлая себѣ важный вопросъ: «откуда въ душѣ Силы Львовича взялось это участіе къ раненому Полстовалову?»

— Да, какъ же это, сударь, вы здѣсь останетесь? спросилъ онъ.

— Просто любезный, также, какъ и ты оставался.

— Да вѣдь вы не позволите знать...

— Чего?

— Какъ услужить ихъ благородію.

— Ты меня научишь. Скажи, когда должно дать ему лекарство, когда перебинтовать раны... все это я сдѣлаю съ большою точностію и усердіемъ.

Сапугольцевъ смотрѣлъ на Силу Львовича съ прежними изумленіемъ и не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Наковецъ, другъ мой, будь спокоенъ, продолжалъ баронъ, что я владѣю такимъ лекарствомъ, которое въ нѣсколько минутъ едва ли не на ноги подниметъ твоего поручика... Ну, гдѣ же припочки, биты, нитье... Укажи и отправляйся съ Богомъ.

Отуманенный Сапугольцевъ не смѣлъ не повиноваться желаніямъ комендантскаго племянника; съ мельчайшими подробностями онъ объяснилъ ему весь процессъ ухода за больнымъ, указавъ на аптекарскіе матеріалы—и, по своему обыкновенію, сказавъ: «счастливо остаться!» вышелъ за двери.

Служака, несмотря на откровенный видъ Силы Львовича, мало доверялъ ему, и потому, оставивъ комнату Полстовалова, осторожно подкрался къ окну, чтобы наблюдать за неожиданнымъ гостемъ.

Послѣ десяти минутъ наблюденія, Сапугольцевъ не могъ не сказать себѣ, когда замѣтилъ, что Сила Львовичъ усердно, у постели больного, щиплетъ корнью: Экой же я дурень... вѣдь онъ и впрямь добрый человекъ!

Между-тѣмъ время шло. Полный ясный день заглянулъ въ окно поручичьей казармы. Полстоваловъ спалъ; баронъ не скучая своимъ занятіемъ, продолжалъ щипать корнью... Но вотъ Сила Львовичъ какъ-то неосторожно загремѣлъ табуретомъ, и съ судорожнымъ трепетомъ большой очнулся. Удивленіе его было сильно, когда на мѣстѣ Сапугольцева, онъ увидѣлъ Силу Львовича.

— Что вы здѣсь дѣлаете? могъ только проговорить больной.

— Щиплю корнью, мой любезный Петръ Николаевичъ, равнодушно отвѣчалъ баронъ, продолжая свое занятіе.

— А зачѣмъ вамъ корнія?

— Не мнѣ, душечка — Петръ Николаевичъ... Она нужна для васъ... Видите ли, мнѣ сказала Варинька: подите братецъ, навѣстите нашего больного, побудьте при немъ... и, какъ милости... слышите Полстоваловъ, какъ милости, говорите, попросите, чтобы онъ позволилъ мнѣ навѣстить его, .. мы вѣдь, говорить съ нимъ недавно ссорились... Варинька; васъ поручикъ, я замѣчаю, крѣпко любить, да и Марья Ивановна тоже... У нихъ только и свресу, что объ васъ... Право, даже обидно! заключилъ Сила Львовичъ.

Полстоваловъ, вслушиваясь въ слова барона, нѣсколько разъ готовъ былъ ущипнуть себя для того, чтобы рѣшительно опредѣлить: во снѣ или на яву онъ слышитъ эту отрадную вѣсть, отъ которой, казалось, силы его вполне возобновились.

— Не хотите ли пить?.. Какъ ваши бинты? снова началъ баронъ, подавая видъ, что не замѣчаетъ смущенія своего собесѣдника.

— Пить... не хочу, бинты... Да позвольте, вы что-то говорили.

— Я говорилъ, что Варинька и...

— Такъ, такъ! И вы не ждете, баронъ?

— Вотъ тебѣ разъ! съ громкимъ смѣхомъ замѣтилъ Сила Львовичъ. Развѣ вы въ состояніи придумать какую-нибудь причину, на основаніи которой можно предполагать, что я могу забавляться вашими чувствами?

— Правда, вы справедливы, отвѣчалъ молодой человѣкъ, нѣсколько приподнявшись на подушку... Но-съ, сдѣлать такой вопросъ... прости-те... я, какъ-бы сказать, объясниться не умѣю...

— Говорите, говорите какъ-умѣете, безцеремонно замѣтилъ Сила Львовичъ.

— Я хочу сказать, что сдѣлать такой вопросъ... я, простите мнѣ, право, мнѣ кажется, имѣлъ небольшое право.

— Право? возразилъ съ улыбкою баронъ, какъ нельзя болѣе довольный своимъ каламбуромъ. Почему же такъ, будемте откровенны—объяснитесь...

— Вѣдь вы, Сила Львовичъ, почти задыхаясь началъ Полстозаловъ, любите Вариньку...

— О, разумѣется...

— Что разумѣется?

— То, что я ее очень люблю, но люблю небольшое, какъ братья.

— Неправда.

— А кто вамъ это сказалъ?

— Да вслушайте... вы смотрите на нее такъ страстно...

— Это вамъ кажется, вы большой ревнивецъ.

— Вы безотлучно при ней...

— Сдѣлайте милость, научите, съ кѣмъ бы другимъ въ этой главѣ я могъ такъ приятно коретать время, какъ съ Варинькой — и вы не увидите меня болѣе съ нею...

— Хоронь-съ... я вѣрю вамъ .. оставьте... простите мнѣ по-мощнѣе...

— Отъ души...

— Такъ вы говорите, что Варинька желаетъ навѣстить меня?

— Неправдиво.

— И скоро?

— Да я думаю сегодня, если я ей только скажу, что вы...

— Ахъ, скажите, скажите ей, перебилъ Полстозаловъ, что мой

страданія увеличились еще болѣе въ разлукѣ съ нею... Еслибы только ея одно слово, одинъ взглядъ... Боже мой.. да я, клянусь вамъ, всё бы стьянки, банки, примочки—все бы швырнулъ за окно... Зачѣмъ ннѣ они тогда? Вотъ посмотрите, говорилъ простодушный Полстоваловъ, вотъ посмотрите, если я увижусь сегодня съ нею, то завтра, пусть я не буду поручикъ седьмой храброй команды, если не явлюсь на вагъ... оживу, Сила Львовичъ, право оживу!..

— Вотъ ужъ это и неладно, я думаю васъ за это побранить и сама Варинька, потому-что жизнь ваша для нея дорога, спокойствіе и здоровье тоже.

Въ избыткѣ счастья бѣдный молодой человекъ закрылъ лицо руками и упалъ на подушку.

— Не вѣрится, не вѣрится! пропенталъ онъ.

— Увидите, другъ мой.. Однако позвольте, я пережѣню вамъ корпю— и поспѣшу съ отвѣтомъ къ Варинькѣ...

III.

Рыцарство Силы Львовича — Изумленіе Вариньки. — Дневникъ Петра Николаевича. — Твердость стараго каменданта. — Подарокъ во-время.

Никогда еще не болѣло такъ сильно сердце Силы Львовича, какъ въ ту минуту, когда онъ оставилъ квартиру молодаго человека. Въ этомъ сердцѣ было много добра, много благородства и въ тоже время бездна страсти, съ которою онъ полюбилъ свою названную сестрицу. Страшная борьба происходила въ душѣ барона; чувство сожалѣнія къ Полстовалову и чувство искренней привязанности къ Варинькѣ заставляли его испытывать всю муку обманутыхъ надеждъ. Мрачный и грустный проходилъ онъ площадь укрѣпленія, невнимательный къ ужаснымъ суетамъ, совершавшимся на этой площади. Какъ-будто чрезъ пни—равнодушно шагая баронъ чрезъ трупы солдатъ, дѣтей и женщинъ, умершихъ въ ночь отъ голода. Онъ былъ глухъ къ мольбамъ страдалицевъ, которые, ползая у ногъ прохожаго и сжимая въ холодныхъ объятіяхъ грудныхъ младенцевъ, просили хлѣба или денегъ.

При всемъ своемъ умѣнн скрывать даже рѣзкія чувства и впечатлѣнія подъ маскою веселости и безопасности, Сила Львовичъ, въ это утро, не могъ владѣть собою, и его встрѣча съ Варинькою была причиною испуга послѣдней.

— Что съ вами, что случилось, Сила Львовичъ, спросила дѣвушка... вы такъ страшны, такъ блѣдны?

— Не удивительно, Варинька, отвѣчалъ баронъ, когда помотришь на подобныя страданія, какія испытываетъ бѣдный Подставаловъ...

— Что же онъ?..

— Ничего... Человѣкъ въ истязаніяхъ боли, сердечной муки и тоски, жертвовавшій сто разъ, по прихоти, быть-можетъ, кого-нибудь, своею жизнію, умираетъ безъ участія ближнихъ, безъ... Просто я здѣсь въ пытку, продолжалъ Сила Львовичъ, въ изнеможеніи опускаясь на диванъ. просто въ пытку! Рѣшительно не знаю, какъ дожидаться конца этой проклятой исторіи, чтобы скакать сломя голову въ мою прекрасную Москву...

— Въ Москву?

— Ну да! Что-жъ мнѣ здѣсь дѣлать? Ждать, когда какой-нибудь влещкій разбойникъ перехватитъ мнѣ горло арканомъ, или какъ на томъ же арканѣ, будто гончую на сворѣ, поведетъ меня киргизъ въ свои степи... Покорно васъ благодарю! Вѣдь я пріѣхалъ сюда погостить, а не прозакладывать свою голову за ломоть хлѣба... Въ Москвѣ, Варинька, ждетъ меня жизнь, полная наслажденій, удовольствій... ждетъ... хорошенькая... невѣста... При послѣднихъ словахъ Силѣ Львовичу позалось, что языкъ рѣшительно отказывается служить ему. Высказавъ ихъ, онъ не шутя почувствовалъ какую-то острую боль въ горлѣ, какъ-будто бы живой ершъ остановился тамъ.

Варинька, едва держась на ногахъ, отшатнулась и съ тихимъ стономъ прислонилась къ стѣнѣ.

Баронъ слѣдѣлъ, какъ на горячихъ угольяхъ.

— Ужъ не рѣзко ли я началъ? думалъ Сила Львовичъ: быстрота не есть искусство, сказалъ кто-то... Сохрани насъ Богъ отъ обмороковъ, продолжалъ разсуждать молодой человѣкъ, наблюдая блѣдное лицо дѣвушки.

Но Варинька умѣла владѣть собою.

— Ахъ, какъ же вы скрытны братецъ, сказала она тономъ наивной шутки... Вѣдь никогда даже и не проговорились, что у васъ есть невѣста...

— Да не было случая, сестрица. А я вѣдь ужъ обрученъ, право...

— Вотъ какъ! Можно знать ея имя?

— О, это не секретъ. Ее зовутъ Настинька... слышите, Настинька... такое, такъ-сказать, валидическое имя...

— И не дурна?

— О, красавица!.. Да ужъ положитесь, сестрица. на мой въкъ...

Напримѣръ, буду откровененъ... вы, моя добрая Варинька, съ вашия хорошенькимъ личикомъ, хоть кому бы вскружили голову... Вы... да я ужъ и не умѣю сказать, какъ вы хороши...

— Скажите, какой сюрпризъ...

— Да... Ну, а она... она лучше васъ.

Варинька готова была заплакать отъ досады, и закусивъ свои малиновые губки, чтобы скрыть яркій румянецъ, выступившій на щекахъ ея, и пару непризванныхъ слезъ, дѣвушка съ истерическимъ хохотомъ оставила свое мѣсто.

— Послушайте, сказала она, — несмотря на вашу предшествующую любовь, всякая бы на моемъ мѣстѣ могла негодовать на васъ.

— За что же? Я люблю правду — и говорю ее, говорю, не желая обидѣть ни васъ, ни моей прекрасной Настиньки. — Ахъ, думалъ баронъ, еслибы ты знала, Варинька, что въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ очаровательнѣе тебя и что моя воображаемая Настинька передъ тобою суздальская картинка.

— Какъ я сожалею о вашей бѣдной невѣстѣ, снова начала дѣвушка.

— Но развѣ она жалка?

— Да, какъ же... вѣроятно же она груститъ въ разлукѣ съ вами.

— О, очень вѣроятно... она меня такъ любитъ... А я, Боже мой! Какъ я ее люблю!

— Такъ зачѣмъ же вы ее оставили?

— Зачѣмъ? Да... такъ... Ну то-есть для того...

— О, тутъ вѣрно есть какая-нибудь тайна: вы въ смущеніи, братецъ?

— Сознаюсь. Видите... вамъ, Варинька, я все готовъ доверить... я васъ такъ люб...

Сила Львовичъ какъ-то при последнемъ словѣ неловко замотала головой и послѣднѣе сказать: такъ уважаю, что отъ васъ у меня не можетъ быть тайнъ...

— Ну-съ говорите... Ужасно люблю откровенныхъ жениховъ... вѣдь согласитесь, что это самые интересные мужчины...

— То-есть, вы хотите сказать, у этихъ людей самые интересные планы, мысли и затѣи?

— Пожалуй, пусть будетъ по вашему... Но извольте продолжать.

— Извольте, вамъ, какъ моему доброму другу, — я выскажу все откровенно... Представьте, Варинька, что до той минуты, въ которую я сталъ уже формальнымъ женихомъ моей прелестной Настиньки, мнѣ и въ голову не приходило задуматься надъ своимъ будущимъ, мнѣ казалась женитьба дѣломъ весьма обыкновеннымъ... Но когда я увидѣлъ на своей рукѣ кольцо, когда меня назвали счастливецомъ мой милые

друзья... Стой, сказалъ я, въ-самомъ-ли дѣлѣ я счастливецъ? Гдѣ увѣренность въ томъ, что Настинья истинно меня любитъ, что за первыми днями брака не послѣдуетъ холодность?... гдѣ доказательство въ ея постоянствѣ? Послѣ такихъ вопросовъ, заданныхъ себѣ, я рѣшился на испытаніе... то-есть, поступилъ почти такъ, какъ вы съ бѣдняжкой Полстоваловымъ, я говорю почти, потому-что вы, между нами, рѣшительно ужъ не испытываете его, а пытаете... Рѣшась на этотъ подвигъ, я не нашелъ ничего лучше, какъ разстаться съ моимъ временнымъ наслажденіемъ для вѣчнаго счастья, на нѣсколько мѣсяцевъ... то-есть, далъ себѣ слово уѣхать куда-нибудь подальше, куда-нибудь въ глушь.. Согласитесь, что въ этомъ случаѣ я не могъ найти лучшаго пріюта, какъ въ Яикскомъ городѣ... О, чего бы я не далъ, съ притворнымъ вздохомъ заключилъ Сила Львовичъ, чтобы встрѣтить въ моей Настинькѣ тоже постоянство и ту же любовь, какія вы встрѣчаете въ своемъ скромномъ и миломъ Петрѣ Николаевичѣ!

— Но кто вамъ сказалъ о его постоянствѣ? съ досадою спросила Варинька.

— Кто? Вы не можете понять, сколько вынесъ я грустныхъ впечатлѣній, оставляя квартиру молодого человѣка... Послушайте, а вамъ раскажу все то, чему я былъ свидѣтелемъ... Для васъ это должно-быть интересно... Представьте, вхожу я въ комнату... въ ней такой грустный слабый свѣтъ разливала какая-то сирадная плошка. Въ постели и въ забытій лежалъ нашъ раненный; радомъ съ нимъ на стулѣ качался измученный безсонницею Сапугольцевъ. При первомъ шагѣ за порогъ офицерской квартиры, мнѣ показалось, что какъ будто бы больной встрѣчаетъ меня какимъ-то пріветствіемъ, я поспѣшилъ къ его постели и едва ли не въ испугъ отступилъ отъ нея. Мертвенная блѣдность разливалась по лицу раненаго, губы его были сухи; легко было понять, что внутренній жаръ сжигаетъ грудь несчастнаго; окровавленная рука его, выбившись изъ перевязокъ, то сжимала грудь, то голову...

— Бѣдняжка, бѣдный Петръ Николаевичъ! съ участіемъ произнесла Варинька, увлеченная рассказомъ брата.

— Прекрасно, подумалъ въ эту минуту Сила Львовичъ, — я лгу, какъ на заказъ... Цѣль моя достигается... И вотъ, продолжалъ баронъ—онъ вздрогнулъ, легкій трепетъ пробѣжалъ по лицу его, оно сверкнуло мгновенною улыбкою и румянцемъ... и я услышалъ ваше имя...

— Что? спросила дѣвушка, внахвѣвъ въ глубокое раздумье и неслышавшая послѣднихъ словъ барона.

— Онъ прошепталъ «Варинька»! Но еслибы вы могли слышать

сколько высказалось въ этомъ словѣ чувства... О, я утѣренъ, что вы въ невинномъ забытѣ—откликнулись бы: «Петя!» Ахъ, Варинька, какъ мнѣ съ той минуты стало грустно за Полстовалова... Изъ одного слова, высказаннаго имъ, я повялъ всю боль его души, всю его нѣжную страсть къ вамъ... Очнувшись, бѣдный молодой человекъ былъ радъ не-сказанно моей встрѣчѣ, но не подумайте, чтобы причиною этой радости былъ именно я... ничего не бывало, простодушный поручикъ скоро высказался—онъ обрадовался мнѣ для васъ... Въ-теченіе цѣлаго часа у него только и вертѣлись на языкѣ вопросы о вашемъ здоровьѣ, о васъ... Я его утѣшалъ, какъ могъ, говорилъ, что и вы грустите за него...

— Грустить она? сказалъ онъ не довѣрчиво взглянувъ на меня. Вы говорите грустить?... Нѣтъ! и съ этимъ нѣтъ большой впаадъ въ долгое и безмолвное молчаніе, котораго я не рѣшался нарушить.—Не обманывайте меня, сказалъ онъ,—я знаю, Варинька, какъ балованный котенокъ, хотѣла поиграть первымъ попавшимся ей клубкомъ, а этотъ клубокъ было мое сердце... его перепутали, изцарапали, смяли и бросили..

Варинька подняла на Силу Львовича свои черные блестящіе глаза, которые какъ-будто бы говорили да я виновата... но довольно, не говорите больше, не мучьте меня!

Сила Львовичъ продолжалъ.

— Нѣтъ, баронъ, сказалъ мнѣ Полстоваловъ,—я вѣрю своимъ глазамъ и своему обманутому сердцу больше, чѣмъ вамъ Извините... Если бы Варинька хотя на одинъ мигъ имѣла ко мнѣ сочувствіе, она бы вспомнила обо мнѣ, она бы хоть разъ, хотя вѣстѣ съ доброю Марьею Ивановною, пришла навѣстить меня... Она знаетъ, какое бы я встрѣтилъ счастье, встрѣчая ее... Она знаетъ и то, что Полстоваловъ жилъ мечтою о ней, и теперь, изнывая въ страданіяхъ, быть-можетъ умретъ: не сегодня, завтра—необласканный ею...

— Но словомъ, Варинька, говорилъ баронъ, всего я вамъ не могу и не хочу пересказывать, что слышалъ во-время нашей бесѣды... Ахъ, грѣшно вамъ, сестрица, право грѣшно... Пощадите Полстовалова... Пора кончить эту тяжелую и, быть-можетъ, убійственную для него шутку... Не повторяю вамъ того, какъ онъ васъ любитъ, но вотъ не угодно-ли... здѣсь все ясно... Это предсмертныя признанія поручика, которыя я увезъ со стола его, прочтите.

Зардѣвшись румянцемъ, съ душевнымъ трепетомъ,—дѣвушка приняла отъ барона дневникъ Петра Николаевича.

— Благодарю васъ братецъ, благодарю! выразительно сказала она, пожавъ руку Силы Львовича.

Съ послѣднимъ скрипомъ двери, за которою скрылась Варинька,

наша принужденной веселости упала съ лица барона. Онъ тяжело вздохнулъ и бросился въ комендантскія кресла, остановивъ взглядъ тоски на платкѣ, забытомъ дѣвучкою.

Еслибы кто-нибудь могъ тогда заглянуть въ душу нашего героя, то пожалѣлъ бы отъ чистаго сердца Силу Львовича. Еще никогда не испытывалъ онъ столько задушевной грусти, столько тоски за свое настоящее, какъ въ эту минуту... Не легко было ему самому разбить свои надежды, и съ рыцарскимъ самоотверженіемъ отказаться отъ своей мечты! Встрѣтивъ Вариньку, Сила Львовичъ только впервые узналъ блаженство истинной и чистой страсти. Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ тогда на свою скитальческую жизнь, и съ восторгомъ заглядывалъ въ будущее, которое обѣщало ему скромную семейную жизнь со всеми ея жилищескими обстановками. До объясненія съ Полстовалымъ, баронъ считалъ любовь послѣдняго къ Варинькѣ небольшою, какъ забавою молодого поручика, которому въ глуши, далеко отъ свѣтскихъ развлеченій, надо же было чѣмъ-нибудь занять свое сердце. Но какъ ужаснулся почтенный Сила Львовичъ, когда бѣднякъ Полстоваловъ откровенно высказалъ ему свое горе... Совершенно понимая теперь, что любовь Петра Николаевича сжилась съ его сердцемъ, съ его думами и жизнью, баронъ рѣшился великодушно отказаться отъ своихъ исканій, не желая лишать бѣднаго молодого человѣка единственнаго счастья, которое онъ впервые повстрѣчалъ въ своей жизни. Къ тому же, Сила Львовичъ, легко могъ разсудить, что и Варинька, увлекаясь его свѣтскостію, быть-можетъ, послѣ и очень скоро разочаровавшись, искренно пожалѣетъ о своей жертвѣ, Полстоваловѣ.

— Благодарю васъ, братецъ, благодарю! сказала она, думалъ ба-
опъ... Право, въ ея взглядѣ и голосѣ было столько рѣзкой искрен-
ности, что я рѣшительно долженъ ее понять... Не за тетрадку благо-
даряла меня она... Нѣтъ, она мнѣ просто сказала: вы благородный
человѣкъ... Будемъ утѣшаться этими мыслями... Ахъ, бѣжалъ бы от-
сюда! сказалъ Сила Львовичъ, но хватитъ ли у меня твердости, устою
ли я въ этомъ тяжеломъ испытаніи? добавилъ онъ.

Въ то время, какъ Сила Львовичъ задавалъ самъ-себѣ такіе во-
просы, Варинька, жадно пробѣгая тетрадь Полстовалова, не могла не
оцѣнить всей чистой и благородной страсти поручика. Первые страницы
были прочтены съ чувствомъ сожалѣнія къ ихъ автору, послѣдующія
съ грустнымъ раскаяніемъ, и наконецъ — послѣднія со слезами. Те-
перь-то, въ своемъ сознательномъ раздумьи, дѣвучка не могла не сра-
внить двухъ своихъ рыцарей. Результатъ этого сравненія вышелъ въ
пользу поручика. Варинька нашла, что онъ, во-первыхъ моложе Силы

Львовича, который разочаровал дѣвушку своимъ обиднымъ и навязнымъ призваніемъ, во-вторыхъ, что онъ не такой дерзкій болтунъ, какъ баронъ, въ-третьихъ, что взгляды его выразительнѣе, улыбка пріятнѣе и шолкъ волосъ далеко мягче напудренного парика брата. Но самое главное, что для Полястовалова ея взаимность дороже всѣхъ сокровищъ міра, а для Силы Львовича, у котораго есть такая милая невѣста, она не находка.

— Проню разгадать этихъ напудренныхъ юмешей, этихъ свѣтскихъ болтуновъ! заключила Варинька. Кто могъ думать, что они говорить всегда какъ влюбленные пастушки, что вся ихъ поддѣльная искренность, весь ихъ бредъ,—условная манера объясняться и коротать время съ женщинами.

Уязвленная до глубины души своимъ разочарованіемъ, дѣвушка подошла къ окну и не могла безъ тремета и чувства не взглянуть на крайнее окно офицерскаго флигеля...

Въ это утро, крѣпостная площадь представляла видъ особеннаго дикешія, чего давно не случалось. Грязныя, блѣдныя, въ лохмотьяхъ, дѣти, женщины и разночинцы толпами сходились къ комендантскому дому. Иныя изъ этихъ несчастныхъ, предводимые товарищами, энергически размахивали руками и громко говорили что-то, указывая то на крѣпостныя ворота, давно уже заваленныя бревнами и кирпичемъ разрушенной колокольни, то на окна Симонова. Изрѣдка толпы, встрѣчая солдатъ, дерзко заставляли послѣднихъ уступать имъ дорогу... Солдаты, также составляя отдѣльную партію, слѣдили за народомъ,—и скоро все население крѣпости, исключая служака, разставленныхъ на валу,—громадной волнующейся массой остановилось у дома Владимира Петровича.

Вотъ послышались рѣзкіе, хриплые голоса несчастныхъ, почти полумертвыхъ отъ истомленія и голода.

— Коменданта! коменданта! Мы голодны... хлѣба или сачи!

Варинька съ ужасомъ отшатнулась отъ окна, готовая съ страшною вѣстью броситься къ дядѣ, но въ эту минуту въ растворенныхъ дверяхъ, едва держась на ногахъ, показался самъ израненный и большой старикъ, поддерживаемый Марьей Ивановной.

— Что за шумъ? Кто кричитъ? Что случилось? болѣе съ досадою, чѣмъ тревожно спросилъ Симоновъ.

Варинька была нѣма отъ ужаса, и только молча могла указать на окно.

Вбѣжалъ Сапугольцевъ, сопровождаемый двумя унтеръ-офицерами.

— Что у насъ случилось? спросилъ Симоновъ.

— Ваше высокоблагородіе, несудьи требуютъ хлѣба или сача...

— Сдаться! Сдаться! вскричалъ старый комендантъ, сжавъ кулаки и поблговъвъ отъ негодованія... Мы хотимъ сдаться разбойникамъ!.. А! а вымъ дамъ сдаться!.. Я васъ... Что солдаты?

— Команда ждетъ вашихъ приказаній!

— Спасибо... Солдатская совѣсть помнить свой долгъ... Веди меня Санугольцевъ... Веди—я ихъ!

— Что ты дѣлаешь! вскричала Марья Ивановна, поблдивъвъ при мысли о той опасности, которой подвергался ея мужъ... Они убьютъ тебя, Владиміръ Петровичъ...

— Убьютъ, матушка... Все можетъ случиться, голодный человекъ это бѣшеный!

— Не ходи, Владиміръ Петровичъ... не губи себя отецъ родной! звыла старушка.

— Что ты, Машенька, рехнулась никакъ! Да развѣ можно это... Слынешь ревать какъ... Видишь, какъ я имъ понадебился... Прощай... Молись?.. Ну, ребята, спасибо!.. Веди меня скорѣе... Ей ты, Силковъ, бѣги на валъ, къ орудію, и по моему знаку стрѣлай... Ты, Саногольцевъ, доведи меня до крыльца, отправляйся... Тутъ старикъ что то шепнулъ на ухо солдату, добавивъ: «и перекрестясь, съ Богомъ!»

Женщины въ нѣмомъ отчаяніи слѣдили испуганнымъ взглядомъ за удаляющимся старикомъ.

Въ корридоръ къ коменданту присоединились нѣсколько человекъ офицеровъ съ обнаженными саблями, и Сила Львовичъ. Окруженный и поддерживаемый ими, Симоновъ вышелъ на подъѣздъ.

— Надо сдаться! Мы умираемъ съ голоду! Хлѣба! Сладка! зарывала сотня голосовъ, навстрѣчу коменданту.

— Ахъ вы безумные... Вотъ я васъ! спокойно и тихо сказалъ старикъ. Обойдите друзья мои, со своими взводами, по флангамъ и съ тылу этой сволочи, продолжалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ. Приказаніе Симонова было исполнено съ удивительною быстротою, такъ что старикъ до сдачи не успѣлъ еще одинъ разъ спросить хлѣба, какъ ужъ былъ окруженъ штыками. Но эта мѣра, казалась; только усилила наслѣдственность и отчаяніе несчастныхъ. Съ воплемъ угрозъ они повторили свое требованіе.

— Молчать! Крикнулъ Симоновъ.

Далекій глухой ропотъ проблжалъ въ толпѣ.

— Чего вы хотите, дѣтушка? ласково спросилъ онъ.

— Хлѣба или сдаться! отвѣчали страдальцы, забывая въ мѣкахъ гонимъ долгъ свой.

— Хлѣба? Вы знаете, началъ комендантъ, у меня его нѣтъ, стало

быть бесполезно его от меня и сирашивать... Мое семейство не может терпеть нужды, и благодареніе Всевышнему, сносить испытаніе безъ ропоту. Сдаться я не могу, и еслибы родная мать умирала на рукахъ моихъ, мучась всѣми страданіями голодной смерти, то и ею я пожертвовалъ бы моему долгу. Скажите, за что же мы измѣнимъ нашей доброй матушкѣ Царицѣ, нашей присягѣ, нашей чести, и сами, выстрадавъ, какъ герои, болѣе трехъ мѣсяцевъ, пойдемъ подъ топоры или на висѣлицу!..

— Но дѣти, жены мрутъ на глазахъ нашихъ, проклятая наше упорство! сказалъ одинъ изъ толпы.

— Отпустите, какъ добрые христіане, имъ грѣхъ этотъ; жены и дѣти ваши существа слабыя.

— Ладно, толкуй тутъ... подсахаривай! заговорили въ народѣ.

— Молчать! снова повторилъ Симоновъ... Женъ и дѣтей вашихъ, сказалъ онъ, я высылалъ за крѣпость...

— Да ихъ прогнали назадъ...

— Наконецъ, отпускалъ и васъ, измѣнниковъ! готовый умереть здѣсь одинъ, съ моими вѣрными солдатами.

— Прогнали и насъ! перебилъ тотчасъ же дерзкій молодецъ изъ народа... Говорятъ: ступайте, накормимъ и примемъ васъ тогда, когда сдаться гарнизонъ.

— Этого не случится! И первый, который осмѣлится занкнуться объ этомъ позорномъ дѣлѣ, будетъ повѣшенъ!

— Такъ мы силою разломаемъ ворота и впустимъ пугачевскихъ... Не бойся твоихъ штыковъ... Насъ въ сотню разъ больше.

— Къ воротамъ! Къ воротамъ! На словъ! крикнула толпа, готовая исполнить свою угрозу.

— Штыкъ на руку! раздалась команда взводныхъ командировъ.

— Смирно! Ни съ мѣста! сказалъ въ свою очередь Симоновъ...

Храбрецы оторопѣли и смолкли.

— Вижу, началъ старикъ, что вы потеряли честь и совѣсть! Вижу, что призвать васъ къ честному дѣлу невозможно... Не вы ли клялись мнѣ, цѣловавъ св. крестъ, что никакія муки не заставятъ васъ измѣнить Государынѣ?.. и не вы ли, выстрадавъ столько, рѣшаетесь, быть-можетъ, въ то время, какъ спасеніе наше близко, и въ дни, въ которыя страдалъ нашъ Спаситель * замянуть свое имя позоромъ, проклятіемъ Церкви и вѣрныхъ слугъ своего отечества?.. Такъ нашъ об-

* Последніа свои испытанія осажденные терпѣли на Страстной-недѣлѣ. См. От. Зап. 1838 г. № 52

кій конецъ близокъ! Клянусь, что безнаказанно вы не сдѣлаете и одного шага! Знаю и то, что вы съ своими храбрыми не устоятъ противу вашего неистовства... Такъ умремъ вмѣстѣ!..

Вниманіе безмолвныхъ слушателей росло съ каждою минутой, какъ между-тѣмъ лицо почтеннаго коменданта, одушевляясь съ каждымъ словомъ, наконецъ, сверкнуло огнемъ отваги. Съ усиленіемъ приподнявъ израненную руку, онъ указалъ на пороховой погребецъ.

— Вы думаете, сказалъ онъ, что я не ждалъ, не угадалъ вашего безсознательнаго намѣренія... Нѣтъ, я предвидѣлъ все... Молитесь! Конецъ вашъ близокъ... Сапугольцевъ съ зазженнымъ фитилемъ стоитъ надъ порохоми и ждетъ сигнала... А вонъ и сигнальное орудіе!.. На колѣни! твердымъ и громкимъ голосомъ сказалъ комендантъ, опускаясь съ окружавшими его на колѣни.

Въ толпѣ послышался говоръ, потомъ плачь, который скоро перешелъ въ рыданія.

— Помилуй насъ! Прости отецъ! Виноваты!.. Смилуйся! заговорили непокорные, ползая у ногъ старика Симонова ..

— Безумцы, сумасшедшіе! сказалъ послѣдній, неужели вы думали, что старый солдатъ не съумѣетъ отстоять свою честь?.. Настанетъ общая радость; мы скоро будемъ освобождены. . отряды близко, я вмѣю вѣрные свѣдѣнія! По домамъ! Кто явится на площадь безъ призыву, того разстрѣляю или повѣшу, а Сапугольцевъ, до дня нашего освобожденія не потушитъ своего фитиля... Вамъ я уже больше не вѣрю!.. По домамъ! повторилъ Симоновъ... Поставить караулъ у пороховаго магазина! добавилъ онъ.

И толпа страдалцевъ за свой непремѣнный долгъ, безъ говора, въ тишю молчанія, съ поникшими головами готова была разбрестись по своимъ жалкимъ лачугамъ, какъ въ эту минуту, изъ-за раздвинутаго свода команды, закрывавшей тылъ горожанъ, показался Таликовъ, измученный какою-то тяжелою ношею... За нимъ съ такою же тяжестью слѣдовало девять человѣкъ солдатъ, снятыхъ съ батареи лѣваго фланга укрѣпленія...

— Братцы... вотъ вамъ мукѣ! сказалъ знахарь, сбросивъ на землю громадный мѣшокъ съ мукою.

— Мукѣ, мукѣ! съ воплемъ неистовой радости повторили несчастные... Мы будемъ ѣсть! Будемъ сегодня сыты! кричали они... Ура Таликовъ! Спасибо Антоша! Черезъ пять минутъ вся площадь была утѣшена казанами, надъ которыми пылалъ огонь...

Таликовъ добрался до коменданта и упалъ въ ноги своего командира.

— Спасибо, Антонъ Федоровичъ! ласково сказалъ Симоновъ, вотъ ужъ братъ, какъ говорится, во-время поспѣлъ!..

— Батюшка, ваше высокородіе, не возьму большаго грѣха на душу, и лгать не хочу!.. Не я сдѣлалъ это доброе дѣло: все смастерилъ Недорѣзъ, да слуга ихъ милости... И Таликовъ указалъ на Силу Львовича.

— Какъ, мой слуга? спросилъ послѣдній... Живъ онъ, здоровъ?

— Шлетъ честной поклонъ вашей милости. Безъ него бы, какъ безъ рукъ! отвѣчалъ писарь... У него и для него все отворено.

— Такъ онъ измѣнникъ, онъ слуга пугачевскій? съ невыдержанною досадою спросилъ Симоновъ.

— Измѣнникъ, батюшка ваше высокоблагородіе для вашей пользы... Все, что можетъ, то и дѣлаетъ, не во вредъ своимъ... А ужъ нечего сказать, плутъ, какъ видно такой, что и днемъ съ огнемъ поискать такого! Морочить пугачевскихъ... прослылъ такимъ знахаремъ, что хоть кому ему за поясъ!

Сила Львовичъ съ удивленіемъ пожалъ плечами.

— Не вѣрится, сказалъ онъ... Марка дуракъ, какихъ можно называть за деньги.

— Однакожъ, батюшка, подхватилъ Таликовъ, онъ такъ разумно и болѣе дурачить людъ, что намъ три дни не спать, два дни не ѣсть— того не придумаешь...

— Такъ стало-быть муку—то онъ прислалъ? спросилъ Симоновъ.

— Онъ, батюшка, ваше высокоблагородіе... онъ.. Просто взялъ, да и вынесъ съ хутора Кузнецова, да и мою-то грѣшную душу спасъ...

— Bravo! подсказалъ Крыловъ, который въ эту минуту, оставивъ валь, подошелъ къ обществу офицеровъ.

— А ну-ко, Таликовъ, началъ Симоновъ, не слыхать о нашихъ отрядахъ, которые идутъ къ намъ на подмогу?

— Близко, отецъ-командиръ, безоблыжно говорю — близко!.. Марка, которому большую вѣру далъ Емелька, перазниохалъ многа... Онъ и Недорѣзу—то указалъ дорогу, на которой казакъ можетъ встрѣтить отрядъ Мансурова...

— Какъ? вскричалъ съ невыдержаннымъ воосторгомъ Симоновъ... Къ намъ отдѣленъ, отъ Михельсона отрядъ...

— Да ужъ вѣрно такъ, ваше высокородіе!

— И Мансуровъ идетъ сюда?

— Какъ говорить Марка... Идетъ и скоро будетъ; потому-то и уходитъ сегодня Емелька изъ городка.

— Уходить! Куда?

— Подъ Оренбургъ...

— Ну, а за него кто останется?

— Овчинниковъ и Толкачевъ...

— Да чего! прибавилъ Таликовъ... Марка обещалъ ихъ живьемъ доставить къ вашему высокородію.

— Марка! проинталъ Сила Львовичъ... Вотъ ужъ никогда не думалъ, чтобы онъ такъ ловко среди миллионовъ опасностей разыгралъ трудную роль... Ну, а обо мнѣ-то онъ помнить? спросилъ Сила Львовичъ.

— Да такъ, батюшка, помнить, что прислалъ вамъ сотню полонныхъ, командеру отцу тысячу поклоновъ, да и штофъ князярской... Вотъ онъ!

И Таликовъ вытащилъ изъ-за пазухи грезадную глиняную посудину, исполненную виномъ.

IV.

Посѣтельница. — Въ пятницу сны сбываются. — Бѣгство враговъ. — Опять Марка. — Кладъ. — Пайники. — Пешка Пугачева. — Поздравіе!

Слова Таликова или, лучше сказать, слова Марки оправдывались съ каждою минутою. Едва только офицеры разошлись отъ коменданта—довольные своею лукуловскою закускою, какъ сторожевые въ ретраншементъ донесли, что въ городѣ замѣтно особенное движеніе. Дѣйствительно нѣсколько сотенъ конныхъ, со значками, выѣхали за ворота города... Это ободрило осажденныхъ, которые удостовѣрились, что Пугачевъ отправился подъ Оренбургъ.

Настала ночь, передъ которою долго всѣ фасы укрѣпленія отдавались дымомъ крѣпостныхъ орудій, провожая картечью неприванныхъ и незванныхъ гостей. Въ полночь смолкли эти выстрѣлы. Укрѣпленіе осталось въ своемъ покойномъ положеніи. . Симоновъ, ободренный маленкою удачею, даже закурилъ свою пенку, какъ онъ ее называлъ; Крыловъ потребовалъ еще лишній стаканъ князярки; словомъ, всѣ знали, что черезъ день, а много, если черезъ три, укрѣпленіе будетъ освобождено! Населеніе крѣвости, довольное подаркомъ Таликова, разбрелась по домамъ, и площадь, до того людная страдальцами была совершенно пуста.

При свѣтѣ факеловъ, которые не угасали на валу, легко можно было видѣть каждаго проходящаго черезъ площадь...

Въ эту-то минуту, когда все и всѣ, успокоенные минутною удачею,

предались крѣпко безтревожному сну, въ укрѣпленіи можно было замѣтить женщину, которая, закутавшись въ черный плащъ, осторожно и осматриваясь, вышла изъ комендантскаго дома, направивъ шаги свои къ офицерскому флигелю.

Несчастный и больной поручикъ въ этотъ день страдалъ за всѣ дни своего отдыха отъ раскрывшихся ранъ въ плечахъ, пронизанных пулями, отъ ранъ узленного сердца. Полкъ него не было вѣрнаго Сапугольцева, съ которымъ молодой человекъ рука объ руку совершилъ столько подвиговъ, не было человека, который бы перебинтовалъ его перевязки и корпию, начинавшую, въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, востать въ мучительныя раны молодого офицера.

— Гдѣ онъ, мой добрый другъ? думалъ Полстоваловъ? Что случилось .. Ужъ не враги ли? И какъ будто бы вѣра въ остатокъ своихъ силъ, бѣдный молодой человекъ бросилъ взглядъ надежды на оружіе, висѣвшее надъ его кроватью.

Въ это мгновеніе скрипъ дверей и шумъ женскаго платья совершенно вызвалъ къ дѣйствительности изнывавшаго въ страданіяхъ Петра Николаевича.

— Варинька!.. Это вы! вскричалъ онъ, силясь приподняться...

— Тс!.. Я! отвѣчала дѣвушка, останавливаясь на порогѣ скромной комнатки Полстовалова.

— У васъ никого нѣтъ? спросила она.

— Никого! Ахъ, Варинька!.. Столько счастья!

Полстоваловъ не могъ досказать послѣднихъ словъ, онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Но когда бѣдный, умирающій поручикъ почувствовалъ, что въ его рукѣ лежитъ рука Вариньки, онъ ожилъ въ одно мгновеніе, и ожилъ совершенно.

— Такъ вы меня любите?! спросилъ онъ съ тою непринужденностью, какая дозволяется больнымъ и умирающимъ.

— Больше чѣмъ когда-нибудь, Петръ Николаевичъ! отвѣчала Варинька.

— Господи! Какъ мнѣ теперь легко! Варинька, Варинька! дрожа отъ упоенія, проговорилъ Полстоваловъ: всю мою жизнь вамъ... Правда, небольшая жертва: ея осталось немного!

— Живите, Петръ Николаевичъ, живите для моего счастья...

— Что говорите вы? съ неразгаданнымъ изумленіемъ спросилъ больной.

— Я говорю, что люблю васъ, что жизнь ваша для меня дороже моей собственной...

Полстоваловъ, измученный своими страданіями, натурально былъ сильно пораженъ словами любимой имъ дѣвушки, — и впалъ въ какое-то безсмысленное забытѣе.

Варинька испугалась этого неожиданнаго и непонятаго припадка.

Не теряя ни минуты, она обратилась къ помощи стоявшихъ предъ нею лекарствъ, и вотъ — между множествомъ подобныхъ предметовъ вниманіе испуганной и оторопѣвшей Вариньки остановилось на небольшой стклянкѣ со спиртомъ... Взять ее и броситься къ постели больного было для посѣтительницы дѣломъ одного мгновенія... Дрожая всѣмъ тѣломъ, дѣвушка заглянула въ лицо Полстовалова. Его довольно ровное дыханіе, легкій румянецъ, начинавшій выступать на щекахъ больного, и самое выраженіе въ лицѣ, все говорило, что обморокъ Полстовалова неопасенъ.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько мгновеній онъ открылъ глаза, безъ цѣли и мысли остановилъ ихъ на противоположной стѣнѣ, и совершенно забывая минувшее, довольно твердымъ голосомъ спросилъ, не поворачивая головы и не подозревая присутствія Вариньки:

— Сапугольцевъ!.. Я не бредилъ сейчасъ?... Представь себѣ, продолжалъ Полстоваловъ, какой пріятный сонъ видѣлъ я сію минуту... Будто бы у меня вотъ также темно — какъ и теперь, тебя нѣтъ, жажда мучаетъ меня... а я не могу ни встать, ни приподняться... И вдругъ входятъ Варинька... Сегодня у насъ какой день; Сапугольцевъ? А... среда?..

— Пятница, отвѣчала Варинька.

Полстоваловъ, занятый своими мыслями, даже и въ эту минуту нисколько не обратилъ вниманія на мягкость и пріятное трепетаніе отвѣчавшаго голоса.

— Пятница! повторилъ онъ. Гм... пятница... Что жъ, это хорошо, Сапугольцевъ... Талыковъ говорятъ, что на пятницу сны сбываются. Ахъ, какъ бы я былъ радъ продолжать большой, еслибы меня не обманывалъ этотъ счастливый Сила Львовичъ... Дайка мнѣ пить, товарищъ, да потомъ расскажешь, чѣмъ у васъ кончилась исторія на площади.

Дѣвушка готова была съ усердіемъ замѣнить въ эту минуту для молодого человѣка его вѣрнаго Сапугольцева, но въ комнаткѣ было такъ темно, выгорѣвшая плашка много если освѣщала полшага пространства, а Варинька не знала, гдѣ поставлено питье больного, и потому для нея теперь не было никакой возможности хранить свое инкогнито. Опасаясь однакожъ, чтобы не повторился припадокъ Полстовалова, она рѣшилась на быструю и неожиданную для него встрѣчу... Хотя съ под-

дѣльнымъ, но тѣмъ не менѣе съ громкимъ и веселымъ смѣхомъ, дѣвушка остановилась у изголовья больного.

— Что это значить? Кто здѣсь? вскричалъ Полстоваловъ.

— Я здѣсь, я! отвѣчала Варинька, сжимая руку молодого человека. Пришла васъ навѣстить, продолжала дѣвушка голосомъ, которому старалась придать тонъ безпечной веселости; а вы — злой!.. даже и узнать меня не удостоили, съ упрекомъ заключила гость.

— Не сердитесь, Варинька! отозвался покорный и совершенно счастливый поручикъ. Ей-Богу, сказалъ онъ, я не могъ узнать васъ... видите, какая у меня тьма...

— Но я вѣдь съ вами говорила...

— Ахъ, Боже мой... какой я чудакъ... Я васъ не слышалъ.

— Слышали...

— Слышалъ и молчалъ?.. Да не шутите, Варинька, не то я въ вѣкъ себя не прощу этого невѣжества... Скажите, что же вы мнѣ говорили?

— Что сегодня — пятница!.. съ плутовскою улыбкою и закусивъ свои розовыя губки, отвѣчала дѣвушка.

— А такъ вы — все слышали!.. Вы Варинька — все еще также надушь, также насмѣшница.

— А что же бы могло измѣнить меня, Петръ Николаевичъ?

— Наши общія страданія...

— О, вы справедливы... Но вѣдь эта минутная шутка не большой для меня отдыхъ за тѣ пасмурные дни, въ которые я такъ надолго разставалась съ удовольствіемъ и радостью...

— Надолго? съ неспритворнымъ изумленіемъ и небольшимъ упрекомъ спросилъ Полстоваловъ... Право, Варинька?

— Что же это васъ такъ удивляетъ... Развѣ все это время я жила въ садахъ гесперидскихъ и кушала золотыя яблоки, а не общія корки и объѣдки... Развѣ, въ то время, какъ смерть раскидала около меня столько жертвъ, въ то время, какъ всѣ, къ кому такъ привязано мое сердце—или больны, или на краю опасности...

— Развѣ Сила Львовичъ захворалъ? спросилъ Полстоваловъ, стараясь пламеннымъ пожатіемъ руки въ ту же минуту подсластить свой извительный вопросъ.

— Ревнивецъ! сказала Варинька... за это я вамъ выдеру уши... или уйду...

— Ни того, ни другого—Варинька... Знаю, продолжалъ онъ, какъ ваше сердце неравнодушно... къ...

— Тс!.. Перестаньте, все, все жжете... Скажите лучше, гдѣ ваше вино...

— Ах, да! я и забылъ. Потрудитесь, оно на окнѣ... Такъ вы говорите, продолжалъ молодой человѣкъ, принимая вино отъ Вариньки и стараясь поддержать все тотъ же разговоръ, — вы говорите, что вы очень грустны и скучали?..

— Очень, очень, другъ мой...

— И даже въ обществѣ Силы Львовича...

— Въ последнее время для меня баронъ былъ скучнее, чѣмъ кто-нибудь.

— Возможно ли! Чтѣ вы говорите?

— Истинную правду... Представьте себѣ, что онъ съ утра до вечера твердитъ о томъ, какъ ему здѣсь грустно и скоро ли онъ уѣдетъ въ Москву, гдѣ его ждетъ невѣста...

— Батюшки мои... невѣста, невѣста! почти въ бессмысленномъ восторгѣ вскричалъ Полстоваловъ. И онъ не лжетъ?

— Нѣтъ, едва удерживая свою досаду, отвѣчала дѣвушка: онъ говоритъ, что она очень хороша, что она даже очень хороша!.. Вотъ чтѣ онъ говорить...

— И говорить вамъ, — вамъ это говорить онъ, Варинька? спросилъ Полстоваловъ, особенно нажимая на слово вамъ.

— Да, мнѣ... Онъ вотъ какъ сказалъ: «Вы, Варинька, очень не дурны, вы, говорить, даже очень хороши...

— Правда, правда! шепталъ Полстоваловъ.

— «Ну, добавилъ онъ, а она лучше васъ!» почти сквозь слезы оговорила дѣвушка.

— Неправда, чѣмъ хотите поклянусь, что это неправда!

— Да почему вы знаете? невольно спросила дѣвушка.

— Почему я знаю?.. спросилъ Полстоваловъ... Да ужъ я знаю... Она не можетъ быть лучше васъ... Вѣрьте мнѣ, Варинька... Ужъ не можетъ этого быть... и Сила Львовичъ прихвастнулъ...

— Ну, да хорошо, — оставьте объ этомъ.

— Разумѣется оставьте... Какая намъ надобность до московской красавицы... Ну, положимъ, что она и лучше васъ, да зачѣмъ же это говорить, это нехорошо... Ахъ онъ, Сила Львовичъ, такой... какой онъ странный...

— Чѣмъ же, странный?

— Да какъ же—говорить: «ну, а она лучше васъ?» Во-первыхъ этого быть не можетъ, а во-вторыхъ... Ей-Богу, неприлично, Варинька... Впрочемъ мнѣ тутъ никакого нѣтъ дѣла, я вѣдь, сохрани Богъ! рѣшительно не думаю васъ ссорить съ Силою Львовичемъ... Теперь я просто счастливъ и увѣренъ въ своемъ будущемъ, теперь скажу откры-

венно, я не боюсь Силы Львовича... Ужъ, какъ хотите, не можете же онъ жениться на васъ и на московской красавицѣ... Ей же онъ предложилъ прежде свою руку...

— Онъ даже обрученъ! подсказала Варинька, не замѣчая, какъ невыгодно и какъ странно было бы ей поддерживать сбыточность вопросовъ Полстовалова... Онъ даже обрученъ! повторила она.

— Ну, вотъ видите, какъ и мы съ вами! Замѣтилъ Полстоваловъ.

— Да, да!

На этомъ *да*, оба говорившіе умолкли. Различныя мысли волновали ихъ души. Варинька, обратившись къ тому счастливому времени, когда Полстоваловъ формально назвался женихомъ ея, не могла безъ чистаго раскаянія вспомнить, сколько этотъ бѣдный и скромный человекъ вынесъ тоски, минутныхъ но глубоко падавшихъ въ душу его обидъ—съ появленіемъ Силы Львовича. Полстоваловъ, въ свою очередь, былъ также погруженъ въ думу, но мысли его не были тревожны ни раскаяніемъ, ни грустными воспоминаніями. Довольный своимъ открытіемъ, ласкою Вариньки, и наконецъ, безопасностію, съ которою Сила Львовичъ общался ему приходъ дѣвушки, — поручикъ мечталъ только о днѣ своего выздоровленія, о днѣ снятія осады, и наконецъ о днѣ свадьбы... Только при послѣдней мысли, онъ позволилъ себѣ сдѣлать вопросъ: «Простила ли меня Варинька, за тѣ подозрѣнія, которыми я разрушила наше счастье?» подумалъ Полстоваловъ, обвиняя только самого себя во всѣхъ минувшихъ встрѣчахъ съ Варинькою, кончившихся недоразумѣніемъ и капризомъ. Этотъ же вопросъ, повторенный вслухъ, заставилъ дѣвушку понять всю глубь доброты и наивной простоты поручичьяго сердца...

— Забыла, рѣшительно забыла! поспѣшила отвѣчать Варинька... И къ чему намъ вспоминать теперь объ этомъ, продолжала дѣвушка: я пришла къ вамъ не съ желаніемъ говорить вамъ упреки, такъ же и не затѣмъ, чтобы самой ихъ слышать отъ васъ... Всему будетъ свое время! съшаловавною наивностію замѣтила Варинька... Вотъ выздоравливайте скорѣй, Петръ Николаевичъ... Дядюшка такъ груститъ за васъ...

— Скоро, скоро! отвѣчалъ Полстоваловъ... Теперь я совершенно ожилъ...

— Тел!.. Пстойте! Что это? съ испугомъ спросила Варинька... Слышите, какой шумъ на улицѣ!

— Да, да!.. Что бы это значило?

— Неужели опять...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я слышу ясно, что народъ кричитъ «ура»!..

— Такъ, такъ! продолжала Варинька, подбѣгая къ окну, въ кото-

рое уже затянулось свѣтъ утра. на улицахъ всѣ цѣлуются, обнимаются... что за причина? какое счастье постигло нашу крѣпость?

— Съ большимъ праздникомъ честь нѣю поздравить, ваше благородіе! весело сказалъ вошедшій Сапугольцевъ.

— Какой праздникъ, Сапугольцевъ, какой? въ голосъ спросили Полстоваловъ и Варинька.

— Съ валу видно, какъ измѣнники со всѣхъ ногъ торопятся уходить изъ городка... Такая тамъ идетъ суматоха, что разлюди, ваше благородіе...

— Что же значить это бѣгство?..

— А то, что отрядъ Мансурова въ четырехъ верстахъ отъ городка разбилъ пять тысячъ разбойниковъ и идетъ сюда... Недорѣзъ привелъ вѣннухъ голубчиковъ... Молодецъ сію минуту промчался мимо укрѣпленія съ пятью человекани—вѣрно бойкихъ поддѣлъ?

Между-тѣмъ въ городкѣ волненіе и ужасъ измѣнниковъ росли съ каждою минутою. Бросая награбленное добро, злодѣи, уже нѣсколько дней оставленные Пугачевымъ, являлись на перваго встрѣчнаго коня и уходили въ степь. Главные налеты: Овчинниковъ, Толкачевъ и Голованъ, несмотря на свою отвагу и запальчивую дерзость, не могли остановить бѣгущихъ и увѣрить ихъ, что слухъ о приближеніи линейныхъ войскъ несправедливъ. Неправда, говорили илецкіе и горожане, теперь поздно... никто не воротился изъ нашихъ, послѣ вчерашней баталіи вѣдъ городомъ.

— Не слушай ихъ, братцы, — уходи! кричали другіе: вонъ какая пыль взвилась подъ городомъ! Плохо намъ, плохо!

Большая часть горожанъ, вида наконецъ, что настала часъ ихъ наказанія, бросились съ повинною къ крѣпости, прося Симонова не казнить, помиловать ихъ горемычныхъ.

Комендантъ прислалъ сказать, что тогда только они могутъ ждать помилованія, когда приведутъ къ нему главныхъ измѣнниковъ.

Не зная еще этого условія, на которое съ радостію были согласны горожане, трое главныхъ налетовъ, не торопясь выбирались изъ города, въ то время, какъ по пятамъ ихъ спѣшилъ Недорѣзъ со своими молодцами. У городскихъ воротъ Голована, всегда нетрезваго въ опасности, узналъ Марка, которому крѣпко хотѣлось оказать еще одну и, быть-можетъ, послѣднюю услугу осажденнымъ. Именно, мнимый знахарь, далъ Недорѣзу слово задержать на нѣсколько минутъ старшинъ въ условномъ мѣстѣ, по выѣздѣ изъ города, съ тѣмъ, что по всѣмъ расчетамъ, если ужъ не Недорѣзъ, то горожане успѣютъ заарканить Толкачева и Овчинникова.

— Куда, кормильцы! вскричалъ Марка, раскилась съ Голованецъ

— На уходъ, пріятель!.. Видишь, какъ пришло намъ жутко!

— Вижу, отецъ родной, вижу! Хоть-бы кто-нибудь изъ васъ, за мою службу, прихватилъ меня къ себѣ на стремя... Не бери грѣха на душу... выручи товарища!

— А что думаешь, отозвался Овчинниковъ, вѣдь человѣкъ-то нужный... Иди ко мнѣ, пріятель! сказалъ онъ, сдерживая своего коня.

Марка ловко ухватился за луку казачьяго сѣдла и повисъ на немъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ-будто бы онъ обронилъ какую-либо драгоценность.

— Стой, товарищи! вскричалъ онъ.

— Что еще?

— Вѣдь ужъ намъ сюда не воротиться... За что же я отдамъ ворованъ кладъ мой... Давай, примемся за него... Все годится на дорогу!

— Кладъ? спросилъ Голованъ... Какой кладъ?..

— Около пуда золота, отвѣчалъ Марка... и отсюда рукой подать...

— Да вѣдь ты говорилъ, нашему шлепкому казаку, что твой кладъ зарытъ на хуторѣ Кузнецова, а туда братъ еще добрыхъ четыре версты переходу! сказалъ Толкачевъ.

— Эва! вскричалъ Марка... Стану я такихъ молодцовъ атамановъ, какъ престаго казака, подбивать какою ни-на-есть дрянью.. Тотъ кладъ передъ этимъ такая же невидная крошка, какъ я передъ твоею шлепкою... съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Марка.

— Ну ладно, ладно, веди, укажи! замѣтилъ жадный Овчинниковъ... Я, пожалуй, непрочь друзья! сказалъ онъ, не безъ боязни оглядываясь на городъ.

— Да и я бы не положилъ охулки на руку! подсказалъ Голованъ.

— А какъ насъ накроютъ! перебилъ Толкачевъ.

— Кто? запальчиво вскричалъ Овчинниковъ. Стыдись, старшина, продолжалъ онъ... Не думаю, чтобы кто-нибудь рѣшился гнаться за нами и ловить насъ...

— Къ тому же теперь всякій за себя долженъ хлопотать, подхватилъ Голованъ.

— Вотъ, наша твоя милость время, осмѣлился замѣтить Марка, обращаясь къ Толкачеву, нашелъ время думать о томъ, чтобы насъ сталъ кто-нибудь ловить... Теперь у всякаго своя забота, и о чужой головѣ думать некогда...

— Ну, такъ къ дѣлу! перебилъ нетерпѣливый Голованъ. Укажи намъ путь-дорогу къ кладу.

— Да вот онъ, отцы благодѣтели... Вотъ онъ не за горами, радостно сказалъ Марка. Вотъ, продолжалъ онъ, бугорокъ, а въ-право отъ него курганъ... тутъ и есть...

— Какъ! на курганъ? подозрительно спросилъ Овчинниковъ.

— Такъ-таки на самой вышкѣ и есть, хладнокровно отвѣчалъ знахарь.

— Но помилуй, повторилъ Овчинниковъ, мы тутъ будемъ на такъ открытою мѣстѣ, что насъ за версту можно видѣть.

— Точно такъ же, какъ и сами мы не лишены того же удобства! подхватилъ неосторожный Толкачевъ, отуманенный жаждою богатства.

— Вѣстимо такъ! поддакнулъ Голованъ... Если насъ будутъ видѣть, то увидимъ и мы...

— Вотъ съ разумными—то людьми какъ-то и пиво—то скоро заканаетъ! льстиво примолвилъ Марко, оставляя стремя Овчинникова. Здѣсь, степь, товарищи! сказалъ онъ. Коней-то мы привяжемъ—и за дѣло.

— А послушай, чертовщины и наводеній не будетъ? спросилъ Толкачевъ.

— Развѣ малую толику, отвѣчалъ Марко, фальшиво сбатовывая коней, которые легко могли распутать уздечки произвольно.

Знахарь засучивъ по локоть рукава своего кафтана, надвинулъ шапку на брови, что было предложено одѣлать и товарищамъ на случай какого-либо наводенія, и готовъ былъ уже приступить къ дѣлу, какъ Овчинникову, менѣе храброму, чѣмъ его пріатели, показалось, что будто бы въ голыхъ кустахъ баялиша, омушавшаго курганъ, кто-то шевелится... Назвѣдникъ еще не успѣлъ высказать своихъ подозрѣній, какъ изъ кустовъ съ пронзительнымъ визгомъ выпрыгнулъ малевкій Неулыбинъ и бросился на лошадей. Испуганные кони, фыркнувъ, прынули въ сторону и стрѣлою понеслись вдоль по опушкѣ лѣса, къ хутору Кузнецова. Въ одно мгновеніе ловкій Марка успѣлъ сообразить, что они въ засадѣ, а если не на прицѣлѣ Недорѣза, то все-таки кто-нибудь долженъ быть тутъ въ дружбѣ его. Съ этою мыслию знахарь кубаремъ скатился внизъ и прямо упалъ въ ноги Недорѣза, сопровождаемаго шестью отчаянными удальцами...

— Избитна! Засада! крикнули пугачевскіе...

— Проклятый плутъ! зарывалъ Голованъ, хватаясь за свою саблю.

— Ни съ мѣста! зашѣталъ Недорѣзъ, въ то время, какъ изъ-за лѣса его пять ввнатовокъ саблей оградой загородили дорогу двинувшимся было съ мѣста Толкачеву и Овчинникову...

— Отступай, товарищи! крикнулъ Голованъ.

— Сдайся—лучше! подхватилъ Недорѣзъ.

— Да и отступить—то некуда!.. на кладъ наступимъ! насмѣливо сказалъ Марка, указывая на толпу горожанъ, которая съ крикомъ бѣжала къ кургану.

Голованъ съ презрительною улыбкою взглянулъ на своихъ товарищей, лившихся отъ ужаса памяти и употребленія языка.

— Ужъ лучше сдаться своему брату казаку, сказалъ онъ, обращаясь къ Толкачеву, чѣмъ отдаться въ руки тѣхъ, которые не нашли другой оказіи выручить свою голову, какъ подставивъ нашу.

Съ этими словами старшина бросилъ восторону свою саблю, и протянувъ къ Недорѣзу руки, безпечно промовилъ:

— Важи, братъ! Много бѣдъ надѣлалъ... Довольно кувшину по воду ходить!

Овчинниковъ и Толкачевъ не защищались... Связанныхъ, съ воплемъ радости, толпа горожанъ повлекла ихъ къ Симонову.

Проходя площадью, плѣнники встрѣтили передовой отрядъ Мансурова, въ ногахъ котораго съ воплемъ о пощадѣ валялись виновные горожане. Ворота крѣпости уже были отперты; у нихъ толпились бабы, ребятишки, казаки, солдаты и офицеры... Одни несли коровакъ хлѣбовъ, свинину, масло, другіе принимали это давно невиданное сокровище...

Проходя посадомъ, занимаемымъ когда-то Пугачевымъ, Недорѣзъ едва удержалъ слезу, готовую было повизнуть у него на рѣсницѣ... У окна избы онъ встрѣтилъ блѣдную и встревоженную Устинью, съ которой обмѣнялся молчаливымъ, не выразительнымъ взглядомъ; тутъ же у дома Пугачева, окруженнаго крѣпкимъ карауломъ, горько плакалъ, сидя на завалинкѣ—старый Родіонычъ.

За стѣнами укрѣпленія, со дня освобожденія, Яикскаго городка отъ осады, все приняло свой прежній, спокойный, радушный и такъ—сказать семейный видъ. Оправившійся отъ ранъ Симоновъ попрежнему велъ бесѣду съ задушевнымъ другомъ Крыловымъ. Марья Ивановна штопала чулокъ и грустила въ отсутствіи Мостовщикова о томъ, что ей не съ кѣмъ уже дремать такъ дружно и такъ усердно предлагать: «Не хотите ли понохать?» Варинька не отходила отъ постели Полетовалова, начинавшаго выдирать вѣки. Молодые люди, къ пыткѣ и терзанію хотя великодушнаго, но тѣмъ не менѣе больнаго и страдающаго сердца Сметъ Львовича, казалось, были совершенно счастливы... Сила Львовичъ, можно сказать, почти не жилъ въ укрѣпленіи. Съ утра до вечера, сопровождаеніи своего Марка, бродилъ онъ или по героду, или по намъ, и только ночью возвращался къ своей постели, встрѣчая на крѣ-

востнемъ валу—старого знаконца Недеръза, который, какъ помѣнан- ный—неподвижно и ничѣмъ въ мірѣ не развлекаемый глядѣлъ, не сводя глазъ, на домикъ, изъ котораго подъ конвоемъ увезли Устинью и отца ея въ Казань.

Горе, которое грызло сердце барона, заключалось въ невозможности оставить укрѣпленіе. Симоновъ наставлялъ, чтобы племянникъ дождался поминки Пугачева, утверждая, что окрестныя дороги очень не безопасны. Не столько изъ страха, снова нести ремесло доктора и сидѣть въ ямѣ, какъ изъ уваженія къ старику, Сила Львовичъ ждалъ, выѣсть со всѣми, для всѣхъ благодѣтельной кары преступника...

Наконецъ, однажды въ осенній вечеръ, въ укрѣпленіи сдѣлалось особенная суматоха. Симоновъ въ мундирѣ, несмотря на свои раны, прыгнулъ въ сѣдло и съ отборными офицерами и казаками поскакалъ загородъ... Причиною этого торжественнаго поѣзда былъ въѣздъ въ городокъ генералъ-поручика Суворова, въ-послѣдствіи знаменитаго Рым- нискаго героя! По распоряженію Императрицы—генералъ шелъ добить пугачевскую шайку... Но въ ту же ночь, въ Яикѣ, былъ привезенъ скованный Пугачевъ и представленъ къ Симонову. Емельку выдали его же слуги, уральцы Чумаковъ и Федюловъ...

Съ первыми лучами солнца въ этотъ день двѣ телеги и нѣсколько оставшая отъ нихъ бричка выѣзжали изъ города... Первая, окружен- ная сильными конвоемъ неслась легкой рысью, въ ней заключенъ былъ возмутитель при-уральскаго края. Во второй, на простой кожанной полушкѣ, рядомъ съ адъютантомъ, ѣхалъ невзыскательный Суворовъ... Въ бричкѣ сидѣли наши знакомцы Сила Львовичъ и Марка, на козлахъ Фомичъ...

Крѣпостной валъ былъ полонъ народа. Впередѣ всѣхъ можно было замѣтить Симонова, рядомъ съ нимъ Полстовалова на плечо котораго опиралась его молодая жена Варвара Николаевна...

— Теперь скоро они скроются изъ города, замѣтилъ Полстоваловъ.

— Да, да! съ грустію отвѣтилъ старый Симоновъ, радъ я, что отъ одного гостя Богъ забавлялъ, а за другаго грустно... душой полюбилъ Силушку, умный, добрый человекъ, благородный... У! какой благород- ный! Знаешь-ли... Тутъ Симоновъ, нѣсколько минутъ поговоривъ шепотомъ съ изумленнымъ Полстоваловымъ, добавилъ: каковъ?.. ка- кая обширная дума, батинька!

— Да! сказалъ Полстоваловъ, нѣжно взглянувъ на жену, я дога- дывался, я предвидѣлъ, что это съ его стороны жертва.

— Те... те!. Молчи! Не говори Варѣ... скажешь послѣ, когда

будешь звать насъ изъ крестины, а те именуемо, что еще и просвется сердце.

А махну-тъмъ Сила Львовичъ, отъбчая наклономъ на знамя, которыми провожалъ его бѣлый платокъ Вариньки, со вздохомъ говорилъ про себя:

— Зачѣмъ я не поручикъ? Для чего я не поручикъ седьмой команды?.. Съ кѣмъ ты кланялся, Марка? вдругъ спросилъ онъ.

— Отдаю честный и послѣдній поклонъ, сударь, Недорѣзу... Молодежь-то впередъ насъ, провожаетъ до Симбарска своего кровного недруга... Тутъ небадъ разъединился. Телеги довернули къ Гниловскому форпосту, а бричка Силы Львовича, легко подпрыгивая на неровной дорогѣ, покатила къ Авраамову скиту.

— Марка! Поправь мнѣ очки! сказалъ баронъ, бросивъ послѣдній и выразительный взглядъ на выжженный городъ....

ШАФЕРЪ.

ПОВѢСТЬ ШАРЛЯ БЕРНАРА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, весеннимъ, свѣжимъ утромъ, молодой человекъ пріятной наружности, хорошо сложенный и съ благородными манерами, вышелъ изъ парижскаго дилижанса за два лье отъ Провенса (Provins). Мѣсто, гдѣ онъ вышелъ, нельзя было назвать ни деревней, ни равниной: направо и на лѣво отъ дороги было разбросано бездна дачъ, окруженныхъ парками или садами, смотря по состоянію владѣльцевъ.

Оглядѣвшись кругомъ, путешественникъ подозвалъ къ себѣ молодого крестьянина, шедшаго за каретой, всунулъ ему въ руку монету, а на плечо взвалилъ свой чемоданчикъ, и отправился къ одной изъ дачъ. Крыша этого сельскаго жилища была выведена терассой, въ итальянскомъ вкусѣ, и украшена четырьмя гипсовыми статуями, представлявшими четыре времени года и поставленными по четыремъ угламъ зданія, въ такомъ порядкѣ, что Бернарденъ де-Севъ-Пьеръ нашелъ бы все это полнымъ гармонію; а именно: весна стояла на востокѣ, осень на западѣ, лѣто на югѣ, зима на сѣверѣ. Путеводимый скульпторной аллегоріей, молодой человекъ счастливо выбрался изъ лабиринта дорожекъ и тропинокъ, гдѣ, безъ этого, онъ непременно запутался бы. Пять минутъ спустя, онъ очутился передъ желѣзными воротами, охраняемыми двумя глиняными львами; черезъ рѣшетку сада онъ могъ окончательно узнать, гдѣ находится. Увѣрившись, что не ошибся, онъ обмахнулъ пыль

съ сапоговъ, поправилъ галстухъ, за неимѣніемъ гребня разчесалъ волосы пальцами, однимъ-словомъ, сдѣлалъ туалетъ на скорую руку, и наконецъ позвонилъ.

— Это домъ г. Симара? спросилъ онъ какого-то парня въ родѣ работника, примазаннаго и пріодѣтаго по праздничному, который растворилъ ему дверь.

— Хозяина нѣтъ дома, отвѣчалъ грубо мужикъ, удерживая за ошейникъ огромную черную меделянскую собаку, не столь мирной наружности, какъ сосѣди ея, львы, и которая, безъ зазрѣнія совѣсти, громкимъ лаемъ заглушала разговоръ гостя со слугою.

Выведенный изъ терпѣнья, молодой человѣкъ поднялъ палку и ударилъ ею по мордѣ собаку. При такомъ неожиданномъ наказаніи собака такъ сильно рванулась, что слуга полетѣлъ къ дверямъ; потомъ съ минуту посмотрѣла на молодого человѣка, какъ-будто собиралась его съѣсть; но при видѣ палки, которая поднималась вторично, она вдругъ сдѣлала полукругъ назадъ, и опустивъ хвостъ и уши, спряталась въ кануру.

— За что вы бьете нашего Солимана, что онъ вамъ сдѣлалъ? спросилъ деревенскій дворникъ, полу-слуга, полумужикъ, скорѣе грубымъ, чѣмъ твердымъ тономъ.

Вмѣсто отвѣта, молодой человѣкъ взялъ чемоданъ свой съ плеча своего носильщика и однимъ взмахомъ руки перебросилъ его на плечо изумленному крестьянину.

— Если господина Симара нѣтъ дома, сказалъ онъ погоды немного, то господинъ Тесье долженъ быть дома; сведи меня къ нему въ комнату и сходи за нимъ.

Покоряясь повелительному тону гостя, слуга повиновался, хотя и ворчалъ себѣ что-то подъ носъ.

Чтобъ вымѣстить на комъ-нибудь злость свою, слуга, проходя мимо кануры Солимана, толкнулъ его презрительно ногою; тогда собака, оскорбленная въ своей засадѣ, съ яростію выскочила оттуда, и въ одну минуту превратила въ камзолъ сюртукъ обидчика.

— Страшно подумать, что мамзель Селестина любитъ этого разбойника Солимана, и что надо выбирать одно изъ двухъ: или позволять кусать себя этой проклятой собакой, или лишиться своего мѣста! Жаль что ваша палка не совѣтъ раскроила ей морду! вскричалъ мужикъ, не подозрѣвая несчастья, приключившагося его праздничному наряду.

— А! такъ мамузель Селестина любитъ собакъ? сказалъ въ полголоса путешественникъ. Но какъ же задитъ она съ Тесье, который ихъ терпѣть не можетъ? Впрочемъ, любовь чудеса дѣлаетъ!

Пройдя дворъ и сѣни, уставленные кадками съ апельсинными и персиковыми деревьями, молодой человекъ взошелъ на лѣстницу, довольно красивую; потомъ въ концѣ корридора перваго этажа остановился и безъ церемоніи отворилъ дверь, когда человекъ сказалъ ему:

— Здѣсь.

Когда онъ вошелъ въ комнату, первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ человекъ, сидящій за письменнымъ столомъ, облокотясь локтями на люпитръ и опустя голову на руки; ухо его было украшено перомъ, на манеръ конторскихъ прикащиковъ; онъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи передъ огромной чернильницей и тетрадь протечной бумаги, испачканой съ верху до низу кляксами и странными арабесками.

— Ахъ, это ты! сказала задумчивая особа, повернувъ голову: я ждалъ тебя. Матье, поставь чемоданъ въ уголъ и ступай.

— Я самъ, отвѣчалъ путешественникъ, когда слуга вышелъ: я прилетаю на твой призывъ, чтобъ держать брачный покровъ надъ головой твоей. Когда же свадьба?

— Кажется завтра подписываютъ контрактъ, отвѣчалъ мрачно Тесе.

— Тебѣ кажется! Следовательно ты не увѣренъ? Впрочемъ, тутъ нечему удивляться: съ твоимъ нерѣшительнымъ характеромъ ты никогда не знаешь, что будешь дѣлать завтра.

— Садись, любезный Драмонъ, и побесѣдуемъ, сказалъ, вздыхая, Тесе. Я нахожусь въ страшномъ недоумѣніи. Вообрази, когда я объявилъ тебѣ, что женюсь на Селестинѣ Синаръ, я былъ въ припадкѣ восторга; я видѣлъ будущность сквозь призму, отбрасывающую радужный отблескъ на брачный грунтъ существенности.

— Однимъ-словомъ, ты хочешь сказать прозою, что перевернулъ медаль. Ну что жъ ты тамъ видишь?

— Адеское существо! вскричалъ Тесе, и сталъ судорожно жевать перо, которое вынулъ изъ-за уха.

— Ты говоришь о невѣстѣ? спросилъ Драмонъ смѣясь.

— Говори тише: насъ насъ могутъ подслушать; можетъ-быть, стѣны эти обладаютъ ушами.

— Эге! ужъ не въ жилищѣ-ли мы Нерова? Ну, успокойся; вотъ мы сидимъ теперь рядомъ. Слушай: бьюсь объ закладъ, что напередъ знаю твою тайну: ты вѣрно нашелъ дефицитъ въ приданомъ?

— Напротивъ, у Селестины чистыми деньгами шесть тысячъ ливровъ дохода, а отецъ ей даетъ столько же; между-тѣмъ какъ я считывалъ всего на девять или на десять тысячъ.

— Такъ, можетъ-быть, ты открылъ что-нибудь не совсемъ доброе въ твоёмъ будущемъсѣе мействѣ; итъ-ли тамъ какого-нибудь сумасшед-

шаго или повѣшеннаго, или, можетъ-быть, какого-нибудь бѣднака параличнаго, котораго надо содержать.

— Фи! Какъ это можно! Симары и Валоны считаются самыми честными, добрыми и нравственными людьми всей провинціи.

— Такъ вѣрно ты замѣтилъ, что корсетницѣ надмуазель Селестины нужно призывать на помощь все свое искусство, чтобы скрыть какую-нибудь не граціозную кривизну...

— Какое безуміе! Талию Селестины можно сравнить вотъ съ этимъ молодымъ топодемъ, который качается отъ вѣтра, сказалъ Тесье, указывая въ садъ.

— Такъ ты узналъ, можетъ-быть, что какой-нибудь двоюродный братецъ опередилъ тебя въ ея сердцѣ?

— У нея нѣтъ двоюродныхъ братьевъ, и я совершенно увѣренъ, что она никогда никого не любила.

— Исключая Солимана.

— Ты знаешь Солимана! вскричалъ Тесье, вскочивъ со стула. Ужъ не укусилъ-ли онъ тебя?

— Напротивъ, я его прибилъ.

— Другъ! благодарю тебя. На этотъ разъ ты угадалъ; проклятое это животное было первою причиною всего моего горя.

— Какъ это?

— Ты знаешь, что я вообще терпѣть не могу животныхъ, а въ особенности собакъ. Вѣрно Солиманъ угадалъ это по лицу моему, потому-что съ самаго перваго дня моего пріѣзда онъ показываетъ ко мнѣ страшную ненависть, и не упускаетъ ни одного удобнаго случая, чтобы броситься на меня. Сначала я улыбался, потомъ принужденъ былъ дѣлать гримасы, и наконецъ сталъ просить, чтобъ Солимана привязали въ его кануръ. Господинъ Симаръ охотно-бы согласился на мою просьбу; но Селестина приняла сторону Солимана, наговорила мнѣ бездну неприятностей, сказала, что я несправедливо хочу лишить его свободы, что у меня жесткое сердце, нечувствительная душа, что во мнѣ нѣтъ никакого снисхожденія, и такъ далѣе. . . Вотъ ужъ недѣля, какъ продолжается эта глупая ссора. Каждый день она возобновляется и ведетъ за собою бездну споровъ, которыхъ я напрасно стараюсь избѣгать. Наконецъ, этотъ проклятый песъ сдѣлался въ женитьбѣ моей настоящимъ камнемъ преткновенія. Хорошо, еслибъ онъ только лаялъ; но вѣдь онъ кусается!..

— Ты съ ума сошелъ, отвѣчалъ Драмонъ, пожимая плечами. Ужъ не намѣренъ ли ты окончательно поссориться съ невѣстой изъ-за собаки? Въ такомъ случаѣ извѣстно, какъ надо поступать; это очень

просто. До свадьбы давай ису пирожки, а послѣ свадьбы дай шарикъ, отъ котораго онъ... понимаешь?

— Я ужь объ этомъ думалъ, и съ этой стороны горю можно еще пособить; но меня приводитъ въ недоумѣніе и страхъ поведеніе Селестины въ этомъ случаѣ. Тебѣ извѣстно, что характеръ особенно выказывается въ мелочахъ, а въ Селестинѣ, какъ я замѣтилъ, преобладаютъ живость, духъ противорѣчія, раздражительность и даже вспыльчивость; всѣхъ этихъ качествъ она не постаралась скрыть отъ меня, и это, признаюсь, наводитъ меня на самыя грустныя размышленія на счетъ моего будущаго счастья. Если она теперь такая, что-же будетъ послѣ?

— Ты полагаешь, что она зла?

— Зла! Нѣтъ, но капризна, своенравна и неблагоразумна, какъ избалованный ребенокъ. Ты увидишь ее и скажешь, преувеличиваю ли я ея недостатки, потому-что Селестина не умѣетъ ихъ скрывать; она очень откровенна, и я увѣренъ, что не позже, какъ сегодня, она доставитъ тебѣ случай узнать себя насквозь. Ты не думаешь жениться, Франсисъ, и очень хорошо дѣлаешь: ты избавляешь себя отъ многихъ непріятностей.

— Миѣ жениться! вскричалъ Драмонъ, который во-время разговора открылъ чемоданъ, чтобъ переодѣться. Миѣ жениться! Что за мысль! Бракъ пристань, а я пока люблю еще море. Ты женишься, и хорошо дѣлаешь, но для меня брачный часъ еще не насталъ...

— Что и говорить, чудная роза! замѣтилъ, подсмѣиваясь, Тесеъ.

Драмонъ расхохотался и вынулъ изъ чемодана платье, изъ кармана котораго выпала въ эту минуту желтая засохшая роза и упала на полъ. Молодой человѣкъ поднялъ ее, и посмотрѣвъ на цвѣтокъ, съ одушевленіемъ сказалъ:

— Ты говоришь о розахъ, вотъ тебѣ роза на лицо; легка на поминѣ, и кажется, нарочно затѣмъ, чтобъ напомнимъ миѣ, что я еще недостойнъ думать о бракѣ. Видишь ли, любезный Аристидъ, хоть я и могу казаться вѣтренникомъ, однако въ сущности я удивительно какъ благоразуменъ. Я рѣшился, женившись однажды, любить жену свою, составить ея счастье. Но чтобъ рѣшиться на такой важный шагъ, я хочу быть увѣреннымъ въ самомъ-себѣ.—

— Что жъ общаго между твоими словами и этимъ гадкимъ желтымъ цвѣткомъ, который ты, вѣроятно, украдъ со шляпы какой-нибудь шестидесятилѣтней красавицы.

— Гадкій цвѣтокъ! сказалъ Драмонъ, нюхая безпечно розу: роза эта ниѣла свой разцвѣтъ жизни и красоты. Теперь она завяла и засыхла; но за немѣніемъ благоуханія, она издаетъ для меня такой за-

пахъ, который я назову философскимъ запахомъ. Она напоминаетъ мнѣ мою слабость; разсматривая ее, я повторяю поученія мудрости и нравственности. Однимъ-словомъ, знаешь ли, что говорить мнѣ эта роза?

— Ужъ не принимаешь ли ты меня за персіанина? сказалъ Тесье съ досадою.

— Она говоритъ мнѣ, продолжалъ Драмонъ: не женись еще, погоди. Но тутъ цѣлая исторія, а я не хочу мѣняться съ тобой ролями, потому-что не мнѣ, а тебѣ слѣдуетъ рассказывать. Я пріѣхалъ сюда, чтобъ быть твоимъ шаферомъ, свидѣтелемъ при брачномъ договорѣ, другомъ, новѣреннымъ, наперникомъ, однимъ-словомъ, твоимъ вѣрнымъ Пиладомъ. Слѣдовательно, за тобой должна остаться привилегія разсказовъ, описаній, амплификацій и другихъ бредней. Такъ начинай же, я вооружился терпѣніемъ; а главное, не конфузьясь, говори все откровенно. Да, вѣдь ты мнѣ еще не сказалъ, какіе глаза у мадмуазель Селестины, черные или голубые.

— Нѣтъ, расскажи прежде свою исторію; можетъ-быть она разсвѣтъ мѣня, прогонитъ мои мрачныя думы. Симара теперь нѣтъ дома, Селестина Богъ знаетъ гдѣ гуляетъ съ своей кузиной; слѣдовательно, до обѣда ты успѣешь мнѣ рассказать эту исторію.

— Хорошо, отвѣчалъ Драмонъ, продолжая перемѣнять свое дорожное платье на болѣе щегольской нарядъ. Такъ слушай же. Два мѣсяца тому, или около того, Бейро, котораго ты знаешь, Мервиль, и еще нѣсколько добрыхъ малыхъ согласились со мною ѣхать повеселиться въ маскарадъ Оперы. Замѣть это: повеселиться въ маскарадѣ Оперы! Чтобъ имѣть подобную претензію, надо было возбудить фантазію винными парами. Зато мы и накатились; смотри не ошибься въ значеніи этого слова: я подразумѣваю тутъ не грязное пьянство, не неистовую оргію, но то состояніе веселой, радостной экзальтаціи, въ которое изящный обѣдъ Веры, окропленный холоднымъ шампанскимъ, можетъ погрузить съ полдюжины молодыхъ людей, совершенно здоровыхъ и тѣломъ и душой.

Въ такомъ воинственно-веселомъ расположеніи мы вошли въ Оперу, съ поднятою къ верху головою и готовностію болтать на-пропалую, съ сверкающимъ взоромъ и красными щекками; мы толкали локтями мужчинъ и напѣвали любезности женщинамъ; однимъ-словомъ, искали приключеній, какъ волкъ въ баснѣ; только его скорѣе можно было извинить, чѣмъ насъ, потому-что онъ былъ голоденъ. Надо тебѣ сказать, что, противъ маскараднаго правила, многимъ изъ насъ показалось милымъ нарисовать себѣ усы жженой пробкой; мнѣ и Мервилью особенно понравилась эта граціозная идея, и желая осуществить ее какъ

можно рельефнѣе, мы наклеили себѣ фальшивые носы, такъ, что насъ невозможно было узнать. Насъ принимали, вѣроятно, за подгулявшихъ ремесленниковъ, почему никто и не хотѣлъ съ нами ссориться, и мы могли свободно предаваться нашей веселости.

Мнѣ скоро надоѣло такого рода удовольствіе и стало совѣстно ходить съ такимъ носомъ; но я боялся снять его, чтобъ меня не узнали; я вышелъ изъ залы, взмошелъ наверхъ и сталъ ходить по корридорамъ, гдѣ началъ разыгрывать роль наблюдателя, прикладывая лицо свое поочередно къ каждому окошечку ложъ. Я переходилъ изъ яруса въ ярусъ, продолжая это довольно глупое занятіе, и кончилъ тѣмъ, что остановился у дверей ложи третьего яруса. Тамъ сидѣли двѣ дамы, совершенно одинаково одѣтыя въ черное домино; обѣ онѣ были не велики ростомъ, и такъ похожи другъ на друга съ перваго взгляда, что необходимо было посмотрѣть на знакъ, которымъ онѣ вооружились, вѣроятно для какой-нибудь интриги, чтобъ можно было отличить ихъ другъ отъ друга. У одной, сверхъ перчатки, было надѣто изумрудное кольцо; другая держала желтую розу.

— Вѣрно эту! Остальное угадываю, перебилъ Тесеъ.

— Все не угадываешь! Рѣдко случается, чтобъ двѣ женщины вмѣстѣ внушали страхъ или уваженіе, особенно въ маскарадѣ. Я усталъ стоять, а тутъ представлялся прекрасный случай сѣсть; впрочемъ дверь была полуотворена и казалось говорила: войдите! Я взялся за ручку, дверь скрипнула, домино повернули головы и одно изъ нихъ вскрикнуло, какъ-будто вызывало на разговоръ; по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, и потому я сѣлъ рѣшительно; потомъ я началъ разговаривать, и пустился въ масляничныя любезности, успѣхъ которыхъ не подлежалъ долговому сомнѣнію. Сначала дамы не отвѣчали, и повидимому были испуганы; потомъ онѣ начали перешептываться, смѣяться потихоньку надъ глупостями, которыя я имъ отпускаялъ, и наконецъ, кончили тѣмъ, что начали отвѣчать; такимъ-образомъ разговоръ завязался. Особенно домино съ желтою розою принимало въ немъ такое живое участіе, которое показалось бы мнѣ наивнымъ всюду, кромѣ маскарада. Спутница ея, повидимому, поскромнѣе, потому-что, вѣроятно, была постарше, наклонялась по временамъ къ уху своей собесѣдницы и шепотомъ совѣтовала ей умѣрить свою веселость; тогда обѣ онѣ наклонились на балюстраду ложи, какъ-будто желая прекратить разговоръ, и блуждали взорами по залѣ съ какимъ-то безпокойствомъ.

Выборъ труденъ, когда дѣло идетъ о двухъ домино; мой выборъ былъ однако уже рѣшенъ, если предположить, что приключеніе это должно было имѣть развязку. Отъ самой незнакомки, принявшей эм-

блеском цвѣтокъ, вѣяло такимъ свѣжимъ благоуханіемъ молодости; смѣхъ ея былъ такъ звонокъ, такъ прстосердеченъ, голосъ такъ звучно-ѣдокъ, движенія такъ живы, выходки такъ неожиданны, что мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ она не была красавица. Оставляя дальнѣйшія справки, я отдалъ ей сердце, и въ замѣнъ этого возненавидѣлъ другое домино, которое, несмотря на свою благородную осанку, произвела на меня непріятное впечатлѣніе, напоминая собою старую душеньку. Многіе любятъ нечетное число, но влюбленные ненавидятъ его, и совершенно справедливо. Чтѣ до меня касается, я проминалъ въ душѣ это несносное третье лицо, отъ котораго не зналъ какъ отдѣлаться, какъ вдругъ въ эту минуту сильный ударъ кулака чуть не выломилъ дверь ложы. Дамы вздрогнули.

— А! каждому своя часть! сказалъ кто-то голосомъ, подобнымъ мяуканью кошки.

Я обернулся и увидѣлъ краснаго, какъ піонъ, Мервиля, страшный, приклеенный носъ котораго чуть было не упалъ въ ложу черезъ окошечко двери.

— Не отворяйте! сказали дамы.

Я бы и не отворилъ, еслибъ не сдѣлалъ въ эту мину слѣдующаго размышленія: одинъ и три составляютъ четыре, а когда находишься я вчетверомъ, то остаешься только вдвоемъ.

И такъ я отворилъ тому, кого считалъ своимъ союзникомъ, но скоро раскаялся въ своей глухости. Уходя изъ залы, я оставилъ Мервиля въ фойе, и несчастный подбавилъ себѣ тамъ бодрости. Въ эту минуту онъ былъ не въ состояніи выслушать или выговорить порядочное слово. Зная грубость его въ подобномъ случаѣ, я предчувствовалъ непріятную сцену; но было уже поздно набѣжать ее. Не обращая вниманія на знаки, которые я дѣлалъ ему, Мервиль не слѣлъ, а почти упалъ на порожній стулъ, захохоталъ полудержкимъ и полубезсмысленнымъ тономъ, сталъ дышать шумно, какъ будто хотѣлъ набрать въ себя воздуха, и заговорилъ такимъ высокимъ слогомъ, что дамы немедленно встали.

— Отворите намъ, сказали онъ мнѣ въ одинъ голосъ, который дрожалъ отъ страха или гнѣва.

Я обернулся, чтобъ исполнить ихъ желаніе, потому-что никогда не могъ быть невѣжливымъ съ женщинами, даже во-время парнавала.

— Ты съ ума сошелъ! закричалъ Мервиль. Если эти дамы дурны собой, то пускай отираются; если же, напротивъ, хорошенькія, то, вѣроятно, не откажутся отъ вкуснаго ужина. Я умираю съ голоду. И такъ, мои прощечки, пречъ маски!

Онъ намѣревался было присоединить дѣло къ слову, но я едвой

рукой усадил его на стулъ, а другой отворилъ дверь, къ которой обѣ маски, какъ испуганныя лавы, бросились со всѣхъ ногъ. Мервиль, взбѣшенный такой развязкой, съ отчаяннымъ усиліемъ приподнялся со стула, и протянулъ руку къ убѣгающимъ дамамъ; случайно или нарочно онъ задрлъ рукой за одну изъ масокъ и сорвалъ ее. Домино съ желтою рзкою, потому-что Мервиль съ него сорвалъ маску, обернулось поспѣшно, и я остолбенѣлъ, обомлѣвъ отъ восторга: предо мной стояла совершенная красавица; лицо ея оіяло прелестью, молодостью и гнѣвомъ, а глаза, черныя какъ кашинонъ, подъ которыми они еще старались укрыться, казались двумя неподвижными молніями. Созерцаніе мое не долге продолжалось. Вырвать маску изъ рукъ Мервиля, дать ему тяжелоушибную пощечину, какую ни Морфиза, ни Клоринда не дали бы съ болѣею граціею, выскочить изъ ложи и захопнуть съ трескомъ дверь, все это было для разгнѣванной красавицы дѣломъ одной минуты.

— Чортъ воамъ!.. оплеуху... лучший другъ... дуэль на смерть... оплеуху!.. бормоталъ Мервиль, падая противъ воли въ кресла.

Не обращая вниманія и не понимая несвязныхъ восклицаній моего товарища, котораго по дѣломъ отдѣлали, (и что окончательно спутало всѣ его идеи), я бросился въ коридоръ, чтобъ догнать дамъ; но размашированная фея исчезла съ своей пріятельницей. Вдругъ на ступенькахъ лѣстницы я увидѣлъ розу, и не переставая бѣжать, поднялъ ее; сначала она навела меня на слѣдъ своей обладательницы; но толпа однообразныхъ домينو загородила мнѣ дорогу при входѣ въ фойе, такъ что мнѣ невозможно было отыскать ихъ. Послѣ двухъ часовъ напрасныхъ и бесполезныхъ поисковъ, я уѣхалъ изъ маскарада, не заботясь о своихъ товарищахъ, и возвратился домой, занятый прелестнымъ личикомъ незнакомки, которую не успѣлъ даже хорошенько рассмотреть; она до того наполняла всѣ мои мысли, какъ-будто со мной случилось первое насмардное приключеніе.

Въ часъ пополудни Бейро вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Въ состоянн ты меня выслушать? сказалъ онъ мнѣ серьезно.

— А что случилось? спросилъ я его въ свою очередь.

— Развѣ ты забылъ, что случилось нынѣшнюю ночь?

— Нѣтъ, не забылъ, и даже думалъ объ этомъ, когда ты вошелъ.

У этой малютки чудные глаза; такихъ черныхъ глазъ я отъ роду не видывалъ.

— Тутъ дѣло не о глазахъ, а пощечинѣ, которую ты далъ Мервилу.

Я громко захохоталъ.

— Я право не вижу, что находишь ты тутъ смѣшнаго; пощечина

остается пощечиной, даже и тогда, когда может извиниться виномъ; следовательно, ты понимаешь, что Мервиль, несмотря на дружбу свою къ тебѣ, не можетъ сохранить на память пощечину, которою ты его наградилъ; онъ считаетъ дуэль необходимою, и я пришелъ отъ его имени. Мнѣ очень непріятно, что я принужденъ передавать подобныя посланія; во всякомъ другомъ случаѣ я бы, вѣрно, исполнялъ роль примирителя; но ты долженъ понимать, что примиреніе тутъ невозможно. Я не думалъ, чтобъ вино на тебя такъ задорно дѣйствовало; какая муха укусила тебя? У бѣднаго Леона-щека вотъ какъ распухла.

Я снова захохоталъ; потомъ рассказалъ исторію, какъ она случилась, опровергая такимъ образомъ странное мнѣніе, впечатлѣвшееся, отъ виновныхъ царовъ, въ мозгу нашего пріятеля. Онъ принялъ даму съ желтою розою за меня. Бейро захохоталъ виѣстѣ со мною, и мы отправились къ Мервилю, рассчитывая, что онъ посмѣется виѣстѣ съ нами надъ этимъ забавнымъ приключеніемъ, и примирится съ своимъ злополучіемъ. Мы застали его передъ каминомъ, въ большихъ креслахъ; онъ съ яростію мѣшалъ уголья, какъ-будто придумывалъ тайный ударъ противъ дровъ, горящихъ въ каминѣ; ящикъ съ пистолетами, въ сообществѣ двухъ шпагъ, на столѣ, доказывалъ смертоносныя намѣренія, которыя и безъ того ясны были по яростному взгляду, съ которымъ онъ меня встрѣтилъ.

— Зачѣмъ не взяли вы съ собою секунданта? спросилъ онъ насъ отрывистымъ тономъ.

Я хотѣлъ объяснить его ошибку; но онъ не захотѣлъ меня слушать. Бейро тоже пытался заговорить, и въ свою очередь принужденъ былъ замолчать.

— Вы хотите меня увѣрить, что все это я во снѣ видѣлъ, началъ кричать упрямый Мервиль, съ бѣшенствомъ разъяренного льва. За ребенка что ли вы меня принимаете? Правда, что въ ложѣ были двѣ дамы, правда и то, что я снялъ маску съ одной изъ нихъ; по этому вы видите, что я въ полной памяти; что же до оплеухи... то ею я обязанъ Драмону, и онъ отдастъ мнѣ за нее отчетъ, хотя ему и угодно сваливать теперь вину на маленькое домино. Да съ какою еще силой онъ ударилъ меня!.. Будто я не знаю, что такое пощечина женщины!.. и не умѣю различить ее отъ мужской; женская пощечина громко раздается, но не причиняетъ боли; а эта пощечина чуть было не вывернула у меня глаза. Только мужская рука способна бить съ такою силою, а въ ложѣ, кромѣ Драмона, не было другихъ мужчинъ; следовательно, онъ далъ мнѣ оплеуху, а не кто другой. Кажется это ясно? Теперь, вы мнѣ, вѣроятно, скажете, что мы слишкомъ хорошо пообеда-

ля, что онъ былъ пьянъ, и что, наконецъ, мы съ нимъ друзья? Глѣзъ хуже! Ни дружба, ни кутѣжъ не могутъ извинить подобнаго оскорбленія. Мнѣ надо крови, чтобъ смыть оплеуху со щеки моей. Такъ, сдѣлайте милость, безъ разговоровъ, безъ фразъ... вотъ оружіе; возьмемъ его, заѣдемъ за Борегаромъ или Терси, и въ Булонскій лѣсъ.

Боже получасу я уговаривалъ этого безумнаго; наконецъ терпѣніе мое лопнуло.

— Хорошо! пусть будетъ по твоему! ѣдемъ въ Булонскій лѣсъ! вскричалъ я въ свою очередь. Нынѣшнюю ночь тебя ужъ проучили за твою дерзость, а я беру на себя вылечить тебя отъ безумія. Ты хочешь сдѣлать меня отвѣтчикомъ за оплеуху, которую тебѣ дали; ну, хорошо, я принимаю на себя эту отвѣтственность, потому-что нахожу, что ты заслужилъ пощечину. Иди же смывать пятно со щеки своей. Я готовъ.

Краснорѣчивое это преніе кончилось дуэлемъ въ тотъ же день. Последствія его тебѣ извѣстны. Правая рука Мервиля еще до-сихъ-поръ подвязана. Рана протрезвила его. Теперь онъ убѣжденъ, что если ударъ шага, которымъ онъ поставилъ меня въ необходимость наградить себя въ-самомъ-дѣлѣ мужскаго свойства, то пощечина, въ замѣну того, совершенно и достовѣрно слетѣла съ женской руки; такъ что мы остались друзьями; но онъ поклялся, что никогда больше не поѣдетъ со мною въ маскарадъ.

— А домино съ желтою розой? спросилъ Тесье, который, чтобъ разсѣять себя отъ брачныхъ заботъ, старался принять участіе въ разсказѣ своего друга.

— Съ тѣхъ поръ я не видалъ ее, отвѣчалъ разскачикъ, хотя бо-
лье трехъ недѣль бѣгалъ по всѣмъ публичнымъ собраніямъ, въ надеждѣ встрѣтить ее.

— Такъ ты влюбленъ въ нее?

— Влюбленъ! Да, влюбленъ, если хочешь, какъ влюбляются въ женщину, съ которою знакомятся въ маскарадѣ.

— Такъ ты не знаешь, кто она?

— Я бы принялъ ее за танцовку или актрису; но она еще такъ молода и такой ослѣпительной свѣжести, что предположеніе это становится невозможнымъ. Я увѣренъ, что бѣлила и румяны никогда не лачкали эту розу. По правдѣ сказать, двѣ женщины, которыя однѣ, безъ провожатаго, рыскаютъ въ маскарадѣ, невольнo подвергнутся справедливому подозрѣнію. Я боюсь, что моя красавица, одно изъ тѣхъ преле-
стныхъ созданій, которыя кромѣ красоты не имѣютъ никакихъ материальныхъ и нравственныхъ капиталовъ. А жаль! Она такъ хороша,

и еще так молода! Но Парижъ страшная бездна... Кто бы она ни была, только невозможно вообразить себѣ существо восхитительнѣе этой женщины. Я не могу забыть выраженія ея лица въ ту минуту, когда съ нея сорвали маску. Ахъ, еслибъ я умѣлъ рисовать! Вообрази себѣ самый чистѣйшій типъ итальянской красоты, озаренной гнѣвомъ, роскошный, какъ картина, освѣщенная жгучимъ, полуденнымъ солнцемъ; волосы, черные, какъ у креолки; дѣтскій ротикъ, чуть-чуть выказывающій ожерелье живыхъ перловъ, которые какъ-будто хотятъ раздавить другъ друга отъ негодованія; на щекахъ вся свѣжесть весны, во взорѣ вся неукротивость льва.

— Ты нарисовалъ портретъ Селестины, самъ того не подозревая, замѣтилъ Тесье. Иногда и у нея бываетъ львиный взоръ, и тогда...

— Въ такомъ случаѣ я тебя поздравляю; невѣста твоя должна быть восхитительна; но для тебя, я желалъ бы, чтобъ сходство это останавливалось на этомъ, и не шло далѣе.

— Можетъ-быть, ты несправедливо клеветешь на свою незнакомку; можетъ-быть, она очень нравственная женщина, что даже видно по тому, какъ она обошлась съ Мервилемъ.

— Пощечина еще ничего не доказываетъ.

Объединный звонокъ прекратилъ разговоръ двухъ друзей. У Сямаръ: обѣдали въ часъ. Они сошли въ столовую, гдѣ нашли хозяина дома, которому Тесье представилъ своего друга, въ качествѣ будущаго шафера. Сямаръ былъ толстый человекъ, добродушной наружности; красное лицо его докладывало о совершенномъ и вожденномъ здравіи, которому нисколько не вредило поклоненіе бутылкѣ. Онъ явился къ гостямъ въ простомъ нарядѣ помѣщика, давно поссорившагося съ парижскимъ этикетомъ. Сюртукъ неизвѣстной матеріи и неизвѣднаго цвѣта составлялъ главную часть его наряда; довершали его нанковыя панталоны и одна изъ тѣхъ деревенскихъ фуражекъ, которыя какъ-будто дѣлаются по фасону страбургскаго пирога. Сямаръ торговалъ прежде мѣхами; но онъ оставилъ эту торговлю нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и обладалъ какъ качествами, такъ и недостатками, особенно свойственными этому почтенному классу людей. Какъ всѣ люди, общественная важность которыхъ можетъ подлежать сомнѣнію или опроверженію, онъ очень дорожилъ своими гражданскими правами; какъ избиратель, онъ подавалъ свой голосъ смотря по тому, что говорилъ журналъ, его политическій совѣтникъ; какъ присяжный, онъ филантропически обманывалъ свою совѣсть, когда дѣло шло о приговорѣ къ смерти; затенпрокуроръ обыкновенно отстранялъ его въ уголовныхъ дѣлахъ; какъ

членъ національной гвардіи, онъ дослужился до чина подпоручика, обидя чинъ капрала; разработывая гряды въ саду своемъ, онъ сравнивалъ себя мысленно съ Цинцинатомъ, и взглядъ на ленточку почетнаго-легіона срывалъ съ губъ его кисло-сладкую улыбку, потому-что труды его промышленной жизни и служба въ національной гвардіи казались ему достаточными правами на эту награду; но онъ рѣшился не просить ее.

Чтобъ докончить въ нѣсколькихъ словахъ эскизъ этого характера, надо сказать, что Синаръ вставалъ рано и ложился поздно; онъ ненавидѣлъ шаркуновъ, приходилъ въ умиленіе при воспоминаніи о Лафайетѣ, и читалъ романы Поль-де-Кока. Однимъ-словомъ, Синаръ былъ добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ и провелъ большую часть жизни въ повиновеніи женѣ. Со времени вдовства своего, онъ вручилъ домашнюю власть Селестинѣ, и былъ ея покорнѣйшимъ рабомъ, несмотря на то, что по временамъ покушался возставать противъ этой власти; но это случалось очень рѣдко, и развязкой такой выходки всегда бывала еще большая покорность капризамъ молодой дѣвушки.

— Что скажешь ты о моемъ будущемъ тестѣ? спросилъ Тессе своего друга, пока Синаръ разговаривалъ съ другимъ гостемъ, человекомъ лѣтъ сорока, высокимъ, худымъ и почти плѣшивымъ.

— Кажется, онъ хорошій человѣкъ; я увѣренъ, что онъ играетъ въ лото.

— Нѣтъ не играетъ; но онъ удитъ рыбу.

— Вотъ именно что въ немъ хорошо! Нельзя желать лучшаго тестя.

Въ эту минуту дверь въ столовую отворилась и въ нее вошли три женщины; Драмонъ взглянулъ на первую, но взоръ его скользнулъ только по ней, потому-что это была старуха, и перешелъ на вторую, хорошенькую блондинку, лѣтъ двадцати пяти; но почти въ ту же минуту впялся въ последнюю, которая и тогда заслужила бы это исключительное вниманіе, еслибъ даже нельзя было узнать въ ней невесту. Эта молодая дѣвушка была такъ свѣжа, такъ гибка, такъ рѣзва, въ ней проглядывалъ такой еще ребенокъ, что глядя на нее, такъ и хотѣлось оведомиться у ней о здоровьи ея куклы. Правильное и вмѣстѣ съ тѣмъ миловидное лицо ея соединяло въ себѣ и пламенную чистоту римскаго типа и граціозное кокетство простодушныхъ красавицъ Греза. Въ глазахъ ея была, такъ-сказать, двойная красота. Въ большихъ черныхъ зрачкахъ таялась вѣчная гроза, и хотя по временамъ въ нихъ и вспыхивала молнія, однако не помрачала прозрачности ихъ свѣтлой, бриллиантовой воды; глаза эти походили на глаза младенца въ колыбели.

Это смѣшеніе пылкости, ума и простодушія, спокойствія и страсти, лукавства и невинности придавали взору Селестины такое восхитительное выраженіе, что его немногіе изъ мужчинъ могли бы выдержать безнаказанно.

Одѣтая въ хорошенькое розовое платье, въ которомъ какъ-будто отражался румянецъ ея щекъ, живая, гибкая, граціозная во всѣхъ своихъ движеніяхъ, Селестина, скользя по паркету также быстро, какъ-будто танцевала галошъ, подошла къ столу, отвѣтила на поклонъ мужчинъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, которымъ должны были всѣ довольствоваться, и не посмотрѣвъ ни на жениха своего, ни на гостя, который кланялся ей, сѣла за столъ съ самоувѣренностью опытной хозяйки. Маленькой, бѣлой и сильной ручкой она открыла миску, откуда вылетѣло благоуханное облако пару, а другою схватила серебряный колокольчикъ, на звонъ котораго немедленно явился дворецкій, который исполнялъ нѣсколько должностей въ домѣ господина Симара.

Всѣ гости сѣли; только одинъ Драмонъ стоялъ неподвижно, съ удивленіемъ во взорѣ и съ полуоткрытымъ ротомъ.

— Потрудитесь сѣсть подлѣ моей дочери, сказалъ ему во второй разъ хозяинъ дома.

Вмѣсто отвѣта Драмонъ поклонился, но не сѣлъ и остался въ прежнемъ положеніи.

— Ну, что за бѣда, если вы даже и пообедали, продолжалъ съ гостепріимною настойчивостію Симаръ, который былъ немного тугъ на ухо; на дачѣ можно обѣдать и два раза въ день.

Драмонъ разсѣянно улыбнулся, какъ будто согласился на такое предложеніе; но онъ не пошевелился и не вымолвилъ ни слова; можно было подумать, что языкъ его прилипъ къ зубамъ, а сапоги къ паркету. Всѣ глаза устремились на него, а Селестина, разливавшая супъ, остановилась и посмотрѣла на молодого человѣка, который, увидѣвъ ее, остолбенѣлъ такимъ образомъ. Но лицо Селестины выражало только одно насмѣшливое любопытство, свойственное всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ.

— Рѣшительно, этотъ господинъ не хочетъ быть моимъ сосѣдомъ, сказала она шопотомъ, наклонясь къ бѣлокурой дамѣ, сидѣвшей почти напротивъ ея.

— Что съ тобою, Франсисъ? спросилъ Тессе, приписавшій непонятное поведеніе своего друга внезапному болѣзненному припадку.

— Прошу извинить меня, сказалъ наконецъ Драмонъ, выходя изъ остолбененія: я бываю иногда до того разсѣянъ, что дѣлаюсь смѣшенъ...

— Можетъ-быть, какія-нибудь воспоминанія?.. перебила хорошенькая блондинка, съ сострадательною вронією, которую обыкновенно чувствуютъ женщины при видѣ красиваго, задумчиваго молодого человѣка.

Наконецъ Драмонъ сѣлъ; онъ взглянулъ на милую насмѣшницу, которая въ эту минуту подносила стаканъ къ губамъ своимъ, и отъ движенія этого изумрудное кольцо, надѣтое на рукѣ ея, засіяло тысячею огнями. При видѣ этого кольца новый гость Симара такъ неожиданно вдрогнулъ, что ложка задрожала у него въ рукѣ и онъ пролилъ супъ на скатерть. Селестина, боясь, чтобъ Драмонъ не запачкалъ ея платья, быстро отодвинула свой стулъ, съ беспокойствомъ посмотрѣла на свое розовое платье, и успокоившись на счетъ его неприкосновенности, громко захохотала, не стараясь даже удерживать своего смѣха.

Франсисъ посмотрѣлъ на свою сосѣдку серьезно и пытливо; потомъ обратясь къ блондинкѣ, и остановивъ на ней свой черные зрачки, какъ будто хотѣлъ пронзить ее ими до глубины души, сказалъ строго:

— Воспоминанія, сударыня?.. *Можетъ-быть!*

Молодая женщина съ минуту молчала и съ изумленіемъ глядѣла на Драмона, какъ будто онъ говорилъ съ нею по-гречески или по-арабски.

— Я васъ не понимаю, сказала она наконецъ, улыбаясь и безъ малѣйшаго волненія.

— А вы, сударыня, понимаете меня? продолжалъ Драмонъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ, и дѣлая удареніе на этой фразѣ почти насмѣшливымъ тономъ.

Селестина открыла во всю величаву свои свѣтлые глаза.

— Если эта шарада, то обратитесь къ папа, онъ гораздо скорѣе меня отгадаетъ ее, отвѣчала она потомъ, вполне увѣренная, что шаферъ, выбранный женихомъ ея, не совсѣмъ въ полномъ умѣ.

— Шарада! посмотримъ, что за шарада, вскричалъ Симаръ, у котораго отъ радости уши заходили, какъ у лошади, при звукѣ трубы.

— После ѣды, если позволите, отвѣчалъ Драмонъ, сохраняя въ лицѣ выраженіе непонятной вроніи.

— Честное слово, онъ съ ума сошелъ, думалъ Тесье, опуская голову на тарелку, такъ ему было совѣстно за своего друга, страннаго наперъ котораго онъ никакъ не могъ понять; и чтобъ заставить его вести себя прилично, онъ подъ столомъ толкнулъ его ногою.

Драмонъ улыбнулся съ стоицизмомъ.

— Дуракъ! подумалъ онъ въ свою очередь: ты поражаешь своего генія! Онѣ не узнаютъ меня, а я ихъ узналъ, и на этотъ разъ самъ

сорву съ нихъ маску! Благословляю тебя, мой картонный носъ! ты даешь мнѣ надъ этими двумя сиренами такую власть, какую даетъ волшебнику его талисманъ. Мы сидимъ за столомъ, такъ станемъ ѣсть; но я приготовляю имъ для десерта сцену подраматичнѣе какой-нибудь шарады; потому-что, по совѣсти, я не могу допустить, чтобы мой бѣдный Ари- стидъ женился на какой-нибудь маскарадной крысѣ.

Когда чинять водосточныя трубы, или мостовыя, предусмотрительная полиція обыкновенно предостерегаетъ несчастія неосторожныхъ, огордивъ яму и навѣсивъ надъ нею фонарь.

Присутствіе Селестины въ маскарадѣ Оперы казалось ему чѣмъ-то непозволительнымъ; онъ поклялся проникнуть эту тайну, и поставить, въ случаѣ нужды, неумолимый фонарь истины передъ ямой, въ которую Тесье, повидимому, готовъ былъ упасть.

Озабоченное лицо Драмона и пустая ссора, продолжавшаяся уже нѣсколько дней между будущими супругами, набросили какую-то холодность на все общество. Выйдя изъ-за стола, всѣ сошли въ садъ.

Селестина взяла за руку хорошенькую блондинку, бѣгомъ увлекла ее въ дальнія аллеи, и предаваясь тамъ безумному смѣху, удерживаемому до-сихъ-поръ приличіемъ, обѣ пріятельницы начали разсуждать о новопрѣзжемъ и толковать его странномъ поведеніи. Оба друга тоже сошлись по обоюдному вдохновенію.

— Ну что, какъ она тебѣ нравится? спросилъ Тесье съ гордостью, которую не могъ скрыть, потому-что въ эту минуту прелести Селестины заставляли его забывать ея недостатки.

Въ присутствіи третьяго лица мужчина больше всего цѣнитъ красоту своей возлюбленной.

— Очень хороша, обворожительна, отвѣчалъ холодно Драмонъ: но скажи, сдѣлай милость, что это за особа, которая сидѣла за обѣдомъ противъ меня?

— Это мадамъ Реньо, кузина Селестины и жена этого высокаго... который разговариваетъ съ моимъ тестемъ.

— Кажется, она очень дружна съ мадмуазель Синарѣ?

— Какъ нельзя больше. Она гоститъ здѣсь лѣтомъ, а Селестина проводитъ у нея зиму въ Парижѣ. Всего шесть недѣль, какъ онѣ возвратились оттуда.

— А!.. у этой дамы такое выраженіе лица!... Сейчасъ видно... что у нея пречувствительное сердце? А мужъ, съ своей стороны, обла- даетъ тоже... характеристической фізіономіей.

— Они очень согласно живутъ другъ съ другомъ.

— Это не мѣшаетъ...

— Что намъ за дѣло? Поговоримъ о Селестинѣ... Такъ ты находишь, что она—восхитительна.

Вѣдь ужъ я сказалъ тебѣ это; но...

— Но?

— Я не совѣтую тебѣ на ней жениться.

— Это почему? спросилъ сухо Тесье. Нерѣшительность характера соединялась у него съ противорѣчіемъ, и въ эту минуту кандидату въ мужья было немножко досадно на своего друга за то, что онъ не приходитъ въ надлежащій восторгъ отъ его невѣсты.

— Да потому, что ты самъ открывалъ въ ней много недостатковъ, отвѣчалъ Франсисъ: развѣ ты не говорилъ сегодня утромъ, что она раздражительна, вспыльчива и даже взбалмошна?

— Все это ребяческіе недостатки, которые я легко исправлю, когда сдѣлаюсь ея мужемъ. Вспомни, что ей минуло только восемнадцать лѣтъ; къ тому же я преувеличивалъ... Такъ если у тебя нѣтъ другихъ причинъ...

— Какъ не быть!.. есть.

— Какія-же? скажи ради Бога!.. Ты мучишь меня своимъ озбоченнымъ видомъ и запутанными словами, въ которыхъ ничего не разберешь.

— Завтра скажу, а до-тѣхъ-поръ постарайся доставить мнѣ случай поговорить наединѣ съ твоей невѣстой.

Арлетта съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего друга.

— Просьба преоригинальная, сказалъ онъ, помолчавъ немного. Впрочемъ, дѣлай что хочешь, я не стану тебя ревновать; но мнѣ невозможно доставить тебѣ случая переговорить съ Селестиною: развѣ ты не видишь, что она на меня дуется и не говоритъ со мною?

Молодые люди замолчали.

— Гдѣ онъ? спросилъ вдругъ Франсисъ, отыскивая глазами дамъ, которыя только что вышли изъ саду.

— Вѣрно въ бильярдной.

— Пойдемъ туда; мнѣ кажется... мы сегодня вовсе не любезны... что онъ объ насъ подумаютъ?

Друзья, въ свою очередь, возвратились въ комнаты.

Проходя сѣни, они услышали стукъ бильярдныхъ шаровъ, раздававшихся въ сосѣдней комнатѣ, что доказывало, что Тесье не ошибся. Они отворили дверь и увидѣли Селестину, которая встрѣтила ихъ съ веселымъ смѣхомъ; она выиграла партію.

— Мы станемъ играть всѣ четверо, вскричала Селестина съ жи-

востью, характеризовавшю всё ея движенія. Я буду играть съ кузиной, а господа эти противъ насъ, и я не допущу, чтобъ они выиграли.

— Я протестую противъ такого условія, отвѣчалъ, улыбаясь, Франсисъ; впрочемъ, партія въ бильярдъ должна основываться на правилахъ кадрия. Еслибъ мы танцовали теперь, то, вѣроятно, вы не приговорили бы меня быть кавалеромъ Аристеда, вмѣсто того, чтобъ самой дать мнѣ руку?

Мысль, что женихъ ея будетъ танцовать за даму еще больше развеселила Селестину, которая рѣшила, что надо бросить жребій, кому съ кѣмъ играть. Слѣпой случай, къ которому обратились, повидному была ясновидящей, потому что соединила какъ партнеровъ будущихъ супруговъ. Партія началась. Драмонъ игралъ съ безпечною челоуѣка, увѣреннаго въ своемъ превосходствѣ; Тесье же, напротивъ, рассчитывалъ каждый ударъ, какъ-будто дѣло шло о чемъ-нибудь очень важномъ, и отъ этой побѣды зависѣло многое въ его жизни.

Объ кузины, съ своей стороны, принимали въ игрѣ то живое участіе, которое обыкновенно чувствуютъ женщины, когда дѣло идетъ объ удовольствіяхъ, которыми, повидному, имѣютъ право пользоваться только одни мужчины.

Особенно Селестина съ дѣтскою страстью слѣдила за каждымъ ударомъ, за каждымъ шаромъ. То взволнованная, то огорченная, то торжествующая, молодая дѣвушка вызывала своихъ противниковъ, бранила союзника, не щадила и собственной неловкости, сердилась, когда не сбѣялась, и сбѣялась, когда гвѣвъ проходилъ; можно было подумать, что счастье всей ея жизни зависѣло отъ выигрыша или проигрыша партіи.

— Вотъ странная невѣста, да и характерецъ живой, нечего сказать! думалъ Франсисъ, который больше занимался партнеркой своего друга, чѣмъ игрой, и изучалъ Селестину со всѣхъ сторонъ. Чудная упряmica! Какое сокровище для влюбленнаго! но зато, какой бичъ для мужа!

Игра кончалась, и Селестина заранѣе прыгала отъ радости. Еще три очка и партія выиграна: красный шаръ стоитъ на краю блузы; слѣдовательно побѣда несомнѣнна.

Тесье слѣдовало играть: онъ медленно нагибается и прицѣливается съ свойственнымъ ему тщаніемъ. Въ эту самую минуту, Селестина, прыгая отъ нетерпѣнія, положила, къ несчастію, пальцы на закраину бильярда, какъ-будто хотѣла ускорить этимъ паденіе шара въ блузу. Эта бѣленькая, трепещущая ручка отвлекла отъ игры вниманье игрока,

который, не дотронувшись даже до красного шара, положил свой собственный въ блузу и такимъ-образомъ кончилъ игру, проигравъ партію.

Селестина вскрикнула, топнула ногой, и бросила гнѣвный взоръ на женка своего.

— Вы самый противный, самый ненавистный человекъ! сказала она: такую партію каждый ребенокъ выигралъ бы! Вѣроятно вы это сдѣлали нарочно, чтобъ взбѣсить меня?

— Я глядѣлъ на васъ... отвѣчалъ Тесье съ сокрушеннымъ видомъ.

— Для чего было глядѣть на меня? Вѣдь я не гляжу на васъ? Я говорю и повторяю, что вы это нарочно сдѣлали, чтобъ разсердить меня, потому-что когда играете противъ меня, то не кладете на себя шаровъ.

— Зато мы выиграемъ слѣдующую партію.

— Выигрывайте ее одни: я не играю больше.

Сказавъ это, избалованная дѣвушка бросила на полъ кій, подошла къ окну и начала барабанить по стекламъ. Аристидъ умолялъ глазами мадамъ Реньо; но та, какъ-будто не понимая, что онъ проситъ ее посредничества, сѣла на диванъ, съ котораго можно было слѣдить за игрой, потому-что диванъ стоялъ на возвышеніи, противъ самаго бильярда.

— Ну, господа, начинайте играть, сказала она: я буду рада поучиться.

— Позабавимъ этихъ дамъ, Франсисъ! вскричалъ Тесье съ досадою.

Селестина поспѣшно повернула голову.

— Вы вовсе не забавны, особенно для меня, сказала она, и снова принялась барабанить по стекламъ.

Въ порывѣ досады, Тесье началъ играть, какъ ни попало, и пускать шары со всего размаху. Самые ценетовые удары, самые непомытные дублеты, самые взбалмашные караμποли, однимъ-словомъ — все ему удавалось.

Сидя на возвышеніи, мадамъ Реньо насмѣшливо улыбалась, какъ-будто въ тайнѣ радовалась несогласію будущихъ супруговъ. Драмонтъ въ это время покорялся своему поражению и посматривалъ однимъ глазомъ на Селестину, пальцы которой продолжали ходить по стекламъ; она наигрывала какой-то галонъ.

Вдругъ мадмуазель Симаръ отворила окно, и стала звать громкимъ голосомъ дворника, который проходилъ въ это время по двору.

— Матье! вскричала она: кто приказывалъ тебѣ держать на цѣпи Солимана? Отвяжи его, сейчасъ-же, слышишь!

Крестьянинъ пробормоталъ что-то невнятно и поспѣшилъ исполнить приказаніе.

Солиманъ, чувствуя себя на свободѣ вырвался изъ кануры, въ два прыжка перебѣжалъ дворъ, однимъ перескочилъ черезъ окно, и какъ громъ упалъ посреди бильярдной.

— Бѣдное животное, сказала Селестина, глядя бѣленькою своею ручкою огромную голову собаки, которая прыгала около нея, какъ-будто благодаря за освобожденіе. Бѣдная жертва! Изъ тебя хотятъ сдѣлать невольника; но будь спокоенъ, я не потерплю этого, я вступлюсь за тебя.

Говоря это, Селестина бросала на жениха своего такіе взоры, какъ-будто вызывала его на бой.

При видѣ своего смертельнаго врага, Тесье нахмурилъ брови. Каждый разъ, какъ игра требовала, чтобъ онъ проходилъ мимо злобнаго животного, онъ съ недоумѣніемъ посматривалъ то на собаку, то съ безпокойствомъ на свои ноги, и безпокойство это оправдывалась двойнымъ рядомъ страшныхъ, огромныхъ зубовъ, которые Солиманъ выставялъ вѣсто поклона, каждый разъ, когда Тесье проходилъ мимо него.

Все это, повидимому, до крайности забавляло Селестину, которая по временамъ церемигивалась съ своей кузиной и злобно улыбалась.

Наконецъ, молодая дѣвушка не могла устоять противъ желанія сдѣлать зло, пошалить, что, впрочемъ, было довольно простиительно въ ея лѣта; къ-тому-жъ это была потребность ея характера.

Въ эту минуту Аристидъ, наклонясь, приближался къ шару своего противника и медленно пилил кіемъ большой палецъ лѣвой руки: эта привычка многихъ игроковъ почти всегда изобличаетъ вершительность характера.

По знаку госпожи своей, Солиманъ вскочилъ на бильярдъ и схватилъ въ зубы шаръ. Възбѣшенный, но владея еще собой, Тесье пытался вырвать шаръ изъ пасти Солимана, острые зубы котораго затмѣвали бѣлизною свою цвѣтъ шара. Солиманъ выпустилъ шаръ, но въ-замѣнъ схватилъ руку врага своего, который прежде, чѣмъ успѣлъ отдернуть ее, почувствовалъ, какъ собака прокусила его до костей, и чуть было не оставилъ два или три пальца въ пасти животного.

Боль взяла верхъ надъ терпѣніемъ.

Аристидъ схватилъ кій и изо всей силы ударилъ имъ Солимана, который съ визгомъ отодвинулся на край бильярда.

— Какъ, вы смѣете бить его! попробуйте еще разъ! вскричала

Селестина, бросаясь къ Тесье съ алыми щеками и разгорѣвшимися отъ гнѣва глазами.

Власть мужа, въ которую онъ скоро будетъ облеченъ, величественно представилась воображенію Тесье.

— Если я покажу слабость характера, думалъ онъ, то навсегда погибну; надо рѣшительно дѣйствовать.

Чтобъ показать, что право и справедливость были на его сторонѣ, онъ со строгимъ видомъ выставилъ свою окровавленную руку, а другою снова ударилъ нѣсколько разъ Солимана. Собака завyla, заворчала и спряталась подъ бильярдъ.

— Палачъ! вскричала дѣвушка, поднимая гнѣвно свою крошечную ручку.

— Селестина! вскричала въ тоже время мадамъ Реньо, вскакивая съ дивана.

Селестина, самая вспыльчивая изъ всѣхъ бадованныхъ дѣтей, съ геройскимъ усиліемъ удержала почещину, готовую опуститься на щеку жениха ея; но дѣйствіе, произведенное на нее этимъ напряженіемъ, было такъ сильно, что слезы брызнули у ней изъ глазъ.

Солиманъ, видя, что госпожа его плачетъ, и несмотря что у него не хватило храбрости для собственной защиты, ободрился и выскочилъ съ яростью изъ-подъ бильярда; но въ ту самую минуту, какъ онъ бросился на горло Аристида, Франсисъ схватилъ его обѣими руками за шею и заднія ноги, и выбросилъ изъ окна, которое немедленно заперъ.

Во-время этого происшествія, быстро какъ молнія, мадмуазель Симаръ, которую кузина напрасно старалась успокоить, подошла къ дверямъ и отворила ихъ. Обратясь тогда розовымъ лицомъ своимъ, по которому катились горячія перлы, она сказала Аристиду:

— Такъ знайте, что я васъ ненавижу, потому-что вы мнѣ дѣлаете все наперекоръ, стараетесь всѣми силами не правиться, и успѣваете въ томъ больше, чѣмъ желаете. Бить Солимана! Лучше-бъ вы меня прибили. Я васъ ненавижу. Слышите! и никогда не выйду за васъ за-мужъ.

Сказавъ это съ неподражаемымъ выраженіемъ въ голосѣ и лицѣ, Селестина выихнула мадамъ Реньо изъ залы, потомъ сама вышла и захлопнула дверь со стукомъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ разсерженные дѣти.

Посмотрѣвъ на друга своего, Франсисъ расхохотался.

Аристидъ стоялъ неподвижно, опершись спиною на бильярдъ; подбородокъ его ушелъ въ галстухъ, руки повисли, голова тоже.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, это очень смѣшно, сказалъ Тесе съ горечью: чрезвычайно забавно, увѣрю тебя.

— Прости меня, сказалъ Драмонъ: но ты сдѣлалъ такую плачевную физиономію...

— Потому-что не вижу, чему тутъ радоваться. Ну, что я тебѣ сказалъ? Ты видѣлъ теперь образчикъ ея милаго характера. Что ты на это скажешь?

— Что это дѣтскіе недостатки, которые ты легко исправишь, когда сдѣлаешься ея мужемъ, отвѣчалъ Драмонъ, повторыя насмѣшливымъ тономъ слова, сказанныя, не задолго передъ тѣмъ, его другомъ.

— Ея мужемъ! Никогда!... вскричалъ Тесе съ запальчивостью. Ты слышалъ, что она сказала? Но я самъ не стану утруждать ее, и не допущу до того, чтобъ она мнѣ отказала: это слишкомъ обезпечитъ ее; я самъ не хочу на ней жениться, самъ разрываю этотъ бракъ. Я докажу ей, что и у меня тоже есть свой характеръ. Сейчасъ пойду объяснюсь съ отцомъ ея, и немедленно уѣзжаю. Въ Парижѣ я найду двадцать тысячъ невѣсть не хуже ея, и вѣрно добрѣе этого бѣсенка. Видѣлъ ты, какъ она замахнулась?

— Какъ не видать! отвѣчалъ Франсисъ, выставляя впередъ нижнюю губу и важно качая головою.

— Такъ, что съ минутою я боялся...

— И я тоже; я думалъ ужъ, что съ тобой поступить такъ, какъ поступили съ Мервилемъ въ маскарадѣ.

— Говорю тебѣ, что это маленькая вѣдьма, настоящій демонъ! вскричалъ разочарованный молодой человекъ, стуча кулакомъ по бильярдѣ.

На сколько Тесе былъ боязливъ и нерѣшителемъ, на столько другъ его обладалъ быстротою соображенія и твердостью характера. Въ двѣ секунды онъ уже все обдумалъ и готовъ былъ дѣйствовать.

— По всему вѣроятію, она должна быть вѣтрена, и безъ сомнѣнія зла, думалъ Драмонъ, а это ужъ слишкомъ, особенно для Тесе; онъ не долженъ рѣшаться на такой нелѣпый бракъ. Если разрывъ необходимъ, такъ лучше воспользоваться этой ссорой, чѣмъ вызывать воспоминанія о желтой розѣ, и начинать объясненія, которыя могутъ повредить репутаціи молодой дѣвушки.

Не отдавая себѣ отчета въ невольномъ участіи, которое онъ принималъ въ эту минуту въ Селестинѣ, Драмонъ обратился къ другу.

— Ты рѣшительно отказываешься отъ нея? спросилъ онъ.

— Рѣшительно и непремѣнно, отвѣчалъ Аристидъ, дѣлая ударенія на каждомъ слогѣ этихъ величественныхъ нарѣчій.

— Въ такомъ случаѣ, пойдѣмъ къ Синару.

— Пойдемъ... хоть это будетъ не совѣтъ ловко.

— Ты ужь колеблешься?

— И не думаю; но Синаръ такой добрякъ, замужство дочери такъ радовало его, что право неловко будетъ сказать ему... вовсе неожиданно... «Я не хочу жениться на вашей дочери»... Еслибъ было средство набѣжать такого неприятнаго разговора... объявить мой отказъ письменно, вмѣсто того, чтобъ говорить другъ-другу въ глаза... признаюсь...

— Признайся, что колеблешься и не рѣшаешься отказаться. Впрочемъ, нѣтъ ничего легче, какъ избавиться перваго объясненія, которое я беру на себя, какъ и разрывъ твоей свадьбы.

— Это какимъ-образомъ?

Франсисъ, по обычаю людей, соображающихъ какое-нибудь дѣло, потерь себѣ лобъ, и черезъ секунду былъ готовъ; онъ никогда не затруднялся, какъ дѣйствовать.

— Вотъ какъ надо поступать въ этомъ дѣлѣ, сказалъ онъ: чтобъ не огорчать г. Синара, надо оставить домъ безъ всякихъ объясненій, а потомъ написать, что ты отказываешься отъ его дочери; первый пунктъ ковенъ. Теперь, слушай меня: у дяди твоего Маржолье едѣлася ударъ, и потому тебѣ немедленно надо отправиться въ Парижъ.

— Какъ! у дяди моего Маржолье... ударъ!.. вскричалъ Тесье, всхлѣваясь въ лицѣ.

— Нѣтъ! онъ такъ же здоровъ и невредимъ, какъ мы съ тобой, отвѣчалъ Драмонъ со смѣхомъ. Развѣ ты не догадываешься, что я убиваю дядю твоего для оправданья твоего отъѣзда?

— Понимаю... но ты испугалъ меня.

Молодые люди отправились къ г. Синару. Узнавъ причину неожиданнаго отъѣзда Тесье, бывший мѣховщикъ почесалъ съ досадою за ухомъ.

— Ну, въ чемъ-же дѣло? помолчавъ немного, сказалъ онъ съ добродушіемъ. Мадамъ Реньо разказала мнѣ ссору вашу съ Селестиной; неужели вы еще объ этомъ думаете? Дядюшка вашъ захворалъ очень некстати и слишкомъ неожиданно.

— Какъ обыкновенно бываетъ въ такого рода болѣзняхъ; ударъ всегда пришибаетъ неожиданно, отвѣчалъ Драмонъ докторскимъ тономъ.

— Перестаньте, продолжалъ старикъ, забудемъ все это. Вамъ извѣстенъ характеръ моей дочери; у нея предобрѣйшее сердце, слѣловательно надо быть снисходительнымъ къ ея вспышкамъ.

— Вспышкамъ! вскричалъ Тесье, котораго Драмонъ заставилъ молчать выразительнымъ взглядомъ.

— Представьте себѣ, г. Драмонъ, сказалъ добрякъ Синаръ, что они оба настоящія дѣти. Признаюсь, что Селестина была немножко избалована; но вашъ другъ, съ своей стороны, тоже горячится. Впрочемъ, они любятъ другъ-друга, какъ два голубка, а цѣлый день проводятъ въ самыхъ пустѣйшихъ спорахъ. Ну, Тесье, перестаньте сердиться. Селестина въ залѣ, подите, помиритесь съ нею.

Видя, что другъ его уже колеблется и готовъ идти за будущимъ своимъ тестемъ, Франсисъ почувствовалъ необходимость вмѣшаться въ это дѣло.

— Увѣрю васъ, сказалъ онъ, обращаясь къ отцу Селестины, что Аристидъ вовсе не думаетъ о томъ, что случилось; въ эту минуту только одна мысль вертится у него въ головѣ—это болѣзнь его дяди.

— Слѣдовательно, это не выдумка? спросилъ Синаръ.

— Выдумка! повторилъ Драмонъ, какъ будто оскорбясь такимъ предположеніемъ. Я, милостивый государь, привезъ другу моему эту грустную вѣсть, и разсудилъ, что бесполезно объявлять ее до обѣда, потому что парижскій дилжансъ проходитъ здѣсь только вечеромъ; слѣдовательно, онъ успеетъ еще уѣхать сегодня.

— Маржолье! вѣд я знаю его, отвѣчалъ Синаръ: такой высокій, худой! еще выше и еще худощавѣ племянника моего Реньо! Непостижимо, какимъ-образомъ съ его темпераментомъ онъ умудрился нажить себѣ ударъ? Вотъ я, такъ это другое дѣло: ударъ виситъ у меня на носу.

— Позвольте, сказалъ Франсисъ, съ вкрадчивою улыбкою: въ этомъ случаѣ я знаю, что говорю, потому что учился медицинѣ. Это заблужденіе, признаюсь, хотя вообще всеми принятое, однако же все-таки заблужденіе, думать, что сухіе и нервныя темпераменты не такъ подвержены приливанъ крови, какъ полнокровныя люди. Шея болѣе или менѣе короткая, лицо болѣе или менѣе красное, вовсе не идутъ къ дѣлу, и я бы могъ разсказать вамъ... но рѣчь не о томъ, а объ честномъ и добромъ Маржолье, который въ эту минуту умираетъ, можетъ-быть, на рукахъ корыстолюбивыхъ слугъ. Вспомните, что Тесье его племянникъ и наследникъ, продолжалъ Драмонъ, наклонясь къ уху Синара, какъ-будто желая пощадить чувствительность своего друга; особенно же не забудьте, что у Маржолье есть домоправительница.

— Домоправительница! вскричалъ негоціантъ. Да, я помню, что у Маржолье была домоправительница, бывшая его кормилица; вѣд онъ человекъ слабый, безхарактерный; его каждый можетъ опутать сѣтями

такъ что онъ способенъ отдать свое состояніе первому плуту. Такъ поѣзжайте, Тесье, поѣзжайте немедленно; съ такими молодцами не надо терять времени. Вѣдь я давно знаю вашего дядюшку; онъ человекъ слабоумный, не дальновидный, и подписывается на Quotidienne. Чего тутъ ожидать путнаго? Такъ поѣзжайте сейчасъ же, немедленно; не теряйте ни минуты.

Аристидъ стоялъ неподвижно, и вмѣсто того, чтобъ отвѣчать, глядѣлъ во все углы комнаты, Испуганный остолебѣніемъ Тесье и внутренно радуясь испугу негоціанта, Драмонъ взялъ друга своего за руку, и обращаясь къ хозяину дома сказалъ:

— Мы скоро возвратимся, потому-что я все еще считаю себя шаферомъ.

Симаръ задумался.

— Знаете что? сказалъ онъ съ откровенною и добродушною улыбкою: вмѣсто того, чтобъ возвращаться, не уѣзжайте, оставайтесь съ нами, чтобъ доказать мнѣ, что въ этомъ неожиданномъ отъѣздѣ нѣтъ ничего косвеннаго, сомнительнаго, однимъ-словомъ, что тутъ нѣтъ никакого подлога. Въ Парижѣ и безъ васъ могутъ обойтись, ваше присутствіе вовсе не нужно. Я оставляю васъ въ залогъ до пріѣзда Тесье. Ну что, согласны?

— Согласенъ! отвѣчалъ Драмонъ съ такою поспѣшностью, что ее можно было принять за радость, и потрясъ толстую руку, которую дружески протянулъ ему бывший мѣховщикъ.

— Такъ не теряйте же времени, Тесье, продолжалъ Симаръ, совершенно успокоенный обѣщаніемъ Драмона. Я велю заложить карету; она довезетъ васъ до большой дороги.

— Ну вотъ, страшное это дѣло кончилось, сказалъ Франсисъ, когда остался одинъ съ Аристидомъ.

— Послушай, отвѣчалъ Тесье: ты заставляешь меня ѣхать, а самъ остаешься! Кажется, мы не такъ сговаривались!

— Если тебѣ это хоть сколько-нибудь неприятно, я ѣду съ тобою, отвѣчалъ Драмонъ. Если я принялъ приглашеніе Симара, то единственно изъ желанія быть тебѣ полезнымъ. Я думалъ, что ты будешь радъ оставить здѣсь посредника, который избавилъ бы тебя отъ неприятности объясняться, и безъ тебя кончилъ бы этотъ разрывъ.

— Впрочемъ... ты правъ, отвѣчалъ Аристидъ, котораго пугала мысль лично объясняться: оставайся, и устривай это дѣло, какъ знаешь.

— Ты даешь мнѣ полную власть?

— Полную и совершенную.

Маммузель Симаръ ушла въ залу, и такъ сильно и громко начала

колотить по ройляю, что эхо раздавалось по всему дому. Узнавъ объ отъѣздѣ жениха своего, она, все еще дучась на него, заперлась въ свою комнату, чтобъ не простаться съ нимъ. Слѣдовательно, Аристидъ былъ принужденъ ѣхать, не видѣвшись съ нею.

Драмонъ проводилъ его до станціи, гдѣ надо было ждать дилижанса, и тогда только разстался съ своимъ другомъ, когда тотъ сѣлъ въ карету, и лошади тронулись съ мѣста.

Возвращаясь одинъ въ домъ, въ которомъ жила Селестина, Драмонъ почувствовалъ что-то необыкновенное: какой-то восторгъ овладѣлъ всѣмъ его существомъ; сначала это удивило его, но онъ скоро объяснилъ себѣ это чувство, и приписалъ его внутреннему удовольствію, которое всегда происходитъ отъ сознанія, что мы оказали кому-нибудь услугу или исполнили свой долгъ.

— Я не даромъ потерялъ день, подумалъ онъ съ самодовольною улыбкою. Бьюсь объ закладъ, что самые тонкіе дипломаты не могли бы искусѣе повернуть такое щекотливое дѣло, и лучше моего выйти изъ затрудненія. Съ одной стороны, я не допускаю друга моего до неисправимой глупости, а съ другой сберегаю честь почтеннаго семейства.

Преданность большая рѣдкость, а совершенное безкорыстіе и по-давно. Воображеніе человѣка, по существенной силѣ притяженія, стремится обыкновенно къ наградѣ, которую, по убѣжденію своему, онъ заслужилъ.

Франсисъ покорился этому закону человѣческаго сердца, не думая тоже сопротивляться его силѣ.

— Кажется, я заслужилъ нѣсколько веселыхъ дней, думалъ онъ, поворачивая на проселочную дорогу: почему не раскинуть мнѣ здѣсь палатку, хоть на недѣлю? Въ маѣ Парижъ такъ несносенъ, и деревня такъ очаровательна. Къ тому же, съ той минуты, какъ Аристидъ отъказался отъ Селестины, миленькая дѣвушка эта перестаетъ быть для меня невѣстою моего друга; — въ моихъ глазахъ она обворожительное черное домино, за которымъ я такъ долго бѣгалъ. Не вижу причины, почему мнѣ не воспользоваться этимъ нечаяннымъ и удобнымъ случаемъ, не продолжать приключенія, начатаго такъ романически, такъ необыкновенно.

Успокоивъ совѣсть свою такими выводами, молодой человѣкъ возвратился къ Синару съ веселымъ взглядомъ и улыбкою на губахъ. Рѣшась всѣмъ поправиться, онъ немедленно принялся за это дѣло: съ хозанномъ заговорилъ о національной гвардіи, съ г. Реньо, который былъ что-то въ родѣ адвоката, о законахъ и приговорахъ уголовного суда; съ хорошенькой блондинкой, обладательницей изумруднаго кольца, о модахъ,

театраъ и новыхъ романахъ, со старухой тетухой о врачевникахъ и лекарствахъ; и наконецъ, кончилъ вечеръ пѣннемъ дуэтовъ и разыгрыванемъ покурнъ съ Селестиной, которая, повидимому, переносила какъ нельзя тверже отсутствіе жениха своего.

Въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, Франсисъ безпрестанно, съ глубокимъ участіемъ и скрытою настойчивостью наблюдалъ странную дѣвушку, на которой долженъ былъ жениться другъ его, и которой граціозная красота производила на него самого сильное впечатлѣніе, хотя онъ въ-половину только въ этомъ сознавался. Результатъ этого изученія превратился въ раздражительное и скоро потомъ въ невыносимое сомнѣніе. Кто не анализировалъ нѣжныя фибры женской организаціи въ самыхъ незамѣтныхъ сплетеніяхъ, тому характеръ мадуазель Синарь и въ-самомъ-дѣлѣ долженъ былъ казаться трудною загадкою. То безнечна, какъ дитя, то задумчива, какъ женщина; поутру вѣтренна и рѣзва, вечеромъ грустна и мечтательна; то шаловлива до безумія, то серьезна до глубокомыслія; однимъ-словомъ, измѣнчивѣ самой волны, быстрѣ въ движеніяхъ рѣчной струи; бурная, какъ взволнованное море, и черезъ минуту отражающая въ себѣ спокойствіе яснаго неба, Селестина представляла одинъ изъ тѣхъ сложныхъ, неуловимыхъ характеровъ, передъ которыми обыкновенный человѣкъ остановится въ недоуменіи, а артистъ въ восторгѣ. Несмотря на умъ свой и опытность, Франсисъ не зналъ сначала, на какомъ заключеніи слѣдуетъ ему остановиться.

— Гений или вѣдьма? спрашивалъ онъ самъ себя, и ежеминутно изыскалъ отвѣтъ на вопросъ.

Разъ вечеромъ, три дня спустя послѣ отъѣзда Тесея, отъ котораго не получали писемъ и о которомъ, исключая старика Синара, никто и не думалъ, Селестина съ кузиной и Франсисомъ сидѣли въ бесѣдкѣ, на концѣ сада. Дамы работали, а Драмонъ, сидя у ногъ ихъ, читалъ вслухъ умиленные страданія «Индіаны». Противъ обыкновенія, декламация не удавалась ему; онъ очень дурно читалъ, неумолимо коверкалъ краснорѣчивую прозу Жоржъ-Занда, не обращалъ вниманія на точки, и занятая, перевортывалъ часто два листа разомъ, или останавливался посреди фразы и смотрѣлъ на Селестину. Опустивъ глаза на работу, мадуазель Синарь, повидимому, не замѣчала ошибокъ Франсиса, потому-ли, что она больше вслушивалась въ звукъ голоса тещи, чѣмъ въ смыслъ книги, или потому, что замѣтила (не гнѣваясь) разсѣяніе молодого человѣка, причину котораго уже угадала. Франсисъ повторилъ два или три раза одну и ту же фразу, которая, повидимому, ему такъ нравилась, что онъ не могъ съ нею разстаться.

Мадамъ Реньо, не столь снисходительная, какъ ея кузина, потому, можетъ-быть, что не имѣла особенной причины быть снисходительною, перебила чтеніе громкимъ смѣхомъ.

— Признаюсь, сказала она: я не понимаю ни одного слова изъ того, что вы читаете; у васъ прстранная метода чтенія: когда читаютъ, то обыкновенно смотрятъ въ книгу...

— Хорошо, подумалъ Драмонъ, закрывая книгу: она угадала меня; сегодня вечеромъ она сообщитъ свои замѣчанія Селестинѣ, а завтра объ будутъ смѣяться надо мной.

— Вотъ ужъ и смерилось; пора домой, сказала Селестина, складывая свою работу, какъ-будто хотѣла во-время остановить насмѣшку, искры которой блистали уже въ глазахъ хорошенькой блондинки.

— Именно, пора, отвѣчала мадамъ Реньо: пойдемъ, поиграемъ на фортепьяно, или споемъ что-нибудь; можетъ-быть мосье Драмонъ будетъ имѣть больше уваженія къ Россини, чѣмъ къ Жоржъ-Занду...

Не давъ времени кузинѣ своей кончить фразы, Селестина принудила ее встать съ мѣста, обхватила одной рукой ея талію, и увлекая ее мѣрнымъ, быстрымъ движеніемъ, заставила протанцовать галопъ до самаго дома.

Франсисъ слѣдовалъ глазами за этою граціозною группою, но глядѣлъ только на половину группы; потомъ, вставъ медленно, онъ углубился въ чашу сада, и долго гулялъ тамъ сентиментально-яростной походкой, съ *думою на чель*. Наконецъ, темнота, понемногу сгущався вокругъ него, вывела изъ его мечтаній.

— Нѣтъ! такая неизвѣстность невыносима! Это слишкомъ! думалъ онъ. Я хочу знать, на чемъ остановиться. Или она олицетворенная невинность, или самая коварная изъ женщинъ. Въ первомъ случаѣ, сомнѣніе мое оскорбительно; во второмъ, чувство, которое я къ ней питаю, ничто иное, какъ обманъ. Маскарадъ этотъ не выходитъ у меня изъ головы и отравляетъ удовольствіе сближенія съ нею. Надо, чтобъ кошмаръ этотъ кончился однажды навсегда.

Войдя въ залу, Драмонъ засталъ тамъ все семейство. Старуха тетушка играла въ пикетъ съ Реньо; кухни разучивали въ четыре руки новый кадрили; Симаръ, погружаясь въ бержерку, былъ такъ съ видомъ знатока и любителя.

— А что, спросилъ добрякъ своего гостя: чай эта музыка такъ и подымаетъ васъ къ танцамъ?

— Я не люблю танцовать, отвѣчалъ Драмонъ съ угрюмостью, своею собственною всѣмъ влюбленнымъ.

Услышавъ такое варварство, Селестина обернула голову, и пальцы

ей повисли на клавиатурѣ, между-тѣмъ какъ глаза устремились съ удивленіемъ на молодого человѣка, который въ эту минуту показался ей не такимъ интереснымъ, какимъ она находила его за минуту передъ тѣмъ.

— Вы не любите танцевать? спросила она съ изумленіемъ: такъ что-жъ послѣ этого вы любите?

— Тебя! подумалъ Франсисъ, съ трудомъ удерживая на языкѣ слово, которое чуть было у него не вырвалось изъ сердца.

— Я не такъ выразился, отвѣчалъ онъ: я хотѣлъ сказать, что не люблю такихъ баловъ, какіе обыкновенно бываютъ въ обществѣ, съ мотоватыми кадрилими и натянутыми вальсами. Удовольствіе безъ увлеченія не имѣетъ для меня никакой; цѣны надо искать удовольствія не въ залѣ. Чтобы понимать электрическое дѣйствіе, которое танцы могутъ производить на воображеніе, надо ѣздить въ публичныя собранія, въ маскарады...

Глаза Драмона впивались съ пламеннымъ безпокойствомъ въ лицо Сестрины, которая, и не думая избѣгать этого взгляда, пренаивно слушала похвалы вовсе ненаивному удовольствію, и повидимому, принимала самое живое участіе въ словахъ готя.

— Только въ маскарадахъ не танцуютъ, замѣтила она вдругъ.

— Не танцуютъ! повторилъ молодой человѣкъ, который, несмотря на замиранье сердца, не осмѣливался на болѣе точные вопросы.

— Не правда ли, Гортензія? продолжала Сестрина, обращаясь къ кузинѣ: когда мы были въ маскарадѣ, такъ никто не танцевалъ, и я еще такъ этому удивлялась. Хорошъ балъ, гдѣ не танцуютъ! Въдь это прескѣшно.

Сердце Драмона растаяло отъ блаженства, воздухъ, которымъ онъ дышалъ, казался ему полнымъ благоуханія. Простыя слова, сказанныя Сестриной, разсѣяли въ одно мгновеніе темную тучу, сквозь которую воображеніе его смотрѣло до-тѣхъ-поръ на это дѣвственное созданіе. Стыдясь своихъ подозрѣній, онъ считалъ себя виновнымъ, и съ тайнымъ наслажденіемъ предавался угрызеніямъ совѣсти. Въ любви человѣкъ иногда бываетъ такъ счастливъ, когда чувствуетъ, что не правъ! Въроятно на лицѣ его слишкомъ рѣзко выражалось это внутреннее счастье, потому-что Сестрина, орлиные глаза которой не опустили бы даже передъ самымъ солнцемъ, не могла выдержать этого взора, который устремлялся на нее, стараясь уловить выраженіе его взгляда. Она смутилась, опустила голову, и въ первый разъ почувствовала, какъ на щекахъ ея распустились жгучія розы, корни которыхъ выходятъ изъ сердца.

— Расскажите-ка мосье Драмону ваши маскарадныя похождения; я увѣренъ, что это развеселитъ его, сказалъ Реньо, продолжая играть въ пикетъ.

Сильный припадокъ дружбы къ долговязому и плѣшивому господину обхватилъ Франсиса съ головы до ногъ; онъ находилъ его и любезнымъ, и умнымъ, и образованнымъ; даже, въ случаѣ нужды, готовъ былъ увидѣть волосы на его гладкой головѣ. Противъ обыкновенія своего, Селестина была смущена.

Видя, что мадмуазель Смаръ не отвѣчаетъ, мадамъ Реньо обернулась къ молодому человѣку, рождающаяся страсть котораго не укрылась отъ ея зоркихъ глазъ.

— Вы, можетъ-быть, замѣтили, сказала она съ насмѣшливымъ выраженіемъ въ голосъ, что всѣ мы здѣсь, безъ исключенія, покорнѣйшіе рабы этой дѣвочки; она взяла надъ нами верхъ и управляетъ всѣми довольно деспотически; я для того вамъ это рассказываю, чтобы предостеречь васъ, и спасти отъ ея ига. Фантазіи ея, которыя часто бывають безтолковы, составляютъ для насъ законъ, а капризы—напрямѣнные приговоры. Такъ ужъ дядюшка воспиталъ ее, а наша слабость утвердила эту прекрасную систему воспитанія. Теперь вы можете себѣ представить, какія взбалачныя идеи должны гнѣздиться въ головѣ такого избалованнаго ребенка. Между многими нелѣпыми прихотями, Селестинѣ нынѣшнею зимою пришло въ голову ѣхать въ маскарадъ, и знаете ли куда? Къ Мюзару!

— Да, къ Мюзару! перебилъ старикъ Смаръ, закатываясь громкимъ смѣхомъ: шалуныя эта хотѣла ѣхать въ маскарадъ къ Мюзару; что вы на это скажете, любезный Драмонъ?

— Такое намѣреніе мнѣ казалось невозможно смѣлымъ, продолжала мадамъ Реньо: но вѣдь съ нею нельзя спорить. Я должна была вступить въ переговоры, и считала себя слишкомъ счастливой, что успѣла уговорить Селестину замѣнить страшный балъ Мюзара маскарадомъ Оперы. Мы сѣли въ карету всѣ трое, и наконецъ отправились.

— Трое? повторилъ Драмонъ, все еще съ безпокойствомъ: кто же еще былъ съ вами?

— Мужъ мой, отвѣчала мадамъ Реньо. О чемъ это вы думаете, что дѣлаете такіе вопросы? Впрочемъ надо правду сказать, въ этотъ день поведеніе моего мужа нельзя было назвать примѣрнымъ. Только что мы пріѣхали, мужъ мой, подъ предлогомъ, что въ залѣ слишкомъ тѣсно, усадилъ насъ въ ложу; между-тѣмъ, ему только хотѣлось отдѣлаться отъ насъ; онъ надѣялся, что кто-нибудь станетъ его интриговать. Онъ ушелъ, оставивъ насъ однихъ; мы просидѣли болѣе часу, онъ

всѣ не являлся... такъ, что по милости его, съ нами случилось преглубѣйшее приключеніе.

— Приключеніе? сказалъ Франсисъ съ притворнымъ любопытствомъ.

— Да, приключеніе, да еще какое! Двое пьяныхъ и страшно изуродованныхъ сорванцевъ принудили насъ убѣжать изъ ложи.

Селестина перебила кувину.

— Первый не былъ пьянъ, сказала она: напротивъ, онъ разговаривалъ очень прилично; и ты сама сказала, что у него превыразительные глаза и чудесные зубы.

— Гмъ! ты не сообщила мнѣ своихъ замѣчаній, сказалъ Реньо, обращаясь къ женѣ своей, между-тѣмъ, какъ Франсисъ, въ порывѣ удовлетвореннаго самолюбія, улыбаяся, глядя на себя въ зеркало, вившее надъ ройялемъ.

Сямаръ, какъ мы уже сказали, любилъ ложиться рано, и потому всталъ съ мѣста, давая этимъ знать, что пора расходиться, и прекратилъ разговоръ.

Возвратясь къ себѣ въ комнату, Драмонъ предался чуднымъ мечтамъ любви, которыя въ первый разъ въ жизни вивали въ себя съ совершеннымъ довѣріемъ. Прелестное личико Селестины и во снѣ не покидало его ни на одну минуту. Утромъ, это радужное видѣніе исчезло, и на мѣстѣ его явилась вовсе неожиданная фигура Матье, который, войдя въ комнату, подалъ Драмону письмо изъ Париза.

— Это отъ Тесея. Что онъ можетъ писать ко мнѣ? думалъ Франсисъ, распечатывая посланіе съ досадою, какъ-будто угадывая его содержаніе.

«Любезный другъ!» писалъ бывший зять Сямара: вотъ уже четыре дня, какъ мы разстались съ тобою, и я каждую минуту жду или письма отъ тебя, или твоего возвращенія, и потому каждый вечеръ посылаю узнавать, не пріѣхалъ ли ты. Признаюсь, я не понимаю ни упорнаго молчанія твоего, ни слишкомъ продолжительнаго отсутствія; но и то и другое успокоиваетъ меня, несмотря на то, что оставляетъ въ невѣстности; это доказываетъ, что дѣло, которое я поручилъ тебѣ, еще не кончено. Всѣ эти дни, любезный Франсисъ, я много думалъ и раздумывалъ, и нахожу, что такая выгодная женитьба во всѣхъ отношеніяхъ, и по сердцу и по расчету, должна состояться; что нѣтъ-за какого-нибудь ребячества,—а поступокъ Селестины ничто иное, какъ ребячество,—нельзя такъ легкомысленно разрывать узы, давно уже сиринцеванныя довѣріемъ и любовью. Къ тому же, я больше виноватъ, чѣмъ она; если она немножко капризна, то я, въ свою очередь, бы-

ваю иногда слишком раздражителенъ; а въ мои лѣта это непростительно. Въ тотъ день, когда мы играли на бильярдѣ, мнѣ кажется, что мы оба не такъ поняли жестъ Селестины, въ-слѣдствіе котораго я обидѣлся; въ движеніяхъ Селестины такъ много живости; когда она разговариваетъ, то вѣчно вертитъ руками, и то, что мы приняли за угрозу, было въ сущности ничто-ниее,—въ этомъ я убѣжденъ,—какъ необдуманное движеніе. Впрочемъ, еслибъ она даже и имѣла то намереніе, которое мы предполагали, то и въ такомъ случаѣ мнѣ не слѣдовало бы сердиться на ребенка, потому-что ударивъ Солимана, я выказалъ такую жестокость, что она должна была раздражить чувствительное сердце Селестины. И потому, любезный другъ, прошу тебя снова скрѣпить нити, которыя, можетъ-быть, ты уже разорвалъ, сообразуясь съ моимъ желаніемъ. Тебѣ это легко обдѣлать, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, потому-что мнѣ извѣстны всѣ изгибы твоего ума и твои дипломатическіе таланты. Скажи Синару, что дядошкѣ, слава Богу! гораздо лучше, что ударъ не имѣлъ никакихъ неприятныхъ послѣдствій, и что я надѣюсь выѣхать отсюда черезъ нѣсколько дней. Свидѣтельствуй мое нижайшее почтеніе мадамъ Реньо и ея тетускѣ, и скажи Селестинѣ...»

— Убирайся въ преисподнюю! вскричалъ Франсисъ не докончивъ письма и сжавъ его въ комокъ. Если Селестина любитъ его, въ чемъ я очень сомнѣваюсь, то онъ можетъ обойтись и безъ адвоката; если же, напротивъ, не любитъ, то совѣтъ не позволить мнѣ уговаривать этого ребенка; тѣмъ болѣе, что она не будетъ съ нимъ счастлива; о, я увѣренъ, что она не будетъ съ нимъ счастлива! Онъ уступилъ свое мѣсто, тѣмъ хуже для него; я былъ увѣренъ, что онъ рѣшительно отказался отъ этой женитбы, и потому имѣлъ полное право любить Селестину, и удерживаю за собой это право.

Мысль надуть друга и сдѣлаться главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на свадьбѣ, гдѣ ему предстояло быть только шаферомъ, не возбудила въ душѣ Драмона ни малѣйшаго угрызенія. Страсть говорила въ немъ слишкомъ громко и заглушала всѣ упреки. Впрочемъ, онъ заключилъ слѣдующимъ разсужденіемъ: Селестина или любитъ, или не любитъ Тесье: если любитъ, то не приметъ моего предложенія, а если не любитъ, то нечего ему и жаловаться!

Оправданный въ собственныхъ глазахъ такимъ разсужденіемъ и сильно подстрекаемый извѣстіемъ скорого возвращенія Аристеда, Франсисъ рѣшился не терять ни минуты и дѣйствовать такъ, чтобъ разъяснить свое положеніе, и узнать навѣрное, можетъ ли онъ надѣяться на нѣтъ.

Послѣ обѣда онъ подошелъ къ мадамъ Реньо, и серьезнымъ тономъ просилъ ее позволить ему переговорить съ нею наединѣ. Хорошенькая блондинка, выслушавъ его съ насмѣшливою улыбкою, которая была постояннымъ выраженіемъ ея лица, сошла въ садъ съ молодымъ человекомъ, который, не мѣшая, началъ изъяснять ей свои задуманные тайны съ тою теплою откровенностію, которая почти всегда побуждаетъ женщинъ и дѣлаетъ ихъ снисходительными.

— Не стану говорить вамъ, что я люблю вашу кузину до безумія, вы это и безъ того знаете...

— Неужели? перебила мадамъ Реньо съ притворнымъ удивленіемъ.

— Я увѣренъ, что любовь моя вамъ извѣстна; если вы читали въ глазахъ моихъ, то и я читалъ въ вашихъ. Я угадалъ тоже, что бракъ, о которомъ было говорено прежде, вамъ вовсе не нравился, также, какъ и самъ женихъ... Сдѣлайте милость, не перебивайте меня; я не вижу тутъ ничего дурнаго; напротивъ... вы поняли, что человѣку съ характеромъ моего друга нельзя составить счастья женщины, и были совершенно правы. Не знаю, какъ вы станете судить меня, и смѣю ли я надѣяться на ваше снисхожденіе. Я люблю Селестину... простите мнѣ такую фамильярность; вамъ извѣстно, что любовь запоминаетъ только собственные имена. Я люблю вашу кузину, но не смѣю сказать этого ей самой; она такъ простосердечна, такой еще ребенокъ, что я чувствую... Можно будетъ подумать, что я во зло употребляю такое радушное гостепріимство. Вѣроятно, тетюшка ваша забыла, какъ любить; что касается г. Смара, то я сомнѣваюсь, чтобъ онъ когда-нибудь любилъ; а мужъ вашъ, несмотря на то, что обладаетъ всѣмъ, что можетъ возбуждать это чувство, наводитъ на меня страхъ своимъ глубокомысленнымъ видомъ. Следовательно, вы видите, что кромѣ васъ, мнѣ не къ кому обратиться, потому-что вы только одни здѣсь можете понять меня. Умоляю васъ, скажите, что понимаете меня, что прощаете мое чувство, такъ внезапно и такъ не краснорѣчиво выраженное вамъ, и что будете моею покровительницею. Г. Смаръ знакомъ съ моимъ семействомъ; я богаче Тесе; а лично обо мнѣ и о моихъ достоинствахъ вы можете судить сами, потому-что, кажется, могли замѣтить, что я не дуракъ, а характеръ у меня, безъ хвастовства сказать, прелобѣйшій; вѣрюсь вамъ честию, что Селестина будетъ счастлива. Вѣдь она его не любитъ, не правда ли?

— Какъ вы все скоро устроиваете! отвѣчала молодая Реньо, не будучи въ состояннн удержаться отъ улыбки; но въ улыбкѣ этой не

было больше ничего насмѣшливаго. Вы забываете, что съ моего или безъ моего согласія, а Тесье все-таки женится на Селестинѣ.

— Да вѣдь онъ еще не женился! А отъ васъ одѣхъ зависить, чтобъ этого никогда не было. Уѣзжая, Тесье положительно поручилъ мнѣ взять назадъ данное имъ слово; правда, что съ-тѣхъ-поръ онъ перемѣнилъ намѣреніе и прислалъ новыя инструкціи; но я принялъ на себя первое порученіе, и отказываюсь отъ втораго. Между Селестивой и Тесье, въ настоящую минуту, не должно существовать никакихъ отношеній, потому-что онъ самъ отказался отъ нея; слѣдовательно, я имѣю полное право просить руки вашей кузины, и прошу ее.

— Это особеннаго рода выводъ, хотя въ сущности я очень боюсь, чтобы тутъ не было іезуитства, какъ сказалъ бы мой дядюшка. Но все-равно, вы умны и чистосердечны; за эти прекрасныя качества у меня не хватаетъ духу сердиться на васъ, хоть вы и сдѣлали объясненіе не по всѣмъ правиламъ и формамъ. Вы угадали меня; я не люблю вашего друга, котораго и вы, кажется, не слишкомъ-то жалуете. Я буду рада, когда Селестина окончательно откажетъ ему; и если еще не слишкомъ поздно, то не отказываюсь помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ.

— Я не ошибся въ васъ! оцѣнилъ васъ такъ, какъ слѣдовало! Вѣрьте, благодарность моя...

— Хорошо, хорошо, отвѣчала мадамъ Реньо, лицо которой снова и внезапно приняло насмѣшливое выраженіе. Мужъ мой смотритъ на насъ изъ окна; онъ не любитъ, чтобъ со мной разговаривали такъ долго и съ такимъ жаромъ.

— Еще одно слово, умоляю васъ! Если вы ужъ принимаете на себя роль моей посредницы, то довершите благодѣяніе, не дѣлайте добра въ половину; позвольте мнѣ сказать Селестинѣ, что я люблю ее.

— Нѣтъ, не позволяю, отвѣчала поспѣшно мадамъ Реньо; глаза ваши ужъ и безъ того слишкомъ болтливы. Вчера вы заставили ее покраснѣть, а это, кажется, случилось съ нею въ первый разъ.

— Она покраснѣла... вы увѣрены? вскричалъ Франсисъ, и въ восторгѣ, схвативъ руку своей хорошенькой покровительницы, хотѣлъ было поцаловать ее.

— Мужъ мой!.. вскричала въ свою очередь мадамъ Реньо, отдергивая поспѣшно руку. Вамъ вѣрно хочется, чтобъ онъ подумалъ, что вы за мной ухаживаете. Перестаньте же, будьте благоразумны, и помните, что я вамъ запретила говорить Селестинѣ...

— При васъ можно!.. сказалъ умоляющимъ голосомъ Франсисъ.

— При мнѣ?.. У него на все есть отвѣтъ... Я слишкомъ къ вамъ добра... продолжала она, помолчавъ немного. Ну, перестаньте

же... не дѣлайте такую жалкую физиономію... Пойдите къ Селестинѣ, она сидитъ въ павильонѣ; я не могу запретить вамъ говорить съ нею.

— Общайтесь не заставляйте меня читать «Индіану». Общаете?

— Клянусь, что не заставляю; потому-что вы слишкомъ гадко читаете, когда она васъ слушаетъ. Вы увидите, что я принуждена буду снова перечитывать тѣ главы, которыя вы такъ славно исковеркали. Въ это время, я позволяю вамъ стараться понравиться; но только помните, что у меня есть талантъ читать и въ то же время слушать, что говорятъ.

Франсисъ и мадамъ Реньо, пройдя садъ, вошли въ павильонъ, гдѣ Селестина вышивала; она была серьезна и задумчива, что производило рѣзкій контрастъ съ почти дѣтскимъ выраженіемъ ея лица. Сторы въ павильонѣ не были спущены, и солнце, врываясь въ окна, освѣщало яркимъ свѣтомъ ея итальянскую головку, черныя волосы которой, гладко причесанные, блистали, какъ сіяніе.

Когда молодой человекъ вошелъ, Селестина, по инстинкту стыдливости, нашла, что въ павильонѣ слишкомъ свѣтло; можетъ-быть, она боялась, что опять покраснѣетъ, и не хотѣла, чтобы Франсисъ и мадамъ Реньо замѣтили это.

Она обратилась къ Драмонъ и сказала ему тихимъ, почти робкимъ голосомъ:

— Потрудитесь опустить стору.

Франсисъ бросился исполнить желаніе Селестины.

Окно выходило на дорогу, которая съ этой стороны окружала садъ. Нагнувшись, чтобъ отвязать сурокъ сторы, Драмонъ увидѣлъ человека, который, пользуясь неровностями стѣны павильона, карабкался наверхъ, чтобъ достигнуть окна. Въ человекѣ этомъ, Драмонъ узналъ Аристидъ Тесея. Первою его мыслію было бросить на голову пріятелю горшокъ съ цвѣтами, стоявшій у него подъ рукой, и возобновить такимъ образомъ, въ пользу соперника своего, катастрофу Пирра, но какъ добродѣтельный человекъ, онъ восторжествовалъ надъ этимъ убійственнымъ искушеніемъ, опустил стору, какъ будто ничего не видалъ, и затворилъ окно; потомъ, разсудивъ, снова открылъ его.

— Пусть слушаетъ, если захочетъ, подумалъ Франсисъ: я не люблю ничего неопредѣленнаго; неизвѣстность положенія невыносима; предпочтительнѣе такимъ образомъ онъ будетъ знать, что ему дѣлать.

И Франсисъ, взявъ скамейку, сѣлъ на то самое мѣсто, гдѣ сидѣлъ мадамъ Реньо, то-есть: у ногъ Селестины.

Возвратившись въ Парижъ, Аристидъ Тесье просыпался каждое утро съ твердымъ намѣреніемъ никогда не видать Селестины, но каждый вечеръ приносилъ ему совершенно противоположное этому рѣшенію. На четвертый день вечеръ начался для него съ самаго утра. Измученный тоскою любви, онъ написалъ другу своему письмо, часть котораго мы читали; спустя нѣсколько часовъ, лихорадка въ немъ до того усилилась, что бросила его самого въ дилижансъ. Дорога казалась ему безконечною; но подѣзжая къ дачѣ Симиара, ему вдругъ почудилось, что у лошадей вырастаютъ крылья, и онъ началъ колебаться и раздумывать, выйти ему изъ дилижанса или возвратиться назадъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ показаться ему, что говорить и какъ держать себя, если, по всему вѣроятію, Драмонъ исполнилъ его порученіе. Въ такомъ случаѣ, возвращеніе его не покажется ли низостью, или даже невѣжествомъ. Волнуемый такими размышленіями, Аристидъ медленно побрелъ къ дому Симиара; дойдя до него, сердце у него до того забило, что совершенно замерло. Робкимъ шагомъ онъ проскользнулъ мимо рѣшетки, алебастровые львы которой показались ему еще свирѣпѣе обыкновеннаго.

Снизойдя съ важнаго достоинства будущаго мужа, передъ которымъ распаиваются настѣжь всѣ двери, до неловкой роли человѣка, который самъ потерялъ выгодное свое положеніе, онъ обошелъ садъ, проклиная отъ всей души и совѣты друга своего, и свою собственную нерѣшительность, и всю породу бульдоговъ, и самаго добряка Симиара, и наконецъ весь міръ, исключая Селестины, и скоро дошелъ до павильона, гдѣ мадуазель Симиаръ обыкновенно работала послѣ обѣда.

— Она тамъ, думалъ онъ: можетъ-быть, она думаетъ обо мнѣ! Почему не побѣдить въ себѣ смѣшнаго страха и не попытаться видѣться съ нею и заговорить?

Призвавъ на помощь всю свою храбрость, какъ и слѣдуетъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, Тесье началъ осалу, не иѣшкая ни минуты. Въ это время дня, дорога, на которую выходилъ павильонъ, была обыкновенно пуста, и уголь стѣны впадинами своими и выдавшимися впередъ камнями представлялъ собою настоящую лѣстницу для воровъ. Аристидъ ухватился за него, не думая о царапинахъ и не страшась ушибовъ. Появленіе у окна Франсиса остановило его на минуту; но скоро увѣрившись, что его не замѣтили, онъ продолжалъ влезать, и наконецъ, достигши окна, помѣстился тамъ какъ могъ, то-есть, оперся ногами во впадину стѣны, а руками уцѣпился за оконную рѣшетку, у которой стояли горшки съ цвѣтами. Чтобъ тѣнь головы его не падала на стору и не выдала его, Аристидъ пряталъ ее за горшки съ цвѣтами.

Такъ какъ тутъ не было ни одной благодѣтельной скважины, черезъ которую можно было бы видѣть, что дѣлается въ павильонѣ, то вся душа его перешла и сосредоточилось въ слухъ.

Селестина молчала, и повидному все вниманіе свое устремила на работу, отъ которой не отводила глазъ; мадамъ Реньо, съ другой стороны, вѣрная своему слову, держала въ рукахъ «Индіану», которую, повидному, читала съ исключительнымъ вниманіемъ, но зоркій наблюдатель вѣрно замѣтилъ-бы, что одна очень медленно перевортывала листья, а другая еще медленнѣе тащила нитку.

Сидя на скамейкѣ, съ граціозною, свойственною ему небрежностью, Франсисъ чувствовалъ, какъ ему становилось неловко; взоръ его переходилъ отъ Селестины къ мадамъ Реньо, отъ мадамъ Реньо къ окну, отъ окна къ кончикамъ собственныхъ сапоговъ. Наконецъ, онъ выпалъ въ то состояніе, въ которомъ находишься, когда рѣшаешься на что-нибудь важное, то-есть, хочешь говорить и не можешь, а если можешь, то не знаешь, съ чего начать; въ такомъ положеніи бывають даже самые рѣшительные люди.

— Ну, эту сцену гораздо труднѣе разыгрывать, чѣмъ я предполагалъ, думалъ Драмонтъ: я говорилъ, что когда находишься въ четвертомъ, то бываешь только вдвоемъ... это довольно смѣшной парадоксъ; теперь представляется случай оправдать его: вѣдь насъ здѣсь четверо... я очень трудно найти первое слово.

Мадамъ Реньо наблюдала втихомолку за молодымъ человѣкомъ, которому обѣщала свое покровительство, и смущеніе его внушило ей еще больше къ нему участія; потому-что робость дѣлается прелестью, когда она не привычна человѣку, и также идетъ къ смѣлымъ и развязнымъ людямъ, какъ улыбка къ серьезному лицу. Несмотря на это, въ чувства молодой женщины проглядывала та нѣжная иронія, которою, изъ кокетства или изъ осторожности, она прикрывала всѣ свои ощущенія. Пользуясь правами покровительницы, она, не краснѣя, предавалась своему вѣстивому инстинкту, и вмѣсто того, чтобъ подать помощь молодому человѣку, она, напротивъ, чувствовала злобное удовольствіе приводить его еще больше въ смущеніе.

— Кажется, вы сказали, что получено письмо отъ Тесье? спросила она неожиданно.

Предательское намѣреніе, съ которымъ сказаны были эти слова и полу-улыбчива, сопровождавшая ихъ, вмѣсто того, чтобъ сконфузить Франсиса, возвратили ему всю его самоувѣренность.

— Лучше ужъ что-нибудь говорить, чѣмъ молчать, думалъ про

себя Драмонъ: это поведетъ меня къ цѣли кратчайшимъ путемъ, а во всякомъ случаѣ, прямой путь — лучший.

— Да, получилъ, отвѣчалъ Франсисъ серьезнымъ тономъ: онъ пишетъ о своемъ возвращеніи и поручаетъ мнѣ извѣстить васъ объ этомъ.

— Такъ дядя его выадоровѣлъ? продолжала блондинка.

— Маржолье никогда не былъ боленъ; ударъ его служилъ только деликатнымъ предлогомъ, для оправданія отъѣзда, который другу моему казался, нѣсколько дней тому назадъ, необходимымъ.

Селестина подняла голову и ея выразительные глаза устремились на молодого человѣка.

— Если другъ вашъ, сказала она, ударяя на этомъ словѣ, нашелъ нужнымъ уѣхать, то ему нѣтъ никакой нужды и возвращаться. Вы можете написать ему это отъ моего имени.

— Неужели ты такъ злопамятна? замѣтила мадамъ Реньо съ приторною кротостью: если онъ намѣренъ возвратиться, значить, онъ признаетъ себя виноватымъ; если онъ раскаявается и проситъ извиненія въ томъ, что его укусила собака; если онъ бросается къ ногамъ твоимъ и умоляетъ о помилованіи, неужели ты будешь такъ жестока и не простишь ему.

— Я не умѣлъ цѣнить этой женщины, она предобрая, думалъ Ари-стидъ, все еще цѣпляясь за окно.

Селестина молчала. Потомъ, опустивъ голову, она проговорила, наконецъ, дрожащимъ, почти невнятнымъ голосомъ и не глядя на молодого человѣка, сидящаго у ногъ ея.

— Вы, вѣроятно, одного мнѣнія съ кухней?

Франсисъ придвинулся къ ней, и поглядѣвъ на нее страстно, сказалъ шопотомъ:

— Не его, а меня надо простить, меня, который васъ люблю и приходиться въ отчаяніе при одной мысли объ этомъ бракѣ. Селестина, счастье всей жизни моей зависитъ отъ одного вашего слова. Умоляю васъ, скажите, что вы не выйдете за него.

Молодая дѣвушка не отвѣчала, но рука ея, которую схватилъ Франсисъ, отвѣтила за нее. Драмонъ, вѣроятно, тоже находя, что слова бесполезны, выразилъ свою благодарность бросившись на колѣни.

Этотъ нѣмой разговоръ, эта выразительная пантомима показались мадамъ Реньо нарушеніемъ трактата, потому-что она съ досадою закрыла книгу, которая до-тѣхъ-поръ служила ей средствомъ все слышать и не казаться лишною.

— Конечно, хлопотать за друга прекрасная черта, сказала она съ про-

нью; но вамъ можно бы и не горьчиться такъ сильно. Впрочемъ, нечувствительно говорить шепотомъ, когда съ вами третье лицо.

— Онъ проситъ за меня, думалъ Тесье, начинавшій находить, что ему неловко. Селестина встала смущенная; она прошла по правляющей робкою поступью ребенка, котораго только что побрали, и съѣвъ подлѣ кухни, спрятала лицо свое на плечо хорошенькой блондинки. Мадамъ Реньо воспользовалась ея позой, чтобъ погрозить Франсису. Страстный любовникъ не переѣнилъ еще своего положенія; онъ быстро сдѣлалъ поворотъ на полу, и очутился на колѣняхъ передъ госпожею Реньо, которая, увидѣвъ это, тотчасъ же почувствовала, какъ гнѣвъ ея растаялъ, и обезоруженная, простила его улыбкою.

Ничего не слыша съ нѣкотораго времени, и не понимая этого молчанья. Тесье попробовалъ поднять стору, которая зашумѣла, какъ отъ порыва бурнаго вѣтра.

Только одинъ Франсисъ понялъ причину этого внезапнаго шума и въ тоже время необходимость довести эту сцену до рѣшительнаго результата, и потому тотчасъ-же принялъ позу, болѣе приличную своей роли и порученію, данному ему другомъ.

— Позвольте мнѣ, сказалъ онъ громко, исполнить порученіе Тесье: что долженъ я ему отвѣчать?

— Мосье Драмонтъ правъ, сказала въ свою очередь мадамъ Реньо съ какою-то материнскою важною: пора на что-нибудь рѣшиться. Если ты любишь Тесье, то всѣ эти ссоры не что-иное, какъ пустяки; а если не любишь, то надо сказать объ этомъ отцу твоему, который вѣрно не станетъ принуждать тебя.

— Я не люблю его, и никогда его не любила, отвѣчала Селестина твердымъ голосомъ.

Драмонтъ посмотрѣлъ на окно; ему хотѣлось видѣть, отворено ли оно; старъ сильно зашевелилась, значило, что отвѣтъ молодой дѣвушки дошелъ по адресу.

Обратясь тогда къ Селестинѣ, съ выраженіемъ счастья во взорѣ и съ улыбкою на губахъ, Франсисъ сказалъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Между тѣмъ вы приняли его предложеніе?

— Я была такъ молода и такъ глупа, отвѣчала Селестина, съ тѣмъ презрѣніемъ, которое чувствуютъ сердца, недавно посвященные въ таинства любви, при воспоминаніи объ ихъ младенческомъ мезнаціи; бракъ этотъ нравился моему отцу, а мнѣ хотѣлось жить въ Парижѣ; и потому я приняла предложеніе вашего друга, не понимая всей важности обѣщанія. Да и онъ самъ, вѣрно, не придаетъ этому большой важности. Къ счастью, опытъ доказалъ намъ обоимъ, что мы не рождены

другъ для друга. Я не обвиняю его, и признаюсь даже, если хотѣть, что вся вина моя была съ моей стороны. Всѣмъ кажется, что у меня много недостатковъ; что я капризна, неблагоприятна, даже зла. Я несовѣстна съ этимъ согласна, но мнѣ такъ часто это повторяютъ, что наконецъ, я принуждена повѣрить. Слѣдовательно, мнѣ надо найти много снисхожденія въ человѣкѣ, который захочетъ на мнѣ жениться, продолжала молодая дѣвушка не столь твердымъ голосомъ. Мосье Тесье вовсе не былъ ко мнѣ снисходителенъ. Я не была бы съ нимъ счастлива, и въ этомъ я теперь убѣждена вполне. Я откровенна; а какъ отъ меня нельзя отнять этого качества, то онъ увидѣлъ бы, что я не люблю его, и можетъ-быть, это огорчило бы его. По этому вы видите, что отказывая ему, я совершенно права.

Франсисъ сталъ ходить по комнатѣ въ ужасномъ волненіи.

— А если онъ вернется? сказалъ онъ наконецъ: какъ вы его примите?

— Я повторю ему тоже самое, что вамъ сейчасъ сказала.

— Ну, а еслибъ онъ очутился здѣсь неожиданно, и сталъ бы умолять васъ? что вы ему скажете?..

— Я скажу: я не люблю васъ и никогда васъ не любила, отвѣчала Селестина поспѣшно; потому-что не знала, какъ понимать взгляды и рѣчи Франсиса.

Драмонъ такъ хорошо сообразилъ всѣ свои движенія, что въ эту минуту очутился уже у окна, и такъ быстро схватилъ шнурокъ сторы, что она поднялась до самаго потолка еще скорѣе и неожиданнѣе, чѣмъ театральная занавѣсь. Солнце волной хлынуло въ комнату и освѣтило дѣйствующихъ лицъ этой сцены, которыя сквозь балюстраду окна и жидкую зелень двухъ гераній увидѣли растерянную фигуру Аристидя Тесье. Мадамъ Ренью приняла его за вора и громко вскрикнула: Селестина въ ту же минуту узнала жениха своего, но не двинулась съ мѣста, какъ-будто окаменѣла; наконецъ, Драмонъ разыгралъ роль увлеченнаго, какъ нельзя натуральнѣе, и наклонясь къ окну, сказалъ съ любезной миной

— А! здравствуй, любезный Аристидъ, какъ твое здоровье?

Измученный отъ усталости, наслу стоя на ногахъ, съ расцарапанными объ желѣзную рѣшетку руками, Аристидъ, при неожиданномъ поднятіи занавѣса, почувствовалъ, какъ холодный потъ обдалъ его съ ногъ до головы.

Наконецъ, стараясь переломить себя и дѣлая надъ собою послѣднее усиліе храбрости, онъ хотѣлъ улыбнуться; но улыбка его приняла такое комическое выраженіе, что дамы, несмотря на стараніе удер-

жаться отъ смѣха, громко расхохотались и бросились отъ окна. Только Драмонтъ сохранялъ неподражаемое хладнокровіе.

— Скажи на милость, что ты тамъ дѣлаешь, стоя на солнцѣ? точно какой-нибудь маляръ или штукатуръ, сказалъ онъ Аристиду, протягивая ему руку.

Тесье приподнялся, чтобъ перелѣзть черезъ окно; но вдругъ оробѣлъ: громкій смѣхъ снова раздался въ комнатѣ.

Съ истерзанною душою, уничтоженный скорѣе смѣшнымъ своимъ положеніемъ, чѣмъ усталостью и горемъ, Аристидъ до того потерялся, что не могъ долѣе поддерживать достоинство своей особы и тяжесть своего тѣла. Руки его опустились, такъ, что онъ скорѣе упалъ, чѣмъ сошелъ со стѣны, и полумертвый отъ гнѣва, побѣждалъ по дорогѣ, изгибы которой скрыли его отъ насмѣшливыхъ взоровъ.

— Надулъ! подстрѣлилъ! думалъ Франсисъ, глядя на исчезающаго друга; потомъ, разыгравъ пьесу, онъ опустилъ стору, и поверотаясь къ дверямъ, очутился передъ мадамъ Реньо. Селестины не было больше въ комнатѣ; она вышла изъ павильона.

— Знали вы, что онъ тамъ? спросила блондинка притворно серьезнымъ тономъ.

— Зналъ, отвѣчалъ онъ тоже серьезно.

— И вамъ не совѣстно?

— Я влюбленъ.

— И вы думаете, что сказавъ это, вы всегда будете правы въ глазахъ женщины?

— Не думаю, а увѣренъ.

— Мадамъ Реньо подумала съ минуту.

— Вашъ другъ не довольно уменъ, чтобъ жениться на Селестинѣ, продолжала она; не скажу, чтобъ и у васъ было слишкомъ много ума, потому—что хочу щадить вашу скромность; но признаюсь, что совершенство, съ какимъ вы разыгрываете комедіи, заставляетъ меня бояться за будущее счастье Селестины, если предположить, что вы когда-нибудь сдѣаетесь ея мужемъ. Точно ли вы ее любите?

— Отъ всей души! вскричалъ молодой человѣкъ съ такимъ выраженіемъ, какого бы не нашлось у самаго искуснаго актера.

— Я вѣрю вамъ, продолжала она, скрывая подъ улыбкою этотъ припадокъ меланхоліи. Теперь вы можете говорить съ дядюшкой; я не вижу причины отлагать ваше предложеніе.

— Не лучше ли получить прежде согласіе вашей кузины? отвѣчалъ Драмонтъ съ скромнымъ видомъ. Я не знаю еще, любить ли олег-

корился

Мадамъ Реньо отвѣчала молодому человѣку проницательнымъ, глубокимъ взоромъ, и пожавъ плечами, отвортилась отъ него.

Несмотря на такую краспорѣчивую пантомиму, Драмонъ на другой день получалъ отъ самой Селестины согласіе, въ которомъ, по мнѣнію мадамъ Реньо, женщины проницательной, нечего было сомнѣваться; она видѣла это слишкомъ ясно. Потомъ Драмонъ пошелъ свататься къ старику Синару, который сперва былъ удивленъ; но узнавъ, что Тесье первый изъявилъ желаніе взять назадъ свое слово, и что дочь его вовсе не противилась этому желанію, добрый старикъ не заставилъ долго ждать своего согласія.

— Видно избранный мною женихъ ей не нравится сказалъ она: пусть теперь сама выбираетъ, я не стану ей поперечить.

Взбѣшенный при одной мысли объ оскорбленіи, угрожавшемъ его дочери, старый негодяище тотчасъ же написалъ бывшему жениху письмо, въ которомъ формально ему отказывалъ, и повидимому раздѣлялъ нетерпѣніе Франсиса, который ничего не жалѣлъ, чтобъ сократить свадебныя приготовленія. Все устроилось съ удивительною быстротою. Шестъ недѣль спустя послѣ навильоннаго событія, бракъ влюбленныхъ совершился.

Нѣсколько дней предъ тѣмъ, Драмонъ написалъ другу своему слѣдующую записку:

«Любезный Аристидъ, въ жизни бываютъ непонятныя превратности: два мѣсяца тому, ты увѣдомлялъ меня о своей женитьбѣ; а теперь, я увѣдомляю тебя о своей; и странная вещь, я женюсь на дѣвушкѣ, отъ которой ты отказался. Надѣюсь, что ни одинъ изъ насъ не станетъ оплакивать своего рѣшенія, а напротивъ, будетъ радоваться. Чтобъ доказать, что ты на меня не сердись, пріѣзжай на свадьбу, и прими обязанность шафера, которую ты на меня возлагалъ; тебя примутъ здѣсь, какъ друга; я отвѣчаю за всѣхъ. Свадьбы часто расходятся; но ничто, надѣюсь, не можетъ разорвать нашей давнишней и неизмѣнной дружбы».

Твой Ф. Драмонъ...

Тесье разорвалъ въ клочки письмо это и разбросалъ по полу; затемъ наводнилъ воздухъ самыми энергическими проклятіями, сопровождаемыми страшной клятвой мести; но внезапная смерть дяди его Маржолье, которому выдумка Драмона, повидимому, нанесла несчастье, оставила эти припадки ярости, и принудила его ѣхать въ Бретань, гдѣ ^{одностороннія} заботы о наследствѣ отвлекли его на нѣкоторое время такое количество воспоминаній и мстительныхъ замысловъ.

Люба другъ—друга свѣтлою и тихою страстью, молодые супруги покорялись скорѣе законамъ сердца, чѣмъ обществу. Посвященная въ таинства счастья, котораго она никогда даже и во снѣ не угадывала, Селестина чувствовала къ мужу своему совершенный восторгъ, смѣшанный съ благодарностью. Драмонъ, съ своей стороны, любилъ нежно и глубоко прелестнаго ребенка, участь котораго зависѣла отъ него, и съ каждымъ днемъ привязывался къ нему все сильнѣе.

Связаннымъ такою любовью, имъ казалось невозможнымъ, чтобы облако хотя однажды помрачило это свѣтлое небо счастья; облако появилось однако, и можетъ—быть своимъ преждевременнымъ появленіемъ сдѣлало много добра молодымъ супругамъ, потому—что утренная гроза не такъ опасна.

Франсисъ былъ увлеченъ въ брачное море однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ и непредвидимыхъ потоковъ, которые не даютъ ни силы выбиваться, ни времени разсуждать. Но теперь въ сердце его запала странная боязнь, которая какъ червякъ точитъ цвѣтокъ и отрываетъ у него листокъ за листкомъ. Недостатки Селестины, которые онъ считалъ ребачествомъ, пока былъ только свидѣтелемъ ея вспышекъ, показались ему съ—тѣхъ—поръ, какъ онъ началъ искать ихъ и не находилъ, въ гораздо большихъ размѣрахъ. Онъ думалъ, что они ушли только, а не искоренились, и молчаніе это беспокоило его. Еслибы Драмонъ былъ фатъ, то искалъ бы собственнымъ достоинствомъ такую перемѣну въ характерѣ жены своей; но Драмонъ не былъ фатомъ, хотя и не имѣлъ никакого дурнаго мнѣнія о своей особѣ. Ровность характера, всегдашняя мягкость, замѣнившая прежнюю раздражительность Селестины, смѣшались съ нею, потому начали удивлять, и наконецъ ужасно мучить его, тѣмъ болѣе, что онъ старался скрывать свои чувства. Върн въ жизнь свою только перемѣнѣ, на которую никакъ не надѣялся, онъ приписывалъ ее разнымъ причинамъ, исключая настоящей. Онъ не зналъ, что любовь перерождаетъ человека.

— Лявица спитъ, но кто можетъ поручиться, что она не проснется во всей ярости, думалъ иногда Драмонъ, поглядывая украдкой на молодую женщину, взоръ которой уже не искрился, а тожно покоился въ бархатныхъ зрачкахъ своихъ.

Боязнь, что лявица проснется, сдѣлалась его постоянною заботою, безпрестаннымъ беспокойствомъ, и заставила понемногу предписать себѣ систематическій планъ поведенія. Живой, пламенный, раздражительный, и самъ до крайности вспыльчивый, онъ покорилъ свой нравъ и подчинилъ себя самому строгому наблюденію за самимъ—собою. Драмонъ легко увлекался и часто былъ неразумителемъ; теперь онъ покорился

неумолимой осторожности и благоразумію. Онъ подавилъ разсудкомъ свой огненный характеръ, чтобъ замять малѣйшія искры, которыя своимъ прикосновеніемъ могли поджечь женскую селятру, взрыва которой онъ такъ страшился. Охраняя такимъ-образомъ денно и ночью супружескій миръ свой, онъ удалялъ, со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ, всѣ элементы, могущіе служить матеріаломъ къ раздору. Самый ничтожный споръ, малѣйшее противорѣчіе становились невозможными, до того онъ боялся ихъ и старался предупредить. Благодаря мирной этой политикѣ, Селестина, идя по брачному пути, не чувствовала подъ ногами ни камней, ни черепицъ, ни шпировъ; но зато, грустное возмездіе! ей скоро показалось, что и цвѣтовъ тоже было мало на этомъ пути. Франсисъ перешелъ за предѣлы цѣли. Безпрестанное наблюденіе за самимъ-собою сдѣлало его непринужденныя манеры натянутыми; охраняя себя отъ собственнаго увлеченія, онъ во всѣхъ случаяхъ выказывалъ зрѣлость сужденія, спокойствіе ума, однимъ-словомъ, то хладнокровіе, ту обдуманность, въ которыхъ молодое сердце должно было иногда находить больше разсудка, чѣмъ нѣжности и теплоты. А какъ невозможно было удовлетворить благоразумною любовью, такую женщину, какъ Селестина, пылокое воображеніе которой всегда выбирало ближайшія облака для построенія своихъ воздушныхъ замковъ, то, не находя въ мужѣ своемъ той восторженности и теплоты сердца, которыя ей казались естественными стихіями любви, она начала понемногу чувствовать то тягостное состояніе души, похожее на ощущеніе птицы, когда она бьется въ слишкомъ тяжелой для крыльевъ ея атмосферѣ; она находила Франсиса слишкомъ смиреннымъ и серьезнымъ для его лѣтъ. Судя по наружности, потому-что у ней было больше хитрости, чѣмъ проникательности, она приняла спокойствіе и преждевременное глубокомысліе мужа своего за уменьшеніе любви. И такъ Селестина думала, что она уже не такъ любима, какъ прежде, и мысль эта, которая привела бы ее въ раздраженіе, еслибъ она была еще дѣвухой, повергла ее теперь въ мрачное уныніе; она совершенно упала духомъ, потому-что энергія, которую она сперва тратила въ малѣйшихъ своихъ движеніяхъ, теперь сосредотчилась въ ея сердѣ. Изъ вѣчно раздраженнаго, взволнованнаго ребенка, любовь превратила ее въ женщину.

Однажды вечеромъ, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, молодые супруги, жившіе постоянно въ Парижѣ, сидѣли вдвоемъ въ ложѣ Комической-Оперы.

Селестина, опершись на спинку стула, сидѣла въ томной задумчи-

востн, и машинально смотрѣла на сцену, не глядя на актеровъ и не слушая музыки. Франсисъ тоже, казалось, былъ погруженъ въ думу.

Нѣсколько дней тому, онъ замѣтилъ грусть жены своей и старался отыскать тому причину, но не находилъ ее. Они просидѣли такимъ-образомъ все время представленія. Оба молчали, обращаясь другъ къ другу только изрѣдка; однимъ-словомъ, они находились въ такомъ расположеніи духа, которое обыкновенно бываетъ предвѣстникомъ супружескихъ несогласій.

Между зрителями, взоры которыхъ привлекала красота госпожи Драмонъ, особенно одинъ, одѣтый въ черное платье, сидѣлъ въ балконѣ и съ неумолимымъ вниманіемъ наблюдалъ за всѣмъ, что дѣлалось въ ложѣ Драмона. Это былъ Аристидъ Тесье, недавно возвратившійся изъ Бретани.

При видѣ супруговъ, въ сердцѣ его пробудилась досада, убаюканная на-время наслѣдствомъ Маржолье.

Грусть, выражавшаяся на лицѣ Селестины, озабоченный видъ Драмона заставили его заключить, что его бывший другъ и бывшая невеста несомнѣнно-то счастливы. При этой мысли, сердце его забилось злобною радостью.

— У нихъ очень кислыя лица, подумалъ онъ, улыбаясь какъ Яго.

Тесье не спалъ всю ночь; имъ овладѣло непобѣдимое желаніе, жгучая жажда мести, и онъ придумывалъ, какъ бы ему почувствительнѣе отплатить измѣнившей ему четѣ. Во всякомъ другомъ случаѣ такое настрѣніе привело бы его въ негодованіе, потому-что отъ природы Тесье былъ честный человѣкъ; но теперь онъ съ жадностію ухватился за свою мысль, потому-что оскорбленное самолюбіе превращаетъ человѣка въ тигра.

На другой день, съ головы до ногъ вооружившись лицемѣріемъ, онъ отправился къ Драмону, который съ радостью встрѣтилъ своего бывшего друга.

— Такъ ты не сердись на меня? спросилъ Франсисъ съ немногo насмѣшливой улыбкой.

— Ну, еслибъ мы даже и перерѣзались, это ни къ чему не пошло бы, и мнѣ не было бы отъ этого легче, отвѣтилъ Аристидъ съ притворнымъ добросердечіемъ. Ты сыгралъ со мной прескверную шутку; но бить я не могу тебя наказать, то поневолѣ долженъ простить.

Селестина вошла въ это время въ гостиную.

Увидѣвъ человѣка, за котораго должна была выйти, она нисколько не смутилась; онъ такъ мало сдѣлалъ впечатлѣнія на ея сердце, что она могла принять его съ радушною улыбкою, съ какою обыкновенно встрѣчаешь старинныхъ знакомыхъ. Этотъ спокойный и дружескій пріемъ

еще больше разжечь гнѣвъ Аристида, но онъ скрылъ свои чувства, и повидному, отказался отъ всѣхъ воспоминаній о женщинѣ, совершенно его забывшей. Тесье съ перваго визита былъ какъ дома у своего друга, который вниманіемъ и услужливостью, казалось, хотѣлъ загладить вину свою и заставить Аристида забыть все, что между ними было непріятнаго.

Въ короткое время, онъ вошелъ въ совершенную короткость и сдѣлался домашнимъ человѣкомъ.

Чтобъ не допустить Драмона ни до какихъ подозрѣній, Аристидъ безпрестанно говорилъ, что намѣренъ жениться и часто совѣтовался съ нимъ объ этой мнимой свадьбѣ, которой, повидному, былъ очень занятъ.

Аристидъ, въ ожиданіи минуты мищенія, старался всячески снискать расположеніе Селестины, и принялся терпѣливо за ремесло дамскаго угодника; онъ выпрашивалъ себѣ маленькія порученія, бѣгавъ; хлопоталъ, суетился, и все это изъ чистой, безкорыстной дружбы.

Вскорѣ въ вѣдомствѣ его перешли: концертные билеты, наемъ ложъ въ театрахъ, списыванье романсовъ, рисованье узоровъ для вышивокъ, комиссія по моднымъ магазинамъ. Онъ сдѣлался необходимой потребностью въ домѣ.

Сначала, угожденія эти надѣлали Селестинѣ, которая не умѣла скрывать своихъ впечатлѣній; но потомъ, при видѣ приторнаго селадонства Тесье, ею овладѣло одно изъ тѣхъ пагубныхъ желаній, которыя женщинамъ не всегда удается побѣдить; именно, мысль — возбудить ревность мужа и тѣмъ испытать любовь его. При пылкомъ характерѣ Селестины мысль не могла долго оставаться безъ осуществленія, и вотъ она вдругъ измѣнила холодное обращеніе съ бывшимъ женихомъ, и стала къ нему особенно ласкова.

Тесье тотчасъ же почувствовалъ эту перемену, но ошибся въ истинѣ; любовь и самолюбіе слѣпы: онъ не замѣтилъ притворства, и возвратясь вечеромъ домой, сказалъ себѣ съ самодовольною улыбкою:

— Ты отнялъ у меня невесту, Франсисъ, ну, такъ постой-же: посмотримъ, кто изъ насъ останется въ дуракахъ.

Глаза Франсиса еще не такъ ослабѣли, чтобъ онъ не замѣтилъ наконецъ коварныхъ замысловъ своего такъ-называемаго друга.

Первою мыслию Драмона было выбросить изъ окна коварнаго искуссителя, но одно странное размышленіе удержало его и предписало поведеніе, совершенно противоположное этой системѣ короткой расправы.

— Селестинѣ только восемнадцать лѣтъ, думалъ онъ: она хороша, какъ перь, хотя, увь! и не такъ непоколебима, какъ она; слѣдователь-

но, меня ожидаютъ еще двадцать лѣтъ опасности, двадцать лѣтъ ежедневной борьбы, въ которой изнемогаютъ столько людей, достойныхъ лучшей доли. Мы не въ Турціи; я не могу водить жену педь покрываломъ или держать подъ замкомъ въ гаремѣ. Мы живемъ въ Парижѣ; Селестина выѣзжаетъ, всѣ ее замѣчаютъ, многіе, вѣроятно, ей желаютъ нравиться; слѣдовательно, борьба неизбежна. Почему жъ, въ такомъ случаѣ, не начать ее съ этого же дня? Когда опасность извѣстна, то она уже не такъ страшна, и коварство Тесье можетъ мнѣ быть скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Онъ представляетъ собою довольно позволительный образчикъ изъ породы влюбленныхъ; прежняя привязанность даетъ ему надежду на успѣхъ, а положеніе его въ нашемъ домѣ дѣлаетъ его въ-самомъ-дѣлѣ опаснымъ: пусть же онъ угаживаетъ за Селестиной, я позволяю ему, потому-что пребудутъ же оружіе въ день боя, чтобы увѣрится, что оно остро и не переломится въ схваткѣ. Если жена моя выйдетъ побѣдительницей, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, то я приобрѣту двадцать лѣтъ спокойствія и довѣрія, и потому уже, какъ будто ничего не вида, стану охранять свое счастье.

Принявъ это рѣшеніе, мудрость котораго мы не станемъ доказывать, Франсисъ продолжалъ ласкать Тесье попрежнему. Тогда между Селестиной и двумя друзьями-недругами начался тайный бой, что-то въ родѣ невидимой драмы, въ которой каждое дѣйствующее лицо показываетъ видъ, какъ-будто не принимаетъ близкаго участія въ ходѣ дѣла.

Чѣмъ Драмонъ былъ спокойнѣе, тѣмъ жена его была кокетливѣе; такимъ образомъ, не понимая другъ-друга, оба обманывали Тесье, который одинъ только, несмотря на свои извѣстныя козни, никого не обманывалъ.

Селестина первая устала притворяться; это было несвойственно ея характеру. Невозмутимое спокойствіе мужа показалось ей обидой; въ преувеличенномъ довѣрїи его она видѣла неоспоримое доказательство равнодушія, которое оскорбляло ее до глубины души. Въ отчаяніи, что не можетъ ему внушить ту бѣшенную ревность, на которую пылкія женщины смотрятъ снисходительно, какъ на доказательство любви, она изнемогла отъ своего притворнаго кокетства; но кокетство это, не имѣя больше цѣли, казалось ей гадкимъ, презрѣннымъ; душой ея овладѣло глубокое уныніе, въ которое, послѣ долгой борьбы, всегда впадаютъ разочарованныя сердца.

Увидѣвъ эти признаки, Драмонъ задрожалъ; онъ приписывалъ тоску жены своей угрызениямъ совѣсти, которая всегда пробуждается въ благородной душѣ отъ первыхъ прикосновеній недостойной страсти.

Аристидъ думалъ тоже, и радуясь въ тайнѣ, немедленно пустилъ въ ходъ тактику, въ дѣйствительности которой онъ не сомнѣвался.

Каждый разъ, какъ онъ замѣчалъ легкое облако на лицѣ Селестины, или слѣды слезъ на глазахъ ея, онъ ворковалъ вѣжливымъ голосомъ слѣдующее предложеніе, форму котораго варьировалъ на разные лады, не измѣняя однакожъ главной мысли:

— Вы погибли для меня, но у меня осталось еще одно утѣшеніе — ваше счастье, которымъ вы теперь наслаждаетесь, и это облегчаетъ мое горе.

Если станешь такимъ образомъ говорить женщинѣ сто разъ въ день объ ея счастья, то, разумѣется, она начнетъ въ немъ сомнѣваться.

Селестина, не вѣрившая уже въ свое счастье, чувствовала ужасное стѣсненіе сердца каждый разъ, когда лицемерное это поздравленіе выходило на сцену; хотя оно было прикрыто участіемъ, но не менѣе того страшно терзало ее. Наконецъ она сбросила съ себя это иго.

— Счастье! вскричала она, выходя изъ себя, однажды вечеромъ, сидя вѣвоемъ съ Аристидомъ. Когда вы перестанете говорить о моемъ счастье?

Аристидъ вздрогнулъ, какъ охотникъ, завидѣвшій дичь, давно имъ ожидаемую.

— Развѣ я ошибся? сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ. Я считалъ васъ самою счастливою женщиною въ мірѣ.

Мадамъ Реньо путешествовала съ мужемъ своимъ по Швейцаріи, Селестинѣ некому было повѣрять своихъ душевныхъ мыслей, а довѣріе — благотворный клапанъ, который если запертъ, то страждущему сердцу становится невыносимо душно.

Въ эту минуту потребность облегчить сердце сдѣлалась для Селестины тѣмъ больше непреодолима, что долго была подавлена. Тайная скорбь молодой женщины, вырвалась наружу, хотя она старалась еще удерживать ее. Наконецъ, не будучи въ состояніи крѣпиться, она отвѣчала на вопросъ Аристида судорожнымъ рыданіемъ.

— Чтѣ съ вами? скажите ради Бога! Чтѣ значать эти слезы? спрашивалъ хитрецъ, отнимая платокъ, которымъ Селестина зажимала себѣ ротъ и глаза.

— Онъ не любитъ меня! отвѣчала Селестина, опускаясь съ отчаяніемъ въ кресло.

Это простосердечное восклицаніе не совсѣмъ-то поправилось Тесѣ; но скрывъ досаду свою, онъ продолжалъ сладкимъ голосомъ:

— Милая Селестина, умоляю васъ, откройте мнѣ свое сердце; если у васъ есть какое горе, кому же вы его повѣрите, какъ не мнѣ,

вашему преданнѣйшему другу;—вы вѣрно считаете меня своимъ другомъ? не правда ли, Селестина? Я былъ бы слишкомъ несчастливъ, еслибъ вы сомнѣвались въ моей привязанности потому только, что у меня нѣтъ довольно силъбости выказать всю ея безпредѣльность. Такъ не удерживайте же слезъ своихъ, а доставьте мнѣ грустное счастье осушить ихъ.

Вкрадчивыя слова эти достигли своей цѣли. Селестина не смотрѣла уже на него, какъ на прежняго забавнаго обожателя, не какъ на искреннаго друга, готоваго ее слушать, и способнаго, можетъ-быть, понять ее.

— Мой добрый, милый Ариетидъ, отвѣчала она, не стараясь больше удерживать слезъ своихъ: я совсѣмъ не такъ счастлива, какъ вы думаете; это будетъ слишкомъ долго вамъ рассказывать. Вы знаете мой характеръ, и знаете тебѣ, что несмотря на мои недостатки, у меня доброе сердце и что ласкою изъ меня все можно сдѣлать; а онъ не понималъ этого. Онъ не любитъ меня! говорю вамъ, что не любитъ! Помните ли, когда вы были женихомъ моимъ, я часто бывала очень зла; вы тоже, въ свою очередь, сердились; но наши маленькія ссоры, несмотря на то, что вы мнѣ нравились, не оставляли въ сердцѣ моемъ ни малѣйшей горечи. Когда бывало я побраню васъ, то ужъ больше не сердюсь. Я никогда о васъ не думала, потому-что не любила; а его люблю! Я обожаю его, Ариетидъ! Не правда ли, какъ я несчастлива?

Въ эту минуту Тесье узналъ, что должность повѣреннаго не совсѣмъ пріятна.

— Такъ онъ съ вами не хорошо обходится? спросилъ Ариетидъ, кусая себѣ губы.

— Какъ можно! Право не знаю, какъ вамъ сказать! Онъ чрезвычайно добръ, живетъ ко мнѣ неограниченное довѣріе; чего я хочу, того и онъ хочетъ, малѣйшія желанія мои исполняются прежде, чѣмъ я успѣю ихъ выговорить, такъ, что я не успѣваю и придумывать новыя желанія; даже капризы мои... ахъ!.. только у меня нѣтъ больше капризовъ; они тогда бываютъ, когда человекъ счастливъ! Однимъ-словомъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ я замужемъ, мы ни разу не ссорились, даже не подумали объ этомъ. Слѣдовательно, судя по наружности, я не имѣю права жаловаться; но я васъ спрашиваю, Ариетидъ: можетъ ли сердце жить безъ любви?

— Нѣтъ, не можетъ! отвѣчалъ Тесье, поднимая глаза къ потолку: сердце... любовь...

Селестина перебила его.

— Еслибъ вы знали, продолжала она, какъ въ началѣ жизнь ка-

залась мнѣ прекрасною! Счастье мое было ни съ чѣмъ несравнимо. Любовь моя къ нему до того меня измѣнила, что вы не узнали бы меня; я сама себя не узнавала; характеръ мой, прежде строптивый, непреклонный, смягчился безъ всякаго усилія; я, которая отъ роду никому не повиновалась, никого не слушалась, я старалась угадывать, по выраженію лица, его волю, читать въ глазахъ его желанія; ничто не раздражало меня, я никогда не сердилась; наконецъ, вы не повѣрите, я перестала быть злою! Не правда ли, онъ могъ, онъ долженъ былъ любить меня? Вы вѣрно любили бы меня на его мѣстѣ?

— О!.. вскричалъ домашній другъ, не успѣвший ничего сказать болѣе.

— А онъ!.. онъ не любитъ меня, продолжала Селестина съ уныніемъ. Нѣжность моя, кажется, иногда больше надѣдаетъ ему, чѣмъ нравится. Если онъ замѣчаетъ, что я увлекаюсь и слишкомъ живо выражаю чувства, то я вижу въ глазахъ его какое-то безпокойство, но въ нихъ нѣтъ и тѣни счастья; вмѣсто словъ нѣжныхъ, теплыхъ, пламенныхъ, я слышу отъ него только холодныя, облуманныя фразы, которыя падаютъ мнѣ на сердце, какъ кусокъ льду. Стала ли бы онъ стараться охладить любовь мою, еслибъ не чувствовалъ, что не можетъ отвѣчать на нее такую сильною любовью?

— Такъ вы думаете, что онъ васъ не любитъ? сказалъ Тесъ, коварно настаивая на этомъ главномъ пунктѣ.

— Я въ этомъ увѣрена, отвѣчала съ жаромъ Селестина. Хотите доказательствъ? Когда вы стали къ намъ ѣздить, я принимала васъ ласково, даже была съ вами особенно любезна, потому-что рѣшилась испытать Франсиса и угадать, что происходитъ въ душѣ его. Вы не разсердитесь за то, что я скажу вамъ? Другу во всемъ можно признаться. Такъ знайте же, радость которую я выказывала, когда вы пріѣзжали, любезность моя, наконецъ кокетство... все это было не для васъ, а для него; я хотѣла наказать его, помучить, заставить ревновать. Развѣ я успѣла? Вы вѣрно поняли мое поведеніе, я въ этомъ убѣждена; вы очень хорошо знаете, что я не люблю васъ, что я васъ любить не могу; но развѣ онъ можетъ знать мое сердце такъ, какъ я знаю? Еслибъ онъ дорожилъ моею любовью, то вѣрно сталъ бы бояться, что другой можетъ ее у него похитить? Еслибъ онъ любилъ меня, наконецъ, онъ сталъ бы ревновать. А развѣ онъ ревнуетъ? отвѣчайте. Вы бываете у насъ каждый день, каждый часъ, а онъ даже и не замѣтитъ этого, не замѣчаетъ и того, что вы за мной ухаживаете. Помнитъ ли онъ, что было время, когда вы должны были жениться на мнѣ, и понимаетъ ли, что короткость, которую онъ мало

того, что допускать, но даже поощрять, можетъ быть опасна для меня? А ему все равно! Ему нѣтъ и дѣла до этого! Вотъ вы сидите тутъ битыхъ два часа, мы совершенно одни, глазъ на глазъ, онъ это знаетъ, но нисколько не заботится. Онъ вышелъ, когда вы вошли, и не думаетъ возвращаться. Аристидъ, онъ не любитъ меня, а я такъ люблю его!

На этотъ разъ утѣшитель не покушался отирать слезы, которыми текли крупными каплями по щекамъ Селестины.

Простосердечное признаніе это развило одними дуневоземъ все его воздушные замки, и озадачило его до того, что онъ не могъ, нѣсколько времени ни пошевелиться, ни выговорить слова; брови его сдвинулись, губы дрожали. Онъ пришелъ, однако, въ себя. Такой ударъ самолюбію придавалъ новую силу его злобѣ, и повелъ его на темную тропинку клеветы.

— Я давно знаю Франциса, сказалъ онъ вдругъ задумчиво, и никогда не замѣчалъ въ характерѣ его той холодности, въ которой вы его упрекаете; напротивъ, онъ всегда былъ полонъ восторговъ, увлеченья, и понималъ всякое чувство пылко, горячо. Если правда, что онъ васъ не любитъ, такъ это не потому, чтобъ онъ былъ совершенно равнодушенъ...

— А потому, что я ему больше не нравлюсь, сказала Селестина, грубіяно опустивъ голову.

Аристидъ съ недоверіемъ покачалъ головою.

— Тутъ должна быть другая причина, сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Какая же? спросила она поспѣшно, глядя ему пристально въ лицо.

Домашній другъ, не отвѣчая, опустилъ голову.

— Какая же причина? повторила Селестина, возвысивъ голосъ.

— Ужъ и я то слишкомъ далеко зашелъ, отвѣчалъ иезуитъ: впрочемъ, это только заключеніе; но какъ предполагать, чтобъ съ совершенно свободнымъ сердцемъ можно было васъ не любить?

— Такъ онъ любитъ другую? другую? вскричала Селестина, вскакивая съ кресла.

Глаза ея пылали яростью. Лявица проснулась, чего такъ давно бѣдѣла Драмонтъ.

— Я не говорилъ, что онъ любитъ другую, отвѣчалъ Тессъ, шепелявясь, будто раскаивается въ своей неосторожности.

— Нѣтъ, вы сказали, перебила съ биченствомъ Селестина. Тессъ вы хотите меня обманывать; но я все по лицу вашему вижу

Онъ любить другую! Хорошо! Тайна открыта. Отвѣчайте мнѣ... потому-что вы все знаете, я въ этомъ увѣрена; можетъ-быть, вы его повѣренный. А! онъ любить другую! Я убью его! Нѣтъ, я совершенно спокойна; да говорите же, вы видите, что я спокойна!

Ариетидъ слишкомъ далеко зашелъ, чтобъ отступать назадъ въ эту минуту, и потому началъ искать въ воображеніи своемъ какой-нибудь измѣны, пригодной на этотъ случай, которою онъ могъ-бы очернить Франсиса: Видя, что Драмона, какъ мужа, не чѣмъ было попрекнуть, онъ началъ отыскивать въ памяти своей разные приключенія изъ холодной его жизни; а какъ взрывы гнѣва и нетерпѣнія допрашивающей не давали ему времени ничего придумать, онъ остановился на первомъ воспоминаніи, пробудившемся въ его памяти.

— Я ничего не знаю вѣрнаго, а только подозреваю... сказалъ онъ сострадательнымъ тономъ: но видя васъ въ такомъ состояніи...

— Ничего... я не плачу, отвѣчала Селестина, отирая слезы: только говорите... развѣ вы хотите уморить меня?

— Любовь, о которой я невольно намекнулъ, существовала еще долго до вашей свадьбы, и вы почти не имѣете права оскорбляться ею. Я помню, что Франсисъ говорилъ мнѣ объ этомъ въ тотъ самый день, какъ пріѣхалъ къ вамъ въ домъ, чтобъ быть моимъ шаферомъ.

— Ну!.. сказала Селестина, насилу перевода духъ отъ волненія.

— За нѣсколько времени предъ тѣмъ, онъ встрѣтилъ въ маскарадѣ одну прелестную особу, если вѣрять его описанію...

— Въ маскарадѣ.

— Да, въ маскарадѣ Оперы.

— А имя этой женщины?

— Имени ея я не знаю; онъ и самъ не зналъ его тогда. Вотъ все, что я узналъ отъ него: ихъ было двѣ дамы; онѣ сидѣли въ ложѣ третьяго яруса. На пальцѣ одной изъ нихъ было надѣто сверхъ перчатки изумрудное кольцо, а у другой въ рукѣ была роза, желтая роза.

Селестина вскопчила, какъ-будто какая электрическая сила управляла ею; но снова тотчасъ же упала въ кресла, гдѣ оставалась неподвижна, почти безъ сознанія.

Ариетидъ продолжалъ:

— Другъ Франсиса, войдя въ ложу, дерзко сорвалъ маску съ желтой розы; тогда мужъ вашъ увидѣлъ такое восхитительное лицо, что у него недоставало словъ описать его.

— Такъ она ему понравилась, онъ говоритъ, что она была хорошенькая? спросила Селестина дрожащимъ голосомъ.

— Да, онъ находитъ, что она обворожительна! Надо было слы...

вить, какъ онъ ею восхищался. Наконецъ, такъ-какъ вы принуждаете меня все сказать, онъ влюбился въ нее, и до того влюбился, что на другой день вышелъ изъ-за нея на дуэль съ другомъ своимъ, чтобъ наказать его за оскорбленіе, нанесенное такой обворожительной женщиной.

— Онъ нашелъ, что она хороша... и полюбилъ... съ перваго взгляду... и дрался за нее... пробормотала Селестина, по лицу которой явлись обильныя слезы, между-тѣмъ, какъ губы ея были полураскрыты улыбкою.

Вдругъ она схватила обѣ руки Аристиды, и сжимая ихъ съ судорожною силою, вскричала:

— Еслибъ вы потребовали моей жизни, я отдала бы вамъ ее; но за счастье, каковыя я вамъ обязана, ничѣмъ нельзя вознаградить.

Аристидъ думалъ, что она съ ума сошла, и отодвинулъ свое кресло.

Въ эту самую минуту дверь отворилась, и Драмонтъ, который съ перваго взгляда замѣтилъ волненіе разговаривающихъ, остановился на порогѣ; онъ поблѣднѣлъ, думая, что сдѣлался жертвой своего испытанія.

Услышавъ стукъ дверей, Селестина встала, но ноги ея подкосились; наконецъ, собравъ всѣ силы, она бросилась къ мужу, повисла у него на шеѣ, и такъ крѣпко обняла, какъ-будто хотѣла его задушить.

— Гадкій! обманщикъ! лгуны! говорила она, перебивая каждое слово подслушавъ. А! вы разыгрываете комедію, и находите недостойнымъ открывать сердце свое такому ребенку, какъ я. Посмотрите на этого холоднаго и благоразумнаго человѣка; онъ боится слишкомъ любить жену свою, а между-тѣмъ дерется за какую-нибудь дрянную маску.

При видѣ Драмона, Аристидъ, по обычаю влюбленныхъ, застигнутыхъ мужемъ, схватилъ свою шляпу. Нежданный оборотъ супружескаго объясненія доказалъ ему, что присутствіе его и даже посѣщенія сдѣлались излишними. Пристыженный, какъ лисца въ баснѣ, онъ молча проскользнулъ къ дверямъ, и исчезъ изъ комнаты. Хозяева даже и не замѣтили отсутствія своего домашняго друга.

— Такъ тебѣ рассказали мои глупости? спросилъ Франсисъ, ласково обнимая жену свою.

— Глупости! повторила Селестина, очаровательно надувъ свои прелестныя губки: знаете-ли, что такое глупость? Это ваше благоразуміе! Развѣ у насъ не достанетъ времени сдѣлаться степенными? Но меня предупредили, и когда вы еще захотите обманывать меня, злой человѣкъ, я вамъ больше не повѣрю; потому-что знаю теперь, что вы и не думаете быть холоднымъ, серьезнымъ, или разсудительнымъ; напротивъ, вы неблагоразумны, неблагоразумны такъ же, какъ я, слышите вы это? Вы дрались на дуэли... О! еслибъ я была мужчиной, я бы тоже дра-

ласть! Но вамъ, вамъ нельзя больше драться... Помните, что я вамъ запрещаю. На этотъ разъ я васъ прощаю, потому только, что это было за меня, за меня, неблагодарную, которая думала, что ты меня не любишь. Но вѣдь ты любишь меня? неправда ли?

— А ты сомнѣвалась?

— Да какъ еще! Еслибъ ты знала, какъ я страдала! Умоляю тебя, не испытывай меня больше. Зачѣмъ боняться наказывать мнѣ любовь свою? Ты боньшься, что я сбѣлаюсь гордою?

— Нѣтъ, не боюсь; но ты такъ неблагоприятна! Что стѣнется съ нами, если я не буду умнѣ за обоихъ?

— Поблужай, раздѣлился. Будь помоложе, я буду востарше. О! ты можешь быть спокоенъ: сердце мое еще очень молодо, но когда я захожу, то на плечахъ у меня вырастаетъ мудрая стариковская голова. Чтобы придать болѣе вѣсу словамъ своимъ, Селестина дотронулась пальцемъ до бѣлаго и гладкаго, какъ слоновая кость, лба своего. Такъ я тебѣ съ перваго взгляда понравилась? А я тебя не узнала! Ты была такой снѣжной съ этими гадкими носомъ. Какъ Гортензіа будетъ снѣжаться, когда узнать все это! Какъ это будетъ забавлять насъ! И ты дрался за меня, душка; но вѣдь въ послѣдній разъ? не правда-ли? Еслибъ тебя ранили, я умерла-бы съ горя! Къ тому-жъ ты долженъ знать, что я ревнива, страшно ревнива! Я только сейчасъ открыла въ себѣ этотъ новый недостатокъ. Да не давай же мнѣ такъ много говорить. Зажми мнѣ ротъ рукой. Я такъ люблю тебя, что съ ума сойду отъ безпрестаннаго повторенія одного и того же.

Франсезъ прижалъ ее къ сердцу, и въ-самомъ-дѣлѣ зажалъ ей ротъ только не рукой, но долгимъ и горячимъ поцѣлуемъ.

АРАБСКІЯ КАСИДЫ.

1.

ВЕРБЛЮДЪ.

1.

Вдоль по степи пустой легкой рысью бѣжитъ
Молодой и красивый верблюду,
И на немъ бедуинъ запыленный сидитъ,
Зорко въ яркую даль онъ нагнувшись глядитъ,
Чутко взоры врага стерегутъ.

Но пуста и тиха степь вокругъ сѣдока,
Нарушаетъ лишь бѣгъ тишину;
Продрожить вѣтерокъ на бурнусѣ слегка,
И не бьетъ сынъ степей бѣгуна подъ бока,
Волю далъ своему бѣгуну;

Повернулся на немъ, къ его шеѣ крутой
 Прислонившись, спокойно онъ легъ,
 По плечамъ распустилъ свой платокъ расписной
 И закрылъ все лицо имъ отъ пыли сѣдой,
 Положивши ружье поперегъ;

Свѣсилъ смуглыя ноги съ обѣихъ сторонъ,
 Задремалъ; и привольно ему,
 И покойно лежать, и тѣдой утомленъ,
 Тихой качкой верблюда доволенъ былъ онъ,
 И верблюду сказалъ своему:

«Эй! корабль мой степной, мой верблюдъ молодой,
 Не спиши, укроти быстрый бѣгъ,
 Ты усталъ на пути, тебѣ нуженъ покой,
 Благородный верблюдъ, я доволенъ тобой,
 Тебѣ славный готовятъ ночлегъ.

Солнце грѣетъ еще, и пора не пришла,
 И къ чему мнѣ мой бѣгъ ускорять?
 До ночи далеко! Гюльза слово дала,
 Какъ на землю сойдетъ ночь черная мгла,
 У колодца меня подождать.

Не спиши, мой бѣгунъ! время тихо идетъ
 И какъ ты, удалой, не летитъ,
 И пока ночи мракъ на поля не падетъ,
 Ты послушай меня, уменьшая твой ходъ,
 Расскажу я одну изъ кассидъ.

Про верблюда тебѣ, про степное житье,
 Про красавца лихаго Али,
 И еще,—не забудь же ты слово мое,
 Устреми мой бѣгунъ все вниманье свое,
 Про султана изъ франкской земли.

2.

«Подъ тѣнью пальмы, вблизи у ручья,
 Гдѣ брызжетъ игриво на зелень струя,
 Гдѣ свѣжій кустарникъ и травы степныя
 Вбираютъ корнями струй капли живыя,
 Гдѣ яркіе пышно цвѣты разцвѣли,
 Лежалъ въ снѣ глубокомъ Геджидъ-эль-Али;
 Великимъ пророкомъ любимый,
 Всѣмъ родомъ и племенемъ чтимый.

Вблизи бедуина верблюдъ отдыхалъ,
 Онъ мягкую зелень спокойно щипалъ;
 Веселый, довольный, верблюдъ бедуину
 Былъ вѣсто отца, или брата, или сына,
 Его одного лишь любилъ сирота, —
 А какъ та любовь высока и чиста!

И съ дѣтства питомца пустыни
 Любилъ бедуинъ.....

Былъ строенъ, былъ силенъ прекрасный верблюдъ
 Съ полей Йемена, оазиса Грутъ;
 Весь въ шерсти волнистой, и ярко блестяли
 Живые глаза, какъ у быстрой газели;
 Какъ былъ на бѣгу онъ красивъ и легокъ,
 Какъ стройныя ноги взбивали песокъ,
 И какъ онъ любилъ властелина,
 Пустыни отважнаго сына.

Вдругъ черная точка сверкнула вдали,
 Но спалъ беззаботно Геджидъ-эль-Али,
 А точка темнѣла, росла, приближалась:
 Вотъ масса густая вдали показалась;
 Въ пустынѣ промчался вдругъ отзывъ глухой,
 Явился вдругъ Франковъ воинственный строй,
 И шель ихъ отрядъ запыленный
 По степи, путемъ утомленный.

И голову поднималъ верблюдъ отъ земли,
 И будить сердито ногою Али.

И всталъ бедуинъ, и глаза протирая,
Онъ смотритъ на массу, а пыль поднимая,
Летать къ нему гордо пять всадниковъ въ рядъ,
И очь араба пылають, горять,
И жадно слѣдитъ онъ очами
За всѣми пятью сѣдоками.

И первый къ нему подскакалъ мамелюкъ,
Коня осадилъ онъ и брякнулъ мундштукъ,
И конь горделиво тряхнулъ головою,
И шей крутою, ударилъ ногою,
И всадникъ погладилъ лхаго, а самъ
Сказалъ бедуину обычный селамъ,
Прибавивъ: «Мой братъ, успокойся!
Друзья мы! и насъ ты не бойся!»

—«Али не боялся враговъ никогда!
Отъ многихъ умчаться бь онъ могъ безъ труда,
Но самъ онъ два дни ужъ здѣсь васъ дождался,
Для васъ онъ съ родимою ставкой разстался,
Онъ зналъ, что пройдетъ здѣсь, взбивая песокъ,
Султанъ Буонаберди, могучій пророкъ!
Здѣсь ждалъ, чтобъ увидѣть его я.
Гдѣ онъ? покажи мнѣ героя!...»

Межъ-тѣмъ всѣ гяуры столпились вокругъ;
Одинъ усмѣхнулся сказавши: «Мой другъ!
Султанъ Буонаберди стойтъ предъ тобою!»
И палъ бедуинъ на песокъ головою,
И жадно одежду вождя цѣловалъ,
И жадно очами его пожиралъ,
И взглядомъ его очарованъ,
Стоялъ онъ, разстроганъ, взволнованъ.

И вотъ что волшебникъ ему говорилъ:
«Когда такъ меня ты, не зная, полюбилъ,
Прошу тебя, сдѣлай теперь мнѣ услугу,
Не такъ какъ султану, какъ брату, какъ другу!»
И клялся Али бороною отца
И честью араба, степей удалца,—

Пожертвовать жизнью султану.

— «Я требовать жизни не стану

Султанъ отвѣчаетъ, — но труднымъ путемъ,
И солнцемъ палящимъ и жгучимъ пескомъ,
И тряскою рысью коня молодого
Разбить я, измученъ; не сяду я снова
Въ сѣдло, и тебѣ здѣсь коня моего
На память дарю я — возьми ты его,
А мнѣ на дорогу покуда,
Отдай своего ты верблюда!»

И въ первый разъ въ жизни араба глаза
Смочила, затмила, налившись, слеза.
И долго смотрѣлъ онъ въ глаза чародѣя,
Убитый тоскою, дрожа и блѣднѣя,
Потомъ онъ на шеѣ верблюда повисъ,
И слезы ихъ вмѣстѣ смѣшались, слились,
Не могъ отъ него оторваться, —
Такъ тяжко имъ было разстаться!

Но онъ чародѣю не могъ отказать;
Взглянулъ тотъ — и жизнь онъ готовъ былъ отдать.
Султанъ, отъѣзжая при музыкѣ ратной,
Сказалъ: «Возвращу я верблюда обратно,
Когда я поѣду при громѣ побѣдъ
Изъ Сиріи весь завоевывать свѣтъ,
Верблюда отдамъ здѣсь тебѣ я!»
И скрылись полки чародѣя.

И дни шли за днями своей чередой,
И снова полки показались стѣной,
Нестройною массой и кони и люди,
И ѣхалъ печально султанъ на верблюдѣ
Худомъ, изнуренномъ; подъѣхавъ къ ручью,
Великій волшебникъ пилъ жадно струю,
И дальше въ дорогу собрался,
Но дальше верблюдъ отказался.

Стихотвореніа.

И сталъ онъ на мѣстѣ, ни шагу впередъ;
Тащили и били—ничто не беретъ.
Султанъ, раздраженный, съ верблюда слезаетъ,
Идетъ и на что-то ногой пастушаетъ,
Нагнулся, и видитъ въ песку и пыли,
Иссохшія кости лежать на землѣ...

И грустный султанъ догадался,
Зачѣмъ здѣсь верблюдъ оставался!

Погладивъ верблюда по шеѣ крутой,
Сказалъ онъ: «Прощай же, другъ вѣрный, прямой!
Ты тотчасъ же кости узналъ господина,
Степей безграничныхъ питомца и сына,
Исчахъ ты въ чужбинѣ, араба любя,
А умеръ онъ здѣсь, дожидась тебя!

Продай же, верблюдъ благородный!
Умри здѣсь на волѣ, свободный.»

И скрылся волшебникъ съ полками вдаль,
И тѣни ночныя на землю легли,
И голодомъ, жаждой, путемъ утомленный,
Стоялъ надъ костями верблюдъ изнуренный,
И желтыя кости онъ чутко стерегъ;
На утро онъ вынести больше не могъ,
И тѣло питомца пустыни
Легло близъ костей господина.»

3.

И окончивъ рассказъ, бедуннъ задремалъ,
Позабывши и горе и трудъ.
А вдаль солнца лучъ потухалъ, догоралъ,
Вдоль по степи пустой легкой рысью бѣжалъ
Молодой и красивый верблюдъ.

II.

БУОНАВЕРДИ.

Вотъ что говорилъ семерымъ сыновьямъ
Въ Аравіи знойной Эмиръ-Ибнъ-Арамъ:

«Удалые дѣти разгульши въ степи,
Во имя Аллаха! скорѣй на коней!
Берите и ружья и сабли кривыя,
Привѣсьте ницъ жала ножи кистяцы.
Пришлецъ нечестивый изъ франкской земли
Явился неожиданно и введъ корабли
Въ покойное устье широкаго Нила.
Его черодѣйство уже набѣдло
Лихихъ мамелюковъ, отваги сыновъ,
Но намъ неопасенъ невѣрнаго ковь.
Покорные волѣ всевластнаго рока,
Мы все правовѣрныя, дѣти пророка,
Мы въ Меккѣ далекой бывали не разъ,
И камень Каабы лобзали, молясь.
Къ далекому Нилу вамъ надо съѣздить,
За падшихъ собратій своихъ отомстить.
Пусть будетъ терзаться пришлецъ пораженный,
Пусть плачутъ невѣрныя франкскія жены
По братьяхъ убитыхъ, по мертвыхъ мужьяхъ!
Слѣзьте! да будетъ надъ вами Аллахъ!»

Вотъ что говорилъ семерымъ сыновьямъ
Въ бояхъ посѣдѣлый Эмиръ-Ибнъ-Арамъ.

И очи у храбрыхъ грозой засверкали;
Разспросовъ и слезъ удалыцы не теряя,
Но взявъ дорогое оружье свое:
Дамасскую саблю, съ насѣчной ружье,

Надвинувъ на брови тюрбанъ свой зеленый,
 За поясъ заткнувъ пистолеть свой граненый,
 Отважно, съ размаху вскочивъ на сѣдло,
 И желтое грозно нахмуривъ чело,
 Съ отцемъ посѣдѣлымъ угрюмо простились,
 Какъ страусы дружно въ дорогу пустились
 И гордые кони, питомцы степей,
 Летѣли и молнья и вѣтра быстрѣй,
 Лишь только копыты по степи звучали,
 Да въ облакѣ пыли изъ согнутой стали
 Клинокъ обнаженный блисталъ полосой,
 Какъ на небѣ мѣсяцъ ночью порой.

И время въ разлукѣ бѣжить и летить.
 Эмиръ посѣдѣлый тоскуетъ, груститъ.
 Вотъ разъ, какъ къ закату приблизился день,
 И ночь разостгала прохладную тѣнь,
 Молился и думалъ Эмиръ-Ибнъ-Арамъ:
 «Вернутся ль моимъ удалымъ сыновьямъ?
 Въ объятя родныя дѣтей я прижму ли?
 Иль всѣхъ поразили ихъ франкскія пули,
 И въ чуждой землѣ, подъ навѣсами скалъ,
 Ихъ сырые трупы терзаетъ шакаль,
 Иль вѣтеръ ихъ кости по степи разноситъ,
 Пескомъ раскаленнымъ самому ихъ заноситъ,
 И вѣтся лишь коршунъ, питомецъ степей,
 Надъ прахомъ родимыхъ, любимыхъ дѣтей!..»

И грустно поникнулъ сѣдой головой
 Эмиръ посѣдѣлый, эмиръ удалой.

Не вѣтеръ, крылами шума и свиста,
 По степи безплодной рева и летя,
 Вздываетъ и роетъ песокъ раскаленный,
 То всадники мчатся. И вотъ изумленный
 Старикъ поднимаетъ сѣдую главу,
 И думаетъ: «Всадниковъ я подзову,
 Въ палаткѣ моей угощу запоздалыхъ,
 Коней напою, накормлю ихъ усталыхъ,

И радостнѣй сердцу при добрыхъ гостяхъ,
И тамъ награждаетъ за это Аллахъ!»

Встаетъ онъ съ порога, толпа удалыхъ
Все ближе и ближе; привѣтствовать ихъ
Идетъ поспѣвлый и храбрый эмиръ.
«Да будетъ надъ вами, о странники, миръ!
Съ дороги уставши, въ шатеръ небогатый
Войдя, отдохните!» И рой тотъ крылатый,
Съ коней соскочивши, къ нему побѣжалъ,
Старикъ въ ихъ объятія родныя упалъ,
И дѣтямъ своимъ, удалымъ сыновьямъ,
Сквозь сладкія слезы сказалъ Ибнъ-Арамъ:

«О милые дѣти, мои сыновья,
Безъ васъ одинокій все мучился я;
Безъ васъ жизнь была мнѣ тяжка и горька!
Мнѣ кажется, съ вами въ разлукѣ вѣка
Я пробылъ, родные!... Скажите жъ скорѣе,
Изъ васъ кто же первый зарѣзалъ злодѣя,
Въ разгудъ кровавыхъ и гибельныхъ сѣчъ,
Кто первый пришельцу снесъ голову съ плечъ?»

Но семеро братьевъ стоятъ и вздыхаютъ,
Молчаньемъ распросамъ отца отвѣчаютъ;
Вотъ выступилъ старшій изъ братьевъ впередъ,
Могучій отважный Абу-эль-Гарьотъ.

«Отецъ! говорилъ онъ, знать въ книгѣ пророка
Написана воля всевластнаго рока!
Свершился надъ нами его приговоръ.
Молю! не бросай ты на насъ гнѣвный взоръ,
Но выслушай прежде. По волѣ Аллаха
Врага не могли мы убить—не отъ страха:
Хоть всѣхъ насъ отправилъ ты противъ него,
Но мы воротились друзьями его!...

О! онъ не гяуръ, не невѣрный злодѣй,
 Достоинъ быть сыномъ онъ нашихъ степей!..
 И этого мало! онъ выше всѣхъ насъ!
 Когда-бъ его голось ты слышалъ хоть разъ,
 Послушалъ бы звучныя, сладкія рѣчи,
 Увидѣлъ бы въ боѣ, средь гибельной сѣчи,
 Въ совѣтѣ ученыхъ, сѣдыхъ мудрецовъ,
 Предъ строемъ покорнымъ отважныхъ полковъ,
 Въ кругу нашихъ шейховъ, эмировъ, имановъ,
 При звукѣ казенныхъ, кривыхъ ятагановъ,
 При грохотѣ пушекъ, при блескѣ огня,
 Тогда бы навѣрно ты понялъ меня!

И онъ не волшебникъ, не злой чародѣй,
 Онъ звуками чудныхъ плѣняетъ рѣчей,
 Онъ нашъ, правовѣрный, онъ вѣрить въ пророка,
 Покоренъ судьбѣ онъ, велѣніямъ рока,
 Лишь слово онъ скажетъ—и доблестный строй
 На смерть, какъ на пиръ, понесется стрѣлой.
 И взоровъ орлиныхъ могучая сила
 Насъ всѣхъ безъ сраженья ему покорила.
 Подобнаго въ мірѣ ему не найти!
 И просимъ тебя мы: ты насъ отпусти.
 Служить чародѣю; онъ такъ насъ плѣнилъ,
 Что свѣтъ безъ него намъ какъ прежде не милъ.
 Отецъ нашъ родимый! прости сыновей!
 Хоть жаль намъ покинуть родныхъ и друзей,
 Но славному Франку служить мы хотимъ!
 И скоро увидишь ты насъ вмѣстѣ съ нимъ
 Съ побѣдой въ Аравіи нашей родимой;
 Весь свѣтъ покорить онъ, Аллахомъ любимый.
 Такъ ты, нашъ родимый, не плачь, не грусти,
 А славному Франку служить отпусти!
 Хоть всѣхъ насъ отправилъ ты противъ него,
 Но мы воротились рабами его! »

Вотъ что говорилъ, выступая впередъ
 Эмиру сѣдому Абу-эль-Гарьотъ.

И грустно поникнувъ сѣдой головой
 Эмиръ посѣдѣлый, эмиръ удалой.
 «О дѣти! я вижу, васъ Франкъ обольстилъ,
 Меня сыновей чародѣйствомъ лишилъ,
 Ступайте, куда вы хотите! Безъ васъ
 Пробьеть моей смерти таинственный часъ.
 Аллахъ всемогущій пошлетъ Азрамла,
 Сѣдого эмира пригрѣеть могила;
 Землею покрытый, добыча червей,
 Не будетъ онъ видѣть стыда сыновей.
 Ступайте, летите, я васъ не держу,
 Здѣсь сирья кости безъ васъ я сложу...
 Постоите; скажите мнѣ имя злодѣя!
 Когда я явлюся на судъ, цѣпенѣя
 Предъ грознымъ пророкомъ, скажу я ему:
 Ты свергни гаура и Франка во тму!
 Дѣтей моихъ милыхъ меня онъ лишилъ,
 Безъ нихъ, безъ родимыхъ глаза я закрылъ.
 Злой Франкъ былъ причиною моей ранней смерти!...
 Какъ имя гаура?»

«Султанъ Буонаберди!»

И грустно поникнувъ сѣдой головой,
 Съ дѣтьми не простился эмиръ удалой.
 Съ усомъ посѣдѣлыхъ онъ слезы отеръ
 И тихо, безмолвный, вошелъ въ свой шатеръ.

И долго стояли всѣ семь сыновей
 У запертыхъ крѣпко отцовскихъ дверей,
 И съ думою тяжелой на двери глядѣли,
 На влажныхъ рѣсницахъ ихъ слезы блестѣли,
 И кони брицаньемъ желѣзныхъ подковъ,
 Казалось, звали къ себѣ сѣдоковъ.
 И долго стояли въ тоскѣ и печали,
 И тяжкіе вздохи ихъ грудь поднимали,
 Потомъ, бросивъ взглядъ свой печальный, нѣмой
 На ставку родную средъ стени родной,
 И смуглой рукой отирая чело,
 Всѣ дружно вскочили опять на сѣдло....

И кони как вѣтеръ по степи летѣли,
О камни копыты звенѣли, гремѣли,
И прыгали искры, и клубомъ песокъ
Взвивался, какъ туча, у нихъ изъ-подъ ногъ,
Да съ вихремъ прелетнымъ бурнусы играли,
И въ облакѣ пыли, изъ согнутой стали
Клинокъ обнаженный блисталъ колосомъ
Какъ на небѣ мѣсяцъ ночью порой....

В. З.

МАЙСКАЯ ПѢОНЪ.

Въ новый листъ пріодѣлись березы,
Разцвѣтають сирени въ саду,
На балконѣ красуются розы,
И лагушки проснулись въ пруду.

Весна пришла!... Ея дыханье
Вселенной жизнь даруетъ вновь;
Въ природѣ — все благоуханье,
Въ сердцахъ — все нѣга и любовь.

Отъ удушливой жизни гостинныхъ,
Отъ суеты хлопотливой зимы,
Сбросивъ цѣпи всехъ мелочей чинныхъ,
Въ глушь и лѣсъ порываемся мы.

И разбрелся ужъ горожане
Всѣ по болотамъ, по стенамъ,
И на полгода въ поселане
Отважно записались тамъ.

Обаянью весны уступая,
Ожигъ юноша, свѣтскій мертвецъ.....
На призывъ всемогущаго мая
Отвѣчаетъ биенье сердець.

Кругъ модныхъ куколъ въ женщинѣ страстныхъ
Вдругъ превратился, — и порой
Грустить въ раскаяньяхъ напрасныхъ
О жизни даромъ прожитой.....

Не одна въ сладкой мукѣ томленья
 Промечтаетъ всю ночь у окна.....
 У судьбы вымоляя прощенья,
 Ждетъ и плачетъ тайкомъ не одна!...

И вдругъ, какъ вызванный мечтою,
 Желанный спутникъ предстаетъ.
 Любовь засѣтитъ имъ звѣздомъ,
 И соловей для нихъ поетъ! ...

А въ то время, въ углу одинокомъ,
 Тайно страдаетъ больная душа,
 Утопая въ минувшемъ далекомъ,
 Съ настоящимъ разсчитать совѣрша.

И ей, разрозненной, стѣсненной,
 Въ холодной пустотѣ ея,
 Все снится край благословенный
 Съ знакомой пѣснью соловья....

ГРАФИНЯ ЗВѢДИКА РАСТОПЧИНА.

Вороново. — 48 мая 1853.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ ДВАДЦАТИХЪ И ТРИДЦАТИХЪ ГОДОВЪ.

Посѣщая художественную выставку, и вступая въ рядъ залъ, съ каталогомъ въ рукѣ, вы, конечно, предполагаете остановиться у каждой картины, внимательно рассмотреть ее, послѣдовательно переходить отъ одной къ другой. Доброе намѣреніе, — но удастся ли вамъ его исполнить?

Мы не только не имѣемъ даже самой краткой исторіи журналистики русской, но и легкаго, поверхностнаго очерка за все время ея существованія, около столѣтія (съ 1755 г.); едва ли не единственнымъ по этому предмету указанію составляютъ: бѣглое обозрѣніе Н. И. Греча, въ его *Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ* (ч. II, стр. 380—397), и статья, напечатанная въ двѣнадцатой 1834 г. книжкѣ «Сина Отечества». Въ нихъ обстоятельныя справки доведены до второй четверти нынѣшняго столѣтія, т. е. до періода, съ котораго именно начинается настоящій, предлагаемый нами обзоръ. Представляя собою отдѣльную, вкратцѣ, монографію, онъ можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить и какъ-бы продолженіемъ поминутной статьи С. О., тѣмъ болѣе, что оба принадлежатъ одному и тому же автору. — *Ред.*

Залъ дѣлѣй десятокъ; картинъ, картинокъ сотни, если не тысячи. Во второй, въ третьей залъ у васъ начинается работъ въ глазахъ, отъ смѣшенія цвѣтовъ и красокъ, отъ множества разнообразныхъ или, если угодно, однообразныхъ предметовъ, изображенныхъ кистью, даже отъ блеска этихъ вызолоченныхъ рамъ и рамокъ...

Яркій свѣтъ полудня какъ будто-бы лишился части своей рѣзкости, и начинается едва замѣтно тускнѣть. Вы взглядываете на часы, и не вѣрите, что прошло около двухъ часовъ съ минуты вступленія вашего въ первую залу, а вы еще только въ четвертой, и миновали не болѣе трети предстоящаго замъ пути...

Первоначальное намѣреніе ваше измѣняется; рѣже и рѣже смотрите вы въ каталогъ; усталая рука, въ которой его держите, неохотно то поднимается, то опускается; уже не каждая картина привлекаетъ ваше вниманіе—останавливаетесь только передъ главнѣйшими, гдѣ собирается толпа, привлеченная молвою...

Медленный, методическій прежде шагъ вашъ обращается въ быстрый, нетерпѣливый, потому—что солнце перестало бросать въ окна блестящія снопы своихъ лучей, и первыя тѣни приближающагося вечера робко ложатся на картины, да на эти хорошенькія, румяныя лички въ шляпкахъ, картинки живыя, не менѣе искусственныхъ привлекательныя...

Торопливо пробѣгаете вы остальные залы, едва удостоивая общимъ взоромъ группы рисунковъ; пропускаете произведенія, не бросающіяся въ глаза, но, можетъ-быть, истинно прекрасныя, при всей своей скромности и миниатюрности...

Вотъ, наконецъ, послѣдняя зала. Утомленные, разсѣянные, вы уже дѣтливо доводите глазами, и рады-рады, что передъ вами дверь, выводящая васъ въ корридоръ, и потомъ на чистый, свѣжій воздухъ. Бѣдное художество! Бѣдные художники!..

Улица, говоръ народа, вечеръ... а что вы видѣли, на сколько можете дать себѣ и другимъ отчета въ видѣнномъ? А между-тѣмъ потеряна половина дня...

Что-же—если-бы вы вздумали изучать «досконально» всѣ эти безчисленныя картины, съ множествомъ ихъ фигуръ и подробностей, узнать біографію каждаго артиста, труды его, кромѣ находящихся на выставкѣ, и мнѣніе о нихъ разныхъ судей искусства? Определите число дней, мѣру времени, необходимаго для такого короткаго, или, точнѣе, длиннаго знакомства!..

Нѣтъ, вы никогда не рѣшитесь на подобный тяжелый, неблагоприятный трудъ! Вы побывали на выставкѣ, составили себѣ общее о ней понятіе — и съ васъ довольно.

Все сказанное выше, въ известномъ приложеніи, легко можетъ быть пригнѣно къ журнальной выставкѣ, къ исторіи періодическихъ изданій той или другой литературы...

Мы любуемся, наслаждаемся собственною. Она, со временъ Миллера и Сумарокова, произвела на свѣтъ около трехъ сотъ разнаго рода и достоинства повременниковъ. Каждый изъ нихъ состоялъ не изъ одной книжки, не изъ одного номера, а каждая книжка или каждый номеръ не изъ одной статьи. Эти сотни тысячъ листовъ, эти миллионы страницъ не могутъ быть, ни въ какомъ случаѣ, подвергнуты одиночному разбору: вы ослѣпли бы, задохлись отъ пыли, — не вышли бы изъ этого закоулочнаго лабиринта, гдѣ мертвые и живые разсѣвали свой умъ и свои таланты; обрѣли бы вѣрную смерть среди этихъ катакомбъ безсмертія, не встрѣтивъ, въ утѣшеніе, въ нѣкую отраду, ни розовой, ни голубой шляпки, потому-что это не картинная выставка, чистая, обратная, заманчивая, въ золотыхъ рамкахъ...

Вѣрите ли, мы чихаемъ и пишемъ, пишемъ и чихаемъ (да будетъ во здравіе журналистикѣ нашей), едва дотрогиваясь, чуть касаясь этой старжки, этихъ древнихъ листовъ, уже отмѣченныхъ роковою печатью разрушенія, то-есть, частію поѣденныхъ крысами... ихъ длинные хвосты неуважительно прогуливались по созданіямъ отличѣйшихъ головъ, по историческимъ страницамъ, пропитаннымъ драгоцѣннѣйшимъ сокомъ мозговъ... О слава, таѣнная слава сего міра! мы видѣли твои жалкія гробницы, тосковали и скучали, созерцая обломки этихъ саркофаговъ въ кожаныхъ и сафьянныхъ корешкахъ...

Подражая вольному любителю, быстро объѣзжавшему залы художественной выставки, брошенъ бѣглый взглядъ на ходъ прежней нашей журналистики съ двадцатыхъ и до тридцатыхъ годовъ, когда наступаетъ дѣятельное ея развитіе, сосредоточивающее въ себѣ почти всю современную литературу, а частію и самую науку...

По обычаю всестороннихъ обозрѣвателей нашихъ, которые никакъ не хотятъ ограничиться избраннымъ предметомъ, захватывая все соприсвоенное съ нимъ, все его окружающее, до видимыхъ и невидимыхъ предѣловъ горизонта, — слѣдовало бы предпослать настоящему очерку общій взглядъ на литературу, въ подлежащій періодъ журналистики. Но мы почитаемъ это излишнимъ. О литературѣ, о писателяхъ будемъ

говорить на столько лишь, на сколько они были причастны самой журналистикѣ. Труды ихъ вѣкъ ея сюда не относятся. Впрочемъ, въ такихъ «взглядахъ», болѣе или менѣе прямыхъ и косыхъ, у насъ нѣтъ недостатка, тогда какъ поле исторіи журналистики нашей совершенно еще не вспахано, и по немъ проводятся первыя, грубыя борода.

Отсылая желающихъ къ этимъ литературнымъ взглядамъ, напомнимъ только читателю, что двадцатые и тридцатые годы были счастливѣйшимъ порою русской литературы. Двинутая впередъ Карамзинимъ, заставившимъ полюбить и родное слово, и бытописаніе отечественное, она зашагала быстро по разнымъ путямъ, и мало-по-малу, оставляя дорогу заимствованія, проникалась чувствомъ и содержаніемъ народности. Карамзинъ, Жуковский, Крыловъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, съ блестящими павядами замѣчательныхъ прозаиковъ и стихотворцевъ, одно наименованіе которыхъ заняло бы цѣлую страницу, открывали шестіе, сопровождаемое многолюдными толпами любопытныхъ, радостныхъ читателей, дружными рукоплесканіями ободряющей и одобряющей публики. Повѣсти и романтическія поэмы, живые беллетрическіе рассказы и превосходныя стихотворенія, исторія и романъ, книги и простые альманахи, журналы и альманахи съ критикой и обзорніями — короче, то былъ богатый разливъ кастальскихъ ключей, въ которыхъ никто не тонувъ и всѣ плавали съ наслажденіемъ, какъ въ жаркой іюльскій день, лобзаемые прохладою сладкозвучныхъ волнъ...

Около этихъ-то лѣтъ щедрого посѣва и обильной жатвы, слишкомъ за тридцать предъ симъ, вдругъ, въ самый центръ литературы упалъ, точно съ облаковъ, — вѣрнѣе, соскочилъ съ уланскаго коня, литераторъ, совершенно прежде неизвѣстный, хотя уже далеко не юноша. Въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ многихъ приключеній, затѣливыхъ и опасныхъ, отъ огня битвъ бросился онъ въ полями книжное. Нужно ли пояснять, что рѣчь идетъ о Ѳ. В. Булгаринѣ. Въ 1822 году онъ является уже на поприщѣ журналистики, какъ издатель «*Сѣвернаго Архива*, журнала исторіи, статистики и путешествій». Въ 1825 году принялъ въ немъ участіе Н. И. Грочъ, и съ этого времени «Сѣверный Архивъ» назывался «журналомъ древностей и новостей по части исторіи, статистики, путешествій, правовѣдѣнія и нравовъ». Въ 1833—35 годахъ «Сѣверный Архивъ» и «Сынъ Отечества» составляли одинъ соединенный журналъ. Сверхъ-того, г. Булгаринъ въ 1823 и 24 г. издавалъ *Литературныя Листки*, гдѣ помышались, болѣею-частью, его собственныя правоопи-

сатирическими и сатирическими статьи и стихотворения разных лиц. Что касается «Севернаго Архива» — цѣль и содержаніе его достаточно указываются приведенными выше полными заглавіями журнала: это было изданіе полезное, посвященное предметамъ болѣе или менѣе важнымъ. Въ «Северномъ Архивѣ», между-прочимъ, впервые показались систематическія критики на «Исторію Государства Россійскаго», Карамзина, писанныя Ходаковскимъ, самимъ Булгариннымъ и другими. Въ свое время, онѣ произвели много шума, толковъ и споровъ.

Но, чтобъ хоть нѣсколько ближе познакомить читателя съ характеромъ или составомъ «Севернаго Архива», означимъ содержаніе (взятымъ на выдержку) шести нумеровъ его (четвертый томъ 1822): археологическія изысканія В. П. Берха о букварѣ Каріона Истомина; подневная записка пребыванія агента русскаго правительства, Лоренца Ланга, при китайскомъ дворѣ, въ 1721 году; письмо Петра Великаго къ изюру Преображенскаго полка Салтыкову*; четыре письма Суворова къ князю П. А. Зубову о военныхъ дѣйствіяхъ; историческое извѣстіе о русскомъ театрѣ; выписки: а) изъ Псковской лѣтописи (1473 г.) о прибытіи въ Россію греческой царевны Софіи, б) изъ статейной книги (1621 г.) о жалобѣ англичанъ, съ отвѣтами бояръ; о руническихъ письменахъ у европейскихъ народовъ; извѣстіе о первомъ учрежденіи губерній въ Россіи; о судоходствѣ по рѣкѣ Курѣ; о Гижигинской крѣпости; изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго города Ржева; остатки славянской мифологіи у бѣлорусскихъ поселянъ; путешествія: а) къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки, б) въ Яннину, во время господства Али-Паши, в) по Гродненской губерніи; крушеніе судна св. Николая, принадлежавшаго російской американской компаніи; письмо изъ Италіи морскаго офицера, В. Бромевскаго; нумизматика — о монетахъ князя Давида; наконецъ, въ отдѣленіи критики, разсмотрѣніе предисловія къ «Исторіи Государства Россійскаго» и сужденіе о томъ же твореніи, заимствованное изъ геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостей.

Мы увѣрены, что одно оглавленіе предметовъ и статей, вошедшихъ въ составъ всѣхъ томовъ «Севернаго Архива» могло бы возбудить и въ

* По краткости, приводимъ письмо это отъ слова до слова: «Господинъ изюръ. Объявилъ мнѣ, что сей ночи Богъ далъ мнѣ рекрута отцовскимъ имянемъ, дай Богъ, чтобы видѣть водъ купшетекъ. Прокру господомъ офицерамъ и солдатамъ мой отдать поклонъ и объявить, а что выйдетъ на веселье, пишите на мой счетъ. Петра. 26 октября 1715 года». Въ некоторыхъ словахъ великій монархъ изображается. Подлинникъ этого письма хранится въ архивѣ А.-Г. Преображенскаго полка.

вышшихъ читателяхъ желаніе пересмотрѣть этотъ журналъ, содержащій въ себѣ не мало значительныхъ матеріаловъ для науки.

Дѣятельность Булгарина и Греча на поприщѣ журналистики не удовлетворялась однакожъ изданіемъ «Сына Отечества» и «Сѣвернаго Архива». При успѣхахъ у насъ просвѣщенія и литературы, чувствовалась потребность, необходимость для Россіи изданія, которое, быстрѣ другихъ тогдашнихъ повременниковъ, передавало бы новости внутреннія, заграничныя, общественныя, литературныя, театральныя и мѣстныя городскія. Въ слѣдствіе такого убѣжденія, одобреннаго Правительствомъ, явилась съ 1825 года «Сѣверная Пчела», газета политическая и литературная... столь нынѣ извѣстная всѣмъ и каждому, достигшая той степени популярности, что избавляетъ насъ отъ труда слишкомъ о ней распространяться. Сообщимъ только «историческія» свѣдѣнія.

Въ первые годы своего существованія, «Сѣверная Пчела» выходила по три раза въ недѣлю, въ форматѣ почти вдвое меньшемъ противъ нынѣшняго, что не мѣшало полнотѣ содержанія, при мелкомъ шрифтѣ, при краткости и ловкости изложенія. Обиліе предметовъ и матеріаловъ скоро потребовало ежедневнаго выпуска этой газеты (исключая дней воскресныхъ и праздничныхъ), и съ теченіемъ времени объемъ ея постепенно увеличивался. Труды издателей, какъ и нынѣ, были раздѣлены. Официальною и политическою частію газеты и вообще главною ея редакціей заведывалъ Гречъ; отдѣлъ литературный принадлежалъ Булгарину. Нѣкогда онъ отличался въ «Сѣверной Пчелѣ» нравоописательными и критическими статьями. Своенравіе моды и новый характеръ литературы доставили господство другимъ родамъ прозы; тогда авторъ Выжигиныхъ и Самозванца, всегда слѣдившій за условіями времени, предоставивъ библиографію сотрудникамъ, затѣялъ фельетонъ, сначала неизвѣстной опредѣленной фирмы, потомъ называвшійся «журнальною мозаикою», и наконецъ, если не ошибаемся, лѣтъ за двѣнадцать предъ симъ, образовавшій знаменитую «журнальную всякую всячину», обыкновенно печатаемую по субботамъ. Здѣсь сходятся литература, искусства, политика, государственная экономія, общественные интересы, столичныя новости; здѣсь, коротко сказать, судится и рядится обо всемъ, что составляетъ вопросъ настоящей минуты. «Всякая всячина» читается многими, не исклю-

Любопытно, что еще въ 1807 году начался было журналецъ подъ названіемъ «Сѣверная Пчела». Но его вышелъ одинъ только номеръ, или, какъ сказано на оберткѣ, книжка первая, изданная отъ С.-Петербургской Гимназіи, и состоявшая изъ нѣсколькихъ прозаическихъ отрывковъ и стихотвореній.

чи и тѣхъ, которые иногда не соглашались съ ея заключеніями и порицали ее. Но девяти столбцовъ субботняго фельетона не доставало для еженедѣльной бесѣды Ѳ. В. съ публикою, для отвѣтовъ ей и объясненій съ нею—это вынудило его учредить въ «Пчелѣ» еще середовой фельетонъ, подъ рубрикою: «Замѣтки, выписки и корреспонденціи Ѳ. В.», гдѣ разбираются вопросы второстепенные, между прочимъ, журнальные, и предлагаются читателямъ разныя указанія по предметамъ городской торговли и промышленности. Въ нѣкоторыхъ, важнѣйшихъ случаяхъ, Ѳ. В., отъ времени до времени, принимался и за обязанность критика, давно ему знакомую. Не смотря на двадцати-семи-лѣтнее противодѣйствіе почти во всѣхъ современныхъ періодическихъ изданіяхъ, Сѣверная Пчела сохраняла свой авторитетъ... Вы скажете: ежедневная газета — возможность каждый день говорить, напоминать о себѣ — удобство возражать, защищаться, нападать... такъ; но, безъ ума, дарованія и ловкости, инымъ бы не слобровать въ-теченіе болѣе нежели четверти вѣка — особенно при множествѣ ядовитыхъ критикъ, статей и статейекъ на Булгарина, разсѣянныхъ въ двадцати или тридцати журналахъ и журнальцахъ, въ свою очередь, нещадно воевавшихъ съ нимъ, пускавшихъ въ него, порою, такія стрѣлы, что, по истинѣ, повторяя выраженіе Полеваго, за чело-вѣка становилось страшно. Перебирая теперь старые повременники, мы нечаянно встрѣчались съ этими «ужасными» страницами, и вчужѣ блѣднѣли.

Занятія Н. И. Греча по Сѣверной Пчелѣ, менѣе замѣтныя, менѣе видныя публикѣ, всегда были существенны и значительны; систематическое веденіе внутреннихъ извѣстій и заграничнаго отдѣла, общее распорядженіе составомъ газеты, корректура ея — и слѣдствіе того, правильность и чистота изложенія, какія только возможны въ быстро-срочной работѣ, — все это, требующее непрерывнаго вниманія, тяжелаго терпѣнія, относится къ заслугѣ главнаго редактора. Даже и во время пребыванія своего за границею, онъ не переставалъ питать свою газету, еженедѣльно сообщая ей статьи, въ формѣ писемъ. Они назывались то письмами съ дороги, то письмами *парижскими*, заключавшими въ себѣ бѣглый обзоръ современныхъ европейскихъ происшествій, или характеристику общественной жизни столицы Запада.

Впрочемъ, въ-продолженіе двадцати-семи лѣтъ, характеръ «Сѣверной Пчелы» мало измѣнялся... Если въ одни годы литературная часть брала перевѣсъ надъ политической, а въ другіе, наоборотъ, послѣдняя заслоняла первую, то это зависѣло отъ обстоятельствъ и ха-

рихтера времени, отъ обилія и степени литературныхъ дарованій, въ извѣстное время подвизавшихся, и наконецъ, отъ сотрудниковъ, которыхъ довольно перебивало въ этотъ долгій срокъ, когда успѣло родиться вырости и возмужать новое поколѣніе.

Лѣтъ десять тому, въ одной библиографической брошюркѣ, мы сказали, между прочимъ: «Къ Сѣверной Пчелѣ русская публика, и въ особенности жители Петербурга, сдѣлали такую привычку, что еслибъ Пчела вдругъ перестала издаваться, многіе почувствовали бы, что чего-то недостаетъ у нихъ.» Теперь прибавимъ, что вѣкогда Сѣверная Пчела будетъ служить однимъ изъ самыхъ важныхъ, важныхъ и послѣдовательныхъ матеріаловъ для современной ей исторіи Россіи, ея литературы и нравовъ. Недавно мы перечисляли томы «Пчелы» за старые годы и... сколько любопытнаго! Многіе критики, но разнымъ причинамъ, не отдавали ей своевременной справедливости, находили въ ней недостатки, слабыя, невыгодныя стороны... Она, конечно, далеко не идеалъ совершенства, не безукоризненный образецъ ежедневной газеты; но гдѣ и когда они были—эти недослагаемые идеалы, эти свѣтлые образцы?...

Одновременно съ «Сѣвѣрною Пчелою», въ томъ же 1825 году, возникъ въ блококаменной *Московскій Телеграфъ*, Николая Алексѣевича Полеваго, писателя тогда еще малозвѣстнаго, незадолго передъ тѣмъ выступившаго на скользкое и опасное литературное поприще. Программа новаго журнала, скопированная отчасти съ *Revue Encyclopédique de M. Jullien de Paris*, была слѣдующая: сообщеніе отечественной публикѣ всего лучшаго изъ главнѣйшихъ иностранныхъ журналовъ и новѣйшихъ сочиненій европейскихъ ученыхъ и писателей, также всѣхъ новыхъ опытовъ и открытій ума человѣческаго въ наукахъ, искусствахъ и нравственномъ мірѣ; статьи касательно русской исторіи, статистики, древней словесности; критическія обзорѣнія современной русской литературы; новѣйшія произведенія русскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ; повѣсти, рассказы, отрывки. По отдѣлу наукъ и искусствъ предполагались историческія и археологическія изслѣдованія о нравахъ, обычаяхъ, памятникахъ всѣхъ народовъ, особенно народовъ славянскихъ, сѣверныхъ и азіатскихъ, относительно къ Россіи; извлеченія и переводы изъ писателей греческихъ, скандинавскихъ, восточныхъ, славянскихъ и вообще изъ сочиненій, признанныхъ классическими и въ Россіи мало извѣстныхъ; географическія и статистическія извѣстія отечественныя; описа-

не различныхъ многочисленныхъ обитателей имперіи; пу тешествія; сочиненія и переводы по предметамъ эстетики и теоріи изящнаго; критическія изысканія по части русской исторіи, археологіи, палеологіи, палеографіи; выписки изъ древнихъ русскихъ сочиненій, грамоты, старинныя пѣсни. Непремѣнными статьями «Телеграфа» предназначались: критическія обзорѣнія литературы русской исторіи и сочиненій, писанныхъ иностранцами о Россіи; извѣстія о всѣхъ новыхъ книгахъ и журналахъ русскихъ; разборы замѣчательныхъ русскихъ сочиненій въ области изящной словесности, наукъ, искусствъ; перечень новостямъ европейской литературы и разсмотрѣніе важнѣйшихъ произведеній словесности французской, нѣмецкой, англійской и итальянской. Въ сѣбѣ открывалось мѣсто новѣйшимъ любопытнымъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, біографіямъ извѣстныхъ современниковъ, извѣстіямъ о художественныхъ выставкахъ, засѣданіяхъ и задачахъ русскихъ и иностранныхъ академій. За тѣмъ, при каждой книжкѣ надлежало быть отдѣльному прибавленію, особенно посвященному *читательницамъ* Телеграфа. Здѣсь имъ предлагались небольшія сочиненія въ стихахъ и прозѣ, новости общественныя, описанія старинныхъ и нынѣшнихъ нравовъ, московскія записки, статейки о театрахъ, концертахъ и т. п. (прибавленія эти въ послѣдствіи составили *Жизнописца общества и литературы*, издавнаго потомъ и особо). Все это, къ полному удовольствію прекрасныхъ читательницъ, совершалось картинкою модъ, «хорошо гравированною и отлично раскрашенною», какъ сказано было въ объявленіи. Нынѣшнія читательницы расхохотались бы, увидѣвъ и эти стародавнія моды — короткія талии, неувлѣжія шляпки съ огромными полями и другія подробности тогдашняго наряда, — и эту *отличную раскраску*. Домашней фабрикаціи модныя картинки при тогдашнихъ журналахъ, не исключая и «Дамскаго», к. Шаликова, невольно заставляютъ улыбнуться. Въ этомъ отношеніи нынѣшніе журналы далеко оставили за собою прежніе, догадавшись выписывать прямо изъ Парижа изящныя изображенія тамошнихъ модъ... точно также какъ лучшія произведенія иностранной литературы, въ послѣднихъ переводахъ, составляютъ добрыя двѣ трети содержанія нынѣшнихъ ежемѣсячныхъ сборниковъ...

Но теперь слово о «Телеграфѣ». Программа его была довольно обширная, чтобъ не сказать почти энциклопедическая. Правда, «Сѣверный Архивъ» уже нѣсколько намекалъ на нее. Смѣтливость Полеваго доложила недостававшее въ предшествовавшихъ періодическихъ изданіяхъ, а его умъ, дарованія, желѣзное, упорное трудолюбіе, незнавшее отдыха, вѣстоу—что не знало утомленія, помогая ему, если не вполне, то въ

значительной степени, осуществить планъ предпринятаго журнала. Съ первыхъ книжекъ онъ удостоился благосклонности публики. Тутъ переищались: письмо издателя къ N. N., гдѣ говорилось, что «*совершенный журналъ долженъ отражать въ себѣ весь міръ нравственный и физическій*»; что для журналиста «*главное — сыскать скользкую дорожку, которая вьется между излишнею важностью и ничтожною легкостью*»; что «*въ литературѣ нѣтъ курса на умъ, и журналисту надобны только умѣнье выбрать и охота перевести*»; что «*критика одно изъ важнѣйшихъ отдѣленій журнала — пусть только будетъ она умна, правдива, дѣльна*»; затѣмъ присовокупитѣ къ нему «*избранныя новости литературныя, обзоръ всеобщаго просвѣщенія*» — и дѣло будетъ въ шляпѣ. Тутъ — приходится повторить — переищались: это вымышленное письмо, рисовавшее идеалъ журнала и не нелѣтвый портретъ «Телеграфа»; *три дня въ трехъ елькахъ*, статья съ историческими размышленіями, съ Байрономъ и подробностями о его смерти; стихи к. Вяземскаго и Пушкина; путешествіе англійскаго флота капитана Кохрена, пѣшкомъ, *изъ Петербурга въ Камчатку*; *новѣйшія открытія въ Помянѣ*; *критическое разсужденіе объ изданіи русскихъ летописей*; обзорніе русской литературы въ 1824 году; литература иностранная; современные нравы; взглядъ на Москву; разные другіе взгляды впрямь и вкривь; письмо Вольтера къ Миллеру, когда послѣдній не былъ еще издателемъ «Ежемесячныхъ Сочиненій»; нѣчто о свѣтскомъ обществѣ и хорошемъ тонѣ; новѣйшія статистическія извѣстія о пространствѣ, числѣ жителей, войскѣ, флотѣ, доходахъ, расходахъ и долгахъ знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ; статейка о рукописяхъ, привезенныхъ изъ Пекина извѣстнымъ нашимъ синологомъ Іакинѣомъ Бичуринымъ; разборы новыхъ русскихъ книгъ; повѣсть Клаурена; Корнель, Шекспиръ и Альфиери; картина Голландіи; историческое и географическое описаніе Россіи, извлеченное изъ *китайской* географіи; штатъ индійскаго идола; искусство дѣлать книги; кромѣ критики, антикритика; множество мелкихъ статей въ смѣси, занимательныхъ, разнообразныхъ, живыхъ; въ придачу «разговоръ двухъ покойниковъ» и еще повѣсть: «Предвѣстница смерти».

Мы привели содержаніе одного перваго тома «Московскаго Телеграфа», и читатель, конечно, не потребуетъ отъ насъ подобной передачи оглавленія за всѣ годы существованія этого журнала, съ каждымъ годомъ приобретающаго болѣе и болѣе литературнаго значенія. Строгий, удачный выборъ матеріаловъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ; ловкій, интересныи составъ книжекъ; участіе извѣстныхъ и талантли-

внѣхъ литераторовъ; наконецъ, бойкая, одушевленная критика самого издателя, не столько всегда основательная и глубокомысленная, сколько живая, сильная и затѣйливая, въ непродолжительное время доставили «Московскому Телеграфу» необыкновенный успѣхъ и громкую известность. Имя «самоучки» Полеваго быстро пронеслось по всей читающей Россіи, скоро стало въ ряду именъ, любимѣйшихъ публикою, и онъ однажды, съ гордостью воскликнулъ: «я знаю Русь, и Русь меня знаетъ!» что было вѣсколько смѣшно, какъ всѣ пышныя восклицанія. Другіе труды Полеваго, его романы, «Исторія русскаго народа», — все это впрочемъ неоконченное, не мало способствовало его удачамъ. Новость его критическихъ мнѣній, его рѣзкіе литературные приговоры, «учиненная» имъ оцѣнка и переоцѣнка многихъ прежнихъ и современныхъ авторитетовъ неизбежно вовлекли его въ сильные, продолжительные споры, въ крупную полемику съ другими журналистами и критиками. Началось легкою авангардною перестрѣлкою; кончилось жаркою канонадою и генеральными битвами чернильными...

Главная война Московскаго Телеграфа ведена была съ Сѣвѣрою Пчелою. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали рѣшительно, неуступчиво. Летучіе отряды прочихъ журналовъ и журнальцевъ, вѣдшійся въ кампанію, производили, по волѣ вѣтра, партизанскіе набѣги на оба стана, занимавшіе позиціи крѣпкія. Побѣда не разъ клонилась то на ту, то на другую сторону. Известность, дарованіе, остроуміе бойцовъ привлекали вниманіе публики, и тамъ, гдѣ взаимное содѣйствіе, соперничество, играло не послѣднюю роль, читатели находили размѣтъ болѣе или менѣе поучительныхъ идей, назидательное движеніе кипучей, изыскательной мысли. Отъ столкновенія противоположныхъ мнѣній и различнаго направленія рождалась истина, кругъ критическихъ понятій распространялся, литература и писатели невидимо шли впередъ по пути эстетическаго совершенствованія; самый языкъ замѣтно улучшался; слогъ достигалъ зрѣлой твердости и привлекательнаго разнообразія. Полевой высказалъ много умнаго, справедливаго, вѣрнаго; но нерѣдко и заблуждался, путался въ собственныхъ изслѣдованіяхъ, противорѣчіяхъ, выдалъ иногда въ забавные промахи и грубыя ошибки, которыя, разумеется, подхватывались на-лету и преслѣдовались безощадно, потому-что самъ онъ не щадилъ никого. Говоря вообще, въ критикѣ Полеваго, среди сужденій дѣльныхъ, проицательныхъ, проскакивало кое-что и лишнее, не строго облуманное; попадались великолѣпно-кудрявыя фразы, небрежительно точнымъ смысломъ; въ потокѣ многословія сквозила

нѣстами пустота; многія страницы, черезъ—чуръ расплавленные и растопутыя, утомляли длиннотами, желаніемъ высказать все и за всѣхъ.

Онъ имѣлъ несчастную привычку (къ сожалѣнію, перенятую нѣкоторыми позднѣйшими критиками) начинать чуть не со всемірнаго потопа; по—этому, случалось, въ критическихъ статьяхъ своихъ не доходилъ иногда до самаго предмета, подавшаго поводъ къ безконечному разсужденію. Помимо, однакожъ, всѣхъ этихъ недостатковъ, или, правльнѣе, излишествъ, во всемъ, что писалъ Полевой для своего журнала и, въ—последствіи, для другихъ, видны были наблюдательный, пытливый умъ, обширная, прилежная начитанность и многостороннее образованіе, чѣмъ онъ былъ обязанъ единственно и непосредственно самому—себѣ, нигдѣ не учившись въ первой молодости и никакъ неприготовленный къ тому трудному пути, на который призывало его несомнѣнное дарованіе, неодолимое, тревожное влеченіе, и который прошелъ онъ съ честью. Его Московскій Телеграфъ, издававшійся около десяти лѣтъ, безспорно, принадлежитъ къ числу лучшихъ русскихъ журналовъ; явившіяся послѣ него періодическія изданія наши старались подражать «Телеграфу» со стороны внѣшняго и внутренняго его расположенія, прибавивъ еще нѣкоторые отдѣлы и утучнивъ объемъ книжекъ...

Съ прекращеніемъ Московскаго Телеграфа не кончилось журнальное поприще Николая Алексѣевича Полеваго. Въ 1836 и 1837 годахъ онъ принималъ участіе въ «Библіотекѣ для чтенія», по отдѣламъ критики и бібліографіи, гдѣ, впрочемъ, статьи его (присылаемыя изъ Москвы) подвергались произвольнымъ со стороны редакціи измѣненіямъ и передѣлкѣ, на что авторъ слезно жаловался въ предисловіи къ изданнымъ имъ, въ 1839 г., «Очеркамъ русской литературы» (собраніе важнѣйшихъ критическихъ статей его), заключивъ это горькое сѣтованіе такъ: «Радуюсь, что теперь, печатая *Очерки*, могу освободить себя отъ непривлежашаго мнѣ и непризнаваемаго мною. Беру изъ Библіотеки для Чтенія тѣ только мои статьи, которымъ (не имѣя у себя прежнихъ оригиналовъ моихъ) могъ я памятью возвратитъ, по возможности, настоящій смыслъ ихъ. Отъ всего остальнаго я рѣшительно отказываюсь, и ничего, тамъ помѣщеннаго, прошу не почитать моимъ: оно ни мое, ни редакторово, и что оно такое, я первый менѣе всѣхъ понимаю» (стран. XVІІІ — XIX).

Въ этихъ строкахъ слышенъ голосъ огорченнаго авторскаго самолюбія. Зависимое сотрудничество тяжело было Полевому, еще недавно

сильному и самостоятельному журналисту. Онъ переселился въ Петербургъ, средоточіе русскаго просвѣщенія и литературной дѣятельности. Новый владѣтель «Сына Отечества», А. Ф. Смирдинъ, въ 1838 году, вручилъ Полевому редакцію этого журнала, и въ немъ тогда участвовали гг. Гречъ, Бугаринъ, Свиньинъ, Бѣгичевъ, Кукольникъ, Губеръ, Д. В. Давыдовъ, графиня Ростопчина и другіе болѣе или мѣнѣе извѣстные литераторы; печатались оригинальныя и переводныя поѣты, статьи историческія, ученые, вообще любопытныя и занимательныя, хорошія стихотворенія и разныя разности современныя, достойныя вниманія просвѣщеннаго читателя. Въ ряду нѣсколькихъ критическихъ статей самого Полеваго явилась памятная статья о сочиненіяхъ маститаго поэта И. И. Дмитріева, тогда только-что сошедшаго въ могилу. Въ этой статьѣ бывший издатель «Телеграфа», по-своему, по-телеграфски, одѣнилъ и переодѣнилъ современника Державина и друга Карамзина...

Но судьбы «Сына Отечества», со втораго двадцатипятилѣтія этого журнала, стали отличаться непостоянствомъ и переходомъ изъ рукъ въ руки. Въ 1840 году, Н. И. Гречъ, Н. А. Полевой и Н. В. Кукольникъ возобновили «Русскій Вѣстникъ» (С. Н. Глинки): но отсутствіе одного изъ редакторовъ, болѣзнь другаго и поэтическіе труды третьяго, вскорѣ отказавшагося отъ журнала, мѣшали исправному выходу его книжекъ. Въ слѣдующемъ году Полевой выздоровѣлъ, занялся дѣломъ своимъ прилежно и усердно: наполнялъ книжки «Вѣстника» любопытными и важными статьями, изъ которыхъ, конечно, болѣе половины писалъ самъ, и далъ ему опредѣленное, русское направленіе. Журналъ этотъ посвящался русской исторіи, литературѣ современной, словесности народной, обычаямъ и нравамъ обитающихъ въ Россіи (въ Сибири и на Кавказѣ) иноплеменныхъ народовъ. Въ этомъ удостовѣрится всякій, кто просмотритъ вышедшіе за 1841 годъ нумера. Три редактора могли ругаться, что книжки будутъ выходить непремѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца; одному (Полевому) было это слишкомъ затруднительно, особенно потому, что онъ работалъ безъ постоянныхъ сотрудниковъ. (См. № 14-й «Сѣверн. Пчелы» 1842 года, статью Н. И. Греча о «Русскомъ Вѣстникѣ».)

Въ 1842 г. Полевой приготовлялъ «Русскій Вѣстникъ» также безъ постоянныхъ сотрудниковъ; однакожъ журналъ кое-какъ танулся еще полгода, и былъ очень недурень по составу и исполненію, которое на-половину принадлежало самому редактору, сочинявшему отрывки

наъ повѣстей, оставшихся, разумеется, вовсе не написанными, судившему современные наши журналы съ ихъ критикою, разбиравшему «*Матильду*» Сю и «*Мертвая Душа*» Гоголя, и наконецъ представившему статейку о замѣнѣ дровъ *кочерыжками*. Возгорѣлся маленькій, презабавный споръ. Кочерыжками печей не затопили, а «Русскій Вѣстникъ» потонулъ или истлѣлъ. Помилуйте, Ѳаддей Венедиктовичъ? — говорила Полевой, защищаясь: давно ли вы хвалили «Русскій Вѣстникъ», сознаваясь, что я поставилъ его на ноги. Такъ, — отвѣчалъ Ѳ. В., — на ноги вы его поставили, да *ходу* ему не дали. И точно, «Вѣстникъ» не пошелъ; седьмая книжка его (на 1842-й г.) не появлялась въ свѣтъ; хотя, почти вполнѣ готовая, долго лежала въ типографіи, дожидаясь и не дождавшись нѣсколькихъ остальныхъ листовъ.

Таковъ былъ жребій журнальной дѣятельности Полеваго въ Петербургѣ. Книжкамъ «Сына Отечества» и «Русскаго Вѣстника», вышедшимъ подъ его редакціей, при всемъ ихъ достоинствѣ, не посчастливилось, подобно «Телеграфу»: онѣ не могли бороться съ толстыми томами журналовъ, вновь возникшихъ. Измѣнилось ли время, съ своими требованіями и вкусами — измѣнился ли самъ Полевой? Въ жизни каждаго замѣчательнаго писателя бываетъ лучшая, полуденная пора, за которою, увы! наступаетъ закатъ дарованія. Оно блѣднѣетъ и угасаетъ, какъ солнце къ вечеру, все еще прекрасное и неуступающее новымъ звѣздочкамъ, заманчивымъ иногда одной лишь новизною своей... Уже утомленный прежними, непрерывными трудами, безпрестанно отвлекаемый другими занятіями (составленіемъ драматическихъ произведеній для бенефисовъ и разныхъ книгъ, не столько по собственному выбору, сколько по заказамъ издателей, спекулировавшихъ его именемъ, быстротою работы и необыкновенною ко всему способностью), Полевой не въ состояніи былъ долѣе дѣйствовать въ журналистикѣ съ прежнею силою и энергіей. Въ 1844 и 1845 годахъ писалъ онъ библиографическія статьи для Сѣверной Пчелы: но то были уже лебединыя пѣсни громкаго нѣкогда критика — голосъ его слабѣлъ и обрывался, какъ у Рубини, въ послѣдній сценическій годъ сладковучнаго пѣвца. Печальный исходъ всѣхъ человѣческихъ пѣсенъ!.. Однакожь, не теряя бодрости и надежды, Полевой, незадолго передъ смертію своею, принялъ на себя

Мы впервые знаемъ это обстоятельство, касавшееся насъ лично: въ чьей собственности лежалъ листокъ той книжки находилась повѣсть наша «Аристократка», и мы, съ согласія Н. А. Полеваго, воспользовались ими, для отдѣльнаго ея изданія, когда рѣшено было, что «Вѣстникъ» прекращается...

редакцію «Литературной Газеты», и тутъ словно оживился, какъ умирающій, который становится легче наканунѣ кончины, — заговорилъ по-старому, какъ во время оно. Всѣ помнятъ его жестокое нападеніе на вышедшіе тогда первые два тома «Воспоминаній» О. В. Булгарина. Между давними противниками, не разъ сходящимися и расходившимися, снова завязался жаркій бой, чрезвычайно занимавшій публику, привлеченную дарованіемъ и ловкостью состязавшихся. Полевой нападалъ неустранимо, Булгаринъ защищался горячо и начиналъ уже переходить изъ оборонительнаго положенія въ наступательное... но долженъ былъ вдругъ умолкнуть и пылкую антикритику смѣнить тихими строками некролога... смертельная болѣзнь постигла изнуреннаго силами труженика, и петербургскіе литераторы съ глубокимъ соболѣзнованіемъ проводили на Волково-поле простой гробъ Полеваго... «Сѣверная Пчела» первая выразила сожалѣніе о потерѣ его; «Библиотека для Читенія» почтила его эпитетомъ *второго Ломоносова*, а главный тогдашній критикъ другаго петербургскаго журнала, недававшій ему покоя, въ послѣдніе годы его жизни, мелочными придирками, и, въ свою очередь, также уже покойный, не замедлилъ выдать брошюрку, подъ заглавіемъ *Николай Алексѣевичъ Полевой*. Въ ней, по-обыкновенію того критика (не въ укоръ памяти его будь сказано), наговорено было обо всемъ, и менте всего о Полевомъ, такъ-что изъ 55 страницъ брошюры на долю предмета ея не досталось и пяти. Приводимъ нѣсколько мѣстъ, относящихся къ журнальному поприщу Полеваго, не потому, чтобы они представляли сужденіе вѣрное, а для того, чтобы читатели видѣли и мнѣніе одного изъ его поклонниковъ и подражателей, котораго въ публикѣ иронически называли «недопеченымъ» Полевымъ...

«Полевой былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ, почти вовсе неизвѣстный въ литературѣ, нигдѣ неучившійся, купецъ званіемъ, беретъ за изданіе журнала, — и его журналъ, съ первой же книжки, изумляетъ всѣмъ живостію, свѣжестью, новостію, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ... Умная, оригинальная, чуждая *предразсудковъ* (?) критика «Московского Телеграфа» высказывала свои мнѣнія прямо, несмотря ни на какіе авторитеты... Не скажемъ, не только того, чтобы Полевой никогда не ошибался, но и того, чтобы онъ всегда былъ безпристрастенъ къ своимъ противникамъ... Онъ не столько утверждалъ, сколько отрицалъ, не столько доказывалъ, сколько оспаривалъ... все въ немъ было неопредѣленно, часто смутно, а иногда и противорѣчиво... Сначала въ «Телеграфѣ» принимали участіе, хотя и небольшое, даже Жуковскій

и Пушкинъ, и весьма значительное участіе принималъ въ немъ князь Вяземскій. Но вскорѣ участь этого журнала стала зависть *только* отъ дѣятельности и таланта его издателя, постоянно вспомошествоваемаго *только* своимъ братомъ, К. А. Полевымъ... Повѣсти его потому именно и имѣютъ свое относительное достоинство, что явились во-время. Въ нихъ онъ былъ вѣренъ самому-себѣ, и для него онѣ были только особенною отъ журнальныхъ статей формою... Вѣренъ былъ онъ себѣ и въ своей «Исторіи Русскаго Народа»: и въ ней онъ былъ журналистомъ, а не историкомъ. Ему казалось, что смутный хаосъ, образовавшійся въ его головѣ изъ идей Гердера, Шеллинга, Гизо и Тьери, очень удобоприложимъ къ русской исторіи. Это значило вовсе не понять ее, и не нужно говорить, что изъ этого вышло...»

Въ заключеніе о Полевомъ, послушаемъ, какъ самъ онъ оцѣнялъ себя, въ качествѣ журнальнаго критика, и на сколько отдавалъ справедливость другимъ (см. предисловіе къ тѣмъ же «Очеркамъ», стран. VIII, XIII и XIV):

«Немногіе изъ русскихъ литераторовъ, говоря вообще, писали столь много и въ столь разнообразныхъ родахъ, какъ я. Едва ли какой-нибудь современный предметъ, сколько-нибудь занимавшій умы и сердца моихъ современниковъ, не обращалъ на себя моего вниманія, какъ критика и журналиста. Изученіе и разборъ всего, что мелькало передъ нами, увлекали меня непрерывно и постоянно. Осмѣливаюсь думать, что въ томъ, что было писано мною, и не одни современники найдутъ поводъ къ размысленію... Позволяю себѣ думать, что нѣкоторыя мысли мои о теоріи наукъ и искусствъ, изображенія Ломоносова, Державина, Кантемира, Дмитріева, Хемницера могутъ имѣть и не мимоletный интересъ; что разборы сочиненій Пушкина, Жуковскаго, Мерзлякова, Козлова, Карамзина, Кукольника, Берха, и проч., имѣютъ цѣну, какъ матеріалы для исторіи нашей литературы; что другія статьи, о путешествіяхъ Муравьева, Щукина, Бяляскаго, Турецкой войнѣ 1828 года, и теперь любопытны будутъ, какъ дополненіе характеристики нашего времени... да позволятъ мнѣ представить мои статьи, какъ *первыя* (?) опыты русской самобытной критики. До появленія моего въ журнальной литературѣ, критика только изрѣдка мелькала въ нашей журналистикѣ. Отдадимъ справедливость критическимъ статьямъ Греча, Мерзлякова, Каченовскаго, Булгарина и Воейкова: имена сихъ почтенныхъ литераторовъ останутся, какъ имена остроумныхъ критиковъ, за написанныя ими критическія статьи. Но никто не оспоритъ у меня

чести, что первый и сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе предметы современной литературы. Мои опыты были несовершенны, не полны— скажутъ мнѣ — и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и въ самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно было бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже переходящаго, потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ чтѣ мы начинали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую. Критика Мерзлякова на Россіаду Хераскова, критика Каченовскаго на сочиненія Дмитріева, критика Греча на грамматику Академіи, критика Воейкова на трагедіи Грузинцова, критика Булгарина на образцовыя сочиненія и на Исторію Г. Р. Карамзина, будутъ достойны всегдашняго вниманія, какъ памятники ума...»

Исчисляя такимъ-образомъ замѣчательнѣйшія критическія статьи своихъ предшественниковъ, не противорѣчилъ ли Полевой собственному утверженію относительно того, что имъ представлены *первыя* опыты самобытной русской критики. Пересмотрите внимательно старыя журналы наши, явившіеся до «Телеграфа», и вы найдете тамъ счастливыя проблески дѣльнаго, оригинальнаго сужденія, не говоря уже объ умныхъ критическихъ статьяхъ Карамзина и Макарова...

Между-тѣмъ какъ «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ», «Пчела» и «Телеграфъ» подвизались на первомъ планѣ, вторыя и третья мѣста современной имъ журналистики русской также не оставались праздными. Однажды мы имѣли уже случай исчислить третьестепенныя періодическія изданія двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, принимавшія посильное участіе въ общемъ литературномъ движеніи того времени; теперь предлежитъ намъ указать на нѣкоторыя второостепенныя той же эпохи, болѣе или менѣе удостоенныя благосклоннымъ вниманіемъ публики, болѣе или менѣе, въ разныхъ отношеніяхъ, содѣйствовавшія развитію литературы русской, подававшія, въ свой чередъ, голосъ, критиковавшія и книги, и другъ-друга, нерѣдко удачно, не безъ соли и эпиграммы.*

Говорить ли о *Невскомъ Зрителѣ*, ежемѣсячномъ изданіи И.

* Къ третьестепеннымъ періодическимъ изданіямъ того времени, изображеннымъ, между прочимъ, въ вышеупомянутой статьѣ С. О. (Декабрь 1851 г.) могутъ быть отнесены: *Колокольчикъ*, Олипа и Никонова; *Бабочка*, г. Филимонова и Зейделя (1830—31); *Дамскій журналъ*, кн. Шалкова; *Гирлянда*, *Сѣверный Меркурій*, Бестужева-Рюмина; *Европеецъ*, Кирѣевскаго; *Радуга*, Бюргера (1831—1832); *Атлентей*, М. Павлова (1828—30); *Галатей*, Равча (1829—40); *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, г-на Е. Алашова (1831); *Сѣверная Минерва*, г. Иродіона Вѣтрискаго (1832), и т. д.

Сниткина, Г. Кругликова, И. Рожкова и М. Яковлева. По характеру своему и составу, оно примыкало еще къ ряду періодическихъ изданій нашихъ предшествовавшей эпохи, т. е. не имѣло строго опредѣленной цѣли, и хотя въ немъ мелькали хорошіе стихи и проза, но виднаго мѣста въ журналистикѣ оно занять не могло уже и по кратковременности существованія своего, продолжавшагося съ 1820 по іюль 1821 года.

Благонамѣренный, А. Е. Измайлова, начался двумя годами ранѣе: но какъ изданіе его тянулось около десяти лѣтъ (1818—1827), и слѣдственно захватило «Архивъ», «Сѣверную Пчелу» и «Телеграфъ», то въ немъ невольно отразились отчасти нѣкоторыя стороны дальнѣйшаго развитія повременной литературы русской. Измайловъ лицо типическое въ словесныхъ нашихъ хроникахъ,—соединеніе ума съ простодушіемъ, подражательности съ оригинальностью, доброты и кротости съ цинизмомъ и удалою хвостовней подъ перомъ. Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, девятнадцатилѣтнимъ юношей, онъ затѣваетъ русскій романъ, «Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества», какъ видно по самому заглавію внушенный тогдашними заморскими правоописательными сочиненіями, но исполненный не безъ оттѣнка собственнаго дарованія. Дурной публикою приѣмъ этого опыта не смущаетъ молодого человѣка. Вслѣдъ за «Бѣдную Лизю» Карамзина, онъ пишетъ свою «Бѣдную Машу», вслѣдъ за Дмитриевымъ свои басни и сказки, непохожія однакожь на образцы предшественника. Движимый порывами прекраснаго сердца, съ теплою его разсуждаетъ о христіанской помощи бѣднякамъ въ брошюрѣ, отдѣльно изданной (1805 г.) При служебной дѣятельности находитъ время для срочныхъ литературныхъ занятій—издаетъ журналы «Цвѣтникъ», «С.-Петербургскій Вѣстникъ». Не будучи записнымъ ученымъ, состоитъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Всѣ его любятъ и уважаютъ — и немножко надъ нимъ посмѣиваются. Крупоно ссорится онъ съ своими литературными противниками и зоидами — и чистосердечно, искренно примиряется съ ними при первой встрѣчѣ; шумно возстааетъ противъ порока, и снисходительно прощаетъ слабости ближняго. Вездѣ, во всемъ у него добрыя, благородныя побужденія. Онъ, точно, писатель и журналистъ *благонамѣренный*. Александръ Ефимовичъ самъ это чувствуетъ, сознаетъ, и — вотъ онъ издатель «Благонамѣреннаго». Онъ желаетъ нравиться дамамъ своими произведеніями, а его, въ стихахъ и прозѣ, увѣряютъ, что онъ писатель не для дамъ. А. Е. сердится, пыхтитъ, отдувается, и успокоивается не прежде, какъ сочинявъ на «враговъ» и «завистниковъ» прелезую басенку, въ которой торжественно

выставляетъ себя слономъ. Всегда откровенный и наивный, онъ вѣрнѣе себѣ даже въ положительномъ объявленіи о подпискѣ на свой журналъ. Не угодно ли заглянуть въ одно изъ этихъ объявленій... «Благонамѣренный будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1823 году, *только* не по одной книжкѣ въ недѣлю, какъ вынѣ, а по двѣ въ мѣсяцъ, какъ то уже было въ 1819, 20 и 21 годахъ. Еженедѣльное изданіе литературнаго и виѣстѣ съ тѣмъ *критическаго* (?) журнала сопряжено съ весьма большими затрудненіями и неудобствами: издавая маленькія книжки, по двѣ только съ половиною печатныхъ листа, невозможно не раздроблять въ нихъ *многихъ занимательныхъ и любопытныхъ* статей, которыя всякой желалъ бы прочесть вдругъ, а не въ два или въ три раза, и сохранить разнообразіе въ предметахъ, составляющее главное достоинство всѣхъ вообще періодическихъ сочиненій. Притомъ, *по необходимости*, печатаются иногда въ недѣльномъ журналѣ такія пьесы, особенно стихотворенія, которыя *неизвинительно* было бы погѣщать въ *двунедѣльномъ* или *ежемѣсячномъ* изданіи. *И такъ, нижеподписавшійся* станетъ издавать съ наступающаго 1823 года по два нумера въ мѣсяцъ (1 и 15 ч. *непремѣнно*), и каждый нумеръ или книжка заключать будетъ въ себѣ *пять* печатныхъ листовъ, или 80 страницъ». Александръ Ефимовичъ, конечно, не сталъ бы хвалиться такимъ объемомъ своего «Благонамѣреннаго», еслибъ предвидѣлъ, что лѣтъ черезъ пятнадцать будутъ у насъ выходить ежемѣсячные журналы въ 30 листовъ или 600 страницъ, при каковомъ обиліи срочной поставки все должно быть *извинительно*... Между-тѣмъ программа «Благонамѣреннаго», для 120 печатныхъ листовъ *въ годъ*, была довольно обширная, претендуя на *семь* отдѣленій: изящную словесность, науки и искусства, критику, библіографію, театръ, нравы и смѣсь. Въ первомъ возвѣщались «оды, посланія, элегіи, идилліи, сказки, басни, пѣсни, романсы, эпиграммы и стихотворные отрывки», а въ прозѣ: «рѣчи, разговоры, небольшія драматическія сочиненія, живописныя путешествія, повѣсти, отрывки изъ романовъ, также переводы образцовыхъ басенъ лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ *фабулистозъ*». Во второмъ—разсужденія по предметамъ литературы, наукъ и искусствъ. Въ третьемъ—разборъ *нѣкоторыхъ* новыхъ книгъ и образцовыхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, также замѣчанія *на ось* вообще *басни лучшихъ отечественныхъ баснописцевъ* (басни были конькомъ критики почтеннаго Александра Ефимовича, считавшаго, кажется, собственныя басни лучшими со временъ Эзопа). Въ четвертомъ—извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ русскихъ книгахъ, съ краткими и незлобными замѣчаніями на немногія изъ нихъ, и перечень *важѣйшихъ иностранныхъ*

сочиненіямъ. Въ пятомъ—правила декламаціи и театральнаго искусства; разборъ нѣкоторыхъ новыхъ пьесъ, представляемыхъ на петербургскихъ театрахъ, съ замѣчаніями на игру актеровъ. Въ шестомъ—описание нравовъ и обычаевъ различныхъ обществъ, картины домашней жизни людей разныхъ классовъ. Но самымъ заманчивымъ, курьёзнымъ отдѣленіемъ «Благонамѣреннаго» было послѣднее—смісь—гдѣ «біографіи знаменитыхъ мужей» пересыпались анекдотами, «нравоучительныя мысли» догоняли мелкія новости и сообщенія о парижскихъ модахъ, извѣстія о благотвореніяхъ предшествовали «загадкамъ, шарадамъ, логогрифамъ, омонимамъ и анограммамъ»; гдѣ, наконецъ, одинъ уголокъ назывался «сатирическою газетою, безъ всякихъ однако личностей».

Въ заключеніе издатель объявлялъ, что «по временамъ и по прилидію прилагаемы будутъ картинки, портреты, чертежи и ноты», что «будетъ онъ имѣть у себя постоянныхъ сотрудниковъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корреспондентовъ, и преимущественнѣе предъ прочимъ намѣренъ онъ заняться благонамѣренною критикою...»

Несмотря на всѣ эти обѣщанія, болѣе или менѣе исполненныя въ 1823 и 24 годахъ, «Московскій Телеграфъ», въ первый годъ своего существованія, разразившись «обозрѣніемъ русской литературы въ 1824 году», такъ лаконически и неуважительно выразился о «Благонамѣренномъ»: «въ немъ помѣщались проза, стихи, критика, но болѣе всего статьи *шуточныя*». Н. А. Полевой *шутить* не любилъ и, сказать правду, не умѣлъ—шутка и острота рѣдко ему удавались... Кстати объ этомъ обозрѣніи. Оно было первою депешою «Телеграфа», адресованною самолюбію тогдашнихъ писателей и журналистовъ, возбудившею сначала легкія перестрѣлки, а потомъ тяжелую и скучную полемику. Приведемъ еще отзывъ его о другомъ того времени періодическомъ изданіи:

«Много хотѣли мы писать о «Дамскомъ журналѣ», но какъ нарочно—ни одна мысль не мелькнула въ головѣ, ни одно чувство не вспыхнуло въ сердцѣ. Не имѣя передъ собою бюста Ж. Ж. Руссо, мы взяли—сочиненія издателя, развернули наудачу, и намъ попались мысли его о самомъ себѣ, столь милыя, столь пріятельскія, что мы рѣшились выписать ихъ. Вотъ онѣ:

«Для чего я жилъ до сихъ-поръ? Для чего буду жить впередъ? Какая польза въ томъ, что занимаю мѣсто въ системѣ бытія? Зачѣмъ это чувствительное сердце въ груди моей? Зачѣмъ сіи мысли въ головѣ у меня? Грущу, тоскую, лью слезы—о себѣ, ближнемъ—и *больше ничего!*.. Думаю о человечествѣ, о судьбѣ его, о величіи и ничтож-

ности, о суетности и заблужденіяхъ, о счастьи и горестяхъ, о добродѣтели и порокахъ, объ успѣхахъ разума и слѣдствіяхъ страстей,—разбираю, сравниваю, взвѣшиваю, измѣриваю... беру посохъ свой, иду въ поле, съ тѣмъ, чтобъ облегчить голову и ни о чемъ не думать! Къ чему служить мнѣ моя чувствительность, мои разсужденія?» (Соч. К. Шаликова. М. 1819 г. Часть первая, стр. —90—91.)

Заслуживали ли насмѣшки эти кроткія мысли, выраженные такимъ нѣжнымъ, сладенькимъ языкомъ? Но «Дамскій Журналъ» не оставался въ долгу. Въ немъ иногда являлись довольно «чувствительныя» отповѣди, и, между прочимъ, колкія эпиграммы и мѣткія статеечки покойнаго А. Ѡ. Воейкова, печатавшіяся подъ разными псевдонимами. Переходимъ къ этому журналисту *.

Переводчикъ Делилевыхъ Садовъ и Георгікъ Виргилія отличался качествами, совершенно противоположными свойствамъ Измайлова. Его несправедливо было бы упрекнуть въ излишней добротѣ, простодушіи, наивности. Говоримъ о немъ съ увѣренностью, не по наслышкѣ или преданію: мы знавали его лично, принимая нѣкоторое участіе въ одномъ изъ его изданій, гдѣ помѣщены были первыя наши повѣсти. Какъ теперь, видимъ передъ собою угрюмаго, недовольнаго старика, съ насмѣшливостью въ мутномъ взглядѣ, съ жѣлчною, ледяною, хотя иногда и льстивою рѣчью на посинѣвшихъ устахъ. Вотъ въ длиннополомъ сюртукѣ или курткѣ сидитъ онъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, мрачнымъ не менѣе хозяина, и на простомъ, неокрашенномъ квадратномъ столѣ медленно пишеть свои ядовитыя литературныя замѣтки... Вотъ, какая-то странная радость сверкнула въ глазахъ его подъ зонтикомъ; смуглое, мертвенное лицо его будто оживилось нѣсколько: ему удалось мѣткое, эниграмматическое словцо; острая стрѣла попадетъ прямо въ сердце досадившаго противника. Кто не знаетъ его язвительной, безпощадной сатиры «Сумасшедшихъ домъ», въ которомъ онъ разсадилъ по нумерамъ современныхъ литераторовъ, не разбирая ни друзей, ни враговъ, или, лучше сказать, разобравъ ихъ по косточкамъ. Умные люди не сердились, и печатно хвалили ѣдкое остроуміе автора...

Воейкову принадлежали три періодическія изданія: *Новости литературы* (1822—1826), *Славянинъ* (1827—30) и *Литературныя*

* Въ томъ же литературномъ обозрѣніи «Телеграфа», въ числѣ повременныхъ московскихъ изданій 1824—1825 г., говорится и о *Мнемозинѣ* князя Одоевскаго; но какъ это былъ не собственно журналъ, а скорѣе альманахъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ выпусковъ, то мы и не включаемъ «Мнемозину» въ нашъ обзоръ. Полевой отзывался о ней песенно-благословно...

Прибавленія къ Русскому Инвалиду (1833—1836), котораго онъ былъ непремѣннымъ редакторомъ.

И «Новости литературы», начавшіяся съ іюня 1822, въ одинъ годъ съ «Сѣвернымъ Архивомъ», прежде издавались также при «Инвалидѣ», еженедѣльно по листу, а со второй половины 1824-го до конца ежемѣсячно, книжечками въ три листа. Соредакторомъ Воейкова въ этомъ изданіи, первые два съ половиною года, былъ В. Козловъ.

Содержаніе «Новостей литературы», которыя, по миниатюрному объему и формату книжечекъ, читались удобно и скоро, не имѣло притясаній на многосложность. Единственными ихъ отдѣлами были такъ называемая изящная проза и стихи,—стихи, часто очень недурные, сообщаемые извѣстнѣйшими поэтами. По-крайней-мѣрѣ, количество стихотвореній въ «Новостяхъ литературы» могло возбудить зависть другихъ журналистовъ. Въ одной, наприимѣръ, майской 1825 года книжечкѣ, состоявшей изъ 80 страничекъ, встрѣчаемъ 16-ть стихотвореній, въ числѣ ихъ съ именами Языкова, к. Вяземскаго, О. Н. Глинка и — Жуковскаго. Краснорѣчивый авторъ «Писемъ русскаго офицера» заучливо выражаетъ здѣсь:

ЖЕЛАНІЕ ПРЕЖНЯГО.

Эльмира! при тебѣ мнѣ, страннику, все радость,
Все счастье для моей затихнувшей души;
Я жадно нѣгу пью въ безпечной сей тиши,
И мнѣ мила, какъ жизньъ, твоя златая младость...

О, милая, при имени твоёмъ
Я слышу на устахъ и аромать и сладость,
И все мнѣ кажется какимъ-то дивнымъ своимъ...
Я свѣтомъ глазъ твоихъ, какъ счастьемъ, утѣшаюсь,
И, въ тихой радости, нѣмѣя, забываюсь,
Какъ-будто я въ странѣ волшебства и чудесъ...

Но отчего-жъ покой души моей исчезъ?—
Увы! она полна желанной тишиною,
И въ тишинѣ желанной сей грустить!
И память о быломъ опять ее манить
Въ поля, зажженныя войною,
Въ тревогу битвы роковой.

Опять желаетъ бурь за мирныя забавы,
И милы ей—привѣтъ и ласки прежней славы,
И свѣжесть жизни боевой!...

Конечно, въ нынѣшнихъ стихахъ больше рефлексій: но какъ они мало говорятъ чувству, сердцу, а ума большаго — простите! — въ нихъ не видимъ, то, въ простотѣ, предпочитаемъ «прежніе», написанные правильнымъ, гармоническимъ языкомъ русскимъ...

Прозанческій отдѣлъ той же книжечки «Новостей литературы» — ужь если пришлось ей быть вызванной на судъ потомства — состоялъ изъ двухъ статей, оригинальной и переводной. Первая, принадлежавшая самому издателю, называется: «Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ и добродѣтельномъ его хозяинѣ». Содержаніе ея — краткое описаніе села, въ-особенности садовъ Савинскаго, и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о прежнемъ владѣтелѣ этого имѣнія, сенаторѣ Н. В. Лопухинѣ, весьма впрочемъ любопытныя и даже поучительныя. Это былъ любимый родъ статей Воейкова, въ которыхъ онъ перемѣшивалъ прозу со стихами, чужими и собственными, старыми и новыми, наполняя текстъ примѣчаніями, выносками, цитатами и объясненіями. Въ послѣдней привычкѣ у него было нѣчто общее съ покойными графомъ Д. И. Хвостовымъ и С. Н. Глинкою. Такъ и въ ономъ «Воспоминаніи» найдете стихи В. А. Жуковского изъ элегіи Грея «Сельское кладбище», стихи М. Н. Муравьева, мало идущія къ предмету описанія, болѣе кстати приведенныя строфы изъ Деллеовой поэмы, и наконецъ новые стишки автора, какъ бы вылившіеся въ порывѣ вдохновенія, искусственность котораго, однакожъ, слишкомъ замѣтна и въ прозѣ, и въ стихахъ Воейкова...

«Колоколь замолчалъ: но звонкій соловей засвѣталъ съ сумракъ, ивогга застонала; рожокъ за рѣкою заунывно наигрывалъ сельскія пѣсни; заря потухла; разлился сумракъ; чашечки цвѣтовъ раскрылися; благовонныя пары поднялися отъ земли, прелестный вѣтерокъ разнесъ ихъ по водамъ,

И рощи, и луга, и воды,

И красоты природы,

И образцовыя творенія искусствъ

Насъ въ Савинскихъ садахъ обворожали;

Но больше твердый умъ, сердечность нѣжныхъ чувствъ

И ласки добраго хозяина плѣняли.

Какъ видите, стихи уступаютъ прозѣ, а проза эпиграммамъ того же автора. Вообще Воейковъ одушевлялся только въ послѣднихъ, вдохновеніе служило ему только для порицанія. Хвалить онъ не умѣлъ — хвалить искусство трудное! Еще менѣе свойственны ему были нѣжность, чувствительность, мечтательность, хотя иногда онъ любилъ прикидываться растроганнымъ явленіями жизни и природы.

Вторая статья—«Черный паукъ», не лишенная замысловатости народная нѣмецкая сказка, въ прекрасномъ переводѣ В. Тило, гдѣ, кажется, и самъ Воейковъ приложилъ свою руку, какъ можно заключать, во-первыхъ, по соли нѣкоторыхъ фразъ и выраженій, а во-вторыхъ, потому-что двое изъ дѣйствующихъ лицъ, нѣмецкіе лавочникъ и портной, переименованы одинъ въ *Ханыгина*, а другой въ *Пуговкина*.

Славянинъ состоялъ изъ двухъ главныхъ отдѣленій: *военнаго* и *литературнаго*. Первое заключало въ себѣ статьи по части образованія и управленія военными силами въ разныхъ государствахъ, уставы, учрежденія, число войскъ и пр; военное искусство, тактику войскъ разнаго оружія; техническія изслѣдованія по предметамъ, касающимся артиллеріи, инженерной и морской науки; исторію войнъ, походовъ, войскъ древнихъ, среднихъ и новыхъ времѣнъ; описанія сраженій, съ критическими замѣчаніями, военную библиографію и наконецъ, въ смѣси этого отдѣленія, военные анекдоты, слова, письма, реляціи, приказы знаменитыхъ полководцевъ. Во второмъ отдѣленія историческіе отрывки, повѣсти, сказки, путешествія, разборъ *лучшихъ* вновь выходящихъ книгъ и разнаго рода стихотворенія. Какъ видно изъ объявленій издателя, въ вознагражденіе авторамъ и переводчикамъ—предлагалось до 250 отдѣльныхъ экземпляровъ ихъ произведеній... чѣмъ, болѣею-частью, и обанчивались расчеты тогдашнихъ журналистовъ съ случайными сотрудниками, отчего ни тѣ, ни другіе въ существенномъ выигрышѣ не бывали...

«Славянинъ» выходилъ еженедѣльно, тоненькими книжками. Нѣкоторое время литературный отдѣлъ его главнѣйше пробивался переводами повѣстей фанъ-дери-Фельда. Въ очеркѣ, подобномъ нашему, система оглавленій достаточно знакомитъ читателей съ содержаніемъ разсматриваемаго. Представляемъ перечень 2-й части «Славянина» за 1827-й годъ.

Отдѣленіе военное.—Осада испанскихъ крѣпостей союзными войсками въ 1811—13 годахъ —О состояніи португальской арміи.—Медаль, выбитая въ честь Суворова въ 1791 г.—О малой войнѣ.—Великобританская артиллерія. Отрывокъ изъ записокъ Наполеона, изданныхъ Монтолономъ.—О желѣзныхъ судахъ.—Географическія и статистическія свѣдѣнія о персидскихъ провинціяхъ Гиланъ и Мазендеранъ.—Письмо Фукса къ полковнику Добрышину.—О состояніи и числѣ русскихъ войскъ въ началѣ второй турецкой войны, при Императрицѣ Екатеринѣ II.—Матеріалы для исторіи войны съ горцами и Персіанами.—Разборъ сочиненія подполковника Рувруа: *Уроки артиллеріи.*—

Опыты, дѣланные въ Норвегіи для опредѣленія длины пушекъ, дающей дальнѣйшіе выстрѣлы.

Отдѣленіе литературное. Здѣсь встрѣчаемъ нѣсколько повѣстей, болѣею—частью переводныхъ, и опять, какъ въ «Новостяхъ литературы», обильный запасъ стихотвореній, между прочими, Жуковского, И. Козлова, Языкова, Глинки, Баратынскаго, Илличевскаго, Борозды, П. Г. Сбодовскаго.

У насъ теперь подъ рукою два нумера «Славянина» того же 1827 года, XXVI и LI. Въ послѣднемъ укажемъ на «таблицу всѣхъ государственныхъ войнъ, веденныхъ Россіей, и непріятельскихъ нашествій на оную отъ Рюрика до конца прошедшаго царствованія»; а изъ перваго заимствуемъ нѣсколько, изложенныхъ въ аллегорической формѣ, мыслей о критикѣ, которыя показались намъ замѣчательными:

«Критика (говоритъ одинъ забытый авторъ) есть старшая дочь *Труда и Истины*; родители ввѣрили ее еще въ дѣтствѣ *Правосудію*, и она воспитывалась въ чертогахъ *Мудрости*. Вскорѣ бога, замѣтивъ въ ней рѣдкія и отличныя дарованія, отдалъ подъ ея присмотръ *Воображеніе*. Ея обязанностію было: присутствовать при пѣніи Музъ предъ Юпитеромъ. Музамъ вздумалось сойти на землю; имъ сопутствовала *Критика*. На дорогу вручило ей *Правосудіе* жезлъ, у коего одинъ конецъ былъ напоенъ анврозіей, увѣнчанъ золотыми и лавровыми листьями; другой конецъ обернуть былъ кипарисомъ, макомъ, и обмоченъ въ водахъ рѣки *Забвенія*. Въ лѣвой рукѣ носила всегда *Критика* свѣтящій факель, сдѣланный *Трудомъ* и зажженный *Истиною*. Свойство сего факела состояло въ томъ, что онъ, освѣщая вещи, показывалъ ихъ въ настоящемъ видѣ, сколько бы ни было приложено старанія представить ихъ въ видѣ ложномъ.

«Имѣя въ рукахъ факель и жезлъ, *Критика* приступала къ разбору твореній тѣхъ людей, кои мнили быть любимицами Музъ. По-мѣрѣ того, какъ ей представляли какое нибудь произведеніе, она освѣщала его факеломъ *Истины*, и увѣрившись чрезъ сей неизмѣнный опытъ, что сочиненіе сходно съ данными правилами, она дотрогивалась до него тѣмъ концомъ жезла, который былъ увѣнчанъ лаврами; и налагала на сочиненіе печать безсмертія. Но случалось гораздо чаще встрѣчать ей недостатки и несовершенства въ сочиненіяхъ, представленныхъ ей сужденію: они были прикрыты обманчивыми красками; въ нихъ находилось несогласіе между выраженіями и чувствами; предметы, кои хотѣли описать, были изображены не-вѣрно; отдѣльныя части оныхъ сведены не-удачно; пустоты между ими—наполнялись пустотами же, которыя ничего не придавали ни достоинству ихъ, ни красотѣ, ни пользѣ. Тогда

Критика, вмѣсто того, чтобы запечатлѣть ихъ печатью безсмертія, оборачивала жезлъ свой и вспрыскивала ихъ макомъ и кипарисомъ, омоченными въ рѣкѣ Летѣ; составъ ужасный, непокидающій сочиненія до совершеннаго его уничтоженія!

«Бывало также, что сама *Критика* находилась въ недоумѣніи: ей представляли иногда произведенія, въ которыхъ красоты и недостатки находились въ борьбѣ; тогда, не зная, которымъ концомъ жезла должно ихъ коснуться, *Критика* держала оный въ равновѣсіи и предоставляла *Времени* оцѣнить ихъ надосугѣ.

«Сужденія *Времени* были медленны, но вѣрны, и оно судило столь хорошо, что *Критика* увѣрилась въ его исправности, увидѣла, что здѣсь ей болѣе дѣлать нечего, и удалась. Но прежде своего отбытія, она разбила ненужный ей жезлъ: *Лестъ* ухватила въ тотчасъ за конецъ, напоенный амброзіей, а *Злоба* овладѣла концомъ *Забвенія*...

«Послѣ него мудрено ли, что *Разсудокъ* и *Здравый Смыслъ* не всегда управляли той частію жезла, которая досталась *Лести* или *Злобѣ*...

«Но *Время* продолжало судить по всей справедливости.»

Не смотря на стодь прекрасныя, благородныя мысли объ истинной критикѣ, самъ «Славянинъ» не всегда имъ слѣдовалъ.

Систематическими, обстоятельными сужденіями о новыхъ книгахъ онъ не отличался; искусство отъ его критикъ немного выигрывало, потому-что Воейковъ больше хлопоталъ объ удачныхъ сарказмахъ, которые старательно направлялъ противъ своихъ противниковъ. Чужой усѣхъ ему не нравился, и, на этомъ основаніи, всѣ періодическія изданія, пользовавшіеся вниманіемъ публики, подвергались его набѣгамъ. Любимою мѣстою «Славянина» были «Сынъ Отечества», «Сѣверная Пчела» и «Телеграфъ». Иногда онъ поражалъ сильно, неотразимо. Какая-то такая злость ума замѣняла Воейкову дарованіе; колкости его больно ранили; виagrammaticескія выходки его не разбирали правоты или неправоты того, на кого обращались. Онъ оборонялся еще искусѣе, нежели нанедалъ — съ любовью точилъ непріязненное слово, обмакивая перо свое уже не въ воду рѣки забвенія, а въ жѣлъчъ, такъ-сказать.

Но и сатирическое притуляется, становится безопаснымъ, какъ амѣя, у которой вырвано жало. Позднѣйшіе листки Воейкова, «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», выходившіе по средамъ и субботамъ, въ послѣдніе годы своего существованія, были явленіемъ крайне-незначительнымъ. Въ нихъ не встрѣчаемъ уже именъ, украсившихъ прежнія изданія Воейкова, а литераторы съ именами малозвѣстными снабжали газетку эту произведеніями весьма посредствен-

нныя. Оставалось трудиться самому издателю. И онъ трудился по мѣрѣ ослабѣвавшихъ силъ своихъ; писалъ-то «пересмѣшникъ», въ которомъ пересмѣшивалъ нравы, рисовавшіеся въ его болѣзненной фантазіи, и который никого не смѣшилъ; те «литературныя замѣтки», въ которыхъ замѣчаютъ мелкіе промахи, пустыя описки, придирался ко всему, ко всему, особенно къ новымъ журналистамъ, счастливо дебютировавшимъ. Но въ этихъ выходкахъ не было уже прежней остроты и язвительности автора: мефистофельская улыбка скрылась — въ замѣнъ ей читатели видѣли только недовольную гримасу, бессильную досаду и холодное раздраженіе.

Кромѣ этого запоздалаго «пересмѣшника» и «замѣтокъ», являвшихся подъ псевдонимомъ «Караблинскаго», въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» печатались иногда переводные, иногда оригинальные рассказы, рѣдко удачныя, стихотворенія, болѣею-частью плохія и, сверхъ-того моды, на двухъ языкахъ, французскомъ и русскомъ, на тотъ конецъ, чтобы, въ случаѣ непонятности послѣдняго, обращаться непосредственно къ первому...

Чувствуя, что прошла его пора, и пустивъ еще въ противниковъ нѣсколько притупленныхъ стрѣлъ, подобно послѣднимъ выстрѣламъ съ умолкающей батареи, которой орудія уже подбиты и снаряды израсходованы, — Воейковъ сошелъ со сцены журналистики, гдѣ, годъ за два впередъ тѣмъ, начался новый періодъ, открывшійся «Новосельемъ» Смирдина и потомъ его обширнымъ ежемѣсячникомъ. Послѣднимъ литературнымъ предпріятіемъ Воейкова было также нѣчто въ родѣ этого «Новоселья», неизбѣжное однакожъ тѣхъ же блистательныхъ послѣдствій. Въ товариществѣ съ гг. Владиславлевымъ и Жуковымъ, завелъ онъ новую типографію, позволяя на великолѣпный въ ней обѣдъ большую часть извѣстныхъ петербургскихъ писателей, художниковъ, актеровъ. Первымъ лицомъ этого артистическаго собранія былъ маститый Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Здѣсь сошлись К. П. Брюловъ съ В. А. Каратыгинымъ, Н. А. Полевой съ Н. В. Кукольникомъ, баронъ Е. О. Розенъ съ Н. П. Панаевымъ, и такъ далѣе. Словно теперь видимъ, какъ Воейковъ, медленно, сумрачною тѣнью, прихрамывая и опираясь на свой костыль, расхаживаетъ, въ синемъ фракѣ, между своими сверстниками или представителями новаго поколѣнія, и вотъ, весною 1838 года, является альманахъ съ слѣдующимъ предисловіемъ: «Просвѣщенные гости, праздновавшіе вмѣстѣ съ хозяевами открытіе типографіи, на память объ этомъ *событіи* подарили намъ по статьѣ, каждый въ своемъ родѣ. Изъ этого составлялся *Сборникъ*. Выходъ второй части «Сборника» бу-

детъ зависть отъ благосклоннаго вниманія публики.» Точь—въ—точь какъ предисловіе къ «Новоселью».

Альманахъ, хотя и далеко уступалъ Новоселью, но былъ вообще недурень. Публикѣ же и критикѣ не понравился потому, что состоялъ болѣею—частью изъ стихотвореній и отрывковъ, на которые тогда уже проходила мода. Въ немъ были только два оконченные, цѣлые разсказа *, а самому Воейкову, подъ псевдонимомъ Кораблинскаго, принадлежали двѣ сатирическія статейки: «Ему везетъ» и «Разговоръ между стихотворцемъ Продажновымъ и помѣщикомъ Мечтателевымъ», гдѣ въ послѣдніе блеснули потухающія искорки колкаго ума автора. Эти-то статейки и странное, смѣшное объявленіе о выходѣ альманаха, донельзя гиперболически превозносившее всѣхъ его вкладчиковъ (между прочимъ, переводчикъ Фауста, покойный поэтъ Губеръ, названъ былъ *побдителямъ* «великана» Германіи, Гёте) вызвали въ Сѣверной Пчелѣ строгую рецензію г. Булгарина, въ которой онъ пуще всего разгивалъ Воейкова извѣстнымъ стихомъ Озерова изъ «Эдипа въ Аѳинахъ»: *я вѣкъ на камень кончу семъ*, примѣняя этотъ стихъ къ литературной неподвижности и однообразію таланта Воейкова. Намъ привелось столкнуться съ нимъ въ утро появленія этой рецензіи: онъ выходилъ изъ себя... но, помнится, не отвѣчалъ на все печатно. И до того ли ему было? Бременный седьмымъ десяткомъ лѣтъ, онъ быстро приближался къ предѣлу земнаго существованія, и скоро сошелъ въ могилу, непровожаемый сожалѣніемъ равнодушной къ нему современной публики. Печалевъ былъ конецъ его, какъ писателя, журналиста и человѣка! Теперь онъ принадлежитъ вполне исторіи литературы нашей, и мы, въ этомъ очеркѣ, не могли не увлечься нѣкоторыми о немъ воспоминаніями. Незабѣжно сухой, по свойству своему, обзоръ нашъ, конечно, оживился бы нѣсколько, еслибъ и о другихъ старыхъ журналистахъ русскихъ мы знали бы по-крайней-мѣрѣ столько, сколько извѣстно намъ о Воейковѣ...

Около десяти лѣтъ, именно съ мая 1820 до 1830 года, длилось изданіе «Отечественныхъ Записокъ» Павла Петровича Свиньина. Основаніемъ ихъ послужила книга его подъ тѣмъ же названіемъ, отпечатанная въ 1818—19 г., въ двухъ частяхъ. Свиньинъ исключительно посвящалъ литературные труды свои полезному, и преимущественно отечественному. Рѣдко писалъ онъ не о Россіи и не о русскомъ, и то лишь въ такомъ случаѣ, когда ему приводилось переплывать моря.

* Покойнаго Е. П. Гребенки: *Вотъ кому зузукъ ковала!* в И. И. Панаева: «*Сумерки у камня*», очень милый разсказецъ, съ семью эпиграфами изъ Шекспира, Байрона, Гюго, Беранже, Бальзака, Гёте и Пушкина.

Побывавъ за моремъ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, онъ пишетъ «взглядъ на соединенныя области» (1814), и представляетъ «опытъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ» (1815; второе изданіе въ 1818 г.). Въ Лондонѣ ведетъ онъ «ежедневныя записки», изданныя въ 1817, а въ слѣдующемъ году являются его «записки» же о жизни генераль-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова. Еще черезъ годъ, онъ рассказываетъ «жизнь русскаго механика Кулибина и его изобрѣтенія». Въ Москвѣ составляетъ «указатель главнѣйшихъ достопримѣчательностей, сохраняющихся въ мастерской оружейной палатѣ» (1826), а въ новой столицѣ описаніе «достопамятностей Петербурга и его окрестностей» (6 частей, 1816—1828). Не пренебрегая ничѣмъ, что можетъ пригодиться ближнему, публикуетъ «несомнѣнное исцѣленіе отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ» (1817), а спустя двадцать-два года, когда развитіе на Руси изящной словесности потребовало и отъ него посильной дани, которая упрочила бы вѣрнѣе его имя и наружность, онъ влагаетъ въ изданіе Смирдина, «Сто русскихъ литераторовъ» (семидесяти изъ коихъ не досчитываются до-сихъ-поръ), свой портретъ и свое «драматическое представленіе въ трехъ картинахъ — Александръ Даниловичъ Меншиковъ» (1839), плодъ долговременнаго изученія авторомъ эпохи Петра Великаго.

Если не въ исполненіи и критическомъ взглядѣ, то въ цѣли и содержаніи нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства между «Сѣвернымъ Архивомъ» и «Отечественными Записками» Свиньина. Оба журнала представляли любопытныя матеріалы для исторіи; статистики и географіи Россіи, оба собирали разнородныя свѣдѣнія для науки русской.

Послушаемъ, какъ отзывался о послѣднемъ Полевой, въ первый годъ выступленія своего на журнальное поприще: «Намѣреніе издателя заслуживаетъ благодарность: одно *Русское* входитъ въ составъ его журнала. Знакомить читателей съ отличными произведеніями русскими, съ художниками и людьми, достойными вниманія соотечественниковъ, сообщать имъ историческіе акты, записки, путешествія по Россіи—все это полезно и любопытно. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» содержится много такого, что заставитъ заглянуть въ нихъ историка и географа. Въ прошломъ (1824) году замѣчательны статьи: *Дѣйствія Россійскаго флота противъ Шведовъ.—О костяхъ четвероногихъ животныхъ*, соч. г. Соколова.—*Письма и мысли графа Румянцова-Задунайскаго.—Положныя записки артиллериста*, г. Радожицкаго. — *Слово предъ избраніемъ судей*, Преосвященнаго Митрополита

Евгенія.—*Оборона крѣпости Яика.—Извѣстіе о страннопрімномъ домѣ Кн. Куракиныхъ.—О Кавказской линіи, г. Дебу.—Разсужденіе о Донѣ и проч. Адм. Крейца.* Не менѣ замѣчательны статьи: *Памятныя записки А. В. Храповицкаго и Жизнь И. И. Неплюева.* Но мы осмѣливаемся замѣтить г. издателю, что сіи статьи не по его журналу. Чтобы придать имъ настоящую цѣну и дать удобство читателямъ обнять оныя вполнѣ, должно бы напечатать ихъ особыми книгами. Но можно ли печатать, напримѣръ, *Записки Храповицкаго* въ—продолженіе четырехъ лѣтъ? Разбросанныя въ двадцати—пяти книжкахъ, онѣ еще не кончатся лѣтъ въ пять, и для чтенія и для справокъ теряютъ все удобство и занимательность. Тоже скажемъ и о жизни Неплюева. Г. издатель печатаетъ даже *Первое путешествіе Россіянъ* вокругъ свѣта, изъ записокъ бывшаго посланника въ Японію г. Резанова; но въ семи большихъ отрывкахъ Резановъ доѣхалъ только до Тенерифа: сколько же книжекъ надобно завязать, чтобы черезъ Японію, Америку и Камчатку привезти его въ Сибирь! Намъ кажется, что изъ подобныхъ сочиненій можно помѣстить въ журналѣ двѣ, три статьи, описывающія что-нибудь любопытное; такъ сдѣлалъ нѣкогда В. А. Жуковскій, помѣстивъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1808 г.) *отрывокъ изъ рукописи Кн. Я. П. Шаховскаго*; но онъ не считалъ безсмысленнымъ матеріаломъ для журнала всю рукопись, особливо изданную въ двухъ томахъ. Журналъ, подобный «Отечественнымъ Запискамъ», не такой магазинъ, гдѣ можно складывать все, что находится въ книгахъ: въ семь случаевъ надобно бы издавать «Отечественныя Записки» не маленькими тетрадиками, какъ онѣ издаются нынѣ, но *огромными книгами* (Полевой дожилъ до времени, когда требованіе его было вполнѣ удовлетворено, и тотъ же журналъ, въ рукахъ другаго издателя, сталъ выходить *огромными книгами*). Лѣтопись Курбскаго, Кривоборскаго, или книги разрядныя, очень важны, но можно ли въ какомъ—бы то ни было журналѣ помѣщать ихъ цѣликомъ? Почтенный издатель «Отечественныхъ Записокъ», конечно, извинитъ нашу искренность; а мы, рѣшившись сказать всю правду, дополнимъ наши замѣчанія тѣмъ, что дружески напомнимъ ему *несдержаніе слова*. Онъ именно сказавъ, объявляя о своемъ журналѣ на 1824 г., что, къ оправданію лестнаго довѣрія публики, онъ сдѣлалъ поѣздку болѣе 4000 верстъ, для обозрѣнія занимательнѣйшей части отечества, для открытія новыхъ любопытныхъ источниковъ къ составленію «Отечественныхъ Записокъ»,

бытія съ 1812 по 1816—й годъ, и принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ военныхъ записокъ. Изъ него черпали многіе.

и убѣжденный болѣе и болѣе, что Россіянинъ можетъ путешествовать по отечеству своему не только для услажденія сердца и ума, но и самаго воображенія, издатель постарается доказать сіе, представивъ на судъ читателей, въ слѣдующихъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ», *собственныя свои наблюденія и многія драгоцѣнныя свидѣнія, пріобрѣтенныя имъ во время сего путешествія...* — Гдѣ же это? Годъ прошелъ, и всего помѣстилъ издатель двѣ статьи, въ которыхъ принадлежитъ ему очень небольшое» (Московскій Телеграфъ, 1825, № II, январь; стран. 154—156).

Выписка эта достаточно знакомитъ читателя съ еодержаніемъ, составомъ и направленіемъ прежнихъ «Отечественныхъ Записокъ».

Современные критики упрекали еще Свиньина въ излишнемъ увлеченіи и слѣпомъ пристрастіи при выборѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ для своего журнала, а иногда и въ недостоверности и преувеличеніи показаній. Много было шутокъ на этотъ счетъ. Остроумнѣйшую изъ статей своихъ Баронъ Брамбеусъ начинаетъ такъ: «Въ нѣдрахъ земнаго шара есть огромная зала, вибрующая, кажется, 99 верстѣ вышины. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» сказано, будто она вышиною въ 999 верстѣ» (*Новоселье*, 1833; стран. 129). Время, однакожь, какъ сказано въ другой выпискѣ, выше помѣщенной, судить справедливо, и нынѣ всѣ признаютъ полезную дѣятельность покойнаго Свиньина. Онъ душою любилъ все русское, и радовался появленію всякаго самобытнаго русскаго таланта. Тотъ же, взыскательный къ нему нѣкогда Полевой, позже, черезъ 14 лѣтъ, признательно его вспоминаетъ, говоря о началѣ своей литературной карьеры: «Лѣто 1821 года прожилъ я по дѣлажъ въ Петербургѣ. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я Грибоѣдова и Жуковскаго. Н. И. Гречъ и Ф. В. Булгаринъ оказали мнѣ самое рачульное вниманіе. П. П. Свиньинъ встрѣтилъ меня, какъ друга, съ распростертыми объятіями: онъ видѣлъ во мнѣ кулика-самоучку, и былъ отъ меня въ восторгѣ» (см. предисл. къ Очерк. Русск. Лит., стран. XII).

Воейковъ и Свиньинъ были послѣдними представителями журналистики нашей двадцатыхъ годовъ. Къ одному и тому же лицу перешли изданія обоихъ, «Литературныя Прибавленія» перваго и «Отечественныя Записки» втораго, въ извѣнномъ видѣ и содержаніи. Но намъ остается назвать еще три, четыре изданія, предшествовавшія новѣйшему періоду журналистики русской, который начинается 1834-мъ годомъ...

Неважнымъ и недолговременнымъ явленіемъ въ журналистикѣ русской была *Литературная Газета*, предпринятая въ 1830 году барономъ Дельвигомъ. Не пособила ей печатавшіяся въ листахъ ея сти-

хя лучшихъ тогдашнихъ стихотворцевъ и даже самаго Пушкина. Она не просуществовала и двухъ лѣтъ*. Въ одной изъ своихъ «литературныхъ замѣтокъ» Воейковъ говоритъ: «Упадокъ періодическаго изданія, нѣсколько лѣтъ продолжавшагося, имѣетъ свой источникъ: 1) въ несостоятельности издателя и несвоевременной выдачѣ его листовъ; такъ упали всѣ журналы, издаваемые г. Олиннымъ; такъ скончалась *Литературная Газета*, надѣлавшая столько шуму при своемъ появленіи... 2) Въ помѣщеніи слишкомъ длинныхъ, хотя и хорошихъ произведеній, или въ печатаніи тяжелыхъ статей, наводящихъ тошноту и скуку на душу читателя; таково было безконечное розысканіе г. Каченовскаго о Банномъ строеніи, положившее первое начало паденію «Вѣстника Европы», журнала, начатаго Карамзинымъ и со славою поддержаннаго Жуковскимъ; таковы были утомительныя, многословныя разсужденія о литературѣ П. А. Катенина въ «Литературной Газетѣ» (Лит. Приб. къ Русск. Инв., 1836 г., № 36, стран. 287). Листки эти, помнится, выражали мнѣнія и интересы одной современной литературной партіи, неудачно нападавшей на другую или защищавшейся отъ ея нападений. Лучшая партія журнала — публика, которой нѣтъ ровно никакого дѣла до личныхъ отношеній между собою гг. журналистовъ и литераторовъ, и которая обыкновенно пристаётъ къ сторонѣ *успѣха* и превосходства дарованій. Иногда, нѣсколько времени, она бываетъ въ заблужденіи, если ее искусно морочать, но рано или поздно открываетъ глаза, и отличаетъ мишуру отъ золота...

Въ приведенной замѣткѣ, Воейковъ далеко не указалъ на всѣ причины упадка или неуспѣха періодическихъ изданій. Въ числѣ этихъ причинъ не послѣднее мѣсто занимаетъ сухость и *односторонность* содержанія журнала, сколько бы оно ни было важно и дѣльно. Въ 1838-мъ году выступили на сцену *Воспоминанія* Руссова, не безъ пользы трудившагося въ исторической нашей критикѣ, писавшаго замѣчанія на «Исторію Русскаго Народа» Полеваго, на критики Арцыбашева и Ходаковского Исторіи Г. Р. Карамзина, и многія другія историко-изыскательныя статьи. Изъ этихъ-то статей вздумалъ онъ составлять ежемѣсячныя книжечки. Достаточно просмотрѣть три первые выпуска «Воспоминаній», чтобы убѣдиться въ невозможности издавать подобный однообразный, слишкомъ серьезный журналъ. Вотъ что въ нихъ найдете: *Слово похвальное похваламъ; Рюрики*; замѣчанія на книги: 1) Царствованіе царя Алексѣя Михайловича, В. Н. Берха, 2) Мо-

* Въ 1831 году, по смерти барона Дельвига, «Литературная Газета» перешла къ г. Оресту Сомову, и прекратилась на 37-мъ номерѣ. Въ 1830 вышло ея 72 номера.

сковскія Записки барона Герберштейна, 3) Сказанія современниковъ о Дмитрѣ Самозванцѣ, изданныя Н. Г. Устряловымъ; Отрывокъ (изъ) Русской лѣтописи (переводъ съ польскаго); Винцентія Кадлубка (лѣтопись польская); нѣсколько египетскихъ гіероглифовъ; санскритскій словарь, и въ придачу, нѣсколько стихотвореній, тяжелыхъ не менѣе прозы Руссова. Не угодно ли заглянуть въ начало баснословной лѣтописи польской, которую самъ издатель «Воспоминаній» называетъ *романомъ*: «Предпріемлю описывать сокращенно происхожденіе или начало польскаго народа, отъ сотворенія міра, какъ узналъ я изъ многихъ историческихъ сочиненій. Прежде всего надобно знать, что поляки произошли отъ Яфета, сына Ноева...» и т. д. Забавно, что къ этой очевидно замысловатой шуткѣ Руссовъ дѣлаетъ переважно примѣчаніе: «на многія несообразности съ исторіей я хотѣлъ приобщать замѣчанія; но несообразности столь явы, что не стоятъ возраженія».

Слишкомъ тщательныя, «глубокія» историческія изслѣдованія, справки, выводы, заключенія — иногда затемняютъ здравый смыслъ и крѣпкихъ головъ. Эту умственную болѣзнь, кажется, страдалъ отчасти почтенный Руссовъ. Его «Воспоминанія» были анахронизмомъ въ современной журналистикѣ, и скрылись, какъ анахронизмъ, безъ слѣда и воспоминаній *... .

Между-тѣмъ, въ Москвѣ, успѣхъ «Телеграфа» вызвалъ существованіе двухъ довольно замѣчательныхъ журналовъ: *Московского Вѣстника* (1827—31), М. П. Погодина, и *Телескопа* (1831—36) Н. П. Надеждина. Несмотря на значительное сходство обоихъ повременниковъ съ своимъ первообразомъ и нѣкоторое не незамѣтное ему подражаніе, частію въ составѣ, частію въ исполненіи, особенно со стороны «Телескопа», котораго самое названіе не неродственно «Телеграфу», оба новые журнала нерѣдко сильно воевали съ послѣднимъ. Такъ, наприимѣръ, при выходѣ, въ 1830 г., перваго тома «Исторіи Русскаго Народа», «Московскій Вѣстникъ» безъ малѣйшаго снисхожденія, ужъ слишкомъ непощадно, вооружился противъ труда Полеваго. Мы вовсе

* Въ 1-й книжкѣ «Воспоминаній» представлены примѣры «необыкновенной памяти» и, между прочимъ, сказано: «При библіотекѣ А. Ф. Смирдина, состоящей слишкомъ изъ 10,000 сочин., есть библіотекаръ Цвѣтаевъ, который можетъ сказать наизусть, подъ какими номерами каждая изъ книгъ состоитъ по каталогу, объявивъ, хотя поверхностно, и содержаніе оной. Я это испыталъ неоднократно, да и всякій можетъ удостовѣриться лично. Товарищи его иногда надъ нимъ шутятъ, да и самъ онъ едва ли понимаетъ себя дѣлу.» — Ф. Цвѣтаевъ донынѣ подвизается на томъ же поприщѣ, управляя библіотекой, принадлежавшею бывшему книгопродавцу Ольшину; донынѣ сохранилъ свою феноменальную память — всегда готовъ всѣмъ и каждому, въ особенности литераторамъ, служить своими библіографическими свѣдѣніями, и потому было бы несправедливо не вспомнить о немъ при случаѣ.

не намѣрены оспаривать основаній и правоты критики «Московского Вѣстника» — говоримъ только о рѣзкомъ ея тонѣ; и еслибъ читателю случайно попала въ руки статья этого журнала по поводу 1-го тома И. Р. Н., читатель, конечно, призналъ бы, что съ-тѣх-поръ критика русская сдѣлала большіе успѣхи въ отношеніи къ вѣжливости и умѣренности сужденій. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы мѣсяца журналовъ нашихъ высказываются съ несравненно-большою учтивостію и приличіемъ. Можно не соглашаться съ противникомъ; можно и должно указывать на его ошибки; можно самому ошибаться въ приговорѣ; но ни въ какомъ случаѣ нельзя и не должно оскорблять разбираемаго писателя...

Оставляя въ сторонѣ тонъ и суровую иногда манеру критики «Московского Вѣстника», повторяемъ, что этотъ журналъ, въ другіе частяхъ своихъ, заслуживалъ вниманія просвѣщенныхъ читателей, преимущественно по отдѣлу матеріаловъ для отечественной исторіи, и вообще учеными и дѣльными статьями. О составѣ и содержаніи его не распространяемся, потому-что нынѣшній «Москвитянинъ», того же издателя, можетъ-быть названъ какъ бы продолженіемъ «Московского Вѣстника», разумѣется, съ измѣненіями, дополненіями и «усовершенствованіями», какія потребовались позднѣйшимъ характеромъ нашей журналистики... Впрочемъ, помимо спора своего съ покойнымъ Полевымъ, журналъ этотъ рѣдко вдавался въ полемику, рецензіями былъ не обилень, повѣстями также, за современностію слѣдилъ мало, и, можетъ-быть, по тому самому, при неотъемлемомъ своемъ достоинствѣ, скоро угасъ: журналы держатся именно свѣтильникомъ современности, и если онъ не горитъ, — жаждущая новостей публика, въ свою очередь, не пламенѣетъ любовью къ періодическому изданію, которое болѣе походитъ на книгу, нежели на журналъ, преусиждающій свѣжесть и разнообразіемъ содержанія...

«Телескопъ», кажется, не подлежалъ упреку въ отсутствіи того и другаго. Въ немъ были повѣсти, оригинальныя и переводныя, отрывки изъ русскихъ романовъ, готовившихся тогда къ печати, стихотворенія; статьи по части наукъ и искусствъ; біографія знаменитыхъ современниковъ, преимущественно писателей, новости всякаго рода, бібліографія, критика, антикритика, рекритика и — полемика, очень затѣйливая, порою очень остроумная и забавная, но — должно сказать правду — не весьма разборчивая и деликатная. Въ «Телескопѣ» печатали, напримеръ, удалыя статейки своп извѣстный *Теофилактъ Косичкинъ*, разившій противниковъ несовѣтъ великодушно. Конечно, подъ этими «шазоливыми» статейками онъ никогда и ни за что не рѣшился бы

выставить своего настоящего, славнаго имени: всѣ знаютъ, что за псевдонимомъ проказника Косичкина скрывался не кто-иной, какъ самъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ... Мастерски владѣлъ онъ копьемъ полемической шутки и злого сарказма; но все-таки для его памяти было бы лучше, еслибъ онъ вовсе не писалъ этихъ безбрежно «юмористическихкихъ» статейекъ, въ которыхъ шутка, юморъ и «шалость» увлекали его за рубежъ литературной истины и справедливости. Умѣренная и вѣжливая критика, повторяемъ—лучшая критика. Правда, высказанная съ утонченною учтивостью и полнымъ приличіемъ, нисколько не теряетъ своей силы — напротивъ, вѣрнѣе достигаетъ цѣли, и скорѣе убѣдитъ, нежели рядъ грубыхъ выходокъ и жѣлчныхъ эпиграммъ, прикрытыхъ или неприкрытыхъ искусственно или неподдѣльною веселостью пера...

Вотъ что почтенный издатель «Телескопа», посвятившій въ послѣдствіи труды и способности свои служебному поприщу, говорилъ, между прочимъ, въ объявленіи объ изданіи журнала этого на 1835 годъ: «Я не смѣю утверждать, чтобъ «Телескопъ» вполне удовлетворялъ требованіямъ публики, которой взыскательность безпрестанно увеличивается. Но безъ всякаго пристрастія и снисхожденія къ себѣ, смѣло скажу, что онъ дѣлалъ все, что могъ сдѣлать. Лучшія произведенія современной иностранной словесности переводились въ немъ въ-слѣдъ за ихъ появленіемъ. Знакомые съ европейской журналистикой знаютъ, что статьи изъ текущихъ періодическихъ листовъ передавались имъ, прямо съ оригинала, прежде чѣмъ на всѣхъ прочихъ европейскихъ языкахъ. «Телескопъ» можетъ хвалиться, что онъ первый ознакомилъ русскихъ читателей съ именами многихъ современныхъ писателей, переводомъ ихъ сочиненій. Укажу на одно имя Бальзака, впервые показавшееся въ «Телескопѣ» при повѣсти Vendetta. Биографіи знаменитыхъ двигателей современнаго просвѣщенія также были постояннымъ его отдѣленіемъ. Взгляды на современное состояніе иностранныхъ литературъ, критическіе разборы важнѣйшихъ произведеній, въ свое время предлагались публикѣ...»

«Телескопъ» выходилъ по двѣ книжечки въ мѣсяцъ (не всегда исправно), съ прибавленіями къ нимъ, которыя назывались *Молвою*, «газетою модъ и новостей». До 1835 г. «Молва» эта являлась въ свѣтъ модъ одною оберткою съ «Телескопомъ», подобно «Живописцу общества и литературы» при «Московскомъ Телеграфѣ», а съ 1835 выпускалась отдѣльнымъ листкомъ. Самъ издатель откровенно именовалъ ее *вѣсточницей* и, кажется, лично мало принималъ въ ней участія, предоставивъ веденіе ея молодымъ литераторамъ. Она наполнялась разными мелкими городскими извѣстіями и бібліографіей, которою главнѣйше занимались новопитый г. Межевичъ, въ-послѣдствіи редакторъ «Вѣдомостей Спб. Го-

родской Полиции», и покойный же г. Бѣлинскій, въ-послѣдствіи пресловутый критикъ одного позднѣйшаго петербургскаго журнала.—Бѣлинскій дебютировалъ въ «Молвѣ», «литературными мечтаніями, элегіей въ прозѣ», распложенною на десять номеровъ (1834). То было нетивно — мечтательное обзорнѣе словесности русской отъ Ломоносова до Пушкина и новѣйшихъ дѣйствователей, съ оцѣнкою и переоцѣнкою ихъ, внѣ справокъ и размышленія, но зато смѣлымъ и размашистымъ по-черкомъ, невѣдавшимъ остановки и затрудненія. И по простествіи восьмнадцати лѣтъ, нельзя безъ смѣха и сожалѣнія читать этой «ляхой» импровизаціи, которую правильнѣе было назвать не *мечтаніями*, а литературнымъ «бредомъ». Юный авторъ съ жаромъ и пагосомъ судилъ обо всемъ и обо всѣхъ — Державинѣ и Шатобрианѣ, Гете и Грибоѣдовѣ, Шекспирѣ и Херасковѣ, Шиллерѣ и Кукольникѣ, наивно сознаваясь притомъ, что незнакомъ съ европейскою литературою и не знаетъ иностранныхъ языковъ... «Телескопъ» былъ бы гораздо лучше безъ этой пустой, многоглаголивой «Молвы», которая перерывы оныхъ «мечтаній», вмѣсто общепринятыхъ словъ — «продолженіе впредь», возглашала такъ: *слѣдующій листокъ покажетъ, опять не кончилось, просятъ сболждать еще, не все еще...* И войдя въ лѣта, г. Бѣлинскій не переставалъ *мечтать*, упорно остался при своихъ странныхъ литературныхъ теоріяхъ, которыя потомъ развивалъ въ длинныхъ, предлинныхъ статьяхъ другаго журнала, то-есть; не развивалъ, а запутывалъ до такой степени, что едва ли и собственнымъ разумнѣемъ отчетливо постигалъ свое писаніе. Это называлось *ученою* литературною критикою. Она была въ модѣ съ исхода тридцатыхъ и до половины сороковыхъ годовъ,—имѣла почитателей, но не читателей, и потому мало-по-малу сошла со сцены, къ удовольствію здраваго смысла и большинства истинно-просвѣщенной публики...

Такимъ-образомъ мы довели очеркъ нашъ до половины тридцатыхъ годовъ, когда настаетъ новый періодъ журналистики русской. Попытаемся, въ немногихъ словахъ, изобразить общій характеръ предъидущаго или предпоследняго...

«Зритель», «Благонамѣренный» и другіе журналы, начавшіеся передъ наступленіемъ двадцатыхъ годовъ, походили нѣсколько на старинныя наши періодическія изданія, отличаясь отъ нихъ, однакоже; очищеннымъ уже языкомъ, значительною отдѣлкою прозаическаго и стихотворнаго изложенія, бѣльшимъ разнообразіемъ и полнотою состава и, наконецъ, покушеніями на критику, иногда не неудачную.

«Отечественныя Записки» Свиньина, «Сѣверный Архивъ» Булгарина, и, позже, «Московскій Вѣстникъ» разрабатываютъ частные мате-

ріалы русской исторіи, географіи, статистики. Въ этихъ повременникахъ значительно развивается и преуспѣваетъ самостоятельная историческая критика, начало которой положено Каченовскимъ въ «Вѣстникъ Европы».

Собственно литературная критика и вообще библиографія утверждаются въ «Сѣверной Пчелѣ», «Сынъ Отечества», «Телеграфѣ», «Телескопѣ» и, болѣе или менѣе, въ другихъ современныхъ имъ журналахъ. Является уже подробная, отчетливая лѣтопись движенія словесности нашей, довольно зрѣлые и основательные взгляды и на замѣчательнѣйшія произведенія литературъ иностранныхъ.

«Пчела», «Сынъ Отечества», «Телеграфъ», «Телескопъ» вмѣстѣ съ тѣмъ представляли удовлетворительное разнообразіе предметовъ, входившихъ въ составъ ихъ содержанія. Они дѣятельно преслѣдовали современность. Ихъ листы и книжки уже не сборники того и сего, а систематическій, опредѣленный отчетъ о томъ, что можетъ и должно въ настоящемъ интересовать просвѣщеннаго читателя.

Журнальцы Воейкова занимаютъ, правда, въ этомъ періодѣ, мѣсто второстепенное; но Воейковъ лично не дремлетъ, критикуетъ коротко, отрывисто. Онъ ищетъ преимущественно слабыхъ, темныхъ сторонъ, пятенъ и, разумѣется, находитъ ихъ, потому-что пятна есть вездѣ, во всемъ, а на свѣтломъ они замѣтнѣе. Онъ ловитъ промахи, указываетъ на нѣкоторыя несообразности, обмолвки, а порою, и недобросовѣстности, легкія и тяжелыя неправды въ современныхъ ему петербургскихъ и московскихъ періодическихъ изданіяхъ, — самъ при этомъ уклонится отъ истины, скажетъ, пожалуй, крупную неправду — но все-таки выведетъ на свѣжую воду противниковъ...

Журналы главные, второстепенные, въ этой статьѣ разсмотрѣнные, и менѣе значительные, означенные въ одномъ изъ примѣчаній къ ней, вели между собою почти безпрерывныя распри, то утихавшія на время, то сильнѣе возобновлявшіяся послѣ непрочнаго и неискренняго примиренія. Много умнаго, остраго, живаго, а случалось, и полезнаго высказывалось въ этихъ ратоборствахъ неуступчивыхъ и самолюбивыхъ дарованій...

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ повѣсть, оригинальная и переводная, обращается въ любимое достояніе русскаго журнала, недопускающаго еще, впрочемъ, въ свои предѣлы, ни объемистаго романа, ни обширныхъ, цѣлыхъ произведеній историческихъ или ученыхъ...

Въ этотъ же періодъ возникаетъ и развивается между журналистами неизбѣжное совѣстничество, соперничество, потому-что въ игру вступаютъ уже не одни авторскія или издательскія самолюбія, но и расчеты вещественные. Хорошо идущій журналъ доставляетъ выгоды ма-

теріальныя, славу или, по-крайней-мѣрѣ, пріятную извѣстность, видное положеніе въ обществѣ. Есть изъ-чего поспорить съ счастливымъ совѣстникомъ! Повременныя изданія должны выходить въ срокъ, публика дѣлается взыскательнѣе, не прощаетъ небрежности и несправности: необходимы *постоянныя* сотрудники, и журналистъ дѣлится съ нами своимъ доходомъ, вознаграждаетъ ихъ трудъ, чего прежде не было, потому-что доходъ былъ малый и изданіе журнала составляло болѣе литературное, нежели коммерческое предпріятіе...

Пришла затѣмъ пора, когда періодическому изданію становилось тѣсно въ рамкахъ листовъ и книжечекъ—оно, во что бы то ни обошлось, непремѣнно пожелало быть книгою, томомъ, сохраняя между-тѣмъ свойства и условія повременника. Ему уже стало не мило быть какимъ-нибудь *Журналомъ для милыхъ*, *Весеннимъ цветкомъ* или мелкимъ *Кабинетомъ* какой-нибудь *Аспазіи* *. Въ энциклопедическомъ порывѣ просвѣщенія, оно жаждало замѣнить собою большой кабинетъ цѣлую бібліотеку, и вотъ, въ 1834 году, возникла въ Петербургѣ толико извѣстная всѣмъ и каждому *Библіотека для чтенія*. Но—исторія кончена—замѣчательный журналъ этотъ открываетъ собою новѣйшій, послѣдній, современный періодъ журналистики русской, долженствующій вѣкогда составить любопытный предметъ особой статьи...

Л. БРАНТЬ.

Журналы начала нынѣшняго столѣтія. Первые два издавались въ Москвѣ, одинъ въ 1807 — М. Н. Макаровымъ, другой въ 1804 — Козьмой Андреевымъ, а третій въ Петербургѣ, въ 1815 г., гг. Рихтеромъ, Бахревымъ, Исаковымъ и Борисомъ Михайловичемъ Федоровымъ ...

ВЪЛЪЯМЪ ГОГГАРТЪ

ЛОНДОНЪ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

(Статья первая).

I.

Литературная таверна въ Дрюри-Лейнъ. — Очерки будущихъ знаменитостей прошлаго столѣтня.

На углу Бриджъ-Стрита, близь стариннаго дрюриленскаго театра, построеннаго въ 1674 году, на мѣстѣ Кокъ-пита, гдѣ во-времена Кромвеля играла труппа Давенана, — существовала лѣтъ сто тому назадъ таверна, бывшая въ то время въ большой модѣ; туда стекались мелко-трагичные авторы, гуляки того квартала, и заглядывали довольно часто констабли. Она всю ночь не запырлась.

Приходитъ въ залу (изображеніе которой передано потемству одною современною гравюрою), посѣтителю тотчасъ же бросалась въ глаза хозяйка таверны, мистрисъ Таттенгемъ, дремавшая за своею стойкою, окруженною всевозможными сосудами и защищаемою рядами оловянныхъ кружекъ, расположенныхъ въ видѣ трубокъ въ органахъ. Въ залѣ же разставлены были столы со стаканами и рюмками всѣхъ величинъ.

Тоненькія сальныя свѣчи елабо боролись съ темнотою, наклонивъ къ столу нагорѣвшія свѣтильни, въ видѣ гриба изъ темно-красной сажи. Единственнымъ украшеніемъ таверны была модель корабля, висѣвшая на потолокѣ. Были правда тутъ и старыя часы, — но этихъ часовъ нельзя было никакъ назвать предметомъ роскоши.

Тамъ-то начинающіе свое поприще артисты, кандидаты на будущую славу, страстные къ деньгамъ и почестямъ, подгулявшіе работники, статисты сосѣдняго театра и молодые люди, недоучившіеся въ Кембриджъ, или Оксфордъ — приходили забывать и запивать свое горе, заливая его элемъ, джиномъ и портеромъ. Для нихъ печальная эта коптильня была прелестнымъ убѣжищемъ, чертогами, украшенными всѣми мечтами пламеннаго воображенія, блистающими весельемъ и надеждами.

Много поколѣній истерло рукава своихъ кафтановъ на столахъ дрюпленской таверны, предназначенной быть колыбелью Общества художествъ. Предмѣстники постепенно уступали мѣста преемникамъ, которымъ, въ свою очередь, суждено было подвергаться всѣмъ испытаніямъ бѣдности.

Въ углу залы, далеко отъ хозяйки и отъ двери, нѣсколько молодыхъ людей весело разговаривали, изрѣдка удивляя посѣтителей таверны громкимъ смѣхомъ, который такъ страненъ между англичанами.

— Другъ мой, Джоѣ! — говорилъ одинъ темноволосый молодой человекъ, полный живости, другому товарищу, лѣтъ двадцати-четырехъ, — ты не сдѣлаешь подобной глупости. Теперь конецъ марта; чрезъ три мѣсяца ты выдержишь экзамень и поприще твое навсегда обезпечено. Нѣтъ! не вѣрю, чтобъ сынъ знаменитаго Веніамина Гольди оставилъ свое званіе и пошелъ въ комедіанты.

— Братецъ! — прибавилъ старшій сынъ Гольди: Давидъ Гаррикъ правъ. И я люблю театръ. Учасъ медицинѣ, я часто приношу жертвы музамъ. Но зачѣмъ же терять плоды воспитанія и разрушать надежды нашего отца? Будь тѣмъ, чѣмъ онъ, пиши стихи и посѣщай театръ. Одно не мѣшаетъ другому.

— И что это въ-самомъ-дѣлѣ за жизнь, которую ведетъ у насъ комедіантъ! съ жаромъ вскричалъ Гаррикъ. Трудъ самый неблагодарный. Признаюсь, я много испыталъ неудачъ. Я учился разнымъ наукамъ въ Листфильдѣ, былъкоммиссіонеромъ виноторговца въ Лиссабонѣ, учителемъ безъ учениковъ въ Оксфордѣ, адвокатомъ безъ процесовъ въ Ликольнсъ-Иннѣ, служителемъ у землемѣра въ Рочестерѣ. Повѣрь же, любезный другъ, я лучше буду всю жизнь продавать вино пополамъ съ водою въ Чипсейдѣ, буду продолжать заниматься науками для собственнаго удовольствія, но ужъ никакъ не пойду искать лавровъ на сценѣ. Ходить по подмосткамъ, истощать всѣ усилія, чтобъ заставить смѣяться или плакать бессмысленную толпу, подвергаться своенравію свистковъ, или печенымъ яблокамъ, — нѣтъ! лучше тотчасъ же умереть! (И все это говорилъ — помните — Гаррикъ).

— Орtime, — любезный Гаррикъ, важно проговорилъ высокій мужчина, котораго угловатая черта едва видны были въ темномъ углу, потому что большыя глаза боялись свѣта.

— Актеръ! — вскричалъ Ричардъ Севеджъ. Что за глупое презрѣніе невѣждъ къ этому званію. Это, напротивъ, преселая жизнь. Дѣлать нечего, — только играть. О! я непремѣнно пойду въ актеры.

— Другъ Севеджъ, — возразилъ тотъ же бѣднякъ, — я всегда предсказывалъ, что тебѣ никакъ не умереть своею смертію. Вѣдь я я глупъ, что полюбилъ такого негоднаго малаго.

— Еслпбъ я былъ негоднымъ, то Риверсъ не подкупилъ бы другихъ негодяевъ, чтобъ уничтожить меня. Хорошо, что мы съ тобою спасаемся отъ нихъ и уже десять ночей спимъ на улицѣ. Квартира дешева, но постель жесткая. Хозяйка! джину!

— Джину, — закричалъ вдругъ кто-то, входя въ таверну. Если гребуютъ джину, такъ Ричардъ Севеджъ вѣрно здѣсь.

— А! Вильямъ Гогартъ! вскричала вся удивленная бесѣда.

— Я самъ. во весь ростъ и съ натуры, отвѣчалъ Гогартъ. Фривція выбросила меня опять на берега Альбіона.

Этотъ новый товарищъ, чей приходъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, былъ очень молодой человекъ, плотно сложенный, небольшого роста и одаренный живыми жестами, болѣе приличными жителю южныхъ странъ, нежели британцу. Лицо его было довольно измято, черты очень обыкновенныя, но обнаруживающія энергію, откровенность и смѣлость; взглядъ пронизательный; на губахъ всегдашняя насмѣшливая улыбка. Бѣглымъ взглядомъ окинувъ онъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ все собраніе.

Только одного лица онъ не зналъ и на нѣсколько секундъ остановилъ на немъ свой взглядъ. Это былъ высокій мужчина, товарищъ Ричарда Севеджа. Осмотрѣвъ съ ногъ до головы эту длинную фигуру, Гогартъ обратился къ Гаррику и громко сказалъ:

— Никогда я не видалъ такого крѣпкаго на ногахъ больного, никогда не встрѣчалъ столько честолюбія на лицѣ мелкаго школьнаго учителя.

— Остается подписать имя, проворчалъ Веніаминъ, портретъ вѣренъ и конченъ.

Но тотъ, въ комъ Гогартъ угадалъ учителя, сжалъ кулакъ и повидному поблѣднѣлъ, хотя, судя по цвѣту лица, это уже было почти невозможно. Вообразите на атлетическомъ непропорціональномъ тѣлѣ, которое безпрестанно нервически подергивалось, маленькую, угловатую голову полу-араба; глубоко впавшіе глаза, всегда больные. Глухота на

одно ухо принуждала бѣдняка склонять голову на сторону здороваго уха, что придавало ему боязливое и полудикое выраженіе. Все его туловище казалось разбитымъ; черты жестки; голосъ торжественный и какъ бы разбитый; цвѣтъ лица зеленоватый; губы сухія и тонкія, широкій и сплошной лобъ остроколючень, какъ у существъ слабыхъ и суевѣрныхъ; походка боязлива, движенія неловки; но широкій носъ и развитіе челюстныхъ костей доказываютъ страшную силу воли, и въ тоже время по неподвижнымъ, густымъ и округленнымъ бровямъ видно, что онъ одаренъ большою шекотливостію. У этого безобразнаго человѣка нѣтъ опредѣленныхъ лѣтъ. Круглый парикъ его растрепанъ, локти прорвались сквозь грязныя и широкіе рукава. Платье было чинено и перечинено неразъ, и многочисленныя пятна на немъ доказывали, что давнишняя неизлечимая бѣдность этого лица перестала уже и скрываться. Однѣ руки его красивы, и ихъ-то онъ безпрестанно старался выставлять на показъ.

Грубое привѣтствіе Гоггарта взволновало кровь его, но онъ не хотѣлъ показать своего неудовольствія, и спокойно отвѣчалъ:

— *Experte probasti!* Я точно болѣнъ и уже полуразрушенъ. Я точно силенъ, и могу переломить тебя, какъ тростникъ; я честолюбивъ... но не очень, и точно былъ школьнымъ учителемъ.

— Онъ былъ моимъ учителемъ, съ жаромъ сказалъ Гаррикъ, а теперь—мой другъ: я неразъ говорилъ тебѣ о всѣхъ благородныхъ качествахъ Самуэля Джонсона.

Незнакомецъ вздрогнулъ при этомъ имени и при похвалѣ ему. Онъ привыкъ, что надъ нимъ всегда смѣялись, и конечно никто изъ присутствующихъ не догадывался, что передъ ними будущая знаменитость Англіи, что гробница его будетъ въ Вестминстерѣ и что знатнѣйшіе перы будутъ спорить о чести, кому нести на плечахъ его гробъ.

Однакоже Гоггартъ, боясь, что легкомысленно оскорбилъ своего друга Гаррика, старался придумать фразу, чтобъ ослабить дѣйствіе первыхъ своихъ словъ, и тихо прибавлялъ:

— Я бы желалъ имѣть возможность отвѣчать на ваши учтивости, г. Джонсонъ, но не умѣю говорить по латыни, потому—что меня ничему не учили. Я простой живописецъ и самъ выучился своему искусству. Чтобъ никогда больше не сердить васъ, я торжественно обѣщаюсь не писать вашего портрета.

Наивность этого отвѣта произвела всеобщій смѣхъ. Одинъ Джонсонъ остался серьезнымъ; но когда всѣ замолчали, онъ на минуту захохоталъ, и опять сдѣлался угрюмымъ и молчаливымъ.

Покуда Гоггартъ говорилъ, Веньяминъ Гольди, указывая на него, сказалъ брату:

— Заставь его пожалуйста рассказать свои похождения въ Кале. Онъ думаетъ, что никто о нихъ не знаетъ. Посмотришь, какъ-то онъ вывернется въ своемъ рассказѣ.

— Да что съ нимъ тамъ случилось?

— Вго приняли за шпиона, въ то время, какъ онъ срисовывалъ городскія ворота. Жители Кале поколотили его, взяли подъ стражу, бросили въ тюрьму, а потомъ, по приказанію губернатора, онъ былъ отвезенъ обратно въ Дувръ, гдѣ и выброшенъ на берегъ. Вотъ какъ онъ возвратился изъ своего путешествія, въ которое такъ долго сбился.

— Бѣдняжка! прошепталъ Гольди. Послушай, любезный Виль! вскричалъ онъ потомъ громко. Что ты за жизнь ведешь. На прошлой недѣлѣ ты съ нами простился, чтобы ѣхать во Францію. Мы тебя обвиняли, оплакивали, а ты черезъ недѣлю назадъ воротился.

— Какъ быть! Я чуть съ голоду не умеръ въ этой ужасной землѣ. Эти люди ѣдятъ теплую воду съ плавающими въ ней кусочками хлеба, лягушекъ, жабъ, мышей, улитокъ. Это просто звѣри. Они и не говорятъ, а квакаютъ только по-французски. Правда, что губернаторъ Кале обрадовался, увидя англичанина, и всячески старался удержать меня, но я отказался. Притомъ же жители испугались меня. Они боялись, чтобы я не овладѣлъ городомъ. Я даже принужденъ былъ боксировать съ двадцатью пятью, или двумястами изъ нихъ, чтобы образумить ихъ. Солдаты помогли мнѣ, и мы ихъ порядочно поколотили.

— Такъ это правда, подхватилъ знаменитый кулачный боецъ Фитъ, что они ѣдятъ лягушекъ. Я не вѣрилъ. Правда ли, что они сперва снимаютъ съ нихъ шкуру?

— Да! это было прежде, но съ-тѣхъ-поръ какъ Франція раззорена, французы ѣдятъ лягушекъ съ кожей, а иногда в одну кожу. Ихъ вселенный обѣдъ—по лягушкѣ на человѣка, а въ постный день по три улитки.

Фитъ съ жадностію слушалъ эти рассказы. Это была, впрочемъ, съ стороны англичанъ любимая оцѣнка своихъ сосѣдей. Даже теперь чернъ величаетъ французовъ лягушкоѣдами. Въ странѣ ростбифа прозвище это—горькая обида. Бѣдность и дурная пища самое унижительное состояніе въ Англіи.

Вскоръ Гаррикъ замѣтилъ, что Гогартъ принялся пить. Любя его дружески, онъ рѣшился его оторвать отъ этого занятія, и подхвативъ подъ руку, увелъ изъ таверны, сдѣлавъ знакъ Джонсону, чтобы и тотъ съ ними шелъ.

Они пошли через Боу-стритъ къ Лонгъ-Акру. На улицахъ было совершенно темно. Гоггартъ молчалъ.

— Теперь ты можешь говорить, — сказала ему Гаррикъ. Джонсонъ и я — одно и тоже.

— Охотно! Я не люблю ничего скрывать; молчать не умѣю и не помню, чтобъ когда-нибудь солгалъ, — развѣ когда шучу, какъ сей-часъ. Впрочемъ, я всякому говорю прямо въ лицо, а не за глаза. Потому-то я не боюсь говорить передъ вами, мистеръ Джонсонъ.

— Мы тѣмъ лучше поймемъ другъ-друга, — отвѣчалъ Джонсонъ, — что наши правила совершенно противоположны.

— Я принадлежу къ вигамъ — сказалъ Гоггартъ, — но не занимаюсь политикою. Я живописецъ. Въ молчаніи и въ свободномъ наблюденіи создалъ я себѣ собственный свой родъ живописи, странный, но могущественный; отвергнувъ традиціи искусства и правила условной классической красоты и изящества, я сдѣлалъ изъ живописи — картину жизни. Въ одно и тоже лицо вложу я всѣ противурѣчающія страсти и ощущенія. Взгляните напримѣръ на Гаррика. Есть ли существо откровеннѣе его и добродушнѣе. Ну, такъ я нарисую его за карточнымъ столомъ, и придамъ его физиономіи такое выраженіе, что вы вскрикнете: «это нетолько игрокъ, но и шулеръ. Повторяю вамъ, что кто попадетса мнѣ подъ руку, съ тѣхъ уже будетъ сорвана личина, тѣ уже будутъ приговорены общественнымъ мнѣніемъ. Одни возбуждаютъ только смѣхъ, другіе отвращеніе или удивленіе, — и при всемъ этомъ я клянусь, что ни на лишю не отступлю отъ оригинала.»

— Я не думалъ, — сказалъ Джонсонъ, чтобъ могъ существовать человекъ съ такимъ непомернымъ самолюбіемъ...

— Вы забываете себя.

— И то правда. Но отчего же при вашей самонадѣянности Гаррикъ боится за васъ?

— Оттого, что я вамъ рассказалъ однѣ мечты мои. Эта самоуверенность гаснетъ, эта сила исчезаетъ, воля моя слабѣетъ; мысль несвободна, — тайная печаль беспокоитъ меня. Гаррикъ знаетъ ее и расскажетъ вамъ. Здѣсь въ Лондонѣ... есть одно лицо, близъ котораго я не могу быть ни спокойнымъ, ни разсудительнымъ; я бѣжалъ во Францію... но и оттуда *принужденъ* былъ воротиться?

— Вѣрно вы, по обыкновенію, что-нибудь напроказили

— *Что-никуда* — значитъ только одно глупое дѣло, — а я итъ сдѣлалъ двѣсти. Какъ быть. Я ненавижу французовъ; они у меня отобрали всѣ деньги, бросили въ лодку, и отправили безъ шляпы. Теперь я долженъ рѣшиться на отчаянное средство.

— Вотъ въ чемъ дѣло, любезный Джонсонъ, — сказалъ Гаррикъ: Гогартъ влюбленъ въ дочь королевскаго живописца Торнгилля, — и самъ ей понравился. Но баронетъ богатъ, честолюбивъ. У Вильяма нѣтъ ни славы, ни денегъ. Его идеи объ искусствѣ не понравились знаменитому мастеру, — и тотъ отказался отъ этого союза. Два года сряду Гогартъ работалъ какъ негръ, чтобъ накопить денегъ; онъ по двѣнадцати часовъ трудился по найму въ мастерской, — и успѣлъ собрать достаточную сумму, чтобъ самому открыть мастерскую. Но Торнгилль упорно отказывалъ, — и Гогартъ въ отчаяніи уѣхалъ во Францію. Остальное вы знаете. Теперь послушаемъ, что онъ намѣренъ начать.

— Я раззоренъ, — проворчалъ Гогартъ, — и не въ силахъ теперь опять попрежнему работать. Здѣсь все мнѣ слишкомъ напоминаетъ мои страданія. Къ чему скрывать? Эта дѣвушка сдѣлалась теперь для меня необходимостію, чтобъ поддержать мои силы и существованіе. Въ пустотѣ нельзя ничего создавать. Дженни была однимъ существомъ, которое вѣрило моему гению. Сверхъ-того, я чувствую, что долженъ вести жизнь серьезную, сосредоточенную, чтобы достигнуть предполагаемой мною цѣли въ искусствѣ. Наша цыганская жизнь для меня чрезвычайно тягостна. Я хотѣлъ бѣжать: судьба привела меня назадъ. Покорюсь судьбѣ. Дженни должна быть моею женою. Какимъ образомъ? не знаю.

— Не надѣйтесь, — возразилъ Джонсонъ, восторжествовать противузаконнымъ поступкомъ надъ священною властію отца. Эта власть составляетъ основу общества и символъ всякой іерархической власти. Я извиняю слабость любви; я сострадаю къ ней, хотя и не понимаю ее. Но если вы намѣрены похитить миссъ Торнгилль, то я по дружбѣ обязанъ вамъ сказать, что завтра пойду и предувѣдомлю отца ея о вашемъ умыслѣ...

— Опасности, угрозы, вызовъ!.. Теперь я увѣренъ въ успѣхѣхъ; уже десять мѣсяцевъ, какъ я колебался рѣшиться на этотъ поступокъ. Да, вы сильный и могучій человекъ, Джонсонъ. Вы схватили меня робкаго за воротъ и перебросили на ту сторону бездны.

— Любезный Джонсонъ! вскричалъ Гаррикъ, — ты ничего не понимаешь въ любовныхъ дѣлахъ.

— Судьбѣ угодно было, — съ непоколебимымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ Джонсонъ, — создать меня такъ, чтобъ я обошелся безъ этихъ познаній. Но Платонъ говоритъ...

— Эхъ! оставь академію въ покоѣ. Теперь дѣло въ томъ, чтобъ спасти моего друга.

— Мой планъ уже составленъ, — сказалъ Джонсонъ. Я явлюсь,

къ Торнгиллю и буду сватовъ Гоггарта. Если онъ отвергнетъ мое сватовство, я предупрежду его объ угрожающей ему опасности.

— Вы этимъ меня обяжете, прибавилъ Гоггартъ. Это подстрекаетъ меня.

— Если ваше намѣреніе исполнится, значить судьба рѣшила дѣло въ вашу пользу, а я все-таки тоже исполню свой долгъ.

Долго разговаривали эти три знакома, и наконецъ возвратились въ прежнюю таверну. Гаррикъ постарался напоить Джонсона, чтобъ заставить его забыть доносъ на Гоггарта, — а тотъ побрелъ къ Лейчестеръ-Фильду, гдѣ былъ домъ Торнгилля, и болѣе часа стоялъ подь окнами своей возлюбленной.

II.

Мастерская художника. — Біографія сэра Джемса Торнгилля. — Спасеніе и несчастіе.

Иногда случается, что люди, одаренные искусствомъ и дарованіемъ, имѣютъ столько истиннаго достоинства, чтобъ возвыситься до точки, на которую поставила ихъ судьба и остаться при этомъ съ тѣми же правилами. Тогда всѣ радуются ихъ успѣхамъ и уважаютъ ихъ. Зависть, часто скрывающаяся подь предлогомъ безпристрастія, безсилна противъ этихъ людей; а соревнованіе, возбуждаемое ими, не рождаетъ никакой вражды. Такова была счастливая участь сэра Джемса Торнгилля. Онъ родился въ 1678 году, и былъ дворяниномъ. Онъ много трудился сдѣлался живописцемъ, и какъ дарованіе, такъ и счастье, сдѣлали его первымъ и даже единственнымъ историческимъ живописцемъ Англіи.

Раззоренный революціею 1648 года, отецъ Торнгилля мало-по-малу продалъ все свое имѣніе. Благодаря своей кисти, сынъ его Джемсъ вскорѣ успѣлъ выкупить все достояніе отца, и занялъ опять въ обществѣ мѣсто своихъ предковъ. Ученые было непродолжительно. Незвѣстный маляръ научилъ его владѣть кистию и составлять краски, и Джемсъ на счетъ дяди отправленъ былъ во Францію, Германію, Фландрію и Голландію, осмотрѣть всѣ произведенія сѣверныхъ живописцевъ. Онъ не поѣхалъ въ Италію. Онъ говорилъ, что качества южныхъ художниковъ не соотвѣтствуютъ организаціи сѣверныхъ жителей, которые слѣдуя имъ, теряютъ свой характеръ, колоритъ, національность, и становятся чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Замѣчательно, что за два вѣка предъ тѣмъ флорентинецъ Фра-Бартоломео возвратился изъ Рима съ подобными же идеями, и не прежде, могъ опять достигнуть совершенства въ своихъ произведеніяхъ, какъ успѣвъ забыть все то, чему научился прежде.

Повозвращеніи въ отчизну, Торнгилль очень скоро прославился. Все оспаривали другъ у друга картины его. Королева Анна назначила его для росписанія купола церкви св. Павла, и съ-тѣхъ-поръ онъ уже безспорно былъ первымъ живописцемъ. Въ этой работѣ онъ болѣе всего подражалъ Пуссену; но потомъ его плѣнилъ колоритъ Рубенса. Глядя на огромныя работы его въ морскомъ музеѣ въ Гриничѣ, видно, что онъ хотѣлъ состязаться съ фландрскимъ Веронезомъ. Эти стѣны составляютъ лучшій памятникъ англійской живописи, за который Торнгилля и прозвали англійскимъ Рубенсомъ.

Георгъ I пожаловалъ ему званіе королевскаго живописца. Георгъ II возвелъ въ званіе баронета, а Лондонъ избралъ его членомъ парламента. И дочь этого-то человѣка полюбилъ Гогартъ, не пользовавшійся еще ни малѣйшею извѣстностію и не имѣвшій ни пенни за душою.

Мы уже видѣли, что Гогартъ продолжалъ питать надежду и послѣ отказа отца, который, впрочемъ, не запретилъ ему входа въ свой домъ, чувствуя, что подобное запрещеніе припишутъ когда-нибудь зависти.

Въ одно прекрасное утро Торнгилль ожидалъ посѣщенія принца Валлійскаго. Толпа придворныхъ уже съѣзжалась заранѣе и съ любопытствомъ смотрѣла, какъ живописецъ оканчивалъ свою картину: *Нимфа, застигнутая Фэномъ*. Сцена происходила въ обширной мастерской съ готическимъ потолкомъ, колоннами и скульптурными медальонами. Стѣны были разрисованы во вкусъ вѣка Людовика XIV; около стѣны стояли мягкіе диваны, позолоченныя кресла, группы цвѣтовъ, мраморовъ, портреты работы Ванъ-Дика, наконецъ, все, что было тогда въ модѣ между знатыми и богатыми. Лорды и члены парламента разлеглись на подушки и внимательно смотрѣли за дѣйствіемъ кисти своего товарища, изрѣдка совѣтуя ему, но еще чаще получая отъ него наставленія.

Стоя на своей лѣсенкѣ съ кистью въ рукѣ, съ наудренною головою, въ парадномъ платьѣ, со шпагою, Торнгилль работалъ въ ожиданіи пріѣзда высокаго посѣтителя. Чтобъ избавиться отъ безтолковыхъ замѣчаній своихъ гостей, художникъ завелъ разговоръ о послѣднемъ биллѣ, и германской войнѣ, о министерствѣ. Наконецъ зашла рѣчь и о немъ самомъ.

— Да! могу побожиться, говорилъ онъ, что никогда въ жизни я не былъ въ такой опасности, какъ вчера. Ужъ никакъ бы не имѣть мнѣ чести видѣть сегодня у себя такое блестящее собраніе, елибъ шумительное хладнокровіе и присутствіе духа одного незнакомца не спасли меня отъ очевидной смерти.

— Что же случилось, расскажите скорѣе! спрашивали съ участіемъ гости.

— Вы знаете, что недавно куполь св. Павла далъ трещину, Каменщики задѣлали ее, но какъ при этомъ работа моя въ куполѣ была, разумѣется, повреждена, то я долженъ былъ приступить къ подновленію многихъ фигуръ.

— Да какъ это вы рѣшаетесь на тоненькихъ подмосткахъ, между небомъ и землею, работать безъ периль, безъ...

— Старая привычка! Я такъ свыкъ съ нею съ малолѣтства, что вчера даже забылъ одно изъ главныхъ условій,—осторожность. И такъ я очень спокойно работалъ и окончилъ одну изъ главныхъ головъ... Не знаю, по какому случаю очутился вмѣстѣ со мною на верхнихъ подмосткахъ какой-то незнакомецъ, но я не обратилъ на него вниманія и полагалъ, что онъ одинъ изъ служителей церкви. Окончивъ свою работу, я хотѣлъ взглянуть на нее издали. Отступилъ, на шагъ, на два...

— А подъ вами такая ужасная бездна!

— Да, но я забылъ объ этомъ. Въ ту же минуту незнакомецъ бросился къ оконченной фигурѣ и взмахомъ кисти замаралъ ее всю. «Злодѣй! что ты дѣлаешь?» вскричалъ я, и кинулся впередъ. «Покуда спасаю вамъ жизнь» — хладнокровно отвѣчалъ онъ и указалъ назадъ. Дѣйствительно, по слѣду моей ноги, раздавившей мѣлъ, видно было, что пятки мои были уже надъ бездною. Я былъ спасенъ, но долженъ былъ съестъ отъ испуга. Я былъ въ безопасности, но голова моя кружилась...

— Вотъ удивительное присутствіе духа! вскричали посѣтителі.

— Когда я сошелъ внизъ, избавитель мой подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что нарочно пришелъ въ церковь, чтобъ видѣться со мною, надѣясь, что со мною удобнѣе всего говорить во-время работы, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ ко мнѣ большую просьбу. «Говорите, говорите!» вскричалъ я, но этотъ человекъ отвѣчалъ: «Теперь неловко. Вамъ надобно успокоиться; я зайду къ вамъ завтра. Не хочу вынудить въ такую минуту ваше согласіе... И теперь, господа, я съ большимъ любопытствомъ жду этого посѣтителя.

Гости были еще подъ вліяніемъ этого разказа, какъ вдругъ слуга приподнялъ портьеру и ввелъ безъ доклада просителя, который былъ не кто-иной, какъ Самуилъ Джонсонъ.

Присутствіе лордовъ и членовъ парламента видимо смутило пришедшаго. Торнгилль старался ободрить его, и просилъ, чтобъ онъ объявлялъ ему вчерашнее свое желаніе. Но Джонсонъ боязливо посмотрѣлъ на го-

стей и продолжалъ молчать. Тѣ, изъ скромности, удалились и пошли ходить по картинной галлерей.

— Теперь мы одни, мой избавитель, сказалъ Торнгилль, посадивъ подле себя Джонсона,—и я съ нетерпѣніемъ жду...

— Я вижу, что вы очень заняты, отвѣчалъ Джонсонъ, и буду какъ можно короче объясняться. Дѣло мое очень важно, сирѣ. Я пришелъ у васъ просить руки единственной вашей дочери.

При этомъ неожиданномъ предложеніи, баронетъ бѣглымъ взоромъ артиста окинулъ нарядъ и черты незнакомца. Но потомъ, боясь оскорбить его, снѣшилъ отвѣчать:

— Всякое другое ваше желаніе я заранѣе далъ себѣ слово тотчасъ выполнить, но дочь моя не принадлежитъ къ матеріальной моей собственности. Вы понимаете, что прежде всего долженъ я имѣть въ виду сердечную ея склонность...

— Позвольте, вашъ отвѣтъ неостороженъ. Онъ даетъ мнѣ много преимуществъ, а я не хочу нечаянно вырвать у васъ согласія...

— Какъ! вскричалъ удивленный Торнгилль, — развѣ дочь моя любить...

— Надѣюсь и опасаясь, что этотъ вопросъ уже рѣшенъ ею. Чувства миссъ мнѣ извѣстны, но я хочу, чтобъ любовь всегда покорялась священной власти отца.

— Вы меня совершенно смущаете. Вы знаете дочь мою, и она рѣшилась...

— Я ее никогда не видалъ. Но между нами, кажется, candidus ergoge, маленькое недоразумѣніе. Дѣло идетъ совсѣмъ не обо мнѣ, но объ одномъ изъ друзей моихъ, за котораго я взялся ходатайствовать. Вы конечно знаете Вильяма Гоггарта...

— Слишкомъ хорошо! вскричалъ живописецъ, и вскочивъ, подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ гвоздя картину, обороченную къ стѣнѣ, и поднесъ ее къ Джонсону. Посмотрите сами. Вотъ вашъ Гоггартъ, и вотъ его родъ и рисунокъ. Вы, можетъ-быть, думаете, что это пуасардка съ фривъ-стритскаго рынка. Нѣтъ! это Даная. Подивитесь же воображенію вашего друга, посмотрите на эту кухарку, присѣвшую позади этого проливнаго дождя монетъ. Чѣмъ она занята? она держитъ въ зубахъ одну изъ падающихъ монетъ, чтобъ попробовать, настоящее ли это золото и не надуваетъ ли ее Юпитеръ? Каковъ вкусъ? Каковы цвѣты его поэзіи! Пачкунъ, гордецъ, думаетъ, что больше моего знаетъ толку въ живописи. И онъ лезетъ въ храмъ славы и искусства! И я отдаю дочь свою на жертву такому маляру вывѣсокъ. Нѣтъ, я лучше согласюсь, чтобы она сейчасъ за васъ вышла...

— Много чести, сирь Джемсъ, благодарю. О художествѣ я съ вами спорить не буду. Можетъ-быть, Данаю можно было и иначе написать. Но мнѣ очень жаль, если изъ-за нея сдѣлаются несчастными два любящихся сердца, потому-что—повторяю вамъ, дочь ваша любитъ моего друга...

— Быть не можетъ. Это онъ васъ увѣрилъ въ этомъ. Она слишкомъ скромна, слишкомъ хорошо воспитана... Она никогда мнѣ ни слова не говорила объ этомъ негодяѣ.

— И такъ вы не согласны. Слѣдственно, я исполнилъ долгъ свой. Я ненавижу порокъ и защищаю всѣми силами всякую законную власть. Молодой Гоггартъ, увлеченный страстью, объявилъ мнѣ, что намѣренъ похитить миссъ Торнгилль—съ ея согласія. Эта угроза заставила меня рѣшиться испытать прежде убѣжденія, просьбы, формальное сватовство... Вы не согласны, и роль моя кончена...

Онъ хотѣлъ продолжать разговоръ, но леди Торнгилль вбѣжала въ залу, вся въ слезахъ, держа въ рукѣ распечатанное письмо.

— Дочь моя!—вскричала она... Скорѣе, другъ мой... можетъ-быть ты успеешь догнать ее, спасти...

— Слѣдовательно дѣло кончилось! — угрюмо отвѣчалъ Торнгилль. Надобно покориться судьбѣ—и молчать. Зачѣмъ давать поводъ смѣяться надъ нами?.. У насъ была дочь, теперъ нѣтъ ее,—вотъ и все...

Вдругъ въ домѣ раздался шумъ; паредворцы засуетились; леди Торнгилль убѣжала въ слезахъ; мужъ просидѣлъ еще нѣсколько секундъ въ креслахъ, печальный и молчаливый, — но когда отдернули портьеру и вошли въ залу принцъ Валлійскій, Торнгилль быстро вскочилъ, поправилъ галстухъ, шпагу, украсилъ лицо улыбкою, и бросился навстрѣчу къ высокому гостю.

III.

Нравственное положеніе Гоггарта въ началѣ поприща. Самуилъ Джонсонъ, — жизнь его и дарованія.

Въ скромной квартиркѣ въ Соутъ-Ламбетъ (предмѣстье на правомъ берегу Темзы,) сидѣлъ Вильямъ Гоггартъ у стола и гравировалъ на мѣдной доскѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него занималась работою молодая и прелестная женщина, шегольская одежда которой не соответствовала скромности квартиры. Оба молчали и только изрѣдка вздыхали. По всему видно было, что работа Гоггарта не подвигается впередъ. Наконецъ, онъ совсѣмъ бросилъ ее, — и съ нѣмымъ отчаяніемъ сѣлъ противъ работавшей женщины.

Мистрисъ Дженни Гонгартъ молча плакала.

— Несчастный! — вскричала Вильямъ, — что я сдѣлалъ? За что эгоистическая любовь моя лишила тебя всѣхъ удовольствій отеческаго дома? Что ты нашла у меня? Одиночество и нищету. Можешь-ли ты меня простить за это, когда я самъ безъ состраданія осуждаю себя

— Сколько разъ повторять мнѣ, милый другъ, — отвѣчала Дженни, стараясь улыбнуться, — что все мое счастье въ одномъ тебѣ. Лучшій день въ моей жизни былъ тотъ, когда пасторъ соединилъ насъ на вѣки предъ алтаремъ. У меня одна мысль, одно желаніе, — твое счастье. Но я чувствую, что ты несчастливъ, и плачу.

— Я хотѣлъ, чтобъ жена моя гордилась моимъ именемъ. Что-жъ вышло? Мы въ нищетѣ и презрѣніи.

— Ошибаешься, другъ мой. Если я съ колыбели гордилась славнымъ именемъ отца, то это не стоило мнѣ никакой борьбы. Въ твоей же славіи я хочу участвовать съ самаго начала твоего поприща, и вмѣстѣ съ тобою буду мужественно сражаться противъ судьбы. Перестань же думать, что это съ моей стороны жертва.

— Братъ! жена твоя права! — торжественно сказала Джонсонъ, вошедшій въ эту минуту и слышавшій послѣднія слова ея. Твое сомнѣніе и уныніе — признаки слабаго духа. Ты долженъ ободрять и поддерживать это молодое созданіе, — а самъ съ перваго шага на пути теряешь бодрость и силу. Она плачетъ, — но оттого, что вѣра твоя въ Провидѣніе колеблется, потому-что привыкнувъ уважать тебя, она должна о тебѣ жалѣть. Работай, будь бѣденъ, но будь великъ, — и ты увидишь, что она будетъ улыбаться.

Гонгартъ ходилъ по комнатамъ въ сильномъ волненіи. Дженни съ удивленіемъ смотрѣла на Джонсона, не постигая, какъ съ своимъ безобразіемъ онъ такъ хорошо проникнулъ тайныя ея мысли.

— Ты падаешь духомъ въ началѣ поприща, — продолжалъ Джонсонъ, — ты воображаешь себя несчастнымъ, думаешь, что уже много вытерпѣлъ, — и сердце твое наполняется отчаяніемъ. Хочешь-ли, чтобъ я далъ тебѣ урокъ? Хочешь научиться, какъ жить и быть твердымъ на пути добродѣтели? Выслушай исторію моей жизни, — и тогда бодрость твоя возвратится. Надѣюсь, что моя біографія растрогаетъ когда-нибудь всегдашній эгоизмъ и равнодушіе англичанъ.

Джонсонъ сѣлъ на столъ, болтая длинными ногами; Дженни и мужъ ея помѣстившись у ногъ его на дубовой скамьѣ.

— Я уже не молодъ, Гонгартъ. Много страданій, скопившихся надъ моею головою, провели морщины на лицѣ моемъ и согнули плечи мои.

А въ самомъ-то дѣлѣ, Вилль, знаешь-ли, что я моложе тебя восемью годами.

Дженни изумилась, Гогартъ сказалъ съ улыбкою.

— Вѣрю, Джонсонъ, потому-что давно догадывался объ этомъ.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ я существую, продолжалъ Самуилъ, — я борюсь съ нищетою и съ врожденною лѣнностію. Видъ мой внушаетъ отвращеніе ко мнѣ; характеръ мой не имѣетъ гибкости, а насмѣшливый умъ не даетъ мнѣ искреннихъ друзей. Я страдаю съ самаго дня рожденія. Отецъ мой былъ пламенный якобитъ и книгопродавецъ, мать умерла, когда я еще былъ младенцемъ, передавъ мнѣ въ наследство ядъ, который отравлялъ ея кровь. Отъ золотухи выпали у меня всѣ зубы, я окривѣлъ на одинъ глазъ, и послѣ сильныхъ страданій сдѣлался полуглухимъ. Сверхъ-того, нервическія спазмы заставляютъ всѣ члены мои безпрестанно подергиваться. Всякій трудъ стоить мнѣ чрезвычайныхъ усилій.—Я былъ еще ребенкомъ, когда отецъ мой раззорился, умеръ съ печалю, и оставилъ мнѣ въ наследство двадцать гиней. Не зная ничего, я дотащился въ Оксфордъ, гдѣ жилъ въ подвалѣ, работая день и ночь и питаюсь однимъ чернымъ хлѣбомъ. Мало-по-малу я выучился кое-чему, но совершенно отдѣльно, потому-что товарищи мои не хотѣли имѣть никакого дѣла съ такимъ уродомъ, какъ я. Нужно ли говорить, что этотъ образъ жизни еще больше разстроивалъ мое здоровье, увеличивалъ мои страданія; не упоминаю уже о перенесенныхъ мною униженіяхъ и объ отсутствіи всякой дружбы, и привязанности ко мнѣ.

Наконецъ, средства мои истощились, и я принужденъ былъ оставить университетъ, гдѣ отличился переводомъ Попе латинскими стихами. Я сдѣлался помощникомъ школьнаго учителя въ одной деревнѣ, но насмѣшки надъ моимъ безобразіемъ заставили меня удалиться отсюда. Въ Бирмингамѣ одинъ лекаръ взялъ меня къ себѣ въ пещцы. Дѣло было въ томъ, что онъ изучалъ болѣзнь, которою я страдалъ, — и я ему былъ нуженъ, чтобъ производить надо мною опыты своими лекарствами. Благодаря крѣпкой моей натурѣ, онъ не уморилъ меня. У него перевелъ я съ французскаго *Путешествіе въ Абиссинію* Жерома Лобо, за которое одинъ книгопродавецъ заплатилъ мнѣ пять гиней. На эти деньги купилъ я себѣ новое платье, но въ тоже время лекаръ мой увольнялъ меня, вида что всѣ усилія его къ изученію надо мною болѣзни — бесполезны. Я впалъ въ меланхолію, которую получилъ въ наследство отъ отца и во-время припадковъ которой меня обыкновенно запираютъ, какъ сумасшедшаго. Въ этомъ-то положеніи впервые встрѣтилъ я на землѣ существо, которое почувствовало ко мнѣ состраданіе. Это

была старая торговка въ деревнѣ Эдіалъ, близъ Бирмингама. Она взяла меня къ себѣ, накормила, и въ благодарность за это я женился на ней. На ея восемь сотъ фунтовъ стерлинговъ основалъ я училище, — но предпріятіе это было такъ неудачно, что все имѣніе жены погибло. Я бѣжалъ отъ нея. Бѣдная женщина, она не знаетъ причины этого побѣга, и думаетъ, что я былъ неблагодаренъ, тогда какъ мнѣ чрезвычайно было тяжело разстаться съ единственнымъ существомъ, которое питало ко мнѣ привязанность. Я ошибаюсь, впрочемъ: это была не единственная привязанность. Между моими учениками былъ одинъ живой и веселый мальчикъ, сынъ офицера, у котораго не было ни пенса, и внукъ французскаго купца, изгнаннаго изъ отечества нантскимъ эдиктомъ. Этотъ мальчикъ полюбилъ меня, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Лондонъ. Это Давидъ Гаррикъ. Въ немъ много ума и генія, но никакого постоянства.

Въ Лондонѣ испытывалъ я всѣ средства къ существованію, и рѣшился наконецъ лучше умереть съ голоду, но не выходя изъ сферы литературы. Я написалъ трагедію *Ирену*, но ее не приняли на театрѣ. Я писалъ сатиры, — ихъ никто не читалъ; я за нѣсколько пенсовъ сочинялъ нравственныя пѣсни для тавернъ. Попе, прочтя мою поэму, сказалъ однажды, что я выйду изъ неизвѣстности. Число моихъ проектовъ было многочисленно. Севеджъ считалъ ихъ и дошелъ уже до тридцать-девятого. Но въ Англіи не можетъ имѣть успѣха предпріятіе, не обещающее прямо груды золота, — и до-сихъ-поръ, умирая ежедневно отъ голода и болѣзни, я живу только тѣмъ, что слышу со стѣнъ старья объявленія, — и на этой бумагѣ пишу свои сочиненія. И однако же, любезный Вилль, я увѣренъ въ будущемъ моемъ торжествѣ, потому что воля моя такъ сильна, какъ была при появленіи моемъ въ Оксфордѣ, и потому что я увѣренъ въ моемъ дарованіи. Одинъ умный французъ Аруэтъ, по прозванію Вольтеръ, писалъ недавно, что я по краснорѣчію равняюсь съ ораторами Рима и Аѳинъ.

— Быть не можетъ, Джонсонъ...

— Увидишь, Вилль. Недавно вся Англія стала восхищаться краснорѣчіемъ своихъ парламентскихъ чиновъ. Рѣчи ихъ, печатаемая въ *Gentleman's Magazine* читаютъ всѣ наперерывъ...

— Ну, чтѣ-жъ?

— И Вольтеръ даже восхищался этими рѣчами.

— Правда.

— Только тутъ есть одинъ секретъ. Въ парламентъ не пускаютъ никого изъ публики, — и пренія засѣданій сообщаются редакторамъ газетъ за деньги парламентскими служителями въ самомъ краткомъ видѣ.

Изъ этихъ-то краткихъ извлеченій составляю я, за ничтожную плату, самыя краснорѣчивыя рѣчи, и выдаю ихъ за парламентскія. До сихъ-поръ никто изъ этихъ пресловутыхъ ораторовъ не протестовалъ еще противъ этого; напротивъ того, наши лорды говорятъ, что въ одномъ Gentleman's Magazine *вѣрно* сообщаются засѣданія парламента. Обо мнѣ никто не знаетъ и знать не хочетъ. Еслибъ я разсказалъ свои продѣлки, меня бы тотчасъ же обвинили, отдали подъ судъ и сослали бы. Но эта невинная хитрость убѣдила меня въ моемъ дарованіи. Я теперь силенъ своимъ сознаніемъ, и сдѣлаюсь извѣстнымъ—когда захочу.

— Но когда ты замолчишь, — сказалъ изумленный Гогартъ, — что-жь будетъ съ нашими Цицеронами и Демосеенами?

— Другіе будутъ продолжать идти по указанному мною пути, — и Цицероны наконецъ сами убѣдятся въ своемъ краснорѣчии.

— Удивляюсь твоей выдумкѣ.

— Которая меня однакоже ни къ чему не привела. Но я не отчаиваюсь и буду попрежнему бороться съ неудачами. Я утомлю самое несчастіе. Перестань же и ты, Гогартъ, жаловаться на судьбу. Ты живешь подъ крышею, у тебя есть существо, которое тебя любитъ, — и ты смѣешь жаловаться, и заставляешь жену свою плакать.

— Нѣтъ! — вскричала Дженни, — я нѣкогда буду гордиться, что была дочерью и женою первыхъ живописцевъ Англіи.

Съ восторгомъ обнялъ Гогартъ Джонсона, который какъ перо поднялъ его на воздухъ и вскричалъ, какъ Ричардъ III: «О зачѣмъ нѣтъ у меня способности нравиться?» — Но все-равно. Страстямъ моимъ дано другое направленіе. Цѣль моя состоитъ теперь въ томъ, чтобъ быть полезнымъ. Меня не будутъ любить, но будутъ благословлять. Я принужу современниковъ своихъ къ такому сочувствію, которое не истребляется ни годами, ни своеправіемъ. Ты, Вилль, счастливей меня, — у тебя есть гевій. У меня только твердая воля и познанія. Я буду критикомъ, біографомъ, моралистомъ, филологомъ, и даже поэтомъ, если нужно, — а въ литературу я хочу быть оракуломъ. У Англіи много было умныхъ людей, но умственная жизнь ея только начинается. У нея еще недостаетъ тѣхъ элементовъ, которые служатъ основаніемъ системъ и традицій. Шекспиръ и Мильтонъ еще не разобраны; самый языкъ нашъ еще не достигъ до преобладанія и единства. У насъ нѣтъ классиковъ. Я открою имъ дорогу и сдѣлаюсь всеобщимъ синтезисомъ. Я классикъ и тори: эти лица нераздѣльны. Въ произведеніяхъ ума человѣческаго нужна дисциплина; для воображенія тоже нужны границы, какъ въ политическомъ порядкѣ — законы и единство власти. Только французы могутъ, по своему народному легко-

мыслию, не чувствовать этихъ аксіомъ. Я никогда не буду лѣстить страсти, проповѣдовать нововведенія, — слѣдственно, успѣхъ мой будетъ медленъ. Ты, Вильямъ, принадлежишь къ другой партіи. За тебя будутъ дѣйствовать человѣческія страсти. Твоя ладья пойдетъ внизъ по теченію рѣки; моей надобно подниматься вверхъ. Съ моими болѣзненными тѣломъ я могу пасть на пути, и всѣ скажутъ, что я мечталъ о невозможномъ, но если ты лишаешься бодрости, то значить, самъ признаешь себя малодушнымъ и безвѣрнымъ.

Разсказъ Джонсона подѣйствовалъ на Гогарта; ему казалось, что онъ пробудился отъ тягостнаго сна, сдѣлался другимъ человѣкомъ.

— Благодарю, братъ! — сказалъ онъ, и дружески пожалъ руку Джонсону. Съ этой минуты я буду всю жизнь бороться съ случайностями; ты меня научилъ твердости и терпѣнію. Если и ты въ часы незанхолии упадешь подъ бременемъ ударовъ судьбы, то помни, что объятія друга ждутъ тебя здѣсь. Теперь примусь за работу. Эти доски почти готовы, хоть я и недоволенъ ими.

— Потому-что началъ ихъ не для славы и искусства, а для прокормленія жены.

— Ты правъ..

— Я незнаюкъ въ живописи, но еслибъ зналъ сюжетъ...

— Это современный процессъ Сары Малькольмъ... А вотъ эта картина сатирическая. Ты узнаешь нѣкоторыя лица...

— Очень хорошо! Кентъ, Чаудсъ, Бормингтонъ... Что я вижу? Попе! — и ты не боишься?..

— Напротивъ, надѣюсь...

— Что онъ, отвѣчая тебѣ, сдѣлаетъ твое имя извѣстнымъ? Не ошибись. Попе будетъ молчать, покуда ты будешь въ толпѣ. Но едва поднимешься, онъ припомнитъ тебѣ насмѣшки... Ну, а еще что ты сдѣлалъ?..

— Онъ дѣлалъ рисунки Тейсу, — сказала Джени, — за то, что онъ даетъ намъ эту квартиру, и приготовилъ картину четырехъ времъ года для Геймана, которую бы и отецъ мой похвалилъ.

— Такъ продай свои доски и займись серьезною работою...

— Одна неудача остановила меня, я написалъ портретъ г. Б*** но онъ отказывается взять его.

— Вѣрно зато, что ты сдѣлалъ его слишкомъ похожимъ; онъ не красить меня, а сверхъ-того еще горбать.

— Именно.

— Такъ сдѣлай тоже, что одинъ французскій живописецъ въ та-

комъ же случаѣ. Онъ нарисовалъ на портретѣ желѣзныя рѣшетки и сдѣлалъ надпись: «посажень за долги».

— Постой! ты подалъ мнѣ мысль...

И Гоггартъ написалъ къ г. Б*** слѣдующую записку.

«Если г. Б. неблагоугодно будетъ взять своего портрета, добровольно исполненнаго, то Гоггартъ вынужденъ будетъ чрезъ три дня продать его на вывѣску въ одинъ звѣринецъ, разумѣется съ нѣкоторыми измѣненіями.»

Угроза эта удалась; Б. въ тотъ же день взялъ портретъ и сжегъ его.

Отправя записку, Гоггартъ самъ ушелъ съ своими досками и просилъ Джонсона подождать его возвращенія. Къ вечеру воротился онъ съ деньгами и съѣтными припасами. Все трое пообедали и поужинали въ одно время, — потомъ Джонсонъ просилъ Гоггарта проводить его.

Дорога шла чрезъ Вестминстерское кладбище.

— Вѣришь ли ты, Гоггартъ, предчувствіямъ? — спросилъ Джонсонъ.

— Не всегда?

— Тѣмъ хуже, они-то меня и поддерживаютъ. Будучи слабъ и болѣзненъ, я увѣренъ, что Провидѣніе создало меня для какой-нибудь цѣли, и потому я тружусь и восторжествую. Еслибъ я пересталъ трудиться, — жизнь моя не имѣла бы никакой цѣли, и я умеръ бы тотчасъ же...

— Что за мысль?...

— Она допускаетъ сверхъестественность... Но всѣ древніе мудрецы вѣрили ей, — и даже скажу тебѣ, что въ день смерти своей отецъ мой явился мнѣ...

Джонсонъ замолчалъ. Они проходили въ эту минуту чрезъ кладбище, и Джонсонъ со страхомъ ускорилъ шаги. Но какъ скоро они дошли до Черингъ-Кресса, онъ отпустилъ Гоггарта и, сказавъ, что теперь одинъ найдеть дорогу.

— Онъ боялся идти одинъ чрезъ кладбище, — подумалъ Гоггартъ, возвращаясь къ женѣ. Кто бы могъ думать, что онъ суевѣренъ, что вѣрить въ примѣты, несчастные дни, въ привидѣнія и боится мертвецовъ... Надобно придумать картину, чтобъ доказать, что умнѣйшіе люди часто бывають съ порядочными предрасудками.

IV.

Семейныя дѣла. — Первые успѣхи Гоггарта. — Разговоръ объ искусствѣ между тестемъ и зятемъ. — Результатъ разговора.

Старый сирь Джемсъ Торнгилль былъ однакоже непреклоненъ.

онъ никогда не говорилъ о своей дочери, — и старался развлечься работою. Напрасно леди Торнгилль не разъ заговаривала съ нимъ объ этомъ, онъ упорно не отвѣчалъ ни слова. Однажды она сказала ему:

— Неужели ты всю жизнь будешь сердиться на свою дочь? Она молода, неопытна, увлеклась умомъ и способностями Гогарта. Кто знаетъ, можетъ-быть, съ твоими уроками и совѣтами изъ него вышло бы что-нибудь...

— Онъ ихъ и знать не хочетъ, — отвѣчалъ Торнгилль. Онъ считаетъ себя великимъ живописцемъ, гораздо выше меня.

— Такъ я обращаюсь къ твоему сердцу. Еслибъ даже служанка наша оставила нашъ домъ и вышла за мужъ несчастливо; ты, вѣрно, не отказалъ бы ей въ помощи. Я не хочу дѣйствовать противъ твоей воли, но чувствую, что нищета Дженинн убиваетъ меня и что я не переживу этого.

— Развѣ я тебѣ когда-нибудь мѣшалъ распоряжаться моими деньгами и хозяйствомъ. У меня нѣтъ дочери, но ты имѣешь право поступать какъ хочешь. Я ничего не буду ни знать, ни видѣть...

Это было больше, нежели леди Торнгилль смѣла надѣяться.

Три дня спустя, комиссіонеръ принесъ къ Дженинн кошелекъ съ двадцатью гинеями, и по кошельку, работы самой Дженинн, легко было узнать, кто прислалъ деньги. Гогартъ тотчасъ же возвратилъ ихъ. Вторая посылка была при письмѣ отъ матери, но оставя письмо, деньги опять отослали назадъ. Тогда леди Торнгилль пріѣхала сама.

Это была трогательная сцена, которую легче представить себѣ, нежели разсказать.

Въ это время Гогартъ писалъ цѣлую драму въ шести картинахъ. Это была жизнь падшей женщины. Онъ хотѣлъ дать жестокий урокъ юношеству, и клеймить порочныхъ людей, которые посредствомъ золота распространяютъ испорченность нравовъ. Эти поразительныя картины должны были доставить Гогарту славу и извѣстность между художниками и моралистами.

Одну изъ этихъ картинъ (Гогартъ самъ выгравировалъ ихъ) леди Торнгилль поставила въ столовой, и мужъ ея былъ пораженъ новымъ произведеніемъ искусства.

— Какая образцовая картина, вскричалъ онъ. Я ничего подобнаго не видѣлъ. Кто написалъ ее?

— Молодой человекъ, который подноситъ тебѣ первый оттискъ своей гравировки...

— Ужъ не изъ учениковъ ли моихъ кто-нибудь?

— Онъ... твой.. родственникъ.

Торнгилль быстро отвернулся от картины и весь обѣдъ ничего не говорилъ. Но послѣ обѣда опять внимательно разсмотрѣлъ картину, и насмѣшливо сказалъ:

— Человѣку съ такимъ дарованіемъ не нужно приданого. У него много способностей, но онъ не живописецъ. Гравированіе—ремесло. Конечно, онъ гравируетъ собственныя свои картины, но одна живопись дѣластъ великихъ артистовъ; еслибъ самъ Рембрантъ гравировалъ, то никто бы и не зналъ объ немъ.

На другой же день леди Торнгилль передала Гоггарту слова мужа, но Гоггартъ рѣзко отвѣчалъ ей:

— Это мелочныя придирки. Но я ихъ предвидѣлъ. Вотъ вамъ картина, писанная масляными красками.

При этомъ онъ показалъ ей первую картину того же содержанія. Сама леди Торнгилль была въ восторгѣ отъ нея.

— Милый Вилльямъ, сказала она. Рѣшишься ли ты на трудное испытаніе? Пойдемъ къ мужу. Если ты будешь хоть нѣсколько уступчивъ, мы побѣдимъ... Но знай напередъ, что твое самолюбіе жестоко пострадаетъ.

— О! тогда мы погибъ!—наивно вскричала Дженни.

— Пойдемте, сказалъ Гоггартъ.—Я готовъ на все—не для себя; мнѣ ничего не нужно, но для жены. Я буду помнить объ ней, и можетъ-быть перевесу все.

— Я буду подлѣ тебя,—сказала ему Дженни.

При пробужденіи Торнгилля картина Гоггарта уже стояла передъ нимъ. Онъ тотчасъ-же понялъ, чья она. Жена его дрожала отъ страха, видя, что мужъ былъ мрачнѣе обыкновеннаго. Долго онъ молчалъ, принимался за работу, бросалъ ее, и наконецъ съ видимымъ усиліемъ сказалъ женѣ:

— Ты все ждешь моего приговора о картинѣ. Скажу тебѣ, что никто не въ состояніи написать другой подобной. Довольна ли ты?

— Я всею довольна, какъ скоро ты доволенъ... но живописецъ желалъ бы слышать самъ твои совѣты и наставленія.

— Понимаю. Онъ здѣсь, и какъ кошка прячется. Мои совѣты! и ты думаешь, что онъ ихъ уважаетъ. Ты это сейчасъ услышишь. Ну, гдѣ онъ? Подавай его сюда!

Вилльямъ явился.

— Мнѣ говорили, сирѣ Вилльямъ, гордо сказалъ Торнгилль, что вамъ угодно посоветоваться со мною на счетъ этой картины. Я долженъ вамъ сознаться, что не знатокъ въ этомъ родѣ живописи, который не покоряется ни общимъ правиламъ; ни условіямъ. Ваша картина

прекрасна. Вотъ мое мнѣніе. Вы видите, что я не хочу прослыть зна-
токомъ.

— Но кромѣ правилъ и стила, — отвѣчалъ Гогартъ, вы можете,
какъ первый нашъ живописецъ, судить о фигурахъ, о колоритѣ, о свѣ-
то-тѣни...

— Всѣ это ученическіе вопросы, прервалъ Торнгилль, о которыхъ
съ вами нечего разсуждать. Я смотрю въ картинѣ на однаѣ эстетиче-
скій вкусъ. Художество должно нравиться изяществомъ и утѣшать бла-
городныя сердца.

— То-есть вы думаете, что мой родъ картинъ не составляетъ уро-
ковъ нравственности. Я бы смѣлъ не согласиться съ вами. Если ху-
дожество должно часто прибѣгать къ идеальнымъ украшеніямъ, то оно
можетъ изображать и самую истину.

— Истину? — возразилъ съ нетерпѣніемъ Торнгилль. Потому толь-
ко, что ваши лица простонародны, вы думаете, что они истинны. Не
знаю, только я никогда ихъ не встрѣчалъ.

— И я могу увѣрить васъ, — отвѣчалъ Гогартъ, что нигдѣ не
встрѣчалъ вашихъ Юпитеровъ, Аполлоновъ, Венеръ, Діанъ.

— Вы забываете... вскричала леди Торнгилль, видя, что ссора раз-
горается.

— О нѣтъ, миледи. Но я не смѣю уступить въ такомъ пунктѣ
искусства, не переставъ самъ-себя уважать. Знаменитый вашъ супругъ
и я — мы избрали два разные рода художества. Онъ угождаетъ стра-
стямъ великихъ людей, — и они его сдѣлали великимъ. Я, напротивъ
того, ищу моделей въ массѣ людей — и она меня оцѣнитъ.

— Потому-что вкусъ простаго народа также грубъ, какъ вашъ, сказалъ
Торнгилль. Если вы для того только пришли, чтобъ показать всю вашу
гордость и необразованность, то напрасно беспокоились; я зналъ эти
качества и прежде. Послѣ вашихъ семейныхъ проступковъ, я надѣялся,
что ваши идеи переменятся, и тогда, признаюсь, я бы самъ могъ быть
такъ слабъ, чтобъ съ вами сблизиться...

— Сиръ Джемсъ! сказалъ Гогартъ, мнѣ легче отказаться отъ ва-
шихъ милостей, нежели отъ вашего уваженія. Я въ отчаяніи, что сло-
ва мои оскорбили васъ, но ни за что въ свѣтѣ не откажусь отъ своихъ
убѣжденій.

— Несчастный! и вы смѣете еще упорствовать въ своихъ заблуж-
деніяхъ? Все между нами кончено. Вы неблагодарный человекъ! Я хо-
тѣлъ васъ направить на путь истины и сдѣлать васъ своимъ преемни-
комъ... Но вы уже отняли у меня дочь, — теперь отнимаете у нея отца
навсегда...

— Гоггартъ! въ слезахъ сказала леди Торнгилль, — то ли вы мнѣ общали?

— Я не общалъ, миледи, за золото играть комедіи и жертвовать своими убѣжденіями. Я скорѣе умру. Дочь же вашу за любовь отца постараюсь вознаградить *своею* любовью.

— Этотъ человекъ съума меня сведеть, закричалъ Торнгилль. Поди же ко мнѣ, негодный, и обними меня...

Радостный крикъ раздался въ ближайшей комнатѣ.

— Но непрежде меня, батюшка, вскричала Дженни, и бросилась къ ногамъ отца.

— Это просто нападеніе разбойниковъ, прошепталъ старикъ, и съ восторгомъ прижалъ дочь къ своему сердцу. Вилльямъ! продолжалъ онъ, обратясь къ Гоггарту. Ты истинный артистъ, у тебя сердце благородное, безкорыстное, хотя нѣсколько вспыльчивое. Знай же, еслибъ ты уступилъ мнѣ, ты погибъ бы, я бы презиралъ тебя.

Вилльямъ былъ у ногъ Торнгилля, который поднялъ его и съ жаромъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ.

МЕМОАРЫ.

НОВОБРАНЕЦЪ 1812 ГОДА.

(Меня можно считать эмигрантом.)

И. И. Лажечникова.

Въ роковыя двадцатая числа роковаго 12 года находился я въ Москвѣ. Вышедши только-что изъ-подъ опеки гувернеровъ, Messieurs Beaulieux и маркизовъ Жюльекуровъ, еще недавно архивный юноша, проглотившій съ двѣнадцатилѣтнаго возраста не мало пыли при разборѣ полуогнившихъ столбцовъ, перешедши потомъ въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора Обр., по приглашенію его, для узнанія службы, я, однакожь, оставался въ Москвѣ не по служебнымъ обязанностямъ. Въ то время дана была каждому воля идти на всѣ четыре стороны. Паспортовъ не выдавалось, потому-что всѣ дѣла канцелярїи были выпрошены на владимірскую дорогу. Въ Москвѣ же задерживало меня ожидашіе письма отъ моего отца, который жилъ въ деревнѣ, за восемьдесятъ верстъ отъ Москвы, къ сторонѣ Колошны. Я рвался въ ряды военные, и ждалъ на это разрѣшенія. Сердце мое радостно билось при одной мысли, что я скоро опояшусь мечомъ, и крупно поговорю съ непріате-

лемъ за обиды моему отечеству. Въ войну 12 года, истинно народную, патриотизмъ воспламенялъ и старцевъ и юношей. Порою рисовалось моему юношескому воображенію зарево биваковъ, опасное участіе въ ночномъ пикетѣ, къ которому вѣтерокъ доносить жуткой говоръ непріятеля, жаркая схватка, отважная выручка. Не скрою, что порой прельщали меня и красный ментикъ съ золотымъ украшеніемъ, и лихой конь, на которомъ буду гарцовать передъ окнами дѣвушки, любимой мною страстно... до первой новой любви. Но увы! мои надежды недолго тѣшили меня. Въмѣсто ожидаемаго разрѣшенія, получаю отъ отца приказъ немедленно къ нему явиться. Я плакалъ, какъ ребенокъ, но скоро одумался. «Чего бы ни стоило», сказалъ я самъ себѣ, «а буду военнымъ, хоть бы солдатомъ.» Мыслию уже ослушникъ волѣ родительской, я тотчасъ сдѣлался ослушникомъ и на дѣлѣ, и не очень спѣшилъ выѣхать изъ Москвы.

Уже дошла до насъ вѣсть о Бородинской-битвѣ: все, что дѣлалось въ арміи, было черезъ нѣсколько часовъ извѣстно въ Москвѣ; каждое бѣшеніе пульса въ русскомъ войскѣ отзывалось въ сердцѣ ея. Многіе купцы содержали по пути къ мѣсту военныхъ дѣйствій конныхъ гонцовъ, которые безпрестанно сновали взадъ и впередъ. Два исполнителя дрались съ ожесточеніемъ: французъ шель, очертя голову, въ бѣлокаменную, и хвалился передъ міромъ побѣдой; русскій, истекая кровью, но готовый лучше умереть, чѣмъ покориться, сильный еще силою крестнаго знаменія, любви и преданности къ Государю и отечеству, шель отставать святыхъ сорокъ сороковъ матушки бѣлокаменной, пока не положитъ въ виду ея костей своихъ: *мертвые бо срама не имутъ.*

Но—въ военномъ совѣтѣ Кутузова рѣшено было сдать Москву безъ боя. Настали дни скорбные и вѣсть великіе. Москвичи, не помышляя болѣе о спасеніи своихъ домовъ, думали только честно покинуть ихъ. Кажется, въ одно время въ сердце народа и въ голову великаго полководца пала мысль, для блага Россіи: принести на алтарь ея въ жертву первопрестольный городъ. Одинъ, для исполненія своихъ высшихъ плановъ, замышлялъ отдать Москву; другой замышлялъ сжечь ее, въ случаѣ сдачи непріятелю, и тѣмъ очистить ее отъ поруганія нашествія. Такъ въ дни Божіи избранники его и народъ понимаютъ другъ-друга и дѣйствуютъ согласно, не повѣряя другъ-другу своихъ намѣреній. Въ эти дни я слышалъ нерѣдко отъ купцовъ, извозчиковъ и моего дядьки, что, въ случаѣ сдачи Москвы, наши готовятся спалить ее до тла — «не доставайся жъ матушка непріятелямъ.» И потому, если мое свидѣтельство можетъ что-нибудь прибавить къ показаніямъ историковъ 12 года, считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что пожаръ московскій

былъ просто слѣдствіемъ народнаго побужденія. Тогдашній градоначальникъ Растопчинъ, отгадавъ это побужденіе, не только не мѣшалъ, но даже содѣйствовалъ ему—вотъ что надобно еще прибавить. Кому принадлежитъ честь этого подвига, судите сами.

Высокое и трудное бремя несъ тогда Растопчинъ. Надо было въ одно время поддерживать пламенное усердіе къ дѣлу общему, ослаблять ушніе, возбуждаемое вѣстями о скоромъ нашествіи непріятеля, и усмирять народные порывы. Рѣдки, однакожь, были случаи вѣшательства черви. Видны были кое-гдѣ грозныя лица, которыя заглядывали въ повозки, отъѣзжавшія изъ Москвы, и провожали удалявшіеся именемъ *мамъликовъ*... Въ то же время оставшіеся въ столицѣ, болѣею частью отцы семействъ, старики, женщины и дѣти и торгующій классъ покидали стѣны ея, хотя не безъ тревоги, однакожь безгласно.

Для исполненія своихъ благоразумныхъ видовъ, градоначальникъ бросалъ каждый день въ пишу народу свои животрепещущія посланія, столько извѣстныя, и народъ, съ жадностію хватая ихъ, не только успокоивался, но и обращалъ свои помыслы къ благому—защитѣ города. Вскорѣ, однакожь, представилась жертва сама-собою. Безразсудный В*, сынъ купца, отмѣченный молвою какъ измѣнникъ, былъ обиваченъ буйствомъ толпы, и заплатилъ жизнью за свой поступокъ. Наканунѣ видѣлъ я В* въ кофейной на Никольской, тогдашнемъ фойе всѣхъ политическихъ и не политическихъ новостей. Можно вообразить, что я чувствовалъ, узнавъ на другой день объ его участи.

Между-тѣмъ, какъ дядька мой устраивалъ дорожные сборы, поѣхалъ я за городъ, къ Филяхъ и на Поклонную-гору, куда народъ стекался смотрѣть на плѣнныхъ французовъ, взятыхъ въ дѣлѣ бородинскомъ. Солнце ужъ западало, но далеко не доходя до земной черты, скрывалось въ туманномъ горизонтѣ, который образовали жаръ и пыль, поднятые тревожною жизнью города и еще болѣе тревожною жизнью между городомъ и отступающимъ войскомъ. Въ Филяхъ нашелъ я действительно много плѣнныхъ разнородныхъ націй. Въ рѣчахъ и поступкахъ своихъ французы казались въ это время не плѣнниками нашими, а передовыми *слабой арміи*, посланными завять для нея квартиры въ Москвѣ. На Поклонной-горѣ особенное мое вниманіе привлекъ къ себѣ многочисленный кружокъ, составленный, болѣею частью, изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Въ серединѣ толпы стоялъ мужчина, довольно высокій, плечистый; лицо его казалось вдохновеннымъ, голосъ звучалъ знойно, энергически. За толпою, тѣсно окружившей его, я не могъ слышать его рѣчи, обращенной къ народу, но до меня долетали по временамъ слова его, глубоко западавшія въ грудь. Толпа, твора крестное знаме-

нѣ, повторала съ жаромъ его послѣднія слова: «за батюшку Царя и Русь православную, подъ покровомъ Царицы небесной!» Я узналъ, что это былъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, ревностный сподружникъ московскаго градоначальника въ тогдашнихъ его подвигахъ на служеніи отечеству. Съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на него! Онъ извѣстенъ мнѣ былъ заочно, какъ издатель «Русскаго Вѣстника», поощрившій мой первый литературный лепетъ: помѣстивъ въ своемъ журналѣ мою *военную пльнь* и напечатавъ подъ нею мое имя, онъ сдѣлалъ меня на нѣсколько дней счастливымъ. Мое восторженное сердце поклонялось тогда всемъ современнымъ знаменитостямъ. Увидѣть Карамзина было однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній: сколько разъ собирался я идти къ нему, чтобы положить передъ нимъ мой сердечный поклонъ! Разъ въ театрѣ мнѣ указали его; онъ былъ съ женой въ креслахъ. Во все представленіе я не видалъ ничего, кромѣ Карамзина; когда во время антракта, онъ вставалъ, я устремлялъ на него такъ пристально глаза, что онъ разъ улыбнулся, и перешептывался съ женой, указавъ ей осторожно на меня. Въ послѣдовавшую затѣмъ ночь я не спалъ отъ блаженства, что видѣлъ великаго чловѣка и былъ имъ замѣченъ. Съ Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою знакомъ я былъ въ послѣдствіи. Дивная была эта личность! Онъ содержалъ пансіонъ, въ которомъ воспитывались дѣти богатыхъ донцовъ, въ томъ числѣ и сынъ Платова. Золото обильно лилось въ его карманы, между-тѣмъ не было у него часто копѣйки за душою. Выхода изъ дому съ деньгами, или изъ книжной лавки, куда являлся для полученія денегъ на крайнія домашнія нужды, онъ возвращался бѣдный, какъ Ирѣ, и всегда довольный. Часто, когда нечего ему было дать просящему у него бѣдняку, онъ отдавалъ ему что попадалось подъ руки — носовой платокъ, шейный, жилетъ, пустой кошелекъ, книжку... Онъ почти всегда ходилъ пѣшкомъ, если же бралъ извозчика, то самаго худаго, котораго, вѣроятно, нанималъ для того, чтобы ему помочь. Замѣтенъ онъ очень былъ тѣмъ, что ходилъ въ самые жестокіе морозы въ сюртукѣ на ватѣ. Весь московскій людъ зналъ его; я видѣлъ часто, какъ извозчики на биржахъ кланялись ему въ поясъ, а многіе проѣзжавшіе мимо снимали передъ нимъ шапки.

Когда я выѣхалъ изъ Филей, по смоленской дорогѣ показався въ ялугахъ пыли обозъ, которому не видно было конца. Везли раненныхъ. Поездъ тянулся въ нѣсколько рядовъ, и затруднился у Драгомиловскаго моста. Сдѣлалась остановка. Надо было видѣть въ это время усердіе москвичей къ воннамъ, пролившимъ кровь свою за отечество. Калачи летѣли въ повозки, сыпались деньги пригоршнями, то-и-дѣло опорож-

вадись стужаны и кувшины съ квасомъ и медами; продавцы распродались добромъ своихъ хозяевъ, какъ свою собственностію, не только не боясь взысканія, но еще увѣренные въ крѣпкомъ снасибо; восклицаніямъ сердечнаго участія, благословеніямъ, предложеніемъ услугъ не было конца. Облако пыли болѣею частью заслонило это зрѣлище, и только нрѣдка, когда вѣтерокъ сплхивалъ ее или густой лучъ прорѣзывалъ, видно было то добродушное лицо бородача, который подавалъ свою ленту, то лицо воина, истомленное, загорѣлое, покрытое пылью, то печальныя черты старушки, которая, облокотясь на телегу, разспрашивала о своемъ сынѣ—служивомъ. Въ одинъ изъ этихъ просвѣтовъ палъ на меня болѣзненно-унылый взоръ раненаго офицера. Ему могло быть лѣтъ двадцать пять съ небольшимъ; смертная блѣдность покрывала прекрасное и благородное лицо его; одна рука была у него въ перевязи, другою опирался онъ на задокъ телеги, гдѣ лежало нѣсколько солдатъ. Невольное чувство увлекло меня къ нему. Не ужъ ли не сыскалось для васъ повозки? спросилъ я его. — «Была, отвѣчалъ онъ, но случились раненыя тяжелѣ меня... Слава Богу, я могу еще дойти. При этихъ словахъ съ трудомъ приподнялся изъ телеги одинъ изъ солдатъ, лежавшихъ въ ней, и сказалъ со слезами на глазахъ: «Его благородіе нашъ ротный командиръ; намъ четвернымъ раненымъ было тѣсно въ одной телегѣ .. онъ уступилъ намъ свою.» Тутъ онъ не могъ продолжать и опустился въ повозку.

Возвратившись домой, я сталъ собираться въ путь, къ отцу въ деревню. Квартира моя была на Стрѣтенскомъ-бульварѣ (помните, въ домѣ профессора Горюшкина) подлѣ уѣзочнаго дома съ садомъ, гдѣ хозяинъ, старый инвалидъ, причудливо устроилъ гауптвахту, поставилъ деревянную батарею и солдатъ, не сбѣнявшихся со стражи. Онъ и на покой, въ городѣ, не хотѣлъ разстаться съ военною жизнью. Старожилы, конечно, запомнятъ этотъ домъ, который ни одинъ проѣзжій не миновалъ, не полюбовавшись на игрушечный лагерь. Послѣ моего отъѣзда съ квартиры, гдѣ я жилъ, занялъ ее раненый офицеръ Франкъ съ рядовымъ Имутинымъ. Выписываю страничку объ этихъ лицахъ изъ моихъ походныхъ записокъ: «По окончаніи Бородинской битвы, когда смерть утонула надъ безчисленными жертвами своими, раненый рядовой 2-й роты своднаго гренадерскаго баталіона, Никифоръ Имутинъ, присоединившись къ ротѣ своей, шелъ отдаленно за нею съ поля сраженія. Вдругъ слышитъ онъ за собою слабыя стоны, которые, казалось ему, звали его на помощь. Пренебрегая страхомъ попасться въ плѣнъ къ неприятелю, разставлявшему въ виду его свои пикеты, онъ возвратился на то мѣсто, куда доносились звуки замирающаго голоса. Тамъ нашелъ онъ роты

своей прапорщика Франка, плавающего въ крови отъ полученной имъ тяжелой раны пулею въ ногу. «Богъ принесть меня къ вашему благородію, сказалъ онъ, дамъ-ли я непріятелю ругаться надъ вами? Не смотря на собственную боль, онъ втащилъ офицера на плеча свои и готовился одинъ нести его изъ опаснаго мѣста, какъ другой солдатъ той же роты, видѣвшій издали его усилія, присоединился къ нему и помогъ ему донести драгоцѣнную ношу въ цѣпь, гдѣ перевязывали раненныхъ. Съ этого времени Ишутинъ не отходилъ отъ больнаго Франка; съ-продолженіе отступленія досталъ ему повозку съ лошадыю, перевязывалъ раны, и смотрѣлъ за нимъ, какъ нѣжный отецъ. При выходѣ русскихъ войскъ изъ Москвы онъ не разстался съ умирающимъ офицеромъ. Все, что они претерпѣли въ пребываніе непріятелей въ древней столицѣ нашей, не можетъ быть описано. Довольно сказать, что домъ, въ которомъ нашли они себѣ покойный уголокъ, преданъ былъ пламени. Вѣрный Ишутинъ вынесъ Франка изъ огня на плечахъ своихъ, какъ новый Эней отца своего Анхиза.

Я простился съ Москвою, какъ прощаемся съ роднею, которую опускаемъ въ землю. При выѣздѣ изъ заставы, я приобрѣлъ себѣ дорожныхъ товарищей, шесть или семь дюжихъ мужичковъ. Они не преминули упрекнуть меня за оставленіе первопрестольной столицы. Мой геройскій духъ снова былъ озадаченъ въ Волчихъ-воротахъ жалобными криками умирающаго... На зарѣ, подъ Островками, я сошелъ съ повозки и мимоходомъ взглянулъ въ часовню, которая стояла у большой дороги. Вообразите мой ужасъ: я увидѣлъ въ часовнѣ обнаженный трупъ убитаго челоуѣка... Еще теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, мерещится мнѣ бѣлый трупъ, блѣдное молодое лицо, кровавыя, широкія полосы на шеѣ, и надъ трупомъ Распятіе...

На берегу Москвы-рѣки, въ виду сельскаго крова, подъ которымъ провелъ я лучшія лѣта моего дѣтства, встрѣтили меня родные со слезами радости. Въ ожиданіи меня сколько страху испытали они: не попался ли я въ лѣтнѣ французамъ, не убили ли меня недобрые люди!

Черезъ нѣсколько дней узнали мы, что Москва занята непріятелями. Ожидали этого извѣстія, а между-тѣмъ оно судорожно пронеслось по всѣмъ классамъ народа. Таковъ ужъ русскій народъ: онъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и всякій неуспѣхъ приписываетъ или фатализму, или измѣнѣ. Много нелѣпныхъ слуховъ распускали по святой Руси люди несвѣдущіе! А говорили это именно тогда, когда знали, что къ концу Бородинской битвы капитаны командовали полками, когда каждый изъ нашихъ генераловъ творилъ въ ней чудеса храбрости и кровью платилъ

которыя владѣлецъ ихъ, чужакъ и охотникъ страстный, не хотѣлъ разстаться.

Мы прѣехали въ Коломну. Это моя родина. Горжусь ею, потому-что въ ней родился одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ сановниковъ и проповѣдниковъ нашего времени (Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій). Сколько воспоминаній о моемъ дѣтствѣ толпилось въ головѣ моей, когда мы вѣхали въ Запруды! Предстали предо мною, какъ на чудной фантазмагорической сценѣ, и вечернія, росистыя зори, когда я загонялъ влюбленного перепела на обманчивый зовъ подруги, и лунныя ночи на обломкѣ башеннаго зубца, при шумѣ водъ смиренной Коломенки, лѣтливо движущихъ мельничныя колеса — ночи, когда я воображалъ себя на мѣстѣ предковъ своихъ, переселенныхъ Грознымъ изъ великаго Новгорода въ Коломну; и прогулку на козлѣ, и добраго француза гувернера съ длинною косою за плечами, которую вмѣстѣ съ головою своею вынесъ онъ изъ-подъ гильотины. Явились предо мною и ты, шайге согбеау, и вы, пламенные страницы Руссо, которыми душа моя жадно ушнвзлась, какъ дикій конь, выпущенный изъ загона на широкую степь, и вы, великіе мужи Плутарха!.. Все это, и многое, многое, что глубоко бросило сѣмяна въ сердцѣ моемъ, прошло теперь мимо меня во всѣхъ радужныхъ цвѣтахъ очарованія. — Кто идетъ? закричалъ нараульный громовымъ голосомъ у воротъ нашего дома, и очарованіе, спугнутое голосомъ часоваго, исчезло. Домъ этотъ славился вѣкогда роскошью своего убранства: вездѣ паркеты изъ краснаго, чорнаго, пальмоваго дерева, мраморъ, штофъ... Въ немъ отецъ мой угощалъ великолѣпныхъ сыновъ кончавшагося 18 вѣка

изъ станъ славной

Екатериинныхъ ерловъ.

Теперь помѣщалась въ немъ артиллерійская рота (въ-последствіи онъ былъ проданъ подъ трактиръ), и мы съ трудомъ, въ собственномъ нашемъ домѣ, могли найти уголокъ, гдѣ бы преклонить на ночь голову.

Съ разсвѣтомъ были мы уже на дорогѣ къ Рязани. Близъ первой почтовой станицы (не помню названія деревни) расположили мы свой таборъ, для поддѣванія. Раскинутыя по луку безчисленныя валазки, табунъ степныхъ ковей, оглашающихъ воздухъ ржаніемъ своимъ, зажженные костры, многолюдство, пестрота возрастовъ и одеждъ, немогучее движеніе, — все это представляло зрѣлище прекрасное. Но могло ли это зрѣлище восхитять насъ? Я пошелъ съ нѣсколькими помѣщиками и купцами прогуляться по деревнѣ. Когда мы подходили къ станицинскому дому, вездѣ него остановилась колясочка; она была откинута. Въ

ней сидѣлъ — Барклай-де-Толли. Его сопровождалъ только одинъ адъютантъ. При этомъ имени почти все, что было въ деревнѣ, составило тѣсный и многочисленный кругъ и обступило экипажъ. Смутный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ... Не мудрено... отступление къ Москвѣ расположило еще болѣе умы противъ него; кромѣ Государя и нѣкоторыхъ избранниковъ, никто не понималъ тогда великаго полководца, который съ начала войны — до Бородинской отчаянной схватки оберегалъ на плечахъ своихъ судьбу Россіи, охваченную со всѣхъ сторонъ еще неслышанною отъ вѣка силою военнаго генія и столь же громадною вещественною силой. Но ропотъ тотчасъ замолкъ — его мигомъ сдержалъ величавый, спокойный, холодный взоръ полководца. Ни мажѣйшая тѣнь смущенія или онасенія не пробѣжала по лицу его. Въ этомъ взорѣ не было ни угрозы, ни гнѣва, ни укоризны, но въ немъ было то волшебное, неразгадываемое простыми смертными могущество, которымъ надлѣяетъ Провидѣніе своего избранника и которому невольно покоряются толпы, будучи сами не въ состояніи дать отчета, чему они покоряются. Мнѣ случалось послѣ видѣть, какъ этотъ холодный, спокойный, самоувѣренный взглядъ водилъ войска къ побѣдѣ, какъ онъ олушевлялъ ихъ при отступленіи (изъ подъ Бауцена и окрестностей Паряжа, когда мы въ первый разъ подходили къ нему). Русскій солдатъ, всегда недовольный ретирадами, не ропталъ тогда, потому — что, смотря на своего предводителя, увѣренъ былъ, что онъ не побѣжденъ, а отступаетъ ради будущей побѣды.

День былъ ясный, коляска стояла подъ тѣнью липы, урвавшей на углу нѣсколько густыхъ сучьевъ изъ-за плетня деревенскаго сада. Барклай-де-Толли скинулъ фуражку, и засіялъ голый, какъ ладонь, черепъ, обезсмертенный кистью Дова и перомъ Пушкина. При этомъ движеніи разнородная толпа обнажила свои головы. Вскорѣ лошади были готовы, и экипажъ исчезъ въ клубахъ пыли. Но долго еще стояла толпа на прежнемъ мѣстѣ, смущенная и огромленная видѣніемъ великаго человека.

Не знаю, куда ѣхалъ тогда Барклай-де-Толли, но знаю, что 25 сентября обѣлъ нѣ въ Калугѣ. Оттуда писалъ онъ, именно этого числа, къ графу Остерману-Толстому (у котораго въ-послѣдствіи былъ я адъютантомъ) письмо, чрезвычайно замѣчательное по тогдашнему положенію бывшаго начальника арміи. Въ немъ изъяснялъ онъ грусть свою, что разстается съ русскимъ войскомъ, и пріятную увѣренность, что въ немъ остаются полководцы, которые поддержать честь русскаго имени.

Богатое село Дѣдново, въ которомъ мы остановились на два дня, расположено на берегу Оки. Оно извѣстно сколько промышленностью

крестьянъ, столько и оригинальностью своего помѣщика Л. Д. Измайлова, осуществившаго въ себѣ типъ феодальнаго владѣльца среднихъ вѣковъ. Такого рода дворяне нынѣ уже въ Россіи не существуютъ. Особенно было оживлено Дѣдово въ нашъ прїѣздъ, потому-что въ немъ собиралось рязанское ополченіе, котораго начальникомъ былъ владѣлецъ этого имѣнія. Левъ Дмитріевичъ угостилъ насъ по боярски.

Въ Рязани пробыли мы недолго. Здѣсь вскорѣ узнали, что французамъ не поздоровилось въ Москвѣ и что они, какъ журавли къ осени, начали потягивать на теплыя мѣста, и потому мы возвратились въ Коломну.

Здѣсь я сталъ вновь проситься у родителей моихъ позволить мнѣ идти въ военную службу, и получилъ опять тотъ-же отказъ. Тогда я далъ себѣ клятву исполнить мое намѣреніе, во что-бы ни стало, бѣжать изъ дому родительскаго, я какъ я не имѣлъ служебнаго свидѣтельства, идти хоть въ солдаты. Намѣренію моему нашель и скоро живое поощреніе. Въ городѣ остановился отставной (помнится, штабъ-офицеръ) кавалеристъ Беклемишевъ, посѣдѣлый въ бояхъ, который, записавъ сына въ гусары, собирался отправить его въ армию. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ ѣхалъ туда-же гусарскій юнкеръ Ардал., сынъ богатаго армянина. Я открылъ имъ свое намѣреніе: старикъ благословилъ меня на святое дѣло, какъ онъ говорилъ, и обѣщался доставить въ главную квартиру рекомендательное письмо, а молодые люди дали мнѣ слово взять меня съ собою. За душой не было у меня ни копѣйки: коломенскій торговецъ-аферистъ купилъ у меня шубу, стоящую рублей 300, за 50 рублей, подозревая, что я продаю ее тайно... Съ этимъ богатствомъ и дѣдовскою мѣховою курткой, покрытой зеленымъ рытымъ бархатомъ, шелъ я на службу боевую. Назначенъ былъ день отъѣзда. Всѣ приготовления хранились въ глубочайшей тайнѣ. Роковой день наступилъ—сердце было у меня не на мѣстѣ. Въ одиннадцатомъ часу вечера простился я съ матерью, расточая ей самыя нѣжныя ласки; съ трудомъ удерживалъ я слезу, готовую упасть на ея руку; я сказалъ ей, что хочу ранѣе лечь спать, потому-что у меня очень разболѣлась голова. И она, будто по предчувствію, необыкновенно ласкала меня и раза два принималась меня благословлять. Въ своей спальнѣ я усердно молился, прося Господа простить мнѣ мой самовольный поступокъ и облегчить горестъ и страхъ моихъ родныхъ, когда они узнаютъ, что я ихъ ослушался и бѣжалъ отъ нихъ. Меньшому брату, который спалъ со мною въ одной комнатѣ, сказалъ я, что пойду прогуляться по саду, и чтобы онъ не беспокоился, если я долго не приду. Помолвившись еще разъ, я вышелъ въ сѣни. Условный колокольчикъ зазвенѣлъ за воро-

тани; я видѣлъ, какъ ямщикъ на лихой тройкѣ промчался мимо мнѣ, давая мнѣ знать, что все готово къ отъѣзду. Еще нѣсколько шаговъ въ кремль, гдѣ жилъ Беклемишевъ, и я на свободѣ. Но въ сѣняхъ встрѣтилъ меня дядька мой Ларіонъ. «Худо, баринъ, затѣяли вы»; сказалъ онъ мнѣ съ неудовольствіемъ, «я знаю всѣ ваши продѣлки. Оставайтесь-ка дома, да ложитесь спать, не то я сейчасъ доложу папенькѣ, и вамъ будетъ нехорошо.» Точно громовымъ ударомъ ошибли меня эти слова. Я обидно сталъ упрекать дядьку, что онъ выдумываетъ на меня небылицу, завѣряя его, что я только хочу пройтись по городу. Но Ларіонъ былъ неумолимъ. «Воля ваша, продолжалъ онъ», заднія сѣни въ садъ у меня заперты на замокъ; я стану на караулѣ въ нижнихъ сѣняхъ, что на дворъ, и не пропущу васъ, а если вздумаете бѣжать еялю, такъ я тотчасъ подниму тревогу по всему дому. У воротъ поставилъ я караульнаго, и онъ то же сдѣлаетъ, въ случаѣ удачи вашей вырваться отъ меня». Тутъ я перемѣнилъ упрекъ на моленія; я слезно просилъ его выпустить меня, я нѣжно цаловалъ его. Но дядька былъ неумолимъ. Дѣлать было нечего; надобно было оставаться въ заключеніи. Отчаяніе мое было ужасно; можно сравнить это положеніе только съ состояніемъ узника, который подпилилъ свои цѣпи и рѣшетку у тюрьмы, готовъ былъ бѣжать, и вдругъ пойманъ... Дядька мой преспокойно сошелъ внизъ. Проклиная его и судьбу свою, я зарыдалъ, какъ ребенокъ. Вся эта сцена происходила въ верхнемъ этажѣ очень высокаго дома. Изъ дверей сѣней видѣнъ былъ, сквозь проломъ древняго кремля, огонь въ квартирѣ стараго гусара, который собирался посвятить меня въ рыцари. Я вышелъ на балконъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на этотъ заветный огонекъ и проститься навсегда съ прекрасными мечтами, которыя такъ долго тѣшили меня. Вдругъ, съ правой стороны балкона, на столѣтней ели, растущей подлѣ него, зашевелилась птица. Какая-то невѣдомая сяла толкнула меня въ эту сторону. Вижу довольно крѣпкій сукъ отъ ели будто предлагаетъ мнѣ руку спасенія. Не разсуждая объ опасности, перелезаю черезъ перила балкона, бросаюсь внизъ, цѣпляюсь проворно за сучекъ, висну на немъ и упираюсь ногами на другой, болѣе твердой сучокъ. Тутъ, какъ вѣша, сползаю проворно съ дерева, обдираю себѣ до крови руки и колѣна, становлюсь на землѣ и пробѣгаю минуты въ три довольно обширный садъ, бывшій за домомъ, на углу двухъ переулковъ. Отъ переулка, ближайшаго къ моей цѣли, былъ заборъ сажени въ полторы вышины: никакая преграда меня не останавливаетъ. Перелезаю черезъ него, какъ искусный волтижеръ. Еслибы заставили меня это сдѣлать въ другое время, у меня не достало бы на это ни довольно искусства, ни

довольно силы. Но таково могущество воли, что оно удесатеряетъ всѣ способности душевныя и тѣлесныя. Перебѣжать переулочъ и площадь, раздѣляющую домъ нашъ отъ кремля, и влетѣть въ домъ, гдѣ ожидали меня, было тоже дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Я прибѣжалъ задыхаясь, готовый упасть на полъ; на головѣ у меня ничего не было, волосы отъ поту липли къ разгорѣвшимся щекамъ. Мои друзья уже давно ждали меня, сильно опасаясь, не случилось-ли со мною какой невзгоды. Старый гусаръ благословилъ меня образомъ, передъ которымъ только-что отслужили напутственный молебенъ; на меня нахлобучили первый попавшійся на глаза картузь; мы сѣли въ повозки и промчались, какъ вихорь, черезъ городъ, берегомъ Коломенки и черезъ Запрудье. Кормили лошадей за 40 верстъ, потомъ въ Островцахъ. Нѣсколько разъ дорогою, казалось мнѣ, насъ догоняють; въ ушахъ отзывался топотъ лошадиный, насъ преслѣдующій; въ темнотѣ за мной гнались какія-то видѣнія. Сердце трепетало въ груди, какъ голубь. Въ Москву въѣхали мы поздно вечеромъ. Непрiатель уже оставилъ городъ; у заставы на караулѣ были изюмскіе гусары; они грѣлись около зажженныхъ костровъ. Русскіе солдаты, русскій станъ были для насъ отрадными явленіями. Мы благоговѣнно перекрестились, въѣзжая въ заставу, и готовы были броситься цѣловать караульныхъ, точно въ заутреню свѣтлаго Христова Воскресенія. И было чему радоваться, было съ чѣмъ братьямъ поздравить другъ-друга: Россія была спасена!

Москва представляла совершенное разрушеніе: почти всѣ дома были обгорѣлые, безъ крышъ; нѣкоторые еще дымились; однѣ трубы безобразно высилась надъ ними; оторванные желѣзные листы жалобно стонали; кое-гдѣ въ подвалахъ мелькали огоньки. Мы проѣхали весь городъ до калужской заставы, не встрѣтивъ ни одного живаго существа. Только видѣли два, три трупа французскихъ солдатъ, валявшихся на берегу Яузы. Великолѣнная гробница! сказалъ я, обратившись къ московскимъ развалинамъ: въ тебѣ похоронены величіе и сила небывалого отъ вѣка военнаго генія; но изъ тебя возстанетъ новая могущественная жизнь, тебя оградитъ новая нравственная твердыня, чрезъ которую ни одинъ врагъ не посмѣетъ отнынѣ перейти; да увѣрится онъ, что русскій не преклонитъ головы передъ чужеземцемъ и что для него нѣтъ невозможной жертвы, когда ему нужно спасти честь и независимость родины.

Мы остановились въ селеніи Тропцкомъ (имѣніи моего товарища Арда.), помнится, верстахъ въ трехъ отъ Москвы. Въ домѣ мы нашли мы величайшій беспорядокъ; казалось, непрiатель только-что его

оставилъ. Зеркала были разбиты, фортецяно разломано, уцѣлѣвшее платье, въ томъ числѣ и мальтійскій мушкетръ покойнаго помѣщика, которое не годилось въ дѣло, валялось по полу. Въ Троицкомъ прожилъ нѣсколько дней; здѣсь, казалось, укрывался я въ совершенной безопасности отъ поисковъ. Мы ѣздили разъ въ Москву, посмотреть, чтó тамъ дѣлается. Народъ съ каждымъ днемъ прибывалъ въ нее; строились противъ гостиннаго-двора и на разныхъ рынкахъ балаганы и досчатые лавочки; торговля зашевелилась. Дымились на улицахъ кучи навоза, зажженные для огражденія отъ заразы мертвыхъ тѣлъ.

Намъ, съ товарищами, надобно было еще объѣхать деревни Ардал., которыя находились въ Московской губерніи, въ ближайшихъ уѣздахъ, помнится Звенигородскомъ и Дмитровскомъ, и собрать оброки, потому-что молодой помѣщикъ, отправлявшійся въ армию, былъ совершенно безъ денегъ. Казалось, время для такого сбора, по случаю военной невзгоды, тяжело налегшей на эти края, было самое неблагоприятное. Напротивъ того, крестьяне этихъ уѣздовъ собрали богатую дань съ непріателей; взявшихъ ее съ Москвы: почти у каждого мужичка были деньги, серебряные или золотые часы, богатая матерія, сукна, головы сахару и пр. Крестьяне вездѣ встрѣчали своего молодого господина съ хлѣбомъ и солью, и немедленно вносили ему оброкъ, даже часть впередъ. Только въ одной деревнѣ они немного заупрямились, но мы трое юношей (и на меня надѣли гусарскій ментикъ, и меня опоясали саблею) на сходкѣ загремѣли саблями, и буйныя головы немедленно съ пошнною преклонились передъ грозными воннами, у которыхъ еще усь не пробивался. Морозы уже наступали; разъ, въ дорогѣ, желая согрѣться, я пошелъ пѣшкомъ, и отставши отъ товарищей, едва не замерзъ въ виду какой-то господской великолѣпной дачи, совершенно опустѣлой. Только-что возвратились мы въ Троицкое, и собиравшись уже на другой день отправиться въ главную квартиру армии (это было поздно вечеромъ), какъ вѣзжалъ ко мнѣ въ комнату хозяинъ и объявилъ, что пріѣхалъ мой отецъ. Не зная, чтó дѣлать, я спрятался въ людскую. Тутъ, подлѣ меня лежала на смертномъ одрѣ какая-то старушка: я слышалъ предсмертный колоколецъ; первый разъ въ жизни видѣлъ я, какъ человекъ умираетъ. Лихорадка трясла меня, но не отъ этого зрѣлища, а отъ страху, что отецъ узналъ мое убѣжище и пріѣхалъ исторгнуть меня изъ него, чтобы вновь тѣснѣе связать мою волю. Но вскорѣ я услышалъ его голосъ, вѣбный, выходящій изъ любящей души; «Пускай покинется Ваня», говорилъ онъ, «пускай придетъ къ моему сердцу; я его прощаю, я самъ благословлю его на службу». Тутъ, не колеблясь ни минуты, бросился я въ его объятія, цѣловалъ его руки, обливалъ ихъ

слезами. Съ груди моей свалился камень. Это была одна изъ счастливейшихъ минутъ моей жизни.

На другой день отецъ повезъ меня въ Москву и представилъ бѣглеца московскому гражданскому губернатору Обрѣзъ, который возвратился въ столицу съ должностными чинами (Онъ стоялъ тогда въ Леонтьевскомъ-переулкѣ). Губернаторъ, въ присутствіи многихъ лицъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ, что я огорчилъ родителей своимъ побѣгомъ, но приказалъ однакожь тотчасъ выдать мнѣ служебное свидѣтельство, и вручилъ мнѣ рекомендательное письмо къ генералу Маркову, главному начальнику московскаго ополченія. Вскорѣ пріѣхалъ я въ московское ополченіе офицеромъ, и черезъ нѣсколько дней былъ переведенъ въ московскій гренадерскій полкъ. Счастіе мнѣ улыбнулось: начальникъ 1-й гренадерской дивизіи, Принцъ Мекленбургскій Карлъ, взялъ меня къ себѣ въ адъютанты.

Вотъ какъ 12 великій годъ завербовалъ меня въ свои новобранцы.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Открытие сезона — *Марія Симоъ*, — Несколько словъ о содержаніи и направленіи современныхъ французскихъ драмъ. — Длинноты пьесъ и отсутствіе замѣчательныхъ характеровъ. — Пьесы изъ процессовъ и уголовныхъ дѣлъ. — Драммы изъ современнаго быта и трагедіи. — Мнѣніе Эдгара Кинё о трагедіяхъ и герояхъ ихъ. — Фелисьенъ Мальпель и его комедія. — Бенедиктъ г. Верне. — *Сочиненія Горація*. — *Дамскій угодникъ*. — *Другъ Франсуа*. — Волшебный фарсъ, за невѣстнѣемъ фокусовъ. — Бенедиктъ г-жи Бурлю. — Явное несчастіе лучше скрытаго счастья. — Водевиль изъ оперы и оперная пьеса въ водевилѣ. — Г. Люге. — *Закоренный другъ*. — Тиль Жовресса.

Вышѣшній театральнй сезонъ начался довольно поздно. Двадцать-третьяго апрѣля французскіе спектакли открылись пятяктой драмой гг. Альбуаза и Сент-Ива *Марія Симоъ* (*Marie Simon*) съ музыкою Меа (*Maу*).

Принимая на себя и въ вышѣшнемъ театральномъ году обязанность сообщать читателямъ «Пантеона» извѣстія о нашемъ французскомъ театрѣ, мы считаемъ излишнимъ повторять то, что уже говорили, — начиная въ прошломъ году нашу театральную лѣтопись, — о той точкѣ, съ которой мы смотримъ на драматическое искусство вообще и на современный французскій репертуаръ въ-особенности. Скажемъ только, что, считая

незанимательнымъ и излишнимъ подробный разборъ содержанія пьесъ, являющихся на Михайловскомъ-театрѣ, мы попрежнему будемъ преимущественно обращать вниманіе на идею и цѣль ихъ. Подробный рассказъ, сцена въ сцену, каждаго новаго явленія французской драматической литературы не доказываетъ и не объясняетъ ничего читателямъ. Современнымъ французскимъ драматургамъ, конечно, никто не откажетъ въ совершенномъ знаніи сцены, въ умѣннн хорошо вести интригу пьесы, и если это умѣнье поддержать интересъ въ зрителяхъ бываетъ часто причиною успѣха очень слабыхъ произведеній, во всякомъ случаѣ успѣхъ этотъ непродолжителенъ, и относительно недурныя пьесы, переживъ два, много три сезона, замѣняются другими пьесами въ такомъ же родѣ, которыя также скоро забываются. Что же выигрываетъ искусство отъ подробнаго разбора минутныхъ явленій литературы? Поэтому, для полноты театральной летописи, довольно внести на ея страницы названіе подобной пьесы и сказать въ короткихъ словахъ, въ чемъ состоитъ ея идея, если еще въ пьесѣ есть какая-нибудь идея. Мы всѣ улыбались, читая анекдотъ о математикѣ, спросившемъ послѣ чтенія прекрасной поэмы: а что она доказываетъ? Вопросъ этотъ однако же вовсе не такъ страненъ, какимъ кажется съ перваго взгляда. Если нѣтъ необходимости, чтобы каждое литературное произведеніе что-нибудь доказывало, то намъ кажется нисколько не неумѣстно спросить по крайней мѣрѣ: къ чему оно ведетъ, съ какою цѣлью написано? Тѣмъ болѣе зритель имѣетъ полное право спросить: зачѣмъ писатель приглашалъ его въ театръ и заставилъ три, четыре часа слушать монологи, діалоги, смотрѣть, какъ одни лица приходятъ, другія уходятъ. Публику упрекаютъ въ томъ, что она нынче сдѣлалась нетерпѣлива и не любить длинныхъ пьесъ. Это справедливо, хотя въ этомъ больше виноваты авторы, нежели публика. Въ длинныхъ пьесахъ бываютъ обыкновенно длинныя сцены, въ которыхъ лица говорятъ длинныя тирады, вовсе неотносящіяся къ ходу, содержанію пьесы, а то, что можно прочесть терпѣливо въ своемъ кабинетѣ, утомляетъ на сценѣ. Если сценическія условія допускаютъ быстроту завязки и развязки, если въ пьесахъ позволено уничтожать время и разстояніе, то тѣмъ страннѣе заставлять зрителя выслушивать сцены, только растагивающія пьесу, но не погвигаяющія впередъ ея дѣйствія. Необходимость развитія характеровъ вводитъ часто въ заблужденіе писателей, не властвующихъ даромъ въ нѣсколькихъ очеркахъ изображать характеръ. Современные драматурги часто забываютъ, что характеръ лучше всего объясняется самимъ дѣйствіемъ, и что въ пьесѣ дѣйствіе важнѣе характеровъ.

Въ наше время, въ пьесахъ, взятыхъ изъ современнаго быта и об-

ности, мало замѣчательныхъ характеровъ. Авторы перестали представлять рѣзко очерченные типы той или другой стороны челоуѣческаго духа, выражающейся въ характерѣ. Оттого ли, что теперь подобные типы рѣдко являются въ обществѣ; на которое происшествія, случайности жизни имѣютъ такое огромное вліяніе, которое сравниваетъ всѣ рѣзкія явленія уровнемъ своихъ постановленій и правилъ?..

Драма *Марія Симонъ* принадлежитъ къ числу сценическихъ произведеній, которыя очень легко составляются. Берется исторія какого-нибудь знаменитаго процесса или уголовного дѣла (causes célèbres) связанная въ Судебной-газетѣ (Gazette des tribunaux) или изданная отдѣльно, для поученія и назиданія современниковъ, — и переносится на сцену цѣликомъ, или съ какими-нибудь драматическими прикрасами. Такихъ пьесъ является множество на парижской сценѣ; онѣ имѣютъ успѣхъ, потому-что любопытство публики, возбужденное процессомъ, придаетъ интересъ самой пьесѣ. Въ послѣднее время изъ подобныхъ пьесъ на Михайловскомъ-театрѣ мы видѣли *Столлу*, *Герцогиню Лавобальеръ*, *Лафайль* и *Клару д'Обервиль*; двѣ послѣднія являлись въ переводѣ и на Александринскомъ-театрѣ. *Ласюркъ*, *Кастель* и *Герцогиня Праленъ* являлись только въ Парижѣ. Впрочемъ, не въ наше время вошли въ моду подобныя пьесы: стоить только припомнить исторію служанки въ Палезо, невинно казненной, являвшейся потомъ на сценѣ въ разныхъ драмахъ и комедіяхъ и окончательно перешедшей въ потомство въ превосходной оперѣ Россіани.

Марія Симонъ также исторія служанки, обвиненной въ отравленіи своего господина и разумѣется невинной, потому-что при всей своей страсти къ сильнымъ сценамъ, врядъ-ли французы рѣшились бы представить публикѣ подобный сюжетъ, еслибы служанка была дѣйствительно преступна. Само-собою разумѣется также, что всѣ обстоятельства слагаются такимъ-образомъ, что Марію Симонъ всѣ подозреваютъ въ преступленіи и только одинъ зритель знаетъ ея невинность, также по обыкновенію обнаруживающуюся только въ самомъ концѣ пьесы, и награждаемую какъ слѣдуетъ.

Кромѣ любопытнаго вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ можно и слѣдуетъ выводить на сцену уголовныя дѣла и процессы, *Марія Симонъ* возбудила въ насъ много мыслей о томъ: неужели сцена окончательво привала за правило выводить передъ нами только современнаго челоуѣка съ его страстями, идеями и желаніями, слишкомъ хорошо уже намъ извѣстными? Неужели древній и средне-вѣковой міръ, олицетворавшійся нѣкогда въ трагедіи, навсегда изгнанъ со сцены?.. Читателей нашихъ можетъ удивить то, что намъ вдумалось сожалѣть о временахъ клас-

сических трагедій, давно забытых и осмѣянныхъ. Но мы не думаемъ воскрешать эти почтенныя произведенія съ александрийскими стихами, съ монологами, наперсниками и разказами Терамена; мы хотимъ только предложить вопросъ: неужели въ наше время невозможна трагедія, то-есть пьеса, взятая изъ жизни прошлыхъ вѣковъ, въ которой главное лицо — одно изъ тѣхъ созданий, которыя выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ людей и которыхъ называютъ *героями*. Неужели въ наше время невозможны трагедіи?

Все, что бы мы ни сказали по этому случаю въ защиту трагедіи, не могло бы имѣть рѣшительнаго авторитета передъ публикою и писателями, которыхъ еще занимаютъ литературныя вопросы. Поэтому мы приведемъ мнѣніе о томъ же предметѣ Элгара Кине, известнаго профессора литературы и исторіи, одареннаго замѣчательнымъ талантомъ, написавшаго, въ числѣ многихъ трудовъ заслужившихъ всеобщее уваженіе, два драматическія произведенія: *Прометей* и *Агасверъ*. Изучивъ и изслѣдовавъ въ этихъ драматическихъ поэмкахъ, за что Греція и Средне-вѣка предали такому строгому, неумолимому осужденію эти два тиза, Кине — въ послѣднемъ номерѣ журнала *Revue des deux mondes* — пишетъ, что онъ окончилъ третью пьесу *Спартакъ*, въ которой также изслѣдуетъ, за что Римъ былъ такъ безжалостенъ къ этому человѣку. Новая пьеса Кине также не назначается для сцены, и вотъ что онъ говоритъ по поводу своей *трагедіи*. Мы не переводимъ его выволнъ, а только передаемъ его мысли.

«Будемъ измѣнять сколько намъ угодно внѣшнія условія сцены, главный вопросъ все-таки состоитъ въ томъ, въ какой степени театръ можетъ имѣть вліяніе на общество? Любопытно, что на людей болѣе всего дѣйствуетъ форма, нежели сущность вещей, даже въ искусствѣ. И сколько надобно было борьбы и усилій, чтобы опрокинуть эти формы, вырваться изъ этихъ оковъ?

Но уничтоживъ форму, нашъ вѣкъ не захотѣлъ принять и идеи трагедіи, можетъ-быть потому, что въ его понятіяхъ эта идея слишкомъ тѣсно, почти нераздѣльно срослась съ формою. Послѣ героической драмы пришли, что драма мѣщанская составляетъ прогрессъ въ искусствѣ. Это совершенно ложно. Для народа самаго бѣднаго и жалкаго — герой необходимъ.

Пьеса древняго театра возбуждаетъ въ насъ не одни чувства ужаса, состраданія, удивленія, — какъ увѣряютъ критики; — эти же самыя чувства можетъ произвести и другой родъ поэзіи. Героическая драма возбуждаетъ во мнѣ особенное чувство, котораго не производитъ никакой другой видъ поэзіи, — а именно чувство героизма. Я живу живыми

великихъ людей; я испытываю такое же сильное впечатлѣніе, какъ—будто видѣть ихъ передъ собою; я раздѣляю ихъ ощущенія, мысля, страдаю; радуюсь виѣсть съ ними. Неужели эти чувства не свойственны нашему времени?

Цѣль драматическаго искусства, состоитъ не въ томъ только, чтобы потрясти душу зрителя. Я хочу въ этомъ потрясеніи сочувствовать силѣ и мужеству, которыя, высказываясь въ пьесѣ, возвышали бы меня въ собственныхъ глазахъ. Походить хотя на минуту на избранное высшее существо—величайшее удовольствіе, какое только можетъ испытать наша душа!—И въ этомъ отношеніи одинаковое дѣйствіе производятъ пьесы Софокла, Шекспира, Корнеля и Расина; они принадлежатъ къ разнымъ школамъ, но цѣль у нихъ одна: отвлечь вниманіе зрителя отъ мелкихъ интересовъ окружающей его жизни, придать ему моральное величіе, сдѣлать его участникомъ въ судьбѣ героевъ, товарищемъ полу-боговъ, заставить его почувствовать, что несмотря на различныя эпохи, современный человѣкъ все-таки близокъ давно истлѣвшему герою, составляетъ часть великаго хора человѣчества. Въ самомъ-дѣлѣ, публика въ наше время играетъ почти ту же роль, какую игралъ хоръ въ древнихъ трагедіяхъ. Она произноситъ—хотя не вслухъ—приговоры надъ дѣйствующими лицами пьесы, радуется или печалится виѣсть съ ними, награждаетъ или осуждаетъ.

Въ современной драмѣ, несмотря на то, что она не скована никакими условіями и правилами, герои мелки, рабски скопированы съ ежедневныхъ, будничныхъ персонажей. Драма нисходитъ до зрителя, тогда какъ должна бы возвышать его до себя. Въ глубинѣ души каждаго зрителя есть другое существо лучшее, высшее, которое вышло бы наружу въ полномъ блескѣ, еслибы авторъ обратился къ нему, дѣйствовалъ на это существо, а не на то, которое занято своими мелочными интересами.

Зачѣмъ же уничтожили разстояніе мѣста, единства и времени въ пьесахъ, если содержаніе ихъ вертится только около одного, условнаго пункта? Развѣ зритель ребенокъ, и не пойметъ событій, потрясавшихъ все человѣчество? Развѣ ему необходимо знать только то, что дѣлается вокругъ него? Развѣ Орестъ, Агамемнонъ, Прометей, Горацій, Сидъ неинтересны, нежели мой сосѣдъ, котораго я и безъ того вижу каждый день? Пусть же эти великія лица указываютъ мнѣ путь, по которому я могу идти вслѣдъ за ними. Я смѣло пойду по этому пути, хотя бы за привидѣніями, если это только привидѣнія любви, славы и добродѣтели.

Въ современной драмѣ авторъ приковываетъ меня къ моему времени, моимъ запятіямъ, моему общественному положенію,—а я стремлюсь жить въ вѣчности, общечеловѣческими интересами; я слышу на сценѣ тѣже софизмы, которые раздаются вокругъ меня. Я, можетъ-быть, даже забылъ ихъ, а вы стараетесь мнѣ напомнить объ нихъ... Отдайте намъ великихъ людей, безъ которыхъ мы погибаемъ!...

Въ наше время многіе требуютъ отъ искусства только одного: чтобы оно ихъ забавляло; ко всему остальному они равнодушны. Желаніе представлять высокіе примѣры называютъ педантизмомъ; они правы говоря писателю: «слова твои похожи на кипарисы—они высоки и кудреваты, но не приносятъ плода.» И точно, какого плода ждать въ такую эпоху, когда Марціала и Петронія предпочитаютъ Сенеку и Тациту? Первые, конечно, вѣрны дѣйствительности. Но развѣ цѣль искусства изображать одну дѣйствительность, особенно если она такова, какъ въ *Эпиграмахъ* Марціала и *Сатириконѣ* Петронія?»

Намъ не остается ничего прибавить къ словамъ Эдгара Кіне. Мы вполне раздѣляемъ его мнѣніе, но желая видѣть на сценѣ побольше утѣшительныхъ, хотя-бы и нѣсколько идеализированныхъ явленій—остаемся покаяться при одномъ желаніи.

Второю новостью нынѣшняго сезона (мы будемъ говорить только о тѣхъ пьесахъ, которыя не являлись въ прошломъ сезонѣ) была пятиактная комедія Фелисіена Мальфиля: *Сердце и приданое* (Le cœur et la dot). Мальфилъ принадлежитъ къ небольшому числу французскихъ писателей, не гонящихся за деньгами и извѣстностью. Онъ написалъ очень мало, но каждое изъ его произведеній строго обдуманно, художнически выполнено. Его *Записки Донъ-Жуана* принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ французской литературы. *Сердце и приданое*—его первое драматическое произведеніе. Содержаніе пьесы ново, самая пьеса ведена не очень искусно, есть много длиннотъ и мало эффектовъ, но она написана превосходнымъ языкомъ, какой рѣдко случается слышать на сценѣ. Множество прекрасныхъ мыслей, блистательныхъ афоризмовъ разбѣяно въ этой пьесѣ, что придаетъ ей еще болѣе достоинства въ чтеніи. Въ чемъ состоитъ пьеса—объясняетъ самое названіе: это не новая исторія борьбы чувства и денегъ, сердца и приданого, оканчивающаяся, къ удовольствію всѣхъ безприданницъ и по заведенному обыкновенію — побѣдою сердца надъ деньгами. Характеры главныхъ лицъ: корыстолюбиваго жениха, собирающагося жениться на приданомъ, корсара, храбраго на словахъ, и его чувствительной сестрицы,—описаны прекрасно. Молодые люди одни не очень интересны: они очень скоро влюбляются другъ въ друга, и классическое похищеніе, для разва-

ки комедіи, уже очень устарѣло. Пьеса была разыграна въ совершенствѣ. Мы хотѣли привести образчикъ превосходнаго языка пьесы, но въ переводѣ не останется ничего отъ всѣхъ тонкостей и блестящихъ фразъ подлинника.

Пройдя молчаніемъ возобновленный водевилъ *Реноденъ изъ Кама* (*Renodin de Caen*) по самой уважительной причинѣ: многого говорить объ немъ нечего, онъ ни хорошъ, ни дуренъ—поговоримъ о двухъ бывшихъ въ это время бенефисахъ: г. *Верне* и г-жи *Бурде*, давшихъ намъ *девять* новыхъ пьесъ, изъ которыхъ на долю г. Верне приходится *пять* и *семь* дѣйствій.

Бенефисъ этотъ начался водевилемъ: *Дворникъ расходится съ женою* (*Une séparation ou le divorce dans la loge*). Пьеса эта дается въ началѣ спектакля, для съѣзда публики. Содержаніе состоитъ въ томъ, что дворникъ и его жена ссорятся, хотятъ разойтись — потомъ иврятся. Незамысловато и неинтересно.

Комедія *Сочиненія Горація* (*Les oeuvres d'Horace*) была бы недурна, еслибъ авторъ ея не прибѣгнулъ уже къ слишкомъ избытому и наскучившему фарсу: переодѣванью женщины въ мужское платье — съ цѣлью возбудить ревность мужа и заставить его отказаться отъ пустыхъ идей объ эманципациі женщинъ. Г. Бертонъ былъ очень хорошъ въ роли писателя Горація Прюдана.

Дамскій угодникъ (*Le chevalier des dames*) лицо очень забавное, хотя и не совсѣмъ вѣроятное. Это человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь, свое состояніе, жертвуящей всѣмъ на свѣтѣ — для того, чтобъ угождать женщинамъ, даже вовсе незнакомымъ ему, и разумѣется съ совершеннымъ безкорыстіемъ. Пьеса наполнена похождениями этого рыцаря учтивости, оканчивающимися счастливо, хотя его принимаютъ за вора, а самъ онъ теряетъ значительную сумму денегъ. Бенефисахъ неподражаемъ въ подобныхъ роляхъ.

Другъ Франсуа (*L'ami François*) пьеса въ ложно-чувствительномъ роѣ, изобрѣтенномъ французами. Два друга любятъ одну дѣвушку. Другъ Франсуа признается другу Леону, что умереть, если не женится на Эмилиі; другъ Леонъ передаетъ это Эмилиі, хотя самъ влюбленъ въ нее и она тоже его любитъ. Другъ Франсуа готовъ уже жениться, но узнаетъ, что другъ Леонъ тоже собирается умереть отъ любви и отчаянія. Тогда, чтобы заставить Эмилию отказаться отъ предполагаемаго брака, другъ Франсуа не придумываетъ ничего лучше, какъ притвориться пьянымъ. Средство это должно быть очень дѣйствительно, если Эмилиа выходитъ дѣйствительно за друга Леона. Пьесу проводило въ потугу легкое шканье. Жаль было видѣть г. Мондидьё въ такой не-

лдой роли. Г-жа Мальвина, прекрасно исполняющая все роли, была очень хороша и въ этой цѣсти; г. Дешанъ тоже игралъ очень хорошо, но бываютъ пьесы, которыхъ никакія усилія не спасаютъ отъ паденія...

Спектакль заключился также очень старымъ, очень длиннымъ, очень пустымъ фарсомъ: *Три веретена* (Trois quenouilles ou les amoureaux en cruches). Пьеса эта названа folie fantastique et féerie и принадлежитъ братьямъ Коньяръ, поставившимъ нѣкогда въ изобиліи подобныя фантастическія нелѣпости. Зачѣмъ вздумалось г. Верне возобновить эту неостроумную сказку? Дѣло темное или лучше сказать очень ясное. Германа съ его фокусами на этотъ разъ нельзя было приглашать участвовать въ своемъ бенефисѣ, повтому явились на сцену превращенія, картонныя носы, ослухи, гении, феи и названія каждаго акта для афиши. Все это однакоже не помѣшало фарсу быть очень утомительнымъ, хотя въ немъ есть мѣстами остроуміе. Но три акта фарсовъ и каламбуровъ по поводу стеклянныхъ веретенъ и ихъ хрупкости — право это уже немножко много, и большая часть публики, вѣроятно, раздѣляла наше мнѣніе, потому что ушла изъ театра не дождавшись окончанія волшебнаго вѣзора.

Бенефисъ г-жи Бурде начался комедіей: *Скрытое счастье* (Un bonheur ignoré). Идея пьесы не дурна: явное несчастье лучше скрытаго счастья: *Mieux vaut un malheur connu, qu'un bonheur ignoré*, говоритъ главное дѣйствующее лицо этой пьесы, и мысль эта совершенно справедлива для тѣхъ лицъ, которыя дорожатъ мнѣніемъ свѣта и заботятся о томъ, чтобы свѣтъ зналъ, какъ они живутъ и что дѣлаютъ. Молодой левъ ухаживаетъ за богатой, знатной и хорошенькой вдовой, которая согласна выдти за него по окончаніи срока траура, но до тѣхъ поръ, по семейнымъ причинамъ, не позволяетъ жениху ни слова говорить о своемъ будущемъ счастьи, и даже принимаетъ его тайно ото всѣхъ. Такое положеніе скоро надоедаетъ блестящему льву, привыкшему гордиться своими успѣхами, и онъ, изъ вѣтренности, сильно оскорбляетъ свою невѣсту и разглашаетъ все, о чемъ далъ обѣщаніе молчать до времени. Сама-собой разумѣется, что вдова беретъ назадъ свое слово и отдаетъ руку другому, болѣе скромному обожателю, тутъ же кстати подвернувшись.

Свадьба Жанетты (Les noces de Jeannette), водевилъ, передѣланный изъ комической оперы г. *Массе*, композитора, котораго хвалятъ французскіе журналы, но въ которомъ, по-крайней-мѣрѣ судя по этой опереткѣ, мало новыхъ мелодій и еще меньше музыкальнаго дарованія. Содержаніе оперы самое немногосложное: Жанъ женится на Жанеттѣ,

во въ минуту подписанія контракта его беретъ страхъ и раздумье, и онъ бѣжитъ отъ своей невѣсты, которая однако же, въ твердомъ намѣреніи выдти за мужъ, убѣждаетъ жениха разными оперными доказательствами въ томъ, что холостая жизнь гораздо хуже брачной. Пьеса оканчивается, конечно, примиреніемъ и свадьбой. Г-жа Бурде, перешедшая на нашу сцену со сцены парижской Оперы, сочла своею обязанностью доказать въ свой бенефисъ, что она не потеряла еще голоса. Это совершенно справедливо, но намъ кажется, что сдѣлавъ изъ оперы водевилъ, напрасно было оставлять въ немъ столько нумеровъ пѣнія, мѣстами довольно неуѣстнаго. Наше мнѣніе впрочемъ раздѣляла не вся публика, потому-что три, четыре голоса настоятельно требовали даже повторенія нѣкоторыхъ нумеровъ, и г-жа Бурде была такъ внимательна, что исполнила тотчасъ же желаніе этой мѣньшей части публики, что должно было, конечно, доставить удовольствіе и большинству. Г. Люге прекрасно исполнялъ роль Жана. Этотъ актеръ видимо совершенствуется на нашей сценѣ, хотя ему часто приходится играть довольно неблагоприятныя роли. Изъ четырехъ пьесъ этого бенефиса онъ игралъ въ трехъ, и вездѣ былъ очень хорошъ.

Закоренѣлый другъ (Un ami achainé) лучший водевилъ этого бенефиса и всего этого времени. Ревнивый мужъ подозрѣваетъ, что одинъ господинъ ухаживаетъ за его женою. Въ тоже время этотъ мнимый волокита говоритъ мужу, что если когда-нибудь пожметъ руку своего знакомаго—честь этого человѣка дѣлается для него священною. Надобно видѣть, какія усилія употребляетъ послѣ этого ревнивый мужъ, чтобы сдѣлаться другомъ волокиты, какія жертвы приноситъ для него, и все для того только, чтобы тотъ пожалъ ему руку. Разумѣется, что со своею услужливостью онъ только мѣшаетъ молодому человѣку, разстроиваетъ его планы и заставляетъ ненавидѣть себя. Къ счастью, товарищъ мужа поправляетъ дѣло. Молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ, которую любитъ, и узнавъ, что его закоренѣлый другъ женатъ на особѣ, съ которою онъ самъ былъ хорошо знакомъ еще до ея замужства, жметъ ему руку отъ всего сердца. Enfin! je suis sur de mon fait! говоритъ успокоенный мужъ, и занавѣсъ опускается. Лемениль неподражаемъ въ этомъ веселомъ, уморительномъ водевилѣ.

Бенефисъ окончился старою пьесою Варнера: *Сестра Жокрисса* (La sœur de Jocrisse). Жокриссъ, этотъ типъ простодушно-глупаго слуги, явился не въ одной пьесѣ и въ свое время былъ въ большой модѣ. Роль превосходенъ въ этой роли, требующей много искусства, на которой вертится вся пьеса. Сестра Жокрисса служитъ тутъ только для того, чтобы поправлять ошибки брата и выдти, въ концѣ пьесы, за мужъ

за стараго холостяка, у котораго Жокрисъ въ услуженіи. Неужели, однакоже, мы рѣшительно теряемъ г. Руже?

Вотъ и всѣ новости нынѣшняго сезона, данныя въ-теченіе мая и въ послѣднихъ числахъ апрѣля, въ продолженіе восемнадцати спектаклей. Съ іюня мѣсяца начались лѣтніе спектакли на Каменномъ-Островѣ и мы поговоримъ объ нихъ, когда они закроются съ наступленіемъ поста, то-есть перваго августа. Весною, въ восемнадцать представленій, даны были пятьдесятъ четыре пьесы.

В. З.

СМѢСЬ.

ЯМЩИКИ.

Ты—ы, Мама, Мама — Машенька!

Ямщицкая пьеса.

Ямщики люди какъ-то необыкновенно счастливые. Поэты воспеваютъ ихъ сердечную чувствительность, не замороженную дорожною вьюгой, не выбитую изъ груди ухабами и другими случаями; дѣвицы, вѣря поэтамъ на слово, распѣваютъ про ямщиковъ своими розовыми губками; родители приходятъ въ восхищеніе, видя дѣтей своихъ одѣтыми настоящими ямщиками; гдѣ бы передъ вами ни змѣилась дорога, въ какое бы захолустье ни бросилъ васъ случай, вы вездѣ можете быть увѣрены, что найдете ямщика, покуда будутъ существовать верстовые столбы, и почтовые дороги не замѣнятся чугунными рысаками-паровозами.

Сословіе ямщиковъ самое древнее на всемъ земномъ шарѣ. Если взглянуть въ міеологическій міръ, окажется, что родоначальникомъ ихъ былъ Фебъ, развѣзжавшій на своей золотой колесницѣ по голубой дорогѣ небесъ. Къ этому же времени относится и первая ямщицкая не-пріятность. Малютка Фазтонъ, взявшись до времени не за свое дѣло, былъ разбитъ огненными конями Феба. По дѣломъ вору и мѣка, говоря безъ всякихъ правоученій! Будемъ продолжать, пропустивъ безъ всякаго вниманія періодъ времени отъ Феба до нашихъ дней, и начнемъ прямо съ современныхъ представителей ямщицкаго сословія.

Ямщикъ... какъ вамъ опредѣлить съ германскою точностію, что такое именно ямщикъ? Онъ крестьянинъ и не крестьянинъ, потому—что рукавъ его некогда держать борону и соху. Онъ скорѣе промышленникъ, торгующій пространствомъ и временемъ, человекъ, богатѣющій отъ быстроты и постоянного сбыта живаго, мыслящаго груза отъ извѣстнаго ему мѣста до извѣстнаго вамъ.

Ямщики очень рано начинаютъ свое поприще. Чуть только мальчишка станетъ бѣгать и ходить безъ посторонней помощи, онъ уже возится около лошадей, таскаетъ имъ сѣно, водить ихъ на водопой и исправляетъ всѣ посильныя ему ямщицкія обязанности. Чаше всего ямщицкіе мальчишки гоняютъ назадъ домой обратныхъ. Въ десять, въ одиннадцать лѣтъ, мальчишкѣ начинаетъ уже форрейторствовать. Безъ сѣдла, на одной рогожѣ, перекинувъ, вмѣсто стремянъ, связанную петлями веревку, подпрыгивая и покрикивая, скачетъ онъ по двадцати и болѣе верстѣ. Прогонны существуютъ еще тогда только въ его воображеніи; онъ галоцируетъ единственно по необходимости, когда нѣтъ какого-нибудь взрослога парня, который могъ бы, раздѣливъ шестерикъ на двѣ тройки, возвратиться обратно, вмѣстѣ съ кучеромъ, на двухъ отдѣльныхъ повозкахъ. Но прибытіи домой, мальчика не спрашиваютъ, не болятъ ли у него спина, не растрясло ли его? Отецъ обращается къ нему только съ вопросомъ:

— Ну что, лошадей не заморилъ?

— Эва, еще бы!

— Умница! А на чай—то дали?

— Какъ бы нетакъ! Подстѣга только чаемъ поподчивалъ...

— Ишь ты!

Этимъ и кончается вся родительская попечительность. Форрейторъ поѣсть чего-нибудь, и даже плечъ не почешетъ, какъ—будто прокатился въ экипажѣ на лежащихъ ресорахъ, а не протрясся на позвоночномъ костяномъ столбѣ, едва обтянутомъ кожею.

Очень часто случается, что тотчасъ же требуется опять форрейторъ, и тотъ же мальчишка, еще порядочно не поѣвшій и не отдохнувшій, опять вдѣваетъ ноги въ веревочныя стремяна и опять скачетъ нѣсколько десятковъ верстѣ.

Иногда, на полупути, шестерикъ встрѣчается другой шестерикъ. Ямщики останавливаются на минуту и форрейторы перемѣняютъ свои мѣста, но этимъ выигрывается только время къ возвращенію и къ отдыху; пространство же нисколько не убавилось. Впрочемъ ямщицкому мальчишкѣ и дѣла нѣтъ до пространства. Спина его бываетъ какъ—то такъ странно устроена, что не чувствуетъ никакой боли.

Въ семнадцать, восемнадцать лѣтъ, форейторствовавшій поступаетъ за утѣренную плату въ работники; ему сдають на поначеніе тройку, и онъ вмѣстѣ съ прочими участвуетъ въ очереди.

Многіе полагають, что съ такими ямщиками-новобранцами ѣздить гораздо лучше, что они и сговорчивѣе, и вѣжливѣе; и повезуть васъ быстрѣе за обѣщанное лишнее награжденіе. Ничуть не бывало! Не смотря на молодую природу, падкую на средства, могущія доставить возможность удовлетворить пуждамъ и желаніямъ, малый никогда не позабудетъ, что тройка принадлежитъ хозяину. Пожалуй, онъ начнетъ яростно размахивать кнутомъ, громко покрикивать и посвистывать, подниметъ тройку въ галопъ, но этотъ галопъ не стѣбитъ и порядочной рыси, а удары, вмѣсто того, чтобы принести ожидаемую отъ нихъ пользу, только шкрябать лошадиныя бока.

— Что это ты только мухъ сгоняешь, а не бьешь лошадей, зачѣмъ вы ямщику; поѣзжай скорѣе.

— Да и то ѣдимъ, будто перцу лошади объѣлись, отвѣтитъ онъ. Нельзя шибче ѣхать.

— Почему?

— Телега плоха.

— Зачѣмъ же ты взялъ такую телегу?

— Не я взялъ; она сама себя взяла, очередная была, а другихъ кромѣ фельдгерскихъ не нашлось.

— Такъ мы этапъ и голову, пожалуй, можемъ сломать.

— Зачѣмъ же голову ломать, отвѣчаетъ флегматически ямщикъ: вондсадиться маленько можно, а голову ломать не хорошее дѣло.

Вполнѣ увѣренные въ непрочности телеги, вы рѣшаетесь ѣхать маленькой рысью, даже приказываете объѣзжать осмотрительно колена и выбоины; но вотъ за вами раздается вдали звукъ колокольчика и начтваетъ долетать все слышнѣе, все ближе. Ямщикъ вашъ привстаетъ на облучкѣ и поворачивается. Съ вашею повозкою равняется другая тройка.

— Что, Ванюха, стекло что ли везешь? кричитъ насмѣшливо вашему ямщику поравнявшійся съ вами ямщикъ. Смотри-ка, у лошадей-то твоихъ копыта никакъ отпали.

Но Ванюха не дослушалъ послѣдней насмѣшки, онъ уже подобралъ вожжи, онъ уже присанился, и лошади его, сперва бѣжавшія очень лѣтливо подъ частыми ударами кнута, будто переродились; онѣ будто пролинулись одинакимъ негодованіемъ, одинаково оскорбились невыгоднымъ зачѣпаніемъ. Ваша тройка понеслась, поравнялась, перегоняетъ другую тройку.

— Что, далеко уѣхалъ на своихъ коровахъ? кричить въ свою очередь Ванюха.

— Тише, кричите вы, тише: вѣдь телега плоха.

— Поживетъ еще, покуда мы натѣшимся, отвѣчаетъ Ванюха, котораго задѣла за ретивое насмѣшка ямщика не его станціи.

Съ людьми, которые въ-правѣ требовать отъ ямщиковъ быстрой ѣзды, они употребляютъ другую уловку. Стоить вамъ только замѣтить посадку ямщика на облучкѣ. Онъ садится къ вамъ полубокомъ, и внимательный взглядъ его, совершенно для васъ незамѣтно, слѣдитъ за каждымъ вашимъ движеніемъ. Чуть вы задумались или вздремнули не-яного, рысь уже поубавилась, постромки пристяжныхъ *хлябаютъ*, говоря ямщицкимъ языкомъ. Но чуть вы приподняли голову, въ ухахъ вашихъ раздается возгласъ:

— Что уши-то развѣсили, лодари!

И снова лихорадочнѣе и тревожнѣе зазвенитъ колокольчикъ, и пыль снова гуще окружитъ васъ облакомъ.

Иногда случается, что усталыя пристяжныя начинаютъ отставать, бить задомъ о передъ телеги, спотыкаться: ямщикъ отвзываетъ постромки и доѣзжаетъ до станціи на парѣ или иногда на одной коровной.

Людямъ, проѣзжающимъ часто по одному и тому же почтовому тракту, случается иногда ѣздить съ ямщикомъ, уже знакомымъ. Путникъ спрашивается о лошадяхъ, на которыхъ онъ не разъ катался, и получаетъ въ отвѣтъ.

— По скорой надобности недавно на дорогѣ совѣмъ подгуляла!

— Какъ подгуляла?

— Пала.

— Славный былъ конь!

— Ужъ, то есть, такой, что какъ роднаго жаль. Да ужъ видно такъ на роду написано.

— Жаль тебѣ было?

— Просто вонилъ, какъ по женѣ, я шестьдесятъ рублей не сладки были. Вѣдь такая пригожая была, что съ кнутомъ никогда не зналась! Такъ иногда развѣ только изъ ласки ее приударить.

Зато, какъ любо смотреть со стороны на ямщика, когда онъ, заложивъ на бекрень свою маленькую шляпу съ павлиньимъ перомъ, чудно какъ-то держащуюся на правомъ ухѣ, скинувъ поддѣвку, въ красной рубахѣ, выпрямивъ во весь ростъ, мчится по большой дорогѣ. Такъ и приходить тогда на память пѣсня, сложенная на ямщикомъ праздникъ со-держателя петербургской губерніи:

Въ кольца шен, въ стрѣлы ногн!
 Трогай! путь великъ...
 Горы рѣки, прочь съ дороги!
 Русскій я ямщикъ.

Сильнѣе самаго хорошаго вознагражденія дѣйствуетъ на ямщиковъ, что бы вы думали? Угрозы, принужденія, скажете, можетъ-быть, вы — вичуть не бывало! Кричите сколько вамъ угодно, отъ ямщицкаго гнѣву и свисту у васъ заболятъ уши, но дѣло ни сколько не подвинется. Видно ямщицкія лошади такъ особенно созданы, что очень хорошо понимаютъ желанія своего хозяина. И такъ, что же иногда заставляетъ ямщиковъ выказывать всю свою удалъ и всю прыть своихъ коней, безъ всякой надежды получить хорошую плату, и вихремъ скакать извѣстное пространство, не разбирая ни иней, ни колодь, не повинаясь вашимъ приказаніямъ, вашимъ просьбамъ побережъ и себѣ и вамъ голову. Слабость, общая всему человѣчеству слабость — самолюбіе! Даже старымъ ямщикамъ, порастрясшимъ порядочно свои кости, слабость эта не чужда. Мысль, что въ деревенскихъ хоровахъ оглянутся на его громкую пѣсню, подвигаетъ его осанкѣ и конямъ, и скажутъ: «Глянь-ка, глянь-ка, ишь какъ Андриюху-то лѣшіе несутъ,» — дорожке для него надежды получить двойные прогоны. Прозваніе ухаля и молодца доставляетъ ямщику въ хоровахъ и на посидѣлкахъ лучшій почетъ и пріемъ и готовитъ ему въ будущемъ званіе ямщицкаго старосты.

Сонъ у ямщиковъ чутокъ, непогода для нихъ не существуетъ. Въ какое бы позднее время ночи ни раздался звукъ колокольчика и ни припеслась тройка къ почтовой избѣ, очередной ямщикъ чрезъ минуту уже готовъ; дрема уже совершенно его оставила, и онъ везетъ васъ, не чувствуя ни ливня, ни мороза, который заставляетъ васъ иногда жаться и дрожать въ вашей повозкѣ. Колючій иней бьетъ ему въ глаза, сляплетъ ихъ, въ лицо ему дуетъ вѣтеръ; но свыкшійся съ ними взоръ все видитъ передъ собою, и вашъ ямщикъ ловко минуетъ растаяныя по дорогѣ неуравильною линіею обозы.

Пробавивъ нѣсколько времени и выказавъ каждый свои особенности, ямщики, какъ американскіе дикари, получаютъ прозвища по своимъ личнымъ качествамъ, и изъ Ванюхъ, Тимошекъ, Ларекъ — превращаются въ отвагъ, въ грозы, въ увальни, въ растопыри, и тому подобные. Данное названіе мѣтко опредѣляетъ каждаго изъ нихъ, и остается уже какъ бы собственнымъ именемъ на всю жизнь, не переходя впрочемъ отъ отца къ сыну. Такъ у Увальня можетъ выйти сынъ Гроза или Отвага, а у Отваги и Грозы, Растопыр или Увальень. Отвагамъ и

Грозанъ предоставляется почтѣ возитъ эстафеты, фельдъегерей и курьеровъ, а Растопырякъ и Увальнякъ степенныхъ людей и дамъ, не выдающихъ поэзи въ быстротѣ и скорости.

У Отвагъ и Грозъ приемы всегда ухорскіе, лошади бойкія, словно налитыя ртутью. Такимъ ямщикамъ кажется все ни почемъ, и они не призадумаются даже промчатъ васъ вскачь хотъ по натянутой струнѣ.

Садясь на облучекъ и будто собираясь на вѣрную смерть, онъ, прощаясь съ товарищами, лукаво проситъ не поминать его лихою, и съ возгласомъ:

— Ой-вы, милыя, чтобы вамъ бѣло и пило! съ добавленіемъ иногда:

— Ну, ваше благородіе, извольте только держаться теперь крѣпче за землю! поднимаетъ тройку съ самаго мѣста вскачь, перекидываясь словами и прибаутками съ встрѣчающимися крестьянками и крестьянами.

— За двойные, что-ли, Отвага, катаешь? спрашиваютъ его прохажіе, двясь быстротѣ, съ которою онъ несется.

— У насъ, все за двойныя, такой ужъ норовъ! отвѣчаетъ на всемъ скаку Отвага, поощряя лошадей ласковыми словами:

— Ну вы, родные, алы забыли, какъ прежде любили... Ой вы купчики мои, голубчики!.. О, ту, ту, ту-т-у-у!.. Фт! Эй, съ горки на горку, баринъ дастъ на водку. Охъ вы соколики... волки, волки... улепетывай, не давай костей, береги для гостей... Батюшки! грабать! Иногда, видя, что лошади не вполне соответствуютъ его нетерпѣнію, онъ обращается къ нимъ съ выговорами, и стегая то легко, то сильно кнутомъ ихъ спины, грозно покрикиваетъ:

— Ты куда, лѣшій, въ сторону, морду воротишь, алы тебѣ тамъ стойломъ запахло? Что ты, вахлякъ, думаешь, спину что ли тебѣ росписать не съумѣю?... Ахъ ты хомякъ!

И лошади, какъ бы понимая и нѣжность и упреки, мчатся во всю мочь. Вамъ тряско, не спокойно; предъ вами косогоръ, неровный и бугристый; васъ тревожатъ опасенія. Вы говорите Отвагѣ:

— Таше, осторожьте, смотри, какаа крутизна, можемъ опрокинуться...

— Не къ верху полетимъ, а къ низу, отвѣчаетъ, остря, Отвага: семи смертей не бывать, а одной не миновать... Сколько разъ бѣжали, да Богъ миловалъ... Авось! Эй, вы, малиновыя...

И съ утѣшительнымъ *авось*, глядишь, вы уже внизу косогора, вы уже наслаждаетесь ямщицкою пѣснью. Ямщицкія пѣсни двухъ родовъ: однѣ могутъ быть нескончаемы, какъ лежащая передъ вами дорога, и состоятъ изъ однихъ звуковъ, въ родѣ слѣдующихъ:

О, о, о, о — ахъ!.. и, и, и — и — ихъ?..

И, и, и, и — а! о, и, и, о!..

или:

Ахъ, ма! да а, ахъ, ахъ!

А, а, ахъ, охъ ты.

Охъ ты, ну, ну, да.

Да—а, да, да, да, о — охъ!

Съ такимъ единственнымъ напѣвомъ можетъ васъ довести ямщикъ отъ Петербурга до китайской границы. Въ другихъ пѣсняхъ бываетъ мысль, бываетъ иногда даже рима, и та пѣсня большею частію говоритъ про любовь, про разлуку, про судьбу безталанную. Подстоличнымъ ямщикамъ известны даже многія пѣсни, поющіяся въ гостиныхъ, *тройка, ахъ бы-вась я удалъ* и многія другія. За вѣрность мотивовъ ямщики не отвѣчаютъ.

Главное богатство ямщиковъ составляютъ ихъ лошади, и потому они имѣютъ о нихъ чисто родственное попеченіе. Ямщикъ никогда не подумаетъ сперва о себѣ, но всегда прежде о лошадяхъ. Разговоритесь съ нимъ о его коняхъ, и онъ будетъ вамъ рассказывать объ нихъ съ охотою, съ увлеченіемъ.

Почти всѣ ямщикія лошади имѣютъ также свои прозвища. Иногда случается вамъ вдругъ услышать возгласъ:

— Ну что, Алена Петровна, призадумалась!..

Это прозвищъ вашъ ямщикъ, постигивая пристяжную, не много отставшую.

— Что за странное такое имя далъ ты лошади? спрашиваете вы.

— За добродѣтели, отвѣчаетъ ямщикъ: такъ мою хозяйку зовутъ. Правъ то—есть такой, что умрешь не разстанешься. Вѣжливая, *лестная, стебиуть* не нужно, только подумать, такъ словно съ жаровни соскочить... Однимъ-словомъ—животъ!.. Вотъ тотъ, что въ корню, такъ другое дѣло, подлець и шельма большая, на чести ничего не сдѣлаетъ, все наровить, чтобъ ему напомнили. А вотъ эта, налѣво, пристяжная, напришѣръ, Жила прозывается. Ты, то-есть, что съ ней ни дѣлай, ничего въ толкъ ни возьметъ; все зажилить да надуть тебя *хочеть*; *стебанешь* ее, кажется такъ и кинется впередъ, держись только постройки, а на дѣлѣ муха глядишь больше свезеть... Вотъ за это она ужъ въ третьихъ рукахъ жила...

Ямщики не смотрятъ на наружную красоту лошадей и не заботятся объ ихъ тучности; они цѣнятъ въ нихъ только силу и крѣпкія, непогрѣжденныя ноги. Бѣльмо, повисшія уши, безхвостость не считаются пороками, и иногда тройка, похожая съ виду на остовы, *обдрануыя ко-*

жею, покупается дорожка съ виду бодрой и статной тройки. Тридцать, тридцать пять верст проскакать иной тройкѣ ни почемъ. Не опасаясь западу, ей тотчасъ же дають кормъ; поятъ горячую, и она часа черезъ три снова готова мчаться на такое же разстояніе. Есть ямщики, которые берутся везти путешественныхъ за шестьдесятъ, за семдесятъ верст не кормя. Это бывають ямщики, называемые сдаточными, или вольными.

Сдаточные или вольные ямщики—люди особеннаго рода, нѣсколько не похожіе на ямщиковъ, гоняющихъ почту и ѣдущихъ за прогоны по подорожнымъ. Это настоящіе торгаши, готовые прижать васъ при первой возможности, особливо когда изъ вашего нетерпѣнія замѣтять необходимость скораго отъѣзда. Вы прѣзжаете на станцію, лошади всѣ въ разгонѣ, обратныхъ скоро не предвидится. Вы спрашиваете: нѣтъ ли вольныхъ?

— Есть, отвѣчаютъ вамъ и приводятъ.

Разстояніе до слѣдующей станціи верстъ пятнадцать, дорога хорошая, поклажи у васъ нѣтъ...

— Что возьмешь довести?

— Пять рублей.

Казенныхъ прогоновъ приходится гораздо меньше. Вы начинаете увѣщевать, представлять свои доводы; на нихъ вольный ямщикъ будетъ только отвѣчать:

— Вѣдь мы, ваше благородіе не неволимъ. Ваша воля ѣхать и ваша воля остаться...

— Да за что же такъ дорого? повторите вы.

— Работа того стоитъ. Люди дороги. Ёзда рѣдкая, отвѣчаетъ ямщикъ.

Не старайтесь искать троекъ дешевле у другихъ ямщиковъ: цѣна у всѣхъ будетъ одинаковая.

Они уже сговорились всѣ въ одну минуту и не выдадутъ другъ-друга. Вамъ ждуть рѣшительно некогда; вы рѣшаетесь заплатить, что требуютъ, и спрашиваете:

— По-крайней-мѣрѣ, во сколько времени ты меня доставишь?..

— Живѣ птицы, ваше благородіе.

— А какъ примѣрно?

— Какъ Богъ велитъ; лошади вѣдь у насъ добрыя,—скоро доѣдемъ.

— Хороша тройка?

— Перваго сорту, извольте взглянуть, вотъ стоитъ.

Тройка въ-самомъ-дѣлѣ хорошая. Вы приказываете запрягать, выходите, смотрите, — лошади не тѣ.

- Да это не тѣ лошади, замѣчаете вы.
 — Тѣ самыя, батюшка, отвѣчаютъ вамъ.
 — Тѣ были гнѣдыя, а эти пѣгій...
 — Да тѣ, нужно вашей милости доложить, Ивановы...
 — Тамъ гдѣ-жъ Иванъ?
 — Бѣать ему не привелось, жеребій не вычалъ... Да ужъ останетесь довольны.

Не возставайте лучше противъ жребія. Жребій у ямщиковъ печатается дѣломъ священнымъ...

Очень часто ямщики берутся возить на часы, и какъ бы ни казался вамъ невозможнымъ ихъ вызовъ по пространству и скорости, не сомнѣвайтесь: есть тройки, которыя дѣлчатъ вѣсь двадцать-пять, двадцать-шесть верстъ въ часъ. Вы показываете ямщику часы.

— А что если ты провезешь болѣе условленнаго времени? спрашиваете вы.

— Денегъ ни копѣйки не возмемъ, отвѣчаетъ онъ.

И точно, часъ въ часъ, миута въ минуту, вы у цѣли вашего путешествія. Вы расплачиваетесь, прибавляете на водку. Ямщикъ стоитъ предъ вами, снявъ шапку и почесывая затылокъ.

— Ну что еще тебѣ? спросите вы...

— Да прибавить бы нужно, ваше благородіе; животы совсѣмъ заморилъ.

— Зачѣмъ вызывался?

— Да ужъ ей Богу только для вашей милости; для другаго, кажись, за тройные бы прогоны такъ не погналъ. Пади лошадь на дорогѣ, ничего бы за свое добро не могъ требовать.

Вы припоминаете стихи поэта:

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
 Вставшій съ ранняго утра
 И загнать готовый тройку
 За полтину серебра?

И прибавляете еще кое-что вашему вожатому, котораго лошади вѣсь самою-дѣлѣ еле-еле дышутъ и самъ онъ истекаетъ предъ вами потомъ, стоя въ овчинномъ тулупѣ, подъ палящимъ іюльскимъ солнцемъ. Прибавьте вы хоть одну лишнюю гривну къ данному вами, ямщикъ вполне доволенъ: въ ихъ натурѣ большаго корыстолюбія нѣтъ, хоть мелочное желаніе зашибть лишнюю копѣйку и существуетъ. Иногда, отъѣхавъ отъ станціи версты четыре, ямщикъ вашъ вдругъ останавливается и обращается къ вамъ съ просьбою позволить довести до ближайшей деревни

на облучкѣ больного родственника пѣшехода, на котораго онъ вамъ указываетъ. Вы соглашаетесь. Родственникъ ѣдетъ съ вами мимо многихъ деревень, и слѣзаетъ лишь за версту или полверсты отъ станціи. Ящикъ опять останавливается. Родственникъ лѣзетъ въ карманъ...

— Пять копѣекъ сдачи есть? спрашиваетъ онъ у ящика.

— Нѣту-ти; да давай: на станціи отдамъ, отвѣчаетъ ящикъ, кладя за пазуху какой-нибудь четвертакъ.

Тутъ только вы догадываетесь о настоящей причинѣ участія вашего возникшаго.

— Такъ вотъ какикъ ты родственниковъ возишь, плутъ, замѣчаете вы.

— Виновать, ваше благородіе, о себѣ лукавый шепнулъ подумать. Дѣло рабочническое, почти изъ одной чести служу, а тутъ невѣста есть на примѣтѣ, а какъ своей тройки нѣтъ, такъ отецъ и слышать не хочетъ объ замужствѣ. Чтò ты, говорить, мнѣ за зятя, когда жену въ церковь на наемныхъ повезешь.

— Неужели ты думаешь много набрать двугривенными на тройку? дѣлаете вы замѣчаніе.

— Въ годъ мало наберу, въ два года можно побольше, а въ десять лѣтъ совсѣмъ тройку собрать.

— Да въ это время твоя невѣста можетъ раза два выйти замужъ, замѣчаете вы влюбленному.

— Такъ чтò-жь? отвѣчаетъ онъ: другую найдемъ. Нашему брату, ваше благородіе, только чтобы баба была. Есть баба и кони, и все хорошо.

Не удивляйтесь такому убѣжденію. Въ ящицкомъ, какъ и въ крестьянскомъ быту, хозяйка въ домѣ — главное дѣло, и особенно въ домѣ ящика, въ которомъ онъ бываетъ не постояннымъ жильцомъ...

В. ТОКВИЦЪ.

ПЕТЕРБУРГО—МОСКОВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

(Письмо къ другу.)

Наконецъ и я въ Москвѣ! я, врагъ путешествій всякаго рода, которому такъ трудно было отказаться отъ своего домашняго комфорта. Ты спросишь, какимъ чудомъ перенесся я во вторую столицу? Отвѣчаю тебѣ, что это было дѣйствительно чудомъ, — потому-что я не умѣю назвать иначе этого исполинскаго сооруженія, приведеннаго въ исполненіе человѣческимъ умомъ, заслуги котораго составляютъ эпоху въ нашей исторіи.

Я ѣхалъ въ Москву съ людьми, путешествовавшими по всей Европѣ; я говорилъ съ лицами, разѣзжавшими по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ; я слышалъ разказы инженеровъ, специально изучавшихъ устройство дорогъ этого рода, — и вотъ одно общее, безпристрастное, единодушное мнѣніе: наша желѣзная дорога — вершъ совершенства, красоты, прочности; въ ней соединено все, что опытъ и улучшеніе многихъ лѣтъ нашли необходимыми примѣнить къ подобнымъ постройкамъ; она вполне удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, даже прихотямъ, отстраняетъ всѣ неудобства, доставляетъ все то, чего можно желать отъ такого великаго сооруженія.

Хотѣлось бы мнѣ описать тебѣ въ подробности эту удивительную дорогу, эти тридцать-четыре станціи, эти мосты, вѣдуки, насыпи, прорѣзы горъ исполинскія, вѣковыя работы, въ которыхъ надо было бороться съ величайшими препятствіями и затрудненіями, но подробное описаніе этихъ чудесъ за няло бы слишкомъ много мѣста и времени, потребовало бы слишкомъ много данныхъ, которыхъ у меня нѣтъ подъ рукою; и къ тому же я спѣшу передать тебѣ только собственные свои ощущенія и впечатлѣнія во-время поѣздки по петербурго-московской желѣзной дорогѣ.

Но даже и въ этомъ случаѣ, говоря только о себѣ, я вижу, что принимаю на себя обязанность, которую очень трудно выполнить. Инди-

видуальныя впечатлѣнія мои, также какъ и всѣхъ моихъ товарищей путешествія, можно выразить нѣсколькими словами: мы были въ постоянномъ восхищеніи во все время, на каждомъ шагу, при каждой остановкѣ, и если непріятныя ощущенія челоѵка очень разнообразны, то его удовольствіе и восхищеніе выражаются одинаково и однообразно, а наполнить письмо одними междуметіями или коротенькими фразами съ длинными восклицательными знаками—было бы странно и смѣшно. Постараюсь однакоже дать тебѣ самое неполное понятіе о моей поѣздкѣ въ Москву по желѣзной дорогѣ.

Великолѣпіе петербургской станціи тебѣ извѣстно. Не думаю, чтобы нашелся петербургскій житель, не видѣвшій, хоть изъ одного любопытства, этого прекраснаго зданія, не заглянувшій на его внутреннее устройство, не полюбовавшійся на образцовый порядокъ этого дебаркадера. Ровно въ 11 часовъ утра тронулся нашъ поѣздъ, провожаемый густою толпою знакомыхъ и родныхъ тѣхъ путешественниковъ, которые отправлялись въ двадцати-двухъ-часовой вояжъ.

Съ самыхъ первыхъ станцій мы были уже въ совершенномъ восторгѣ отъ желѣзной дороги. Я ѣхалъ съ извѣстнымъ тебѣ и уважаемымъ всѣми нами А. А. Противъ насъ помѣстился почтенный старичокъ съ миленькой дочкой, только что вышедшей изъ института. Можешь вообразить, что она чувствовала, перенесаясь почти прямо со школьной скамейки въ вагонъ желѣзной дороги!.. Бесѣда наша была непринужденная, разнообразная, занимательная.

Мы неслись съ быстротою птицы, безъ малѣйшаго потрясенія, легко, плавно, какъ по воздуху; мимо оконъ мелькали картины нѣгерманландской природы, нелишенные своего рода поэзіи, несмотря на ихъ однообразный колоритъ. На станціяхъ пассажиры выходили, гуляли или закусывали; вездѣ составлялись кружки, закипали разговоры, полные современныхъ интересовъ; мѣстами мы принимали новыхъ пассажировъ, или выпускали старыхъ, отправлявшихся по окрестнымъ деревнямъ; все было весело, оживлено, настроено къ самымъ пріятнымъ ощущеніямъ; теплый и даже жаркій день разогрѣвалъ сердца самымъ отраднымъ чувствомъ, и потому мимо оконъ вагона начали мелькать поля, терпяшіяся въ синеватой дали, нивы, облитыя лучами солнца, села и деревни, сторожевыя едошки, пустыри, болота; подъ колесами вагоновъ гремѣли мосты; широко, далеко развивалась съ обѣихъ сторонъ живая панорама, и паровозъ, несясь впередъ, наводилъ на всѣ члены какое-то легкое, пріятное утомленіе. И мысли въ головѣ, и чувства на сердцѣ смѣнялись также скоро, какъ окрестныя виды, и съ такою же быстротою уносились все вдаль, и все впередъ прихотливыя грезы воображенія.

Существованность доложила намъ о себѣ однакоже на Маловишерской-станціи, гдѣ мы остановились объѣдать, и гдѣ за сходную цѣну накормили насъ соразмѣрно. Потомъ опять потянулась перелѣ глазами таже панорама, въ головѣ таже вереница мыслей. Самая ночь не прекратила боѣды, не притупила ошущеній; немногіе изъ пассажировъ заснули въ эту ночь: на это надо особенное умѣнье, или особенный положительный характеръ. Большая часть путешественниковъ, одолгѣваемыхъ на нѣсколько минутъ дремотою, страхивали ее съ себя при каждой остановкѣ на станціяхъ, и опять заводили непринужденный разговоръ съ сосѣдями, или *vis-à-vis*, немножко посмѣиваясь надъ поклонниками Морфея, принявшими во снѣ разнообразныя, хотя и не всегда живописныя вязы.

И зато какъ картинно было восхожденіе солнца надъ поѣздомъ желѣзной дороги! Это я уже рѣшительно отказываюсь описывать. Мнѣ пришла только въ эту минуту мысль о возгласахъ нашихъ поетовъ противъ прозябанности нашего вѣка вообще и желѣзныхъ дорогъ въ особенности. Мнѣ кажется, напротивъ, что паровозъ настоящая поэзія, возбуждающая въ сердцѣ самыя пріятныя чувства, въ головѣ самыя утѣшительныя мысли. Сознаюсь, что для меня въ паровозѣ гораздо больше поэзіи, чѣмъ во многихъ поэмахъ современныхъ стихотворцевъ, которые утѣютъ развѣ только шипѣть и свистѣть, какъ паровозъ.

Сдѣлаю теперь краткій перечень замѣчательнѣйшихъ мѣстъ по желѣзной дорогѣ, и прежде всего замѣчу, что она идетъ вовсе не такъ прямо, какъ полагають нѣкоторые, и что, разумѣется, придаетъ ей еще болѣе картинности и разнообразія. Есть высокіе и довольно крутые подъемы въ гору, какъ напримѣръ при станціи Веревьянской, за Вышнимъ-Волочкомъ, и подъѣзжая уже къ Москвѣ, за Крюковскою станціею. Между Валдайской и Березинской станціями лежитъ самое высокое мѣсто дороги, при деревнѣ Кузнецовой, возвышающейся на 750 футовъ надъ уровнемъ Балтійскаго-моря. За Вышнимъ-Волочкомъ дорога поворачиваетъ довольно круто къ сѣверо-востоку; за Тверью, между станціею Кузьминской и Завидовской, дорога дѣлаетъ даже нѣсколько поворотовъ, направляясь то къ С. В., то къ Ю. В.; за Клиномъ также. Замѣчательнѣйшіе мосты: черезъ Тосну, Тигоду, Рабонь, Керестъ, Волховъ, у Соснинской-пристанн (одинъ изъ лучшихъ видовъ дороги), Мсту (образцовая великолѣпная постройка); Шагрина и Тверцу (также удивительное сооруженіе). Виды у Клина, подъ Тверью, и подъѣзжая къ Москвѣ прекрасны.

Вся дорога въ Москву кажется какинъ-то сномъ. Это огромное разстояніе, проглоченное въ одни сутки, производитъ на душу смутное впечатлѣніе. Все какъ-то не вѣрится, что я проснулся въ Москвѣ, что

теперь она передо мною, съ ея странными улицами, непохожими на петербургскія, съ ея живописными видами, въковыми воспоминаніями, семисотлѣтнею давностью. Но описывать Москву я теперь не въ состояніи, и сдѣлаю это—когда нибудь современемъ, собравшись съ мыслями, также какъ и описаніе моей поѣздки въ Р^{***}, оставившей во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія, которыми я въ особенности одолженъ одному рѣдкому семейству. Теперь въ моей головѣ одна желѣзная дорога, и я могу говорить только объ ней, хотя, окончивая письмо, чувствую, что не сказалъ почти ровно ничего.

Не могу однакоже не прибавить, что стыдно будетъ тому изъ жителей Москвы или Петербурга, кто не сѣздитъ въ одну изъ столицъ русскаго царства, если не случилось ему прежде увидѣть ее. Теперь въ Москву сѣздитъ также легко, какъ въ Павловскъ, также удобно, какъ сдѣлать прогулку въ окрестности Петербурга:—два дни въ дорогѣ, три въ Москвѣ, для обозрѣнія всѣхъ главныхъ достопримѣчательностей, — и этого довольно. Въ пять дней вы сдѣлаете слишкомъ тысячу двѣсти верстъ, и привезете въ Петербургъ множество новыхъ, пріятныхъ и разнородныхъ впечатлѣній. Впрочемъ уже эта дорога сблизила до того наши столицы, что онѣ поминутно наполняются пріѣзжими и гостями. Умъ теряется, представляя себѣ послѣдствія этого благотѣльнаго сооруже-
нія....

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ НОВЪРЪЯХЪ.

7. ВОЛШЕБНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Преданіе моголевской, минской и витебской губерній.

Гдѣ-то, — помнится, — старики баяли мнѣ въ веселую годину, или нянюшка моя родная напѣвала мнѣ еще надъ колыбелью моею, — гдѣ-то, будто въ нашихъ земляхъ, бѣлорусскихъ странахъ, непроходимые лѣса росли и въ поднебесьи широко, прѣвольномъ перешептывались они съ тихими южными вѣтрами вѣчно-зелеными своими вѣтвями; а въ тѣхъ лѣсахъ непроходимыхъ, въ чащѣ дубовыхъ и кленовыхъ деревьевъ, — выслались крутыя горы, высокія-превысокія, и остроконечными своими верхами упирались въ облака надземныя и твердь небесную.

Межъ высокими горами славилась сказками и разсказами о кладѣ зарытыхъ-заклятыхъ гора, высочайшая изъ высокихъ; *знахари** и баяны называли ее *горою-стекляною*: — такова ужъ сказка про нее бѣлорусскихъ людей.

На горѣ той высокой стоялъ замокъ изъ замковъ, замокъ каменный, неприступный, весь обнесенный скалами и цвѣтущими садами... Замокъ чудный, дивный былъ, — ни придумать, ни угадать, только въ сказкѣ сказать... Чего — чего тамъ не было: и птичекъ Божіихъ вся-

* О *знахаряхъ* подробно объяснено въ моей статьѣ — о *вовакалахъ*. См. - Москвитинъ - 1853 г. № 5.

нихъ, и деревецъ съ цвѣточками огненными, и звѣрьковъ четвероногихъ и двуногихъ, и ручеевъ съ пресладкой водицей, и дорожекъ золотистыхъ, хрустальновидныхъ: недоставало лишь птичьяго молока...

Жилъ въ томъ замкѣ невиданной—неслыханной красы молодець, богатырь непроходимыхъ лѣсовъ; ума разума его и въ сказкѣ не рассказать; ну и прозвали за то его: Чудо-Краса, Разумъ-Разумовичъ...

Много дивъ разсказывали про разумаго богатыря, много слуховъ носилось по бѣлорусской землѣ про Чудо-Красу; многимъ видѣть его хотѣлось, — а не то и послушать сладкихъ медовыхъ его рѣчей. Да неприступенъ онъ былъ со своимъ замкомъ; нельзя было добраться къ нему съ человѣческой силою, съ простымъ умомъ: только и было у людей, что хотѣть хотѣли, а привести въ исполненіе хотѣнья своего не умѣли...

Долетѣла вѣсть о Чудо-Красѣ, Разумѣ-Разумовичѣ до колдуньи Ятаги, бабы старой, съ кошачьей головой, сестры родной вѣдьмы Яги. Долго думала Ятага, какъ бы заманить въ свои хоромы разумника богатыря и *зачаровать* его себѣ въ сердечные друзья: не выдавши ужъ полюбила молодца баба Ятага. . Да бѣда вѣдь та, что Чудо-Краса, Разумъ-Разумовичъ нелюдимъ, говорятъ, былъ, и найти себѣ по душѣ красавицы не могъ: много ѣздилъ онъ по бѣлому свѣту, всѣ моря и океаны облетѣлъ, а сердечной красы не нашелъ себѣ, и заперся съ-тѣхъ—поръ молодець въ свои замковые палацы и не хотѣлъ вести рѣчей ни съ кѣмъ изъ сосѣдей и далекихъ гостей.

Но задумала Ятага... и поставить на своемъ клятвой чаръ поклялась: хоть гори весь свѣтъ, а ужъ должно быть по ея; такая упрямая баба была колдунья Ятага!

По сосѣдству съ Чудо-Красою жилъ знахарь-колдунъ, пребольшой злодѣй; ненавидѣлъ онъ Разума-Разумовича за богатство его несмѣтное и за то, что не пускалъ онъ его въ свои лѣса и на скалистыя горы... У колдуна-знахаря были двѣ дочери. Ужъ какія красавицы онѣ были—право трудно было лучше ихъ найти; дивились всѣ, что краса-молodeць не могъ встрѣтить ихъ нигдѣ и выбрать себѣ въ жены одну изъ нихъ... А красавицы были хоть куда; все различіе межъ сестрами было въ томъ, что у одной черная коса, у другой бѣлорусая, золотистая, какъ ленъ...

Знала баба Ятага, кошачья голова, что враждуетъ на красу-молодца злой чародѣй, и затѣяла еще болѣе вооружить колдуна противъ Разума-Разумовича...

Оборотилась Ятага въ муху жужжащую и полетѣла на Стекланную-гору, въ дивный замокъ богатыря, и очутилась въ палатахъ неприступ-

него красы-молодца... Разумъ-Краса кушать изволялъ... Вдругъ застаетъ нуха незамѣтно, и подкравшись тайкомъ невидимкой къ столу, всыпала въ молоко *гелье-приворотное*, истолченное въ порошокъ.

Разразилась хохотомъ Ятага и исчезла въ ту же минуту, какъ нелилъ молока Разумъ-Краса: рада была, что успѣла зачаровать молодца.

Вотъ и пошла бѣда за бѣдой на горѣ Стегляной, въ замкѣ величавомъ; въ сердцѣ молодца закралась тоска, и ни вѣдать ни знать, откуда гѣрестъ напала такая на молодца.

Не сидится Разуму-Красѣ дома: что-то манитъ его къ предѣланъ колдуна; чуетъ сердце его, что найдетъ онъ тамъ себѣ красавицу-жену. Задумалъ думу и пошелъ къ колдуну-знахарю...

Не прошелъ и полшута, какъ на дорогѣ ему, у Сняго-ручья, встрѣчается красавица-дѣвица, *Руса-Косица*: то была дочь злодѣя, враждебнаго чародѣя...

Остановился въ изумленіи Разумъ-Краса; остановилась въ раздумьи бѣлолицая дѣвица и опустила свои ясныя, голубыя очи... кровь заиграла въ сердцѣ,—не тронется съ мѣста суженая невѣста...

— Ахъ, красавица дѣвица! воскликнулъ наконецъ Разумъ-Краса: откуда шлетъ тебя навстрѣчу мнѣ моя судьба? Исходилъ я весь свѣтъ, извѣздилъ весь міръ земной, а не видѣлъ красы такой, какъ ты, бѣлолица, *Руса-Косица*... Расскажи мнѣ, не стыдись, гдѣ живешь и какихъ родителей дочь?..

— Много знать хочешь, отвѣтила дѣвица: ты, красавецъ-гордецъ, и не думалъ, что могутъ быть такія, какъ я, на землѣ, вблизи замка твоего, что на Стегляной-горѣ... Такъ знай же и вѣдай, что за высокими твоими горами, за непроходимыми лѣсами, на песчаномъ берегу рѣки, живетъ пресловутый знахарь, родной мой отецъ, а твой недругъ; большой непріятель; кромѣ меня, есть у отца дочь другая, старшая красавица; значить насъ двѣ сестры... Но къ чему тебѣ все говорить? Не бывать ни мнѣ, ни сестрѣ женой твоей: не отдастъ за тебя ни одной изъ насъ чаровникъ отецъ... Ну, прощай Чудо-краса, Разумъ-молодецъ; мнѣ пора идти домой, загулялась слишкомъ долго я; ожидаетъ давно невинная сестра, и того-гляди, отецъ пошлетъ слугъ искать бѣглянку.

— Нѣтъ, красавица прекрасная! не пушу я тебя, пока не услышу доброй вѣсти изъ медовыхъ устъ твоихъ, что согласна ты быть моей женой и всѣхъ владѣній моихъ госпожей... Не могу я разстаться съ тобою, красная дѣвица, *Руса-Косица*: полюби меня, добра молодца, не страшись ты гнѣва своего отца... Я съумѣю тебя приласкать, приголубить; окружу тебя всѣми дивами; будешь ходить по цвѣтистому,

шелковистому лугу, по золотистым дорожкамъ, будетъ покойно твоимъ крошечнымъ ножкамъ; спать будешь на лебяжьемъ пуху... будешь слушать въ саду цѣннѣ райскихъ птичекъ; всѣ онѣ слетятся къ тебѣ и бѣлоснѣжными, серебристыми крылышками прильнуть къ груди, къ шейкѣ и къ розовымъ губкамъ твоимъ... Не разъ я позавидую тебѣ, что не могу быть птичкой и прильнуть всѣмъ сердцемъ къ сердцу твоему... Что-жь, красавица дорогая, не отвѣчаешь мнѣ? Милы ль рѣчи мои тебѣ, аль навсегда хочешь покинуть меня?..

— Хотя и милы мнѣ рѣчи твои, да отвѣтить теперь я не могу тебѣ... Если хочешь знать отвѣтъ, приходи завтра къ намъ: будетъ данъ тебѣ отвѣтъ, услышишь его самъ...

Разумъ-Краса чуть не бросился было обнимать красавицу дѣвицу... но красавицы не стало на мѣстѣ... сказавъ послѣднiя слова, она исчезла въ чащѣ глухихъ лѣсовъ...

Долго-долго стоялъ Чудо-Разумъ-Краса на одномъ и томъ же мѣстѣ, и ошопился ужъ тогда, какъ вечерняя заря засвѣтилась надъ его головой и туманная синева сѣтью раскинулась вокругъ него...

Воротился Разумъ-Краса въ замокъ дивный, и запершись въ золотыхъ палатахъ одинъ, думу сладкую думалъ всю ночь, а съ разсвѣтомъ дня на лихою конѣ помчался къ песчаному берегу рѣки, въ теремъ пресловутаго колдуна, раскрасавицы бѣлорусой отца...

У дверей встрѣтила молодца старшая дочь колдуна, невиданная краса: очи ясныя, какъ заря денницы, и какъ черное, блестящее дерево чорвая, предлинная коса...

Взглянулъ Разумъ-Краса на черняву дѣвицу, съ поклономъ на привѣтъ красавицы мимо бодро прошелъ, и прямо къ колдуну въ свѣтлицу — съ рѣчью молодецкою: сталъ просить у него позволенiя купить себѣ въ жены младшую дочь его, бѣлорусую, голубокую...

Разсердился колдунъ, что гордецъ сосѣдъ вздумалъ просить руки младшей дочери, вопреки старинному обычаю въ тѣхъ земляхъ, бѣлорусскихъ странахъ, и въ отвѣтъ на рѣчь молодецкую отвѣчалъ такъ:

— Смѣяться изволишь надъ нами, ты сосѣдъ богачъ; за такое оскорбленiе мечь объявляю я тебѣ родовую... будь готовъ защищаться: я найду на тебя всѣ нары мои и на помощь призову *гарцуковъ* * и русалокъ Ятагъ...

Сказавъ это, колдунъ скрылся. Изумленный Разумъ-Разумовичъ съ горемъ въ сердцѣ оставилъ теремъ колдуна, тѣмъ болѣе оскорбленный,

* О гарцукахъ см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. прибав. кн. 4, — статья мово-блорус. народ. повѣрья, — слово *гарцуки*.

что не могъ увидѣть красавицы блѣднорусой, и поклоняся въ душѣ—силою—неволей завладѣть сокровищемъ знахаря, безъ котораго жизнь ему казалась смертью.

Сѣлъ на коня и помчался по песчаному берегу рѣки въ свои непроходимые лѣса...

Но не успѣлъ онъ проскакать и полпути, какъ навстрѣчу къ нему бѣжитъ красавица—дѣвица и машетъ бѣлымъ платкомъ...

Остановился Разумъ-Краса, и не вѣря своимъ глазамъ, обратился къ дѣвѣ чудной съ вѣжными рѣчами.

Рассказала дѣва чудная про любовь свою къ нему, про горе тяжкое, которымъ томилась душа ея во все время разлуки съ нимъ, красавцемъ-богатыремъ.

— Что же дѣлать мнѣ? грустно спросилъ дѣву Разумъ-Краса. Посовѣтуй мнѣ, пожалѣй меня...

— Я готова быть женой твоей, отвѣчаетъ дѣва... Посади меня съ собой на коня и умчимся вмѣстѣ въ замокъ дивный твой, на Стекланую-гору...

Соскочилъ Разумъ-Краса съ вороного коня, и обвивъ дѣву милую рукою, посадилъ ее съ собою на лихаго бѣгуна и въ минуту прескакалъ въ золотыя свои палаты...

Ждетъ—не дожидется колдунъ младшей дочери своей... Заскрежетала злодей зубами отъ злости: силами чаръ своихъ догадался онъ, что соседъ богачъ похитилъ дѣтище его родное...

Но дѣлать нечего было... Нужно наказать похитителя... И вотъ колдунъ *оборотился* въ змѣя огненнаго и полетѣлъ къ Ятагѣ за совѣтомъ, какъ наказать Разума-Красу... Ятага никакъ съ-родни была колдуну—знахарю...

Обрадовалась Ятага прибытію змѣя-колдуна, и общала погубить дерзкаго Разума-Красу, но за то предложила колдуну выгодное для себя условіе...

— Изволь, сказала Ятага, наказать накажу я примѣрно его: я найду на него сонъ такой, что задумаетъ онъ отыскать въ Стекланой-горѣ своей кладъ заплотый, самой-большой, ну и погибнетъ онъ подъ горой, не видать ему затѣмъ жены своей... Да зато долженъ будешь ты отдать свою дочь похищенную на услуженіе мнѣ, на пять лѣтъ... Хочешь — соглашайся, а не то я не помощница тебѣ...

Согласился колдунъ на предложенное условіе, лишь бы только отплатить сосѣду-богачу...

Сбылось сказаніе Ятаги...

Въ одну ночь ненастную, темную, — видитъ сонъ Разумъ-Краса,

будто глубоко въ землѣ, подѣ Стеклоной-горой, стоитъ ибанный котелъ величины необъятной, весь горитъ какъ въ огнѣ, а въ срединѣ въ немъ дивнымъ свѣтомъ свѣтится алмазъ на алмазѣ, ахонтъ на ахонтѣ, безъ счета, безъ числа; никакъ нельзя всего добра перечестъ...

На зарѣ еще пробудился Чудо-Разумъ-Краса и покоя въ душѣ не находить; захотѣлось ему добыть кладъ земной; зависть и жадность овладѣли душой молодца: мало стало, вишь, для него всякаго добра своего...

— Добыть кладъ хочу! твердитъ онъ женѣ своей всякій день съ утра до поздней ночи... Не то умру съ досады и печали...

— Ахъ, Разумъ-Разумовичъ! Чудо-Краса! что затѣвать ты изволишь? такъ говорила Разуму жена, предчувствуя бѣду. Знать не мила я тебѣ стала, что погубить ты меня хочешь... Чуетъ сердце мое бѣдное, что Ятага злая готовить козни тебѣ: слышала я отъ отца-колдуна, что влюблена она въ тебя, и теперь разлучить меня съ тобою поклялась непременно... повѣрь мнѣ, душа-краса! Горько-горькое постигнетъ тебя, если ты не послушаешь меня, бѣдной жены своей, и пойдешь искать кладъ въ Стеклоной-горѣ той.. Не ходи искать клада! Ты погибнешь тамъ... Умоляю тебя, послушай меня, моя радость, мое утѣшеніе, моя душа-краса! — не ходи, не губи себя и меня...

Но слова любимой жены острѣй жала змѣйнаго отзывались въ душѣ Разума-молодца, и чѣмъ больше молила-просила его жена, тѣмъ пуше жажда приобрѣсть новое богатство овладѣвала душой богатыря... Рѣшилъ — искать клада, и ничто не могло овлечь его отъ такого рѣшенія...

Видитъ жена, что грозить ей бѣда, и со слезами, въ отчаяніи, проситъ мужа выслушать хоть послѣдній совѣтъ...

— Если ужъ такъ непреклоненъ ты въ своемъ рѣшеніи, такъ послушай же, что скажу я тебѣ... Знаю я, что не видѣться намъ съ тобою много лѣтъ — съ этого дня: такъ по-крайней-мѣрѣ, не забудь, какъ увидишь тамъ у клада стоять будетъ стеклянкой стражъ, чудище-большое, — не забудь разбить стекляное это чудище; хоть этимъ ты поможешь своему великому горю... Слышала я отъ отца, что чудище это — заклятой богатырь: Ятага превратила его въ стеклянкую-стекляницу (стеклянный сосудъ), чтобъ не могъ богатырь вредить чарамъ ея силою волшебнаго цвѣтка, который добылъ онъ по наслѣдству отъ силача *Злыдня*, похитившаго цвѣтокъ изъ *скарбницы* * Перуна, бывшего своего властелина.

* См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1852 г. Литер. Прибавл. № 3, — слово *Злыдземь*. Простонародье белорусское вѣритъ, что у Перуна есть *скарбница* (ларчикъ) съ разными волшебными приправами; этой скарбницей когда-то завѣдывалъ Злыдземь и потому свергнуть былъ съ неба Перуномъ за то, что похитилъ волшебный цвѣтокъ.

Кончила рѣчь свою бесѣду красавица жена, и рыдая безотрадно-горько, стала прощаться съ Чудо-Разумошъ-Красою...

Попрошались... Не безъ слезъ прощался и Разумъ-молодецъ... Наконецъ, махнувъ рукой, — выбѣжалъ онъ изъ палатъ золотыхъ своихъ, и собравъ дворчанъ съ топорами, вилами, заступами и мечами, спустился внизъ къ подошвѣ горы...

Ударили дворчане топорами, вилами, заступами и мечами въ Стекланую-гору... и поколебалась гора высокая въ своихъ основаніяхъ.. Ударилъ Разумъ мечомъ своимъ, и вдругъ, о диво! застонала земля страшно, завывли волки въ непроходимыхъ лѣсахъ, заревѣли медвѣди и львы... и въ добавокъ раздался вопль ужасный — не то женской, не то дѣтскій... «Быть бѣдѣ!.. говорятъ дворчане!.. не къ добру воютъ волки!..»

Но богатырь-краса не робѣетъ, и ободряя дворчанъ рѣчью своею, продолжаетъ разбивать мечомъ Стекланую-гору... Вотъ-вотъ разбить бы кажется гору, раза два ударить только мечомъ...

Замахнулся снова богатырь мечомъ... и гора затрещала... Искры огненные показались изъ отверстій горы... Потемнѣло небо ясное, налетѣли тучи со всѣхъ сторонъ... застонала пуще земля... и пронзительно закричала благимъ матомъ сова...

Грохнули перуны; молніи огненные озарили на минуту лица дворчанъ и богатыря... дрогнула гора и на двѣ части распалась... растворилась пропасть страшная и проглотила замокъ богатыря со всѣми его дубошъ, палатами и садами, и красавицею женою; исчезли дворчане въ пропасти, полетѣлъ въ бездонную глубину и самъ Чудо-Богатырь...

Что же случилось съ богатыремъ Разумошъ-Красою?.. Залетѣлъ Чудо-Разумъ въ самую бездну безысходную, непроходную; темнота мрачная вокругъ него; на дворчанъ его напали змѣи и совы крылатыя и разорвали ихъ на части, — не оставили костей, все до-тла поѣли... Туже долю горькую готовили змѣи—совы и богатырю Чудо-молодцу, но богатырь замахнулся мечомъ, и вдругъ—спустился, какимъ-то чудомъ, еще ниже въ пропасть...

Глядъ молодецъ, — предъ нимъ сонъ на яву: горитъ огнемъ несгаршимъ котель съ алмазами, весь наполненъ блестящимъ добромъ... Но приступить къ нему нельзя: змѣи, ужи и драконы желѣзными крыльями и огненными хвостами машутъ на всѣ четыре стороны и не пускаютъ Чудо-Разума пробраться къ заклятому кладу... Попробовалъ было Разумъ-Краса разогнать стражу волшебную своимъ мечомъ, да куда! ихъ и мечъ не беретъ... такъ и сыплютъ изъ пасти огненные искры... А сидитъ изъ драконовъ какъ свиснеть, да завизжитъ, такъ откуда вз-

лись вереницы русалокъ, и напавъ на красавца-молодца, стали щекотать его до-тѣхъ-поръ, пока не измучили до безчувства, и потомъ бросили его въ озеро-глубокое, заросшее тростникомъ остролиственнымъ...

Не видать, бы доброму молодцу свѣта Божья никогда, да спасло его то чудо, что уснулъ онъ богатырскимъ сномъ поверхъ озера стоячаго, поверхъ тростника растущаго... Спалъ онъ долго, нѣсколько лѣтъ спалъ онъ такъ... ну и проснулся наконецъ чрезъ цѣлыхъ пять лѣтъ: видно, спать прошла ужъ пора для него...

Пробудился Чудо-Разумъ... свѣту Божья не видать ни отколь... только гдѣ-то тамъ вдали блеститъ ярко—не то стекло, не то камень дорогой...

Вотъ подходитъ Чудо-Разумъ къ блестящему чуду: но не чудо то было, а чудище стекляное, стекляница-стекляная, о которой говорила богатырю любимая его жена...

Тутъ-то вспомнилъ нашъ молодецъ о своей женѣ и горько плакать сталъ — отчего не послушалъ совѣта жены и затѣялъ добыть кладъ земной, зачатый Ятагой...

Вдругъ слышитъ, стекляница говоритъ: «Эхъ, ты Чудо-Разумъ-Краса! а еще богатыремъ слывешь на землѣ... Что-жь ты плачешь-горюешь? Аль забылъ, чему учила тебя жена, нааглядная краса?..

Ободрился Разумъ-молодецъ, и не думая долго, хватъ мечомъ по стекляницѣ...

Зазвенѣла стекляница... но не распалась на части и только на звонъ ея сбѣжались длинноволосыя русалки и чуть было не стали щекотать молодца опять... Но богатырь хватилъ еще мечомъ изо всей молодецкой силы по стекляницѣ... и разлетѣлась въ дребезги стекляница... Захотали дико зачарованныя дѣвицы и исчезли въ туманъ... А изъ-подъ стекляницы выскочилъ раскрасавецъ молодецъ, богатырь не въ примѣръ Чудо-Красѣ...

Обезумѣлъ Разумъ-молодецъ, увидѣвъ такого богатыря и не могъ промолвить слова: такъ хорошъ, пригожъ былъ освобожденный богатырь...

«Что смотришь такъ безмолвно на меня, Чудо-Краса? спросилъ освобожденный красавецъ... Дай руку... мы съ тобой друзья съ этихъ поръ!.. Ты избавилъ меня отъ зачатой Ятаги, оказалъ мнѣ услугу безпримѣрную... Я въ долгу предъ тобой... Отплатить тебѣ хочу за услугу услугой... Есть у меня цвѣтокъ волшебный, изъ скарбаницы громовержца Перуна: въ этомъ цвѣткѣ заключается таинственная сила, предъ которой трепещетъ даже Баба-Яга, а не то, что какая нибудь Ятага... Погубить тебя она хотѣла и похитила у тебя раскрасавицу

твою жену... Ну такъ вретъ же, баба злая, не быть по еѣ: я спасу твою красу-жену, только дѣлай все, что я тебѣ скажу... а не то не берусь помочь спасти твою жену...

Подалъ руку богатырю Чудо-Разумъ и обнялся молодцы, какъ два родные брата.

А потомъ богатырь такъ сказалъ своему освободителю: вотъ смотри что будетъ...

Сказалъ и изъ сапога лѣвой ноги вынулъ дивный волшебный цвѣтокъ...

Засіялъ цвѣтокъ радужными отливками; лучи яркіе, огневые отъ него сверкнули подъ сводами мрачной храмины кладовъ заклятыхъ; закружились земляные слои, заходили ходенемъ трясущіяся, топкія болота и заросшія тростникомъ озера... взвизгнули змѣи, засвистали драконы... пошатнулся котелъ мѣдный съ алмазами и въ минуту очутился предъ богатыремъ съ волшебнымъ цвѣткомъ...

«Стой, и не двигайся съ мѣста, котелъ мѣдный! говоритъ богатырь... Ожидай здѣсь насъ... Мы отправимся въ дальній путь — къ бабѣ-Ятагѣ... посмотрѣть на ея владѣнья и отвѣдать силы чаръ ея и волшебнаго *знахарства*—умѣнья...

Слышалъ, видѣлъ все это Разумъ-Краса и подивиться не могъ богатырской такой силѣ волшебнаго цвѣтка...

Но не все тутъ было диво... Было диво и другое.

Махнулъ богатырь волшебнымъ цвѣткомъ на всѣ стороны храмины кладовъ, и замолкло все въ подземной долині... Не стало богатыря.

Смотритъ Чудо-Разумъ, куда дѣвался богатырь... и готовъ былъ плакать съ горя, что не стало помощника-силача.

Сталъ тужить и горевать добрый молодець... Но въ тужъ минуту предъ нимъ сталъ сѣрый волчокъ, съ сребристою шерстью на спинѣ, золотистымъ хвостомъ, огненными глазами и желѣзнымъ языкомъ... на лбу горѣлъ яркимъ огнемъ волшебный цвѣтокъ...

«Ну садись на меня, волчка, добрый молодець; да смотри, дѣлай все, что скажу тебѣ, а не то сброшу тебя въ страшную трущобу... А чтобъ не скучно было намъ, спой-ка пѣсенку про сѣраго волчка, про лихаго бѣгуна...

Затянулъ Чудо-Разумъ звучнымъ, пѣвучимъ голосомъ пѣсенку про сѣраго волчка, про лихаго бѣгуна.

А сѣрый волчокъ топнулъ ножкой, взмахнулъ хвостомъ, и замотавъ головой, понесся лучше всякаго сокола вдоль по воздуху, по окраинамъ горъ...

Стонетъ земля, дрожатъ горы подъ бѣгуномъ, всѣ деревья и расте-

нія подземелья преклоняють верхи свои предъ волшебнымъ цвѣткомъ и сѣренькимъ волчкомъ ..

Вотъ на дорогѣ, посредникъ, стоитъ *Каменная-баба*, вся обросшая мхомъ: то была заклятая княгиня, стражъ-хранительница владѣній Ягаги.

Остановился волчекъ. А княгиня заклятая, баба каменная, съ просьбою къ Разуму-Красѣ...

«Пожалѣй меня, Разумъ-Чудо! Вотъ ужъ сколько лѣтъ, какъ заклятая здѣсь, вся обросши мхомъ, стою на одномъ мѣстѣ... Ты обмой меня красавецъ чистой водой, сотри пыль съ головы моей бѣлымъ платкомъ... А за то я въ награду тебѣ подарю алмазикъ небольшой. Пригодится онъ тебѣ потомъ...

Разсмѣялся Чудо-Разумъ, услышавъ такія рѣчи заклятой княгини, и толкнувъ волчка ногой, думалъ было ѣхать дальше...

Но волчекъ ему на то: «Не хорошо дѣлаешь ты, Разумъ-Краса, что пренебрегаешь такимъ подаркомъ заклятой княгини... Сдѣлай то, о чемъ просить она тебя...

Соскочилъ Разумъ-Чудо съ волчка и исполнилъ просьбу Каменной-бабы... а въ награду за то получилъ отъ нея небольшой алмазикъ и великій поклонъ...

Скачетъ сѣрый волчекъ впередъ, дальше, пробѣгаетъ черезъ густыя лѣса, топкнн болота; вотъ на окраинѣ глухаго озера растетъ яблоня пре-большая, вся закованная въ желѣзные цѣпи, а на ней яблоковъ такая тьма, что и пересчитать нельзя.

Остановился волчекъ...

А яблоня большая обратилась къ Чудо-Разуму-Красѣ съ покорною просьбою.

«Ахъ, какъ въ пору подоспѣлъ ты, добрый молодецъ, господинъ!.. Ждала не дождалась я тебя: твоей помощи ожидала... Помогни мнѣ встряхнуть своими вѣтвями и сбросить съ себя лишнюю тяжесть плодовъ, а за то я тебя награжу двумя розовыми яблочками... Придетъ время, скажешь спасибо мнѣ за нихъ...

Смѣшною показалась Разуму-Красѣ такая просьба яблони, и махнувъ рукой въ отвѣтъ, крикнулъ на волчка, чтобъ тотъ бѣжалъ дальше.

«Худо, дурно поступаешь ты господинъ молодецъ! говорить Разуму-Красѣ волчекъ. А какъ знать, вѣдь и правду говорить яблоня... Слазь поскорѣе и заслужи службой своей обѣщанную награду...

Слазь господинъ-молодецъ съ волчка и исполнилъ съ точностію просьбу яблони...

Поклонилась ему яблоня за такую услугу и въ награду дала два розовыя яблочка...

А волчокъ бѣжать да бѣжать дальше... все впередъ, чрезъ поля, чрезъ глухія степи: не видать нигдѣ ни деревца, ни травки, ни цвѣтка...

На окраинѣ степей стоитъ печка, *самогорьлка*; нѣтъ души живой при ней, кругомъ пусто, глухо; откуда-бъ взяться огню въ печи въ такой безлюдной степи?.. А горить вѣдь печь огнемъ пламеннымъ, горючить—подойти близко къ ней нельзя... Горить — и завидѣвъ Разумъ-Красу, кличетъ добраго молодца, чтобъ пожаловалъ подойти къ ней.

Вотъ подходитъ Разумъ-Краса къ печи; смотритъ передъ ней стоитъ огромный котелъ изъ кости съ водой...

— Чтò скажешь мнѣ, печь огненная? чѣмъ служить я могу тебѣ?.. Говори поскорѣй, а не то я поѣду дальше въ путь...

— Помоги, благодѣтель—красавецъ, горю тяжкому моему: вотъ много, много лѣтъ я горю въ пламенномъ огнѣ и сгорѣть придется мнѣ такъ... И вода вотъ стоитъ, да не кому затушить огонь водой... Злая вѣдьма Ятагъ заколдовала меня на всѣ вѣки... Помоги моей бѣдѣ, затуши огонь водою, а зато я тебѣ дамъ бѣленькую булочку хлѣба изъ муки степной, бѣлоснѣжной, и на вкусъ самой сладкой, нѣжной... Пригодится тебѣ хлѣбецъ: злой колдунъ ты насолишь хорошенько этимъ даромъ моимъ... Вѣтъ у этой Ятагъ плачетъ-печалится по тебѣ твоя лебедка бѣлолицая, голубокая, раскрасавица жена...

Не махнулъ рукой въ отвѣтъ на этотъ разъ Разумъ-Краса, а охотно и усердно взялся помочь горю печки: схватилъ котелъ съ водою и въ минуту погасилъ пламя...

Поклонилась ему печка низко и исполнила свое обѣщанное слово: подарила молодцу бѣлоснѣжную мягкую булочку... Поблагодарилъ ее онъ за такой даръ и — поскорѣй къ сѣрому волчку, и ну просить его прибавить шагу впередъ...

«За такое послушаніе твое, господинъ молодецъ, говорить ему волчокъ, я готовъ исполнить твою просьбу и прибавлю шагу на бѣгу... Превращусь я въ птицу красную и полечу по верхамъ лѣсовъ, по окрестностямъ горъ...

Сказалъ волчокъ — и превратился въ птицу красную. И полетѣла птица-красная съ Чудо-Разумомъ поверхъ лѣсу, поверхъ горъ и остроконечныхъ земляныхъ скалъ...

Но летѣли они недолго... Спустилась птица на лужекъ зеленый, погулять на берегу ручья... А на томъ лужку паслись гуськи заклѣтые, всѣ чубатые, хохлатые; крыльями чуть машутъ и едва переступаютъ съ мѣста на мѣсто: такъ обросли они перьями въ тысячу годовъ...

Какъ увидѣли гуськи Разумъ-Красу, такъ и бросились всѣ они къ нему... А старшій межъ ними такъ промовѣлъ молодцу: Ты летишь

на красной птицѣ къ бабѣ Ятагѣ снасти жену свою; такъ если хочешь, чтобъ пригодился мы тебѣ на обратномъ пути твоёмъ, помоги намъ освободиться отъ этихъ перьевъ большихъ, которыми мы обросли по заклятію Ятаги... Ощипли на нашемъ тѣлѣ лишнія перья, и ты будешь вправѣ требовать отъ насъ помощи... а помощь наша будетъ великая тебѣ...

Приздумался Разумъ-Краса и не зналъ, вѣрить-ли словамъ старшей гусыни, аль смѣяться надъ шутовской рѣчью ея... Но въ ту пору подлетѣла къ нему красная-птица и сказала: «Не задумывайся по пустому, дѣлай то, чего хотятъ гуськи...»

Ощипалъ Разумъ-Чудо лишнія перья у гусей и забралъ ихъ съ собою, по совѣту красной-птицы...

«Благодарю тебя, господинокъ молодецъ, сказала Разуму птица, за твое повиновеніе... Я охотно полечу съ тобою дальше въ путь... Садись... пора давно...»

Разумъ-Краса сѣлъ на птицу, а птица закружилась, понеслась прямо къ морю волнистому, брызжущему цѣлыми рѣками на берега свои крутые, на песчаные обрывы. Перелетѣть птицѣ черезъ море не диво, да какъ-то будетъ дальше... Дальше скала огромная на всю дорогу: нигдѣ ни проходу, ни входу, только мухъ и пауку можно пробраться чрезъ скалу такую...

Вотъ и превратилась птица-красная въ длинноногаго паука и запрятался въ брюхѣ паука Разумъ-Краса: хоть не ловко и не роскошно было сидѣть въ такомъ мутномъ кабинетѣ безъ оконъ, безъ дверей, да для пользы своей Чудо-Разумъ соглашался на все: знать ужъ нужно было такъ, коли волшебный цвѣтокъ помогалъ нашему молодцу въ лицѣ дивнаго богатыря, превращеннаго теперь въ некрасиваго сѣраго паука.

Вотъ ползетъ паукъ длинноногій по высокой скалѣ, все выше и выше ползетъ, вотъ взбирается на верхушку скалы, вотъ сползаетъ внизъ тоненькими своими ножками, и обвился сѣтью прозрачною вокругъ кустарника краснаго дерева... изъ брюшка паука выскочилъ Разумъ-Краса и надивиться не могъ чудной картинѣ, явившейся предъ его глазами...

И не диво: вѣдь онъ все это увидѣлъ послѣ прятковъ въ брюхѣ сѣраго паука!.. А картина славная была... Садъ величественный красовался на протяженіи безграничнаго пространства: глазомъ богатыря извѣрить нельзя... Садъ такой, какового не было и у Разума-Красы на Стегляной-горѣ... А деревья и деревца, а кустарники пахучихъ, душистыхъ цвѣтовъ, чудо заглядѣнье! Сколько дорожекъ, тропинокъ, усыпанныхъ изумруднымъ, огнегорящимъ пескомъ! А на деревьяхъ что

за плоды: все золотые, изъ чистаго, яркаго, самороднаго золота и серебра...

Разбѣжались глазки Разума-Красы: самъ не знаетъ чѣмъ любоваться, на что взглянуть, чѣмъ потѣшить печальное сердце свое... Но что всего милѣе и ненагляднѣе въ волшебномъ саду было: — это чудный зеленый, атласный лужокъ: не цвѣты, не трава на немъ зеленѣли, а какой-то бархатистый, мягкій пушокъ, тонкій какъ паутина... А на томъ лужкѣ, на пушкѣ, бѣгаютъ-прыгаютъ кошечки и котенки разношерстные, съ огненными глазками, съ алмазными зубками; то подскочатъ звѣрочки, то кувырнутся клубкомъ, то кружатся-вертятся и ловятъ хвостики свои; то сбѣгутся вдругъ въ одну кучку и давай лизать другъ-другу... таковы ужъ кошачьи ласки!

Заглядѣлся разумъ-Краса на такую *пролеу* (продѣлку) чародѣйки Ягаги, родной сестры бабы Яги... и простоялъ бы такъ на одномъ мѣстѣ весь вѣкъ... а пожалуй заманили бы его къ себѣ звѣрочки и сыграли бы съ нимъ штучку, на смѣхъ всему міру подземному, всему люду заклятому... Но отъ такого раздумья пробудилъ его богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ, превратившійся изъ паука въ чуднаго дѣтину-молодца хоть куда...

«Что стоишь, какъ зачарованный? — обратился къ нему съ рѣчью богатырь... Не гляди на этихъ звѣрковъ такъ пристально, а не то какъ разъ увидать тебя красу и разбѣгутся по своимъ хаткамъ... Чтобъ играть вмѣстѣ съ ними, мы должны превратиться въ разноцвѣтныхъ котенковъ... Становись возлѣ меня, да держись крѣпко за руку мою...

Подоселъ къ богатырю Разумъ-Краса и ваялъ его за руку... Богатырь махнулъ волшебнымъ цвѣткомъ надъ головой Разума-Красы и востокъ своей: и не стало молодцовъ, — а явились вмѣсто нихъ прехорошенькіе котенки, съ огненными глазками, алмазными зубками, да вдобавокъ съ золотистыми хвостиками...

Зарѣзались новые котенки и побѣжали дружно на лужокъ, поиграть съ бѣленькими кошечками...

«Кряк! кряк! кряк!» раздалось между кошечками Ягаги... и давай онѣ обоживать пришлецовъ-котиковъ и лизать ихъ мордочки...

Вотъ играютъ вмѣстѣ часъ другой... Вдругъ слышатъ пришлепки-котенки такую рѣчь кошечки одной, прехорошенькой, бѣленькой, какъ свѣжій сыръ...

«Что за котки хорошіе такіе! откуда хвостики у нихъ золотые? Звать не нашего сада жильцы... Не ко мнѣ-ль они съ вѣсточкою о Разумъ-Красѣ моемъ?..

Тутъ котенокъ (богатырь) говоритъ другому (Разуму-Красѣ): слышишь!.. эта кошечка жена твоя... Чуетъ сердчишко ея, что ты тотъ господинъ, что погубилъ ее своимъ упрямствомъ, непослушаніемъ... Хочешь, я махну цвѣткомъ, и она превратится въ бѣлорусую, голубо-окую,—милую твою жену.

— Какъ не хотѣть:—сталъ просить-молить даже о томъ Разумъ-Краса богатыря...

Пожалѣвъ Разума богатырь и вотъ вынулъ изъ-за кожи лапкой цвѣтокъ. Но лишь только онъ хотѣлъ махнуть имъ на кошечку, какъ вдругъ раздался дикій крикъ совы, стража Ятагѣ... и всѣ котикъ и кошечки кубаремъ поскакали по лужку, по мягкому пушку, и запрятались въ свои норки на кровлѣ хатки Ятагѣ...

Остались на лужку только два котикъ—богатырь да Разумъ-Краса.

Доложила о томъ сова Ятагѣ... Ятагѣ взбѣсилась, разсердилась что гарцуки и всѣ прочіе духи—слуги ея осмѣлялись пропустить въ садъ такихъ наглецовъ съ того свѣта, гдѣ не можетъ жить вѣдьма подземная... въ тужъ минуту велѣла она привести ихъ къ себѣ...

Но не тутъ то было: никакая сила гарцуковъ и прочіихъ подземныхъ духовъ не могла устоять противъ силы волшебнаго цвѣтка изъ скарбницы громовержца Перуна...

Доложила и о томъ сова Ятагѣ...

«А! проворчала сердито Ятагѣ... Вотъ что! Такъ здѣсь враги мои: Разумъ-Краса и богатырь съ перуновымъ цвѣткомъ... О, злодѣи какіе! Мало того, что спаслись изъ пропасти Стеклояной-Горы, да еще прилетѣли сюда безпокоить меня въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ. Ну постой-же, Разумъ-Краса! хоть тебя я погублю, если такъ силенъ твой богатырь...

Между-тѣмъ богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ обращается къ Разуму-Красѣ съ рѣчью такой:

«Нанъ бѣда вѣдь грозитъ теперь... Разсердилась баба Ятагѣ и пожалуй съѣстъ живую кошечку бѣлую, красавицу жену твою... Оставайся ты въ кустѣ краснаго деревца: вотъ тебѣ одинъ листокъ моего цвѣтка, спрячь его въ сапогъ лѣвой ноги... да смотри не вѣрь никакими словами Ятагѣ, если будетъ она говорить съ тобой, а не то пропадешь ты въ этомъ саду и погубишь свою жену. Сиди въ кустѣ котенкомъ и не трогайся съ мѣста... А я отправлюсь съ цвѣткомъ въ норку бѣленькой кошечки и попытаюсь спасти ее... А то вѣдь ужъ оканчивается срокъ ея наказанію, и если не съѣстъ ее Ятагѣ, такъ возьметъ бѣдняжку злой отецъ ея, пресловутый чародѣй-колдунъ... Ну,

будь смѣль, не страшись ничего. Я поспѣшу на помощь къ тебѣ. Я съ тобой и въ огонь и въ воду...

Сказалъ богатырь и полетѣлъ мушкой золотокрылой въ норку къ кошечкѣ бѣлой...

«Здравствуй, кошечка! говорить онъ ей; я пришелъ спасти тебя. Разумъ-Краса здѣсь въ саду ожидаетъ насъ.

— Ахъ, богатырь ты красавецъ, мой спаситель-благодѣтель! Неужели здѣсь Разумъ-Краса? Такъ, значитъ, вспомнилъ наконецъ онъ обо мнѣ... Счастье его и мое, что разбилъ онъ стеклянную-стекляницу и освободилъ тебя отъ чаръ Ятаги, а то осталась-бы я сиротою на весь вѣкъ, не видать бы мнѣ Разума-Красы, моего милого мужа... Благодарю тебя, богатырь молодецъ, что не забылъ ты меня въ моемъ горѣ, въ моей тяжелой долѣ... Ты спасти меня пришелъ — знаю; да не такъ-то легко справиться тебѣ съ чаровницей Ятагой... Есть-ли у тебя твой заветный цвѣтокъ?

«Онъ при мнѣ—мой волшебный цвѣтокъ; съ нимъ то я сюда залетѣлъ съ Разумомъ-Красой, а не будь его... не видать-бы мнѣ тебя...

— Ну такъ знай-же, храбрый молодецъ, что ты долженъ прежде отчаровать гуськовъ, печку, яблоню и каменную-бабу—заклятую княгиню, мою милую сестру... Князь съ далекихъ сторонъ пріѣхалъ къ намъ и увезъ сестру съ ея согласія въ свои земли, родовыя владѣнія... А отецъ нашъ, пресловутый колдунъ, чтобъ отплатить старшей дочери, моей милой сестрѣ, *оборотилъ* ее въ каменную глыбу и сослалъ ее къ бабѣ Ятагѣ, а князя голодомъ уморилъ въ подземельи... Вотъ что долженъ сдѣлать прежде ты... Сдѣлаешь—я спасена, а не сдѣлаешь, не отчаруешь,—пропадать мнѣ здѣсь во вѣки вѣковъ...

«Ахъ, красавица бѣлорусая! Я-ль не захочу исполнить такое порученіе? Говори — приказывай, я готовъ на все рѣшиться для спасенія тебя, жены-супруги моего добраго друга, Разума-Чудо-Красы... Я привезу тебѣ по подарку отъ всѣхъ этихъ бѣдныхъ заклятыхъ. Ну, прощай же, голубокая краса! Никакъ замѣшкался я... нужно спѣшить... Прощай, жена друга моего!..

Нарадоваться не могла кошечка красавица такой вѣсти богатыря: отъ радости чуть не отгрызла своего хвостика пушистаго... разыгралась ужъ больно кошечка-крошка.

Превратился богатырь въ чернаго жучка и полетѣлъ отчаровывать гуськовъ, обросшихъ опять перьями, печку, горящую опять огнемъ пламеннымъ, яблоню, обремененную новыми плодами, и наконецъ каменную-бабу, заклятую княгиню, обросшую мхомъ и покрывшуюся пылью...

Прочтала о томъ Ятага, и пользуясь отсутствіемъ богатыря съ вол-

шебнымъ цвѣткомъ, не замѣтила напасть на Разума-Красу въ-расплетъ всѣми силами чаръ и колдовства своего: и любовь и вражда вѣстѣ закипѣли въ сердцѣ вѣдьмы...

Вотъ что сдѣлала баба Ятага...

Какъ ушелъ богатырь изъ волшебнаго сада, Чудо-Разумъ-Краса, по совѣту друга-покровителя, сѣлъ въ кустарникъ краснаго деревца и сталъ думать думу про свое горькое горе, про несчастное житье-бытье... Передумавъ думу, убаюканный чиликаньемъ волшебныхъ птичекъ, дремнулъ немножко, а листокъ цвѣтка и забылъ спрятать въ сапогъ лѣвой ноги... держалъ въ сжатой рукѣ... Налетѣли гарпуки со всѣхъ концевъ владнїи Ятаги и всякіе другіе воздушные духи и давай напѣвать на Разума-Красу сонъ тяжкій, глубокой: усыпили молодца... Вотъ является Куйдукъ, старшій гарпукъ, и подкравшись къ молодцу, сталъ щекотать его руку: растворилась ладонь руки, и листокъ цвѣтка очутился въ сапогѣ Куйдука...

Полетѣлъ Куйдукъ къ Ятагѣ и обрадовалъ свою госпожу вѣстью о службѣ своей молодецкой...

Поблагодарила Ятага Куйдука и пошла къ кустарнику краснаго деревца—чаровать спящаго молодца Чудо-Разума-Красу...

«А! Чудо-Краса! самодовольно воскликнула кошачья—голова: тецерь ты въ моихъ рукахъ... Будь моимъ,—или не пощажу я твоей красы и погублю твою молодость безъ сожалѣнія о томъ...

И сказавъ такъ, Ятага поднялась на воздухъ, закружилась, замалахала крыльями и руками, и спустившись внизъ, обвела кругомъ головы Разума-Красы чародѣйскимъ прутикомъ, изукрашеннымъ какими-то значками и пестѣчками... А потомъ свиснула на весь садъ, и со всѣхъ сторонъ слетѣлись служебные ея духи и сѣжались чудныя дѣвицы-красавицы,—одна другой краше и пригожѣй...

Вдругъ, откуда взялся, предъ спящимъ молодцомъ силой чаръ Ятаги явился прозрачный весь изъ паутины, не то замокъ, не то палацъ: — чудный неземной дворецъ!

Заиграла музыка; звуки стройныхъ арфъ и гитаръ раздались во кругъ спящаго Разума-Красы... А дѣвицы-бѣлолицы-круглолицы съ распростертыми объятіями прямо бросались къ молодцу и давай его щекотать.

Пробудился молодецъ и не вѣрить видѣнію своихъ глазъ: предъ нимъ цѣлый хороводъ очаровательной красоты дѣвиць... Та манитъ его къ себѣ, та подѣжитъ и улыбнется ему, точно сердце подарить, та кружится и вертится предъ нимъ, будто соблазнить хочетъ Чудо-Красу...

Наконецъ, всѣ красавицы-дѣвицы хорОВОЛОМЪ ЦѢЛЫМЪ Окружили молодца, и схвативъ его подъ руки, повесли въ волшебный дворецъ...

Смотрить, да дивится Чудо-Разумъ-Краса; точно сонъ предъ нимъ грѣза... Не видалъ такихъ дивъ никогда онъ на землѣ... Полъ хрустальный по всему дворцу, устланъ коврами изъ живыхъ цвѣтовъ, пахучихъ розъ и фіалокъ... на стѣнахъ изъ паутины висятъ будто картины, но картины-то какія?.. будто живые люди движутся въ рамахъ золотыхъ: все красавицы... все чудныя красавицы... А по всему дворцу не огни горятъ, не солнце свѣтитъ, а какой-то чудный розовый свѣтъ мигаетъ въ очахъ, и свѣтящися, алмазные огоньки летаютъ межъ потолкомъ хрустальнымъ и такимъ-же поломъ...

Привесли, посадили на воздушномъ сѣдалищѣ Разумъ-Красу; а потомъ, при звукѣ невидимой музыки, стали пласать и кружиться съ молодцомъ до-тѣхъ-поръ пока не закружили бѣднаго дѣтину и не отуманили его совсѣмъ... Баба Ягага махнула прутыкомъ, и исчезли дѣвицы-чаровницы...

Остался молодець-Краса да съ нимъ баба Ягага кошачья-голова...

Вотъ подходитъ она къ молодцу и подноситъ ему прохладительный будто напитокъ; молодець-Краса, усталый и измученный, съ жадностью схватилъ напитокъ и до капли выпилъ его, — а напитокъ-то былъ волшебный...

Какъ выпилъ Разумъ-Краса, точно весь переродился, ожилъ, бодрость какая-то проявилась въ немъ... Глядь предъ нимъ не кошачья голова Ягага, а красавица чудная; на щекахъ огнемъ горитъ румянецъ, глаза искрами сыплютъ, губы розы свѣжій;

Предъ такимъ обличьемъ Чудо-Разумъ остолбенѣлъ отъ изумленія, и уста его не могутъ промолвить ни одного словца... Весь дрожа въ какомъ-то дивномъ восторгѣ и обаяніи, онъ склоняетъ свою голову на плечо красавицы и не сводитъ глазъ съ ея коралловыхъ устъ, окаймленныхъ чудною улыбкою...

Молчитъ и какъ безумный смотритъ на такое дивное явленіе... А красавица-дѣвица такъ говоритъ ему...

«Забудь свою невѣрную жену, непокорную рабу... она измѣнила тебѣ и полюбила другаго, богатыря молодца— съ волшебнымъ цвѣткомъ... Ты повѣрилъ богатырю, что пошелъ онъ спасать твою жеву... а не знаешь того, что онъ давно съ женой твоей улетѣлъ отсюда и живетъ на томъ свѣтѣ, въ твоёмъ дворцѣ... Вотъ какова твоя жена!! Брось ее, невѣрную... Полюби меня, Чудо-Краса: я вѣрна тебѣ буду весь вѣкъ, а голубить тебя не перестану во всю жизнь твою, и измѣнить такому молодцу никогда не рѣшусь... Полюби ты только меня... Брось жену...

Слышать все это Чудо-Разумъ, что-то хочеть сказать и не можетъ, только слезы льются у него изъ очей... Жаль ему стало жены...

И повѣрилъ молодецъ оборотно-красавицѣ; забылъ совѣтъ богатыря съ волшебнымъ цвѣткомъ—не вѣрить Ягагѣ... А вся бѣда въ томъ, что забылъ онъ спрятать листокъ отъ этого цвѣтка въ сапогъ лѣвой ноги...

Видитъ злая Ягага сердце Чудо-Разума-Красы, и понимаетъ, что колеблется его душа... Вотъ еще болѣе стала она лгнуть къ нему и сладко-обаятельныя рѣчи напѣвать...

«Ты не плачь, не тоскуй, милый мой... Есть о комъ сожалѣть?! Позабудь ее невѣрную... Я люблю тебя!!! Не нахожу покоя безъ тебя...

И съ такими рѣчами наклонилась чаровница-красавица къ самымъ устамъ молодца... Обаянный силами чаръ волшебныхъ, прильнулъ устами онъ къ губамъ Ягаги. Огонь пробѣжалъ по всѣмъ фибрамъ и венамъ Разума-Красы... И видѣніе исчезло...

Свиснули вѣтры надъ головой Чуда-Разума и взвились вихремъ подъ его ногами... разразились громы со всѣхъ сторонъ; дождь, пропитанный запахомъ сырости, быстрымъ ручьемъ полился сверху; въ мгновение ока не стало чуднаго дворца...

Вѣдьма-Красавица скрылась въ вѣтрахъ и полетѣла—понеслась на тотъ свѣтъ, извѣстить о закланной новой жертвѣ—родича своего, пресловутаго знахаря-колдуна, и потомъ пригласить на волшебный ширъ всѣхъ сестрицъ-вѣдьмъ и самую старшую сестру, Бабу-Ягу...

А Чудо-Разумъ-Краса какой-то невѣдимой силой очутился въ волшебной хаткѣ Ягаги, строгой совою и разношерстными котенками и кошечками...

Сидитъ, пригорюнившись, бѣдный Разумъ-Краса на жерновахъ каменныхъ, весь закованный въ цѣпи, близъ раскаленной печки, не на радость себѣ молодцу: въ той печкѣ раскаленной горять-кипить смола на погибель Разуму-Красѣ... Пропадетъ бѣднякъ ни за что въ смоль и не видѣть ему красавицы жены... Неужели-жь жена ушла съ богатыремъ, что съ волшебнымъ цвѣткомъ?!.. Обманула молодца баба Ягага... Жена ждать не дождется его: въ норкѣ кошечкой сидитъ и только думы у нея, что про Разуму-Красу, да его друга богатыря...

А другъ Разума-Красы, богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ, давнымъ давно облетѣлъ жучкомъ всѣ подземныя владѣнія Ягаги и отчаровать успѣлъ гусей, самопалку-печку, яблоню и княгиню, превращенную въ каменный истуканъ... Всѣхъ избавилъ отъ власти Ягаги, и въ награду за то обѣщали онъ ему свою помощь на возвратномъ пути, а княгиня поклялась быть его женой, если толико онъ спасетъ ей сестру и Чудо-Разума-Красу...

Все тѣмъ же жучкомъ летить богатырь назадъ въ волшебный садъ и прямо къ кустарнику краснаго деревца... Нѣтъ тамъ млодца!.. «А! говорить; плохо!» и махнулъ цвѣткомъ...

И нашло на него знаніе: смекнулъ богатырь, гдѣ сидитъ Разумъ-Краса, и невидимкой-пчелкой прямо въ хатку Ятагѣ...

А въ хаткѣ явился уже съ того свѣта земнаго знахарь-колдунъ и помѣшиваетъ въ печкѣ смолу; ему помогаетъ черный котъ: еще бѣ много позже прилетѣлъ жучокъ богатырь и засталъ бы Разума-Красу въ котлѣ со смолою.

Но вышло наоборотъ... Подлетаетъ пчелка къ Разуму-Красѣ и шепчетъ ему на ушко: «Ну братъ, Разумъ, не разумно поступилъ... потерялъ листовъ отъ цвѣтка... вотъ и сидишь теперь весь въ цѣпяхъ... Но постой, я докажу же тебѣ, что неправду тебѣ говорила баба Ятагѣ... Я спасу тебя и поведу къ твоей женѣ... Давай только мнѣ булочку, перья, яблочки и алмазикъ...»

Слышитъ Разумъ-Краса голосъ богатыря, а не видитъ никого; хочеть что-то сказать, да языкъ какъ будто на цѣпи... Смотритъ на всѣ стороны, и кромѣ колдуна и чорнаго кота нѣтъ ни души въ хаткѣ...

Вдругъ богатырь махнулъ волшебнымъ цвѣткомъ, и цѣпи распались, Разумъ-Краса какъ будто на крыльяхъ перелетѣлъ изъ хатки на большой садовый дубъ, гдѣ нашелъ жену-красавицу, все такую же какъ была: и пригожа и молода, только слезы изъ глазъ текутъ въ три ручья; такъ обрадовалась бѣдняжка она, увидѣвъ возлѣ себя Чудо-Разума-Красу, своего млага дружка...

А богатырь-молодецъ сѣлъ на жернова и прикинулся, будто плачетъ...

Вотъ колдунъ подходитъ къ жерновамъ, и несмотря на богатыря, говоритъ:

— Ну, зятюшка дорогой, пора намъ разсчитаться съ тобою: ты похитилъ у меня дочь, а я зато наказать тебя хочу... Снимай цѣпи...

Цѣпи зазвенѣли и покатались къ ногамъ колдуна...

Въ хаткѣ раздался хохотъ... Чорный котъ пронзительно сталъ мяукать...

Цѣпи, будто живыя, вскочили на колдуна и обвились змѣей во-вкругъ шеи, рукъ и ногъ его...

Колдунъ заревѣлъ дико—ненстиво...

— Ну что, тещушка дорогой!.. отозвался богатырь съ волшебнымъ цвѣткомъ... Не пора ль тебѣ сгорѣть въ смолѣ, чѣмъ проказничать на бѣломъ свѣтѣ... Ты готовилъ смолу для Разума-Красы... такъ махнулся жъ въ ней самъ... Пора тебѣ такъ давно!!..

Колдунъ еще страшнѣе заревѣлъ и сталъ метаться на всѣ стороны... Изъ рта его всыхнуло пламя и тѣма драконовъ налетѣла въ хатку; черныя вороны откуда взялись и стали защищать колдуна...

Но сила волшебнаго цвѣтка была велика... Богатырь махнулъ имъ на весь волшебный мѣръ, хищныхъ птицъ и змѣй, и не стало духу ихъ въ хаткѣ... Тутъ колдунъ попробовалъ еще разъ силы чаръ своихъ; потомъ сталъ звать на помощь Ятагу, но Ятага засидѣлась у своихъ воздушныхъ друзей и не слышала мольбы колдуна...

Пропалъ знахарь-колдунъ!! Богатырь согнулъ его въ три дуги и швырнулъ въ котелъ съ вскипяченною смолою... А чтобъ вѣдьма Ятага не узнала отъ чорнаго кота, кто скипятился въ смолѣ, и гдѣ дѣвался родичъ ея—колдунъ, приласкалъ чорнаго кота и сманилъ его въ садъ вмѣстѣ играть: богатырь превратился въ такого-жъ чорнаго кота...

Вотъ, спустя немного времени, раздался по всѣмъ окраинамъ сада запахъ сѣры, и съ громомъ и молніями прилетѣлъ цѣлый гомонъ (общество) гостей къ бабѣ Ятагѣ...

Задастъ пиръ большой баба Ятага... Вѣдьмы хохочутъ и грохочутъ, точно жернова въ мельницѣ... Шумъ, крикъ, гигиканье и неистовое веселье слышатся въ хаткѣ волшебной... Засѣли гости пировать...

Баба Ятага угощаетъ гостей человѣчьимъ мясомъ, мясомъ родича своего; горюха—она думаетъ, что то мясо Разума-Красы... Не въ домекъ вѣдьмѣ съ кошачьей головой хитрость—мудрость богатыря...

Наѣлись, угостились вѣдьмы съ Лысой-горы... остались довольны пиромъ Ятаги... поблагодарили хозяйку и разлетѣлись каждая въ своемъ предѣлы; наступала пора явиться на шабашъ—судъ, расправу чинить съ подчиненными духами...

Осталась одна Ятага и вылетѣла въ садъ насладиться любимой забавой: свернулась въ клубокъ и покатила по зеленому лужку, по мягкому пушку...

И качаясь говоритъ сама себѣ:

«Покачусь, повалюсь, мяса Разума-Красы наѣвшись...»

А ей кто-то въ отвѣтъ:

«Покатись, повались, мяса родича-колдуна наѣвшись!...»

— Кто это изволить смѣяться? спрашиваетъ Ятага...

Отвѣта не было...

Ятага опять стала кататься по лугу, и опять тоже слышитъ...

Три раза повторился такой же отвѣтъ: «покатись, повались, мяса родича-колдуна наѣвшись.»

Взбелѣла Ятага, услышавъ такіа слова въ третій разъ: ~~засер-~~

кали ея кошачьи глаза и стала звать гарцуковъ и разныхъ духовъ... Но ни гарцуги, ни духи не являлись, запахъ волшебнаго цвѣтка противень ихъ натурѣ былъ...

Еще болѣе разозлилась вѣдьма... Полетѣла въ норки кошечекъ... Нѣтъ бѣленькой кошечки!..

Кличеть Ятага чорнаго-кота и требуетъ у него отвѣта на вопросы о колдунѣ и Чудо-Разумъ-Красѣ...

Но чорный котъ неохотно исполняетъ волю бывшей своей госпожи: онъ ужъ согласился вмѣстѣ съ богатыремъ перелетѣть на землю и бросить злую бабу вѣдму Ятагѣ...

А притомъ котъ лакомился булочкою, перьями, яблоками и игралъ съ красивенькимъ алмазкомъ: — ну такъ не до отвѣта, вишь, было ему...

«Котикъ-братикъ! чоренькій-усатикъ! стала просить его Ятага... Скажи мнѣ, мой котикъ, что такое слышала я сейчасъ въ саду?.. Аль и вправду я наѣлась мяса колдуна?.. Гдѣ же Разумъ-Краса?..»

— Пстой, бабка, съѣмъ булочку...

Спустя нѣсколько времени, баба повторила просьбу...

— Пстой бабка! съѣмъ яблоки... и оближу кровь на перушкахъ...

Баба въ третій разъ спрашиваетъ кота...

— Пстой, говорить, поиграю съ алмазкомъ...

Такъ мучить Ятагѣ чорный-котъ и время мало-по-малу уходитъ... Богатырь, Чудо-Разумъ-Краса и его красавица жена сидятъ на дубѣ и ждуть гусей...

Смекнула Ятага, что улетитъ богатырь съ Разумомъ-Красою и его женою: что дѣлать? Котъ не слушаетъ ея просьбы...

Оборачивается Ятага въ острую пилу и давай пилить дерево-дубъ, чтобъ погубить Разума-Красу и его жену...

Вотъ ужъ чуть-чуть держится дубъ на корнѣ: вотъ шатается, вотъ — вотъ повалится... вдругъ летятъ гуси и прямо къ дубу: — забрали богатыря, Разума-Красу и его жену... тамъ же пріютился и вѣрный слуга-дѣтина, бывший чорный котъ.

Богатырь махнулъ цвѣткомъ, и пила переломилась... дубъ повалился на лугъ и раздавилъ колдунью...

Завизжала, застонала пила, или лучше баба Ятага... и провалилась въ пропасть огненную...

Засверкали огоньки, разбѣжались кошечки и котки: все дѣвочки-молодицы и красавицы-молодцы!

Разразились перуны, пронеслась молнія страшнымъ пламенемъ по саду, — и не стало чуднаго сада...

Баба Ягага превратилась въ бездонный, великій океанъ...

А богатырь и его спутники повеселись, полетѣли и на пути забрали съ собою самопалку печку, многоплодную яблоню, и наконецъ, раскрасавицу княгиню...

Обняла княгиню сестру и поблагодарила за спасеніе сестры богатыря... Богатырь обнялъ княгиню, и княгиня поклялась вѣчно быть его женой...

Полюбила княгиня богатыря, богатырь полюбилъ княгиню...

По дорогѣ—заглянули въ Стекланую-гору и забрали жѣдный котель съ алмазами и яхонтами...

Прилетѣли всѣ на Стекланную-Гору, раздвоенную и разрушенную... Богатырь махнулъ цвѣткомъ и — опять предъ Разумомъ-Красой явился замокъ его чудный, съ золотыми палатами и красивыми садами...

И поселилась въ замокъ вся семья родная: — богатырь и Чудо-Разумъ-Краса, его жена и княгиня, жена богатыря...

Созвали гостей и задали пиръ великій, пиръ такой, какого не видѣлъ я и у князя-князевича, молодежь-королевича: пилъ я тамъ птичье молоко . и веселился я на Стекланной-горѣ...

8. ЮРЬЕВЪ-ДЕНЬ.

Народные обычаи и повѣрья по случаю этого дня.

Юрьевъ-день чуть ли не во всей Россіи пользуется особеннымъ значеніемъ, доказательствомъ извѣстная пословица русская. «вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ-день!»

Но особенно Юрьевъ-день чтятъ въ Бѣлоруссіи... Простонародье мѣстное ознаменовываетъ его празднованіемъ и пѣніемъ пѣсень, въ которыхъ упоминается о Юрьѣ... Мало того, наканунѣ Юрьева-дня совершаются какіе-то языческіе обряды *, ясно говорящіе о древнемъ значеніи этого дня и дающіе поводъ думать, согласно съ г. Мацѣвскимъ **,

* См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1846. г. Прибавл. кн. 4., моя статья: Бѣлорусск. Народ. Повѣрья, № XXX, *Лалл*.

** Niezaropminajki, 1844 г.; статья Мацѣвскаго: *Swięta Polakow Pogan*, стр. 35, 36.

что прежде, во времена язычества славянскаго, день этотъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *Юра или Яра*, но въ-послѣдствіи, со введеніемъ христіанства, къ этому дню приуроченъ день памяти Георгія или, какъ выражается простонародье, Юрья.

Какъ бы то ни было, только Юрьевъ-день до-сихъ-поръ празднуется какъ день обрядный. Народъ бѣлорусскій вѣритъ, что Юрій — покровитель скотоводства и охраняетъ скотину домашнюю отъ всякихъ чаръ и привораживаній вѣдьмъ и огненныхъ змѣевъ, высасывающихъ у коровъ молоко *.

Крошъ-того, думаютъ бѣлоруссы, что св. Юрій охраняетъ лѣса, гдѣ пасутся стада, и считаютъ его покровителемъ лѣсныхъ птицъ.

Но главная замѣчательность Юрьева-дня вотъ въ чемъ...

Въ Юрьевъ-день, первый разъ выгоняютъ на пастбища домашній скоть. Для этого, завременно, къ Юрьеву-дню стараются найти честнаго, пожилаго *пастуха*; перѣдко одинъ и тотъ же пастухъ избирается въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И такой пастухъ пользуется большимъ уваженіемъ всей деревни, уваженіемъ не потому только, что этотъ пастухъ обыкновенно бываетъ опытенъ, но потому, что онъ славится какъ извѣстный *знахарь* **. Нужно замѣтить, что эти бывалые пастухи очень дѣльные самоучки ветеринарные лекаря: имъ знакомы свойства травъ и разныхъ кореньевъ, и потому очень часто они удачно вылечиваютъ заболѣвшую скотину.

Въ-слѣдствіе такого уваженія, пастуху стараются всячески во всемъ угождать и нерѣдко исполнять все его прихоти. И не удивительно: ему вѣряютъ всю свою домашнюю скотину, очень важный источникъ сельскаго продовольствія и, пожалуй, богатства; не угоди тѣмъ-нибудь пастуху, онъ (говоритъ бѣлорусскій народъ) зачаруетъ тебѣ твою корову, и не дастъ она молока, загубитъ теленка, или *поддумитъ* (подкурить) овцу и не дастъ она тебѣ шерсти, пригодной въ хозяйствѣ.

Въ Юрьевъ-день, отправляя пастуха съ стадомъ скота на пастбища, вся деревня проводитъ его на поле съ освященнымъ хлѣбомъ, рожью, и разнымъ печивомъ изъ мяса, также съ сыромъ и копченымъ свинымъ саломъ. Какой-нибудь почтенный старикъ окропляетъ святою водою весь скоть, и даритъ пастуху просфору, переланную ему во-время молебствія священникомъ, какъ напутственный хлѣбъ...

Скотину обыкновенно сгоняютъ въ одинъ дворъ къ пастуху, и

* См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибавл. кн. 1., мою статью: Бѣлорус. Народ. Преданія, слово *Цмокъ*.

** См. Мо квітання 1853, № 5., статью о *вовакалахъ*.

когда сойдутся всё хозяева, пастухъ три раза обходитъ со стадомъ вокругъ дома своего, и потомъ гонить скотину чрезъ разобранный заборъ, а не чрезъ ворота; у забора бросаютъ замкнутый замкъ и куринныя яйца, при чемъ наблюдаютъ, которое изъ животныхъ переступитъ чрезъ замкъ и которое чрезъ яйцо... и изъ этого выводятъ заключение о плодовитости коровъ и овецъ, о состояніи здоровья скота и проч.

Гоня стадо, пастухъ наблюдаетъ, чтобъ не встрѣтиться на поляхъ съ какою-нибудь старухою; въ случаѣ подобной встрѣчи, пастухъ бросаетъ на старуху горохъ и перегоняетъ скотину на другія пастбища...

А чтобъ на стада не нападали волки, для этого пастухъ обязанъ поймать наканунѣ Юрьева-дня одного волка, и живаго, связаннаго тащить за собою до самаго мѣста пастбища... Простонародье вѣритъ, что волки, обнюхавъ слѣды пойманнаго своего собрата, не смѣютъ заходить въ тѣ мѣста. Если же пастухъ не можетъ поймать волка, то долженъ добыть какъ-нибудь хоть шерсти волчьей, и привязавъ ее къ веревочкѣ, тащить по дорогѣ до мѣста пастбища...

Пастухъ, особенно если онъ уже бывалый и нѣсколько лѣтъ пастеть въ одной и той же деревнѣ, знаетъ на перечетъ всѣхъ животныхъ, пасущихся у него, и зоветъ ихъ имъ самимъ придуманными именами... Животныя до того привыкаютъ къ пастуху, что на малѣйшій зовъ, кличку его сбѣгаютъ въ одинъ кружокъ и безъ позволенія своего пастуха не смѣютъ тронуться съ мѣста. Оттого-то бывалые пастухи не нуждаются въ такъ-называемыхъ *подпасыкахъ* (помощникахъ) и сами, одни, управляютъ съ вѣренными имъ стадами...

У каждаго пастуха есть свои любимцы и любимицы: есть коровка бурая или гнѣдая, есть воликъ лысый или блѣлокой, есть *овечечка*, ласкающаяся къ своему патрону... И всѣмъ имъ даетъ пастухъ разныя нѣжныя имена: кого *чурочкою* назоветъ, кого *рабчикомъ* кличетъ, кого *куцымъ* дразнитъ... Есть свои любезности между пастухами и скотами; есть разговоры между ними.. Вотъ пастухъ отдыхаетъ у куста вербъ или лиственницы..., манитъ къ себѣ любимицу-коровку: та съ мычаньемъ какимъ-то сладкимъ, точно къ матери родной, подбѣгаетъ къ пастуху, и махая хвостомъ отъ радости и животнаго восторга, лижетъ руки, голову, и даже лицо добраго человѣка... А человѣкъ вступаетъ въ разговоръ съ скотомъ, и лаская, млыя его, ведетъ рѣчь-бесѣду съ нимъ, словно понимаетъ онъ рѣчь людскую, живое слово разумнаго творенія...

И счастливъ пастухъ бесѣдой такой: его ласкаютъ, его любятъ животныя, эти ручныя звѣрки; они цѣнятъ его заботы, его вниманіе; они умѣютъ по-своему благодарить добраго человѣка: кто полизаетъ

руку, кто замычитъ радостно и замашетъ хвостомъ, кто прильнетъ къ нему спиной и потрется вокругъ него своимъ брюшкомъ... Доволенъ пастухъ, и кого покормить хлѣбцомъ, а кому и пирожка, аль печива какого поднесетъ...

Вѣчнымъ, не измѣннымъ спутникомъ пастуха его вѣрная, большая собака, а подчасъ и нѣсколько собакъ...

Собака не отходитъ отъ пастуха ни на шагъ; она вѣрный его стражъ; лежитъ съ закрытыми глазами и будто не видитъ и не слышитъ ничего, а пусть-ка кликнетъ пастухъ, пусть-ка пошлетъ ее собрать скотину въ одинъ кружокъ: въ тужъ минуту бросится она со всѣхъ ногъ, разнесетъ приказаніе пастуха по всѣмъ окраинамъ пастбища, и раздастся, заляется звонкимъ, веселымъ лаемъ; такъ и видно, что охотно исполняетъ волю господина.

И весело на душѣ у пастуха, и не на радуется онъ своей семьѣ, собравшейся вокругъ него; улыбка искренняя, привѣтная говоритъ ясно, что у пастуха свѣтло, весело на душѣ. Счастливый пастухъ!..

Съ закатомъ солнца, пастухъ сзываетъ всю свою семью и спѣшить домой сзади за нею... Полныя, круглыя коровы едва идутъ и переваливаются съ ноги на ногу; волы заигрываютъ съ баранами; овцы прыгаютъ и шалатъ съ молоденькими барашками... Всѣ довольны, всѣ рады по своему, по скотскому... Радъ и доволенъ пастухъ, а еще болѣе веселитъ его вѣрная собака: она то забѣгаетъ напередъ пастуха и скачетъ не наскочетъ предъ нимъ, то вертится кружкомъ по сторонамъ стада, то останется сзади пастуха и обнюхиваетъ какую-то собачью траву, а потомъ бѣжитъ въ запуски по слѣдамъ пастуха, и опять ласкается къ нему, опять лижетъ его руки, опять заиграетъ съ нимъ...

Вотъ ужъ нѣсколько шаговъ осталось до деревни, вотъ прохлѣать послѣднія поля хозяйскія... А пастуху навстрѣчу попадаются красныя-дѣвицы, звонко-голосыя пѣвицы...

Идутъ онѣ хороводомъ привѣтствовать пастуха съ счастливымъ началомъ дѣла, и подносятъ ему разные подарки, кто поясокъ дарить, кто *оборы* (нѣчто въ родѣ веревочекъ или ремней, которыми привязываютъ къ ногамъ лапти...), кто ленточку и разныя другія вещи.

Пастухъ приостанавливается съ стадомъ въ виду самой деревни, и садится вмѣстѣ съ дѣвушками на травѣ...

Дѣвушки собираютъ на травѣ росу и умываются ею... Потомъ кружкомъ хороводомъ возлѣ пастуха и начинаютъ кувыркатъсь...

* Счастливо, это бываетъ только въ Юрьевъ-день.

Затѣмъ пастухъ встаетъ и всѣ спѣшать домой...
Хороводъ дѣвиць, приплясывая, поетъ слѣдующую пѣсню:

Ой иду я на улачку, а бычки бушуютъ:
Юрѣя! Юрѣя!.. бычки бушуютъ...

Бычки бушуютъ, ба весну чуютъ...
Юрѣя! Юрѣя! ба весну чуютъ...

Зашумѣли рѣчки, леды паплыли:
Юрѣя! Юрѣя! леды паплыли...

Зачарнѣла зямлица, ба паарали,
Юрѣя! Юрѣя! ба паарали...

Зазеленѣла берѣза ба папукалася...
Юрѣя! Юрѣя! ба папукалася...

Завеселѣла дуброва: пташки сыпѣваюць:
Юрѣя! Юрѣя! пташки сыпѣваюць...

Зазеленѣла долина: квѣтки зацвѣли...
Юрѣя! Юрѣя! квѣтки зацвѣли...

Ой выду я выду квѣтки збираць:
Юрѣя! Юрѣя! квѣтки збираць...

Квѣтки збираць, вянѣчки виць:
Юрѣя! Юрѣя! вянѣчки виць...

Вянѣчки виць, Юрѣя сыпѣваць...
Юрѣя! Юрѣя! Юрѣя сыпѣваць...

(Ой иду я на улицу, а волы шалють, играютъ. Юрѣя! Юрѣя!
волы шалють, играютъ... Волы играютъ, потому-что чувствуютъ
весну: Юрѣя! Юрѣя! чувствуютъ весну. Зашумѣли рѣчки, сбросили съ
себя ледъ... Почернѣла земля, потому-что ее вспахали...: Юрѣя!
Юрѣя! потому-что ее вспахали. Зазеленѣла берѣза, потому-что распу-
стились почки на ея вѣтвяхъ: Юрѣя! Юрѣя! потому-что распустились
почки на ея вѣтвяхъ... Повеселѣли лѣса...: птички въ нихъ поють ...
Юрѣя! Юрѣя! птички поють... Зазеленѣла долина; цвѣтки зацвѣли:
Юрѣя! Юрѣя! цвѣтки зацвѣли... Ой, пойду я пойду цвѣтки собирать:
Юрѣя! Юрѣя! цвѣтки собирать... Цвѣтки собирать, вѣнки вить: Юрѣя!
Юрѣя! вѣнки вить... Вѣнки вить, Юрѣя прославлять (воспѣвать):
Юрѣя! Юрѣя! Юрѣя прославлять.

Поющихъ дѣвушекъ и пастуха со стадомъ хозяинъ дома (при которомъ живетъ пастухъ) встрѣчаетъ верхомъ на лошади и бросаетъ зерновой хлѣбъ на скотину...

Дѣвушки стараются подхватить хоть по зернышку, которое потомъ прячутъ у себя до того времени, пока сами не сдѣлаются хозяйками, т. е. пока не выйдутъ замужъ...

Потомъ дѣвушки кружатся возлѣ лошади, и поклонившись сидящему на лошади хозяину, поютъ:

Разыграйся Юра-коникъ
Залаценьки коникъ!

Разби камень капыцейкамъ
Пригожи коникъ!

У томъ камени адырка есьць...
Милы коникъ!!

Нехай же пастушокъ яго зѣсьць...
Нашъ ты коникъ!

Разыграйся Юра-коникъ!
Залаценьки коникъ!

Разби камень капыцейкамъ
Пригожи коникъ!

У томъ камени щасьце есьць...
Милы коникъ!

На наши нивы нехай Юра самлѣць...
Ты нашъ коникъ!

(Разыграйся Юрьевъ коникъ, золотенькій коникъ! Разбей камень копытникомъ, красивый коникъ!—Въ камнѣ, въ срединѣ, есть адышко: милый коникъ! Пусть съестъ его пастушокъ: ахъ, ты нашъ коникъ!.. Разгуляйся Юрьевъ коникъ, золотенькій коникъ! Разбей камень копытникомъ, красивый коникъ! Въ томъ камнѣ хранится счастье, милый коникъ! Пошли, Юрій, счастье на наши поля! Ахъ ты нашъ коникъ!)

Тѣмъ оканчивается обрядность Юрьева-дня. Вечеромъ у пастуха бываетъ играшка.

9. МОЛОДИКОВАЯ-НЕДѢЛЯ.

Мѣстный очеркъ.

Знаете ли вы, читатель, или по-крайней-мѣрѣ, слышали ль вы, что значитъ — *молодиковая недѣля*? Я думаю, не знаете, если вы никогда не бывали въ бѣлорусскомъ краю.

Вотъ видите ли, молодиковая недѣля значитъ — первое воскресенье послѣ новолунія, въ которое совершается богослуженіе въ церкви, или въ часовнѣ, хранящей въ себѣ чудотворный образъ Божіей Матери.

Въ это-то воскресенье, въ той деревнѣ или мѣстечкѣ, гдѣ совершается богослуженіе въ честь явленной чудотворной иконы, бываетъ большое стеченіе народа, не только изъ сосѣднихъ деревень и городовъ, но даже, нерѣдко, изъ отдаленныхъ губерній Россіи.. Стекается народъ не только простой, но очень часто такъ-называемый знатный, магнатскій. Всѣхъ влечетъ туда одно чувство искренней вѣры въ помощь Заступницы Небесной; всѣхъ ведетъ въ непроходимыя лѣса и глухія мѣста надежда на полученіе исцѣленія отъ болѣзней и тяжелыхъ страданій; всѣхъ зоветъ, наконецъ, туда голосъ совѣсти, внушающій исполненіе обѣта, даннаго Богу во-время безотраднaго состоянія души.

Мѣста, ознаменованныя чудотворнымъ явленіемъ Небесной Заступницы извѣстны въ Бѣлоруссіи подъ именемъ *Прощь* или *Просьчъ*. Просьча или проща значитъ то мѣсто, въ которомъ мы обращаемся къ Святой Покровительницѣ съ просьбою, съ молитвою.

Эти прощи существуютъ почти во всякомъ уѣздѣ, мало-того, почти въ каждой главной деревнѣ или мѣстечкѣ бѣлорусскаго края.

Чтобъ познакомить читателей съ подобными прощами, я постараюсь описать одну изъ нихъ, и расскажу, какъ проводятъ въ Бѣлоруссіи молодиковыя недѣли; при чемъ буду имѣть въ виду и описаніе самой мѣстности той прощи, о которой буду говорить въ предлагаемомъ характеристическомъ очеркѣ.

Я хочу говорить о кривичкой прощѣ.

Въ минской губерніи, случкомъ уѣздъ, въ завшицкомъ приходѣ есть деревня *Кривичи*, принадлежащая князьямъ Витгенштейнамъ.

Здѣсь не мѣсто распространяться о древнемъ значеніи этой деревни, такъ ясно напоминающей объ остаткахъ оселищъ русско-славянскихъ кривичей, — объ этомъ будетъ сказано въ особой статьѣ о Бѣлоруссіи; слѣдуетъ только замѣтить, что деревня эта носитъ первобытное названіе, данное ей еще въ XIII вѣкѣ, именно названіе *Куничной*; сосѣдніе поселяне до-сихъ-поръ называютъ кривичанъ куничными.

Деревня лежитъ на опушкѣ сосноваго лѣса; у подошвы ея стелется раскинутая пелена луговъ, полей и мелколиственныхъ кустарниковъ, кой-гдѣ окаймленныхъ ручейками и крошечными протоками.

Почти въ виду самой деревни, на довольно значительномъ возвышеніи, окруженномъ досчатымъ заборомъ, скромно выглядываетъ изъ-за высокихъ, довольно старыхъ сосенъ и березъ маленькая, деревянная, двухкупольная церковь, на каменномъ основаніи.

Направо отъ церкви устроена маленькая часовня, или, какъ говорятъ въ Бѣлоруссіи, *каплица*, — которая составляетъ необходимую принадлежность всякой прощѣ. Каплицы эти обыкновенно безъ дверей, но съ открытымъ окномъ, изъ котораго видна копія той чудотворной иконы, подлинникъ которой хранится въ самой церкви.

Нагѣво — небольшое зданіе, называемое *старожовкою*, въ которомъ ночуетъ сторожъ.

Вокругъ церкви, по всему погосту растутъ безчисленные деревья, составляющія почти лѣсъ; даже самыя дорожки и тропинки также унылы и мрачны, какъ и тѣ, которыя обыкновенно встрѣчаются въ непрочищенныхъ рощахъ. Между деревьями, кой-гдѣ навалены груды камней, обросшихъ буеракомъ и мхомъ; мѣстами встрѣчаются небольшія насыпи, курганчики — и могилы, осѣянные кустами дикой розы и сѣрыми, деревянными крестами.

Такая обстановка погоста придаетъ прощѣ что-то таинственное, и невольно приводитъ на мысль бѣлорусское народное преданіе, что всѣ прощѣ въ Бѣлоруссіи, по волѣ Промысла, сами-собой явились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде, въ языческія времена нашихъ предковъ, совершались различныя *паганьскія* (идолопоклонническія) служенія и жертвоприношенія въ капищахъ, храмахъ, или на открытомъ воздухѣ, въ густыхъ, таинственно-мрачныхъ лѣсахъ, или, наконецъ, на изгорькахъ, пригоркахъ и вообще значительныхъ возвышеніяхъ, извѣст-

ныхъ подѣ именемъ *городницъ*. Въ подтвержденіе такого преданія можно привести то обстоятельство, что при раскапываніи подобныхъ городищъ, не разъ находили нѣкоторыя орудія, употребляемыя нѣкогда славяно-русскими языческими жрецами при обрядахъ кумирнаго богослуженія *. Въ-послѣдствіи времени, со введеніемъ христіанства, желая привлечь языческой народъ къ богослуженію христіанскому, правительство строило на мѣстахъ прежняго языческаго служенія храмы и часовни, для служенія Богу истинному **.

Вѣтъ ограды погоста, у подошвы горы, съ одной стороны, именно съ самага проѣзда къ прощѣ, пестрѣютъ дикіе кустарники и зеленѣютъ луга, кой-гдѣ пробиваются участки обработанныхъ крестьянскихъ полей, между которыми извивается довольно гладкая дорога, проложенная къ церкви изъ села *Завшичь*; съ другой открывается видъ густой осиново-рощи, отдѣленной отъ подошвы возвышенія прощы ухабистыми и какъ бы изрытыми берегами какого-то протока ***; съ третьей продолжается возвышеніе, еще болѣе заросшее дикимъ, непрочищеннымъ лѣсомъ, чѣмъ самый погостъ;—съ четвертой, у самага обрыва возвышенія красуются цвѣтистыя, душистыя, пастбища, при видѣ которыхъ легко вообразить наслажденіе тѣхъ животныхъ, которымъ позволяется питаться такими ароматическими травами...

Съ разсвѣтомъ дня, вся дорога завшицкая наполняется богомольцами. Прежде всего, изъ сосѣднихъ деревень: Чижевичъ, Чапличь, Царовець, Романова, Иваничъ, Прусь, Погоста, Доросина—тянутся возы и брички съ поселянами, однодворцами и окольною шляхтою. Потомъ являются карафашки и буды съ горожанами и горожанками изъ Слуцка, Грозова, Пырашева, Хотляня, Игуменя и даже Минска. Наконецъ, въ 10 часовъ утра, проѣзжаютъ и коляски, а иногда и кареты изъ сосѣднихъ губерній. Впрочемъ, главную часть молельщиковъ составляютъ жители и помѣщики означенныхъ деревень и городовъ.

Большая часть собравшагося народа располагается у протока, и по-

* Напримѣръ каменные молотки, топоры, какіе-то сосуды въ родѣ мисокъ. Всѣ эти орудія описалъ Гр. Тышкевичъ, извѣстный бѣлорусскій ученый. (См. Его *Badania archeologiczne*, стр. 31, 32).

** См. *Собраніе актовъ* минской губерніи.

*** Одинъ кривичскій старожилъ разсказывалъ мнѣ, что когда-то здѣсь была рѣчка и называлась *Кривичкою*; но въ послѣднее время она высохла и вмѣсто ея остался только небольшой протокъ — *Кривча*.

ка звонъ колокола призоветъ къ молитвѣ, переодѣвается и прогуливается вокругъ прещи по красивымъ, цвѣтущимъ окраинамъ ея *.

Но вотъ раздался первый звукъ колокола... Народъ суетится, спѣшитъ со всѣхъ концовъ, какъ муравьи, и пробирается къ погосту...

Звукъ колоколовъ усиливается;—погостъ наполняется народомъ все болѣе и болѣе, такъ что, наконецъ, становится тѣсно, и запоздалый богомолецъ долженъ довольствоваться мѣстечкомъ внѣ ограды прещи...

Входить въ церковь—нѣкоторые, потому—что всѣмъ невозможно помѣститься въ маленькой церкви...

Внутренность церкви озаряется безчисленными огнями восковыхъ свѣчей, привезенныхъ, или принесенныхъ усердными богомольцами... Народу столько, что буквально нельзя птичкѣ пролетѣть межъ плечъ и даже головъ молящихся; священнослужитель съ трудомъ выходитъ на средину, для совершенія извѣстныхъ обрядовъ священнодѣйствія.

Церковныя двери растворены настежь, на паперти неменѣе народа, какъ и въ самомъ храмѣ...

Всѣ молилось, все преклоняло колѣни и падало ницъ предъ Всемогущею Заступницею; одни стояли съ обращеннымъ къ иконамъ взоромъ, и ударяя себя руками въ грудь, со вздохомъ повторяли молитву мытаря; другіе, болѣею частью женщины, лежали ничкомъ, съ распростертыми руками, и шептали покаянные псалмы; даже дѣти постоянно клали поклоны и усердно, искренно твердили молитву Господню...

Отраднo и весело было на душѣ среди такой искренней, чистой молитвы народа къ Премудрому и Всеблагому Создателю... Я давно не испытывалъ такого дивнаго восторга души; жизнь столичная надолго разлучала меня съ родными мѣстами Бѣлоруссiи, гдѣ я провелъ первые, чудные годы дѣтства, гдѣ впервые испыталъ столько радостей и наслажденій въ кругу родныхъ и близкихъ сердцу людей... Какъ невыразимо—отраднo было предаваться этому младенческому обаянію, доступному сердцамъ бѣлорусцевъ въ-теченіе всѣхъ періодовъ жизни, до самой могилы!

Мнѣ вспомнились тѣ чудные дни, полные неописаннаго веселья и повятнаго только тому, кто самъ это испыталъ, дни, въ которые я спѣшилъ на каникулы изъ губернскаго города въ отдаленный уѣздъ, и

* Я описываю стеченіе народа на богомолье въ лѣтнее время. Зимомъ меньше бываетъ народа.

могъ съ полною свободою развѣзжать по деревнямъ и селамъ, гдѣ по какой-то страстной, безотчетной охотѣ къ изученію народныхъ повѣрій и сказокъ, прислушивался къ звукамъ гармоническаго, пѣвучаго бѣлорускаго языка, записывалъ слова и рассказы изъ устъ поселянъ дощерищевныхъ *баяновъ* и *знахарей*, пробирался въ бѣлорусскія *хаты* и *кльми*, находилъ удовольствіе бесѣдовать за скромной деревенской трапезой съ сѣдолосыми стариками и морщинистыми старухами... Что влекло меня туда, въ эти хижины бѣдныхъ людей? Не знаю... я любилъ этихъ добрыхъ людей, я находилъ отраду въ ихъ, медленномъ, лѣнливомъ разговорѣ, въ ихъ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ; мнѣ весело было жить съ ними, дѣлиться чистыми восторгами ихъ души; мнѣ не хотѣлось уходить изъ ихъ хатъ, мнѣ жалъ было расставаться съ ихъ углами, гдѣ я слышалъ столько дивъ и чудесъ о князьяхъ заколдованныхъ и княжнахъ *зачарованныхъ*, о кладахъ не доступныхъ и стерегущихъ ихъ чуднцахъ, о волшебныхъ подземельяхъ и знахаряхъ-колдунахъ... Сколько новаго, нежданаго мнѣ за школьной скамьей, я узналъ въ этомъ народномъ училищѣ, богатомъ разнообразными предметами и науками о родной землѣ и языкѣ, о древнемъ житѣ-бытѣ предковъ, дѣдовъ, о переломахъ въ разные эпохи исторіи Западной-Руси.

И я забывалъ съ ними о губернскомъ городѣ, о товарищахъ по школѣ, о знакомыхъ и даже родныхъ... я жилъ съ ними, я росъ между ними... И я часто молился съ ними подъ однимъ кровомъ, гдѣ-нибудь въ глуши, вдали отъ всѣхъ *книжниковъ* и мудрецовъ мірскихъ, въ скромномъ, уединенномъ деревенскомъ храмѣ... Я былъ счастливъ, я былъ восторженъ, потому-что могъ молиться искренно, тепло, горячо. А какъ часто потомъ... на душѣ у меня было тяжело: я былъ въ свѣтѣ, веселился—но молиться не могъ уже такъ, какъ молился въ Бѣлоруссіи родной, подъ сосновой кровлей, осѣненной вѣковыми дубами и густыми елями... Какъ все измѣнилось съ-тѣхъ-поръ... Сколько бурь и непогодъ пролетѣло надъ головою моею: было время—я страдалъ безъисходно, сердце покоя не находило, и въ блестящихъ салонахъ я не видалъ отрады. Какъ тяжело было тогда!

Но теперь, — я опять въ родномъ краю, вдали отъ столицы, у подножія давно-видѣннаго мною агтаря и въ душѣ моей пробудились восторженные минуты первой юности-дѣтства: мнѣ отрадно, весело... Я опять могу молиться... межъ родныхъ людей, бѣлорусскихъ *господарей*... Откуда взялась теплота прежняя въ душѣ; въ сердцѣ кровь ожила... Я молился въ бѣлорусскомъ деревенскомъ храмѣ... Какое свѣтлое воспоминаніе!...

Но вотъ масса народа заколебалась, раздвинулась и въ храмѣ образовалась пустота... Всѣ стали выходить, чтобъ дать мѣсто пройти духовенству и причту съ хоругвями и крестами: то былъ крестный ходъ по окончаніи литургіи.

Впереди шелъ почтенный пастырь съ евангеліемъ въ рукахъ; предъ нимъ два младшіе священника несли чудотворный образъ Богоматери; народъ, при видѣ этого образа, палъ ничкомъ и шествіе на нѣсколько минутъ остановилось...

Желая оказать снисхожденіе усерднымъ богомольцамъ, пастырь далъ народу время выразить свою преданность къ Небесной Заступницѣ и сталъ читать евангеліе... Народъ, стоя на колѣняхъ, съ поднятыми вверхъ руками, молча и благоговѣнно-восторженно слушалъ чтеніе старца и впивался взорами въ иконопись лика чудотворнаго образа...

Чтеніе кончилось, — ходъ продолжался, но народъ, не вставая съ своихъ мѣстъ, слѣдилъ за скрывавшимся въ чащѣ деревъ образомъ и въ благочестивомъ настроеніи ожидалъ возвращенія пастыря на прежнее мѣсто. Нѣкоторые, особенно женщины, по данному обѣту, на колѣняхъ слѣдоуа за образомъ, заставляя тоже дѣлать и малютокъ—дѣтей своихъ...

Ходъ повторился трижды и вотъ пастырь съ клиромъ остановился у каплицы и сталъ читать евангеліе... Народъ валомъ прильнулъ къ каплицѣ и въ возможномъ, почтительномъ отдаленіи отъ пастыря припалъ къ землѣ...

Наконецъ, пастырь пропѣлъ славословіе Пресвятой Богоматери, и народъ, настроенный пѣніемъ къ высокому, благоговѣнному чувству, огласилъ все поднебесье прощія извѣстнымъ по всей Бѣлоруссіи гимномъ: *подъ покровъ тчой, Богородице, приближаемъ!*..

Картина была величественная, какую только можно встрѣтить въ бѣлорусскомъ краю во-время молодиковыхъ недѣль...

Мною овладѣло какое-то непонятное, давно забытое чувство; въ душѣ моей происходило что-то особенное, необыкновенное... колѣни мои невольно согнулись и я сталъ пѣть знакомый мнѣ въ дѣтствѣ гимнъ. Какъ счастливъ я былъ въ эти минуты!

По окончаніи крестнаго хода, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ отправились домой, но большая часть народа, по-преимуществу простаго, осталась тутъ-же на погостѣ и внѣ погоста, по окраинамъ возвышенія, — и возвратилась домой къ вечеру.

За оградой погоста явились некоторые промышленники съ товарами, съ сластями, пряниками, даже съ живыми курами, гусями и тому подобное; словомъ импровизировалась небольшая сельская ярмарка, безъ шума, безъ крика, ничуть впрочемъ непохожая на описанную мною *. Цѣль этой ярмарки очень простая—чтобъ доставить возможность пріѣхавшимъ изъ далекихъ мѣстъ поселянамъ, въ случаѣ нужды, купить что-нибудь для дневнаго продовольствія...

Оставшіеся расположились хоровами на курганахъ, и на разостланномъ обрусѣ поставили разныя печива и сырыя закуски **.

Но нусть себѣ кушаютъ эти оставшіеся на погостѣ и вокругъ погоста, а мы заглянемъ въ хаты завшицкихъ поселянъ, гдѣ проводятъ время сествіе ихъ знакомые, бывшіе на богомольи и зашедшіе къ нимъ въ гости.

Такъ-какъ кривицкая проца принадлежитъ къ завшицкому приходу, то и обязанность принимать и угощать гостей лежитъ по преимуществу на завшицкихъ поселянахъ; — даже изъ Кривичъ заходятъ некоторые въ Завшичи.

Почти вся деревня Завшичи, особенно если хороша погода, превращается въ гостиницу, или въ заѣздный домъ; ко-всякому семьянину непременно зайдетъ или заѣдетъ нѣсколько гостей и знакомыхъ, а часто вовсе незнакомыхъ путешественниковъ, пришедшихъ изъ далекихъ сторонъ... На этотъ разъ, домъ каждаго хозяина открытъ для усталаго богомольца, — гдѣ предлагается ему гостепріимнымъ и радушнымъ семействомъ кровъ, постель, стулъ и столъ... Добрые поселяне готовы сами-себѣ отказать во многомъ необходимомъ, но не пожалятся послѣдняго добра для гостя. «Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!» обыкновенно пріѣтствуютъ въ этомъ случаѣ бѣлорусецъ вошедшаго къ нему богомольца, и дѣлается съ нимъ послѣднею крохою... Не правда-ли, что это прекрасное обыкновеніе живо напоминаетъ гостепріимство древнихъ предковъ нашихъ, русскихъ славянъ...

Нужно и то впрочемъ замѣтить, что вообще весь слудкій уѣздъ (минской губерніи) отличается хлѣбосольствомъ, радушіемъ и рѣдкимъ гостепріимствомъ; развѣ только пинскій уѣздъ (той же губерніи) можетъ нѣсколько поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи, Гостепріимство и

* См. № 4-й Цант. 1853 г., *Бѣлорусская ярмарка*.

** При этомъ совершаются иногда поминовенія, но чаще всего — собственно кушаютъ и больше ничего. О поминкахъ будетъ особая статья.

глубоко развиты не только между добродушными, простыми поселянами, но и между застѣликою (ожольною) шляхтою, духовенствомъ и помѣщиками. Въ молодиковыя недѣли дома духовныхъ и помѣщиковъ и шляхты наполняются знакомыми и незнакомыми людьми: и все эти люди, подъ однимъ именемъ гостей, находятъ искренній, радушный приемъ въ домахъ мѣстныхъ владѣльцевъ.

Но по преимуществу, повторяю, деревня Завшичи превращается въ безплатную гостиницу.

Вотъ по улицамъ тянутся длинныя, многочисленныя вереницы стариковъ и старухъ, хлопцевъ и молодыхъ, парней и дѣтей, въ праздничныхъ нарядахъ; — и чѣмъ далѣе подвигаются къ противоположному концу деревни, тѣмъ рѣже и рѣже становятся вереницы: одни поворачиваютъ направо, другіе налево, наконецъ улицы пустѣютъ—все разсыпалось по домамъ...

Хозяинъ и хозяйка съ радостью встрѣчаютъ гостей у воротъ и провозжатъ ихъ въ свои хаты. Длинныя, узкіе столы о четырехъ ножкахъ съ перекладными, покрытые чистыми скатертями, заставлены всеми возможными кушаньями, но между ними первое мѣсто занимаетъ ячичница и домашній сотовый медъ, прозрачный, какъ кристаллъ, и блестящій, какъ чистѣйшій, высокой доброты янтарь... Рядомъ съ кушаньями поставлены деревянные ковши съ пивомъ и бутылки съ водкою...

Первая встрѣча хозяина въ свѣтлицѣ — встрѣча гостеприимная... Онъ не угощаетъ усталаго гостя сладкими, но не питательными побасенками и разсказами, а прямо предлагаетъ ему—покушать и выпить.

Гости садятся... Хозяйка и дѣти ихъ (если они взрослые), стоя, угощаютъ посѣтителей обѣдомъ.

Старики и старухи, по просьбѣ хозяевъ, снимаютъ съ себя тяжелую одежду, откладываютъ ее въ сторону и, какъ у себя дома, свободно разшнуровываются вкругъ стола. Молодые парни и дѣвочки, изъ уваженія къ старикамъ, не смѣютъ снять съ себя лишней тяжести и только послѣ нѣскольکو-кратнаго понуканья стариковъ рѣшаются снять свои суковныя (даже и лѣтомъ) свиты, и скромно, почтительно садятся рядомъ съ господами пожилыми.

Можетъ-быть, вамъ хочется знать, что и изъ какой посуды ѣдятъ бѣлорусскіе поселяне?.. Если угодно, я разскажу...

Кромѣ ячичницы и меда, подають жидкія горячія кушанья, а вмѣсто

капусту (тоже, что ши), *бураки* (то-есть, борщъ), *крупень* или *крупникъ* (то-есть, супъ), *зацирку* (родъ лапши, или клецокъ).

Капусту и бураки варятъ съ свинымъ саломъ, *вялиной* (ветчина), или съ *затавкой* (то-есть съ мелко изрубленнымъ и растертымъ въ кашу свинымъ саломъ), — но почти никогда не варятъ съ говядиной, частью потому, что ее не во всякое время можно имѣть въ деревнѣ, а частью потому, что капуста и свекла, по понятію простолюдиновъ бѣлорусскихъ, не могутъ имѣть такого вкуса отъ говядины, какъ отъ свиного сала. Что касается до крупени и зацирки, то онѣ варятся съ курятиной или съ говядиной. Крупень дѣлается изъ крупъ, болѣею частью ячменныхъ или гречневыхъ, домашняго приготовленія, а зацирка изъ пшеничной или гречневой муки. Нерѣдко случается, что подаютъ вмѣстѣ и борщъ и крупень.

Изъ жаркихъ — подаютъ телятину, курей, цыплятъ, баранину и колбасы; — все это готовится на салѣ и на *шкваркахъ* (мелко изрубленное сало съ верхнею кожицею), но не на маслѣ.

Послѣ жаркихъ подаютъ сласти и лакомства, состоящія изъ *макушекъ* (маковники съ медомъ), *коржей* (засушенные блинчики, облитые сытою), *аладй*, *плески* (шеска, то-есть картофель съ молокомъ), также орѣховъ и дынныхъ сѣмянъ...

Жидкія кушанья подаются въ деревянныхъ или глиняныхъ мискахъ, а подъ чашъ и въ горшкахъ или *чугунахъ* (то-есть горшкахъ чугунныхъ, особаго фасона); жаркія — на сковородахъ или просто на деревянныхъ кружкахъ... Тарелокъ и вилокъ почти нигдѣ не употребляютъ, не потому, чтобъ не знали объ ихъ существованіи, но потому, что считаютъ ихъ излишними: «душа мѣру знаетъ, говорятъ они, къ чему наливать въ тарелки?» Обыкновенно старшій между гостями рѣжетъ говядину или сало и складываетъ на одинъ кружокъ; съ кружка берутъ руками по кусочку и не церемонясь, подносятъ ко рту. . Ложки употребляются деревянные, дубовыя или липовыя, некрашенныя, довольно красиво выточенныя, съ очень длинными рукоятками, но не слишкомъ глубокими желобками.

Послѣ обѣда, старики отдыхаютъ, а старухи съ хозяйкою отправляются въ огороды. Хозяйка хвалится своимъ хозяйствомъ, показываетъ, какъ хорошо у нее растутъ горохъ, огурцы; сколько насадила конопля, ранняго ячменя и кукурузы; сколько насадила моркови, рѣпы,

Правда, что въ Бѣлорусіи прекрасно умѣютъ солить и коптить свиное сало; копченое сало бѣлорусское поспоритъ вкусомъ съ любымъ заморскимъ сыромъ.

бобовъ и картофеля... словомъ, водить старухъ по всѣмъ огородамъ, и показавъ все свое растительное добро, просить заглянуть въ хлѣвы,— посмотреть, сколько у нея дойныхъ коровъ; рассказываетъ, сколько каждая корова дала телятъ; — каковы овцы, бараны, сколько думаетъ получить съ нихъ шерсти;—потомъ ведетъ въ гусятникъ, курятникъ, ивалится индѣйками, утками и другими домашними птицами... Накопецъ, показываетъ гостьямъ свое прядиво, кудель, ткацкіе станки; рассказываетъ, сколько у нея приготовлено для продажи полотна, нитокъ, льну и всякаго *пачесья* (дурной сортъ льнянаго водокна). — Старухи ивалить, дѣлаютъ свои замѣчанія, просятъ на расплодъ индѣйку или утку, и приглашаютъ хозяинку къ себѣ на храмовой праздникъ, а если есть у нихъ проща,—на слѣдующую молодиковую недѣлю.

Въ то же самое время, молодые парни и дѣвицы, вмѣстѣ съ дочерьми и сыновьями хозяевъ, отправляются гулять по деревнѣ или въ ближайшую рошу... Въ деревнѣ образуются хороводы, но хороводы безъ шалостей, безъ шумныхъ пѣсней; большею частью ходять и говорятъ,— то-есть собственно знакомятся, потому-что сходятся и встрѣчаются люди съ разныхъ сторонъ,—никогда невидавшіе другъ-друга... Вся сущность хороводовъ заключается въ пѣняхъ, которыя поются дѣвицами по усмотрѣнію, какая которой нравится... Привожу здѣсь ту пѣсню, которую я самъ слышалъ и записалъ съ устъ одной-пѣвицы...

Туманъ, туманъ, туманъ на далинѣ,
 Широкій листь на калинѣ, на калинѣ.
 Ширѣй таго, ширѣй таго на дубочку;
 Кличьць голубъ галубачку, галубачку,
 Хоць не сваю, хоць не сваю, да чужую:
 Пастой, мила, пацалую—пацалую.
 На што-жь тоя, на што-жь тоя цававанья,
 Серцу туги задаванья, задаванья?
 Не задавай, не задавай сердцу туги;
 Ня возьмешь ты, возьме други, возьме други.
 Пастой, дзѣвка, пастой—дзѣвка! не журися;
 Я ищѣ моладъ—ня жанився, ня жанився.
 А якъ буду, а якъ буду жанитца,
 Прашу-й-пива жанитца, прашу дзива дзивитца.

Тваё-й-пива, тваё-й-пива мнѣ ня мила,
 Тваё-й-дэива—мнѣ ня дэива, мнѣ ня дэива.
 Тольки дэива, якъ мы съ табой гаварили:
 Твая маці чаравница, твая сестра разлучница.
 Разлучила, разлучила насъ съ табою,
 Якъ рыбачку и зъ вадою, и зъ вадою.
 Гариць агонь, гариць агонь за вадою;
 Я-й-ня виджу за бядою, за бядою.
 Гариць агонь, гариць агонь за лѣсами,
 Я ня виджу за слезами, за слезами!..

(Въ долині стелется туманъ, на калині шелестять листья, — листья побольше, чѣмъ на дубѣ. Зоветъ голубь голубку (самку) — не свою, чужую. Постой миленькая, я тебя поцѣлую. Къ чему тебѣ меня цѣловать, сердцу горе, скуку накликалъ? Не накликай горя себѣ, не быть мнѣ твоею, быть мнѣ женою другаго... — Постой, дѣвица, постой! не горюй! я еще молодъ и холостъ... А какъ задумаю жениться попрошу на пиво, подивиться моему диву... Не хочу я твоего пива, не удивить меня твое диво... Что-жь за диво тамъ такое будетъ у тебя?—Вотъ скорѣе диво—то, что твоя мать колдунья и сестра злая разлучила меня съ тобою, какъ рыбку съ водою... Горитъ огонь, горитъ онъ и подъ водою; не видать мнѣ его за своей бѣдою. Горитъ огонь, горитъ онъ подъ землею; не видать мнѣ его за своими слезами...)

Между-тѣмъ, старики—господари уже встали, отдохнули и ведутъ межъ собой рѣчь о своихъ господарскихъ дѣлахъ... Хозяинъ рассказываетъ имъ объ урожаѣ на своихъ поляхъ, о новой стодола (сарай), недавно выстроенной для воловъ, объ удачной уборкѣ сѣна пахучаго, какъ ароматные цвѣты, о томъ, что затѣваетъ онъ посѣять на новыхъ *польткахъ* (новое поле для посѣва озимаго хлѣба), случайно открытыхъ имъ въ сосѣднемъ *березнякѣ* (березовая роща)... Старики съ *люльками* (трубками) въ зубахъ, сложивъ крестообразно руки на столѣ, внимательно слушаютъ и по временамъ, сквозь дымъ доморощенного табаку, пускаютъ красное словцо, ласкающее самолюбіе гостепріимнаго хозяина... Радужный хозяинъ предлагаетъ гостямъ прогуляться съ нимъ по полямъ, сѣнокосамъ и заглянуть въ гумно...

Вотъ отправляются на поля; рассматриваютъ ново-вспаханые участ-

ки, любятъ густыиъ, большимъ льномъ, предсказываютъ большіе барыши отъ льнянаго волокна; срываютъ колосья пшеницы, растираютъ ихъ въ рукѣ, пробуютъ зерна, и самодовольно покачивая головами, хватать чудную пшеницу; подходятъ къ копнамъ сжатой ржи, взвѣшиваютъ руками снопы, и радуются хорошему умолоту ихъ... Вотъ проходятъ межъ бороздъ гречи, и окинувъ глазами нѣсколько *загоновъ* (известная часть десятины), двигая такому обилію добра хозяйскаго... Хозяинъ улыбается, и въ восторгѣ отъ похвалъ стариковъ, обнимаетъ и целуетъ ихъ...

На сѣнокосахъ разсуждаютъ, какъ-бы устроить такъ, чтобъ завести въ своемъ краю, бѣлорусской землѣ, тройную уборку сѣна, точно также, какъ въ благодатной Малороссіи... Хозяинъ возражаетъ... старики опровергаютъ его возраженія, и дѣло оканчивается тѣмъ, что хозяинъ даетъ слово попробовать счастья—завести тройную уборку на слѣдующее лѣто...

Потомъ пробираются въ гумно... Хозяинъ подводитъ стариковъ къ *озеродамъ* *, показываетъ, сколько онъ успѣлъ *уозеродить* ржи и ржаного ячменя; объясняетъ, сколько стоило ему трудовъ поставить новый озеродъ, по случаю недостатка дѣсу въ *Случизнѣ* **, какъ помочь ему одинъ добрый человекъ, у котораго оказался лишній запасъ сосновыхъ и еловыхъ жердей... Старики просятъ хозяина показать ему свою молотильню; хозяинъ ведетъ ихъ въ *току* (мѣсто, гдѣ молотятъ), — рассказываетъ, изъ какого матеріала сдѣланъ его овинъ, какъ славно сохнетъ въ немъ збожье (всякой зерновой хлѣбъ); какъ много берегаетъ мякны и ометья (мелкая мякна, которая остается послѣ молотбы) и какъ выгодно молотить на току, вымощенномъ глиною...

Насмотрѣвшись вдоволь всякаго добра и порядковъ хозяйскихъ, гости и хозяинъ возвращаются въ хаты, гдѣ ихъ встрѣчаютъ старухи, молодичи, парни и дѣвчцы. Гости собираются домой.

Хозяинъ и хозяйка просятъ ихъ отдохнуть за столомъ и закусь на дорогу.

Слѣдуетъ небольшое угощеніе: пиво, медъ и водка не сходятъ со

* *Озероды*, т. е. переплетъ кѣтчатый изъ жердей еловыхъ или сосновыхъ, для про-
вѣтриванія и просушванія сноповъ.

** *Случизною* называютъ здѣсь весь случій уѣздъ

стола, и гости-старикн позволяютъ себѣ немножко потѣшить себя *веселящими сердце* напитками.

Вотъ старухи, развеселившись, начинаютъ говорить громче и развязнѣе. Говоръ и хохотъ увеличиваются... Хозяйка проситъ еще выпить, гостя отпѣкивается; просьбы повторяются, гостя, будто не хотя, беретъ кубокъ съ водкою, и поставивъ его предъ собою, начинаетъ что-то пацѣвать; сосѣдки ей вторятъ... начинаются припѣвы... богѣе веселая поетъ:

Циждь намъ бѣда не надаѣла?

Усиимъ намъ кѣпска доля не приспѣла...

Пасядзимъ, пагадайма...

Адна другую пацѣшайма!..

На великае пици дѣла,

Усиимъ намъ въ вочахъ пачарнѣла...

Гаспадыня уважай,

Якъ не стане, даливай!..

Маешъ трунакъ у пивницы,

Будуць повны усѣ шклянницы!

А ты, нутка, увивайся,

Многа гасьцей — не улекайся!..

Пекъ вамъ! не баюся,

Усиимъ догаджу, сама звернуся...

Будзя годзи!.. не праси...

Пойдемъ да сваяси.

(Неужели-жъ намъ не надоѣло горе? Не вѣчно-жъ горевать на свою злую долю... Сядемъ, погадаемъ, одна другую утѣшимъ!.. Не велика вещь пить такъ, чтобъ въ глазахъ потемнѣло... Ты смотри, хозяйшка, не жалѣй вина, подливай... Есть у тебя этого добра въ погребѣ довольно, есть откуда налить въ бутылки... Не пугайся только, что такъ много у тебя гостей... Послужи ты намъ... а ужъ такъ и быть, не побоясь я за себя, угожу и я всѣмъ вамъ, сама угощу васъ, пожалуйте ко мнѣ... Впрочемъ довольно! не проси больше, пора домой!..)

На другомъ концѣ стола, старики — тоже на веселѣ; тутъ сцена очень-умилная, чисто-идиллическая... Старики кланутся другъ-другу въ дружбѣ, обнимаются, цѣлуются и извиняются предъ хозяиномъ, что засидѣлись у него такъ долго... Хозяинъ, въ свою очередь, извиняется, что онъ не можетъ угостить чѣмъ-нибудь получше, и предлагаетъ гостямъ выпить еще на прощанье...

Наконецъ, какой-нибудь краснобай, поднимая рюмку вверхъ, прощается съ хозяиномъ и прочими знакомыми, и напѣваетъ, мотая головою, слѣдующую пѣсню:

Не усѣ жъ зъ вами быць, треба и разстатца,
 Зъ усими вами тутъ притомными папрашатца...
 Выѣждаю адъ васъ да свайго дому,
 И кланяюся вамъ зъ-асобна каждому.
 Кланяюся табѣ, щиры гаспадару,
 И дзякую табѣ за ужитаць дѣру;
 Не хай Богъ сто разъ надгародзиць цебѣ,
 А па сьмерци штобъ намъ быць разамъ у небѣ.
 Чимъ каго абразивъ, то перепрашаю,
 Добра щирае серца да каждая маю,
 Даруйце образы, якую хто мае,
 А самъ нехай въ счасьци-здоровъ застае.
 Бывайце здаровы, да не забывайце,
 Што я васъ пріацель, мяне вспоминайце;
 Вспоминнайце мяне такими славами:
 «Бывъ тутъ добры чалавѣкъ, што бавився зъ нами!»

(Не все же съ вами быть, нужно и разстаться; нужно распрощаться со всѣми, сколько ни есть васъ здѣсь. Узъжаю я отъ васъ домой, и кланяюсь я вамъ всѣмъ и каждому по-одиночкѣ. Кланяюсь тебѣ, радунный хозяинъ, и благодарю тебя за твое угощение: пусть Богъ сторицей наградить тебя за твое добро; суди Боже быть намъ вмѣстѣ въ рай. Если я кого оскорбилъ, прошу прощенія, искренне, отъ сердца извинившись; простите меня, если кто оскорбленъ мною; желаю вамъ быть счастливыми и здоровыми... Будьте здоровы, да не забывайте, что я

вашъ другъ, вспомните обо мнѣ; помяните меня этими словами: «былъ здѣсь добрый человекъ, онъ веселился съ нами дружно!»

Хозяинъ и хозяйка проводятъ гостей до воротъ, и перецѣловавши всѣхъ просятъ ихъ къ себѣ на слѣдующую молодиковую недѣлю...

Гости, въ свою очередь, запрашиваютъ хозяевъ къ себѣ на какой-нибудь праздникъ, или просто отвѣдать хлѣба соли...

НАВЕРЪ ШИШКОВСКІЙ.

МОЙ КАПИТАНЪ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВОЙНЫ 1825 ГОДА ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.

I.

КАЛЛАО 1825.

Это было въ мартѣ 1825 года. Я находился въ обществѣ нѣсколькихъ американцевъ и англичанъ, болѣею частію капитановъ купеческихъ судовъ, собравшихся передъ дверьми французской кофейни въ Лиги. Всѣ заняты общимъ были разговоромъ, который не очень меня интересовалъ.

Надо знать, что въ то время какъ Каллао блокированъ былъ съ сушиго пути и съ моря южными американцами, мы пошли изъ Балтимора въ Гавану, сдали тамъ нашъ грузъ и получили новый, частію на свой собственный счетъ, частію на счетъ испанскаго правительства. Изъ Гаваны мы вышли 1-го декабря, то-есть, восьмью днями прежде знаменитой битвы при Аякучо, молва о которой постоянно слѣдовала за нами, такъ, что во все время плаванія нашего вокругъ южнаго материка Америки, мы предупреждали ее нѣсколькими днями; но прили на высоту Каллао, когда уже невозможно было вернуться назадъ, узнали мы объ этой битвѣ и о важныхъ ея слѣдствіяхъ.

Мы не могли скрыть своего назначенія въ Каллао: нашъ грузъ, въ томъ числѣ большой запасъ сигаръ для гарнизона, слишкомъ былъ явентъ. Капитанъ нашъ и не думалъ скрывать его, и конечно, пытался бы пройти чрезъ блокаду, подобно тому, какъ за четыре года предъ тѣмъ прорвался чрезъ эскадру, которою командовалъ знаменитый Кокренъ, а это не легко было сдѣлать, съ чѣмъ согласится всякій, кто зналъ Кокрена. Впрочемъ нашъ капитанъ походилъ въ этомъ случаѣ на настоящаго янки, у котораго если засядетъ какая мысль въ голову, то ее не вышибешь и молотомъ. Теперь у него была мысль, во чтобы то ни стало замедлить взятіе Каллао. Надо сказать, что многіе изъ иностранныхъ моряковъ, и въ-особенности сѣверо-американцы раздѣляли эту мысль: участь Каллао для нихъ дороже была ихъ судовъ и груза. Эту симпатію сѣверо-американцевъ къ испанскому правительству легко понять, потому-что съ паденіемъ Каллао, послѣдняго укрѣпленнаго пункта, которымъ владѣла еще Испанія въ Южной-Америкѣ, оканчивалась война на материкѣ, а съ окончаніемъ войны прекращалась самая прибыльная отрасль нашей торговли. Близость къ театру войны давала намъ монополію, и мы, какъ люди смышленные, умѣли ею пользоваться, и ничего болѣе не желали, какъ продолженія этого выгоднаго для насъ *statu quo*. Испанцамъ мы возили мукѹ и мясо, когда они умирали съ голоду; помогли бы и противной сторонѣ, еслибъ довелось ей также терпѣть нужду въ жизненныхъ припасахъ. Во-время блокады естественно больше нуждались испанцы, потому и слѣдовало снабдить ихъ провизією, за которую они всегда платили хорошо. И такъ, въ то время, какъ капитанъ Ридъ лавировалъ въ четырехъ или пяти миляхъ отъ берега, выискивая случай проскользнуть чрезъ линію блокады, насъ задержали южные американцы и обошлись съ нами такъ невѣжливо, что мы призадумались объ окончательной развязкѣ этого дѣла. Правда, намъ оставили собственныя наши вещи и деньги; но мы немедленно свезены были на берегъ и отправлены въ Лиму. Что касается до брига и груза, то объ нихъ не было и помину. А грузъ меня очень интересовалъ: въ немъ заключалось все мое достояніе, все, что я приобрѣлъ въ десятилѣтнюю службу при торговомъ домѣ. Капитанъ имѣлъ въ немъ также пятую долю, сверхъ-того ему принадлежала половина самаго судна. Для новичка въ спекуляціи, какимъ я тогда былъ, весьма неприятно было видѣть, какъ ладья, на которой неслись мои надежды и все мое богатство, при самомъ выходѣ изъ порта (это было первое мое плаваніе) брошена была на мель и окружена жадными акулами, которыхъ разверстыя пасти готовы были съѣсть и меня. Акулами считалъ я южныхъ американцевъ и ненавидѣлъ ихъ отъ всей души.

Нетаковъ, былъ мой храбрый капитанъ. Онъ, какъ философъ, сподвигъ свое несчастіе, будто бы оно не до него касалось. Какъ настоящій янки, проводилъ онъ время въ томъ, чтобъ рѣзать и скоблить перочиннымъ ножикомъ свою палку, а за немѣнимъ палки рѣзалъ столы, стулья, диваны, словомъ все, что попадалось подъ руку. Правда, онъ скрежеталъ иногда зубами, когда заговаривали о бригѣ, но тотчасъ же принимался опять, съ новымъ жаромъ, за любимое свое упражненіе. Вообще капитанъ Риди говорилъ мало. Во-время длиннаго нашего плаванія, по цѣлымъ недѣлямъ не слышали отъ него слова, исключая необходимыхъ по службѣ приказаній; надо сказать правду, что мы не очень охотно и обращались къ нему съ вопросами. Его строгій видъ, суровый взглядъ, нахмуренныя брови, спуснутыя губы, не только не располагали къ нему, а напротивъ имѣли что-то отталкивающее... Но когда онъ начиналъ говорить, нельзя было не испытать совсѣмъ другаго чувства. Въ его голосѣ была неизъяснимая прелесть. Черты лица, долготѣ жесткія, принимали выраженіе доброе, ласковое. И такъ всякій, кто только зналъ ближе капитана, любилъ его какъ брата и искалъ его общества, несмотря на его угрюмость. Часто одно появленіе Риди прекращало самыя жаркіе споры. Однимъ-словомъ, онъ не только не имѣлъ между капитанами враговъ, но большая часть изъ нихъ готова была жертвовать для него послѣднимъ долларомъ.

Восемь лѣтъ уже я былъ съ нимъ знакомъ и связанъ дружбой, сколько можетъ дружитья куческій прикащикъ съ капитаномъ. Во все это время я его зналъ какъ самаго честнѣйшаго человѣка; между-тѣмъ какое-то предубѣжденіе, относившееся къ прежнему времени, преслѣдовало репутацію его какъ моряка. Ему отказано было отъ одного торговаго дома, которому онъ служилъ и который въ немногіе годы вывелъ его, въ молодыхъ еще лѣтахъ, изъ должности юнга въ званіе капитана. Настоящая причина такого удаленія была неизвѣстна, хотя и говорили, что во-время плаванія его въ Гавану онъ сдѣлалъ проступокъ, навлекшій неприятность не только экипажу его судна, но и самому торговому дому, такъ что нѣсколько лѣтъ капитанъ не могъ являться въ этотъ портъ. Обвиненіе капитана было очень неопредѣленно, однакожъ оно закрыло ему главные торговые дома въ Филадельфій, тѣмъ болѣе, что онъ отказывался отъ всякаго поясненія по этому темному дѣлу. Въ-теченіе значительнаго времени, всѣ его попытки получить опять должность капитана отставались тщетными, несмотря на извѣстныя его достоинства. Наконецъ, возгорѣвшаяся война дала новое движеніе торговлѣ съ Южною Америкой; торговые дома сдѣлались менѣе разборчивыми въ избраніи капитановъ, и одинъ домъ въ Балтиморѣ, которому и я служилъ, рѣ-

нился, не безъ затрудненія, поручить Риди начальство надъ однимъ изъ своихъ судовъ.

Съ этого времени домъ нашъ сталъ возвышаться, и скорѣ получилъ первенство надъ прочими домами въ Филадельфiи, которые также вели непосредственную торговлю съ Южною Америкою. Тогда и прежніе хозяева начали дѣлать ему самыя выгодныя предложенія, которыя онъ съ гордостію отвергнувъ, и всякій разъ, какъ ему объ этомъ напоминали, замѣтна было на устахъ его горькая улыбка; видно, что это было для него неприятно, и потому никто не рѣшался болѣе его разспрашивать.

Эта темная страница въ его жизни, при его всегдашней молчаливости и скрытности, надобно сознаться, внушала и мнѣ, во-время нашего вояжа, неприятыя мысли. Но съ другой стороны, онъ былъ пріятнымъ порядкомъ. Обладая въ высшей степени хладнокровіемъ, съ энергіею и рѣшительностію, онъ умѣлъ однимъ жестомъ, однимъ взглядомъ, лучше чѣмъ другой словами, управлять своимъ экипажемъ.

На палубѣ у насъ было совершенное молчаніе какъ у квакеровъ! Въ-теченіе восьми лѣтъ никогда никто не видѣлъ, чтобъ капитанъ нашъ вышелъ изъ себя; даже и теперь, когда все его состояніе, съ такими трудами приобрѣтенное, подвергалось потерѣ, ни одинъ знакъ не обнаруживалъ его тайныхъ мыслей. Правда, иногда онъ рѣзалъ и скоблилъ живѣе; но и это можно было приписать національной привычкѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, надо было видѣть, съ какимъ жаромъ мои соотечественники скоблили, рѣзали и пилили, не только трости и палки, но, къ отчаянію хозяина, столы, стулья, диваны, словомъ, всю мебель въ кофейнѣ, какая только поддавалась острому желѣзу. Чѣмъ тверже было дерево, тѣмъ острѣе былъ ножикъ. Каждый запасался еще оселкомъ, и когда ножикъ тупился, тотчасъ его острилъ. Къ счастью, хозяинъ, для спасенія своей мебели, придумалъ одно средство, которое введено было въ употребленіе въ вашингтонскихъ присутственныхъ мѣстахъ*: онъ велѣлъ привезти цѣлый возъ брусочковъ, которые раскидалъ по столамъ, стульямъ и пр., такъ что для моихъ любезныхъ соотечественниковъ работа была готова, и они привелись за нее съ такою ревностію, что зала кофейни, билардная и дворъ походили на мастерскую столяра.

Южные американцы, служили для насъ развлеченіемъ и представляли изъ себя довольно забавное зрѣлище. Эти *senegos* и *soldados* въ рубашкахъ, какъ карикатуры расхаживали по улицамъ съ преважнымъ и пре-

* Привычка рѣзать и скоблить дерево такъ свойственна американцамъ, что каждый членъ конгресса, какъ утѣряютъ, при вступленіи своемъ въ него, получаетъ перочинный ножичекъ и брусочекъ кедроваго дерева, который къ концу засѣданія превращается въ зубочистку.

смѣшнымъ видомъ. На одномъ былъ испанской камзолъ, похищенный въ Аякучо; на другомъ американская куртка, купленная у какого-нибудь матроса; третій надѣлъ халатъ, который преобразилъ въ блузу; этотъ съ босыми ногами расхаживалъ въ мантильи, а тотъ набросилъ на себя бархатную эпанчу, обшитую галунами временъ Филиппа V. Волонтеры одѣты были лучше; но послѣ сраженія при Аякучо офицеры очень смѣшно франтили. На мундирахъ ихъ, залитыхъ золотомъ, у поручиковъ болталось на спинѣ и плечахъ по шести и даже по восьми эполетъ.

Итакъ, мы сидѣли предъ кофейной, отдыхая послѣ обѣда, рѣзали палки, курили и жевали табакъ, посмѣиваясь надъ перуанцами. Вдругъ растворилась боковая дверь кофейни, и изъ нея вышелъ офицеръ, котораго наружность вовсе не походила на его товарищей. Онъ казался лѣтъ тридцати, одѣтъ былъ просто, но со вкусомъ, и имѣлъ тотъ скромный видъ, который часто составляетъ принадлежность людей достойныхъ. Онъ не походилъ и на товарища своего, шедшаго за нимъ молодого человѣка, который одѣтъ былъ богаче, но казался его подчиненнымъ. Когда они съ нами поравнялись, офицеръ учтиво отвѣчалъ на нашъ поклонъ, приподнявъ свою военную шляпу. Мой храбрый капитанъ сидѣлъ немного поодаль и дорѣзывалъ десятый или двѣнадцатый брусокъ дерева. Наше движеніе заставило его приподнять голову въ ту минуту, какъ офицеръ проходилъ мимо его. Послѣдній сдѣлалъ знакъ удивленія, остановился, посмотрѣлъ пристально на капитана и бросился съ распростертыми руками обнимать его.

— Капитанъ Риди!

— Такъ точно, отвѣчалъ капитанъ.

— Капитанъ Риди! вскричалъ снова офицеръ.

Капитанъ, видимо удивленный, всматривался въ офицера, но, какъ казалось, ничего не могъ припомнить.

— Капитанъ Риди, повторилъ въ третій разъ офицеръ, — возможно-ли, чтобы вы меня не узнали?

— Нѣтъ, отвѣчалъ капитанъ, продолжая глядѣть на него.

— Вы, не узнаете меня! продолжалъ офицеръ какъ-бы съ упрекомъ; потомъ, наклонясь къ нему, шепнулъ что-то на ухо.

Капитанъ взглянулъ еще разъ; лицо его прояснилось, въ глазахъ блеснула радость; онъ дружески взялъ за руку офицера и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ кофейню.

Мы терялись въ догадкахъ объ этомъ происшествіи. Черезъ четверть часа офицеръ и капитанъ вышли изъ кофейни. Первый съ своимъ блестящимъ товарищемъ отправились въ губернаторскій домъ, а капитанъ, съ обычной ему флегмой, подошелъ къ намъ и принялся до-

рѣзывать ножикомъ свою палку. Когда мы спросили его, кто былъ этотъ офицеръ, онъ ограничился отвѣтомъ, что знакомый его принадлежитъ къ арміи, осаждающей Каллао, и что былъ однажды пассажиромъ на его суднѣ.

Это объясненіе конечно не удовлетворяло моему любопытству; я замѣтилъ, что перуанцы смотрѣли на офицера съ уваженіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ.

Между-тѣмъ соотечественники мои удовольствовались этимъ отвѣтомъ и не нашли въ немъ ничего необыкновеннаго. Они знали, что капитанъ купеческаго судна бываетъ въ сношеніяхъ съ людьми разныхъ классовъ, имѣетъ тысячу случаевъ завести интересныя знакомства, сдѣлать услуги лицамъ, гораздо его высшимъ. Для пассажира путешествіе морское составляетъ эпоху въ жизни; рѣдко случается, чтобъ онъ забылъ главное дѣйствующее лицо, капитана, тогда какъ этотъ послѣдній въ сотни пассажировъ легко можетъ забыть того или другаго. Живѣйшая радость офицера при встрѣчѣ съ капитаномъ, и привѣтствіе, сравнительно холодное, послѣдняго—были понятны американскимъ капитанамъ.

На другой день поутру, когда мы принимались за шоколатъ, ординарецъ въ мундирѣ явился въ наружной галлерей кофейни и спросилъ капитана Риди.

Капитанъ тихонько всталъ, и отойдя всторону, выслушалъ посланнаго, потомъ спокойно сѣлъ на прежнее мѣсто и выпилъ ялѣ, лучше сказать, сѣлъ свой шоколатъ: въ Южной Америкѣ готовятъ его очень густымъ. Окончивъ завтракъ, онъ спросилъ меня, не хочу-ли быть товарищемъ его въ поѣздкѣ, которая можетъ продолжиться день или два.

Я не заставилъ дважды повторять это приглашеніе, потому-что скука страшно насъ одолѣвала. Мы уложили въ чемоданы наше платье, взяли тесаки, пистолеты и передъ кофейней встрѣтили того же ординарца, ожидавшаго насъ съ парой испанскихъ богато осѣданныхъ лошадей. Любопытство мое было чрезвычайно сильно. Лучше этихъ лошадей я не видывалъ еще въ Перу. Но на всѣ мои вопросы, я могъ только узнать отъ молчаливаго моего друга, что мы ѣдемъ къ вчерашнему офицеру, который занимаетъ важный постъ въ арміи и былъ нѣкогда пассажиромъ на его суднѣ.

Я долженъ былъ на время удовольствоваться этимъ отвѣтомъ, хотя нѣсколько принужденный видъ капитана заставлялъ меня подозревать, что тутъ что-нибудь скрывается. Когда мы отѣхали около одной мили отъ Лимы, послышалась сильная пальба въ той сторонѣ, куда мы слѣдовали. Проѣхавъ еще съ милю, мы встрѣтили нѣсколько телегъ, на кото-

рыхъ вели раненыхъ въ Лиму. Пущечные выстрѣлы все болѣе и болѣе къ намъ приближались. По временамъ, за изгородами полей и садовъ показывались мародеры, которые тотчасъ, при видѣ ординарца скрывались. Мнѣ ужасно хотѣлось видѣть сраженіе, хотя я и не могу похвалиться, чтобъ былъ слишкомъ храбръ. Но въ настоящемъ положеніи, когда мнѣ угрожала совершенная потеря единственного моего имущества, я готовъ былъ подраться хоть съ пиратами, чтобъ излить на нихъ всю желчь моего гнѣва. Мнѣ также казалось возможнымъ, — впрочемъ этой мысли я не сообщалъ капитану, — что испанцы сдѣлаютъ сильную вылазку изъ крѣпости и загонять инсургентовъ, захватившихъ наше судно съ грузомъ, въ Тихій-океанъ.

Что касается до капитана, онъ былъ настоящій стойкъ; порохъ и свинецъ были для него самыя обыкновенныя вещи. Въ-теченіе четырнадцатилѣтней жизни на морѣ, когда онъ прорывался нерѣдко чрезъ блокирующія эскадры въ порты Южной Америки, не разъ мимо ушей его свистали пущечныя ядра. Онъ такъ часто сражался съ пиратами, что чувство страха не могло быть ему доступно. Теперь одна только мысль беспокоила его — не быть выбитымъ изъ сѣдла, потому-что онъ, какъ всѣ моряки, былъ плохой наѣздникъ, и прыгалъ на сѣдлѣ, какъ шкуна на взволнованномъ морѣ. — Къ счастью, мы оба не потерпѣли въ этомъ случаѣ никакой бѣды. Достигнувъ одной высоты, мы увидѣли съ лѣвой стороны темныя бастіоны крѣпости; съ правой стороны Белла-Висту и за нею Тихій-океанъ, который, по справедливости, заслуживалъ бы со-всѣмъ другое названіе. Белла-Виста — это селеніе, состоящее болѣею частию изъ виалъ, въ которыхъ богатѣйшіе перуанцы проводятъ жаркое время года, наслаждаясь морскою прохлагою. Хотя она находилась подъ выстрѣлами крѣпости, но дома были такъ прочны, что главнокомандующій расположился въ ней съ главною своею квартирою.

Ординарецъ показалъ намъ, или правильнѣе капитану, который бѣгло говорилъ по испански, разныя батареи осаждавшихъ, изъ которыхъ послѣдняя, хотя уже вполне устроенная, не открывала еще огня; она была не болѣе какъ въ разстояніи 300 футовъ отъ крѣпости, и закрывалась домами, которые должны были вскорѣ разрушиться подведенными подъ нихъ минами.

Въ то время, какъ офицеръ изъяснялъ намъ все касающееся до осады, лошади наши, и особенно капитанская, на которой вѣрно ѣздилъ начальникъ, потому-что она все впередъ забѣгала, заупрямились, и какъ я уже сказалъ, что храбрый капитанъ лучше умѣлъ управлять кораблемъ, чѣмъ лошадью, конь его потерялъ терпѣніе и помчался во всю прыть; мы никакъ не могли сдержать своихъ лошадей и также за

нимъ поскакали. Вдругъ сдѣлался взрывъ, раздался пушечный выстрѣлъ, поколебавшіе весь воздухъ, насъ обдало дымомъ и пылью, и мы попадали съ лошадей. Дѣло въ томъ, что наши лошади, предоставленны бѣжать на произволъ, повернули къ ближайшему восту отъ крѣпости и вскорѣ подорванная мина произвела дѣйствіе, подобное ужасному землетресенію.

Баттарей осаждающей арміи только того и ожидала, чтобъ открыть свой огонь; крѣпость натурально также отвѣчала пушечными выстрѣлами; огонь распространился по всей линіи, сдѣлался страшный шумъ; ядра, бомбы и гранаты сыпались градомъ; казалось все обратится въ прахъ.

Мы полетѣли съ лошадей, какъ мышки съ мукою. Ординарецъ былъ почти безъ чувствъ, я едва дышалъ, одинъ капитанъ остался въ нормальномъ состояніи. Онъ, съ обычной ему флегмой, высвободилъ себя изъ-подъ лошади, потомъ помогъ мнѣ и дежурному встать на ноги, и спросилъ хладнокровно послѣдняго: гдѣ же мы найдемъ теперь офицера, къ которому ѣдемъ? Спокойствіе капитана было точно удивительное. По крайней-мѣрѣ, тридцать ядеръ врѣзалось въ стѣну, за которую, по счастью, бросили насъ лошади, безъ чего мы, конечно, перестали бы тужить о бригѣ и его грузѣ. Осколки отъ стѣны летѣли прямо на насъ, но капитанъ не обращалъ на это вниманія; его беззаконла только настоящая египетская тѣма, въ которую мы были погружены отъ дыма и пыли. Онъ спрашивалъ у нѣсколькихъ бѣжавшихъ мимо насъ солдатъ: въ которой сторонѣ баттарей, но не добился толку; они какъ-будто его и не слышали.

Наконецъ облако пыли, покрывавшее, насъ разсѣялось; ординарецъ, осмотрѣвшись показалъ намъ баттарей, къ которой капитанъ безъ дальней церемоніи и потащилъ меня. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы очутились подлѣ пушекъ; тамъ все было, какъ можно себѣ представить, въ движеніи. Баттарей состояла изъ тридцати орудій 36-фунтоваго калибра, которыми дѣйствовали храбро и живо. Запальчивость осаждающихъ была такъ велика, что они заряжали пушки не отодвигая ихъ отъ амбразуръ и кричали испанцанъ, чтобъ они хорошенько цѣлили въ нихъ.

Не должно забывать, что это происходило спустя три мѣсяца послѣ побѣды при Аякучо. У первой пушки, къ которой мы подошли, половины артиллеристовъ уже не существовало. Только что мы вошли на баттарей, капитанъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ я нагнулся, и въ ту же секунду ядромъ оторвало голову у артиллериста, стоявшаго возлѣ меня. Къ счастью, я немного отвернулся, и потому не былъ

оконтуженъ, однако глаза мои закрылись и все лицо обито было темною кровью; когда я протеръ глаза, у ногъ моихъ лежалъ обезглавленный трутъ. Конечно, не въ первый разъ, я видѣлъ умирающаго человека, но въ первый разъ мнѣ сдѣлалось дурно, колѣни мои подгнулись, кровь хлынула въ сердце и я упалъ безъ чувствъ.

Но вотъ странность! Второй упавшій подлѣ меня артиллеристъ привелъ меня въ чувство; смерть его не сдѣлала уже на меня прежняго впечатлѣнія.

Третій случай еще менѣе былъ для меня чувствителенъ, такъ что по мѣрѣ падающихъ солдатъ, страхъ мой постепенно уменьшался, а бодрость увеличивалась.

Спустя полчаса, какъ мы вошли на батарею, я уже прислуживалъ капитану, и хотя по-временамъ еще неволью наклонялся, но уже не боялся свистѣвшихъ надъ головою ядеръ.

Надо однакожъ пояснить, какимъ образомъ попалъ я въ дѣло, будучи доселѣ самымъ мирнымъ изъ всѣхъ занимающихся веденіемъ бухгалтерскихъ книгъ. Когда мой храбрый капитанъ толкнулъ меня въ уголъ батареи и велѣлъ нагнуться, самъ онъ, какъ настоящій янки, прочистивъ себѣ дорогу, казалось, находился въ своей стихіи, и когда большая часть артиллеристовъ была убита, тотчасъ принялся за дѣло. Онъ взялъ банникъ изъ рукъ артиллериста, велѣлъ отодвинуть пушку, зарядилъ и самъ изъ нее выстрѣлилъ. Его видъ и дѣйствія такъ были рѣшительны, что не только никто не смѣлъ противорѣчить, напротивъ, всѣ повиновались ему безмолвно. Тутъ я имѣлъ случай видѣть—что значать присутствіе духа и самоувѣренность.

Капитанъ распоряжался, какъ-будто бы цѣлые годы командовалъ этой батареей, и никто не оспаривалъ его власти. Люди при второй пушкѣ также подчинились его командѣ.

Эта храбрость моего друга ободрила меня и заставила принять участіе въ дѣлѣ. Въ подобныхъ случаяхъ неволью увлекаешься. Я вынулъ картузъ изъ заряднаго ящика, сначала наклоняя голову, а потомъ держась прямо не хуже настоящихъ артиллеристовъ.

Около часа мы славно палили; потомъ огонь нашъ сталъ утихать. Многія изъ пушекъ не годились болѣе въ дѣло, только шесть, подъ командою нашего капитана, еще хорошо стрѣляли, потому-что онъ имѣлъ предосторожность давать имъ остынуть послѣ каждаго выстрѣла; этой предосторожности прочіе, при поспѣшности своей, не наблюдали. Надо замѣтить, что южные американцы, несмотря на ихъ пятнадцатилѣтнюю войну съ испанцами, были плохими артиллеристами; вообще артиллерія не имѣла еще у нихъ того значенія, какое имѣетъ у просвѣщен-

ныхъ націй. Это будетъ не удивительно, если мы вспомнимъ, что въ сраженіяхъ артиллерія у нихъ мало участвуетъ; даже въ битвѣ при Аякучо, которая рѣшила судьбу южнаго американскаго материка, не болѣе шести орудій дѣйствовало съ обѣихъ сторонъ. Самая природа Америки, высокія горы, рѣки, непроходимыя долины, недостатокъ дорогъ, сверхъ-того, усиленные переходы для настиженія непріятеля, рѣдко дозволяютъ употреблять эти истребительныя орудія. Извѣстно также, что для успѣшнаго дѣйствія артиллеріею необходимы нѣкоторыя познанія въ математикѣ, которыхъ южные американцы не приобрѣтали, находясь подъ владычествомъ испанцевъ.

Между-тѣмъ капитанъ вновь зарядилъ и навелъ пушку. Онъ хотѣлъ уже приложить фитиль, какъ вчерашній офицеръ подошелъ къ намъ въ сопровожденіи цѣлой свиты. Я и прежде замѣчалъ, какъ онъ оставался у каждаго орудія, ободряя однихъ, осуждая другихъ и принимаясь иногда самъ за дѣло. Всякій разъ обращаясь къ нашей сторонѣ, онъ останавливался, съ удовольствіемъ потирая руки. Въ этотъ разъ онъ также остановился, слѣдя глазами за всѣми движеніями капитана; я не сомнѣвался болѣе, что онъ принадлежитъ къ числу генераловъ арміи.

Капитанъ выстрѣлилъ, и въ ту минуту, какъ дымъ разсѣялся, мы увидѣли, что противоположій бастионъ крѣпости зашатался и рухнулъ въ ровъ. Этотъ успѣхъ привѣтствованъ былъ радостными криками. Двадцать офицеровъ вдругъ бросились къ капитану и съ восторгомъ обнимали его, передавая другъ-другу. Все это сдѣлалось мгновенно. Хладнокровнаго капитана бросали, какъ мячъ, изъ рукъ въ руки. Можно было подумать, что всѣ они сошли съ ума. Ядра еще сыпались справа и слѣва въ батарею и однимъ изъ нихъ разорвало по поламъ одного ординарца. Но этотъ случай не только не погасилъ, а казалось еще усилилъ ихъ энтузіазмъ. Въ этой импровизированной сценѣ было что-то именно принадлежащее тропическому поясу, Южной-Америкѣ. Ядра еще свистѣли надъ головами, ноги скользили въ крови, земля покрыта была убитыми и ранеными, глазамъ повсюду представлялись смерть и разрушеніе, а въ это время мы летали (я также участвовалъ въ торжествѣ капитана) въ рукахъ дождихъ молодцовъ съ черными бородками, завладѣвшихъ нами. Совершенно ошеломленный, я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ и только смутно понималъ, что нахожусь въ Южной-Америкѣ, въ лагерѣ южныхъ американцевъ. Изъявленіе ихъ чувствъ было такъ сильно, что я почувствовалъ невольный страхъ; мнѣ казалось, что я кружусь въ вихрѣ; среди фантастическихъ сценъ тысячи и одной ночи, которыя чи-

талъ во-время нашего плаванія. Когда я пришелъ въ себя, все уже исчезло.

— Капитанъ, спросилъ я моего друга, что это все значитъ?

— Это значитъ, отвѣчалъ онъ, что мы разрушили бастионъ.

— Знаю, продолжалъ я: но чего хотѣли отъ насъ эти господа и куда они дѣвались?

— Вѣрно, возвратились къ своимъ мѣстамъ, отвѣчалъ спокойно капитанъ, отирая выступившій на лбу его потъ и приготавливаясь осмотрѣть находившіяся близъ него пушки.

Съ нашей стороны огонь совершенно прекратился; непріятельскіе выстрѣлы становились все рѣже и рѣже. Мы дождались, пока они совсѣмъ уюкли, и тогда стали осматривать батарею. Она представляла, какъ легко вообразить, зрѣлище не очень пріятное, особенно для людей слабо-верныхъ. Мы ходили между разбитыми пороховыми ящиками, вокругъ которыхъ разбросаны были разорванные человѣческіе члены, цѣлые туши и осколки бомбъ; земляной валъ забрызганъ былъ кровью. Зрѣлище это возмущало мое сердце. Изъ осаждающихъ человѣкъ сто было убито въ батареѣ, чего и надо было ожидать отъ двухъ-фунтовыхъ ядеръ, бомбъ и гранатъ непріятельскихъ; при томъ и самая батарея устроена была не по правиламъ науки. Американцы еще слабѣе были въ фортификаціи, чѣмъ въ артиллеріи, и потому не мудрено, что такъ много потерѣли отъ непріятельскаго огня. Болѣе половины пушекъ не годились болѣе въ дѣло: нѣкоторыя были разорваны, другія упали съ подбитыхъ лафетовъ. Нашъ огонь менѣе вредилъ испанцамъ. Хотя обрушившійся бастионъ и сдѣлалъ брешь, чрезъ которую могла бы ворваться въ крѣпость сильная колонна, поддерживаемая артиллерією, но американцы объ этомъ и не думали, хотя можно было бы употребить въ дѣло уцѣлѣвшія пушки. Офицеры почти всѣ разошлись, очевидно довольные полученнымъ успѣхомъ. Оставшіеся приказывали только поднять раненыхъ и убитыхъ, ни мало не заботясь о пушкахъ, батареѣ и крѣпости. Хотя я былъ человѣкъ вовсе не военный, но не могъ понять, какъ послѣ столькихъ усилій и пожертвованій можно было имѣть такое равнодушіе. Мой капитанъ также покачивалъ головою; это значило, что и онъ не одобряетъ подобныхъ дѣйствій. Но здѣсь и видны южные американцы! И на войнѣ и на морѣ, они способны къ великимъ подвигамъ, готовы взлетѣть на Анды, терпѣть голодъ и жажду, свозить зной и стужу; не смотря ни на какія опасности, они преодолеютъ всѣ препятствія, настигнуть въ распахъ непріятеля, обратятъ его въ бѣгство, и потомъ, вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать его, преспокойно расположатся отдыхать и дадутъ мошенникамъ или шародерамъ воспользоваться ихъ побѣ-

дой. Къ счастью американцевъ, испанцы, въ подобномъ случаѣ, нѣсколько походили на нихъ.

Мы продолжали обозрѣніе нашей баттарей, когда одинъ изъ ординарцевъ подбѣжалъ къ намъ и пригласилъ въ главную квартиру. Мы за нимъ последовали, и нѣтъ случай дорогою сдѣлать нѣкоторыя наблюденія надъ солдатами. Большая часть осаждающей арміи расположена была въ виллахъ, или стояла на бивакахъ въ садахъ, такъ что мы могли ихъ видѣть запросто въ домашнемъ быту. Надо сознаться, что я рѣдко встрѣчалъ людей болѣе мужественнаго вида: это были вовсе не мародеры, блуждавшіе по улицамъ Лимы.

Ихъ бронзовыя лица, ихъ черныя бороды и еще болѣе черныя глаза, нѣтъ что-то особенно выразительное. Посреди биваковъ они представляли живописное зрѣлище. Эти оборванные воины лежали на землѣ и даже доскутѣями умѣли прекрасно драпироваться. Любимымъ ихъ препровожденіемъ времени было лежать; еслибъ лежа можно было работать, вѣроятно, они наработали бы много; но какъ для этого необходимо стоять или сидѣть, то вообще трудились они очень мало. Мы видѣли, какъ худо исполняли они главнѣйшія обязанности; едва нѣкоторые изъ нихъ принялись за чистку ружей. Но надо же было кому-нибудь заяться кухнею и стиркою бѣлья. Забавно было смотрѣть на тѣхъ, которые на это рѣшились. Руки стряпали и мыли, а въ головѣ бродили совсѣмъ другія мысли, и они не обращали никакого вниманія на низкія, какъ имъ казалось, занятія.

Наконецъ мы подошли къ богатой виллѣ; двое часовыхъ стояли передъ квартирой главнокомандующаго. Мы пробрались черезъ толпу адъютантовъ и офицеровъ главнаго штаба; потомъ насъ поручили какому-то дворецкому, который ввелъ насъ въ комнату нижняго этажа, гдѣ мы нашли свои чемоданы, и очень кстати, потому-что съ запачканными лицами и разорваннымъ платьемъ, забрызганнымъ кровью и покрытымъ пылью, вовсе не походили на мирныхъ гражданъ сѣверо-американскихъ штатовъ. Дворецкій просилъ насъ поторопиться туалетомъ, потому-что по прибытіи главнокомандующаго тотчасъ долженъ начаться обѣдъ. Едва успѣли мы одѣться, какъ дворецкій опять пришелъ, чтобъ проводить насъ къ главнокомандующему.

Войдя въ залу, мы нашли столъ, накрытый челоуѣкъ на шестьдесятъ. Въ числѣ офицеровъ были и знакомцы наши на баттарей. Не дожидаясь представленія нашего генералу, они бросились къ намъ, крича: «*Ben venidos capitanes!*» и снова обнимали насъ поочереды. У насъ почлось бы это невѣжливостію, но въ Южной-Америкѣ это очень натурально, потому-что происходитъ отъ живости чувствъ.

Обѣдъ былъ на славу; избранныхъ блюдъ и лучшихъ испанскихъ и французскихъ винъ было довольно. Шампанскаго пили много, однако ни у кого не отуманилась голова.

Первый тостъ провозглашенъ былъ въ честь «Боливара!»

Второй, «Сюкра!»

Третій, «Битвы при Аякучо!»

Четвертый, «Союза Колумбинъ съ Перу!»

Пятый, «Гуалеро!»

Тутъ мы впервые узнали имя вчерашняго офицера. Генералъ всталъ, поднялъ бокалъ свой и отвѣчалъ на тостъ растроганнымъ голосомъ.

«*Senores amigos!*» сказалъ онъ въ заключеніе: Если военный вашъ собратъ находится еще съ вами и можетъ посвятить свою жизнь на пользу отечества, этимъ обязанъ онъ старинному своему другу, который здѣсь на лицо, и раздѣляя сегодня съ нами труды и опасности.

Рекомендую его, какъ человѣка, заслуживающаго полное ваше расположеніе. Произнеся эти слова, онъ бросился къ нему на шею. Слезы выступили изъ глазъ хладнокровнаго моряка, губы его дрожали; онъ едва могъ произнести: «*Amigo siempre!*»

Все офицеры еще разъ его обняли.

Мы пробывъ слѣдующій день въ лагерѣ; но на третій день возвратились въ Лиму, гдѣ капитанъ долженъ былъ перебраться на житье къ своему другу. Отъ жены послѣдняго, которая послѣдовала за мужемъ своимъ въ Лиму, и частію отъ самаго генерала, узналъ я подробности о началѣ знакомства угрюмаго нашего капитана съ однимъ изъ знаменитыхъ генераловъ осаждающей арміи.

Начало этого знакомства сняло завѣсу съ тайны, покрывавшей прежнюю службу капитана.

II.

ГАВАНА 1816.

1816 годъ! Эпоха, которую не забудетъ Южная-Америка ни въ дни счастливые, ни въ годину испытаній. 19 ноября, спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ сраженія при Качири, одинъ молодой человѣкъ, бѣдно

одѣтый, вышелъ изъ дому, которой занималъ въ Гаванѣ, на Гваделупской улицѣ (Calzada) и направилъ свой путь скорыми шагами къ морю. Было темно, солнце еще не восходило надъ Атлантическимъ океаномъ, и хотя Calzada была довольно далека отъ гавани, молодой человекъ, казавшійся иностранцемъ, пробирался окольными улицами и переулками, подобно индѣйцу, скрывающемуся отъ непріятеля. Когда онъ подходилъ къ гавани, другой человекъ осторожно вышелъ изъ-за кипы кофейныхъ мѣшковъ и груды брусковъ сандалнаго дерева, нѣсколько секундъ всматривался въ него, и потомъ, схвативъ за руку, увлекъ въ то мѣсто, гдѣ прежде скрывался. Тамъ ждали они чего-то съ безпокойствомъ, разговаривая тихо и стараясь проникнуть взорами густой туманъ, покрывавшій гавань и городъ. Всякій звукъ, долетавшій до нихъ чрезъ туманъ, возбуждалъ ихъ опасенія; по мѣрѣ того, какъ разсвѣтало, боязнь ихъ увеличивалась. Чрезъ четверть часа, шумъ веселъ возвѣстилъ приближеніе шлюпки; вскорѣ она обозначилась въ туманѣ, и быстро приближалась къ пристани. Прежде чѣмъ она пристала, одинъ изъ двухъ молодыхъ людей показалъ другому на человека, сдѣлашаго у руля шлюпки, и пожавъ въ послѣдній разъ ему руку, скрылся.

На шлюпкѣ было три человекъ, повидимому моряки; изъ нихъ одинъ казался офицеромъ. Въ ту минуту какъ шлюпка пристала къ пристави, офицеръ сказалъ нѣсколько словъ гребцамъ и началъ всходить по каменной лѣстницѣ. Бросивъ еще взглядъ на шлюпку, которая терлась въ туманѣ, онъ пошелъ въ городъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ очутился возлѣ кипы мѣшковъ и сандалнаго дерева; скрывавшійся за ними незнакомецъ тотчасъ вышелъ и очутился предъ офицеромъ. Первое движеніе моряка было схватиться за оружіе; онъ былъ въ Гаванѣ, и въ эту пору едва разсвѣтало; но когда онъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, то опустилъ тихонько тесакъ свой въ ножны. Молодой человекъ ни мало не походилъ на подозрительнаго человека. Платѣе его было очень поношено, грусть и безпокойство изображались на благородномъ лицѣ его, на которомъ болѣзнь и заботы оставили глубокіе слѣды. Голосомъ, обнаруживавшимъ душевное волненіе, незнакомецъ спросилъ офицера, не капитанъ онъ шкуны изъ Филадельфіи, которая должна скоро сняться съ якоря.

Морякъ, окинувъ глазами молодаго человека, отвѣчалъ утвердительно.

Глаза незнакомца заблестали. Волнующимся отъ страха и надежды голосомъ, онъ спросилъ капитана, не можетъ ли онъ взять его съ женою и двумя дѣтьми пассажирами на свое судно.

Морякъ на этотъ разъ посмотрѣлъ еще пристальнѣе на незнакомца. Между скромною его одеждою и горделивою осанкою была большая

противоположность, которая не могла ускользнуть отъ опытнаго глаза. Голосъ его дрожалъ, но огонь въ глазахъ обнаруживалъ самоувѣренность и мужество.

Капитанъ покачалъ головою.

При этомъ движеніи, волненіе незнакомца достигло высшей степени; онъ вынулъ полный кошелекъ и напередъ предлагалъ капитану взять все, что угодно за переѣздъ.

Капитанъ отступилъ на шагъ. Полный кошелекъ опять противорѣчилъ съ бѣдною одеждою, и на этотъ разъ онъ еще замѣтнѣе покачалъ головою.

Молодой человѣкъ устремилъ на него глаза, исполненные глубокой горести, губы его судорожно дрожали; онъ задыхался.

Капитанъ былъ тронутъ.

— Молодой человѣкъ, спросилъ онъ его по-испански: зачѣмъ нужно вамъ ѣхать въ Филадельфію? Вы не занимаетесь торговлею.

— Мнѣ нужно быть въ Филадельфій, отвѣчалъ незнакомецъ, дѣлая надъ собою усиліе: я плачу за переѣздъ, вотъ деньги, вотъ паспортъ. Вы капитанъ: чего же вамъ нужно болѣе!

Слова эти произнесены были съ такимъ жаромъ, на лицѣ молодаго человѣка такое было отчаяніе, что капитанъ, покачавъ еще головою и бросивъ на него послѣдній взглядъ, хотѣлъ удалиться.

Но молодой человѣкъ дрожащею рукою остановилъ его.

— Капитанъ, ради Бога, возьмите меня съ несчастною женою и дѣтьми?

— Съ женою и дѣтьми! вскричалъ капитанъ болѣе ласковымъ голосомъ. Развѣ у васъ есть жена и дѣти?

— Да, прошепталъ незнакомецъ.

— Вы не сдѣлали преступленія? спросилъ съ живостію капитанъ: вы не скрываетесь отъ преслѣдованія законовъ?

— Богъ мнѣ свидѣтель, отвѣчалъ молодой человѣкъ, поднимая руки къ небу, я не сдѣлалъ никакого преступленія!

Капитанъ, съ минуту подумавъ отвѣчалъ: Въ такомъ случаѣ я беру васъ. Оставьте деньги при себѣ, пока не будете на суднѣ. Черезъ часъ я снимусь съ якоря.

Незнакомецъ не отвѣчалъ, но глубоко вздохнулъ, какъ человѣкъ съ котораго сняли тяжелую пошу и который возвращается къ жизни. Онъ взглянулъ на капитана съ признательностію, поднявъ глаза къ небу и поспѣшно удалился.

Капитанъ Риди, командовалъ шкуной «Чайка». Онъ сдалъ свой грузъ, окончилъ всѣ дѣла, и оставался въ Гаванѣ только за свѣжнмъ

нордвестовымъ вѣтромъ. По утру вѣтеръ стихъ, и капитанъ возвращался на свою квартиру, чтобъ только расплатиться и захватить послѣднія свои вещи, послѣ чего немедленно располагалъ поднять паруса и идти въ Филадельфію.

Шкуна была готова. Это судно, построенное въ Балтиморѣ, было однимъ изъ лучшихъ по легкости своего хода, и въ маломъ размѣрѣ своемъ вмѣщало всевозможныя удобства; въ томъ числѣ и удобство летать съ палубы, что я и самъ однажды испыталъ на себѣ. Четверо или пятеро пассажировъ легко могли помѣщаться въ каютѣ.

По счастью, капитанъ не имѣлъ другихъ пассажировъ. Между-тѣмъ онъ не очень былъ доволенъ своимъ новымъ приобретениемъ. Правда, что паспортъ, предъявленный незнакомцемъ, снималъ съ него ответственность, но паспортъ могъ быть подложный; впрочемъ это было дѣло полиціи, а не его; если ему дѣлать справки о каждомъ пассажирѣ, такъ лучше не брать никого. Вѣроятно, онъ принялъ въ расчетъ это обстоятельство, хотъ ему и не нравилась таинственность, облекавшая незнакомца, и его видимая боязнь. Притомъ, онъ могъ подвергнуться непріятности отъ начальства порта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ торговаго дома. Но морякъ былъ молодъ, имѣлъ характеръ рѣшительный. Хотя онъ исполнялъ въ отчужденности обязанности капитана, но ему не чуждо было человѣколюбіе; иностранецъ тронулъ живую струну въ его сердцѣ, и этого было довольно. Не думая болѣе о своихъ пассажирахъ, онъ хорошо позавтракалъ, кончилъ все расчеты и возвратился на шкуну.

Въ ту минуту, какъ онъ вошелъ на палубу, незнакомецъ подошелъ къ нему, спустился съ нимъ въ каюту, и представилъ его молодой, прекрасной собою женщинѣ. Она одѣта была просто, но со вкусомъ, и все движеніе ея обнаруживали грацію и благородство. Возлѣ нея было двое милостивыхъ дѣтей. Брошенное на чемоданы верхнее плохое платье, показывало, что оно употреблено было ими для того, чтобъ лучше скрыться. Капитанъ, видя это, съ неудовольствіемъ покачалъ головою, но молодая женщина была прелестна, но въ ея трепещущемъ голосѣ было столько нѣжности, столько задушевной мольбы, что набѣжавшее на чело моряка облачко скоро исчезло.

Онъ учтиво предложилъ имъ считать себя на его шкунѣ какъ дома, и вошелъ на палубу. Вскорѣ послѣ того якорь былъ поднятъ, и судно пошло впередъ.

Солнце отдѣлилось отъ поверхности океана; сквозь туманъ, рѣдѣвшій отъ лучей его, начали видѣться гаванскія зданія. На первомъ планѣ показались суда, наполнявшія портъ, потомъ мрачная крѣпость,

съ своими грозными амбразурами, изъ которыхъ выглядывали дула пушекъ. Къ этой крѣпости приближалась теперь шкуна.

Наша молодые супруги стояли на дѣстницѣ въ каюту, и держась правой рукой за фалрежь, а лѣвой обнявъ другъ-друга, смотрѣли съ невнятнымъ безпокойствомъ на крѣпость.

Послѣ крѣпкаго nordwestоваго вѣтра, настала, какъ обыкновенно случается, тишь съ слабыми порывами отъ зюйдъ-веста, которые способствовали выходу шкуны. Она была теперь противъ самой крѣпости. Тамъ не замѣтно было никакого движенія, только часовые мѣрнымъ шагомъ расхаживали взадъ и впередъ по одной и той же линіи. Все было мрачно и тихо, какъ въ могилѣ. Но вдругъ ближайшая къ пристани дверь отворилась. Изъ нея вышелъ офицеръ съ шестью солдатами; утренніе лучи солнца отражались на ихъ ружьяхъ. Четыре человека, лежавшіе на шлюпкѣ, привязанной къ кольцамъ нижней ступени пристани, вскочили. Офицеръ и солдаты спрыгнули на шлюпку, и шкунѣ сдѣланъ былъ сигналъ остановиться.

— *Jesus, Maria y Jose!* встрѣчала молодая дама.

— *Madre de Dios!* прошептала мужъ.

По знаку капитана большой парусъ упалъ. Капитанъ равнодушно смотрѣлъ на быстро приближавшуюся шлюпку. Черезъ минуту офицеръ и солдаты были на шкунѣ.

Молодой офицеръ, съ горделивымъ, свойственнымъ испанцу видомъ, предложилъ капитану показать его бумаги и вызвать на палубу всѣхъ матросовъ и пассажировъ.

Капитанъ пошелъ за бумагами, приказавъ лейтенанту собрать весь экипажъ. Возвратясь на палубу, онъ молча подаль бумаги офицеру, который прочитавъ ихъ и пересмотрѣвъ по одиночкѣ всѣхъ матросовъ, обратился съ нетерпѣніемъ въ ту сторону, откуда должны были выйти пассажиры. Наконецъ они вышли; молодой человекъ несъ одного изъ дѣтей, жена вела за руку другаго.

При видѣ ихъ офицеръ вздрогнулъ. — Знаете-ли вы, сказалъ онъ громко, обращаясь къ капитану, знаете ли, что на вашемъ суднѣ находится военно-плѣнный; какъ осмѣлились вы взять его?

— «*Jesus Maria y Jose!*» прошептала вторично молодая женщина и упала безъ чувствъ на руки своего мужа.

Глубокая тишина прерываема была только воплемъ дѣтей; солдаты и матросы, глубоко тронутые, опустили глаза. Офицеръ бросился къ

* Веревка, служащая вмѣсто поручней.

молодому человѣку, осторожно освободилъ его отъ ребенка, и далъ ему возможность оказать помощь женѣ, упавшей въ обморокъ.

— Миѣ очень больно, «сепог», сказалъ офицеръ, но я долженъ васъ взять съ собою. Слова эти были произнесены ласковымъ, но рѣшительнымъ тономъ. Плѣнникъ ничего не слышалъ; онъ стоялъ на козлахъ передъ женою и теръ ей виски. Между-тѣмъ капитанъ вынулъ изъ кармана свертокъ витаго табаку, отрѣзалъ кусочикъ и положилъ за губу; потомъ, развернувъ хладнокровно паспортъ молодаго человѣка, подалъ его офицеру. Испанецъ оттолкнулъ эту бумагу съ презрѣніемъ. Дѣйствительно, въ этомъ хладнокровіи молодаго моряка было что-то возмущающее душу. Конечно, онъ былъ капитаномъ купеческаго судна и для него было очень важно отклонить отъ себя подозрѣніе въ участіи къ побѣгу плѣнника; шкуна была подъ выстрѣлами крѣпости, — сдѣлай офицеръ знакъ, и волей-неволей, а надо повернуть назадъ, чтобы подвергнуться допросу, и можетъ-быть, строгому наказанію. Но это спокойное, хладнокровное чело среди оживленной сцены, казалось, обнаруживало величайшую нечувствительность. Не такъ было на самомъ дѣлѣ! У человѣка обыкновеннаго всѣ движенія душевныя отражаются на лицѣ, какъ въ зеркалѣ; у людей, одаренныхъ характеромъ сильнымъ, часто, подъ оболочкою неподвижною бьется сердце, доступное всему высокому, благородному..

Только одинъ лейтенантъ, замѣтивъ въ чертахъ лица капитана легкое судорожное движеніе, подошелъ къ нему. Капитанъ сказалъ ему нѣсколько словъ наухо. Потомъ предложилъ офицеру сойти въ каюту, чѣмъ-нибудь освѣжиться. Подобноу чтивости капитаны никогда не забываютъ въ отношеніи къ портовымъ офицерамъ. Испанецъ согласился и они сошли внизъ.

Тамъ капитанъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ; съ учтливостію, которой никто въ немъ не подозрѣвалъ и которую никто не покажетъ лучше янки, когда ему нужно пустить кому-нибудь шель въ глаза, услуживалъ онъ своему гостю. Между-тѣмъ какъ буфетчикъ ставилъ на столъ сухари, мидаль, маслины, онъ раскупоривалъ бутылку мадеры, и наливая стаканъ за стаканомъ, изъяснялъ случившееся, — и умѣлъ такъ хорошо оправдать себя, что офицеръ, послѣ нѣсколькихъ стакановъ мадеры, сказалъ ему что паспортъ былъ фальшивый, потому-что принадлежалъ совсѣмъ другому лицу, но что ему, капитану, бояться нечего; впрочемъ вино было доброе, плѣнный—человѣкъ важный, и офицеръ могъ поздравить себя съ такимъ призомъ. Рѣдкій испанецъ откажется отъ стакана хорошей мадеры съ маслинами. Офицеру понравилось въ каютѣ; онъ былъ въ лучшемъ расположеніи духа, однако не

забылъ приказать вывести всё вещи пассажировъ наверхъ и спустить плюбку. Капитанъ, извиняясь, что долженъ на минуту оставить офицера, вышелъ на верхъ, чтобъ отдать кое-какія приказанія. Когда всходилъ онъ по лѣстницѣ, бѣдный плѣнникъ подошелъ къ нему; лицо его было блѣдное, зеленоватое, черты лица показывали величайшее разстройство. Однѣя ребенокъ уцѣпился за правую его ногу, жена держала его въ своихъ объятіяхъ, молодая негритянка несла на рукахъ другаго ребенка. Капитанъ во-время путешествій своихъ посмотрѣлся на разныя сцены; но эта раздирала его сердце.

Страданія жены, отчаяніе мужа могли растрогать и самаго нечувствительнаго чловѣка. Когда плѣнникъ подходилъ къ капитану, глаза его горѣли мрачнымъ огнемъ, мускулы и губы судорожно подергивались, губы стучали какъ въ лихорадкѣ и рука машинально хваталась за эфесъ шпаги. Что касается до жены,—казалось, она не принадлежала болѣе къ этому міру; но и лишившись чувствъ, она все еще была прекрасна. Капитанъ взялъ за руку молодаго чловѣка, стараясь его утѣшить. Если бы вы 24 часа раньше мнѣ открылись, я нашелъ бы средство спасти васъ; но теперь, это почти невозможно: офицеръ имѣетъ положительныя приказанія, крѣпостныя пушки въ минуту могутъ пустить насъ ко дну. Жаль отъ всего сердца!... Несчастный не далъ ему продолжать; какъ утопающій схватился за его руку, и послѣ немовѣрныхъ усилій, съ трудомъ, перерывисто сказалъ слѣдующее:

— Выслушайте меня, капитанъ: я родился въ Колумбін и служилъ офицеромъ въ арміи противъ испанцевъ. Попавшись въ плѣнъ въ несчастномъ сраженіи при Качпри, я отвезенъ былъ въ Гавану съ прочими плѣнными. Испанцы позволили семейству моему послѣдовать за мною; такимъ-образомъ она имѣли въ своей власти одну изъ первѣйшихъ фамилій въ Колумбін. Четыре мѣсяца томился я въ ужасной тюрьмѣ; крысы и гады были единственными моими товарищами, и если я остался живъ, то обязанъ этимъ крѣпкому моему сложенію. Изъ семисотъ плѣнныхъ осталось въ живыхъ самое незначительное число. Двѣ недели назадъ тому, выпущенъ я былъ изъ тюрьмы, потому-что походилъ болѣе на скелета, чѣмъ на живое существо; мнѣ позволили жить въ городѣ, гдѣ я нѣсколько поправился. Между-тѣмъ, я узналъ, что дано приказаніе снова заключить меня въ тюрьму; но тамъ не прожить мнѣ и недѣли. Одинъ вѣрный другъ, сжалившись надъ нашею участью, преобретая всѣми опасностями, досталъ мнѣ паспортъ и снабдилъ деньгами, советуя обратиться къ вамъ. Паспортъ принадлежалъ испанцу, умершему отъ желтой лихорадки. Съ этимъ видомъ, при вашей помощи, надѣялся я избавиться плѣна, а съ тѣмъ вмѣстѣ и смерти. Капитанъ,

тань! вся надежда моя, жены моей и дѣтей теперь на васъ. Вопросъ идетъ о жизни и смерти! Если вы покнете меня, смерть моя несомнѣна, но я предпочитаю ее вторичному заключенію въ темницѣ, и живой не отдаюся въ руки испанцамъ. Но бѣдная моя жена! бѣдные дѣти! бѣдныя отчизна!

Капитанъ, проведя рукою по лбу, пошелъ скорыми шагами на бакъ* и приказалъ матросамъ вынести на палубу багажъ пассажировъ. Посмотрѣвъ на направленіе вѣтра и подумавъ съ минуту, онъ отдалъ тихою командою приказаніе лейтенанту. Послѣ этихъ распоряженій, пошелъ онъ въ каюту. Проходя мимо семейства несчастнаго плѣнника, онъ сказалъ вполголоса, не поворачивая головы: надѣйтесь на Того, Кто не оставляетъ челоуѣка въ минуту бѣдствія! Едва произнесъ онъ эти слова, какъ испанскій офицеръ вбѣжалъ на лѣстницу, и увидѣвъ плѣннаго съ семействомъ, предложилъ имъ сойти на шлюбу; во капитанъ, ставъ между ними, просилъ офицера позволить несчастному пассажиру выпить на прощанье стаканъ вина.—Вы военный, я также полувойенный. Какъ храбрый и великодушный испанецъ,—какой же испанецъ не почитаетъ себя храбрымъ и великодушнымъ,—вы не допустите, чтобы я отпустилъ бѣднаго пассажира, не оказавъ ему послѣдняго гостепримства.

У офицера было доброе сердце; онъ согласился, и пропустивъ передъ собою пассажира, сошелъ за нимъ въ каюту. Капитанъ самъ принесъ вторую бутылку такой превосходной мадеры, что при первомъ стаканѣ глаза испанца заблестали. Несмотря на грусть плѣннаго, разговоръ оживлялся; капитанъ говорилъ бѣгло по-испански, и обнаруживалъ такую веселость, какой никто не подозрѣвалъ въ угрюмомъ, молчаливомъ морякѣ.

Такъ прошло полчаса.

Вдругъ почувствовали сильной толчекъ, стаканы и бутылки зазвенѣли.

Испанецъ вскочилъ съ мѣста.

— Капитанъ! вскричалъ онъ, судно идетъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ капитанъ: согласитесь, что при такомъ прекрасномъ вѣтрѣ, шкуна не можетъ оставаться неподвижною.

Офицеръ, не отвѣчая, выбѣжалъ изъ каюты и бросился по лѣстницѣ на палубу. Быстро взглянулъ онъ на пристань; она была назадъ въ разстояніи уже двухъ миль.

Испанецъ пришелъ въ бѣшенство.

* Передняя часть судна.

— Солдаты! заревѣлъ онъ, арестовать капитана, арестовать пассажировъ! Намъ обманули! Руль на бортъ!

Очевидно, что употреблена была хитрость. Шкуна такъ тихо вступила подъ паруса, что ни солдаты, ни гребцы, потягивая ромъ, этого не замѣтили, и только тогда догадались, когда офицеръ явился на палубу.

Капитанъ оставался хладнокровенъ.

— Какой же тутъ обманъ? сказалъ онъ съ важностію. Благодаря Бога, мы американцы, и намъ обманывать некого. Намъ ничего не поручали, стало быть не въ чѣмъ давать отчета; что касается до плѣнника, онъ останется съ нами.

— Съ вами? возразилъ офицеръ, увидимъ!

— Съ нами, повторю вамъ, продолжалъ съ обычною флегмою капитанъ. Не хлопочите, по напрасну, «зеног». Ружья вашихъ солдатъ въ нашей власти, мои шесть вооруженныхъ матросовъ конечно справятся съ вашими обезоруженными солдатами. При первомъ ихъ движеніи, я велю стрѣлять.

Оглянувшись назадъ, офицеръ былъ пораженъ. Ружья солдатъ его, сложенные въ козлы, были подъ наблюденіемъ двухъ вооруженныхъ матросовъ.

— И вы осмѣлитесь... вскричалъ офицеръ, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Конечно осмѣлюсь, и безъ дальней церемоніи, но я надѣюсь, что вы не доведете меня до этого, потому-что не вижу въ томъ никакой необходимости. Вы останетесь у меня еще нѣсколько часовъ гостемъ, и потомъ возвратитесь на берегъ на своей шлюпкѣ.

Эти слова прованесены были голосомъ спокойнымъ, но твердымъ. Испанецъ былъ точно въ пылкѣ.

— Maestro! maestro! вскричалъ онъ, я надѣюсь, что все это одна шутка.

— Нѣтъ, мы, американцы, шутить не любимъ, отвѣчалъ небрежно капитанъ.

— Но знаете ли, какое вы дѣлаете преступленіе? воскликнулъ офицеръ.

— Еслибъ я былъ испанецъ, такъ; но какъ я американецъ—то никакого, возразилъ капитанъ, обмакивая палецъ въ ведръ морской воды которое поднималъ буфетчикъ изъ-за борта. Мы на морѣ. Будьте же разсудительны, прибавилъ онъ болѣе дружескимъ тономъ.

Офицеръ скрежеталъ зубами, но очевидно было, что не терялъ еще надежды поправить дѣло. Сопротивляться ему конечно было нельзя: ружья его солдатъ были во власти американцевъ, вооруженныхъ пистолями и тесаками. Солдаты вышли довольно рому, на гребцовъ-нег-

ровъ еще менѣе было можно разсчитывать; но неподалеку были военные и таможенные куттера. Сдѣлай одному изъ нихъ сигналъ, и шкуна должна будетъ остановиться. Офицеръ обратилъ все свое вниманіе на военный шлюпъ, плившій къ порту.

Капитанъ, казалось, угадалъ его мысль.

— Сенор, сказалъ онъ ему, вы не откажетесь сдѣлать намъ честь вмѣстѣ позавтракать. Мы надѣемся, что будемъ имѣть удовольствіе и обѣдать съ вами; что касается до ужина, то, вѣроятно, вы будете ужинать уже дома.

Сказавъ это, онъ учтиво подалъ испанцу руку; тотъ по певолѣ согласился идти.

Плѣнникъ съ женою, оставшись одни, вскрикнули отъ радости и бросились другъ къ другу въ объятія. Сердца ихъ были полны невыразимыхъ чувствъ.

Они смотрѣли на Гавану и на крѣпость, отъ нихъ удалявшіяся. Мало-по-малу городъ, портъ съ лѣсомъ мачтъ и самая крѣпость стали скрываться. Блестящая полоса, какъ серебряная лента, росла въ длину и ширину между портомъ и судномъ. Молодая чета съ неизъяснимою радостію замѣчала, какъ эта свѣтлая полоса, постепенно расширяясь, превращалась въ обширную пелену воль, служившую надежнымъ ручательствомъ ихъ избавленія. Наконецъ и очеркъ города сталъ скрываться, мачты въ портѣ были невидимы, только выпела на нихъ рѣзая вдаль горизонта, какъ морскія птицы. Шкуна бѣжала по десяти узловъ въ часъ. Можно представить восторгъ пассажировъ; они забыли и голодъ и жажду, и только услыша голосъ испанца на лѣстницѣ, прѣшли опять въ себя.

Шкуна была уже въ двадцати миляхъ отъ Гаваны, крѣпость едва видѣлась. Пора было разстаться. Капитанъ не боялся, что его воротать, притомъ офицеру опасно было долѣе оставаться на суднѣ. И такъ онъ поспѣшилъ сойти на шлюпку, и чрезъ минуту легкой яликъ летѣлъ къ порту.

Шкуна, тоже съ попутнымъ свѣжимъ вѣтромъ, быстро неслась къ Филадельфій, куда и достигла чрезъ одиннадцать дней плаванія.

Пассажиръ остановился съ семействомъ своимъ въ домѣ капитана, молодая жена котораго приняла ихъ какъ старыхъ друзей.

Эстоваль (такъ названъ былъ въ паспортѣ колумбіецъ) и жена его тѣмъ охотнѣе согласились воспользоваться этимъ гостепріимствомъ, что появленіе въ свѣтъ подъ собственнымъ ихъ именемъ было бы и для нихъ небезопасно, и для капитана непріятно. Жители Филадельфій,

* 10 узловъ равняются, 17 $\frac{1}{2}$ верстами въ часъ.

большую частью квакеры, ученые и купцы, смотрѣли на эту войну, которая причиняла имъ потери, вообще непріязненно, и въ-особенности не благоволяли къ южнымъ американцамъ. Притомъ испанскій посланникъ въ Соединенныхъ-Штатахъ имѣлъ сильную партію между городской знатію.

Всѣ эти обстоятельства требовали, чтобъ колумбіецъ сохранялъ свое инкогнито, тѣмъ болѣе, что и средства его были незначительны; надо быть бережливымъ, чтобъ имѣть возможность возвратиться на родину. Черезъ три мѣсяца представился къ тому случай: одинъ пріятель капитана согласился перевезти это семейство въ Сен-Маргериту, гдѣ была главная квартира южныхъ американцовъ и гдѣ, подъ предводительствомъ Болливара, продолжались военныя дѣйствія.

Только въ этотъ переездъ, колумбіецъ вспомнилъ, что не открылъ настоящей своей фамиліи капитану, который, по скромности, самъ его объ этомъ не спрашивалъ, называя обыкновенно пассажировъ своихъ только по именамъ.

Между-тѣмъ капитану пришлось за это дѣло дорого расплатиться съ хозяевами своего судна. Дѣлу придана была тѣмъ большая важность, что оно навлекло нѣкоторую непріятность ихъ гаванскимъ корреспондентамъ.

Капитанъ уволенъ былъ отъ должности, съ довольно двусмысленнымъ аттестатомъ, и вотъ начало брошенной на его репутацію тѣни, которая могла бы долго и даже навсегда остаться, еслибъ не поблагодарствовало ему случайность войны. Со всѣмъ тѣмъ прошло много времени, пока предубѣжденіе изгладилось.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ участь Колумбіи рѣшилась. Болливаръ искуснымъ форсированнымъ маршемъ предупредилъ соединеніе испанскихъ армій. Гуалеро отправленъ былъ съ другою арміею изъ Каракоса вокругъ мыса Горна въ Перу. Между-тѣмъ Сюкръ напалъ на испанцевъ при Аякучо, разбилъ ихъ и заставилъ положить оружіе. Независимость Перу, а съ нею и всей испанской Америки, была обезпечена. На всемъ обширномъ материкѣ не оставалось испанскихъ войскъ исключая гарнизона въ крѣпости Каллао. Крѣпость эта за четыре года была блокирована и взята Мартиномъ и Кокреномъ, но потомъ опять попала въ руки испанцевъ; вторичное покореніе ея возложено было на генерала Гуалеро, прибывшаго съ арміею своею въ Лиму.

Эта армія только что была высажена на берегъ, когда мы пришли съ съѣстными припасами и сигарами, которыя такъ необходимы испанцамъ. Судьба опять свела капитана съ американскимъ офицеромъ, но въ обстоятельствахъ, совершенно различныхъ.

Прежній бѣглець командовалъ теперь значительной арміей. Янки-капитанъ былъ безъ судна и груза. Но тотъ и другой не измѣнили своему характеру. Гуаларо не забылъ своего благодѣтеля; капитанъ и въ несчастіи не утратилъ своего достоинства. Въ присутствіи генерала ни однимъ жестомъ, ни однимъ движеніемъ—не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго замѣшательства.

Послѣ трехнедельнаго пребыванія въ Лимѣ, капитанъ и генералъ разстались съ чувствомъ глубокаго уваженія другъ къ другу и жгучей дружбы. Нечего и говорить, что дѣла наши приняли лучший оборотъ. Черезъ три дня по прибытіи нашемъ въ Лиму, капитану возвратили шкуну и грузъ, исключая, разумѣется, принадлежавшаго испанца. Эта часть груза была конфискована, но генералъ выкупилъ ее и подарилъ капитану; сверхъ-того онъ сдѣлалъ родъ аукціона, на которомъ сигары пошли за высокую цѣну.

Капитанъ выручилъ три тысячи долларовъ, которые промѣнялъ на золото. Самая шкуна и остальной грузъ были куплены южными американцами для ихъ флота.

ПРОГУЛКА ПО РОССИИ.

ПОЪЗДКА ВЪ ЗАЛѢССКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ КРАЙ,

ЛѢТОМЪ 1852 ГОДА.

И отады въ пользу.

Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

Ступаль и округъ его — Ростовъ и промышленность огородниковъ его округа. — Ярославль и лаяная промышленность края. — Романовъ-Борисоглѣбскъ. — Залѣсскій край; остатки потыиной флотилии въ Переяславѣ и памятникъ Петру Великому. — Сельди и леци Переяславскаго-озера.

Какъ ни обилень Петербургъ, зимою, удовольствіями, которыя, какъ извѣстно, — сосредотчиваются на это время года въ городѣ; но чтобы живущему тамъ круглый годъ можно было вполне пользоваться ими, — для этого необходимо имѣть извѣстные лѣта и крѣпкое здоровье. При однихъ этихъ условіяхъ можно жить тамъ по-петербургски, т. е. до обѣда заниматья дѣломъ часовъ шесть за одинъ присѣтъ, а потомъ гастрономически обѣдать въ ресторанѣ, и послѣ веселиться до 2-хъ часовъ въ любимомъ публичкомъ мѣстѣ, еще не утратившемъ интереса новости, или играть въ карты. А всѣ ли въ Петербургѣ наслаждаются вполне здоровьемъ, и всѣ ли имѣютъ способы предаваться публичнымъ веселостямъ, которыя не дешевы? Потому, очень немногіе, съ свободными средствами, выдерживаютъ, безвыѣздно изъ города, годичный круго-оборотъ; а чтобы сдѣлать себя хотя на зиму покрѣпче, переселяются на лѣто

на дачу. Такъ уже издавна ввелось въ Петербургѣ, въ этомъ дѣломъ, дѣятельномъ городѣ, гдѣ каждый изъ чего-нибудь бьется, и гдѣ безъ этого чего-нибудь чувствуетъ себя *désappointé*. Но способъ дѣлать такимъ образомъ годичное время сдѣлался, наконецъ, слишкомъ единообразенъ, сталъ надоедать; однѣ и тѣ же дачи прискучили, а между-тѣмъ и поколѣніе перемѣнилось, и новое принесло съ собою въ общежитіе многое свое, новое. Вотъ придумали раздвинуть границы дачной жизни, сперва въ болѣе отдаленныя окрестности столицы, потомъ въ Ревель, въ Гельсингфорсъ и т. д. Но ни деревня, какъ, впрочемъ, ни мало между петербургскими дачниками помѣщиковъ, ни Москва, если у кого не было тамъ своихъ близкихъ, не приходили на мысль: гдѣ-бы лучше провести лѣто, пока не легъ по тонкому грунту новгородской губерніи рельсъ, и паровикъ не началъ переносить, какъ коверъ самолетъ, въ 21 часъ, петрогородцевъ въ Москву, москвитянъ въ С. Петербургъ. Самые жаркіе поборники желѣзной дороги едва ли воображали себѣ переворотъ, долженствовавшій совершиться въ передвиженіяхъ народа послѣ открытія дороги, и послѣдствія относительно развитія многихъ новыхъ промысловъ, какія теперь являются уже на дѣлѣ. Что впередъ будетъ—о томъ одинъ Богъ вѣдаетъ. Мы говоримъ о лѣтнемъ провозеніи времени, и потому скажемъ, что 21-часовой поѣздъ по желѣзной дорогѣ, гдѣ въ креслахъ вагона путешественникъ сидитъ, какъ въ своемъ кабинетѣ, приблизилъ Москву къ Петербургу на разстояніе, какимъ въ старину опредѣлялось въ царскихъ грамотахъ пространство жалованныхъ помѣстій, т. е. на птичій полетъ и на воловий рыкъ. При этомъ область лѣтняго провозенія времени для петрогородцевъ раздвинулась едва ли не на всю Великороссію: кто уже въ Москвѣ, тому ея окрестности съ загородными мѣстами, всѣ ближайшіе города, съ ихъ привольемъ и дешевизною, по берегамъ Волги, Оки, и мало ли еще гдѣ, становятся все-равно, что рукой подать.

Нездоровый, я рѣшился весной нынѣшняго года ѣхать на лѣто въ Москву; а пріѣхавъ туда въ апрѣлѣ, спросилъ себя: что я стану дѣлать въ Москвѣ? Поѣду-ка лучше въ деревню. И съ мая помѣстился въ деревнѣ въ полномъ смыслѣ этого названія, которой не означено и, думаю, никогда не будетъ означено, на самой подробной топографической картѣ, да и мѣсто ея географически не опредѣлишь, что, впрочемъ, ни къ чему и не повело бы. Избранная мною на лѣто деревня лежитъ за Москвою, около 18 верстъ далѣе Переслава Залѣскаго, между ярославскою и владимірскою дорогами; а въ какомъ разстояніи отъ той и другой? подводчикъ сказалъ мнѣ: «версты по проселкамъ мѣрляла баба клюкой, да махнула рукой», и потомъ другой крестьянинъ:

«шутъ ихъ иѣрилъ и веревку порвалъ». Послѣ двухъ первыхъ мѣсяцевъ апатическаго спокойствія, я началъ чувствовать, что во мнѣ возникаетъ желаніе еще чего-то, кромѣ сельскаго единообразія, не потому, что деревня, гдѣ жилъ я, не была похожа на Тускулумъ, а ближайшій городокъ—на Фраскати и Альбано близъ Рима; но вѣроятнѣе потому, что жизнь по природѣ, воздухъ, беззаботность и занятіе несрочное, по произволу, когда былъ расположенъ заняться, привели въ порядокъ органическаго отправления, сдѣлали этимъ именно то, въ чемъ я нуждался и чего не сдѣлала бы полная лучшими лекарствами аптека въ городѣ, или курсъ гимнастики у де-Рона (въ Петербургѣ). Мнѣ хотѣлось поближе узнать край, въ которомъ я до того времени не бывалъ. Вообще интересны мѣста, о которыхъ говоритъ исторія, или которыя сами за себя говорятъ! Поэтому, июль и часть августа я рѣшился поѣздить. Думалъ начать разъѣзды съ Суздаля, чтобы посмотреть, между-прочимъ, школу иконописцевъ, но слышу, что въ Суздаля не пишутъ образовъ. Есть тамъ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, иконописцы, однако 2—3 человека не болѣе; но иконопись, какъ исключительный народный промыселъ, изстари и донинѣ ведется между крестьянами экономическаго холуйскаго волости въ селѣ Холуѣ съ деревнями, верстахъ въ 80—90 отъ Суздаля; лучшія работы выходили прежде изъ селенія Полехъ; но съ нѣкотораго времени, какъ эти, такъ и вообще иконописцы холуйскіе, сбили, какъ говорится, руку отъ поспѣшности и отъ множества работъ; слывуть же образа суздальскими во-первыхъ, отъ того, что въ старину холуйская волость заключалась въ границахъ суздальской провинціи, гдѣ Суздаль, а не Владимиръ, какъ въ нынѣшней губерніи, былъ главнымъ городомъ, и потому произведенія, какъ назывались въ то время именемъ главнаго города, такъ и до нынѣ называются тѣмъ же именемъ; а во-вторыхъ, образцами холуйскимъ иконописцамъ всегда служили болѣею частію образы изъ иконостаса Рождественскаго собора въ Суздаля, образа чистаго греческаго стиля.

Въ Суздаля есть и еще нѣкоторые предметы, достойные вниманія; но ихъ интереснѣе будетъ видѣть, когда они довершатся, какъ наприм. документъ надъ гробницею стратига Россіи, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Развѣ для нѣкоторыхъ, можетъ-быть, не бесполезно знать, какое употребленіе тамъ дѣлаютъ изъ корья, выходящаго изъ дубовыхъ чановъ съ кожевенныхъ заводовъ? Скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ. Корье, вмѣсто того, чтобъ оставлять безъ пользы, раскулачиваютъ жители, выющие домашнюю рогатую скотину. Возъ корья стоятъ до 1 р. с. Корье сырое или сухое, прежде нежели давать скотинѣ

кладутъ въ корчаги, ведра по $1\frac{1}{2}$, по 2, наливаютъ водою и ставятъ въ теплую печь съ полдня, когда печь вытопится, до слѣдующаго утра, чтобъ корье хорошенько упрѣло; а потомъ выкладываютъ его въ корыта и обсыпаютъ мукою, или отрубями, или толченою збойною, т. е. остатками отъ сѣменнаго масла, по фунту и по два на задачу для каждой скотины (чѣмъ больше, тѣмъ лучше), и такимъ приготовленіемъ кормятъ скоть. Скотина съѣдаетъ разомъ до 2-хъ ведръ утромъ, и столько же вечеромъ. Сначала вновь заведенный скоть ѣсть такую пашу неохотно; но скоро къ ней привыкнувъ, предпочитаетъ всякому другому корму. Отъ корья скоть становится жирнѣе, шерсть на немъ получаетъ лоскъ, молоко коровъ—нѣсколько особенный, вкусъ, нѣсколько, впрочемъ, не противный, и розово-желтый оттѣнокъ.

И такъ, вмѣсто Суздаля, я отправился къ Ростову и далѣе. Надобно замѣтить, что Переславль, названный Залѣскимъ отъ обилія лѣсовъ между нимъ и Москвою, нынѣ потерялъ эту залѣсность, потому что замосковными лѣсами фабричная производительность распорядилась по своему; теперь они остаются массами болѣе между св. Троицею-Сергіемъ и Переславлемъ и отъ Переславля къ Ростову, тамъ и сямъ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Дорога отъ св. Троицы идетъ мѣстами съ горы на гору. На этомъ пути есть живописные виды, особенно съ возвышенности на тринадцатой верстѣ отъ станціи «Погость», близъ селенія Любишова (помѣщика Бабкина). Видъ открытъ впередъ верстѣ на тридцать, и на горизонтѣ разнообразнаго ландшафта лежитъ городъ Ростовъ, на берегу озера. Семь верстѣ далѣе отъ этого мѣста заштатный городокъ Петровскъ. Императрица Екатерина II, во-время ея путешествія изъ Ярославля, такъ понравилась мѣстность, что она повелѣла быть тутъ городу, и называться ему, въ память Петра I, по-русски Петровскомъ, какъ основанный на Невѣ городъ названъ по-нѣмецки Петербургомъ. По присланному изъ Петербурга проекту выстроена на избранномъ для города мѣстѣ церковь во имя св. Петра и Павла, которая во всякомъ городѣ была бы красивою, по внутренней архитектурѣ, церковь.

Но Петровскъ не помешалъ, однако, впередъ, и остается донынѣ, какъ былъ съ основанія, бѣднымъ городкомъ, и съ нѣкотораго времени заштатнымъ. Рѣки нѣтъ и не достааетъ другихъ мѣстныхъ условій; промышленность же овощами огородниковъ, начинающаяся отъ Петровска, слабосильна сама по себѣ, чтобъ завить городское гнѣздо и оживить населеніе, тѣмъ болѣе, что отъ Петровска въ двадцати одной верстѣ Ростовъ, собственно главный городъ огородниковъ.

Интересна промышленность огородниковъ въ этомъ краѣ! Поселеніи

существуетъ тамъ не земледѣліемъ; онъ съѣтъ лѣбное зерно сколько для него необходимо; но усиленно, съ любовію, въ видахъ благосостоянія, разводитъ овощи, именно: сахарный горошекъ и цикорій. По дорогѣ видны всюду гряды, гряды, гряды, весною съ тычинками сухихъ вѣтвей, которыя среди лѣта обвиваются горошкомъ, а мѣстами гряды съ цикоріей.

Ростовъ въ высшей степени важенъ и замѣчателенъ въ религіозно-историческомъ отношеніи, и вотъ почему: Христіанство въ Россіи въ началѣ возникло и утвердилось на трехъ пунктахъ: въ Кіевѣ, въ Новгородѣ и Ростовѣ (въ 1070 году), съ землями суздальскою и муромскою, когда въ нынѣшнемъ московскомъ округѣ народъ еще идолопоклонствовалъ. Эти три пункта были тогда между собою въ непрерывныхъ, прямыхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ. Въ концѣ XI вѣка, изъ существовавшихъ въ Россіи епископствъ одно было ростовское; муромскіе князья, уже отдѣльные, были отраслію князей черниговскихъ; четвертый митрополитъ російскій, Вфреѣ (1090 г.), жившій въ Переславлѣ въ Украинѣ, украшая этотъ городъ храмами, украшалъ ими и отдаленный Суздаль; въ XII вѣкѣ черниговскій князь Михаилъ, желая получить облегченіе отъ болѣзни, задилъ изъ Чернигова въ Переславль (Залѣсскій), для молитвы къ Никитѣ Столпнику, спасавшемуся въ переславскомъ Никитскомъ-монастырѣ; изъ всѣхъ князей, старавшихся со всею теплотою любви о заведеніи и поддержаніи училищъ въ Россіи, извѣстенъ въ исторіи князь ростовскій Константинъ (1218 г.)

Каедральный соборъ имѣлъ важное значеніе, при патріархахъ. Потому, въ Ростовѣ, соборъ XIII вѣка и оставленные, съ перенесеніемъ каедры въ Ярославль, архіерейскій домъ въ Кремлѣ, съ красною въ весь палатою, и церкви при немъ (всѣ упраздненныя), по размѣру своему ясно сами говорятъ, каковы онѣ были во-время пребыванія въ Ростовѣ церковной власти. Церковь Спаса при архіерейскомъ домѣ въ-самомъ-дѣлѣ очень замѣчательный храмъ. Живопись *al-fresco*, какою покрыты многія церкви въ томъ краѣ, довольно свѣжа, хотя очень старинная; въ церкви Спаса и еще въ другой нѣтъ вставленныхъ образовъ въ иконостасахъ; образа написаны на стѣнахъ, отдѣляющихъ алтарь отъ церкви. Въ церкви Спаса, при взглядѣ на алтарь, видишь во всемъ что-то особенное, такъ что подумаешь: не созданіе-ли это итальяскаго художника? Солея, или передь-алтарное мѣсто, о семи ступеняхъ, открыто только противъ царскихъ дверей; остальное пространство его возвышенія занято большими клиросами по обѣ стороны. На

* Въ ней митрополитъ угощалъ трапезою Петра I.

** Церковь Спаса выстроена при митрополитѣ Юнѣ, въ 1675.

заднихъ стѣнкахъ килросовъ сдѣланы колонны, и съ каждой колонны перекинута арка чрезъ всю солею и связана другимъ концемъ съ иконостасною стѣною. Наличники царскихъ вратъ обложены мѣдными листами, которые до-сихъ-поръ сохраняютъ позолоту, хотя она нѣсколько потускнѣла. Съ каждой стороны царскихъ вратъ устроено по икоту; въ одномъ образъ Спасителя, въ другомъ образъ Божіей Матери. Еще есть старики въ Ростовѣ, которые помнятъ, что лѣтъ за шестьдесятъ ходили въ эту церковь разъ въ годъ, съ крестами, и соборомъ служили въ ней обѣдню. Въ одной изъ наружныхъ галлерей пра церквахъ въ архіерейскомъ домѣ, украшенныхъ тоже фресками, недавно обновили, для пробы, посредствомъ сыворотки, одну картину, изображающую Василія Великаго. Живопись такъ прояснилась, что какъ-будто изображеніе теперь только нарисовано, хотя галлерей, когда то закрытыя, долго оставались и остаются безъ рамъ, подъ вліяніемъ воздуха и непогодъ. Это доказываетъ, что климатъ нашъ не истребляетъ этого рода живописи! Церковь блаженнаго Исидора, въ крѣпости, современна Царю Іоанну Васильевичу Грозному. Въ ней, подъ спудомъ, опочиваютъ мощи бл. Исидора. Изъ житія его видно, что онъ былъ иностранецъ, иновѣрецъ, не простаго рода, обошелъ всю Европу, и приѣхавъ въ Ростовъ, принялъ грекороссійское исповѣданіе, и тутъ кончилъ дни свои.

Спaso-Яковлевскій-Дмитріевъ-монастырь въ Ростовѣ, гдѣ опочиваютъ мощи св. Дмитрія, обстроены изящно, и содержится прекрасно. По угламъ квадрата монастырской ограды и въ срединѣ каждой ея стороны устроены красивыя башенки, въ которыя удобный ходъ по стѣнѣ; одна изъ нихъ находится въ ближайшей связи съ домомъ, гдѣ живетъ настоятель монастыря. Видъ со средины и съ вышки этой башни, на озеро и на мѣстность, превосходный, особенно въ хорошую погоду лѣтомъ. Главными вкладчиками, украсившими Яковлевскій-монастырь, были графъ Н. П. Шереметевъ и графиня А. А. Орлова-Чесменская. Приношенія ихъ истинно боярскія! Въ ризницѣ монастыря, отлично устроенной, интереснѣйшая драгоценность — шапочка, въ которой былъ погребенъ св. Дмитрій митрополитъ, и платокъ миткалевый, бѣлый, оказавшійся въ кармапѣ одѣянія, въ которомъ онъ былъ положенъ во гробъ и погребенъ на мѣстѣ, гдѣ опочиваютъ мощи его. Почти пятьдесятъ лѣтъ находившійся въ землѣ, и шапочка и платокъ остались невредимы. Но въ своемъ родѣ немѣняя драгоценность есть одинъ исправленный св. Дмитріемъ канонъ. Свобода почерка, краснота его, по тогдашнему времени, и рѣшительность смѣлыхъ поправокъ доказываютъ, что за великій, опытный труженикъ былъ этотъ достославный святитель.

Прѣхавъ въ Ростовъ поздно вечеромъ, я остановился близъ Кремля, на постояломъ дворѣ, рядомъ съ женскимъ монастыремъ; потому-что это мѣсто ближе къ пристани на озерѣ, по которому я наѣхренъ былъ покататься. Слѣдующимъ утромъ я нанялъ лодку съ однимъ гребцомъ, за пятьдесятъ копѣекъ серебромъ на семь часовъ времени ѣзды и простоя, и поѣхалъ на другую сторону озера, въ село графа Панина, Порѣчье-рыбное, известное промышленностію сахарнаго горошка и цикорія. Отъ пристани противъ собора до пристани въ Порѣчье мы плыли три часа, разстояніе около десяти верстъ. Въ первый часъ путешествія мы плыли по водѣ густой, зеленоватой и отзывавшейся болотомъ; но потомъ — по свѣтлой, обыкновеннаго вкуса, вѣроятно, отъ притока воды рѣки Гды, впадающей въ озеро. Черезъ двадцать пять минутъ ѣзды свѣтлою водою, показалось подъ лодкою мѣлководье; лодочникъ, выйдя въ воду, тащилъ лодку руками. Черезъ полчаса мы были уже въ устьѣ Гды, и ѣхали рѣкою противъ теченія, до порѣчской пристани, около полутора часа. Въ берегахъ рѣки, гдѣ они обнажены, видно множество отверстій, какъ-будто норъ, всѣ въ прямой горизонтальной линіи. Лодочникъ объяснилъ мнѣ, что это отверстія пещерокъ ласточекъ особой породы. Онѣ прорываютъ пещерки сперва прямо, а потомъ всторону; длина ихъ простирается иногда сажени на двѣ.

Порѣчское населеніе (до 2200 душъ) начинается слободою по обѣимъ берегамъ рѣки; къ водѣ устроено множество лѣсенокъ, и при нѣкоторыхъ сдѣланы временные очажки. На нихъ, въ небольшихъ котлахъ съ кипящею водою обвариваютъ сахарный горошекъ въ плетюшкахъ изъ лозы, давая вскипать водѣ бѣлымъ ключемъ отъ двухъ до четырехъ разъ, смотря потому, мелкій или крупный горошекъ. Когда онъ проварится какъ должно, тогда откидываютъ его на полотно, и сушатъ на особо устроенныхъ лежанкахъ. Онъ продается, смотря по урожаю, отъ девяти до двадцати восьми рублей за пудъ; чѣмъ мельче и болѣе одинаковъ, тѣмъ дороже. Поспѣваніе горошка начинается съ Петрова-дня, и тогда же приступаютъ къ сбору его, лущенію изъ стручковъ и приготовленію въ прокъ, что продолжается весь іюль и частію августъ. Въ это время, въ Порѣчье и всюду, гдѣ около Ростова разводятъ горошекъ, сборъ, лущеніе и приготовленіе его составляютъ общую работу; ею занимаются въ каждомъ домѣ огородника, не только всею семьею, но нанимаютъ щипальницъ, платя разное: отъ пяти до тридцати копѣекъ серебромъ въ день, на готовомъ продовольствіи, смотря потому, какъ созрѣваетъ плодъ. Когда созрѣваніе идетъ скоро, тогда спѣшать работами, чтобы горошекъ не переспѣлъ, потому-что тогда онъ годенъ только на сѣмяна. Въ Порѣчье, и мѣстами по большой

доротъ, видѣлъ я почти вездѣ во дворахъ домовъ женщинъ и мужчинъ которые сидятъ кружками и лущать стручья; другіе въ тоже время носятъ безпрестанно плетешки къ котелкамъ, чтобъ обваривать горошекъ. Всегдашняя благодарность тому порѣцкому крестьянину, который первый вывезъ изъ С. Петербурга въ Порѣчье, назадъ тому лѣтъ шестдесятъ, способъ приготовленія горошка въ прокъ; благодарность всегдашняя и тому англичанину въ С. Петербургѣ, который показалъ огороднику способъ готовить такимъ-образомъ горошекъ. Долго промысломъ этимъ занимались исключительно одни порѣцкіе крестьяне; но лѣтъ съ двадцать-пять онъ распространился вокругъ всего Ростова верстъ на двадцать и болѣе. Во все время сбора, каждый рынокъ въ Ростовѣ представляетъ, раннимъ утромъ, самое живое, разнообразное зрѣлище. Вокругъ одного изъ корпусовъ гостиннаго двора составляютъ множество столиковъ, и близъ нихъ устраиваютъ переносные вѣски. При каждомъ столікѣ есть скупщикъ горошка. Крестьяне изъ Порѣчья рѣдко продаютъ свой сборъ на этихъ рынкахъ; но ближайшимъ торговымъ связямъ, они отправляютъ горошекъ въ С. Петербургъ и въ Москву. На рынокъ въ Ростовѣ болѣе сносятъ горошекъ изъ другихъ окрестныхъ селеній, мужики, бабы, дворовые люди, въ мѣшечкахъ, лукошкахъ, крошенкахъ, сколько кто успѣлъ собрать съ грады; отъ скупщиковъ при столікахъ и отъ продавицъ и продавцевъ дѣлается суматоха, словно на азіатскомъ базарѣ; кто развязываетъ мѣшечекъ, кто открываетъ кузовокъ, лукошко, чтобъ товаръ лицомъ показать, кто пробуетъ горошекъ, сухъ-ли онъ (сырой непрочно сохраняется); тамъ вѣсятъ; одинъ хвалитъ другой критикуетъ, удерживаетъ, сбиваетъ цѣны. Но вотъ чрезъ часъ народъ сваливаетъ, и таже сцена переносится въ рыбныя и всякія лавки въ корпусѣ гостиннаго двора, и каждый лавочникъ тоже дѣлается скупщикомъ горошка. Забавнѣе всего старухи; онѣ упоритѣ всѣхъ торгуются и отстаиваютъ достоинство горошка, доказывая, что онъ не *катышь* (то-есть крупный), а лучший, мелкій. Первому цѣна за фунтъ отъ десяти до двѣнадцати копѣекъ серебромъ, послѣднему отъ двадцати до тридцати-пяти копѣекъ серебромъ. О распространеніи у насъ цикорія, молотого и въ сушеныхъ зернахъ, приготовленнаго по способу Моренко, напрасно было бы слишкомъ распространяться. Многіе пьютъ цикорій, какъ кофе, въ чистомъ видѣ, или съ примѣсью настоящаго кофе. Патроны съ цикоріемъ теперь необходимый товаръ почти каждой мелочной овощной лавочки. Чаемъ у насъ лакомятся; въ Сибири даже, вмѣсто «просимъ хлѣба, да соли кушать», говорятъ: «просимъ чаю, сахару кушать»; мѣстами создается особенный глаголъ «чаевать» то-есть, пить чай прохладно. Но кофе и

цвкоріи служатъ не только закономъ, согрѣвательнымъ средствомъ, а — занимаютъ даже, въ Петербургѣ, до нѣкоторой степени, въ недостаточныхъ семействахъ, сунъ. На промышленность сахарнымъ горошкомъ и цвкоріемъ не обращаютъ у насъ особеннаго вниманія, между тѣмъ огромныя цифры потребленія того и другаго предмета въ столицахъ и вывоза за границу, въ видахъ внѣшней торговли, удивительны! Жаль, что кто-нибудь не займется у насъ статистическимъ изслѣдованіемъ этой отрасли промышленности. Съ вѣрными цифрами простонародной производительности, по каждому роду промышленности, были бы вѣрнѣе соображенія и выводы въ случаѣ предпріятія чего-либо обширнаго, капитальнаго.

Въ Россіи богатство народа и его нравственная сила проявляются преимущественно въ храмахъ божіихъ. Они могутъ служить представителями сокровеннаго духовнаго и вещественнаго состоянія мѣстонаселенія. Церковь лѣтняя въ Порѣчьи, съ ея высокою колокольнею, достойный представитель порѣчанъ. Это не сельская скромная церковь, а великолѣпный городской храмъ, при которомъ тройный причетъ церковнослужителей. О вкусѣ украшеній въ церкви говорить нечего: онъ неизысканъ; но зато богатство такое, какое найдется не во многихъ храмахъ. Утвари и ризница полнѣйшія и великолѣпнѣйшія; одни серебряные сосуды въ 18 фунтовъ, другіе — въ 12 фунтовъ, художественной работы. Впрочемъ, церковь теплая устроена довольно изысканно, во вкусѣ новѣйшей архитектуры, въ видѣ одной огромной свѣтлой галереи безъ особенной трапезы. Царскія двери серебряныя, но изваянія на нихъ таковы, что трудно угадать, къ какой эпохѣ чеканнаго искусства можно отнести эти изображенія! Богатый огородникъ владчичъ, разумеется, совершенный профанъ въ искусствѣ, заказалъ незадолго до смерти своей самую дорогія царскія двери первому серебрянику, на котораго ему указали. Въ другомъ отношеніи, очень удивило меня въ этомъ богатомъ мѣстонаселеніи то, что ни въ трактирѣ въ Порѣчьи, ни въ одномъ домѣ, я не могъ найти себѣ чего-нибудь поѣсть. Какъ сапожникъ безъ сапогъ, порѣчскій мужикъ приготавливаетъ лакомый горошекъ, но самъ, кажется, нелакомъ дома ни до него, ни до чего другаго. Порѣчье, однако, далеко нетаково, какъ другое замѣчательное село, ближе къ Ярославлю, о которомъ скажу въ послѣдствіи. Нынѣшнее поколѣніе огородниковъ обвиняютъ въ общей слабости — въ роскоши; говорятъ, что оно проживаетъ то, что отцы наживали. Можетъ-быть, сираведливо, а можетъ-быть, и нѣтъ. Нисходящее поколѣніе у насъ, во всѣхъ состояніяхъ и классахъ, какъ-то причудливо въ своихъ житейскихъ требованіяхъ.

Осмотрѣвъ Порѣчье, и возвратась тѣмъ же путемъ въ Ростовъ, я поѣхалъ по ярославскому шоссе, дагѣ къ Ярославлю, гдѣ еще никогда не бывалъ. Къ Ростову дорога живописна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по своимъ видамъ; а дагѣ, за Ростовъ, она прелестна по обработанности мѣстной почвы и по обстановкѣ аллеями березъ, тѣнистыхъ и болѣе сплошныхъ, нежели по сю сторону Ростова. Видъ селеній по пути тоже измѣняется: они чище, лучше обстроены и какъ-то съ виду веселѣе селеній владимірскихъ земледѣльцевъ. Отрасль народнаго племени тутъ отличная въ сравненіи съ жителями Переславскаго-озера. Есть тоже и тутъ названія мѣстъ и урочищъ необъяснимаго значенія; но вообще народъ ярославскій, по физической природѣ, по очертаніямъ лицъ и по характеру, уже вовсе не тотъ; это лучшее славянское племя: легкое, живое, веселое, щеголеватое и въ одеждѣ и въ образѣ жизни, всякое дѣло выполняетъ будто играючи; женщины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ давно сняли сарафанъ, тѣлогрѣю, душегрѣйку, одѣлись въ обыкновенное женское платье, носятъ салоны, прикрываются отъ солнца зонтикомъ, и такъ взыскательны, что дѣвушка, неимѣющая этихъ принадлежностей туалета, скорѣе просидитъ въ праздникѣ дома, нежели пойдетъ куда-нибудь со двора.

Ярославцы, въ столицахъ, при своей легкой натурѣ, избираютъ себѣ и болѣе легкія занятія; но въ нѣкоторыхъ службахъ, какъ напримѣръ: въ трактирахъ, ресторацияхъ, мелочныхъ лавочкахъ, баняхъ, приобретаютъ какую-то особеннаго рода ловкость, которая дѣлаетъ ихъ какъ выражается гдѣ-то Го голь «лихачами и мигачами». Но на мѣстѣ, у себя, тѣже ярославцы смотрятъ степеннѣе. Не оттого ли, что тутъ они живутъ въ кругу своихъ семействъ. Или, можетъ-быть, въ столицахъ они кажутся не такими отъ сравненія ихъ съ городскими жителями другихъ состояній; на мѣстѣ же не съ кѣмъ сравнивать ихъ, кромѣ переславскаго тяжелаго народа; а при такомъ сравненіи исключительное преимущество на сторонѣ ярославцевъ.

Подготовленный двухъ-мѣсячною жизнію въ деревнѣ, гдѣ я подчинялъ себя всѣмъ условіямъ натурального проложенія времени, къ болѣе воспримчивости, я вѣхалъ въ Ярославль подъ вліяніемъ самыхъ благоприятныхъ впечатлѣній, которыя произвели во мнѣ какое-то особенное успокоительное настроеніе духа. Если не все, то многое зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ мѣстности, окружающихъ насъ предметовъ и отъ воспримчивости къ впечатлѣніямъ. Призма, преломляя лучи солнца, разлагаетъ и отражаетъ каждый его цвѣтъ порознь; душа, воспринимаящая и понимающая свойства предметовъ внѣшняго міра, не тотъ ли же кристалъ невещественный, такой однако, которому свойственно

отражать неравнообразно всѣ качества вѣшнихъ предметовъ, но которое-нибудь одно — болѣе, другое — менѣе, смотря по природному расположенію, или по направленію свойствъ челоуѣка. На этотъ разъ вниманіе мое, согласно душевному настроенію, обратилось въ ярославскомъ краѣ на духовную сторону въ народѣ. Она тамъ очень развита и поддерживается преданіемъ. Православный край по преимуществу! Съ весны до поздней осени, хожденія изъ города въ городъ и по селеніямъ съ чудотворными иконами почти непрестанныя. Въ каждомъ мѣстѣ время ожиданія принесенія образа — религиозный праздникъ. На срѣтеніе его выходитъ все мѣстное населеніе. Молебны не прерываются. Одинъ образъ чрезъ извѣстное время смѣняется другимъ предъ которымъ такое же искренно-усердное моленіе. Наиболѣе чувствуется образъ Божіей Матери. Ея исключительному предстательству и заступничеству передалъ себя весь край со временъ великаго князя Андрея, принесшаго съ собою изъ Кіева чудотворную икону Божіей Матери, находящуюся нынѣ близъ Владиміра, въ селѣ Боголюбовѣ. Образъ этотъ прославленъ побѣдою надъ болгарамъ. Ходы съ образами вообще представляютъ умиленное народное торжество. Мнѣ случилось быть въ Ярославлѣ, въ день праздника Казанской Божіей Матери. Тысячи людей выходили на срѣтеніе ростовскому образу Владимірской Богоматери; во-время несенія его изъ собора въ Казанскій-монастырь сотни людей, особенно усердныхъ, ложились на землю подъ переносъ, — самое старинное въ народѣ поклоненіе! Ярославль обилень храмами: при тридцати тысячахъ городского населенія до сорока церквей монастырскихъ и приходскихъ; вокругъ одной Ильинской-площади одиннадцать церквей! Всѣ церкви содержатся благолѣпно. Нынѣшній годъ замѣчательнъ въ Ярославлѣ обновленіемъ и украшеніемъ многихъ церквей помпезными главами, что съ перваго взгляда возвышаетъ понятіе путешественника о благосостояніи и усердіи гражданъ. Церкви внутри соответствуютъ вполне этому понятію, всеяемому наружностію; кромѣ общихъ украшеній на иконостасахъ и образахъ, полы почти во всѣхъ церквахъ устланы войлокани или коврами, конечно во вниманіи къ мѣстному обычаю молиться съ колѣнопреклоненіемъ и съ земными поклонами. Въ Ярославлѣ, день, можно сказать, начинается, какъ должно бы вездѣ его начинать, то есть молитвою: за раннею обѣдею бываетъ въ церквахъ много богомольцевъ. Нельзя не отдать должной справедливости и мѣстному духовенству. Его служеніе въ пользу духовной нравы, по прямому призванію, достойно особеннаго замѣчанія. Въ Ярославлѣ существуетъ особенное заведеніе воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. Въ Царскомъ-селѣ существуетъ уже такое-же заведеніе. Кто

всматривался и убежденъ въ неразрывной связи успѣховъ общественной нравственности съ предварительнымъ воспитаніемъ дѣтей, тотъ вполне оцѣнить благодѣтельные послѣдствія подобныхъ женскихъ заведеній для сословія духовнаго

Не служить-ли, между прочимъ, доказательствомъ усердія и любви народа къ церкви и ко всему, что придаетъ большую торжественность церковному, и то, что не только въ городахъ, даже въ селахъ, почти вездѣ *красные звоны*, т. е. праздничные колокола больше обыкновенно бывающихъ при сельскихъ церквяхъ, и что въ Ростовѣ городское общество заботится о томъ, какъ бы сберечь красный звонъ на соборной колокольнѣ, и удержать при ней извѣстное число прежнихъ штатныхъ звонарей, которые, преимущественно изъ прежнихъ, умѣютъ особенно гармонически по нотамъ разныхъ строевъ звонить въ колокола, подобранные подъ тонъ. Извѣстно, что митрополитъ Платонъ въ Ростовѣ наслаждался слушаніемъ звона на соборной колокольнѣ.

Въ первыя времена татарскихъ нашествій, въ костромскомъ гѣсу явилась Божія Матерь (Θеодоровская). Татары, ограбивъ Ярославль, шли съ добычею и плѣнниками въ Кострому, для грабежа и убійствъ. Кн. Василій костромской, съ надеждою на явившуюся икону, вступилъ въ бой съ татарами и разбилъ ихъ на берегу озера, названнаго Святимъ. Во дни святителя Петра, Трифонъ, епископъ ростовскій и ярославскій, обозрѣвая свою паству, остановился въ 7 верстахъ отъ Ярославля. Въ полночь увидѣлъ онъ на другомъ берегу рѣчки Толги икону Божіей Матери въ лучезарномъ свѣтѣ. Съ нимъ была его свята. На другой день, его спутники нашли икону тамъ, гдѣ видѣлъ ее блаженный епископъ. Это было 8 авг. 1314 г. На томъ мѣстѣ построена обитель Толгская, въ томъ же году. Въ ней находится донынѣ явленная святыня—образъ Божіей Матери, къ которому народъ имѣетъ особенное усердіе.—Мѣстность монастыря, на луговой сторонѣ злачной приволжской равнины, чудная! Монастырь, въ которомъ 33 человека монашескою братіи съ послушниками, и 25 штатныхъ служителей, не богатъ, но содержится въ большомъ порядкѣ. Нынѣ настоятелемъ въ немъ архіепископъ Ириней. Передъ нимъ управлялъ монастыремъ ярославскій архіепископъ Авраамъ, дожившій въ немъ, на покой, въкъ свой. При монастырѣ устроена для богомольцевъ гостинница, въ которой можно имѣть необходимое для подкрѣпленія себя и пользоваться изъ монастырской кухни кушаньемъ, какое приготавливается для братіи. Гостинница въ нынѣшнемъ году возобновлена. На погостѣ монастыря много надгробныхъ памятниковъ; но болѣе всѣхъ надъ покойниками изъ семейства князей Урусовыхъ. При монастырѣ есть порядочный садъ;

въ немъ пруды, цвѣтники, парники, огородъ. Впрочемъ, лучшее украшеніе—сада, это кедры, кѣмъ посаженные не извѣстно; но они бѣльшею частію вѣковые, и нѣкоторые только средней величины. Всѣхъ считается до 250 деревьевъ. Благосклонный настоятель монастыря предложилъ мнѣ погулять въ саду, чѣмъ я не преминулъ воспользоваться. Тишина мѣста этого очаровательна, и я тамъ провелъ цѣлый день. На одинъ изъ кедровъ, во-время горѣнія въ старину соборной деревянной церкви, перемѣщався, какъ говоритъ преданіе, самъ собою чудотворный образъ Божіей Матери. Сукъ, на которомъ былъ потомъ обрѣтенъ онъ, въ-послѣдствіи, слишкомъ отросъ, обвисъ и мѣшалъ проходу; почему былъ отнятъ отъ дерева. Въ сосѣднихъ лѣсахъ, которыми изобилуетъ заволжскій край, кедры не растутъ, какъ туземное дерево, но иногда отдѣльные кедровыя деревья попадаются случайно, и онѣ—какъ полагаютъ жители—произрастаютъ отъ заносимыхъ птицами изъ монастырскаго сада кедровыхъ шишекъ. — Кедровыя составили съ недавняго времени не большой, но довольно выгодный промыселъ для нѣкоторыхъ крестьянъ въ близъ-лежащемъ отъ монастыря селѣ Толгоболѣ (Песочное). Ихъ разводять и растятъ для продажи. Нынѣ цѣны на нихъ понизились, и деревья въ $1\frac{1}{2}$ въ $1\frac{3}{4}$ арш. можно покупать по $1\frac{1}{2}$ руб. серебр; нѣсколько лѣтъ прежде онѣ были гораздо дороже.

Прежде нежели, скажу что должно о Ярославлѣ, упомяну о городѣ Борисоглѣбскѣ, куда ѣздилъ я, поклониться Нерукотворенному образу Спаса. Соборъ въ честь Воскресенія Христова, гдѣ находится этотъ образъ, обширный, каменный, пятиглавый, византійской архитектуры. Образъ въ прежнемъ деревянномъ зданіи собора стоялъ, вверху въ главъ, и ликъ его снизу казался обыкновенной величины. Но во-время пожара, истребившаго деревянное зданіе, образъ былъ снятъ, и по отстройкѣ каменнаго собора, въ 1652 году, поставленъ внизу, въ особенномъ мѣстѣ, устроенномъ такъ, что можно, наклонясь, подходить подъ образъ и проходить подъ нимъ, что дѣлаютъ многіе вѣрующіе. Величина доски образа въ вышину слишкомъ 4 аршина, въ ширину около 3-хъ аршинъ. Ликъ Спасителя самъ по себѣ не менѣе, какъ около 3-хъ и 2-хъ аршинъ; серебряный вызолоченный вѣнецъ давно украшалъ ликъ; но нѣсколько лѣтъ назадъ устроили на образъ серебряную ризу, вѣсомъ почти въ $2\frac{1}{2}$ пуда, которая съ вѣнцомъ вѣситъ болѣе 3-хъ пудовъ. Писаніе образа темнаго цвѣта, какъ на самыхъ старинныхъ образахъ. Усердіе къ образу безпредѣльное; чудеса, явленные отъ него въ годины народныхъ бѣдствій, навсегда сохраняются въ памяти православнаго народа.

Романовъ, городъ на другой сторонѣ Волги, противъ Борисоглѣб-

ска, известенъ особенною породою овецъ сизосѣрой шерсти и добротомъ тулузовъ и полубубковъ, которые считаются лучшими.

Докончимъ наше описаніе взглядомъ на самый Ярославль.

Мѣстность этого города, какъ известно, очень красива; онъ заселенъ и обстроился на нагорномъ берегу Волги, на мысу, образуемомъ стеченіемъ съ Волгою рѣки Которости *. На привольномъ просторѣ, городъ расположился широко, и изстари украшенъ многими церквами, архитектуры нѣсколько отличной отъ стиля старинныхъ московскихъ и владимірскихъ церквей. Въ отдѣлкѣ церквей нѣтъ ничего особенно изящнаго, какъ въ большей части старинныхъ церквей въ Россіи; однако рѣзные иконостасы, тѣ, которые вновь отзолочены, въ своемъ родѣ красивы и величественны. Отъ старины еще остается донынѣ одна башня крѣпостной стѣны, которою былъ обнесенъ городъ на случай нашествій поляковъ. Предмѣстія города все за Волгою и за Которостью, и можно надѣяться, что получаютъ современемъ видъ тоже городской. Набережная въ городѣ по береговому возвышенію, отъ воды на 8 сажень, хорошо обдѣлана и покрыта бульваромъ съ липами и чугуною рѣшеткою, на пространствѣ около версты. Бульваръ, прерываясь на набережной, продолжается влѣво, къ центру города, и тутъ, по сторонамъ его, выстроены лучшіе дома. Гостинный-дворъ въ Ярославлѣ изобилуетъ всякаго рода товарами, какіе есть въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ. Съ послѣднимъ Ярославль находится въ постоянныхъ сношеніяхъ; изъ московскаго же округа онъ заимствуетъ одни мануфактурные и отчасти ремесленные предметы. Съѣстной рынокъ лучше столичныхъ по обилію и дешевизнѣ живой рыбы. Двѣ-три ресторациі русскія, по чистотѣ и простотѣ отдѣлки, не въ чемъ не уступятъ московскимъ трактирамъ, пользующимся особенною известностію. Но цѣны въ нихъ на все одинакія съ московскими; а прислуга рѣшительно лучше: она не имѣетъ московской хватки лихачей. Зимомъ, говорятъ, составляется въ Ярославлѣ очень пріятное общество; но на лѣто все разъѣзжаются въ деревни.—Торговцы въ Ярославлѣ известны своимъ богатствомъ; многихъ считаютъ миллионными капиталистами. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются, не только торговою спекулятивностію, но и промышленными предпріятіями. Такъ, братья Крохоняткины, у которыхъ на мельницахъ, собственныхъ и арендуемыхъ, перемалывается въ годъ громадное количество четвертей зерноваго хлѣба, и есть нѣсколько пароходовъ по Волгѣ, выстроили въ Ярославлѣ единственную въ своемъ

* Котора-ста наша вода? спрашивали когда-то другъ-друга люди, жившіе на берегахъ двухъ рѣчекъ, которыя, сливаясь, образуютъ одну рѣку Которость.

родѣ паровую мельницу, на которой машины, паровая въ 75 силъ и другія—съ заводовъ гг. Шепелевыхъ, а устройство мельничнаго механизма—отечественныхъ механиковъ. На мельницѣ покуда дѣйствуетъ половинное число предположенныхъ поставовъ, то-есть 20, и на нихъ ежесуточно перемалывается по 100 четвертей пшеницы въ восемь различныхъ сортовъ крупъ и муки. Особенно интересно видѣть движеніе небольшихъ ковшичковъ изъ жести, придѣланныхъ къ ремнямъ, которые поднимаютъ цѣльное зерно и несутъ его изъ нижняго въ четвертый этажъ, для раздробленія.—Нѣкоторые замѣчаютъ, что на мельницѣ много пропадаетъ паровъ, почему бы, —говорятъ, —не устроить бани, которая могла-бы существовать этими парами, съ особенною пользою для города, гдѣ нѣтъ порядочныхъ общественныхъ бань? Но надобно обождать, окажутся ли излишніе пары, когда отдѣлается другая половина мельницы, и будутъ пущены въ ходъ еще 20 поставовъ.

Судоходство по Волгѣ, бичевное и машинное, слишкомъ извѣстно. Въ послѣднее время эта отрасль получила дальнѣйшее развитіе отъ введенія по Волгѣ пароходовъ, существующихъ нынѣ уже не отъ одной какой-либо компаніи. Точно, пароходы пробѣгаютъ часто, но ни одинъ не останавливается у берега въ Ярославлѣ, а всѣ слѣдуютъ прямо къ Рыбинску. Желательно, чтобъ это поскорѣ измѣнилось, и чтобъ пароходы не только транспортировали грузы, но возили-бы и пассажировъ, въ которыхъ, конечно, не будетъ недостатка при многолюдіи по Волгѣ и при частныхъ разъѣздахъ мѣстныхъ жителей по всѣмъ ея бережьямъ, особенно во время Нижегородской-ярмарки:

Вспомнивъ холерный 1830 годъ, когда, въ концѣ августа, меня командировали на ярмарку въ Великое-Село, я желалъ и въ нынѣшній разъ побывать тамъ. Великое-Село лежитъ недалеко отъ большой дороги, между Ярославлемъ и Ростовомъ; близъ него живетъ помѣщикъ хозяинъ, двигатель въ этомъ краѣ полотнянаго дѣла, введшій въ Россію голландскій способъ обработки льна и бѣленія полотенецъ. Его знаютъ въ кругу хозяевъ, и не только у насъ въ Россіи, но и далѣе. Въ частной жизни селянина, послѣ тридцати-лѣтнихъ скромныхъ трудовъ, онъ достоинъ оцѣненъ за примѣръ и соревнованіе въ видахъ общей пользы. * Великое-Село — частное имѣніе наследниковъ Яковлева, тѣхъ, которымъ принадлежитъ Новая-Деревня близъ С. Петербурга. Въ немъ до 1800 душъ, которыя изстари усвоили себѣ, какъ исключительное занятіе, ткачество тонкихъ полотенецъ и полотняныхъ платковъ. Главная при-

* В. С. Карновичъ, членъ учрежденнаго, 10 іюня 1852 г., въ Ярославлѣ, комитета для воспріятія и усовершенствованія льняной промышленности

чина тому малоземелье, отъ чего великоселы не занимаютъ земледѣлемъ, и почти всю землю свою отдають въ короткое содержаніе околнымъ крестьянамъ. Полотняное дѣло вообще главная промышленность въ народѣ ярославской, костромской и вологодской губерній, равно какъ и воздѣлываніе льна, обработка его и ткачество. Нѣтъ, въ трехъ губерніяхъ домовитаго помѣщика, который не нитѣль бы между дворовыми людьми своихъ пряжъ и ткачей, болѣе или менѣе искусныхъ, и не носилъ бы бѣлья и лѣтней одежды, какъ говорится, «сурова небѣлья, своего руководья». Домашнія полотна, платки и коломенка у помѣщиковъ, особенно у тѣхъ, кто любилъ ткацкое производство, какъ любили въ старину въ другихъ мѣстахъ какую-либо охоту, выработывались съ удивительнымъ искусствомъ. Безспорно, они обходились очень дорого, и никогда не выдержали бы конкуренціи въ цѣнахъ на тѣ же ткани въ вольной продажѣ; но, по-крайней-мѣрѣ, все это было свое, дорого, да мило, и носилось очень долго. Если гдѣ въ Россіи щеголяли бѣльемъ, то конечно въ этомъ, по преимуществу, полотняномъ краѣ, и центромъ торговли льномъ и ткачества тонкихъ полотнъ и платковъ сдѣлалось издавна, и донынѣ остается, Велико-Село. Странно нѣсколь-ко, что въ немъ, при ткаческомъ промыслѣ, не существуетъ льноводство и пряденіе; причина одна и таже: по малоземелью, крестьяне не сѣютъ, пряденіемъ льна тоже не занимаются; на рынкѣ въ Велико-Селѣ всегда можно очень дешево покупать пряжу отъ околныхъ крестьянокъ, которыя, работая зимою только отъ нечего дѣлать, почти ни во что считаютъ и время и первоначальный матеріалъ; потому, въ Велико-Селѣ ткутъ полотна и платки изъ скупаемой по другимъ селеніямъ, въ окрестности, пряжи, и то употребляя ее на утокъ; основу же дѣлаютъ изъ пряжи англійской, болѣе крѣпкой и ровной. Продажа льна на великосельскихъ рынкахъ и производство полотнъ дошли до значительныхъ размѣровъ. Льна для машиннаго пряденія на нашихъ фабрикахъ (на которыхъ уже дѣйствуетъ около двадцати-тысячъ веретенъ), и для отправки за границу чрезъ архангелогородскій портъ, скупается ежегодно до сто-тридцати-тысячъ пудовъ, примѣрно по 2 руб. сер. пудъ, на двѣсти-шестдесятъ тысячъ руб. сер.; ткацкихъ становъ насчитывается до 500; на каждомъ соткутъ въ годъ, по меньшей мѣрѣ, 300 аршинъ, 150,000 аршинъ, по дешевѣйшей цѣнѣ, 40 коп. сер., каждый, на шестдесятъ тысячъ рублей серебромъ. По сравненіи стоимости всѣхъ полотнъ и продажныхъ цѣнъ, можно приблизительно опредѣлять, что въ послѣднія 20 лѣтъ увеличилось производство полотнъ процентовъ на 100, т. е. вдвое; цѣны же понизились, въ тонкихъ полотнахъ процентовъ на 40, а въ среднихъ процентовъ на 20. Это произошло

въ 1839 г., когда былъ уничтоженъ лажъ на ассигнаціи. Слѣдовательно, въ-самомъ-дѣлѣ цѣны не упали почти нисколько: за 5 арш. полотна до 1839 г. стоило заплатить, напримѣръ, шесть рублей по тогдашнему народному курсу, то-есть пяти-рублевую ассигнацію, и послѣ уничтоженія лажа надобно было дать за столько же полотна, по установленному Правительствомъ курсу, также пять рублей, то-есть ту же пяти-рублевую ассигнацію. Суда по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, предвидется въ будущемъ упадокъ цѣнъ на полотна, особенно на тонкія, производимыя въ Великомъ-Селѣ, по непрерывному приливу иностранныхъ такихъ полотень. Въ тонкихъ полотнахъ гораздо менѣе льну, и на нихъ идетъ льну менѣе, хотя льну лучшаго. Торговля льномъ непремѣнно увеличится: требованіе льна на иностранныя фабрики останется такое же, какое есть; а на фабрики въ Россіи оно будетъ годъ отъ году возрастать. Можно полагать, что когда наши льнопрядильни усовершенствуются, тогда машинная пряжа подешевѣетъ до-нельзя, и тогда опять будетъ выгодно ткать тонкія полотна, тѣмъ болѣе, что машиннымъ ткачествомъ производить оныя не вполне удобно. Вообще можно сказать, что доселѣ успѣхи въ распространеніи и усовершенствованіи приготовления и бѣленія полотень въ Великомъ-Селѣ, въ послѣдніи 20 лѣтъ сдѣланы замѣчательныя, такъ что эти наши полотна уже могутъ отчасти соперничать до времени съ иностранными, не взирая на умѣренную, по дѣйствующему тарифу, пошлину на послѣднія; даже аппретура полотень введена уже иностранная. Въ недавнемъ времени, для полотнянаго производства наступилъ новый періодъ: приняты мѣры, могущія способствовать вообще въ Россіи развитію и усовершенствованію льняной промышленности во всѣхъ ея видахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ въ особенности касаются до ярославской, костромской, вологодской и владимірской губерній; именно: установлены особенныя преміи за пряжу и полотна домашняго произведенія и за ленъ и льняное сѣмя, и въ Ярославлѣ предположено учредить школу ручнаго пряденія, для дѣтей бѣднѣйшихъ фабричныхъ преждебывшей большой Яковлевской мануфактуры; а въ Великомъ-Селѣ — школу ткачества подъ руководствомъ лучшаго иностраннаго мастера ткача, на усовершенствованныхъ и снабженныхъ всѣми принадлежностями для ткачества, станахъ. Это, какъ ожидать можно, дастъ мѣстной промышленности еще новую силу къ преуспѣванію. Къ счастью для дѣла вообще, и въ особенности для великоселовъ, благоприятствуютъ тому и другія мѣстныя обстоятельства, постоянныя и случайныя. Первые — это добрая нравственность и способности воспримчиваго народа и характеръ помѣщиковъ, столь благотворенныхъ во всѣхъ распоряженіяхъ, что подвластные иначе не

называютъ ихъ, какъ своими отцами. Это говорится безъ преувеличенія. И кстати должно сказать, что управленіе Великомъ-Селомъ и направленіе его ко всевозможно успѣшной цѣли, въ видахъ благосостоянія людей, находится уже около пяти лѣтъ въ рукахъ весьма опытнаго, дѣятельнаго и благонамѣреннаго лица, пользующагося общимъ уваженіемъ и довѣреніемъ помѣщиковъ и крестьянъ, которое ничего столько не желаетъ, какъ полного и совершеннаго процвѣтанія Великаго-Села *. Для окредитованія великосельскихъ издѣлій въ публикѣ, и вмѣстѣ для пріученія производителей къ болѣе отчетности въ работахъ, предполагается ввести, на мѣстѣ, браковку произведеній, съ тѣмъ, что каждый купившій кусокъ полотна или платковъ за клеймомъ браковымъ, можетъ въ теченіе извѣстнаго времени, если кусокъ окажется съ изъяномъ, возвратитъ оный, и ему будутъ отданы обратно заплаченные за него деньги.

О наружности Великаго-Села можно сказать, что теперь оно городокъ, а въ будущемъ—городъ. Третья часть домовъ у крестьянъ каменные. Есть уже предположеніе страховать дома отъ огня, какъ это дѣлается въ другихъ селеніяхъ по пути отъ Ростова къ Ярославлю. Есть крестьяне, которыхъ можно считать въ капиталѣ 10—15 тысячъ рублей серебромъ. Церкви въ Великомъ-Селѣ, одна главная, лѣтняя, другая зимняя, и еще третья, новая, заслуживаютъ вниманіе по огромности, по украшенію, а послѣдняя и по изяществу внутренней отдѣлки. Староста церковный, почтенный старикъ, уже 15 лѣтъ заботится съ безпримѣрною ревностію о лучшемъ устройствѣ лѣтн, приносимыхъ отъ усердія жителей Великаго-Села; его попеченію собственно обязано село устройствомъ новой церкви. Позднюю обѣдню, которую довелось мнѣ слушать, совершали въ лѣтней церкви; она была полна народомъ. Женщины, по обычаю стояли сзади,—впередѣ все мужчины. Дѣвицъ не было; онѣ ходятъ болѣе къ ранней обѣднѣ. Видъ великосельскаго народа, въ многочисленномъ собраніи, вполне соответствуетъ красивой обстройкѣ села. Одно, чего нельзя было особенно не замѣтить, это то, что въ лѣтней и зимней церквахъ устроены кюты съ мѣстами для образовъ, и каждое семейство ставитъ тутъ навсегда одну изъ своихъ домашнихъ иконъ, которой молится и предъ коюю теплитъ свои свѣчки. Престолы въ церквахъ во имя праздниковъ богородичныхъ и два во имя св. чудотворца Николая и Дмитрія Солунскаго.

На память о Великомъ-Селѣ, я купилъ нѣсколько полотняныхъ платковъ, по 1 руб. 15 к. ассигн. (Хорошіе платки, а лучшеіе по 2

* А. И. Черневъ, ярославскій помѣщикъ, членъ комитета поощренія льняной промышленности.

руб. 10 в. ассигнад.) въ домъ одного богатаго крестьянина, семейство котораго состоитъ изъ трехъ женатыхъ сыновей, четвертаго племянника, самъ—восемнадцать душъ. Живутъ все вмѣстѣ, въ собственномъ каменномъ домѣ, стоящемъ около шести тысячъ рублей ассигнациами, чисто и роскошно, но просто, по крестьянски.

Замѣчательно, что близъ Великаго-Села и вообще въ ярославской губернии есть многія фамиліи помѣщиковъ, происходящихъ отъ именитыхъ вытощевъ ордынскихъ: Кайсаровы, Мустафины, Архаровы, Ахматовы, Урусовы, Курмангалѣвы, Черемисиновы, Самарины, Ендоуровы, Кекуатовы, Аксаковы, Елчаниновы, Арцаутовы. Въ большей части этихъ родовъ до-сихъ-поръ сохраняется коренной типъ.

Заключивъ Великимъ-Селомъ мои разѣзды по ярославской губернии, я возвратился въ переславскую деревню, въ дѣтнее мое убѣжище, чтобы дожить тамъ остальное теплое время. Въ ближайшемъ городѣ Переславль-Залѣскомъ готовились въ это время къ особенному торжеству, которое вскорѣ и было совершено, 17 августа.

Прежде описанія его, скажу нѣсколько словъ объ округѣ Переславль-Залѣскомъ.

Какой народъ жилъ въ древности въ странѣ, названной Залѣскомъ (со стороны Москвы) * и польскою, или полянскою, гдѣ основанъ Юрьевъ-Польскій, о томъ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, если, впрочемъ, не объяснимыя для насъ названія живыхъ урочищъ и мѣстожительствъ, донныя сохраняющіяся, въ своемъ родѣ также не свидѣтельства: языкъ — одно изъ главныхъ отличій народа. (Каово или Неро (озеро); Сара, Векса, Нерль, Гомма (рѣчки); Воржа, Шалава, Шовша, Брембола (деревни и селенія) **); и если при томъ обликъ народа не есть характеристическая черта племени; въ нѣкоторыхъ же лицахъ между жителями около Переславля донныя видно что-то не чисто славянское. Я не говорю уже объ особенныхъ словахъ въ мѣстномъ залѣскомъ нарѣчій. Мокропогодица (сырое, время съ дождемъ), поверокъ (поворотъ), бережа (жерѣба), кумаха (лихорадка), прытко, отъ слова попрытчилося (болѣть). Это варианты русскихъ словъ. По этому, шибѣннѣй русскій народъ переславскій, кажется, не туземный, а пришлый, и не отъ Москвы, а отъ сѣверо-запада, откуда, къ сторонѣ

* Впрочемъ даже въ XV вѣкѣ Москва считалась, отъ стороны Переславля, однимъ изъ городовъ залѣскихъ.

** Всего вѣроятнѣе, что это чудскія названія. Болгары, сѣдѣи того края, состояли изъ смеси чуди съ славянами, а чуди тянулись къ юго-востоку изъ Ливондіи, и въ попутныхъ мѣстахъ засѣдали. Въ древности, тотъ конецъ въ Ростовѣ, гдѣ нынѣ Аврааміевъ-монастырь, назывался чудскимъ.

Волги и далѣе по ея теченію, двигался народъ на юго-востокъ и къ области московской, отдѣлявшейся отъ приволжья дремучими лѣсами. Замѣчательно, что родители св. Сергія пришли въ лѣса радонежскіе также отъ той стороны, изъ ростовской области. Переславль основанъ въ эпоху образованія городовъ въ приволожской, а не въ московской области. Обратное же направленіе отъ Москвы къ Ростову, и далѣе, куда въ послѣдствіи народъ сталъ расходиться, начинается съ появленіемъ Москвы и возвышеніемъ ея на извѣстную степень городовъ, когда утверждалось и распространялось монашество изъ обители св. Сергія. Это обратное направленіе усиливалось по мѣрѣ основанія монастырей на сѣверо-востокъ, избѣгнувшій татарскаго пребыванія, и по мѣрѣ увеличивавшихся знаменій чудодѣйственной силы въ мошахъ почившихъ въ томъ краѣ подвижниковъ, — этихъ предстателей и молитвенниковъ за угнетенную тогда Россію, прежде нежели ее, разрозненную на удѣлы, сожмули московскіе великіе князья въ кольцо единодержавія.

Переславль-залѣсскій округъ въ ближайшее къ изшей эпохѣ время составлялъ нѣчто отдѣльное. Путь туда былъ знакомъ народу и великимъ князьямъ Москвы, ходившимъ на поклоненіе отечественнымъ святынямъ, къ св. Троицѣ Сергію, въ Переславль и далѣе. Событія въ жизни царя Іоанна Грознаго доказываютъ, что край этотъ всегда былъ спокойнымъ, и не принималъ участія въ современныхъ правительственныхъ интересахъ и управлахъ власти съ боярствомъ и съ сѣверо-западными областями: Новгородомъ и Псковомъ. Смущаемый совѣстію и обстоятельствами, царь московскій, уклонялся туда не только подъ сѣнь мѣстной святыни, но какъ въ нейтральную отъ смутъ страну, тихое убѣжище; даже первая супруга Грознаго, изъ рода Захарьиныхъ, была изъ переславльскаго края, какъ полагать можно, потому-что въ переславльскомъ уѣздѣ, между дворянскими старинными фамиліями Ступишиныхъ, Полявановыхъ, Барьсковыхъ, Свиньинныхъ, Самсоновыхъ, Малово, еще донинѣ есть Захарьины.

Такъ мирное начало всегда было основнымъ свойствомъ залѣскаго народа, по преимуществу земледѣльческаго*. Онъ не зналъ другихъ тор-

* Переславцы измѣнили, однако, этому началу въ смутную эпоху самозванцевъ, когда сторопѣли, переблзовавшійся потомъ народъ не зналъ, кому и чему вѣрить, и часто поддавался увлеченіямъ и измѣнялъ присягѣ. Такъ въ бытность митрополита Филарета на ростовской каедрѣ, переславцы были увлечены поляками, подступили вмѣстѣ съ ними къ Ростову, осадили соборный храмъ, въ которомъ заперся митрополитъ съ ростовцами, выбили двери, умертвили вѣрныхъ жителей, наполнивъ храмъ трупами (1609), схватили Филарета и отвезли его въ станъ тушинскаго вора. Это, впрочемъ, послѣднее народное событіе въ Ростовѣ, какъ замѣчательномъ городѣ по своему значенію въ исторіи государства (см. Чтенія въ Им. общ. ист. и древн. росіей. при моск. унвер., зазд. 27 сентября 1847, годъ 3-й, статья графа Толстаго: *Ростовъ Великій*.)

местѣ, проиѣ церковныхъ крестныхъ ходовъ съ хоругвями и образами, — когда въ наставшій по волю Божію часъ возрожденія Россіи къ новой жизни, въ окрестностяхъ Переславля, близъ озера, видятъ однажды, въ 1688 году, всадника, ѣдущаго прямо отъ Горницкаго-монастыря по лѣбному полю, въ сопровожденіи еще трехъ человекъ, верхами. Преваніе описываетъ ѣздока такъ: онъ былъ великъ ростомъ, статенъ, и въ одеждѣ, похожей на охотничью; изъ-подъ шляпы висѣли кудри русыхъ волосъ; его лицо было смугловато, глаза каріе, быстрые, усь только пробивался; на бедрѣ висѣлъ мечъ, за поясомъ торчалъ кортикъ; при немъ былъ небольшой огнестрѣль. Строгъ былъ видъ его. Жившая на полѣ рожь крестьянка села Велькова, сказала всаднику: Эхче, баринъ, зачѣмъ лѣбнушко-то мнешь! А баринъ отвѣтилъ ей: Не брюзжи, старуха, хорошо вамъ будетъ! и поѣхалъ далѣе съ другими всадниками. Этотъ всадникъ-баринъ — былъ Петръ I, а одинъ изъ трехъ — переславльскій намѣстникъ.

Въ такомъ видѣ сохранило преданіе это событіе, вѣстѣ съ именемъ крестьянки Устиньи Азроновой.

Въ каждомъ человекѣ, тѣмъ болѣе въ царѣ, пересоздающемъ свой народъ, исторія дѣла есть исторія развитія мысли. Ее не лишнее повторить здѣсь вкратцѣ: человекъ, о которомъ говорится, и дѣло его, таковы, что объ нихъ нельзя довольно наговориться. Однажды князь Я. Ѳ. Долгоруковъ рассказываетъ юношѣ Петру о бывшей у него астролябіи, потомъ привозитъ изъ Парижа самую астролябію; Петръ желаетъ извѣдать употребленіе инструмента; находится учитель Тиммерманъ; Петръ начинаетъ прилежно учиться у него ариметикѣ, геометріи и землемѣрію; онъ случайно видитъ въ амбарѣ, въ подмосковномъ царскомъ селѣ Измайловѣ, старый англійскій ботъ; узнаетъ отъ Тиммермана употребленіе бота; отыскивается голландецъ Брантъ, который чинитъ ботъ и ѣздитъ на немъ съ Петромъ, сперва на измайловскихъ прудахъ, потомъ по Яузѣ. Но Яуза узка — ботъ упирается въ берега. «Здѣсь и тамъ немного авантажу сыскалъ — пишетъ самъ Петръ — а стога стала отъ часу болѣе» Петру сказали о Переславскомъ (Плесевѣ, Клещинѣ) озерѣ. Онъ выпросился туда съѣздить у своей матери, волю предлогомъ обѣщанія въ Троицкій-монастырь; а потомъ уже сталъ проситься явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать. Событіе совпадаетъ съ открытіемъ астролябіи. Великій ставитъ два эти случая рядомъ, какъ важнѣйшіе и первые, давшіе дальнѣйшее развитіе его способностямъ. Явившійся, въ 1688 году, близъ Переславля Петръ пріѣхалъ туда осмотрѣть озеро. Вскорѣ за тѣмъ начали строить на озерѣ суда. Уже въ 1689 году, Брантъ, съ корабельнымъ мастеромъ Кор-

томъ, хлопотали надъ тремя судами. Къ вторичному приѣзду Царя въ Переславль, въ 1689 году, два изъ нихъ, предъ вскрытіемъ озера, были въ отдѣлкѣ, и самъ Государь трудился надъ ними, по выраженію его «яко Ной (надъ ковчегомъ возрожденія Россіи)». Кортъ вскоре умеръ. Брантъ работалъ съ цѣлою колонією мастеровъ ивицевъ, при помощи переславльскихъ рыбаковъ, устранивая нужное, чтобъ юномъ Государю можно было на слѣдующее за тѣмъ лѣто 1690 года свободно принятись за изученіе задуманнаго имъ дѣла. Въ 1689 году были совершенно кончены 2 фрегата и 3 яхты, и Петръ учреждаетъ спускъ на воду потѣшной флотиліи. Въ Переславль съ незапамятныхъ временъ, въ шестое воскресенье, выходили на озеро со крестами, изъ двухъ прибрежныхъ церквей при устьѣ Трубежа, для водоосвященія. Шестое воскресенье было въ 1690 году 1 мая, и Петръ назначилъ этотъ день для торжества освященія и для спуска флотиліи; но устроилъ такъ, что священники изъ собора и всѣхъ церквей въ Переславль явились на лодкахъ, въ двѣ линіи, около береговъ Трубежа, отъ нынѣшняго моста черезъ рѣку, къ тѣмъ двумъ церквамъ, для служенія въ нихъ литургіи. Въ Переславль уже находилось созданное Петромъ потѣшное войско, съ пушками. Лишь духовная процессія, послѣ обѣдни, приближалась къ берегу, какъ предводимая Петромъ флотилія отчалывала и вошла на средину озера, при громѣ пушекъ, ружей и восклицаніяхъ народа. По данному знаку все смолкло; священо-дѣйствіе совершилось; тогда слова раздался громъ оружія. Процессія пошла обратно; а Государь началъ тѣшиться по озеру новою своею потѣхою. Съ той поры, къ празднику въ шестое воскресенье присоединено празднованіе рожденія русскаго флота, совершаемое съ церемонією, съ тою однако разностию, что нынѣ не раздается громъ оружія, не слышно народныхъ восклицаній, на озерѣ гдѣ флотиліи.

По недостаточности воднаго пространства для настоящей школы переплаванія, Переславское-озеро вскоре было оставлено. Петръ обратилъ было вниманіе, съ тою же цѣлю, на озеро Кубенское, и ѣздилъ въ Архангельскъ, чтобъ видѣть море и плавать на его поверхности. Между-тѣмъ обстоятельства развивались, осложнялись, какъ болѣзни развитія общественнаго организма; Петръ творецъ, Петръ врачъ въ тогдашней Россіи, созидаль; ему нужна была не флотилія въ Переславль, а суда на Волгѣ и на Дону, и изъ письма Государя къ князю Ромодановскому видно, что построенный мастеромъ Классомъ на берегу Переславскаго-озера, корабль проведенъ весною 1698 года по рѣкѣ Вексѣ, Сумно и Нерли, въ Волгу. Такая же участь постигла, вѣроятно, и другія суда, годныя къ употребленію.

Впрочемъ, сколько бы ни было построено судовъ на Переславскомъ-озерѣ, оно, какъ колыбель флота, занимаетъ въ его исторіи первый десятилѣтній періодъ времени, отъ 1688 по 1698 годъ. Но на берегу озера жили строители судовъ, иѣмцы; въ Переславль пріѣзжалъ Петръ, и иногда часто, такъ напримѣръ въ 1693 году пять разъ; должно же было находиться еще что-нибудь въ верфи, кромѣ судовъ? Потому скажемъ здѣсь, что тутъ было, что съ бывшимъ сдѣлалось, и что до-сихъ-поръ еще остается.

Иѣмцы жили близъ озера отдѣльной слободою, между Горичкиимъ-монастыремъ и селомъ Веськовымъ, на горѣ, которая до-сихъ-поръ слыветъ иѣмкою, въ 90 саженьяхъ отъ рѣчки Вески и въ 130 саж. отъ озера.

На мѣстѣ, называемомъ донынѣ дворцомъ, былъ дворецъ Государевъ; при немъ, вправо, къ Веськову, церковь Вознесенія Господня, кузница, амбары, погреба, колодезь, выкопанный будто-бы самимъ Петромъ. Дворецъ былъ деревянный, о 5 компатахъ, на 12 вѣнцахъ, 8 сажень; оконницы—слоюянныя. Входили во дворецъ отъ озера, въ трое дверей; надъ среднею изъ нихъ былъ двуглавый орелъ изъ листового желѣза; полы были дубовыя, печи изразцовыя, муравленныя. О самомъ дворцѣ говорятъ одни, что онъ былъ перевезенъ епископомъ Теофилактомъ (Горскимъ) на берегъ озера Марникина, по московской дорогѣ, въ 7 верстахъ отъ Переславля, гдѣ точно былъ архіерейскій лѣсъ, сложенный только въ началѣ XIX столѣтія; а другіе, что будто дворецъ купилъ купецъ Угрюмовъ, перевезъ его въ Переславль, и что Императрица Екатерина II останавливалась въ этомъ домѣ. Церковь пришла въ ветхость и упразднена. Иконы переданы въ нынѣшнюю церковь въ селѣ Веськовѣ; полагаютъ, не онѣ ли стоятъ въ иконостасѣ, какъ мѣстные образа.

Остатки флотиліи не возбуждали, кажется, особеннаго вниманія въ мѣстныхъ властяхъ; по-крайней-мѣрѣ, изъ указа Петра переславльскимъ воеводѣмъ, даннаго въ Переславлѣ 7 февраля 1722, видно, что онъ поставляетъ имъ въ особенную обязанность «беречь остатки кораблей, ахты и галеры, подъ отвѣтственностію взысканія съ нихъ и ихъ потомковъ, если они это опустятъ, какъ съ пренебрегшихъ сей указъ.» Послѣ того тщательно хранили остатки флотиліи, и для этого былъ выстроенъ особенный сарай близъ церкви Знаменія Богородицы, прозванной отъ того «при корабляхъ.» Въ-послѣдствіи, во-время пожара, сарай съ остатками флотиліи сгорѣлъ, но не со всеми вещами: жители успѣли

* Въ церкви въ С. Веськовѣ, при входѣ въ трапезу, нельзя не обратить вниманіе на образа (лики Святыхъ), поставленные надъ входомъ изъ трапезы въ церковь. Они особеннаго исхода.

спасти ботикъ, нѣсколько блоковъ и другихъ снастей, и чтобъ такая же участь не постигла и эти остатки, былъ устроенъ особый деревянный балаганъ на мѣстѣ бывшаго Петрова дворца, гдѣ и хранили ботикъ съ другими корабельными вещами до 1802 года, когда одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей своего времени — князь И. М. Долгоруковъ, назначенный во Владиміръ гражданскимъ губернаторомъ, оцѣнивъ драгоцѣнность остатковъ флотиліи, возбудилъ въ дворянахъ соревнованіе исполнѣ къ сооруженію приличнаго зданія, вмѣсто балагана. Участникомъ этого соревнованія оказалъ себя извѣстный сановникъ еще Екатерининныхъ временъ, тамошній помѣщикъ Ст. Ст. Апраксинъ: онъ принялъ на свой счетъ содержаніе одного инвалида-матроса. Въ 1803 году зданіе было готово, и въ немъ помѣщенъ ботикъ и прочіе остатки потѣшной флотиліи и другіе. Черезъ тридцать лѣтъ зданіе было исправлено на счетъ дворянства. Возникалъ было вопросъ о перевозкѣ ботика въ С.-Петербургъ; но остался безъ послѣдствій. По оказавшейся недостаточности присмотра за строеніемъ и хранящимися въ ономъ вещами, въ 1842 сооружены каменные казармы со службами, на счетъ дворянства, и вмѣсто одного инвалида-матроса, помѣщены въ нихъ трое такихъ инвалидовъ. Въ 1846 году обстоятельства навели на ту мысль, что мѣсту, означенному дѣйствіями Великаго Петра, не прилично оставаться въ частномъ владѣніи одного лица, и дворянство рѣшилось приобрести на свой счетъ село Вельково, гдѣ это мѣсто, изъ владѣнія Емельянова, въ свою собственность, что исполнено за девяносто тысячъ рублей ассигнаціями. Поэтому случаю Государь Императоръ изволилъ отозваться: «Поступокъ этотъ вполнѣ достоинъ чувствъ Владимірскаго дворянства, какъ Его Величество всегда разумѣлъ оное.»*

Вотъ что сохранилось донинѣ отъ остатковъ потѣшной Петровой флотиліи, и его дворца:

1. Двадцать четыре иконы, которыя отъ времени утратили свѣжесть.
2. Собственноручный Императора Петра I указъ переславльскимъ воеводамъ о сохраненіи ботика, 7 февраля 1722 года.
3. Россійскій гербъ изъ жести, на желѣзномъ шпиглѣ, вѣроятно, бывшій надъ входомъ во дворецъ, какъ говоритъ преданіе.
4. Ботикъ Петра I, съ тремя кольцами и желѣзною посреднѣею связью.
5. Семь якорей, изъ которыхъ шесть большихъ, двухлапныхъ, а седьмой маленькій, трехлапный, съ тремя кольцами.

* См. Св. Пч. № 217, 1852 г.

6. Нѣсколько оставшихся доскутьевъ отъ парусовъ.
7. Большихъ блоковъ отъ судовъ 47 и малыхъ 48.
8. Деревянныхъ гнилыхъ спицъ, оставшихся отъ палатокъ, 12.
9. Рулей деревянныхъ, съ желѣзными полосками, 19.
10. Мачтъ съ блоками и принадлежащими къ онымъ желѣзными крюками и веревками 18.
11. Два флажныхъ дерева, съ деревянными блоками.
12. Оставшійся отъ часовъ деревянный кругъ, съ желѣзными прутьями и четырьмя колесами.
13. Четыре пушечныя чугуныя ядра.
14. Петель большихъ 11, маленькихъ 9, подставки, цѣпи, закладки, пробой, скобы, кольца.
15. Два желѣзные большіе котла, одно жестяное ведро, 6 кузечныхъ мѣховъ, корабельное точило, 1 печной и 3 трубныя заслоны, 4 топора, 2 тѣсла, 2 пазовника, дубовая корабельная петербалка для выниманія якорей.
16. Оконницъ слюдяныхъ рѣшетчатыхъ 150, съ изображеніями китайской живописи 4.—11 зимнихъ твердыхъ втулокъ, обитыхъ войлоками, и 6 ветхихъ; 6 обитыхъ войлоками дверей; нѣсколько войлоковъ.
17. Два большіе стеклянные полштофа, большая деревянная ступа и маленькій ящикъ съ рукояткой, столовая доска съ желѣзными петлями, двѣ деревянные колодки для плетенія лаптей, 14 шестиковъ небольшихъ красныхъ, рѣзной безъ головы левъ, вырѣзанный на доскѣ; нѣсколько вантовъ, свастей съ юнгферами.

Примѣнительному чувству русскихъ нѣтъ границъ. Такъ владимірское дворянство давно уже желало еще чѣмъ-либо упрочить для потомства воспоминаніе объ отдаленно-миновавшемъ событіи на берегу Переславскаго-озера, и въ 1850 году, по случаю проѣзда чрезъ Переславль высокихъ путешественниковъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, оно, чрезъ предводителя своего, изъявило предъ Ихъ Высочествами намѣреніе соорудить близъ зданія, гдѣ хранятся ботикъ и описанныя остатки флотиліи, памятникъ Петру Великому. Августа 17 тогоже года Ихъ Императорскіе Высочества положили первые камни въ основаніе памятника. Онъ сдѣланъ и оставленъ на мѣстѣ на берегу озера, и ровно чрезъ два года послѣ, именно 17 августа 1852 года, дворянство владимірской губерніи и его предводители, въ присутствіи духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ губернскихъ и мѣстныхъ властей, гражданъ города, при многочисленномъ стеченіи горожанъ и изъ окрестныхъ мѣстъ народа, праздновало совершившееся освященіе и открытіе памят-

ника, и вмѣстѣ болѣе нежели полуторостолѣтіе перваго ботика, дѣдушки русскаго флота *.

Воспоминанія отечественныя всегда придають особенную торжественность подобнымъ праздникамъ; но бывшій по описанному случаю въ Переславлѣ праздникъ можно поставить выше многихъ подобныхъ торжествъ, совершаемыхъ въ Россіи, сколько по полнотѣ церемоній, церковной и военной, и по выраженію народныхъ чувствъ, столько же по самой побудительной причинѣ, и главное, потому, что со времени спуска на озеро въ Переславлѣ потѣшной флотиліи прошло 162 года; а въ эту эпоху, Переславль, съ отнесеніемъ резиденціи въ С. Петербургъ, отстранился почти отъ всѣхъ интересовъ современныхъ дѣлъ въ государствѣ, и жилъ одними воспоминаніями о кратковременномъ проблескѣ своего значенія. Естественно, что безмолвіе покрыло, вмѣстѣ съ мѣстомъ, и блистательное рожденіе русскаго флота, тогда какъ событіе это можно считать первою путеводною звѣздой на горизонтѣ исторіи новѣйшей Россіи.

Этотъ второй народный праздникъ въ Переславлѣ былъ, какъ увѣряютъ, въ дѣкоторыхъ, неизмѣняемыхъ временемъ отношеніяхъ, выполненъ, какъ и первый, въ 1690 году. До тысячи человекъ войска на немъ пили вино, наливаемое изъ штофовъ временъ Петра 1-го.

Все на свѣтѣ имѣетъ свою фізіономію, свой рельефъ. Такъ, въ городѣ, въсколько вѣковъ существующемъ, или на мѣстности, извѣстной отъ начала міра, должно же быть, или случиться также что-нибудь свое, особенное, такое, чѣмъ можно бы гордиться, или славиться. Историческія минувшія событія точно могутъ составлять гордость переславцевъ. Но это ихъ прошедшее. Въ настоящемъ, чѣмъ мѣстность города славится? Если нынѣ спросите перваго, кто встрѣтится отсюда: Что есть въ Переславлѣ? — онъ отвѣтитъ: А сельди—то, а лещи—то копченые, — развѣ такіе найдутся еще гдѣ-нибудь въ Россіи? И впрямь нѣтъ! Но мѣстные жители, по закону нравственной природы, не цѣнятъ слишкомъ того, что всегда на глазахъ, подъ руками, не цѣнятъ произведенія мѣстнаго рыболовства, по привычкѣ къ нимъ и по возможности имѣть всегда, во-время лова, и сельди и лещи. Тѣмъ не менѣе та и другая рыба достойны замѣчанія, и вотъ почему. Сельди, какъ извѣстно, живутъ вообще въ моряхъ, то-есть въ соленой водѣ. Но въ Переславскомъ-озерѣ вода прѣсная. По этому ли—(обстоятельство, отчасти не согласное съ натурою сельдей) — или еще и потому,

* Жители Переслава двоимо думаютъ о ботикѣ; одни считаютъ его тѣмъ самымъ, который Петръ увидѣлъ въ амбарѣ въ селѣ Исмайлѣ; другіе полагаютъ, что онъ построенъ при Петрѣ, въ Переславлѣ.

что грунтъ въ Переславскомъ-озерѣ не иловатый, а чисто песчаный, тамошняя сельдь, по величинѣ нѣсколько больше обыкновенной (голландской такъ-называемой), очень нѣжна, иногда жирна, и непрочна до того, что, копченая, она можетъ сберегаться развѣ недѣли три, разумеется, безъ особенныхъ предосторожностей, даже въ осеннее, не теплое время. Сельдь въ Переславѣ ловится въ разное время. Ловля рыбы въ озера принадлежитъ исключительно крестьянамъ рыбной слободы удѣльнаго вѣдомства, живущимъ на берегахъ озера и рѣки Трубежа, при устьѣ его. Слобода дворцоваго вѣдомства была пожалована 7 декабря 1762 года Императрицею Екатериною II, вмѣстѣ съ селомъ Веськовымъ, Л. Г. коновалаго полка ротмистру Бутакову съ сестрою его, фрейлиною. Но въ 1773 году Бутаковы продали слободу въ дворцовое вѣдомство. Этихъ сельдей на мѣстѣ употребляютъ въ пищу въ разныхъ видахъ: вареными съ другими рыбами въ ухѣ, жареными (самое лакомое кушанье), а всего болѣе копчеными, равно какъ лещей и другую рыбу изъ озера, хотя послѣдняя не имѣетъ ни достоинства, ни цѣнности сельдей и лещей. Оптовымъ производствомъ копченыхъ рыбъ сами рыбаки не занимаются; они только продаютъ ихъ проѣзжающимъ черезъ Переславль, по мелочамъ, какъ мѣстную особенность, и путешественники охотно покупаютъ рыбу на гостинцы, какъ водится въ Россіи между ѣдущими куда-нибудь въ гости, или возвращающимися откуда-нибудь изъ гостей, затѣмъ, чтобы не авиться съ пустыми руками, и не возбудить въ шутку вопроса: что же, самъ пріѣхалъ, а ничего не привезъ? Уловъ рыбы берутъ на откупъ отъ рыбаковъ производители оной, московскіе спекуляторы, болѣе лавочники — овощники, и вносятъ впередъ за крестьянъ рыбной слободы подати и повинности, принимая потомъ рыбу къ зачету въ откупную сумму. Странно нѣсколько то, что въ Переславѣ копченая сельдь и лещи покупаются въ розницу иногда дороже, нежели за сколько можно имѣть ихъ въ Москвѣ, изъ овощныхъ лавокъ... Продавцы всегда выигрываютъ на мелочахъ; а покупщики гостинцевъ — проигрываютъ, не имѣя иногда времени, на скорой ѣздѣ, торговаться, тѣшиться (торгъ, говорятъ у насъ, потѣшку любить). Извѣстно, что торгованье въ нашей торговлѣ не есть знакъ бережливости или расчетливости: въ этомъ мы, къ сожалѣнію, еще неповинны; но просто слѣдствіе говорливости, и иногда не для чего другаго, какъ для потѣхи, а при этомъ *авось-что-нибудь*, можетъ быть, и уторгуется. Это, впрочемъ, свойственно всякому народу, живому, какъ мы. Въ Неаполѣ, напримѣръ, разносчикъ рискуетъ ничего не продать весь день съ своей подвижной лавочки, если велерѣчивымъ, жестикующимъ рассказомъ забавной исторіи, басни, или чего-

нибудь смѣшнаго, не собереть вокругъ себя народа, слоняющагося, почти бѣгающаго толпами по городскимъ улицамъ. Но разскащикъ обанетъ, и смотришь у него купить одинъ то, другой другое. Нѣкоторые полагаютъ, что сельди въ Переславскомъ-озерѣ разведены только со времени Петра I. Странно! Для полноты величія Великаго довольно и того, что дѣйствительно сдѣлано при Немѣ и Имѣ. Сельди же не занимаютъ мѣста въ его исторіи. Герберштейнъ (Ист. г. Р. *Карамз.* Т. VI., прим. 447) пишетъ, между-прочимъ, что коронованному Дмитрію (Донскому въ-послѣдствіи), за великокняжескимъ торжественнымъ обѣдомъ, во исполненіе древняго обычая, подали блюдо *сельдей переславскихъ*. Этимъ напоминалось новому великому князю, что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны подъ его скипетромъ Дмитрій Донской принадлежить XIV вѣку; однако и тогда еще сельди ему подавались по древнему обычаю. Не служить ли это подтвержденіемъ того, что мы сказали выше на счетъ отдѣльности отъ Москвы Залѣскаго края, и тому, что изъ нынѣшняго московскаго округа народъ началъ расходиться въ ту сторону, когда утвердилось монашество въ Свято-Троицкой обители Сергія, современника и боговдохновеннаго сподвижника великаго князя Дмитрія Іоанновича. Тогда ростовскій и залѣсскій край, уже сдѣлавшійся нѣсколько прежде того времени зависимымъ отъ московскаго великаго князя, еще болѣе прикрѣпился къ его области. Желательно, чтобы переславскія сельди были разведены въ Осташковскомъ озерѣ, Селигерѣ (Тверск. губ.). Вода въ немъ тоже прѣсная и грунтъ также песокъ; перевезти же сельди изъ Переславля до Москвы въ бочкахъ, а отъ Москвы по желѣзной дорогѣ, къ ближайшему мѣсту отъ Осташкова, невозможно.

И. РОЗАНОВЪ

СОВРЕМЕННОЙ.*

ЛИТЕРАТУРА. — Понсаръ и его пьесы. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Выпѣшнее состояніе газоосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (*подробности устройства и дѣйствій газоваго заведенія въ Филадельфіи*), статья В. Карелина. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Добрый совѣтъ, *разсказъ Сторно де-Соломки*. — Школа художествъ въ Манчестерѣ. — **ИТАЛІЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ. ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Башня Барнума. — Барнабиты во Франціи. — Выставка въ Нью-Йоркѣ. — Надписи въ Синайской долинѣ и египетскіе гіероглифы. — Японскіе обычаи: Вѣры, святотства, женитба. — Американскіе денди. — Счастье приходитъ иногда во снѣ, но главному сыну не въ помощь богатство. — Растеніе Aegilops. — Соляные и огненные колоды въ Кіатингѣ (*въ Китаѣ*). — Забѣчательная долина въ Сѣверной Америкѣ. — Новая желѣзная дорога въ Сѣверной Америкѣ. — Ночное приключеніе (*разсказъ нѣмецкаго негодянта*). — Подводный городъ (*изъ записокъ путешественника*). — Банковая облигація (*разсказъ*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

Понсаръ и его пьесы. — Тому, кто принадлежитъ къ одной литературной школѣ, трудно оцѣнить безпристрастно другую школу, которая старается замѣнить и уничтожить первую. Французы были увлечены поэтическими формами, новыми блестящими идеями, любили произведенія романической школы, потому-что сами были молоды и трудно было забыть и разлюбить то, что доставляло еще такъ недавно наслажденіе. Вотъ отчего долго не отдавали должной справедливости таланту Понсара. Онъ хотѣлъ разрушить воспоминанія молодости нынѣшняго поколѣнія, разбить прежнія мечты, принудить къ строгой, но безпристрастной критикѣ. Послѣ огромнаго и заслуженнаго успѣха по-

* Выпестовано изъ журналовъ: Revue des deux mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Genève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Rheingarten, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Literary-Gazette, Illustration, Gazette des Théâtres и др.

сѣдвняго его произведенія онъ имѣеть на это полное право, какъ писатель, заслуживающій уваженіе даже тѣхъ, которые не признають его таланта, и занимающій почетное мѣсто между современными поэтами и драматическими писателями.

Чтобъ оцѣнить вполне характеръ произведеній этого писателя, надобно припомнить событія, способствовавшія его первому успѣху и потомъ расхолодившія вдругъ публику, до того, что авторъ долженъ былъ цѣлые десять лѣтъ бороться съ препятствіями разнаго рода, переносить неудачи и порицанія, часто незаслуженныя...

Лукреція была играна въ 1843 году, въ минуту послѣднихъ успѣй падающей романтической литературы. Де-Вивьи давно уже замолчалъ, Гюго повторялъ себя въ драмахъ, которыя всѣ были ниже *Германн*, въ стихахъ, гораздо слабѣйшихъ *Осеннихъ листьевъ*, и въ путевыхъ запискахъ, которыя были признаны плохими сами восторженными почитателями поэта. Мюссе беззаботно игралъ литературой, какъ любимый, но балованный ребенокъ, — и подъ покровительствомъ этихъ почетныхъ именъ составила новая литературная школа, наполненная чудовищными вымыслами, глянными подробностями, рѣзкими сценами и которая своимъ огромнымъ успѣхомъ унижала нравы, общество, здравый смыслъ и вкусъ.

Въ тоже время, какъ-будто бы для контраста, явилась молодая дѣвушка съ удивительнымъ трагическимъ талантомъ, и оживила образцы произведенія французскаго театра, забытыя со смерти Тальмы. Герміона, Роксана, Эмилія, Камилла, Федра, Монима нашли достойную представительницу, которая не дотрогивалась до современнаго репертуара, не поддавалась обольщеніямъ модныхъ авторовъ, но твердо шла по избранной стезѣ, и была любимицей лучшаго общества, благодарнаго ей за то, что она воскресила Расина и Шанмеле.

Униженіе романтизма, гнѣвъ на новую юную литературу, воспоминаніе классицизма, оживленное Рашелью, — вотъ причины необыкновеннаго успѣха *Лукреціи*, которую съ восторгомъ превозласили символомъ литературнаго возрожденія. Теперь, читая эту трагедію, не понимаешь причинъ всего шума, похвалъ и надеждъ. Тогда же не могло быть иначе. Вообразите, что умный и образованный человекъ прочелъ поутру главу и въ *Парижскихъ тайнахъ*, наканунѣ перенесъ тяжелое испытаніе въ *Бурирафахъ*, и вдругъ, освободясь отъ грязи и мрака, очутился подъ перстилемъ римскаго храма, съ молодымъ поэтомъ, который увлекаетъ его въ новый міръ, опираясь на Тита-Ливія и на Андре Шенье. Возможно-ли было устоять противъ такого обольщенія. Впрочемъ никто и не сопротивлялся ему, — и *Лукреція* была провозглашена образцовымъ произведеніемъ.

Однакоже трагедія эта далеко не образцовое произведеніе, хотя въ ней много достоинствъ. Авторъ ея былъ убѣжденъ, что пьесы Гюго неестественны, — и хотѣлъ изобразить истину и простоту. Онъ взялъ характеры и происшествія, вѣрныя исторіи, пьеса составлена и ведена искусно, всѣ сцены занимательны, разговоръ вѣренъ — словомъ, *Лукреція* должна была во всякомъ случаѣ сдѣлать имя Понсара

извѣстнымъ публикѣ и приготовить ему блистательную карьеру. Но къ несчастію, заслуженный успѣхъ превратили въ триумфъ и поставили автора въ самое невыгодное положеніе: сдѣлали невозможнымъ успѣхъ слѣдующихъ его произведеній.

Понсаръ, какъ умный человекъ, очень хорошо понималъ, что трагедія его только вѣрное и занимательное изображеніе историческаго происшествія, но совсѣмъ не такая пьеса, которая открываетъ новую эпоху или общаетъ много славы въ будущемъ. Послѣ *Германи* и *Антони* можно было предполагать, что Гюго и Дюма создадутъ рядъ сильныхъ, смѣлыхъ, парадоксальныхъ произведеній съ новыми идеями и формами, которыя возвысятъ страсть до лиризма, или заставятъ ее бороться на жизнь и смерть съ существовавшими условіями сцены; *Лукреція* же только серьезный этюдъ изъ Титъ-Ливія, подражаніе Корнелю, съ которыми молодой поэтъ, вѣроятно, не надѣялся сравниться. И чего можно было ожидать послѣ *Лукреціи*? Другаго эпизода изъ римской исторіи, который уже никакъ не будетъ имѣть успѣха, потому что публика въ это время охладится къ воспоминаніямъ изъ книги *de Viris illustribus* и накажетъ второй опытъ за неумѣстный восторгъ къ первому.

Понсаръ понималъ, что ожидаетъ его вторую пьесу, и обратился къ французской исторіи, къ среднимъ-вѣкамъ, куда также перенесъ свою драматическую простоту и вѣрность. Къ несчастію, онъ ошибся въ расчетѣ. Его простота, признавая высокими достоинствомъ въ греческихъ и римскихъ сюжетахъ, показала неумѣстною въ персонажахъ, одѣтыхъ въ бархатъ и латы. У публики свои мнѣнія, иногда противорѣчащія, но освященныя преданіями. Если при поднятіи завѣсы она видитъ портикъ съ древними колоннами, между которыми мелькаютъ знакомыя каски и оружіе, если два актера выдутъ на авансцену и начнутъ рассказывать исторію, которую всѣ давно знаютъ наизусть, и стало-быть предвидать неминуемую развязку, публика позволяетъ автору простоту и даже не допускаетъ, чтобъ любопытство ея было возбуждено происшествіями, которыя должны быть ей извѣстны. Но если сюжетъ взять изъ архивовъ французской исторіи, которую всѣ знаютъ гораздо хуже греческой или римской, если вмѣсто пеплума и шерстявой туники, публика видитъ шелкъ, бархатъ, сталь, шлемы и перчатки, она не довольствуется уже тремя или четырьмя персонажами и простымъ дѣйствіемъ безъ эффектовъ и неожиданностей, — она требуетъ возрастающаго интереса, запутанной интриги, движенія, шума, толпы рыцарей или народа, словомъ изображенія бурной жизни средних-вѣковъ.

Амеса де-Мерани не исполнила ни одного изъ этихъ требованій, и потому не могла имѣть успѣха. Ожиданія публики не осуществились, любопытство ея не могло быть возбуждено, и она осталась очень недовольна авторомъ, котораго недавно превозносила.

Не желая вдаваться въ парадоксы, которыми изобилуетъ критика, мы должны однакоже сказать, что послѣ внимательнаго чтенія, *Амеса де-Мерани* покажется всякому гораздо выше *Лукреціи*. Во-первыхъ выборъ сюжета доказываетъ вкусъ г. Понсара ко всему великому и

вовышнему. Что можетъ быть любопытнѣе, какъ вывести на сцену Филиппа-Августа, побѣдителя въ двадцати сраженіяхъ, который мечтаетъ о благѣ Франціи и о завоеваніи Нормандіи, и который вдругъ остановленъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ интердиктомъ папы; борьбу между политическою властію и духовною; женщину чистую и преданную, любящую мать и жену, но виновную тѣмъ, что для нея Филиппъ удалилъ Ингельбергу. Кто выдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы? Кто уступить? Агнеса или легатъ, любовь или интердиктъ? Филиппъ противится — и вдругъ вокругъ него дѣлается пустота; столица похота на кладбище, бароны и вассалы повинуются интердикту; Агнеса хочетъ бѣжать, но заблужденные, считая ее виновницею всеобщаго несчастья, хотѣтъ ее убить, и Филиппъ съ трудомъ спасаетъ ее отъ тѣхъ, которые недавно благословляли ее за благодѣянія. Бѣдная женщина понимаетъ, что она не въ силахъ противиться грозной власти папы, и отправляется, прося прощенія легата. Тотъ благословляетъ умиравшую и снимаетъ интердиктъ съ Франціи. Раздается крикъ радости рыцарей и отчаянный вопль Филиппа, но побѣды скоро утѣшатъ его, и онъ будетъ Агнесу, когда овладѣтъ Нормандіею.

Понсаръ думалъ — и отчасти справедливо, — что въ этомъ сюжетѣ соединены всѣ условія занимательности, и что не было никакой надобности увеличивать эффекты и придѣлывать вымышленныя пренесствія къ историческому эпизоду. Онъ воображалъ, что публика, растроганная несчастіями *Лукреціи*, не будетъ безжалостна къ *Агнесъ де-Мерани*, тѣмъ болѣе, что это одна изъ страницъ исторіи Франціи. Притомъ же авторъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ слогѣ и имѣлъ полное право ожидать новаго триумфа. Но вышло совсѣмъ иначе. Его обвиняли, что въ *Агнесъ* мало дѣйствія, какъ будто въ *Лукреціи* было его больше. Имя Понсара уже не нужно было для уничтоженія какого-нибудь другаго писателя, вѣтренность французовъ обратилась къ другому предмету, и *Агнеса де-Мерани* упала.

Притомъ же Понсаръ забылъ мудрое изрѣченіе Горация: *Semper ad eventum festina*, и растянулъ свой сюжетъ, почитая необходимымъ написать пять актовъ. Поэтому съ третьяго дѣйствія ходъ пьесы останавливается, какъ будто и она сдѣлалась неподвижною, какъ Франція послѣ интердикта легата. Характеры, чувства, разговоры — все вертится вокругъ одной точки, нисколько не подвигаясь къ цѣли, и это уменьшаетъ интересъ. Какая разница, еслибы авторъ сбросилъ съ себя классическія правила, какъ Шекспиръ, и изобразилъ вмѣсто монотонныхъ сценъ рядъ картинъ, въ которыхъ бы представилъ со всевозможною историческою вѣрностію любовь Филиппа и Агнесы, пріѣздъ легата, печальныя слѣдствія интердикта, и наконецъ смерть Агнесы. Но Понсаръ испыталъ, что ему удалось подражаніе Корнелю и Титу-Ливію, и теперь увлекся другою славою. Онъ хотѣлъ, какъ Расинъ, изобразить внутреннюю борьбу чувствъ, страданія сердца, увлекаемаго любовью и удерживаемаго долгомъ, эгоизмъ страсти и требованія Франціи — словомъ всю превосходную поэзію Расина, рассыпанную щедрою рукою въ *Андроматъ*, *Гоболити* и *Береникы*. И надобно признаться, что Понсаръ

достигъ этой высокой цѣли, только ояъ забывая, что его будутъ судить не современники маркизы Севиньи.

Была еще одна немаловажная причина неуспѣха *Агнесы де-Мерани*, и которая нисколько не зависѣла отъ молодого автора. Пьеса была разыграна и обставлена очень плохо, роли были розданы совсѣмъ не по характерамъ дѣйствующихъ лицъ. Это было истинное несчастье для пьесы, прекрасно написанной, но безъ театральныхъ эффектовъ. Надобно было прочесть ея, со всѣми оттѣнками и выставить всѣ красоты стиховъ, а вмѣсто того Филиппъ бормоталъ что-то про себя, Агнеса была безъ голоса, а легать читалъ роль какъ выученный урокъ. Возможно-ли, чтобъ пьеса понравилась при такихъ исполнителяхъ! Правда, что подобное же несчастье случилось и съ комедіею «Честъ и деньги», которая была представлена не первоклассными артистами, но эту пьесу никакъ нельзя было испортить ничѣмъ, и она всегда бы имѣла блистательный успѣхъ.

Поэтому можно сказать, что *Агнесу* осудили совершенно невинную, но *Шарлотту Корде* нельзя уже ни чѣмъ оправдать, и публика имѣла полное право быть недовольною и холодною.

Понсаръ, признанный главою новой школы и возвратившій театру классическую простоту, изгнавшій со сцены *романтическую орнію*, вздумалъ самъ изобразить почти современный эпизодъ, напоминающій смуты и волненія, гдѣ простота была уже невозможною, и гдѣ Кло и Мельпомена принуждены были кричать, а не говорить. Какая странная пережѣва въ поэтѣ, который послѣ Титъ-Ливія, Корнеля и Расина выбралъ такой опасный сюжетъ, бывшій ему не подъ-силу. Публика не хотѣла, чтобъ ей напоминали эту эпоху, говорила, что это не трагедія, а скорѣе идиллія, перемѣшанная съ ораторскими рѣчами, *исторія Жиронды*, рассказанная Тераменомъ.

Положеніе поэта дѣлалось очень щекотливымъ и опаснымъ для будущности его таланта, потому-что публика скорѣе забываетъ успѣхъ, чѣмъ неудачу, и Понсаръ поспѣшилъ написать *Горация и Лидію*, и доказалъ, что древняя поэзія всегда будетъ имѣть неотъемлемую прелесть, если передана умнымъ писателемъ и представлена талантливою актрисою. Г-жа Рашель отказалась отъ ролей Лукреціи, Агнесы и Шарлотты, но взялась сыграть Лидію, и доказала этимъ, что могла бы лучше поддержать серьезные произведенія поэта, а не бездѣлку, которую ояъ самъ, вѣроятно, не очень цѣнилъ.

Потомъ Понсаръ обратился къ Гомеру, къ источнику чистаго вдохновенія. Трагедія его *Улиссъ* и поэма *Гомеръ* заслуживаютъ всеобщаго уваженія и въ послѣдствіи будутъ считаться лучшими произведеніями въ этомъ родѣ. Если же успѣхъ ихъ былъ не очень блистательный, то потому, что страсть къ древности, грекамъ и Гомеру уже прошла въ публикѣ, точно такъ же, какъ прошла мода на средніе-вѣка. Понсаръ очень хорошо зналъ, что его *Улисса* не поймутъ и не оцѣнятъ, и что современные Аспазіи будутъ съ улыбкою слушать его превосходные стихи, думая совсѣмъ о другомъ.

Нельзя встѣхъ этихъ произведеній, признанныхъ или непризнанныхъ

геніальными, о талантѣ Понсара нельзя было сказать ничего рѣшительнаго, нельзя было назначить ему мѣста въ литературѣ. Многіе уже начинали сомнѣваться, имѣли-ли успѣхъ и *Лукреція*, а если имѣла, то это была, вѣроятно, случайность, ошибка; говорили, что въ авторѣ нѣтъ нисколько оригинальности, и онъ, бросаясь во все стороны, скоро принужденъ будетъ отказаться отъ театра, какъ вдругъ все сомнѣвія были рѣшены появленіемъ комедіи, возвратившей поэту славу и значеніе, заставившей забыть все его неудачи, все десятилѣтніе нападки и осужденія. Теперь авторъ *Лукреціи* будетъ называться авторомъ комедіи *Честъ и деньги*, что будетъ напоминать лучшее его произведеніе и самый заслуженный успѣхъ.

Съ перваго взгляда, однакоже, кажется, что въ этой пьесѣ нѣтъ ничего оригинальнаго; характеры, интрига, слогъ кажутся очень обыкновенными, но изучивъ ее прилежно и со вниманіемъ, непремѣнно откроются рѣдкія достоинства.

Характеръ Жоржа очень интересенъ, хотя онъ принадлежитъ болѣе драмѣ, нежели комедіи. Въ первомъ актѣ онъ богатъ и счастливъ, во второмъ разорется по своей волѣ, въ третьемъ его оставляютъ все друзья и бѣгутъ отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Честный negociantъ, который сосваталъ за него дочь, отказывается ему отъ дочери, послушная дѣвушка, молча, оставляетъ любимаго жениха и плетъ за другого. Жоржъ раздражается горькими и краснорѣчивыми упреками противъ корыстолюбиваго отца, хладнокровной дочери и близкаго общества, которое отталкиваетъ его гордую бѣдность. Онъ начинаетъ сомнѣваться въ добрѣ и злѣ, онъ клевететь на свѣтъ и людей, и хотѣлъ забыть честь и совѣсть, но къ счастью другъ спасаетъ его отъ погибели; сестра бывшей невесты утѣшаетъ его, состояніе его поправляется, счастье и спокойствіе возвратились, и онъ опять вѣрнъ въ добро, въ честь, въ благодетство.

Въ этомъ сюжетѣ соединены интересъ, истина и занимательность, хотя очень мало дѣйствія. Родольфъ, другъ Жоржа, напоминаетъ честныхъ Филинговъ и Альцестовъ. Онъ поддерживаетъ, уговариваетъ, спасаетъ своего друга, потому-что самъ много испыталъ и перенесъ бѣдность, изъ которой вышелъ съ такою же чистою совѣстью и безъ малѣйшаго упрека. Но Родольфъ все-таки моралистъ, а не комическій характеръ.

Двѣ молодя дѣвушки Лора и Люсиль олицетворяютъ—одна педантичность, другая вѣтренность и болтливость, которая болѣе идетъ къ служанкамъ Мольера, чѣмъ къ воспитанной молодой дѣвушкѣ, выговаривающей отцу зато, что онъ отказывается разорившемуся зятю. Но подобный характеръ необходимъ былъ для развязки пьесы, и хотя онъ не оригиналенъ, но все-таки граціозенъ и милъ.

Въ пьесѣ есть двѣ роли, къ несчастію незначительныя, но въ которыхъ больше всего комизма. Это г. Мерсье, отецъ молодыхъ дѣвушекъ, и старая невеста, которую предлагаютъ Жоржу съ богатыми приданымъ. Эта богатая старуха совѣтъ не смѣшна, и г. Понсаръ сдѣлалъ очень умно, что не вывелъ карикатуру. Она была молода и

прекрасна, но бѣдна, и когда получила богатое наслѣдство, то уже состарѣлась. У ней доброе и чувствительное сердце; она могла бы составить счастье честнаго человѣка, но бѣдность заставила замолчать ея сердце, а богатство не можетъ возратить ей молодости. Это лицо совершенно новое и привлекательное, и жаль, что г. Понсаръ не развилъ богѣ этотъ характеръ.

Г. Мерсье превосходить по своей глупости, подавляющей строгости, мелочности и болтливости. Онъ когда-то пѣлъ пѣсни Вольтера, Парни и Беранже, но теперь сдѣлался важнымъ и не любитъ, чтобъ ему напоминали прошедшія глупости. Онъ громко объявляетъ, что презираетъ безчестнаго миллионера и съ гордостью пожиметъ руку благородному бѣдняку, но когда Жоржъ отказывается отъ своего состоянія, чтобъ заплатить долги отца, Мерсье находитъ, что будущій зять его поступилъ необдуманно, что онъ могъ бы устроить такъ, чтобъ не остаться самому въ бѣдности, и наконецъ отдаетъ руку дочери человѣку, отецъ котораго былъ три раза банкротомъ. Позже, когда этотъ новый зять бросаетъ жену и бѣжитъ отъ долговъ, г. Мерсье очень забавенъ въ своемъ гнѣвѣ и говорить:

.....Le drole! le coquin! le bandit!..
 L'hypocrite qu'il est nous a tous attrapés.
 Il possédait si bien la langue des affaires,
 Etait si positif, riait tant des chimères,
 Traitait la poésie avec tant de mépris,
 Que j'ai cru qu'il serait le meilleur des maris!

Эта выходка, выражающая характеръ негоціанта, заставляетъ всѣхъ смѣяться, но г. Мерсье совершенно правъ: поэты будутъ всегда не образцовыми мужьями. Впрочемъ вся роль эта выдержана превосходно, и еслибы ее сыгралъ Сансонъ или Прово, она выиграла бы вдвое.

Что касается до хода пьесы, автору можно сдѣлать много замѣчаній. Нельзя не признать благороднымъ поступокъ Жоржа, который безъ малѣйшаго сожалѣнія разоряется, чтобъ заплатить долги отца, къ чему не былъ нисколько принужденъ. Родольфъ тоже правъ, когда предсказываетъ другу всѣ послѣдствія его жертвы, но общество всѣмъ не такъ дурно и низко, не такъ неблагодарно, чтобъ не оцѣнить прекраснаго поступка и не наградить геройскаго подвига. Очень можетъ быть, что отецъ откажетъ Жоржу въ рукѣ дочери, что даже друзья удалятся отъ него, боясь жалобъ и займовъ, — это отчасти понятно и часто случается, — но кажется, Понсаръ напрасно клевететь на оффиціальное общество. Послѣ благороднаго поступка Жоржа для него будутъ открыты всѣ должностныя мѣста, объ немъ будутъ разсуждать во всѣхъ собраніяхъ и будуарахъ, и женщины, понимая все высокое, тотчасъ же примутъ въ немъ участіе и выхлопочутъ ему выгодное занятіе, не считая преміи Монтиона, которую онъ получить, и зашѣ-нибудь чувствительной ниссъ или романической вдовы, которая предложитъ ему свою руку и миллионы.

Стихи комедіи «Честь и деньги» напоминают Мольера, точно такъ же, какъ «Лукреція» и четвертый актъ «Шарлотты Корде—Корнели», и это самая лучшая похвала, какую можно сдѣлать Понсару. Его оригинальное проназеденіе будетъ имѣть большое вліяніе на вкусъ нашего времени: Оно истребитъ на сценѣ все неправдоподобное, парадоксальное, невозможное, которымъ восхищались еще такъ недавно, выразитъ безсмертныя истины твердымъ, сильнымъ слогомъ, оживитъ настоящую, благородную, моральную комедію, которая уже начинала слабѣть и упадать. Теперь мы можемъ ожидать многого отъ человѣка съ умомъ и сердцемъ, который десять лѣтъ боролся со всеми препятствіями, переносилъ твердо неудачи, и наконецъ побѣдилъ всѣхъ, написавъ превосходную комедію, какой не было со времени «Сватвы Фигаро». Это рѣдкій примѣръ, доказывающій высокій талантъ и дарованіе Понсара.

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Нынѣшнее состояніе газосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. — (*Подробности устройства и дѣйствій газоваго заведенія въ Филадельфій*). Слѣдующія свѣдѣнія о состояніи газоосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, собранныя изъ официальныхъ источниковъ, строгая истина которыхъ въ малѣйшихъ подробностяхъ не подлежитъ сомнѣнію, будутъ весьма полезны, какъ вообще для любителей искусствъ, слѣдящихъ за современными и быстрыми ихъ успѣхами, такъ особенно для тѣхъ, которые, участвуя въ этомъ дѣлѣ своими капиталами, болѣе другихъ заинтересованы желаніемъ ознакомиться съ нимъ ближе.

Освѣщеніе газомъ Филадельфій, главнаго города Пенсильваніи, одного изъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, устроено частною компаніею въ 1835 году, то-есть болѣе двадцати лѣтъ послѣ всеобщаго введенія въ Англіи газоосвѣщенія, и слѣдовательно вполне могло воспользоваться успѣхами, сдѣланными газопроизводительнымъ искусствомъ въ теченіе этого времени, чему особенно благоприятствовали весьма близкія и обширныя торговыя связи американцевъ съ Англіею, изобиліе капиталовъ и высокое состояніе промышленности и наукъ въ Америкѣ. Въ 1836 году заведеніе начало дѣйствовать.

По официальномъ отчету 20 января 1848 года, то-есть двѣнадцать лѣтъ послѣ открытія заведенія, оно имѣло въ дѣйствіи: 1) 120 овальныхъ или эллиптическихъ ретортъ длиною въ семь, шириною въ два и вышиною въ одинъ футъ. Всѣ онѣ размѣщены въ тридцати-восьми, отдѣльныхъ печахъ.

2) Восемь газохранилищныхъ колпаковъ или газометровъ, каждый въ 50 футовъ въ поперечникѣ и 18 футовъ вышиною, и одинъ двойной или телескопическій въ 80 футовъ въ поперечникѣ и 40 футовъ въ подъемѣ, такъ-что вмѣстимость всѣхъ простирается до полу-милліона кубическихъ футовъ.

3) Сто-пятнадцать верстъ и сто-тринадцать саженъ подземныхъ газопроводныхъ трубъ отъ полутора до шестнадцати дюймовъ въ поперечникѣ.

4) Тысяча четыреста-пятьдесятъ-пять публичныхъ и шестьдесятъ-дѣть тысячи четыреста-семьдесятъ-семь частныхъ рожковъ или горѣлокъ съ принадлежащими къ нимъ побочными газопроводными трубами.

5) По частнымъ домамъ шесть тысячъ двѣсти-девятъ газожрители, вѣстимостію каждый на три и до ста рожковъ.

На все это издержки первоначальнаго устройства были слѣдующія:
на русскія ассигнаціи

а) на здания, газохранилища, печи, реторты и ихъ принадлежностей	1,389,960
б) на подземныя газопроводныя трубы	1,520,715
в) на побочныя трубы и газожрители	616,655
г) на уличныя лампы	59,070

Итого на первоначальное устройство 3,586,400 рублей.

Ежегодныя издержки на покупку и доставку матеріаловъ, плату зрителямъ и работникамъ, починки и мелочныя случайныя издержки не входятъ въ этотъ счетъ.

Съ 1836 по 1840 годъ выработано и продано 90,389,000 кубическихъ футовъ газа, которыхъ выработка и распродажа обошлись на русскія ассигнаціи 1,105,560 рублей.

Слѣдовательно каждую тысячу кубическихъ футовъ свѣтящагося газа сдѣлать и продать стоило 10 рублей 25 копѣекъ.

Съ 1840 по 1844 выработано и продано 196,401,000 кубическихъ футовъ, и издержано на это 1,472,210 рублей, такъ что каждая тысяча футовъ газа обошлась заведенію въ 7 рублей 50 копѣекъ.

Съ 1844 по 1848 произведено газу 286,662,000 кубическихъ футовъ, на что издержано 1,862,100 руб., и каждая тысяча обошлась въ 6 руб. 50 коп.

Въ эти издержки не включены проценты съ капитала, употребленнаго на первоначальное устройство, также изъ нихъ не вычтены суммы, вырученныя за продажу остатковъ газоваго производства: кокса, смолы, извести и аммоніакальной жидкости. Объ этомъ говорено будетъ ниже.

Правительство, дозволя въ 1835 году частной компаніи устройство освѣщенія Филадельфій газомъ, предоставило однакоже себѣ право во всякое время, по своему благоусмотрѣнію, взять это дѣло въ свое распоряженіе, возвратя пайщикамъ ихъ издержки. Скоро въ публикѣ возникло на общество неудовольствіе. Стали говорить, что интересы общества и публики несомѣстны, что общество всегда будетъ стараться продать какъ можно большее количество газа, какого бы онъ не былъ качества, за самую дорогую цѣну, что оно всегда будетъ неприязненно всѣмъ улучшеніямъ и успѣхамъ искусства газоосвѣщенія, и что, наконецъ, предоставить въ однѣ частныя руки этотъ промыселъ

значить, для выгоды нѣсколькихъ лицъ, добровольно лишить публику возможности имѣть когда-нибудь самое лучшее и самое дешевое освѣщеніе.

Слѣдствіемъ этого было то, что газоосвѣщеніе въ 1841 году поступило въ собственность и полное распоряженіе городского управленія, и съ того времени дѣятельность заведенія ежегодно и быстро возрастаетъ и совершенствуется. Проценты съ капитала, употребленнаго на первоначальное устройство, уменьшены до половины, газъ сдѣлался гораздо лучшаго качества и продается дешевле противъ прежняго, и несмотря на это, въ 1847 году приходъ заведенія болѣе нежели вдвое превышалъ расходъ, чему причины сейчасъ увидимъ.

Каменноугольное газоосвѣщеніе Филадельфій отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ немъ введено съ 1842 года употребленіе канифоли въ смѣси съ углемъ

Канифоль въ реторты поступаетъ не въ жидкомъ видѣ, какъ это бываетъ когда газъ добывается изъ нея одной, а просто бросается вмѣстѣ съ углемъ кусками.

Употребленіе ея такъ полезно во всякомъ отношеніи, что количество ея въ сравненіи съ количествомъ угля возрастаетъ ежегодно съ очевидною выгодой, и вѣроятно, дойдетъ до того, что угля будутъ класть въ реторту неболѣе, какъ сколько необходимо для полученія потребнаго для выгрѣванія реторты коксу.

Причину такого благотворнаго вліянія канифоли объяснить не трудно. Въ 1844 году, весьма рачительными опытами въ Америкѣ дознано, что фунтъ канифоли даетъ семь кубическихъ футовъ отличнаго газа, не требующаго никакого очищенія. Фунтъ каменнаго угля, употребляемаго въ Филадельфій на выдѣлку газа, даетъ его менѣе, нежели три и три четверти кубическихъ фута, гораздо низшаго достоинства; такъ что 280 фунтовъ газа выходятъ изъ 75 фунтовъ угля или изъ 40 фунтовъ канифоли. Но 75 фунтовъ, или американскій бушель угля стоитъ 87 русскихъ копѣекъ мѣдью, а 40 фунтовъ канифоли, по обыкновенной цѣнѣ, четыре рубля мѣдью за бочку въ 7 $\frac{1}{3}$ пудовъ, стоятъ только 63 копѣйки съ небольшимъ. Ясно, что канифольный газъ болѣе нежели 50-ю процентами обходится дешевле.

Здѣсь должно замѣтить, что пудъ канифоли, стоящій въ Филадельфій около 50 копѣекъ мѣдью, въ Петербургѣ стоитъ 350 коп., что необычайная дешевизна канифоли въ Америкѣ, неслыханная въ Петербургѣ, происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ:

1) На довольно большое разстояніе отъ Петербурга, вездѣ, гдѣ есть водяное сообщеніе, гѣсовладѣльцы и промышленники предпочитаютъ продавать свой нестройной гѣсъ, просто дровами. Въ Петербургъ же привозятъ канифоль изъ Финляндіи въ малыхъ количествахъ и сухимъ путемъ

2) Всякому извѣстно, что канифоль есть та грубая часть вытекающаго изъ хвойныхъ деревьевъ соку (терпентина), которая остается въ кубѣ при отдѣленіи изъ него чистаго терпентиннаго спирта. Въ Америкѣ, при обширномъ употребленіи послѣдняго на освѣщеніе

улицъ, лавокъ, магазинновъ и другихъ зданій, перегонка природнаго терпентина производится съ раченіемъ, чтобы добыть возможно большее количество изъ него спирту. Вообще русскіе промышленники этимъ не дорожатъ и у насъ въ торговлѣ часто продается подъ именемъ гарпіуса канифоль, содержащая большую часть спирта. Итакъ положимъ, что пудъ терпентина съ дерева собрать и на мѣсто обработки доставить обошлось въ 4 рубля ассигнаціями. Американецъ изъ этого пуда получить десять фунтовъ терпентиннаго спирта и продать его у себя за 5 рублей, а остающіеся тридцать фунтовъ канифоли придутся ему даромъ.

Въ 1847 году, въ Филадельфій цѣны на газопроизводительные припасы были, круглымъ счетомъ, слѣдующія:

Пудъ годнаго для газа каменнаго угля стоилъ	42 коп. мѣдью
Пудъ канифоли	50
Пудъ извести	4 копѣйки мѣдью.

Съ газоваго заведенія, произведенія его продавались:

Свѣтящійся газъ—за тысячу кубическихъ футовъ	12 руб. 50 коп. асс.
Коксъ изъ ретортъ, за русскую 8-ми четвериковую четверть	1 — 80 — —
Известь отъ очищенія газа — за четверть же	» — 90 — —

Газовая смола оставалась въ заведеніи непроданною, а аммоніакальную воду просто выбрасывали.

Въ томъ же 1847 году, въ томъ же заведеніи выработано и продано: 91,457,000 кубическихъ футовъ газа. На это употреблено: каменнаго угля	572,370 пудовъ.
канифоли	46,542 —

Для нагрѣванія ретортъ газоваго кокса—40,000 русскихъ восьмичетвериковыхъ четвертей.

Извести для очищенія газа 13,500 — четвертей.

Отъ выдѣлки показаннаго количества газа получено:

Кокса	69,000 четвертей.
Продано выдохшейся извести отъ очищенія	7,720 —
Смолы газовой	32,640 пудовъ.

Общій итогъ всего ежегоднаго расхода на производство и продажу газа (кромѣ процентовъ на капиталъ первоначальнаго устройства) 492,635 руб. асс.

Общій итогъ выручки (кромѣ непроданной смолы и выброшенной аммоніакальной воды) 1,048,420 — —

Въ этомъ общемъ обзорѣни болѣе всего бросается въ глаза необычайно сильная трата кокса на нагрѣваніе ретортъ (почти 58 процентовъ) и вообще невыгодное и нерадивое употребленіе второклассныхъ отъ производства газа продуктовъ: смолы, кокса, извести и прочаго.

Такъ, напримѣръ, кокса подъ ретортами сожжено почти ровно вдвое больше того, что сожигается на то же самое количество въ Шеффилдѣ, въ Англіи, а въ сравненіи съ новыми печами и ретортами, же

за нѣсколько лѣтъ введенныи Кролемъ съ совершеннымъ успѣхомъ въ Тотенгемѣ, слишкомъ въ два съ половиною раза болѣе.

Известа на очищеніе газа употребляется также непомерно много, слишкомъ четыре пуда на каждую тысячу футовъ газа. Хотя въ Фладельсѣи употребляется она не въ жидкомъ видѣ, какъ у насъ, а въ сухомъ, при чемъ надобно ея по-крайней-мѣрѣ 60-ю процентами болѣе, но все-таки выходить ея тамъ слишкомъ вдвое болѣе, нежели бы надлежало. На петербургскомъ газовомъ заведеніи, на тысячу кубическихъ футовъ газа выходитъ менѣе пуда.

Но самая худая сторона дѣйствій американскаго газового заведенія есть неумѣіе или нерадѣніе пользоваться газовой смолою, которая оставалась безъ всякаго сбыта, и это въ началѣ 1848 года, когда употребленіе ея въ Англіи распространялось и росло не по днямъ, а по часамъ, и если по-сие-время цѣны на нее въ Англіи весьма низки (менѣе четвертака за пудъ, на заводѣ), то это единственно отъ того, что тамъ почти всѣ города и безъ изыатія всѣ значительныя фабрики и заводы освѣщены каменноугольнымъ газомъ, и остающаеся отъ его добыванія количество смолы такъ огромно, что еще далеко превышаетъ требованія на нее, какъ онѣ ни обширны.

Въ Англіи газовая смола употребляется въ видѣ летучаго масла или особеннаго рода нефти, въ видѣ тяжелаго, въ водѣ тонущаго масла и въ видѣ черной смолы, при обыкновенной лѣтней температурѣ застывающей на открытомъ воздухѣ.

На эти три вида газовая смола раздѣляется самыми неумудренными и недорогими способами.

Употребленіе перваго, летучаго, на водѣ плавающего масла, очень важно и распространяется ежедневно. Оно—душа и основаніе фабрикаціи всѣхъ непромокаемыхъ тканей, введенныхъ Мекинтошемъ, уже нѣсколько лѣтъ извѣстныхъ подъ его именемъ и у насъ, въ Петербургѣ.

Это же самое масло, съ примѣсью втораго, тяжелаго вида, даетъ такъ-называемый морской клей (glue marine), одно изъ полезнѣйшихъ современныхъ нововведеній.

Второй видъ газовой смолы (dead oil), черная, тонущая въ водѣ жидкость, употребляется въ особеннаго устройства лампахъ для освѣщенія на открытомъ воздухѣ, гдѣ небольшая копоть свосна, но болѣе всего пережигается въ сажу, самую лучшую изъ всѣхъ извѣстныхъ лосаѣ, особенно превосходную для книгопечатанія и для эстамповъ.

Наконецъ третій, твердый видъ смолы (pitch), въ смѣшеніи со вторымъ, производитъ очень хорошій и прочный лакъ для желѣза и дерева; но болѣе всего передѣлывается на особыхъ заведеніяхъ въ искусственный уголь, съ выгодою употребляемый для пароходныхъ котловъ въ дальнихъ путешествіяхъ. Такой уголь уже давно проагается по 13 копѣекъ серебромъ за пудъ и у насъ, въ Петербургѣ.

Если въ Англіи, при огромномъ содѣйствіи, многіе капитальные промышленники находятъ выгоды отъ обработки газовой смолы въ равныхъ ея видахъ, то какъ же не обратить вниманія на это дѣло

тамъ, гдѣ совмѣстничества нѣтъ вовсе, и гдѣ газовому заведенію стоить только самому подать примѣръ, чтобы удешевить цѣнность одного изъ главныхъ своихъ произведеній?

Спору нѣтъ, что выдѣлываніе искусственнаго угля, даже сажи, требуя устройства особенныхъ печей и заведенія довольно сложнаго и ведешаго механизма, затрудняетъ газовое заведеніе, и потому должны быть признаны не его дѣломъ; но отдѣленіе легкой смолы — работа самая легкая и простая: тяжелыя смолы, жидкая и твердая, сохранить ту же или еще большую цѣнность, какую имѣли до отдѣленія отъ нея легкой, а продажа послѣдней, какъ скоро промышленность ознакомится съ достоинствами и пользою ея, такому заведенію, какъ филадельфійское, доставили бы, судя по теперешнимъ цѣнамъ, крайней-мѣрѣ сто тысячъ рублей ассигнаціями ежегодной прибыли, вовсе не обременяя его новыми издержками и сложными нововведеніями.

Наконецъ аммоніакальная вода, не въ одномъ филадельфійскомъ заведеніи до-сихъ-поръ выбрасываемая, какъ ни къ чему не годный соръ, послѣ трудовъ и опытовъ Кроля и доказанныхъ успѣховъ, заслуживаетъ всякаго вниманія газопроизводителей.

Эта вода заключаетъ сѣрнокислый амміакъ, соль, весьма полезную для выдѣлки шапатыря и другихъ соединений амміака, и особенно замѣчательную по благотѣльнымъ для земледѣлія свойствамъ. Но въ томъ состояніи, въ какомъ получалась она до Кроля, нужно было ее прежде насыщать сѣрною кислотою и выпаривать, и тогда изъ десяти ея фунтовъ выходило съ небольшимъ три четверти фунта кристаллизованной соли, количество столь незначительное, что въ немногихъ случаяхъ вознаграждало за хлопоты и издержки добыванія.

Теперь, по способу Кроля, въ газовомъ производствѣ получается она насыщенная кислотою и по испареніи даетъ соли почти въ шесть разъ болѣе, именно, вмѣсто 14 унцій, получается восемьдесятъ.

Но такая значительная разица ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя новый способъ доставляетъ газовому производству вообще. Изъ одного и того же угля количество и качество свѣтящаго газа увеличивается, прогараніе ретортъ отъ осаждающагося во внутренности ихъ графита почти исчезаетъ, и несносная и вловредная воня, неизбежная при открываніи очистительныхъ снарядовъ, уничтожается.

Качество свѣтящагося газа выигрываетъ отъ того, что по новому способу весь амміакъ отъ него совершенно отдѣляется, а количество прибываетъ потому, что съ устраненіемъ мокрыхъ очистителей и заливкою ихъ сухими, не бываетъ сильнаго напора столба известковой гущи, препятствующаго свободному выходу газа изъ ретортъ, а вмѣстѣ съ нимъ и значительной потери чрезъ спайки газопроводныхъ трубъ, а даже чрезъ самыя трубы стѣны, почти всегда болѣе или менѣе впадреватыя.

III. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Добрый советъ. — *Разсказъ Сторно де-Солонини.* Рубини дебютировалъ на театрѣ Scala, въ Миланѣ; молва о немъ пробѣжала уже по всей Италіи, а потому въ ожиданіи этого дебюта между городскими дилеттантами замѣтно было сильное волненіе. Тѣ, которымъ удалось уже слышать его, утверждали, что никогда еще Миланцамъ не случалось слышать ничего подобнаго, и какъ это обыкновенно водится у людей, увѣренія ихъ нашли много невѣрующихъ или по-крайней-мѣрѣ сомнѣвающихся.

Наконецъ насталъ желанный день, или скорѣе желанный вечеръ: Рубини запѣлъ и—не стало сомнѣвающихся, ни невѣрующихъ; восхищеніе, громъ рукоплесканій, восторженныхъ кликовъ увлекли, упоили всѣхъ.

Одинъ только человекъ оставался равнодушнымъ, и произвелъ одно, нѣсколько загадочное восклицаніе: *Жаль!*

Человекъ этотъ былъ Горръ, старый Нѣмецъ, нѣсколько уже лѣтъ занимавшій смиренную должность втораго кларнета; однако, несмотря на его скромное званіе, сужденія стараго профессора, — онъ давалъ также уроки музыки, — имѣли большой вѣсъ, потому что всѣ признавали наблюдательность его сужденій и справедливость замѣчаній; предсказанія его о слышанныхъ артистахъ всегда оправдывались на дѣлѣ.

Узнавъ о невольномъ вырвавшемся восклицаніемъ *жаль!* всѣ захотѣли узнать и причину его.

— Разумѣется, жаль, отвѣчалъ старикъ. Ну, какъ не жаль, когда подумаешь, что лѣтъ черезъ пять отъ такого чистаго, прекраснаго голоса ничего не останется.

Не обращая вниманія на такое предсказаніе, импрессарио поспѣшилъ, послѣ перваго дебюта, предложить контрактъ, который Рубини подписалъ, къ обоюдному ихъ удовольствію.

Слова Горра дошли и до знаменитаго пѣвца. При второмъ дебютѣ, Рубини внимательно разсматривалъ добраго старика, наружность котораго предварительно описали ему; однако и теперь, хотя онъ превзошелъ самого себя, но пріятель его, сидѣвшій нарочно подлѣ суроваго судьи, довѣсь Рубини, что миѣніе старика не измѣнилось.

Рубини не выдержалъ и на другой же день отыскалъ кларнетиста. Послѣ двухъ-часовой бесѣды съ нимъ, прославленный пѣвецъ написалъ къ импрессарию, что обстоятельства особенной важности вынуждаютъ его нарушить контрактъ и не пѣть въ-продолженіе двухъ лѣтъ.

Понятно, что послѣ такой новости, каждому хотѣлось узнать отъ Горра причину неожиданной и необыкновенной рѣшимости, предпринятой, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ-слѣдствіе его совѣтовъ.

— Дѣло очень просто, отвѣчалъ старикъ, набивая трубку и прихлебывая изъ стакана пиво; Рубини спросилъ у меня, почему я думаю, что онъ чрезъ пять лѣтъ потеряетъ голосъ; а я откровенно сказалъ ему, что внимательно слушая его, замѣтилъ, что онъ не умѣетъ пе-

реводить дыханіе, доказывая, что въ этомъ заключается существенное искусство для каждаго пѣвца, желающаго долго сохранить свой голосъ, никакъ, впрочемъ, не предполагая, чтобы Рубини согласился съ новымъ убѣжденіемъ, потому-что для этого слѣдовало отказаться отъ настоящихъ успѣховъ, и въ-продолженіе двухъ лѣтъ не пѣть ни одной ноты, а только учиться дышать, словомъ совершенно оставить прежнюю методу, чтобы приобрести новую; но Рубини имѣлъ это мужество, доказывающее, что онъ истинный артистъ, зато и будетъ онъ пѣть до шестидесяти лѣтъ.

Предсказаніе Горра сбылось: Рубини оставилъ сцену, когда уже ему было подѣ шестьдесятъ и въ полномъ блескѣ своего таланта.

Школа художествъ въ Манчестерѣ.—Въ 1838 году основана была въ Манчестерѣ съ пособіемъ отъ англійскаго правительства школа рисованья (School of design), которой главная цѣль состояла въ приготовленіи образцовыхъ рисунковъ для набивки на бумажно-хлопчатыхъ надѣляхъ. Но заведеніе это вскорѣ оказалось несоотвѣтствующимъ предположенной цѣли и ожиданіямъ. Въ-мѣсто того, чтобы руководствуясь классическими образцами и неизмѣнными законами природы, образовывать и развивать искусство и изящный вкусъ, молодые люди покорились требованіямъ фабрикантовъ. Дѣло дошло до того, что въ 1849 году въ нижнемъ парламентѣ представлено было донесеніе, въ которомъ заведеніе это выставлено въ видѣ неудавшейся попытки. Назначена была коммиссія, которая подвергла эту школу строгому надзору, и удостовѣривъ однажды въ основномъ недостаткѣ заведенія, спѣшила напечатать его, предписавъ для руководства правило: «стараться возвести ремесло до искусства, а не унизить искусство до ремесла.»

Послѣ этихъ измѣненій школа быстро стала усовершенствоваться. Число воспитанниковъ учетверилось,—и требованіе рисовальщиковъ до того повсемѣстно усилилось, что всякій ученикъ, отличающійся прилежаніемъ, увѣренъ въ обезпеченномъ существованіи. Заведеніе это приняло названіе манчестерской школы художествъ, и самое званіе ея весьма распространено.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Башня Барнума.—Близъ зданія всемірной выставки, открытой нынѣ въ Нью-Йоркѣ, извѣстный спекуляторъ Барнумъ построилъ башню, какой, вѣроятно, нигдѣ нѣтъ. Она изъ желѣза и дерева, въ триста-пятьдесятъ футовъ вышины (50 сажень); — и назначена для помѣщенія въ трехъ этажахъ и на платформѣ посѣтителей, желающихъ за неболь-

шую входную плату видѣть великолѣпную панораму всего Нью-Йорка, гавани его, острова Штатовъ (Staten Island), ближайшихъ городовъ Бруклейна и Вильямсбурга, моря со всеми бухтами и величественныхъ горъ и лѣсовъ, возвышающихся по ту сторону Гудсоновой рѣки.

Въ разныхъ этажахъ башни устроены концертныя залы, ресторации и refreshing-rooms (прохладительныя комнаты). Съ мавѣстнаго пункта посѣтители поднимаются на платформу посредствомъ машины, освобождаясь отъ тягостнаго восхода по лѣстницѣ. Построеніе башни стоило спекулятору до 300,000 руб. серебромъ. Думаютъ, что онъ будетъ съ барышемъ.

Барнабиты во Франціи.—До 1789 года Барнабиты управляли во Франціи почти всеми публичными школами. Во время революціи этотъ орденъ былъ уничтоженъ, и во времена имперіи старался объ похотѣтствованіи прежнихъ правъ. Но ни Наполеонъ, ни Людовикъ XVIII, ни Карлъ X, ни даже Людовикъ-Филиппъ не согласились на ихъ просьбу. Только въ 1853 году дозволено имъ было возвратиться во Францію. За два года тому назадъ, генералъ Барнабитовъ, проживающій въ Римѣ, посылалъ въ Парижъ двухъ патеровъ для усовершенствованія во французскомъ языкѣ. Теперь этотъ орденъ купилъ домъ въ Парижѣ и принялъ уже управленіе нѣсколькими школами, и между-прочимъ Бургъ-Сентъ-Андеольскимъ коллегіумомъ, который до 1789 года находился подъ руководствомъ ихъ. Полагаютъ, что они мало-по-малу вступятъ въ управленіе всеми провинціальными коллегіумами.

Выставка въ Нью-Йоркѣ.—Промышленная выставка въ Нью-Йоркѣ открылась 15 іюня. Въ Америкѣ, гдѣ все дѣло производится частнымъ обществомъ, гораздо труднѣе было пріискать средство къ открытію, нежели въ Англіи. Всего любопытнѣе и поучительнѣе для иностранцевъ земледѣльческія орудія Америки и другіе ремесленные инструменты. Молотильныя и сѣяльныя машины проще, легче и больше производятъ работы, нежели европейскія. Самые плуги применены къ разнымъ почвамъ, и превосходятъ не только знаменитые фландрскіе и брабантскіе, но англійскіе и шотландскіе. То же можно сказать объ американскихъ боронахъ, косахъ, вилахъ, грабляхъ, и пр. Всего проще и удобнѣе для практики пожарныя ихъ трубы. Съ немногимъ числомъ людей дѣйствуютъ онѣ лучше и скорѣе, нежели тяжелыя европейскія, а особливо германскія.

Надписи въ Синайской долинѣ и египетскіе іероглифы.—Англійскій теологъ Форстеръ, собравъ множество надписей, сдѣланныхъ на

скалахъ Синайской горы, открыты въ этихъ надписяхъ не только слѣды перехода Израилитянъ по пустынѣ, но и познакомили съ языкомъ, вынесеннымъ Евреями изъ древняго Египта. По мнѣнію его, самые древніе законы были начертаны на томъ-же древнемъ діалектѣ. Въ Талмудѣ уже замѣчено, что начальное слово ихъ не обыкновенное еврейское мѣстоименіе *Анн*—я, но египетско-еврейское *Анохи*, или коптское *Анхл*.

Въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи (*The one primeval Language*) Форстеръ представилъ новыя доказательства своихъ изслѣдованій. Въ известной надписи на розетскомъ камнѣ нашелъ онъ тотъ же языкъ, какъ и на синайскихъ скалахъ. Онъ вовсе иначе объясняетъ розетскую надпись. Мнѣніе Шампольона давно уже оставлено. Ленсіусъ первый опровергъ его,—и Французы приняли его объясненія. Онъ нашелъ, что іероглифы составляютъ такую же полную азбуку, какъ греческая надпись; эта азбука имѣетъ много сходства съ греческой, еврейской, эоійской, или гаміаритійской. Слова іероглифическаго текста содержать въ себѣ полный смыслъ изобразительнаго языка, согласный съ греческою надписью. Самыя же изображенія не что-иное, какъ вышшія иллюстрація.

Знаменіе обличія. — Вѣтра. — Свѣтлостію. — Женитѣли. — Ни одинъ Японецъ, ни мужчина, ни женщина, не могутъ обойтись безъ вѣтра, держа его всегда въ рукѣ, или повѣсивъ у пояса. Даже солдаты и жрецы ходятъ съ вѣтрами. Гости принимаютъ предлагаемыя имъ лакомства на вѣрѣ. Нищій протягиваетъ вѣрѣ, прося милостыню. Японскій фронтъ играетъ вѣромъ, какъ европейскіе палочкою. Учителю служить онъ вмѣсто прута. Преступникъ знатнаго рода получаетъ извѣстіе о близкой казни посредствомъ особенно сложенаго вѣра. Во-время же казни, въ ту минуту, какъ онъ протягиваетъ голову къ вѣру, она отсѣкается.

Если Японецъ влюбится въ дѣвушку, то привѣшиваетъ къ дверямъ ея вѣтку *Celastrus Aleatus*. Если дѣвушка оставляетъ ее завядшею, то значитъ она нечувствительна къ своему обожателю. Если-же отвѣчаетъ на любовь его, то тотчасъ же краситъ себѣ зубы черною краскою. Вышшее доказательство любви—выдергиванье бровей—откладывается до дня брака.

Бракъ долженъ быть между людьми одинаковаго состоянія, иначе онъ постыденъ. Общественное положеніе женщины въ Японіи лучше, нежели въ остальныхъ восточныхъ странахъ. Ихъ не забираютъ въ гаремы и онѣ участвуютъ во всѣхъ семейныхъ праздникахъ, принимая гостей. Цѣломудріе ихъ находится подъ покровительствомъ собственнаго чувства чести и страха смертной казни, неминуемо слѣдующей за каждое нарушеніе супружеской вѣрности.

Въ образованности женщины не уступаютъ въ Японіи мужчинамъ. Японская литература имѣетъ много знаменитыхъ писателей.

Но если общественная жизнь женщинъ здѣсь въ почетѣ, то по смыслу законовъ она самая незначительная. Во всю жизнь свою находятся онѣ подъ опекою своихъ родственниковъ, не имѣютъ никакихъ судебныхъ правъ, и не принимаются въ свидѣтели. Мужъ имѣетъ неограниченное право на разводъ, тогда какъ жена никогда не можетъ просить объ этомъ.

Американскіе денди. — Одинъ путешественникъ описываетъ слѣдующимъ образомъ ньюіоркскихъ *любовъ*: «Одно изъ печальнѣйшихъ послѣдствій денежной аристократіи въ Соединенныхъ Штатахъ то, что молодые люди этого сословія почитаютъ своею обязанностью ничего уже не дѣлать на свѣтѣ и всѣмъ надобѣдать. Дѣятельность молодости своей употребляютъ они сперва на то, чтобы обрыскать Лондонъ, Парижъ, Баденъ-Баденъ. Насладясь трактирною жизнью, возвращаются они уже въ двадцать-пять лѣтъ съ полнымъ разочарованьемъ жизни. Все имъ прискучило, все надобѣло. Имъ кажется, что они все уже видѣли, все испытали. Видѣвши за деньги все лучшее въ Европѣ, они бросаются теперь въ водоворотъ народной жизни въ своемъ отечествѣ, посѣщая устричныя лавки, погреба, харчевни и занимаясь билиардною и кегельною игрою. Самолюбіе ихъ не знаетъ предѣловъ. О чемъ ни заговори, они все знаютъ. Но главный пунктъ всезнанія ихъ состоятъ въ томъ: сколько Ира Гичкокъ сдѣлала средъ шаровъ на билиардѣ, или сколько Андрю Томкинсъ повалилъ кеглей при послѣднемъ пари.

Нарядъ этихъ франтовъ самый фантастическій и безвкусный. Широія шаравары изъ шотландской матеріи самыхъ яркихъ цвѣтовъ; такіе же точно жилеты до колѣнъ; шляпа надѣта на затылокъ; палка толстая, какъ геркулесова дубина, или тоненькая, какъ вязальная игла. Впрочемъ, они обыкновенно смиренны и не буянятъ; только изрѣдка, схватясь человекъ двѣнадцать подъ руки, гуляютъ они по публичнымъ мѣстамъ и заставляютъ порядочныхъ людей сворачивать съ дороги; но при малѣйшемъ спорѣ, шумѣ, или угрозѣ—они сами расходятся, чрезвычайно дорожа своею красотою, которую неучтивые соотечественники ихъ могутъ тотчасъ же изуродовать.

Всего несвободѣе они для женщины. Если дѣвушка идетъ одна, то за нею таятся цѣлая гурьба львовъ, преслѣдующихъ ее самыми глупыми насмѣшками и островами. Но если эта дѣвушка встрѣтитъ знакомаго и начнетъ ему жаловаться на негодьявъ,—всѣ денди тотчасъ же разбѣгаются.

Счастье приходитъ иногда и во снѣ, но главному сыну во снѣ неменьше богачество. — Одинъ изъ калифорнскихъ золотопромышленниковъ, сынъ *зеленой, счастливой* Ирландіи, очень дѣятельно и трудолюбиво работаетъ

всѣмъ день на розсыпяхъ,—и добывалъ не менѣе другихъ золота. Но у него рѣдко было въ карманѣ два—три доллара. Какъ добрый другъ и соотечественникъ, оставлялъ онъ ежедневную свою заработку въ одномъ шинкѣ, гдѣ хозяиномъ былъ ирландецъ, у котораго былъ большой запасъ лучшаго *джемну* и *виски*.

Однажды добылъ онъ золота больше обыкновеннаго,—слѣдственно, и его догнѣ, ему слѣдовало больше и выпить. Онъ въ точности это исполнилъ, — и еще добросовѣстнѣ заплатилъ золотымъ пескомъ. Но при всемъ грузѣ своей отяжелѣвшей головы, онъ понялъ однакоже, что надобно идти ночевать домой.

Вадумано, — сдѣлано. Не совсѣмъ вѣрными шагами отправился онъ изъ шинка домой; но какъ ночь была очень темна, то мудрено-ли было ирландцу правую руку принять за лѣвую, — и вмѣсто улицы, въ которой жилъ, попасть за городъ, въ дѣсь? Хозяинъ, запирая двери шинка, видѣлъ, правда, что гость его ошибся, но не хотѣлъ мѣшаться въ чужія дѣла.

Самому ирландцу странно конечно казалось, что около него кружатся деревья;—но если имъ хочется дѣлать это, подумалъ онъ, какое право имѣю я мѣшать имъ въ этомъ занятіи. Еще страннѣе показалось ему, что онъ, чтобъ дойти до своей кровати, долженъ былъ взбираться на какую-то крутую гору,—но онъ подумалъ, что если кровати его вадумалось сыграть съ нимъ такую шутку, то его дѣло было найти ее, гдѣ бѣ она ни была.

Смѣшнѣе всего показалось ему то, что онъ, цѣпляясь нѣсколько времени по какимъ-то утесамъ, вдругъ оборвался и полетѣлъ внизъ. Но тутъ только понялъ онъ всю шутку. Онъ попалъ на что-то мягкое, и хотя отъ воздушнаго полета его немножко встряхнуло, но онъ догадался, что дѣйствительно лежитъ на своей кровати,—и очень спокойно уснулъ.

Проснувшись, онъ чрезвычайно удивился, увидя себя въ какой-то горной расщелинѣ, слабо освѣщаемой свѣтомъ. Долго не могъ онъ припомнить, гдѣ вчера былъ и какъ сюда попалъ; но какъ всѣ размышленія не вели ни къ чему, а надобно было вылезать изъ ямы, то онъ и сталъ придумывать средства къ этому,—иваче ему предстояла весьма невѣроятная перспектива: не ѣсть и не пить виски до-тѣхъ-поръ, пока не выберется изъ трущобы.

Ощупавъ у себя складной ножъ (безъ котораго золотопромышленникъ нигде не ходитъ) онъ рѣшился дѣлать имъ въ скалѣ углубленія, чтобъ ставя ноги и хватаясь руками, выбраться наконецъ изъ расщелины. Эта работа была довольно продолжительная, но не трудная. Размѣривъ глазами высоту расщелины, онъ догадался, что часа черезъ два выйдетъ на свѣтъ Божій...

Вдругъ, раскапывая себѣ одно углубленіе, увидѣлъ онъ, что ножъ его попалъ на твердое, желтое, блестящее тѣло... О счастье! вскричалъ онъ, — это золото, это самородокъ!

Какъ ни торопился онъ добраться до верха, но потрудился выкопать себѣ около 4-хъ унцій этой бездѣлки, — и радостно побѣждалъ съ

всю опять въ свой шивокъ. На этотъ разъ, онъ уже пропилъ не все, а раньше пошелъ спать домой, чтобъ раньше утромъ опять пуститься въ свою развѣлку.

Здѣсь въ короткое время вырылъ онъ золота на 6000 долларовъ и пересталъ ходить по вечерамъ въ прежній шивокъ: ему понравилось другое заведеніе. Видя, что судьба ему такъ благопріятствуетъ и что онъ нашелъ неисчерпаемый источникъ богатства, ирландецъ разсудилъ, что судьба непремѣнно дастъ ему случай удесатерить свое золото, въ игорномъ домѣ. Онъ ежедневно сталъ ходить въ другой шивокъ, гдѣ золотопромышленники проводили ночи за картами и востаями, и съ величайшею точностію и всякую ночь проигрывалъ все то, что выкапывалъ днемъ.

Наконецъ однажды, прийдя въ свою завітную развѣлку, съ ужасомъ увидѣлъ онъ, что она уже занята другими, и что онъ слишкомъ слабъ, чтобъ ихъ оттуда выгнать. Горестно покачалъ онъ головою, задумчиво пошелъ обратно въ городъ, безотчетно пришелъ въ гавань, и какъ тутъ требовали людей для переноски товаровъ, то онъ рѣшился заняться этою работою, которую и до-сихъ-поръ очень удачно продолжаетъ.

Растеніе Aegilops. — Нѣкто Фабръ, занимающійся садоводствомъ, видя чрезвычайное множество растенія, называемаго ботаниками Aegilops и растущаго по берегамъ Средиземнаго-моря безо всякой пользы, задумалъ посѣять сѣмена его у себя въ саду, полагая, что, можетъ-быть, растеніе отъ искусственнаго воздѣлыванія намѣнится и улучшится. Дѣйствительно, на первый годъ получилъ онъ зерна хорошаго мучнаго свойства, близко подходящія къ пшеницѣ. Онъ сѣялъ нѣсколько грядъ этими новыми зернами, и на слѣдующій годъ порода ихъ еще болѣе улучшилась. Годъ за годомъ дошелъ онъ наконецъ, чрезъ пять лѣтъ, до того, что зерна эти уже нѣсколько не уступали пшеницѣ. Послѣ этого онъ уже сѣялъ ихъ въ поле. Прекрасно, если только все это правда!

Соляные и огненные колодецы въ Шятингъ (въ Китаѣ). Въ округѣ Се-чу-ань, близъ Кіа-тингъ-чеу (29° 27' сѣв. шир., 12° 33' запад. долг. отъ Пекина) на пространствѣ пяти или шести часовъ, находится нѣсколько тысячъ соляныхъ ключей, искусственно пробуривленныхъ. Каждый зажиточный человекъ выкапываетъ себѣ одинъ, или нѣсколько колодецевъ, изъ которыхъ каждый приноситъ по 1200—1500 талей (талей стодитъ до 2-хъ руб. сер).

Бурованіе этихъ колодецевъ производится совершенно иначе противъ европейскаго способа. Китайцы производятъ всѣ свои работы медленно и въ маломъ размѣрѣ; въ большомъ масштабѣ они ничего

не предпринимаютъ. Постоянство и терпѣніе ихъ приводитъ одинаково къ той же самой цѣли.

Они не знаютъ, что можно порохомъ взрывать сналы, и одинаково всѣ ихъ колодезь просверлены сквозь кремнистые слои. Нѣкоторые изъ этихъ колодезей имѣютъ до 1800 футовъ глубины, но въ диаметръ не больше шести дюймовъ.

Сверленіе производится слѣдующимъ образомъ. Сперва втыкаютъ въ верхній слой земли деревянную трубу длиною отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ, сверху которой вставляютъ обтесанный камень, имѣющій отверстіе отъ пяти до шести дюймовъ. Послѣ чего начинаютъ дѣйствовать на эту трубу стальною бабою отъ 300 до 400 фунтовъ вѣса. Эта баба внутри пуста, а снизу округлена. Работникъ, находящійся на подстроенныхъ козлахъ, приводитъ бабу въ движеніе посредствомъ рычага, приподнимая ее на два фута и опуская всю тяжесть на трубу. По временамъ вливаютъ нѣсколько ведръ воды въ слѣвавшее въ землѣ отверстіе для смягченія камня и превращенія земли въ кисель. Баба повѣшена на веревкѣ толщиною въ палецъ, но по крѣпости не уступающей нашимъ струнамъ изъ толстыхъ жилъ. Къ этой же веревкѣ прикрѣпленъ треугольникъ, служащій ватерпасомъ для направленія ударовъ перпендикулярно. Двемъ смѣняются въ этой работѣ только двое работниковъ: на ночь поступаютъ новые два.

Когда трубу вколотили на три дюйма, то бабу вынимаютъ посредствомъ большаго цилиндра. Впрочемъ кремнистая почва не сложная. Часто встрѣчаются слои глины, или угля. Тутъ уже работа становится затруднительною. Сопротивленіе ударамъ сверху дѣлается слабѣе, и при малѣйшемъ изломеніи буравленія отъ перпендикулярной линіи вся работа вихуда негодится; надобно снова начинать ее въ другомъ мѣстѣ.

Иногда ломается толстое желѣзное кольцо, на которомъ виситъ баба. Тогда надо употребить снова пять, шесть мѣсяцевъ, чтобъ новою бабою разбить старую и превратить ее въ кисель.

Если кремнистая почва благопріятна, то въ сутки сверлятъ ее на два фута глубины. Покуда же пробурываютъ до воды, проходитъ не мѣняе трехъ лѣтъ. Когда надобно поднять воду, то опускаютъ въ колодезь бамбуковую трость въ 2 $\frac{1}{2}$ фута длины, съ клапаномъ на концѣ, какъ скоро бамбукъ достигнетъ поверхности воды, то сильный работникъ беретъ за веревку и тянетъ ее. При каждомъ движеніи веревки клапанъ открывается и вода поднимается въ трость. Какъ скоро бамбукъ наволнитъ водою, трубу буравленія поднимаютъ къ верху посредствомъ цилиндра, приводимаго въ движеніе нѣсколькими быками.

Вода эта сильно напитана солью; испарившаяся даетъ до 20 и даже до 25% соли съ селитрою. Кто не куритъ (но въ Китаѣ почти всѣ курятъ), тотъ отъ употребленія этой соли скоро теряетъ зубы; шны слѣпнуть, другіе гложутъ, у третьихъ дѣлается воспаленіе въ горлѣ. Для излеченія этихъ большихъ надобно только употреблять морскую соль, получаемую изъ Кантона, или Тонгъ-Конга.

Газъ, развивающійся изъ этихъ колодезей, легко воспламеняется.

Если въ то время, когда вода поднимается въ бамбуковой трости вверх, полнестію въ отверстію колодца горящій факелъ, то поднимается огненный столбъ въ 20—30 футовъ, и при громовомъ грохотѣ, съ быстротою молніи истребляетъ все вокругъ.

Есть колодцы, которые не даютъ соеной воды, а одиъ воспламеняющійся газъ. Ихъ закрываютъ бамбукомъ и посредствомъ этого тростника проводятъ этотъ газъ куда угодно, зажигая его восковою свѣчею. Тогда этотъ газъ горитъ синеватымъ огнемъ, струею въ 4 дюйма длинны и одиъ ширины.

Впрочемъ огненные колодцы по близости соляныхъ незначительны; они даже не даютъ столько огня, чтобъ вываривать соль. Главные подобныя колодцы находятся на разстояніи сорока часовъ отъ Кіатинга къ Це-лье-цингу.

Для выварки соли употребляютъ чугуныя котлы въ пять футовъ объема, но только въ четыре глубины, и въ одиъ толщины. Около котла становятся другіе сосуды, изъ которыхъ подливаютъ въ котелъ воду. Котелъ до-тѣхъ-поръ стоитъ на огнѣ, покуда соль превратится въ твердое тѣло. Такой кусокъ соли вѣситъ болѣе 200 фунтовъ. Огонь до того силенъ при этомъ, что котелъ раскаляется до красна, а вода выбрасываетъ пузыри въ 8—10 дюймовъ. Если соль вывариваютъ огнемъ изъ газовыхъ колодцевъ, то пузыри еще больше и сильнѣе, — и котлы скоро отъ нихъ прогораютъ.

Для выварки изъ всѣхъ этихъ колодцевъ, нужно конечно много угольевъ, но они здѣсь въ изобиліи. Только добываніе ихъ очень опасно, потому-что въ угольныя копи нельзя ходить съ огнемъ, чтобъ не произвести взрыва отъ воспламененія газовъ. Работники добываютъ ихъ въ потемкахъ, ощупью, употребляя однакоже гнилушки дерева со смолою. Эта смѣсь нѣсколько освѣщаетъ безъ пламени.

При буровленіи встрѣчаютъ часто смолистое масло, горящее на водѣ и дурнаго запаха. Китайцы употребляютъ его для освѣщенія дворовъ, или для обжиганія подводныхъ камней на рѣкахъ.

Замѣчательная долина въ Сѣверной Америкѣ. — Правительство Соединенныхъ Штатовъ употребляетъ значительныя суммы на геологическія съемки. Недавно вышла книга «Report of a Geological Survey of Wisconsin, Iowa and Minnesota г. Овена», составляющая сводъ изысканій многихъ извѣстныхъ геологовъ. Изысканія эти обнимаютъ пространство отъ 35° до 49 сѣв. широты и отъ 79°39' до 96°30' зав. долготы, то-есть площадь въ 750 миль длинны и 250 ширины.

Весьма любопытно, между-прочимъ, описаніе *безплодныхъ земель* г. Эвенса. Они составляютъ у верховьевъ Миссури пространство въ 30 миль ширины и 90 длинны, по направленію къ такъ-называемымъ *Мрачнымъ-гораамъ*. Самая низменная часть этой долины находится на 300 футовъ ниже морскаго уровня и едва прикрыта небольшою травою. Главная замѣчательность этой весьма углубленной долины состоитъ въ

томъ, что она поврыта тысячами врытыхъ, неправильныхъ, столпообразныхъ массъ или неправильныхъ пирамидъ, отъ 100 до 200 футовъ вышины. Эти возвышенности такъ плотно стоятъ одна подлѣ другой, что вутникъ съ трудомъ пробирается между ними, какъ въ лабиринтѣ тѣсныхъ улицъ какого-нибудь стариннаго города. Издали кажутся эти пирамиды искусственными, но вблизи представляютъ одну дикую, пустынную природу.

Жаръ въ этой долинѣ нестерпимъ, потому-что тамъ никогда воздухъ не прохладается вѣтромъ. Но геологи мужественно переносятъ все, потому-что въ этихъ курганахъ находятъ множество остатковъ допотопныхъ животныхъ такихъ эпохъ, которыя предшествовали существованію мамонтовъ и мастодонтовъ. По этимъ остаткамъ видно, что организмы этихъ животныхъ были самыя удивительныя и разнообразныя, соединяя въ себѣ принадлежности многихъ нынѣшнихъ породъ вѣстѣ. Изображенія всѣхъ этихъ животныхъ приложены при книгѣ Овена.

Новыя желѣзныя дороги въ Сѣверной Америкѣ. — Открыть новый путь черезъ горныя тѣсныя, посредствомъ котораго изъ Альбукерка (въ Новой Мексикѣ) можно въ 25 дней доѣхать, съ нагруженными поездами, въ Санъ-Франсиско. Вѣроятно здѣсь же будетъ проведена и желѣзная дорога, какъ по кратчайшему пути. Есть и другой планъ: хотѣть провести сѣверную желѣзную дорогу изъ Ювы или Миннезотты къ Тихому-океану. Составлена уже коммиссія для изслѣдованія этого пути.

Печное приключеніе (разсказъ нѣмецкаго нѣоціанта). — Я разскажу вамъ одно происшествіе изъ моей жизни, которое имѣло весьма важныя послѣдствія на всю мою жизнь и которое совершенно измѣнило мой характеръ, отучивъ меня отъ всякой торопливости и необдуманности, тогда какъ я до-тѣхъ-поръ считался въ кругу своемъ самой отчаянной головою. До-тѣхъ-поръ я всегда торопился, сперва дѣйствовалъ, а послѣ уже обдумывалъ. Всѣ неудачи, случившіяся со мною, не исправляли меня, и мнѣ предсказывали, что я состарѣюсь и все буду опрометчивъ. И однакоже всѣ неожиданно ошиблись: происшествіе, о которомъ я сейчасъ разскажу, вдругъ измѣнило всѣ мои идеи и сдѣлало меня человѣкомъ разсудительнымъ.

Начну, однакоже, съ начала. Я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, когда родители мои умерли. Они были бѣдны, и я лично былъ единственнымъ наслѣдствомъ, оставшимся послѣ нихъ. Они завѣщали пожеланіе обо мнѣ отдаленному родственнику моей матери, майору Лейбусу, жившему уже на пенсіонѣ и взявшему меня къ себѣ въ домъ. Не знаю, почему у меня не было ближайшей родни. Вѣрно судьбою было уже мнѣ назначено вести скитальческую жизнь.

Опекунъ мой и воспитательъ былъ по мнѣ очень хорошо расположенъ. Онъ былъ добрый, спокойный, безпечный старикъ, исправно платившій за меня въ школу и дававшій мнѣ карманныя деньги, предоставляя все остальное случаю. Впрочемъ, онъ точно также поступалъ бы и съ собственнымъ своимъ сыномъ, еслибъ судьба дала ему сына. Онъ поступалъ также и съ единственною своею дочерью Лаурою, которую можно было назвать чуднымъ ребенкомъ. Чѣмъ менѣе онъ объ ней заботился, тѣмъ милѣе, добрѣе и ласковѣе она дѣлалась. Она была душою всего дома; когда же подросла, то сдѣлалась полною хозяйкою. Самая же маіорша ничѣмъ не занималась. Она была одарена такою безпечною натурою, что могла быть хорошею компаньонкою, но не хозяйкою. И однакоже, всѣ любили ее за доброту, тихій нравъ и любовь ко всему изящному. Никто не заботился о ней, никто не зналъ никогда, дома ли она, или ушла со двора; но когда всѣ собирались около нея, она была средоточіемъ всеобщей привязанности, несмотря на то, что у нея не было двухъ послѣдовательныхъ идей въ головѣ. Это я говорю потому, что почитать всегда несправедливымъ предразсудкомъ мысль, что незначущіе и безхарактерные люди не могутъ быть любимы въ семействахъ.

Не удивляюсь впрочемъ, что я всегда и во всемъ торопился. Это было предчувствіе, что мнѣ самому придется прокладывать себѣ дорогу въ жизни. У маіора было очень ограниченное состояніе. Доходами съ него и своею пенсіею жилъ онъ довольно прилично, и хотя пенсія со смертію его прекращалась, или, по-крайней-мѣрѣ, до половины убавлялась, но Лаура могла еще кое-какъ жить; зато я не могъ уже ни на что надѣяться, хотя въ младенческихъ мечтахъ своимъ никто не былъ богаче и роскошнѣе меня. Эти мечты содѣйствовали къ всегдашней моей веселости и самоувѣренности, составлявшимъ главную основу моего характера. Я жилъ весело и беззаботно, не помышляя о завтрашнемъ днѣ. Напрасно добрая маіорша побранивала меня за эту беззаботность, напрасно Лаура упрекала меня, и даже старшій маіоръ иногда сердился на это, я давалъ имъ полную свободу браниться, не измѣняя всегдашней моей улыбки, и черезъ минуту всѣ мы опять были дружны, потому-что всѣ мы не могли сердиться долго другъ на друга.

Такъ жили мы душа въ душу. Но насталъ, наконецъ, день разлуки. Я выросъ, и по силѣ мускуловъ могъ, пожалуй, идти въ носидьщики, чтобъ доставать себѣ пропитаніе. Но, слава Богу, этого неуживо было. Я приготовился быть купцемъ, хотя маіоръ твердилъ мнѣ часто, что мнѣ бы очень присталъ военный мундиръ. Мнѣ достали мѣсто прикащика одного гамбургскаго дома въ Барселонѣ, и въ одинъ прекрасный день я отправился въ море, выслушавъ сперва поучительную рѣчь Лауры, съ аккомпаниментомъ слезъ, принявъ благословеніе маіорши и трогательный поцѣлуй маіора.

Быстро прошли четыре года. Я еще выросъ, и былъ уже совершенный мужчина, по-крайней-мѣрѣ по росту. У меня были уже усы и бакенбарды. Въ рукахъ своихъ я чувствовалъ силу цѣлой арміи.

Какъ вдругъ дождь, въ которомъ я служилъ, преиратилъ свои платежи. Чтѣ мнѣ было начать? Я въ это время не выучился откладывать денегъ на черный день. Маіору я не хотѣлъ быть въ тягость, и очутился безо всякой помощи въ чужой землѣ. Веселость моя конечно не исчезла отъ этого. «Богъ не оставитъ меня!» сказала я.

И дѣйствительно, едва я успѣлъ отправить маіору письмо о переѣвѣ моихъ обстоятельствъ, какъ въ Барселонѣ прибылъ американскій торговый корабль *Анна Джаксонъ*, съ шкиперомъ котораго, капитаномъ Спейкомъ, я познакомился при прежнихъ его прѣздахъ въ Барселону, гдѣ онъ имѣлъ торговые дѣла съ моимъ хозяиномъ. Узнавъ о моемъ несчастіи, Спейкъ настоятельно требовалъ, чтобъ я отправился съ нимъ, и я, по беззаботной своей натурѣ, тотчасъ же, безъ малѣйшаго раздумья согласился на это.

Я поѣхалъ на *Аннѣ Джаксонъ*, которая въ Хересѣ и Кадиксѣ взяла еще грузъ вина, и вскорѣ прибылъ въ Нью-Йоркъ, гдѣ по просьбѣ Спейка хозяинъ корабля опредѣлилъ меня подшкиперомъ.

Съ этимъ кораблемъ совершилъ я еще путешествіе въ Опорто, Кадиксѣ и Мадеру, а оттуда въ Ріо-Жанейро, Яву и Суматру, Кантонъ и Маниллу. Послѣ двухъ-лѣтнихъ поѣздокъ въ Австралію и Полинезію чрезъ Вальпарайсо и около мыса Горна, я возвратился опять въ Нью-Йоркъ. Здѣсь нашелъ я цѣлый пукъ писемъ изъ родины въ отвѣтъ на разныя мои посланія изъ всѣхъ частей свѣта.

Въ судьбѣ моей предстоялъ переворотъ. Маіоръ требовалъ, чтобы я возвратился въ отечество, гдѣ хотѣли мнѣ достать приличное мѣсто въ одной конторѣ банкира. Лаура написала мнѣ, что прѣздъ мой въ особенности нуженъ для отца ея, а маіорша объясняла мнѣ эти таинственныя слова, говоря, что Лаура скоро выйдетъ замужъ. Я чрезвычайно обрадовался этому, зная, что выборъ Лауры не можетъ быть дуренъ и что мужъ ея будетъ вполне счастливъ. Хотя для самолюбія моего нѣсколько и прискорбно было возвратиться на родину не составивъ себѣ состоянія, но я повиновался волѣ маіора, взялъ увольненіе отъ своего хозяина (который очень неохотно отпускалъ меня), и сѣлъ на ливерпульскій пароходъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ я уже былъ на родинѣ. Пароходъ нашъ пришелъ уже ночью. Я сошелъ на берегъ, оставя въ конторѣ до утра все мои вожитки. По письмамъ маіора, зналъ я, что онъ переѣхалъ на другую квартиру; но какъ каждый домъ въ городѣ, былъ мнѣ знакомъ, то я смѣло пошелъ по улицамъ, по известному мнѣ адресу. Новое жилище маіора было на краю города, гдѣ во-время моего отсутствія успѣли уже выстроить нѣсколько красивыхъ домовъ. Но я хорошо зналъ мѣстность, и несмотря на темноту, тотчасъ же узналъ по описанію самый домъ и позвонилъ въ колокольчикъ. Съ минутою никто не отворялъ.

Въ груди моей было столько чувствъ, а такъ нетерпѣливо ждалъ радостнаго свиданія, что мнѣ почти хотѣлось сломать двери. Вдругъ я увидѣлъ, что подлѣ подъѣзда есть и ворота, которыя вели во дворъ, а можетъ-быть и въ садъ. Постой! подумалъ я, надобно нечаянно

застать, изъ войдя въ заднюю дверь. Вдумано, слѣзано. Въ минуту очутился я на дворѣ, у задней калитки, но и та была заперта. Въ нижнемъ этажѣ надворнаго фасада былъ въ одномъ окнѣ свѣтъ, я заглянулъ туда. Комната была пуста. Повидимому это была столовая, потому-что на столѣ лежали разбросанныя серебряныя ложки, вилки и ножи, и горѣла лампа.

Нечаянно опершись въ окно, почувствовалъ я, что оно растворяется. Прекрасно! подумалъ я. Влезу и явлюсь загорѣлымъ отъ солнца привидѣніемъ. Какъ закричатъ дѣвушки! Какъ испугается осторожная Лаура, когда я ей поднесу цѣлый серебряный приборъ, оставленный со всѣмъ сервизомъ на произволъ проходящихъ. Однимъ-словомъ, я былъ уже въ комнатѣ, заперъ окно, взялъ серебряный приборъ въ карманъ, и заранѣе смѣялся, какую вотацію прочту Лаурѣ.

Вдругъ услышалъ я стукъ отпирающейся или запирающейся двери на лѣстницѣ. Не знаю, чего я испугался, но самъ вышелъ въ сѣни, чтобъ меня не застали въ этой комнатѣ. Въ сѣняхъ было нѣсколько дверей, и я попробовалъ ихъ всѣ: ни одна не отпиралась. Но въ верхнемъ этажѣ слышалъ я шумъ голосовъ. Желая тихонько подкрасться къ бесѣдѣ, я вошелъ вверхъ по лѣстницѣ, слабо освѣщенной фонаремъ, горѣвшимъ въ сѣняхъ. Но въ то мгновеніе, какъ я входилъ на площадку, вышла изъ одной комнаты нижняго этажа горничная, которая увидѣвъ меня, вдругъ отскочила, закричала и исчезла.

Въ два прыжка взбѣжалъ я въ самый верхъ по лѣстницѣ и вошелъ въ первую комнату, которая мнѣ попалась по дорогѣ. Тутъ вскорѣ услышалъ я тревогу во всемъ домѣ. Всѣ бѣжали по лѣстницѣ внизъ со свѣчами; одинъ мужской голосъ сердился и кричалъ, нѣсколько дѣвичьихъ голосовъ умоляли о чемъ-то, горничная плакала и оправдывалась. Значитъ маіоръ узналъ уже о пропажѣ серебра, подумалъ я, и бранить горничную...

Мало-по-малу голоса утихли, шумъ прекратился; я слышалъ стукъ запираемыхъ дверей и ставней. Голосъ мужчины приказывалъ запереть и ворота, а ключи отдать ему. Послѣ этого услышалъ я опять шаги его по лѣстницѣ, но на этотъ разъ онъ только смѣялся надъ страхомъ горничной, которой почудился небывалый воръ, тогда какъ всѣ двери заперты.

По голосу говорившаго узналъ я, что это былъ не маіоръ. Это ставило меня смутиться. Голосъ говорилъ повелительно. Тутъ я сталъ обдумывать, точно ли я въ квартирѣ маіора? Домъ казался мнѣ слишкомъ обширнымъ и богатымъ, а маіоръ писалъ мнѣ, что занимаетъ только четыре комнаты. У него никогда не было ковровъ, а тутъ они были и по лѣстницѣ и во всѣхъ комнатахъ. Притомъ же у него не было такого серебрянаго сервиза...

Теперь только я понялъ, что ворота подлѣ подъѣзда принадлежали другому дому, и что я попалъ вовсе не туда. Со страхомъ осмотрѣлся я, и при полусвѣтѣ лунной ночи увидѣлъ, что нахожусь въ роскошномъ будуарѣ. Лихорадочная дрожь пробѣжала по жиламъ моимъ: Судорожно схватился я за свой карманъ, въ который положилъ серебря-

ный приборъ; онъ мнѣ теперь казался тяжелѣе центнера. Напрасно я убѣждалъ себя, что у полѣзда, гдѣ я звонилъ, прибита была жестяная бляха съ фамиліею маіора; напрасно придумывалъ, что мужской голосъ, который я слышалъ, можетъ-быть, принадлежалъ жениху Лауры и, можетъ-быть, по этому случаю видно въ домѣ больше роскоши,—всѣ эти доводы нисколько не успокаивали меня. Быстро выхватилъ я роковой приборъ и сталъ ощупывать пальцами вырѣзанный вензель (видѣть его не могъ я въ темнотѣ). Отъ этого зависѣла участь моя. Но пальцы мои дрожали, и мнѣ казалось, что въ нихъ потеряно всякое чувство осязанія. Мнѣ только показалось что въ вензелѣ больше буквъ, нежели въ фамиліи маіора... Я подошелъ къ окну. На улицѣ горѣлъ фонарь, но несмотря на всѣ мои усилія ни одинъ лучъ не падалъ на мою сторону. Я вспомнилъ о фонарѣ въ сѣняхъ... Тихо растворилъ я дверь... Въ домѣ царствовала глубокая тишина... Какъ настоящій воръ прокрадся я внизъ, ступенька за ступенькою, слыша при этомъ самъ, какъ сердце мое бьется отъ страха и какъ несчастный приборъ звенитъ отъ лихорадочнаго дрожанія. Голова моя кружилась... но я добрался до фонаря, взглянулъ на роковой вензель и ясно увидѣлъ буквы: F. W. L., а надъ ними баронскую корону.

Я едва не упалъ въ обморокъ. Всѣ двери кругомъ были закрыты. Спасеніе было невозможно. Какъ убитый потащился я опять вверхъ по лѣстницѣ, съ трудомъ держась за перила, потому-что ноги подгибались подо мною. Тихо вошелъ я опять въ прежнюю комнату; ошущю добрался до креселъ и безъ чувствъ упалъ въ нихъ. Біеніе сердца и пульса моего были такъ сильны, что мнѣ казалось весь домъ сбѣжитъ на этотъ стукъ. Какая-то тяжесть давила грудь мою. Потъ крупными каплями выступалъ на лбу.

Но что же я въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлалъ? Бездѣлицу! Влезъ въ окно, утащилъ серебряный приборъ, и сидѣлъ теперь запертый со всѣхъ сторонъ. Какую фигуру буду я представлять завтра поутру, подумалъ я? Что я буду отвѣчать хозяйну? Повѣритъ ли онъ словамъ моимъ? Я хотѣлъ дескать пошутить... Очень милая шутка! Украсть приборъ!.. Меня отведутъ въ полицію... Но я честный человекъ... я только влезъ въ чужой домъ и унесъ серебряный приборъ... Полиція! полиція!..

Голова моя трещала, въ глазахъ медькали какія-то привидѣнія. Разсудокъ отказался служить мнѣ; я могъ сослаться на ошибку, на родство съ маіоромъ, на желаніе явиться печально... Поведеніе мое было всегда безукоризненно... Да и на что мнѣ былъ приборъ?.. Все это хорошо, если объ этомъ судить въ пріятельской бесѣдѣ, но хозяйнѣ .. но полиція!

Я съ отчаянія заплакалъ, предвидя послѣдствія, не обвиненія моего, а гласности дѣла... Въ это мгновеніе чьи-то шаги раздались по лѣстницѣ... Холодный потъ выступилъ на лицѣ моемъ, я почувствовалъ какое-то головокруженіе и ожидалъ какъ бы смертельнаго удара. Но шаги затихли, все замолкло, и я опять упалъ въ свои кресла.

Черезъ нѣсколько минутъ опять посылались шаги и голоса на

лѣстницѣ, въ снѣгахъ; повертывали ключи, продѣлали засовы, тушили фонарь... Еще минута, и все окончательно затихло.

Страшны были мнѣ шаги и голоса, но теперь еще страшнѣе казалось мертвое молчаніе. И однакоже, теперь только могъ я подумать о бѣгствѣ. Прежде всего хотѣлось мнѣ опять отнестись несчастный приборъ на мѣсто, гдѣ я его взялъ. Для этого надобно мнѣ было, правда, спуститься по лѣстницѣ и отыскать столовую, но я отдохнулъ, уснокомлся и пустился въ опасный путь.

Дверь заскрипѣла, когда я отворилъ ее, а приборъ зазвенѣлъ въ моемъ карманѣ. Однакоже я тихо шагъ за шагомъ спустился по лѣстницѣ въ снѣгъ... перепробовалъ всѣ двери... онѣ всѣ были заперты!.. Рѣшено!.. Я не могъ сбѣжать съ рукъ украденныхъ вещей... Ощущенью почувствовалъ я на поворотѣ лѣстницы, что она еще идетъ въ подвалъ. Машинально спустился я туда, но и тамъ дверь была заперта...

Съ отчаяніемъ въ душѣ воротился я опять, кошачьими шагами, вверхъ по лѣстницѣ, въ свою комнату. Тысячи идей кружились въ головѣ моей, одна другой несбыточнѣе... Я вспомнилъ, что видѣлъ пѣсу, гдѣ одинъ воръ очень искусно спасается въ окно и подошелъ къ окну... оно выходило на балконъ... я отворилъ... прокрался на балконъ и посмотрѣлъ внизъ... Но балконъ выходилъ въ садъ, и былъ на высотѣ около 25 футовъ. Садъ отдѣлялся отъ улицы высокою желѣзною рѣшеткою, съ острыми концами... Для настоящаго вора это можетъ быть было бы бездѣлицею, но я былъ еще неопытенъ въ этомъ дѣлѣ...

Покуда я разсуждалъ самъ съ собою на балконѣ, послышались на улицѣ шаги мѣрные, военные... я догадался, что это былъ дозоръ, и со страхомъ бросился въ свою комнату и на свое кресло. Отдохнувъ тутъ нѣсколько, рѣшился я положить свой приборъ на диванъ подъ подушку... Потомъ сталъ ощупывать всѣ стѣны: не открою ли какой-нибудь двери, или другаго убѣжища, гдѣ бы могъ пролежать до слѣдующаго вечера... Но будуаръ оказался самымъ прозаическимъ: столы, диваны, коммоды, туалеты, этажерки, статуэтки и разныя уграженія.

Я опять усѣлся и сталъ разсчитывать, давно ли я въ этомъ домѣ, но я этого не могъ я опредѣлить. Часовъ я не видалъ, а для прикирпичаго исчисленія не имѣлъ довольно хладнокровія. Не знаю, долго ли я пробылъ въ такомъ ужасномъ положеніи, но можно ли повѣрить, можно-ль вообразить себя, что я уснулъ!

Что за страшные сны мнѣ видѣлись! Меня давили, душили, осыпали проклятіями... Мнѣ казалось, что я даже просыпался повременамъ, но опять безотчетно засыпалъ...

Вдругъ во снѣ послышался мнѣ крикъ ясный, натуральный... Я вскоцилъ.

Преодо мною, въ полумракѣ разсвѣта, стояла дѣвушка, въ легкой, бѣлой одеждѣ... Она была блѣдна и дрожала отъ страха... Съ просонковъ сомнѣвался я, на яву ли это вижу — и машинально протянулъ руки къ этому видѣнію, но оно затрещало и безъ чувствъ упа-

да бы на полъ, еслибъ я не поддержалъ его и не посадилъ въ свое кресло.

— Радъ Бога успокойтесь, сказалъ я... Если вы не привидѣніе, то спасите меня и отпустите изъ этого дома.

— И вы меня не тронете... не убьете!.. спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Боже сохрани! сказалъ я. Я совѣмъ не затѣмъ сюда пришелъ...

— Такъ возьмите все, что вамъ нужно — и уйдите поскорѣе, предложила она.

— Это легко сказать, но трудно исполнить. Все вокругъ заперто...

Тутъ я описалъ ей ужасное положеніе своей ночи — и не знаю, глосъ ли мой, жалкій ли видъ и добрая натура дѣвушки помогли мнѣ, но она къ концу моего разсказа, смѣясь, спросила меня:

— Да какъ же вы сюда попали?

— Окно въ столовую было отперто, и я хотѣлъ поскорѣе попасть въ этотъ домъ...

— Серебряный приборъ прельстилъ васъ... возьмите его съ Богомъ и уйдите...

Я опять сталъ увѣрять ее, что не думалъ воровать, и показалъ ей спрятанный на диванѣ приборъ...

— Ну хорошо! сказала она, я пожалуй, повѣрю вамъ. Пойдемте со мною, я васъ выведу изъ дому...

— Но я не прежде пойду, повуда не увѣрю васъ въ моей шевинности...

— Признаюсь, вы очень странный человекъ, и хоть я никогда не видала воровъ, но мнѣ кажется, что вы непохожи на вора...

Я ей рассказалъ, кто я, откуда пріѣхалъ, затѣмъ спѣшилъ въ сосѣдній домъ...

— Какъ! вскричала она, прерывая мой разсказъ, такъ вы музыкѣ моей милой Лауры, о которомъ она мнѣ безпрестанно говорила, котораго всѣ ждали и который въ молодости столько проказилъ...

Она остановилась, покраснѣла, видя, что я нынѣшній мой поступокъ такая же проказа.

— Если я дѣйствительно и славился въ молодости проказами, то теперь, иланусь вамъ, что это была послѣдняя...

— Дай Богъ! сказала она со вздохомъ... Но только вы меня ужасно напугали...

— Радъ Бога, простите меня, вскричалъ я, силясь поцѣловать ея руку...

Тутъ только замѣтилъ я рѣдкую красоту дѣвушки.

Тихо вывела она меня изъ дома, и никто не зналъ потомъ о моемъ ночномъ приключеніи, кромѣ меня и Евгениі.

Нужно ли разсказывать, какъ меня приняли маіоръ, жена его и Лаура?

Съ-тѣхъ-поръ прошло три года, я сдѣлался самымъ рассудительнымъ и неторопливымъ человекомъ. Мужъ Лауры былъ замѣчательный

негоціантъ и взялъ меня въ компанію. Я успѣлъ произвести многія удачныя операціи и разбогатѣлъ.

Переменною моего характера обязанъ я этой роковой почѣ и знакомству съ Евгеніей.

Всякій пойметъ, что я былъ въ нее влюбленъ, но гордость отца долго не соглашалась на нашъ бракъ. Наконецъ, онъ смягчился просьбами дочери, и я сдѣлался самымъ счастливымъ мужемъ.

Подводный городъ (изъ записокъ путешественника). — Въ жаркій лѣтній день выѣхалъ я изъ Ларошели и направилъ путь къ сѣверу. Эта полоса французскихъ береговъ чрезвычайно живописна. Но тогда цѣль моего путешествія состояла не въ томъ, чтобы заниматься ландшафтами, а чтобы узнать мѣсторожденіе разныхъ черепакожныхъ и устричныхъ породъ, которыя мнѣ показались такъ вкусны въ ларошельскомъ трактирѣ. Онѣ были такъ мягки, жирны и такого особеннаго вкуса, что я никогда такихъ не ѣдалъ; притомъ же любопытство мое было возбуждено рассказами объ изслѣдованіи мѣста, гдѣ рождался эти животныя, и образъ ихъ жизни: а потому, взявъ въ одно утро странническій посохъ въ руку (я путешествовалъ пѣшкомъ) и забросивъ котомку за плечи, отправился я по берегу.

Пройдя около семи километровъ, дошелъ я до очень опасной бухты, находящейся между Вандейскимъ и Нижне-Шарантскимъ департаментами и огражденной со стороны моря островами Ре и Олеровомъ. Видъ съ высоты скалъ, нависшихъ надъ волнами моря, былъ великолѣпенъ. Съ правой стороны бухта походила на тихое озеро, съ лѣвой стороны взоръ скользилъ черезъ низменный островъ Ре, съ живописными развалинами и укрѣпленіями, и далеко простирался въ открытое море. Солнце пекло раскаленными лучами; въ воздухѣ было душно; ни малѣйшій вѣтерокъ не охлаждалъ его. Я съ удовольствіемъ сѣлъ подтѣнь одной скалы, чтобы насладиться панорамой моря и работами людей, казавшихся мнѣ издали движущимися точками, въ рыбацкѣмъ селеніи Эсвандъ. Гладкая неподвижная поверхность моря похожа была на зеркало, освѣщенное солнцемъ. Только видъ этотъ вскорѣ утомилъ мое зрѣніе, — и я задремалъ отъ жара и усталости.

Я уже нѣсколько недѣль бродилъ пѣшкомъ и довольно утомился. Эта странническая жизнь начинала мнѣ надоѣдать. Долго ли я проспалъ—не знаю, но когда проснулся и протеръ глаза, то никакъ не могъ понять, гдѣ нахожусь. Я помнилъ, правда, что по утру вышелъ изъ Ларошели и легъ отдыхать на скалѣ у морскаго берега, помнилъ тоже, что любовался, прежде сна, прелестнымъ видомъ на открытое море, а теперь передо мною не было и слѣда моря. Передо мною лежала открытая равнина, посреди которой стоялъ городъ съ многочисленными рядами улицъ и домовъ, расположенныхъ правильно и параллельно и исчезающихъ въ отдаленіи.

Съ усиленіемъ протиралъ я глаза и потиралъ себѣ лобъ, чтобы удо-

стоѣть, что я еще не сплю. Увѣряя въ этомъ, убѣдился я также, что лежу на прежнемъ мѣстѣ, потому-что направо видѣлъ тоже селеніе Эснандъ; даѣе возвышался Эгильонскій мысъ, давшій свое названіе и бухтѣ, а налѣво видѣлся островъ Ре, за которымъ синѣли волны океана. Но куда же дѣвался заливъ? и если онъ при сильномъ отливѣ увлеченъ былъ волнами океана, — то откуда взялся видимый мною городъ, возникшій вдругъ изъ моря?

Сперва я подумалъ, что это оптический обманъ, миражъ, и схватился за свою подзорную трубку, но видимый городъ выдержалъ и это испытаніе. Даже лѣтвеннѣе видѣлъ я улицы, зданія, колоннады и дѣса. Внимательнѣе всматриваясь, увидѣлъ я наконецъ, что городъ наполненъ жителями. Это мнѣ показалось необъяснимымъ.

Даѣе видѣлъ я, что между рыбацкимъ селеніемъ Эснандъ и этимъ подводнымъ городомъ производится дѣятельное сообщеніе. Впрочемъ, я замѣтилъ, тецерь, что пространство, на которомъ стоитъ городъ, не совсѣмъ сухо, потому-что мѣстами блестяли еще на улицахъ лужицы воды, или ила. На всемъ этомъ пространствѣ видѣлъ я множество людей, катающихся съ удивительною скоростію въ какихъ-то челночкахъ, или лыжахъ. Ъзда ихъ производилась не по прямой линіи, а все зигзагами; эти люди какъ будто избѣгали видимыхъ лужицъ. Все это до того подстрекнуло мое любопытство, что я быстро вскочилъ и скорыми шагами пошелъ въ селеніе Эснандъ.

Городъ, который я видѣлъ, былъ дѣйствительно подводный, заливаемый во-время прилива совершенно водою и обитаемый милліонами устрицъ, раковинъ и морскихъ раковъ. Во-время же отлива онъ весь осушается и дѣлается мѣстомъ, гдѣ кипитъ человѣческая промышленность. То, что я видѣлъ, существуетъ уже нѣсколько вѣковъ. Одинъ ирландскій переселенецъ, по имени Вальтонъ, основалъ этотъ подводный городъ. Онъ замѣтилъ, что рыболовныя его сѣти, оставляемыя имъ на ночь, покрывались подъ водою морскими растеніями, на которыхъ устрицы и другія морскія животныя бросали свою икру. Онъ сталъ замѣчать потомъ развитіе этой икры и вообще изучать произведенія бухты. Эти наблюденія убѣдили его, что раковинныя животныя чрезвычайно скоро растутъ, размножаются и что они жирны, мягки и вкусны. Онъ сталъ собирать ихъ и продавать въ городъ. Этотъ промыселъ сдѣлалъ его изобрѣтательнымъ. Онъ сталъ мѣстами вколачивать шесты, около которыхъ раковины цѣплялись и бросали икру*; но эти шесты часто не выдерживали напора волнъ и опрокидывались, — а иногда по ночамъ лодки наѣзжали на нихъ и ломали.

Но Вальтонъ не потерялъ бодрости. Планъ его былъ неосшибоченъ, а только недостаточенъ. Нужно было придумать только мѣры къ сильнѣйшему сопротивленію противъ напора волнъ. На иловой почвѣ отливъ устроилъ онъ кѣтку изъ шестовъ и гибкихъ лозъ, въ формѣ латинской буквы W, которой острые концы обращены были къ морю, а

* Въ Шлезвигѣ и Ютландіи употребляютъ этотъ же самый способъ, для ловли черепашекъ раковинахъ.

бока, въ нѣсколько сотъ футовъ длины—къ внутренней сторонѣ бухты, образуя уголъ въ 40—45°. Вдоль каждой линіи укрѣпилъ онъ, на разстояніи трехъ футовъ, высокіе шесты, которые связалъ съ боками глыбинами вѣтвями, такъ что вся клѣтка представляла видъ плотной, но гибкой сѣти. На углахъ W, оставшихся открытыми для пропуска воды, устроилъ онъ верши изъ ивняка, образующія родъ палисада, въ которомъ рыбы, при отливѣ, оставались бы пойманными. Внутри клѣтки навѣсилъ онъ множество сѣтей съ молодыми черепокожными, набранными на берегу, зная, что они пристанутъ къ шестамъ и слѣдуются жирными отъ ила.

Эти деревянныя постройки назвалъ онъ *bouchot* (кельтійское слово),—и названіе это осталось за ними до—сихъ—поръ. Но самое устройство теперь значительно улучшено. Мѣсто, гдѣ Вальтонъ основалъ первый свой *бушо*,—въ 1246 локтяхъ отъ Эснанда,—давно уже теперь находится на сушѣ и превратилось въ зеленый лугъ, а въ разстояніи отъ этого пункта на милю въ море устроено теперь 300—400 большихъ *бушо*, съ выдавшимися углами, которые при отливѣ совершенно похожи на домовыя крыши, такъ что зритель съ берега непременно приметъ всю эту массу клѣтокъ за настоящій городъ.

Можно было бы подумать, что опасно отправляться изъ Эснанда къ плыватымъ мѣстамъ сѣтокъ, но тамошніе жители уже привыкли къ этому. У зажиточныхъ есть маленькія лодочки, называемыя *rousse-pied* изъ трехъ легкихъ досокъ. Передняя часть этого челнока округлена и выдавалась вверхъ, такъ что скользить по илу. Хозяинъ несетъ это суденышко на плечахъ до берега, кладетъ туда корзины и сѣти, сгибаетъ правое колено, упирается обѣими руками въ борты и отпихиваясь дѣвою ногою, скользить по илу съ быстротою лошади. Хотя илъ и довольно крѣпокъ, но по нему нельзя никакъ ходить. Бѣдные жители, не имѣющіе *rousse-pied* (лодочекъ), дѣлаютъ себѣ лыжи изъ тоненькихъ досокъ, загнутыхъ вверхъ свади и спереди. Подвязавъ ихъ крѣпко подъ ноги, скользятъ они по илу, балансируя распростертыми руками по тѣмъ частямъ залива, гдѣ отъ песку и каменной почва нѣсколько крѣпче.

Я переночевалъ въ Эснандѣ и рѣшился участвовать въ занятіяхъ жителей. Я не рисковалъ пуститься на *rousse-pied*, а купилъ себѣ лыжи (онѣ дешевле франка),—и ободренный увѣреніями жителей, что тутъ нѣтъ никакой опасности, пустился съ ними въ путь. Мы совѣтовали только смотрѣть на движенія другихъ и не опоздать возвращеніемъ къ берегу, когда начнется приливъ.

Сперва я конечно былъ неловокъ и боязливъ, но послѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, пройденныхъ мною, уже дѣйствовалъ смѣло и неусоко.

Когда мы достигли до подводнаго города, я нашелъ, что дѣйствительно зрѣлище было любопытное. Мы перелетали отъ одного *бушо* къ другому, смотрѣли сколько добычи вынимаютъ изъ каждаго сѣтей и кладутъ въ *rousse-pieds*. Все это дѣлалось съ чрезвычайною торопливостію, какъ-бы влету, такъ что я смѣялся надъ этимъ. И однако-же

эта промышленность питаетъ 3,000 жителей, получающихъ отъ нея до 500,000 фр. дохода.

Новость зрѣлища такъ увлекла меня, что я не замѣчалъ времени и не видѣлъ, что всѣ почти промышленники на лыжахъ уже отправились къ берегу, а остались только одни, на лодочкахъ. Нечаянно оглянувшись вокругъ себя, увидѣлъ я издали съ моря сребристую туманную полосу на горизонтѣ, и показавъ ее окружающимъ меня, спросилъ: что это значитъ? Въѣсто отвѣта, тѣ съ испугомъ спросили меня: «что я тутъ до-сихъ-поръ дѣлаю?»

Я посмотрѣлъ вокругъ себя, и увидѣлъ что самый запоздалый лыжникъ былъ уже въ полчасакомъ пути отъ меня по дорогѣ къ берегу.

— Не беспокойтесь,—сказалъ мнѣ одинъ старикъ, замѣтивъ мой страхъ.—Скоро съ моря нахлынетъ сюда туманъ, но приливъ не такъ скоро еще за нимъ послѣдуетъ. Сдѣлается только темно, — и не знавши дороги, можно сбиться...

— Да вы-то зачѣмъ-же еще всѣ заѣсь?—спросилъ я.

— Мы на *rousse-pieds*, и будемъ прежде всѣхъ васъ дома. Туманъ намъ не мѣшаетъ; мы дорогу знаемъ. Да еслибъ и приливъ догналъ насъ, то ваши лодочки безопасны, и снабжены на этотъ случай веслами.

Въ это время собралась вокругъ насъ группа людей, заботившихся о моей участи. Всѣ побѣжали въ равныя стороны и стали звать како-го-то Мишеля.

— О! онъ заѣсь еще! — сказалъ старый рыбакъ. Мишель всегда остается послѣднимъ, чтобъ въ запуски бѣжать съ лодочками. Только берегитесь, чтобъ онъ отъ васъ не ушелъ. Тогда вы будете въ опасности, а съ нимъ ничего не бойтесь. Онъ лучше всѣхъ насъ знаетъ бухту.

То бранью, то просьбами притащили ко мнѣ Мишеля, парня лѣтъ восемнадцати. Шея, руки и ноги были у него обнажены. По длиннымъ, нерасчесаннымъ кудрямъ его, украшеннымъ цвѣтами, по робкому, блуждающему, но кроткому взору, узналъ я, что это *idiote*, котораго понятливость основана на инстинктѣ, а не на рассудкѣ.

— Онъ васъ безопасно доведетъ до берега,—закричалъ мнѣ рыбакъ. Пора вамъ, пора! Скоро приливъ! Ступай, Мишель! Счастливыи путь!

Мишель медлилъ еще, какъ ребенокъ, котораго отрываютъ отъ любимой игрушки, но одинъ изъ рыбаковъ ударилъ его веревкою по голымъ ногамъ,—и онъ съ крикомъ боли и злости побѣжалъ на лыжахъ. Я послѣдовалъ за нимъ, стараясь догнать его, чтобъ онъ не ушелъ отъ меня. Но онъ, какъ будто угадалъ мои мысли и нарочно дѣлалъ зигзаги, отъ которыхъ дорога только удлинилась. Я уже было хотѣлъ пуститься одинъ, на счастье, но по робости, или осторожности успѣлъ схватить Мишеля за руку, — и тотъ, громко засмѣявшись, волелъ теперь какъ стрѣла. Можно было скавать, что безуміе съ безрассудностію спѣшили рука объ руку.

Осматриваясь повременамъ, видѣлъ я, что туманъ становится все гуще и гуще. Со стороны моря уже ничего было не видно, — а бе-

режь едва можно было видѣть вдали. Невольный страх пробѣжалъ по жиламъ моимъ. Дикіе крики множества голосовъ съ догоявлявшихъ насъ *pousse-pieds* доказывали, что всѣ мы отстанемъ отъ насъ. Провожатый мой продолжалъ однакоже попрежнему лавировать не по прямому пути. На всѣ мои вопросы отвѣчалъ онъ такимъ языкомъ, котораго я никакъ не могъ понять.

Наконецъ туманъ скрылъ совершенно всю окрестность; голоса исчезли,—и мнѣ казалось, что проводной мой править путь нашъ не къ берегу, а въ открытое море. Дикое отчаяніе овладѣло мною. Я такъ громко закричалъ на ухо Мишелю, что тотъ захохоталъ, но когда я сильно стиснулъ его руку, онъ вскричалъ отъ боли, потомъ заговорилъ быстро и громко, стараясь, какъ кажется, меня въ чемъ-то убѣдить. Въствѣ съ тѣмъ усилилъ онъ еще болѣе скорость своего бѣга, такъ что у меня духъ захватывало..

Вдругъ въ ухахъ моихъ раздался плескъ волнъ. Ночь погами не было уже песку, а самый зыбкій шлъ. Съ отчаяніемъ котѣлъ я уже оттолкнувъ отъ себя Мишеля, какъ вдругъ онъ испустилъ радостный крикъ и указалъ на высокій шестъ съ перекладинами. Но я уже былъ почти въ безпамятствѣ, и только съ помощію Мишеля могъ аскарабкаться на вершину шеста.

Долго не могъ я придти въ себя, наконецъ увидѣлъ, что все пространство подъ нами покрыто уже водою. Вѣтеръ, дувшій съ моря, увеличивалъ еще болѣе силу прилива. Тучи нрѣдка разбѣгались, и волный мѣсяцъ освѣщаль картину нашего ужаснаго положенія. Мы были почти вьосрединѣ бухты, и далеко отъ Эсманда. Около насъ грозно бужевали волны, разбиваясь бѣлою пѣною объ нашъ шестъ. По флагу, развѣвавшемуся на верхушкѣ его, понялъ я, что онъ служилъ бакеномъ для утренняго плаванія.

Мишель достигъ своей цѣли. Теперь вспоминалъ я, что онъ не разъ показывалъ мнѣ на бѣгу что-то впереди. Почему пришло ему въ голову привести меня сюда,—Богъ вѣсть! Можетъ-быть послѣдній ударъ рыбака веревкою далъ идеямъ его это направленіе. Теперь онъ, какъ ребенокъ, радовался. Когда мѣсяцъ проглядывалъ изъ-за тучъ, онъ хохоталъ отъ всей души, билъ въ ладоши и пѣлъ какой-то гимнъ, такимъ рѣзкимъ и звучнымъ голосомъ, что ужасъ мой увеличивался.

Между-тѣмъ вода достигла уже до ногъ нашихъ. Я полагалъ, что смертельный часъ мой насталъ. Но тутъ я собралъ всѣ силы разсудка и хладнокровія. Строгимъ голосомъ и сильными движеніями принудилъ я Мишеля сидѣть смирно и привязалъ его и себя флагомъ къ шесту. Это скорѣе оказалось необходимымъ. Волны прилива были такъ сильны, что окачивали насъ водою, и вѣрно оторвали бы отъ мачты, еслибъ мы не были привязаны.

Впрочемъ вода поднималась медленно. Она достигала намъ уже до колѣнъ. Вѣтеръ вѣшалъ, тучи сдѣлались гуще, чернѣе; мѣсяцъ уже совсѣмъ скрылся. Какія мысли кружились тогда въ умѣ моемъ! Какія воспоминавія наполняли сердце!

Нрѣдка казалось мнѣ, что голоса издали зовутъ меня. Я съ кри-

лики отъѣчалъ, но голосъ мой исчезалъ въ пространствахъ. Иногда воображалъ я, что лодка подплывала для спасенія моего... Я протягивалъ руки, но кромѣ пѣвы морской ничего не было вокругъ меня.

А вода все поднималась выше и выше. Волны шумѣли уже около ушей, и я готовился къ смерти. Мишель все еще пѣлъ свои дикія пѣснѣи и смѣялся надъ нашимъ *забавнымъ* положеніемъ. Но я уже не сердился на него. Не за что его было винить. Онъ былъ безпомощнымъ, несчастнымъ созданіемъ, которое не понимало ничего изъ радостей и удовольствій жизни.

Приливъ достигъ наконецъ до высшей точки. Вѣтеръ упалъ,—и я, вида, что не могу уже утонуть, задремалъ.

Это полусонное, полубоддрственное состояніе продолжалось нѣскольکو часовъ. Громкій крикъ разбудилъ меня. Я открылъ глаза, и увидѣлъ, что уже разсвѣло, а вода опять ушла къ океану.

Мишель успѣлъ въ это время развязать узлы, которыми я его связывалъ, и непонятнымъ своимъ языкомъ показывалъ мнѣ на Эснавдъ. Нетерпѣніе его было ясно. Отливъ давалъ намъ теперь возможность дойти до берега.

Я спѣшилъ воспользоваться его совѣтомъ и спустился внизъ. Дружно пустились мы къ берегу, но едва ступили на него, какъ Мишель исчезъ. Я узналъ, что онъ сынъ бѣдной вдовы, которую община содержала на свой счетъ. Но здѣсь это было не удивительно. Бѣдность почитаютъ волею судьбы. Здѣсь всякій день бѣдные становятся на берегу, когда промышленники возвращаются на лодочкахъ, и послѣдніе даютъ имъ каждый, что можетъ. Женщины даютъ имъ хлѣба или тѣста два раза въ недѣлю. Все это дѣлается охотно и отъ чистаго сердца.

Впрочемъ, Мишель былъ не такъ бѣденъ. Ему хорошо платили за разныя услуги его въ тяжелыхъ работахъ. Мнѣ сказали, что богѣеънъ его—родъ лунатиана и что онъ часто во-время полнолунія проводить ночи на на этомъ шестѣ съ флагомъ, куда привелъ и меня.

Долго я буду помнить Эснавдъ и подводный городъ.

Банковая облигація. (Разсказъ). Въ одномъ изъ большихъ городовъ сѣверной Германіи Элиза Тунбергъ открыла, въ 1819 году, небольшой модный магазинъ. Хотя наружный блескъ заведенія и не доказывалъ роскоши хозяйки, зато въ самой выставкѣ товаровъ ея видѣнъ былъ изящный вкусъ. Г-жа Тунбергъ была вдова нѣкогда богатаго маклера, который по причинѣ многихъ постигшихъ его несчастій объявленъ былъ несостоятельнымъ, и скорѣй потонулъ умеръ.

Маклерствомъ его овладѣлъ служившій у него пятнадцать лѣтъ бухгалтеромъ нѣкто Клементъ Бертольдъ, человекъ смѣтливый и умный. Онъ умѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ прежде сношенія съ хозяиномъ его.

Подобные случаи такъ часты въ торговлѣ, что на нихъ мало обра-

щаютъ вниманія. Пожалѣли о покойникѣ, о вдовѣ его, пожелаали успѣха преемнику его Бертольдъ, а потомъ забыли обо всемъ. Только изрѣдка доходили слухи о увеличивающейся бѣдности г-жи Тунбергъ и удачныхъ операціяхъ Бертольда. Сперва думали, что бывшій бухгалтеръ Тунберга будетъ помогать его вдовѣ; даже толковали, что побудительною причиною къ этому будетъ нѣжнѣйшее чувство Бертольда къ бывшей своей хозяйкѣ. Хотя при жизни мужа ея всѣ знали, что она была всегда примѣрною женою и матерью, но теперь всѣ бы конечно извинили, еслибъ она вступила во второй бракъ.

Но мало-по-малу и эти слухи умолкли. Хотя Бертольдъ и имѣлъ слабость къ женскому полу, но умѣлъ укрощать свои страсти, чтобъ не повредить торговымъ спекуляціямъ. Бракъ съ бѣдною вдовою казался ему безвременнымъ. Онъ отказался отъ всякихъ сношеній съ г-жею Тунбергъ и устремилъ всѣ свои усилія на приращеніе богатства.

Все ему удавалось, и чрезъ десять лѣтъ сдѣлался онъ однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ города. Ему уже было сорокъ восемь лѣтъ, и съ богатствомъ измѣнился прежній его гибкій и осторожный характеръ. Онъ сдѣлался гордымъ, вспыльчивымъ и самонадѣяннымъ, какъ всѣ выскочки.

Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ онъ совсѣмъ изъ виду потерялъ г-жу Тунбергъ. Вдругъ его старая ключница Анна (бывшая у него еще нянькою и знавшая всю первоначальную его жизнь) рассказала ему, что бѣдная его бывшая хозяйка уже нѣсколько недѣль лежитъ больною и въ самой крайности.

— Какъ жаль! сказалъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. Но кто же во-время болѣзни ея занимается магазиномъ?

— Дочь ея, Марія, отвѣчала ключница. Помните, она при васъ едва начинала бѣгать, а теперь выросла. Прелестная дѣвушка, кроткая, скромная и богобоязненная. Все сидитъ и работаетъ, никуда не выходитъ, кромѣ церкви по праздникамъ.

— Марія! задумчиво сказалъ Бертольдъ. Неужели она уже такъ выросла?... А похожа она на мать?..

Едва сдѣлалъ онъ этотъ вопросъ, какъ почувствовалъ всю неосторожность его, и перемѣнилъ разговоръ; но старуха не далась въ обманъ.

— Вы спрашивали, похожа ли Марія на свою мать, сказала она, — да это точно два яйца. И обѣ такія добрыя, честныя, усердныя, а все-таки торговля ихъ не удалась. Сегодня по утру комиссаръ все ваялъ у нихъ за долги, и хозяинъ дома велѣлъ къ вечеру выгнать. Гдѣ онѣ бѣдняжки проведутъ ночь, Богъ вѣсть!

Бертольдъ въ сильномъ волненіи прошелъ, молча, нѣсколько разъ по комнатѣ. Онъ опустилъ руку въ карманъ, и тамъ зазвенѣло золото... Этотъ звукъ внезапно расхолодилъ его; ему вдругъ стало стыдно, что онъ увлекся чувствительностію.

— Миѣ очень жаль ихъ! сказалъ онъ. Но что же дѣлать? Вдвою судьбѣ такъ угодно... Однако, Анна, пора обѣдать. Посмотри, не то семь минутъ опоздали.

Анна вздохнула и ушла, а Бертольдъ вскорѣ сѣлъ за обѣдъ. Только Анна замѣтила, что онъ мало ѣлъ въ этотъ день. Волненіе отняло у него аппетитъ, зато онъ выпилъ больше обыкновеннаго, и когда обѣдъ кончился, онъ опять, молча, сталъ ходить по комнатамъ.

— Постой же, старый скряга, сказала Анна, уходя: я съ тобою сыграю штуку. Авось разстанешься съ своимъ проклятымъ золотомъ на доброе дѣло.

Съ четверть часа ходилъ Бертольдъ въ задумчивости. Воображеніе перенесло его въ прошедшія времена и рисовало ему всё прелести г-жи Тунбергъ, всё хозяйственныя ея добродѣтели, всю привязанность его къ ней... Вдругъ дверь его скрипнула; онъ оглянулся... передъ нимъ стояла г-жа Тунбергъ, но еще прелестнѣе, моложе, нежели была пятнадцать лѣтъ назадъ...

— Что я вижу? вскричалъ онъ, возможно ли!.. Боже мой!.. Ахъ да! вы конечно Марія Тунбергъ?.. Ваше сходство съ маменькою...

Дѣйствительно, это была она. Анна уговорила ее обратиться съ просьбою о помощи къ Бертольду, и Марія рѣшилась на это для большой своей матери. Она со слезами изобразила ему печальное свое положеніе.

Бертольдъ съ величайшимъ, повидимому, вниманіемъ слушалъ рассказъ молодой дѣвушки, а еслибъ кто спросилъ его, о чемъ она говорила; онъ не зналъ бы, что отвѣчать, потому—что все вниманіе его было обращено на просительницу. Такой прелестной дѣвушки онъ никогда не видалъ. Всякое слово ея, всякій звукъ производили на него непостижимое впечатлѣніе. Занятый одними деньгами, онъ никогда еще не любилъ. Горе тому, у кого страсти вспыхиваютъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Онѣ тогда губятъ и пожираютъ все.

Когда Марія кончила свой рассказъ, Бертольдъ пришелъ въ себя, и всунувъ ей въ руку кошелекъ съ золотомъ, сказалъ:

— Кланяйтесь маменькѣ. Скажите ей, что я очень радъ, что могу облегчить ея участь. Выкупите поскорѣе всё вещи, которыя у васъ сегодня забрали, и заплатите за квартиру... Только ради Бога безъ благодарности: я исполнилъ свой долгъ и почту себя всегда счастливымъ, если чѣмъ-нибудь въ состояніи буду помочь г-жѣ Тунбергъ.

Марія была тронута до слезъ этимъ благородствомъ и великодушіемъ Бертольда. Чувство радости и благодарности сдѣлало ее еще прелестнѣе прежняго, и Бертольдъ не могъ насмотрѣться на нее.

Наконецъ она ушла, спѣша на помощь къ матери.

Четыре дня ждалъ Бертольдъ въ мучительномъ положеніи: не придетъ-ли опять Марія зачѣмъ-нибудь. Наконецъ, волнуемый страстію, онъ пошелъ самъ по извѣстному ему адресу—и явился къ Маріи. Неожиданная вѣсть встрѣтила его. Несчастная г-жа Тунбергъ не пережила случившихся съ нею несчастій. Она скончалась,—и Марія съ глубокою скорбію рассказала Бертольду, что мать, умирая, приказала выразить ему всю свою благодарность за оказанное благодѣяніе.

Бертольдъ былъ сильно пораженъ этою неожиданною смертію и предложилъ Маріи еще денегъ, чтобы увеличить свой магазинъ и тор-

говлю, — но та со скромностію отказалась, говоря, что будетъ въ состояніи сама себя прокормить работою, — и долгомъ почтетъ, при первой возможности возвратить Бертольду давную имъ заимообразно сумму. Бертольдъ отказался, разумѣется, отъ предлагаемой уплаты и просилъ позволенія навѣщать Марію.

Сильная страсть овладѣла сердцемъ Бертольда. Онъ сталъ часто заходить къ Маріи, навѣдываясь о ея здоровьи, — и всякое посѣщеніе болѣе и болѣе воспламеняло его. При этихъ визитахъ замѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, что у Маріи всякій разъ бываетъ какой-то молодой человекъ. Онъ узналъ, что это столяръ Гейнрихъ Штраухъ. Хотя Бертольдъ и смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но искра ревности неволью запала въ его сердце.

Онъ былъ правъ. Гейнрихъ былъ давно уже любимъ Маріею, и съ согласія матери. По несчастнымъ обстоятельствамъ принуждены они были въ послѣднее время откладывать свой бракъ, а теперь по случаю траура должны были отсрочить еще на годъ. Гейнрихъ получилъ отъ отца хорошее воспитаніе, но какъ тотъ всегда твердилъ сыну, что только работа рукъ составляетъ вѣрный доходъ, то сынъ и избралъ себѣ столярное ремесло, которое дѣйствительно доставило ему безбѣдное существованіе. Онъ жилъ по сосѣдству съ Маріею, познакомился съ ея матерью, и успѣлъ поправиться дочери.

Посѣщенія Бертольда не пугали Гейнриха. Онъ не боялся найти въ немъ соперника, слишкомъ хорошо зная сердце Маріи; но ему грустно было видѣть, что старикъ такъ мало уважаетъ ее, что можетъ надѣяться на любовь Маріи, потому-что богатъ.

Впрочемъ, онъ избѣгалъ, по возможности, встрѣчи съ нимъ, боясь, что не всегда равнодушно перенесетъ его грубость и пренебреженіе. Но судьба рѣшила иначе.

Однажды Бертольдъ купилъ у садовника великолѣпнѣйшій букетъ и быстро пошелъ съ нимъ къ Маріи. Никогда еще эта дѣвушка не казалась ему прелестнѣе; никогда сердце его не билось такъ сильно, кровь не волновалась такъ бурно. Марія съ восхитительною улыбкою приняла его букетъ, — и онъ рѣшился въ эту минуту признаться ей въ своей любви и просить руки ея.

Марія никакъ не ожидала этого признанія. Лицо ея покрылось смертною блѣдностію. Она поняла всю опасность своего положенія, но чувствовала, что не должна ни на минуту оставлять Бертольда въ заблужденіи. Съ достоинствомъ и скромностію поблагодарила она его за лестное предложеніе, но объявила, что слово ея и любовь давно уже принадлежатъ Гейнриху, и что покойная мать благословила этотъ союзъ.

Соперничество съ незначущимъ ремесленникомъ взволновало самолюбіе Бертольда. Онъ вообразилъ себѣ, что это, можетъ-быть, уловка кокетливости, и съ жаромъ продолжалъ описывать Маріи, какъ-бы она была счастлива за нимъ, владея огромными его богатствами. Замѣтя въ дѣвужкѣ какое-то колебаніе, — бѣдная не знала, какими словами повторить ему свой отказъ, — Бертольдъ сталъ передъ нею на колѣни и съ вступленіемъ страсти убѣждалъ ее согласиться на его предложеніе.

Въ эту самую минуту вошелъ Гейнрихъ. Въ порывѣ страсти образовалъ онъ себѣ, что Бертольдъ осмѣлился покуситься на честь его невесты, — и первымъ его движеніемъ было схватить его и отбросить далеко отъ Маріи. Къ счастью Гейнриха и Бертольда, съ молодымъ человекомъ вѣсть пришла хозяйнѣ дома, фонъ-Боомъ, который и бросился между соперниками, освободилъ Бертольда и проводилъ его до дѣтвицы.

Можно вообразить себѣ всю ярость старика! Онъ заперся у себя дома, и нѣсколько дней не выходилъ: Марія въ тотъ же день прислала ему самое ласковое и трогательное извиненіе, какъ отъ себя, такъ и отъ жениха своего, и просила забыть все случившееся. Но буря кипѣла въ сердцѣ Бертольда. Ему нужно было мщеніе.

Впрочемъ, выйдя опять на биржу, онъ, попрежнему, былъ тихъ и гладокровенъ. Никто не слыхалъ о происшествіи, случившемся съ нимъ, никто не спрашивалъ о причинѣ его отсутствія, — и все пошло попрежнему. Только старикъ пересталъ ходить къ Маріи, хотя на письма ея и отвѣчалъ ей, что давно забылъ все и простилъ вслѣдствію жениха ея.

Одна старая ключница Анна, хорошо знавшая нравъ своего хозяина, предостерегала любовниковъ отъ мстительности его. Оба обѣщали быть осторожными. Гейнрихъ часто встрѣчался съ Бертольдомъ, — и оба всегда очень учтиво другъ-другу кланялись. Даже однажды Бертольд позвалъ его къ себѣ и заказалъ ему нѣкоторыя столярныя работы для своей конторы. При этомъ случаѣ онъ спросилъ у Гейнриха, скоро ли будетъ его свадьба. Это казалось молодому человѣку яснымъ убѣжденіемъ, что Бертольдъ все забылъ и самъ стыдится вспоминать о глупой сценѣ своего любовнаго признанія.

Въ это время въ судьбѣ Гейнриха произошла небольшая перемена. Столяръ, у котораго онъ первоначально обучался и который потомъ помогъ ему капиталомъ своимъ, чтобы завести собственную свою мастерскую, внезапно умеръ. Наслѣдники его раздѣлили оставшееся имущество, и принудили Гейнриха возвратить основной капиталъ, данный ему покойникомъ заимообразно. Конечно, Гейнрихъ трудолюбивъ своимъ давно уже скопилъ вдвое больше этого, но все-таки внезапная плата разстроивала его, потому-что въ эту же самую минуту открылась очень выгодная столярная работа на одинъ новостроющійся пароходъ, которую ему предлагали, но для которой нужно было употребить значительный капиталъ, чтобы закупить матерьялы. Онъ бросился къ нѣкоторымъ капиталистамъ, но всѣ отказали ему, не вида достаточнаго обезпеченія въ его векселяхъ.

Всѣхъ доброоубовѣстиѣ изъ нихъ былъ нѣкто г. Спотъ. Онъ требовалъ, чтобы кто-нибудь поручился за Гейнриха, — и хозяйнѣ того дома, гдѣ жила Марія, фонъ-Боомъ, согласился быть за него порукою въ небольшой суммѣ. Оба они явились къ Споту, но имъ сказали, что этотъ банкиръ уже ушелъ на биржу. Они отправились туда, и засталъ Спотъ, разговаривавшаго съ Бертольдомъ. Послѣдній, увидя Гейнриха, тотчасъ же поклонился ему и вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Э! да вы знакомы! — вскричалъ Снотъ. Такъ зачѣмъ же вы, любезный Гейрихъ, давно мнѣ объ этомъ не сказали. Зачѣмъ же вамъ искать порукъ? Пусть мнѣ г. Бертольдъ скажетъ слово, — и я вамъ дамъ сколько хотите денегъ.

Гейрихъ пожалъ плечами, говоря, что онъ не смѣетъ беспокоить г. Бертольда, которому слишкомъ мало извѣстенъ.

Бертольдъ посмотрѣлъ на него внимательно, и взявъ его подъ руку отвелъ нѣсколько въ сторону.

— Вы, кажется, помните, что я долженъ быть на васъ сердитъ. Но чтобъ доказать вамъ, какъ я не злопамятенъ, и изъ уваженія къ Маріи, я возьмусь за ваше дѣло... Только требую, чтобы вы никому не говорили о моемъ согласіи. Даже не говорите объ этомъ и невѣстѣ своей, а приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ; и посмотрю, какъ намъ лучше уладить ваше дѣло.

Гейрихъ молча поклонился, и поблагодаря Снота и фонъ Боома за ихъ готовность къ содѣйствію, ушелъ домой.

Ровно въ восемь часовъ былъ онъ уже въ домѣ Бертольда. Его еще не было дома. Старая Анна ввела его въ кабинетъ хозяина — и спрашивала Гейриха о причинѣ, побудившей его придти къ врагу своему. Къ удивленію ея, Гейрихъ былъ скрытенъ и ничего не отвѣчалъ на ея вопросы.

Съ досады ушла она и оставила его одного, а Гейрихъ, устѣвшій въ спокойныя, мягкія кресла, началъ мечтать о будущей своей судьбѣ. Мечты, усталость и уединеніе склонили его къ дремотѣ. Онъ заснулъ, и не прежде проснулся, какъ услышалъ у дверей голосъ Бертольда, грубо бранившаго Анну за то, что она *незнакомаго* чело-вѣка оставляетъ одного въ комнатѣ.

Гейрихъ вскочилъ, и видя вошедшаго Бертольда сталъ передъ нимъ извиняться.

— Не въ извиненіи дѣло, сказалъ тотъ съ видимымъ неудовольствіемъ; а что вамъ здѣсь надобно?..

— Вы приказали... вы назначили мнѣ явиться къ вамъ.

— Я? когда? зачѣмъ?..

— Вы хотѣли помочь мнѣ въ подрядѣ..

— Вы съ ума сошли, съ грубостію вскричалъ старикъ. Да съ чего вы взяли, что я буду всякому встрѣчному бросать деньги на вѣтеръ. Убирайтесь задобра-ума... Нашли мѣсто гдѣ выспаться...

Съ этимъ словомъ отвернулся онъ отъ него и пошелъ въ другую комнату, а Гейрихъ, совсѣмъ растерявшись и печально склоня голову, тихо побрелъ съ лѣстницы, вышелъ на улицу, свободно вздохнулъ чистымъ воздухомъ, и пошелъ домой, стараясь придумать разгалу внезапной перемены Бертольда...

Вдругъ услышалъ онъ за собою быстрые шаги, невольно оглянулся... передъ нимъ стоялъ Бертольдъ...

— Насялу догналъ васъ, сказалъ онъ. Вы извините меня, я сейчасъ очень сурово обошелся съ вами... Но еслибъ вы знали, какія со мною были неприятели за минуту передъ тѣмъ... Какая огорши

спекуляція ускользнула изъ рукъ... Признаюсь, я даже совсѣмъ забылъ, что самъ же пригласилъ васъ къ себѣ... Ну, да я постараюсь поправить свою глупую вспышку. Скажите, пожалуйста, на какую сумму вамъ нужно поручительство у Снота?

— Еслибъ я могъ имѣть кредитъ на четыреста талеровъ, а бы могъ взять подрядъ...

— Ну, такъ хорошо, что я съ собою захватилъ деньги. Вотъ банковая облигація въ пять сотъ талеровъ. Возьмите. Не нужно будетъ никакихъ процедуръ о поручительствѣ...

— Какъ, г. Бертольдъ! вскричалъ благородный юноша. Вы даете мнѣ собственныя ваши деньги?..

— Ну, да! даю въ займы. Когда вы кончите подрядъ, то отдадите мнѣ мнѣ...

— О, вы благороднѣйшій человекъ... Я сегодня же напишу вексель.

— Вздоръ! Никакого векселя не надо. Напротивъ, я требую по прежнему, чтобъ никто объ этомъ не зналъ. Если вы это вѣрно и честно исполните, то я радъ буду всегда вамъ помогать.

Прежде, нежели Гейнрихъ могъ опомниться, Бертольдъ уже исчезъ.

На другое утро Гейнрихъ отправился къ г. Сноту, выбралъ себѣ все, что ему нужно было для предполагаемыхъ работъ, и съ нѣкоторою важностію подавъ ему потомъ банковую облигацію, полученную отъ Бертольда.

— Какъ! ужъ и денегъ достали! вскричалъ Снотъ. Прекрасно! Гдѣ же это вамъ Богъ далъ?..

— Мнѣ дали... въ задатокъ, отвѣчалъ Гейнрихъ съ нѣкоторою разсѣянностію.

— Очень радъ, очень радъ, сказалъ Снотъ. Пойдемте же къ банкиру Блаву, онъ намъ разъясняетъ эту облигацію.

Старикъ кассиръ, служившій у Блава, зналъ Гейнриха и съ удовольствіемъ взялся разъяснить облигацію, но едва взглянулъ на нее, какъ съ испуганнымъ взглядомъ обратился къ Гейнриху и спросилъ его:

— Гдѣ это вы взяли эту облигацію?

Голосъ его и взглядъ произвели въ сердцѣ Гейнриха какой-то непопятный страхъ. Онъ не зналъ, что отвѣчать.

— Онъ мнѣ сказалъ, что получилъ ее въ задатокъ, объявилъ Снотъ.

— Это странно! продолжалъ кассиръ. Сегодня поутру взяли подъ стражу прикащика г. Бертольда, по подозрѣнію на него... Хозяинъ его объявилъ, что у него пропала облигація въ пятьсотъ талеровъ.

Бѣдный Гейнрихъ стоялъ какъ пораженный громомъ; голова его кружилась; онъ вспомнилъ въ эту минуту всѣ увѣщанія Маріи, чтобы беречься Бертольда.

— Я тоже слышалъ объ этой исторіи, сказалъ Снотъ, и полагаю, что покуда Гейнрихъ здѣсь, лучше всего намъ послать за Бертольдомъ...

Крикъ отчаянія вырвался изъ груди Гейнриха. Самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, бросился онъ опрометью отъ кассира и побѣжалъ къ

Маріи. Никто не преслѣдовалъ его, но черезъ полчаса Сютъ и кассиръ Блаза явились тоже къ Маріи, гдѣ и застали ее съ Гейнрихомъ въ слезахъ и страхѣ. Кассиръ обратился къ Гейнриху.

— Хозяинъ мой поручилъ мнѣ пригласить васъ, сказалъ онъ — къ себѣ въ кассирскую комнату, гдѣ находится и г. Бертольдъ. Оба они желаютъ, чтобъ недоразумѣніе, происшедшее по облигаціи, могло быть миролюбиво между вами кончено, не доводя о немъ до свѣдѣнія полиціи.

— А что говорить г. Бертольдъ по этому дѣлу? спросила у кассира Марія.

— Онъ утверждаетъ, что облигація эта украдена у него на столѣ въ кабинетѣ — въ то время, какъ онъ уходилъ со двора, съ половины восьмого до десяти часовъ, и случайно оставилъ на этотъ разъ письменный свой столъ не запертымъ.

— Я погибъ, сказалъ Гейнрихъ со вздохомъ.

— Ступай, Гейнрихъ, съ этими господами, сказала ему Марія съ какою-то таинственною улыбкою и спокойнымъ взглядомъ: теперь я знаю, что ты совершенно невиненъ, и тотчасъ вслѣдъ за тобою туда же приду. Помни только ..

Тутъ она наклонилась къ нему на ухо и сказала что-то тихо, чего не слышали пришедшіе. Но вѣроятно слова Маріи успокоили Гейнриха, потому-что онъ пошелъ за ними веселъ и доволенъ.

Когда они пришли къ Блазу, то нашли у него Бертольда и Ганемана, строителя того парохода, на которомъ Гейнрихъ брался произвести всѣ столярныя работы. У внѣшнихъ дверей стояли однакоже два жандарма, и это обстоятельство снова поколебало мужество Гейнриха.

Бертольдъ при входѣ Гейнриха нѣсколько покраснѣлъ, но гордый и презрительный взглядъ его доказывалъ, что онъ намѣренъ до крайности продолжать свою ужасную клевету. Еще разъ Бертольдъ, въ присутствіи Гейнриха, повторилъ свое объявленіе, что у него украдена эта самая банковая облигація и что къ нему никто не входилъ, кромѣ взятаго уже подъ стражу прикащика, ключницы Анны и столяра Гейнриха.

Г. Ганеманъ, со своей стороны объявилъ, что показаніе Гейнриха будто бы онъ далъ ему задатокъ по принимаемымъ имъ на себя работамъ — совершенно неосновательно.

— Что вы можете отвѣчать на эти обвиненія? строгимъ голосомъ спросилъ у Гейнриха Блазъ... Вы до-сихъ-поръ извѣстны были, какъ честный человекъ и хорошій столяръ... Объясните, по-крайней-мѣрѣ, что-нибудь, еще строже прибавилъ Блазъ, видя, что, несмотря на двухкратную его остановку, молодой человекъ упорно молчалъ.

— Я не могу и не буду ничего отвѣчать, тихимъ голосомъ отвѣчалъ Гейнрихъ, робко поглядывая на дверь.

— Ничего? вскричалъ банкиръ, да вѣдь это сознаніе въ винѣ?... Вѣдь послѣ этого намъ только остается предать васъ въ руки правосудія...

— Позвольте мнѣ сказать слово, сказалъ кассиръ Блаву, вмешавшись въ разговоръ. Я, полагаю, что Гейнриху *запрещено* отвѣчать.

— Кѣмъ это?

— Дѣвица Марія Тунбергъ шептала ему что-то на ухо, когда мы отъ нея уходили; но я сколько-то разслышалъ: *молчи и не отвѣчай*.

— Быть не можетъ!...

— Извините! это совершенная правда, — сказала Марія, вошедшая въ эту самую минуту.

Появленіе ея удивило всѣхъ и смѣшало Бертольда. Онъ потупилъ голову и покраснѣлъ. Но когда она стала просить Блава, чтобы онъ убѣдилъ Бертольда повторить при ней свое обвиненіе, то онъ принужденъ былъ, еще разъ рассказать свою выдумку, но на этотъ разъ сбивался, голосъ его дрожалъ, капли пота выступали у него на лбу.

Выслушавъ все это внимательно, Марія сказала:

— Вижу теперь, что все извѣстно, — и потому пришла сюда просить у г. Бертольда прощенія и пощады виновному.

— Прощенія и пощады? — съ удивленіемъ и радостію спросилъ Бертольдъ.

— Да! пощады для дочери того Тунберга, который нѣкогда приютилъ ваше сиротство, подвигъ васъ на ноги, пустилъ въ люди... пощады для той дѣвушки, которую вы еще недавно увѣрили въ самыхъ вѣрныхъ чувствахъ...

Бертольдъ вспыхнулъ, вспомя сцену съ Гейнрихомъ.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ. Даже для васъ, Марія, не соглашусь я пощадить виновнаго, кто бы онъ ни былъ, потому-что воръ—язва гражданскаго общества, которую надобно вездѣ истреблять.

— И это ваше послѣднее, рѣшительное слово?

— Это мой долгъ.

— Ну, такъ и мой долгъ предать въ руки правосудія настоящаго вора, — и я торжественно объявляю, что это не Гейнрихъ.

— Кто же! вскричали всѣ.

— Можетъ-быть, вы сейчасъ удивлялись, господа, что Гейнрихъ не хотѣлъ отвѣчать на ваши вопросы. Но причина молчанія его была самая великодушная. Г. Бертольдъ объявилъ сейчасъ, что уходя со двора въ половинѣ восьмаго положилъ банковскую облигацію въ столъ и не заперъ его. Дальнѣйшій допросъ доказалъ вамъ, что Гейнрихъ пришелъ въ эту комнату уже въ девятомъ часу. Теперь, не угодно ли вамъ спросить у ключницы г. Бертольда Анны, кто былъ у нея за четверть часа до прихода Гейнриха, и входилъ въ ту комнату, гдѣ лежала облигація.

— Вы, сударыня, навѣстили меня, — отвѣчала Анна, (пришедшая вмѣстѣ съ Марією,) — и оставались въ этой комнатѣ, покуда я ходила вамъ за стаканомъ воды.

Крикъ ужаса исторгся изъ груди Бертольда; но Марія, какъ бы не обращая на это вниманія, продолжала:

— И такъ, господа прошу, васъ выслушать мое объявленіе и признаніе. Я украла эту облигацію!..

— Нѣтъ! это неправда, это ложь, прервалъ ее Бертольдъ съ крикомъ отчаянія и совершенно растерявшись.

— Позвольте, однакоже... сказала Марія.

— Нѣтъ! она лжетъ, продолжалъ съ иступленіемъ Бертольдъ: я не знаю, была ли она въ этой комнатѣ, но знаю, что она не могла украть облигацію, которой тамъ и не было, которая была при мнѣ и которую я тогда только вынулъ, когда...

Тутъ Бертольдъ вдругъ остановился, онъ опомнился и почувствовалъ, что слишкомъ много сказалъ.

— Когда же вы вынули ее?—съ живостію спросила Марія, подошла къ нему и быстро глядя ему въ глаза.

Бертольдъ молчалъ.

— Когда же у васъ украли облигацію? спросила она еще разъ.

Бертольдъ почти безъ чувствъ опрокинулся въ кресло и закрылъ лицо обѣими руками.

— Дѣло принимаетъ странный оборотъ,—сказалъ Ганеманъ. Объясните теперь *вы*, г. Бертольдъ, какъ согласить ваше обвиненіе и слова, которыя сейчасъ у васъ вырвались?..

Слова Ганемана привели опять Бертольда къ полному сознанию своего положенія. Онъ вскочилъ, гордо и угрюмо посмотрѣлъ на всѣхъ, и отрывисто отвѣчалъ:

— Я беру назадъ свое обвиненіе... я совѣмъ забылъ... я вчера вечеромъ самъ отдалъ эту облигацію столяру... въ видѣ займа... въ видѣ подарка.

Съ этими словами онъ схватилъ шляпу и быстро ушелъ, сопровождаемый словами присутствующихъ:

— Негодай!

— Бездѣльникъ!

— Гнусный человѣкъ!

Нужно ли рассказывать остальное? Блазъ, Ганеманъ и Свотъ открыли у себя Гейнриху навсегда полный кредитъ. Черезъ два мѣсяца потомъ была свадьба Гейнриха и Маріи,—а Бертольдъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ еще больше разбогатѣлъ. Когда же, черезъ годъ потомъ, у ново-брачныхъ родился сынъ, прислана была по почтѣ, неизвѣстно отъ кого и откуда, въ подарокъ новорожденному Гейнриху, облигація англійскаго банка въ тысячу фунтовъ стерлинговъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Журналы и книги лѣтомъ. — Іюльскіе нумера «Отечественныхъ Записокъ», «Библиотеки для Чтенія» и «Современника». — (Съгованіе «Новаго-Поэта» о томъ, что у насъ нѣтъ будто-бы критики. — Последнія книжки «Москвитянина». — Движущіеся столы въ литературѣ. — Отшельникъ, истинное прощестіе, и новая брошюра о холерѣ.

Составитель постояннаго обозрѣнія современной журналистики русской въ «Пантеонѣ» объявилъ читателямъ, въ прошедшей книжкѣ, что чувствуетъ необходимость отдохнуть одинъ мѣсяць, освѣжиться силами. Пишущій эти строки, библиографъ «Пантеона», также хотѣлъ послѣдовать соблазнительному примѣру критика журналовъ, тѣмъ болѣе, что въ «книжной» литературѣ, въ настоящее время, не явилось новостей, особенно замѣчательныхъ: но если всѣ сотрудники журнала потребуютъ отдохновенія, то и журналу придется опочить на лаврахъ. И такъ, волею-неволею, надобно сказать нѣсколько словъ о лѣтней нашей литературѣ, которая, влѣтящую дань человѣческому утомленію, дремлетъ немножко, среди тяжелыхъ міазмовъ въ воздухѣ. Жестоко было-бы строго взыскивать съ нея, и не должно-ли все-таки сказать доброе спасибо неутомимымъ журналистамъ нашимъ, во-время выдающимъ свои объемистыя изданія, наполненныя отнюдь не хламомъ. Вотъ іюльскія ихъ книжки, произведенія самаго жаркаго, самаго неудобнаго для умственной работы мѣсяца въ году. Взглянемъ на нихъ мелькомъ, не больше, какъ взглянемъ—разбираться нечего, рано еще,—главнѣйшее, все тянется *продолженія...*

Въ «Отечественныхъ Запискахъ»—вторая часть романа г. Михайлова: *Марья Ивановна*, и окончаніе второй части романа Самюэля Варрена: *Тяжба* (переводъ съ англійскаго). Въ «Библіотекѣ для Чтеція»: *Лейтенантъ и поручикъ*, историческая повѣсть К. П. Масальскаго, не новость, потому-что, нѣсколько лѣтъ тому, два раза уже являлась въ «Сынѣ Отечества», не вполне впрочемъ. Въ Современникѣ, исключая *Тифлисской сабли*, повѣсти Я. Н. Полонскаго, талантливаго поэта-прозаика, третья статья *Исторіи генія*, д'Израэли, вторая статья *Путешествія по Польсью и Бѣлорусскому краю*, г-на Шпилевскаго, и четвертая часть романа Бульвера: *Разнообразіе англійской жизни*. «Петербургскія замѣтки», то-есть фелетонъ, занимають въ «Современникѣ» 15, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» 23 страницы мелкаго шрифта, и посвящены исключительно описанію дачной жизни и загородныхъ увеселеній, потому-что иныхъ новостей или интересовъ теперь не обрѣтается ни въ городѣ, ни за городомъ. Обѣ хроники прочтутся не безъ удовольствія любителями лѣтнихъ развлеченій. Эти статьи составлять очень трудно и конопатливо: онѣ приготавливаются въ самый краткій срокъ, за нѣсколько дней до печати, и потому всякія замѣчанія, если-бы- послѣднія и могли представиться какому-нибудь черезъ-чуръ взыскательному читателю, отлагаемъ въ сторону, какъ неуѣстныя...

Позволяемъ себѣ только остановиться нѣсколько на извѣстныхъ «Замѣткахъ и размысленіяхъ Новаго-Поэта». Они всего состоятъ изъ девяти страницъ, и хвалятъ печатающійся въ «Современникѣ» романъ: *Рыбаки*, г. Григоровича, который, по словамъ Новаго Поэта, стоитъ «на своей почвѣ твердыми ногами» (стр. 87). Здѣсь множество число употреблено, вѣроятно, опискою или опечаткою... «*Ногою твердой*» статья при морѣ»—сказалъ Пушкинъ въ своемъ «Мѣсяцѣ всадникѣ, и подобная фраза всегда требуетъ числа единственнаго. Новый-Поэтъ, между-прочимъ, вооружается противъ современной нашей критики:

«Ея (то-есть ея)—увы! нѣтъ въ нашихъ современныхъ журналахъ, потому-что нельзя же назвать критикой *напыщенныя фразы* и *натянутыя наосъ* людей, усиливающихся сказать что то глубокомысленное и новое, и безсознательно повторяющихъ зады; потому-что нельзя же назвать критикой *сухія, мрачныя (?)* и *длиныя статьи... серьезныя (?)*, *скучныя* (хотите не серьезныхъ, веселенькихъ)... отлпчакшіяся дикими оборотами, напыщенностію... потому-что нельзя же назвать критикой эти безцвѣтныя библіографическія статейки, и эти вліяныя глумленія надъ *лучшими московскими романами* и *различными* пошлыми *статюшками*,

в наши бѣглыя фельетонныя замѣтки» (стр. 90). Въ недостаткѣ критика негодующій Новый-Поэтъ упрекаетъ всѣ наши журналы, не исключая и «Современника». Жаль только, что, для ясности и отчетливости, онъ не указываетъ, гдѣ именно найдены имъ статьи мрачныя, съ *пафосомъ* и *напыщенностью*. Надобно договаривать, или неговорить напрасно, чтобъ самого справедливо не упрекнули въ безотчетныхъ фразахъ и недоказанныхъ восклицаніяхъ...

Далѣе Новый Поэтъ укоряетъ журнальныхъ критиковъ за то, что они не оцѣнили, т. е. не *переоцѣнили*, старыхъ нашихъ писателей, вновь изданныхъ Смирдинымъ. «Вотъ — въ заключеніе говоритъ онъ — г. Кукольникъ съ десятию толстѣйшими томами своихъ сочиненій... Но это еще не всѣ его сочиненія: будетъ еще нѣсколько томовъ. Пусть критика объявитъ намъ положительно (ужь пора!) чтó такое эти десять томовъ? на сколько они обогатили русскую литературу? какое мѣсто занимаетъ авторъ этихъ десяти томовъ въ русской литературѣ?.. Рѣшеніе этихъ вопросовъ важно, потому-что мнѣніе о г. Кукольникѣ не установилось: одни не признаютъ въ немъ таланта, другіе говорятъ, что изъ всѣхъ сочиненій его самыя замѣчательныя — новѣсти изъ временъ Петра Великаго, что онъ добросовѣстно изучилъ эту эпоху; третьи безусловно восхищаются всѣмъ, чтó онъ ни написалъ, и при разсматриваніи какого-либо изъ новыхъ его сочиненій, называютъ его не просто г. Кукольникомъ, а *почтеннѣйшимъ Несторомъ Васильевичемъ*; четвертые ставятъ его выше Пушкина, замѣчая, между-прочимъ, что онъ гораздо *ученѣе* Пушкина; пятые (находились и такіе!) становились передъ нимъ на колѣни и называли его русскимъ Гёте... Эти пятые, впрочемъ, я думаю, просто шутили. Но кому же, однако, вѣрить?.. Чтó такое эти *Торкваты-Тассы, Джули-Мости, Домипикины, Санадзары, Солманы, Роксоланы*? Точно ли это поэтическія произведенія? Чтó такое эти толпы лицъ, выведенныя г. Кукольникомъ въ его повѣстяхъ, романахъ, комедіяхъ, поэмкахъ, фантазіяхъ? Получили ли они право гражданства въ литературѣ? Есть ли въ нихъ на столько художественной жизни, на столько творчества, чтобы они могли безобязательно выдержать прикосновеніе дѣльной критики?.. Что г. Кукольникъ имѣетъ талантъ, мы въ этомъ не сомнѣваемся. Доказательствомъ тому служатъ, между-прочимъ, успѣхъ почти каждаго изъ новыхъ его сочиненій; но мы теперь, созерцая эти десять томовъ, желаемъ, чтобы намъ опредѣлили *степень таланта* ихъ автора, чтобы намъ показали, какое мѣсто онъ можетъ занять въ русской литературѣ. Мы указываемъ на нихъ и призываемъ къ дѣлу критику» (стр. 91 и 92).

Петерште, дайте срокъ! Надобно *перечитать* эти десять томовъ и

выждать выхода остальныхъ. «Поспѣшить — людей насмѣшить!» говорить русская пословица. Да если и напишутъ вамъ дѣльную критику по поводу этихъ десяти томовъ, признаетесь ли, сознаете ли вы, что она удовлетворительна? Вы нигдѣ не видите, или не хотите видѣть ни полсловечка дѣльной критики! То она кажется вамъ *мрачною*, то съ *наѣсомъ* и *напыщенною*. Каково это слышать намъ, усерднымъ, хотя и не «глубокомысленнымъ» библиографамъ? Вотъ, хоть бы, напримѣръ, скромный нашъ «Пантеонъ», съ октября прошедшаго года постоянно представлялъ читателямъ подробные и обстоятельные разборы современныхъ литературныхъ произведеній. Въ немъ, между-прочимъ, съ полною добросовѣстностью и по крайнему разумію, рассмотрѣны были постепенно: *Тамаринъ*, г. Авдѣева; *Большая барыня*, покойнаго Волжарярскаго; *Театраль*; *Очерки Волжскаго Низова*, г. Небольсина; первые три тома *Исторіи войны Россіи съ Франціей въ 1799 г.*, твореніе гг. Михайловскаго-Давидевскаго и Милютина; *Біографія кня. Пожарскаго*, г. Смирнова; *Дочь булочнаго мастера*, романъ К. Г—на; *Давидъ Копперфильдъ*, романъ Диккенса, въ переводѣ г. Веденскаго; *Воспоминанія дѣтства*, повѣсти, и *Алексѣй Однорогъ*, историческій романъ г. Николая М.; *Повѣсти и рассказы* г. Писемскаго; *Изъ Рима въ Іерусалимъ*, соч. графа П. В. Адлерберга... Статьи о двухъ послѣднихъ книгахъ явились въ «Пантеонѣ» прежде нежели въ другихъ журналахъ, и мнѣнію его о свойствахъ и степени таланта г. Писемскаго не противорѣчили другіе критики. Вы ничего не замѣтили, *не хотите* замѣчать, и, разумѣется, готовы утверждать, печатно, что всѣ эти разборы нигде не годятся, что они *мрачные, длинные, съ наѣсомъ и напыщенностью*. Коротко спросимъ: чего же собственно, кромя правды и отчетливости, требуете вы отъ рецензентовъ, и почему сами, вмѣсто своихъ «замѣтокъ и размышленій», не пишете желаемой вами дѣльной, высокой критики? Покажите намъ, для подражанія, неукоризненный образецъ ея,—и мы смиримся, уступимъ, отдадимъ вамъ всѣ книги въ руки!

Статью свою *Новый-Поэтъ* заключаетъ извѣстіемъ о прекращеніи въ Сиб. Вѣдомостяхъ фельетоновъ Филарета Шаля, по поводу литературнаго процесса его съ г. Бюловымъ (директоромъ *Revue de deux Mondes*).

Москвитянинъ продолжаетъ исправно выдавать по двѣ книжки въ мѣсяць. Въ 10-й читатель съ любопытствомъ пересматриваетъ біографическій очеркъ «А. С. Пушкинъ», очень впрочемъ коротенькій; въ 12-й матеріалы для біографіи Ломоносова и письма Жуковскаго, Воейкова, Дмитріева къ Н. А. Марквину; въ 13-й новыя подробности

сти о дѣвицѣ Лупаловой, героинѣ извѣстнаго романа г-жи Коттень и драмы покойнаго Полеваго «Параша-Сибирячка». Книжка эта открывается повѣстью *Деревенскія интриги...* Съ насъ довольно и городскихъ—литературныхъ. О «Москвитянинѣ» подробнѣе поговорить въ—послѣдствіи «Московскій Вѣстникъ», и всѣ замѣчательныя или требующія слова явленія современной журналистики нашей рассмотрятся въ ея специальномъ отдѣлѣ, который не замедлитъ, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, возвратиться на страницы «Паптеона», вмѣстѣ съ отдѣломъ бібліографіи, устрашенной теперь впезапнымъ нападеніемъ Новаго-Поэта.

На этотъ же разъ примите, о читатель, снисходительно четыре вѣжеслѣдующія брошюры, не требующія обширныхъ разсужденій:

Отшельникъ. Истинное происшествіе, переводъ съ французскаго. Спб. 1853. Въ типографіи К. Влиггебера. Въ 16-ю д. л. 85 стран.

Эксцентрическая исторійка! Однѣмъ чудакомъ удалился отъ свѣта въ—слѣдствіе того, что, влюбившись въ мать, которая была вдвое его старѣе, посватался за дочь. И только! Для чего написана эта страшная книжка? Зачѣмъ переведена, и такъ красиво издана? Переводъ впрочемъ не дуренъ; за исключеніемъ немногихъ обмолвокъ; напримѣръ: «*вошедши въ эту уединенную обитель, мнѣ полагалось*» и проч. (стр. 80).

Двѣжущіея столы. Пустячекъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Н. В. Сушкова. Москва, 1853. Въ университет. типографіи. Въ 8-ю л. л. 47 стр.

Двѣжущійся столъ, сцены изъ современной московской жизни. Москва, 1853. Въ типографіи вѣд. моск. городск. полиціи. Въ 12-ю л. л. 70 стр.

Съ-тѣхъ поръ, какъ англичанинъ Зандъ умудрился ходить по потолка, движеніе столовъ не составляетъ уже чуда, и въ Петербургѣ давно стало анахронизмомъ, всѣмъ наскучившимъ. Между тѣмъ московская драматургія не приминула воспользоваться сомнительнымъ и курьѣзнымъ фактомъ. На сколько воспользовалась литература этими твореніями, не отвѣчаемъ прямо, чтобъ не огорчать авторовъ «Пустячка» и «Сцены».

Вотъ, лучше, куплетецъ Н. В. Сушкова:

Бывало женщину честили;
Теперь насъ цѣнять, не честать;
Бывало головы кружили;
А нынче такъ столы кружатъ!...

Плл.—полстраннички изъ другаго фарса:

«Прельскій.—Въ моей диссертациі я подробно объясню это. Америкапы напрасно приписываютъ себѣ честь этого открытія; оно, достоверно можно сказать, было извѣстно издревле русскимъ. Гаданья на пошинцахъ и на караваѣ ясно доказываютъ, что предки наши знали этотъ опытъ, а старинная русская пѣсня:

Ходи изба, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь!
Почала печка ходить,
За собой гостей водить.»

Пьеска оканчивается такими восклицаніями одного изъ дѣйствующихъ лицъ, Калимаха Пахомыча: «Хорошо я имайны-то справилъ!.. Нефедь Куамичъ уѣхалъ... разсердился изволилъ... гости всѣ разошлись,—перессорились... Закуска по полу валется... водка разбилась... для чего я только убытокъ прималъ... на свою шею... Вотъ тебѣ и движущійся столъ!»

Медико-практическія наблюденія, во-время господствованія холерной эпидеміи въ городѣ Павловскѣ Спб. губерніи, въ 1848 и 49 годахъ, составленныя докторомъ медицины, ст. совѣтн. Степаномъ Завадскимъ-Краснопольскимъ. Спб., 1853. Въ типогр. департамента внешней торговли. Въ 12-ю д. л. 48 стран.

Весьма дѣльная, полезная и хорошо, въ литературномъ смыслѣ, изписанная брошюра. Приводимъ ея умное и любопытное начало:

«Во-время свирѣпствованія эпидемической холеры въ С. Петербургѣ, въ 1831 году, г. Павловскъ былъ свободенъ отъ ея владычества. Этому благоприятствовали разныя условія, какъ со стороны топографическаго положенія города, такъ и со стороны образа жизни его жителей. Въ то время еще не было проведено желѣзной дороги изъ С. Петербурга; а на разстояніи 29-ти верстъ отъ столицы, Павловскъ казался очень отдаленнымъ отъ нея. Лишь немногіе изъ петербургскихъ жителей посѣщали Павловскъ, а многіе знали о немъ только по слуху. Коренные же павловскіе жители весьма рѣдко посѣщали Петербургъ; тогда ихъ было еще немного, и всѣ они вели жизнь патріархальную, составляя какъ бы одну семью, вовсе не заботясь о свѣтскихъ шумныхъ увеселеніяхъ. Близъ Петербурга, Павловскъ былъ единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ можно было вполне наслаждаться сельскою, самою разнообразною, самую роскошною природою, повсюду испещренною цвѣтами. Тихая, уединенная жизнь павловскихъ жителей была для нихъ наслажденіемъ. Гостепріимные жители не знали и не видали ничего, кромѣ олице-

творенной добродѣтели, Царственной Благодѣтельницы своей, въ Божѣ почи-
вающей, всѣми обожаемой Императрицы Маріи Феодоровны. Она
давала имъ средства къ жизни, заботясь о здоровьѣ каждаго; а въ
случаѣ болѣзни не только ихъ, но и всѣхъ безъ изыятія проживающихъ
въ Павловскѣ, принимала живое участіе въ нихъ. По словамъ Ев.
Мате. (Гл. VI, ст. 3), *Ея шуйца не въдала, что творила дес-
ница*. Во всемъ городѣ не было никакого трактира, отчего люди низ-
шаго класса не имѣли случая портиться. Пьянство и воровство въ
Павловскѣ были неизвѣстными пороками. Лѣтомъ не нужно было запи-
рать ни оконъ, ни дверей дома. Тогда, въ большомъ саду, благородная
дама прогуливалась одна, не заботясь ни объ особенномъ приличіи
своего наряда, ни объ опасности отъ одинокой прогулки. И этотъ-то,
почти невѣдомый, близъ Петербурга, земной рай, въ 1834 году былъ
еще неизмѣненнымъ въ своемъ патріархальномъ бытѣ, данномъ ему самою
природою и Августѣйшею его Покровительницею.

«Отъ Московской дороги Павловскъ находится на разстояніи 8-ми
верстъ, и тоже рѣдко былъ тогда посѣщаемъ проезжими; а въ эпиде-
мію 1831 года, вмѣстѣ съ г. Царскимъ-Селомъ, былъ огражденъ ка-
рантинною цѣпью Образцоваго кавалерійскаго полка. Это было причи-
ною того, что въ 1831 году ни въ Павловскѣ, ни въ Царскомъ-Селѣ
холеры не было. Съ устройствомъ же желѣзной дороги все измѣнилось
въ Павловскѣ: онъ сдѣлался какъ-бы частію столицы, и довольно мно-
голюдною, особенно лѣтомъ. Сверхъ коренныхъ жителей его и постоян-
но пребывающаго въ немъ Образцоваго кавалерійскаго полка, въ лѣто
1848 года, гостило въ немъ около 450-ти семействъ. Отъ сближенія
Павловска со столицею во всѣхъ отношеніяхъ, по причинѣ частой и
скорой ѣзды по желѣзной дорогѣ, требующей на то лишь одного часа
времени, все сдѣлалось общимъ: какъ удовольствія и выгоды, породив-
шія добро, такъ и неудобства отъ многолюдства, познакомившія со зломъ.
Вотъ отчего павловскіе, равно какъ и царкосельскіе жители не на-
бавлялись, въ эпидемію 1848 года, этого всемірнаго бича — холеры!
Но въ окрестныхъ деревняхъ Павловска, находящихся въ рѣдкихъ сооб-
щеніяхъ съ Петербургомъ, и въ нынѣшнюю эпидемію, холеры вовсе
не было.»

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Древнiе и современники. — Фельетонъ и его антагонисты. — Дневникъ одного петербургскаго джентльмена. — Анахоретъ. — Екатерингофъ и дачи близъ Нарвской-заставы. — Напрасныя метаморфозы. — «Марьяна-роща», превращенная въ «Монплезиръ», и бывшая «Александрiя», переименованная въ «Дорданъ». — Рыцарскiе праздники въ Любекѣ и танцевальныя вечера въ Полюстровѣ. — Первое июля на Елагиномъ-островѣ. — Невозмутимая тишина въ Муринѣ и непрерывное движенiе въ Новой-деревнѣ. — Тамоснiе потѣшныя огни и бѣе-фисы, живыя картины и восковыя фигуры. Аполлонъ и музы въ Павловскомъ вокзалѣ.

Много ли мы знаемъ достовѣрнаго о частной и общественной жизни просвѣщеннѣйшихъ народовъ древняго мiра? У нихъ процвѣтали науки, искусства, но не было книгопечатанiя, журналовъ, газетъ; глашатаи громко кричали на площадяхъ, но голосъ ихъ замиралъ въ концѣ улицъ, и ужъ никакъ не доходилъ до потомства. Отрывчатая, мимоходныя или собственно случайныя, по предложенному вопросу, свѣдѣнiя, встрѣчаются лишь у нѣкоторыхъ древнихъ историковъ, повѣствователей и поэтовъ, преимущественно греческихъ и римскихъ. Неполнота и неудовлетворительность этихъ показанiй влекутъ за собою догадки и гаданiя, произвольныя выводы и сомнѣнiя, множество гипотезъ и мало аксиомъ. Не шевеля давно отжившихъ, въ мелкiй порошокъ истлѣвшихъ грековъ и римлянъ, минуя мрачный лабиринтъ глубокой старины, не забираясь ни вдале, ни вчузь, беремъ ближайшую, мѣстную точку исхода, наприимѣръ, петербургское наводненiе 7 ноября 1824 года, которое, конечно, на точку не походило, и скромно спрашиваемъ: могли ли бы мы, дѣти той поры, представить положительныя и подробныя данныя для описанiя здѣшнихъ нравовъ лѣтъ за тридцать передъ настоящимъ? Правда, Гуттенбергово изобрѣтенiе не было на Руси новостью и въ 1624 году; газеты и журналы существуютъ у насъ цѣлый уже вѣкъ: но тогда русскiе повѣсти и романы едва возникали; журналами назывались брошюрки неопредѣленнаго состава; два-три раза въ недѣлю выходили какiе-то тщедушныя листки, смѣсь мелкихъ извѣстiй, собранныхъ безъ порядка и цѣли; газеты же *ежедневныя*, въ большемъ форматѣ и съ значительнѣйшимъ содержанiемъ, появились въ недавнее время, на свѣжей памяти каждаго; еще позднѣе показался въ нихъ *фельетонъ*, словоохотливый, неумолчный вѣстовщикъ...

Не для чего рассказывать о его европейскомъ происхожденiи, отыскивать минуточку первоначальнаго, незамѣтнаго его рожденiя, а потомъ развитiя, совпадающаго съ изобрѣтенiемъ паровыхъ машинъ и зажигательныхъ спичекъ. Онъ образовался постепенно, по-мѣрѣ потребности,

выражавшейся послѣдовательными измѣненіями въ общественномъ и частномъ быту... въ-слѣдствіе тѣхъ же условій учредился наконецъ и у насъ, лѣтъ за двадцать тому, мало-по-малу приобретаемая существенность содержанія и совершенствуясь въ формѣ; сначала онъ пріютился въ газетахъ, а въ-послѣдніе годы перешелъ и въ другіе литературные современники, сдѣлался ихъ общимъ достояніемъ и необходимою, потому-что обязанность его говорить обо всемъ новомъ, или занимающемъ публику въ извѣстный моментъ. Зимомъ онъ описываетъ балы, маскарады, спектакли; во-время поста — концерты; весной — оживленный тротуаръ невскаго проспекта, и обнаженные липы Лѣтнаго-сада, вспоминаетъ зиму и живетъ надеждами лѣта, а лѣтомъ, вмѣстѣ съ публикою, переселяется за городъ..

За что бы, кажется, быть на фельетонъ въ претензіи? Малый онъ добрый, не глупый, не невѣжда, а главное — неутомимый. Безъ-устали рассказываетъ онъ вамъ, такъ и сякъ, все, что интересуетъ васъ болѣе или менѣе, изображаетъ вашу собственную жизнь въ обществѣ, еще интереснѣйшую для тѣхъ, кто въ суетѣ мірской личнаго участія не привникаетъ, по отдаленности ли отъ центра ея, или по недостатку средствъ пользоваться столичными развлеченіями. Довольны имъ современники, потому-что смотрятся въ него, словно въ зеркало, хотя онъ полъ часъ строятъ гримасы и показываетъ языкъ; будетъ не безынтересенъ, не бесполезенъ онъ и внукамъ современниковъ, какъ свидѣтельство объ образѣ жизни и нравахъ ихъ отцовъ и дѣдовъ; статья можетъ, скажутъ ему спасибо грядущіе историки и романисты, потому-что, неспорно, при богатствѣ матеріаловъ, гораздо легче будетъ написать какую-нибудь монографію или повѣсть изъ временъ половины XIX столѣтія, нежели изъ временъ Немврода, Аскольда или боярина Кучки, слывшаго основателемъ первобытной, въ видѣ селенія, Москвы..

За что бы, право, слишкомъ нападать на невинный фельетонъ? Нѣтъ, такъ выискались безошадные зоиы и критиканы!.. «Все описываютъ намъ петербургскія увеселенія!» восклицаютъ или вопрошаютъ эти безвѣстные судьи, безавторитетные цѣнители. Не плакать же намъ съ вами, велемудрые господа, не выдумывать для васъ небывальщину, когда современность и безъ того хитра на выдумки.

Добро бы эти противники фельетонистовъ укоряли ихъ въ бездарности, неловкости, неумѣньи рассказывать новости, замѣчали бы, что фельетонъ, повидимому, самый легкій — вмѣстѣ съ тѣмъ самый трудный родъ прозы, нелишенный поэзіи, требующій ума зорко-наблюдательнаго, таланта, сколько разнообразнаго, столько же гибкаго и оборотливаго. Они ничего не замѣчаютъ, ничего не видятъ, повторяя только

свое стереотипное обвиненіе: «зачѣмъ петербургскіе фельетонисты описываютъ зимою — зима, а лѣтомъ — лѣтнія удовольствія?» Странное неудовольствіе, заставляющее предполагать, не желаютъ ли зомы, чтобъ зима изображалась лѣтомъ, а лѣто зимою? Что жъ, и такъ можно, для противоположности, и выйдетъ недурно, подѣ перомъ по-искусствѣ пера угрюмыхъ, не любящихъ веселости критикановъ!

Позвольте вступить за бѣдныхъ петербургскихъ фельетонистовъ. Они нерѣдко дѣлаютъ болѣе, нежели должно ожидать и требовать, въ иную глухую пору, не обильную новостями: они, для такой оказіи, отиѣнно выучились, что—называется, *толочь воду*, то—есть, изъ *ничего* создавать *нѣчто* или *ничто*, и мастера, не хуже французовъ, поразсказать о томъ, о семъ, а пуще ни о чемъ; значить, у нихъ есть слогъ, манера, приемы. Если же, ко всему этому, посчастливится напасть и на *содержаніе*, то вамъ, безъ сомнѣнія, подносятъ блюдо, приготовленное изъ отборнаго куска свѣжаго мяса, приправленнаго всеми спеціями, и подѣ соусомъ кисло-сладко-горькимъ...

Фельетоны, какъ всякому извѣстно, бываютъ общіе и частные или спеціальныя. Въ первыхъ трактуется обо всемъ, по произволу и выбору автора, и это фельетоны наименѣ затруднительныя, потому-что онѣ властенъ переходить, для разнообразія, отъ предмета къ предмету: отъ наукъ къ искусствамъ, отъ нихъ къ литературѣ, и отъ высшей философіи или идеальнѣйшей поэзіи къ соленымъ огурцамъ и цареной рѣпѣ. Виногретъ у Вольфа и палкинская окрошка не могутъ быть вкуснѣ такого энциклопедическаго фельетона. Иное дѣло частный, для одного лишь предмета предназначаемый. За привѣромъ не далеко ходить. Возьмемъ «Пантеонъ». Его «Петербургскій Вѣстникъ» состоитъ изъ четырехъ фельетонныхъ отдѣловъ, отданныхъ въ аренду *журналистикъ, библиографіи, общественной жизни* и *музыкѣ*. Лѣтомъ «Пантеонъ» выходитъ безъ музыки, не разбирая «садовыхъ» полекъ и «воздушныхъ» вальсовъ; но журналы и книги продолжаютъ выходить круглый годъ, а жизнь общественная не прекращается и въ холеру, къ которой мы какъ-то попривыкли съ 1848 года. Каждый отдѣлъ занимается исключительно своею спеціальностью и въ предѣлы другаго вмешиваться не вторгается; да и зомламъ тутъ поживы не будетъ: они не въ правѣ потребовать, чтобъ библиографія толковала о рыбныхъ промыслахъ, «журналистика» описывала биржу или толкучій рынокъ, «музыка» пускалась въ разсужденіе объ анатоміи или астрономіи, и, наконецъ, чтобъ отдѣлъ «общественной жизни» не смѣлъ и заикаться объ увеселеніяхъ... Пусть это не нравится лично тѣмъ, которые важно осуждаютъ другихъ за то, чего сами не хотять, не

могутъ или не умѣютъ дѣлать, хотя они, воставая противъ фельетонистовъ, незамѣтно пишутъ не что другое, какъ фельетонъ же, только, къ сожалѣнію, плохой — пусть ихъ! Не обращая ни малѣйшаго вниманія на выходки, будемъ продолжать свою простую, беззапѣнную дѣлопись, внося въ нее или собственные замѣтки, или наблюденія другихъ. На этотъ разъ охотно уступаемъ обязанность нашу одному пріятелю, обязательно сообщившему намъ выдержки изъ дневника своего. Не позволяемъ себѣ измѣнить въ нихъ ни слова. Авторъ не извѣстенъ въ литературѣ, не печатаетъ своихъ досужихъ писаній, но это не мѣшаетъ ему знать грамоту, по меньшей мѣрѣ, не слабѣе всѣхъ насъ, первыхъ изъ послѣднихъ и послѣднихъ изъ первыхъ. Онъ человѣкъ пожилой, бывалый, знакомый съ людьми и свѣтомъ, по книгамъ и на практикѣ, и, какъ свои пять пальцевъ, изучившій Петербургъ, въ которомъ выросъ, возмужалъ и состарѣлся. Раннія морщины и просѣды не занесли еще холода въ его сердце... но намъ неудобно расхваливать пріятеля, — съ одной стороны, чтобъ не заподозрить подлинность его существованія, съ другой, чтобъ не смутить его скромность. Вотъ онъ самъ, на-лицо, съ своимъ добровольнымъ фельетонно-дневникомъ...

29 мая. Рѣшено. И въ нынѣшнемъ году, по примѣру прошлыхъ, я не выезжаю на дачу, остаюсь въ городѣ, которому принадлежу ежедневно, отъ утра до вечера, добросовѣстно исполняя принятыя мною на себя обязанности и заботливо устранивая свои дѣла. Какая же тутъ дача, когда надобно вставать съ первымъ лучемъ денницы, и снова ложиться въ постель передъ закатомъ солнечнымъ, послѣ позаняго обѣда, чтобы этимъ дневнымъ отдохновеніемъ возобновить утомленныя утреннимъ трудомъ силы, возобновить ихъ и для необходимаго вечерняго развлеченія, и для предстоящей ночной работы...

Вотъ такъ-то проходитъ жизнь моя, въ-теченіе многихъ, многихъ лѣтъ; такъ-то, не лучше, не хуже, проводитъ ее, во всемъ мірѣ, большинство чело́вѣчества, и вѣчно оправдывается знаменательное слово завета: «въ потѣ чела будешь снискивать хлѣбъ свой!»

Но не о томъ дѣло: рѣшеніе мое самое благоразумное — можно востоянно жить въ городѣ, и ежедневно бывать за городомъ; къ тому жъ, я такъ люблю свою городскую квартиру, своихъ «ларь» и «пенатовъ», свой удобный кабинетъ и свое холодное, жѣсткое «ложе», котораго не промѣняю на самое пышное, изъ лебяжьяго или гагачьяго пуха, вѣдь роскошною завѣсомъ изъ драгоцѣннѣйшей ткани.

7 юня. Почти каждый вечеръ я ѣзжу куда-нибудь на дачу, или, правильнѣе вникуда, то-есть, странствую безъ цѣли, *l'agrément*, собственно для освѣженія себя чистымъ воздухомъ, для отраднато взгляда на зелень, на деревья, на цвѣты, на голубую воду рукавовъ Невы, которая тамъ, между живописными берегами, течетъ быстрѣе, привольнѣе и прозрачнѣе, нежели въ мутныхъ потокахъ городскихъ каналовъ, скванпыхъ гранитомъ и покрытыхъ барками съ грузомъ дровъ... Чѣмъ дальше въ лѣсъ, или, другими словами, чѣмъ дальше за городъ, тѣмъ душѣ моей легче, тѣмъ я дышу свободнѣе, живѣе.. Изъ Лѣтнаго-сада пробираюсь я въ Александровскій-паркъ, гдѣ бездеременно и непритязательно прогуливаются смиренные обитатели ближайшихъ улицъ Петербургской-стороны, прохлаждаясь или согрѣваясь чаемъ въ кофейной и снисходительно слушающую на ея балконѣ фальшивую музыку.. Изъ парка отираваюсь на Петровскій, а оттуда на другіе острова, то пѣшкомъ, то въ пролеткахъ, которыя за мною слѣдуютъ, по гладкому шоссе и по довольно-умѣренной цѣнѣ; иногда вагонъ царскосельской желѣзной дороги переноситъ меня въ Павловскъ, гдѣ я нахожу что-то похожее на дѣйствительную природу, украшенную искусствомъ, а величавѣе дилижансъ тащитъ въ Парголово, гдѣ горы не подпираютъ облаковъ и на Парнасъ нѣтъ поэзіи, или къ Лѣтнему-институту, вблизи котораго играетъ оркестръ Шиндлера, когда, между тѣмъ, окрестъ ничто не представляетъ игры воображенію; порою, плыву на пароходѣ къ волшебнымъ садамъ Петергофа, шумящимъ фонтанами, заглушающими иѣрный, выразительный прибой волнъ широкаго залива. Если прогулка или поѣздка моя была не отдаленная, то около полуночи я уже дома... пересматриваю газеты, перелистываю журналы, дѣлаю выписки, извлеченія въ свою огромную тетрадь, заключающую въ себѣ четверть вѣка замѣтокъ и добрую половину мудрости человѣческой... зѣваю надъ нею, — надъ мудростью или тетрадью, все-равно, — принимаюсь потомъ за дѣла прозаическія, и часу въ третьемъ или четвертомъ, отхожу наконецъ ко сну. Случается, закипитъ въ немъ кровь, и глупая, непрощеная греза вдругъ пробудитъ давно угасшую молодость съ ея призраками, обманчивыми, но плѣнительными...

9 юня. — Слушалъ на «Водахъ» элегію и венеціанскій карнавалъ, разыгранные на флейтѣ г. Совле; тутъ, не во снѣ, а на яву, приюнилось мнѣ далекое мое дѣтство, когда я, «мальчикомъ у ручья», самъ дулъ въ какую-то дудочку, и воображеніе пригнало звуки пастушескаго рожка, нарисовало въ памяти нашу деревню, наши родныя горы и озѣра... тѣнь матушки мелькнула передъ моими глазами, на нозѣ проступили забытыя гостыи, слѣзы, и я поспѣшилъ скрытсея изъ тол-

ны, которая никогда не плачетъ, ищетъ вездѣ не трогательнаго, а смѣшнаго; и пришлось бы смѣяться, еслибъ было иначе...

Черезъ недѣлю. Опять на «Водахъ». Бенефисъ Ивана Гунгля, который угощалъ *вальсомъ-преферансомъ, полькою-пигмалиономъ и русскою мелодіей*, на сколько удастся она нѣмцамъ...

Спустя двѣ недѣли. «Увлекаемый толпою», я таки частенько посѣщалъ Новую-деревню, гдѣ можно повстрѣчать много знакомыхъ и, безъ большой скуки, созерцать незнакомыхъ. Но о Новой-деревнѣ когда-нибудь послѣ. Июнь прошелъ. Дни, недѣли, мѣсяцы быстро утекаютъ, невидимо слагаясь въ годы. Двѣ трети жизни ускользаетъ незамѣтно, хотя не всегда летишь на крыльяхъ счастья...

6 июля. Ну, ужъ денёкъ выдался вчера!.. хотя и праздничный, но ничего «увеселительнаго»... зато свиданіе съ стариннымъ товарищемъ, съ которымъ лѣтъ двадцать не встрѣчался... я даже совершенно потерялъ было его изъ виду и памяти, и во все это время ни разу съ нимъ не столкнувшись, имѣлъ достаточное основаніе предполагать, что его, вѣроятно, давно нѣтъ въ Петербургѣ, а можетъ-быть и въ живыхъ... вдругъ слышу, что онъ живѣхонекъ, цѣлехонекъ, не думалъ покидать столицы, и пребываетъ если не въ самомъ Петербургѣ, то подъ самымъ Петербургомъ, не то въ помѣстьѣ, не то на дачѣ, не то въ лѣтне-зимнемъ загородномъ домѣ, устроенномъ на хозяйственную ногу; изъ этого уединеннаго жилища, зимою и лѣтомъ, каждое утро держитъ онъ, по дѣламъ, путь въ городъ, и часа въ четыре пополудни, къ обѣду, возвращается въ свой оригинальный пріютъ. При этомъ мнѣ объясняли, что сказанныя дѣла, какіе-то обороты, неуловимо чистые и честные, неведетъ онъ сколько искусно, столько же удачно, приобрѣлъ состояніе и живетъ въ довольствѣ, хотя и на свой, нѣсколько эксцентричекій ладъ; въ заключеніе прибавили, что этотъ пригородный анахоретъ интересуется мною лично и жалѣетъ, что мы совершенно разошлись. Такимъ-образомъ подстрекнули мое любопытство и самолюбіе, и я рѣшился возобновить знакомство и отношенія, давненько прерванныя. Мы когда-то, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, служили вмѣстѣ и были, какъ говорится, хороши между собою; онъ оказывалъ мнѣ что-то въ родѣ сочувствія или дружбы, которой—не израсно ли утвердилось повѣрье—на бѣломъ свѣтѣ не подигся, и которая всегда въ черный день измѣняла. Припомнилъ я себѣ этого стариннаго доброжелателя моего... когда мы разстались, ему было лѣтъ тридцать или подъ тридцать... небольшого роста, крѣпкій, здоровый, съ черными, какъ смоль, волосами и бакенбардами, содержимыми рачительно... охотный прилично, но безъ малѣйшаго фравтовства... трудо-

бывшій, способный, точный, степенный и характерный, любившій иногда потолковать о литературѣ, исторіи и политикѣ.

Вотъ какой портретъ вертѣлся въ моей памяти, какъ кружащійся столъ отъ прикосновенія пальцевъ или силы воображенія. Но сколько воды утекло съ-тѣхъ-поръ, совершилось событій, мировыхъ и мірскихъ!

Мысль и воспоминанія человѣческія имѣютъ птичье свойство быстро пролетать огромныя пространства мѣста и времени. Для «субъекта» сколько-нибудь образованнаго — а я не изъ числа самыхъ крупныхъ невѣждъ — открывается неизмѣримая даль вѣдъ предѣловъ личнаго его существованія, міръ историческій и фантазіи. Наканунѣ чередъ моей вечерней прогулки перекинулъ меня въ Екатеринбургъ... съ бельведера павильона львовъ, любясь картиною видныхъ оттуда, почти какъ на ладони, залива съ Кронштадтомъ, Петербурга съ его громадами и островами, красносельскихъ горъ, Стрѣльны, Сергіевской-пустыни, умственныхъ взорами, я то переносился за моря и горы не сосѣданія, то въ вѣкъ Петра, такъ живо напоминаемый дворцомъ его въ Екатеринбургѣ, со старинною мебелью, которая ему служила, съ вещами, къ которымъ онъ прикасался, и опочивальней, въ которой отдыхалъ послѣ трудовъ на пользу, честь и славу Россіи...

Однакожъ, надобно было сойти съ высоты, съ бельведера. Блуждая тамъ и самъ, по этому безконечному саду, то въ его тѣнистыхъ аллеяхъ, то вдоль береговъ, вблизи которыхъ, въ 1703 году, одержана основателемъ Петербурга первая надъ шведскимъ флотомъ побѣда, сначала я попалъ въ скверъ, гдѣ играло и рѣзвилось очень миловидное, подроставшее поколѣніе, дѣвочки въ коротенькихъ панталончикахъ, и мальчуганы въ длинныхъ рубашечкахъ; — а потомъ на забавы взрослыхъ у итальянской кофейной съ круговымъ ходомъ и «бальнымъ» оркестромъ г. Мейера; танцующихъ впрочемъ тутъ не оказалось, и подъ звуки «бальнаго» мужички грызли орѣхи, какія-то женщины кусали палочки шоколада, расхаживали нѣмцы съ безмолвіемъ и сигарями во рту, и разные, неопредѣленныхъ сословій, русскіе въ нѣмецкомъ платьѣ, внимательно слушавшіе національныхъ пѣсенниковъ, устами своими, при дневномъ свѣтѣ, зажигавшихъ «лучинушку»; медленно проходя мимо одной любопытной группы, я случайно подслушалъ рассказъ о томъ, какъ здѣсь недавно пускали маленькіе воздушные шары, при благоприятныхъ обстоятельствахъ залетавшіе выше березы, а при неблагоприятныхъ спокойно пощавшіеся на суку ея... Кто-то изъ разсуждавшихъ объ этомъ вспоминалъ, кстати, о прошлогоднихъ воздушныхъ плаваніяхъ въ обширѣйшемъ размѣрѣ, о настоящихъ аэростатахъ, уве-

свиныхъ въ страшную высь смѣлыхъ авантюристокъ, которымъ некуда уже было падать и которые потому отважно подымались къ облакамъ...

Эта безцвѣтная прогулка происходила наканунѣ другой, нѣсколько болѣе характеристической, хотя и не составлявшей «драмы». Впрочемъ тутъ было одно «печальное положеніе», одно страдательное дѣйствующее лицо: печальное положеніе приходилось на мою долю, страдательное лицо былъ я самъ. Теперь можно смѣяться, играть словами, а вчера чуть я не очутился лицомъ къ лицу съ злодѣйкою холерою, если вѣрить, что ближайшій проводникъ къ ней—сильная простуда.

Все утро отняли у меня незваные, неожиданные и не довольно пріятные посѣтители, которые въ праздничные или воскресные дни лезутъ дома людей занятыхъ, курятъ у нихъ сигары и завтракаютъ... Едва часу въ третьемъ успѣлъ я освободиться отъ этой саранчи, поѣдающей не только ваши завтраки, но и время, вещь, которую нельзя ни купить, какъ сотню устрицъ, ни продать за полцѣны, какъ заемное письмо, ни заложить, какъ испорченные часы, имѣющіе странную привычку останавливаться у ломбарда. День былъ весьма порядочный, не обѣщавшій грозы; съ нетерпѣніемъ ожидаемой сгущенною атмосферою Петербурга, или обыкновеннаго ненастья, терпѣливо, во всякую пору, ожидаемаго извозчиками, умѣющими изъ грязи извлекать полтинники. Короче, я запасся зонтикомъ не столько изъ предосторожности отъ дождя, сколько для защиты отъ солнца...

Предчувствуя или угадывая въ этотъ день добычу, извозчики гордо отвѣчали на мои «скромныя» предложенія и ломили, что называется, страшную цѣну за разстояніе, не превышавшее десяти верстъ въ одинъ конецъ. Конецъ, правда, не ближій; но, по моимъ соображеніямъ, основаннымъ на опытѣ, трехрублевый былъ бы достаточнымъ вознагражденіемъ азъ удовольствіе прокатиться десять верстъ въ дрожкахъ, везомыхъ какою-нибудь хромою и тощею клячей. Я поставилъ на своемъ, и пройдя версты полторы, сошелся въ кондиціяхъ съ однимъ благонамѣреннымъ ванькой, не зараженнымъ еще современной страстью къ непомѣрному любостажанію...

Лишь только усѣлся я въ дрожкахъ, и распустилъ зонтикъ надъ головою, въ предохраненіе ея отъ «палаящихъ лучей знойнаго солнца», какъ онъ мгновенно вырванъ былъ изъ рукъ моихъ внезапнымъ порывомъ откуда ни взявшагося самаго неприличнаго и заносчиваго вѣтра, который одновременно съ тѣмъ засыпалъ глаза мои пылью.

То было начало бѣдствій прихотливаго дня. Безъ малѣйшаго ронота, хотя и совершенно безъ всякаго удовольствія, слѣзъ я съ дрожекъ для поднятія зонтика, который, будто обрадовавшись свободѣ, волочкомъ

прыгалъ по землѣ. Свернувъ его и возвратившись къ моему возницѣ, я въ правѣ былъ считать себя безопаснымъ отъ дальнѣйшихъ покушеній «игриваго зефира», но не догадался, при этой увѣренности, крѣпче надвинуть на лобъ шляпу, и она, не замедливъ слетѣть съ него, быстро завертѣлась по тротуару, какъ-будто бы къ ней вдругъ прикоснулось двадцать самыхъ магнетическихъ рукъ, изъ числа тѣхъ, которыя успѣшно занимаются вращаніемъ столовъ. Безъ неумѣстной досады, но съ явною неохотою принужденъ я былъ снова покинуть свое сѣдалище, поймалъ шляпу, и такъ нахлобучилъ ее на глаза, что они едва могла созерцать видимое и невидимое въ крутящихся столбахъ вихря, вздымавшаго облака пыли...

Спустя минутъ пять, у извозчика моего сперва распряглась лошадь, потомъ оборвались возжи, и наконецъ соскочило одно изъ переднихъ колесъ; все у него оправдывало пословицу: «дешево, да гнило», и я начиналъ уже упрекать себя въ скупости, но миновавъ заставу безъ дальнѣйшихъ приключеній, и замѣчая, что погода унимается, сталъ понемногу утѣшаться... воображеніе льстиво подсказывало мнѣ вѣроятныя подробности пріятнаго свиданія съ стариннымъ сослуживцемъ и рисовало привлекательную картину предстоящей теплой бесѣды...

На пятой веретѣ мечты эти нѣсколько возмущены были недоразумѣніями, возникшими между мною и ванькой, котораго благонамѣренность оказалась сомнительною. Прикидываясь простякомъ, онъ пустился въ нескладное объясненіе, будто бы не хорошо понялъ, куда именно нанялся отвезти меня, и ни съ того, ни съ сего потребовалъ прибавки. Спокойно, но твердо я отвѣчалъ ему, что онъ пріобрѣтетъ только половину условеннаго, если не обратится къ правиламъ честности. Несмотря на всю отвлеченность этого возраженія, ванька достаточно уразумѣлъ меня и прекратилъ свои несправедливыя сѣтованія и требованія. Приближаясь къ цѣли поѣздки, я поставленъ былъ въ необходимость, останавливаясь по-временамъ, предлагать, прохожимъ вопросы касательно опредѣлительнаго пункта или мѣстоположенія дачи, на которую ѣхалъ. Получивъ сбивчивыя указанія и неясные адреса, я заблаговременно простился съ своимъ недовольнымъ возницей, и направилъ стопы къ ближайшему «заведенію», гдѣ разомъ могъ удовлетворить двумъ потребностямъ: во-первыхъ, привести въ благообразіе личность свою и туалетъ, ощутительно потерпѣвшіе отъ пыли; во-вторыхъ, распросить объ отыскиваемой дачѣ. Вода, полотенце, щетка и языкъ половаго, цѣною гривенника, отлично послужили мнѣ въ обонхъ отношеніяхъ, и черезъ пять минутъ, на воротахъ сосѣдняго жилища, я, не безъ нѣкотораго волненія, прочиталъ фамилію, которая нѣкогда крупно расчерки-

вазась въ скрѣпахъ бумагъ канцеляріи, впервые познакомившей меня съ условіями дѣловаго изложенія...

Волненіе мое увеличилось, когда я вошелъ въ полутемную прихожую, гдѣ случайно встрѣченъ былъ дамою среднихъ лѣтъ съ волосами золотистаго отлива, какъ у Адриенны Кардовиль, и привлекательными чертами меланхолическаго лица. Я догадался, что имѣю честь видѣть супругу... вторую супругу моего знакома, который, по дошедшемъ до меня свѣдѣніямъ, лѣтъ десять тому, лишился первой...

— Вы по дѣлу, вѣроятно? спросила она тихимъ, немного болѣзненнымъ голосомъ.

— Такъ точно,—отвѣчалъ я, чтобъ не вдаваться въ длинныя объясненія, и торопливо снимая пальто, невольно подумалъ: сюда конечно, безъ дѣла, безъ существенной надобности, не ѣздить и не ходить.

— Пожалуйте въ залу, мужъ мой тамъ, прибавила добрая женщина, и скрылась въ смежномъ корридорѣ.

Я вошелъ въ большую квадратную комнату, по множеству оконъ положую на фонарь, а по убранству диванами и креслами на залу не похожую, и едва показавшись въ дверяхъ, какъ съ одного изъ креселъ, не торопливо, но и безъ медленности, не важно, но и не безъ чувства собственнаго достоинства, навстрѣчу мнѣ поднялся плотный, здоровый, средняго роста, пожилой мужчина, съ густыми бакенбардами и въ шарикѣ...

Мы узнали другъ друга съ перваго взгляда, и свидѣлись такъ спокойно, такъ равнодушно, какъ будто бы разстались не двадцать лѣтъ тому, а вчера только. Ветарину, послѣ долгой разлуки, давнѣ знакомцы бросались другъ къ другу въ объятія... у насъ же, по-крайней-мѣрѣ съ его стороны, не обнаружилось ни малѣйшаго движенія или позвоновенія къ чему-нибудь подобному; не помню даже, подалъ ли онъ мнѣ руку, и протянулъ ли я ему свою...

— Прошу покорно садиться, сказалъ онъ, съ замѣчательнымъ безстрастіемъ, съ чрезвычайною, хотя и холодною учтивостью, указывая на кресло близъ главнаго дивана, гдѣ помѣщался уже какой-то почтенный господинъ, умной и благородной наружности.

Раздѣлявшій насъ круглый столъ озарялся какимъ-то страннымъ сіяніемъ, не то отъ лучей солнечныхъ, не то отъ огня каминнаго... но солнце не свѣтило, и ни огня, ни каминна въ комнатѣ не оказывалось. Откуда же этотъ эксцентрическій отблескъ?

Осмотрѣвшись хорошенько, я мигомъ смѣкнулъ причину непонятнаго явленія: по другую сторону стола сидѣлъ низенькій, худощавенькій джентльменъ, обладавшій необыкновенно рыжими, почти крас-

ными, огненнаго цвѣта волосами, которымъ соотвѣтствовали его густухъ и жилеть, тоже очень яркіе. Въ добродушнѣйшихъ, чтобъ не сказать «умилительныхъ» чертахъ лица его нельзя было не замѣтить нѣкотораго родственнаго сходства съ госпожею, привѣтствовавшею меня въ прихожей...

Минуту или двѣ длилось молчаніе. Пламенный джентльменъ радужно улыбался; почтенный господинъ, задумчиво склонивъ голову, сложилъ руки подъ грудью; хозяинъ, опустивъ глаза къ полу, усталому весьма порядочнымъ ковромъ, вертѣлъ между пальцами маленькую золотую табакерку; я, тѣмъ временемъ, разсматривалъ комнату, въ которой царствовали порядокъ, чистота, симметрия, но все притомъ было какъ-то холодно, мертво и пустынно.

На столѣ лежалъ старый номеръ Сѣверной Пчелы, и изъ столбцовъ ея выглядывалъ какой-то интересный вопросъ. Я ухватился за него, какъ за предлогъ къ завязкѣ разговора, находя слишкомъ обветшалымъ начинать его съ погоды или съ холеры... Хозяинъ издалъ какой-то глухой звукъ, почтенный господинъ коротко выразилъ какое-то неопредѣленное мнѣніе, зато рыженькій словоохотно распространился, не хуже иностраннаго газетчика, толкующаго впрямъ и вкось, ради наполненія листа болтовнею «современнаго интереса». Отъ сказаннаго вопроса почтенный господинъ, можетъ-быть, педагогъ, неизвѣстно какими путемъ, повернулъ разсужденіе къ воспитанію юношества, потомъ къ Платону и Периклу и наконецъ къ Гораціямъ и Куріаціямъ. Рыженькій джентльменъ, очевидно во всемъ одинаково свѣдующій, не затруднялся выводами и рѣшеніями. Хозяинъ, отъ-времени-до-времени, испускалъ односложное слово или значительно кивалъ головою, размышлявшею, казалось, о чемъ-то иномъ, безъ сомнѣнія о цовомъ, занимавшемъ его дѣлѣ или оборотѣ; методически приласкалъ вошедшую было въ комнату малолѣтнюю дочку свою, и мѣрно, черезъ каждыя пять минутъ, нюхалъ табакъ.

Съ любопытствомъ вперялъ я взоръ въ своего стариннаго знаконца. Все въ немъ было оригинально и замѣчательно: его заботливо приглаженный парикъ, въ которомъ не отдѣлялось ни одного волоска; воротнички, ровно подпиравшіе подкрашенные бакенбарды; камлотовый сюртукъ, застѣгнутый на всѣ пуговицы, новенькій, чистенькій, безъ морщинки и складки; руки неукоризненной бѣлизны, съ рачительно подстриженными ногтями; сапоги, блиставшіе какъ черное зеркало... приемы, движенія, исполненныя обдуманности и разсчитанности, важная молчаливость, медленная, спокойная рѣчь. Двадцать лѣтъ нѣмѣнли его.

Онъ казался философомъ, не «безъ огурцовъ» однакожъ, обильно производимыхъ его огородамъ.

Я не клалъ шляпы; меня не просили положить ее, и я выжидалъ удобнаго мгновенія, чтобъ встать и откланяться; вдругъ вошла хозяйка и пригласила всѣхъ—въ столовую. Хозяинъ молча взялъ меня подъ руку, какъ будто я былъ частый, обычный гость, заранѣе приглашенный къ обѣду...

Я не противился, потому-что отъ хлѣба-соли отказываются только люди спѣсивые или потерявшіе аппетитъ, и рѣшился подражать хозяину въ его автоматической роли. За столомъ, послѣ втораго блюда, почтенный господинъ былъ не только уменъ и ученъ, но и любезенъ, а словоохотливость и энциклопедическія познанія рыженскаго достигли крайняго развитія... Отъ двухъ, трехъ рюмокъ хереса онъ сталъ еще краснѣе и воспламенительнѣе: я такъ и боялся какой-нибудь вспышки, впрочемъ не опасной, потому-что на дворѣ шелъ проливной дождь. Трапезу нашу мы совершали въ полутемнотѣ: сырая погода не позволяла открыть оконъ, выходившихъ въ садъ, гдѣ деревья, цвѣты и трава жадно принимали въ себя благодатную влагу, долженствовавшую освѣжить тяжелый, душный воздухъ, и растворить растительность живительному благоуханію.

Кромѣ описанныхъ выше лицъ, безмолвную часть сотрапезниковъ составляли двѣ маленькія дочери угрюмаго амфитріона и дѣвушка лѣтъ семнадцати, съ блѣднымъ, печальнымъ лицомъ и съ выраженіемъ въ чертахъ его безответной покорности—то, вѣроятно, была или близкая родственница хозяина, или дочь его отъ перваго брака. Я смотрѣлъ на нее съ участіемъ.

Старинный сослуживецъ мой, въ кругу своего сложнаго семейства, не дѣлалъ никому различія въ обращеніи, одинаково, съ соблюденіемъ личнаго достоинства, благосклонный ко второй женѣ, ко всѣмъ дѣтямъ и—гостямъ. Ни почтенный господинъ, ни рыженскій говорятъ, угрожавшій волосами своими зажечь скатерть и всю дачу, ни я, посѣтитель неожиданный, не воспользовались отъ него ни малѣйшею льготою. Уклончивый, экономный въ словахъ, онъ изрѣдка обращался къ каждому съ откровенною разборчивостью,—изысканною, но не приторною и не навязчивою вѣжливостью. Вотъ, въ-самомъ-дѣлѣ, *характеръ!* подумалъ я, — характеръ, выработанный временемъ, обстоятельствами и опытомъ...

Напрасно всячески старался я втянуть его какъ-нибудь въ разговоръ, въ словопрение; употребляя всевозможныя средства, прямыя и

косвенныя, чтобъ разломать эту твердую кору, снять эту непроницаемую маску, заглянуть хоть мелькомъ въ затаенную душу этого чловѣка, отнюдь не «общественнаго»; всѣ усилія мои ни къ чему не послужили.

Къ концу стола, когда тутъ же, за столомъ, оригинально подали кофе въ стаканахъ, съ густыми, точно деревенскими сливками и домашнимъ бѣлымъ хлѣбомъ, совершенно впрочемъ лишнимъ послѣ сытнаго обѣда, къ концу его, хочу сказать, явился новый гость, веселый говорливый, остроумный. Онъ оживилъ нашу вялую, неклеившуюся бесѣду, рассказала нѣсколько забавныхъ анекдотовъ. Всѣ смѣялись, включая хозяина, который едва позволилъ себѣ слегка улыбаться...

Послѣ обѣда я не вытерпѣлъ; уловивъ удобную минуту, въ свою очередь, взявъ подъ-руку моего амфитріона, отвелъ его въ сторону, и прямо, откровенно сказалъ:

— Послушайте, я васъ не узнаю?

— Находите, что очень постарѣлъ, отвѣчалъ онъ простодушно.

— Не то: я разумью характеръ...

— Измѣняется съ лѣтами...

— Ну, а помните... Одилонъ Барро?

— Пустѣйшій чловѣкъ!

— А ваши философы?

Онъ презрительно улыбнулся и насмѣшливо сказалъ: всѣ эти философскія системы, съ своими Спинозами, Фихте, Якоби, Шеллингами и Шлегелями, шарлатанизмомъ остроумнаго кошуна Вольтера и пагубными парадоксами вѣжно-страстнаго Руссо, не выучатъ васъ выиграть самаго простаго процесса: а мудрости и добродѣтели не у нихъ я стану учиться — есть другая книга....

— Кто, почтеннѣйшій, говорить о процессахъ,—для нихъ не философія, а «Опытный Стряпчій»... Дѣло въ томъ, что вы подъ самою столицей живете строжайшимъ анахоретомъ... Въ-продолженіе столькихъ лѣтъ мы нигдѣ ни разу не встрѣчались: значить, вы никогда не посѣщаете ни общественныхъ собраній, ни театровъ... Любите, по-крайней-мѣрѣ, какъ прежде, литературу, искусства?

— Театръ, литература, искусства? повторилъ онъ иронически. Пушкинъ, Брюлловъ, Каратыгинъ умерли....

— И, помилуйте! не все умерло съ ними. Сиротѣютъ семейства, а не чловѣчество, не народы. Геній не перестаетъ обитать между нами, не отлетѣлъ еще съ земли. Оглянитесь, всмотритесь только хорошенько...

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ въ слѣдующее посѣщеніе... ласкаю себя надеждою, что вы, отъ-времени-до-времени, будетъ посѣщать меня... я попрошу васъ привезть съ собою тѣ современныя произведенія, которыя бы подтверждали мнѣніе ваше, въ которыхъ бы высокая, не тщеславная мысль соединялась съ истинною красотою выраженія... Я съ удовольствіемъ займусь ихъ чтеніемъ, на досугѣ, за утреннимъ чаемъ, между дѣломъ и сномъ. У меня на все часы. Я живу, или, точнѣе, доживаю систематически: безъ пользы и назначенія не допускаю ни одной лишней минуты. Кстати, посѣщеніе ваше не имѣетъ ли особенной цѣли... не дѣло-ли какое привлекло васъ въ мое уединеніе? Я къ вашимъ услугамъ...

Послѣ этого значительнаго отвѣта-монолога, мнѣ оставалось только взяться за шляпу, чтобы, въ противномъ случаѣ, не похитить у систематика-хозяина лишней минуты. Я оглянулся, отыскивая взглядомъ этимъ шляпу свою и увидѣлъ, что въ комнатѣ никого уже не было. Здѣсь, вѣроятно, такъ заведено, уходить не прощаясь. Я однакожь простился съ моимъ стариннымъ знакомцемъ, пояснивъ, разумѣется, что не имѣю къ нему никакого дѣла и непременно воспользуюсь обязательнымъ его приглашеніемъ. Онъ проводилъ меня до прихожей и безмолвно откланялся. Вотъ человѣкъ, затворившій отъ всего свѣта свою душу и сердце, ради спокойствія и возможнаго счастья оградившійся ледяною холодностью! Счастье? Счастливы-ли онъ? Не обманчивая ли это наружность, и подъ маскою этой мнимой неподвижности не скрывается ли глубокая житейская драма, достойная изученія романиста и психолога?...

Разсѣянно и задумчиво вышелъ я изъ воротъ дачи. Дождь не лилъ, но грязь далеко еще не высохла. Я былъ съ зонтикомъ, да безъ колонтъ, то-есть съ тѣмъ, въ чемъ не оказывалось надобности, по-крайней-мѣрѣ, въ настоящую минуту, и безъ того, что представляло настоятельную необходимость. Разсужденіе это пришло ко мнѣ гораздо позже; тогда же я пробирался безсознательно, самъ не вѣдая куда, по какой-то дорожкѣ, извивавшейся прямо отъ дачи, и замѣтилъ свою разсѣянность не раньше, какъ спустя около часа, когда попалъ въ незнакомое и глухое мѣсто. Обязательность одного случайнаго прохожаго, довольно порядочно одѣтаго и вооруженнаго всѣми отъ сомнительной погоды предосторожностями, вывела меня на путь, ближайшій къ Петербургу. Указавъ мнѣ дорогу, услужливый «незнакомецъ» ловко поклонился и быстро нечезъ въ густотѣ одного сада, окружавшаго домикъ, крыша котораго едва видѣлась изъ-за вершинъ деревьевъ, медленно колыхавшихъ отяжелѣвшими вѣтвями своими. Мнѣ, впрочемъ, удалось усмотрѣть и бал-

конъ, и на немъ граціозную женскую фигуру... не къ ней ли спѣшилъ добрый мой провожатый?

Ну, теперь я не заблужусь, и, вѣрно, встрѣчу извозчика, подумалъ я, оглядываясь кругомъ и убѣждаясь, что выбрался на петергофское шоссе. Извозниковъ, однакожь, не видать... только у края садовъ, на извѣстныхъ призаборныхъ возвышеніяхъ, крытыхъ и некрытыхъ, красуются головы и головки, къ которымъ, можетъ-быть, равнодушны разныя сердца. Все вдыхаетъ въ себя послѣдождевые ароматы, не глотая вмѣстѣ съ ними обычной шоссеиной пыли, которая, въ сухое время, какъ цудрою, посыпаетъ зелень. Вдыхаю и я, съ нѣгою и наслажденіемъ, стоя подъ широкими вѣтвями развѣсистой березы... съ нихъ, отъ-времени-до-времени, сливаются «влажныя жемчужины»... Вотъ эти серебристыя росинки закапали вдругъ чаще и чаще... головки, одна за другою, скрываются отъ взглядовъ «сердцевъ»... ого! дождь опять полилъ... Черезъ нѣсколько минутъ, какъ сказалъ нѣкогда Карамзинъ,

Сокрылось все подъ вѣрныя кровъ...

Надобно и мнѣ поискать пріюта...

Дѣлаю нѣсколько шаговъ, по обѣимъ сторонамъ дороги озирая дачи, чтобы найти между ними гостепріимную, съ завлекательною вывѣскою. Поиски мои быстро увѣнчиваются успѣхомъ: направо красивое, или, по-крайней-мѣрѣ, раскрашенное зданіе, на которомъ крупными золотыми буквами выпечатано: Монплезиръ. Мое почтеніе!

Вхожу. Внутренняя красавица далеко уступаетъ наружной. Въ первой комнатѣ буфетъ, не отличающійся щегольствомъ и опрятностью, равно какъ и сосѣдняя съ нимъ биллиардная; далѣе комнаты, соревнующія буфету въ отрицательныхъ достоинствахъ и даже превосходящія его античистотою; зала выводитъ на балконъ или террасу, а отсюда выходъ въ садъ, или, пожалуй, въ рошу... да, точно въ рошу, потрону что этотъ мнимый «Монплезиръ» не что-иное, какъ старинная Марьяна-роща», въ которой бы вѣчно прогуливаться Ивану да Марьѣ, отнюдь не офранцузиваясь и не «куражась», не подъ стать, заморскими прозваніями?

Въ саду не было ни души, по той же причинѣ, которая заставила меня войти въ это «увеселительное» заведеніе; купы деревьевъ шумѣли подъ мѣрными вспрысками дождя, и на песчаныхъ дорожкахъ, кое-гдѣ усыпанныхъ кирпичемъ, образовался коричневый кисель грязи; пусть былъ павильонъ, предназначенный для оркестра, и вѣтеръ свистѣлъ не-

жду грубыми декорациями другаго павильона, устроеннаго для представленія пантомимъ, и чувствуемаго здѣсь громкимъ названіемъ «театра». Зато на недостатокъ посѣтителей не могли посѣтовать буфетъ, бильярдная, зала и наконецъ просторный балконъ, гдѣ, на стульяхъ и скамейкахъ, помѣщались диллетанты, внимавшіе какимъ-то незнавшимъ устали смычкамъ. На одномъ изъ столиковъ лежала печатная афишечка, съ пышнымъ заглавіемъ: «программа музыкальнаго вечера въ Монплезирѣ»; въ ней значились пьески обонхъ Гунглей, марши, кадрили и вальсы Штрауса, и—о Монплезиръ! — имена Доницетти, Обера, Верди; да, тутъ разыгрывали или покушались разыгрывать финаль изъ Лукреціи, кавативу изъ Эрнани, увертюры Фра-дьяволо и Фенеллы... Чтѣ-жь! почему же нѣтъ? Смѣлость, по пословицѣ, города беретъ... Подъ номеромъ одиннадцатымъ (всего давалась дюжина) выставялась «ballon polka von Jwasczewitsch»... Впервые здѣсь узналъ я о существованіи этого новаго композитора, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и дирижоръ монплезирскаго оркестра...

Слушатели его, обоего пола, одѣтые въ нѣмецкое платье, но люди, большею-частью, совершенно русскіе, принадлежали къ неопредѣленнымъ сословіямъ, которыя можно было только угадывать по рѣчамъ и ухваткамъ; тутъ же прогуливались артисты и артистки пантомимнаго театра, представленіе въ которомъ отмѣнялось по случаю дурной погоды; одну изъ послѣднихъ кто-то угощаль пивомъ, потому что и вы, о жрецы и жрицы искусства! суть также слабые смертныя, требующіе пищи и питія, тепла и прохлады, бифтекса съ картофелемъ, телятины съ огурцами и стакана съ мадерою...

— Высокій талантъ! сказалъ нѣкто, съ притязаніемъ на фешенъ въ этомъ не фешенеабельномъ обществѣ. Высокій талантъ! повторилъ онъ, безцеремонно указывая рукою на неутомимаго капельмейстера...

Я взглянулъ по указанію и, впереди десятка музыкантовъ, увидѣлъ мужчину среднихъ лѣтъ, и такого же роста, если это значить что-нибудь въ эстетической оцѣнкѣ, не измѣряемой ни возрастомъ, ни аршиномъ.

— Былъ «первою скрипкою» у Гунгля, прибавилъ басистый голосъ, разомъ опоражнявая большую рюмку съ какою-то жидкостью темнаго цвѣта, носившею, вѣроятно, фирму хереса.

— У котораго Гунгля, позвольте спросить? величаво возразилъ молодой человекъ въ порядочномъ цальто и съ довольно-порядочными приёмами, случайно, безъ сомнѣнія, сюда попавшій.—Югана или Юсифа?

— Не умѣю вамъ сказать рѣшительно... у котораго-то былъ первую скрипкою... отвѣчалъ бастъ.

— Вы ошибаетесь. Онъ только *здѣсь* первая скрипка, и хорошо дѣлаетъ. Лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ.

Провзнеся эту обветшалую фразу Юлія-Цесаря, юный джентльменъ съ достоинствомъ удалился. Я послѣдовалъ за нимъ, потому что дождь пересталъ. Сквозь толпу въ залѣ трудно было пробраться. Охотниковъ повеселиться даромъ набралось изрядно, несмотря на погоду. Входъ въ Монплеэръ *ничего не стоитъ*. Хозяинъ очевидно устроилъ эту «виллу» для «своего удовольствія», если только не рассчитываетъ на доходы буфета. А низшему сословію то и другое на руку.

Нѣсколько извозчиковъ стояло во дворѣ; но всѣ они оказались «занятыми», и не удостоили, на спросъ мой, повернуть головы....

За воротами нашелся, правда, одинъ «пустой» возница, но онъ заломил такую цѣну, что я предпочелъ лучше подвергнуться всѣмъ «ужасамъ» пѣшеходнаго путешествія, нежели удовлетворить его наглою корысти.—«Беремъ, подь случай, и больше», сказалъ онъ, заламя шляпу и въѣзжая во дворъ....

Какъ бы то ни было, дальнѣйшее странствованіе съ посохомъ въ рукѣ, который замѣнялся у меня зонтикомъ, отнюдь не составляло наслажденія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ «грязная необходимость» заставляла медленно переступать съ камня на камень, по окраинѣ шоссе, столь удобнаго для прогулки въ экипажѣ. Въ часъ я не успѣлъ пройти и двухъ, трехъ верстъ, порядкомъ приусталъ, достаточно уже утомленный въ теченіе дня. Ноги мои отказывались идти далѣе, руки держатъ надъ головою зонтикъ, потому что дождь не переставалъ накрапывать. Къ счастью, снова «зрю» пригласительную надпись: *Заведеніе Дорданъ*, изображенную блѣдными буквами на перекладинѣ, покрывающей два неокрашенные столба — нѣчто въ родѣ воротъ безъ затворовъ... Но вездѣ безмолвіе. Ни смычекъ не звучитъ, ни сверчокъ не сверчитъ, ни комаръ не жужжитъ и носа не кусаетъ; лишь только капля за каплей меланхолически упадаетъ на безотвѣтный булыжникъ, и шелестятъ листья на смокшихъ деревьяхъ...

То была дача г. Блока, называвшаяся прежде «Александріей». Въ довольно-помѣстительномъ саду, чистенькомъ, не лишенномъ привлекательности, съ ручейками и мостиками, красуется, во-первыхъ, двухъ-ярусное деревянное строеніе, обращенное въ загородный трактиръ, а во-вторыхъ павильонъ, въ которомъ три раза въ недѣлю, по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ, играетъ порядочный, изъ 25 музыкантовъ,

оркестръ, подъ управленіемъ неbeatъизвѣстнаго капельмейстера Шиндлера, чѣмъ впрочемъ не ограничивается программа «Александрин-Дордана». Здѣсь поетъ хоръ русскихъ пѣсенниковъ; пляшутъ по-русски г. Ивановъ съ г-жею Синицыной, и по-тирольски не какіе-нибудь штирійцы, а тоже наши переимчивые танцоры, г. Екимовъ и г-жа Спиримонова; декламируетъ нараспѣвъ «дида-рудаго» «сотрудникъ» стараго знакома нашего, Карпенки, все еще ищущаго любителей юмора малороссійскаго; исполняютъ казацкій танецъ какой-то Жанъ и нѣкоторая дѣвица Александрина; къ нимъ порою присоединяются еще какіе-то танцоры Бомбовы—въ «загородныхъ артистахъ лѣтняго сезона» недостатка у насъ нѣтъ, и «Дорданъ» общается въ афишахъ разныя «увеселенія», съ необходимыми иллюминаціями и фейерверками *, которые затѣвались здѣсь и въ прежніе годы. Помню, напримѣръ, «праздникъ», данный на этой датѣ, въ 1850 г., въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ...

Когда я вошелъ въ садъ, по аллеямъ его прохаживались мѣстные дачники и нѣсколько изъ помянутыхъ артистовъ, свободные отъ «представленій», отложенныхъ до болѣе сухой погоды. Трактирный чичероне-офиціантъ, попавшійся навстрѣчу и привѣтствовавшій меня, хотя я впервые его встрѣчаю, по какой-то особенной словоохотливости и обязательности, указалъ мнѣ на «танцовщицу Александрину», которая артистическій досугъ свой снисходительно посвящала игрѣ въ колечко съ молодымъ человѣкомъ пріятной наружности, и очень игриво досадовала, если оно не попадало на крючокъ, вколоченный въ дерево. Въ признательность за это любопытное указаніе, я неосторожно спросилъ стаканъ холоднаго лимонада, и жадно выпилъ его: жаръ залилъ мою внутренность; забывая о послѣдствіяхъ и опасномъ времени эпидеміи, я чувствовалъ только необходимость удовлетворить нестерпимой настоящей потребности...

— Дорданъ? Чтѣ такое Дорданъ? Откуда вы взяли такое названіе? спросилъ я своего услужливаго чичероне, взобравшись на балконъ кафе-ресторана и усаживаясь въ поданныя мнѣ кресла.

— Это былъ «увеселятельный» городъ въ древности: объ немъ написано большое сочиненіе, смѣло и рѣшительно отвѣчалъ ученый офиціантъ.

* Общанія эти частію уже исполнены. По прихвѣту г. Излера, Дорданъ публикуетъ и о своихъ (будто бы) «большихъ музыкальныхъ и увеселительныхъ вечерахъ». Моплезуръ тоже не хочетъ отстать отъ сосѣда, назначилъ плату за входъ, въ нѣкоторые дни, и потѣшаетъ разными забавами своихъ невзыскательныхъ посѣтителей. Въ концѣ лѣта загородке наше разгуляется не на шутку, а учредители забавъ шуткою устроятъ свои дѣла и дѣлшки.

— Дордона рѣка во Франціи, впадающая въ Гаронну, въ Дордонскомъ департаментѣ, гдѣ главный городъ Периге, съ римскими древностями,—вѣшался появившійся тутъ же на балконѣ юноша, вѣроятно, свѣдущій въ географіи:—неподалеку оттуда рѣка Ло, при которой стоитъ городъ Кагоръ, извѣстный своимъ краснымъ виномъ...

— Такъ точно, подхватилъ догадливый прислужникъ: у насъ отличное кагорское, прямо отъ Елисеѣва...

— Дорданъ или Дарданъ? повторялъ я про себя, вспоминая старинную, тѣющую въ моей разноколыберной библиотекѣ книгу, подъ заглавіемъ: «Dictionnaire abrégé de la fable ou de la mythologie, pour l'intelligence des poètes, de l'histoire fabuleuse, de tableaux, de statues, des médailles etc.», въ которой теперь, когда пишу эти строки, нахожу на стран. 93 слѣдующее: «*Dardanus*, fils de Jupiter et d'Electre, une des filles d'Atlas, bâtit, au pied du mont Ida, une ville qu'il appella de son nom Dardanie et qui fut la célèbre Troie. Son règne fut long et heureux, et, après sa mort, ses sujets reconnoissans le mirent au nombre des immortels. (Дарданъ, сынъ Юпитера и Электры, одной изъ дочерей Атласа, построилъ, у подошвы горы Иды, городъ, по имени его названный Дарданія, въ-послѣдствіи знаменитая Троя. Его царствованіе было продолжительное и счастливое. По кончинѣ его, благодарные подданные включили его въ число бессмертныхъ). И такъ нашъ Дарданъ—Троя! Воображалъ ли кто, слушая Шиндлера, что оркестръ его помѣщается у подошвы горы Иды, въ стѣнахъ города, десять лѣтъ не слававшася древнимъ грекамъ и воспѣтаго Гомеромъ...

Утоливъ жажду и отдохнувъ, я опять пустился въ мой одинокій и печальный путь. Возницъ не было по-прежнему. Два, три извозчика, возвращавшіеся домой, въ Тентелеву-деревню, ради шутки, вѣроятно, запрашивали цѣну, за какую, во времена болѣе патріархальныя, можно было съѣздить въ Москву. Такимъ-образомъ, скрѣпя душу и вромочивъ ноги, я, волею-неволею, добрелъ пѣшкомъ до Калинкина-моста, гдѣ, наконецъ, смиренный ванька усадилъ меня на свои дребезжащія дрожки.

Только добравшись до своей квартиры и бросившись на диванъ, вполне почувствовалъ я, въ какой мѣрѣ утомленъ, разбитъ, простуженъ совершннымъ путешествіемъ. Настоящею развалиной воротился я изъ Монплезира и новой Трои. Въ груди моей не стало голоса, въ горлѣ звуковъ: но нѣсколько стакановъ чаю, съ примѣсью добраго ямайскаго, возвратили меня къ жизни и отвратили послѣдствія, которыя, въ нынѣшнее эпидемическое время, не всегда проходятъ даромъ. Уснулъ я крѣпко, и на утро до такой степени возобновился силами, что могъ

записать въ дневникъ свои вчерашнія, въ буквальный смыслѣ, пожеденія...

25 июля. Въ-теченіе около трехъ недѣль ни слова не прибавилось въ моей лѣтописи. Сказать правду, исторія и литература немного теряютъ отъ этого лѣниваго пропуска. Однакожь я живъ, не проспалъ двадцать дней летаргически. Гдѣ же я былъ? что дѣлалъ?

Дѣлалъ я дѣла, дѣла разные, достойныя всякой похвалы и поощренія, потому-что выказалъ много трудолюбія, терпѣнія и усидчивости, а по вечерамъ, когда ужъ мнѣ становилось не подъ силу, тяжело, душно въ городѣ, уѣзжалъ за городъ, уходилъ въ лѣсъ...

Чтобъ надышаться вдоволь тамъ
Струею свѣжею прохлады,
Предаться въ тишинѣ мечтамъ,
Добыть на-часъ душѣ отрады...
Припомнить мелькомъ старину
И лучшихъ дней очарованье;
Вглянуть на звѣзды, на луну,
Небесъ ночное ликованье...
Ахъ, юность, младость и друзья—
О васъ все сокрушаюсь я —
Куда вы скрылися, какъ гѣнь?
И гаснетъ мой безцвѣтный день...
Живу безъ страсти, безъ желанья,
Холодной мыслию одной,
И годъ за годомъ прозябанья
Бѣжитъ безсмѣнной чередой...

И такъ, продолжая безстрастною прозою, по вечерамъ я ѣздилъ за-городъ, слушалъ, то-есть, слышалъ музыку, пѣсни цыганскія, вѣмецкія, тирольскія и — русскія... эти я слушалъ порою, потому-что ихъ родимые звуки не пролетаютъ безответно мимо моего слуха, который старается уловить въ нихъ воспоминанія дѣтства, полей... и когда плещетъ невская волна, мнѣ чудится въ ней ропотъ другой рѣки, на крутомъ берегу которой впервые привѣтствовалъ я прелесть природы и бытія...

Куда, подумаешь, какъ музыкаленъ сталъ Петербургъ въ послѣдніе годы! Зимой ни одна порядочная зала не остается безъ концертниковъ, требующихъ злата и славы, вѣнковъ и депозитовъ, журнальных вос-торговъ и рукоплесканій публики; лѣтомъ, въ окрестностяхъ здѣшнихъ, рѣдко отыщешь тѣнистое дерево, подъ которымъ бы не отдыхалъ фут-

ляръ скрипичный съ турецкимъ барабаномъ и флейтою, раздутую живыми соками груди. Кромѣ двухъ главныхъ оркестровъ обихъ Гунглей, въ Павловскѣ и въ Заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ, да хорошаго оркестра Ладе въ воксалѣ петергофскомъ, музыка играетъ на всѣхъ приневскихъ островахъ и чуть не во всѣхъ пригородныхъ деревушкахъ, неселенныхъ дачниками. Не говорю уже о мелодіяхъ у лѣтнихъ трактировъ, какъ, напримѣръ, у русскаго на Крестовскомъ, гдѣ пляшущіе на канатѣ крѣпче держатся на ногахъ, нежели нѣкоторые изъ прогуливающихъ здѣсь, или у «Любека», среди Петровскаго острова, гдѣ, не довольствуясь національностью и желая потѣшить нѣмецкихъ подмастерьевъ, даютъ «рыцарскіе праздники», съ цыганскими пѣснями, «готическими» иллюминаціями, изверженіемъ Везувія. Отъ времени до времени раздаются музыкальные звуки близъ павильона Лѣтняго-сада, замирающіи тонами разносясь по его длиннымъ, правильнымъ аллеямъ, съ наступленіемъ темныхъ вечеровъ начинающимъ пустѣть, и каждый понедельникъ, каждую среду, играетъ тотъ же, перебирающійся изъ Петергофскаго воксала, Ладе—въ саду нѣмецкаго клуба, у Измайловскаго-моста, гдѣ еще играютъ—въ преферансъ по копѣйкѣ, въ заключеніе наслажденія проматывая полтинникъ на ужинъ, не обременяющій желудка, не опустошающій кармана... Гремитъ музыка наконецъ (если только это еще конецъ) въ далекомъ, уединенномъ Полюстровѣ, гдѣ днемъ берутъ пѣлебныя ванны, а вечеромъ усиливаются возбудить испарину танцами — послѣднее средство предлагается впрочемъ только въ субботу, чтобъ помнили, мечтали о ней,—не о субботѣ собственно, а о ней, той красавицѣ, которая, въ вальсѣ или мазуркѣ, плѣнила чье-нибудь свободное сердце... Гдѣ же тишина и совершенный покой, не возмущающій сердцецъ, не наполняющій души пустотою, ни вывѣтривающій кармановъ? Въ одномъ развѣ Муринѣ. Но природа не отличается въ немъ особенною привлекательностью; живутъ въ немъ лишь созерцаніемъ сосѣднихъ горъ финляндскихъ, вечернихъ тумановъ надъ низменными полями, да еще воспоминаніемъ былого тутъ движенія, «ко случаю» изящныхъ иллюминацій въ 1848 и 1849 годахъ, да скачекъ съ препятствіями, происходившихъ лѣтомъ 1847 года, и въ свое время подробно описанныхъ въ фельетонѣ одной петербургской газеты... Въ нынѣшнее лѣто, въ концѣ іюня, была тамъ тоже иллюминація, только въ другомъ родѣ, днемъ, и не увеселительная: ввезанный пожаръ испепелилъ одну дачу, лишивъ обитателей ея всего имущества, какъ о томъ извѣщено было печатно...

Но если въ Муринѣ все тихо, безмятежно,
И тамъ встаютъ вдали лишь горы да туманъ,

То есть у насъ вблизи волненья край безбрежный,
 Гдѣ все шумить, кипить, мятется, какъ вулканъ...
 Кабилы скачуть тутъ, препятствія не зная,
 Со всѣхъ сторонъ, кругомъ, симфоніи звучать;
 То флейта слышится, то пѣсня удалая,
 И въ сумракѣ ночномъ огни, въ цвѣтахъ, горять...
 Въ картинахъ здѣсь живыхъ, предъ вами баагерки...
 Картины разныя — ихъ всѣхъ не перечеть...
 Въ недѣлю раза три большіе фейерверки,
 Сюрпризы, праздники «особъ прекрасныхъ въ честь»!..

Что весной, осенью и зимой—Невскій—проспектъ, то, для Петербурга, лѣтомъ—Новая-деревня съ своими искусственными минеральными водами. Тамъ всё, то—есть, большинство, притягиваемое словно магнитною стрѣлкою и стремящееся туда стрѣлою. Насмѣшники и «верхогляды» могутъ думать и говорить что имъ угодно — никто не повѣритъ, потому—что они сами тамъ же первые, наравнѣ съ нами, простыми смертными. Вѣрно то, что учредитель новодеревенскихъ забавъ угадалъ вкусъ и расположеніе большинства, которое можетъ ошибаться, но съ которымъ въ этомъ отношеніи спорить мудрено—да и не изъ чего: лучшаго, покажѣтъ, умники не выдумали. Въ маѣ на «Водахъ» разыгрывается прелюдія, въ іюлѣ увертюра, въ іюлѣ открывается самое дѣйствіе и до исхода сентября продолжается съ «возрастающимъ интересомъ».

На «Водахъ» не пропадаетъ ни одинъ вечеръ, будь онъ дождливый, или принадлежащій другому, общему увеселенію. Такъ случилось и подлѣ конца народнаго праздника 4-го іюля на Елагиномъ-островѣ. Многочисленныя толпы, смотрѣвшія тамошній фейерверкъ, надъ великолѣпными щитами котораго, горѣвшими брилліантовымъ блескомъ, поэтически высился яркій мѣсяцъ,—многочисленныя толпы эти, разными дорогами, потянулись въ Новую-деревню, на «музыкальный и увеселительный вечеръ», *бесплатно* предложенный. «Увлеченный общимъ потокомъ», я, съ мостика близъ Каменноостровскаго театра, тоже смотрѣлъ фейерверкъ, его роскошно распадающіяся звѣздочки, разноцвѣтные брызги, золотистые снопы, блескныя искры, и потомъ тихо поплелся за одною группою, въ которой мнѣ нравился звонкій голосокъ какой-то веселой и притоюхъ хорошенькой говоруньи... Такъ, курия между-тѣмъ сигару, очутился я у пресловутой Новой-деревни...

Подлѣ самаго берега стояла барка. Въ полутемнотѣ едва видѣлась вывѣшенная надъ баркою огромная полотняная картина, изображавшая Фридриха II и Наполеона I, и приглашавшая въ кабинетъ восковыхъ фигуръ. Не выдавши ихъ еще, я поддался зазыву, спустился по при-

ставленной къ берегу лѣстницѣ, въ потьмахъ чуть не сломалъ себѣ шею, наткнувшись на какой-то безногій столикъ, упавшій съ трескомъ—заплатилъ четвертакъ, и для меня засвѣтили десятка три стеариновыхъ свѣчей, въ явный убытокъ хозяина: но это богатое освѣщеніе, къ сожалѣнію, нисколько не увеличило достоинства плохихъ фигуръ. Изъ руки, ноги, грудь, весь корпусъ, зря набитый соломою, не представляли образа человѣческаго, да и самыя восковыя лица слабо напоминали тѣхъ историческихъ мужей, которыхъ мнили изобразить. Благородный профиль Наполеона походилъ на профиль какого-то простоумнаго чухонца; въ чертахъ Фридриха нельзя было признать глубокомыслия и проницательности; герой Карлъ XII, воротившійся изъ Бендеръ и встрѣчаемый «со слезами» сестрою своею, принцессою Ульрикой, не выражалъ ничего, ни горести, ни той холодной гордости, которая такъ ему была свойственна... Не заняли меня послѣ ни извѣстная женщина съ бородою, ни докторъ Шмидтъ, на старости лѣтъ обрадованный тройнею дѣтей, ни жидъ-автоматъ, показывающій фокусы, ни другія движущіяся фигуры, ни даже восковая дѣвушка, съ которою хозяинъ такъ мило протанцовалъ польку подь музыку. Я торопился скорѣе выбратъся на свѣжій воздухъ, но былъ удержанъ предложеніемъ заглянуть еще, за тотъ же четвертакъ, и въ кабинетъ анатомическій... Скелеть, висѣвшій у входа въ этотъ кабинетъ; сердце человѣческое, давно переставшее биться,—все это было такъ мало привлекательно, что я усерднѣйше попросилъ обязательнаго моего путеводителя немедля потушить свѣчи и выпустить меня...

Къ Излеру валили тысячи: ни въ залахъ, ни въ саду негдѣ было упасть яблоку или пролетѣть самой бойкой мухѣ. Довольные посѣтители прославляли безкорыстіе достопочтеннаго «Ивана Ивановича», пустившаго ихъ даромъ... цыганскій хоръ пѣлъ громче нежели когда-нибудь, затѣвъ, чтобъ его слышали при всеобщемъ говорѣ... буфетчики едва успѣвали удовлетворять требованіямъ... Спасая бока свои, я посѣдѣлъ на пароходъ, и попалъ, что называется изъ огня въ полымя; стиснутому двумя рослыми юношами и какою-то полнолѣтною дамою, мнѣ было жарко, какъ въ котлѣ, который, густыми облаками, выбрасывалъ дымъ изъ трубы...

Еслибъ я былъ фельетонистъ, и въ достаточномъ количествѣ обладалъ остроуміемъ, юморомъ, сарказмомъ, то непремѣнно бы со всею подробностью описалъ послѣдовавшіе затѣвъ три на водахъ бенефиса, 7, 12 и 19 іюля: 1) труппы арабовъ-кабилловъ, дававшихъ «чрезвычайное африканское представленіе»; 2) самого Ивана Ивановича, съ «фантасти-

ческой иллюминаціей» и 3) Югана Гунгля, устроившаго, «въ честь прекраснаго пола, большой праздникъ: *Ночь въ царствѣ Флоры*» (текстъ афиши). Но, ради памяти прошедшаго и пролетающаго, внося въ свою тетрадь только скромныя, непритязательныя и бѣглыя замѣтки видѣннаго, ограничусь самымъ простымъ и короткимъ рассказомъ.

Двойныя и тройныя сальто-мортале, игры на массивномъ камнѣ, отчаянныя прыжки черезъ бочки, штыки и батальный огонь дѣйствительно доказывали «чрезвычайную» африканскую силу, искусство и ловкость кабловъ. Почти всѣ они молоды, смугловатыя ребята, исключая одного малорослаго и сверх-того лишеннаго лучшаго украшенія лица человѣческаго—носа, еще въ юности похищеннаго золотухою. Объ удивительныхъ «пирамидахъ» этихъ арабовъ и говорить нечего: десять чело-вѣкъ взбираются на сильнѣйшаго, составляя разнообразныя и живописныя фигуры, какъ-будто изъ исполинскаго мрамора изваяныя... наклоняются, изгибаются, представляютъ собою огромную вертящуюся чашу и вообще творять такія штуки, которыя легче изобразить рисунками, чѣмъ словами. Все это, однакожь, удивляетъ, а не восхищаетъ образованнаго чело-вѣка... пусть дикари, сыны степей, ломаются, прыгаютъ, скачутъ, истый европеецъ подражать имъ не станетъ, ни въ физическомъ, ни въ моральномъ смыслѣ...

О «фантастической иллюминаціи» еще менѣе подобаетъ распространяться: она была на водахъ первою въ нынѣшнее лѣто, и послѣдующія, вѣроятно, далеко превзойдутъ ее, гораздо болѣе удовлетворять «фантастическимъ» требованіемъ публики, избалованной г. Излеромъ, который любитъ соблюдать постепенность, и затѣливѣйшее приберегаетъ къ концу лѣтнаго сезона. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, вѣдось въ прошедшіе годы.

«Ночь въ царствѣ Флоры» была дождливая, и только въ повтореніе этого «праздника» можно было выполнить всѣ обѣщанія обширной программы. Главныя части сада убрались новыми декораціями; тераса и фасадъ помѣщенія оркестра обратились въ цвѣточныя храмы, соединенныя транспаранами; около другой эстрады красовались колоссальныя букеты, въ живописныхъ вазахъ, хорошо нарисованныя; наоупротивъ, въ формѣ огненныхъ цвѣтовъ изъ фольги расположена была огромная надпись: «въ честь прекраснаго пола». Лучше всего удалось художественное устройство арки, раздѣлявшей двѣ площадки сада, и бросались въ глаза, яркою пестротомъ, роскошныя люстры и канделябры; китайскіе фонарики и разноцвѣтныя шезлонги довершали узоры иллюминаціи; на нѣкоторыхъ транспаранахъ представлялись разныя фигуры, между-прочимъ, кажется, портреты Шек-

спира и Мольера, которые, вѣроятно, нѣсколько изумлены были этою неожиданною почестью. Въ первый вечеръ «Флоры», передъ дождемъ, публика забавлялась «волшебнo-фантастическою воздушною охотою»: летали механическіе человѣчки, собаки, другія животныя или звѣри; а въ прочіе вечера Флора одаряла сюрпризами дамъ, бросая имъ букеты цвѣтовъ, ароматомъ которыхъ тотчасъ же можно было наслаждаться, потому что они прилетали прямо чуть не къ носу. Дарамъ этимъ предшествовала живая картина: роль Флоры исполняла красивѣйшая изъ особъ труппы г-жи Беккеръ; въ заключеніе бенефицианту поднесли серебряный капельмейстерскій жезлъ, изящной работы г. Сазикова и порядочной цѣнности.

Бенефисы, какъ водится, оканчивались потѣшными огнями; этимъ удовольствіемъ посѣтители Искусственныхъ минеральныхъ водъ наслаждаются уже со 2-го іюля... сколько пламенныхъ каскадовъ, вазъ, урнъ, блестящихъ рѣшетокъ, колесъ, звѣздъ, мельницъ сожжено тамъ!.. сколько лопнуло цвѣтистыхъ ракетъ, бураковъ, сіяло римскихъ свѣчей и пылало страшныхъ змѣевидныхъ колець и тому подобнаго, воображимаго и невообразимаго! А новыя вальсы, польки, и въ числѣ ихъ полька «Иванъ-Ивановичъ», впервые явившаяся въ его бенефисъ! — И, кромѣ всего, давноизвѣстнаго, неистощимаго репертуара на «Водахъ», отличные военные пѣсенники, которые въ-самомъ-дѣлѣ могутъ напомнить лагерную, походную или боевую жизнь, исполненную обаяній и поэзіи.

Руже и Готи, десять лѣтъ украшавшіе сцену Михайловскаго-театра, оставляютъ Петербургъ, между тѣмъ какъ теперь на Каменно-островскомъ дебютируютъ Невиль и Тестаръ, а русская сцена, вдругъ утратившая первыхъ своихъ корифеевъ, Каратыгина и Брянскаго, испытываетъ силы новичковъ, гг. Яковлева и Максимова... Носится слухъ, бурто бы Рубини пріѣдетъ къ намъ осенью и будетъ опять пѣть... Но это зиннія новости, осеннія пѣсни. Лѣто не уступаетъ правъ своимъ; афиши призываютъ 26 числа въ Павловскъ, на бенефисъ Іосифа Гунгя: «Привѣтствіе Музъ», и великоаѣпный праздникъ, устроенный даровитымъ г. Вальцемъ, съ которымъ на «Водахъ» соперничествуетъ преемникъ его, старательный г. Фохтъ...

Кто побѣдитъ въ семъ новомъ спорѣ?
Кого въ немъ «Муза» предпочтетъ!
Увидимъ мы, рѣшится вскорѣ,
Лишь лѣто красное пройдетъ!..
Но тише, тише, дуновенья
Ужъ близкихъ къ намъ осеннихъ дней:

Не охладите вдохновенья
Изобрѣтателей затѣй!..

Этимъ стихотворнымъ финаломъ прерывается дневникъ пріятеля нашего, законченный накануне бенефиса Іосифа Гунгла, и намъ остается прибавить какую-нибудь страницу для послѣднаго описанія сказаннаго «праздника, — великолѣпнаго, артистическаго и аллегорическаго», по точнымъ словамъ огромной, въ цѣлый печатный листъ, афиши.

Противъ воксала, надъ прудомъ, возвышалась обширная декорація, изображавшая тронъ Нептуна, окруженный тритонами, нимфами, наядами, nereидами, которыми недоставало только жизни и красоты, чтобы окончательно обворожить зрителя, припоминавшаго одно изъ лучшихъ антологическихъ стихотвореній Пушкина:

Среди зеленыхъ волнь, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Перейду.
Сокрытый межъ деревь, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала...

Фасадъ воксала, соответственной уборкою обращенный въ «храмъ Аполлона и музъ» (о Аполлонъ и музы, помогите!) обвивался зелеными пальмами, — разумѣется, искусственными, огневыми, — живописными гирляндами и круглыми транспаранами съ именами русскихъ писателей, художниковъ, артистовъ, композиторовъ, живыхъ и мертвыхъ или безсмертныхъ, чѣмъ отчасти нарушалась скромность первыхъ, которые, конечно, не домогались этого почета и не хотѣли заживо быть помѣщенными въ храмъ безсмертія, да еще и съ грамматическими ошибками, едва ли снискавшими одобреніе музъ и Аполлона...

За исключеніемъ этой, не совсѣмъ удачно придуманной и исполненной, фамильной выставки знаменитостей, все остальное отягчалось вкусомъ и даже изяществомъ. Отъ балконовъ обонхъ ярусовъ воксала до пруда, съ освѣщеннымъ шкаликами мостикомъ, раскидывалась кругомъ привлекательная, граціозная иллюминація... особенно хороши были горѣвшіе изумрудными отблесками колонки верхней галлерей, и площадкѣ сада, превращеннаго какъ бы въ залу сверкающихъ цвѣтовъ... ихъ волнующіяся переливами огня нити—соединялись въ прозрачный куполь, и надъ павильономъ, гдѣ игралъ военный оркестръ, ниспадали большою, чрезъ вычайно-эффектную люстру, подъ роскошнымъ зонтикомъ, словно

выложеннымъ изнутри шелковою нѣжныхъ оттѣнковъ матеріей, между тѣмъ какъ надъ встрадой, гдѣ помѣщался оркестръ бенефицианта, висѣлся, повитый лаврами транспарантъ, представлявшій Аполлона, проводившаго вѣщими перстами по златострунной лирѣ. Нарисованная лира, безъ сомнѣнія, молчала: еѣ замѣнялъ превосходный оркестръ Юсифа Гунгля... Ода-симфонія Фелисьена Давида «*Ночь пустыни*», увертюра изъ его же оперы «*Бразильская жемчужина*», «*Римскій карнавалъ*», Берліоза, «*La fille de S.-Marc*» — Бальфа, большое «популярное» изъ оперы «*Осада Генга*», соч. бенефицианта, «летучіе листы» Штрауса, новыя танцевальныя пьески Леопольда Маурера и Вальца, машиниста, декоратора и музыканта, — попеременно звучали разнородными мелодіями, внушавшими радость и меланхолію, веселье и грусть, игривую беззаботность и поэтическую тоску... слышались то арфа Цабеля, то виолончель Мендорфа, то флейта Мейера или нѣжная скрипка Кламрота, лучшихъ артистовъ Юсифа Гунгля, который, искусствомъ своимъ, при строгой, элегической наружности, далеко выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ «садовыхъ» капельмейстеровъ, любящихъ немного пококетничать передъ публикою...

Въ десять часовъ вечера зажегся крошечный фейерверкъ, состоявшій изъ десяти красивыхъ перемѣнъ или декорацій, сіявшихъ самоцвѣтными алмазами, и тронъ Нептуна озарился бенгальскимъ огнемъ, отражаясь въ водѣ съ своими нимфами и наядами; потомъ, въ особомъ зданіи, показывались туманные картины Клеппера: изъ-за одного живописнаго ландшафта, въ полусвѣтахъ и полутѣняхъ, выступала другой, еще живописнѣе, и очаровательные пейзажи смѣнялись уморительными карикатурами... за тѣмъ раздался звонокъ, и въ началѣ двѣнадцатаго потунулся въ Петербургъ длинный поѣздъ. «Прекрасно!» восклицали въ вагонахъ: «я на *Водахъ* все-таки позамысловатый: тамъ — чего хочешь, того просишь!»

На *Водахъ* въ этотъ вечеръ повторалась, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, *Ночь въ царствѣ Флоры*, и «*легкая особа*, взявшая билетъ у кассы, получала, при входѣ въ концертную залу, сюрпризъ» (см. афишу) — цвѣты или конфеты...

Но покажутся эти строки явятся въ печати, на *Водахъ*, всконечно, воздвигнется какая-нибудь новая ночь, самая свѣтлая, самая блестящая, на ночь вовсе не похожая, и все, что мы написали затворъ дневника, станетъ анахронизмомъ, древней исторіей. Такъ, 28-го іюля, когда мы заканчивали статью, объявлена уже «ночь на берегахъ Босора», и не видать береговъ затѣмъ...

Въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, что въ настоящую минуту составляетъ въ Петербургѣ *господствующую моду*.

Прогулки загородныя ввели въ моду садовую музыку, садовая музыка — разные новые инструменты, не предвидѣнные законодателями теоріи звуковъ, какъ на пр. хлопушки, пищалки, колокольчики; выстрѣлы, нѣніе птицъ и даже крикъ младенцевъ; но какъ все изобильное скоро прискучивается, то къ музыкальнымъ потѣхамъ мода присоединила иллюминаціи и фейерверки, а это тройное освѣщеніе загородныхъ гуляній породило, въ свою очередь, новыя моды для дамскихъ нарядовъ. Вотъ нѣкоторые, наиболѣ замѣчательные изъ этихъ нарядовъ:

Первый нарядъ. Шемизетка съ рукавами à la russe, до верху. Юбка тюлевая или кисейная бѣлая, гладкая. Сверхъ ея тюника тафтяная, съ корсажемъ, но безъ рукавовъ, съ эполетками. Эполетки, верхъ корсажа и низъ тюники обшиты рюшемъ изъ той-же матеріи. Напередѣ тюники — карманчики, украшенные кругомъ перламутровыми пуговками и оканчивающіеся бантиками изъ гроденаплевыхъ лентъ цвѣтъ тюники. Перчатки трико шелковыя, сквозныя.

Второй нарядъ. Юбка изъ двойнаго гласе, въ три волана, на которыхъ вышитъ богатый узоръ черными шелками. Кофточка à la pousquetaige, съ перехватомъ, изъ той же матеріи, сдѣланная въ видѣ казаккина, напередѣ открытая и застегнутая только въ талии. Рукава короткіе съ широкими раструбами. До пояса на кафтанѣ съ обѣихъ сторонъ узорчатая черныя петлицы изъ агрананту. Фалды и обшлага кофты также узорчатые. Манишка съ маншетами. Подрукавники двойные, изъ кружевъ. Прическа вѣнчикомъ: коса, перевитая черной бархаткой, накладывается вокругъ головы на темени, въ видѣ вѣнка, а отъ висковъ идутъ косички, ниже ушей, къ гребню.

Третій нарядъ. Платье изъ шерстяной легкой матеріи, съ постепенно расширяющимися къ подолу полосами. Кофта такая-же, забранная напередѣ бантиками, а въ талии схваченная поясомъ съ длинными концами изъ той-же матеріи. Манишка и подрукавники англійскаго штыя фестонами.

Четвертый нарядъ. Юбка и кофта безъ талии, съ короткими рукавами, въ два ряда обшита воланами гофре изъ гроденапья подѣ цвѣтъ платья. Корсажъ-шемизетка съ фалдочками. Грудь сборчатая, гладкая, у шеи узенькій воротничекъ. Фалдочки и подрукавники вышиты. Въ талии шемизетка перехвачена бѣлымъ поясомъ изъ ленты козуръ.

Пятый нарядъ. Гладкая юбка изъ шелковой матеріи. Кофточка утренняя изъ жаконету, обшита англійской вышивкой. Шемизетка по-

луоткрытая изъ такого-же шитья. На рукахъ браслетки изъ бархатокъ съ длинными концами.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Удовлетворяя только многочисленнымъ и настоятельнымъ требованіямъ гг. подписчиковъ на «Пантеонъ», изъясняемымъ непрерывно въ письмахъ, редакція рѣшилась наконецъ приложить портретъ самого редактора, въ числѣ прочихъ писателей для театра. Портретъ этотъ, безъ вѣдома редакціи, приготовленъ гг. Даутендеемъ, Кляювинымъ и Тюлевымъ, вмѣсто другаго, предназначеннаго для этого нумера, и потому, противъ желанія ея, долженъ теперь выдти въ свѣтъ. Къ слѣдующему номеру приложится портретъ любимицы нашей публики, г-жи Віардо-Гарсіа, такъ какъ она есть, безъ живописной лести. Портретъ похожъ поразительно и снятъ съ нея нынѣшней весною, посредствомъ лагерротипа, извѣстнымъ нашимъ художникомъ А. Л. Левицкимъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ВІОЛОНЧЕЛИ.

- BOISSAUX.** 6 Etudes pour le violoncelle seul. (1 p. 15 к.)
BOTZAUER. 24 Caprices. Op. 35. (1 p. 72 к.) Violoncelle-Flageolett-Schule. (2 p 30 к.)
CROSS. Elémens du Violoncelle. (2 p. 85 к.)
KUMMER. Dix Etudes mélodiques. Op. 57. (1 p 43 к.)
LEL. 40 Etudes mélodiques et progressives pour le violoncelle seul, formant suite de sa methode. Op. 31. Suite 1. 2. (Chaque 1 p. 72 к.)
МЕРК. 20 Exercices pour le violoncelle. (3 p 43 к.)
STRANSKY. 24 Leichte Uebungsstücke. Op. 17. (1 p. 15 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ВІОЛОНЧЕЛИ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- BATTA.** Fantaisie sur l'opéra Puritani (Nouv. édition). (1 p. 72 к.)
BOTZAUER. Le Carnaval de Venise. Morceau brillant. (2 p.)
KUMMER. Potpourri sur des motifs de Preciosa de C. M. de Weber. Op. 3. Nouv. édition. (85 к.) Adagio et variations sur l'opéra: Montecchi ed i Capuletti. (1 p. 72 к.) Piece de salon sur des motifs de Dom Sebastian de Donizetti. (1 p. 43 к.) Deux Divertissemens sur des motifs de l'opéra: Siège de Gand. Op. 97, № 1. 2. (Chaque 1 p. 15 к.) Fleurs de Salon. 4 Mélodies de Gumbert, transcrites. Op. 96. (1 p. 72 к.) Air et danse Suédois nationaux. Op. 98. (1 p. 30 к.) Marche funèbre de Chopin et Idylle de Schulhof. Op. 99. (1 p. 30 к.) Romance de Krebs. Op. 101. (60 к.)
ЛЮДВЕР. Six morceaux de salon sur des thèmes favoris. Op. 18: № 1. Ständchen de Schubert. № 2. Ave Maria de Schubert. № 3. Lob der Thranen de Schubert. № 4 Letzte Rose, aus Martha. № 5. Adelaide de Beethoven. № 6. Hymne de Stradella. (Chaque 85 к.) Scene et air de soprano de l'opéra: Freyschütz. (75 к.)
МЕРК. Divertissement facile; op. 28. (1 p. 43 к.) Fantaisie sur l'opéra: Martha. Op. 29. (1 p. 43 к.) Air suisse varié et rondeau. Op. 32. (1 p. 43 к.) Morceau de salon, sur l'opéra: Lucia. Op. 33. (1 p. 15 к.)
PIATTI. Divertissement sur un air napolitain. Op. 12. (1 p 30 к.)
SERVAIS. Grande fantaisie sur des motifs de l'opéra: Lestocq, d'Auber. Op. 12, (2 p. 85 к.)
STRANSKY. Transcriptionen beliebter Lieder, Gesänge und Romanzen. Op. 15. № 1. Schiffers Gruss. № 2. Widmung № 3. Der Vöglein laubhüttenfest. № 4. Die stillen Wanderer. № 5. Sängers lebewohl. № 6. Die beiden Nachtigallen. (Chaque 85 к.) Trois Nocturnes. Op. 16. № 1. 2. 3. (каждый 1 p. 15 к.) Morceaux élégants et caracteristiques. Op. 18. № 1. 2. 3. (каждый 1 p. 15 к.) Bouquet de Mélodies des opéras favorites. Op. 19. № 1. Il Guiramento. № 2. Robert le Diable. № 3. Lucia di Lammermoor. № 4. La fille du Regiment. № 5. Ernani. № 6. Rigoletto, (каждый 60 к.)
ВИТ. Les adieux. Romance. Op. 26. (85 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ОДНОЙ ФЛЕЙТЫ.

- DIABELLI.** Der Musikalische Gesellschafter in einsamen Stunden. Periodisches Werk für eine flüte. № 69. Lucia di Lamermoor. № 70. Parisina. № 71. Puritani. № 72. Lieder von F. Schubert. № 73. 74. Linda di Chamounix. № 75. Nabucodonosor. Don Pasquale. № 77. Maria di Rohan. № 80. La fille du Regiment. № 81. Ernani. № 83. Lombardi. № 87. Zigeunerin. № 88. Rigoletto (каждый по 1 p. 15 к.)
- BOBUS.** Echos des lagunes. Fantaisies, melanges sur des mélodies de Donizetti. 4 suites. (Каждый 72 к.)
- DEMUSSAT.** Album du jeune flûtiste. Six airs variés. 1-е suite, № 13, etc. Beatrice. Thème original. Othello. — 2-е suite, Roberto Devereux, Cendrillon. I Capuletti (60 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФЛЕЙТЫ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- BRIGALDI.** Deux fleurs. Morceaux de salon, pour la flüte et piano. Op. 63. № 1. La Pensée. (85 к.) № 2. La Rose (1 p. 43 к.) Caprice. Op. (64 1 p. 74 к.) Concerto. Op. 65. (2 p.)
- DAELLI.** Productionen im häuslichen Freundschafts-Zirke. № 44. Elisir d'amore. № 66. 67. 68. Allesandro Stradella. № 72. Schwedische-Volkslieder. № 73. 74. Ernani, (каждый 1 p. 43 к.)
- FURSTENAU.** Fantaisie gracieuse et brillante sur l'opéra: Les Guelfes et les Gibe-lins (1 p. 15 к.) Introduction et Rondino sur Lucrezia Borgia et Lucia di Lamermour. (1 p. 72 к.) Rondino sur l'opéra: La Part du Diable. (1 p. 15 к.) Rondino sur des motifs de Struensee de Meyer-ber. (1 p. 15 к.)
- IANSA.** Der junge Opernfreund. Ausgewählte melodien aus den beliebtesten opern. № 27. La Favorite. № 28. Les Mousquetaires de la Reine. № 29. Das Mädchen vom Lande. № 30. La Part du Diable. № 31. Haydée ou le Secret.
- TULOU.** Thème varié, Op. 89. (1 p. 89 к.)

Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романы и пѣсни можно получить

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой-Морской, въ домѣ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и гдѣ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе ногъ не менѣе, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія ГГ. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первымъ отходящею почтою. Кatalоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 7.

УРОКЪ МУЖЬЯМЪ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢЙСТВІИ.

НИКОЛАЯ КРЕСТОВСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОРСКІЙ

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЙНА, его жена.

НАВЕНЪ НИТРОВИЧЪ ОЗЕРОВЪ, богатый помѣщикъ, отставной ротмистръ.

СОФІЯ НИКОЛАЙВНА, его жена.

Дѣйствіе происходитъ въ загородномъ домѣ Горскаго.

Сцена представляет садъ, направо бесѣдка, дверью къ актерамъ, окномъ къ зрителямъ; на заднемъ планѣ заборъ съ калиткой, примыкающій къ барскому дому, изъ котораго выхоть на сцену. Посрединѣ на авансценѣ цѣпникъ, окружающій съ 3-хъ сторонъ садовую скамью, Фруктовыя деревья, цѣтцы и прочія принадлежности роскошнаго сада.

I.

ГОРСКАЯ одна, сидитъ на скамьѣ и читаетъ книгу.

Безъ книгъ въ деревнѣ бѣда! Можно умереть со скуки... Мужъ мой съ гостями ловить рыбу, а я ненавижу эту осеннюю страсть... Толи дѣлю книги? Напримѣръ это. О! чудный, незабвенный Пушкинъ! (читаетъ).

Раскрылъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ;
Блѣдна, какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука;
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.
«Ахъ, Русскій, Русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ на вѣкъ я предалася!
Ужель на вѣкъ погибла радость?...
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотябъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала-бъ жребій твой
Заботой вѣжливой и покорной;
Ябъ стерегла минуты сна,
Покой тоскующаго друга,
Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,

Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русский? Ты любишь?
Понятны мнѣ твои страданья...
Прости-жь и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ."
Умолкла. Слезы и стenanья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали пѣни;
Безъ чувствъ обнавъ его колѣни,
Она едва могладохнуть.
И пѣвникъ, тихую рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
"Не плачь: и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забутый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали бреговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавить тягостная пѣль.
Свѣтила ночи затмѣвались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупа взоръ,
Они въ безмолвіи разстались."

II.

ГОРСКАЯ = **ОЗЕРОВЪ**, въ утреннемъ деревенскомъ костюмѣ, входитъ не замѣченный, и слыша стѣхи, становится противъ нея, любясь ею.

ГОРСКАЯ (по окончаніи чтенія, увидѣвъ его). Ахъ! Это вы, Павелъ Петровичъ? Ну, какъ удивилъ?

ОЗЕРОВЪ (не отвѣчая цѣлуетъ руку Горской и потомъ смотритъ на нее съ нѣжностью).

ГОРСКАЯ (въ-сторону). Что съ нимъ? (Громко) Вы мнѣ не отвѣчаете... я васъ спрашиваю, удачна ли была ловля?

ОЗЕРОВЪ. Помилуйте, я тамъ началъ дремать... вдругъ, какая-то рыба такъ рванулась съ крючкомъ, что я удочку выпустилъ изъ рукъ и чуть самъ не упалъ въ воду.

ГОРСКАЯ. Ха, ха, ха! это преуморительно!

ОЗЕРОВЪ. Вашъ почтенный супругъ съ моею дражайшею половиною досихъ-поръ хохоцуть на домной. Вотъ у нихъ такъ страсть къ этой скучной ловлѣ... Я не понимаю, что тутъ хорошаго.

ГОРСКАЯ. А какъ же Sophie увѣряла, что вы любите эту забаву?

ОЗЕРОВЪ. Да, я любилъ ее въ прежнія времена, отъ нечего дѣлать.

ГОРСКАЯ. А теперь разлюбили?

ОЗЕРОВЪ. Терпѣть не могу.

ГОРСКАЯ. Странно!

ОЗЕРОВЪ. Вотъ видите, Александра Андреевна, когда мы, празднующийся народъ, съ пустымъ сердцемъ и холодной душой, не находимъ предмета, достойнаго души и сердца, тогда вымышляемъ подобныя забавы, чтобы только убить время.

Безъ дѣла я, мнѣ нуженъ моционъ:
Съ кѣмъ въ рукахъ — хожу вокругъ бильярда;
Я пресыщенъ, я жизнью утомленъ:
И въ карты ночь играю до азарта;
Позавтракавъ, мнѣ надо отдыхать:
Тамъ съ удочкой, — заѣсъ съ трубкой на диванѣ;
А для того, чтобы даромъ не дышать,
Отъ скуки я играю на чеканѣ.

Но когда встрѣтишь предметъ любви, когда сердце и душа заняты одною только мыслию, тогда совсѣмъ перерождаешься, начинаешь жить новою жизнью... лѣтность, праздность, охота, рыбная ловля, вся это дурь пройдетъ.

ГОРСКАЯ. Понимаю: любовь къ хорошенькой женѣ истребила страсть къ рыбной ловлѣ... не такъ ли?

ОЗЕРОВЪ. Совсѣмъ не такъ; жена ни въ чемъ не измѣнила меня.

ГОРСКАЯ. Не понимаю... Что-жъ заставило васъ измѣниться? (*Озеровъ молча смотритъ на Горскую*). Вы молчите?

ОЗЕРОВЪ. Молчу, потому-что о многомъ думаю.

ГОРСКАЯ. Думаете! Нельзя ли думать вслухъ? Это будетъ и учтивѣе и не такъ скучно.

ОЗЕРОВЪ. Думать вслухъ? О какъ бы мнѣ хотѣлось открыть свою душу... но... всему есть границы; при васъ я не смѣю, не могу всего высказать...

ГОРСКАЯ (*перевивая*). А! Въ такомъ случаѣ я и не требую невозможнаго. (*Въ-сторону*). У него что то недоброе на умѣ? (*Вслухъ*). А знаете ли, что я замѣчаю: прежде вы были гораздо любезнѣе, веселѣе. Не скучно ли вамъ у насъ? Я, какъ хозяйка, объ этомъ васъ сарашиваю.

ОЗЕРОВЪ. Прежде я былъ вѣтренъ, глупъ, человекъ безъ чувства, безъ души... прежде я не зналъ васъ...

ГОРСКАЯ (съ большою удмеленіем). Что такое?

ОЗЕРОВЪ. Проклинайте меня, браните, откройте все моею жадъ, предайте меня вашему мужу, мнѣ все-равно... жребій брошенъ, я не могу таять любви моею къ вамъ.

ГОРСКАЯ (смѣется и напльзаетъ). Ah, bravo, Figaro, bravo bravissimo. Да вы славный актеръ; я и не знала за вами этого таланта. Вѣдь какъ натурально прикинулся влюбленнымъ.

ОЗЕРОВЪ (нѣсколько смущенный). О! не смѣйтесь надо мною, умоляю васъ! Я открылся предъ вами въ любви, зная, что это преступленіе... но что-же мнѣ дѣлать, когда я не въ силахъ молчать, потому-что люблю васъ, какъ безумный! Я ничего не надѣюсь, не смѣю ждать взаимности;—только умоляю объ одномъ: не смѣйтесь надо мною, не презирайте меня, позвольте мнѣ любить, страдать безнадежно—я я счастливѣйшій человекъ на свѣтѣ.

ГОРСКАЯ (серьозно). Послушайте... то, что я слышала сейчасъ, можетъ быть понято двояко: или вы говорили серьезно, въ такомъ случаѣ это оскорбленіе, котораго я не заслужила, и которое, несмотря на дружбу мою съ вашей женою, заставило-бы меня просить васъ оставить мой домъ; если же все сказанное вами шутка, комедія, сцена, прелесть вамъ разыгранная, то я готова отъ всей души посмѣяться этой забавной выдумкѣ.

ОЗЕРОВЪ. Вы ангелъ! вы такая красавица, какихъ на свѣтѣ нѣтъ... и думаете, что я шучу. Нѣтъ я съ ума сложенъ отъ любви къ вамъ! Если вамъ угодно, чтобъ я уѣхалъ, я уѣду; умру съ тоски, а уѣду. Но повторю, что люблю васъ и буду любить до гроба!.. И такъ... и такъ прикажете проститься съ вами?

ГОРСКАЯ (подумавъ, потомъ улыбаясь и переломывая клику, говорить). Проститься... нѣтъ; не до свиданія.

ОЗЕРОВЪ (съ восторгом). Что я слышу! Какое счастье!

ГОРСКАЯ (хладнокровно). Чему вы обрадовались? Во-первыхъ я не хочу огорчать вашу жену и унижать васъ передъ моимъ мужемъ; а во-вторыхъ и любовь ваша мнѣ необходима. (Смотря съ клику). Вотъ кстати, послушайте нѣбніе Пушкина, «Чѣмъ меньше мы стараемся нравиться женщинамъ, тѣмъ больше мы ей нравимся». А согласитесь, что вы не такъ ловко начали? Притомъ же вы согласны любить и безъ надежды... (Смѣясь и уходитъ). Тутъ ужъ для меня рѣшительно нѣтъ ни малѣйшей опасности, и я вамъ снова повторяю: до свиданія. (Уходитъ смѣясь).

III.

ОЗЕРОВЪ одинъ.

Гмъ! вотъ что-съ. Всякій на моемъ мѣстѣ повѣсилъ бы носъ... а я... не даромъ она вспомнила о Фигаро! Вы, душечка, хороши, какъ Су-саниа, даже лучше ея; зато и я похитрѣ графа Альмавивы. И Пуш-кинъ правъ съ одной стороны, но я помню дѣдушку Крылова: «Что въ сердцѣ лъстецъ всегда отыщеть уголокъ». Притомъ же у меня своя метода: я бью навѣрняка.

IV.

ОЗЕРОВЪ и ОЗЕРОВА, входя въ калитку.

ОЗЕРОВА. Ты здѣсь? Ахъ, сколько мы съ Иваномъ Михайловичемъ наловили окуней! А ты, Польша, какой неловкій! Мы все хотѣли надъ тобой.

ОЗЕРОВЪ. Да, да, я всю дорогу слышалъ вашъ адскій смѣхъ.

ОЗЕРОВА. Я нарочно торопилась сюда, чтобъ рассказать Александричъ, какъ тебя шука въ воду стащила.

ОЗЕРОВЪ. Она ужъ знаетъ, я сей-часъ самъ рассказывалъ; она тоже осмѣяла меня. (*Въ-сторону*). Странная вещь, мнѣ передъ ней немножко совѣстно. (*Вслухъ*). Прощай.

ОЗЕРОВА. Куда же ты?

ОЗЕРОВЪ. Надо переодѣться.

ОЗЕРОВА. Ну, хорошо, иди и приходи скорѣй сюда; сядемъ въ розовомъ павильонѣ; я буду читать, а ты пожалуй засни, мнѣ и это пріятно: я все таки буду съ тобой; хорошо? (*Горская выходитъ, и замѣтивъ, что Озеровъ хочетъ идти изъ дому, останавливается за павильономъ, и дѣлаетъ Озеровой знакъ, чтобы она ничего не говорила*).

ОЗЕРОВЪ. Хорошо, мой другъ, хорошо; подожди здѣсь, я сей-часъ. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ, въ-сторону*). Какъ она меня любитъ, а я, не-благодарный! Пойду къ той. (*Входитъ въ домъ*).

V.

ОЗЕРОВА и ГОРСКАЯ.

ГОРСКАЯ (*по выходъ Озерова хохочетъ*). Соня! душечка! какую я расскажу тебѣ диковинку, невообразимую, удивительно-невѣроятную.

ОЗЕРОВА (*смѣясь*). Ахъ, скажи, скажи пожалуйста.

ГОРСКАЯ. Изволь, но съ условіемъ, что ты будешь смѣяться точно такъ же какъ и я.

ОЗЕРОВА. Пожалуй хоть больше! Я сегодня расположена къ смѣху; мы съ Иваномъ Михайловичемъ все утро хохотали надъ моимъ мужемъ.

ГОРСКАЯ. И теперь давай смѣяться надъ нимъ же.

ОЗЕРОВА. Очень рада. Ну, что же онъ еще изпроказилъ?

ГОРСКАЯ. Вообрази, мужъ твой... *(хохочетъ)*.

ОЗЕРОВА. Ну?

ГОРСКАЯ. Да не могу... *(хохочетъ)*.

ОЗЕРОВА *(тоже хохочетъ)*. Мнѣ на тебя смѣшно. Да говори...

ГОРСКАЯ *(хохочетъ)*. Онъ влюбленъ.

ОЗЕРОВА. Влюбленъ! Мой мужъ влюбленъ? Въ кого же это?

ГОРСКАЯ. Въ меня.

ОЗЕРОВА. Въ тебя?

ГОРСКАЯ. Да, влюбленъ, влюбленъ въ меня. Чтожъ ты не смѣешься? Ты собираешься плакать, ребенокъ... да что съ тобой, мимочка, душечка, что съ тобой?

ОЗЕРОВА *(съ слезами)*. И ты спрашиваешь, что со мною?

Этотъ случай подстреваетъ,
Самолюбіе твое;
Ты не знаешь, какъ страдаетъ
Сердце бѣдное мое.
Хоть твоей я вѣрю чести,
Но могу-ль быть весела?
На моемъ и ты-бы мѣстѣ
Веселиться не могла. —
О мужа, мужа, какъ больно?
Вашу вѣтренность сносить:
Вы заставите невольно,
Вамъ невѣрностью платить.

ГОРСКАЯ. Это къ чему! Слишкомъ много чести... Мужъ твой молодой, вѣтренъ, и даже, должно сознаться, немножко самолюбивъ... такъ надо его одурачить. Я и сказала тебѣ съ тѣмъ, чтобы условиться, какъ бы хорошенько проучить его, да попрохладить излишней жарь... *(Смотритъ въ садъ)*. Ахъ, вотъ кстати и мой мужъ, онъ будетъ нашимъ сообщникомъ. Да полно же, Соничка, морщитъ брови, улыбнись, душечка; уи улыбнись же... вотъ такъ.

VI.

ГОРСКАЯ, ОЗЕРОВА въ задумчивости и ГОРСКИЙ.

ГОРСКАЯ. Иванъ Михайловичъ, Иванъ Михайловичъ! въ вашемъ присутствіи мы разберемъ уголовное дѣло между мужемъ и женой.

ГОРСКИЙ. Что такое случилось? Впрочемъ видно хорошія вѣсти: ты такъ весела, что люблю на тебя смотрѣть... однако мы съ тобою не видались сегодня. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ*).

ГОРСКАЯ. Помилуйте, гдѣ же вамъ видѣться со мною, когда вы чѣмъ свѣтъ встаете и ухаживаете за нашей гостью: вотъ какую рыбку вы ловите!...

ГОРСКИЙ. Такъ, это меня-то вы и собираетесь отдать подъ судъ?

ГОРСКАЯ. Совсѣмъ нѣтъ, и хоть вы тоже грѣшный человѣкъ, но съ вами послѣ расправа будетъ. Взгляните на эту бѣдняжку: вотъ жертва, я донощикъ, вы судья.

ГОРСКИЙ (*взглянувъ на Озерову*). Въ-самомъ-дѣлѣ, что это значить? Я недоволенъ знать печальнымъ личкомъ, которое привыкъ видѣть веселенькимъ. Что съ вами Софья Николаевна? (*Озерова закрываетъ лицо платкомъ*).

ГОРСКАЯ. Не спрашивай ее, мой другъ. Я все тебѣ расскажу послѣ, только нездѣсь. Ты также, Соничка, приходи въ мою комнату. Ахъ, да вотъ нашъ злодѣй... при немъ ни слова о нашей тайнѣ.

ГОРСКИЙ. Какая тайна? Я вѣдь ничего не понимаю.

ГОРСКАЯ. И не нужно. Только будьте поразвѣзѣе и ухаживайте за Соничкой.

ГОРСКИЙ. Какъ, ухаживать!

ГОРСКАЯ. Ну, разумѣется, какъ ухаживаютъ влюбленные...

ГОРСКИЙ. Не понимаю.

ГОРСКАЯ. А это ясно: бывало вы волочили тамъ многихъ по дѣламъ, теперь извольте волочиться сами.

ГОРСКИЙ. Да что ты, шутишь или серьезно?

ГОРСКАЯ. Ничего не сдѣлаешь безъ взятки. (*Цѣлуетъ его*). На, возьми плутъ. Тсъ! комедія начинается. Станьте подлѣ Сонички. (*Горскій переходитъ*).

VII.

ТЪ ЖЕ и ОЗЕРОВЪ, расфранченный.

ОЗЕРОВЪ. А наконецъ всѣ наши собрались. Mesdames, что прикажете? Какую прогулку назначите? Конную или пѣшую?

ГОРСКИЙ. А вотъ, прежде позавтракаемъ, а потомъ и выдумаемъ что-нибудь.

ОЗЕРОВЪ. Честь мнѣю донести, что завтракъ тамъ готовъ. (*Горскій хочетъ перейти*).

ГОРСКИЙ (*къ Озерову*). А знаешь ли что, мой сбер...

ГОРСКАЯ (*ему тихо*). Стойте и говорите что-нибудь нѣжное Соничкѣ.

ГОРСКИЙ (*тихо ей*). Да что-же говорить?

ГОРСКАЯ (*также*). «Какъ вы сегодня прелестны!»

ГОРСКИЙ (*Озеровой*). Какъ вы сегодня прелестны!

ГОРСКАЯ (*тихо*). Вдыхайте передъ ней.

ГОРСКИЙ. Ахъ!

ГОРСКАЯ. Что это, мой другъ, ты глазъ не сводишь съ Сонички, вдыхаешь, говоришь комплименты...

ГОРСКИЙ. Да ты же ве.....

ГОРСКАЯ (*перебивая*). Да, да, я начинаю ревновать! А вы ничего за ними не замѣчаете, Павелъ Петровичъ?

ОЗЕРОВЪ. Давно замѣтилъ. И рыбу ловить вмѣстѣ, и смѣются надъ мной... (*Переходъ къ женѣ*). Только Иванъ Михайловичъ во всякомъ случаѣ мнѣ неопасенъ.

ГОРСКАЯ (*тихо Озеровой*). У тебя мигрень; уйди въ спальню. (*Громко*). Что съ тобой, Соня, ты что-то не весела!

ОЗЕРОВЪ (*береть руку жены и смотритъ съ участіемъ*). В-самомъ-дѣлѣ, что съ тобой?

ОЗЕРОВА. У меня мигрень.

ГОРСКАЯ. Что-жъ ты здѣсь мучишь себя? Ступай къ себѣ въ комнату, бѣдненькая, и запишись въ ней, а я велю, чтобъ не шумѣли въ доѣ. Ступай, душечка. (*Озерова идетъ. Горская тихо мужу*). Идите за ней.

ГОРСКИЙ (*тихо ей*). Зачѣмъ?

ГОРСКАЯ (*также*). Она вамъ все объяснитъ. Да идите же. (*Горскій идетъ*). А ты куда, плутишка?

ГОРСКИЙ. Да ты же велѣ...

ГОРСКАЯ (*перебивая и толкая его*). Иди, иди. Тебѣ надо переодѣться; а я пойду на ферму.

ОЗЕРОВЪ. И вы уходите?

ГОРСКАЯ. Извините, мнѣ надо навѣстить больную на фермѣ.

ОЗЕРОВЪ. И я пойду съ вами.

ГОРСКАЯ. Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь, позавтракайте. Я сейчасъ вору-чусь и мы поѣдемъ кататься. До свиданія. (*Уходитъ въ калитку*).

VIII.

ОЗЕРОВЪ одинъ.

Ушла. Гмъ! боится остаться со мной наединѣ. Это хорошій знакъ. Кому же неизвѣстно, что отъ этой боязни до любви одинъ только шагъ.

IX.

ОЗЕРОВЪ и ОЗЕРОВА. вбѣгаетъ въ смущеніи.

ОЗЕРОВА. Это ужасно! это непростительно! Какъ осмѣливаться на такой поступокъ?

ОЗЕРОВЪ. Что съ тобой?

ОЗЕРОВА. Поль! намъ должно отсюда уѣхать, непременно, сей-часъ же уѣхать.

ОЗЕРОВЪ (*всторону*). Ай, ай, она все узнала. (*Громко*). Ъхать, мой другъ, зачѣмъ ѣхать?

ОЗЕРОВА. Затѣмъ, что меня здѣсь оскорбили.

ОЗЕРОВЪ. Оскорбили! Кто-же?

ОЗЕРОВА. Иванъ Михайловичъ.

ОЗЕРОВЪ. Горскій?

ОЗЕРОВА. Горскій.

ОЗЕРОВЪ. Вотъ это удивляетъ меня. Какъ же это случилось?

ОЗЕРОВА. Я давно замѣтила его странное поведеніе въ отношеніи ко мнѣ... онъ вздыхаетъ, говоритъ приторныя нѣжности, особенно, когда мы бываемъ вдвоемъ.

ОЗЕРОВЪ. Какъ напримѣръ, сегодня, на рыбной ловлѣ.

ОЗЕРОВА. Да, какъ сегодня, такъ и всегда. Вотъ почему я и просила тебя быть всегда со мною.

ОЗЕРОВЪ (*шутя*). Ай да Иванъ Михайловичъ!

ОЗЕРОВА. Но это все бы ничего; я такъ вела себя, что и вѣду не подавала, будто понимаю его намеки. (*Съ нетерпѣливостію*). Но ты, кажется, равнодушно это принимаешь? Развѣ ты не слышишь? Горскій... Понимаешь ли ты, наконецъ, почему намъ должно отсюда ѣхать?

ОЗЕРОВЪ (*всторону*). Онъ самъ помогаетъ мнѣ. (*Вслухъ*). Не вижу, въ этомъ никакой надобности, мой другъ; напротивъ, мы не уѣдемъ, мы останемся здѣсь.

ОЗЕРОВА. Чего же ты хочешь?

ОЗЕРОВЪ. А вотъ чего, слушай: во-первыхъ, нужно согласиться на свиданіе.

ОЗЕРОВА Ты меня удивляешь, Поль.

ОЗЕРОВЪ (*оглядывая садъ*). И мѣстомъ свиданія избрать эту бесѣдку. Я потомъ объясню тебѣ, для чего все это надобно. Во вторыхъ, и это необходимо: не говори ни о чемъ его женѣ.

ОЗЕРОВА. Это зачѣмъ?

ОЗЕРОВЪ. За тѣмъ... за тѣмъ, чтобъ не опечалить ее; бѣдная, она такъ любить своего мужа.

ОЗЕРОВА. Странныя требованія! Согласиться на свиданіе, и тихонько отъ его жены! На что это похоже! какія послѣ этого будутъ мои отношенія къ ней. Нѣтъ, этому не бывать.

ОЗЕРОВЪ. Дитя! неужели ты думаешь, что я въ такомъ важномъ обстоятельствѣ дамъ тебѣ совѣтъ; не обдумавъ его? Если мы съ ними поссоримся и уѣдемъ, всѣ сосѣди Богъ знаетъ что заговорятъ; начнутъ дѣлать разныя догадки, толки, подозрѣнія... еще пожалуй, вмѣсто его оклеветаютъ меня; сочинятъ, будто я признался въ любви его женѣ. (*Озерова съ удивленіемъ смотритъ на него*). Да, да, не удивляйся, злые языки чего не выдумаютъ! Между-тѣмъ, въ чемъ дѣло? Горскій, хоть и старъ, но увлеченъ одной изъ тѣхъ причудъ, которымъ часто бывають подвержены старики... понимаешь?

ОЗЕРОВА. Да Горскій вовсе не старикъ...

ОЗЕРОВЪ. Т. е. онъ хорошо очень сохранился, но все-таки, повѣрь мнѣ, онъ старикъ.... понимаешь? Ты должна дать ему урокъ, прочесть хорошенькую нотацию... понимаешь?

ОЗЕРОВА. Не совсѣмъ. Но будь по твоему.

ОЗЕРОВЪ. Если хочешь... если въ-самомъ-дѣлѣ ты боишься быть единѣ съ сорокалѣтнимъ Донъ-Жуаномъ, то я буду при этомъ свиданіи невидимкою, вотъ хоть въ этой бесѣдкѣ.

ОЗЕРОВА. Нѣтъ, я этого не хочу.

ОЗЕРОВЪ. Почему?

ОЗЕРОВА. Вотъ видишь, если я буду знать, что меня подслушиваютъ... тогда я плохо разыграю свою роль, престо не съ уѣбъ ничего путнаго сказать. Обѣщай же мнѣ, что ты не будешь присутствовать при свиданіи моемъ съ Горскимъ.

ОЗЕРОВЪ. Изволь, обѣщаю.

ОЗЕРОВА. Честное слово?

ОЗЕРОВЪ. Вотъ рука.

ОЗЕРОВА. И такъ покуда прощай. (*Уходитъ, но не доходя до дверей, останавливается*). Дай еще мнѣ обѣщаніе.

ОЗЕРОВЪ Какое?

ОЗЕРОВА. Что ты не будешь брать примеръ съ Ивана Михайловича, и никогда мнѣ не измѣнишь.

ОЗЕРОВЪ (*трагическимъ тономъ*). Можно ли мнѣ объ этомъ говорить! Стыдно, стыдно, сударыня! (*Озерова уходитъ*).

X.

ОЗЕРОВЪ одинъ.

А! вотъ что, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ. Вы вздумали по-дражать нашему брату? Прекрасно! Еще сперва мнѣ было совѣстно немножко волочиться за вашей женой... а теперь... теперь все обратится на вашу голову!.. Есть люди, которые думаютъ, что нѣтъ существа хитрѣе женщины. Я бы желалъ посмотрѣть на женщину, которая сумѣла бы меня обмануть.

XI.

ОЗЕРОВЪ и **ГОРСКАЯ**, выходятъ изъ кабинки, и увидѣвъ Озерова, хочетъ уйти въ домъ.

ОЗЕРОВЪ. Не уходите, ради Бога не уходите! Мнѣ необходимо сказать вамъ два слова наединѣ. Не о себѣ, не о любви моей хочу говорить. (*Горская подходитъ къ Озерову*). Если давнишнимъ объясненіемъ я имѣлъ несчастіе огорчить васъ, то клянусь любить и страдать молча... (*Горская хочетъ уйти*). Про васъ, про васъ и про вашего мужа я хочу говорить.

ГОРСКАЯ (*возвращаясь*). Ну-съ? Что скажете хорошенькаго?

ОЗЕРОВЪ. Какъ вы думаете, почему я давеча, безъ малѣйшаго приготовления, такъ вдругъ, неожиданно, признался вамъ въ любви?

ГОРСКАЯ. Послушайте, вы хотѣли говорить про моего мужа?

ОЗЕРОВЪ. Я про него и говорю.

ГОРСКАЯ. Какъ про него? Вы опять съ этой любовью...

ОЗЕРОВЪ. Помните, вы ужъ знаете, что я васъ люблю давно и страдаю... къ чему мнѣ повторять это... Да, я бы и никогда не осмѣлился признаться въ любви.

ГОРСКАЯ. Это скучно. (*Хочетъ идти*).

ОЗЕРОВЪ (*скоро вслѣдъ ей кричитъ*). А теперь именно хочу говорить о вашемъ мужѣ.

ГОРСКАЯ (*издали*). Которого вы оскорбляете!.. (*Подходя*). Ну, говорите объ немъ, я васъ слушаю.

ОЗЕРОВЪ. Такъ угадайте же, почему я сегодня признался вамъ въ любви?

ГОРСКАЯ (*смѣясь*). Такъ это рѣчь о мужѣ?

ОЗЕРОВЪ. Именно. Вы только слушайте до конца. И такъ почему я, несмотря на мою скромность и природную застѣнчивость, вдругъ, такъ неожиданно для васъ признался въ любви? Вы не угадаете... да....

ГОРСКАЯ. Напротивъ, это очень ясно: именно потому-то вы и рѣшились на такой дерзкій поступокъ, что въ васъ нѣтъ, не только скромности и застѣнчивости, а даже извините, по моему, въ васъ нѣтъ никакого стыда!

ОЗЕРОВЪ (*трагически*). Вотъ, что я долженъ переносить за любовь мою къ вамъ!

ГОРСКАЯ. Довольно. Что же я ничего не слышу о моемъ мужѣ?

ОЗЕРОВЪ. Я не зналъ, какъ сказать, не рѣшался огорчать васъ; но вы требуете, и такъ узнайте: въ то время, какъ я любилъ васъ и молчалъ, вашъ мужъ явно волочился за моей женой.

ГОРСКАЯ (*съ притворною обидой*). Что? это ложь, ложь! Вы говорите вздоръ, и вздоръ обидный! Мы любимъ другъ-друга, наша любовь основана на взаимной довѣренности. Мужъ мой никогда не рѣшится поступить противъ супружескихъ обязанностей... и я сдѣлаю преступленіе противъ этихъ обязанностей, если буду васъ слушать...

(*Хочетъ уйти*).

ОЗЕРОВЪ (*кричить*). Слово и дѣло! Вы теперь не имѣете права уходить. Онъ никогда не рѣшится преступить обязанностей, говорите вы?

ГОРСКАЯ. Да!

ОЗЕРОВЪ. Вы въ этомъ увѣрены?

ГОРСКАЯ. Совершенно увѣрена.

ОЗЕРОВЪ. Такъ разувѣрьтесь. Вашъ мужъ съ самаго пріѣзда нашего ухаживаетъ за моей женой, а нѣсколько минутъ тому назадъ вошелъ въ ея комнату, объяснялся въ любви и просилъ свиданія.

ГОРСКАЯ (*съ притворнымъ изумленіемъ и негодованіемъ*). Не можетъ быть!..

ОЗЕРОВЪ. Спросите у Сони. Она была здѣсь передъ вами, и все мнѣ рассказала. Она непременно хотѣла бѣжать отсюда. Я насильно уговорилъ ее остаться (*Смотритъ съ нѣжностью на Горскую*). Волочаться за другими, тогда какъ Богъ послалъ ему жену молодую, прекрасную, очаровательную... Иамънить такой красавицѣ... И что-же

этот извѣнникъ? Такъ, пустой человѣкъ, глушецъ... чуть не старикъ! Это не простительно! это гнусно! (*Въ-сторону, смотря на нее*). Дѣйствуетъ, дѣйствуетъ.

ГОРСКАЯ (*въ сильномъ волненіи*). Узнайте, гдѣ будетъ свиданіе. Чтобы повѣрить тому, что вы говорите, мнѣ нужно видѣть все собственными глазами. И если вы сказали правду...

ОЗЕРОВЪ. Тогда?

ГОРСКАЯ. Тогда... О! я отомщу ему! (*Убѣгаетъ въ домъ*).

XII.

ОЗЕРОВЪ одинъ, чрезвычайно доволенъ собой, потому **ГОРСКІЙ**

ОЗЕРОВЪ. Теперь кончено! Ревность—это опиумъ, приводящій въ опьянѣніе; только надо уметь пользоваться ею во-время... А! вотъ нашъ амфитріонъ. (*Входитъ Горскій. Увидя его, Озеровъ принимаетъ задумчивый видъ*).

ГОРСКІЙ (*расфранченный*). А я ужъ позавтракалъ; что же вы не приходили?

ОЗЕРОВЪ. Я берегу аппетитъ къ обѣду. (*Въ-сторону*) Онъ еще можетъ ѣсть.

ГОРСКІЙ (*весело*). Я встрѣтилъ жену; она велѣла вамъ сказать, что хочеть ѣхать верхомъ. Что вы такъ скучны, Павелъ Петровичъ?

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). А ты чему радуешься, любезный; вѣдь есть же такіе безпечные мужья.

ГОРСКІЙ. Да полно, другъ, о чемъ думаешь?

ОЗЕРОВЪ. О женѣ.

ГОРСКІЙ. О своей женѣ! Счастливая Софья Николаевна.

ОЗЕРОВЪ. Счастливая! отчего такъ?

ГОРСКІЙ. Оттого, что вы думаете о ней. А какъ много женъ, о которыхъ вовсе не думаютъ мужья.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Какъ онъ доволенъ! Вотъ чудакъ! (*Громко*). Въ такомъ случаѣ и я скажу, счастливая Александра Андреевна, потому-что, конечно, никто болѣе васъ не любитъ жены своей и не думаетъ о ней.

ГОРСКІЙ (*улыбаясь*). Вы такъ полагаете?

ОЗЕРОВЪ. Развѣ я ошибаюсь.

ГОРСКІЙ. Хе, хе, хе! Еслибъ можно было положиться на вашу скромность, то я бы поразсказалъ кое-что.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Да это комедія (*Громко*). Иванъ Михайловичъ, я васъ не узнаю! Да вы, просто, повѣса.

ГОРСКІЙ. Я второй Донъ-Жуанъ!

ОЗЕРОВЪ. Вы пожалуй и до меня доберетесь?

ГОРСКІЙ. Пожалуй.

ОЗЕРОВЪ. А дружба?

ГОРСКІЙ. Въ этихъ случаяхъ я дружбу подь сукно.

ОЗЕРОВЪ. Молодецъ!

ГОРСКІЙ. О! я ужасный человекъ! Я часто нарочно рассказываю все мужьямъ; такъ сказать предупреждаю ихъ; и все-таки обману:

ОЗЕРОВЪ. Да вы просто разбойникъ! Ну, а если съ вами кто-нибудь тоже сдѣлаетъ? У васъ же такая красавица жена...

ГОРСКІЙ. Никому не удастся: я такъ ее настроилъ, что она любитъ меня безъ памяти, и совершенно увѣрена въ моей любви.

ОЗЕРОВЪ (*тихо*). Какъ самолюбивъ, уродъ! (*Вслушь*). Смотрите, не попадитесь въ просакъ.

ГОРСКІЙ. Да, неугодно-ли попробовать?

ОЗЕРОВЪ. Куда мнѣ! (*Въ-сторону*). Я же докажу тебѣ дружбу.

ГОРСКІЙ. Современемъ я вамъ расскажу всѣ мои похождения; это вамъ пригодится... вы еще молоды, неопытны, я васъ сформирую.

ОЗЕРОВЪ. Покорно васъ благодарю.

ГОРСКІЙ. Надо, чтобъ жены наши любили насъ, вѣрили намъ, а главное, чтобы сами были откровенны во всемъ.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Просто комедія! О! Мольеръ! гдѣ ты? Ха, ха, ха! (*Оба хохочутъ, пожимая руки другъ другу. Въ-сторону*). погоди же, пріятель!

ГОРСКІЙ (*въ-сторону*). погоди же, предатель!

ХІІІ.

ТЪМЪ и ГОРСКАЯ, въ amazонокъ.

ГОРСКАЯ. Какое у васъ веселье! А я пришла разлучить Ореста съ Пиладомъ. Monsieur Озеровъ! вы мой кавалеръ. Этого господина съ мѣста не сдвинешь, а Sophie все еще страдаетъ отъ мигрени. Поѣдите вдвоемъ.

ОЗЕРОВЪ. Я къ вашимъ услугамъ.

ГОРСКАЯ. Прекрасно. (*Дѣлаетъ знакъ Горскому, чтобъ онъ вышелъ*). А ты куда?

ГОРСКИЙ. Я через сад пройду къ управителю: проклятые счеты! Нужно отдать еще кое-какія приказанія; я тотчасъ ворочусь, а между тѣмъ пошлю въ городъ за докторомъ для Софьи Николаевны.

ГОРСКАЯ. Поцѣлуй же меня, мой другъ. Мы скоро воротимся. Прощай, прощай. *(Тихо показываетъ, чтобъ онъ ушелъ налево).*

ОЗЕРОВЪ. До свиданія, Донъ-Жуанъ.

ГОРСКИЙ. До свиданія, Нулинъ. Прочтуть онѣ тебя! *(Озеровъ и Горская уходятъ въ калитку. Горскій закулисы налево. На сценѣ нѣсколько секундъ нѣтъ никого).*

XIV.

ГОРСКАЯ И ОЗЕРОВЪ.

ГОРСКАЯ *(выходя тихо и смотря за мужемъ).* Онъ далеко. Нѣлаго нѣтъ. Гдѣ же назначено свиданіе?

ОЗЕРОВЪ. Здѣсь въ саду, даже въ этой бесѣдкѣ: я такъ и просилъ жену назначить... Соня сейчасъ выйдетъ...

ГОРСКАЯ. Смотрите! Бѣда, если вы солгали на моего мужа.

ОЗЕРОВЪ. Тогда дѣлайте со мной, что хотите. А если вы сами убьетесь во всемъ, тогда...

ГОРСКАЯ. Тогда... я знаю что мнѣ дѣлать.

ОЗЕРОВЪ *(въ сторону).* Она моя! *(Смотря налево).* Вотъ, вотъ и зѣбрь нашъ идетъ въ западню. Спрячештесь, — мужъ вашъ возвращается. Вотъ павильонъ, изъ котораго мы услышимъ все, что здѣсь говорится.

ГОРСКАЯ. Все это прекрасно придумано. Пойдемте. *(Оба подходятъ направо отъ актеровеъ къ павильону).* Войдите скорѣе, кажется идуть. *(Вталкиваетъ его въ дверь).*

ОЗЕРОВЪ *(въ дверяхъ, оборачиваясь).* А вы, развѣ не войдете со мной?

ГОРСКАЯ. Нѣтъ, я здѣсь буду въ кустахъ; не забывайте, что я еще ни въ чемъ неувѣрена! *(Запираетъ за ними дверь ключемъ, снаружи).*

Ты обмануль Цыгада,
Такъ тебѣ и надо,
А я Ореста,
Не выпущу изъ подъ ареста!..

(Проходя мимо публики и показывая на ключъ). Bravo! bravo! я, кажется, сочиняю стихи; хоть и не такъ хороши, ну, да онѣ лучшихъ и не стоятъ!

ОЗЕРОВЪ (показываясь въ окнѣ, противъ зрителей). Скучновато мнѣ будетъ одному; но почему не перетерпѣть минуту скуки;— тѣмъ пріятнѣе будетъ вознагражденіе. Посмѣюсь же я надъ этихъ сорокалѣтнихъ мотылькомъ. (*Горская, между-тѣмъ, какъ онъ говоритъ, подходит тихонько къ дому и выводитъ Озерову*).

XV.

ГОРСКІЙ, ГОРСКАЯ, ОЗЕРОВА смѣются тихо. **ОЗЕРОВЪ** въ павильонѣ.

ГОРСКАЯ (входящему мужу). Да ну, неловкій волокита! Насилу ноги волочить. Начинайте, начинайте... онъ тамъ.

ГОРСКІЙ (съ притворною нѣжностью). Sophie, Sophie! Войдите, никого нѣтъ.

ОЗЕРОВА. Точно—ли никого нѣтъ?

ГОРСКІЙ. Рѣшительно никого; мы одни, прекрасная Sophie. А наши бѣдняжки скачутъ теперь по полямъ. Сядьте сюда... (*Горскій садится на одинъ конецъ скамьи, Озерова на другой. Горская посредишь. Озерова громко хохочетъ*).

ОЗЕРОВЪ (въ павильонѣ). Чему она обрадовалась? Какъ хохочетъ.

ГОРСКІЙ. Чему вы такъ весело смѣетесь?

ОЗЕРОВА (продолжая хохотать). Вашей удивительной выдумкѣ.

ГОРСКІЙ. Вотъ видите, а вы боялись.

ОЗЕРОВА. Да какъ же не бояться: мнѣ казалось, что онъ ужъ началъ подозрѣвать мою любовь къ вамъ.

ОЗЕРОВЪ (въ павильонѣ). Чтѣ такое?

ГОРСКІЙ. Для того-то я и научилъ васъ пожаловаться ему на меня. Ну, расскажи, Sophie, какъ онъ это пріянялъ?

ОЗЕРОВА. Очень покойно, потому—что онъ самолюбивъ; и теперь совершенно увѣрекъ во мнѣ.

ОЗЕРОВЪ (про себя, въ окнѣ). Чтѣ—жъ это такое! Хоть бы мнѣ провалиться сквозь землю!

ОЗЕРОВА. Ваша образцовая выдумка уничтожила всякій поводъ къ недоувѣрчивости. Я такъ и сказала ему, что вы мнѣ признались въ любви и просили свиданія; но чтѣ я этимъ оскорблена, и хочу непременно ѣхать; онъ сталъ уговаривать меня остаться, а потомъ настоялъ, чтобъ я пришла на свиданіе; вотъ услужливый мужъ. (*Оба смѣются*).

ОЗЕРОВЪ. Какое безстыдство! Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ?..

ОЗЕРОВА. Онъ знаетъ, что я теперь съ вами здѣсь наединѣ, и совершенно спокоенъ. Правда, что онъ поручилъ мнѣ отдѣлать весь хоръ

шевно, прочитаю нотацію, просто одурачить васъ, и совершенно увѣренъ, что комиссію его я исполню въ точности. (*Оба хохочутъ*).

ОЗЕРОВЪ. Боже мой! до чего дошли нынче женщины!

ГОРСКІЙ. Sophie! вы восхитительны! (*Беретъ руку жены своей и цѣлуетъ ее нѣсколько разъ. Озеровъ въ павильонъ въ сильномъ волненіи*).

ОЗЕРОВА. Вѣдь онъ воображаетъ, что нашелъ во мнѣ скромненькую, простодушную женщину, изъ которой можетъ сдѣлать, что ему вздумается. Не правда-ли, какъ онъ смѣшенъ.

ГОРСКІЙ. Уморителенъ!

ОЗЕРОВЪ. Не женщина, а дьяволъ! Я съ ума сойду!!!

ГОРСКІЙ. Но забудьте о немъ. Какъ я вамъ благодаренъ, милая Sophie! за то, что вы не отказали мнѣ въ этомъ свиданіи. (*Цѣлуетъ руку жены*).

ОЗЕРОВЪ. Цѣлуются!.. Нѣтъ... это мнѣ вѣрно послышалось.

ГОРСКАЯ (*тихо*). Да ну, ври, что-нибудь.

ГОРСКІЙ. (*также*). Я и то цѣлый день вру на себя небылицы.

ГОРСКАЯ. Я буду суфлировать. (*Шепчетъ ему*).

ГОРСКІЙ. Конечно, я васъ вижу здѣсь каждый день, но все этого мало: боишься и вашего чудака, и моей дурочки. Ахъ, какое сладостное удовольствіе быть наединѣ съ такой душечкой! Глазами впиваться въ это личико, и твердить: люблю, люблю, люблю... Ахъ, какъ пріятно повторять это слово, и въ особенности слышать его взаимно изъ устъ обожаемой женщины. (*Озеровъ въ павильонъ, въ сильномъ безпокойствѣ задвѣгаетъ за мебель и шумитъ*). Повтори, повтори, что и ты любишь меня. (*Цѣлуетъ руку своей жены*).

ОЗЕРОВА. О да, и я люблю! любя! (*Горскій цѣлуетъ жену, Озеровъ ломится въ дверь, потомъ бросается къ окну и выскакиваетъ изъ него въ садъ*).

ОЗЕРОВЪ. Нѣтъ! Все кончено! я убью ихъ! (*Выскочивъ бѣжитъ на нихъ въ бѣшенствѣ*). А! измѣнники! (*Всѣ хохочутъ. Увидя ихъ сидящихъ въ прежнемъ положеніи, въ сильномъ изумленіи пятится назадъ и говоритъ къ публикѣ*). Вотъ сдѣлался-то! Что мнѣ дѣлать?.. Смѣяться? Но у меня такъ выгнулось лицо, что мускулы не двигаются... Не сердиться же: это всего глупѣе. (*Вслухъ подходя и опуская смиренно голову*). Приношу повинную голову.

ВСѢ. Ха, ха, ха!

ОЗЕРОВЪ. Смѣйтесь, смѣйтесь, я кругомъ виноватъ.

ГОРСКІЙ (*вставая*). Нѣтъ! будетъ смѣяться! Тсъ! тише! перестаньте! Я вступлюсь за него! Помните, да вы съ ума сведете-хоть кого. Па-

велъ Петровичъ, я тутъ ни въ чемъ виновать, что я ни дѣлалъ, что я ни врагъ на себя, все по ихъ приказу.

ОЗЕРОВЪ (подавая ему руку). Я виновать!

ГОРСКАЯ (лукаво смѣясь). А мнѣ вы никогда не простите...

ОЗЕРОВЪ (перебивая). Этого урока? Напротивъ, я долженъ благодарить васъ за него. (Переходя къ женѣ). Только, теперь я узналъ, какъ люблю жену мою и какимъ сокровищемъ не дорожилъ...

ОЗЕРОВА. Въ чемъ же доказательство этой любви?

ОЗЕРОВЪ. Во-первыхъ, въ томъ, что я чуть не умеръ отъ ревности, и будь я хоть въ пятомъ этажѣ, точно также выскочилъ бы изъ окна, какъ и теперь.

ОЗЕРОВА. А во-вторыхъ, чѣмъ ты докажешь свою любовь?

ОЗЕРОВЪ (становясь на колѣни). Признаемъ и исправленіемъ.

ОЗЕРОВА. А въ-третьихъ, чѣмъ заслужишь прощеніе?

ОЗЕРОВЪ. Вѣчною, неизмѣнною любовью:

ГОРСКАЯ. Я въ томъ порука.

ГОРСКИЙ. И я.

ГОРСКАЯ. Да ну же, полно прикидываться злою.

ОЗЕРОВА (мужу). Встаньте. (Озеровъ цѣлуетъ ея руку). Но при первой вѣтренности вашей, я непремѣнно отомщу вамъ... сама знаю какъ

ГОРСКАЯ (удерживая ее).

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Съ мужьями къ нестямъ
Ты никогда не прибѣгай;
Сама вѣрна будь долгу, чести,
А ихъ любовью исправляй.
На всякій случай будь готова,
Какъ нынче мужа обмануть:

(Показывая на Озерова и грозя шутя).

Чтобъ онъ не пикнулъ слова,
Не смѣлъ-бы и взглянуть!
Въ подобныхъ случаяхъ ведутъ себя различно.
Что жъ остается намъ?

(Показывая на публику). Вотъ обратиться здѣсь къ неподкупнымъ судьямъ:

Прошу васъ защитить публично:
Урокъ мужьямъ.

УПРЯМСТВО И НАСТОЙЧИВОСТЬ.

(DIEU MERCI LE COUVERT EST MIS.)

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Соч. Г. БЕНЕДИКТА (на нѣмецкомъ.)

ПЕРЕДѢЛАННАЯ ДЛЯ РУССКОЙ СЦЕНЫ

Г. А. СТОЙКОВИЧЕМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГОРНИВЪ.

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА, жена его.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БУРИНЪ, дядя и посаженный отецъ ГОРНИВЫХЪ.

ЕКАТЕРИНА СЕРГѢЕВНА, жена его.

ИВАНЪ. } Въ услуженіи у ГОРНИВЫХЪ.
САША. }

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Горнивыхъ.

(Театръ представляетъ комнату въ домѣ Гершиныхъ. Одна дверь въ глубинѣ сцены, двѣ другія съ обѣихъ сторонъ. Посрединѣ, но такъ, чтобы передняя часть сцены была свободна для дѣйствующихъ, полунакрытый столъ. Справа отъ задней двери небольшой столъ съ бутылками, стаканами и другими принадлежностями обѣденнаго стола. На передней части сцены еще два столика: нѣтъ, подлѣ дивана, дамскій для шитья, направо, подлѣ кресель, — съ журналомъ и развернутымъ листомъ газеты; въ одномъ изъ угловъ полузащитанная кѣшка попугая.)

I.

ИВАНЪ и САША.

ИВАНЪ (*продолжаетъ накрывать на столъ, приговаривая за каждымъ движениемъ*). Дѣло, кажись, не мудреное — накрыть на столъ на четыре прибора, а все-таки нужна сноровка: молодой баринъ будетъ разрѣзывать, — ему ножъ повострѣе, старому барину кресло попокойнѣе, молодой баринъ — разливную ложку подъ руку. Ну вотъ, кажется, и все въ порядкѣ у Ивана.

САША (*за дверью, которая въ глубинѣ сцены*). Иванъ, Иванъ, отвори. (*Иванъ отворяетъ, и Саша входитъ съ двумя блюдами въ рукахъ*).

ИВАНЪ. Экъ набрала! Смотри уронишь. Дай-ка маленько пособлю. (*Помогаетъ ей ставить блюда на столъ и цѣлуетъ ее въ щеку*). Это пошлыва.

САША (*отбиваясь*). Часто больно берешь; того и смотри въ бѣду попадешь съ тобой... неравно увидать.

ИВАНЪ. Увидать? Есть кому! — На то и шука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ.

САША. Да и баринъ не дремлетъ; то и смотри войдетъ.

ИВАНЪ. Въ томъ-то и дѣло, что не вошелъ.

САША. Ну, а если застанетъ? Тогда что скажешь? «Набойсь (*Голосомъ мальчика*) ненарокомъ.»

ИВАНЪ. Скажу: «виновать, сударь, съ радости»... Анъ и ничего не будетъ.

САША. Тебѣ ничего, а мнѣ совѣстно будетъ передъ баринномъ, отъ стыда стору ..

ИВАНЪ (*потирая руки*). Посмотрѣлъ бы, какъ ты гореть то будешь... Вотъ быстрые глазенки-то распрыгаются! Да нѣтъ! и совѣститься-то некого, у молодого барина у самого только поцѣлуй на умѣ: женать всего три мѣсяца.

САША. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что *женать*, а мы...

ИВАНЪ. И мы скоро обвѣнчаемся. (*Жметя къ ней*) Да, Сашенька, — такъ Сашурочка, — скоро и на нашей улицѣ...

САША (*уклоняясь*). Только не торопись теперь пока... Посмотри лучше, все-ли на столѣ, какъ быть должно. (*Обходятъ столъ съ правой стороны.*)

II.

ТѢМЪ ЖЕ ВЪ ГОРНИЦѢ.

Боковая дверь съ правой стороны отворяется, Горничья останавливается на порогѣ и смотритъ нѣсколько времени на происходящее; потомъ тихо и притворяетъ двери, и остается невидимымъ зрителемъ всей слѣдующей сцены.)

САША. Старые господа не замедлятъ къ обѣду. Ихъ чай такъ и таяетъ сюда къ родной племянницѣ.

ИВАНЪ. Не нарадуются на счастье молодыхъ. И то правда, что день, то праздникъ имъ, живутъ въ довольствѣ и согласіи, какъ дай Богъ всякому, хоть бы и намъ съ тобою. Жаль только, что моему-то счастью и порадоваться будетъ некому.

САША. Самъ порадуешься.

ИВАНЪ. И то правда: и для двоихъ нѣтъ лишняго, и безъ дѣла обойдемся. Вотъ одинъ такъ не обойдешься. (*Останавливаясь и осматривая столъ*) Ну, теперь точно все въ порядкѣ... (*Выходятъ на авансцену*) Слава Богу, столъ накрытъ.

САША (*занимаясь туалетомъ, выходитъ тоже на авансцену, равнодушно, вполголоса*). Да, накрытъ.

ИВАНЪ. Чтѣ ты говоришь?

САША (*громче прежняго*). Говорю, что точно накрытъ.

ИВАНЪ. Говоришь, что накрытъ, а не сказала: *Слава Богу*.

САША (*равнодушно*). Не сказала.

ИВАНЪ. Не сказала, такъ скажи.

САША (*шаловливо, шутя*). Не скажу теперь.

ИВАНЪ. Трудно чтѣ-ль тебѣ сказать?

САША. Трудно-то не трудно, да и нужды большой нѣту.

ИВАНЪ (*съ легкимъ упрекомъ*). Вѣрно есть нужда, когда другіе говорить; оно такъ слѣдуетъ.

САША. Съ чего-жъ ты взялъ, что *сладуешь*.

ИВАНЪ (*не съ совершеннымъ спокойствіемъ духа, но по пружному добродушно и съ увѣренностью*). Говорятъ тебѣ *сладуешь*, такъ видно, что *сладуешь*. Начнешь какое дѣло, аль покончишь его, скажи: «Слава тебѣ Господи.» Такъ меня учили, я и говорю: Слава Богу — столъ накрыть.

САША. Тебя учили, такъ ты и говори.

ИВАНЪ. Меня учили, и я тебя учу уму-разуму.

САША. Ученаго учить только портить. (*Нетерпѣливо*) Экъ учитель еще выискался!

ИВАНЪ (*съ досадою и колкостью*). Вѣдь не трудно сказать.

САША. Знаю безъ тебя. (*Не смотря на него*). Присталъ, скажи, да скажи.

ИВАНЪ (*ласково*). Ну, не сердись, Саша, я не пристаю, а только попросилъ;—уважь для меня.

САША (*тоже спокойно*). Не хочу.

ИВАНЪ. Ну, потѣшь меня.

САША (*вздернувъ носъ*). Вишь! куклу нашель, стану я всякаго тѣнить.

ИВАНЪ. Всякаго не всякаго, а меня, кажись, можно тебѣ послушаться.

САША. Да и тебѣ, кажись, можно бы не приставать ко мнѣ.

ИВАНЪ. Трудно повторить слово! Да это и глупый попугай сдѣласть. (*Указывая на клѣтку*).

САША (*твердо*). А я попугаешь не была, да и не буду; видно не такъ еще глупа.

ИВАНЪ (*не обращаясь прямо къ ней*). Не можетъ уважить въ такой малости, а еще замужъ собирается:

САША (*надувая губки и указывая на клѣтку*). Женись на попугѣ, если онъ тебѣ больше нравится.

ИВАНЪ (*вкрадчиво*). Не думалъ, не гадалъ, Саша, чтобъ ты меня да такъ обидѣла! Яль тебя не любилъ, не берегъ!..

САША. За доброе — спасибо, а мучить не зачѣмъ.

ИВАНЪ. Какое-жъ тутъ мученіе, прошу только сказать.

САША. А я прошу, — отстань пожалуйста.

ИВАНЪ (*теряя терпѣніе*). Чтѣ ни говори, какъ къ стѣнѣ горохъ.

САША (*съ насмѣшкою*). Не бросай гороху, женѣ на супъ готовится.

ИВАНЪ (*упрекал*). Еще жениться на тебѣ собирался.

САША (*сильно смеянувшись*). Ужь раздумала что-ль? (*Скрывая за спиною досаду*) Захотѣла, чтобъ по твоей дудкѣ плясала!

ИВАНЪ (*въ сердцахъ рѣшительно*). Табъ ты не хочешь сказать?

САША (*также очень рѣшительно*). Да что-жь ты пристаешь, въ заправду! Оглохъ что-ль? Ахъ бѣлены объѣлся? Сказала разъ, что нѣтъ, такъ и полно. (*Отворачивается отъ него*).

ИВАНЪ (*злобно*). А вотъ увидимъ.

САША (*грубо*). Протри глаза, такъ и увидишь, что дуришь.

ИВАНЪ (*тоже грубо*). Я и то вижу, что ты, точно лошадь, съ норовомъ.

САША (*явно насмѣшливо и поддразнивая его жестами*). А все-таки по твоей дудкѣ плясать не стану.

ИВАНЪ (*схватывая ее за руку*). Не залянешь, такъ завоешь.

САША (*стараясь вырваться, громко*). Пусть, не то закричу.

ИВАНЪ (*жметъ ей руки, совершенно повелительно*). Ну послушайшь ли ты меня наконецъ?

САША (*очень громко и стараясь вырваться*). Ай, ай! больно! (*Вырывается и отбѣгаетъ отъ него*).

ИВАНЪ. Ну вотъ и съ снѣжками.

САША (*смотря на свои руки и вдругъ поворачиваясь къ Ивану*). Я съ снѣжками, а ты съ носомъ. (*Дѣлаетъ ему приличный жестъ*).

ИВАНЪ (*кожко и холодно*). Прощайте, Александра Егоровна! Я вамъ больше не суженный.

САША (*также присѣдая*). И безъ васъ найдется, Иванъ Васильичъ! Свѣтъ не кляномъ вышелъ.

ИВАНЪ (*какъ бы восторону*). Вотъ и вся любовь въ ночь.

САША (*также будто восторону*). Самъ швырнулъ ее.

ИВАНЪ (*также*). Изъ-за одного каприза.

САША (*также*). Изъ-за сущей бездѣлицы. (*Молчаніе. Оба ходятъ медленно, съ размыжъ концевъ стола, наблюдая другъ за другомъ*).

ИВАНЪ (*совершенно перемѣняя тонъ*). Саша, душенька, прому тебя, сдѣлай милость.

САША (*тоже другимъ тономъ, съ готовностію и улыбкою*). Что тебѣ?

ИВАНЪ (*съ неловкостію, имъ самимъ чувствуемою*). Скажи: Слава Богу, столъ накрытъ.

САША (*въ удивленіи и досадѣ*). Опять за теже? (*Рѣшительно*) Сказала нѣтъ, такъ вотъ: нѣтъ! нѣтъ!! нѣтъ!!!

ИВАНЪ (*сердечно топнувъ ногой*). Ну, такъ убирайся вонъ.

САША (*уклоняясь назад на несколько шагов*). И впрямь, по-
дальше отъ него!

ИВАНЪ (*грозя ей*). Допеку-жь я тебя!

САША (*убегая и подсмываясь, оборотившись къ нему*). А
вотъ увидишь, чья возьметъ! (*Иванъ за нею*).

ИВАНЪ (*удерживая Сашу за платье у среднихъ дверей, обык-
новеннымъ голосомъ*). Ну, полно упрямиться, скажи, повтори за
мною.

САША (*насмѣшиваясь, но не грубо, и указывая на клетку по-
мугая*). Ступай, проси свою возлюбленную. (*Отворяетъ дверь*).

ИВАНЪ (*въ дверяхъ*). Нѣтъ, ты скажи.

САША (*въ дверяхъ*). Не хочу, не хочу. (*Уходитъ*).

III.

ИВАНЪ и ГОРНИВЪ.

ИВАНЪ (*показывая руками*). Не сказала!!.. проснѣтъ, угрожалъ,
и даже (*Движеніе, показывающее что онъ дѣлалъ*). Нѣтъ! все
такъ стоитъ на своемъ. (*Въ сильномъ гнѣвѣ*). Досадно... такъ доса-
дно... у-у-у... что вотъ кажется. (*Съ сильнымъ жестомъ*) тутъ бы
и конецъ ей. (*Онъ поднимается во-время этой рѣчи впередъ,
къ правой сторонѣ стола, идѣ и встрѣчаетъ ее неожиданно вы-
шедши изъ дверей Горниевъ*).

ГОРНИВЪ (*выходя на сцену улыбался*). Эхъ, Иванъ! На что
же убивать бѣдную дѣвку изъ-за слова! Вѣдь жертвая ужъ никакъ не
скажетъ его, а живая еще, можетъ-быть и надумается.

ИВАНЪ (*конфузясь*). Ахъ, сударь, вы слышали?

ГОРНИВЪ (*весело*). Вашъ споръ и перебранку? Да, слышалъ
мелькомъ. Упряма... что жъ дѣлать?

ИВАНЪ (*откровенно*). Вѣдь какъ была всегда послушна, сударь!
Такъ внимательна, какъ только хорошей дѣвкѣ быть слѣдуетъ. А вотъ
сегодня забрала себѣ вдругъ что-то въ голову, ну и сбилась съ тол-
ку... совсѣмъ съ толку сбилась... (*Въ раздумьѣ*). Не приложу ума,
отъ чего бы это!?

ГОРНИВЪ (*съ участіемъ*). Эхъ братъ, чтобы разгадать такую за-
гадку, такъ в не троюй головѣ не падѣтъ силу. (*Хладнокровно*). Одна-
кожь тересу на столѣ, я вижу, нѣтъ, а дядюшкѣ безъ него завтракъ
не въ завтракъ, обѣдъ не въ обѣдъ. Сбѣгай-ка скорѣе за бутылкой,
да получше.

ИВАНЪ (*уходя*). А вотъ я ее поприжму, такъ она и скажетъ.
(*Уходитъ*).

IV.

ГОРНИВЪ одинъ, выходи на авансцену.

Скажеть, либо нѣтъ, — какъ возьмешься! (*Помолчавъ, съ мроніей*). Захотѣлъ разгадать, отчего? нѣтъ братъ, тутъ ужъ такіе мудрецы, и древніе, сѣдые и плѣшивые, и новѣйшіе, многоволосые, голову ломали, да тоже толку не добились. Судили, рядили, а покочили тѣмъ, что женщина задача—де неразрѣшимая.

V.

ГОРНИВЪ = ГОРНИВА.

ГОРНИВА. Ба! ты ужъ переодѣлся, Александръ? (*Они здороваются*). Виць-мундиръ сброшенъ, портфель и дѣда отложены до завтрашняго дня, и время принадлежитъ опять нераздѣльно намъ.

ГОРНИВЪ. День опять нашъ, милая Лиза, какъ вчерашній такъ и завтрашній. Отдыхъ послѣ труда и не тяжелый трудъ, какъ—будто только для того, чтобы сдѣлать отдыхъ желаннѣе и пріятнѣе, а ты, вѣнецъ и сладость этого отдыха, съ каждымъ днемъ милѣе, прекраснѣе. (*Горнива качаетъ недовѣрчиво головой, и улыбаясь, грозитъ мужу пальчикомъ*). Право, право, я вѣрю, что женщина создана для того, чтобъ нравиться, знаю, что искусство дало ей тысячу средствъ разнообразить красоту свою, но смотря на тебя, не знаю, туалетъ ли украшаетъ тебя, или ты придаешь ему всю прелесть?

ГОРНИВА. Женщина всегда одѣта къ лицу, когда желаетъ и надеется нравиться. Въ этомъ, мой другъ, заключается вся тайна нашего женскаго туалета. И онъ, и я, мы оба прекрасны только отъ этогого счастья, которое даемъ, и которое намъ дается взаимно. Но для мужчинъ, говорятъ, счастья любить и быть любимымъ недостаточно.

ГОРНИВЪ. Вообще для мужчинъ, можетъ—быть, но не для того, кто виѣтетъ такую жену, какъ ты...

ГОРНИВА. О льстець! Какъ легко вѣрится тому, чему ждешь вѣрять; но какъ, виѣстѣ, боишься потерять то, что составляетъ все счастье жизни.

ГОРНИВЪ. Къ чему же, моя милая, примѣшивать страхъ воображаемой и невозможной утраты къ ощущеніямъ действительнаго и невозмутимаго счастья?

ГОРНИВА. Да! три мѣсяца прошли, какъ одинъ день блаженствъ. Но кто знаетъ, блаженство можетъ пройти, какъ прошли три мѣсяца! Тетунка увѣраеть, что мужчины точно вѣтеръ переменчивы: сѣ-

для облачно нагонить, завтра тучу нанесетъ. Дядюшка опять твердитъ, что бракъ не вѣчное триумфальное шествіе, съ барабаннымъ боемъ, и что въ немъ, какъ и на морѣ, продолжительная тишь иногда предвѣщаетъ бурю.

ГОРНИВЪ. Э, другъ мой, дядюшка говорить это, какъ старый морякъ, только для того, чтобы перейти къ своему обожаемому морю. Но посмотри на его семейное счастье, и ты убѣдишься, что, несмотря на постоянную тишь своего житейскаго моря, онъ проплылъ въ немъ, безъ всякихъ бурь, почти три четверти обыкновеннаго и вѣроятнаго пути, и изъ всѣхъ полусѣдыхъ волосъ своихъ не можетъ указать ни на одинъ волосокъ, который могъ бы служить памятникомъ семейнаго огорченія. Повѣрь мнѣ, мой другъ, семейное счастье, не измѣняется, подобно погодѣ, отъ случайностей вѣтра, и наше счастье стоитъ прочно на гармоніи нашихъ характеровъ и желаній и на взаимной уступчивости.

ГОРНИВА. Уступчивость, это правда... мнѣ стоить только пожелать, и ты ужъ согласенъ со мною.

ГОРНИВЪ. Неудивительно! Потому-что ты предъугадываешь мои желанія, и только высказываешь ихъ прежде меня.

ГОРНИВА. А ты мой.

ГОРНИВЪ. Разумѣется, потому-что я читаю ихъ въ глазахъ твоихъ гораздо прежде, чѣмъ ты успѣешь ихъ высказать.

ГОРНИВА. Да, да, ну теперь? (*Подставляетъ ему свое лицо*).

ГОРНИВЪ. Теперь ты просишь поцѣлуя?..

ГОРНИВА. Нѣтъ, я хочу дать его тебѣ въ награду за милые слова.

ГОРНИВЪ. Дать и получить взаимно, — въ желаніяхъ нашихъ небольшая разница. А вотъ и выполненіе, (*Цѣлуетъ ее; весело*) и доказательство гармоніи нашего желанія.

ГОРНИВА (*весело*). И нашей постоянной уступчивости. (*Смѣются; Горниевъ продолжаетъ смѣяться одинъ*). Чему ты такъ весело смѣешься? Вотъ я и не угадываю.

ГОРНИВЪ. Мнѣ пришла на умъ смѣшная сцена, которой я былъ здѣсь сейчасъ нечаяннымъ свидѣтелемъ, и въ которой уступчивость играла главную роль. Иванъ и Саша накрывали этотъ столъ, и когда все было приведено въ порядокъ, Иванъ счелъ нужнымъ воздать благодареніе Богу за успешное окончаніе этого труда. Мысль была естественная, выраженіе ея очень просто: «Вотъ, слава Богу, столъ накрытъ», сказалъ онъ, и просилъ Сашу повторить эти наивныя слова благодарности; но Саша молчала. Иванъ упрасивалъ, Саша не соглашалась; Иванъ доказывалъ, Саша оставалась непреклонною и отвѣчала

полюстиями. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія такимъ непонятнымъ убожествомъ Саши, Иванъ прибѣгнулъ къ насилію, жаль ей руки, заставлялъ ее кричать отъ боли, а когда и это послѣднее средство не могло ее понудить къ уступкѣ, онъ объявилъ ей, что не желаетъ такой упрямой жены, и что между ними все кончено.

ГОРНИЦВА. Какъ, изъ-за такой бездѣлицы!?

ГОРНИЦВЪ. И двое влюбленныхъ, двое счастливыхъ разошлись врагами изъ-за одной пустой фразы, изъ *упрямства* и отказа повторить пару словъ.

ГОРНИЦВА. Или изъ-за *настойчивости* заставлять повторять ихъ.

ГОРНИЦВЪ. Но вѣдь ей было такъ легко сказать эти слова, и исполнить просимое; это было такъ просто, такъ естественно.

ГОРНИЦВА. Но и ему не трудно было отказаться отъ своего требованія. Это было даже еще проще и естественнѣе.

ГОРНИЦВЪ. У всякаго своя фантазія, моя милая, Иванъ просилъ о выполненіи своей; Саша была его невестой, *ей можно бы сдѣлать* ему угодное.

ГОРНИЦВА. Но ей пришла тоже *своя фантазія*; повтореніе фразы казалось ей лишнимъ и неумѣстнымъ, и какъ вѣжливый женихъ, онъ *могъ бы*, кажется, тоже уступить невестѣ и будущей женѣ своей.

ГОРНИЦВЪ. Онъ просилъ ради любви своей, ради ихъ будущаго семейнаго счастья.

ГОРНИЦВА. Къ чему же было впутывать въ эту ничтожную прихоть такіе драгоценные предметы?! Не значило ли это не понимать ихъ и слишкомъ высоко цѣнить мелочныя желанія свои? Не безразсудно ли это? Не безразсудно ли было бы съ моей стороны, наврѣжь, просить у тебя именемъ любви твоей новыхъ нарядовъ, и безжалостно разорять тебя въ надеждѣ на незаслуженное сожалѣніе къ моимъ прихотямъ.

ГОРНИЦВЪ. Но, милая Лиза, то была прихоть невинная, выполненіе котораго ничего не стоило.

ГОРНИЦВА. Прихоть ничего не стоящая и совершенно бесполезная, отказаться отъ которой не составляло тоже никакого лишенія.

ГОРНИЦВЪ. Однакожь, въ чемъ же и состоитъ взаимная уступчивость, какъ не въ выполненіи желаній?

ГОРНИЦВА. Но кому же высказывать эти желанія, и кому опять дѣлать уступки? Неужели всегда одной сторонѣ?

ГОРНИЦВЪ. Разумѣется той, которую объ этомъ просить.

ГОРНИЦВА. Прекрасно! А если одна сторона будетъ всегда просить, какую роль будетъ играть другая, всегда только уступающая? Не будетъ

ли она унижена, уничтожена? Не останется ли она съ одинокимъ правомъ слѣдшаго повиновенія? Не потеряетъ ли она, наконецъ, даже способности имѣть свои желанія?

ГОРНИВЪ. Какая роль кажется тебѣ выше, моя милая, того ли кто протягиваетъ руку за милостыней, или того кто подаетъ ее?

ГОРНИВА (*подавая мужу объ руки и ласкаясь къ нему*). О! ты пользуешься преимуществомъ дара слова, ты знаешь, что я не найду вѣдугъ возраженія.

ГОРНИВЪ (*привлекая жену къ себѣ*). Моя милая умница! (*Встороню*). Я говорилъ, что нужно лишь вѣзаться... (*Громко*). Я былъ увѣренъ, что если бы мы были на мѣстѣ Ивана и Сани, то сцена кончилась бы совершенно иначе... не правда-ли?

ГОРНИВА (*стараясь слегка уклониться отъ мужа и бросая на него испытующій взоръ*). Чтò?

ГОРНИВЪ (*спокойно и съ увѣренностью*). Еслибъ я прозвалъ тебѣ повторить тѣ слова, ты вѣрно бы не отказала мнѣ?

ГОРНИВА (*опускаетъ голову, и снова вдругъ поднимая ее, съ улыбкою*). Какъ милостыню?

ГОРНИВЪ (*съ меньшей увѣренностью*). Нѣтъ, безусловно.

ГОРНИВА. Почему жъ безусловно?..

ГОРНИВЪ (*мѣшаясь*). Ну такъ безусловно?.. потому—что слово милостыни мнѣ не нравится.

ГОРНИВА (*съ выраженіемъ*). Аа...

ГОРНИВЪ. Мы дѣлаемъ другъ-другу угодное изъ любви, не изъ сожалѣнія.

ГОРНИВА (*съ выраженіемъ*). Дааа.

ГОРНИВЪ (*прося*). Лиза! повтори же эти слова.

ГОРНИВА. Перестань Александръ, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

ГОРНИВЪ (*настойчивѣе*). Нѣтъ, я желалъ бы знать, скажешь ли ты вѣтъ?.. Скажи, милая Лиза.

ГОРНИВА (*въ борьбѣ съ собой*). Ахъ! перестань, прому тебя.

ГОРНИВЪ. Моя просьба выражена ранѣе, она старше, и я — жду отвѣта.

ГОРНИВА (*ласкаясь къ мужу*). Ну полно же, полно, Александръ, это наведетъ скуку.

ГОРНИВЪ. Твой другъ, твой нѣжный другъ проситъ тебя.

ГОРНИВА. Ну, право это скучно. Слова эти вовсе неумѣстны теперь, проси чего-нибудь другаго.

ГОРНИВЪ. Мужъ твой проситъ тебя.

ГОРНИЦВА. Что я отвѣчала другу, тоже скажу и мужу.

ГОРНИЦВЪ. Права мужа сильнѣе, его желанія священнѣе. Другъ можетъ только просить, мужъ можетъ желать, можетъ требовать, можетъ...

ГОРНИЦВА (*нетерпливо*). Что же можетъ еще мужъ?.. Хороши права, которыя вамъ самимъ неловко высказать.

ГОРНИЦВЪ (*тверже прежнего и растягивая*). Мужъ можетъ *при-ка-зать*.

ГОРНИЦВА. *Приказать?* право? Если мужу угодно *приказывать*, такъ жёнѣ можетъ придти желаніе *не послушаться*.

ГОРНИЦВЪ. Лиза, я не узнаю тебя. Какъ, ты ли это, мой милый другъ, моя милая, прекрасная подруга, моя жена, тихая и послушная!

ГОРНИЦВА (*съ неодованіем*). Послушная? А я, къ несчастью, узнаю въ тебѣ обычный характеръ мужчинъ. Я вижу, что тетушка не ошибалась, что она меня не обманывала.

ГОРНИЦВЪ Лиза, — опомнись...

ГОРНИЦВА (*съ жаромъ*). Нѣтъ, нѣтъ, я могла уступить вашей просьбѣ, но не уступлю *приказаніямъ*. Я не допущу васъ создать свою силу на моей безответной слабости; я не соглашусь легковѣрной уступчивостью лишать себя воли существа разумнаго и сравнять съ безсловеснымъ животнымъ; я не хочу дозволить обратить свою волю въ флюгеръ, движущійся по желанію вашей прихоти.

ГОРНИЦВЪ (*подходя къ ней*). Лиза.

ГОРНИЦВА (*отодвигаясь назадъ*). Нѣтъ, нѣтъ! я не унижу достоинства женщины, я не унижу правъ жены, подруги и совѣтницы, до послѣдняго положенія рабыни и невольницы.

ГОРНИЦВЪ. Милая Лиза!..

ГОРНИЦВА (*съ увлеченіемъ и постепеннымъ переходомъ къ слезамъ*). Требуйте, приказывайте, прибѣгайте къ вашему любимому, спасительному средству насилія; вотъ вамъ мои руки, возьмите, раздавите ихъ, сравняйтесь въ дѣствіяхъ съ вашимъ лакеемъ, вы, доказывающіе необходимость уступчивости, такъ краснорѣчиво проповѣдующіе, что законъ любви для всѣхъ одинаковъ и что все различіе ея лишь въ формахъ выраженія, — раздавите эти руки, прикосновеніе которыхъ вызывало васъ къ словамъ любви, къ увѣреніямъ неизмѣнной преданности, ласки которыхъ давали вамъ счастье, минувшее счастье! (*Она садится на диванъ: Послѣднія слова ея сопровождаются рыданіемъ*).

ГОРНИЦВЪ (*сидя быстро къ женѣ*). Минувшее счастье, Лиза?.. Нѣтъ, мы удержимъ его, и не сомнемъ даже крыльевъ этой своенравной бабочки. Нѣтъ, она не улетитъ отъ такого роскошнаго цвѣтка, какъ ты, моя Лиза! (*Открываетъ ея лицо*). Улыбнись мнѣ снова и

отри свои слезы, пусть будутъ они тоже, что капли росы для разсвѣтающаго лѣтняго дня! Дай мнѣ свои ручки, я сожгу ихъ поцѣлуями въ воспоминаніе прошедшаго и въ залогъ будущаго. Подай мнѣ ихъ сюда, я сожму ихъ крѣпко, но такъ нѣжно, такъ бережно, что они не будутъ бояться меня.

ГОРНИЦЕВА (*протягивая къ мужу руки, которыя тотъ цѣлуетъ жаромъ*). Такъ мучить меня изъ пустяковъ, безъ всякой цѣли. *лыблясь*). И даже безъ всякой поль....

ГОРНИЦЕВЪ (*впадая въ ея рычъ*). Безъ всякой пользы, хочешь ты сказать? Согласись Лиза, что въ эту минуту, ты увѣришь себя въ бесполезности моихъ убѣжденій. Ты радуешься высказанному тобою упорству, какъ какой-нибудь побѣдѣ, и радость эта такъ жива, что ты высказываешь ее въ минуту примиренія.

ГОРНИЦЕВА. Согласись и ты, Александръ, что гордость мужчины не позволяетъ тебѣ извинить и забыть мою справедливую твердость, и что если я неволью высказала радость, то ты скрываешь досаду на то, что въ минуту примиренія не успѣлъ выманить у меня просимой уступки.

ГОРНИЦЕВЪ. Выманивать я ничего не хотѣлъ; но я могъ конечно ожидать, что разсудокъ и сердце укажутъ тебѣ на приличіе уступки, отъ которой я добровольно отказался.

ГОРНИЦЕВА. Еслибы ты точно отказался отъ страннаго, несправедливаго желанія, то пересталъ бы и думать о немъ. Я не спрашиваю совета у сердца, по поводу прихоти, въ которой и твое сердце не могло имѣть никакого участія. А разсудокъ говоритъ мнѣ, что уступать въ томъ, что ты и самъ призналъ уже ненужнымъ, было-бы по истинѣ безразсудно.

ГОРНИЦЕВЪ (*отворачиваясь*). Безъ уступчивости семейная жизнь не общается счастья.

ГОРНИЦЕВА (*тоже отворачиваясь*). Пустыя прихоти не ведутъ тоже къ нему.

ГОРНИЦЕВЪ (*вставая*). Намъ пріятны и прихоти того, кого мы любимъ.

ГОРНИЦЕВА (*тоже вставая*). Но это не помѣшало тебѣ назвать мою прихоть упрямствомъ и упорствомъ.

ГОРНИЦЕВЪ. А тебѣ мое желаніе неумѣстною настойчивостью и наслиѣшь. (*Они ходятъ порознь*).

VI.

ТЭЖЕ, ИВАНЪ = САША.

ИВАНЪ (*входя поспышно съ бутылкой вина въ среднія двери*). Вотъ вино, да и господа, кажется, подъѣхали.

ГОРИНЦЕВЪ. Поставь на столъ и иди встрѣчать. (*Обращается съ тихимъ разговоромъ къ женѣ*).

САША (*вбѣгая изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны*). Господа пріѣхали! (*Горинцевъ дѣлаетъ ей знакъ, чтобы шла встрѣчать, а самъ остается подлѣ жены, и тихо разговаривая съ нею, беретъ ее за руку. Саша останавливается и смотритъ на нихъ, приближаясь къ среднимъ дверямъ*).

ИВАНЪ (*у дверей Саши*). Экъ выскочила. Знаютъ безъ тебя, что пріѣхали. Куда болтлива, когда не спрашиваютъ.

САША. Отстань, медвѣдь, ступай въ свою берлогу (*Уходитъ*).

ИВАНЪ. Съ неровемъ (*Уходитъ за ней*).

VII.

ГОРИНЦЕВЪ = ГОРИНЦЕВА.

ГОРИНЦЕВА (*медуши шубки, отворачиваясь отъ мужа*). Мнѣ все равно, чтобъ ни сказали. Невесела, такъ что же дѣлать. Не я тому причиною.

ГОРИНЦЕВЪ. Однакожъ.

ГОРИНЦЕВА. Я не дѣлала никакихъ требованій, я не предъявляла никакихъ претензій, не переищивалась сама и не желала мѣнять обычной радости на несносную скуку, — исполняла свои обязанности и не присвоила себѣ ничьихъ правъ.

ГОРИНЦЕВЪ. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей хозяйки встрѣчать пріятныхъ гостей съ веселымъ лицомъ, и не разрушать пріятнаго расположенія духа, съ которымъ они входятъ въ домъ. Семейная жизнь чуждается публичности. Мелкія непріятности ея не должны, подобно рѣпейнику, приставать къ каждому проходящему черезъ порогъ дома.

ГОРИНЦЕВА. Ну, пожалуй, давай улыбаться насильно.

ГОРИНЦЕВЪ. Вся задача жизни, моя милая, состоитъ въ томъ, чтобъ подчасъ уметь пересилить себя.

ГОРИНЦЕВА (*спадая ему въ плечь*). Или пересилить другую.

ГОРИНЦЕВЪ. Ты доказала мнѣ сегодня, что это тоже иногда очень трудно... Но вотъ и дорогіе гости... Лиза, вспомни обязанности хозяйки дома.

VIII.

ТЭЖЕ, БУРЛИНЪ СЪ ИВАНЪ, ПЬАНЪ и потомъ САША.

БУРЛИНЪ (*входя въ среднія двери въ легкомъ лѣтнемъ сюртукѣ нараспашку, съ толстой тростью въ рукахъ, снимая шляпу*). Здорово дѣти, я иду на всѣхъ парусахъ и спѣшу къ берегу. (*Гориневы идутъ ему навстрѣчу*).

ГОРИНЕВЪ (*принимая изъ рукъ Бурлина трость и шляпу, которыя немедленно передаетъ Ивану, и указывая на накрытый столъ*). Не разбейтесь только объ эту скалу, дядюшка.

БУРЛИНЪ (*останавливая и прикрывая глаза рукой, какъ бы отъ солнца, весело*). Скалу? Ты худо видишь дружище, протри свою зрительную трубку. (*Указывая на столъ и бутылку*). Я вижу берегъ и дружественный флагъ на немъ, и готовъ сейчасъ салютовать его, послѣ васъ разумѣется. (*Онъ пожимаетъ руку Гориневу и члѣуетъ въ лобъ племяннику*). Вотъ такъ.

ГОРИНЕВА. А тетушка?

БУРЛИНЪ. Тетушка? (*Оглядываясь*). Э, она бросаетъ еще тамъ якорь, отпускаетъ несчастную пролетку, на которой мы притрапались сюда... (*Весело*). Ну, что вы, молодой народъ, все попрежнему еще? Все веселы? Ничѣмъ невозмущаемая тишина и согласіе. Весь міръ утопалъ въ розовомъ цвѣтѣ собственнаго счастья, и въ этомъ мірѣ одна вы, и другъ на друга не посмотритесь, не нарадуетесь? (*Гориневы въ смущеніи*).

ГОРИНЕВЪ. Дядюшка...

БУРЛИНЪ. Знаю, братецъ, что ты хочешь сказать, и вполне согласенъ съ тобой. Да, медовой мѣсяцъ можетъ продолжиться и долѣе мѣсяца; для маленькихъ семейныхъ стычекъ довольно еще времени вперед. Всѣ молодые стараются набирать въ это время свѣтлыхъ воспоминаній на всю жизнь. Точно корабли въ гавани, передъ отплытіемъ въ безбрежный океанъ, (*Съ удареніемъ*) гдѣ иногда бываютъ бури, и довольно сильныя!

ГОРИНЕВА. Дядюшка...

БУРЛИНЪ. Знаю, знаю, вамъ не вѣрится въ существованіе этихъ бурь, пока вы еще у берега. У мужа нѣтъ еще требованій, у жены избытокъ мягкости, уступчивости. Хе, хе, хе, золотой вѣкъ, страна счастливой Аркадіи, міръ идиллій. (*Бурлина входитъ въ среднія двери*).

ГОРИНЕВЪ (*перебивая Бурлина*). А, вотъ и тетушка!

БУРЛИНЪ. Да, да, прежняя пастушка моя.

ГОРИНЦЪ Здравствуйте, тетушка!

ГОРИНЦЕВА. Здравствуйте, шилая тетушка!

БУРЛИНА (раскланиваясь съ Горинцевымъ, цѣлуетъ съ женою его. Горинцевой). Ну, что новинькаго въ нашемъ раю. (Горинцева въ смущеніи).

ГОРИНЦЪ (торопливо). Только васъ ждали, тетушка, чтобъ сѣсть за столъ... Угодно, дядюшка? (Бурлина дѣлаетъ знакъ Горинцевой, что поняла въ чемъ дѣло, и грозитъ ея мужу за спиной его).

БУРЛИНЪ (добродушно). Угодно ли? Странный вопросъ, мой другъ. Ты знаешь, что съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ службу и море, столъ сдѣлался главнымъ полемъ моей дѣятельности, и я считаю дни обѣдами. Старый морякъ и бездѣтный пенсіонеръ, я не хочу другихъ занятій на землѣ, кромѣ этого, и покуда не пришло еще время улечься мнѣ въ ней, я старательно укладываю въ себя ея произведенія.

ГОРИНЦЪ. Такъ займемся же этимъ укладываніемъ (Указывая на мѣсто). Дядюшка, тетушка. (Горинцева надуетъ губки и занимаетъ мѣсто, указанное дядь, такъ что дѣйствующія лица принимаютъ у стола слѣдующее положеніе. Горинцева, Бурлинъ, Горинцевъ, Бурлина).

БУРЛИНЪ (сидясь замѣчаетъ измѣненіе мѣста). Славно придумано, жена. Съ удовольствіемъ вижу, что ты дѣлаешь успѣхи въ морской тактикѣ! Большая часть морскихъ сраженій между англичанами и французами была проиграна послѣдними только потому, что англичане искуснымъ маневромъ разрѣзывали на двое эскадру ихъ, и оставляли за вѣтромъ одну часть ея. Ты сдѣлала, я вижу, тотъ-же маневръ, и дала намъ возможность обѣдать подъ живой перестрѣлкой разговора, безъ котораго, какъ безъ вина, обѣдъ не въ обѣдъ для меня. Ну, племянничекъ, хорошо, что ты пришелся мнѣ съ борту; дѣло будетъ жаркое; заряжай орудія. (Наливаетъ вина ему и себѣ. Между-тѣмъ Саша приноситъ суповую чашку, ставитъ ее на столъ и отходитъ въ сторону. Иванъ подходитъ къ ней, и между ними происходитъ живой, но не смѣшной разговоръ, сопровождаемый выразительными жестами, изъ котораго видно, что Иванъ чего-то проситъ, а Саша отпихивается). И такъ выпьемъ въ честь мѣсяца. (Поднося свой стаканъ къ рюмкѣ Горинцева). Давай Богъ еще много такихъ дней, какъ сегодняшній. А? какъ это тебѣ кажется!

ГОРИНЦЪ (берется за стаканъ, но видимо медлитъ принять; тостъ).

БУРЛИНЪ (весело). Полно, полно, трусить при первомъ выстрѣлѣ

пардону не дамъ, стукнешся и пли! Еще много такихъ дней, какъ сегодняшній! (*Гориневой*). Разрѣши же ему, Лиза, поддержать меня. (*Не опуская своего стакана, смотритъ въ недоумльнм на молодыхъ*). Что-же это такое!? Или вы дали обѣдъ молчанія? Этотъ тоста не принимается, а та надула губки... лица такія серьезные. (*Лиза утираетъ украдкой слезы, Бурлинъ замѣчаетъ движеніе племянницы, опускаетъ стаканъ свой*). Ба! Это еще что? (*Лиза закрываетъ лицо руками*).

БУРЛИНА. Охъ; какъ ты неловко ихъ допрашиваешь! (*Обращаясь къ племянницѣ*). Скажи мнѣ, душенька, что такое случилось съ тобой. Здорова ли ты?

ГОРИНЕВЪ. Ничего, тетушка, право ничего, такъ пустяки, шутки. (*Дѣлаетъ знакъ людямъ, которые уходятъ, продолжая жестикулировать между-собою*).

БУРЛИНЪ. Маленькій семейный фейерверкъ; для разнообразія?

ГОРИНЕВЪ. Я пошутилъ, а она такъ чувствительна, обидчива.

ГОРИНЕВА (*въ слезахъ*). Вотъ еще,—я же обидчива!

ГОРИНЕВЪ (*женѣ*). По твоимъ слезамъ душенька, можно подумать и Богъ знаетъ что.

БУРЛИНА. Успокойся, моя милая, за все и про все плакать, этакъ и глазъ не хватить твоихъ; мало ли что въ жизни случается!

БУРЛИНЪ. Да не все и слезъ стѣитъ; небо не всегда ясно и безоблачно; лѣто не бываетъ безъ дождика.

ГОРИНЕВА. Я, можетъ-быть, и виновата въ томъ, что не могла удержать слезъ и скрыть огорченія, но оно такъ ново, такъ неожиданно для меня, такъ чувствительно, что несмотря на всѣ усилія мои... (*Она закрываетъ лицо руками и начинаетъ рыдать*).

БУРЛИНА (*полушутливо Гориневу*). Ай, ай, г-нъ супругъ!

БУРЛИНЪ (*серьозно женѣ*). Матушка, пожалуйста не вмѣшивайся не въ свое дѣло. Не при насъ поспорили,—безъ насъ и опять уходятся. Сами разберутся межъ собой.

ГОРИНЕВЪ. Выраженія и слезы моей жены могутъ, конечно, подать поводъ предполагать какое-нибудь оскорбленіе съ моей стороны, но я расскажу вамъ, какъ все было, и вы увидите—безъ всякаго преувеличенія...

БУРЛИНЪ. Нѣтъ, лучше не рассказывай, братъ; между мужемъ и женой никто не долженъ вмѣшиваться, всякій лишнимъ будетъ. Это дѣло домашнее и семейное, и для всякаго сторонняго покрыто, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности.

ГОРИНЦЪ. Но я бы желалъ оправдаться именно въ вашихъ глазахъ...

БУРАНИНЪ. Право не нужно, оправдаются уже промежъ себя.

ГОРИНЦЪ. Вы можете вообразить и подумать, что...

БУРАНИНЪ. Ничего не воображаемъ и не думаемъ; наше дѣло сторона.

БУРАНИНА Да дай же мнѣ хоть рассказать. (*Горинцу*). Расскажете, Александръ Ивановичъ... Мы васъ слушаемъ. (*Бурлики выражаютъ нетерпѣніе*).

ГОРИНЦЪ. Рассказъ не длиннень и не труднень. Возвратясь сегодня домой, я спѣшилъ, по обыкновенію, изъ кабинета своего съ прѣвѣтствіемъ къ женѣ, и прохода черезъ эту комнату, сдѣлался нечаяннымъ свидѣтелемъ горячаго спора, происходившаго здѣсь между нашими лакеемъ и горничной. Споръ начался изъ сущей бездѣлицы. Иванъ, накрывши столъ, сказалъ: Слава Богу столъ накрытъ, и просилъ Сашу повторить за нимъ эти слова; Саша не согласилась; они поспорили, наговорили другъ-другу кучу дерзостей, и совершенно разсорились. Замѣьте, что они неравнодушны другъ къ другу, жили до сего дня въ постоянномъ согласіи, и собирались скорѣ обвѣнчаться. Я рассказалъ все это женѣ своей, она взяла сторону служанки. Удивляясь ея сужденію, и не сомнѣваясь еще въ ея любви ко мнѣ, я просилъ ее повторить тѣже слова, и получилъ такой же отказъ. Конечно, мы не могли слѣдовать въ нашемъ спорѣ ни выраженіямъ, ни дѣвствіямъ прислуги нашей, мы не могли ни разсориться, ни развѣнчаться; но однакожъ *пустая шутка* моя довела ея раздражительность до упрековъ, слезъ и обвиненій, и все краснорѣчіе моего сердца не могло понудить ее отказаться отъ упорства, ничѣмъ не извиняемаго...

ГОРИНЦОВА (*съ жаромъ*). Вотъ, сами слышите теперь... упорство, упрямство, неуваженіе, раздражительность, капризы,—все приписываетъ онъ мнѣ. Начавъ съ пустой, по словамъ, его шутки, онъ довель ее до предѣловъ серьезнаго, жалветъ, что мы не могли ни развѣнчаться, ни разсориться еще болѣе, и упрекаетъ меня въ невольномъ вырвавшихся слезахъ и обвиненіи... Во всемъ теперь виновата я!! Но вы знаете, была ли я когда-нибудь раздражительною; вы знаете, была ли я когда-нибудь капризною?

БУРАНИНЪ. О-о-о! Милая Лизанька, ты слишкомъ ужъ многого отъ насъ требуешь.

БУРАНИНА. Ахъ, нѣтъ, Андрей Андреевичъ, ты несправедливъ къ ней, ты обижаешь ее. Кому же лучше нашего знать характеръ ея; я не знаю никакихъ капризовъ за ней. (*Горинцовой*). Успокойся, ду-

меня! Мы не желаемъ быть ни судьями вашими, ни обвинителями; я увѣрена, что все окончится примиреніемъ и новыми ласками.

ГОРИНЦВА. Но онъ не перестаетъ стоять на своемъ, онъ не отказывается отъ своего требованія.

БУРЛИНА. Какъ, Александръ Ивановичъ, вы не хотите сдѣлать ни одного шага къ восстановленію семейнаго согласія?!

ГОРИНЦВЪ. Прошу васъ, тетюшка, оставьте покуда это дѣла нерѣшеннымъ, и не будемъ возобновлять обиденій, и безъ того слишкомъ утомительныхъ. *(Онъ занимается разрываніемъ жаркаго)*

БУРЛИНЪ. И я тоже прошу—оставьте это и будемъ говорить о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ. Я ждалъ живой, веселой бесѣды, и нашелъ злую и скучную; думалъ найти согласіе, и встрѣтилъ взаимныя обвиненія; хотѣлъ быть счастливымъ зрителемъ, а меня тащатъ насильно въ судъ... Вы желали угостить меня, господа молодые супруги, и нарушили мое душевное спокойствіе, лишили меня аппетита, *(Беретъ кусокъ жаркаго изъ предлагаемаго ему Горинцевымъ блюда)* и вычеркнули обѣдъ и день изъ жизни моей... Но ты, Анзанька, ты моя родная племянница, дочь брата моего, и я имѣю полное право сказать тебѣ, что хотя ты теперь уже дама и женщина, но вела себя какъ глупенькая дѣвочка. *(Женъ, которая хочетъ говорить).* Позволь, позволь, дай мнѣ высказаться. *(Горинцеву).* А вамъ, любезный племянникъ и мужъ, какъ старшій васъ лѣтами и опытомъ, какъ посаженный отецъ вашъ и откровенный морякъ, скажу я, что вамъ можно бы смотрѣть покуда сквозь пальцы на слабости молодой жены, и извинить ея маленькое и первое упрямство, по причинѣ ея трехмѣсячной неопытности. Я не обвиняю и не оправдываю никого изъ васъ, и буду искренно радъ вашему примиренію, которое навѣрно не замедлитъ. Хе, хе, хе. Я увѣренъ, что съ вашими умомъ и ея добрымъ характеромъ, несогласія, подобныя вышнему, будутъ рѣдкостью; но повторите мнѣ, они будутъ и должны быть иногда. Въ мірѣ ужъ такъ устроено. Вотъ корабль, наприимѣръ, онъ не имѣетъ собственной воли, но повинуется лишь опытной и привычной рукѣ,—рукѣ и уму, которые узнали все его качества, всѣ, такъ-сказать, добродѣтели и недостатки его, а на это необходимо время и время. И не менѣе ума, опытности и времени нужно, для той же дѣли, и въ супружествѣ... Подожди, какъ я, такъ и твоя теперь молодая жена станетъ во всемъ, всегда и вездѣ повиноваться тебѣ, какъ вотъ моя старушка... И она когда-то имѣла свою голову и свой маленькій звонкій голосокъ, а вотъ теперь не знаетъ, что значить спорить и прекословить, забыла и слова эти, и ихъ значенія. *(Улыбалась, жемъ).* Не правда-ли, тетюшка? *(Жена*

молчитъ). Выполнилъ немедленно и съ готовностію все мои желанія, и еслибы я попросилъ ее теперь же...

БУРИНА. Не проси, пожалуйста, теперь ничего!

БУРИНЪ. Что ты говоришь?

БУРИНА. Я говорю, что ты не станешь выражать такихъ пустыхъ желаній.

БУРИНЪ. Однакожъ, если это придетъ мнѣ въ голову?

БУРИНА. Ты слишкомъ разсудителенъ, чтобы подобная идея могла прийтись тебѣ.

БУРИНЪ. Однакожъ, еслибы...

БУРИНА (*теряя терпѣніе*). Еслибы, еслибы! Еслибы ты сталъ просить нехстати того же, чего такъ нехстати желали отъ нея, (*Указывая на Гориневу*) въ такую минуту и послѣ твоего унижательнаго для меня предисловія, то я бы... я была бы вынуждена отказать тебѣ... и... отстань отъ меня, пожалуйста!

ГОРИНЕВЪ. Прошу васъ, будете говорить о чемъ-нибудь другомъ.

БУРИНЪ (*женъ, недовѣрчиво*). Ты шутишь? (*Гориневу*). Она шутить, племянникъ.. она пускаетъ вамъ пыль въ глаза...

БУРИНА (*нетерпѣливо*). Какія тутъ шутки!.. я говорю серьезно, и очень серьезно!

ГОРИНЕВЪ. Умоляю васъ, дядюшка, будете говорить...

БУРИНЪ (*отодвигая съ гнѣвомъ тарелку отъ себя*). Нѣтъ, этого еще не бывало... этого еще не случалось со мной!.. это нужно сію же минуту вывести на чистоту!.. Ну-ка, матушка, прошу тебя...

ГОРИНЕВА. Милый дядюшка ..

БУРИНЪ (*горячо*). Нѣтъ! сказалъ, нѣтъ! Въ жизнь свою не опу- скалъ флага ни передъ турками, ни передъ шведами! (*Отбросивъ го- лову назадъ на спинку кресель, важно и громко*): Жена, прошу тебя, повтори за мной: «Слава Богу, столъ накрытъ». Ну-вотъ!

БУРИНА (*съ хладнокровнымъ упорствомъ*). Оставь меня въ покоѣ!

БУРИНЪ. Повтори—и я оставляю.

БУРИНА (*рѣшительно*). Не хочу!

БУРИНЪ. Катерина!

БУРИНА. Нѣтъ!

БУРИНЪ. Катинь...

БУРИНА. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

БУРИНЪ. Катенька! я прошу...

БУРИНА. Не хочу! не хочу!

БУРИНЪ (*Встаетъ въ гнѣвъ изъ-за стола, роняетъ тарелку.*

которая разбивается объ полъ; онъ ударяетъ ножками своего кресла о разбитые куски ея. На шумъ этотъ входятъ Иванъ и Саша. Саша подходитъ и наклоняется собрать разбитые куски; но такъ-какъ Иванъ дѣлаетъ тоже, то она боязливо уклоняется и отходитъ въ глубину сцены. Иванъ собираетъ черепки и выходитъ съ ними въ среднюю дверь, дѣлая угрозы Сашѣ, которая отвѣрчивается отъ него. Между-тѣмъ Бурлина продолжаетъ съ горячностію.) Э! да это ужъ не шутка! это уже явное неповиновеніе!.. Такъ вотъ что!.. Этакъ ты меня стыдишь передъ людьми!.. Такъ ты такой примѣръ подаешь племянницѣ! А-а! Такъ ты дожила до сѣдыхъ волосъ— и не научилась еще послушанію!..

ГОРШЕНЕВЪ (подходя къ Бурлиной). Тетушка, прошу васъ, сдѣлайте угодное...

БУРЛИНА (съ негодованіемъ). Ну-да, такъ и есть! Только что дѣло коснулось до униженія женскаго пола, вотъ они и заодно! Мужъ идетъ противъ жены, дядя—противъ родной племянницы! Что-жъ вы лакея еще не пригласите сюда? Вѣдь изъ-за него началось все, такъ чтобы и онъ то же видѣлъ... (насмѣшливо) ваше торжество.

БУРЛИНЪ. Я ни за кого, и ни для кого! я самъ за себя стою! Ихъ распри до меня не касаются: пусть вѣдаются межъ собой, какъ знаютъ, какъ умѣютъ—и какъ хотятъ! — У меня свое дѣло, дѣло до тебя, и я прошу выполненія моего желанія.

БУРЛИНА. Не для чего было просить такихъ пустяковъ.

БУРЛИНЪ. Пустяки или нѣтъ, это все—равно теперь. Тутъ важенъ не смыслъ словъ, важно ихъ повтореніе.

БУРЛИНА. Я жена, не попугай. (Указываетъ на клятку).

БУРЛИНЪ. Жена обязана мужу послушаніемъ, и эти слова сдѣлались теперь оселкомъ послушанія.

БУРЛИНА. Мнѣ не нужно никакихъ оселковъ. Пусть, кто хочетъ, удерживаетъ за собой упорство осла; а я не хочу и не могу имѣть ослиного терпѣнія! Жены—не рабыни, а подруги мужей. (Племянницѣ). Не такъ-ли, мой другъ?

ГОРШЕНЕВА. И могутъ изслѣдовать желанія, прежде выполненія ихъ...

БУРЛИНА. И не выполнять желаній пошлыхъ и пустыхъ...

ГОРШЕНЕВА. Никогда, никогда!

БУРЛИНЪ (твердо и громко). Матросъ долженъ безпрекословно повиноваться капитану своего корабля, жена повиноваться своему мужу и начальнику!.. Сказано.

ГОРШЕНЕВА (въ смущеніи потупивъ голову). Я не слышала.

БУРАНИНА. А я не помню... забудешь въ пятнадцать лѣтъ безпрерывныхъ заботъ.

БУРАНИНЪ. Ну, такъ я напомню вамъ. Я говорю: твердость характера, сила воли—составляютъ достоинство мужчины; упорство и упрямство суть несноснѣйшіе изъ недостатковъ женщины.

БУРАНИНА. А я говорю: твердость характера, непоколебимость воли—высокія, къ несчастію рѣдкія добродѣтели женщинъ;—а настойчивость и своеволие обыкновенные недостатки, даже пороки мужчинъ.

БУРАНИНЪ (*насмѣшливо*). Чудесная добродѣтель женщинъ: повторить слова не захотѣлось;—а въ другое время унять нельзя, трещить словно трещетка, кудахтаетъ безъ умолку, словно курица.

БУРАНИНА (*тоже насмѣшливо*). Высокая добродѣтель мужчинъ: захотѣлъ чего, такъ подай ему, откуда хочешь, хоть тресни; а подѣ-часъ не стукни и не пикни, на цыпочкахъ ходи, вишь, занять, глубокія соображенія, дѣла самонужнѣйшія, какія-нибудь тамъ пустяки.

БУРАНИНЪ. Просятъ, умоляютъ, укоряютъ, угрожаютъ, и все не въ помощь. (*Гориневъ дѣлаетъ приличные знаки жень*).

БУРАНИНА. Пристаютъ, надѣдаютъ, кричатъ, бранятъ ся, шиплютъ, ломаютъ мебель, бьютъ тарелки; а ты за это улыбайся, и смотри имъ въ глаза точно моська.

ГОРИНЕВА (*приставая къ Бурлиной, которая вызывала ее на это взглядомъ*). Забываютъ всю любовь, все счастье настоящихъ минутъ. (*Поллбывая въ свою очередь на горничную*). Готовы разрушить все счастье будущаго.

БУРАНИНЪ (*съ увѣренностью*). Рѣшеное дѣло: всѣ женщины капризны.

БУРАНИНА. Всѣ мужчины деспоты!

БУРАНИНЪ (*выбѣгая на авансцену*). Ну-вотъ, рѣшите хоть вы, судьи почтенные и нелицепріятные... кто правъ и кто виноватъ, и отклоняйте правой стороной. Сущность дѣла въ томъ, что я совершенно убѣжденъ и вы не могли тоже не убѣдиться...

БУРАНИНА (*выбѣгая тоже на авансцену*). Нѣтъ, Андрей Андреевичъ, съ другими судьбами, какъ знаешь, а меня тутъ не проведешь!.. Вдумалъ рѣчь говорить, заискивать у кавалеровъ!.. Такъ нѣтъ же, не удастся! (*Оборачиваясь къ Гориневой и Сашѣ, которыя надбѣгаютъ къ ней съ обѣихъ сторонъ*). Сюда!.. (*Къ зрителямъ*). Вотъ барыни-сударыни, вотъ мы, представительницы ваши, стойте за насъ и за себя! Не выдавать! Эхъ, жаль, что я не могу и тутъ, и тамъ... ужъ показала бы имъ, мужчинамъ-то. Они: хлопъ, хлопъ, а мы дробца, въ приставочку: тррр... Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бы-

застъ. Не выдвѣдать!! (*Женщины и мужчины расходятся на сценѣ въ разныя стороны, мужчины занимаютъ правую сторону*).

ГОРИНЦЪ (*Бурлину громко*). Храбрый дядюшка, наша возьметъ!

БУРЛИНА (*Горинцевой громко*). Не робѣть! нашего полку прибыло!

БУРИНЪ (*Горинцеву тихо*). Эхъ, братъ, плеховато наше дѣло: все женское поколѣніе вооружила противъ себя.

ГОРИНЦЪ (*Бурлину тоже тихо*). Что-жъ дѣлать намъ теперь?

БУРИНЪ. Дѣлай что хочешь; а я знаю только, что день мой испорченъ, спокойствіе нарушено, — и пятнадцать лѣтъ трудовъ обратились въ ничто... хоть опять начинать!

ГОРИНЦЪ. Нельзя же и уступать намъ теперь.

БУРИНЪ. А подумалъ-ли ты о послѣдствіяхъ? Преснишь пальца, а у тебя и руку оторвутъ... Вотъ къ чему упорство привело.

ГОРИНЦЪ. Какъ упорство!? Вы полагаете?

БУРИНЪ. Разумѣется, упорство... что же иначе? Требовать неотступно чего-нибудь, это тоже упрямство, какъ и несогласіе выполнить требуемое.

ГОРИНЦЪ. Какъ же вы увѣряли сейчасъ, что неправы онъ.

БУРИНЪ. Да, увѣрялъ, хотѣлъ себя поддержать... анъ видишь, какъ дѣло-то повернулось теперь?.. Со всѣхъ бортовъ напаять... (*Продолжаютъ тихо разговаривать*).

ГОРИНЦВА (*на лѣвой сторонѣ сцены, Бурлиной*). Ну-право, тетуська, еслибъ я только знала, что это доведетъ до такихъ сценъ, я приняла-бы все за шутку, и всему бы конецъ... Но теперь, теперь ужъ не знаю, какъ и уступить.

БУРИНА. Уступи... попробуй-ка... такъ разомъ впрягутъ!.. точно пѣшкой понукать стануть.

ГОРИНЦВА (*съ душкою*). А? когда такъ! Такъ я покажу ему характеръ свой! Докажу, что и у меня сила воли есть!

БУРИНА (*одобрительно*). Ну, да. Ни шагу уступки теперь. Держись на чемъ свѣтъ стойтъ. Помни, что на тебя смотрятъ женщины, и не будь отступницей. А мой старикъ долго напросится, покуда я ему эту штуку забуду и прошу.

ГОРИНЦВА. И меня научите и поддержите, тетуська.

БУРИНА. Разумѣется... надѣйся какъ на стѣну каменную.

ГОРИНЦВА. Почему же не «какъ на женщину?»

БУРИНА. Ахъ, камень тверже, душенька, потому-что безчувственнѣе. (*Онъ продолжаютъ тихо разговаривать*).

БУРИНЪ (*на правой сторонѣ сцены, Горинцеву*). Уступаетъ на

всегда слабѣйшій; но тотъ кто умѣе и смышленѣе... даже и на войнѣ, въ морскихъ сраженіяхъ...

ГОРНИВЪ. А честь?

БУРЛИНЪ. Одинъ пустой предлогъ. Досадно и больно самолюбію, такъ и сворачиваемъ на честь и какія-то права и обязанности... А вотъ, еслибы удалось теперь, какъ-нибудь, обратить все это въ шутку, тогда бы и самолюбіе не страдало, и честь была бы спасена...

ГОРНИВЪ (*радостно*). Въ шутку?! Пойдите, дядюшка, я сдѣлаю разомъ всему конецъ. (*Уходитъ въ боковую дверь направо*). (*Барыни продолжаютъ тихо разговаривать. Изъ жестовъ видно, что Бурлина старается поддержать упадающую духомъ племянницу. Съ минуту обѣ стороны поглядываютъ другъ на друга. Хитрое, улыбающееся лицо Бурлина становится серьезнымъ всякій разъ, когда онъ поворачиваетъ его къ барынямъ. Видно, что онъ что-то обдумываетъ, и наконецъ принимаетъ рѣшеніе*).

БУРЛИНЪ (*добродушно*). Ну, барыни, половина моей эскадры отплыла прочь, и одному стоять противъ такого грознаго союза, какъ вашъ, не въ могути мнѣ болѣе. Поэтому я, какъ въ сказочномъ мѣрѣ, подкрѣплю себя живой водицей передъ боемъ, а какъ водится въ мѣрѣ существенномъ, прибавлю къ водѣ поболѣе вина и жареной говядины. Подражай, кто хочеть, а я снова усаживаюсь и приношу благодареніе Богу за несущный хлѣбъ... (*Садится на прежнее мѣсто, кушаетъ и пьетъ съ большимъ аппетитомъ; тихо про-себя*). «Слава-Богу, что и сегодня столъ накрытъ».

ГОРНИВА. Тетинька, не съѣсть-ли и намъ за столъ?

БУРЛИНА. И точно. Довольно было тревоги—изъ упрямства пустяго; не стать же намъ еще себя голодомъ морить. Давай-ка. (*Садятся*).

IX.

ВСѢ ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

ГОРНИВЪ (*входитъ изъ боковой двери направо, съ двумя кашемировыми, французскими шалями, по одной въ каждой рукѣ и подходитъ съ авансцены къ женѣ*).

ГОРНИВЪ. Милая Лиза, худой мѣръ лучше доброй ссоры; а хорошій, какой можетъ быть у насъ съ тобой, и еще того лучше. Но чтобы нашъ мѣръ былъ вполне хорошъ, то я, какъ неповинно-виновный въ началѣ войны, подношу тебѣ пристойную дань. Вотъ, выбирай любую, душенька. (*Показываетъ платки, развертывая ихъ по на одной, то на другой рукѣ*).

ГОРИНЦВА (въ смущеніи опускаетъ глаза, но тотчасъ поднимая ихъ на платки и мужа). Ахъ, Александръ, я право не знаю...

ГОРИНЦВЪ. Посмотри и выбирай.

ГОРИНЦВА. Не въ томъ затрудненіе... но въ такую минуту...

ГОРИНЦВЪ. Хорошее во всякую хорошо.

ГОРИНЦВА (молча указываетъ торопливо на одинъ изъ платковъ).

ГОРИНЦВЪ (улыбаясь). Эту? которая направо? (Горинцова дѣлаетъ знакъ головой и опускаетъ глаза и голову).

ГОРИНЦВЪ (кладетъ другую шаль на спинку стоящаго близъ стола кресла или стула, а избранною обертываетъ плечи и стаетъ слегка повертывающейся при этомъ жены). Какъ къ лицу, да иначе и быть не можетъ, ты такая хорошенькая!

ГОРИНЦВА (смотря мужу въ глаза, сквозь слезы). Потому-что опять такъ счастлива, такъ вполне счастлива!!.. (Оглядывая себя).. Милый Александръ!!

ГОРИНЦВЪ. Теперь, милая Лиза, ты видишь, я сдѣлалъ три четверти пути къ восстановленію между нами прежняго согласія; ты не откажешься, можетъ-быть, тоже сдѣлать одинъ послѣдній шагъ... я говорю: можетъ-быть...

ГОРИНЦВА (бросаясь къ нему на шею, радостно и громко). Ахъ! Слава-Богу! (Тихо, почти на ухо мужу, но внятно и съ разстановкою) «столъ накрытъ».

БУРИНЦЪ (который пересталъ ѣсть и внимательно смотрѣлъ на все со времени прихода Горинцова, вскакивая со стула и поднимая вверхъ руки, и въ одной изъ нихъ вилку съ большимъ кускомъ говядины, громко). Bravo, дѣти! Вотъ славно покончили ссору!

ГОРИНЦВЪ. И навсегда, чтобъ болѣе не начинать!

ГОРИНЦВА. Никогда! (Ласкаясь къ мужу). Другъ мой!

БУРИНЦА (улыбаясь тихо Горинцовой). Отступница!

ГОРИНЦВА. Женщина не камень, тетушка.

БУРИНЦЪ. Ну, теперь на абордажъ. (Тащитъ племянника къ столу; всѣ садятся на прежнія мѣста, Горинцовы придвигаются другъ къ другу).

ГОРИНЦВЪ. Иванъ! Поскорѣй бутылку шампанскаго! (Иванъ, у котораго шель опять живой разговоръ жестами съ горничной, поспѣшно выходитъ).

БУРИНЦА (засматривается на другой платокъ, поглядываетъ на мужа и улыбается). Андрей Андренчъ!

БУРАНИНЪ (*не замечая ничего, добродушно*). Что тебѣ?

БУРАНИНА. Погляди-ка сюда. (*Указывая на платок*). Тутъ и еще одна...

БУРАНИНЪ (*дѣлая видъ, будто бы не догадывается*). А, шаль? Ну, что-жь, мы ей ничего не сдѣлаемъ; пусть лежитъ себѣ.

БУРАНИНА. Что-жь ты сдѣлаешь?! мировую, а?

БУРАНИНЪ. То-есть тебѣ поднести? Э, матушка, дорогонько.

БУРАНИНА. Да ты обдумай.

БУРАНИНЪ. Обдумалъ, что слишкомъ дорого. Другое дѣло: молодому мужу для молодой жены и на первой порѣ супружества... а намъ, старикамъ, право ужъ не стоить, излишняя роскошь... Да и онъ въ жолѣта не будетъ дѣлать такихъ жертвъ.

БУРАНИНА (*мужу*). Фи, сударь.

БУРАНИНЪ (*отмахивая жемъ рукой*). Такъ, такъ, матушка.

ГОРНИЦЕВА (*мужу, подавая ему руку*). Нѣтъ, я надѣюсь, Александръ...

ГОРНИЦЕВЪ (*цѣлуя руку жемъ*). Надѣйся, душенька, надѣйся всегда на будущее; но еще болѣе, не забывай настоящаго и умѣй пользоваться имъ.

БУРАНИНА. Нѣтъ, Александръ Ивановичъ, право любонятно-бы знать теперь ваши настоящія мысли объ этомъ предметѣ.

БУРАНИНЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Я протестую противу всякихъ дальнѣйшихъ объясненій; будетъ того на сегодняшний день, что и старья благополучно покончили.

ГОРНИЦЕВЪ (*громко и съ выраженіемъ*). А-вазъ всѣ философическія разсужденія въ супружествѣ! Это не наука, а законъ. (*Неанъ сидитъ съ бутылками и бокалами. Наливаетъ бокалы*).

ГОРНИЦЕВЪ. Но позвольте!.. общій миръ заключенъ, а главная виновница (*Указывая на горничную съ-полголоса*) виновныхъ тревогъ осталась ненаказанною. (*Саша хочетъ уйти, Неанъ ее удерживаетъ*).

БУРАНИНЪ. Давай ее сюда, сюда ее! Она испортила мнѣ сегодняшний обѣдъ.

ГОРНИЦЕВЪ И ГОРНИЦЕВА (*съ-полголоса*). Она возмущила наше семейное счастье!

БУРАНИНА (*всторону*). Шали лишила меня и главность сдѣлать заставила. Сюда ее! Я придумала ей приличное наказаніе. (*Громко Сашѣ*). Твое упрямство непростительно. Ты не хотѣла повторить нѣсколькихъ словъ, когда тебя просилъ о томъ женихъ твой, такъ говоря-же и теперь по приказанію.

БУРЛИНЪ. Bravo, жена! Славно придумала! Не давай погачки!

БУРЛИНА (*живая дружественно мужу*). Не бойсь, не дамъ. (*Сашъ*).
Говори громко и внятно, а нето заставляю повторить. (*Иванъ дѣлаетъ издали Сашъ побѣдные знаки*).

САША (*пережимается, хочетъ говорить, но видя знаки Ивана, вдругъ останавливается*). Нѣтъ, сударыня, я рада васъ слушаться.... да за что-жь мнѣ его-то тѣшить. (*Указывая на Ивана*).

ГОРИНЕВЪ. Не для него, а для насъ. Тѣшить его не зачѣмъ тебѣ теперь. Вѣдь вы рассорились, онъ сдѣлался чужой тебѣ.

САША. Какъ же можно, чужой... (*Потупивъ голову*). Онъ хочетъ жениться на мнѣ.

ГОРИНЕВЪ (*въ недоумѣніи, смотря то на Сашу, то на Ивана*). Да вѣдь я самъ слышалъ? я слышалъ все.

ИВАНЪ. А послѣ, сударь, онятъ поладилъ...

ГОРИНЕВЪ (*въ удивленіи*). И она сказала, повторила, какъ преслѣ?

ИВАНЪ (*запнулся*). Только въ этомъ одномъ и не согласился. (*Бодрые*). Да общалась, что послѣ слушаться будетъ, такъ ужъ Богъ съ ней.

ГОРИНЕВЪ. Такъ пусть сейчасъ повторить. (*Сама молчитъ*).

БУРЛИНА (*приступая къ Сашѣ*). Ну, что-жь ты раздумываешь? Забыла что-ли? Пустая увертка, матушка. На, повторяй за мной! Слышишь? За мной повторяй! (*Громко*). «Слава-Богу, столъ накрытъ». (*Бурлины и Гориневы переглядываются между-собой во-время ея рѣчи, дѣлаютъ другъ-другу знаки, и при послѣдней фразѣ Бурлиной раздражаются веселымъ смѣхомъ*).

БУРЛИНА (*въ удивленіи обращаясь къ нимъ*). Что такое?

ГОРИНЕВЪ. А сами и повторили теперь!

ГОРИНЕВА. Сами сказали, тетушка!

БУРЛИНЪ (*приподнимаясь со стула, весело*). Благодарю, матушка, за то, что исполнила мое желаніе.

БУРЛИНА (*закрывая себѣ ротъ рукой*). Ахъ, батюшки, проболталась. (*Сашѣ*). Ну, такъ ужъ ты теперь, какъ хочешь, а непременно говори? Спуску тебѣ не будетъ! (*Гориневой*). Откажи ей отъ мѣста, лумешка, если не скажетъ. (*Сашѣ*). Капризница, упрямца этакая!..

БУРЛИНЪ. Худая трава изъ поля вонъ. (*Встаетъ*).

ГОРИНЕВЪ. Пожалуй, и я согласенъ. (*Встаетъ*).

ИВАНЪ (*приближаясь къ Гориневу, съ участіемъ*). Ужъ простите ее, сударь, меня радъ... общалась слушаться, когда будетъ женой...

ГОРИНЕВЪ. Нѣтъ, Иванъ, пусть скажетъ.

САША (*переминаясь, сквозь слезы*). Право не могу. (*Горниевой, съ выраженіемъ*). Сударыня!!!

ГОРНИЕВА (*вставая и подходя къ ней*). А если скажешь, такъ на будущей недѣлѣ свадьба твоя, и я буду посаженой матерью...

САША (*встрепенувшись, радостно*). На будущей недѣлѣ?

ИВАНЪ (*тоже въ радости, и къ Сашѣ съ болзнію*). Сашечка!!

САША (*кивая Ивану головой, торопливо*). Скажу, скажу... (*Оставивается и оглядывается вокругъ*).

ГОРНИЕВА И ГОРНИЕВЪ. Ну, Саша!

БУРЛИНЪ (*съ выразительнымъ жестомъ*). Разомъ! Пли!

БУРЛИНА. Нѣтъ, громко и не слыша!..

САША (*дѣлая усиліе, громко и не слыша*). Слава-Богу.. (*Закрываясь фартукомъ, не такъ громко и торопливо*). Столъ накрыть! (*Быстро убѣгаетъ*).

БУРЛИНА. Дѣвка съ характеромъ, изъ нея выйдетъ прокъ.

БУРЛИНЪ. Знаетъ границы упрямства, толкъ будетъ.

ГОРНИЕВА. Какъ посаженная мать, я дамъ ей хорошій урокъ о томъ, какъ слушаться своего мужа.

ГОРНИЕВЪ. А я Ивану, о томъ, какъ умѣть желать и приказывать.

ЛИТЕРАТУРА. — Понсаръ и его пьесы. — **ОТКРЫТИЕ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Нынешнее состояніе газоосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (*подробности устройства и дѣйствій газоваго заведенія въ Филадельфіи*), статья В. Карелина. — **ТЕАТРЪ. МУЗЫКА. ИСКУССТВА.** — Добрый совѣтъ, *рассказъ Стопто де-Соломики.* — Школа художествъ въ Манчестерѣ. — **ИНТЕРЕСНЫЕ РАССКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Башня Барука. — Барабиты во Франціи. — Выставка въ Нью-Йоркѣ. — Надписи въ Сирийской долигѣ и египетскіе гіероглифы. — Японскіе обычаи: Вѣтры, святотства, женитьба. — Американскіе деиды. — Счастіе приходитъ много во снѣ, но глупому смы не въ помощь богатство. — Растеніе Aegilore. — Солонныя и огненные колодцы въ Кіатингѣ (*въ Кималѣ*). — Забѣдательная долгая въ Сѣверной Америкѣ. — Новые желѣзные дороги въ Сѣверной Америкѣ. — Ночное прѣмлюченіе (*рассказъ мѣлничкаго метеоциалиста*). — Подводный городъ (*изъ записки путешественника*). — Банковая облигація (*рассказъ*).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА:

Журналы и книги гѣтомъ. — Июльскіе номера «Отечественныхъ Записокъ», Библиотеки для Чтенія и «Современника». — Сѣтованіе «Новаго Поэта» о томъ, что у насъ нѣтъ будто-бы критики. — Послѣдніе пять выпусковъ «Москвитянина». — Движущіеся столы въ литературѣ: «Отшельникъ», истинное происшествіе, и новая брошюра о холерѣ.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Древніе и современники. — Фельетонъ и его антагонисты. — Дневникъ одного петербургскаго дворянина. — Анахоретъ. — Екатеринагоѣ и дачи близъ Нарвской-заставы. — Напрасныя метаморозы. — «Марьяна-рожда», превращенная въ «Монпельзиръ», и бывшая «Александриа», переименованная въ «Дорданъ». — Рыцарскіе праздники въ Любекѣ и тащювальныя вечера въ Поморстройѣ. — Первое іюля на Влагининомъ-островѣ. — Незомнутная тишина въ Муринѣ и непрерывное движеніе въ Новой-деревнѣ. — Тамошніе потѣшныя огни в бенефеисы, живыя картинны и восковыя снгуры. — Аполлонъ и музы въ Павловскомъ воксалѣ.

V. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 7.

УРОКЪ МУЖЬЯНЪ. Комедія-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Н. Крестовскаго.

УПРЯМСТВО И НАСТОЙЧИВОСТЬ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, Г. А. Стойковича.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Музыка: 1. ВОСПОМНАНІЕ О СЕРГИНСКОМЪ.

Французская кадрили Н. О. Конн.

2. ПОЛЬКА соч. Е. Поанье.

II. Портретъ О. А. Конн.

ПАНТЕОНЪ

выходить ежемесячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографія, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшей музыки* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арий изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкой на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ Н. В. Баунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому справедливому его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, *в теченіи* среди года, непременно получаютъ ВСѢ КНИЖКИ, начиная съ *первой* со ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе познакомиться съ *ею* въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЛАДУ СЛАВУ БИЧУ КОВИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, *у* **шева моста, въ домъ Лыткина.**»

1853

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

501686

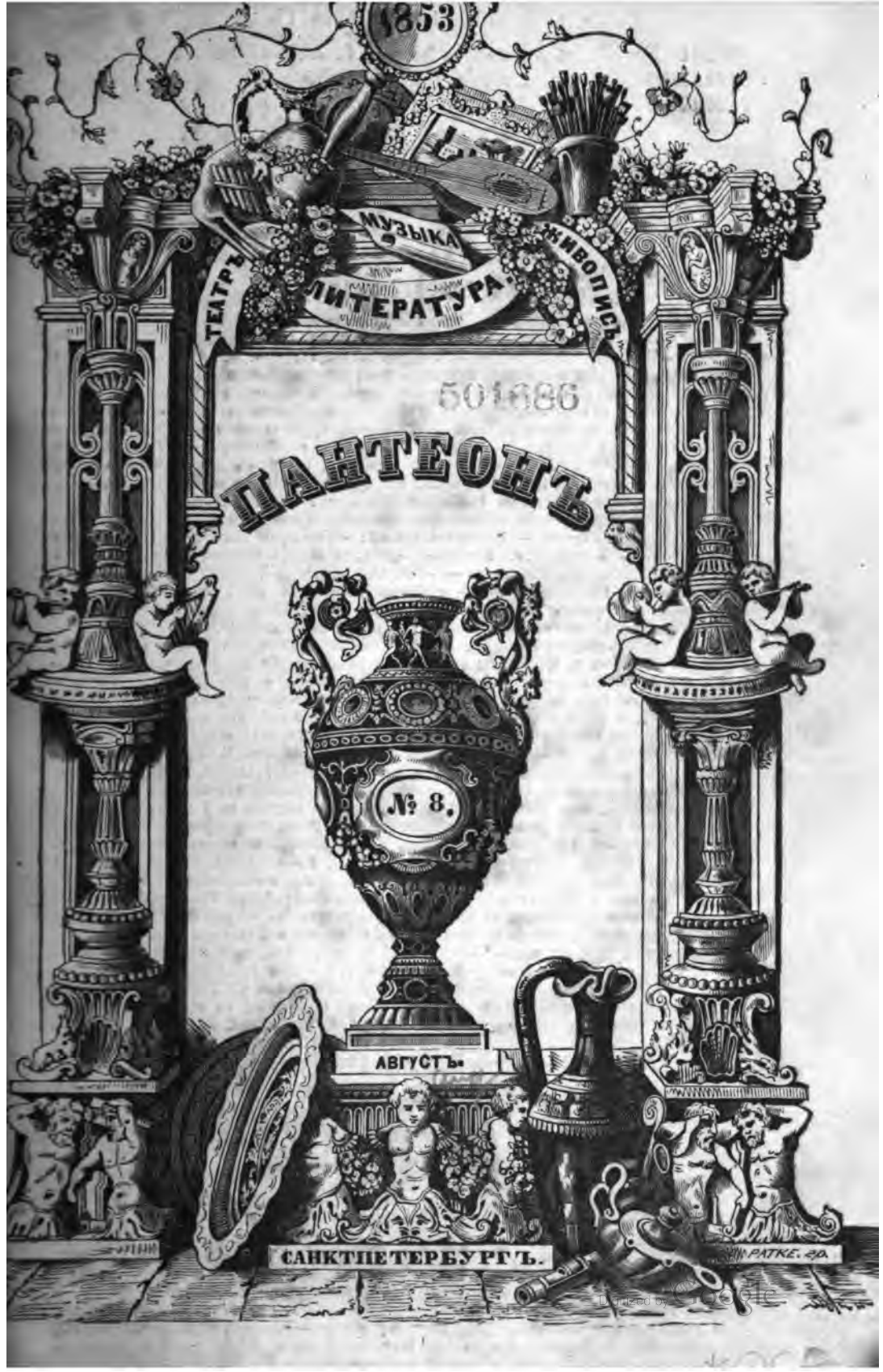
ПАНТЕОНЪ

АВГУСТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. 30.

- ✓ ДРУЖБА. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. А. И. Бибиковой.
- ✓ МЕДАЛЬОНЪ. Повѣсть *Евгенія Славинскаго*.
- ✓ ПАНФОНЪ ИВАНОВИЧЪ. Разсказъ В. В. Толбина.

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖИВОПИСИ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ И РИМАЛЯЪ. А. Афанасьева.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Дѣятельность московскаго театра. — Открытие русскихъ спектаклей послѣ поста. — Новыя вѣстоимыя. — Промысленный спектакль г-жи Ирки-Магасъ. Ея біографія — Беневейсъ г. Усачева: «Нѣмая свертка Лиза», драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. Анца, «Дипленція жены, или рецептъ для исправленія мужей», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, «Женки по ошибкѣ, или за двумя зайцами погонялись, ни одного не поймашь», водевиль въ 1 дѣйствіи. — «Жидъ за печатую», шутка въ 1 дѣйствіи. — Дивертисементъ. — Промысленный спектакль г. Щепкина. — Обѣдъ въ честь М. С. Щепкина, по случаю его отъѣзда за границу. — Возвращеніе Н. М. Медвѣдовой. — Беневейсъ г. Ольгина: — «Утро молодого человека», сцены, соч. А. Н. Островскаго, «Лекарь», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. В. А. Вонярярскаго, «Солдаты-Балагуръ, или дружба-дружкой, а служба-службой», оригинальная интермедія-водевиль, въ 1 дѣйствіи, соч. актера П. Григорьева 1-го. — Беневейсъ г. Акимова, (режиссера): «Бенвенуто Челлини», драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ, соч. Поля-Мѣрриса. — Сцены изъ комедіи: «Житейская школа», соч. П. И. Григорьева 1-го. — Беневейсъ г. Колосова: «Дядюшка Федоръ Ивановичъ Русаковъ», комедія въ 1 дѣйствіи, соч. Карелина. — «Разлука также наука», комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. П. Григорьева 1-го. — «Жилецъ и жилица въ одной квартирѣ», водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго актера С. Байкова. — «Панталоны съ сюрприжами, или саратовскій медвѣдь», фарсъ à propos, въ 1 дѣйствіи, соч. П. Татарникова. — «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Грава В. А. Салогуба. — Беневейсъ г. Черкасцова: «Идиотъ или Гейльбергское подземелье», драма въ 5 актахъ и 8 картинахъ, перев. съ франц. «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума», комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, О. А. Коки. — Исторія Каспара Гаузера, драма изъ этой исторіи и исполненіе этой драмы. — Беневейсъ г. Пышкова: Второй актъ балета: «Сварливая жена». — Второй актъ балета: «Сильфонда», соч. Тальони. — «Жена или карты», комедія водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. П. И. Г. — «Цыганка», водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Н. Крестовскаго. — Беневейсъ г. Никифорова: «Пари», драма въ 2 дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпиграммъ, соч. князя Г. В. Кугушева. — «Настроилъ, разстроилъ и устроилъ», водевиль въ 1 дѣйствіи. — «Чудакъ-покойникъ, или таинственный ящикъ», комедія водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго П. А. Каратыгина. — Беневейсъ г-жи Васильевой: «Людскія толки», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. П. Ермолова. — «Жена какихъ много, или нукъ какихъ мало», комедія водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. П. Г. — Странное явленіе. Содержаніе комедіи Н. П. Ермолова. Нѣсколько словъ объ ея достоинствѣ и причинѣ ея неуспѣха на сценѣ. — Беневейсъ г. Соловьева (режиссера). «Старая аристократка» (Pani Kazstelanowa). комедія въ 1 дѣйствіи, переводъ съ польскаго С. Соловьева. — «Чему быть, того не миновать» (Pogrzebnieczka), комедія съ куплетами въ 1 дѣйствіи и 2-хъ картинахъ, передѣланная съ польскаго С. Соловьевымъ. — «Чѣмъ имѣемъ не хранимъ, потерявши плачѣтъ», водевиль въ 1 дѣйствіи С. Соловьева. — «Медовый мѣсяцъ, или какъ проводить время молодежи», комедія въ 1 дѣйствіи, заимствованная съ французскаго актеромъ С. Бойковымъ. — Репетиція беневейсному спектаклю, картина дивертисманъ въ 1 дѣйствіи, съ пѣніемъ и танцами. «Движущіеся столъ», сцены изъ современной московской жизни, соч. В. И. Р.

IV. СМѢСЬ.

- 1. Деревня. Провинціальныя сцены. *Октава Фелье*.
- 2. Заатлантическія сцены.
- 3. Жизнь на морѣ. А. И.—Б.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Какъ въ Ост-Индіи издають газету. — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Канаты подводнаго телеграфа. — Согрѣваніе безъ топлива. — ТЕАТРЪ. МУЗЫКА, ИСКУССТВА. — Народные театры въ Вѣнѣ. — МЕДИКИ ИЗВѢСТІЯ И НОВОСТІ. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ. — Магнитизмъ и любовь. — Охота за гагарами. — Два жилища въ одной комнатѣ (разсказъ). — Лоля тунца въ древнія и новѣйшія времена. — Тольпаноманія. — Желѣзная мостовая. — Незодѣтъ. — Проксакское слова рококо. — Станный поединокъ. — Выгодное предложеніе. — Электрическія палки. — Новое шампанское. — Заказы обѣда по телеграфу. — Странная судьба одной женщины. — Тайна (разсказъ).

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

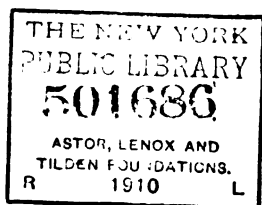
ИЗДАВАННІИ

Осдоранъ Юони.

ТОМЪ X.

АВГУСТЪ — КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Сентября 5-го 1853.

Цензора: *Н. Пейкеръ и Н. Елазинъ.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖБА.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(СЮЖЕТЪ ВЗЯТЬ ИЗЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОВѢСТИ ШАРЛЯ БЕРНАРА. «La chasse aux amants»).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЭРНЕСТЪ КОЛОМЪ, живописецъ.

АВРЕНІА, жена его.

ГАБРИЭЛЬ, ея подруга.

БАРОНЪ ДИ-АНВЕРНА.

КА-БИРТОН.

ФРАНСЬЕНЪ РЕНЬЕ.

ИВАНОВИЧЪ, слуга Коломъа.

Первое дѣйствіе въ отелѣ г-жи Габріель, въ отдаленной комнатѣ, назначенной для чтенія газетъ и журналовъ.

Второе въ гостиной г-жи Коломъа.

Третье въ мастерской Коломъа.

ДѢЙСТВІЕ I.

Всѣ лица этого дѣйствія въ балльных костюмахъ.

I.

КОЛОМЖЪ (*входя*). Наконецъ я пробрался сюда. Здѣсь нѣтъ никого, и слава-Богу! Я могу свободно вздохнуть отъ этой жары и толкотни. О балы! вы мученье для мужей, любящихъ, какъ я, страстно своихъ женъ и къ тому же ревнивыхъ. Да, я ревнивъ, я это чувствую...

II.

КОЛОМЖЪ и БАРОНЪ ДЕ-ЛИВЕРНА.

БАРОНЪ. Коломжъ, любезный Коломжъ, я гнался въ толгѣ за тобою...

КОЛОМЖЪ. Это ты, баронъ!..

БАРОНЪ. Ты такъ блѣденъ и разстроенъ?

КОЛОМЖЪ. Да, ты застаешь меня въ такую минуту, когда волей или неволей мы должны открыть то, что тревожитъ насъ. Впрочемъ, каяться я не буду, ты другъ мнѣ. Сядись и слушай.

БАРОНЪ. Готовъ слушать, и даже совѣтовать, если позволишь. (*всторону*). И то и другое ничего не стѣнть.

КОЛОНИЖЪ. Ты знаешь, что больше по глѣности я долго не цѣнилъ своего таланта въ живописи. О славѣ, правда, я никогда не думалъ, и если иногда работалъ, то единственно отъ скуки.

БАРОНЪ. Однако талантъ не вправѣ быть празднымъ: бездарности простишь поневолѣ, глѣности никогда. Не силы тебѣ недоставало, Колонжъ, а воли.

КОЛОНИЖЪ. Ты правъ. Для большей части художниковъ женитьба бываетъ эпохою дремоты, если несовершенно сна; для меня же напротивъ, женитьба была началомъ пробужденія. Хочешь ли знать, какимъ-образомъ безпечность моя превратилась въ самую напряженную дѣятельность?

БАРОНЪ. Хочу ли знать? Не только твоему другу, но и каждому было бы любопытно это знать. Я слушаю внимательно.

КОЛОНИЖЪ. Пріѣхавъ однажды на балъ съ моей Авреліей, я случайно очутился позади двухъ незнакомыхъ мнѣ мужчинъ, и поневолѣ долженъ былъ выслушать слѣдующій разговоръ: «Кто эта прелестная дама въ черномъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.» Госпожа Колонжъ, замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ; она столько же умна, какъ хороша.—«А кто ея мужъ?»—Право не знаю; здѣсь есть въ залѣ какой-то Колонжъ, адвокатъ, музыкантъ или нотариусъ, кто его знаетъ. Кому до него дѣло? Мужъ такой жены какъ-будто и не существуетъ.

БАРОНЪ. Аи, аи!

КОЛОНИЖЪ. Я хотѣлъ было доказать невѣждѣ свое существованіе, приличнымъ образомъ наказавъ его дерзость, но удержался и затаилъ свой гнѣвъ. Однако обида эта пустила глубокіе, плодотворные корни въ мое сердце, и съ-тѣхъ-поръ возникла во мнѣ рѣшимость, которая измѣнила жизнь мою, открыла передо мною новый горизонтъ.

БАРОНЪ. Да, жена твоя такъ прекрасна, что возлѣ нея и геній лишится половины лучей своихъ.

КОЛОНИЖЪ. А я, обыкновенный человекъ, — не сказкою совершенно. Прежде ния мое имѣло хоть нѣкоторую самостоятельность, принадлежа единственно мнѣ; теперь у меня нѣтъ и этой собственности, какъ бы ничтожна она ни была. Я уже не Колонжъ, а только мужъ г-жи Колонжъ. Я сдѣлался какой-то жалкою аксессуарною вещью...

БАРОНЪ. Тебя, какъ видно, задѣли за живое...

КОЛОНИЖЪ. Я не созданъ для подобной роли. Если красота дорога цѣнится, то талантъ все-таки выше ея; а во мнѣ онъ есть, и я докажу это. Холостымъ, я могъ глѣниться, — но теперь дѣло идетъ о новомъ счастьи. Замѣтивъ, что мною пренебрегаютъ другіе, Аврелія стала бы презирать меня, а отъ презрѣнія до оскорбленія одинъ только

нать. Къ дѣлу же! сказалъ я себѣ: станешь сражаться, чтобы приобрести уваженіе и любовь уважаемой женщины. Этотъ глупецъ не зналъ, кто я! музыкантъ или нотаріусъ, и я поклялся честью, что не даѣе, какъ черезъ годъ, свѣтъ узнаеть, что я живописецъ.

БАРОНЪ. Признаюсь, не знаяши причины твоего перерожденія, ни я, ни знакомые твои тебя не понимали. Изъ хлѣба, слава-Богу, работать тебѣ не было нужды,—ты богатъ. Я помню, какъ между парижскими живописцами говорилось вотъ что: Знаете ли новость? Колонжъ пишетъ для выставки историческую картину. — Не можетъ быть! отвѣчали другіе, вы вѣрно хотите сказать о какой-нибудь илиллической па-стухѣ съ овечкой на розовой ленточкѣ... Историческую картину, говорить вамъ, да еще какую! Сраженіе Кимровъ съ Маріемъ!—Извини, Колонжъ, но при этомъ извѣстїи всѣми овладѣвалъ гомерическій смѣхъ, такъ казалось забавнымъ сближеніе твоей кисти съ мечемъ Маріа.

КОЛОНЖЪ. Эти насмѣшки доходили до меня, и раздражая меня болѣзненно, придавали мнѣ еще болѣе силы.

БАРОНЪ. Я самъ, грѣшный, смѣялся не разъ... Мы тогда еще не были въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ... Уважая живописца, я понималъ позже твой высокій талантъ, но тогда... Поль-де-Кокъ, сочиняющій надгробную рѣчь, не встрѣтилъ бы такого противодѣйствія, какое встрѣтила твоя попытка писать въ историческомъ родѣ.

КОЛОНЖЪ. Я зналъ, какое впечатлѣніе произвело одно извѣстіе о сюжетѣ моей картины, которую еще никто не видѣлъ. Я зналъ, что неумолимые свистки ждуть ее въ случаѣ паденія. Но въ виду опасности блѣднѣютъ только трусы. Жребій былъ брошенъ! Я рѣшился побдѣить и вынудить рукоплесканія; чтобы не видѣть позора...

БАРОНЪ. Успокойся, мой другъ; по всѣмъ вѣроятіямъ первое сюрте случится, чѣмъ второе...

КОЛОНЖЪ. Ты поймешь, что послѣ такой рѣшимости я работалъ съ отчаяннымъ мужествомъ, какое только можетъ быть у человѣка, сражающагося на жизнь или смерть. Каждое утро я запирался въ мастерской, и выходилъ изъ нея только поздно вечеромъ.

БАРОНЪ. Мнѣ ли ты это говоришь? Я твой домашній другъ, а не мнѣлъ еще до-сихъ-поръ доступу къ картинѣ.

КОЛОНЖЪ. Не только ты—жена моя еще не видала ее! Тамъ, одинъ, безъ свидѣтелей, лишанный совѣтовъ дружбы, но зато не боясь и коварныхъ совѣтовъ зависти, одинъ со своимъ вдохновеніемъ, проникнутый своею мыслию, я работалъ надъ полотномъ, которое должно было привести мнѣ славу или смерть. Подъ моею кистью, осужденною по приго-

вору критики малевать одѣхъ только пастушекъ, располагались группы сражающихся, ломались копья, зубрились мечи. Кимвры и Римляне рѣзались въ бѣшеной схваткѣ; колесницы давили колесами бѣлокуроухъ дочерей Гевтона. Съ развитіемъ картины развивалось во мнѣ то творческое вдохновеніе, безъ котораго возможны только безцвѣтныя, холодныя произведенія. Вотъ это живопись! говорилъ я иногда... но такія мгновенія были рѣдки. Чаше мнѣ казалось, что кисть моя были недостойна мысли, и мной овладѣвали тогда тоска и сомнѣніе. Такимъ-образомъ, то кипи отвагою, то падая духомъ, на коварныя привѣтствія и насмѣшки моихъ собратій я не хотѣлъ иначе отвѣчать, какъ ревностнымъ трудомъ.

БАРОНЪ. Это прекрасно, Колонжъ, я доволенъ тобой!

КОЛОНЖЪ. Ничто казалось не могло отвлечь меня отъ моей задушевной работы, какъ вдругъ въ началѣ зимы въ мое удивленіе забралась одна изъ тѣхъ мыслей, которыя иногда неожиданно приходятъ въ голову мужа. Аврелія съ самаго пріѣзда въ Парижъ сдѣлалась предметомъ дерзкаго вниманія, оказываемаго тѣмъ женщинамъ, которыхъ своенравная мода ставитъ вдругъ выше прочихъ.

БАРОНЪ. Чтожъ мудренаго? Она хороша и умна, и къ новому свѣтлу склонились всѣ подсолнечники волокитства.

КОЛОНЖЪ. Именно такъ. Въ началѣ зимы, когда «пожиратели сердецъ» готовятся къ зимней кампаніи, Аврелія избрана была цѣлью похода въ новомъ родѣ.

БАРОНЪ. Армія съ каждымъ днемъ увеличивалась, потому-что влюбленные составляютъ племя подражателей.

КОЛОНЖЪ. Тѣ, которые и не замѣчали прежде жены моей, влюбились въ нее тотчасъ же, какъ только любовь къ ней вошла въ моду. Я ужаснулся... ревность во мнѣ проснулась; я бросилъ кисти и краски, и посвятилъ себя одному изъ супружескихъ занятій. Вооружившись необходимымъ притворствомъ, я сталъ наблюдать за женою.

БАРОНЪ. И что-же ты открылъ?

КОЛОНЖЪ. Я нашелъ ее простодушно преданною желанію нравиться, довольно своими успѣхами и совершенно невинною сердцемъ. Однако эти открытія оставили во мнѣ много тоски и безпокойства. Кто могъ мнѣ ручаться за будущее? Ты знаешь, какъ я подозрителенъ. Долго размышляя о ненадежности супружескаго счастья, я почувалъ необходимость дѣйствовать рѣшительно. Но какъ? Лучшее всего было исторгнуть Аврелію изъ пагубной свѣтской жизни. Такой планъ нравился мнѣ, влюбленному художнику, но Аврелія...

БАРОНЪ. Какъ ее заставить на это согласиться? Какъ заставить мо-

лодую женщину отказаться отъ всѣхъ удовольствій и баловъ, на которыхъ она владычествуетъ?

КОЛОНИЪ. Прибавь еще, какъ рѣшиться на такое насліе тому, кто до-сихъ-поръ слѣдовалъ непреложному правилу всѣхъ умныхъ мужей, что жена должна господствовать въ домѣ? Меня ужасала мысль сдѣлаться Арнольфомъ или докторомъ Бартоло. Потерять любовь Авреліи! Это было-бы послѣднею мѣрою моего несчастія.

БАРОНЪ. Я совершенно раздѣляю твои мученія... Подумаемъ, посоветуемся вмѣстѣ. Тебѣ предстоитъ, по моему мнѣнію, одно: бросить живопись и слѣдить всюду за женою. Будь безвыходно въ комнатѣ жены, перечитывай всѣ ея письма, слѣлуй за нею всюду: на гуляньѣ, въ гостяхъ, на балѣ, словомъ, будь ея тѣнью подъ предлогомъ супружеской вѣжности. Подстерегай улыбку, взглядъ, прислушивайся къ словамъ ея...

КОЛОНИЪ. Замолчи, какую ужасную картину представляешь ты... Это будетъ уже не любовь а шпионство... Я отвергаю это. Когда женщина имѣетъ нужду въ надзорѣ, она уже его не стоитъ.

БАРОНЪ. Ну, такъ будь доврчивъ. Аврелія тебя любитъ, и любовь ея будетъ щитомъ, о который притушатся всѣ стрѣлы, привлеченныя ея красотою.

КОЛОНИЪ. Нѣтъ, мой другъ, такая мысль не успокоитъ ревниваца...

БАРОНЪ. Тсъ! вотъ жена твоя, а съ нею толстякъ Ла-Бертони и не-признанный поэтъ Ренье.

III.

ТѢМЪ. АВРЕЛІЯ, ЛА-БЕРТОНИ И РЕНЬЕ.

АВРЕЛІЯ. Ну такъ! Не говорила-ли я вамъ? Я была увѣрена, что найду Эрнеста здѣсь. Ты всегда на балѣ ищешь уединенія.

КОЛОНИЪ. Аврелія, ты знаешь, я ѣзжу на балы изъ угожденія тебѣ; я не люблю ихъ, я боюсь возненавидѣть: они отрываютъ меня отъ любимого, задушевнаго труда.

АВРЕЛІЯ. Но вѣдь по вечерамъ и ночью ты не работаешь...

КОЛОНИЪ. Вечера я посвящаю тебѣ, а на балахъ ты уже не моя собственность... ты принадлежишь всѣмъ. Ночью надо спать... (смотришь на часы). Два часа! Ты, конечно, еще и не думаешь ѣхать домой?

АВРЕЛИЯ. Помилуй! баль въ самомъ разгарѣ.

КОЛОНЖЪ. Ну, такъ видишь-ли; дай Богъ къ пяти часамъ добраться намъ до своихъ постелей. Утро надо спать, вмѣсто того, чтобы посвятить его работѣ.

АВРЕЛИЯ. Колонжъ, упреки! и еще въ какую минуту? когда я только любезности этихъ господъ обязана тѣмъ, что едва протолкалась чрезъ эту густую массу народа, съ единственною цѣлью увидѣть тебя, поговорить съ тобою, и сказать, что только тебя не достаетъ къ полному моему веселью.

КОЛОНЖЪ. Упрекать тебя, Аврелия? О, нѣтъ. И за что же? что у насъ разные мнѣнія,—врочемъ только объ одномъ предметѣ. Ты меня вспомнила, я счастливъ твоимъ вниманіемъ, и готовъ пробыть на балѣ хоть до восьми часовъ утра. Иди, мой другъ! (*цѣлуетъ жену*) и веселись беззаботно!

АВРЕЛИЯ. Милый Эрнестъ! (*кладетъ платокъ на стулъ и хочетъ застегнуть свою перчатку.*)

КОЛОНЖЪ. Дай я помогу тебѣ. (*въ это время Ла-Бертони читаетъ газету, Ливернуа наблюдаетъ за Ренье.*)

РЕНЬЕ (*у стула, на которомъ лежитъ платокъ*). Цѣлый вечеръ я искалъ случая... вотъ онъ... воспользуемся имъ... (*быстро зазываетъ записку въ платокъ*).

БАРОНЪ. Ренье, я совсѣмъ забылъ сказать вамъ, что хозяйка дома просила меня отыскать васъ и прислать къ ней немедленно.

РЕНЬЕ. Зачѣмъ же вы мнѣ этого не сказали раньше?

БАРОНЪ. Поспѣшите исправить мою забывчивость. (*Ренье уходитъ, и оборачиваясь, глядитъ на платокъ*).

IV.

ТѢМЪ, крокъ **РЕНЬЕ;** по улоу его, Баронъ осторожно прячетъ платокъ.

КОЛОНЖЪ. Ла-Бертони, вы скучаете, я завладею вашею дамою?

ЛА-БЕРТОНИ. Я терпѣливъ; кажется мнѣ обманъ слѣдующій контрдансъ.

АВРЕЛИЯ. Я помню. А вы, Ливернуа, сегодня не танцуете? Это большая рѣдкость.

БАРОНЪ. Колонжъ былъ грустенъ и задумчивъ; я предпочелъ не оставлять его.

АВРЕЛИЯ. Это очень любезно съ вашей стороны. (*протягиваетъ ему руку, тотъ цѣлуетъ ее*). Вы заслужили эту награду.

ЛА-БЕРТОНИ (*съ досадою*). Онъ родился подъ счастливымъ совѣздіемъ.

БАРОНЪ (*торжествуя*). Если-бы тутъ и была какая-нибудь жертва, то я вознагражденъ за нее вполне.

АВРЕЛИЯ (*мужу*). Ты грустенъ, а я этого не знала...

КОЛОНИЪ. Да, до твоего прихода мнѣ что-то сгрустилось, но теперь какъ рукой сняло.

АВРЕЛИЯ. Ты меня не обманываешь?

КОЛОНИЪ. О, конечно нѣтъ!

АВРЕЛИЯ. Ну, такъ прощай. (*дѣлаетъ ему дружескій знакъ рукою*). Я слышу ригурнель... Ла-Бертони! вашу руку. (*Уходитъ съ Ла-Бертони*).

V.

КОЛОНИЪ И БАРОНЪ ЛИБЕРТУА.

БАРОНЪ. Мы снова одни... и теперь это очень кстати. (*вынимая платокъ*). На, мой милый, это немного и до тебя касается. А я радъ новому случаю доказать тебѣ преданность и безкорыстную дружбу.

КОЛОНИЪ. Платокъ жены!

БАРОНЪ. Ты узналъ его?

КОЛОНИЪ (*встревоженный*). И въ немъ записка...

БАРОНЪ. Ну милый мой, какъ ты серьезно принимаешь эти вещи... тутъ надо смѣяться, а не плакать... Ха, ха, ха... Это отважное предпріятіе Фелисьена Ренье, поэта, недавно познакомившагося съ тобою.

КОЛОНИЪ. Посмотримъ, посмотримъ, съ какими выраженіями онъ осмѣливается обратиться къ Аврелии. (*читаетъ*).

БАРОНЪ. Тутъ вѣрно есть все данныя, изъ которыхъ составляются произведенія подобнаго рода: и звѣзды и цвѣты, нимфы вѣютъ крыльями; золотыя арфы звучатъ отъ благовопнаго дыханія вѣтерка, и прочее. Онъ вѣрно, какъ слѣдуетъ автору, исчисляя сокровища, зарытыя въ глубинѣ его сердца, робко высыпаетъ ихъ къ ногамъ любезной... ха, ха, ха!

КОЛОНИЪ. Да замолчишь-ли ты?... не даешь мнѣ кончить. Записка писана такъ нѣско...

БАРОНЪ. Да, только глазъ женщины и ревнивица можетъ разобрать такой связанный почеркъ.

КОЛОНЖЪ (*прочитавъ и спрятавъ платокъ и записку*). Худшее изъ всѣхъ состояній—состояніе ревниваго мужа. Для челоуѣка, занятаго серьезнымъ дѣломъ, красавица жена—сущее наказаніе. Другіе могутъ, по-крайней-мѣрѣ, отдыхать отъ трудовъ, а я долженъ тратить энергію души на глушыя схватки, когда и безъ того изнемогаю отъ труда. Три мѣсяца работалъ я по пятнадцати часовъ въ сутки, торопясь кончить картину къ выставкѣ; сегодня не удалось мнѣ даже пообѣдать. Я оставилъ кисти для того, чтобы сопутствовать женѣ на балъ. Лихорадка мучитъ меня, всѣ предметы прыгаютъ въ глазахъ; сейчасъ тамъ въ залѣ я чуть не заснулъ отъ изнуренія. И что же? Нѣтъ тебѣ покоя, потому—что ты мужъ. Вздумается какому-нибудь празднему дураку обратить вниманіе на твою жену, защищайся... Завидная участь!

БАРОНЪ. Я не понимаю тебя. Ты хочешь, чтобы другіе смотрѣли на жену твою другими глазами, нежели ты самъ. Благовоспитанный мужъ долженъ гордиться успѣхами жены.

КОЛОНЖЪ. Въ такомъ случаѣ, я вовсе не благовоспитанъ... и мнѣ трудно пересоздать свою натуру.

БАРОНЪ. Но привычка вторая натура, а ты долженъ уже привыкнуть къ побѣдамъ госпожи Колонжъ... Знаешь ли, что съ начала зимы это уже девятая?

КОЛОНЖЪ. Третьяго дня мы насчитали только семь; если прибавить негодяя Ренье, то всего будетъ восемь.

БАРОНЪ. А другъ вашъ Ла-Бертони? Будьте увѣрены, я не ошибусь въ счетѣ.

КОЛОНЖЪ (*съ досадою*). Какъ! и Ла-Бертони!

БАРОНЪ. Да, мой милый, и Ла-Бертони! этотъ толстякъ, котораго вы считаете однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей вашихъ. Онъ кричитъ о тебѣ вездѣ, что ты первый живописецъ нашего вѣка, что Орасъ Верне въ сравненіи съ тобою — жалкій маляръ; мудрено ли послѣ этого, если онъ захотѣлъ вознаградить себя за похвалы тебѣ ухаживаніемъ за твоею женою. Въ угожденіе ей, Ла-Бертони пустился въ танцы, на что онъ до-сихъ-поръ не отваживался, и чтобы не могли понимать ихъ разговора, говорить съ нею по англійски...

КОЛОНЖЪ (*съ грустной усмѣшкой*). И Ла-Бертони!..

БАРОНЪ. И ты противъ меня, Брутъ!.. А изъ девяти вздыхателей я почитаю самымъ опаснымъ Ла-Бертони... Онъ очень уменъ!..

КОЛОНЖЪ. Они не дадутъ мнѣ кончить картину... Я найду средство

проучить кого-нибудь изъ этихъ господъ, чтобы показать прочимъ, какъ они должны вести себя..

БАРОНЪ. Что ты, что ты, мой милый! Тебѣ придется повторять не разъ подобные уроки.

КОЛОНЪ. Ну что же? Я повторю ихъ.

БАРОНЪ. И будешь имѣть дѣло съ лернейской гидрой. Вѣрь мнѣ, мирныя средства въ этомъ случаѣ надежнѣе. Брось кровавадыя замыслы и позволь мнѣ продолжать роль услужливаго, безкорыстнаго посредника. Надѣюсь, ты былъ доволенъ мною?

КОЛОНЪ. Я даже не знаю, какъ благодарить тебя.

БАРОНЪ. За что? Ты мнѣ доставилъ случай услужить другу и доволь повеселиться на чужой счетъ.

КОЛОНЪ. Это тебя забавляетъ?

БАРОНЪ. Чрезвычайно. Не повѣришь, какое удовольствіе я нахожу въ этой войнѣ. Быть на сторонѣ мужа — это оригинально.

КОЛОНЪ (*лукаво*). И вѣрно тебѣ случается въ первый разъ?

БАРОНЪ (*ордо*). Конечно; потому-то я думаю это меня такъ и занимаетъ. Притомъ я прожилъ на свѣтѣ около полувѣка; пора мнѣ позаботиться о старыхъ грѣхахъ своихъ и посвятить себя на служеніе нравственности...

КОЛОНЪ. И повѣрь, прекрасный подвигъ твой рано или поздно получить вознагражденіе.

БАРОНЪ. Я уже достаточно награжденъ. Развѣ ты считаешь за ничто удовольствіе видѣть, какъ эти господа приходятъ съ вздернутымъ носомъ, а уходятъ, опустивъ голову и хлопая ушами. Ты не видишь этого?

КОЛОНЪ. Развѣ я способенъ видѣть что-нибудь... Но какъ же намъ отдѣлаться отъ этихъ новыхъ шмелей?

БАРОНЪ. Это уже мое дѣло, положиись на меня. Ты знаешь, у меня есть особенный даръ указывать дверь волокитамъ. Не думаю, чтобы эти два были счастливѣе своихъ предшественниковъ. Дай мнѣ паспортъ, и я ручаюсь, что черезъ день, много два, ты освободишься и отъ нихъ.

КОЛОНЪ. Что ты называешь своимъ паспортомъ?

БАРОНЪ. Дай мнѣ записку Ренье.

КОЛОНЪ. Но... я не знаю... прилично ли...

БАРОНЪ. Ты мнѣ недовѣряешь? А записка мнѣ необходима.

КОЛОНЪ. Можно узнать, на что она тебѣ? (*отдаетъ ему*).

БАРОНЪ. Узнаешь послѣ. Еще одна просьба. Послѣ-завтра гулянье въ Круа-ле-Берни. Г-жа Габріель поѣдетъ туда, и женѣ твоей тоже хочется вѣхать... я это знаю...

КОЛОМЪ. Она тебѣ говорила?

БАРОНЪ. Съ твоего позволенія: да, мой милый. Не правда ли, весело быть повѣреннымъ и мужа и жены? Но возвратимся къ нашему дѣлу. Ты долженъ уговорить жену вѣхать съ г-жею Габріель. Это не трудно, когда она напередъ согласна. Съ ними поѣдутъ Ренье, Ла-Бертони и твой покорный слуга. Мы вернемся, и враги твои уже не будутъ существовать.

КОЛОМЪ. Но какъ же это?

БАРОНЪ. Покажьтесь это моя тайна.

КОЛОМЪ (*подумавъ*). Я знаю по опыту, что обѣщать значитъ для тебя исполнить. Дѣлай, какъ знаешь. Я буду тебѣ благодаренъ.

БАРОНЪ. Надо это сейчасъ устроить, а вотъ кстати и жена твоя. Я оставляю васъ однихъ. (*беретъ Коломжа за руку*). Положись во всемъ на меня. (*уходитъ*).

VI.

КОЛОМЪ, одинъ.

Ла-Бертони уменъ, и за словами у него дѣло не станетъ. На него не смотрятъ, но его слушаютъ, а это уже много. Умныя женщины охотно оказываютъ эту милость не красивымъ, но умнымъ мужчинамъ. Слушая ихъ, онѣ обыкновенно закрываютъ глаза, какъ кошка, у которой чешутъ за ухомъ. Что касается до Ренье, то импровизація, какъ видно, не далась ему; онъ хранитъ краснорѣчивое молчаніе, сохраняя байроновскія позы... но зато какимъ восторженнымъ слогомъ онъ пишетъ... Я это ужъ знаю. Женщинамъ съ воображеніемъ часто нравятся эти пачкунны съ блѣднымъ лбомъ и сверкающими глазами... Изволь вѣрить женщинамъ послѣ этого...

VII.

КОЛОМЪ и **АВРЕЛІА.**

АВРЕЛІА. Эрнестъ, ты и не вздумай придти ко мнѣ.

КОЛОМЪ. Да развѣ это возможно въ такой давкѣ? Дамамъ все же легче, вамъ даютъ дорогу, предъ вами разступается толпа. Впрочемъ,

я только что о тебѣ говорилъ: Ливернуа сказалъ мнѣ, что завтра гулянье въ Круа-де-Берни, и что ты желаешь туда ѣхать...

АВРЕЛИЯ. Да... если ты позволишь.

КОЛОМЪЪ (съ усмѣшкой). Еслибы кто подслушалъ насъ теперь, то могъ бы подумать, что я полный хозяинъ въ домѣ. Я подозреваю однакоже, что ты хочешь что-нибудь у меня выпросить... ну говори...

АВРЕЛИЯ. Эрнестъ, ты поѣдешь съ нами...

КОЛОМЪЪ. Аврелия, умилосердись, а картина?

АВРЕЛИЯ. Вѣчно эта картина! Еслибы вы знали, какъ я ненавижу живопись, вы бы мнѣ не стали безпрестанно говорить о вашей несносной картинѣ...

КОЛОМЪЪ (шутливо). Однако, можно ненавидѣть живопись и любить живописца...

АВРЕЛИЯ. Да, если онъ этого стоитъ.

КОЛОМЪЪ. Научи же меня, что мнѣ для этого дѣлать?

АВРЕЛИЯ. Ѣхать съ нами; ужъ вѣрно вы можете пожертвовать мнѣ однимъ утромъ.

КОЛОМЪЪ. Еслибы ты могла понять Аврелия, какъ я боюсь даже мысли, что цѣлое утро завтрашняго дня будетъ потеряно для моего труда... Кончу картину и буду весь къ твоимъ услугамъ...

АВРЕЛИЯ (перебивая). Оставимъ это. Скоро четыре часа, я устала; велите подать карету. (Коломъ со всѣмъ ногъ бросается къ двери).

VIII.

АВРЕЛИЯ, одна.

АВРЕЛИЯ. Изъ всѣхъ приказаній, даваемыхъ мужу женою, ни одно, кажется, не исполняется съ такою готовностью, какъ приказаніе въ гостилахъ подать экипажъ. О мужа! мужа!.. Самый лучший изъ васъ згонять и...

IX.

АВРЕЛИЯ И КОЛОМЪЪ, возвращаясь.

КОЛОМЪЪ. Я приказалъ, чтобы карета выбралась изъ рядовъ, но намъ придется подождать еще нѣсколько времени. (садется). Я такъ

утомленъ, что едва могу стоять на ногахъ. Четыре часа! Боже милостивый!

АВРЕЛИЯ. А знаешь ли, у г-жи Габриель на балу водятся воры; у меня пропалъ платокъ, и я нигдѣ не могла отыскать его.

КОЛОМЖЪ. Ты его забыла тутъ на стулѣ. *(вынимаетъ и подаетъ ей платокъ).*

АВРЕЛИЯ. А я не могла понять, куда онъ могъ дѣваться. *(Коломжъ протягиваетъ ноги и располагается въ креслахъ самымъ спокойнымъ образомъ. Молчаніе).*

АВРЕЛИЯ *(съ досадою).* Чудесный балъ!..

КОЛОМЖЪ *(звывая).* Да... чу... десный!

АВРЕЛИЯ. Кто это увѣряетъ, что балы могутъ наскучить, не вѣрю... *(съ нампреніемъ).* Я буду ѣздить на балы до семидесяти лѣтъ, и всегда съ одинаковымъ удовольствіемъ.

КОЛОМЖЪ *(потягиваясь).* Значитъ тебѣ было весело?

АВРЕЛИЯ. О да, я не пропустила ни одного танца.

КОЛОМЖЪ *(равнодушно).* Ты танцевала съ Ла-Бертони?

АВРЕЛИЯ. Три раза. Какой милый, умный, образованный человекъ.

КОЛОМЖЪ. Да, Ла-Бертони столько же уменъ, сколько толстъ.

АВРЕЛИЯ. Мнѣ не показалось, что онъ толстъ. У него даже хорошая талія, ловкіе приемы, онъ вообще прекрасный мужчина. *(Молчаніе).* Г-жа Габриель должна быть доводья своимъ баломъ; все шло какъ нельзя лучше. Сколько прелестныхъ женщинъ, ловкихъ кавалеровъ. Кстати о мужчинахъ. Слышалъ ты, что Ренье издаетъ свои стихотворенія подъ названіемъ: «Туманы и росы». Чудо, говорятъ, а не стихи; мнѣ говорили, что самъ Ламартинъ почелъ бы за честь выставить подъ нимъ свое имя. *(Замыкаетъ, что мужъ заснулъ, съ гнѣвомъ).* Да онъ заснулъ!.. Еслибы я стала ему говорить о картинѣ его, онъ вѣрно не уснулъ бы, несмотря на усталость... Кромѣ живописи, его ничто не занимаетъ. Пусть за мной ухаживаютъ, пусть разставляютъ мнѣ сѣти, для него все равно, онъ и не замѣтитъ. Быть вмѣстѣ съ женою, трепетать за потерю любви ея, ревновать... это тягостный трудъ для человека, который преданъ только искусству. Живопись, слава! я вѣсь ненавижу. Одного недоставало—спать, когда я говорю съ нимъ. Рѣшено! *(плачетъ)* я не люблю его...

Х.

ТѢМѢ И СЛУГА.

Карета г-жи Коломжъ! *(уходитъ).*

XI.

КОЛОМЪ и АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА (*толкая мужа*). Карета подана, сударь. (*уходитъ*).
КОЛОМЪ (*вскакивая*). Ёдемъ, ёдемъ! (*блжеть за нею*).

ДѢЙСТВІЕ II.

Освѣщенная гостиная у г-жи Коломъ.

I.

КОЛОМЪ и БАРОНЪ ЛИБЕРТУА.

КОЛОМЪ. А! наконецъ-то вы вернулись съ этого гулянья! Что-жь, велико было стеченіе народа въ Круа-де-Берни? но я... не вижу Аврелия?

БАРОНЪ. Она пошла въ уборную сбросить шляпку и мантилью.

КОЛОМЪ. Но объдали ли вы? Ужь вечеръ; я не могъ придумать, куда вы всё пропали.

БАРОНЪ. Мы всё, по приглашенію, объдали у г-жи Габріель, а оттуда опять всё приглашены къ г-жѣ Коломъ, провести вечеръ и поболтать еще о бывшемъ гулянъѣ. Твоя Аврелия сердита на тебя не на шутку, и я подозреваю тутъ не одну только причину отказа твоего соизустствовать ей...

КОЛОМЪ. Но что-же другое?

БАРОНЪ. Не знаю, а сильно подозреваю Ла-Бертони... онъ клеветникъ. Кстати, я принесть тебѣ очень много забавныхъ новостей.

КОЛОМЪЖЪ. А именно?

БАРОНЪ. И ты не догадываешься? О чемъ же можетъ быть у насъ рѣчь, какъ не о плачевномъ пораженіи нашихъ двухъ рыцарей.

КОЛОМЪЖЪ (*смыется*). Ахъ, да, что-жъ они? говори скорѣе.

БАРОНЪ. Приказали долго жить.

КОЛОМЪЖЪ. Какимъ-образомъ? Ты не хотѣлъ до-сихъ-поръ передать мнѣ рецепта, какъ легче и проще отдѣлаться отъ враговъ. Будь сегодня менѣе скрытенъ. Мы одни, я не измѣню тебѣ.

БАРОНЪ (*важно*). Любезный другъ, если тебѣ этого непременно хочется, я готовъ передать тебѣ искусство моей тактики въ борьбѣ съ врагами. Она очень проста. Вотъ вашъ моя метода въ двухъ словахъ. Ахилесъ не былъ уязвимъ нигдѣ, кромѣ пяты; такъ и у всякаго человѣка, какъ-бы онъ силенъ ни былъ, есть въ его характерѣ, умѣ, вообще его личности, такое мѣсто, которое для него тоже, что незакаленная пятка была для Ахилеса.

КОЛОМЪЖЪ. Напримѣръ, говоря твоимъ языкомъ, гдѣ же пятка у Ла-Бертони?

БАРОНЪ. Въ его толщинѣ. Онъ уменъ, хитеръ и пронырливъ; но тученъ и нескладенъ, какъ бочка. Съ этой стороны я и напалъ на него.

КОЛОМЪЖЪ. Какъ же это?

БАРОНЪ. Онъ ослабилъ значительно уже успѣхъ своего краснорѣчія тѣмъ, что пустился въ танцы, при чемъ оказался совершеннымъ ученикомъ; мнѣ стояло только дать ему идти далѣе по этой ухабистой дорогѣ, гдѣ, наконецъ, онъ и сломилъ себѣ шею. Сегодня я нарочно съѣзъ на Гризельду, ты знаешь мою лошадь Гризельду? она любитъ пошалить и попрыгать. Ла-Бертони красовался въ коляскѣ г-жи Габриэль, и, я думаю, очень ловко лбезничалъ съ г-жею Коломъжъ, которая сидѣла противъ него. Не доѣзжая до Берни, я сталъ жаловаться на усталость и просилъ толстяка уступить мнѣ мѣсто въ коляскѣ, и сѣсть на мою лошадь. Дурное расположеніе г-жи Коломъжъ помогло его рѣшимости. Онъ въ простотѣ души согласился, и тутъ-то началась драма. Едва мы успѣли размѣняться мѣстами, какъ мой грумъ, получивъ сигналъ, заранѣе условленному, пускаетъ свою лошадь во весь опоръ по полямъ, какъ-будто она понесла его. Гризельда, которая не любитъ отставать, мчится во весь духъ, по слѣдамъ ея, и тогда... тогда, мой другъ, чтобы передать тебѣ подобную сцену, мнѣ нужна твоя кисть. Представь себѣ несчастнаго Ла-Бертони, который съ багровымъ лицомъ, съ налитыми кровью глазами, съ волосами, похожими на хвостъ-кошоты, мечется въ сѣдлѣ изъ стороны въ-сторону, то вспрыгиваетъ на загравокъ, то отскочивъ къ хвосту, и наконецъ, въ отчаяніи, бросивъ не-

воду, хватается за гриву. Черезъ нѣсколько минутъ, рыцарь теряетъ стремена, потомъ хлыстикъ, потомъ шляпу, наконецъ и голову, и исчезаетъ въ глубинѣ рва, впрочемъ, благодаря грязи, довольно мягкаго, куда мой гримъ и старался привлечь его. (*хохочетъ*).

КОЛОНИЪ. Но въ этой игрѣ ты рисковалъ сломать ему шею?

БАРОНЪ. Я рисковалъ еще болѣе: онъ могъ изувѣчить мою Гризельду, которая не привыкла таскать на себѣ такія горы.

КОЛОНИЪ. Что-жь дѣлали дамы?

БАРОНЪ. Какъ водится, сперва ахнули, потомъ ничѣмъ нельзя было остановить ихъ смѣха. Послѣ такого урока въ волтижированіи, мужчина, будь у него умъ, положимъ, хоть Вольтера, становится поневолѣ смѣшнымъ; а ты знаешь, прощаетъ ли когда-нибудь умная женщина смѣшному. Толстый Ла-Бертони, барахтающійся въ грязи, такая добыча, которую самая отъявленная кокетка выбросила бы изъ сѣтей своихъ. А тѣмъ болѣе женщина добродѣтельная. Его уже нечего намъ бояться. *Vixit!*

КОЛОНИЪ. А у другаго Ахилеса, Фелисіена Ренье, есть-ли пятка, незакаленная въ Стиксѣ?

БАРОНЪ. Ренье, весь пятка, съ головы до ногъ. Незнаніе свѣта, чванство, тщеславіе, идилическая сентиментальность... Готова ударъ, я долго не рѣшался на выборъ, и чтобы не тратить труда по пустякамъ, набросилъ повту первую петлю, которая мнѣ попалась подъ руки. О, съ нимъ я поступилъ милостиво, какъ всегда поступаютъ съ ничтожествомъ.

КОЛОНИЪ. Какую петлю?

БАРОНЪ. Г-жу Габріель, и она его задушить, повѣрь мнѣ.

КОЛОНИЪ (*изумленный*). Г-жу Габріель?

БАРОНЪ. Г-жу Габріель, и ручаюсь тебѣ, эта петля мастерски исполнить свое дѣло. Ты знаешь виконтесу... она сентиментальна, съ легко воспламеняющимся сердцемъ.

КОЛОНИЪ. Что-же изъ этого?

БАРОНЪ. А то, что въ отношеніи съ ней я поступилъ истинно дружески; я толкаю къ ней въ объятія поэта!..

КОЛОНИЪ. Объяснись, пожалуйста.

БАРОНЪ. Въ двухъ словахъ. Госпожу Габріель зовутъ также Авреліей.

КОЛОНИЪ. Что-жь потомъ?

БАРОНЪ. Какъ, развѣ ты не догадываешься?

КОЛОНИЪ. Нисколько.

БАРОНЪ. Живопись рѣшительно подавила въ тебѣ способность соображенія. Ну, мой милый, если тебѣ надобно все пояснить, такъ знай,

что для сочетанія этихъ двухъ душъ, созданныхъ какъ-будто бы нарочно другъ для друга, мнѣ стоило перемѣстить известную тебѣ записку изъ одного платка въ другой.

КОЛОМЪЖЪ (*хохочетъ*). И это письмо получила г-жа Габріель?

БАРОНЪ. Съ отверзтыми объятіями, повѣрь мнѣ. Для такихъ характеровъ пріятно быть предметомъ страсти вулканической. Виконтеса не можетъ опомниться отъ своего счастья; она сегодня цѣлый день только и бредитъ поэзіей, закатывающимся солнцемъ, паденіемъ листьевъ, вечернимъ вѣтеркомъ, сіяніемъ луны, гармоніей душъ.

КОЛОМЪЖЪ. И Ренье знаетъ это?

БАРОНЪ. Тѣмъ-то и забавише, что нѣтъ. Онъ былъ воспитителемъ отъ изумленія, глупости и досады.

КОЛОМЪЖЪ. Но онъ узнаетъ объ этой мистификаціи, и очень легко избѣгнуть преслѣдованій г-жи Габріель.

БАРОНЪ. Нѣтъ, я разбилъ его на голову, а г-жи Габріель не бѣгнешь; пусть Ренье отбивается сколько хочетъ, а она все-таки составить его счастье и будетъ его Беатриче. (*хохочутъ*).

II.

ТЪМЪ И ЛА-БЕРТОНИ.

КОЛОМЪЖЪ. А, это вы, Ла-Бертони, очень радъ васъ видѣть. Я боялся, чтобы сегодняшнее происшествіе не заставило васъ просидѣть нѣсколько дней дома.

ЛА-БЕРТОНИ. Такъ г. Липернуа уже успѣлъ рассказать вамъ о своихъ проказахъ? Теперь понимаю этотъ смѣхъ, который я слышалъ, еще входя на лѣстницу.

БАРОНЪ. Что вы называете моими проказами?

ЛА-БЕРТОНИ. Вашими проказами я называю сѣти, которыя вы мнѣ такъ ловко сегодня разстлвали, посадивъ меня на бѣшеную лошадь. Такой похвальный поступокъ не можетъ остаться безъ награды. (*Баронъ и Коломъжъ изумлены этими словами*). Что-же вы не смѣетесь, господа; я не мѣшаю вамъ; вы были такъ веселы передъ нами приходомъ.

КОЛОМЪЖЪ (*принужденно*). Мы веселы и теперь.

ЛА-БЕРТОНИ (*небрежно развалившись въ креслахъ*). Ну такъ станемте же смѣяться.

КОЛОМЪЖЪ. Пожалуй, только впередъ надо знать надъ чѣмъ?

ЛА-БЕРТОНИ. Вы вѣрно хотите сказать надъ кѣмъ? это будетъ опредѣлительнѣе.

КОЛОНЖЪ. Пожалуй, надъ кѣмъ, если это вамъ больше нравится.

ЛА-БЕРТОНИ. Надъ всѣми, чтобы не оскорблять никого, и въ доказательство того, какъ я добръ, позволяю начать съ меня.

КОЛОНЖЪ (съ любезностью). Съ тѣмъ однако, чтобы и до насъ дошла очередь.

ЛА-БЕРТОНИ. Разумѣется, вы ничего не потеряете въ ожиданіи; будьте спокойны. Но возвратимся ко мнѣ. Лошади барона Ливернуа за-благоразсудилось сбросить меня сегодня въ грязь. Не могу объяснить, что происходило во мнѣ, когда я, полуизбитый, выпачканный, поднялся на ноги и услышалъ раскаты смѣха, возбужденнаго моимъ забавнымъ приключеніемъ. Мнѣ казалось, что обстоятельства, посылая мнѣ такое уничиженіе, хотѣли наказать меня за прошлую вину мою, и въ то же время предупредить, чтобы я не грѣшилъ впередъ, а потому я хочу съ сокрушеннымъ сердцемъ признаться вамъ, любезный Колонжъ, въ чемъ я провинился предъ вами.

БАРОНЪ (всторону). Что за ударъ онъ готовить мнѣ?

ЛА-БЕРТОНИ. Признаніе мое покажется вамъ, конечно, страннымъ; мужья не всегда имѣютъ случай слышать подобныя признанія. Быть-можетъ, мое покаяніе возбудитъ въ васъ гнѣвъ; но я надѣюсь, что истинное сознаніе вины и твердая рѣшимость исправиться заставятъ васъ быть снисходительнымъ. Знайте же, любезный Колонжъ, что, презрѣвъ священную дружбу, насъ соединяющую, я готовъ былъ нанести вамъ оскорбленіе, по-крайней-мѣрѣ мысленно. Благоразуміе и совѣсть со мною, а сердце такъ часто увлекается. Г-жа Колонжъ такъ прекрасна.

КОЛОНЖЪ. Что же можетъ быть общаго между вашимъ признаніемъ и моею женою.

ЛА-БЕРТОНИ (сильно вздохнувъ). Увы, мой добрый другъ! Жена-то ваша и довела меня до признанія; безъ нея, въ чемъ же я могъ упрекать себя? Словомъ, вотъ вамъ мое преступленіе. Около двухъ недѣль, смущаемый прельщеніемъ дьявольскимъ, и позабывъ, что жена друга существо священное, я питалъ въ сердцѣ своемъ непозволительную страсть, которую горько теперь оплакиваю; наконецъ, если уже надо назвать вещи по имени: я былъ влюбленъ въ г-жу Колонжъ.

КОЛОНЖЪ (очень равнодушно). Въ-самомъ-дѣлѣ?

ЛА-БЕРТОНИ (всторону). Онъ равнодушенъ, онъ знаетъ все; кто, кромѣ разбойника Ливернуа, могъ донести на меня? Эта измѣна непростительна. (вслушь). Исповѣдь моя кончена, сознаю вину мою и чисто-сердечно раскаиваюсь. Дѣвренъ что найду въ васъ друга благороднаго

и великодушнаго. Вы можете въ этомъ случаѣ дѣйствовать тѣмъ смѣлѣе, что на дняхъ я ѣду въ Италію. Отъѣздъ мой доказываетъ вамъ чистоту моихъ намѣреній.

КОЛОНЖЪ. Что скажете на это, баронъ?

БАРОНЪ. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.

КОЛОНЖЪ (*смѣясь*). Примите же отъ меня полное прощеніе. Такое раскаяніе нынче рѣдкость и потому не можетъ не заслужить прощенія.

ЛА-БЕРТОНИ. Вотъ истинное величіе души. (*Схвативъ руку Колонжа*). Вы Августъ, прощающій Цинну. Баронъ, неужели такое зрѣлище не можетъ васъ тронуть? Нѣтъ, не сердце, а ледъ бьется въ груди вашей, если въ эту минуту вы не чувствуете, что наслажденіе дружбы чище всѣхъ наслажденій, какія только даны человѣку! Баронъ! послѣдуйте благородному влеченію, которое я читаю въ глазахъ вашихъ. Еслибы знали вы, какъ пріятно съ чистою совѣстью жать руку друга! Быть можетъ васъ удерживаетъ боязнь? Но вы видите, какъ Колонжъ великодушенъ. При первомъ словѣ раскаянія вашего, его объятія будутъ открыты вамъ, такъ какъ и мнѣ, я увѣренъ въ этомъ. (*встопону*). Отрази этотъ ударъ, если можешь:

БАРОНЪ (*растерявшись*). Я не знаю, что вы хотите этимъ сказать.

ЛА-БЕРТОНИ. Ахъ баронъ, баронъ! Какъ, вы упорствуете въ своихъ темныхъ и коварныхъ намѣреніяхъ даже и теперь, когда я, внучекъ вашъ по лѣтамъ, подаль вамъ спасительный примѣръ возвращенія на стезю добродѣтели? Такое ожесточеніе не говоритъ въ вашу пользу. Неужели вы рѣшились умереть нераскаяннымъ грѣшникомъ?

БАРОНЪ (*внѣ себя*). Государь мой, если вы хотите сказать, нѣтъ что-нибудь особенное, то мы можемъ объясниться не здѣсь.

КОЛОНЖЪ. Почему-жъ не здѣсь? Лишнихъ здѣсь нѣтъ никого. Ну, говорите же, Ла-Бертони, что сдѣлалъ другъ нашъ баронъ, и чѣмъ заслужилъ онъ названіе нераскаяннаго грѣшника?

ЛА-БЕРТОНИ. Что онъ сдѣлалъ? Да не онъ ли, благодаря искусству лошади, такъ хорошо изучившей науку ломать людямъ шею, былъ первымъ виновникомъ моего раскаянія? Можно ли позабыть подобную услугу? А чѣмъ лучше, я могу доказать ему мою благодарность, какъ не извлеченіемъ его изъ той пропасти, къ которой не далѣе, какъ вчера, стремился и я. Да, баронъ можетъ сколько ему угодно хмурить брови и смотрѣть на меня глазами ястреба, а я все-таки выведу васъ на путь добродѣтели, хотя бы и противъ вашей воли. Мы грѣшили вмѣстѣ и каяться должны вмѣстѣ же. Вѣдь вы также, какъ и я, ухватились за г-жею Колонжъ?

БАРОНЪ. Шутка эта выходитъ уже изъ границъ; вы забылись, сударь!

ЛА-БЕРТОНИ. Нисколько, увѣрю васъ; я очень хорошо знаю, что говорю, и не могу понять вашей всынъчливости. Неужели вы станете записаться въ любви къ женѣ вашего лучшаго друга?

БАРОНЪ. Колонжъ, неужели наконецъ ты не понимаешь всего неприличія такихъ выходовъ? Мы у тебя въ домѣ, и ты слушаешь ихъ такъ равнодушно.

КОЛОНЖЪ. Баронъ правъ; этотъ споръ кажется мнѣ несомнѣнно умѣстнымъ. Имя жены моей не должно здѣсь играть никакой роли, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы, Ла-Бертони, перемѣнили предметъ разговора.

ЛА-БЕРТОНИ (*принужденно смѣясь*). Такъ вотъ вы какой мужъ! Хорошо же, оставимъ это. Съ моей стороны было бы слишкомъ жестоко продолжать смущать ваше блаженное спокойствіе. Если вы любите отогрѣвать у себя на груди змѣй—вамъ никто не мѣшаетъ. Есть люди, которымъ хочется самимъ, чтобы ихъ кусали; можетъ-быть вы изъ такихъ людей! Въ такомъ случаѣ, говоря языкомъ Шекспира крестьянина Клеопатръ: Я желаю вамъ всякаго веселья съ вашимъ аспидомъ. Что же касается до васъ, любезный баронъ, то скажу вамъ еще одно слово: Вы конечно слышали пословицу: долгъ платежамъ красенъ... съ вашего, даже безъ вашего позволенія, я употребляю все, чтобы оправдать ее относительно васъ на дѣлѣ. Вы мнѣ вредили сколько могли; я буду вредить вамъ столько же. Надѣюсь впрочемъ, что мы попрежнему останемся друзьями.

КОЛОНЖЪ. Замолчите, господа, сюда плетъ жена моя.

III.

ИРЕЖИИ и АВРЕЛІА, потомъ ГАБРИЕЛЬ.

АВРЕЛІА (*холодно*). Здравствуй, Эрнестъ!

КОЛОНЖЪ (*хочетъ взять ея руку, она отнимаетъ*). Я слышалъ гулянье было многолюдно, оживлено.

АВРЕЛІА. О, да, было очень весело. (*смотритъ въ дверь*). А, наконецъ вотъ и г-жа Габріель. (*идетъ къ ней навстрѣчу*). Благодарю, Аврелія, что ты мнѣ не измѣнила.

ГАБРИЕЛЬ. Развѣ это было можно? Мы положили цѣлый день провести вмѣстѣ. Ты доставила мнѣ удовольствіе видѣть тебя за полночь

столомъ, могла ли я не явиться на твое милое приглашеніе выйти съ тобою чашку чаю и докончить въ твоей бесѣдѣ такой пріятный день? Здраствуйте, Колонжъ, а вы намъ измѣнили?

КОЛОНЖЪ. Вы знаете мои занятія...

АВРЕЛІА А вотъ и послѣдній гость нашъ!

ГАБРИЕЛЬ (*плжмо*). Ренье!

IV.

БРЕННИЕ И РЕНЬЕ.

РЕНЬЕ. Я, кажется, немного опоздалъ, но мнѣ необходимо было захватить домой, а это не близко отсюда—поэтому прошу снисхожденія.

АВРЕЛІА. Полноте, Ренье, безъ церемоній и лишнихъ извиненій. (*Дамы располагаются на диванъ, кругомъ изъ мужчины*).

РЕНЬЕ (*на авансцену*). Любезна и обходительна! Я просто ничего не понимаю. Не сердитесь, какъ будто и не получала моей записки. Ея равнодушіе убиваетъ меня. О, какъ бы я предпочелъ ему гнѣвъ ея, даже насмѣшку.

АВРЕЛІА. Господа, я замѣчаю, что вы всё какъ-то не въ духѣ. Баронъ, гдѣ ваша неистощимая веселость? Ла-Бертони и вы что-то хмуритесь, не сговорились ли вы?

БАРОНЪ (*Аврелии*). И васъ нельзя упрекнуть сегодня въ особенной веселости.

ЛА-БЕРТОНИ. Я не могу еще оправиться отъ своего несчастнаго паденія. (*Дамы смѣются*). Смѣйтесь, смѣйтесь, mesdames, не сдерживайте порывовъ вашего веселья; пусть хоть оно поможетъ вамъ согнать уныніе, замѣтное на всѣхъ лицахъ. Взгляните и на барона; онъ какъ-будто ожидаетъ своей очереди разсмѣшить васъ; я ужъ вѣрно не послѣдній; очередь можетъ дойти и до другихъ. Я это ему предрекаю...

КОЛОНЖЪ (*перевивая*). Гдѣ намѣрены вы пить чай, здѣсь или на террасѣ?

ГАБРИЕЛЬ. Вечеръ неподобный, полное сіяніе луны! на террасѣ, конечно на террасѣ. Не правда ли, Аврелия?

АВРЕЛІА. О, безъ сомнѣвія, если это только тебѣ пріятно.

КОЛОНЖЪ. Такъ я иду отдать нужныя приказанія и ожидаю васъ, (*Уходитъ*).

ГАБРИЕЛЬ. Ренье, подите къ намъ поближе; что вы тамъ такъ задумались. Ужъ не располагаетъ ли воздухъ Круа-де-Берни къ уны-

лой задумчивости? Сядьте сюда поближе, любезный поэтъ. Педавно я читала переводъ Петрарки, и это подадо мнѣ мысль учиться итальянскому языку. Стихи въ переводѣ теряютъ такъ много. Вы любите Петрарку, Ренье?

РЕНЬЕ (*надутю*). Да, послѣ Данта однако, это мой любимый поэтъ.

ГАБРИЕЛЬ. Дагтъ, что за геиш! Бари сдѣлалъ его бюстикъ, и я непремѣнно куплю его для столовыхъ часовъ.

РЕНЬЕ (*напыщенно*). Не бюстиковъ, а монументовъ достойны подобные люди!

ГАБРИЕЛЬ (*нлжно*). Но скажите, пожалуста, неужели, въ сердцахъ этихъ классическихъ пѣвцовъ любовь въ-самомъ-дѣлѣ могла занимать такое важное мѣсто, какъ говорятъ о томъ ихъ сочиненія? Вѣдь нлжность и чувствительность не всегда бывають удѣломъ умовъ возвышенныхъ. Напрямѣрь лордъ Байронъ...

РЕНЬЕ. Въ этомъ отношенія я выдаю вамъ Байрола головою, не смотря, что нѣкогда онъ былъ однимъ изъ моихъ образцовъ. Но пламя, горѣвшее въ сердцахъ Данта и Петрарки, не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнню. (*глядя на 2-жу Коложъ*). Ссылаюсь на Лауру и Беатриче, эти двѣ свѣтозарныя звѣзды поэтического неба; безъ нихъ слава пѣвцовъ ихъ была бы неполна; геиш безъ любви тоже, что годъ безъ весны. (*встаетъ и идетъ на аванцену*). Она и не слушаетъ и не взглянетъ, а я цѣлкомъ сказалъ фразу изъ записки.

ГАБРИЕЛЬ. Лаура и Беатриче! Отъ этихъ именъ вѣетъ какинь-то благоуханіемъ, которымъ женщины опасно дышать долго. Но если страсть можетъ казаться извинительною, то не тогда ли, когда она такъ очпшена, облагорожена, возвышена? Плѣнительно изображеніе розы, цвѣтущей на лаврѣ, красоты увѣковѣченной геишемъ.

РЕНЬЕ (*на противоположной сторонѣ сцены*). Тутъ вмѣшался самъ сатана. Роза, цвѣтущая на лаврѣ, это моя мысль; она не изъ часа тѣхъ обыкновенныхъ, пошлыхъ мыслей, которыя всякому могутъ првдти въ голову... тутъ должна быть ужасная ошибка.

ГАБРИЕЛЬ. Не забудьте же, Ренье, что вы обѣщались прѣхать ко мнѣ прочесть ваши стихотворенія; мнѣ очень бы хотѣлось утолить себя вашими «туманами и росами».

РЕНЬЕ. Я долгомъ поставлю сдержать свое обѣщаніе.

ЛА-БЕГТОНИ (*тихо Ренье*). О, вы человекъ опасный!

ВАРОВЪ. Однако, mesdames, Коложъ насъ ждетъ.

ГАБРИЕЛЬ (*глядя на Ренье*). Въ-самомъ-дѣлѣ, луна ожидаетъ насъ, чтобы облить своимъ перламутровымъ свѣтомъ. Аврелии, пойдемъ.

(*Аврелия машинально повинуется, Баронъ слдуетъ за ними*).

V.

ЛА-ВЕРТОНИ и РЕНЬЕ.

ЛА-ВЕРТОНИ. Да, повторяю, вы человекъ опасный! Самъ Ловеласъ ловилъ всегда только одного зайца; а вы, кажется, разомъ хотите поймать двухъ? О, какія бомбы и ракеты пускаетъ въ васъ съ своей батареи г-жа Габріель! Если ваше сердце не превратилось въ рѣшето, то на немъ должна быть очень толстая кожа.

РЕНЬЕ. А мнѣ что за дѣло до бомбъ и ракетъ г-жи Габріель. Я васъ не понимаю.

ЛА-ВЕРТОНИ. Вотъ прекрасно! Какъ-будто не понимаете. Послушайте, будьте откровенны со мною, я буду откровененъ съ вами, и это послужитъ, можетъ-быть, къ общей нашей пользѣ. Чтобы дать вамъ прищѣрь откровенности, я начну первый. На этихъ дняхъ я порядочно-таки досаждалъ вамъ, ухаживая за г-жею Колонжъ ..

РЕНЬЕ. Что жъ тутъ досаднаго?

ЛА-ВЕРТОНИ. Дайте мнѣ кончить. Вы почитали меня своимъ соперникомъ, и назадъ тому нѣсколько времени, можетъ-быть, вы были правы; но теперь я вамъ не мѣшаю: я бросаю эту игру, и желаю вамъ въ ней всевозможныхъ успѣховъ.

РЕНЬЕ. Это довольно быстрая перемѣна!

ЛА-ВЕРТОНИ. Однако объяснить ее не трудно. Я другъ Колонжъ и потому, пораздумавъ, увидѣлъ, что любовь къ женѣ его была бы съ одной стороны несовѣтъ похвальнымъ поступкомъ.

РЕНЬЕ. Впрочемъ маленькая неприятность, которая съ вами случилась сегодня, еще болѣе утвердила васъ въ такой добродѣтельной рѣшимости?

ЛА-ВЕРТОНИ (*грубо, съ досадою*). Вы видите самъ, что между мною и вами не можетъ быть соперничества.

РЕНЬЕ. Но его никогда и не было, клянусь вамъ; съ чего вы взяли, что я влюбленъ въ г-жу Колонжъ?

ЛА-ВЕРТОНИ. Рассказывайте, любезнѣйшій; меня вы не переубѣдите! Я представляю вамъ такіе факты, какихъ вы не ожидаете, и они докажутъ вамъ, какъ бесполезна открытость со мною.

РЕНЬЕ. Напрямѣръ?

ЛА-ВЕРТОНИ. Я ограничусь однимъ; заретесь ли вы, что вчера на балѣ у г-жи Габріель, вы очень ловко умѣли похитить платокъ Аврелия.

РЕНЬЕ (*съ сильнымъ смущеніемъ*). Какъ! у г-жи Колонжъ украсть платокъ?

ЛА-ВЕРТОНН. Вотъ еще! какъ-будто вы не знаете. (*всторону*)
Какъ онъ встревоженъ. Тутъ что-нибудь да кроется.

РЕНЬЕ. Но увѣрены ли вы въ томъ, что говорите?

ЛА-ВЕРТОНН. Если вы не виноваты въ этомъ похищеніи, то я знаю только одного человѣка, который могъ себѣ позволить такую шалость.

РЕНЬЕ. Кто жѣ это?

ЛА-ВЕРТОНН. Тотъ, кто сейчасъ оттуда вышелъ и кто тамъ, на террасѣ забавляется на нашъ счетъ: баронъ де-Ливернуа.

РЕНЬЕ. Ливернуа! А, теперь я все понимаю! Вотъ отчего онъ меня вызвалъ изъ залы, обманувъ, будто г-жа Габриэль хочетъ говорить со мною!

ЛА-ВЕРТОНН. Но я не понимаю, зачѣмъ ему было удалить васъ? Развѣ вы стерегли платокъ?

РЕНЬЕ. Больше. (*послѣ нѣкоторой нерешительности*) Вамъ почти все уже извѣстно, и мнѣ скрыватья бесполезно. Знайте, что вчера, когда случилась эта пропаша, — я вложилъ въ платокъ записку.

ЛА-ВЕРТОНН. Ай, ай, неужели вы позволяете себѣ такіа ребячества? Я васъ считалъ взрослымъ человѣкомъ... Ваше посланіе, вмѣсто ручекъ г-жи Колонжъ, попалась, по всей вѣроятности, въ руки Ливернуа.

РЕНЬЕ (*запальчиво*). Онъ мнѣ отдастъ его, хотя бы для этого надобно было вырвать его со шпагою въ рукахъ!

ЛА-ВЕРТОНН. Вы видите, что объясненіе тутъ необходимо. Я и самъ хочу наказать Ливернуа. Неужели мы вдвоемъ не можемъ дать ему урока, котораго онъ вполне заслуживаетъ.

РЕНЬЕ. Такъ и онъ влюбленъ въ г-жу Колонжъ?

ЛА-ВЕРТОНН. А вы этого до слухъ-вошь и не замѣчали? Не даромъ же рпеуютъ амура съ повязкою на глазахъ! Да, любезный поэтъ, онъ вашъ соперникъ.

РЕНЬЕ. Нашъ вы хотите сказать?

ЛА-ВЕРТОНН. Вы знаете, я выключенъ изъ списка; я въ отставкѣ.

РЕНЬЕ. Такъ ли полно?

ЛА-ВЕРТОНН. Честное слово, и въ доказательство, я готовъ, безъ дальнихъ разсужденій, служить вамъ, чѣмъ могу. Если ужъ суждено Колонжу узнать несчастье, то пусть лучше онъ терпитъ отъ васъ, нежели отъ этой хитрой, старой лисицы. Жаль смотрѣть, какъ, подъ видомъ друга, онъ обманываетъ бѣднаго Колонжа, который, въ сердечной простотѣ художника, не видитъ дальше своего носа. Но пусть баронъ крѣвче придерживаетъ свою маску... я успею сорвать ее въ глазахъ Аврелии.

РЕНЬЕ. И отъ меня пусть онъ не ждетъ пощады.

ЛА-ВЕРТОНИ. Въ два дня онъ у меня сбывается басней цѣлаго Паряжа.

РЕНЬЕ. А для лучшаго успѣха, ему надобно хорошенько зарубить на памяти его поступокъ, и если онъ не возвратитъ мнѣ того, что укралъ, я самъ примусь за эту операцію.

ЛА-ВЕРТОНИ. Вотъ кетати онъ самъ! Я оставляю васъ. (*сталкиваясь съ дверяжь съ барономъ, даетъ ему дорогу, и съ поклономъ уходитъ*).

VI.

РЕНЬЕ = БАРОНЪ ЛАВЕРТУА.

РЕНЬЕ (*грозно*). Государь мой! вчера на балѣ вы изволили обидеть меня; хозяйка дома и не думала звать меня.

БАРОНЪ (*спокойно*). Она спрашивала Гренье; я думалъ васъ. Гренье-Ренье — тутъ много похожаго. Извините.

РЕНЬЕ. Позвольте мнѣ еще спросить васъ...

БАРОНЪ (*всторону*). Чего отъ меня хочетъ этотъ скворецъ? (*вслушь*) Все, что вамъ будетъ угодно.

РЕНЬЕ. Я увѣренъ, что вы будете отвѣчать мнѣ откровенно, какъ слѣдуетъ честному человѣку.

БАРОНЪ (*нетерпливо*). Къ дѣлу, сударь!

РЕНЬЕ. Дѣло вотъ въ чемъ. Мнѣ сказали, что вчера на балѣ у г-жи Габріель, вамъ, не знаю по какому случаю, попался въ руки женскій платокъ, въ который вложена была записка. Правда ли это?

БАРОНЪ (*смущенный*). Вамъ правду сказали; мнѣ точно вчера попался въ руки платокъ, прекрасно вышитый съ письмомъ, написаннымъ еще прекраснѣе.

РЕНЬЕ (*задыхаясь*). Вы осмѣлялись прочесть его?

БАРОНЪ. Прочелъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ. Новая Элоиза, Вертеръ, письма Джакоппо Ортиса, не что-иное, какъ потухшіе угли передъ этимъ костромъ. Какая сила! Сколько огня! какая поэзія! Человѣкъ, который написалъ эти строки, безъ сомнѣнія, долженъ быть талантъ первой величины и скоро, вѣроятно, станетъ на ту завидную степень, какой онъ вполне достоинъ. Я тружусь уже для него—между тѣмъ, какъ онъ этого и не подозреваетъ.

РЕНЬЕ (*всторону*). Онъ, пожалуй, дурачить меня! (*вслушь*) Государь мой! Я знаю, вы умѣете шутить прекрасно, но шутки ваши теперь не у мѣста. Я говорю съ вами не для смѣха, а для серьезнаго объясне-

ня. Вы сознаетесь, что завладѣли письмомъ, котораго я объявляю себя авторомъ. Что вы съ нимъ сдѣлали? Я требую отвѣта отъ васъ.

БАРОНЪ. Не сердитесь, выслушайте меня, и вы увѣритесь, что я оказалъ вамъ истинную услугу. Напередъ изложимъ факты. Вы влюблены, — по крайней мѣрѣ вы такъ думаете, — влюблены въ г-жу Колонжъ. Я другъ ея мужа. Что было мнѣ дѣлать, когда случай послалъ мнѣ вашу записку? Доставить ее по адресу? но тогда я измѣнилъ бы дружбу. Отдать вамъ? но согласались ли бы вы уничтожить ее и не писать другихъ? Сжечь ее? — на это могъ рѣшиться одинъ вандалъ. Въ недоумѣніи я избралъ послѣднее средство, которое покажется вамъ страннымъ, но выгоды котораго вы сейчасъ поймете. Какъ нравится вамъ г-жа Габріель? Вѣдь она очень любезная женщина.

РЕНЬЕ. Г-жа Габріель.

БАРОНЪ. Если вамъ сказать, что со вчерашняго вечера она пишетъ къ слогу вашему уваженіе, доходящее до восторга, что она считаетъ васъ теперь первымъ писателемъ нашего вѣка, еслибы, наконецъ, я сказалъ вамъ, что письмо, о которомъ вы говорите, она перечитывала двадцать, сто разъ?

РЕНЬЕ. Я не вѣрю, чтобы вы говорили серьезно. Къ чему эти шутки?

БАРОНЪ. Тутъ вовсе нѣтъ шутокъ. Письмо, адресованное вами къ Аврелии Колонжъ, попало къ Аврелии Габріель, — вотъ и все. На почтѣ случаются каждый день гораздо важнѣйшія ошибки.

РЕНЬЕ. Государь мой! вы объяснили мнѣ то, что я желалъ знать. Теперь благоволите назначить мѣсто и условія для дѣла, необходимость котораго, я думаю, вы понимаете.

БАРОНЪ. Подарите меня еще двумя минутами вниманія, и если послѣ нихъ вы не откажетесь отъ дуэли — мы можемъ драться. Желаніе и исходъ вашихъ трудовъ — слава, не правда ли? Вы ощущаете въ себѣ мощныя силы, зародышъ таланта, которому стоить только развернуться. Какое вліяніе произвела бы на жизнь вашу истинная страсть, внутренняя вамъ г-жею Колонжъ? Вліяніе пагубное, смѣю васъ въ томъ увѣрить. Положимъ даже, что г-жа Колонжъ васъ любитъ... Что жъ изъ этого выйдетъ? Счастливая или несчастная любовь непременно заглушитъ въ васъ талантъ. Вы не знаете, до чего можетъ простираться эгоизмъ женщины, избалованной свѣтомъ и модою. Она станетъ любить васъ не для васъ, а для себя. Вы должны будете посвятить ей всѣ мысли свои, всѣ минуты жизни, все свое существованіе. вмѣсто того, чтобы поощрять васъ къ пріобрѣтенію славы, она постарается обрѣзать крылья у вашего честолюбія. Любовь ослабитъ мало-по-малу всѣ струны души

вашей. Ринальдо у Арминды, вы станете тратить поэтический талант свой на сочинение любовных стиховъ. Вѣрьте мнѣ: нѣтъ въ свѣтѣ женщины, которая заслуживала бы, чтобы ей принесли къ жертву такой талантъ.

ГЕНЬЕ. Ваши замѣчанія отчасти справедливы, но ихъ можно принять и къ другимъ женщинамъ. Не всѣ ли онѣ взыскательны?

БАРОНЪ. Заблужденіе, мой юный другъ! Если вы намекаете на г-жу Габріель. Эта уже любитъ васъ страстно — когда вы еще и не думаете любить ее. Когда мы мало преданы женщинамъ, а она насъ любитъ до безумія, тогда—изъ раба мужчина становится господиномъ; его берегутъ, лелеютъ, сдображаются съ его склонностями, принимаютъ его мнѣнія, принимаютъ участіе въ успѣхахъ его, устраиваютъ отъ него всѣ пренятствія, готовы положить къ ногамъ его весь міръ. Къ тому же г-жа Габріель чувствительна и любитъ поэзію.

ГЕНЬЕ. Но она не хороша собою и даже не умна.

БАРОНЪ. Поэтъ! какая неблагодарность! Женщина, которая, еще не видѣвши ничего, уже говоритъ всѣмъ и каждому, что стихи ваши заставляютъ позабыть Ламартина, что самъ Викторъ Гюго долженъ крѣпче держаться за свою славу.

ГЕНЬЕ. Она говоритъ это?

БАРОНЪ. Заговорить и не то еще, если вы поддержите любовь и уваженіе, которыя она уже къ вамъ питаетъ. У васъ есть талантъ, но этого недовольно; таланту вашему надобенъ блескъ, иначе онъ никогда не будетъ признанъ. Что вамъ нужно? Кабедру, театръ, пьедесталъ. Все это найдете вы у г-жи Габріель, когда она, не шута заинтересуется вами. Она очень богата. Въ салонѣ ея собираются женщины, которыя нѣмнѣе служатъ авторитетомъ. Виконтесса вознаграждаетъ васъ землю и приготовитъ самые вкусные пироги, чтобы на сытть церберовъ критики; она вотрется къ журналистамъ, найдеть надателя...

ГЕНЬЕ. Позвольте. Поступокъ вашъ былъ опрометчивъ, но я начинаю понимать, что вы точно не имѣли злаго умысла.

БАРОНЪ. А, вы наконецъ понимаете, что я желалъ вамъ принести пользу.

ГЕНЬЕ. Однакожъ, прежде всего, вы имѣли въ этомъ собственные выгоды?

БАРОНЪ. Выгоды, какія же позвольте спросить?

ГЕНЬЕ. Вы хотѣли избавиться отъ соперника.

БАРОНЪ. Такъ вы думаете, что я влюбленъ тоже въ г-жу Коломбъ? Какое непростительное ослѣпленіе!

РЕНЬЕ. Я это знаю навѣрно.

БАРОНЪ. Бьюсь объ закладъ, что эту вздорную мысль вложилъ вамъ въ голову Ла-Бертони. Если вы станете вѣрить всему, разсказанъ этого гасконца, такъ онъ покажетъ вамъ звѣзды при солнцѣ. Мнѣ влюбиться въ жену искренняго моего друга! Какъ это можно! Это нелѣзность.

РЕНЬЕ. Наше объясненіе приняло такой оборотъ, что мнѣ надо объяснить хорошенько подумать.

БАРОНЪ. Какъ вамъ угодно.

VII.

ПРЕЖНИИ и АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА. Вѣрно, господа, у васъ очень серьезный разговоръ. Ренье, вы даже забыли, что не плли чаю. Г-жа Габріель поручила мнѣ сказать вамъ, что ночь благопріятствуетъ благоуханіямъ душевнымъ или что-то въ этомъ родѣ, что я перевожу желаніемъ ея въ такую ночь нѣтъ возлѣ себя любезнаго собесѣдника, а потому и прошу васъ пожаловать на террасу. Я общала волей или неволей привести васъ къ ней.

РЕНЬЕ. Бѣгу благодарить г-жу Габріель за ея вниманіе (*уходитъ*).

VIII.

БАРОНЪ ЛИВЕРНА и АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА. Ахъ, Ливерна!

БАРОНЪ. Что съ вами, вы такъ разстроены...

АВРЕЛІА. Я хочу просить васъ объ одной вещи.

БАРОНЪ. О, говорите! Я въ нетерпѣніи отъ желанія быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ.

АВРЕЛІА. Меня занимаетъ теперь одна мысль, только вовсе не такая важная, какъ вы, пожалуй, готовы подумать; это капризъ и больше ничего. Вы знаете, что Эрнестъ запретилъ ходить въ его мастерскую. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ началъ свою картину, тамъ никто не былъ, даже и я. Прежде я не обращала на это вниманія, но теперь, признаюсь, мнѣ захотѣлось отвѣдать запрещеннаго плода.

БАРОНЪ (всторону). А, Ла-Бертони такъ успѣлъ поселить въ ней недовѣрчивость къ мужу.

АВРЕЛІА. Если мнѣ сказать самой о томъ Колонжу, онъ заежится, приласкается и вырветъ у меня согласіе потерѣть еще немного—подъ тѣмъ предлогомъ, что черезъ мѣсяцъ любопытство мое будетъ удовле-

творено. Но еслибъ удалось взглянуть на его картину кому-нибудь другому, напримѣръ вамъ, тогда онъ и мнѣ не могъ бы отказать въ этомъ удовольствіи.

БАРОНЪ. Стало-быть вамъ угодно, чтобы я, во что бы то ни стало, заставилъ Колонжа впустить меня въ его заветный пріютъ труда? Признаюсь, эту крѣпость придется брать приступомъ. Но если бы мнѣ даже пришлось остаться въ проломѣ, я все-таки на это отважусь, потому что вамъ такъ угодно. Колонжъ теперь въ мастерской?

АВРЕЛІЯ (съ неудовольствіемъ). Гдѣ же ему быть; онъ только-что напился чаю, и тотчасъ же скрылся.

БАРОНЪ. Въ такомъ случаѣ я, если позволите, тотчасъ же пойду начну осаду, и приду отдать вамъ отчетъ въ моей побѣдѣ или пораженіи.

АВРЕЛІЯ. Я жду васъ здѣсь (*Ливернуа уходитъ*).

IX.

АВРЕЛІЯ одна.

АВРЕЛІЯ. Боже мой, какое мученіе! Что значать намеки этого злого Ла-Бертони? Съ какой саркастической улыбкой онъ сомнѣвался, чтобы Колонжъ по 15-ти часовъ въ сутки могъ проводить въ своей мастерской, и поздравлялъ меня съ такою примѣрною доверчивостью къ мужу. Что если Эрнестъ меня обманывалъ? Что, если онъ не въ мастерской проводилъ все время, которое я его не видала? Если это былъ только предлогъ отдѣлываться отъ меня? О! это было бы ужасно! Я дала ему слово не заглядывать въ его мастерскую до окончанія его картины! Гордость и достоинство любящей женщины не позволять мнѣ самой удостовѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ! Но исполненіе мысли пробраться въ мастерскую третьему лицу откроетъ и мнѣ туда путь. Что жъ это Ливернуа нейдетъ? Удалось ли ему добраться до картины? А! вотъ и онъ! Какой мрачный и задумчивый видъ! Я предчувствую какое-нибудь горе!..

X.

АВРЕЛІЯ и **БАРОНЪ ЛИВЕРНУА**.

АВРЕЛІЯ. Ну что? Онъ тамъ, я надеюсь?

БАРОНЪ (*мрачно*). Тамъ.

АВРЕЛІЯ. Онъ пустилъ васъ къ себѣ? Вы видѣли его картину?

Ну что ж? Какова она? Стоять ли времени, которое употреблено на нее?

БАРОНЪ. На который изъ этихъ вопросовъ прикажете мнѣ прежде отвѣчать?

АВРЕЛІА. Говорите скорѣе; очень естественно, что на первый. Пустилъ ли онъ васъ къ себѣ въ мастерскую и видѣли ли вы картину?

БАРОНЪ. Я безпрепятственно вошелъ въ первую комнату и началъ сильно стучать въ дверь второй, гдѣ работалъ Колонжъ. Раздосадованный, онъ отворилъ дверь и протянулъ руку, какъ часовой, выставляющій впередъ штыкъ, чтобы внушить уваженіе къ своему посту. Нѣтъ, мой милый, сказалъ я, замѣтивъ его грозную позу, еслибы мнѣ даже пришлось пройти по твоему тѣлу—я войду непременно: заслуги мои (*опомнясь*), то-есть, дружба моя къ тебѣ позволяютъ тебѣ, кажется, сдѣлать для меня исключеніе. Рано ли поздно ли, вѣдь увидимъ же мы эту таинственную картину! Зачѣмъ же отказывать мнѣ долге въ удовольствіи насладиться ею первому?

АВРЕЛІА. Что же отвѣчалъ онъ вамъ?

БАРОНЪ. Она еще не можетъ явиться на судъ твой, сказалъ онъ съ скромностію, которою умные люди прикрываютъ свою гордость. Если тебѣ нужно переговорить со мной, пойдемъ въ кабинетъ.

АВРЕЛІА. Вы, конечно, не сдались?

БАРОНЪ. Развѣ я съ тѣмъ туда пошелъ? Нѣтъ, продолжалъ я, если ты упрямъ, то и я бретонецъ. Вчера я хвастался передъ десятю прітелями, что уже видѣлъ превосходное произведеніе; следовательно, я долженъ видѣть его, или ка меня стануть указывать пальцами.

АВРЕЛІА. А, вотъ что вы придумали! Нельзя не удивляться вашей изобрѣтательности.

БАРОНЪ. Напрасно Колонжъ говорилъ, что черезъ мѣсяцъ, и даже мѣнѣе, картина будетъ кончена, и тогда мнѣ можно будетъ увидѣть ее; я возражалъ ему, что тогда всѣ могутъ судить о ней, а я требую исключенія. Я говорилъ ему, что эта мысль такъ укоренилась въ умѣ моемъ, что никто ее оттуда не выгонитъ, и что я рѣшился, если не пустать меня въ таинственное убѣжище, перестать считать себя его другомъ.

АВРЕЛІА. И Эрнестъ, побѣжденный этимъ послѣднимъ доводомъ, рѣшился наконецъ...

БАРОНЪ (*перебивая*). Впустить меня. Не буду говорить вамъ о достоинствѣ картины, она будетъ алмазомъ выставки. (*всторону*). Постой, Колонжъ, твой послѣдній часъ пробилъ!

АВРЕЛІА. Много ли картина подвинулась впередъ; говорите! Замѣт-

но ли, что Эрнестъ по 15 часовъ въ сутки посвящалъ этому труду пѣлые три мѣсяца.

БАРОНЪ. Да, сдѣлано много, но... я долженъ вамъ сообщить одно обстоятельство... очень щекотливое... Я дажь бы многое, чтобы вы мнѣ позволили молчать... но рано ли поздно ли вы должны же наконецъ увидѣть картину своими глазами, и мнѣ кажется лучше исподоволь приготовить васъ къ удару, нежели поразить имъ неожиданно.

АВРЕЛІЯ. Не бойтесь, говорите, я готова все выслушать.

БАРОНЪ. Вы знаете, какъ я друженъ съ вашимъ мужемъ, вы часто слышали, что я всегда въ глазахъ вашихъ бралъ его сторону, и даже сегодня не отчаяваюсь оправдать его.

АВРЕЛІЯ. Но, ради Бога, что же онъ такое сдѣлалъ?

БАРОНЪ. Позвольте прежде исполнить долгъ, возлагаемый на меня дружбою. Еслибы дѣло шло о человѣкѣ обыкновенномъ, я ни слова не сказалъ бы въ его защиту, но мужъ вашъ талантъ, какихъ мало. Онъ составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Что преобладаетъ въ художникѣ? Воображеніе! Вы знаете, нѣтъ ничего непостояннѣе воображенія; оно никогда не дремлетъ, спокойствіе убиваетъ его, счастье надѣдаетъ ему. Воображеніе готово бросить самую счастливую жизнь для бродяжничества по большимъ дорогамъ. Возьмите любое сокровище, возьмите женщину со всѣми совершенствами, (*нѣжно*) себя самихъ возьмите; вы увидите, что ни сокровище, ни эта женщина не удержатъ человѣка, увлекаемаго воображеніемъ. Вы будете также любимы, но въ обществѣ, съ которымъ мужъ вашъ познакомился еще до вашей женитьбы и въ которомъ вы не можете никогда быть, найдется женщина, не столько прекрасная, какъ вы, но зато прекрасная наружно до того, что художникъ позволитъ сказать себѣ: «вотъ идеалъ!»

АВРЕЛІЯ. Женщина!

БАРОНЪ. Пламенное воображеніе художника, разрушивъ алтарь прекрасной и добродѣтельной женщины, воскуряетъ ейміамъ предъ тою, которая не можетъ идти даже въ сравненіе съ первою, но выкупаетъ все это предѣстью новизны.

АВРЕЛІЯ. Объясненія всторону; одво слово, о комъ вы говорите? Кто эта женщина?

БАРОНЪ. Я не думаю, чтобы вы ее знали.

АВРЕЛІЯ (*нѣжно*). Имя ея?

БАРОНЪ. Госпожа Графенъ.

АВРЕЛІЯ (*вскрикнувъ*). Госпожа Графенъ? О я знаю ее! Въ-самомъ-дѣлѣ, она прекрасна, она лучше меня! Колонжъ любить ее! (по-

молчавъ). Благодарю васъ за откровенность. Но вы понимаете, что словъ вашихъ недостаточно, мнѣ нужны доказательства.

БАРОНЪ. Доказательства! Вы ихъ найдете въ мастерской.

АВРЕЛИЯ. Въ его мастерской? Она!..

БАРОНЪ. На картинѣ, которую онъ пишетъ.

АВРЕЛИЯ. Ея портретъ!

БАРОНЪ. Я опечалилъ васъ. О, еслибъ отъ меня зависело отвратить этотъ ударъ! Но вы хотѣли знать истину, и я не могъ скрыть ее, хотя она должна была поразить васъ въ самое сердце.

АВРЕЛИЯ. О, да, въ сердце!

БАРОНЪ. Соединяя въ себѣ все, что можетъ привязать и восхищать человѣка, вы, конечно, не можете привыкнуть къ мысли, что тотъ, кто пишетъ счастье обладать вами, можетъ желать чего-нибудь другаго. Другой на мѣстѣ Колонжа ограничился бы желаніемъ нравиться вамъ; вмѣсто того, чтобы измѣнять, старался бы сдѣлаться достойнымъ любви вашей. (*страстно*) Другой на его мѣстѣ, и это я говорю по собственному убѣжденію, любилъ бы васъ пламенно, нераздѣльно, вѣчно! (*Движеніе Аврелии*). Если Колонжъ поступилъ иначе, это значитъ, что такое глубокое чувство несовмѣстно съ честолюбіемъ, которое, преобладавая въ художникѣ, дѣлаетъ его эгоистомъ.

АВРЕЛИЯ. Отнимая у меня часть жизни, между-тѣмъ какъ моя жизнь вся принадлежитъ ему, онъ повинуется необходимымъ законамъ организаціи художниковъ. О, зачѣмъ я не полюбила обыкновеннаго человѣка! Онъ любилъ бы меня!

БАРОНЪ. Надо быть снисходительнымъ къ бѣдному Колонжу. У каждаго дерева—свой плодъ, и требовать отъ артиста постоянства въ любви, тоже, что, говоря словами г-жи Габріэль, требовать розъ отъ лавра. Что художникъ пишетъ портретъ любимой женщины, это вещь обыкновенная, но женатому человѣку выставлать на показъ любовь къ замужней женщинѣ, и притомъ на картинѣ, назначенной для всѣхъ, это можно объяснить только страстью, близкою къ безумію, иначе онъ не оскорбилъ бы васъ такъ жестоко.

АВРЕЛИЯ. И такъ я ничего не значу въ его жизни, онъ не могъ всегда любить меня! Виновать не онъ, а я! Я не дѣйствую болѣе на его воображеніе, не долженъ ли онъ естественно искать въ другой женщинѣ тѣхъ прелестей, которыхъ уже болѣе не находитъ во мнѣ. (*помолчавъ немного и пристально взглянувъ на барона*). Но я повѣрю тогда только, когда увижу собственными глазами. Теперь, я прошу васъ оставить меня, я такъ взволнована... Завтра я сама удостовѣрюсь въ справедливости словъ вашихъ.

ВАРОНЪ (откланивается). О, какая ревнивица!

XI.

АВРЕЛИЯ одна.

Да, завтра же! Я проберусь въ его мастерскую, хотя бы для этого мнѣ надо было употребить силу. И онъ увидитъ тогда, какъ мстить оскорбленная женщина!

ДѢЙСТВІЕ III.

Мастерская Колонжа. Внутри дверь, направо окно, къ которому приставлена картина, занимающая всю правую сторону сцены, и задернутая зеленой занавѣской. На лѣвой сторонѣ маленькая дверь, закрытая красной портьерой. Въ комнатѣ бѣсты, краски, палитры.

I.

ЛЮДОВИКЪ мететь и убираетъ комнату.

ЛЮДОВИКЪ. Какъ у этихъ господъ живописцевъ трудно содержать комнаты въ чистотѣ и порядкѣ... все разбросано, а не смѣи ничего тронуть, да еще, ко всему, будь вѣчно на сторожѣ, какъ бы кто сюда не проскользнулъ... Эти господа такіе любопытные; ужъ не разъ ко мнѣ подъѣзжали: Людовикъ, голубчикъ, отопри мастерскую, покажи картину! Какъ бы не такъ! А баринъ, всегда уходя, непременно скажетъ: смотри не зѣвай, держи ухо востро, чтобы никто не осмѣлился взойти сюда... даже жена! Слышишь-ли, дуралей, даже жена! Ну на нее, голубушку, жаль пожаловаться, хоть женщина, а не любопытна!.. Ужъ зато я запираюсь всегда, когда убираю комнату; да и выхожу изъ нея, такъ ключъ у меня всегда въ карманѣ, пока баринъ его не потребуетъ. (прислушивается). Чтò это! Кто-то стучится... кому бы такъ рано!

АВРЕЛИЯ (за дверью). Отопри, Людовикъ!

ЛЮДОВИКЪ. Ай, ай! Г-жа Колонжъ!

АВРЕЛИЯ (*тамъ же*). Слышишь-ли, отопри!

ЛЮДОВИКЪ. Радъ-бы, сударыня, да вы знаете, баринъ запретилъ...

АВРЕЛИЯ. А я тебѣ приказываю.

ЛЮДОВИКЪ. Какъ же быть: одинъ запрещаетъ, другая приказываетъ... а если изъ двухъ приказаній господь одно противорѣчить другому, умный слуга не затрудняется въ выборѣ.

АВРЕЛИЯ. Что ты тамъ бормочешь? Долго-ли еще дожидаться?

ЛЮДОВИКЪ. Сейчасъ, сударыня, сейчасъ. Надо повиноваться госпожѣ, хотя бы заслужилъ гнѣвъ господина. (*отпираетъ*) Вѣдь не съѣсть же онъ меня въ-самомъ-дѣлѣ.

II.

ЛЮДОВИКЪ И АВРЕЛИЯ.

АВРЕЛИЯ (*входя*). Наконецъ ты надумался!

ЛЮДОВИКЪ. Я говорилъ себѣ, сударыня, что черезъ четверть часа г. Колонжъ вернется съ своей обычной прогулки по террасѣ.

АВРЕЛИЯ. Это не твоя забота... оставь меня.

ЛЮДОВИКЪ. Слушаю, сударыня! (*всторону*) Что касается до этого, я самъ очень радъ уйти куда-нибудь подальше. Пусть раздѣлываются они промежъ собою, какъ знаютъ... (*уходитъ*).

III.

АВРЕЛИЯ одна.

АВРЕЛИЯ (*съ безпокойствомъ*). Наконецъ я одна! Настала минута удостовѣриться въ обвиненіи Эрнеста! О, какъ бьется мое сердце! Надо поспѣшить, онъ можетъ вернѣться. (*быстро идетъ къ картинѣ, отдерживаетъ занавѣсъ и жадно смотритъ на нее*). А! вотъ она, (*закрываетъ глаза рукою и опирается на спинку кресла, чтобы не упасть отъ волненія*). Вотъ эти бѣлокурые волосы, эти плечи!.. (*пыхтитъ*) Эрнестъ, Эрнестъ!.. я погибла, ты мнѣ предпочелъ ее! (*помолчавъ немного, съ гордостью*). Я плачу!.. Развѣ красота другой женщины даетъ право мужчинѣ измѣнять клятвамъ, даннымъ прежде той, которая вся принадлежитъ ему, съ которою онъ связанъ священными узами любви и брака? О, Эрнестъ, ничто не можетъ оправдать твоей вѣщны! Но я не буду такъ малодушна, чтобы безъ боя уступить соперницѣ! пусть онъ узнаетъ месть мою! (*быстро подходитъ къ столу, на которомъ лежатъ краски и палитра, схватываетъ кисть и обмакиваетъ въ краску*). Пусть придетъ онъ теперь! (*замазы-*

ваетъ фигуру). Вы съ такою любовью рисовали эту женщину!.. полюбуйтесь теперь ею... (прислушиваясь). А! онъ идетъ, я слышу его шаги по лѣстницѣ. (прячется за занавѣсь боковой двери).

IV.

КОЛОМЪЪ ВХОДИТЪ.

КОЛОМЪЪ (запирая за собою дверь). Странно! Людовикъ забылъ въ первый разъ запереть за собою двери. Людовикъ! его здѣсь нѣтъ! Это удивительно! (оглядывается на картину). Занавѣсь отдернута! (подходитъ къ картинѣ и останавливается въ ошолобленіи). Людовикъ! Что это такое? Людовикъ! О, только живописецъ, какой-нибудь тайный врагъ могъ мнѣ нанести подобное оскорбленіе! Три недѣли труда, самаго постояннаго, разрушено въ одно мгновеніе! Какъ ловко умѣлъ онъ попасть мнѣ въ самое сердце, сдѣлать ударъ свой смертельнымъ. Моя прекрасная фигура, моя очаровательная блондинка, которой недоставало только крыльевъ, чтобъ быть амуромъ, запачкана, обезображена этимъ разбойникомъ! О я найду, я отыщу его, и тогда горе ему, я накажу его!

V.

КОЛОМЪЪ И АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА. Такъ вымещайте же на мнѣ гнѣвъ вашъ!

КОЛОМЪЪ (внѣ себя отъ удивленія). Авреліа! ты здѣсь... и это ты...

АВРЕЛІА. Да, я!

КОЛОМЪЪ. Но чѣмъ же была она виновата предъ тобою? Знаешь ли, что ты разрушила трудъ цѣлыхъ трехъ недѣль!

АВРЕЛІА. Вы видите меня въ послѣдній разъ; я уѣду къ отцу моему, тогда вы можете сколько угодно малевать вашу блондинку; но до тѣхъ-поръ вы не должны были позволить себѣ этого; вы должны были довольствоваться тѣмъ, что обманывали меня, но оскорблять,—я этого не заслужила.

КОЛОМЪЪ. Тебя обманывать? тебя оскорблять? Ради Бога, что все это значить?

АВРЕЛІА. Я ненавижу васъ! Не заставляйте же васъ презирать. Къ чему все это лукавство; развѣ я не знаю госпожи Графенъ!

КОЛОМЪЪ (радостно). Ты ревнуешь! О, я забываю все свое горе!.. Какое ребячество! Оттого, что одно изъ лицъ моей картины похоже на

г-жу Графенъ, ты ревнуешь меня къ этой женщинѣ, съ которой я никогда не говорилъ, которую едва знаю!

АВРЕЛІЯ. Едва знаете? Вы лжець! Вы ее любите, я это знаю! Вы никогда не говорили съ нею? Не скажете ли, что и портретъ ея писали вы, не зная сами, что дѣлаете?

КОЛОМЪЖЪ. Конечно,—я сказалъ бы правду: я думалъ, что дѣлаю вещь самую обыкновенную, я вовсе не подозрѣвалъ тутъ преступленія.

АВРЕЛІЯ. Здѣсь или у нея въ домѣ были ваши сеансы?

КОЛОМЪЖЪ. Сеансовъ никакихъ не было, клянусь тебѣ. И съ чего ты взяла все это? Мнѣ просто понадобилась голова блондинки, я увидѣлъ г-жу Графенъ, нашелъ лицо ея годнымъ для моего сюжета, и воспользовался имъ по праву живописца, такъ же, какъ могъ-бы воспользоваться головою старика или ребенка. Если я провинился въ чемъ нибудь, то ужъ вѣрно безъ всякаго дурнаго намѣренія.

АВРЕЛІЯ. И вы писали портретъ г-жи Графенъ безъ ея вѣдома?

КОЛОМЪЖЪ. Конечно. Быть-можетъ я въ-самомъ-дѣлѣ поступилъ нескромно; однакожъ, въ такомъ случаѣ, г-жа Графенъ имѣетъ болѣе причинъ негодовать на меня, нежели ты.

АВРЕЛІЯ. Никогда не повѣрю этому. Снимая съ меня портретъ, вы взяли, по-крайней-мѣрѣ, восемь длинныхъ сеансовъ, и это вамъ казалось мало.

КОЛОМЪЖЪ. Потому-что это былъ твой портретъ; мы не были еще обвѣнчаны. Я не имѣлъ права видѣть тебя, сколько мнѣ хотѣлось; какъ же могли мнѣ казаться слишкомъ частыми или слишкомъ длинными твои сеансы, давашіе мнѣ случай быть съ тобою наединѣ?

АВРЕЛІЯ. Вы меня не увѣрите, что можно рисовать на память.

КОЛОМЪЖЪ. Однакожъ многіе живописцы одарены этою способностью; посвятивъ себя изученію природы, они удерживаютъ въ душѣ своей изображеніе видимыхъ предметовъ долѣе и яснѣе, чѣмъ другіе люди.

АВРЕЛІЯ (*ревниво*). Особенно, когда эти изображенія—хорошенькія женщины?

КОЛОМЪЖЪ. Если ты мнѣ не вѣришь, я готовъ представить доказательства. (*береть бумагу и карандашъ, который чинить*).

АВРЕЛІЯ. Что вы хотите дѣлать?

КОЛОМЪЖЪ. Снять твой портретъ на память. Вѣдь, кажется, мы об этомъ споримъ; ты увидишь обманываю ли я тебя, и узнаешь, что мои слова заслуживаютъ немного болѣе довѣрія. (*Коломъжъ рисуетъ и по временамъ закрываетъ глаза, какъ бы желая вспомнить ускользающія отъ него черты. Аврелія стоитъ за стуломъ и съ любопытствомъ смотритъ на работу*). Ну, какъ тебѣ это кажется?

АВРЕЛИЯ. Вы правы; я не сомнѣваюсь въ вашемъ талантѣ; вы можете помнить всякое лицо, которое вамъ нравится, всѣхъ женщинъ, которыя успѣли обратить ваше вниманіе.

КОЛОНИЖЪ. Не только хорошенькихъ, но и дурныхъ.

АВРЕЛИЯ. Дурныхъ! Развѣ вы смотрите на дурныхъ?

КОЛОНИЖЪ. Живописецъ смотритъ на все и помнить все. Хочешь-ли я нарисую тебѣ портретъ безобразной женщины?

АВРЕЛИЯ (*равнодушно*). Какъ вамъ угодно.

КОЛОНИЖЪ (*взявъ другой листъ бумаги, рисуетъ слова*). Ну, кто это?

АВРЕЛИЯ. Ахъ, Адель Фонтанжъ! Бѣдная Адель! Еслибы она знала, какъ вы относитесь объ ней, она никогда-бъ вамъ не простила этого.

КОЛОНИЖЪ. Ты видишь, что помнить не значить любить. Но можетъ-быть по твоему я влюбленъ въ Адель Фонтанжъ?

АВРЕЛИЯ. Поклянётесь-ли вы мнѣ честью, что у васъ ничего нѣтъ общаго съ этой женщиной?

КОЛОНИЖЪ. Клянусь моей честью и любовью. (*цѣлуетъ руку жены*).

АВРЕЛИЯ. А если я прошу вамъ горестъ, которую вы заставили меня испытать, станете ли вы въ другой разъ подвергать меня подобному испытанію?

КОЛОНИЖЪ. Никогда, никогда! (*глядитъ на картину*). Оно и теперь дорого стоить мнѣ.

АВРЕЛИЯ (*тоже глядя на картину*). Нѣтъ ли тамъ еще какого портрета между этими женскими головками?

КОЛОНИЖЪ (*испугаанный*). Нѣтъ, право, нѣтъ ни одного,

АВРЕЛИЯ. Однакожъ между ними есть очень хорошенькія.

КОЛОНИЖЪ. Всѣ они созданы воображеніемъ; неужели ты и къ нимъ станешь ревновать?

АВРЕЛИЯ. Все же онѣ женщины.

КОЛОНИЖЪ (*смѣясь*). Женщины полотняныя.

АВРЕЛИЯ. Вы смѣтаетесь; вы не можете понимать меня; вы не ревнивы!

КОЛОНИЖЪ (*вздохнувъ*). Ты думаешь?

АВРЕЛИЯ. Человѣку съ талантомъ несродны такія мелочи. Кто гонится за славой, какъ тому удѣлится хоть одну минуту ревности!

КОЛОНИЖЪ. Ты думаешь... Надо же поправить твою глупость. (*идетъ къ картинѣ*). Придется въ пятый разъ передѣлывать эту фигуру.

АВРЕЛИЯ. Не опять ли станете искать вашу головку въ воображеніи?

КОЛОНИЖЪ. Гдѣ-жъ прикажешь искать ее? Вѣдь ты запретила мнѣ писать портреты?

АВРЕЛИЯ. Но я не запрещала ихъ снимать съ меня?

КОЛОНИЪ. Съ тебя, для этой картины?

АВРЕЛІА. Отчего жѣ и нѣтъ! Развѣ я такъ ужъ дурна?

КОЛОНИЪ. Ты сама не знаешь, что говоришь.

АВРЕЛІА (съ раздражительностью). Знаю, и даже требую этого!

КОЛОНИЪ. Это будетъ непріятно.

АВРЕЛІА. А вамъ кажется приличнѣе писать портретъ г-жи Графенъ?

КОЛОНИЪ. Но...

АВРЕЛІА. Тутъ нѣтъ но. Выбирайте мое лице или ни чье.

КОЛОНИЪ (рѣшительно). Ничье.

АВРЕЛІА. Начнемъ наши сеансы, теперь же, я готова. (садится).

Хорошо ли такъ?

КОЛОНИЪ (дѣлая видъ, что рисуетъ, изрѣдка поглядывая на жену всторону). Спорить съ нею будетъ бесполезно. (глядитъ съ сожалѣніемъ на картину). Ахъ, Авреліа, я не требовалъ такихъ доказательствъ любви. (глядя на жену). Впрочемъ, лишь-бы она меня любила! Но чѣмъ же мнѣ замѣнить эту прекрасную голову? Вотъ счастливая мысль! Если нельзя побѣдить препятствіе, можно отворотить его. Опустимъ немного мантію этого старика... конечно, одной головой будетъ меньше, а она была прекрасна! (рисуетъ). Но останется торсъ, и онъ имѣетъ свою цѣну... Эту мысль подаетъ мнѣ живописецъ, который, отчаявшись выразить горестъ Агамемнона, закрылъ покровомъ его лицо. Конечно, враги мои обвинять меня въ безсиліи... Безумцы! знаютъ ли они, что такое ревнивая женщина, которую любишь.

АВРЕЛІА (вставая). Посмотримъ! (подойдя къ картинѣ). Такъ-то вы пишете мой портретъ?

КОЛОНИЪ (бросая кисть и взявъ за руку жену). Портретъ твой? Твой портретъ, говоришь ты? Чтобы я отдалъ его бессмысленной толпѣ, которая цѣлые три мѣсяца станетъ осаждать галереи Лувра? Лучше никогда не дотрогиваться до кисти, лучше отсѣчь себѣ руку! (садится на то мѣсто, гдѣ сидѣла жена и не выпуская ея руки изъ своихъ рукъ). Не довольно ли тѣхъ балныхъ салоновъ, которые любишь ты, и которые я ненавижу! Ты не подозреваешь во мнѣ ревности, Авреліа!

АВРЕЛІА (которая холодно отвѣчала на ласки мужа, опирается на плечо его). Ревности, въ тебѣ? Не думай обмануть меня. Кто ревнивъ, тотъ не имѣетъ ни минуты покоя, создаетъ себѣ тысячу призраковъ, всего боится, а ты всегда такъ спокоенъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я твоя жена, вздумалось ли тебѣ хоть разъ обратить вниманіе на людей, которымъ пріятно, какъ кажется, со мною бесѣдовать? Эти лю-

ли такъ мало тебя занимають, что я сама о нихъ никогда тебѣ не говорила.

КОЛОНИЪ (*лукаво*). Можетъ-быть, это было бы излишне.

АВРЕЛИЯ. Не думаешь-ли ты увѣрить меня, что наблюдаешь за мною, между-тѣмъ какъ я этого и не подозреваю? Съ начала этой зимы не одинъ уже разъ давали мнѣ чувствовать, что меня находятъ очаровательною, умною, говорили однимъ-словомъ все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ; я дѣлала завоеванія, а ты между-тѣмъ рисовалъ картину. И что-жь? боюсь объ закладъ, что при всей твоей ревности ты не укажешь мнѣ ни на одного изъ моихъ поклонниковъ.

КОЛОНИЪ. Ни на одного? а не хочешь-ли на всѣхъ?

АВРЕЛИЯ. Тогда... тогда я стала бы еще болѣе любить тебя!.. Но ты лжешь.

КОЛОНИЪ (*встаетъ и подводитъ жену къ картинѣ*). Можетъ-ли что-нибудь быть оскорбительнѣе для художника? Твои слова доказываютъ, что кромѣ несчастнаго портрета г-жи Графенъ, ты не удостоила обратить ни малѣйшаго вниманія на мою работу; между-тѣмъ моя картина заняла бы тебя, еслибы ты хорошенько въ нее всмотрѣлась; и тогда бы ты не предлагала мнѣ биться со мною объ закладъ. Вагляни. Вотъ г. Мариенбергъ, вотъ испанецъ донъ-Антоніо-де-Пуентесъ-Кодро, Роненкуръ, вотъ Ла-Бертони, Фелисиенъ Ренье съ товарищами, словомъ всѣ тѣ, которымъ ты такъ наивно оказывала свое расположеніе.

АВРЕЛИЯ. Хоть мнѣ не въ чемъ упрекать себя... но... я боюсь тебя!..

КОЛОНИЪ. Тѣмъ лучше! Если ты меня боишься, то вѣрно будешь впередъ беречь мои картины.

АВРЕЛИЯ. Но ты все знаешь.

КОЛОНИЪ. Каждый мужъ долженъ знать, кто ухаживаетъ за его женой.

АВРЕЛИЯ. Такъ ты видѣлъ все?

КОЛОНИЪ (*смѣясь*). Не глядя ни на что; въ томъ-то и сила.

АВРЕЛИЯ. Не смѣйся, мнѣ это кажется такъ странно, что я не могу опомниться. Ты ужасный человекъ! Какъ ты могъ присматривать за мною, когда я ничего не замѣчала?

КОЛОНИЪ. Это моя тайна. Довольно, если я скажу вамъ, сударыня, что я все вижу, все знаю; что ни одинъ вашъ шагъ не ускользнулъ отъ меня; что я читаю въ вашемъ сердцѣ, и что еслибы вы меня обманули...

АВРЕЛИЯ (*зажимая ему ротъ*). Никогда! (*слышнень стукъ въ дверь*).

VI.

КОЛОЖЪ, АВРЕЛІЯ и БАРОНЪ ЛИВЕРНУА за дверью.

БАРОНЪ. Коложъ, я знаю, что ты здѣсь; это я... Ливернуа.

АВРЕЛІЯ. Отопри ему, я спрячусь туда же, гдѣ была, а когда взду-маю—выйду. (указывая на боковую дверь). И взойду въ среднюю дверь. (прячется за занавѣсь).

КОЛОЖЪ (отпирая дверь). Милости просимъ!

БАРОНЪ (весело). Въ Бастиліи не было такихъ затворовъ.

VII.

КОЛОЖЪ, БАРОНЪ ЛИВЕРНУА и АВРЕЛІЯ за занавѣскою.

БАРОНЪ (подходя къ картинѣ). Чтѣ я вижу! Чтѣ ты сдѣлалъ изъ головы г-жи Графенъ?

КОЛОЖЪ. Полу плаща, какъ видишь!

БАРОНЪ. Чтѣ тебѣ вздумалось уничтожить такую чудесную головку! Это была лучшая изъ всей картины! высокое произведеніе искусства! Ты съ ума сошелъ.

КОЛОЖЪ. Капризъ художника. (стоитъ у картины).

БАРОНЪ (въ сторону къ авансценѣ). Чтѣ скажеть теперь Авре-лія? Она подумаетъ, пожалуй, что я хотѣлъ позабавиться на ея счетъ, и по-крайней-мѣрѣ цѣлая недѣля для меня потеряна. (береть стулъ и садится противъ картины). Дай мнѣ рассмотреть получше эту картину; я на нее взглянулъ вчера мелькомъ, и не смѣлъ долго оста-ваться въ твоей мастерской, чтобы твоя жена этого не замѣтила. (взавъ Коложа за руку). Другъ мой! До-сихъ-поръ ты былъ хо-рошимъ живописцемъ—теперь ты великій художникъ! Прекрасно, неподра-жаемо! Признаюсь, я ждалъ увидѣть замѣчательную картину, а не та-кое высокое произведеніе.

КОЛОЖЪ. Такъ тебѣ моя картина кажется не совсѣмъ дурною!... Мнѣ это тѣмъ пріятнѣе слышать, что ты первый судья ея.

БАРОНЪ. Въ одномъ этомъ произведеніи соединилъ ты силу Дела-круа, поэтическое одушевленіе Шефера, отчетливость въ отдѣлкѣ Дела-роша, и краски Декана! Сколько жизни! какая выкуплость! Это насто-щее сраженіе, а не народъ въ Олимпійскомъ-циркѣ, которымъ любуем-ся мы на картинахъ вашихъ собратій. Не масломъ пахнетъ отъ этой картины, а кровью. Вотъ стонетъ раненый, вотъ ржетъ лошадь: я слышу ихъ. Какъ неподражаемо спокойенъ Марій! Онъ такъ и смотритъ полководцемъ, который, распорядивъ битвою, не хочетъ самъ марать кровью

рукъ своихъ. А эти блѣкучія женщины, которыя давятъ себя собственными волосами своими, чтобъ набѣжать пѣна—какъ прекрасны онѣ въ самыхъ мученіяхъ! (съ ѿдохомъ знатока заходитъ то справа, то слева картины). Бьюсь объ закладъ—я знаю этого кинвра! который ложитъ подъ колѣномъ римскаго воина, наносящаго ему послѣдній ударъ. Да, я не ошибся, это нашъ общій другъ Ла-Бертони! Ха, ха, ха!

КОЛОМЪЖЪ. Прости капризу художника, или лучше негодованію мужа. Эти «пожиратели сердець», ухаживающіе за моею женою, проникаютъ даже ко мнѣ въ мастерскую; ихъ глупыя рожи срываются у меня съ кисти, и часто переходятъ на полотно совершенно безъ моей воли.

БАРОНЪ. Это идея Данта и Микель-Анджело.

КОЛОМЪЖЪ. Къ несчастью, у меня нѣтъ ада, гдѣ-бъ я могъ отвести квартиру врагамъ моимъ. Мнѣ нельзя было сдѣлать изъ нихъ осужденныхъ, и потому я изобразилъ ихъ побѣжденными. Поискавъ хорошенько, ты найдешь здѣсь почти всѣхъ знакомыхъ. Тотъ, который бѣжитъ безъ оглядки... Роненкуръ; этотъ, уныло опустившій голову.—Маріенбергъ; вотъ стоитъ на колѣняхъ и молить о пощадѣ донъ-Антонио де Пуэнтесъ-Кобра. Впрочемъ я помню, что ты помогъ мнѣ узнать ихъ продѣлка.

БАРОНЪ. Не стоить благодарности... это я сдѣлалъ столько же для дружбы, какъ и для своей собственной потѣхи. А вотъ на первомъ планѣ полумертвый Фелисьенъ Ренъе... что за уморительная гримаса, точно лимонъ ѣсть... сходство поразительное!

КОЛОМЪЖЪ. Желаніе отмстить этимъ господамъ заставило меня рѣшиться на попытку, успѣхъ которой въ наше время сомнителенъ: я хотѣлъ соединить трагическое со смѣшнымъ.

БАРОНЪ. Превосходно. Ты пріятнѣлъ къ живописи систему Виктора Гюго. Такое нововведеніе будетъ имѣть успѣхъ пирамидальный. Но мнѣ кажется, я въ-правѣ упрекнуть тебя въ одномъ: зачѣмъ ты только думалъ о врагахъ своихъ, а позабылъ истинныхъ друзей. Изъ однихъ ты сдѣлалъ побѣжденныхъ, изъ другихъ могъ бы сдѣлать побѣдителей. Для меня, признаюсь, было бы лестно перейти въ потомство въ числѣ вожновъ Марія.

КОЛОМЪЖЪ (съ двусмысленною улыбкою). Въ-самомъ-дѣлѣ, у тебя римскій профиль. Мнѣ не нравится въ картинѣ голова одного центуріона, и если хочешь я замѣню ее твоею.

БАРОНЪ (обнимая Коломъжу). Ты обяжешь меня! (всторону). Какова мысль! Заставить мужа той женщины, за которой я ухаживаю, включить меня въ число побѣдителей!.. О простодушіе художника! (Коломъжу). Позволь мнѣ спросить тебя, Коломъжъ, по-какому

праву прекрасная иностранка, г-жа Графенъ, дала мѣсто въ твоей картинѣ; по праву пріятельницы или недруга?

КОЛОНЪ. Ни потому, ни по другому; а просто по праву совершенной блондинки. Въ Парижѣ бѣлокурыя красавицы также рѣдки, какъ тѣнь лица, характеризующій германское племя. Эта фигура вся на виду, и мнѣ надо было приложить къ ней особенное стараніе. Съ станомъ ея я кое какъ сладилъ, но не можешь представить, чего мнѣ стоила ея голова!

БАРОНЪ (съ отчаяніемъ). И ты ее уничтожилъ!

КОЛОНЪ (какъ будто не слыша). Я принимался передѣлывать ее четыре раза, и все-таки не былъ доволенъ. Наконецъ, какъ-то въ оперѣ мнѣ случилось быть подлѣ ложи г-жи Графенъ... Вотъ моя голова, подумалъ я, и вернувшись домой скопировалъ ее на память. Но довольно объ этомъ. Скажи мнѣ, какъ идутъ твои дѣла съ Ла-Бертони?

БАРОНЪ. Думаю, что безъ дуэли не обойдется. А думалъ ли ты, чтобы Ла-Бертони былъ такимъ Макиавелемъ?

КОЛОНЪ. Непостижимо.

БАРОНЪ. Тартюфъ въ сравненіи съ нимъ, не болѣе какъ ученикъ. Какова уловка, обвинять самаго-себя, — когда маска съ насъ спала!

КОЛОНЪ. А каковъ способъ — чернить другихъ, чтобы самому быть бѣлымъ!

БАРОНЪ. Посагать на твое довѣріе ко мнѣ!

КОЛОНЪ. Сваливать на тебя вину свою!

БАРОНЪ. Стараться разсорить друзей!

КОЛОНЪ. Увѣрять, будто ты влюбленъ въ жену мою!

БАРОНЪ. Это низко!

КОЛОНЪ. Это подло!

БАРОНЪ (всторону). Вотъ дуэтъ. И онъ же мнѣ подтягиваетъ! (вслухъ). Но, любезный другъ, что если эти глупыя выходки оставили въ умѣ твоемъ какое-нибудь впечатлѣніе?

КОЛОНЪ. За кого ты меня принимаешь? (значительно). Развѣ я не знаю тебя?

БАРОНЪ. Но если вѣрять Бомарше, отъ клеветы всегда что-нибудь да остается.

КОЛОНЪ. Какъ положиться мнѣ на слова человека, оскорбленнаго шуткою, какую ты съ нимъ сыгралъ, ради меня же, я это помню, человека, который, обвиняя тебя, думаетъ только объ отищеніи?

БАРОНЪ. Я въ восторгѣ, что ты такъ хорошо понялъ настоящему

причину поведения Ла-Бертони. Стало-быть мнѣнїе твое обо мнѣ не измѣнилось?

КОЛОНИЪ. И не переѣнитса никогда. (*береть руку Барона*). Сегодня н вѣрю тебѣ столько же, какъ и вчера.

БАРОНЪ (*всторону*). Глупецъ Ла-Бертони! Ты хотѣлъ открыть глаза мужу!

VIII.

КРЕМНІЕ = АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА (*насмѣшливо*). Очень рада, господа, найти въ васъ Оре-ста и Пилада. Я увѣрена, однако, что, не взирая на такую примѣрную дружбу, вы опять, баронъ, забыли исполнить желаніе жены вашего дру-га—а оно должно быть для васъ священно. Гдѣ жъ тотъ альбомъ, ко-торый вы обѣщались принести мнѣ.

БАРОНЪ (*ударяя себя въ лобъ*). Экая разсѣянность! Сегодня я нарочно вынулъ его изъ шкафа, положилъ на бюро, и забылъ. Нынче же вечеромъ доставлю вамъ непременно.

АВРЕЛІА. Еще вечеромъ!

БАРОНЪ. Если угодно, я сейчасъ же поѣду за нимъ.

АВРЕЛІА. Того же! Хотя мнѣ и совѣстно обременять васъ стѣнъ, но вы знаете, терпѣніе не наша добродѣтель. Когда вы сказали, нынче вечеромъ, я думала, что это будетъ черезъ сто лѣтъ. Я жду васъ.

БАРОНЪ. И будете ждать не долго. (*уходитъ*).

IX.

АВРЕЛІА = КОЛОНИЪ.

АВРЕЛІА. Я очень рада, что мнѣ удалось спровадить его на нѣсколь-ко времени.

КОЛОНИЪ. Для чего это?

АВРЕЛІА. Ты это сейчасъ узнаешь.

КОЛОНИЪ. Ну что? Тебѣ было весело тамъ. (*указывая на за-навѣску*).

АВРЕЛІА. Очень весело; но я слышала, что дѣло не обойдется безъ дуэли?

КОЛОНИЪ. Да, если я не помѣшаю имъ; они взбѣшены оба, особен-но бѣдный Ливернуа.

АВРЕЛІА. Бѣдный!

КОЛОНИЪ. Да и какъ ему не бѣсится, когда на него такъ безбожно клеветутъ.

АВРЕЛІЯ. Клеветутъ, ты думаешь? И ты хочешь увѣрить меня, что ревнивъ! Но тсъ! Баронъ возвращается—стань въ свою очередь за эту занавѣсь!... Я намѣрена потѣшить тебя и себя.

КОЛОНИЪ. Но....

АВРЕЛІЯ (*тащитъ его силой*). Я этого требую.

Х.

БАРОНЪ, ЛИБЕРИУА и АВРЕЛІЯ (*сидятъ задумавшись*).

БАРОНЪ. Вотъ альбомъ. Загналъ лошадь, чтобы сдѣлать вамъ удобное. (*Аврелія беретъ альбомъ и кладетъ его на столъ, не раскрывая*). Но гдѣ же вашъ мужъ?

АВРЕЛІЯ. Я его усладала съ порученіемъ къ г-жѣ Габріель; онъ повѣхалъ къ ней очень неохотно.

БАРОНЪ (*всторону*). О счастье! Она приготовила сама это свиданіе!

АВРЕЛІЯ. Я видѣла наконецъ картину.

БАРОНЪ. Вы, можетъ-быть, думаете, что я васъ обманывалъ... но, клянусь вамъ, эту голову я вчера видѣлъ, видѣлъ собственными глазами.

АВРЕЛІЯ (*тихо*). И я ее видѣла.

БАРОНЪ (*съ видимымъ удовольствіемъ*). Вы знаете, я наперсникъ вашъ. (*беретъ стулъ и садится возлѣ Авреліи*). Вы можете мнѣ все говорить; никто не будетъ слушать васъ съ такою глубокою преданностью, съ такимъ чистосердечнымъ участіемъ, какъ я. Смѣю ли спросить, что случилось?

АВРЕЛІЯ. Почти ничего; видя, что голова, о которой говорили мы, мнѣ не нравится, ее закрасили.

БАРОНЪ. Неужели. Вамъ пожертвовали ею? Ну, я думаю, чего-нибудь да стоила эта жертва сердцу художника!

АВРЕЛІЯ. А еще болѣе сердцу вздыхателя.

БАРОНЪ. Васъ все еще тревожитъ мысль, что онъ любитъ ее?

АВРЕЛІЯ. Не сами ли вы мнѣ объ этомъ говорили?

БАРОНЪ. Но я тоже говорилъ вамъ, что не отъ меня зависѣло смягчить истину, которую вы хотѣли знать.

АВРЕЛІЯ. Я не такъ слаба, какъ вы думаете; (*гордо*) у меня достаточно силъ слушать истину, какъ бы горька она ни была. Другая на моемъ мѣстѣ зацлалась бы слезами, упала бы въ обморокъ, стала бы призывать смерть; я, напротивъ, буду терпѣливо и мужественно по-

ряться судьбѣ. Когда Колонжъ любилъ меня, я сама была пригнана къ нему всею душою; но теперь, когда любовь его кончилась, я стала бы презирать себя, еслибы чувствовала что-нибудь похожее на любовь къ нему. Это внезапное измѣненіе чувства удивительно даже для меня: я никогда не подозрѣвала въ себѣ такого твердаго, метительнаго характера. Пока я сомнѣвалась, страданія мои были нестерпимы. Динь только я увѣрилась въ измѣнѣ, то совсѣмъ забыла о своихъ страданіяхъ.

БАРОНЪ (*скрадчиво*). Страданіямъ нельзя пособить, и мнѣ остается только радоваться вашей рѣшимости.

АВРЕЛІА. Плакать, стенать, терзаться за неблагодарнаго! Играть роль жертвы!.. Конечно, я не буду такъ глупа и такъ малодушна... Иначе всякій будетъ имѣть право смѣяться надо мной.

БАРОНЪ. Не смѣяться, а сожалѣть о васъ.

АВРЕЛІА. Это еще хуже. Неужели я такъ безобразна, чтобъ стали жалѣть обо мнѣ? Я скорѣ вынесу оскорбленіе, нежели сожалѣніе. Еслибы я знала, что вы жалѣете меня, я никогда бы вамъ не простила этого.

БАРОНЪ. А еслибъ страданія ваши вдохнули въ меня другое чувство, которое въ тысячу разъ нѣжнѣе, глубже и пламеннѣе сожалѣнія, простили ли бы вы мнѣ тогда?

АВРЕЛІА. Стало-быть это чувство для кого-нибудь оскорбительно, когда оно имѣетъ нужду въ прощеніи?

БАРОНЪ. Оскорбительно! Неужели оскорбленіемъ можно назвать живѣйшее участіе, глубочайшее уваженіе, самую пламенную нѣжность, любовь наконецъ? Да, любовь, и какую любовь! какой никогда еще не внушала женщина!

АВРЕЛІА. Вы любите меня?

БАРОНЪ. Страстно, до безумія! (*на колынахъ*) Аврелія, я жду вашего взгляда, одного ласковаго взгляда!

КОЛОНЖЪ (*въ это время выходитъ изъ-за занавѣса и становится позади барона*).

АВРЕЛІА (*Колонжу*). Ну, кто выигралъ?

БАРОНЪ (*быстро повернувъ голову и увидѣвъ Колонжу, не говоря ни слова, схватываетъ шляпу и бѣжитъ къ дверямъ*).

КОЛОНЖЪ. Куда же ты? (*останавливаетъ его и едетъ къ авансценѣ*). Клади шляпу и садись. Я не истительнѣе, въ карманѣ у меня нѣтъ ни книжала, ни пистолета.

БАРОНЪ (*собравшись съ духомъ*). Не знаю, въ какую игру станемъ мы играть, но могу сказать заранѣе—я проигралъ. (*беретъ стулъ и садится*).

АВРЕЛІА. Не вы одни (*глядитъ на мужа*).

КОЛОМЪ. Да, баронъ, я тебѣ товарищъ въ несчастіи. Я долженъ объяснить все, потому-что, несмотря на весь твой умъ, ты тутъ ничего не поймешь. Знай, что маленькая сцена изъ Тартюфа, которую мы разыграли, выдумана женою,—а не мною.

АВРЕЛІА. Что, баронъ, хорошо я сыграла роль оставленной, дышащей мщеніемъ женщины?

КОЛОМЪ. Надо быть ко всемъ справедливымъ. И у барона были прекрасныя минуты; онъ славно сказалъ. » Оскорбленіе! Неужели можно назвать оскорбленіемъ — живѣйшее участіе » и прочее.

АВРЕЛІА. И еще лучше: «Страстно, до безумія!»

КОЛОМЪ. Пантомима также не уступала краснорѣчію: живадисните его не станешь на колѣни. Но я долженъ еще объяснить маленькій прологъ къ нашей пьескѣ. Ты знаешь, какъ я принялъ доносъ Ла-Бертони, и какъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы ты старался нравиться женѣ моей! Авреліа не раздѣляла моего мнѣнія; напрасно я ей говорилъ о дружбѣ твоей ко мнѣ, напрасно исчислялъ услуги, какія ты мнѣ оказалъ, она стояла на томъ, что безкорыстіе и искренность дружбы не рѣдко бываютъ подвержены нѣкоторому сомнѣнію. Я бралъ твою сторону—напрасно Между-тѣмъ, какъ въ моихъ глазахъ ты оставался самымъ преданнымъ другомъ, въ ея глазахъ ты былъ самымъ вѣроломнымъ, самымъ лицемернымъ человѣкомъ. Извини. Это говорить—моя жена. Короче: споръ нашъ кончился по-англійски—закладомъ.

БАРОНЪ. Котораго проигрышь заплачу я: это ясно. Послушай, Колонжъ. Ты умнее, но не оскорбляя тебя, г-жа Колонжъ еще умнѣе. Равнымъ оружіемъ мнѣ не трудно бы сражаться, но когда вы оба противъ меня одного, я безъ стыда могу признаться въ проигрышѣ. Чтобы заплатить за урокъ, данный, мнѣ я дамъ тебѣ совѣтъ.

КОЛОМЪ. Сдѣлай одолженіе.

БАРОНЪ (*оставая, на ухо Колонжу*). Впередь охраняй жену свою самъ, — это будетъ гораздо вѣрнѣе. (*кланяется Авреліи и Колонжу*). До свиданія.

КОЛОМЪ. Прощай.

БАРОНЪ. Ну, пожалуй, прощай! Но если мы не должны болѣе увидѣться, надѣюсь, по-крайней-мѣрѣ, что ты не станешь питать ко мнѣ злобы. Будь увѣренъ, что на моемъ мѣстѣ всякій бы тоже сдѣлалъ. На такихъ женщинахъ, какъ жена твоя, нельзя не остановить вниманія. (*уходитъ*).

XI.

КОЛОНИЪ и АВРЕЛИЯ (хохочутъ).

АВРЕЛИЯ (*серьозно*). Теперь очередь за нами, сударь. Помните ли, что вы мнѣ говорили здѣсь?

КОЛОНИЪ (*взявъ ея руку и глядя ей въ глаза*). Люблю тебя—это что ли?

АВРЕЛИЯ (*отнимая руку*). Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ что вы мнѣ говорили: «Знайте, сударыня, что я все вижу и слышу, что ни одинъ вашъ обожатель не ускользнетъ отъ меня,» Сможете ли вы теперь повторить это?

КОЛОНИЪ. Отчего же и нѣтъ? Поведеніе мое покажется тебѣ страннымъ; но ты извинишь его, размысливъ о трудномъ положеніи, въ какое ставило меня твое умѣнье всѣмъ правиться—и мой трудъ, который поглощалъ половину моей жизни. Враги мои были такъ многочисленны, что, отчаявшись побѣдить ихъ открытою силою, я долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Знаешь ли ты, что значить охотиться съ лагавою собакою?

АВРЕЛИЯ. Забавный вопросъ!

КОЛОНИЪ. Ни чуть не забавный. Чтобъ ты поняла мою систему обороны, для этого необходимо сравненіе. Хорошая лагавая собака ирестѣдуетъ дичь съ жаромъ, останавливается на известномъ разстояніи и подгоняетъ ее подъ выстрѣлъ охотника; такая собака была для меня необходима въ борьбѣ, въ которую я былъ завлеченъ. И такъ, выбравъ изъ твоихъ волокитъ самаго хитраго, самаго тонкаго и искуснаго, словомъ, такого, въ которомъ, по моему мнѣнію, было лучшее чутье, я выучилъ его, такъ, что онъ и самъ того не подозрѣвалъ, слѣдить своихъ соперниковъ и далъ ему позволеніе только кусать ихъ. Мы пустились на охоту, онъ, подсмѣиваясь потихоньку надъ моею довѣрчивостью, а—я надъ его вѣроломствомъ. Собака сдѣлала чудеса. Надо ей отдать справедливость.

АВРЕЛИЯ. И такъ ты все отгадалъ?

КОЛОНИЪ. Съ перваго же дня.

АВРЕЛИЯ. Что жъ это такое—умъ или ревность?

КОЛОНИЪ (*взявъ ее за руку*). Это любовь.

МЕДАЛЬОНЪ.

ПОВЕСТЬ

ЕВГЕНІЯ СЛАВИНСКАГО.

—
I.

Много дѣтъ тому назадъ, однажды, въ позднее сентябрьское время, возвращался я изъ Парголова въ Петербургъ. Путь мой лежалъ мимо чердорфченскихъ дачъ. Открывавшійся передо мной пейзажъ, еще за нѣсколько дней полный жизни, зелени и блеску, былъ унылъ и прозраченъ. Поля казались шире и пустыннѣе, деревья рѣдко другъ отъ друга торчали по краямъ дороги, обрасывая свои золотые листья на топкую грязь. А дачи?.. онѣ, казалось, выпустивъ своихъ хозяевъ, пережившихъ жизнь, занятія и удовольствія съ переменною погоды, сами безропотно закрылись ставнями, застегнулись засовами и задремали подъ вой осенняго вѣтра; цвѣты садовъ сочли излишнимъ красоваться на потѣху одинокому дворнику и рѣдкому прохожему, а бѣлораморныя граціи и нимфы закутались отъ холода въ рогожныя пальто.

Пасмурно. Ни одного живаго звука. Казалось, въ самомъ легкомъ дуновеніи вѣтерка слышна была агонія природы.

Съ уныніемъ повернулъ я на старыи деревянный мостъ и очутился противъ знакомой мнѣ дачи. Эта дача принадлежала, по наслѣдству отъ мужа, больной женщины, молоденькой дѣвушкѣ и двумъ малолѣтнимъ дѣтямъ, и во всякое время года была обитаема своими небогатыми хозяевами. Благодаря прочтенной ветхости и некрасивости постройки, она съ своимъ узенькимъ палисадникомъ пощажена была во время-оно прежнимъ хозяиномъ своимъ, покойнымъ Свинцовымъ, убившимъ все свое состояніе на неудавшіяся спекуляція. Не зналъ онъ вид-

но анекдота о собаке, которая уронила в воду хороший кусок мяса, желая схватить тень его. Вдова и дети несчастного спекулянта привелись в скромномъ убѣжищѣ, и часто громкія рѣчи и простодушный смѣхъ звучали за густою акаціею, окружавшею палисадникъ, между тѣмъ, какъ бѣлая занавѣска постоянно была опущена въ спальнѣ больной матери. Видно горе и бѣдность не на всѣхъ равно дѣйствовали.

Въ одну июльскую ночь другъ мой Чеварскій проходилъ мимо дачи Свинцовыхъ; запахъ цвѣтовъ и отрывистые аккорды фортепьяно издали привадили его. Стеклянная дверь въ палисадникъ была отворена и зеркало, висѣвшее противъ нея, смутно отражало темную, массу зелени; двѣ свѣчи горѣли на фортепьяно, и внутренность небогатой комнаты казалась ярко озаренною, среди окружавшаго ея сумрака ночи и деревьевъ. Въ углубленіи этой комнаты скрывалась таинственная виртуозка. Чеварскій могъ только замѣтить ея богатую темнорусую косу и стройный бюстъ. Она прекрасно играла, онъ слушалъ ее, опершись пылающимъ лбомъ на перекладины забора. Музыка и любовь—это два гения, таинственные, благодѣтельные, своенравно-мучительные и непокорные разсудку; чѣмъ сердце моложе, сильнѣе, прекраснѣе, тѣмъ безусловнѣе оно подчиняется ихъ могучему обаянію. Стройный кавкадъ звуковъ установился, замолокъ; Чеварскій все еще слушалъ; передъ нимъ захлопнулась дверь—тогда онъ поднялъ голову, и только успѣлъ уловить мелькнувшее видѣніе: граціозный образъ дѣвушки; уносившей изъ комнаты свѣчу.

Возвратившись домой, онъ разсказалъ мнѣ это приключеніе такимъ поэтическимъ слогомъ, что я, по недостатку дарованія, не берусь даже и передавать читателю подлинныхъ словъ Чеварскаго. Вообще мой молодой товарищъ былъ въ самомъ восторженномъ настроеніи духа, и я не зналъ, происходило ли это отъ благоуханія лѣтней ночи, отъ слышанной имъ музыки, или отъ видѣнной красавицы; только основательно думалъ, что эта горячка воображенія можетъ испариться, какъ камфора. Такъ бы и случилось, еслибъ безумный юноша, проснувшись утромъ, не захотѣлъ спросить себя: въ кого это я влюбленъ?

Дачная жизнь привѣтливѣе и откровеннѣе эгоистической городской жизни; свѣтленькія окна дачи и акація палисадника не могли скрыть отъ любопытнаго глаза маленькаго быта Свинцовыхъ. Старшая дочь любила свѣжій воздухъ и проводила большую часть дня съ книгою въ рукахъ, сидя на ступеняхъ крылечка. У ногъ ея и подъ ея надзоромъ двѣ маленькія дѣвочки строили удивительныя вещи изъ цвѣтовъ, горячаго песка и обломковъ игрушекъ. Сіявіе июльскаго дня великолѣпно озаряло эту группу. Когда же солнце заходило, молодая дѣвушка садилась за фортепьяно, не подозрѣвая вблизи невидимаго, постоянного

слушателя. Нина (такъ ее звали) любила прогулки; но она никогда не выходила изъ дому безъ одной изъ своихъ маленькихъ сестеръ; точно также, какъ никогда не возвращалась безъ букета цвѣтовъ на груди. Юлинька, ея крестница и фаворитка, была прелестный ребенокъ. Ей было три года, когда художникъ Велинскій, воротившійся изъ Италіи, просилъ позволенія снять модель съ ручекъ и ножекъ ребенка. Ея богатые черныя косы, свитыя въ кольца, прикрѣплялись на вискахъ коралловыми шпильками и обрамляли восхитительное розовое личико, съ большими черными глазами. Эти глаза, отъянные длинными рѣсницами, смотрѣли весело и смѣло. Нарядъ дѣвочки, всегда проходившій черезъ руки сестры, былъ свѣжъ и кокетливъ. Гуляющіе дачники, при встрѣчѣ съ ними, улыбаются красотѣ ребенка,—а Нина улыбалась имъ.

Въ такихъ прогулкахъ Нина встрѣтилась и встрѣчалась съ Чеварскимъ. Сельская свобода даетъ большія привилегіи любви. Чеварскому нравилась шестнадцатилѣтняя гибкая дѣвушка; его восхищала легкій розовый румянецъ ея бѣлаго лица, плавнительный контрастъ улыбки съ грустнымъ взглядомъ. Онъ могъ-бы замѣтить, что печальное выраженіе глазъ бывало часто притворно, что въ граціи Нины проявлялась часто заученость, и что многія фразы интересной барышни цѣлкомъ бы годились въ любой старинный романъ. Но что все это значить? Женщина кажется смѣшною или очаровательною совершенно по произволу фантазіи мужчины. Любовь слѣпа: эта аксіома стара и справедлива; любовь Чеварскаго была слишкомъ свѣжа и сильнѣе всѣхъ доводовъ разсудка или эгоизма. Онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать ничего, что противорѣчило бы этой любви. Притомъ же Нина умѣла выставить себя въ выгодномъ свѣтѣ. Ея нарядъ и прическа были обдуванны и кокетливы, зонтикъ ея былъ легокъ, ботинка узка, бѣлье чисто и гладко, лента на шеѣ искусно повязана. Она любила носить серьги и браслеты—остатки минувшаго богатства. И такъ, Чеварскій и Нина довольно часто нечаянно встрѣчались въ сосѣдней рошѣ и въ полѣ. Прогулки дѣлались день ото дня продолжительнѣе, и Нина всякій разъ задумчивѣе возвращалась домой. Она шла по обыкновенію очень скоро, не слушая Юлинькиной болтовни.

Въ это время ихъ мать обыкновенно спала, и Леночка, сидя на маленькой скамейкѣ у кровати, охраняла сонъ больной.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, дѣвочка разбирала лоскутки, изъ которыхъ составлялся гардеробъ ея куклы, но при каждомъ легкомъ шорохѣ или стонѣ, быстро повертывала голову, и долго, пристально смотрѣла на мать, пока не удостовѣрилась, что это было во снѣ. Леночкѣ не хотѣлось ни цѣть, ни гулять; она была на привычномъ ей мѣстѣ, при сво-

ихъ обычныхъ занятій; она уже умѣла, какъ большая, во время до-
давать лекарства, ловко поправлять одеяло и подушки. Ея худощавое, бе-
лѣзненно блѣдное личико составляло сильный контрастъ съ пѣвущою красо-
тою Юли; но если Юлинькой любовались всѣ, то Леночку всѣ любили. Она
была кротка, послушна и услужлива. Всѣмъ угождала она. Даже, бывало,
по утрамъ пойдетъ къ кухаркѣ Аксиньѣ и чистить съ нею овощи и
картофель. И это обыкновеніе продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока стар-
шая сестрица не объявила, что барышня неприлично сидѣть въ кухнѣ.
Слабая отъ рожденія, Леночка часто хворала, но никогда не жаловалась.
Величайшимъ для нея наслажденіемъ было ходить въ церковь и разго-
варивать о Богѣ; всѣ говорили, что она умна не по лѣтамъ, и потому
проживетъ недолго.

Больная проснулась, приняла лекарство, и велѣла Леночкѣ поднять
шторы, чтобы можно было смотрѣть въ садъ. Солнце уже заходило; На-
дежда Петровна спросила, воротились ли дѣти, и узнавъ, что ихъ нѣтъ
еще, сказала: Пусть себѣ гуляютъ, а мы съ тобой, моя душонька,
почитаемъ Евангеліе:—завтра воскресенье.

Дѣвочка быстро вскарабкалась на постель, и раскрывъ книгу, стала
ее благоговѣнно читать.

Въ эту минуту двери распахнулись, вошла Юля и поставила ро-
зовую щечку материнскому подѣлу. За нею шла Нина.

— Какъ вы загулялись, сказала Надежда Петровна съ слабою улыб-
кой: самоваръ давно готовъ; Ниночка ты наполнила бы дѣтей чаемъ.

Ниночка поспѣшила исполнить приказаніе матери. Дѣти, напившись
чаю, принялись играть въ спальнѣ. Въ это время Нина сидѣла у окна
и молча смотрѣла на небо, но небо было такъ темно, что глазъ съ
трудомъ могъ отличить на немъ мерцающую звѣздочку. Больная мать,
съ трудомъ приподнимая отяжелѣвшія вѣки, бросала безпокойные взгля-
ды на Нину; она знала, что сердце дочери для нея давно закрыто, и
не требовала отчета въ ея поступкахъ; но дочь страдаетъ, это вид-
но,—а какъ помочь? И бѣдная женщина закрывала глаза, и лучъ слезъ
падады обливалъ слабымъ свѣтомъ ея исхудалое лицо. Вотъ Нина встала,
вышла въ другую комнату и заиграла на фортепьяно. Мелодія, унылая
и страстная, то прихотливо смолкала, то съ новымъ порывомъ оглашала
комнатки. Больная мать и маленькія дѣти уснули подъ эту задушевную
музыку.

II.

Золотистая полоска горизонта прорѣзывала сумракъ гнѣдой ночи.
Величественныя деревья темнаго сада качались и шумѣли, вѣтеръ раз-

восмалъ запахъ невиданныхъ цвѣтовъ. Изъ бесѣды раздавался женскій голосъ: «Ну что же?» — Ничего, отвѣчала мужнина, ладя отпала. Впрочемъ, я вришала не во время: онъ болонъ и сердать, докторъ отъ него не выводитъ. Я не могу понять, чего онъ жалбеть. Изъ что столько золота ему, блѣдному, щедушному старичку: комфорта его нельзя увеличить, аппетита у него нѣтъ, свѣтскіи удовольствіи онъ неспособенъ наслаждаться.

— Что же онъ говорилъ?

— Онъ говорилъ... Но извини меня, Ниночка, если я стану повторять тебѣ слова его; не забудь, что мой дяюшка старый хандра, и притомъ онъ не видалъ тебя.

— Что же? съ нетерпѣніемъ спрашивала Нина.

— Онъ говорилъ, что лишитъ меня наслѣдства, если я женюсь; потому что глуность, сдѣланная въ двадцать лѣтъ, мало ручается за благоразуміе остальной жизни; а неблагоразумному человѣку онъ не рѣшится отдать своего богатства. Глупостью, Нина, онъ называетъ невыгодный бракъ.

— Значитъ—все пропало!

— Что же ты разумѣешь подъ словомъ *все*, другъ мой? Моя любовь все та же, она не пропадетъ. Ты мнѣ дороже золота, дороже жизни. Богъ съ нимъ, съ его наслѣдствомъ, только бы ты была моею женою.

Нина пристально на него взглянула; такая любовь возбуждала въ ней болѣе удивленіе, чѣмъ благодарность.

— Какъ же мы будемъ жить? спросила она нерѣшительно.

— Прекрасно мы будемъ жить, Нина! Мы будемъ трудиться. Любовь и трудъ, развѣ не это секретъ счастья? развѣ не это назначеніе человѣка?

— Но, мой бѣдный Леонидъ, твой трудъ ничтоженъ будетъ тамъ, гдѣ такъ многіе трудятся и гдѣ жизнь такъ дорога.

— Развѣ тебѣ много нужно?

— Мнѣ вѣдь только шестнадцать лѣтъ, — отвѣчала дѣвушка голосомъ, дрожащимъ отъ слезъ: мнѣ хотѣлось бы пожить хотя немножко; а въ бѣдности какое счастье!

Чеварскій былъ уничтоженъ этимъ замѣчаніемъ. Онъ опустился на деревянную скамью и закрылъ лицо руками.

— Теперь у меня больная мать на рукахъ, продолжала Нина, не забывъ его болѣзненного смущенія: случись несчастіе, избави Боже! не броситъ же мнѣ бѣдныхъ дѣтей. О, еслибы я была свободна!

— Что же бы тогда? спросил молодой человек глухим голосом и не отнимая рукъ отъ лица.

— Тогда бы я была актрисой. Я объ этомъ уже давно думаю, но не смѣю маленькѣ сказать. О, какъ-бы это было прекрасно!

Чеварскій протоналъ.

— Что съ тобою? спросила Нина.

— Ничего, отвѣтилъ онъ холодно и равнодушно, пристально взглянувъ на нее. Я вижу, что мы не сходимся въ понятіяхъ и что ты меня не любишь.

— Я не люблю? повторила дѣвушка съ упрекомъ. А это свиданіе развѣ не доказательство, не жертва.

— О, сколько я ждалъ отъ этого свиданія, произнесъ Чеварскій, какъ-бы мечтая. Что за прекрасный былъ день вчера! Сколько надеждъ, какія мечты! Возможно ли, чтобъ счастье наше было такъ шатко и неосновательно? Ниночка, люби меня, но мы больше не будемъ видѣться здѣсь. Если ты хочешь быть моей невѣстой, я пойду сегодня же къ матери твоей.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ бесѣдки и съ жадностью сталъ дышать ночной воздухъ, между тѣмъ какъ ногти его впивались въ обнаженную грудь, какъ-бы желая вырвать тоску, ее тяготящую.

Онъ потерялъ свои надежды, свои прекрасныя мечты; а съ ними разстаться труднѣе, иногда, чѣмъ разстаться съ существеннымъ счастьемъ.

Онъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, не исчезаетъ ли изъ его сердца любовь, такъ пышно озарявшая его жизнь въ послѣднее время. Онъ пытался пересоздать Нину въ своемъ воображеніи и увѣрялъ себя, повторяя:

— Они, конечно, правы, называя меня мечтателемъ, имъ непонятны мои мысли и чувства.

Нина также въ глубокомъ раздумьи сидѣла въ бесѣдкѣ у дубоваго стола. Уже сколько дней и ночей ей снились коляски, брильянты, воздушныя платья, — и умирающій старикъ разсѣялъ эти сны. О жестокой дядюшка! о несносной дядюшка! злой гонимъ несчастныхъ любовниковъ, отказавшій одному въ богатствѣ, а другому въ предполагаемомъ счастьи.

Въ такомъ состояніи духа были молодые люди когда, розовый свѣтъ разлился по зелѣющей окрестности. Большой садъ оживился, цвѣты зацвѣли въ туманѣ и надъ берегомъ зеркальнаго пруда открылся фасадъ вѣликолепной дачи, закрытой со всѣхъ сторонъ. Чеварскій стоялъ подъ деревомъ; надъ нимъ дрожала вѣточка, отягченная бриллиантовою ресою, и пѣла ранняя птичка; Нина вышла къ нему изъ бесѣдки, блѣдная и улыбающаяся.

— Пора намъ разстаться, тихо сказала она, взявъ его за руку.

Онъ поцѣловалъ ея руку и не выпускалъ изъ своей; молча вышли они изъ сада и остановились у доски, переброшенной черезъ маленькій ровъ, тянувшійся по обѣимъ сторонамъ дороги. Они стояли у столба, на которомъ была прибита дощечка и на ней написано: *Дача статскаго совѣтника М. П. Добромышцева.*

— Какъ! вскричалъ Чеварскій, прочтя эту надпись: Добромышцевъ вашъ сосѣдъ?

— Должно быть, что такъ; дача его вотъ ужъ сколько лѣтъ стоять пустою. Хозяинъ видно не здѣсь.

— Здѣсь, какъ же, я нѣсколько разъ его встрѣчалъ у дядюшки; это тотъ самый... Матвѣй Петровичъ; я и не зналъ, что его дача рядомъ съ вашею.

— Онъ молодъ? женатъ?

— Онъ вдовъ, ему будетъ лѣтъ подъ-сорокъ; добрый, здоровый мужчина; я помню его жену, это былъ геній доброты, и какая красавица; онъ и теперь не можетъ безъ слезъ о ней вспомнить.

— Что-жь онъ живетъ отшельникомъ?

— Напротивъ, любить общество, страшный мотъ;—я знаю множество молодыхъ людей высшаго круга, что-называется львовъ, которые живутъ и веселятся на его счетъ. Онъ часто меня пресиль въ бывать у него, да я не рѣшался, хотя и знаю его съ отличной стороны. Онъ многимъ истинное добро дѣлалъ. Однако Нина намъ пора. Когда же мнѣ придти къ вамъ?

— Я право не знаю.

— Сегодня?

— Нѣтъ, только не сегодня.

— Почему же нѣтъ?

— Мнѣ надобно подумать.

— О чемъ?

— Какъ о чемъ, Леонидъ? За кого ты меня считаешь? Твой дядя лишаетъ тебя наслѣдства, если ты на мнѣ женишься. И ты не измѣнишь своего намѣренія. Развѣ я могу, не посовѣтовавшись съ совѣстью, принять такую жертву.

— Развѣ ты можешь это называть жертвою? Я выбираю то, что лучше, сказалъ Чеварскій, обрадованный добрыми словами дѣвушки и стараюсь вѣрить искренности ихъ.

Нина о чемъ-то размышляла; Леонидъ пристально смотрѣлъ на нее; вдали раздавался стукъ экипажа.

— Ай, вскричала молодая дѣвушка: кто-то ѣдетъ; насъ увидятъ;

бъги! и съ рзвнымъ смѣломъ она отскочила къ калиткѣ своего палисаднака.

Чеварскій поспѣшилъ уйти, но голосъ Нины воротить его.

— Я забыла сказать, у меня есть маленькое желаніе?

— Именно.

— Подари мнѣ свой портретъ.

— На что онъ тебѣ, душа моя, тебѣ стоить захотѣть, и оригиналь никогда съ тобой не разстанется.

— Но эта прихоть...

— Будетъ исполнена, сказалъ молодой человекъ, съ чувствомъ дѣлая руку Нины, и съ нѣжностью глядя въ ея унылые глаза.

Они разстались; но Нина не вошла въ палисадакъ: ей захотѣлось посмотреть, кто ѣдетъ, поднимая такое густое облако пыли.

За густымъ облакомъ пыли скрывался щегольской кабріолетъ, а въ немъ прекрасный господинъ, хорошо одѣтый, съ пріятнымъ, открытымъ лицомъ. Господинъ сидѣлъ, опершись обѣими руками на красивую и солидную трость, и такимъ веселымъ взглядомъ окидывалъ зеленыя окрестности, какъ-будто-бы онъ ему вчера достался по наслѣдству. Однако это июльское утро могло бы испѣлить и Жаохондрика. Воздухъ былъ свѣжъ и ароматенъ, небо глубоко и величественно, длинная дорога, обѣшенная деревьями, представляла чудную смѣсь тѣни и сіянія, золотистый туманъ скрывалъ еще отдаленные предметы — и къ довершенію прелести картины, у одной дачи стояла женщина съ прекраснымъ, нѣсколько утомленнымъ лицомъ. Она была закутана въ платокъ, изъ-подъ котораго бѣлѣлась ея обнаженная ручка, украшенная золотымъ браслетомъ; волосы темнымъ комомъ спускались къ шее. Кабріолетъ остановился въ двухъ шагахъ отъ нея, то-есть у дачи Добромышцева; пріѣхалъ же въ эту дачу самъ хозяинъ.

Черезъ нѣсколько дней Нина получила золотой медальонъ, самой изящной отдѣлки, съ портретомъ Леонида Чеварскаго. Портретъ былъ очень хорошъ; художникъ вѣрно передалъ мягкость волнистыхъ волосъ надъ высокимъ, блѣднымъ лбомъ, женственную прелесть лица, задумчивость улыбки, разсѣянный взглядъ. Если мы и разстанемся, думала Нина, вѣдая въ медальонъ снурокъ, я все-таки буду помнить, что была хотя разъ въ жизни любима. За медальономъ слѣдовало письмо, въ которомъ Леонидъ уведомлялъ Нину, что дядя вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ пробыть неопредѣленное время. Нина не слишкомъ огорчилась этимъ извѣстіемъ; у ней теперь кромѣ любви было достаточно другихъ развлеченій. Добромышцевъ рѣшительно поселился въ своей дачѣ и къ нему набѣжало множество гостей; музыка и фейерверкъ служили имъ

постоянной забавой. Что за тревожные ночи проводила Нина! Она рѣже выходила въ рощу изъ своего палисадника, и сидя на ступенькахъ крыльца, съ склоненною надъ книжкою головкою, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ звучнымъ голосамъ молодыхъ людей, обѣдавшихъ въ соседней саду, къ звону ножей и тарелокъ, къ ржанымъ и топоту лошадей; иногда запахъ сигары доносился до ея палисадника, и эта душистая струйка воздуха увлекала ея воображеніе въ давнее время, когда она была маленькая и жила въ комнатахъ съ большими зеркалами... къ ея отцу сходилось много друзей, но ни кто, ребенка, тогда никто еще не обращалъ вниманія. Вотъ гости отобѣдали, они побудутъ скоро кататься. Первый выезжаетъ хозяинъ; она сидитъ на дрожкахъ непостижимаго устройства, сама правитъ лошадей, и поднимъ хлыстъ надъ головой, обращаетъ свое румяное лицо къ салдушкой за нимъ молодежи, старающейся вообще жить какъ можно легче и шумнѣе. Нина провожаетъ глазами Добромышцева; она невольно уважаетъ его умѣнье пользоваться деньгами и жизнью.

— Какъ жаль, что онъ не женатъ! думаетъ она: какъ бы общество женщинъ равнообразило ихъ удовольствія!

Дѣтей еще слышѣе, чѣмъ Нину, интриговалъ роскошный бытъ соседа. Оставивъ игры, обѣ дѣвочки смотрѣли въ щели забора, желая подвѣтить какое-нибудь новое чудо, изобрѣтенное богатымъ дядею. Юленька, ложась спать, всегда просила разбудить ее, если станутъ пускать ракеты. Будучи слышѣе сестры и руководимая неопытностію и любопытствомъ, которыя превышали ея робость, она однажды, сама не ожидая какинъ-образомъ, очутилась въ саду Добромышцева.

— Это у насъ что такое, Матвѣй Петровичъ, спросилъ у хозяина молодой человекъ съ развязаннымъ галстукомъ, первый замѣтивъ Юлю.

— Ба! да какая милашка, подхватила другой, доливая бокалъ шампанскаго: эти глазки много обѣщаютъ въ будущемъ.

Юлю окружили молодые люди. Дѣвочка стояла неподвижно, съ поднятыми надъ головою рученками, и съ улыбкой поводила глазами, какъ маленькая Ундина.

— Что тебѣ, мляютка? спросилъ подошедшій хозяинъ: зачѣмъ ты здѣсь?

— Такъ! отвѣчала дѣвочка.

— Ну, такъ такъ такъ, милости просимъ! мы рады гостямъ. Дай же мнѣ ручку.

Юля съ улыбкою повиновалась, прогулялась съ дядею по саду, осмотрѣла картины въ комнатахъ, скушала вѣсколько конфетъ, и съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ воротилась домой.

Сестра слегка побранила ее за такое похождение, много расспрашивала, и отняла прѣты, которые поставила въ воду.

Никогда еще такой роскошный букетъ не украшалъ бѣдной комнатки. Какъ сильно онъ надушилъ ее. А какой благодатный день сегодня! Кажется всякая вещь смотреть веселѣе при такомъ потоцкѣ солнечнаго сіянія; какіе нарядные гуляющіе проходятъ мимо дачи; какой восхитительный видъ отражаетъ зеркало; вотъ въ этой далекой избушкѣ, что пріютилась за группю деревьевъ, какъ въ ней, должно-быть, спокойно и весело живетъ! Отчего же Нина, ходя по комнатѣ, такъ судорожно сжимаетъ руки; ея глаза полны слезъ; она проситъ у судьбы не счастья, а перемены своей прекрасной жизни; ей хочется благъ лучше спокойствія и свободы. Вечеромъ, когда дѣти пошли встрѣчать свою коровушку, возвращавшуюся съ поля, къ Нинѣ явился ливрейный лакей, неся въ рукѣ что-то завернутое въ бѣлую бумагу и обвязанное розовой тесемочкой; онъ объявилъ, что баринъ приказалъ отдать это маленькой барышнѣ. Нина взяла свертокъ, развернула бумагу и ахнула отъ восхищенія, при видѣ бомбоньерки изъ бархата, бронзы, кусковъ зеркала и цвѣтовъ, наполненной душистыми конфетами. Этотъ маленькій подарокъ положилъ начало знакомству сосѣдей. На другой день Нина, встрѣтаясь съ Добромышцевымъ, сочла нужнымъ лично поблагодарить его за сестру; Матвѣю Петровичу послѣ такого случая казалось неловкимъ не сдѣлать визита сосѣдкамъ. Конечно, при другихъ обстоятельствахъ... будь тамъ мужчины... можно бы не беспокоиться... но дамы... дамы... вѣжливость, приличіе...

Черезъ нѣсколько дней онъ явился къ Свинцовымъ; дѣти съ криками радости возвѣстали о немъ сестрѣ и матери, которая сидѣла въ спальнѣ. Матвѣю Петровичу пришлось довольно долго дожидаться появленія хозяйевъ. Мимо его шмыгала взадъ и впередъ кухарка, неся различныя принадлежности женскаго гардероба, и искоса оглядывая гостя съ ногъ до головы; наконецъ явилась Нина. Краснѣя и улыбаясь, просила она извиненія въ томъ, что заставила долго ждать себя, и въ томъ, что маменька принять не можетъ, потому-что ей хуже. Все это проговорила она, ни разу не взглянувъ прямо въ лицо гостя; въ ея поклонѣ и движеніяхъ была замѣтна граціозная неловкость. Однако, говоря, что Нина не глядѣла на Добромышцева, я не могу сказать, чтобы она не видѣла его; скажу болѣе: онъ произвелъ на нее пріятное впечатлѣніе. Конечно, онъ своей наружностью не могъ припомнить Вертера моей романической героинѣ; но нарядъ много значить въ наружности человѣка, нарядъ же Матвѣя Петровича былъ простъ, изященъ и пропитанъ какимъ-то неизъяснимо-пріятнымъ запахомъ. Онъ

вѣрно выплывала духи прямо изъ Парижа. Садясь, онъ поправилъ волосы рукою, которая была украшена великолѣпнымъ солитеромъ.

— Я еще не имѣлъ удовольствія видѣть вашей матушки, началъ Добромышцевъ: онѣ, вѣроятно, давно нездоровы.

— Она ужъ нѣсколько лѣтъ все больна, съ-тѣхъ-поръ, какъ папенька... какъ мы потеряли все состояніе; горе на нее очень сильно подѣйствовало.

— Да... это естественно... не беспокоимъ ли мы ее, скажите откровенно; у меня, знаете, гостить молодежь, любятъ пошумѣть, погулять...

— О нѣтъ! вы доставляете намъ развлеченіе, очень рѣдкое, почти единственное въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Какія вы добрыя, право! Скоро намѣрены вы возвратиться въ городъ?

— Мы здѣсь проводимъ и лѣто и зиму, отвѣчала дѣвушка, немного краснѣя.

— Быть не можетъ! Развѣ эти мѣста обитаемы зимою? Не говорю о страшной скукѣ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ такой глуши; но гдѣ удобства жизни?... Недостатокъ матеріальныхъ средствъ...

— Вы богаты, прервала Нина съ грустною улыбкой: вамъ непонятна наша жизнь, но она вовсе не такъ тяжела, какъ вы себѣ ее представляете. Мы лѣтомъ заготавливаемъ къ зимѣ небольшой запасъ провизіи, который для насъ совершенно достаточенъ. Что касается до скуки, то я, по-крайней-мѣрѣ, не знаю ея. По утрамъ я учу сестеръ, вечера посвящаю маменькѣ, и время незаметно проходитъ.

— Но который вамъ годъ? Извините нескромный вопросъ; я предлагаю вамъ его съ истинно-отеческимъ участіемъ.

— Мнѣ шестнадцать лѣтъ.

— И вы довольствуетесь скромною, однообразною жизнью?

— У меня есть развлеченія, уклончиво отвѣчала дѣвушка: папенькина библіотека почти вся сохранилась, я много читаю, занимаюсь музыкой...

— Знаю, знаю; и признаюсь вамъ,—разъ заслушался вашей игры, гуляя мимо съ пріятелями.

Нина покраснѣла отъ удовольствія.

— Я обожаю музыку, сказала она, доставая тетрадь нотъ съ этажерки.

Покуда она перелистывала эту тетрадь, гость задумчиво глядѣлъ на ея хорошенькую головку. Ему казалось, что онъ нашелъ олицетвореніе невинности, трудолюбія, доброты, среди бѣдности и горя,... маленькій брильянтъ въ неискусной оправѣ.

Прошелъ только мѣсяцъ съ-тѣль-поръ, и въ Петербургѣ заговорили, что Матвѣй Петровичъ Добромышцевъ, по свойственному ему чувству филантропіи, рѣшился осчастливить какую-то бѣдную, неизвѣстную дѣвушку, предложивъ ей свое богатство и жиа.

Это заключеніе оправдалось: Матвѣй Петровичъ женился на Нинѣ.

Чеварскій, какъ знакомецъ Добромышцева, былъ приглашенъ на свадьбу. И онъ былъ на ней, одѣтый какъ денди, блѣдный какъ мертвецъ. Бѣдняжка не могла, не умѣла скрыть отчаянія и преодолѣть лихорадку. Его лицо выражало несвойственную ему энергію; слова его были отрывисты, движенія потеряли свою граціозную медленность. Полу-скрытый въ амбразурѣ окна, онъ слѣдилъ за танцующими, и вдругъ, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ вѣнка, отдѣлилась пара изъ круга вальсировавшихъ, и дама, кивнувъ головкой своему кавалеру, одному изъ тѣхъ, которые проѣзжали мимо ея дачи на прекрасныхъ лошадяхъ, тихо подошла къ Чеварскому. Она казалась воздушною феей, въ своемъ вѣнчанномъ нарядѣ. Газовый вуаль, развѣвавшійся во-время танцевъ, прихотливо обвился вокругъ ея головы, и въ этомъ бѣлосѣ эфирномъ облакѣ замѣтные казались блѣдныя розы щекъ и темныя волосы, перерываемыя вѣточками оранжевыхъ цвѣтовъ. Она улыбнулась Чеварскому; губы его задрожали и онъ потупилъ глаза. И внутренно торжествуя надъ его юношескимъ смущеніемъ, злая кокетка тихимъ, трепещущимъ голосомъ стала жаловаться, что нужда матери принудила ее къ неровному браку. Чеварскій не повѣрилъ ей. Онъ видѣлъ Надежду Петровну передъ отъѣздомъ въ церковь возобрачныхъ, видѣлъ, съ какою глубокимъ благоговѣніемъ она, дрожа, подняла руки надъ головою дочери, благословляя ее, и не могъ онъ подумать, чтобъ это кроткое, слабое созданіе рѣшилось промѣнять на золото счастье и сердце дочери.

Да и знала ли Надежда Петровна про любовь дочери и Леонида? На этотъ счетъ вотъ что я могу рассказать. Когда за нѣсколько часовъ до отъѣзда въ церковь Нина стала одѣваться, мать желала лично присутствовать при свадебномъ туалетѣ невѣсты. Тихо подошла Надежда Петровна къ дочери, сняла съ нея черный снурочикъ, и отцѣпивъ отъ него золотой медальонъ, съ грустною улыбкой спрятала его въ какой-то ящикъ. О существованіи этого залога любви она узнала случайно. Въ одну бессонную, мучительную ночь, соскучась считать удары маятника, Надежда Петровна встала съ постели и пошла посмотреть, хорошо ли спать дѣти. Поворачивая одѣяло, упавшее съ плечъ старшей дочери, она при свѣтѣ луны увидѣла на груди ея медальонъ. Тогда ей стали понятны рассказы Юли своей кунлѣ о какомъ-то дядѣ, который переносилъ Юлю черезъ лужу, и обѣщала привезти конфетъ.

Наталка Петровна все поняла, и скрѣпя сердце, молчала, мучась невѣдностью и страхомъ.

Однако мы оставили Леонида въ неприятномъ іѣтѣ-а-іѣтѣ съ ш-ше Добромышдевой. Къ величайшему моему сожалѣнію, долженъ я сказать, что герой мой при этомъ случаѣ совершенно вышелъ изъ роли, предписанной ему благоразуміемъ и даже самолюбіемъ. Онъ разгорячился, заговорилъ Нинѣ кучу неприятностей, даже угрозъ. Ему конечно отвѣчали смѣхомъ. Боясь еще дальше отступить отъ законовъ вѣжливости, молодой человекъ быстро вышелъ изъ залы. Нина все-таки не оставила его. Встрѣтись съ Чеварскимъ въ отдаленной гостиной, гдѣ онъ наблюдалъ за игрою въ бостонъ, она спросила, отчего онъ не танцуетъ.

— Я наизрѣнь играть въ карты.

— Вѣра конечно въ карѣченіе, кто проигрываетъ въ любви, выигрываетъ въ картахъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ юноша, выведенный изъ терпѣнія, что если кто-нибудь изъ насъ проигралъ, такъ это вы. Вамъ хотѣлось какъ можно дороже продать свою свободу, и я даю-бы за нее больше денегъ, чѣмъ вамъ супругъ. Дядя мой умеръ — я боюсь. И вы не можете сомнѣваться, что если я съ такимъ смѣливымъ добродушіемъ предлагалъ вамъ раздѣлить со мной крохи моего насущнаго хлѣба, то не отказалъ бы и въ золотѣ, которое вы такъ любите.

Нина такъ была ошеломлена этой выходкой, что отошла, не говоря ни слова. Она чувствовала всю горечь, весь стыдъ перемессаннаго оскорбленія, и не могла ни оправдаться, ни защититься.

— Боже! думала она, вотъ что случилось! Онъ богаче моего мужа, а я не могла этого предвидѣть. О, какая ошибка! И что мнѣ сдѣлать, чтобы онъ снова уважалъ меня. Я надѣюсь... онъ такъ молодъ, я богата... теперь больше средствъ.

Чеварскій въ-самомъ-дѣлѣ сѣлъ за зеленый столъ—и проигрался; онъ заплатилъ большія деньги безъ сожалѣнія, какъ и безъ радости прибрѣлъ ихъ. Потомъ онъ вышелъ въ садъ. Величественное спокойствіе ночи составляло удивительный контрастъ съ шумною тревогою бала. Серебристая луна выплывала изъ-за черной массы деревьевъ, садъ былъ увѣчанъ разноцвѣтными шкаликами. Молодой человекъ шелъ быстро и безъ цѣли. Весь этотъ праздникъ казался ему мучительнымъ, лихорадочнымъ кошмаромъ; проходя мимо рѣшетки, смутно слышалъ онъ критическія замѣчанія о гостяхъ и невѣстѣ, раздававшіяся въ толпѣ любопытныхъ зрителей, вытягивавшихъ шею, чтобъ легче увидѣть освѣщенные окна дачи. Леонидъ остановился на концѣ сада, въ уединенномъ мѣстѣ, у широкаго пруда, надъ которымъ склонялись прекрасныя деревья.

Двѣ дѣвочки, забытыя въ хлопотахъ о балѣ, сидѣли тамъ на травѣ, спустивъ ножки къ пруду, такъ близко другъ отъ друга, что наклоняясь, часто сталкивались головками. Онѣ дѣлили между собой конфеты.

Одна изъ нихъ заговорила, и Чеварскій узналъ голосъ Юли; но ея подруги онѣ никогда не выдали. Вскорѣ лунное сіяніе озарило дѣтей, и молодой человекъ могъ разглядѣть незнакомую дѣвочку; она ему показала очень хорошенькою съ своими темными глазами, грустно глядѣвшими изъ-подъ полей круглой соломенной шляпы. Въ то время, какъ онъ любовался Леночкой, съ которой послѣ, при странныхъ обстоятельствахъ, свела его судьба, до его слуха донесся отдаленный мотивъ вальса. Онѣ слушалъ долго, слушалъ — и заплакалъ. Грустенъ былъ его дебютъ на поприщѣ большого свѣта, непремѣннымъ членомъ котораго онѣ сдѣлался съ полученіемъ богатаго наслѣдства. На другой день послѣ свадьбы Нины Чеварскаго ужъ не было въ Петербургѣ. Добромышцевы узнали объ этой новости во-время ихъ послѣдней прогулки по оживленнымъ берегамъ Черной-рѣчки.

— Вотъ вѣтренникъ! А мнѣ еще недавно говорилъ покойникъ его дядя... что мальчикъ съ ума сходитъ: жениться хочетъ на какой-то бѣдной дѣвицѣ, вотъ и женился бы теперь; а то нѣтъ, получилъ деньги, да и удралъ. Вѣрь имъ!

Такъ говорилъ Матвѣй Петровичъ. Жена его разорвала перчатку. Черезъ нѣсколько дней; Добромышцевы и Свинцовы переѣхали въ городскую квартиру. Однажды утромъ они всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ, когда лакей подалъ письмо Надеждѣ Петровнѣ. Она распечатала его, и при первыхъ строчкахъ слезы градомъ потекли по ея блѣднымъ щекамъ.

— Боже мой, сказала она, дѣти... ваша бабушка очень больна и зоветъ меня къ себѣ... проститься.

— И вы поѣдете? спросила Нина.

— Неужели мнѣ не исполнить ея послѣдняго, быть-можетъ, желанья. Я непремѣнно хочу ее видѣть. Я воображаю, съ какими нетерпѣніемъ она меня ждетъ.

— Гдѣ же живетъ ваша матушка? спросилъ Добромышцевъ.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ; это далеко, но Богъ мнѣ поможетъ доѣхать. Вотъ дѣти, вы увидите вашу бабушку, она очень старенькая; болѣе десяти лѣтъ я ее не видала... и увижу ли еще?

— Развѣ вы возьмете дѣтей, маменька? спросила старшая дочь. Куда вамъ съ ними; пусть онѣ здѣсь остаются.

— Какъ же дѣтей оставить? сказала нерѣшительно мать.

— Что-жь? Я за ними присмотрю; вы вѣдъ скоро воротитесь.

— Вернусь ли? со вздохомъ проговорила Надежда Петровна.

Въ это время Леночка, блѣдная какъ смерть, встала, бросилась къ матери и обняла ея колѣна, какъ-бы желая силою удержать ее; дѣвочка дрожала всѣмъ тѣломъ. Юля, видя отчаяніе сестры, громко заплакала, спрятавъ лицо въ подушку дивана. Добромышцева встала изъ-за стола и со слезами на глазахъ обняла мать.

— Не станемъ спорить изъ-за этихъ дурочекъ, сказала она съ улыбкой. Раздѣлимъ ихъ между-собою. Пусть Леночка ѣдетъ съ вами, а Юля умница, она останется со мной, мы съ нею вѣдѣть станемъ ждать вашего возвращенія.

Сказано-сдѣлано. Надежда Петровна уѣхала съ Леночкой въ Нижній-Новгородъ, гдѣ она застала мать свою въ живыхъ, но скоро одна-кожъ ее похоронила; сама заболѣла, и не могла воротиться къ остальнымъ дочерямъ. Черезъ три года послѣ этого происшествія Добромышцевы отдали Юлиньку въ пансіонъ.

III.

Десять лѣтъ спустя послѣ еватѣбы Нины, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, по знакомой намъ дорогѣ, пролегающей не вдалекѣ отъ Черной-рѣчки, между деревень, дачъ и садовъ, мчался всадникъ полнымъ галопомъ. Мчался онъ такъ быстро, что съ каждой секундой новые пейзажи смѣнялись передъ нимъ по краямъ дороги, конца которой онъ видѣть не могъ, потому-что пыль не улегалась. Его дорожное модное платье было въ пыли, и дорогой конь въ мылѣ. Ему оставалось нѣсколько сажень до дачи статской совѣтницы Добромышцевой, когда онъ увидѣлъ, что у воротъ этой дачи, дама, въ темной амазонкѣ, остановила коня. Она отдала свой хлыстикъ и протянула руку жокею, но нашъ пріѣзжій бросилъ поводья, спрыгнулъ на землю, и перебивъ у мальчишка эту руку, снялъ молодую женщину съ сѣдла.

— Мосье Чеварскій! проговорила она, глядя въ лицо знаконца съ такимъ видомъ, какъ-будто бы на этомъ лицѣ былъ написанъ отвѣтъ на многіе ея задушевные вопросы, и между-тѣмъ рука ея въ его рукѣ дрожала. Вы издалека?..

— Изъ Персіи, сегодня утромъ пріѣхалъ; я едва видѣлъ Петербургъ, и сбѣжалъ къ вамъ, зная, что вы не откажете въ дружескомъ гостепрѣимствѣ усталому страннику, потому-что вы добры и прекрасны.

— Эта восточная любезность меня восхищаетъ, сказала хозяйка, которая, какъ модная дама, знающая приличія, успѣла оправиться отъ своего смущенія: *mais j'abuserai de votre bonté*: я не считаю этотъ

прибавь молчалив вѣтромъ, ацъ вечеръ принадлежить мнѣ. Деванъ, прибавила она, обращаясь къ жокею, позаботься о лошади этого барина.

— Пойдемте въ садъ.

Они вошли въ садъ.

— Памятны ли вамъ эти мѣста? спросила она, проходя мимо бесѣдки съ развоцвѣтальными окнами.

— Мнѣ кажется, что я вчера еще здѣсь былъ.

— Въ этомъ саду я ничего не измѣнила съ-тѣхъ-поръ, прибавила она, съ радостью ухватаясь за этотъ предметъ разговора: всегда только вырубить тѣ старыя деревья, что разрослись надъ прудомъ.

— Напрасно, они чудесно осыпали его.

— Отъ нихъ было всегда очень темно въ той сторонѣ сада.

— А ваши цвѣтники какъ богаты!

— Я ихъ отдала въ полное распоряженіе дѣтямъ, онѣ доживаютъ цвѣты, сажаютъ и пересаживаютъ; я ненавижу этой пачкотни.

— Какимъ же дѣтямъ? развѣ у васъ есть дѣти? спросилъ въ задумчивости Чеварскій.

— Я говорю о сестрахъ моихъ.

— А! сестры Юля и... Оля?

— Леночка.

— Да, Леночка. Гдѣ же онѣ?

— Онѣ гулять пошли.

Чеварскій задумался.

— Я васъ оставлю на минуту, сказала хозяйка: мой туалетъ рѣшительно неудобенъ для прогулки пѣшкомъ.

Чеварскій отвѣчалъ улыбкой и поклономъ, и когда Нина въ своемъ длинномъ черномъ платьѣ скрылась за деревьями, Леонидъ медленно направилъ шаги къ крыльцу, уставленному цвѣтами. Онъ шелъ, бросая задумчивые взгляды на тѣ предметы, которые нѣкогда служили декораціями самой патетической драмѣ его молодости. Но увы! воспоминацямъ армянскихъ дней не находили отголоска въ его устарѣломъ сердцѣ; объ этомъ можно было судить по иронической улыбкѣ, мелькавшей на его губахъ.

— И стоило мнѣ мучить моего Амори! бормоталъ онъ самъ про себя, чтобъ поскорѣй взглянуть на этотъ общипанный садъ. Онъ вошелъ въ нервую комнату, и при видѣ ея изящнаго убранства заключилъ, что ~~его~~ Нина живетъ въ роскоши. Между многими изящными безделушками, расположенными на столахъ, каминѣ и стѣнахъ, онъ замѣтилъ картину, на которую падали лучи заката.

— Это Тиціанъ, подумалъ Чеварскій: вещь неоцѣнимая! и онъ

зналъ о пристрастіи Нины къ живописи; неужели она изъ одного тщеславія рѣшилась раззориться?

Пока онъ разсматривалъ картину, въ саду раздалось что-то пѣніе французскаго романса; мотивъ былъ быстръ, но слова проносились отчетливо и съ чувствомъ; затѣмъ двѣ женскія головки мелькнули мимо отвореннаго окна. Средняя дверь отворилась; вошла въ комнату Леночка, и нѣсколько удивленная присутствіемъ незнакомца, молча поклонилась, ему. За нею проскользнула Юля, напѣвая романсъ и направляясь къ боковой двери; но оттого-ли, что въ комнатѣ кружилась золотая пыль, или оттого, что Юлія была разсѣянная вѣтренница, она не замѣтила гостя, и только взявшись за ручку двери, встрѣтилась съ его взоромъ и улыбкой, сопровождавшими поклонъ. Молодая дѣвушка задрожала, и съ легкимъ крикомъ упала на полъ. Чеварскій совершенно растерялся и бросился было къ звонку; но Леночка остановила его. Она спокойно подошла къ сестрѣ, усадила ее въ кресло и стала примачивать ей ко лбу и къ вискамъ воду, стоявшую въ графинѣ, на столикѣ. Дѣвушка оживилась подъ нѣжнымъ вліяніемъ сестринской заботливости. Чеварскій не сводилъ глазъ съ нея. Онъ сперва замѣтилъ легкое движеніе ея руки, потомъ розовый цвѣтъ, постепенно разливавшійся по ея нѣжному лицу; губки ея раскрылись, рѣсницы заколыхались; она открыла глаза и обратила къ гостю лицо свое, полное энергіи и прелести невыразимой. Галатея не была прелестнѣе въ минуту своего оживленія. Юлія взглянула на Чеварскаго, сперва съ боязливымъ любопытствомъ, потомъ... въ эту минуту само забвенія она не сознавала огня и безпредѣльной нѣжности своего взгляда. Опомнившись, она поблагодарила сестру за ея помощь, съ улыбкою подобрала волосы, спускавшіеся до колѣнъ, накинула на плеча мантилью, и подавъ Леночкѣ руку, вышла изъ комнаты. Чеварскій съ удивленіемъ глядѣлъ ей въ слѣдъ.

— Что это значить? думалъ онъ: неужели я произвелъ на нее такое сильное впечатлѣніе? Или она вспомнила меня? Но этотъ взглядъ? Могъ ли я оставить въ душѣ ребенка такое глубокое и нѣжное воспоминанье?

Приходъ Нины прервалъ его разсужденія.

— Лучше ли Юлинькѣ? спросилъ онъ.

— Развѣ она больна?

— Она упала здѣсь въ обморокъ, испугавшись меня вѣроятно.

— О нѣтъ! съ нею это часто случается. Странная дѣвочка; я недавно взяла ее изъ пансіона; она получила тамъ одинъ изъ первыхъ призовъ, и говорятъ, у ней удивительныя способности!

— А ваши сестры красавицы. Судьба этихъ милыхъ дѣвусекъ должна

интересовать насъ съ вами; мы знаемъ ихъ еще дѣтymi, и романъ ихъ раскрытъ только на первой страницѣ.

— А прогроз. Вы привезли съ собой вамъ путевой журналъ?

— Я не писалъ его.

— Тѣмъ лучше, вы сами будете рассказывать намъ свои приключенія. Сколько чудныхъ вечеровъ въ виду! La princesse В*, une de mes amies, вамъ будетъ очень рада.

— Повѣрьте мнѣ, княгиня Б. не сдѣлаетъ изъ меня никакого полезнаго приобрѣтенія для своей гостиной. Потершись на своемъ вѣку между миллионами людей, я не сохранилъ въ своей наружности ничего иностраннаго. Да меня и не признаютъ за путешественника: я былъ въ Италіи, и не вывезъ ни одной картинки и древности; видѣлъ Францію, и не говорю комплиментовъ; посѣщалъ Англію, но не пью портера; у нѣмцевъ не пропитался туманомъ философіи; однимъ-словомъ, я такой же неучъ и обыкновенный человѣкъ, какинъ и былъ. Я десять лѣтъ кочевалъ по Кавказу, по Южной-Россіи, по Европѣ и Азіи, потому-что люблю перемѣчивую жизнь; я видѣлъ много городовъ, много людей, много растений и картинъ, не смотрѣлъ на все не утруждая памяти и глазъ и безъ жажды впечатлѣній; а потому и вынесъ этихъ впечатлѣній изъ своей прогулки по свѣту столько, сколько и каждый ихъ извлечетъ изъ своей обыденной жизни.

— Вы мнѣ нравитесь своей оригинальностью, сказала Нина; жъ вы меня не разуверите въ томъ, что вы находка для Петербурга.

— Какинъ же образокъ? Я не держу даже позара француза, потому-что въ молодости привыкъ ко всякой нищѣ; я не посажу ни за что въ свѣтѣ къ себѣ на козлы англичанина съ длиннымъ бичемъ, а стану ѣздить въ русскихъ пошевняхъ, на удамой тройкѣ; въ своемъ жилищѣ оставляю въ покоѣ и сарафаны, и избы, и самоваръ, и запустѣлый дядохкинъ садъ; наконецъ, не буду разсуждать о политикѣ, объ эмансипаціи женщинъ, о картинахъ природы, о древнихъ памятникахъ; я отъ природы не болтливъ, и только теперь, наединѣ съ вами, заговорился.

— Ну, такъ и будьте откровенны со мной, сказала хозяйка, блеснувъ глазками: повѣрьте мнѣ все, какъ другу, какъ сестрѣ; ну, начинайте.

— Я усталъ.

Они оба улыбнулись. Нина ждала.

— Мнѣ право нечего рассказывать вамъ, лѣниво заговорилъ Чеварскій. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы расстались съ вами, я многое пережилъ, многое узналъ. Теперь пріѣхалъ къ вамъ отдохнуть и... кончить.

Сердце Нины радостно забилось: она придала этимъ словамъ смыслъ, какой хотѣла въ нихъ видѣть.

— А я, сколько я выстрадала во-время вашего отсутствія, сказала она: я потеряла мать и мужа.

— Знаю, все знаю, отвѣчалъ Чеварскій.

И онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на нее; потомъ опустилъ голову и задумался, углубившись въ кресла.

Во-время этой вечерней бесѣды старыхъ знакомыхъ совершенно иная сцена происходила въ комнатѣ сестеръ Нины.

Эта комната совершенно отличалась отъ прочихъ покоевъ дачи. Она была мала и наполнена ветхою, полуизломанною мебелью. Но въ ней, въ этомъ двѣхъ-стенномъ пріютѣ, было всегда чисто, свѣтло, и пахло цвѣтами. Въ минуту моего разсказа, въ этой комнатѣ были обѣ ея хозяйки. Юлія, полукрывъ глаза, лежала на постели; сестра придвинула къ этой постели единственный ихъ столъ, и занималась рукодѣльемъ, при свѣтѣ стеариноваго огарка. Подлѣ нея стояла корзиночка съ подобными остатками свѣчъ, которые старая Аксинья тайкомъ собирала для барышень, изъ бронзовыхъ подсвѣчниковъ, украшавшихъ гостиную и барынный будуаръ. Эта жатва огарковъ оправдывалась приказаніемъ Нины поставять въ комнату барышень только салныя свѣчи, а Леночка и Юлія терпѣть не могли ихъ запаха и тусклаго мерцанья. Сестры сидѣли за ширмами, и остальная часть комнаты оставалась въ полумракѣ; привычный глазъ могъ отличить тамъ зеркальце и цвѣты на комодѣ и зеленыя тафтяныя занавѣски-ширмы, освѣщенныя сзади; окно, выходившее въ садъ, было завѣшено бѣлой шторкой.

— Леночка, — сказала Юлія, открывъ глаза и оставивъ ихъ на лицѣ сестры: — Леночка, ты знаешь, что такое любовь?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ Леночка вздрогнула и покраснѣла.

— А! а! поймала, вскричала Юлія, вскакивая. Такъ вотъ какъ ты отъ меня скрываешь свои тайны!

— Перестань сибѣяться, Юлія, прервала ее съ грустію Леночка: эти тайны были скрыты отъ маменьки моей; она бы раньше умерла, еслибъ все знала. Ты знаешь, какъ она насъ любила, лѣтѣла, всегда называвъ насъ милыми своими малютками, хотя уже этимъ малюткамъ было близко двадцати, съ особеннымъ достоинствомъ заключила Леночка.

— Такъ, такъ, отозвалась Юлія... Однакожъ тѣмъ неменѣе ты многое отъ меня скрывала. Признавайся... Ну и все это было въ Нижнемъ-Новгородѣ. Зачѣмъ ты мнѣ ни о чемъ не писала!

— Затѣмъ, что не находила въ томъ нужды и пользы. Читая твои письма, я догадывалась, что ты очень добра и меня любишь, но

это не мѣшало тебѣ принять исторію моей любви за какую-нибудь ребяческую блажь, годную для элегического романа, или за просьбу о сочувствіи къ романтическому горю.

— О! какъ можно.

— Есть чувства, которыя мы хранимъ въ особомъ уголкѣ сердца, гдѣ онѣ согрѣты и спрятаны отъ чужаго любопытства и отъ людской вроніи. Я говорю это не въ оправданіе моей скрытности, а въ доказательство довѣрія моего къ тебѣ; даже все расскажу, если хочешь.

— Да, расскажи! Я хочу знать, какъ ты любила и кто онъ такой?

— Я была еще маленькая, когда къ намъ стала ходить одна старушка въ черномъ платьѣ, съ огромнымъ ридикюдемъ въ рукахъ. Она жила отъ насъ очень близко, такъ что изъ оконъ моей комнаты видѣнь былъ ея маленькій домъ, съ левкоями и геранью на окошкахъ. Приходила она къ намъ часто, и считалась у насъ своею домашнею и сидѣлкою при больной маменькѣ, даже моею нянькою. Мы съ нею дѣлились кофе, чаемъ, обѣдомъ, и очень любили ее. Предобрая была старушка Марфа Егоровна. Ты хочешь спросить, что общаго между ею и моею любовью? У ней былъ сынъ Коля, который учился въ Москвѣ. Я понимала, что этотъ Коля жизнь, любовь, надежда моей доброй старушки; я каждый день слушала рассказы про Колю ребенка, который выдерживалъ вязальныя иглы изъ чулка своей матери, и про Колю студента, которому дадутъ большую медаль въ университетѣ. Я знала, что Марфа Егоровна, молясь по вечерамъ Богу, благословляла каждый день, потому-что онъ приближалъ ее къ свиданію съ Колей. Ты можешь себѣ представить, что пріѣздъ Коли въ Нижній-Новгородъ былъ эпохою въ моей жизни. Онъ былъ у насъ. Я воображала его веселымъ, блѣнокурымъ мальчикомъ, и встрѣтила блѣднаго, сухощаваго брюнета, съ голубыми глазами. Между нимъ и уланомъ Зеницкимъ не было ничего общаго, а улана Зеницкаго я всегда считала идеаломъ мужской красоты, потому-что у насъ всѣ взрослые дѣвицы были безъ ума отъ него. Несмотря на это, Коля мнѣ нравился. Во-время перваго своего визита онъ говорилъ съ маменькой о намѣреніи своемъ держать экзаменъ на степень магистра, а до-тѣхъ-поръ преподавать частные уроки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Маменька пожелала ему успѣха.

Съ-тѣхъ-поръ онъ рѣдко бывалъ у насъ; а Марфа Егоровна со слезами жаловалась на сына, что онъ почти весь день проводитъ на урокахъ, большую часть ночи читаетъ или пишетъ, и все худѣетъ отъ труда. Мнѣ стало жаль Колю; и можетъ-быть потому, что я жалѣла его, я всегда обращалась съ нимъ съ ласковою фамильярностью.

Однажды онъ вошелъ къ намъ, когда я сидѣла съ книгою въ рукахъ.

— Что вы читаете? спросилъ онъ.

— Карамзина.

Онъ улыбнулся и взялъ изъ рукъ моихъ книгу.

Я невольно покраснѣла, вспомнивъ, что дѣлала отмѣтки на поляхъ; онъ пересматривалъ ихъ, продолжая улыбаться. Потомъ спросилъ, закрывъ книгу. Вы много читаете?

— Очень мало, отвѣчала я: у папеньки были книги, но онъ остался въ Петербургѣ, у сестрицы; мы увезли съ собою только эту и французскую: *Télémaque*, по которымъ я читать училась.

— Если вы мнѣ позволите, сказалъ онъ, я могу вамъ служить моими книгами.

Онъ сдержалъ обѣщаніе и приносилъ мнѣ лучшія произведенія русской и иностранной литературы, самъ приходилъ читать ихъ со мною, и у насъ мало-по-малу образовались лекціи литературы. Николай Семеновичъ сталъ моимъ учителемъ. Это было странное время моей жизни. Маменькѣ дѣлалось день-ото-дня хуже, и я не отходила отъ ея постели, вышивая подушку Марфѣ Егоровнѣ, въ благодарность за труды ея сына.

Я много молилась тогда; каждую минуту то меня мучило какое-то зловѣщее предчувствіе, то мнѣ казалось, что въ жизни есть радости, которыхъ я не подозрѣвала, и которыя мнѣ придется узнать. Я не могу передать словами тогдашней тревоги моей души; вѣрно это была временная болѣзнь, потому-что и прежде и послѣ этого я была постоянно спокойна. Въ назначенный часъ вечера приходилъ Николай Семеновичъ съ книгами. Онъ читалъ превосходно и оживлялся при чтеніи. О, какъ онъ былъ хорошъ въ тѣ минуты, Юлія! Я досихъ-поръ не знаю выше наслажденія, какъ слушать прекрасные стихи, приносимые любимымъ голосомъ. И эти минуты, Юлія, никогда не возвратятся!

Оканчивая чтеніе, онъ всегда оставался разговаривать со мною о своихъ планахъ, надеждахъ и трудахъ.

Мнѣ нравилась твердость его характера, каменная воля, мужество въ борьбѣ съ превратностями судьбы. И что безъ такихъ качествъ человекъ, когда его со всѣхъ сторонъ окружаютъ пренятствія, горе, искушенія? Николай Семеновичъ улыбался моимъ предсказаніямъ жизни. Прощаясь, мы жали другъ-другу руки, и долго, послѣ его ухода, смотрѣла я изъ своей комнатки на его маленькій домъ, гдѣ одно окно было освѣщено. Я думала, что за этимъ окномъ онъ доканчиваетъ тяжелый день, урывая отъ ночи еще нѣсколько часовъ, для занятій и размышленій. Часто на освѣщенной рамѣ отражался его умный профиль.

Боже, думала я, неужели онъ уѣдетъ въ Москву, держать экзаменъ, и по ночамъ всѣ окна будутъ темны въ маленькомъ домикѣ?

— Что же, онъ уѣхалъ? спросила Юлія.

— Онъ умеръ.

Этотъ отвѣтъ стоилъ многихъ слезъ Леночкѣ; она побѣднѣла и замолкла. Юлія заплакала.

— Я была на его похоронахъ, продолжала сестра ея: то утро было темно, какъ сумерки, падалъ мокрый снѣгъ. Я была больна, и все мнѣ казалось сномъ; но малѣйшія подробности этого дня живо сохранились въ моей памяти. Я будто теперь слышу ударъ земли о гробовую доску, земли, которую я бросила въ его могилу. На другой день у меня открылась горячка, которую приписали простудѣ, а бредъ о немъ — впечатлѣнію, произведенному похоронами. Старушка мать его навѣщала меня въ больницу. Она постарѣла нѣсколькими годами; голосъ ея сталъ слабъ, руки дрожали, волосы совершенно посѣдѣли. Когда я могла узнавать ее, то стала утѣшать, рыдая вмѣстѣ съ нею и цѣлуя ей руки. Она рассказала мнѣ, что Николай Семеновичъ до послѣдней минуты скрывалъ отъ нея свои страданія и слабость. Онъ умеръ на диванѣ, и его мертвая голова нѣсколько минутъ покоилась на той подушкѣ, которую я вышивала. Мнѣ завѣщалъ онъ свою маленькую библиотеку, которая была его единственнымъ богатствомъ и любовью.

Вскорѣ мы похоронили мать его, и я любила ходить на ихъ могилы. Мнѣ тогда было семнадцать лѣтъ.

— И ты отказалась отъ счастья въ будущемъ? спросила Юлія, взявъ сестру за руку.

— Не отказывалась, но не ищу его. Я свободна: ни живому, ни мертвому клятвъ вѣрности не давала; но я люблю воспоминаніе о немъ.

Сестры нѣсколько минутъ молчали. Леночка потомъ встала, сложила рукоделье, и пошла молиться Богу. Юлія долго о чемъ-то думала, не сводя глазъ съ угасающей свѣчки, потомъ уснула.

IV.

На другой день, при раннемъ блескѣ солнца, сестры отправились бродить по полямъ. Юлія была рѣзва и беззаботна, какъ горная козочка. Она безъ усталости прошла двѣ версты; Леночка не останавливала ее.

Молодые дѣвушки дошли до моста. Правый берегъ рѣки былъ забросанъ маленькими дачами, съ полуоткрытыми окнами и дверями, съ раскинутыми передъ ними садами; вальво тянулось длинное поле, несравненное золотистою рожью и законченное темнымъ лѣсомъ. Сестры стояли

на скамью, кѣмъ-то оставленную подъ деревомъ. Онѣ смотрѣли нѣсколько минутъ на телѣжку, стоявшую передъ воротами перваго домика. Крестьянка изъ Парголова укладывала въ нее свои жестяные кувшины; дитя ея, усѣвшись на самомъ возвышеніи, держало возжи смирной лошадки. Больше никого не было видно; голубое утро еще безмолствовало; надъ головами дѣвушекъ дрожали свѣжіе древесные листья.

— Леночка, — сказала Юлія тихо: — помнишь, что было вчера?

— Помню и ничего понять не могу. Отчего ты упала въ обморокъ, увидя того господина?

— Леночка, — продолжала Юлія, не отвѣчая на вопросъ сестры: — у меня такъ легко и радостно теперь на душѣ, что еслибы въ жизни была всегда такіа минуты, — я назвала бы ее блаженною.

— И все онъ причиною?

— Мы теперь одѣтъ, насъ никто не услышитъ, я тебѣ все расскажу. Ты знаешь, меня десятилѣтнюю отдали въ пансіонъ къ мадамъ Фале. Я сперва очень плакала, потомъ привыкла, — привыкла и къ звонку, который насъ сзывалъ въ классы и въ дортуаръ, привыкла къ вставанью при свѣчахъ, къ водѣ со льдомъ, которою мы мылись, къ габеръ-супу, къ красной и черной доскамъ, къ билету за французскій языкъ; утромъ, я помню, мы встанемъ, напьемся чаю, и съ девяти до двѣнадцати у насъ учителя; потомъ дадутъ обѣдать, — до двухъ поиграемъ въ рекреационной залѣ, и опять до пяти часовъ классы; съ пяти учимся музыкѣ, приготовляемъ къ другому дню уроки, пьемъ чай, и ложимся спать. И такъ всякой день, всякой день! Вотъ ужъ жизнь была! По праздникамъ сестрица брала меня къ себѣ. Да и у ней, по правдѣ сказать, не очень было весело. То ея дома нѣтъ, то наѣдутъ къ ней гости, и меня не пускаютъ въ гостиную; покойный Матвѣй Петровичъ всегда былъ такой скучный; я все одна хожу, смотрюсь въ зеркала, разглядываю книжки, играю на фортепьяно, и уѣзжаю вечеромъ въ пансіонъ. Такъ прошло время моего воспитанія — я рассталась, какъ всѣ мои подруги; съ доброю мадамъ Фале. Вотъ тутъ начинается исторія моего сердца. Едва только я встрѣтилась съ Ниною, по моимъ расчетамъ, на долгое съ нею свиданіе, какъ снова должно было разстаться съ нею. Она отправилась за границу. Наканунѣ отъѣзда своего, Ниночка прислала мнѣ ящикъ съ вещами, которыя, помнишь, мы съ тобою дѣлили, когда ты уѣзжала съ маменькой. Этотъ ящикъ былъ забытъ, потому-что Матвѣй Петровичъ безпрестанно покупалъ мнѣ новыя игрушки, и нѣсколько лѣтъ лежалъ запечатанный. Когда я стала разсматривать то, что въ немъ сохранялось, меня обступили горничныя и

компаньенки сестры, и одна, изъ нихъ, взявъ въ руки мою рабочую шпательку, не осторожно отворила ее; что-то блестящее выпало и зазвенѣло; я подняла и увидѣла золотую овальную вещицу съ рѣзбю на обѣихъ сторонахъ.

— Здѣсь есть пружина? сказала одна изъ свидѣтельницъ моей находки.

И въ-самомъ-дѣлѣ, чуть я прижала пальцемъ внизу медальона, какъ верхняя дощечка отскочила, и мы увидѣли портретъ...

На другой день я проснулась раньше всѣхъ, тихонько подошла къ окну, и приподнявъ занавѣску, стала смотрѣть на портретъ; лицо его мнѣ казалось прекраснымъ и будто знакомымъ; я не могла отвести глазъ отъ этаго лица; пробѣло пять часовъ, но спать я больше не хотѣла; мнѣ захотѣлось пойти въ садъ, который я видѣла изъ окна, но я не смѣла туда пойти. То утро было также прекрасно, какъ и это, и мнѣ стало вдругъ весело, послѣ многихъ дней печали. Прошло уже три года съ-тѣхъ-поръ...

— Про какіе же дни печали ты говоришь? спросила Леночка.

— Я все почти глѣбо проплакала въ своемъ одиночествѣ. Сестры не было, прежнія мои любимыя подруги разѣхались по своимъ домамъ; я говорю любимыя... у насъ были очень добрыя дѣвицы, но я считала грѣхомъ съ кѣмъ-нибудь слишкомъ подружиться, потому-что любила тебя, Леночка. А ты и маменька были далеко; Нина и не думала обо мнѣ; я была одна, всегда одна, и очень часто глядѣла на портретъ. Онъ точно живой на этомъ портретѣ, онъ такъ нѣжно смотрѣлъ на меня, такъ чудно мнѣ улыбался... мнѣ казалось, что онъ одинъ меня любить.

И тогда мнѣ приходило на мысль, что, можетъ-быть, сто глѣбо прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ его положили въ могилу; но сейчасъ же я припоминала кого-то, и увѣрялась, что я видѣла его, что онъ произнесъ мое имя, что онъ, быть-можетъ, и теперь недалеко отъ меня. Еслибы сестрица была добрѣе ко мнѣ, то въ ту минуту, какъ она возвратилась изъ поѣздки, я бы во всемъ ей призналась и разспросила бы ее обо всемъ. Но я никому ничего не говорила. Каждую ночь я его видѣла во снѣ. Однажды... ахъ! что это за чудный былъ сонъ! Я съ нимъ была гдѣ-то, вѣрно въ Италиі; вокругъ насъ, подъ знаменемъ южнаго дня, сіяли цвѣты, бѣлый мраморъ, лазурь неба и моря; онъ меня велъ куда-то, держалъ мою руку и говорилъ се мнѣ; я забыла его слова, но онъ мнѣ тронули душу, потому-что когда я проснулась, подушка была мокра отъ слезъ; сердце у меня сильно би-

лось, мнѣ было невыразимо жаль потеряннаго она, и цѣлый день я ждала новой ночи.

Въ это время я стала мечтать, — Леночка, и перестала даже вспоминать свою пансіонерскую жизнь. Мнѣ иногда казалось, что я была въ маскарадѣ, вся въ черномъ, подъ маской, открывала ему свои тайны, свои чувства, и онъ улыбался такъ, какъ онъ улыбается на портретѣ. Мнѣ иногда мечталось, что я—богатая дама, и мнѣ рассказываютъ про несчастныхъ людей, которые умираютъ отъ голода и нищеты; я иду къ нимъ, въ пятый этажъ, и встрѣчаю тамъ его, больного, въ рубищѣ; я отдаю ему всѣ мои деньги, возвращаю здоровье... счастье...

Другой разъ я бывала на балѣ, въ цвѣтахъ.... это моя любимая мечта: представь себѣ яркую залу, музыка, колонны, зеркала; я въ толпѣ гостей узнаю его, онъ на меня смотритъ, онъ идетъ ко мнѣ, у меня сердце замираетъ, нѣтъ силъ оторвать зора отъ его глазъ; вотъ онъ приглашаетъ меня на вальсъ... мнѣ слышится его голосъ, — звучный и нѣжный...

Леночка, ты не знаешь блаженства мечты! Я нѣсколько разъ думала писать тебѣ объ этихъ чудныхъ радостяхъ, которыя мнѣ снились наяву, но мнѣ казалось, что ты слишкомъ невинна и меня не поймешь.

— Но скажи мнѣ, Юліа, гдѣ-жъ этотъ медальонъ?

— Онъ у меня тутъ, на груди, всегда; это мой талисманъ, мое утѣшеніе въ минуты сердечной грусти.

— Когда же все это было?

— Годъ тому назадъ. Не задолго передъ тѣмъ скончался Матвей Петровичъ. Ахъ, какъ я жалѣла о немъ, онъ былъ такой добрый, такой ласковый... Въ этотъ годъ я понесла двѣ потери и одну самую тяжелую, за нѣсколько дней до моего выпуска изъ пансіона... о, не забуду я этого дня. М-ше Фале сядѣла въ классахъ; ты видѣла м-ше Фале? Такая добрая маленькая старушка. Вдругъ входитъ лакей и подаетъ ей письмо, запечатанное черною печатью. Богъ знаетъ, отчего я испугалась и у меня заняло сердце.

М-ше Фале прочла письмо, положила его въ свою рабочую шкатулку и посмотрѣла на классъ; черезъ нѣсколько минутъ она вышла, шепнувъ что-то на ухо м-ше Adèle, которая была тогда дежурною. Когда урокъ кончился, я убѣжала въ дортуаръ, потому-что я должна была скрывать мои слезы: вдругъ входитъ м-ше Adèle, —она всегда наказывала тѣхъ, кого поймаетъ въ дортуарѣ; увидя меня, она прошла мимо и ничего не сказала. Это еще болѣе встревожило меня. За обѣдомъ я съ трудомъ проглатывала куски; въ рекреационной залѣ я видѣла, что дѣвочки

жадутся и смотреть на меня; мнѣ даже слышались слова: умерла... умерла, сестра, Нижний-Новгородъ. Я старалась казаться спокойною, хотя у меня сердце разрывалось на части. Mesdames, сказала я, — у кого списаны примѣчанія географіи, одолжите мнѣ. У меня! у меня! возьми Юлинька! вотъ онѣ, душа! закричали почти всѣ разомъ. Я старалась улыбнуться такой странной услужливости, а чувствовала, что бѣднѣю. Вдругъ раздался голосъ m-lle Adèle: M-lle Julie, къ вамъ пришли; ступайте къ m-ше Фале, въ гостиную. Я пошла шатаясь; тамъ сидѣла Нина въ глубокомъ траурѣ; увидя ее, я бросилась къ ней, и только могла сказать: Нѣтъ ея! моей мамашы!

Нина заплакала; m-ше Фале утирала глаза и стала ласкать меня. Когда сестрица ушла, m-ше Фале позволила мнѣ цѣлый день не учиться и остаться у ней обѣдать и вечеромъ чай пить. Вечеромъ были гости; меня всѣмъ показывали и называли круглою сиротою. Казалось, всѣ принимали во мнѣ такое живое участіе, но черезъ минутѣ забывали меня. Подали чай, послѣ него всѣ усѣлись посрединѣ гостиной. Самѣ и Лизѣ Петровымъ вѣдѣно было играть на фортепяно, въ четыре руки. Я сидѣла въ уголкѣ, за ширмой изъ плюща, и мнѣ живо представлялась ты одна, въ маленькой, низкой комнатѣ, гдѣ пахнетъ ладаномъ и догораетъ свѣча... какъ ты должна была страдать тогда, мой другъ. Мнѣ было страшно думать, что мамаша лежала въ гробу, и ни я, ни Нина не простились съ нею. Въ 12 часовъ гости разъѣхались. Я убѣжала въ дортуаръ, и долго, долго, стоя на колѣнахъ у своей постели, горько плакала и молилась. Въ слѣдующіе дни я не надѣвала моихъ цвѣтныхъ платочковъ. Я еще не сняла плерезовъ съ платья, когда насталъ нашъ выпускъ. Наканунѣ того дня всѣ были грустны, и вечеромъ вышли въ садъ. Вечеръ былъ теплый, деревья только-что распускались; мы всѣ усѣлись въ бесѣдкѣ и разсуждали о томъ, что багряная полоса на горизонтѣ предвѣщаетъ вѣтренный день. Въ-слѣдствіе этого стали спрашивать, кто въ какомъ бурнусѣ пойдетъ.

Мнѣ было грустно. Я тихонько встала и пошла послушать у забора голоса прохожихъ съ улицы.

Вдоль забора разрослись кусты сирени; я вдругъ замѣтила въ новой зелени ихъ распустившуюся вѣточку; — я нѣсколько нѣсяцовъ не видѣла цвѣтовъ, и моя радость была невообразима; я сорвала эту сирень и стала искать счастья.

— И нашла?

— Нѣтъ. Но въ-послѣдствіи, когда я встрѣтила этотъ медальонъ мнѣ казалось, что сирень меня не обманула. Цѣль моихъ стараній была: узнать его. И этой цѣли достигнуть было невозможно при такомъ образѣ

жизни, какими обрнула меня сестрица. Я потеряла надежду. И вдруг вчера, въ комнатѣ было такъ свѣтло, онъ показался мнѣ призраккомъ... Увѣрь меня Леночка, что я не брежу... смотри, похожъ ли?

При этихъ словахъ Юлія вынула изъ-за корсажа медальонъ — и показала его сестрѣ. Нельзя было сомнѣваться, что вчерашній гость служилъ оригиналомъ этому портрету; но много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-и-поръ... нѣжный мальчикъ сдѣлался мужчиной...

— Я знаю его имя, продолжала Юлія, задыхаясь отъ радости: я спросила у Нины. Его зовутъ Леонидъ Чеварскій.

V.

Чеварскій часто бывалъ у Добромышцевой. Нужно ли говорить, что Нина была этому рада. Она принадлежала къ тѣмъ людямъ, которые какой-нибудь случайный, единственный успѣхъ въ жизни своей считаютъ порукою за будущіе несомнѣнные успѣхи. И почему же ей не сдѣлаться т-ше Чеварской? Леонидъ такъ безумно любилъ ее, уѣхалъ изъ Петербурга съ отчаяніемъ въ сердцѣ, возвратился съ желаніемъ ее увидѣть, что доказывалъ его немедленный прїездъ къ ней, на дачу. Значитъ, десять лѣтъ разлуки не охладили любви; и теперь чѣмъ богатая вдовушка, свѣтская женщина хуже бѣдной, никому неизвѣстной дѣвушки. Такъ думала Нина, покоясь на мягкомъ диванѣ, подъ волнами кружевъ и батиста, или управляя въ полѣ ученымъ конемъ. Чеварскій смотрѣлъ на нее сперва внимательно, потомъ насмѣшиво, и наконецъ отвернулся: ему было больно видѣть его Нину, полунаивную, полуромантическую, исчезнувшую въ образѣ свѣтской кокетки, которыхъ мой герой милліонами встрѣчалъ въ подлунной. Онъ разлюбилъ Нину, когда она его обманула; но эта первая его любовь, силою вырванная изъ сердца, оставила по себѣ, какъ цвѣтокъ, унесенный изъ комнаты, слабое, таинственное благоуханіе, и онъ мечталъ оживить ее, увидя ту, съ которою когда-то желалъ связать судьбу свою. Увы! онъ ее увидѣлъ, слышалъ голосъ ея, дотронулся до ея ручки, и при этомъ матеріальномъ соприкосновеніи образъ бывшей Нины, любимой и потерянной, исчезъ навсегда изъ его успокоеннаго воображенія. Для т-ше Добромышцевой все было кончено. Но, повторяю, Чеварскій часто бывалъ у нея на дачѣ: сестры хозяйки занимали его. Онъ любилъ подслушивать ихъ щебетанье въ маденькой комнаткѣ, которую онъ утромъ убирали цвѣтами, и ихъ тихую бесѣду по вечерамъ, когда, неразлучныя, онѣ гуляли въ аллеяхъ сада. Юлія затмѣвала красотой сестру свою. И Чеварскій часто смотрѣлъ на прелестную головку дѣвушки тѣмъ неотразимымъ и задумчи-

вымъ взглядомъ, которымъ онъ смотрѣлъ когда-то на чудеса южной флоры. Его удивляла робость Юліи; отчего убѣгала она иногда, завидя его въ другомъ концѣ аллеи? и ея бѣленькое платье мелькало между деревьевъ, какъ крылышко испуганной птички. Часто, невидимый, могъ онъ слышать ея голосъ, и въ этомъ голосѣ было столько могучихъ, вѣжныхъ, душу тревожащихъ звуковъ.

Однажды Леонидъ пріѣхалъ на дачу поздно, при лунномъ свѣтѣ. Нина, цѣлый день страдавшая мигренью, встрѣтила его въ предѣльномъ неглиже; она велѣла засвѣтить лампы, затворить окна от сырости, и просила гостя заняться музыкой. Младшія сестры, по обыкновенію, не показывались въ гостиной. Юлія бродила въ саду, передъ освѣщеннымъ фасадомъ дачи, какъ перы у воротъ очарованныхъ палатъ. Одно изъ оконъ отворилось, и блѣдная головка высунулась въ садъ.

— Ты простудишься, Юлія! произнесъ тихій голосъ Леночки.

— Леночка, я люблю Чеварскаго.

— Богъ съ тобой, Юлія, мнѣ страшно видѣть, какъ ты подчиняешься своему беспокойному воображенію.

— Послушай, сказала молодая дѣвушка, подходя къ сестрѣ: я думала теперь объ этомъ. Я знаю, что Богъ велѣлъ намъ далѣе возможность и средства быть счастливыми, зачѣмъ же вѣчно ждать чего-то, отъ всего удерживаться и сберегать свои чувства. Это все равно, что разбавлять вино водою, для того, чтобы дольше пить его.

— Это все софизмы, Юлія. — Я тебя объ одномъ прошу, не ослабляй пустыни мечтами твоей способности быть счастливою и дѣлать счастливыми другихъ; ты любишь не человѣка, а призракъ, идеалъ; ты не знаешь, кто такой этотъ Чеварскій, стоитъ ли твоей любви? не любить ли онъ другую?

— Я ничего этого не знаю, и потому люблю.

— Ты упряма; такъ я тебѣ скажу, что слышала, какъ Чеварскій говорилъ Нинѣ о своемъ намѣреніи уѣхать опять за границу.

— Ну что-жь? Пусть онъ меня любитъ годъ, полгода, мѣсяць одинъ, и тогда уѣдетъ. Онъ мнѣ оставитъ воспомнанія о счастіи, а развѣ это не права на вѣчную благодарность.

— Ты ужасная фантазерка, Юлія; говорятъ, что дѣвушки съ подобнымъ характеромъ всегда бываютъ несчастны.

— Я теперь счастлива! Слышишь онъ снова играетъ! Пойду слушать.

И Юлія легко подбѣжала къ двери, ведущей изъ сада въ гостиную. Сперва она неподвижно слушала, потомъ неслышно отворила дверь и смотрѣла. Это были для нея минуты высокаго блаженства. Искусно разыгрываемая мелодія переносила ея воображеніе къ вдалекому еще

времени пансіонской жизни, ко времени неопредѣленныхъ желаній и фантастической любви. Ея мечта многихъ лѣтъ теперь осуществилась: она его видѣла. Да, это онъ! Юлія знакомы его тонкія черты, его блѣдность, бѣлокурые вьющіеся волосы; но зачѣмъ губы его сжаты, какъ у людей скрытныхъ и недобрыхъ, а въ глазахъ ужъ нѣтъ того восторженнаго взора, онъ замѣненъ взоромъ холоднымъ, отталкивающимъ. Онъ средняго роста, гибокъ и строенъ; какъ ловко его бѣлыя руки берутъ октавы и какъ граціозно закидываетъ онъ назадъ голову.

Забываясь въ воспоминаніяхъ и мечтахъ любви, Юлія мало-по-малу отворила дверь; вдругъ, неожиданнымъ порывомъ, вѣтеръ ворвался въ гостиную; Чеварскій повернулъ голову, и увидѣвъ дѣвушку, остановилъ на ней взоръ, съ тою задумчиво-нѣжною улыбкою, которую такъ ловко уловилъ живописецъ медальона.

— Войдите же, mademoiselle, — сказалъ онъ ласково: — вамъ холодно въ саду.

Юлія колебалась; онъ всталъ взъ-за фортепьяно, и подоидя къ ней, взялъ ея маленькую ручку. Войдя въ гостиную, молодая дѣвушка была въ такомъ смущеніи, что не замѣтила свирѣпаго взгляда Нины, уставленнаго на нее.

Чеварскій, также не обращая вниманія на этотъ взглядъ, сѣлъ вѣстѣ съ Юліей на маленькій двумѣстный диванъ и съ нѣжностью глядѣлъ на молодую дѣвушку.

— Я зналъ васъ ребенкомъ, — говорилъ онъ: — вы были ко мнѣ тогда добры и ласковы, отчего же теперь я васъ пугаю?.. Возвратите мнѣ ваше довѣріе, я васъ люблю также, какъ и прежде, я о васъ часто думалъ во-время моихъ путешествій, и привезъ большія коллекціи раковинъ и сѣмянъ, которыя собиралъ единственно для маленькой Юліи. Я помню васъ прелестнѣйшимъ ребенкомъ; вамъ недоставало крылышекъ за плечами, чтобы быть совершеннымъ гоніемъ; вы обѣщали сдѣлаться современемъ красавицей, и признаюсь... сдержали обѣщанье.

Такъ говорилъ Чеварскій. Юлія въ смущеніи слушала его.

Она опомнилась только тогда, когда гость уѣхалъ и надъ ея невинною головкой разразилась гроза, во весь вечеръ бушевавшая въ груди Нины. Почти цѣлую недѣлю сестры встрѣчались съ принужденною холодностію.

Къ концу этой недѣли назначена была свадьба Амаліи Крекъ, пансіонской подруги Юліи, съ какимъ-то богатымъ иностраннымъ негодіантомъ. Невѣста приглашала на этотъ праздникъ всѣхъ своихъ бывшихъ подругъ, и Юлія, по приказанію Нины, скрѣпя сердце, нашла въ отвѣтъ на это приглашеніе, что сестрица еще не позволяетъ

ей выехать. Амалія ни за что не хотѣлось лишиться хотя одной свидетельницы ея великолѣпной свадьбы, и потому она сама прѣехала съ матерью къ Нинѣ.

Ниня не-хотя приняла незнакомыхъ гостей, но безукоризненный нарядъ двухъ дамъ, ихъ свѣтское обращеніе, ихъ великолѣпный экипажъ, быстро ее смягчили. Она сказала даже, что совершенно увѣрена въ томъ, что ея сестра будетъ внѣ всякой опасности подъ покровительствомъ такихъ прекрасныхъ дамъ, — и Юлію увезли на недѣлю въ Петергофъ.

Эти семь дней были всегда ей памяты.

Амалія была счастливѣйшая изъ женщинъ; она жила среди роскоши и довольства, она съ увлеченіемъ предавалась удовольствіямъ свѣта, къ которымъ еще не успѣла привыкнуть, и которыя легче давались ей въ ея новомъ положеніи.

Она была добра (счастливые всегда добры); ея румяное личико всегда оживлялось веселостью, невозмущаемою заботами жизни; наконецъ, она съ такою милою откровенностью разсказывала подругамъ о своихъ дѣвчечьихъ шалостяхъ, что Юлія день-о-то-дня все болѣе и болѣе привязывалась къ ней, и... въ одинъ прекрасный тихій вечеръ повѣрила Амаліи тайну любви, переполнившей ея душу. Амалія, выслушавъ, задумалась, но потомъ рѣшила:

— Что-жь, если онъ молодъ, хорошъ собой и богатъ, я тебѣ отъ всей души желаю счастья.

— Но какое же счастье, если я нигдѣ не могу его увидѣть?

— Онъ теперь въ Петербургѣ?

— Да.

— Ну, такъ я велю мужу познакомиться съ нимъ и пригласить его ко мнѣ.

Юлія, вмѣсто отвѣта, бросилась на шею подругѣ.

— Ты красавица, Юлія, сказала та, нѣжно цѣлуя влюбленную дѣвушку, и въ нашъ вѣкъ случается, что мужчины предпочитаютъ красоту богатству; погоди, я все улажу, только слушайся меня.

Юлія на все согласилась.

Случилось такъ, что одинъ изъ знакомыхъ Амаліи зналъ моего героя. Этотъ господинъ также бывалъ въ чужихъ краяхъ и питалъ особенную страсть ко всему иностранному. Онъ познакомился съ Чеварскимъ въ Италіи, и потому самыми поэтическими красками описалъ его.

— Для повѣрки вашихъ словъ, сказала ему хозяйка: приведите ко мнѣ послѣ-завтра, вечеромъ, вашего знакомаго.

Въ этотъ вечеръ Амалія принимала гостей въ своемъ будуарѣ;

тонное сияніе лампы, блѣдноглубой цвѣтъ мебели, стѣны и драпировокъ пріятно поражали взоръ; благоуханный вечеръ дремалъ за открытыми окномъ. Амалія, Юлія, Чеварскій и заграничный пріятель его, да еще молоденькой корнетъ Шарль, кузенъ хозяйки, составляли общество.

— Julie, ma chère, сыграй намъ что-нибудь, сказала Амалія.

Когда Юлія сѣла за фортепіано, молодая женщина осматривала ее съ головы до ногъ, и осталась совершенно довольна. Туалетъ, придуманный ею самою, былъ безукоризненъ: бѣлое платье безъ всякихъ украшеній; черныя косы великодушно обвивались вокругъ прелестной головки.

Чеварскій вѣскольکو минутъ слушалъ музыку и любовался греческимъ профилемъ игравшей; потомъ отошелъ къ камину, гдѣ разговаривали о Пале роляхъ. Когда онъ проходилъ мимо фортепіано, Юлія подняла на него робкій взоръ, и струны издали какой-то страшный унылый аккордъ.

— Vous avez l'air à tout fait naïs en le regardant, ma petite, шепнула ей Амалія. Когда кончили играть, займи другія мои гостей, вотъ напримѣръ кузенъ мой Шарль.

Корнетъ атаковалъ Юлію французскими комплиментами.

Чеварскій между-тѣмъ подсѣлъ къ Амаліи.

— M-lle Julie говорила мнѣ, что вы вмѣстѣ съ нею воспитывались въ пансіонѣ, сказалъ онъ.

— Да, но она вѣскольکو моложе меня. Она вамъ пріятна?

— Elle est charmante, дѣливо отвѣтилъ онъ.

— N'est ce pas? И какъ наивна! Avec sa beauté, ses talens, elle fera fureur dans le monde. Qu'en pensez vous?

— Vous avez raison, m-me, но я ее мало знаю.

— Она мнѣ о васъ много говорила, c'est une tête un peu exaltée; romanesque... Амалія dokonчила фразу значительной улыбкой; Чеварскій невольно повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ сидѣла Юлія, и замѣтилъ, что она улыбается корнету.

— Julie, сказала хозяйка, viens que je te montre mon album.

Юлія подошла къ столу; альбомъ былъ раскрытъ, и двѣ хорошенькія головки надъ нимъ склонились.

Но черезъ минуту Амалія подъ какимъ-то предлогомъ отошла, и Чеварскій пододвинулъ свое кресло къ молодой дѣвушкѣ.

Она продолжала перелистывать альбомъ, и остановилась на живописномъ пейзажѣ изъ окрестностей Неаполя.

— Вы были здѣсь? спросила она Чеварскаго.

— Былъ, три года назадъ.

— Я это знаю.

— Какимъ образомъ?

— Мнѣ рассказывали, что вы были здѣсь на балѣ у какой-то итальянки; она васъ попросила напомнить ей мотивъ изъ Нормы, и вы передали его на фортепьяно такъ полно и съ такимъ чувствомъ, что бывший тутъ извѣстный композиторъ пророчилъ вамъ славу виртуоза.

— Это случилось на виллѣ Джорджіани, я помню ее... я тамъ провелъ, у графа и графини Альмы два лучшіе года моей жизни.

— Кто эта графиня Альма?

— Премилая женщина! Она баловала меня, какъ ребенка. Надо вамъ сказать, что она была молода и прехорошенькая; и мнѣ было чрезвычайно пріятно предаваться въ ея обществѣ лѣни и мечтательности, которыя во мнѣ сильно развиты. Мы цѣлые дни бывало бродили съ ней по прекраснымъ окрестностямъ.

— Я думаю, сказала Юлія, что ваша жизнь была полна приключеній; у васъ много дорогихъ воспоминаній?

— Дорогихъ мало. Этотъ вечеръ прибавитъ одно... Я васъ люблю, Юлія, какъ я люблю все прекрасное, ваши глаза что-то чудное говорятъ мнѣ; покуда я сохранию въ памяти этотъ взоръ и въ душѣ вѣру въ васъ, до-тѣхъ-поръ, я не буду несчастливъ.

— Но развѣ мало прекраснаго въ мірѣ, сказала молодая дѣвушка взволнованнымъ голосомъ: на что же солнце блещетъ, какъ не для того, чтобы намъ было веселѣе жить.

— Вы молоды, и сохрани меня Богъ разувѣрять васъ; но вѣдь вы повѣрите тому, что если сильно ушибутъ голову ребенка, онъ на всю жизнь можетъ остаться идиотомъ. Я также въ молодости получилъ порядочный щелчокъ. Я любилъ дѣвушку вашихъ лѣтъ, она мнѣ казалась такою же доброю и благородною, какъ и вы; я любилъ ее какъ немногіе любятъ, а она меня обманула и посмѣялась надо мною... Я плакалъ, я кричалъ и бѣсновался, но мало-по-малу тоска и любовь прошли; остались рассудокъ, хладнокровіе, недоувѣрчивость; я сталъ смѣяться, не вѣрять, измѣнять.

— Васъ многія любили?

— Любили... да.

— А вы...

— Я много потерялъ свѣжести чувствъ въ постоянномъ анализѣ женскаго сердца; недоувѣрчивость—это ядъ для любви. Не любите такихъ людей, какъ я, Юлія... я бы васъ замучилъ.

Въ эту минуту подошла Амалия.

— Мы съ Шарлемъ условились завтра устроить *soirée dansante*, сказала она. М-г Чеварскій, я танцую съ вами первую кадрили.

— *Merci, madame*, отвѣтилъ онъ, и наклонясь къ Юліи, тихо сказалъ: вы будете со мною танцовать мазурку?

— Съ удовольствіемъ! прошептала дѣвушка съ дѣтскимъ восторгомъ.

Пріѣхалъ мужъ Амаліи и привезъ съ собою нѣсколько гостей; миръ общества на минуту разстроился, и Юлія, среди этой суматохи, убѣжала въ садъ, сорвавъ мимоходомъ розу.

Она шла, съ жадностію вдыхая сладостный запахъ цвѣтка. Дача глядѣла въ кушу деревъ своими яркими окнами; на галлерей за плющевою оградой, свѣтилась лампа подъ матовымъ колпакомъ. Дверь галлерей отворилась, изъ нея кто-то вышелъ; въ глазахъ Юліи мгновенно мелькнула сіяющая глубь залы, розовое платье Амаліи и бѣлые клавиши рояля. Звуки музыки, говора и смѣха влетѣли въ садъ. Дверь залы затворилась, и въ темнотѣ, между деревьевъ, сверкнули огонекъ сигары и золото эпюлета. Песокъ закрипѣлъ подъ чьиими-то шагами, Она хотѣла убѣжать, но молодой повѣса съ улыбкою загородилъ ей дорогу.

— Ахъ, м-г Шарль, пустите меня.

— Не пушу.

— Слышите, меня зовутъ *Amélie*.

— По-крайней-мѣрѣ, подарите мнѣ розу, которая у васъ въ рукахъ.

— Возьмите ее! съ дѣтскимъ смѣхомъ вскричала молодая дѣвушка, бросивъ розу.

Шарль пропустилъ Юлію, воткнулъ цвѣтокъ въ петлю сюртука и медленно вошелъ въ залу съ завоеваннымъ трофеемъ.

Чеварскій замѣтилъ эту розу; онъ видѣлъ ее въ рукахъ Юліи. Онъ улыбнулся ясмѣшливо, презрительно, и посмотрѣлъ въ окно.

Юлія, какъ легкая тѣнь, блуждала во мракѣ сада. Леонидъ угадывалъ ея прелестныя черты и неудовимую грацію движеній. Адская любовь, ревность и злоба зажглись въ его сердцѣ. Онъ поблѣднѣлъ, машинально взялся за шляпу... и черезъ минуту его не было на дачѣ Амаліи.

Весь слѣдующій день Юлія почти не выходила изъ оранжерей, составляя букеты и гирлянды для своего вечерняго наряда.

Вечеръ насталъ; зажглись огни, собрались гости; моя героиня была восхитительна. Улыбка почти не сходила съ ея розовыхъ губокъ, глаза упорно останавливались на главной двери, въ которую входили новоприбывающіе. Первые звуки оркестра казались ей вѣстниками несказаннаго блаженства.

Протанцовали два кадрили, — Чеварскаго еще не было. Юліи стано-

вились пыткой ничтожные разговоры танцоровъ, а танцы казались трудомъ. Голова ея болѣла отъ непривычнаго грома музыки. Въ самомъ разгарѣ бала, Амалия отозвала ее въ кабинетъ, и показала двѣ записки: одну отъ Чеварскаго, который извинялся въ своемъ отсутствіи по болѣзни; другую отъ Нины, которая требовала немедленнаго возвращенія Юліи домой. Съ этой минуты Юлія желала, чтобы скорѣе кончилась балъ; когда заиграли мазурку, глаза ея были полны слезъ.

На другой день она простилась съ Амалией и отиравилась домой, въ великолѣпной коляскѣ, подъ предводительствомъ колоссальнаго лакея. Тотъ день былъ теплый и пасмурный. Леночка встрѣтила сестру съ грустною улыбкой, повела ее въ ихъ комнатку, помогла раздѣться, и поцѣловавъ, сказала: Вчера здѣсь былъ Чеварскій и чѣмъ-то ужасно разсердилъ сестрицу; когда онъ уѣхалъ она послала къ тебѣ письмо.

— Но что же я сдѣлала? спросила бѣдная дѣвушка.

— Я увѣрена, что ничего дурнаго, но я тебя только предупредила на всякій случай. Ступай къ ней поздороваться. Вѣрно ничего не случится.

Юлія пошла съ трепетомъ сердца; ей почти дурно сдѣлалось, когда она взялась за ручку дверей будуара.

— Кто тамъ? раздался оттуда сердитый голосъ.

— Это я сестрица, я пріѣхала...

Двѣ минуты длилось молчаніе.

Наконецъ дверь отворилась, и горничная Нины объявила Юліи, что барыня больна и никого не хочетъ видѣть.

VI.

Чеварскій не былъ на вечерѣ у Амалии потому, что Юлія подарилъ розу корнету. Эта вещь была для него закономъ и жертвой. Цѣлый день его томило желаніе услышать изъ чьихъ-нибудь устъ любимое имя. Онъ поѣхалъ къ Нинѣ въ самомъ раздраженномъ состояніи духа, и преспокойно разсказалъ ей о своемъ новомъ знакомствѣ съ Амалией и о томъ, что видѣлъ у нея la petite Julie.

Нина поблѣднѣла при этомъ неожиданномъ извѣстіи, но въ минуту оправившись, разговорилась о своей материнской любви къ младшей сестрѣ, о томъ, сколько она ей стоила заботъ и денегъ, какъ ее баловалъ ея покойный мужъ.

— Я знаю это. — прервалъ ее Чеварскій: мнѣ прежде каждый шагъ вашъ былъ извѣстенъ.

— Это какимъ-образомъ? спросила Нина съ самолюбивымъ удовольствіемъ.

— Что-жь тутъ удивительнаго? Уѣзжая, я сказалъ другу, съ которымъ намѣренъ былъ вести переписку, что для меня самыя любопытныя вѣсти изъ родины будутъ вѣсти о любимой женщинѣ. И знаете ли, нѣтъ никого, чья бы жизнь и характеръ мнѣ были такъ знакомы, какъ ваши.

— Такъ опишите мнѣ ихъ, это интересно.

— Извольте. Вы родились подъ самую счастливую звѣзду; небо васъ надѣлило столькими святыми обязанностями, что исполняя ихъ, вы узнали бы самыя высокія радости жизни. У васъ была большая мать, которой нужны и дороги были ваши попеченія; она умерла не видя васъ, на рукахъ ребенка и наемныхъ людей; у васъ были сестры — малютки, ввѣренныя судьбою вашимъ заботамъ и свидѣтельницы вашей праздной, бесполезной жизни. Не прерывайте меня. Васъ любилъ безумно бѣдный, правда, но добрый человекъ, и какъ вы искусно и скоро убили въ немъ всѣ лучшія чувства; наконецъ, вы вышли за мужъ за прекраснаго, благороднаго Матвѣя Петровича и онъ сдѣлался жертвою своей доброты и довѣрчивости. Я знаю ваше пристрастіе ко всему, что отдаляло васъ отъ семейнаго круга. Время и обстоятельства утомились, испытывая васъ; вы не имѣли собственныхъ дѣтей, но меня страшить участь дѣвушекъ, которыя живутъ въ вашемъ домѣ.

Вслушавъ до конца эту правдивую рѣчь, Нина поднялась съ дивана блѣдная и нѣмая. Ее не такъ оскорбляла горечь упрековъ, какъ страшное убѣжденіе, что человекъ, такъ справедливо о ней думавшій, не захочетъ на ней жениться. Это разсѣивало въ прахъ самыя задушевыя ея надежды и наносило неизлечимый ударъ самолюбію.

— Я не знаю, милостивый государь, сказала она задыхающимся голосомъ: какъ назвать человека, который осмѣливается оскорблять беззащитную женщину въ ея собственномъ домѣ?

— Полноте! съ улыбкою отвѣчалъ Чеварскій: — это по праву старинной дружбы, о которой вы такъ много твердили мнѣ въ послѣднее время.

— Вѣроятно, это по поводу вашего страннаго участія къ Юліи, возразила Нина, которая готова была въ эту минуту ненавидѣть младшую сестру свою. Я ей желаю добра, но не въ состояніи потворствовать ея намѣреніямъ скорѣй отыскать жениха.

— Оставьте въ покоѣ бѣдную дѣвушку; я вижу, что вы очень разсердились, прощайте...

Не успѣвъ онъ выйти, какъ отданъ былъ приказъ людямъ

не принимать его. Леночка слышала это приказаніе, но обѣ младшія сестры не могли понять его причины.

Юлія до вечера томилась неизвѣстностью своего преступленія и предстоящаго наказанія; бѣдная дѣвушка, она ставила себѣ въ вину то, что весело провела нѣсколько дней, и что молодые люди отличали ее отъ прочихъ дамъ на вчерашнемъ вечерѣ.

Наконецъ, передъ чаемъ, Нина вошла въ комнату младшихъ сестеръ; нѣсколько минутъ наблюдала она работу Леночки въ пальцахъ, потомъ, обратясь къ Юліи, сказала съ презрительнымъ хладнокровіемъ: Ваши планы, какъ видно, разстроились: Чеварскій смѣется надъ вами и даже упрекаетъ меня въ томъ, что я недостаточно строга къ вамъ.

— Сестрица, спокойно возражала Леночка, которая понимала все очень ясно, — простите Юлію, если она дурно поступила. Наша мамашка, умирая, молилась о томъ, чтобы вы заглянули ее намъ. Будьте, какъ она,нисходительны.

— А я развѣ мало добра вамъ дѣлала? Я ей дала воспитаніе; хлѣбъ, пристанище; безъ моей помощи она погибла бы, а въ благодарность за все это, теперь она внесла стыдъ и безчестіе въ мой домъ.

— Что же я сдѣлала? спросила Юлія съ умоляющимъ взглядомъ.

— Ахъ, какъ наивна! Не знаетъ, что она дурного сдѣлала? Вы, сударыня, назначили свиданіе Чеварскому у вашей пріятельницы; а не могу понять, какъ эта Амалия, которая мнѣ казалась такой благоговѣптанной дамой, рѣшалась принимать у себя такого негодяя.

— Сестрица!..

— Молчать! вскричала Нина, топнувъ ногой. Чеварскій былъ влюбленъ въ меня въ—продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Такъ это вы?..

— Что?

Юлія замаялась.

— Онъ нѣсколько разъ просилъ моей руки,—продолжала Нина:— но я не рѣшалась вѣрить своей судьбы такому пустому и безправственному человѣку. И теперь, хотя ты не стоишь ни малѣйшаго о тебѣ попеченія, но я запретила впускать его сюда, чтобы онъ не свелъ тебя съ ума окончательно.

Съ этими словами Нина вышла изъ комнаты.

Жизнь Юліи тянулась скучно, однообразно. Она видѣлась съ Ниней только за обѣдомъ, когда съ трудомъ проглатывала куски чужаго хлѣба. Ей иногда снились на яву розовыя улыбки Амалии, блескъ ея комнатъ, лица гостей, — и сердце возставало противъ грустной дѣви, которая ей во всемъ этомъ отказала. Въ пылкой дѣвушкѣ родилась

желаніе отдалиться изъ негостеприимнаго дома сестры, но куда? Чѣмъ поддержать безпріютное существованіе? Красота, молодость и бѣдность— вотъ всё, чѣмъ она владела? И притомъ покينуть сестру, которая въ продолженіе столькихъ лѣтъ заботилась обо ней.... Но, Боже мой! какъ тяжела благодарность, не смѣшанная съ любовію и уваженіемъ! Лучше уѣхать!... надобно остаться!

Въ это время Чеварскій пріѣзжалъ два раза къ нимъ на дачу. Въ первый разъ ему сказали, что Нины нѣтъ дома, въ другой разъ ее въ-самомъ-дѣлѣ не было дома, и онъ нѣсколько минутъ разговаривалъ съ ея горничною. По его отъѣздѣ Юлія получила письмо. Она нѣсколько разъ его перечитала, и ложась спать, спрятала подъ подушкой.

— Онъ меня безумно любитъ, шептала она: эти дни разлуки ему стоили нѣсколькихъ лѣтъ жизни; онъ думаетъ, что никогда меня не увидитъ болѣе, онъ вѣрится въ вылакую, благородную любовь, онъ требуетъ отъ любви увлеченія, пожертвованій... и припоминая прочія прекрасныя фразы его письма, Юлія уснула спокойная, счастливая.

VII.

Въ восемь часовъ вечера, при солнечномъ закатѣ, множество экипажей стояло у подъѣзда петербургской станціи царскосельской желѣзной дороги. Безпрерывно стучали подъѣзжающія коляски или дрожки, и двери отворялись со входомъ новаго лица. Зала кипѣла народомъ. Причиной такого съѣзда былъ концертъ Гунгля въ Павловскѣ.

Оставалось пять минутъ до отъѣзда, когда группа молодыхъ людей, стала прохаживаться по вокзалу, перекидываясь усмѣшками и бросая значительныя взгляды на молоденькую путешественницу, сидѣвшую поодаль отъ всѣхъ.

Она была очень хороша собой и нарядно одѣта.

Она не встрѣтила ни одного знакомаго въ вокзалѣ, и исключительное вниманіе незнакомыхъ повѣсь было для нея истинной пыткой. Безмолвно мучилась она стыдомъ, страхомъ и досадой, и эти мученія проявлялись въ ускоренномъ біеніи сердца и въ яркомъ румянцѣ, горѣвшемъ на щекахъ. Последній звонокъ былъ для нея истинно глаголомъ спасенія. Она бросилась на галлерей, и кондукторъ, посмотрѣвъ на билетъ, указалъ ей мѣсто въ каретѣ. Спутниками ея были старикъ, молоденькая женщина и офицеръ. Старикъ вынулъ изъ кармана газету и углубился въ чтеніе. Молоденькая женщина съ комфортомъ усѣлась и подперла головку рукою, отчего спавшій широкій рукавъ обнажилъ ея ручку вочти до локтя. Рука дѣйствитель-

но была хороша. Офицеръ ловилъ взгляды моей одинокой героини и показывалъ видимое желаніе заговорить съ нею, но не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, обратился съ какимъ-то пустымъ замѣчаніемъ къ ланѣ съ хорошенькой ручкой. Ему отвѣтили очень любезно. Между-тѣмъ паровозъ захвальный, застучалъ и полетѣлъ. Юлія (это была она) задумчиво стала глядѣть въ поле. Всѣ происшествія удѣльнаго дня мелькали въ ея разстроенномъ воображеніи, какъ эти поля, лѣса и облака мелькали передъ окнами кареты.

Сегодня утромъ проснулась она на дачѣ, теперь далекой; встрѣтившись съ Ниной въ саду, она сказала сестрѣ, что Амалія проситъ ее прѣхать въ ея вновь-устроенную городскую квартиру. Можете ѣхать куда вамъ угодно, и дѣлать что вздумаете, былъ отвѣтъ. Эта фраза заставила понять Юлію, что присутствіе ея въ домѣ сестры непріятно для послѣдней.—Лучше трудъ—хотя бы самый тяжкій, лучше лишенія, но спокойствіе и свой собственный, хотя черствый кусокъ хлѣба. Юлія рѣшилась чрезъ Амалію искать занятій и мѣста. Съ этими мыслями она надѣла свое лучшее платье, соломенную шляпку съ розовыми лентами и легонькое темное пальто. Она собрала всѣ серьги и кольца, оставшіяся ей отъ матери, и не забыла маленькаго портмоне, въ которомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, хранились небольшія деньги. Она знала, что эти бездѣлушки могутъ быть единственнымъ средствомъ спасенія въ неудачахъ будущей жизни. Она ничего не сказала Леночкѣ о своемъ намѣреніи; только ея бѣдное сердце разрывалось на части при прощальномъ поцѣлуѣ съ сестрой у воротъ дачи. По обыкновенію, въ сопровожденіи Аксиньи, она пришла къ Минеральнымъ-водамъ, на пристань легкихъ невскихъ пароходовъ, устала, болѣе измученная внутреннимъ волненіемъ, чѣмъ долгою и посиѣшною ходьбою. Не зная времени отправленія пародовъ, она принуждена была ждать два часа, и наконецъ понеслась по голубой рѣкѣ, межъ зеленѣющими берегами—къ новой жизни, къ новымъ мѣстамъ. Блескъ лѣтняго дня казался ей предвѣстникомъ грядущаго блаженства.

Но когда Юлія, у Лѣтняго сада, сѣла въ пролетку и сказала извозчику названіе улицы, въ которой жила Амалія, серьезныя размышленія выигъ вытѣснили изъ ея сердца блестящія надежды. Она ѣхала къ своей пансіонской подругѣ просить пристанища и хлѣба, и не жаловалась на сестру, обвѣщать ее. Амалія, во всю свою жизнь не страдавшая отъ несправедливости и жестокости, будетъ ли сочувствовать своей вѣтроной подругѣ. Положимъ, Амалія приметъ ее къ себѣ; она богата, ей ничего не стѣбитъ сдѣлать добро; но Юлія горда, ей многого стѣбитъ просить и принимать благодѣанія. Наконецъ, эти вопросы объ интересѣ

не потребать ли всей вѣжкости ихъ взаимныхъ отношеній? Эти мысли были прерваны остановившеюся пролеткою у подъезда великолѣпнаго дома. Юлія расплатилась съ взвозщикомъ, отпустила Аксиныю и медленно стала подниматься въ бель-этажъ. У дверей квартиры она медлила взяться за звонокъ.

— Скажу, что я пріѣхала погостить, наконецъ рѣшила она, а потомъ подумаю, что дѣлать. При этомъ благодѣтельномъ намѣреніи она смѣло позвонила. Лакей отворившій дверь объявилъ, что никого нѣтъ дома.

— Гдѣ-жъ Амадія? быстро спросила молодая дѣвушка.

— Изволили уѣхать въ Павловскъ; приказали ждать себя къ двѣнадцати часамъ.

Юліи слѣдовало остаться. Но провести нѣсколько часовъ въ бездѣйствіи и ожиданіи было выше силъ ея. Притомъ Павловскъ... это слово какъ-то чудно для нея звучало! Чеварскій жилъ въ Павловскѣ, на дачѣ. Она была увѣрена, что встрѣтится тамъ съ нимъ и съ Амадіей.

Вотъ почему мы видѣли ее въ вокзалѣ. Теперь, проведя въ вагонѣ нѣсколько времени въ бездѣйствіи и размышленіи, она стала задавать себѣ вопросы; Какъ она встрѣтитъ Амадію, въ огромномъ саду, среди безчисленной толпы гуляющихъ? Можетъ-быть, молоденькая вѣтренница измѣнила своему желанію слушать музыку, и проведетъ этотъ вечеръ гдѣ-нибудь у знакомыхъ на дачѣ? Но поздно объ этомъ думать! Вагонъ съ шумомъ пролетаетъ по сумрачной аллеѣ павловскихъ рощъ.

Несмотря на всю затруднительность своего положенія, Юлія любитъ искрами, проносящимися среди сгущенного мрака вечера. Остановившись. Молодая дѣвушка очутилась въ шумной, нарядной толпѣ, и поспѣшила скрыться въ уединенной аллеѣ. Она шла куда глаза ея глядѣли, сперва въ садъ, потомъ по улицамъ, надѣясь встрѣтить Амадію и любуясь мимоходомъ легкими, быстрыми экипажами и прелестью городка, обвѣтаго цвѣтами и деревьями, которые уступали небольшое мѣсто граціознымъ домикамъ. Юлія наконецъ поняла, что заблудилась въ лабиринтѣ улицъ и что положеніе ея опасно; ей стало страшно и тоскливо; къ счастью, мракъ августовской ночи защищалъ ея красоту отъ вниманія прохожихъ.

Утомленная, озабная, она остановилась подъ деревьями какого-то сада. Ей слышался плескъ скрытаго въ мракѣ фонтана; вдали сіяла дача причудливой архитектуры, съ ярко-освѣщенными окнами. Юлія замѣтила балконы, съ переброшенными на перилы коврами, колоннады, одѣтыя плющомъ, фантастическія окна, украшенныя кружевными занавѣсками и цвѣта-

ни. Одно окно было отворено, и въ глубинѣ яркой комнаты она увидѣла блондуру, прекрасную голову молодого человѣка.

Въ глазахъ у Юліи помутилось; въ первое мгновеніе она хотѣла убѣжать; но силы ей изнѣжились. Нѣсколько минутъ слышался ей загадочный говоръ фонтана, чьи-то шаги и звуки любимого голоса, но что послѣ было, — она не помнила.

VIII.

Въ эпоху, описываемую мною, въ Павловскѣ жило семейство, мои добрые знакомые, которые въ-продолженіе цѣлаго лѣта видѣли изъ оконъ своей великолѣпной дачи сосѣдній уединенный садъ и въ немъ закрытый, необитаемый домикъ. Хозяинъ слишкомъ дорого просилъ, въ началѣ лѣта, за наемъ этаго маленькаго красиваго зданія. Въ началѣ августа дача открылась, украсилась и показала прелестнѣйшую бесѣдку межъ окружающихъ ее цвѣтовъ. За большими, почти всегда открытыми окнами видны были разноцвѣтные ковры, изящныя контуры новомодной мебели, темныя картины и яркіе цвѣты. Оттуда вылетали иногда звуки пѣнія, заставлявшіе прохожихъ останавливаться, задумываться и забывать о мелочахъ прозаической жизни. Когда пѣніе смолкало, слушатель, поднимая голову, могъ замѣтить за освѣщеннымъ окномъ красавицу, нарядно одѣтую, съ улыбкой смотрящую въ голубую даль неба. Иногда, въ ночную пору, вѣжныя руки раздвигали кружевные занавѣсы, и черныя глаза слѣдили за переливами луннаго сіянія въ небесныхъ тучахъ. Прекраснымъ утромъ обитательница маленькой дачи выходила къ своимъ цвѣтамъ, въ легкомъ бѣломъ нарядѣ. Ее видѣли, какъ она каталась по аллеямъ парка, сидя въ кабриолеткѣ подлѣ блѣднаго и прекраснаго мужчины, который самъ правилъ; но зонтикъ тогда ревниво склонялся надъ ея молоденькимъ лицомъ. Часто она мчалась на горячемъ конѣ по окрестностямъ Павловска, съ отважностію неустрашимаго всадника, и никто изъ прохожихъ не успѣвалъ замѣтить красоты амазонки.

Никогда въ-послѣдствіи Юлія не могла припомнить постепенно встѣхъ подробностей своей жизни въ Павловскѣ. Часто случайный аккордъ фортепяно оживлялъ въ ея памяти вечернія минуты, пролетавшія вѣстѣ съ звуками оркестра подъ темными деревьями парка. Она жила тогда, слѣпо повинаясь мечтамъ сильно возбужденнаго воображенія. Жизнь ея была полна неопредѣленныхъ восторговъ и внезапной боязни чего-то.

Для Чеварскаго Юлія была идеаломъ любимаго созданія, питаемаго

къ нему разумную привязанность развитой европейской женщины. Онъ любилъ ее горячо и нѣжно! Эта любовь—сокровище молодости, вдохнула въ него новую душу. Нѣсколько времени онъ былъ пылокъ, веселъ, великодушнѣе, благороднѣе. Въ это время, все болѣе и болѣе узнавая сердце молодой дѣвушки, онъ называлъ Юлію своей невѣстой.

Когда-то онъ хотѣлъ жениться на Нинѣ, и видѣлъ въ бракѣ святыню любви и долга. Потомъ онъ многое видѣлъ на своемъ вѣку. Онъ видѣлъ, какъ нѣкоторыя нарѣченныя невѣсты различныхъ сословій не иначе вступали въ домъ своихъ возлюбленныхъ, какъ со взносомъ отъ 50,000 годового дохода до дюжины серебряныхъ ложекъ включительно. Онъ видѣлъ, какъ нѣныя сентиментальныя героини любовались своей визитной карточкой, украшенной титуломъ иногда горбатого супруга; межъ-тѣмъ, какъ нѣжное имя Адольфа или Альфреда, друга юности, стиралось съ летучихъ листковъ изъ забытаго альбома. Онъ слышалъ, какъ магическій звонъ золота заглушалъ ропотъ любви; но самъ онъ не хотѣлъ быть женихомъ—спекулянтномъ. Его гордость возставала при мысли купить цѣною своей свадьбы имя и чепчикъ одной изъ милліона красавицъ.

А между-тѣмъ онъ сознавалъ, что женщина должна любить, что всѣ любящія женщины достойны участія и уваженія, что любовь есть непреложный законъ природы, и головка Юліи показалась ему достойною брачнаго вѣнца. Что было причиной такого сознанія? Безъ всякаго сомнѣнія благодарность за счастье, которымъ она его подарила, исключительная забота о томъ, чтобы ни одна тѣнь не легла на свѣтлый путь ея жизни, и желаніе назвать ее своею передъ людьми и Богомъ.

Въ концѣ медоваго мѣсяца, Чеварскій началъ вспоминать о прошедшемъ, о томъ, какъ тайно и горько страдалъ онъ отъ злаго намека Нины на желаніе Юліи сыскать жениха, отъ явнаго, послѣдшаго желанія Амааліи свести его съ ея подругой. Всѣ эти думы глубже и глубже западали въ его душу, и вызывали на уста болѣзненную улыбку, выражавшую насмѣшку надъ безуміемъ,—такъ называлъ онъ вѣру въ Юлію и любовь къ ней. Дурныя страсти, какъ болѣзни, растутъ, питаются терзаніями, которыя онъ сами производять. Чеварскій былъ болѣнъ сомнѣніемъ.

Молодые супруги, возвратясь осенью въ Петербургъ, заняли бельэтажъ дома, который принадлежалъ Чеварскому и гдѣ умеръ его богатый дядя. Леонидъ общалъ Юлію ложу для всѣхъ представленій итальянцевъ, говорилъ и о танцевенныхъ прелестяхъ маскарада, и составлялъ планы для будущихъ баловъ, которые онъ намѣревался устроить въ своемъ домѣ. Свѣтъ раскрылъ передъ Юліей, богатой и прелестной,

свои завидныя сопровища; будущее, казалось, тамъ для нея много прекрасныхъ годовъ; молодая женщина сознавала, что мужъ привелъ ее на праздникъ жизни, но она вынесла тысячу пытокъ, тысячу смертей, потому-что любила... А онъ? Онъ оскорблялъ ее подозрѣніями, мучилъ капризами, пугалъ возрастающею холодностью. Ея сестры уѣзжали на зиму въ губернской городъ, отстоящій на 5 верстъ отъ деревни Нины, и Юлію утѣшала одна надежда, что Леночка возвратится къ ней, что она доставитъ сестрѣ удовольствія, которыми сама пользоваться не умѣетъ.

IX.

Въ эту эпоху жизни Юліи появился на аренѣ большаго свѣта нѣкто Димлеръ. Онъ не былъ хорошъ собою, а былъ только молодъ и *ичтере-семь*. Правильнымъ чертамъ лица онъ умѣлъ придавать серьезное, порою грустное выраженіе, заставлявшее предполагать зрѣлость лѣтъ, глубокій опытъ въ жизни и скрытое горе; страстный взглядъ его возмущалъ иногда душу. Его разговоръ не блисталъ остроуміемъ, но онъ любилъ двумысленно выражаться, и часто говорилъ робкимъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Вѣря въ свое могущество надъ сердцами женщинъ, Димлеръ при первой встрѣчѣ съ красавицей Чеварской обрекъ ее въ жертву своему самолюбію. Съ-тѣхъ-поръ грустный взглядъ его неумолимо слѣдилъ за нею и зажигалъ адъ ревности и злобы въ груди Леониды, который въ смѣлыхъ посяганіяхъ на добродѣтель своей жены искалъ доказательствъ ея невѣрности. Юлія, замѣтивъ особенное вниманіе къ ней Димлера, стала съ нимъ холодна и осторожна.

Однажды, обиженная чѣмъ-то мужемъ, Юлія заплакала, и вынимая платокъ изъ кармана, выронила письмо. Чеварскій нагнулся, поднялъ, и нечаянно взглянувъ на адресъ, поблѣднѣлъ.

— Что это за письмо? съ удивленіемъ спросила молодая женщина.

— А вы не знаете его? Вы хотите, чтобы я самъ назвалъ его автора? Это письмо письмо Димлера, я знаю его почеркъ.

Чеварскій проговорилъ эти слова спокойно, но съ страшною улыбкой.

— Этого быть не можетъ, отвѣтила Юлія, пристально глядя въ глаза мужу, который смѣялся тихимъ, убійственнымъ смѣхомъ. — Меня удивляетъ...

— Что васъ удивляетъ? Что я смѣюсь, а не рыдаю, не проклинаю васъ? Вамъ хотѣлось бы умирить меня съ эффектомъ, или успокоить ложью? А проросъ, что вы придумываете въ ваше оправданіе? Какимъ-образомъ письмо это очутилось въ вашемъ карманѣ?

— Не знаю, отвѣчала молодая женщина.

— А я знаю; я понимаю всё ваши планы, и скажу откровенно, что вы превосходно повели свои дѣла: вамъ нужно было мужа, конечно съ состояніемъ, съ положеніемъ въ свѣтѣ,—для этого вашъ покорнѣйшій слуга. Теперь вы предоставили Димлеру довершить остальные требованія сердца.

При этомъ обвиненіи Юлія вскочила и въ изнеможеніи упала опять въ кресло.—Боже, Боже мой! вырвался вопль изъ ея груди.

— Пожалуйста, безъ гримасъ, продолжалъ Чеварскій: не полагайтесь на успѣхъ, который имѣли ваши притворныя ласки. Страшно подумать, что въ эти лѣта такъ сильно вкоренены въ сердце ложь и порокъ. Посмотримъ, что вы мнѣ отвѣтите, если я васъ спрошу: любите ли вы меня?

Чеварская съ ужасомъ слушала слова мужа. Онъ былъ неумолимъ и страшенъ въ своей злобѣ. Она не узнавала въ немъ любимого Леонида.

— Любите-ли вы меня? повторилъ онъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, я васъ не люблю! отвѣтила Юлія, гордо поднявъ свою блѣдную, прекрасную голову.

— *A la bonne heure!* Иначе и быть не можетъ. Я долженъ казаться смѣшнымъ передъ вами, а скоро и передъ цѣлымъ свѣтомъ. Что я? Слабый человекъ. Мои жалобы теперь бесполезны, мои сожалѣнія о прошломъ глухи и смѣшны; я проклиная васъ и себя за этотъ несчастный бракъ.

Онъ замолчалъ и опустилъ голову. Черезъ минуту послышался отдаленный звонъ.

— Я и забылъ, что у меня сегодня гости, сказалъ Леонидъ, вставая и проводя по лбу рукой: желаю вамъ спокойной ночи? Съ этими словами онъ пошелъ навстрѣчу гостямъ.

Чуть затворилась дверь, Юлія вскочила, какъ бы ужаленная змѣей: она нравственно проснулась. Она схватила со стола изображеніе распятаго Иисуса Христа, артистически сдѣланное изъ бѣлаго мрамора и вывезенное Чеварскимъ изъ Италіи, и прижавъ къ груди эту святую, молча глядѣла на звѣздное небо безъ слезъ, безъ мыслей, безъ молитвъ. Послѣ нѣкотораго успокоенія нѣжный образъ Леночки мелькнулъ предъ нею въ ночной темнотѣ. Голова ея опять закружилась; она схватилась за спинку кресла, чтобы не упасть. Одна мысль, что она была матерью восторжествовала надъ всѣмъ. Неземная радость вдругъ наполнила сердце Юліи; взоръ ея, отуманенный слезой, искалъ иконы. Я невинна! прошептала молодая женщина, упавъ на колѣни. Она стала молиться, и молилась долго, рыдая. Помолвившись, она вста-

ла и написала Лепочкѣ: Не прѣжай ко мнѣ, я ничего не могу для тебя сдѣлать; я также бѣдна теперь, какъ была бѣдна прежде, и даждавшись утра, пошла къ мужу, который во-время ея страданій пилъ шампанское, и отголоски ночной оргіи до летали до уединенной спальни Юліи.

Леонидъ спалъ на кушеткѣ, заложивъ руку за голову; бутылка, стоявшая передъ нимъ на столѣ, отклоняла отъ его лица свѣтъ еще горѣвшей лампы. Юлія тихо склонилась надъ нимъ, любуясь серьезнымъ выраженіемъ его прекраснаго лица, и вотъ ея горячія губы прижались къ его высокому, бѣдному лбу; въ этомъ прощальномъ поцѣлѣ такъ много благословенія, прощенія и вся любовь ея измученной души. Онъ слегка отклонилъ голову и прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, которыхъ значеніе она тщетно старалась уловить. Такъ они простылись. Пять минутъ спустя, Юлія быстро спускалась съ лѣстницы, не унося съ собою ни одной вещи изъ богатаго имущества, нарядовъ и игрушекъ, которыми такъ недолго пользовалась.

Въ этотъ день только за обѣдомъ Чеварскій спросилъ объ Юліи, и получивъ отвѣтъ отъ слугъ, что барыни нѣтъ дома, не разспрашивалъ болѣе: это было не въ его правилахъ; жена пользовалась неограниченною свободою въ его домѣ. Онъ сталъ ждать, и ждалъ долго; онъ сознавалъ необходимость потребовать у Юліи объясненія, доказательства виновности, и даже вымолить прощеніе за вчерашнюю вспышку. Но Юліи нѣтъ. Часъ отъ часу онъ становился нетерпѣливѣе, грустнѣе; въ эти минуты одинъ нѣжный взглядъ Юліи, сладкій звукъ ея голоса сдѣлали бы его покорнымъ, благодарнымъ; а вѣра въ ея любовь была бы для него блаженствомъ. Скажу болѣе, онъ чувствовалъ, что даже виновную простилъ бы, любилъ бы ее.

Но что же ее нѣтъ? Онъ взглянулъ на часы, и испугался, узнавъ, что первый часъ утра въ исходѣ. Съ трепетомъ сердца сталъ онъ догадываться, и шатаясь, какъ пьяный, со свѣчой въ рукѣ, вошелъ въ будуаръ своей отсутствующей жены. Первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ великолѣпный букетъ живыхъ цвѣтовъ—его ежедневный подарокъ Юліи. Леонидъ оглядѣлъ всю одинокую комнату; ему казалось, что нѣмыя ея стѣны какъ-то насмѣшливо и мрачно на него смотрѣли; онъ остановилъ взоръ на кушеткѣ, гдѣ вчера еще покоилась Юлія въ изобреженной и граціозной позѣ; онъ замѣтилъ смятое платье, забытое на стулѣ горничною, и утомленный опустился въ бархатное кресло. У его ногъ, подлѣ роноваго письма Динлера, валялась маленькая перчатка; онъ воднялъ ее, прижалъ машинально къ губамъ, и почувствовалъ знакомое благоуханіе, легкое и утѣтельное. Онъ сидѣлъ нѣсколько време-

ни, какъ пораженный громомъ, съ сухими и блестящими глазами. Юлія погибла для него, она его не любитъ, она сказала правду вчера, — вотъ словесный переводъ страданія, которое въ нѣсколько минутъ прожгло его сердце, не оставя въ немъ мѣста ни для одного радостнаго, ни нѣжнаго чувства.

Х.

Въ одной изъ безымянныхъ улицъ Петербургской-стороны есть деревянный, почернѣвшій отъ времени домикъ, грустно смотрящій на пустынную улицу своими тусклыми, не большими окнами.

На воротахъ этого зданія видна надпись, возвѣщающая, что домъ этотъ принадлежитъ мѣщанинѣ Феклѣ Фомининой, вдовѣ Самохвостовой, а къ калиткѣ приклеена бумажка, съ безграмотнымъ увѣдомленіемъ о томъ, что здѣсь отдается въ наемъ комната. Въ одно морозное воскресное утро дама подъ чернымъ вуалемъ постучалась у калитки этого дома; она ждала не болѣе минуты; на дворѣ послышался скрипъ снѣга подъ шагами бѣгущаго человѣка, задвижка загремѣла, и краснощекой мальчикъ, высунувъ въ калитку свое румяное лицо, спросилъ — чего вамъ?

— Здѣсь отдается комната?

— Здѣсь, пожалуйста.

Мальчикъ впустилъ даму и провелъ ее на крыльцо подъ навѣсомъ, откуда слѣдовало ей соскочить въ нѣжкія, совершенно темныя сѣни. Мальчикъ засуетился, погромѣлъ ключами и отперъ боковую дверь. Дама вошла въ маленькую комнату, гдѣ сляпкомъ небогатая мебель скрывалась въ полусѣнѣ; но не обращая ни на что вниманія, принадлевшая только спросила: кто хозяинъ этой квартиры?

— Маминька моя, отвѣчалъ мальчикъ.

— Гдѣ же она?

— А у обѣдни: сегодня праздникъ.

— Я подожду, — тихо сказала дама, опускаясь на простой деревянный стулъ.

Черезъ пять минутъ явилась хозяйка въ чистомъ ситцевомъ платьѣ и въ красномъ клѣтччатомъ платкѣ; розовыя ленты чепчика великоколѣпно развѣивались надъ ея головой.

— Что вамъ угодно, сударыня? спросила вдова наивѣжливѣйшимъ образомъ, съ любезною улыбкой.

— Я найму у васъ эту комнату.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, останется довольны. Мы люди смиренныя.....

— Что стоить?

— Многого не запрошу: три цѣлковика въ мѣсяцъ. И прислужить что. .. прибрать комнату, кофейку, чайку сварить, въ булочную сходить, въ трудъ этого не возьмемъ-съ. Одиѣ жить изволите?

— Одна.

— Вишь вы какія хорошенькія, блѣдненькія, чай-хворыя?

— Да, я больна! слабо проговорила дама, отворачивая голову.

— То-то же; мы васъ уберемъ. У меня у самой, сударыня моя, была дочка, красавица, что ни есть въ свѣтъ, 17 годочковъ минуло... думаю, чего тутъ ждать, купцы и чиновники на нее засматриваются, выбрать да и съ Богомъ. Она, моя голубушка, ножки и промочи о Покровъ-день, слегла въ постель, и въ седьмой день отдала Богу душу. Охъ ты, Господи, слезъ то слезъ то-я выплакала! Отенъ Семень бывало зайдетъ; чего, говоритъ, Ѳомишишна, убиваешься? Богъ далъ, Богъ и взялъ, Его Святая воля! Оно и правда, плакать-то грѣшно, а съ горемъ какъ совладаешь? Вы не замужня?

— Нѣтъ.

— Ну что-жь, надѣйтесь на Господа, авось судьба и выйдетъ.

— Машенька, закричалъ изъ сѣней мальчуганъ: гости ѣдутъ.

— Ахти; а какъ пироги пригорѣли! Прощенья просимъ, сударыня. И она выбѣжала, переваливаясь съ боку на бокъ.

Комната, занимаемая хозяйкой, было гораздо просторнѣе и красивѣе той, которая отдавалась въ-наемъ. Окна, завѣшенные бѣлыми шторами, передвигающимися на шнурочкѣ, пропускали много свѣта. Въ описываемый мною второй часъ пополудни воскреснаго дня, въ нечкѣ смежной кухни пылалъ большой огонь, и краснощекаій мальчишка съ наслажденіемъ поглащалъ носомъ запахъ кипящаго кофе и печенья. Гости собирались; при входѣ, крестясь, молились образамъ, передъ которыми теплилась лампада и висѣли фарфоровыя яйца, потомъ цѣловались съ хозяйшкой, и сажались за столъ, покрытый чистою скатертью.

Хозяйскій сынъ носилъ на этотъ столъ посуду изъ шкафа со стеклами, что стоялъ въ углу. Посуда была отличная. Къ Ѳеклѣ Ѳомишиной недаромъ всѣ уваженіе имѣли; два дюжіе мужика не педнали бы на плеча ея сундуковъ и коммод. Зато она и любила угощать; у нея по воскресеньямъ всегда собирались гости. Тутъ былъ и писарь, который между своими считался умнымъ человѣкомъ, и лавочница, которая все знала, и потому не умолкая говорила обо всемъ; племянница ея, которая пила кофе по каплямъ, и откусывала отъ своей булки такіе кусочки, которые не обременили бы желудка мухи; и сынъ сапожника съ своей неразлучной гитарой, и многія знаменитости квартала. Въ во-

ншатъ становилось душно, и сильно пахло табакомъ, что, однакожь, дѣлать несколько не беспокоило.

Однѣ крошечныя сѣни отдѣляли это шумное, непрехотливое веселье отъ безотраднaго уединенія и мучительной тоски.

Юлія неподвижно сидѣла на стулѣ; въ комнатѣ ея стемнѣло; свѣтло-голубыя сумерки свѣтились за окномъ, готовыя потухнуть; въ сѣняхъ непрерывно хлопали дверьми. Молодая женщина машинально прислушивалась къ стуку отодвигаемыхъ стульевъ, къ гулу болтовни, отголоскамъ свѣха и шѣрному бряцанью гитары.

Въ комнату вошла раскраснѣвшаяся хозяйка.

— Что же это вы, сударыня, вскричала она, вслѣснувъ руками:—въ потемкахъ-то сидите; чай дремали?

— И въ-самомъ-дѣлѣ, сказала Юлія, очнувшись, но... у меня нѣтъ свѣчей.

— Такъ пожалуйста денегъ, я своего мальчишку пошлю.

— Сдѣлайте милость! Съ этими словами молодая женщина вынула изъ портмоне ассигнацію и подала ее хозяйкѣ.

— Да вы и кушать ничего не извоили. Прикажете кофейку; горяченькій стойтъ у меня на очагѣ.

— Нѣтъ, благодарю.

— Въ праздникъ-то поститесь.

— Потрудитесь приготовить мнѣ постель, я не такъ здорова.

— Съ моимъ удовольвіемъ; все исполнено будетъ.

XI

Вдова Самохвостова одарена была отъ природы двумя неоцѣненными качествами: добрымъ сердцемъ и здравымъ смысломъ. Въ молодости вышла она за мужъ, по приказанію родителей, за трезваго и работающаго человека, и по собственному увѣренію, жила съ нимъ въ-продолженіе десяти лѣтъ какъ голубокъ съ голубкой въ тепломъ гнѣздышкѣ. Мужъ умеръ, оставя ей порядочныя деньжонки. Фекла Фоминишна съ дѣтства жила въ довольствѣ, и въ этихъ земныхъ благахъ, которыми ее счастье надѣлило, видѣла она возложенную на нее Провидѣніемъ обязанность помогать немущимъ.

Этимъ не думала она обижать свое родное дѣтище, зная, что кофѣйка, данная нищему, засчитается свыше. И сынишка росъ у нея на радость. Учился у Нѣмца часовому мастерству, одѣвался чисто, усердно молился Богу, уважалъ и гнѣшилъ мать. Одно воспоминаніе о дочери-

красавицъ, умершей въ раннихъ лѣтахъ, набрасывало тѣнь на ея тихую богоугодную жизнь.

Но это горе только смирило ее, вмѣсто того, чтобы горевать о потерѣ. Юлія напомнила ей любимое, утраченное дѣтя. Красота, молодость и безмялвая горестъ жилицы тронули сердце доброй старушки.

Тихій и ласковый голосъ несчастной женщины доходилъ всегда до сердца Феклы Фоминишны; ее трогало гордое молчаніе Юліи—и постоянная блѣдность ея лица; ее удивляла странная безмялвость жилицы, ложившейся спать, забывъ запереть двери; и принимавшій съду израсходованныхъ денегъ, никогда ихъ не считая. Однажды, на замѣчаніе хозяйки, что весь чай вышелъ,—Юлія пришла въ замѣшательство, и снявъ кольцо съ руки, попросила продать его, и купить что нужно. Фекла Фоминишна спрятала кольцо въ карманъ, вышла, и задумалась..... Въ былое время своей молодости она жила по графинямъ и по генеральшамъ, и теперь еще отъ нихъ получаетъ работу, потому—что всѣ господа знаютъ ее за отличную швею и стегальницу. Почему бы не похлопотать о томъ, чтобы барыня не была безъ дѣла. Денежными подаяніемъ ее; пожалуй, обидишь, а хотя у Юліи руки и нѣжны, все-таки она пойметъ, что честный трудъ веселитъ душу и деньгу дастъ. Сказано—сдѣлано: Фекла Фоминишна достала работу и предложила Юліи заняться ею. Теплыя слезы и несвязаныя слова благодарности были отвѣтомъ на это предложеніе, и когда хозяйка, вся взволнованная и увѣряя, что она любитъ дѣлать уваженіе хорошимъ жильцамъ, вышла изъ комнаты, Юлія судорожно сжала руки и долго безмялвно смотрѣла на маленькій клочекъ неба, который былъ видѣнъ изъ ея окна, за массою разноцвѣтныхъ и разнофигурныхъ крышъ соседнихъ домовъ. Въ тотъ же вечеръ пришла къ ней Фекла Фоминишна съ толстой книгой и съ просьбой сдѣлать ей одолженіе, прочитать что-нибудь про дѣланіи Святыхъ Отцовъ. Все время до вѣчи прошло въ душевннательномъ чтеніи и благочестивыхъ разговорахъ; хозяйка ушла въ свою комнату съ заплаканными глазами; долго до Юліи доносился шепотъ ея молитвы, земныя поклонны, потомъ скрипъ постели, и наконецъ храпѣнье, но истннѣ богатырское.

Но что же Юлія, которая должна теперь снискивать себѣ пропитаніе трудомъ? Она работаетъ безъ усталы и машинально, получаетъ нѣсколько серебряныхъ монетъ за свой дневной трудъ; на эти деньги Фекла Фоминишна покупаетъ для нея хлѣбъ и чай, хотя молодая труженица никогда не чувствуетъ аппетита. Въ назначенный часъ она ложится спать, и иногда пролежитъ съ открытыми глазами до—тѣхъ—поръ, пока въ соседней комнатѣ не заскрипитъ полъ надъ ступнями дѣшею

хозяйки, которая, засвѣтивъ свѣчу, приготовляетъ уже свой утренній кофе.

Наконецъ Юлія сдѣлалась матерью прелестнаго мальчика. Это было въ настоящемъ ея положеніи Божіе благодѣяніе. Она любила своего сына со всею горячностью, со всею самоотверженіемъ материнской любви. Ея прекрасныя глаза почти всегда были обращены на милое личико младенца; въ ней родилось достаточно силы, чтобы подставить голову громамъ и молніи, для защиты этого слабаго, маленькаго созданія; но все ей казалось, что ея сокровище отъ нея отнять скоро, что она ему временная хранительница.

ХІІ.

Настало лѣто 1850 года. Юлія едва замѣтила первые лучи егѳ и новую зелень. Она жила попрежнему, работая и лелѣя сына, утренняя, что жизнь ея ни къ лучшему, ни къ худшему измѣниться не можетъ. Тоже думала Фекла Фоминишна, когда однажды вечеромъ кто-то постучалъ въ калитку ея дома.

— Поди посмотри, Ванюшка, кого тамъ Богъ послалъ, — сказала она сыну.

Тотъ выбѣжалъ, и черезъ минуту, запыхавшись, донесъ, что какая-то барыня спрашиваетъ жилищу.

Хозяйка поспѣшно бросила чулокъ, который вязала, и съ важнымъ колебаніемъ тѣла пошла навстрѣчу пріѣзжей, которой загородила дорогу въ сѣняхъ.

— Кого вамъ? спросила она, осматривая съ головы до ногъ молоденькую гостью.

— Юлія здѣсь живетъ?

— А на что ее вамъ?

— Какъ на что? Она сестра мая.

— Сестра? Повднюшко же вы объ ней вспомнили. Сестрица-то ваша, почитай, годъ изъ своей роденьки живаго лица не видывала;—да погодите, я еще посмотрю, дома ли она.

Хозяйка отворила дверь Юліиной комнаты, и въ эту минуту пріѣзжая дама увидѣла граціозный профиль сестры, склонившей голову надъ шитьемъ. Она бросилась къ ней. Юлія подняла глаза, задрожала всѣмъ тѣломъ, и обнявъ Леночку, скрыла лицо на ея груди.

Сестры молча рыдали.

Фекла Фоминишна сперва съ удивленіемъ смотрѣла на нихъ, потомъ поняла въ чемъ дѣло, и стала всхлипывать. Она же первая, когда же-

люды барыни успокоились, начала разговоръ, относясь съ извиненіемъ къ Леночкѣ за свой грубый пріемъ.

— Видно моя добрая Фекла Фоминишна приняла тебя за недруга и рѣшилась защищать меня.—сказала Юлія, улыбаясь.

— Кажется, что такъ,—отвѣчала Леночка:—но мнѣ этотъ пріемъ чрезвычайно понравился. Онъ убѣдилъ меня, что у Юліи, покинутой всѣми близкими, есть еще друзья и покровители.

— Премного благодарны вамъ, сударыня, за ласку. Я скажу, что сестрица ваша барыня смиренная, негордая; сама я женщина хоть неученая, а все-таки человѣка могу распознать и по своимъ средствамъ уваженіе сдѣлать. Вы, барышня, чай, не здѣсь все время проживали?

— Я только вчера пріѣхала изъ провинціи.

— То-то же. А мнѣ съ перваго разу и въ догадъ не вошло. Да что я, дура, торчу, здѣсь: и вамъ не дамъ наговориться, и гостѣй кофею не сварю.

Съ этии словами хозяйка вышла.

Когда сестры остались одиѣ, глаза Леночки упали на что-то закрытое бѣлымъ. Она встала, отвернула покрывало, и долго смотрѣла на спящаго ребенка, потомъ тихо поцѣловала его.

Благодарный взглядъ Юліи былъ отвѣтомъ на это нѣжное, красно-рѣчливое привѣтствіе. Она взяла сестру за руку и посадила подлѣ себя. Онѣ обѣ были блѣдны и съ грустною улыбкою смотрѣли другъ на друга.

— Расскажи мнѣ все, какъ было,—тихо сказала Леночка.

Юлія повиновалась; она не скрыла ничего, только смягчила нѣкоторыя выраженія Леонида.

— Какимъ же образомъ эта записка попала въ твой карманъ?—спросила Леночка.

— Это для меня всегда останется загадкой.

— Твой мужъ поступилъ опрометчиво, Юлія; но неужели ты не примирима съ нимъ?

— О, нѣтъ! я все ему простила тогда-же, въ то ужасное утро, когда я разставалась съ нимъ, и еслибы я знала, что онъ меня жалѣеть, что не ненавидитъ меня,—то я бы ему всю жизнь посвятила.

— Во всякомъ случаѣ, душа моя, послушайся сестры: возвратись къ нему, оправдайся.....

— Онъ ничему не повѣритъ, и не можетъ простить.

— Но ты лишаешь сына отца и наследства.

— Онъ не признаетъ моего ребенка сыномъ и наследникомъ своимъ.

— Онъ долженъ признаться. . не полагайся на свои убѣжденія, Юлія....

Что ты думаешь теперь дѣлать?

— Я умирая, поклонюсь ему въ моей невинности.

— А теперь?

— Теперь уже поздно! — рѣшительно сказала Чеварская, отвернувъ голову.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе...

— Но довольно объ этомъ, Леночка? наконецъ заговорила Юлія: расскажи мнѣ лучше, какъ ты жила все это время. Что Нина?

— Она выходить за мужъ.

— За кого?

— За Мецкаго, ея деревенскаго сосѣда. Опъ моложе ея пятью годами, но очень богатъ.

— Зачѣмъ же вы на лѣто пріѣхали въ Петербургъ?

— Она ѣдетъ въ Ревель, но привезла меня сюда, чтобы опредѣлить въ компаньонки къ теткѣ своего жениха.

— Какая же это тетка?

— Слѣпая старушка; говорятъ немного вспыльчива. Я буду получать у нея небольшое жалованье.

— Какъ? и куда Нина будетъ веселиться въ Ревель, ты должна будешь скучать съ сварливой, можетъ-быть, старушкой?

— Нина въ этомъ случаѣ только исполнила мое желаніе, мою просьбу.

— Отчего же ты хочешь оставить ее?

— Я тебѣ во всемъ признаюсь. У нея престранный характеръ: она ревнуетъ меня къ своему жениху, хотя она влюблена въ нее безъ памяти и не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія, и я сама, сколько возможно, отъ него удаляюсь.

— Ну а прежде она хорошо съ тобой обращалась.

— Хорошо, до-тѣхъ-поръ, пока не стали носиться по городу разные нелѣпные толки о томъ, отчего она меня никому не показывалась. Я стала выѣзжать съ нею.

— И ты веселилась?

— Я страдала. Ты не можешь себѣ представить, какими подозрѣніями меня унижала Нина, какими оскорбленіями отличивала мнѣ за каждый часъ, проведенный въ обществѣ. Лестное обо мнѣ мнѣніе какого-нибудь молодого человѣка, каждый взглядъ, неумышленно обращенный на кого-нибудь, даже прическа къ лицу, все было въ ея глазахъ преступленіемъ. Но полно объ этомъ. Поговоримъ о тебѣ, Юлія.

— Что обо мнѣ говорить, я все потеряла въ жизни.

— Развѣ ты не любишь сына? У тебя есть цѣль въ жизни... Не грѣши, Юлія; ты счастливѣе многихъ. Однако, — прибавила Ле-

ночна, ожидывая комнату взглядохъ:—я вижу, что ты не очень притотлива. Нашихъ общихъ средствъ достаточно будетъ для того, чтобы улучшить твое положеніе. Я завтра же принужусь за дѣло. Надобно оклеить эту комнатку новыми обоями и поставить цвѣты на окошко, тебѣ веселѣе будетъ жить и работать. Ахъ, Юлія, какъ дурно понимаютъ счастье тѣ, которые думаютъ найти его въ ненарушимой лѣни. Трудъ необходимъ для жизни, какъ соль для кушанья.

— Всегда трудиться!

— Мы придумаемъ какія-нибудь развлеченія для праздниковъ; эти дни я всегда буду проводить съ тобою. Я постараюсь доставлять тебѣ занимательныя книги. Ты прежде такъ любила чтеніе.

Разговоръ сестеръ былъ прерванъ приходомъ хозяйки, которая несла на огромномъ подносе все необходимое для кофе.

— Еслибъ не Фекла Фоминишна, сказала Юлія съ улыбкой: я позабыла бы, что надобно спать и кушать.

— Предоставь мнѣ теперь заботу распорядиться твоимъ хозяйствомъ,—замѣтила Леночка: на тебя Богъ возложилъ болѣе важныя обязанности.

— Подлинную правду изволите говорить, сударыня. А мальчишку-то видали? Вѣдь хоть куда! красивъ что распустившійся розанъ; поди, буяномъ будетъ; одного боюсь.

Юлія улыбалась, слушая это. Напившись кофе, Леночка стала събираться домой; она печально взглянула въ окно, надѣвая шапку. У васъ тутъ садикъ? Ты въ немъ гуляешь?

— Я никогда; Фекла Фоминишна выносить часто туда ребенка.

— Напрасно ты не гуляешь, Юлія; я тебѣ куплю сѣмянъ, разведу цвѣты; это доставитъ большое удовольствіе твоей хозяйкѣ. Не угадай духомъ, сестра; будущее намъ неизвѣстно, вѣрь въ благодать Божию.

Съ этими словами сестры простились.

— Ну, вотъ и слава Богу! сказала хозяйка по уходѣ Леночки: не видались съ сестрицей! Вишь, какъ раскраснѣлись, и глазенки такъ и блещутъ. Да что вы дрожите-то? Никакъ холодно вамъ? Дайте-ка я малинки заварю.

Малинка не помогла; Юлія цѣлую ночь спала безпокойно; тысяча мыслей толпилась у нея въ головѣ; Леночка, пріѣхавъ на другой день, нашла сестру совершенно больною.

Прошло два, три часа, но жаръ и дрожь увеличивались. Леночка, послѣ долгаго совѣщанія съ Феклой Фоминишной, рѣшилась, послать Ванюшку за докторомъ. Докторъ прописалъ микстуру и посоветовалъ избѣгать душевныхъ волненій, къ которымъ и отнесъ причину бе-

дѣви. Тогда Леночка жестоко стала упрекать себя за свой внезапный и необдуманный прѣздъ къ Юліи; но ей казалось, что ея любовь спасетъ сестру, она хотѣла молиться вмѣстѣ съ сестрою. Никогда добрая дѣвушка такъ не пользовалась полнымъ невниманіемъ Нины къ ея нестуканію и пренебреженію времени, если то и другое не касалось интересовъ вдовы; никогда не дорожила такъ она каждой минутой короткаго срока своей свободы.

Всѣ эти минуты были посвящены Юліи. Наконецъ Леночка была въ своей сферѣ: ей позволяли любить и заботиться о любимой; она упрямивала сестру не заниматься болѣе работой, и несмотря на это, каждый день больная получала свѣжій бульонъ. Всѣ ея прихоти были закономъ для Леночки; Юлія видѣла это самоотверженіе и... угасала въ глазахъ сестры.

Однажды Леночка подслушала въ бреду Юліи имя, которое не было прозвонимо сестрами въ послѣднее время, и съ этимъ именемъ слова любви и сожалѣнія. Цѣть минутъ спустя, больная очнулась и попросила пить.

— Юлія, сказала сестра, подавая кружку съ водою: я знаю, что Чеварскій любить тебя—и онъ желаетъ тебя видѣть.

Больная быстро приподнялась и устремила мутные глаза на Леночку; потомъ, отвернувъ голову, проговорила скоро и невнятно: Я хочу видѣться съ нимъ 13-го іюля вечеромъ: мнѣ снилось...

Больше ничего нельзя было расслышать; говорила ли она это съ сознаніемъ своего желанія, или въ бреду, Леночка не могла отгадать, но рѣшилась на послѣднее средство, которымъ думала она возбудить угасающую жизнь и энергію въ сестрѣ, молодая дѣвушка написала записку Чеварскому.

Чеварскій, послѣ разрыва съ Юліей, ухаживалъ въ вѣтніе, и очень во-время возвратился, чтобы получить записку Леночки. Онъ зналъ тогда, что жена его невинна: горничная ея пришла однажды къ нему, ушла въ ноги, и увѣряла, что на совѣсти ея лежитъ отсутствіе барыни и деньги Димлера. Этотъ низкій человѣкъ разглашалъ между товарищами свою невозможную побѣду, и подкупилъ горничную Юлію, которая и положила его записку въ карманъ своей молодой госпожи. Леонидъ понахъ свою ошибку, но его демонская гордость не позволяла ему протянуть руку женщинѣ, которая покинула его добровольно, которая ему сказала, что не любитъ его.

Чеварскій былъ увѣренъ, что между нимъ и ею — все кончилось; онъ даже не смѣлъ оскорбить ее помощью, которая, какъ даръ, какъ подаваніе чужаго челоуѣка, — могла быть отвергнута; но тѣмъ не менѣе

это насильственное равнодушіе къ разлуцѣ съ нею усиливало страстное желаніе хотя случайной встрѣчи. Онъ перечитывалъ нѣсколько разъ записку Леночки, и досадовалъ, что въ ней заключались только эти немногія слова:

«Юлія желаетъ съ вами видѣться 13-го іюля, вечеромъ, на Петербургской-сторонѣ, въ Безъимянной улицѣ, въ домѣ мѣщанки Самохвостовой.

Это короткое приглашеніе было написано почеркомъ женскимъ и ему незнакомымъ. Не могъ онъ отгадать, назначаютъ ли ему свиданіе, желаютъ ли съ нимъ вести на счетъ чего-либо переговоры, или хотятъ открыть ему тайну некоей любви Юліи, помутить его сердце счастіемъ соперника. Во всякомъ случаѣ, онъ считалъ минуты до срока свиданія.

Въ это время Леночка боялась, чтобы прїѣздъ Чеварскаго не былъ несприятною неожиданностью для ея сестры, которая день ото-дня становилась грустнѣе и раздражительнѣе. Она не смѣла заговорить объ этомъ съ Юліей, и 13-го іюля съ утра отправилась къ ней. Въ снѣгахъ еще ее извѣстилъ, что больной лучше. Въ-самомъ-дѣлѣ Юлія, спокойная, улыбающаяся, сидѣла на постели, вся въ бѣломъ, съ ребенкомъ на рукахъ. Никогда еще она не была такъ прївѣтлива съ сестрой, такъ нѣжна къ сыну, какъ въ этотъ достопамятный день; даже сказала хозяйкѣ какую-то шутку, въ отвѣтъ на которую Фекла Фоминишна высморкалась, и отвернувъ голову, долго вытирала носъ и глаза.

— Боже мой, думала Леночка: можетъ-быть, по моей опрометчивости, скоро разрушится это неожиданное спокойствіе.

Но всѣ ея опасенія были уничтожены слѣдующими словами сестры: Леночка, если онъ не прїѣдетъ сегодня, ты напиши ему, что до послѣдней минуты жизни я его любила, что прощаю ему смерть мою и горе, во имя нашего милого ребенка.

Вечеръ насталъ; дождь застучалъ въ окно; въ комнатѣ больной сдѣлалось такъ темно, что принуждены были зажечь свѣчу. Юлія нѣсколько времени лежала неподвижно и потомъ спросила, въ которомъ часу прїѣдетъ Чеварскій?

— Онъ скоро прїѣдетъ, отвѣчала Леночка.

— Я хочу въ этотъ же вечеръ приобщиться Святыхъ Таинъ.

Фекла Фоминишна похвалила это желаніе и послала за священникомъ.

Вскорѣ послѣ этого великолѣпные рысаки Чеварскаго остановились у невзрачнаго дома мѣщанки Самохвостовой. Прїѣхавшій выходилъ изъ коляски, одѣтый въ модное пальто, когда нѣсколько человекъ загородили ему дорогу въ калитку, по одиночкѣ пролѣзая въ нее и съ унылымъ церковнымъ пѣніемъ входя въ домъ.

— Что это значит? спросил он у крестившагося мальчика.

— Умирающую приобщать идуть.

Холодный потъ выступилъ на лбу у Чеварскаго. Очувившись въ темныхъ сѣняхъ, онъ безъ предварительнаго доклада вошелъ въ комнату, противоположную той, которую заняли священнослужители.

Ему показалось, что онъ ошибся дверью, войдя въ полутемную каморку; но въ ней были двѣ женщины, одна ему почти незнакомая; другую, лежащую на постелѣ, онъ узналъ, хотя она съ тѣхъ-поръ ужасно измѣнилась. Онъ подошелъ къ постели, и молча, прижалъ къ губамъ горячую руку больной.

— Благодарю, Леонидъ!—прошептала она, смотря на Чеварскаго гнѣзнымъ и признательнымъ взглядомъ.—Въ эту минуту Чеварскій увидѣлъ ребенка, который спалъ въ колыбели. Онъ понялъ все. Любовь и ужасъ, раскаяніе и надежда въ мигъ зашпѣли въ его груди. Какъ самодовольно мечталъ онъ, за полчаса, о предстоящемъ свиданіи, въ своей яркой гостиной, гдѣ каждый вечеръ имѣлъ обыкновеніе скучать, и какъ онъ презиралъ себя въ этомъ бѣдномъ пріютѣ гордой любви и переселившаго жизнь гора. Какою ничтожною казалась ему его прошедшая жизнь передъ тою жизнію, къ которой призывали его эти два дорогія оставленные имъ созданія: она и сынъ его!

— Юлія, — говорилъ онъ трепещущимъ голосомъ: я не дамъ умереть тебѣ, ты будешь жить... я недостойнъ твоей любви, но будь моимъ утешителемъ, успокой мою совѣсть, примяри меня съ Богомъ.

Его слова были прерваны священнымъ гимномъ, раздавшимся за дверьми; всѣ преклонили колѣна передъ вносимую чашей со Святыми Дарами. Хозяйка шеннула на ухо Чеварскому, что исповѣдь сейчасъ начнется и ему надобно выйти. Онъ, какъ ребенокъ, повиновался и перешелъ въ комнату Ѳеклы Ѳомишишны. За нимъ вошла и Леночка; Чеварскій ожидалъ горькихъ и справедливыхъ упрековъ, но ошибся въ ожиданіи: молодая дѣвушка, казалась, не замѣтила его; — молча, сѣла она у дубоваго стола, подперла голову руками, и слезы одна за другой быстро катились по ея блѣдному личику. Видъ этого вѣмага страданія раздиралъ душу Чеварскаго; онъ вышелъ на крыльцо:

Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ шуму дожда, и вотъ ему послышался человѣческій голосъ:—Вишь ты какая важная карета, видно богатый тотъ баринъ, что пріѣхалъ.—Ахъ-ти-хти! отвѣчала женщина: молись Богу, Ванюшка; что богатъ, что бѣденъ, передъ Богомъ всѣ равны!

Когда обрядъ приобщенія Святыхъ Танинъ былъ оконченъ, Чеварскаго допустили къ Юліи. Она была въ совершенномъ невѣдоміи и не могъ

ла произнести ни слова. На столѣ догорала свѣча, но никто не позаботился зажечь новую; всѣ кругомъ ходили на цыпочкахъ в шевотомъ говорили: приближающаяся смерть навела на всѣхъ страхъ и благоговѣніе.

Вдругъ закричалъ ребенокъ. Чеварскій стоялъ подлѣ люльки, в когда Фекла Фоминишна взяла на руки дитя, отецъ взглянулъ на маленькаго сына и поцѣловалъ голую ножку, высунувшуюся изъ-подъ пеленокъ.

Слабая улыбка озарила блѣдныя губы Юліи.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, прерываемое только слабымъ лепетомъ ребенка.

Но вдругъ послышалось легкое хрипѣнье. Леночка вспомнила кончину матери, и поняла, что оно предвѣщало. Умиравшая силалась сказать что-то и искала кого-то глазами. По знаку Леночки, Фекла Фоминишна поднесла къ постели ребенка и приложила его голову къ губамъ матери. Юлія съ чистой улыбкой благословила поцѣлуемъ свое прелестное дитя, и закрывая глаза, протянула руки Чеварскому и сестрѣ. Леночка опустилась на колѣна, а Чеварскій, наклонясь, вишился глазами въ измѣнившееся лицо Юліи и судорожно сжималъ ее холодѣвшую руку. Онъ жаждалъ въ эту минуту цѣною жизни своей купить еще одинъ ея взглядъ и оживить теплоту и дыханіе, оставлявшія ее прекрасное тѣло. Онъ молился.

— Посторонитесь, батюшка, раздался за нимъ тихій голосъ, и Фекла Фоминишна, перекрестясь, накрыла чистой простыней тѣло умершей. Леночка продолжала тихо плакать и молиться, стоя на колѣняхъ; Чеварскій судорожно рыдалъ, осыпая поцѣлуями и слезами холодныя ноги Юліи.

XIII.

Въ часъ утра возвратилась домой осиротѣлая сестра Юліи. Съ улицы увидѣла она освѣщенные окна квартиры Нины; въ переднюю, куда она вошла, доносились звуки музыки и смѣха. Леночка, черезъ темный, узкій корридоръ, удалилась въ свою комнату. Нѣсколько времени спустя, Нина распростлилась съ жавиномъ, съ которымъ провѣла цѣлый вечеръ, и еще съ неостывшими глазами и улыбками спѣшила въ свою спальню. Она прошла мимо Леночкиной комнаты и черезъ полуотворенную дверь увидѣла, что тамъ свѣтилась лампадка передъ иконой, и мелодая дѣвушка, припавъ къ землѣ, тихо молилась. Смысль этой молитвы осталась тайною для вѣтренной вдовы.

Чеварскій позже Леночки возвратился домой, и не взглянувъ даже на камердинера, который ждалъ отъ него приказаній, быстро удалился въ покои, прежде занимаемые Юліей.

Онъ заперъ за собою дверь, и долго мѣрные его шаги въ пустыхъ и темныхъ комнатахъ озадачивали неспавшихъ слугъ. Дремалъ городъ подъ покровомъ лѣтней ночи; улицы были пусты и безмолвны; порой раздавался далекій грохотъ экипажа, и постепенно умолкалъ. Чеварскій взглянулъ на ясное небо, и замечтался, какъ бывало въ юношескіе годы; ему казалось, что душа прекрасной Юліи возносится туда, гдѣ тихо свѣтилъ новый мѣсяцъ.

Леонидъ любилъ безумно Юлію въ эту минуту, и зналъ, что она для него уже не существуетъ; что онъ самъ ее убилъ. Онъ былъ жестокъ и безчувственъ болѣе, чѣмъ могъ, и наказаніе его было безгранично. Обуреваемый безумною жаждою испить чашу страданій, всю до капли, онъ отперъ будуаръ Юліи, куда въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ не имѣлъ силы войти. Мебель и вещи не перемѣнили своего мѣста со времени ея удаленія. И вдругъ его разстроеному воображенію представилась она сама, живая, съ улыбкой на розовыхъ губкахъ. Съ трудомъ отвелъ онъ глаза отъ этого мучительнаго, предестнаго видѣнья, и остановилъ ихъ на темной бархатной портьерѣ, изъ-за которой она, бывало, такая веселая и хорошенькая выбѣгала къ нему навстрѣчу. Его нравственныя силы не устояли противъ этого воспоминанья, онъ упалъ на стулъ, и долго долго рыдалъ.

Цѣлый слѣдующій день Чеварскій провелъ въ домикѣ Ѳеклы Ѳомишишны, подлѣ маленькаго сына, умершей Юліи и ея грустной сестры.

На третій день были назначены похороны. Леонидъ пріѣхалъ рано утромъ, но уже засталъ Леночку. Юлія лежала въ газетовомъ гробу, въ бѣломъ одѣяніи, съ вѣничкомъ на головѣ, убранныя къ принятію могилы. Прелестная головка молодой женщины покоилась на цвѣтахъ, разбросанныхъ по кружевной подушкѣ. Длиныя рѣсницы ея недвижно темѣли на бѣлыхъ, холодныхъ щекахъ; губы, казалось, застыли въ отравной улыбкѣ.

Леночка дрожавшими руками вынимала изъ корзины цвѣты, которыхъ сладкое благоуханіе разливалось въ душной атмосферѣ маленькой комнаты, и украшала ими гробъ. Кругомъ восковыя свѣчи тускло горѣли при дневномъ свѣтѣ.

Насталъ часъ, печальная процессія тронулась по уединеннымъ улицамъ Петербургской-стороны. За гробомъ слѣдовала одна только карета, вся покрытая трауромъ. Въ ней сидѣли Чеварскій и Леночка; Ѳекла Ѳомишишна осталась смотрѣть за ребенкомъ и готовить поминки.

XIV.

Память о Юлии была благодѣтельна для ребенка: Чеварскій принялъ его къ себѣ; русская кормилица, нѣмецкая и англійская няни заступили мальчику мѣсто матери; рубище бѣдности замѣнилось кружевами.—Но вскорѣ Леночка взяла его къ себѣ на попеченіе. Эта добрая дѣвушка схоронила старушку, у которой жила въ компаньонкахъ и которая, любя молодую дѣвушку какъ родную дочь, отказала ей все свое состояніе. Еяна съ ужасомъ узнала объ этомъ;—она рассчитывала на это наследство. Вскорѣ затѣмъ разошлась ея свадьба съ Мецкинымъ, который такъ же быстро разлюбилъ ее, какъ горячо влюбился. Испытавъ такъ много въ жизни, минувшее которой оставляло по себѣ только одни тяжелыя воспоминанія, полныя укоровъ совѣсти, отцвѣтшая вдова—рѣшилась примириться съ грѣхами своей молодости и кончила свои послѣдніе дни въ молитвѣ и смиреніи въ одной изъ женскихъ обителей.

ПАНФИЛЪ ИВАНОВИЧЪ.

РАЗСКАЗЪ В. В. ТОЛБИНА.

Ненющенные разказы
Всегда готовы у него —
Про Русь, про старыя проказы,
Про годы юности его...

Случайно попался мнѣ, какъ-то недавно, старыи номеръ Инвалида. Я нечаянно взглянулъ и прочиталъ: «Исключается изъ списковъ, умершій, капитанъ N.»

Имя это, давно мною позабытое, среди новыхъ лицъ и новыхъ именъ, пробудило въ моей памяти нѣсколько, къ стыду моему, позабытыхъ недель моей жизни. Почтенный капитанъ! Я какъ теперь вижу его передъ собою, сѣдаго, загорѣлаго, немного сутуловатаго, перетянутого крѣпко ремнемъ, по кавказскому обычаю. Его добродушное лицо, которому напрасно старался онъ, иногда, придавать строгое выраженіе, хмурыя сильно брови надъ сѣренькими глазами, не перестававшими, несмотря на все его желаніе, какъ-то радушно свѣтлѣть, наперекоръ серьезно стиснутымъ губамъ, оживилось предо мною. Въ ушахъ моихъ опять, какъ будто, раздался его голосъ, немного хрипловатый и отрывистый, превращавшійся иногда въ мягкій, особенно когда онъ начиналъ предаваться мечтамъ и залеталъ, на ихъ покорныхъ крыльяхъ, чуть ли не до высокаго званія главнокомандующаго. Не стану говорить его фамилію; буду его называть просто Панфиломъ Ивановичемъ. Фамилія

капитана нисколько не придасть интересу его и безъ того довольно интересной личности.

Панфила Ивановича узналъ я вовсе неожиданно, во-время откомандировки въ одно маленькое укрѣпленіе, на берегу Чернаго-моря. Оставляя веселую тифлисскую жизнь и мѣняя ее на скуку и однообразіе берегового укрѣпленія, я заранѣе былъ уже предубѣжденъ противъ всѣхъ ея жителей, и вѣхалъ общаясь ни съ кѣмъ не сближаться, чтобы не такъ сильно чувствовать разницу съ покинутымъ мною кругомъ товарищей. Вышло совсѣмъ напротивъ. Съ первой же минуты, я не только коротко сблизился съ Панфиломъ Ивановичемъ, но даже сталъ его сожителемъ. Онъ былъ первое живое существо, которое я встрѣтилъ на валу, подѣзжая къ укрѣпленію. Панфиль Ивановичъ стоялъ на немъ въ старомъ ахалукѣ, съ коротенькою трубкою въ зубахъ, которую наши солдаты такъ мѣтко прозвали «носогрѣйкою». Видя приближающуюся повозку, онъ поспѣшно сбѣжалъ съ валу и очутился подлѣ колесъ, во-просительно поглядывая мнѣ въ глаза.

Были сумерки; солнце едва окрашивало еще всѣ предметы, и потому, не замѣтивъ, съ перваго взгляда, офицерскаго креста на груди капитана, я обратился къ нему съ вопросомъ, какъ къ простому солдату, тѣмъ болѣе, что носогрѣйка, была имъ оставлена и опущена вмѣстѣ съ рукою «по шву».

— Послушай, любезный, началъ я.

Панфиль Ивановичъ быстро всунулъ опять въ ротъ свою трубочку, и проговорилъ чрезъ нее, впрочемъ слегка поклонившись.

— Господишь офицеръ, вы вѣрно ошиблись.

И чтобы еще сильнѣе, косвенно дать мнѣ замѣтить мою ошибку, строгимъ голосомъ крикнулъ извощику:

— Что ты башку простудить, что ли, боишься? Развѣ не видишь, что предъ тобою офицеръ? Невѣжа!

Я поспѣшилъ выйти изъ повозки, извиниться и протянуть ему руку.

— Помилуйте, помилуйте, остановилъ онъ меня, сжавъ мнѣ сильно руку между своихъ: что за счеты, свои люди!

Последнія слова произнесъ онъ съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ и самодовольною улыбкою. Я началъ его просить указать мнѣ квартиру начальника укрѣпленія.

— То-есть, коменданта? поправилъ онъ меня важно.

— Коменданта, если угодно, согласился я, стараясь подавить невольную улыбку.

— Это я самъ!

Я опять началъ извиняться, и тутъ же объяснилъ ему, какая у меня до него надобность.

— Ахъ! такъ вы изъ Тифлиса? вскричалъ онъ радостно. Скажите пожалуйста, какъ начальство ко мнѣ внимательно!.. Не имѣлъ чести ожидать васъ такъ скоро къ себѣ въ гости!.. Милости просимъ!.. Прошу покорно ко мнѣ!

И онъ снова схватилъ мою руку и жалъ долго и сильно. Потомъ, онъ взялъ меня слегка подъ локоть, и пошелъ рядомъ, припрыгивая тотчасъ же, чуть я сбивался съ нимъ, говоря технически, съ ноги. Мнѣ казалось, что эти припрыжки онъ дѣлалъ по одному какому-то инстинкту, потому-что ни на одну секунду не спускалъ съ лица моего глазъ и всматривался въ меня съ такимъ нѣжнымъ вниманіемъ, какъ-будто я былъ давно съ нимъ знакомъ и онъ старался отыскать во мнѣ какую-нибудь перемѣну, или вдоволь налюбоваться мною. Скоро очутились мы предъ одною мазанкою, которая отличалась отъ другихъ одними только окнами, прорубленными въ большемъ размѣрѣ, потому-что въ отношеніи наружной чистоты и величины она совершенно была похожа на прочія.

— Вотъ моя штабъ-квартира, милости просимъ, прошу быть какъ дома, сказалъ онъ.

Мы вошли. Мимоходомъ я расслушалъ, какъ онъ прошепталъ на ухо прислуживавшему ему казаку:

— Зажги-ка цѣльную свѣчку; живо! Чай есть еще?

— Есть!

— Живо! Да оправься, какъ слѣдуетъ. Живо!

Потомъ Панфилъ Ивановичъ быстро опередилъ меня, подошелъ къ противоположной стѣнѣ, сдернулъ висѣвшую на ней простыню, снялъ куртку, и сѣвшилъ продѣть въ петлю крестъ, находившійся на ахалукѣ.

— Не церемоньтесь, пожалуйста; сказалъ я.

— Это совсѣмъ не церемонія, отвѣчалъ онъ мнѣ. Приказанія начальства принимаю не иначе какъ одѣтый въ приличной формѣ. Вотъ теперь я весь къ вашимъ услугамъ, dokonчилъ онъ, застегнувшись на все крючки.

Я отдалъ ему предписаніе. Панфилъ Ивановичъ подвинулъ мнѣ стулъ, обмахнувъ его сперва полою, потомъ отеръ полу рукой, досталъ изъ шальваръ очки и началъ внимательно читать поданное предписаніе.

Я окинулъ глазами комнату капитана. Она была въ три окна; съ глянцаннымъ поломъ. Передній уголъ былъ весь уставленъ образами въ посеребренныхъ окладахъ. Между окнами стоялъ простой деревянный

столъ, накрытый бархатнымъ персидскимъ коврикомъ, уже истертый временемъ, но чистымъ, безъ малѣйшаго пятнушка. На столѣ лежали кипы бумагъ въ самомъ симметрическомъ порядкѣ. Надъ этимъ столомъ, къ стѣнѣ прибитъ былъ годичный календарь, написанный на листѣ бумаги самимъ капитаномъ; въ этомъ календарѣ каждый прошедшій день былъ тщательно зачеркнутъ самыми мелкими штрихами. Это занятіе доставляло большое удовольствіе Панфилу Ивановичу, который, уничтоживъ несконный день, всегда провожалъ его въ вѣчность, напутственною молитвою, и потирая руки говорилъ :

— Ну, вотъ теперь еще однимъ денькомъ ближе.

— Къ чему? спросилъ я, въ первый разъ, съ удивленіемъ, соображивъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ капитана.

— Какъ, къ чему? отвѣчалъ онъ. Человѣкъ вѣкъ живетъ и вѣкъ надеется. Знаете пословицу: плохой солдатъ, который не надеется со временемъ быть генераломъ!..

Добрый Панфилъ Ивановичъ былъ немного честолюбивъ... Осмотрѣвъ жилище капитана, въ которомъ все показывало привычку къ самому строгому порядку, я остановился на самомъ Панфилѣ Ивановичѣ. Черты его были одними изъ тѣхъ, которыя называютъ лужинными. Маленькіе глаза, чуть приметныя брови, крупный, неправильный носъ, довольно замѣтныя ярыны, толстыя губы, прикрытыя усами; волосы на головѣ его были до того рѣдки и слабы, что, казалось, каждый волосокъ такъ и говорилъ другому: «прощай, товарищъ, кажется мы завтра съ тобою больше не увидимся». Вотъ и весь полный портретъ коменданта. Можетъ-быть, я замѣтилъ бы и еще какія-нибудь особенности, но не успѣлъ. Панфилъ Ивановичъ кончилъ чтеніе, надписалъ тотчасъ на бумагѣ число полученія, и спрятавъ очки, обратился ко мнѣ.

— Да-съ, началъ онъ, я имѣю честь васъ видѣть по случаю моего рапорта.

— Очень радъ.

— Какъ вамъ онъ нравится? скажите откровенно, безъ церемоній.

— Вашъ рапортъ? Я совершенно ничего про него не зналъ до этой минуты, отвѣчалъ я...

Панфилъ Ивановичъ вздохнулъ.

— Жаль, проговорилъ онъ, а то вы бы признались, что и у насъ здѣсь писать не разучились. Вы не повѣрите, какъ я удачно попалъ въ моему донесенію на всѣ пункты... Нечего дѣлать! Тутъ онъ круто перемѣнилъ разговоръ. Какъ изволить поживать, въ Тифлисѣ, его высокопрвосходительство? спросилъ онъ, немного привставъ со стула.

— Очень хорошо.

— Слава Богу! А ихъ превосходительство, начальникъ штаба?

— Очень хорошо.

— Слава Богу! И въ домѣ ихъ все обстоитъ благополучно?

— Я думаю; развѣ вы ихъ знаете, что такъ интересуетесь?

— То-есть, лично, не имѣю счастья, отвѣчалъ Панфи́ль Ивановичъ, но вѣдь кто же мнѣ ближе, какъ не начальство, согласитесь, какъ же не спросить?.. Что же тотъ за человекъ, кто объ начальствѣ не думаетъ?..

Панфи́ль Ивановичъ обратился тутъ ко мнѣ и освѣдомился о моемъ имени и отчествѣ. Я отвѣтилъ ему. Панфи́ль Ивановичъ снова овладе́лъ моею рукою, потрясъ ее, и вскричалъ радостно:

— Неужели? Скажите, какая пріятная оказія!..

Я не понималъ, чему онъ могъ такъ радоваться, но объясненіе не замедлило.

— Когда я служилъ фельдфебелемъ въ *** полку, сказалъ Панфи́ль Ивановичъ,—нужно вамъ объяснить, что я не изъ ученыхъ, а изъ вольноопредѣляющихся,—у меня былъ ротный командиръ, котораго звали точно также. Просто не человекъ былъ, а золото, да что золото,—не знаю уже съ чѣмъ и сравнить его. Служака, строгій такой, все у него кнѣбло, какъ на угольяхъ. Всѣмъ я ему обязанъ; бывало, какъ распечетъ порядкомъ, такъ на вершокъ и умнѣ станешь; умирать, кажется, стану и тогда его не позабуду. Теперь онъ, я думаю, давно генералъ, если не умеръ. Онъ, видите, перешелъ отъ насъ въ другой корпусъ маіоромъ... Нѣтъ, виноватъ, маіора получилъ онъ уже въ дорогѣ... Или не въ дорогѣ?.. Нѣтъ, такъ, такъ... Нѣтъ, теперь утвердительно могу вамъ сказать, что онъ маіоромъ отъ насъ поѣхалъ, маіоромъ, маіоромъ!..

Время было уже довольно позднее, я сильно усталъ и опасаясь, чтобы комендантъ, въ порывѣ своей словоохотливости, не сталъ мнѣ читать полнаго формуляра и біографіи моего тѣзки, спѣшилъ остановить его, поднявшись со стула.

— Что это? Куда вы? вскричалъ Панфи́ль Ивановичъ...

— Не желая васъ долѣе безпокоить, началъ я...

Онъ не далъ мнѣ кончить.

— Вы меня обезпокоили? вскричалъ онъ, ахъ, что вы? Можеть-быть, я вамъ кажусь не слишкомъ образованнымъ и скучнымъ, а вы напротивъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ бываетъ пріятно, когда я увижу предъ собою постороннее лицо...

Онъ вронзанесъ послѣднюю фразу такъ какъ-то особенно, съ та-

кимъ чистосердечіемъ, съ такою радостію, что я взглянулъ на него вопросительно, стараясь отгадать настоящее ея значеніе. Панфилъ Ивановичъ замѣтилъ мое удивленіе.

— Право такъ, пояснилъ онъ: можетъ-быть я только не такъ точно выразился, но именно здѣсь не съ кѣмъ отвести, какъ слѣдуетъ, душу, помечтать, пообсудить что-нибудь. Люди все мне подчиненные, такъ къ нимъ и за совѣтомъ какимъ-нибудь совѣстно идти и панибратничать не приходится... Люди, конечно, всѣ добрые и служаки примѣрные, но только, въ отношенія сердца этакое, какого-нибудь, ничего не могутъ смыслить, да признаться и некогда—служба!..

Бѣдный Панфилъ Ивановичъ! Я убѣдился потомъ, что его мнорѣчивость была очень извинительна. Разъ только въ годъ удавалось ему наговориться досыта. Это случалось тогда, когда приходилъ транспортъ съ комиссаріатскимъ чиновникомъ. Остальное время проводилъ капитанъ почти въ одиночествѣ, и всѣ его разговоры ограничивались служебными приказаніями. У него не было даже достаточно книгъ, для развлеченія, и вся бібліотека заключалась въ календарь, исписанномъ, по полямъ, его собственными замѣчаніями и разсужденіями; въ одномъ томѣ «Русской Исторіи» Глинки, да въ нѣсколькихъ тетрадкахъ, въ которыя онъ вписывалъ все, что случайно попадалось ему на глаза и нравилось. Всю свою бібліотеку Панфилъ Ивановичъ зналъ почти наизусть. Любопытность его была огромна! Казаться образованнымъ и ученымъ была его слабость. Онъ старался удерживать въ памяти все, что удалось ему прочитать занимательнаго и поразившаго его вниманіе, но часто память, заваленная другими помысленіями, измѣняла ему и онъ, перемѣшивая имена и годы происшествія, вмѣсто должнаго удивленія къ своей особѣ, возбуждалъ иногда только одну невольную улыбку. Догадываясь порою, что онъ, (выражаясь его собственными словами) *заряптовался*, капитанъ хмурился, прерывалъ разговоръ, начиналъ свистать, барабанить пальцами, вздыхать, ловить, съ ожесточеніемъ, мухъ и комаровъ; но вскорѣ лицо его опять весело, и онъ становился опять прежнимъ болтливымъ Панфиломъ Ивановичемъ, старающимся вернуть въ рѣчь какое-нибудь заученое словцо.

Капитанъ уговорилъ меня помѣститься съ нимъ въ одной изъ комнатъ. Не слушая никакихъ возраженій, онъ вытащилъ изъ сундука коверъ и раздѣлил имъ комнату на два отдѣленія, предоставивъ моему выбору любое. Нечего было дѣлать! Убѣжденія его были такъ искренни, что я поблагодарилъ, приказалъ внести чемоданъ, и началъ выкладываться. Какъ я ни упрасивалъ, Панфила Ивановича, онъ началъ помогать мнѣ,

и съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривалъ всякую неизвѣстную ему вещь.

Онъ спрашивалъ о ея назначеніи, о способѣ употребленія, о мѣстѣ, гдѣ она куплена, о цѣнѣ, и все тотчасъ же вписывалъ въ свою книжечку, и потомъ снова принимался за выгрузку.

— Зачѣмъ это вамъ? спросилъ я.

— Для всякаго случая, отвѣчалъ онъ: вѣдь не все же я буду капитаномъ! Можетъ-быть, придется гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ быть, въ какомъ-нибудь дамскомъ обществѣ форсу задать... Д-а-а., протянулъ онъ, хорошо-бы было....

— Что? что хорошо-бы было?

— Такъ! ничего! отвѣчалъ, Панфила Ивановичъ. Одна глупая мысль запала было въ голову; старье, знаете, разное зашевелилось; да ну его!..

Онъ крикнулъ и началъ съ какою-то особенною живостію выкладывать остальныя вещи. На его лицѣ замелькало попеременно, то выраженіе какой-то грусти, то радости. Видно было, что то, что онъ называлъ «старьемъ», сильно занимало его въ эту минуту. Мнѣ пришла страшная охота вывѣдать что-нибудь, но возгласъ Панфила Ивановича не далъ усилиться моему любопытству.

— Ахъ, и книги у васъ есть! вскричалъ онъ. Право, вотъ подлинно нынче мнѣ кладъ самъ въ руки дается...

И онъ съ любопытствомъ началъ разсматривать книги, одну за другою... Восторгъ его охолодѣлъ.

— Все иностранныя, проклятыя! проговорилъ онъ съ досадою. Правду говорятъ: не радуйся, баба, куска не проглотивъ. А я-то надѣялся мечтать, наслаждаться!..

Новый радостный возгласъ показалъ мнѣ, что Панфила Ивановичъ дорылся наконецъ до единственной русской книги, которую я захватилъ съ собою въ дорогу.

— Календарь! вскричалъ онъ, календарь, нынѣшняго года! Позвольте мнѣ имъ попользоваться?

— Даже навсегда, если вамъ угодно, отвѣчалъ я.

— Какъ, навсегда? спросилъ меня Панфила Ивановичъ, какъ-будто сомнѣваясь, не ослушался ли онъ.

— Позвольте мнѣ вамъ его подарить.

— Подарить? Вы не шутите?

— Нисколько!

Панфила Ивановичъ принялся душиить меня въ своихъ жилистыхъ объятіяхъ.

— Помилуйте, за что такая благодарность? проговорилъ я, стараясь освободиться отъ жесткаго прикосновенія его усовъ, отъ которыхъ сильно вѣяло фабрику.

И онъ началъ перелистывать календарь, приставя глаза чуть-ли не къ самымъ его страницамъ.

— Ужъ какъ я вамъ обязанъ! ужъ какъ я вамъ обязанъ! твердилъ онъ послѣ каждой страницы. Да тутъ на долго чтенія и ученія... Вотъ когда солнце восходитъ; вотъ когда заходитъ! и Ряжскъ въ календаряхъ всегда напечатанъ! Ахъ, ты моя маточка! добавилъ онъ вѣжно...

— Не важный городишка! замѣтилъ я.

— Эхъ! не красна изба углами, а красна пирогами, перебилъ, Панфиль Ивановичъ. А что, развѣ вы въ Ряжскѣ бывали?

— У меня близъ него имѣніе есть.

— Право? вскричалъ онъ, радостно. Скажите, какая находка! Вотъ ужъ сколько, сколько лѣтъ, даже счетъ позабылъ, не имѣлъ я о немъ ни слуху, ни духу. И вотъ!.. Д-а-а!

— У васъ вѣрно тамъ родные? спросилъ я.

— Нѣтъ, я одинъ, какъ перстъ, отвѣчалъ онъ; я только такъ вспомнилъ, по случаю календаря...

— Онъ помолчалъ съ минуту, и потомъ спросилъ какимъ-то нервительнымъ голосомъ:

— Знаете вы кого-нибудь въ Ряжскѣ?

— Да, кое-кого.

— Давно тамъ изволили быть?

— Года съ полтора, а что?

— Такъ, одно простое любопытство.

— Можетъ-быть, я могу вамъ сообщить что-нибудь о вашихъ знакомыхъ, сказалъ я.

— Ми!.. Панфиль Ивановичъ вздохнулъ... Какіе у нашего брата могутъ быть тамъ знакомые? проговорилъ онъ. Другое дѣло вы, люди свѣтскіе, съ вами всякій радъ познакомиться; а я что? Какое дѣло до насъ знакомымъ?..

Въ словахъ капитана отражалась какая-то горечь. Я взглянулъ на него пристально. Брови его были нахмурены, выраженіе губъ грустно. Я понялъ, что въ эту минуту разсирасы были неумѣстны; притомъ же я усталъ и потому спѣшилъ отдохнуть.

— Спокойной ночи, съ вашего позволенія, сказалъ я...

— Какъ? развѣ не хотите побесѣдовать? Какъ угодно, не смѣю васъ удерживать; располагайтесь, какъ полный хозяинъ, дѣлайте, что хо-

тите. Обо мнѣ нѣсколько не думайте, предположите, что я муха, такъ и поступайте. Я вамъ такъ обязанъ; вы у меня такой дорогой гость, что вы и не повѣрите.

Онъ проводилъ меня до самой кровати, заботливо осмотрѣвъ стѣны, поймалъ нѣсколько комаровъ и, буквально, уложивъ меня, вышелъ на цыпочкахъ, какъ заботливая няня. Изрѣдка только онъ возвышалъ голосъ и спрашивалъ полушопотомъ.

— Спите вы?

— Сплю,

— Спите, спите, я вамъ не мѣшаю.

Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, послѣ которыхъ до меня долеталъ скрипъ пера, и умолкъ. Долго еще, покуда не овладѣлъ мною совершенно сонъ, мнѣ слышался шорохъ переворачиваемыхъ листовъ и шопотъ читающаго, съ большимъ жаромъ, Панфила Ивановича.

Я проснулся на другой день очень рано, но Панфила Ивановичъ предупредилъ меня. Когда я вышелъ изъ-за ковра, онъ уже сидѣлъ предъ мѣднымъ чайникомъ, застегнутый на всѣ крючки.

— Здравствуйте, каково почивали? спросилъ онъ: я какъ-будто предчувствовалъ, что вы сейчасъ встанете и вотъ дожидаясь васъ.

Я поблагодарилъ за вниманіе и спросилъ, давно-ли всталъ онъ самъ?

— Я? отвѣчалъ онъ, улыбаясь, какъ вамъ сказать, уже я полагаю двадцать-четыре часа будетъ!..

— Какъ такъ?

— Да такъ! Это вы все, волшебникъ, надѣлали. Не могъ все оторваться отъ вашего подарка, какъ и всегда со мною бываетъ, когда получу новый календарь. Сколько онъ мнѣ разной старины напомнилъ... Вотъ, напримѣръ, хоть бы Турція... бывалъ я въ Турціи.. время давнее; любопытно было узнать, что теперь въ ней подѣлывается. Вотъ напримѣръ луна... Какъ иная женщина, то и дѣло мѣняется... Вотъ тоже Ряжскъ...

— Однако, мнѣ кажется, Ряжскъ васъ что-то очень занимаетъ? остановилъ я капитана.

— Меня? и полноте, это такъ только вамъ кажется, прервалъ Панфила Ивановичъ, и, видимо, желая замаять разговоръ, взялъ полу моего сюртука и началъ разсматривать сукно.

— Какое славное сукнецо, началъ онъ: дорого изволили платить? Да что это вы въ сюртукѣ, неужели вамъ не жаль терѣть такое хорошее платье? Право раздѣньтесь!..

— Я гость, но вотъ вы, хозяинъ,—почему не въ вашемъ ахалуйнѣ? отвѣчалъ я капитану.

— Потому, отвѣчалъ онъ, потому—что я не хочу казаться предъ вами невѣжей... Что за охота? прїѣдете вы куда-нибудь, зайдетъ разговоръ, гдѣ вы побывали, что вы видѣли, и вдругъ вы вправѣ сказать, что въ такой-то крѣпости комендантъ никакого обращенія не знаетъ...

— Что за странная мысль пришла вамъ въ голову?

— Конечно, если разсудить здраво, то можетъ-быть это и правда, отозвался Панфилъ Ивановичъ... но только не знаю почему, предъ вами мнѣ бы хотѣлось такимъ, знаете, человѣкомъ быть, что просто человѣкъ во всемъ чудо да и только... чтобы вы обо мнѣ, кромѣ хорошаго, ничего не сказали...

— Благодарю за честь; чему я ей обязанъ? спросилъ я.

— Чему?.. Капитанъ помялся немного и потомъ отвѣчалъ.

— Худая молва, вы знаете, далеко бѣжить, а вы вѣдь изъ нашихъ мѣстъ, вѣдь вы ряжскій.

— Что же вамъ изъ этого? Вы сказали, что у васъ тамъ никого нѣтъ, замѣтилъ я.

— Правда, правда, подтвердилъ Панфилъ Ивановичъ... виновать, я, кажется, зарпортовался... Будемте лучше пить чай, да поговоримъ о другомъ чемъ-нибудь.

Онъ набилъ свою носогрѣйку и началъ, молча, глотать кипятокъ, пуская густые клубы дыму.

— Вы долго у насъ пробудете? спросилъ онъ меня, намолчавшись вдоволь.

— Какъ только окончу у васъ свое дѣло, тотчасъ же возвращусь въ Тифлисъ.

— Не то разумѣю; я знаю самъ, что вы у меня недолгій гость; я хотѣлъ васъ спросить, долго ли вы думаете пробыть на Кавказѣ, не тянетъ ли васъ на родину?

— Какъ Богъ велитъ, отвѣчалъ я: въ отпускъ, впрочемъ, скоро думаю проситься...

— Куда же именно?

— Въ Петербургъ, въ Москву.

— Гм! А въ деревню не думаете заѣзжать?

— Можетъ-быть. А что?

— Такъ!

— Ахъ, виновать, я и позабылъ, что Ряжскъ, кажется мнѣ, ваша родина! добавилъ я. Неужели у васъ ужъ ровно никого нѣтъ на нашей сторонѣ?

Панфилъ Ивановичъ задумчиво опустилъ голову.

— Никого, отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, никого! Была

старушка мать, да и та умерла, лѣтъ пятнадцать, тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ я былъ въ отпуску... Тогда я былъ только что произведенъ прямо въ подпоручики, и воображалъ себя чуть-ли не орломъ... Доказали мнѣ, какой я орелъ, проговорилъ онъ, чуть слышно для самого себя...

Капитанъ началъ съ живостію крутить усы и какъ-будто что-то обдумывать.

— Впрочемъ, началъ онъ снова, если признаться откровенно, на чистоту, что называется, такъ у меня тамъ не то, чтобы совсѣмъ ужъ ни одного лица знакомаго не было; оно конечно есть, найдется, да только я знаю, что имъ все-равно, гдѣ я, что я. Вотъ оно что... Впрочемъ, все-таки, позвольте мнѣ записать вамъ адресъ... Можетъ-быть, я и попрошу васъ, когда-нибудь, мнѣ какую справочку сообщить. Въдъ сердце знаете, крѣпится, крѣпится, да и не выдержать подчасъ.

— Чего не выдержать, капитанъ? спросилъ я.

— Ахъ, ужъ не спрашивайте! отвѣчалъ онъ, махнувъ съ досадою рукою. Мало-ли что, бываетъ!

Панфилъ Ивановичъ тотчасъ же досталъ тетрадь, довольно толстую и до того старую отъ времени и частаго употребленія, что верхніе листы ея сдѣлались лаковыми и коричневыми.

— Это у меня памятная книга, пояснилъ онъ, въ которую я все записываю. Не ровень часъ, иногда вздоръ понадобится что-нибудь вспомнить, не все же въ голову, какъ въ цейхаузъ лезть, да рыться въ памяти.

Панфилъ Ивановичъ записалъ мой адресъ, съ свойственною ему аккуратностію. Въ эту минуту показалась въ дверь солдатская голова. Панфилъ Ивановичъ зачѣмъ-то вышелъ на минуту, и я любопытствовалъ заглянуть въ его памятную книжку. Въ ней было все, кажется, чего не попросишь: разные рецепты, изрѣченія, адреса, магазины, собственные мысли Панфила Ивановича, стихи, болѣею частію исковерканные, безъ мѣры и должной рифмы. Между разными стихами къ Хлоѣ, къ Музѣ, въ этой памятной книжкѣ, своеволіе Панфила Ивановича замѣнило эти обычныя имена, именемъ какой-то Феклуши. Оно повторялось чуть-ли не въ каждомъ стихотвореніи, даже въ такихъ, которые, глядя по чистотѣ листовъ, были заучены капитаномъ, не очень давно.

Панфилъ Ивановичъ засталъ меня за перелистываніемъ...

— Что это вы дѣлаете? спросилъ онъ.

— Такъ, любопытствую.

— Вот уж не стоить: тутъ только одна чепуха, изъ которой, большую часть я только такъ, отъ скуки здѣсь царапалъ...

— Напротивъ, возразилъ я: здѣсь очень много любопытнаго, много даже такого, которое вылилось у васъ видно прямо изъ сердца...

Загорѣлое лицо капитана покраснѣло; онъ видимо смутился...

— Что же такое? проговорилъ онъ, протягивая руку, чтобы взять у меня тетрадь...

— Да вотъ, на примѣръ, кому это вы писали:

Въ послѣдній разъ люблю Оеклушу
Пришелъ сказать;
Тебя покинувъ, мѣръ покину,
Чтобъ не страдать....

— Это не я писалъ, перебилъ онъ меня ..

— Какъ не вы?

— То-есть я, да сочинялъ-то ихъ не я, а Пушкинъ... Этому Пушкину, видно, было время заниматься такими мыслями; вотъ онъ и сочинилъ эту пѣсню...

— Вы вѣрно, хотѣли сказать, Жуковскій, написалъ эту балладу, поправилъ я Панфила Ивановича.

— Какъ вы изволили сказать?

— Жуковскій!

— Вотъ что! Скажите пожалуйста!..

Нужно замѣтить, что всѣ литературныя произведенія, обратившія на себя вниманіе Панфила Ивановича и приводившіе его въ восторгъ, приписывались имъ не иначе, какъ одному Пушкину, если то были стихи, и Сѣверной Пчелѣ, если то была проза.

— Вотъ что, Жуковскій! повторилъ Панфилъ Ивановичъ: экой онъ какой право! Представьте себѣ, какъ меня затуманило! Стало-быть и этотъ стихъ:

Не знатенъ я, не славень,
За что меня любить?
Не весель, не забавень
Могу-ль кого прельстить?

тоже, можетъ-быть, не Пушкина? А вѣдь, право, славно отжатоно; все это такъ, какъ и есть... столько, я вамъ скажу, правды...

— Не Пушкина, добрый мой Панфилъ Ивановичъ, подтвердилъ я, захохотавъ самымъ искреннимъ смѣхомъ...

Капитанъ нахмурился....

— Вы, кажется, разсердились на меня, капитанъ? спросилъ я, протягивая ему руку. Право, я такъ, безъ всякаго умысла, повѣрите...

— Помилуйте, за что, отвѣчалъ онъ. Досадно только на себя, и больше ничего, что этакой глупости я не знаю!.. Да впрочемъ, что въ ней и проку? Мнѣ кажется, я и самъ бы, еслибъ только въ томъ состояла моя обязанность, не хуже ихъ началъ стихи писать. Служба моя только не такая; еслибъ я себя приневолилъ... а?

— Да, подтвердилъ я, стараюсь успокоить его увязленную амбицію, если вы чувствуете въ себѣ дозволено вдохновенія...

— Вдохновенія? Почему же у меня и не быть вдохновенію, отвѣчалъ онъ. Только принудить себя, всего человѣкъ можетъ достигнуть. Вдохновеніе! Я вамъ скажу на счетъ его, что и у меня оно было. Это было еще въ турецкую компанію. Началась однажды жаркая перестрѣлка. Я былъ въ числѣ охотниковъ—совѣстно вѣдь отстать отъ другихъ, и нужно вамъ сказать, такъ ужъ само случилось, что я былъ какъ то-все впереди, да впереди. Нѣсколько разъ, среди свалки, чувствовалось мнѣ, что будто меня вдругъ какъ кипяткомъ что-то обдастъ, потомъ холодомъ, и потомъ какъ ничего не бывало, какъ слѣдуетъ. Съ часъ таки я пореботалъ, какъ вдругъ начала у меня кружиться голова, въ глазахъ красные кружки да звѣздочки бѣгать, въ ушахъ какъ въ колокола звонить... Успѣлъ только я сказать молитву, да подумать: доканали таки, знать, враги, и упалъ какъ камень. Когда я очнулся, около меня ханотали и фельдшера, и лекаря, точно вокругъ какого-нибудь маленькаго ребенка. Признаться, стыдно даже стало; хотѣлъ пріветать — не могу! Весь будто я въ желенкахъ закутанъ; и голова въ бинтахъ, и ноги и руки въ бинтахъ; точно въ балахонъ меня нарядили, кресто смѣхъ! Нечего, думаю, дѣлать! ваша взяла, когда такой грѣхъ допуталъ; дѣлайте, что хотите. Прилежъ опять на траву, слабъ слабее конекъ. Не знаю, вздремнулось ли мнѣ, или опять слабость напала, только я было опять сталъ забываться, какъ вдругъ слышу:

— Корпусный здеть, корпусный здеть!

Тутъ ужъ, согласитесь, хоть какая дрема и слабость пройдетъ. Привсталъ я черезъ силу, встряхнулъ головой, оперся на фельдшера и вытянулся, какъ струнка, вмѣстѣ съ прочими, кто не такъ испиникованъ былъ. Глажу, а его высокопревосходительство предо мной стоитъ.

— Ты, спрашиваютъ, такой-то?

— Тотъ самый, отвѣчаю, ваше высокопревосходительство.

— Лягъ, другъ мой, приказываютъ мнѣ.

— Постоять можемъ, отвѣчалъ я, ваше высокопревосходительство, и право, вѣрите не вѣрите, а какъ будто откуда силы взялись. Не

туть-то было! Его высокопревосходительство какъ-будто не повѣрляи. Взяли меня бережно за плеча и начали потихоньку все наклонять да наклонять, какъ какую-нибудь сахарную барышню. Что было дѣлать? Началъ я подгибать деликатно ноги, чтобы ихъ не принатужить, и прилежъ какъ можно пристойнѣе, хоть правду сказать и не ловко, и порядочно больно было, такъ истыкали, негодая, что, кажется, куда ни повернись, вездѣ дыра была.

— Ловко ли, хорошо ли тебѣ? спрашиваютъ.

— Хорошо, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ я, удерживаясь, чтобы какъ-нибудь, понимаете того... ну, не крахнуть какъ-нибудь, однимъ-словомъ.

Взялъ меня его высокопревосходительство руками за обѣ щеки, повертѣли легонько со стороны на сторону лицо, и сказалъ:

— Поцѣлуй-ка меня сперва, молодецъ,—и знаете, этакъ прикоснулся къ моему лбу своими губками...

Чортъ знаетъ, какой у меня ералашъ въ головѣ тогда пошелъ.

— Поздравляю тебя офицеромъ, прибавили послѣ этого его высокопревосходительство. Ну, тутъ ужъ, понимаете, шабашъ Матрешка! Хоть какой ни на есть человекъ будь, а все позабудешь,—вскочилъ я опять черезъ силу, да какъ завою какъ какая-нибудь глупая баба. Силы такія вдругъ получилъ, какъ-будто Святославомъ сталъ. И вотъ и пошло и пошло у меня вдохновеніе. Что мнѣ говорили, ничего не слыжалъ; бросился какъ сумасшедшій къ стоявшимъ вблизи ружьямъ и закричалъ: ура! впередъ ребята. Такъ въ ту минуту и казалось, что его высокопревосходительство приказываютъ редуть взять или что-нибудь подобное сдѣлать... А вѣдь не забудьте, я тогда едва-едва дышалъ. Вотъ вамъ и вдохновеніе... Ну, прикажи тогда мнѣ, примѣрно, его высокопревосходительство, оду хоть написать, на взятіе Измаила что ли, хорошенько не помню,—написалъ бы, ей-ей бы написалъ; ну, вотъ написалъ бы, говорю вамъ откровенно, какъ честный и благородный офицеръ. Тутъ онъ ударилъ нѣсколько разъ, очень сильно, по столу кулакомъ, въ знакъ подтвержденія своихъ словъ, потомъ приостановился на минуту и продолжалъ:

— Потомъ меня еще однажды посетило вдохновеніе, но только совершенно различное отъ перваго. Сердчишко такъ у меня въ ту пору ныло, такъ и смѣяться какъ-то, и плакать, и браниться хотѣлось, такъ было, однимъ-словомъ, тяжело, что отцомъ бы роднымъ, кажется, назвалъ еслибы меня кто тогда живаго въ могилу зарылъ... Ну, да прошлаго не воротись... Не прогуляться ли намъ, докончилъ онъ: пойдемте-ка, я вамъ покажу нашу крѣпость...

Ему видимо хотѣлось разогнать прогулкой какія-то воспомина-

нѣ. Мы поцѣли. Онъ провелъ меня по всѣмъ закоулкамъ, по всѣмъ строеніямъ, и старался дать замѣтить весь порядокъ и всю чистоту.

— Когда вы будете въ Ряжскѣ, замѣтилъ онъ мнѣ: и если тамъ когда съ кѣмъ-нибудь зайдетъ обо мнѣ рѣчь, прошу васъ сказать, что Панфиль Ивановичъ вотъ и вотъ какой человѣкъ; положимъ хоть пороху, можетъ-быть, и не выдумаетъ, а живетъ все-таки себѣ, какъ слѣдуетъ; никто ему въ глаза плюнуть не посмѣетъ, и не краснѣетъ онъ ни отъ кого, и ни передъ кѣмъ глазъ не опуститъ. Пусть всякій смотритъ въ нихъ сколько душѣ угодно, никакой задоринки въ нихъ не отыщеть...

Мы взобрали на крѣпостной валъ. Предо мной, съ одной стороны, темнѣлась безконечная масса морскихъ волнъ, съ другой, въ отдаленіи, тянулись заслоненныя туманомъ кражи горъ, до которыхъ все пространство было покрыто, какъ мнѣ казалось, густымъ камышемъ. Все кругомъ было глухо, пусто и безмолвно; нигдѣ ни жилья, ни слѣда человѣческаго. Только изрѣдка поднимались въ тростниковой чащи морскія птицы, и пугливо неслись на открытое море...

— Скучненько-же, однако, вамъ должно быть здѣсь, замѣтилъ я Панфилю Ивановичу.

— Почему? спросилъ онъ меня съ удивленіемъ.

— Повсему. Это настоящая пустыня...

— Все зависать отъ привычки, прервалъ онъ меня: если пообживаетесь у насъ, посмотрите, какъ все вамъ полюбится. Да чего же, вопросъ, недостаетъ у насъ, по вашему?..

— Всего! Во-первыхъ, людности.

— Чтѣ въ ней проку? Гдѣ больше людей, тамъ больше хлопотъ. Да притомъ, зачѣмъ всѣ эти люди? портреты чтѣ-ли съ нихъ списывать?

— Живописнаго мѣстоположенія, продолжалъ я.

— Вы меня извините, прервалъ меня Панфиль Ивановичъ, но только я, въ своемъ глупомъ умѣ, какъ ни стараюсь, а до-сихъ-поръ никакъ не могу понять, чѣмъ могутъ иногда восхищаться люди, видя передъ собою, наприимѣръ, какія-нибудь тамъ горы, овраги, лѣсъ ли какой, или рѣчку, которая течетъ не этакъ, а иначе, лентою тамъ или звѣйкой, какъ пишется въ книгахъ! Случалось, бывало, всѣ кричатъ: ахъ, какъ хорошо, ахъ, какъ чудесно! ахъ, какой видъ! А я смотрѣлъ во всѣ глаза и ничего не находилъ особеннаго. Лѣсъ какъ лѣсъ, горы какъ горы, даль какъ даль... По моему—есть вода въ рѣкѣ, и хороша рѣка; можно въ лѣсу спрятаться отъ зною, и прекрасный лѣсъ; а тамъ все прочее, горы, да долины, да излучины, по мнѣ, хоть бы ихъ вовсе не было. Побродилъ я по нимъ довольно, и кромѣ усталости, не чувствовалъ отъ нихъ никакого удовольствія, никакой пользы.. Я полагаю,

добавил Панфи́ль Ива́нович очень серьезно, что весь этот восторгъ къ мѣтностямъ происходитъ оттого, что люди слишкомъ всего досыта насмотрѣлись и начувствовались, такъ вотъ имъ и давай чего-нибудь новенькаго. Сумбу́рь все!..

Панфи́ль Ива́новичъ показался мнѣ человѣкомъ самымъ прозаическимъ, самымъ безчувственнымъ, въ душу котораго никогда ничего не западало. Мнѣ стало даже на него досадно. Кто былъ онъ? Одна говорящая, движущаяся машина. Я ошибался: я подъ этой ледяной наружностью билось горячее, любящее сердце!

— И такъ, сказалъ я, слѣдовательно вы совершенно хладнокровны ко всему?

— Именно такъ! Ко всему, что только не касается службы; въ ней иногда случается входить въ азартъ, и вѣрите ли, странное чувство рождается—будто помолодѣешь.

— Счастливымъ характеръ, проговорилъ я: еслибъ я такъ душевно отжилъ, какъ вы, я бы или искалъ умереть, или бы нашелъ на меня хандра...

— Хандра? Это... это, это—есть болѣзнь, какая-нибудь? нерѣшительно спросилъ меня Панфи́ль Ива́новичъ, опасаясь дать промахъ.

— Да, и очень тяжелая — безотчетная грусть.

— А! понимаю! то—есть меланхолія! Поди пожалуй, какъ разговоръ-то со дня на день образуется — поди успѣвай слѣдить за нимъ. Такъ теперь меланхолія хандрой называется; вотъ какъ ее перефранцузили, голубушку! Нѣтъ, хандры у меня никогда не бываетъ, да притомъ у меня есть противъ нея очень вѣрное средство, такой дѣйствительный рецентъ, что и сказать не умѣю...

— Какой же? спросилъ я, любопытствуя узнать, что придумалъ капитанъ противъ скуки, въ своемъ уединеніи.

— А что дадите? спросилъ онъ, лукаво и самодовольно улыбаясь и подмигивая глазомъ.

— Да вамъ всякій все готовъ отдать подчасъ.

— Ну, я человѣкъ не жадный и притомъ мнѣ наслѣдство не для кого копить; я вамъ и даромъ скажу: это баня.

Я громко захохоталъ.

— Смѣйтесь, сколько вамъ угодно, серьезно сказалъ Панфи́ль Ива́новичъ, а что такъ, то такъ. Есть много чудесъ на свѣтѣ, другъ Горацио, которыхъ и не понимаютъ наши философы, продекламировалъ онъ потомъ, приподнявъ палецъ ко лбу. Достоверно не знаю, кто сочинилъ эту пословицу, Сѣверная Пчела или кто другой, а она справедлива.

— Послушайте! Я хотѣлъ бы спросить у васъ.

— Что вамъ угодно? Спросилъ я.

— Ничего; хотѣлъ васъ объ одной вещицѣ спросить, да когда-нибудь послѣ успѣю; когда вы меня покороче узнаете и за что-нибудь полюбите, а то вы люди свѣтскіе, все на полятикъ, тотчасъ за глаза, гдѣ-нибудь на смѣхъ поднимите. Послѣ, послѣ успѣю!..

Какъ я не упрашивалъ капитана, онъ упорно отклонялся отъ всякихъ объясненій.

— Послѣ, послѣ, когда-нибудь, повторялъ онъ, а теперь пойдите обѣдать. Миѣ что-то взгрустнулось.

— А! а какъ же вы говорили, что никогда не грустите, замѣтилъ я.

— Да вѣдь грусть грусти рознь, отвѣчалъ миѣ капитанъ: миѣ скучно стало отчего, вы думаете? Оттого, что я нынче утромъ ничего не дѣлалъ. Вотъ оно что; а не то, чтобы сердце или душа болѣла...

— Эй, капитанъ, лукавите! сказалъ я. Увѣренъ, что у васъ есть тоже, какъ вы говорите, зазноба. . .

— Полноте, полноте, Богъ съ вами, прервалъ меня Панфилъ Ивановичъ: есть ли миѣ время заниматься такими вещами. Служба-то на что жъ у меня? Даромъ что-ли?.. Пойдите закусить, чѣмъ Богъ послалъ...

И затаивъ сквозь зубы пѣсню, Панфилъ Ивановичъ потащилъ меня домой.

Никогда не случалось миѣ видѣть такого радушія и гостепріимства, съ какимъ угощалъ меня Панфилъ Ивановичъ. Миѣ казалось, что онъ выложилъ на столъ все, что только у него было. Я привезъ кое-что съ собою и предложилъ все къ его услугамъ. Онъ отказался отъ всего и даже обидѣлся.

— Да куда же миѣ все это дѣвать? спросилъ я.

— Куда хотите; выкиньте, если угодно, а ужъ я не возьму. Что это миѣ за честь будетъ, когда дойдетъ до кого-нибудь молва, что вы у меня на своихъ харчахъ жили? Что подумаютъ? Скажутъ: мотыга, какой-нибудь, ничего своего не имѣетъ. Нѣтъ, слуга покорный!..

Онъ не отказался только отъ кахетинскаго.

— Вотъ это другое дѣло, согласился онъ, вина я и самъ не пью и для другихъ не держу. Вашимъ же добромъ васъ и подчивать буду.

Во-время обѣда капитанъ рассказалъ миѣ всю служебную свою жизнь. Она была полна трудовъ и многихъ усилій. Намъ обонмъ згрустнулось. Ему отъ воспоминаній, миѣ отъ разлуки съ Тифли-

сомъ. Мы оба молчали и сидѣли, потупя головы. Панфиля Ивановичъ первый вышелъ изъ раздумья.

— Ну, чѣмъ же мнѣ развеселить васъ? спросилъ онъ меня. Что вы намѣрены теперь дѣлать? Не желаете ли въ гости къ Храповицкому?

— Кто это такой? спросилъ я, не понявъ выраженія Панфиля Ивановича. Онъ насмѣшливо улыбнулся и укорительно покачалъ головой.

— А еще ученый вы, сказалъ онъ добродушно, и не понимаете такого обыкновеннаго слова... А вѣдь, кажется, ясно, предложилъ вамъ всхрапнуть.

— Я отозвался, что не имѣю привычки спать послѣ обѣда.

— Такъ не угодно ли я васъ музыкой позабавлю? сказала Панфиля Ивановичъ.

— Какъ, развѣ у васъ музыканты есть? спросилъ я.

— Есть, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, да еще какіе, чуть ли не высекъ-благородные...

— Сдѣлайте одолженіе...

— Гей, ма! вы, музыканты, крикнулъ Панфиля Ивановичъ, и нагнувшись подъ кровать, вытащилъ изъ ящика гитару.

— Какъ! такъ вы и музыкантъ? вскричалъ я.

— Да, отвѣчалъ онъ, я всему понемногу научился. Что дѣлать, необходимость чему не научить?

— Какая же необходимость?

— Какъ какая? Придется гдѣ-нибудь въ обществѣ быть. Попросятъ дамы, развеселите, капитанъ, а капитанъ ничего не умѣетъ, и выйдетъ не на жолу...

— Да гдѣ же у васъ дамское общество? спросилъ я.

— Здѣсь, конечно, пѣтъ; но вѣдь не все же я здѣсь останусь, отвѣчалъ Панфиля Ивановичъ. Можетъ-быть, заслужу и повысятъ, переведутъ въ другое мѣсто; могу вѣдь я и въ отставку выйти и поблать на редицу; тамъ авось кое-когда гитара и пригодится, потому-что я танцовать уже, мое почтеніе, не могу...

— Э, э, капитанъ, замѣтилъ я, улыбаясь, да вы, кажется, до прекраснаго пола таки охотникъ...

— Полноте, полноте, остановилъ онъ меня, слушайте лучше, если вамъ только не скучно будетъ.

И Панфиля Ивановичъ началъ перебирать струны. Мотивы его были очень однообразны и составляли нѣчто среднее между трепакомъ и вальсомъ — *mein lieber Augustin*.

— Порадочно? спросилъ онъ, побрякивая такъ съ четверть часа

покачивая подь тактъ головою, какъ маятникомъ. Теперь, пожалуй, мы вамъ и споемъ, добавилъ онъ.

И не дождавшись отвѣта, Панфи́ль Ива́новичъ затянулъ «Подь вечеръ осенью ненастной», романсъ, какъ онъ называлъ, мелодія котораго мало отличалась отъ прежнихъ звуковъ. Наконецъ, предавшись совершенно музыкальной настроенности, онъ перешелъ къ другой пѣсни:

Скрипи, скрипи, телега,
Ну, ай да ну!
Куда ѣдешь? по сѣно,
Ну, ай да ну!

Этотъ куплетъ, продолженія которому не имѣлось, пѣтый мнѣ уже для собственнаго удовольствія, длился неизвѣстно сколько времени. Я успѣлъ невольно заснуть подь его гармонію. Когда я проснулся, Панфи́ла Ива́новича не было въ комнатѣ. Онъ возвратился только передъ вечеромъ, весь въ поту, тяжело дыша, но весело потирая руки.

— Откуда, капитанъ? спросилъ я.

— Да маленькое ученьеце дѣлалъ, отвѣчалъ онъ, потомъ полечился немного, потому что нынче, не знаю что—то очень сильно взволновало меня.

— А! понимаю; вашими обыкновенными рецептомъ отъ меланхоліи?

— Угадали.

— И что же?

— Какъ рукой сняло. Вамъ не скучно ли? Отправьтесь, а я куда чаемъ распоряжусь, или, можетъ-быть, поговорить о чемъ-нибудь хотите? Вотъ, наприимѣръ, о приворотахъ, какъ вы думаете!

Но мнѣ уже наскучили словоохотливость и усиленное вниманіе Панфи́ла Ива́новича. Я отказался и отъ его лечебницы, и отъ разговоровъ, ссылаясь на головную боль, и мы оба занялись чтеніемъ: я одной изъ бывшихъ со мною книгъ, капитанъ своего календаря. Слѣдующіе дни были такъ же однообразны, какъ и первый, и только по праздникамъ въ общемъ быту нашемъ происходила маленькая перемѣна. Панфи́ль Ива́новичъ былъ честолюбивъ и любилъ, чтобы ему оказывали почтеніе, должное его сану. Я понялъ эту невинную слабость и старался порадовать капитана, какъ могъ. Каждый праздникъ одѣвался я на нѣсколько минутъ въ мундиръ, бралъ въ руки фуражку и съ самою серьезною наружностію поздравлялъ Панфи́ла Ива́новича съ праздникомъ, чествуя его полнымъ его чиномъ капитана.

Панфи́ль Ива́новичъ съ важностію протягивалъ мнѣ руки и отвѣчалъ:

— Благодарю, господинъ поручикъ.

Исполнивъ этотъ обрядъ, комендантъ дѣлался прежнимъ Панфиломъ Ивановичемъ и начиналъ меня радушно подчивать моплѣ же кахетинскимъ, упрасывая только пообождать немного и не переодѣваться, покуда не исполнятъ этой же самой церемоніи другіе, состоящіе въ укрѣпленіи подъ его начальствомъ.

— Все у меня вѣдь здѣсь молокососы, добавляя онъ, чтобы объяснить причину своей просьбы: хорошей притѣрь имъ не худо пить передъ глазами; знаніе своихъ обязанностей имъ и впередъ пригодится.

При эпитетѣ «молокососы» я не могъ удерживаться отъ улыбки, не смотря на все опасеніе оскорбить амбицію капитана. Самому юнѣйшему изъ молокососовъ Пауфила Ивановича могло быть не менѣ тридцати пяти, шести лѣтъ!

Въ первое время меня все забавляло въ Пауфила Ивановича, и его заботливость отдалить отъ меня скуку, которая какъ-то невидимо должна была тяготѣть надъ его пустыннымъ укрѣпленіемъ и мѣшала мнѣ вполне чувствовать все однообразіе, которое должно было ожидать меня вперед. Его неместошныя рассказы потеряли для меня всю новизну, его рѣчи стали драть мнѣ уши и я съ жаромъ, съ утра до вечера, осматривалъ укрѣпленіе, стараясь окончить дѣла и возвратиться въ Тифлисъ, тѣмъ болѣе, что пастушала глубокая очень и все окрестности моря и самое небо стали еще пустыннѣе, мрачнѣе и печальнѣе.

— Куда это вы такъ торопитесь, вѣдь вамъ срокъ не положенъ? спрашивалъ меня заботливо Пауфила Ивановичъ.

— Да во свояси, капитанъ.

— Чѣмъ же вамъ мы такъ противны стали?

— Собственно вы ничѣмъ, съ вами я остался бы хоть навсегда, отвѣчалъ я, но ваша крѣпость хоть на кого нагонитъ хащрау.

— Да вѣдь ея нѣтъ, слава-Богу?

— Напротивъ, ужаснѣйшая.

— Такъ баньку? Эй, не гордитесь!

— Ничто не поможетъ, отвѣчалъ я, видя что Пауфила Ивановичъ, кажется, рѣшился не отставать отъ меня съ своимъ лекарствомъ: одна только пуля развѣ поможетъ.

— Чтѣ вы изволили сказать? Пуля, кажется? Не понимаю, какая же пуля; можетъ-быть лекарство?

Я сдѣлалъ поясняющій знакъ.

На лицѣ Пауфила Ивановича выразился неподдѣльный испугъ.

— Послушайте, сказалъ онъ, взявъ меня съ участіемъ за обѣ руки: а обѣ душѣ-то вы своей въ эту минуту не подумали развѣ?

Серьезность, съ которою принялъ Панфила Ивановичъ мою театральную выходку, внушила мнѣ пошутить надъ его легковѣріемъ.

Простодушные слова его, которыми онъ старался уговаривать меня, отзывались такою грустію, такою убѣдительностію и страхомъ, что я сѣтшилъ смѣхомъ разувѣрить его.

— Успокойтесь, я это сказалъ шутя.

— Поклянитесь.

— Поймите только, изъ чего мнѣ стрѣзяться?

— Это я и самъ думалъ, подтвердилъ Панфила Ивановичъ. У васъ отчаянію не отъ чего быть. Чего вамъ не достаетъ? Книгъ у васъ много, занятій по службѣ хоть на цѣлый день, живете вы спокойно, никто васъ не тревожитъ; да я бы на вашемъ мѣстѣ тысячу лѣтъ прожилъ и не соскучился. Вотъ, еслибы у васъ было какое-нибудь сердечное горе, другое дѣло, тогда никакое лекарство не поможетъ.

— А развѣ вы это испытали, капитанъ? спросилъ я Панфила Ивановича, вспоминая его замѣшательство при отысканіи въ книгѣ его стихотвореніи къ Феклушѣ.

— На что вамъ? проговорилъ онъ.

— На то, что и у меня есть сердечное горе, отвѣчалъ я лукаво, стараясь заставить его высказаться.

— Да вѣдь вы ему не вѣрите, сказалъ онъ недоувѣрчиво.

— Мало ли что говорится, да не то чувствуется!

— Правда, правда, подтвердилъ онъ... Чго-жь, смѣйтесь, пожалуй, сколько угодно, продолжалъ Панфила Ивановичъ, помолчавъ немножко, — не считалъ, съ кѣмъ грѣхъ не бываетъ, вѣдь и я былъ молодецъ. Какъ я страдалъ, только одинъ Богъ до сихъ поръ знаетъ, а между-тѣмъ, видите, дожилъ же до зрѣлыхъ лѣтъ (Панфила Ивановичъ не припадалъ себя старикомъ) и никогда мнѣ въ голову не западала ни одна вольнодумная мысль.

Мнѣ было любопытно узнать исторію любви капитана. Страсть въ душѣ такого положительнаго человѣка, какъ Панфила Ивановичъ, казалась мнѣ замѣчательнымъ психологическимъ фактомъ.

— Разскажете, пожалуйста, просилъ я Панфила Ивановича.

— И, что вспомнить прошлая глупость, отвѣчалъ капитанъ, покручивая усы. Я вамъ сказалъ и признался, что и со мною была однажды этакая страшная оказія, и довольно. Вѣдь вы помочь мнѣ, согласитесь, нисколько не можете...

А между-тѣмъ я видѣлъ, что бѣдному капитану, столько лѣтъ посвященному на сердцѣ накопившіяся воспоминанія, видимо желалось высказаться. Онъ только стыдился и, вопросъ, чего? Своихъ самыхъ звучившихъ

чувствъ. Странно созданъ человѣкъ! Смѣшна иногда его гордость! Самые благородные порывы заставляютъ насъ порою краснѣть, и часто мы ихъ смѣшиваемъ и принимаемъ совсѣмъ за иное чувство. Одни чувства вырываются у насъ изъ души, когда бы имъ слѣдовало тамъ затаиться, другія лежатъ на сердцахъ въ то время, когда бы имъ нужно было высказаться... Капитанъ боялся только показаться чувствительнымъ, чтобъ не казаться слабымъ. Я уничтожилъ его перфшность и застѣнчивость самыми убѣдительными доводами и примѣрами.

— Ужъ такъ и быть, согласился онъ, слушайте. Какъ уже вамъ извѣстно, я изъ вольно-опредѣляющихся. Досталась мнѣ послѣ отца кое-какая лавчонка, да думаю, что мнѣ съ этой лавчонкой дѣлать? Бывало, сидишь, торгуешь, ничего не выторгуешь, а неудовольствій отъ покупателей много услышишь. Чтѣ это такое. Отчего, думаю, и мнѣ такъ не распорядиться, чтобы я былъ человѣкомъ, какъ слѣдуетъ, съ вѣсомъ. Давай, думаю, составлю себѣ карьеру, пойду въ военную службу. Закипѣли вдругъ у меня въ головѣ сраженія, опасности разныя и я, ещѣ не поступивъ нкуда, какъ-будто на аршинъ выросъ. Такъ какъ-будто кто-то въ уши и шепчетъ:

— Ваше благородіе! Ваше высокблагородіе... У матери еще одинъ сынъ оставался...

Я видѣлъ, что капитанъ снова начинаетъ мнѣ читать весь послужной списокъ, не приступая къ главному, смѣшилъ прервать его.

— Все это я знаю и помню, сказалъ я, начинайте прямо съ Ряжска.

— Помилуйте, замѣтилъ онъ, простодушно, какъ же можно начинать чтѣ-нибудь съ середины: вѣдь и до Ряжска еще много разныхъ происшествій было...

— Тоже сердечныхъ?

— Полноте! Чтѣ такъ дурно обо мнѣ думать? Вѣдь человѣкъ только одинъ разъ можетъ на своемъ вѣку глупость сдѣлать, а если сдѣлаетъ въ другой разъ, въ томъ же родѣ, чтѣ же онъ за вещь такая? Нѣтъ, но я хотѣлъ вамъ разказать, какъ я все *происходило*...

Чувствуя нескончаемыя рѣчи и вводныя, я самъ пересказалъ Панфилу Ивановичу вкратцѣ всю его служебную жизнь, и прерываемый его добавленіями, дошелъ наконецъ до его офицерскаго чина и отпуска въ Ряжскъ.

— Теперь, выражаясь русской поговоркой, вамъ и книги въ руки, капитанъ, сказалъ я.

— Нечего дѣлать, проворчалъ Панфилъ Ивановичъ, Богъ съ вами,

заставляете вы степеннаго человека скакать, какъ зайца, да ужъ такъ и быть.

И онъ началъ:

«Когда кампанія кончилась и дали мнѣ, по милости начальства, въ награду третное жалованье, я, съ помощію добрыхъ людей, экипировался на славу, будто отъ тысячи душъ. Чего ни помотри, все было, словомъ, знаете, молодецъ молодецъ сталъ. Какъ не поразоваться старушки, двѣнадцать лѣтъ ее не выдавъ, возьму отпускъ, ушаду ей какъ сибѣ на голову. Словомъ, засѣлъ у меня въ голову отпускъ и сидитъ въ ней уюрно, хоть, признаться-сказать, преситесь—то я долга медлялъ. Все казалось, что могутъ подумать, будто я, не успѣвъ выйти въ люди, отъ службы хочу отлынивать. Бывало, подойду къ полковничьему порогу, постою, постою, да съ тѣмъ и уйду; возвращусь домой, полагая, что утруждать начальство не прилично, вдругъ опять какъ-будто кто-то на ухо начнетъ шептать: Почему неприлично? Ничего неприличнаго нѣтъ! Видь ранецъ ты?—Ранецъ! — На службу не ходишь?—Не хожу!—Другіе же доѣхали?—Доѣхали! — Такъ чего же ты-то трусишь? Экъ ты, мояра курица, а не офицеръ! Нашпиговалъ себя такъ, что хоть на стѣну готовъ лезть. Прихожу къ полковнику. Нашъ полковникъ, нужно вамъ сказать, былъ вотъ какой человекъ...

Готовилось новое вѣдое; я посиѣвшилъ опять умѣрить краснорѣчія Панфила Ивановича.

— Одниѣ-словомъ, вы получили отпускъ? подсказалъ я.

— Получилъ.

— И доѣхали до Рижска?

— И доѣхалъ.

— Извольте, я слушаю!

Панфилъ Ивановичъ засмѣялся, пожалъ плечами, вздохнулъ, и проговоривъ: Господи! какъ вы жить—то торопитесь, еще и начала нѣтъ, а вамъ подавай конецъ, — началъ продолжать, уже не вѣтшивая постороннихъ происшествій.

Когда я прибылъ въ Рижскъ, было уже очень поздно, часовъ двѣнадцать ночи; вамъ извѣстно, тамъ люди живутъ просто, чуть ли не вѣстѣ съ курами на насестъ спать ложаться. Приказывая, по старой памяти, ящичку ѣхать то направо, то налево, я наконецъ доѣхалъ до домика, гдѣ была моя лавчонка и гдѣ мы жили. Слѣзъ съ телеги, подошелъ... Смотрю во всѣ глаза, и вдругъ будто меня кто зубами за сердце схватилъ. Домишко нашъ стоялъ весь искорюченный, искривленный и весь заколоченный, точно выморочный. Господи! думаю, не-

ужели плохо? Неужели я затѣмъ только и начальство беспокоилъ, и десьги копилъ, и истратился, чтобы мнѣ теперь, можетъ-быть, и порадовать некого было? Досадная исторія! Пошелкалъ языкомъ, помогалъ головою и останавливался, какъ окаменѣлый.

— Куда я теперь пойду? Къ кому? Какъ и отъ кого хоть маленькую вѣсточку имѣть, гдѣ моя бѣдная старушка и братецъ?..

Тутъ Панфила Ивановичъ приостановился, и на его холодномъ, ничего не выражающемъ лицѣ мелькнулъ проблескъ глубокаго чувства...

— Вотъ тогда такъ ужъ подлинно нашла на меня ваша хандра, продолжалъ онъ, а къ ней еще въ добавокъ и извозчикъ прибавилъ. Не видите, что человекъ самъ не свой, и лѣзетъ съ глухими словами:

— Да что же, ваше благородіе, долго ли мы будемъ здѣсь стоять, станція что ли это? Ишь-ты дождикъ-то какъ льетъ!

Правда, погода тогда была прескверная! Но вѣдь я и самъ это видѣлъ; да дѣлать было нечего. Разбранилъ я его, и онъ замолкъ. Я стою попрежнему и не знаю, что придумать? Въ головѣ, знаете, точно туманъ какой. Руки, кажется, поднять бы не догадался.

— Да вы ищите что ли кого, ваше благородіе? спросилъ меня извозчикъ.

— Тебѣ что за дѣло? крикнулъ я на него, съ сердцемъ.

— Какъ что за дѣло? отвѣчаетъ, вѣдь я довести радился, а не до бѣла свѣта подъ дождемъ стоять. Если нужно о какомъ-нибудь сиривиться, такъ на то кругомъ сосѣдніе дома есть. Не нѣмые живутъ, отвѣтятъ

Представьте себѣ, мнѣ и этого простаго средства не пришло, въ ту минуту, въ голову. Подъ какимъ огнемъ я бывалъ и не терялся, а тутъ не нашелся, вотъ и все. Какъ знаете, такъ и сулите!

— Правда, подтвердилъ я, спасибо, братецъ; подошелъ къ воротамъ сосѣдняго дома и началъ стучаться. Какъ на зло, только собаки въ отвѣтъ зачали, а хоть бы одна человѣческая душа отозвалась... Крякнулъ съ досадою мой извозчикъ, слѣзъ съ облучка, прижовилъ: постойте ужъ, ваше благородіе, дайте мнѣ распорядиться, и началъ барабанить кулакомъ въ ставень. Извѣстно, ямщичій кулакъ не изъ шолку созданъ; можете себѣ представить, какова пошла музыка!.. Не успѣлъ онъ стукнуть разъ пять, какъ послышался скрипъ двери, и кто-то закричалъ пискливымъ голосомъ:

— Кого это нелегкая стучать такъ надоумила? Вотъ какъ огоршу камнемъ, разбойниковъ, такъ и узнаете, какъ ставни ломать...

— Это баба, сказалъ мнѣ извозчикъ, это ихъ братъ только падали такъ грозить умѣетъ; спросите у нея, ваше благородіе, что вамъ нужно!

— Эй, ты, красотка! закричалъ я.

— Самъ ты красотка, буннѣ такой! отвѣчала она мнѣ... Видно я недокѣ попалъ, да вѣдь Богъ ее знаетъ, хороша она, или дурна...

— Убирайся, продолжалъ тотъ же голосъ, покуда до городничаго не свелн...

Тутъ я опять не вытерпѣлъ; разшумѣлся пуще прежняго, такого страху, словомъ, задалъ, что таки подошла вѣдьма къ воротамъ. Сталъ я спрашивать и разспрашивать—ничего не знаетъ. Отвѣчаетъ одно, что домъ уже лѣтъ шесть какъ пустой стоитъ. Свѣлъ я опять въ телегу и поѣхалъ на постоялый дворъ, какъ въ воду опущенный. Раяскъ не Богъ знаетъ какая машина, одинъ только въ немъ постоялый дворъ и былъ. Авось, думаю, тамъ что-нибудь узнаю. Прїѣзжаю, вхожу, смотрю — все повые лица! Мое вамъ почтеніе! Хозяинъ прежній умеръ, а новый столько же знаетъ о матушкѣ и о братѣ, сколько и я. Ужъ тутъ я, просто чуть бѣлагой не заревѣлъ... Разспрашиваю, говорю припѣты, фамплію — наконецъ допытался кое-какъ.

— Теперь знаю, кого вы ищете, сказалъ мнѣ хозяинъ: жаль бѣдную, пришлось на старости лѣтъ въ чужихъ людяхъ жить!

— Какъ! вскричалъ я, а Ваня что-жъ?

— То-есть сынъ? Сынъ проторговался, началъ съ горя пить и умеръ. Теперь старуха изъ милости у вдовы казначейши живетъ.

Лучше бы меня кто разъ двадцать книжаломъ пихнулъ, чѣмъ такіа рѣчи слышать. Покачалъ я грустно головою и не вытерпѣлъ.

— Эхъ, Ванюха, Ванюха, проговорилъ я, какъ бы я тебя отъ всей души высѣкъ, еслибы ты живъ былъ!

— Вѣрно ваша милость знаетъ старуху-то? спросилъ меня хозяинъ.

— Вы можетъ-быть, назовете меня, въ душѣ, ни-вѣсть чѣмъ, обратился ко мнѣ Пацфилъ Ивановичъ, но признаюсь, въ эту минуту я отрекся и отъ матери, и отъ брата. Не хотѣлось мундира срамить. Какое люди могли имѣть уваженіе къ тому, чья мать Христа-ради живетъ, а братъ негодяй. Пробормоталъ я что-то глухо, кивнулъ головою, въ знакъ, что знаю, и замолчалъ. Справился только, гдѣ живетъ казначейша. Легъ я спать, не спятся. Все бѣдная мать на умѣ; все какъ-то жметъ сердце, хотя и узналъ, что она жива и здорова, и уголокъ хоть теплый имѣетъ. Едва разсвѣло я былъ уже на ногахъ и одѣтъ. Каждая минута годомъ мнѣ казалась, такъ нетерпѣливо желалъ я увидѣться съ матушкою и порадовать ее; показать ей, что она не одна еще на бѣломъ свѣтѣ, что у нея есть еще сынъ, который не такъ-себѣ кто ни попалъ. Еще не было девяти часовъ, когда я вышелъ изъ

постоялаго двора. Дорогой, кто ни встрѣтитъ, такъ, казалось, во всё глаза на меня и смотреть.

— Что, думаю, на лицѣ у меня особеннаго написано? А это такъ, отъ волненія было... Когда я подошелъ къ дому казначейши и началъ отворять дверь, сердце у меня такъ сильно забилось, что, кажется, вотъ мундиръ сейчасъ и лопнетъ. Насилу выговорилъ матушкино имя...

— Здѣсь, отвѣчала мнѣ кухарка.

— Можно видѣть?

— Можно; а какъ объ васъ сказать?

— Да никакъ; просто офицеръ пришелъ.

— А если спросить какой офицеръ?

Такъ опять меня радосадовало, человекъ секунды считаетъ, а тутъ разпросы, какъ, да что, да почему. Хотѣлъ уже отвѣчать — какъ вдругъ дверь въ кухню растворилась...

Тутъ голосъ Панфила Ивановича задрожалъ, сдѣлался тише, глаза сгузились, на губахъ мелькнула радостная улыбка.

— И, началъ онъ почти шопотомъ, выходитъ моя старушка, сторбленная, кости да кожа, съ разною, знаете, посудой... Известно, ну-да заставить хоть что въ чужомъ домѣ носить... Смотрать на меня во всё глаза, разинула ротъ, и не знаетъ, что вредъ ней за картина такая. Не узнала, совѣтъ не узнала, какъ-будто на нее затѣтые какое нашло!

Панфилъ Ивановичъ вскочилъ со стула, и продолжалъ звучнымъ, возвышеннымъ голосомъ:

— Протянулъ я молча руки, словъ не нашлось, какъ-будто ошмѣлъ, и какъ прысну слезами, какъ прысну... Прикрыла старушка рукою глаза, да какъ вдругъ затрясется, поблѣднѣетъ и какъ завоетъ. Куда и посуда полетѣла!.. Стоить и не двигается съ мѣста, а только рыдаетъ да голосеть:

— Батюшки вы мои свѣты, отцы вы мои родные, святители вы мои небесные...

— Ты, ты! ужели ты? бормочетъ сквозь слезы...

— Я, я! отвѣчаю ей я, тоже плача...

— Панфилушка! Редной мой! Неужели ты? Точно ли? Да какъ броситесь ко мнѣ, да какъ обниметь! Держись только зполеты!..

Смѣшно даже подумать, какъ мы оба разбавились, докончилъ напи- таятъ, садясь на стулъ и покручивая въ раздумьи усы

— Ну, теперъ я, съ вашего позволенія, выкурю трубочку, сказалъ онъ, помолчавъ немного: въ азартъ, чувствую, какой-то вошелъ!.. Не годится, знаете, вѣдь я не комедьянтъ какой.

Панфила Ивановичъ какъ-будто стыдился формы своей чувствительности, недостойной, по его понятіямъ, мужчины...

— Кухарка, началъ онъ снова, пуская густые кружки дыму; забылъ я вамъ рассказать про кухарку. Стойтъ, вообразите себѣ, да только спяну почесываетъ, да чай думаетъ:

— Что это за комедія такая творится?

И капитанъ захохоталъ. Волненіе его прошло. Онъ положилъ трубку и продолжалъ:

— Ну, вѣтъ, какъ я вамъ докладывалъ, пѣлуемся мы съ матушкою, поостыли оба немного, а вѣдь посуда-то, согласитесь, не пузырь какой; все шумъ какой-нибудь произвела; какъ хозяевамъ не посмотреть, что у нихъ на кухнѣ происходитъ?.. И въ-самомъ-дѣлѣ, не прошло и двухъ минутъ, какъ изъ сосѣдней комнаты показалась мордочка, такая, что, просто, я вамъ скажу, хоть куда вставьте! Вездѣ приличной картинкой будетъ.

При этихъ выразительныхъ словахъ, маленькіе глаза Панфила Ивановича совершенно исчезли отъ сладостнаго воспоминанія.

— Женщинъ, продолжалъ Панфила Ивановичъ, вообще я мало видывалъ, а ужъ этакой, кажется, и во снѣ никогда не случалось грезить. Просто сконфузился такъ, что и сказать не умѣю.

— Что это такое случилось, Карповна? спросила красоточка нѣжненькимъ голосомъ...

— Сынь, матушка, сынокъ ко мнѣ пожаловалъ, отвѣчала моя старушка.

Поднялъ я глаза, хотѣлъ поклониться и рекомендоваться, какъ слѣдуетъ, смотрю, и слѣдъ простылъ.

— Пойдемте къ вамъ, куда-нибудь въ уголокъ, сказалъ я матушкѣ, а то мы такъ всёхъ обезпокоимъ.

— Какой у меня уголокъ? отвѣчала матушка, гдѣ приткнусь, тамъ у меня и уголокъ!

— Такъ вамъ, стало-быть, здѣсь нехорошо, родная? спросилъ я.

— Что ты, Панфилушка? Дай Богъ, хоть-бы дома такъ хорошо было; господа такіе добрые, внимательные, особливо барышня, просто и сказать нельзя, какая хорошая, отвѣчала матушка.

Не знаю, что вдругъ опять со мною сдѣлалось, только мундиръ того и гляди, что разорвется: грудь такъ сильно заколебалась. Такую, знаете, благодарность почувствовалъ, что хоть въ огонь и въ воду готовъ за такого ангела.

Скажу вамъ, матушка нисколько не прибавила своихъ похвалъ. Не успѣли мы и закончить нашего разговора, какъ, гляжу, и сама казначей-

на летить. Почтенная женщина такая, въ чепцѣ, въ лентахъ, полная, хоть-бы генеральшей ей быть! Раскидалась мнѣ головой, разшебеталась, обрадовалась не меньше матушки, кажется, и ну старуху мою стыдять: зачѣмъ она меня въ кухнѣ держитъ, а не ведетъ въ порядочныя комнаты? Однимъ-словомъ, бой баба! схватила меня сама, безъ церемоній, за рукавъ и потащила за собою. Усадила на стулъ, стала обо всемъ спрашивать; да какъ я, да что я? и то, и другое, и третье—не зная гдѣ и словъ брать, чтобы отвѣчать ей: а тутъ, вдругъ, и моя голубушка... молчала, молчала все, и тоже въ разговоръ вмѣшалась.

Покраснѣлъ я, какъ ракъ; чувствую, что голосъ ея мнѣ какъ колокольчикъ въ ушахъ прозвѣтилъ, и ужъ не помню право, что я отвѣчалъ ей. Спросила она потомъ меня, страшно ли въ сраженіи?

— Да ужъ страшнѣ твоихъ глазенокъ ничего не можетъ быть, сказалъ бы я, еслибъ она меня теперь спросила, а тогда я совершеннымъ неучемъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ, прибавилъ, засмѣявшись, Панфилъ Ивановичъ; впрочемъ, чтобы, знаете, тону задать, я только отвѣчалъ ей, что совсѣмъ нестрашно.

Говорили мы, потолковали; вдругъ казначейша спрашиваетъ меня:

— А гдѣ-жъ вы остановились?

Отвѣчалъ гдѣ.

— Живите у насъ, сказала мнѣ она, мы вамъ мезонинчикъ очистимъ, кадушки всѣ, которыя тамъ, повynesемъ; вы человекъ военный, не взыщете...

Началъ я извиняться, отговариваться, нѣтъ! пристала да и только!

— Живите, говорить, вы намъ кое въ чемъ и поможете; у насъ скоро разныя хлопоты будутъ, такъ все мужичина яной—разъ лучше насъ женщинъ распорядится.

Тутъ Панфилъ Ивановичъ вздохнулъ, крикнулъ и порядочно дернулъ себя за усы.

— Не зная я, что такія за хлопоты у нихъ затѣвались тогда, продолжалъ онъ, а то бы не только не сталъ жить у казначейши, но кажется, бѣжалъ бы за тридевять земель... Такія галкія приключенія...

— Что же такое? спросилъ я.

— Погодите, не портите порядка; объясню все подробно... Поблагодарилъ я, поселился въ мезонинчикѣ, и съ того же дня сталъ у казначейши какъ домашній. Старуха тотчасъ навалила на меня разныхъ комиссій. То поди ей на рынокъ, да распорядись провизіей; то сбѣгай на почту—узнать, нѣтъ-ли какихъ писемъ, то проводи ее въ церковь. На первыхъ порахъ, мнѣ всѣ эти побѣгущки въ охоту были. Чывало, такъ отмарширую на своемъ костылѣ, что и здоровому въ

пору меня догнать... Отчего-жь не услужить? Нўжно вамъ сказать, у меня натура очень привязчивая. Не прошло и недѣли, какъ, не знаю, что со мною сдѣлалось. Когда, бывало, меня не спрашиваютъ, и нѣтъ какого-нибудь предлога сойти внизъ; меня просто такая тоска беретъ, что хоть въ огонь полѣзай. Крѣплюсь, крѣплюсь, бывало, да и не выдержу. Однѣнсь, приглажусь, и сойду къ казначейшѣ.

А глаза-то, между-тѣмъ, такъ у меня и рыскаютъ по комнатамъ, нѣтъ-ли гдѣ барышни?

— Что скажете новенькаго? спросить, бывало, казначейша.

— Пришелъ понавѣдаться, не прикажете ли чего?

— Нѣтъ, отвѣтить, ничего не надо! благодарю покорно за вниманіе...

Поклонисься, да назадъ пойдешь дуракомъ въ свою кануру, и еще пуще сдѣлается скучно и досадно. Начнешь думать: отчего, молъ, это такъ у меня? Отчего прежде никогда этого не случилось? Думаешь, думаешь, и ничего не выдумаешь; и пойдешь съ горя рыскать по городу, вплоть до самаго обѣда.

— Хорошо-ли нагулялись? спрашиваетъ бывало казначейша.

Какъ бы, кажется, человѣку дѣльному не завести тутъ разговора, не блеснуть этакъ какъ-нибудь особенно. Все, кажется, для этого есть на примѣтъ: во-первыхъ, погода, во-вторыхъ, что видѣлъ, кого встрѣтилъ; а между-тѣмъ ничто на языкъ не подвертывалось. Отвѣтишь какимъ-нибудь полусловомъ, и сидишь, уткнувъ носъ въ тарелку.

— Что это вы какъ-будто не веселы, спрашивала меня тогда Фекла Матвѣевна.

— И вы, вѣроятно, отвѣчали, что предъ такимъ хорошенькимъ личкомъ, у всякаго должна пройти самая сильная скука, виѣшался я.

— То-то нѣтъ; такая была у меня глупая башка, что и подобного ничего въ умъ не приходило. Отвѣтишь, бывало, просто, что не отъ чего скучать, что всѣмъ я доволенъ; да потомъ прибавишь, что, можетъ быть, оттого кажусь невеселымъ, что раны побаливаютъ; на геморой сошлешься. Смотришь, все дѣло выйдетъ дрянъ. Злодѣйка отворотитъ мордочку и разсмѣется. Что, думаю, находить она смѣшнаго въ людскихъ немощахъ? Тотчасъ потомъ представится она миѣ душой и злою.

Станешь разбирать, ничего хорошаго не найдешь! Стану покойнѣе; а черезъ нѣсколько минутъ, какъ она взглянетъ, бывало, да улыбнется, такъ опять на все, кажется, готовъ, именно на все.

— Повѣрите-ли, возвысилъ вдругъ голосъ Панфилъ Ивановичъ, сколько эта разбойница у меня денегъ похитила!..

— Что такое? спросилъ я, съ удивленіемъ, при такомъ неожиданномъ направленіи до-сихъ-поръ платоническаго разсказа.

— Да, да, денегъ, подтвердилъ очень серьезно капитанъ. У меня все записано. Если хотите, я вамъ даже покажу; да не въ томъ дѣло. Это я не изъ хвастовства говорю; въ мотовствѣ какая добродѣтель! Я только упоминаю объ этой оказіи, чтобы показать, до чего иногда у чело-вѣка разумъ отшибеть...

Вотъ какъ это все происходило. Я вамъ ужъ докладывалъ, что казначейша употребляла меня на разные порученія. Чуть дѣнь на нее нападеть, или погода дурная, за всѣми покупками Панфилю Ивановичу тащись. Дадуть, бывало, на фасонъ разныхъ тряпочекъ, и распорядься съ ними, какъ знаешь. Устанешь, находишься, наругаешься вдоволь съ купшами, и возвращаясь, думаешь; вотъ останутся довольны! Не тутъ-то было! Смотришь, никогда не съумѣешь вполне угодить. Мать начнетъ головой мотать, да языкомъ щелкать; а дочка губки надуесть.

— Что за чудеса? размышляешь, кажется и не такія порученія исполнялъ, а никогда никакого замѣчанія не получалъ, а тутъ, изъ-за какой-нибудь невиданной неудовольствіе выказываютъ!

— Что бы это значило? спросилъ я однажды у матушки.

— А то, отвѣчала она съ сердцемъ, что ты дуракъ, тебѣ давно бы слѣдовало на обѣихъ ихъ плюнуть, да наотрѣзъ ото всего отказаться; онѣ объ алтынницы, нарываютъ, чтобы имъ вѣрно все даромъ тащить. Что имъ ни купи, все имъ дорого кажется...

— Гм? подумалъ я, теперь знаю, въ чемъ дѣло! Ладно-же! Буду же я имъ теперь угождать, такъ-что онѣ души во мнѣ не будутъ слышать...

Прошло такъ съ мѣсяцъ, живу я у казначейши весело превесело. Ничего особеннаго въ душѣ не чувствую; чувствую только, что люблю казначейшину дочку, какъ сестру. Весело ей, и мнѣ весело, скучна она, и мнѣ какъ-будто скучно станеть... Любовныхъ мученій, знаете, такихъ, какія въ романахъ описываются, никакихъ не было.

Пройди, кажется, еще мѣсяцъ, уѣхалъ бы опять въ полкъ, и ничего бы не было. Нѣтъ, какъ на зло, такія разные обстоятельства опять являясь, что просто у меня умъ за разумъ сталъ заходить. Разгѣворился я однажды съ матушкой.

— Что, говорю, неужели у такой красивой дѣвушки никакихъ жениховъ нѣтъ?

— Какъ не быть, отвѣчаетъ матушка, даже и теперь есть.

Что со мною при этихъ словахъ сдѣлалось, и сказать не съумѣю. Такъ у меня сердце сжалось, что просто хотъ плачь. Крикнулъ я такъ

ошльно, что матушка, вѣроятно, замѣтила, что со мною, въ эту минуту, творится что-нибудь недоброе.

— Что съ тобою, Панфилушка? спросила она: раны, что-ли, разжгались.

— Да, раны, подтверждаю я, вздохнувъ. Начала приставать моя старуха: Давай я тебя тѣмъ, да другимъ потру, да того, да другаго выпей; еще пуще досадно и больно стало.

— Оставьте меня въ покоѣ, Бога-ради, матушка, сказалъ я, что вамъ такъ вдругъ до моихъ ранъ пришло. Скажите лучше, гдѣ этотъ женихъ-то? Хотѣлось, знаете, мнѣ посмотреть, чѣмъ онъ лучше нашего брата!

— А тамъ, гдѣ и прочіе, отвѣчала матушка: ѣздилъ, ѣздилъ въ домъ, а потомъ уѣхалъ въ Москву, и слуху давнымъ давно нѣтъ. Словно въ воду канулъ! Вѣрно гдѣ-нибудь другую получше нашелъ. Да и выдавала-то за него Феклушу казначейша только для того, чтобы ей въ дѣвкахъ не сидѣть, да мужчину въ домъ имѣть. Дрянной такой, старый. Куда! ты противъ него молодецъ.

Не повѣрете, какъ мнѣ вдругъ стало какъ-то весело. Я такъ пощелкалъ матушку, что у ней, кажется, въ ушахъ зазвѣнѣло.

— Что это опять съ тобою сдѣлалось? спросила матушка.

— Ничего, родная, ничего!

— Ранамъ что-ль легче стало?

— Совсѣмъ вдругъ зажили, отвѣчалъ я, такъ зажили, какъ-будто ихъ никогда не бывало...

И, какъ на мою бѣду, вдругъ тутъ въ комнату Фекла Матвѣевна. Она мнѣ показалась и лучше, и умнѣе, и добродушнѣе...

Я не могъ на нее насмотрѣться; чувствую, что краснѣю, и никакъ не могу совладѣть съ собою. Стою только, да поклонѣ за поклономъ отъшиваю, точно какъ-будто не видалъ ее ни разу еще въ тетъ день... Замѣтила, зная, плутовка, мою глупость, улыбулась и сама начала тоже кланяться.

— Здравствуйте, говоритъ, здравствуйте, давно не видалась, кажется... Я пришла просить васъ, добавила она.

— Приказывайте, сударыня.

— Да только боюсь; вы какъ-то всегда до-сихъ-поръ неловки бывали.

— Вотъ тебѣ и на! подумалъ я, вотъ оно куда пошло!..

Пожалъ я плечами, вздохнулъ, наклонился снова, и больше ничего. Стою, какъ осужденный, и думаю: чѣмъ-то она меня еще теперь потѣшитъ? А у самого такъ кровь и кипитъ. И что-жъ? Можетъ-быть, вы полагаете, что она навязывала на меня какое-нибудь трудное,

головоломное порученіе, для котораго ей именно ужъ генія какого-нибудь нужно было: ни-чуть! Требовалось только сходить на почту, узнать, нѣтъ-ли на ихъ имя письма, да лентъ ей купить.

— Неужели, думаю, во мнѣ и для такихъ глупостей ловкости она не предполагаетъ? Постой, докажу же я ей, что она ошибается. И пошелся я, трухъ-трухъ, исполнять ея приказанія. Погода была мерзвѣйшая, дождь такъ ливня и льетъ. Всего меня такъ и ломаетъ, а плетусь такою крупною рысью, хоть бы лошади какой. Бранюсь, а иду, съ самого, какъ съ гуся, вода бѣжить, а иду... Прихожу на почту.

— Есть письмо на такое имя?

Порылись, пересмотрѣли.

— Нѣтъ, отвѣчаютъ.

Очень досадно стало; вѣдь, кажется, въ томъ нисколько вины моей не было, а была мнѣ пренеприятна такая исторія. Пошелъ въ лавки, и повѣрите-ли, дотога ихъ все перерылъ, что меня даже потъ прешибъ. Купилъ-таки наконецъ, что нужно, своихъ кровныхъ рубля два приплатилъ, и маршъ скорымъ шагомъ домой.

— Ну, думаю, вотъ рада-то будетъ, вотъ поблагодарить! Не успѣлъ я еще шинели порядочно скинуть, какъ Феклушка шмыгъ въ переднюю.

— Ну, что письмо? спрашиваетъ.

— Нѣтъ письма-съ, отвѣчаю: все силы употреблялъ; нѣтъ да и только!

Надула дѣвчонка губы.

— Я почти была увѣрена, проворчала она.

Началъ я ее увѣрять, что два раза даже для этого на почту заходилъ, никакого резону не понимаетъ.

— Безъ пользы что и десять разъ ходить, проговорила она: вѣрно ужъ вы такіе несчастные!

Проглотилъ я въ тихомолку такую радость и подалъ молча ленты...

— Я предчувствую, начала она снова, что и въ лентахъ мнѣ будетъ такая же неудача...

— Каково положеніе! Не успѣла еще развернуть, а ужъ опять за живое задѣла. Стою, дожидаясь и думаю: Если и въ этотъ разъ она вздумаетъ губы надуть, то мое почтеніе, послушаюсь матушкина совета и скажу наотрѣзъ, что я не слуга имъ и что до такихъ прислужниковъ онѣ далеко не доросли. Ретивое, знаете, заговорило.

Начала она разсматривать мои новыя покупки. Перебрала ихъ по одиночкѣ, попрыткнула то на голову, то къ груди, то къ боку.

— Порядочныя, пробормотала она.

— Купи-ка ты, поди, получше, подумалъ я. Не прикажешь-ли, чтобъ я тебѣ еще золотыхъ притащилъ.

— А что заплатили?

— Столько-то и столько, отвѣчаю.

— Недорого!

— Да! когда два рубля изъ своего кармана доложилъ, подумалъ я.

— Благодарю васъ!

— Не начемъ, отвѣчалъ я. Не такъ бы я тебя поблагодарилъ и не за такую штуку, прибавилъ я про-себя, видя, что въ ней просто никакого сердца нѣтъ. И тутъ такая мнѣ вдругъ охота пришла поразвернуться немного. Вотъ такъ и такъ, сказать ей, я для васъ все готовъ, а вы хоть бы меня чѣмъ маленькимъ когда порадовали. Почувствовалъ, знаете, въ себѣ вдругъ такое вдохновеніе, что просто бѣда— всю бы, кажется, подноготную предъ нею на ладонь выложилъ, тамъ она разсуждай себѣ, какъ знаетъ, да казначейша проклятая помѣшала. Ввалилась, какъ буря какая, въ комнату и туда же съ вопросами:

— Ну, что письмецо, Панфилъ Ивановичъ?

Отвѣтилъ ей то же, что дочери.

— Ахъ, какъ это вы, право, неудачно трудилась, говорить, неудачны вы, неудачны!

Точно я вѣтеръ какой, принеси мнѣ, что нужно!

— Ну, а ленты, Клусечка? спрашиваетъ. Удались-ли хоть ленты? Взяла ихъ также въ свои лапищи, вертѣла, вертѣла и наконецъ сказала:

— Вотъ за ленты такъ спасибо, просто предеть; вы, скажу вамъ, золотой человѣкъ.

Обстоятельства, вижу, благопріятныя, расположеніе такое съ ихъ стороны дружественное—дай, думаю, заготовлю хоть напередъ что-нибудь себѣ, намекну пояснѣ казначейшѣ, посмотрю, какую она рожу едѣлаетъ. Открылъ я, знаете, ротъ—нѣтъ, сударь мой, видно, что написано на роду, того не минуешь. Несетъ нелегкая кухарку.

— Матрена Павловна! съ почты писарь письмо принесъ!

Какъ я, знаете, стоялъ, такъ и прилипъ къ мѣсту. Позоръ, позоръ, такъ и чувствую, что позоръ надо мною висить. Какъ я, котораго просили, которому именно поручали, не могъ ничего сдѣлать, и вдругъ, какой-нибудь простой писарь!... Почтутъ за нежеланіе, за неспособность, за глупость!.. Такъ я возненавидѣлъ вдругъ этого писаря, что готовъ былъ проглотить его... Нужно было болвану соваться не въ свое дѣло, изъ-за какой-нибудь гривны.

Началъ я тихонько пятиться къ двери и вышелъ на крыльцо. Под-

жду, откуда эта проклятая эстафета появится. Идет наконец, вотъ я его въ руки принялъ:

— Ты кто такой? спрашиваю его.

— Писарь, отвѣчаетъ.

— Какой писарь? Развѣ ты не умѣешь сказать, какой именно? Чтѣ съ тобой, изъ плезиру что-ли разговариваютъ?.. А развѣ ты, въ комнату когда вошелъ, не видалъ, что офицеръ есть, что какъ франтъ какой согнулся? А зачѣмъ у тебя крючки не застегнуты? Да я тебѣ то, да я тебѣ другое!..

Вдругъ, ни къ селу, ни къ городу, опять казначейша. Высунулась въ двери и спрашиваетъ:

— На кого это вы такъ, Панфилъ Ивановичъ, здѣсь кричите? Чтѣ это, батюшка, развѣ мой домъ плацъ—парадъ какой, что вы тутъ на крыльцѣ чуть ли не экзекуцію производите? Да еще на кого?.. На такого золотого человѣка! Нѣтъ, ужъ это вы, пожалуста, предоставьте мнѣ. Ступай себѣ съ Богомъ, голубчикъ!..

Нечего было дѣлать, пошелъ въ свою кануру и думаю: что мнѣ привязываться послѣ этого къ этимъ дурамъ? Кто у нихъ послѣ этого можетъ быть золотой человѣкъ, когда и меня золотымъ человѣкомъ называютъ, и писаря также? Какая у нихъ послѣ этого можетъ быть справедливость, какая привязанность? И за чтѣ я, ни за чтѣ, ни про чтѣ, распекъ бѣднаго писаря? Нѣтъ, любовь свела меня съ ума! Сильно я задумался.

— Что носъ такъ повѣсилъ, Панфилушка? спросила меня матушка.

Отговаривался, отговаривался и наконецъ признался, въ чемъ мое горе. Матушка только что качала головою, всплескивала руками да одевывалась.

— Глушь ты, Панфилушка, произнесла она наконецъ!..

— Вижу, матушка, да ужъ видно грѣхъ такой.

— Какой тутъ грѣхъ, просто глупость. Вотъ ровню себѣ нашелъ. Тебѣ стоить только захотѣть, такъ за тебя любая купчиха замужъ пойдетъ, а то, экая невидаль, казначейша отставная!.. Чего тебѣ недостаетъ: и офицеръ ты, и отличія имѣешь, и молодецъ. Плюнь ты на обѣхъ.

— Именно плюну, честное слово плюну, подтвердилъ я, чувствуя, что матушка говорить правду.

— И имя-то какое—Фекла. Спросять, кто жена—Фекла.

— А вѣдь, въ-самомъ-дѣлѣ, подтвердилъ я. Чтѣ я могъ находить въ ней, не понимаю! Глаза, какъ глаза, носъ, какъ носъ.

— Просто ворона, начала матушка!..

Тут матушку прервалъ голосъ Феклы Матѣевны, тихенькій та-кой, знаете-ли ..

— Панфи́ль Ива́новичъ, кричала она, Панфи́ль Ива́новичъ, пожа-луйте сюда...

— Не ходи, сказала мнѣ матушка, постой, я за тебя отвѣчу, что ты хоть, примѣрно, боленъ сдѣлался. Что ты, въ-самомъ-дѣлѣ, деньщикъ что-ли мнѣ какой достался? Вѣрно опять тебя на посылки готовятъ.

Силь не было послушаться, сползъ я внизъ къ казначейшѣ.

— Ну, говоритъ она, помирнитесь, Панфи́ль Ива́новичъ; на радо-сти я ужъ важъ прощаю, что вы въ моемъ домѣ вздумали хозяйничать.

И, представьте себѣ, я то, дуракъ, ее же началъ благодарить, какъ-будто точно въ чемъ-нибудь виновать былъ. Поздравилъ ее, съ ра-достью, самъ не зная съ какою, нажелалъ съ три короба, и поплеся, по ее порученіямъ, опять въ своемъ казначействѣ недочѣтъ дѣлать.

Возвратился я веселый, какъ вешняя ласточка, а матушка сидѣтъ да дуется.

— Что, говоритъ мнѣ, ты за баба такая; какъ тебѣ не стыдно раземьльнымъ быть?

Началъ я оправдываться тѣмъ, что у нихъ какая-то радость, и по-тому ихъ ничѣмъ не слѣдовало огорчать.

— Да знаешь-ли ты, радость-то какая?

— Почему мнѣ знать, отвѣчаю.

— То-то и есть; еслибъ ты зналъ, такъ ужъ вѣрно шагу бы не сдѣлалъ...

— Что-же такое? спрашиваю.

— Феклушкинъ жепихъ ѣдетъ, не нынче такъ завтра? Вотъ тебѣ твой и послуги!..

— Женникъ! повторилъ я такимъ голосомъ, какъ-будто надо мной прознесли приговоръ, и я былъ опозоренъ и лишенъ всего!.. Же-никъ!.. Неправда, маменька!

Побежилась старушка...

— За кого же меня-то принимаютъ, проговорилъ я едва, едва... Разыгралось во мнѣ сердце.

Вскочилъ я, какъ сумасшедшій. И домъ мнѣ ненавистенъ сталъ, и Рижскъ, и міръ цѣлый. Такъ и казалось, что пробудъ я тамъ хоть день лишній, тоска, зависть и досада задавать меня.

— Маршъ, говорю маменька, маршъ отсюда! Что, въ-самомъ-дѣлѣ, намъ нахлѣбниками быть?..

— Куда же маршъ-то? спрашиваетъ.

— Куда-нибудь, куда глаза глядятъ; будемъ своимъ домомъ жить...

— А деньги? спрашиваетъ.

Хлопнулъ я по карману. Почти все еще полугодовое жалованье цело было.

— Вотъ, говорю; кланяться не будемъ.

— Хорошо, подтвердила матушка, а послѣ? Когда ты уѣдешь? Тогда что будетъ со мною?

Призадумался я крѣпко о томъ, что нужно было мнѣ дѣлать, и ничего не выдумалъ. Ударилъ я съ досады только кулакомъ по столу, и рѣшился терпѣть, ради матушки. Тутъ тоже у меня въ голову разные мысли пришли, и увидалъ я, что любить меня, кому бы то ни было, право не стоило. Многого у меня недоставало: ни отличій особенныхъ, ни учености, чтобы подь-часъ въ компаніи себя показать. Одинъ-словомъ, что мнѣ не слѣдуетъ пустяками голову занимать и что вся такая глупая блажь лѣзетъ отъ того лишь въ душу, что человекъ живетъ безъ занятія, безъ службы. Порѣшилъ я чѣмъ-нибудь заняться, да чѣмъ—вопросъ? Тряпки разные невѣстѣ кроить не умѣю. Бѣгать мнѣ да расходовать, слуга покорный! Сталъ я, знаете, книги читать, романы разные, и еще хуже стало, грустише за себя. Во всѣхъ этихъ исторіяхъ кто-нибудь въ кого ни-на-есть да влюбляется, все между ними такое нѣжное происходитъ. Всѣ кавалеры такъ красно говорить умѣютъ, да мы имъ такъ пріятно отвѣчаютъ... Одинъ я только ни говорить такъ не умѣю, ни слова мнѣ никто пріятнаго не сказалъ... Далъ я себѣ слово всю дурь изъ головы выбросить, и въ-самомъ-дѣлѣ, на душѣ какъ будто легче сдѣлалось; срокъ отпуска кончался. Все хорошо пошло... Нѣтъ, какъ на зло, начала ко мнѣ подвертываться. Бывало, сидишь себѣ спокойно и мечтаешь, а она тутъ какъ тутъ. Да о чемъ вы задумались, да право мнѣ жаль васъ, да не развеселить-ли васъ чѣмъ? И поидеть, и поидеть, какъ сорока... Словомъ, такъ, бывало, вдругъ снова разчувствуетъ, что, кажется, такъ бы и заплакалъ передъ нею, какъ ребенокъ, и признался во всемъ. Казни или милуй, твоя волюшка.

— Нѣтъ, думаю, есть видно и для меня на свѣтѣ счастье... Можетъ-быть, еслибъ не женихъ...

И тутъ, знаете, мнѣ такая сумасшедшая мысль въ голову забрела, что и теперь страшно становится, когда о ней вспомнишь. Страхъ захотѣлось какъ-нибудь опозорить этого противнаго мнѣ человека. За опозореннаго ужъ ни за что замужъ не поидеть, думаю, но потомъ разсудилъ, что это ни къ чему доброму не поведетъ. Прослывешь за буяна, и все потеряешь, что ни приобрѣлъ... Порѣшилъ опять, что пусть будетъ что будетъ. Прошло этакъ нѣсколько времени. Началъ я отдаляться, и рѣдко когда сходилъ къ казначейшѣ.

— Что это вы такимъ невидимкою стали? спросить меня, бывало, казначейша.

— Такъ, сударыня, мѣшать вамъ не смѣю...

— Чѣмъ вы можете мѣшать; напротивъ, Клусечка объ васъ уже соскучилась.

— Да, подтвердила Фекла Магвѣевна, какъ на зло, когда васъ нужно, тогда васъ иенно и нѣтъ!..

— Что же вамъ угодно будетъ приказать мнѣ, спросилъ я, полагая, что опять хотятъ меня на посылки послать, и твердо рѣшившись отказать наотрѣзъ, что-бы обо мнѣ ни подумали.

— Ничего, отвѣчала она, я желала, чтобъ вы меня чѣмъ-нибудь развеселили.

— Никакихъ способностей для этого не чувствую въ себѣ, отвѣчалъ я ей.

— Полноте, вы такой услужливый... Хоть нынче, по-крайней-мѣрѣ, не уходите; я съ вами займусь.

— Чѣмъ это, думаю, мы заниматься станемъ? Дожидаюсь, стою, какъ чурбанъ какой...

— Разиотаемте съ вами шелкъ, говорить...

— Только этого и недоставало, мотай поди съ нею шелкъ, какъ-будто я швейка какая!

— Никакихъ способностей, отвѣчаю, нѣтъ у меня для этого, недовольны останетесь...

— Полноте, полноте, говорить, вы такой добрый. Вы такой человекъ, что все умѣете...

— Право, сударыня, никогда этого дѣлать не случалось, отвѣтилъ я рѣшительно...

— Голубчикъ, Панфила Ивановичъ!

Что было послѣ этого дѣлать? Растопырилъ я съ досадою руки, опутала она меня всего шелкомъ, и началось... Сперва мнѣ очень неприятно было, что мною помыкаютъ, какъ мочалкой, и больше ничего; что я ей за мотовило такое достался; но послѣ самому приятно стало. Какъ, бывало, дотрѣнется она своей ручкой до моихъ рукъ, да бранить какъ-то особенно ласково станеть, что я неловокъ, меня всего такъ и прожжетъ... Уткну я глаза въ землю, растеряюсь весь, а она такъ и улыбается...

Придетъ казначейша и начнетъ меня расхваливать, и то-то я, и другое то я, и преданъ-то я имъ, какъ сынъ родной, однимъ-словомъ, такъ объ обласкаютъ, что цѣлый день радостный, прерадостный ходишь, удаго нивѣсть какую награду получилъ. Дотого, не повѣрите, опять

привязался, что чуть ли не съ самой зарей только и думаю, какъ бы поскорѣ сойти внизъ, да чѣмъ—нибудь прислужиться. Самъ, бывало, иногда придумываешь себѣ какую-нибудь работу.

— Ужъ вотъ хозяйнѣ-то! говорить, бывало, казначейша матушкѣ. Подлинно васъ такимъ сыномъ Богъ наградила, что на рѣдкость... Еслибы мнѣ такого зятя Господь послалъ, какъ я была бы счастлива...

Разъ, знаете-ли, заболѣлъ я; раны такъ заныли, что я легъ на постель пластомъ и лежу. Не повѣрите, кажется, до самой смерти готовъ былъ я тогда пролежать. То казначейша ввалится ко мнѣ, то Фекла Матвѣевна взлетитъ, ахаютъ, жалѣютъ, ухаживаютъ, какъ за роднымъ.

— Видно крѣпко меня полюбили душою, а если полюбили, такъ чѣмъ же я хуже прочихъ? Такой же человекъ.

Какъ будто на зло, вдругъ еще мнѣ одна маленькая надежда пошла. Входитъ однажды ко мнѣ матушка, сердитая такая, бранить кого-то.

— Кого это вы браните, маменька? спросилъ я.

— Кого, какъ не вашего брата, мужичину, отвѣчала она мнѣ... Всѣ вы безсовѣстные!..

— Я такъ и захопалъ глазами послѣ такого отвѣта.

— Что это съ старушкою, думаю. Что такое случилось? Растолкуйте, пожалуста?

— Поди, спроси у казначейши, отвѣчала она, мое дѣло сторова, а то еще, пожалуй, скажутъ, что я ихъ бѣду разславляю. Знаешь, нарѣченный—то женихъ, кажется, тягу далъ.

— Какъ тягу? вскричалъ я невольно.

— Да такъ, видно отказался. Казначейша бранить его—на чемъ свѣтъ стоять, а Фекла голосить во все горло...

— Голубушка моя! Неужели правда, вскричалъ я, такъ радостно, такъ радостно, что голось у меня дрожала.

Поздоровѣлъ я даже, и хоть довольно сильно меня полагивало, однакоже всталъ, приформился и сошелъ внизъ.

Казначейша была какъ-то надута, у дочери глазенки распухли. Право, у меня не злое сердце, а признаться, мнѣ было какъ-то пріятно, что она плачетъ и досадуетъ, что другой обманулъ ее. Мнѣ казалось, не знаю почему, что она должна была понять, что я никогда бы не сдѣлалъ ей никакой, даже маленькой, непріятности.

— Что это вы какъ-будто нездоровы? спросилъ я Феню Матвѣевну. И вы, сударыня, тоже какъ-будто не въ духѣ, добавилъ я казначейшѣ...

— Мало ли чего не бываетъ, всего не перескажешь, отвѣчала она мнѣ сухо.

Я понялъ, что подвернулся не въ добрый часъ, но мнѣ очень хотѣлось чѣмъ-нибудь имъ показать, что мнѣ ихъ горе не чужое, хоть, признаться, въ душѣ-то я только радовался ихъ горю.

— Я слышала о вашемъ несчастіи и пришелъ, началъ было я... Казначейша не дала мнѣ договорить.

— О какомъ несчастіи?

— Да вотъ, я слышала, отвѣчалъ я, что женихъ Феклы Матвѣевны пре-подлую надуванцію учинилъ.

Казначейша, вмѣсто благодарности, вскочила, и пошла, и пошла...

— Я, батюшка, насмѣшекъ отъ васъ не заслужила, вскрикнула она на меня...

— Сударыня...

— Нечего сударить, я за свое добро терпѣть подобныхъ вещей не хочу... Вы бы лучше, вмѣсто того, чтобъ приходилъ да изъподъ тишка на смѣхъ поднимать, посоветовали вашей родительницѣ вамъ ничего не переносить... Она старая сорóка, скажите ей... сплетница, доложите ей... тараторка, чтобъ не сказать хуже...

Что ни говори, никакъ не урезонишь! Вбила себѣ въ голову, что я ей подосаждать пришелъ и уперлась на этомъ, какъ волъ.

— Если я чѣмъ оскорбилъ или помѣшалъ вамъ, сударыня, началъ я, простите великодушно, я не зналъ, не предполагалъ, чтобы я что-нибудь...

— Вѣрю, вѣрю, прервала она меня.

— Сейчасъ готовъ отретироваться, если угодно...

— Счастливаго пути! отвѣчаетъ...

Не повѣрите, чуть носъ дверьми мнѣ не прихлопнула, такъ озлилась, а за что, спрашиваю?

Пришелъ я навѣрхъ грустный прегрустный. Матушка замѣтила это и спросила, въ чемъ дѣло; я ей разсказалъ и началъ упрашивать, чтобъ она сходила и какъ-нибудь оправдала меня. Она не хотѣла и слушать.

— Вотъ еще стоить ходить, отвѣчала она, пусть ихъ ругаются, тебя отъ этого не убудетъ...

— Хорошо вамъ такъ говорить, замѣтилъ я, а побудьте въ моей кожѣ, не то бы заплѣли...

— А что въ твоей кожѣ? спрашиваетъ.

— Не приведи Богъ что. Кажется, умру съ тоски, если разстанусь съ нею...

— Съ Февлушкой-то?

— Да, маменька!

Покачала она головой...

— Совсѣмъ ты, кажется, съ ума сошелъ, Панфилушка, проговорила она. Куда ты, глупый, суешься. Развѣ онѣ челоуѣка ищутъ?

— Кого же и чего же, послѣ этого?..

— Званія, да чиновъ, да обхожденія. Промедшій годъ капитанъ одинъ отставной сватался, да и тому казначейша дверь показала. Ей все подавай повыше, да познатнѣе, да поумнѣе.

— Да вѣдь и я, маменька, не все подпоручикомъ останусь, говорю я ей...

— Ну, тогда и сватайся, отвѣчала она мнѣ...

— А до-тѣхъ-поръ, что же?

— Брось!

Хорошо было ей говорить! мнѣ-то каково было! Я ну упрашивать, умилять, упирается да и только.

— Нейду, говорить, что мнѣ брань-сахаръ что ли какой, что я глотать буду.

Наслыу согласилась она идти. Слышу, подвядалась перецапка, и потомъ все тише и тише. Наконецъ, матушка возвратилась.

— Ну что? спросилъ я ее. Не сердятся на меня?

— Нѣтъ, присмирѣла, зоветъ тебя внизъ...

— Неужели? вскричалъ я, ахъ, вы родная моя...

— Ладно, ладно, види поскорѣе, да расскажи потомъ мнѣ, что у васъ тамъ будетъ..

Поплелся я, вхожу, кланяюсь, твержу опять, что никакого неудо-вольствія сдѣлать въ умѣ не имѣлъ...

— Знаю, знаю теперь, прервала меня казначейша, виновата. Я такъ была огорчена, что, кажется, весь свѣтъ бы за одинъ глотокъ съѣла.

Помолчала она потомъ немного, пожевала губами, и начала сама же рассказывать, что у нихъ произошло... Видите, написалъ имъ же-нихъ, что по порученію начальства, онѣ куда-то года на два вдругъ долженъ ѣхать и потому, къ большому огорченію, отказывается отъ счастья

— Знаю я, произнесла наконецъ казначейша, какое это порученіе, это просто штука. Вѣрно какую-нибудь поглупѣе нашелъ... Каково это вамъ кажется, батюшка?..

Что она ни говорила, я всему подтакивалъ... Растаяла казначейша отъ лести.

— Вотъ, еслибы вы были этимъ человѣкомъ, добавила она на-
конецъ...

Открылъ я глаза пошире, молчу и слушаю, что она этимъ сказать
хочетъ.

— Вы бы такой дерзости не сдѣлали...

— Видить Богъ, нѣтъ, отвѣчалъ я.

И такое у меня вдругъ краснорѣчіе явилось, что, кажется, такъ бы
и объяснилъ ей все, да не дала мнѣ кончить.

— Жаль только, что васъ мнѣ нельзя никакъ передѣлать, прер-
вала она меня, и вдругъ, какъ-будто ее кто дернулъ переменить раз-
говоръ.

— Знаете-ли, что я намѣрена сдѣлать? сказала она.

У меня сердце такъ и вздрогнуло... Вѣдь бываетъ же иногда
глупъ человѣкъ... Не знаю, съ чего мнѣ вообразилось, что казначейша
скажетъ мнѣ:

— А что, Панфилъ Ивановичъ, не ударить-ли мнѣ съ вами
послѣ этого по рукамъ?..

— Не имѣю счастья, отвѣчалъ я, такимъ дрожащимъ голосомъ,
что поскорѣ спѣшилъ закашляться, чтобы скрыть мое смущеніе...

— Я хочу припугнуть, по-крайней-мѣрѣ, этого негодяя. Какъ вы
думаете, хорошо придумала?

Подтакнулъ я, и даже поклялся, что хорошо.

— Умѣете-ли вы писать? спросила она меня вдругъ.

— Помилуйте, можно-ли сомнѣваться... Грамматику какую-нибудь
сочинить не могу, а что касается до всего прочаго, случалось все
писывать — рапорты, отчеты, все выходило аккуратно и всѣмъ оста-
вались довольны, отвѣчалъ я.

— Вы не такъ меня поняли, продолжала казначейша, я хотѣла
васъ просить, чтобы вы написали отъ себя, какъ-будто какой родствен-
никъ, что такіе поступки съ рукъ не сходятъ, да какъ-нибудь получ-
ше припугнули его. Поняли?

— Понялъ, сударыня, отвѣчалъ я. Только мнѣ кажется, что вамъ
самой лучше бы было адресоваться.

— Боюсь, чтобы какихъ-нибудь неприяностей не нажить, сказала
она.

— Ишь ты хитрая птица какая! подумалъ я. Сама въ петлю
лѣзть не хочетъ, такъ другой за нее иди...

— Такъ напишете? спросила она,

И представьте, хотѣлъ рѣшительно отвѣчать — нѣтъ, не могу на
себя я принять такой обязанности, а сказалъ:

— Извольте, почту за большое счастье!

— Такъ нынче же и распорядитесь.

— Слушаю—съ, отвѣчалъ я.

Хотѣлъ, было, опять начать рѣчь о собственной своей персонѣ, да куда и зѣвнуть не дали...

— Идите, идите, говорить, нечего время терять...

Пошелъ я, почесывая голову.

— Что я ей напишу? никогда такихъ вещей писать не приходится. Осрамлю я себя, думаю, увидить она, что я съ этой стороны очень неловокъ, и прощай тогда ко мнѣ все уваженіе...

— Ну что, спрашиваетъ меня матушка, зачѣмъ тебя звали... Опять что-ли за покупками...

— Покупки бы еще ничего, отвѣчалъ я, и рассказалъ, что на меня навязала казначейша...

— Ну что-жь, сказала матушка?

Не понимала, знаете, старушка. Растолковалъ я ей все подробно. Призадумалась она...

— Что же ты теперь станешь дѣлать? спросила она меня. Какъ ты выпутаешься?

— Ума не приложу, маменька; вотъ еслибы какого бывалаго человѣка найдти...

Призадумалась она опять...

— Пашла, вскричала она... не человѣкъ, а ума палата... Бѣда только вотъ въ чемъ, можетъ-быть... Пьянъ онъ часто бываетъ; можетъ и теперь запыль.

— Такъ что же, подожду, покуда онъ выспится...

— Иной разъ недѣли двѣ придется ждать...

Струсилъ я немножко, нечего сказать.

— Кто же такой? спросилъ я.

— Близко живетъ тутъ — Миловидовъ.

Растолковала мнѣ матушка, гдѣ онъ живетъ, и отправился я къ нему, какъ воръ, знаете, какой, чтобъ меня не увидѣли, да не заподозрили, что я самъ писать не умѣю...

Прихожу, отыскалъ я этого Миловидова... Не повѣрите, рожа такая, что посмотрѣть страшно. Глаза красные, распухлые, брыли какъ у какого мопса висятъ; волосы включенные. Страшилище такое... Объяснилъ я ему, въ чемъ дѣло... Такимъ сочинителемъ вдругъ сдѣлался самъ, что и не вообразите себѣ. Навралъ съ три короба, что и сестра-то у меня есть, что и то-то, и другое-то... Однимъ-словомъ, все дѣло изложилъ.

— Можно? спрашиваю.

— Можно, отвѣчаетъ онъ мнѣ.

— Такъ сдѣлайте милость, прошу я его, не откажитесь пособить, буду благодаренъ...

— Сторгуемся, какая благодарность. Чтѣ дадите?..

— Хоть полтинникъ готовъ вамъ дать, отвѣчалъ я.

Откашлянувся Миловидовъ, и закачалъ головой...

— Вѣдь это сочиненіе, произнесъ онъ: надо его написать по всѣмъ правиламъ хрип, съ началомъ, серединой и концомъ...

Взглянуль я на него, не пьянъ-ли онъ, что такую ерунду говорить, какъ-будто можетъ быть чтѣ-нибудь на землѣ безъ начала и конца. Нѣтъ, оказался трезвехонькимъ...

Твердить только одно, какъ пьяный, что онъ за сочиненіе меньше взять никакъ не можетъ пяти рублей.

Усовѣщеваль, усовѣщеваль я Миловидова, представляль ему разные резоны, насилу урезонилъ.

— Такъ ужъ и быть, сказалъ онъ, возьму съ васъ два рубля...

— Полтора, отвѣчалъ я рѣшительно; пусть лучше сестра плачетъ, а ни копѣйки не дамъ...

— Экой вы, говоритъ мнѣ, чугунный, давайте, такъ ужъ и быть, напишу вамъ.

Написалъ онъ, нечего сказать, очень хорошо. Такихъ цѣтковъ понабросалъ, что я съ перваго-то раза, признаться, и не понялъ. Только при третьемъ все ясно какъ день стало... Известно, ученый народъ; объ малой мухѣ просто не скажетъ, а все съ высока, такъ, что на облака лѣзь да разжевывай, чтѣ онъ тамъ себѣ желалъ выразить...

Расплатился я, переписалъ письмо своей рукой и принесть къ казначейшѣ. Перечитала она сама раза два и сказала.

— Написано хотъ и красно, и уму вашему честь большую приносить, а никуда не годится!..

— Вотъ тебѣ и здравствуй, думаю, кума-Савишна, напрасно нарядилась, какъ барышня; хорошъ кафтанъ, да дыравъ карманъ, улыбулись мои полтора цѣлковика, какъ простая копѣчка.

Стою, дожидаюсь объясненія, почему нехорошо.

— Чтѣ вы тутъ понаписали? спросила меня казначейша.

— Чтѣ вы приказывали.

— Этакихъ ужасовъ я вамъ никогда не приказывала, да и въ умѣ даже не имѣла.

Вдохнуть я, и больше ничего.

— Къ чему вы тутъ аспида-то, да василиска приплели? продолжала казначейша.

— Такъ, къ слову пришлось, отвѣчалъ я, не находя въ головѣ другаго отвѣта.

— Нечего-сказать, придумали словечки, за которыми и меня съ вами могутъ затаскать; назвали бы просто негодяемъ, деликатнѣе бы было...

Давалъ я въ эту минуту въ душѣ порядочнаго туза Миловидову, да рассудилъ, что онъ могъ быть невиноватъ; все же онъ лучше взбалмошной женщины зналъ, что писать и чего не писать; тому ужъ и учился.

— И не тотъ смыслъ во всемъ письмѣ, продолжала она, какъ это вы, право, не могли понять! Вы написали тутъ такъ, чтобы онъ, кажется, и показываться къ намъ не смѣлъ. Я этого совсѣмъ не желаю, я не злопамятная женщина. Кто на своемъ вѣку худаго не дѣлалъ? Образумится, такъ снова милости просимъ; я прощаю обиды.

— Хороша ты! подумалъ я: развѣ доброе дѣло меня такъ мучить? Чѣмъ я заслужилъ, что ты меня какъ на угольяхъ жарить!

Пристала ко мнѣ, напиши ла напиши ей новое, какъ я ни отговаривался, что способностей не имѣю, ничего не слушаетъ.

— Не можетъ быть, говорить, стыдитесь и говорить это!

Что было дѣлать? Отправился я опять къ Миловидову. А онъ ужъ едва лыко плететь. Стоить передъ нимъ, знаете, штофъ почти пустой, а отъ двухъ сельдей только однѣ косточки валяются. Не знаю, что онъ уже тогда думалъ и за кого меня принималъ, только началъ говорить со мной по-латынѣ. Я ему слово скажу, онъ мнѣ два на своемъ языкѣ проболтаетъ... Никакъ съ нимъ не совладаешь. Какъ я, его ни просилъ, какъ ни обѣщалъ вдвое заплатить, чтобы онъ мнѣ новое письмецо написалъ въ другомъ родѣ, ничего слушать не хочетъ... указываетъ на штофъ, бормочетъ по-латынѣ, хлопаетъ по карману, да мотааетъ головой...

Лентяй ты, братъ, подумалъ я, никогда себѣ копѣйки, съ такимъ характеромъ, не скопишь, и пошелъ домой, рѣшившись самъ попробовать счастья...

Началъ я писать, переписывать; чуть только хорошенькое словечко въ умъ придетъ, а тутъ, какъ на зло, и звучитъ снизу голосъ казначейши.

— Ну что, готова-ли?..

Такая, знаете, азардная женщина была.

— Кончалъ, дописываю, отвѣчаю ей, а у самого, куда, едва начало клеится.

Проворчать: Эхъ, какіе вы скучные съ вашими кончиками .. и уйдетъ; чрезъ минуту опять:

— Ну, что же вашъ кончикъ?

Выбился я, знаете, изъ силъ, написалъ просто, что если моля раздумаете, такъ милости просимъ, прощаю вамъ все. Показалось хорошо, и что же? Чуть все не разорвалъ...

— За что же, думаю, мнѣ на самого себя смерть накликалъ, за что?

— А за что же тебя дуракомъ—то назовуть?

Скрѣпился и понесъ свое писанье. Прочитала казначейша.

— Хорошо, сказала она, только, кажется, ужъ слишкомъ нѣжно. Можетъ еще подумать, что мы сами напрашиваемся... Впрочемъ, хорошо, благодарю... Клушечка, закричала она, а Клушечка, поди сюда, посмотри, какъ тебѣ нравится...

Вышла она блѣдная такая, разстроенная, что даже жаль смотреть на нее...

— Что такое? спросила она.

— Да вотъ хотимъ мы его усовершенствовать.

— Кого это?

Растолковала казначейша въ чемъ дѣло; куда, и слушать не хочетъ. Чудо-жизненокъ, такъ, кажется, и упалъ бы ей въ ноги. Такъ, знаете, мнѣ по душѣ такое упрямство пришлось...

— Ну, думаю, теперь ты мнѣ братъ не опасенъ; теперь на тебя такъ зубы наточили, что лучше и не показывайся.

И вдругъ меня тутъ же разумье взяло.

— А что, если баринъ—то образумится, да падетъ снова какъ снѣгъ на голову? Плохо будетъ! И не разсудилъ, знаете, что и срокъ отпуска моего приближался, что если хочу что—нибудь, попытать, такъ надо пробовать скорѣе. Вертелось одно на умѣ: прїѣдетъ, да прїѣдетъ! Такъ, кажется, почтовой-колокольчикъ въ ухахъ и звѣнѣлъ... Засѣла у меня такая дурь въ голову, что даже и теперь, чрезъ столько лѣтъ, признаться совѣстно... Письмо у меня въ карманѣ; дай, думаю, pošлю Миловидово письмо, отрѣжу всякую дорогу.

— И вѣрно не поддались этому желанію? спросилъ я Панфила Ивановича...

Онъ быстро спряталъ лицо между руками, и весь какъ-то робко съежился, какъ-будто его изобличили въ преступленіи.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, судите меня, какъ хотите, а послалъ; что дѣлать, слабъ человекъ!.. Только дрожалъ я, сильно дрожалъ, когда отдавалъ его на почту; такъ и чудилось, что за мною стоитъ казначейша и хочетъ остановить меня за руку. Цѣлый день потомъ мучила меня совѣсть, но наконецъ все прошло мало-по-малу. Обстоятельства, знаете, другія совершенно пошли. Бывало, только утро настанетъ, уже и зовутъ къ казначейшѣ.

— Развеселите чѣмъ-нибудь Клушеньку, Панфилъ Ивановичъ, спрашиваетъ она меня.

— Да чѣмъ же, спрашиваю, сударыня...

— Расскажите что-нибудь, занимательное, что вы видѣли, гдѣ бывали, наприимѣръ.

И начнешь, бывало, имъ рассказывать про то, про се... выбираешь самое страшное, самый жаркій огонь, самую горячую схватку... Слушаютъ, слушаютъ, и вдругъ заголосятъ объ:

— Ахъ, оставьте, оставьте, что вамъ за охота говорить такіи страсти. Лучше что-нибудь веселенькое.

Поди имъ выдумывай веселенькое; гдѣ мнѣ было его взять. Перескочишь, бывало, тогда въ мирное время, начнешь рассказывать, какъ я въ Бессарабіи жилъ. И такъ, знаете, начнутъ онѣ объ подробно о тамошнихъ Цыганахъ разспрашивать, какъ-будто собираются сами съ ними въ таборѣ жить.

— А что, спрашиваетъ меня Фекла Матѣевна, умѣете вы говорить по-цыгански?

— Умѣю, сударыня...

— Поговорите, пожалуста...

— Съ кѣмъ же говорить-то прикажете, спрашиваю.

— Да съ самимъ собою. Скажите что-нибудь.

Вотъ, бывало, и начну я имъ болтать, а онѣ за каждымъ словомъ и спрашиваютъ, что оно значить. Обыкновенно отвѣчаешь имъ, и такъ, знаете, пріятно, было мнѣ имъ показать, что и я кое-гдѣ въ свѣтъ терся, и кое-что знаю. Хотѣлось мнѣ крѣпко сказать ей однажды:

— Чаму деманъ чай, ромные! то-есть, поцалуй меня, красавца, и потомъ перевести, чтобы узнать по лицу, что она чувствуетъ.

как-то языкъ не смѣлъ повернуться. Неопытенъ я еще былъ въ такіхъ дѣлахъ, знаете...

— Иногда даже, не повѣрите, я и плясывалъ имъ, продолжалъ Панфи́ль Ива́новичъ, помолчавъ немного. Пристануть: спляши имъ какую-нибудь цыганскую, вотъ и станешь имъ колѣна откалывать, отбросивъ костыль всторону.

Бывало, такую иногда рожу, отъ боли, сдѣлаешь, что онѣ такъ и покатится со смѣха, а мнѣ радостно такъ, что сказать вамъ не могу... Словомъ, такъ меня онѣ наконецъ полюбили, что день и ночь одна только мысль и вертится въ головѣ:

— Сватайся Панфи́ль Ива́новъ, ей-братъ, не зѣвай! сватайся поскорѣе.

Во снѣ даже все мерещилось; такъ и казалось, что кто-то нашептываетъ на ухо: сватайся, ей-братъ, сватайся.

Дня три я какъ въ туманѣ бредилъ; такъ меня и подмываетъ, такъ и подмываетъ. Пошелъ я однажды раненью къ обѣднѣ, помолился усердно, отслужилъ молебенъ и пришелъ домой прямо къ матушкѣ.

— Маменька, началъ я, будьте благодѣтельница, сослужите службу, вѣкъ не забуду...

— Какую? спрашиваетъ.

— Неужели не угадываете?

— Гдѣ мнѣ, глупой, отвѣчаетъ, скажи-какую?

— Отнесите эту просфору къ казначейшѣ.

— Какая это служба, и такъ бы, безъ просьбы снесла, отвѣчала мнѣ матушка. Давай, или лучше самъ снеси, вѣжливѣе будетъ.

— Эхъ, маменька, говорю, это еще не просьба, а просьба впереди будетъ; сватайте меня, умоляю я ее, скажите обѣимъ, что просто, десять, Панфи́лушка жить безъ Феклы Матвѣевны не можетъ, то-есть, какъ свѣча таетъ — вотъ и все!

Всплеснула матушка руками и покачала головой; качаетъ да и только.

— Ты никакъ съ ума сошелъ, Панфи́лушка, повторяю тебѣ опять, въ сотый разъ, ты съ ума сошелъ... Откажутъ онѣ тебѣ, осрамимся мы, и больше ничего...

Наслыу уговорилъ. Покачала она головой, вздохнула разъ нѣсколько и пошла. Потомъ опять воротилась, опять начала меня уговаривать. Ничего я не слушаю. Ушла она.

Хожу взадъ и впередъ, ни живъ, ни мертвъ, точно въ лихорадкѣ; вдругъ слышу...

Тутъ Панфилъ Ивановичъ приостановился, хлопнулъ по столу кулакомъ, и сказалъ:

— Ну, да нечего рассказывать; конецъ, вѣрно, сами угадали, а те бы мы съ вами здѣсь не встрѣтились; впрочемъ, пожалуй.

Вотъ хожу я и слышу смѣхъ, радостный, громкій такой знаете. Не знаю, почему показался онъ мнѣ счастливымъ знакомъ. Обрадовался я. Вскорѣ взошла и матушка. Я отъ волненія и не замѣтилъ, что у нея лицо все отъ досады какъ-то покосило.

— Ну что, матушка, спросилъ я, что хорошаго; съ чѣмъ возвратились?

— Съ чѣмъ пошла, отвѣчала она; говорила тебѣ, что осмѣютъ насъ, — такъ и случилось... Посоветовали тебѣ полечиться; казначейша говорить, что у тебя вѣрно Турки мозгъ повредили, что ты ей такую избыточную вещь предлагаешь.. Осмѣяли съ ногъ до головы, не знаю, какъ ты къ нимъ послѣ этого и глаза покажешь...

— Что мнѣ до казначейши, вскричалъ я, что она, главное, маленька, что она отвѣчала?

— Отвѣтъ ты ей чай слышалъ, сказала мнѣ матушка: ея послѣдній отвѣтъ развѣ только глухой не слышалъ.

— Такъ это она смѣялась? проговорилъ я, невольно присаживаясь, отъ какой-то непонятной слабости.

— Кому же какъ не этой дурищѣ, заключила матушка...

Едва я не заплакалъ, какъ ребенокъ. Прости мое счастье. И за чѣмъ, вопросъ, я такъ долго хлопоталъ? Чтобъ быть осмѣяну, опозорену, изгнану, такъ-сказать.

Черезъ часъ казначейша попросила меня къ себѣ. Я пришелъ къ ней, какъ осужденный на смерть...

— Не ожидала я отъ васъ такихъ глупостей, сказала она мнѣ: я почитала васъ умнымъ и разсудительнымъ человѣкомъ...

Сталъ я жалобно, прежалобно просить у нея прощенья.

— Богъ васъ простить, отвѣчала она мнѣ, только советую вамъ уѣзжать отсюда поскорѣе... Недѣлей раньше, недѣлей позже, для васъ ничего не значить... А для насъ это важное дѣло. Дочь моя дѣвушка взрослая, пойдетъ про нее молва, что вы на ней сватались, такъ, знаете, не хорошо будетъ. Вамъ нужно еще служить; а жениться время всегда будетъ, еще успеете, вы еще не такъ стары...

Словомъ, такъ отдала, что хоть сквозь землю готовъ былъ провалиться...

Поклонился я ей и пошелъ, и тутъ же, не откладывая, началъ собираться въ походъ. Известно, какіе могли быть мои сборы — чемоданчикъ, да и валай по всѣмъ по тремъ...

Когда все у меня было готово, я пошелъ проститься съ казначейшею, такъ твердо, какъ-будто въ душѣ у меня спокойно, хоть я не спалъ цѣлую ночь и глаза такъ вспухли, что совѣстно прямо смотрѣть было.

Простилась она со мною, какъ ни въ чемъ не бывшая, пожелала счастливаго пути, и Феѳлуша тоже, улыбалась только, не знаю чему, да впрочемъ мнѣ тогда все-равно было.

— Что это у васъ глаза какъ-будто распухли? спросила она.

— Насморкъ, сударыня, отвѣчалъ я.

— Ахъ, такъ намажьте переносицу саломъ, сказала она мнѣ; хтите, мы вамъ на дорогу свѣчу дадимъ... Насморкъ неприятная вещь!.. Что было отвѣчать на это?

— Съешь ее сама, подумалъ я, да подавись при этомъ; а между тѣмъ поблагодарилъ за услугу, свѣчу даже, не повѣрите, упринялъ, пусть, думаю, тѣшатся, благо въ послѣдній разъ.

Какъ ни плакала матушка, я былъ какъ каменный; только когда отѣхалъ я версты съ полторы отъ города, мнѣ снова такъ взгрустнулось, что я велѣлъ ямщику остановиться.

Домикъ казначейши едва былъ видѣнъ между прочими домами.

— Что-то тамъ говорятъ обо мнѣ, подумалъ я. Смѣются-ли? Жалуютъ-ли немного?.. И что теперь будетъ съ моею бѣдной старушкой матерью?.. Дуракъ я, дуракъ!

Толкнувъ я ямщика въ спину, посулилъ ему на водку и полетѣлъ на рыскахъ... Гдѣ я проѣзжалъ, что ѣлъ, что пилъ, кого видѣлъ—ничего я не помнилъ до самаго мѣста—словно все въ туманѣ передо мной было... Только, когда прѣхалъ я въ полкъ, отлегло немного отъ души,—товарищи, знаете, компанія, рассказы, служба, все это мнѣ какъ-то помогало повеселѣть. Потомъ опять тоска нашла и перепросился я на Кавказъ... Былъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, и чуть только получу какое-нибудь отличіе, точно ребенокъ зарадуюсь. Сейчас придетъ въ голову, что, можетъ-быть, и въ Ряжскъ какъ-нибудь печатный приказъ попадетъ, что и тамъ прочтутъ, какъ Панфи́ль дѣйствуетъ, и мо-

жеть-быть, вспомнятъ обо мнѣ; еслибъ можно было имѣть крылья, я бы самъ, кажется, слеталъ туда на минутку послѣ каждаго приказа...

Панфила Ивановичъ пріостановился на минуту.

— Сталь я потомъ образовываться, началъ онъ снова...

— Все хотѣлось, знаете, что-нибудь побольше знать, чтобы въ послѣдствіи хотя гдѣ, въ обществѣ, не уронить себя и умѣть обходиться съ дамами. Все, грѣшный человѣкъ, Феклушка на умъ подвертывалась, все ей хотѣлось сказать: Смотри-моль, знай нашихъ! Мы сами съ усами!.. И если признаться сказать, прибавилъ онъ, поглядывая на меня робко изъ подлюбы, когда я узналъ, что у васъ въ Рязанской губерніи имѣніе есть, я изъ кожи лѣзъ, чтобы передъ вами въ чемъ-нибудь лицомъ въ грязь не ударить; да видно я еще все такииъ же дикаремъ остался, какъ и былъ, да что дѣлать. Одного только прошу, прибавилъ онъ: если когда случится быть вамъ въ Рязкѣ, и случится вамъ когда-нибудь и меня вспомнить, хоть солгите, голубчикъ, да только не выдавайте меня, а скажите, что вы моль меня видѣли, что я уже давно капитанъ, что порядокъ у меня хорошій; ну, пожалуй,—прибавилъ онъ, послѣ мгновенной остановки,—похвалите меня, если нашли во мнѣ что хорошаго... Право, докончилъ онъ, не замѣчая моего намѣренія утѣрить его, что я съ радостію исполню его желаніе,—право, иногда сидишь и думаешь: что, еслибъ на мое укрѣпленіе напало тысяча три Черкесовъ, я бы отражалъ ихъ, разбилъ бы ихъ въ пухъ и прахъ, и пошелъ бы гулять тогда Панфила Ивановъ по всей матушкѣ Россіи. Ужъ тогда вѣрно бы и до Феклушки дошло. Какъ вы думаете, стало бы ей досадно, что она такъ меня осмѣяла, или нѣтъ?

— Я полагаю, подтвердилъ я.

— И я тоже. Вотъ отчего я и желаю побывать опять въ Рязкѣ, по-крайней-мѣрѣ, хоть маіоромъ; пощеголатъ передъ нею и потомъ раскланяться. На, моль, видѣла, каковы мы!..

— Теперь я убѣжденъ, прервалъ я Панфила Ивановича, въ исти вѣ, что любовь можетъ творить героевъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ простодушно. героемъ я и безъ любви бы сдѣлался. Все это въ волѣ начальства и въ случаѣ. Что прикажутъ, то и сдѣлаю; ни на шагъ не отступлю.

— Вы, однакожъ, постоянны въ вашемъ чувствѣ.

— Въ какомъ!

— Въ вашей любви къ Фелѣ Матвѣевѣ.

— И нѣтъ, отвѣчалъ Панфи́ль Ива́новичъ: я нисколько не люблю ее, но мнѣ только теперь говорить самолюбіе...

— Но согласитесь, что вѣсть съ самолюбіемъ смѣшивается у васъ и любовь, сказалъ я Панфи́лу Ива́новичу. Принайтеся, капитанъ; въ такомъ постоянномъ чувствѣ, какъ ваше, нѣтъ ничего смѣшаго...

— Если ужъ вамъ сказать по душѣ, отвѣчалъ онъ, такъ кажется, что я и теперь люблю ее.

— И еслибъ вы ее теперь увидѣли, и она была бы свободна...

— Я бы опять попытался, не посчастливится-ли мнѣ, отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь она теперь стара.

— Да вѣдь и я тоже старше сталъ, перебилъ онъ меня, не желая прямо выразиться, что онъ уже именно сталъ старичкомъ... Да и что проку въ молоденькихъ-то, добавилъ капитанъ, поди, разузнавай ихъ еще, какъ онѣ-себѣ, а ужъ эту я знаю.

— Получали-ли вы когда извѣстія о ней въ-продолженіе этого времени? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Панфи́ль Ива́новичъ: ко мнѣ и писать-то нельзя было, потому-что я постоянно перемѣнялъ стоянки, покуда не назначенъ былъ въ эту крѣпость. Не хотѣлось мнѣ въ крѣпости остаться. Самъ впрочемъ я послалъ вѣсточку въ Рижскъ, когда меня произвели въ штабсъ-капитаны, и посылку также туда послалъ, съ однимъ прѣзжимъ, который долженъ былъ проѣзжать чрезъ нашъ городъ... Не знаю, доставилъ-ли онъ ее, или нѣтъ. Можетъ-быть, позабылъ, злодѣй, тогда опять пропали мои денежки; и вещицы славныя были; я долго выбиралъ ихъ, и увѣренъ, что всѣ остались довольны моими подарками... У насъ, знаете, въ это время былъ поручикъ, Петръ Семеновичъ, чудакъ такой, весельчакъ, человекъ, который всего попробовалъ, такъ онъ тоже мнѣ помогалъ. Передумали мы съ нимъ довольно что послать. Этотъ Петръ Семеновичъ, нужно вамъ сказать...

Я видѣлъ, что капитанъ опять хочетъ продлить свой рассказъ какими-нибудь новымъ вводнымъ, и посѣвшилъ встать съ мѣста.

— Не пора-ли намъ отдохнуть, капитанъ, сказалъ я: вашъ рассказъ меня очень растрогалъ...

— Благодарю васъ, голубчикъ, сказалъ Панфи́ль Ива́новичъ, потрясая мою руку: въ-самомъ-дѣлѣ и меня самого, знаете, эта исторія не-много того... понимаете.

И я отправился въ свое отдѣленіе, за коверъ...

Панфилъ Ивановичъ еще долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ глубокомъ раздумьи, которое прерывалось иногда только словами:

— Да, да, нехудо опять побывать въ Ряжскѣ, да посмотрѣть, что тамъ дѣлается... Потомъ онъ началъ пѣть свою обычную пѣсню, потомъ декламировалъ стихи... потомъ... Но... дальнѣйшихъ его мечтаній я уже не слышалъ...

Порученіе, данное мнѣ, было исполнено, и вскорѣ послѣ исторіи, какъ выражался Панфилъ Ивановичъ, я поѣхалъ обратно въ Тифлисъ. Капитанъ прощался со мною долго и нѣжно, какъ съ любимымъ братомъ.

— Прощайте, прощайте, прощайте, повторялъ онъ, усаживая меня на тележку: служите хорошенько, Богъ милостивъ, начальство, быть-можетъ, васъ опять къ намъ пришлетъ.

— А въ Ряжскѣ будете? спросилъ онъ меня, постоянно вѣрный своей думѣ.

— Не знаю, право.

— Постарайтесь, мамочка, если и ее не захотите искать или видѣть, такъ, по-крайней-мѣрѣ, что-нибудь о городѣ самомъ мнѣ напишите. Большое доставите удовольствіе...

Я обѣщавъ, Панфилъ Ивановичъ поцаловалъ меня разъ десять, обнимая такъ крѣпко, что у меня чуть не трещали кости, и едва-едва рѣшился наконецъ освободить изъ своихъ мощныхъ рукъ. Онъ долго еще потомъ стоялъ на валу, долго еще доносился до меня его голосъ, его громкое ауканье, покуда даль не уничтожила его слабого отголоска.

Черезъ годъ я поѣхалъ въ Россію, и проѣзжая чрезъ Ряжскъ, въ которомъ долженъ былъ пробывать нѣсколько дней, я вспомнилъ о Панфилѣ Ивановичѣ и страшное любопытство, по крайней-мѣрѣ, взглянуть на предметъ его долгой привязанности овладѣло мною. Я употребилъ все стараніе отыскать, по даннымъ, нужную мнѣ Феклу Матвѣевну, и наконецъ удостоился встрѣтить ее на вечерѣ у городничаго. Она была уже давно замужемъ и окружена чуть ли не десяткомъ дѣтей. То была толстая, красновидная женщина, довольно впрочемъ пріятной наружности. Я постарался съ нею сблизиться и завести разговоръ о Панфилѣ Ивановичѣ.

— Вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе Панфилъ Ивановичъ, сказалъ я.

— Какой Панфилъ Ивановичъ? спросила она.

Я называлъ его фамилію.

— Хоть убейте, не помню! отвѣчала она.

Я привелъ ей на память всѣ обстоятельства.

— А! произнесла она равнодушно: покорно васъ благодарю...

— Онъ объ васъ постоянно вспоминаетъ, продолжалъ я...

— Много чести!

У этой женщины не было въ сердцѣ никакой внимательности къ бѣдному Панфилю Ивановичу. Мнѣ показалось даже, что разговоръ о немъ былъ ей досаденъ. Я старался возбудить въ ней хоть искру сочувствія.

— Онъ просилъ меня справиться, сказалъ я, вспомнивъ, что Панфиль Ивановичъ рассказывалъ мнѣ о своихъ покупкахъ: получили-ли вы его подарки?

— Ему бы не слѣдовало и помнить о его подаркахъ, отвѣчала мнѣ Фекла Матвѣвна, покраснѣвъ еще болѣе обыкновеннаго...

Я посмотрѣлъ на нее въ удивленіи, не понимая рѣшительно причины такого гнѣва.

— Чѣмъ такъ могла васъ оскорбить его внимательность? произнесъ я.

— Извините-сь, проговорила Фекла Матвѣвна, вставая съ мѣста, можетъ-быть вамъ неизвѣстно, что я и полагаю, а то бы я приняла этотъ вопросъ за насмѣшку...

— Сдѣлайте одолженіе, объясните мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, сударыня, просилъ я Феклу Матвѣвну...

— Ни у какой дамы не поднимется на это языкъ, отвѣчала она. Это можетъ объяснить вамъ мой Федоръ Ильичъ, dokonчила она, удаляясь отъ меня.

Я поспѣшилъ освѣдомиться у Федора Ильича, маленькаго, тощаго старичка, который поминутно подчивалъ себя табакомъ и постоянно ко всему прислушивался.

— Чѣмъ могъ заслужить Панфиль Ивановичъ гнѣвъ вашей супруги? спросилъ я.

— Помните, отвѣчалъ онъ мнѣ: какъ чѣмъ? Да этотъ старый повѣса сдѣлалъ ей такое оскорбленіе, за которое его слѣдовало бы подъя судъ отдать, еслибъ я зналъ, гдѣ его отыскать...

— Какъ! за дружескіе подарки?..

— Хороши подарки! Вообразите себѣ, что этотъ старшій, не знаю, какъ и назвать его, прислалъ ей какую-то шелковую куртку, да, съ позволенія сказать, тутъ онъ наклонился мнѣ къ уху, и поставя руку въ видѣ ширмы, прошепталъ: шелковыя шальвары... Что онъ въ комедіантки что-ли ее изволилъ прочить?

Несмотря на всю мою любовь къ Панфилу Ивановичу, я не могъ удержаться отъ самаго громкаго, чистосердечнаго смѣха... Вотъ чѣмъ онъ окончательно вооружилъ противъ себя Феклу Матвѣевну въ простотѣ своей души. Фекла Матвѣевна почла радужный подарокъ капитана, дорогую черкесскую одежду, за самую злую насмѣшку. Вотъ что произвелъ его почти дѣтская неопытность...

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖИВОПИСИ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.

Искусства и науки получаютъ свое начало и развиваются только съ образованіемъ благоустроеннаго государства, а потому и живопись получила первое свое существованіе въ Египтѣ, гдѣ исторія упоминаетъ о государствахъ, возникшихъ гораздо прежде, нежели въ другихъ странахъ. Въ самыя отдаленныя времена, еще при Рамзесѣ Великомъ (около 1450 г. до Р. Х.), дѣянія царей и вообще событія въ государствахъ, достойныя особаго замѣчанія, изображались на базельефахъ и картинахъ; но имена главныхъ дѣятелей на поприщѣ живописи древняго міра, по отдаленности времени и по малымъ успѣхамъ искусства, намъ совершенно неизвѣстны; поэтому мы начнемъ говорить о живописи съ того времени, когда развитіе государственнаго благоустройства и общественное образованіе приняли болѣе широкіе размѣры. Умственное развитіе египтянъ, при частомъ и неизбежномъ столкновеніи ихъ съ сосѣдними народами, имѣло вліяніе на нравственный бытъ послѣднихъ. Въ числѣ многихъ изобрѣтеній, перешедшихъ отъ египтянъ къ другимъ народамъ, было и искусство живописи; но нигдѣ оно не получило такого развитія, какъ въ Греціи, подъ ея вѣчно-голубымъ небомъ, съ видами вѣчно-зеленѣющей природы, въ странѣ, гдѣ народъ болѣе другихъ современныхъ ему поколѣній былъ воспримчивъ и болѣе другихъ могъ понять все прекрасное. Какъ въ Египтѣ, такъ и въ южной Азіи, природа, въ сравненіи съ Греціею, болѣе роскошна и климатъ гораздо теплѣе, а потому обитатели этихъ странъ были изнѣжены и неспособны къ труду и постоянной умственной дѣятельности; предаваясь безпечной лѣни, они предоставляли самой природѣ заботиться объ ихъ будущности. Напротивъ, въ Греціи климатъ гораздо суровѣе и требуетъ заботъ, труда, а слѣдовательно, и дѣятельности ума. Вотъ главная причина, почему греки, заимствовавъ отъ египтянъ живопись, довели ее до того совершенства, что успѣхи древнихъ художниковъ ихъ приводятъ въ изумленіе, между-тѣмъ какъ у другихъ народовъ это искусство не восходило дальше посредственности.

Первыя времена образованія греческихъ государствъ — времена героическія, и главнымъ занятіемъ народа было война; а потому, ум-

ственное образованіе находилось на низшей степени. Но когда гражданское благоустройство возникающихъ государствъ начало входить въ свой свѣтлый періодъ, общественное просвѣщеніе подвинулось впередъ, вмѣстѣ съ искусствами. Живопись, какъ одинъ изъ способовъ воспроизведенія фантазіи человѣка и какъ одно изъ средствъ ясно передавать памяти потомства дѣянія великихъ людей, прославившихъ свое отечество, также нашла ревнителей, которые неусыпными трудами и тщательнымъ изученіемъ природы, лучшаго и непремѣннаго оригинала для картинъ, подвигали это искусство впередъ, до-тѣхъ-поръ, пока оно не сдѣлалось вполне изящнымъ. До Кимона живопись въ Греціи находилась въ младенчествѣ; художникъ подъ изображеніями предметовъ подписывалъ и значеніе ихъ; такъ напримѣръ, нарисовавъ человѣка, лошадь или вола, онъ отмѣчалъ на картинѣ: это человѣкъ, лошадь или волъ. Но въ концѣ V и въ началѣ IV вѣка до Р. Х. живопись начала достигать высшаго развитія, особенно при Периклѣ, который употреблялъ огромныя суммы для пріобрѣтенія произведеній искусства и поощренія художниковъ, чтобъ имѣть возможность украсить Аѳены. Вѣкъ Перикла почитался золотымъ вѣкомъ искусства.

Уже въ VI столѣтіи существовали двѣ школы, іоническая или малоазійская, въ Эфесѣ, и аттическая, въ Аѳинахъ; а въ послѣдней половинѣ V вѣка возникла третья, сикіонская, противоположная по характеру двумъ первымъ, о которой мы будемъ говорить ниже. Развѣтіе іонической школы можно отнести къ началу V вѣка, при сильномъ некровителствѣ, оказываемомъ искусствамъ значительными лицами того времени. Характеръ этой школы отражаетъ въ себѣ всѣ особенности іоническаго племени — нѣжность и грацію, а потому въ этой школѣ преобладаетъ нѣжность колорита, совершенная оконченность обработки и мягкость рисунка.

Относительно же технической стороны произведеній искусства можно сказать, что живопись грековъ была вообще двухъ родовъ, *стѣнная* (фрески), или *на доскахъ*; въ этомъ послѣднемъ случаѣ сухія краски соединялись обыкновенно какимъ-нибудь клейкимъ веществомъ. Въ-послѣдствіи образовался особый родъ живописи, въ которой краски приготавливались съ воскомъ (*encaustica*); для этого приготавливали восковыя цвѣтныя пластинки, которыя прежде соединялись на доскѣ въ сухомъ видѣ, а потомъ уже сплавливались посредствомъ жаровни. При дальнѣйшемъ усовершенствованіи, живопись на восковыхъ краскахъ переходила на нашу масляную, и въ противоположность фрескамъ, яркость красокъ придавала картинѣ блистательный эффектъ. Но върѣдѣ, сложность этого рода живописи препятствовала распространенію ея.

тому—что въ исторіи живописи мы рѣдко встрѣчаемъ имена художниковъ, которые занимались бы энкаустикою. Подъ вліяніемъ іонической школы развивалась и аттическая, такъ что между ними не дѣлаютъ никакого различія.

Изъ древнѣйшихъ замѣчательныхъ художниковъ имена немногихъ дошли до насъ; такъ напримеръ: *Клеантъ* коринфскій первый началъ рисовать силуэты; потомъ встрѣчаются *Ардику* и *Телефанъ*, усовершенствовавшіе линейный рисунокъ; *Клеофанъ*, введшій въ употребленіе монохромную или однокрасочную живопись, и наконецъ *Кимонъ* афинскій,—первый, старавшійся придавать фигурамъ на своихъ картинахъ жизнь и движеніе, и обращавшій большое вниманіе на драпировку. Эти имена и нѣкоторые изъ послѣдующихъ заслужили громкую извѣстность и должны быть памяты въ исторіи живописи, какъ первыя, можно сказать, творцы искусства, потому-что до нихъ живопись была на такой низкой степени, что не заслуживаетъ почти никакого вниманія.

За этими художниками слѣдуетъ: *Полигнотъ*, съ острова Эвбоса, получившій право афинскаго гражданина. Хотя онъ прибылъ въ Атику еще при Кимонѣ, въ 463 году до Р. Х., но, какъ видно изъ другихъ источниковъ, достигъ полной извѣстности гораздо позже. Нѣкоторые писатели обозначаютъ годовъ жизни Полигнота 420 годъ, хотя въ это время онъ достигъ уже высшей степени славы. Онъ работалъ въ разныхъ храмахъ, внутри и внѣ Афинъ; многія его картины находились въ Пропилеяхъ, въ Афинахъ. Въ Дельфалъ онъ нарисовалъ: покореніе Трои, отплытіе грековъ изъ-подъ стѣнъ разрушенной Трои въ отечество, и сшествіе Одиссея въ Аидъ.

Изъ современниковъ его замѣчательны: *Дионисій* колофонскій, подражатель Полигнота; *Тимантъ* патмосскій, котораго одна изъ превосходнѣйшихъ картинъ была—жертвоприношеніе Ифигенія. *Онатъ* эгинскій, *Миконъ* афинскій, изобразившій Тезея, и *Панель*, братъ Фидія, величайшаго греческаго ваятеля, творца статуй Юпитера Олимпійскаго. Тронъ Юпитера былъ росписанъ Паненомъ. Послѣ победы афинянъ надъ персами, на Мараонскомъ-полѣ, для большаго прославленія этого событія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитаго полководца Мильтіада, была заказана Панену картина, съ изображеніемъ этой битвы. Мильтіадъ представленъ здѣсь первымъ въ числѣ десяти вождей, идущихъ впередъ своего войска. Картина эта была помѣщена въ афинской картинной галлерей, называемой Пекиль.

Во-время—персидскихъ войнъ, преимущественно послѣ пораженія персовъ при Мараонѣ, при Платей и мысѣ Микалѣ, греки приобрѣли большія сокровища и очень разбогатѣли, въ-слѣдствіе чего явилась ро-

свѣтъ въ частной жизни. Жители городов украшали произведеніями живописи, вази и водчества, не только храмы, но и свои дома. Между тѣмъ и служители Мельпомены и Талин сдѣлали большой шагъ въ усовершенствованіи своего искусства, сдѣлавшагося необходимымъ для развлеченія народа, который могъ вѣрно судить объ изящномъ, понималъ назначеніе сцены и, само-собою разумѣется, требовалъ, чтобы каждая пьеса была играна при соответствующей обстановкѣ; поэтому въ это время декоративная живопись развилась значительно. При такихъ обстоятельствахъ, во второй половинѣ V вѣка, явился художникъ *Аготархъ*, неутомимо работавшій для афинскаго театра и въ частныхъ домахъ, и далеко подвинувшій декоративную живопись.

Вслѣдъ за нимъ, въ концѣ того-же столѣтія, афинянинъ *Аполлidorъ* еще болѣе усовершенствовалъ живопись изобрѣтеніемъ свѣта тѣни. Онъ первый началъ помышлять о такъ-называемомъ собственно живописномъ эффектѣ, и примѣнять къ работѣ законы освѣщенія. Въ картинахъ его каждому предмету придаваемъ былъ особенный колоритъ, съ надлежащими тѣнями. Онъ стремился, посредствомъ постепеннаго освѣщенія, выразить настоящую округлость каждой вещи. До него живопись не выходила еще изъ своего младенчества, хотя и были сдѣланы важныя открытія; но съ узнаніемъ тайнъ тоновъ и тѣней, изученіе живописи становилось не столь труднымъ, какъ прежде, и таланты начали достигать полнаго развитія. Примѣры этому мы видимъ въ двухъ послѣдующихъ художникахъ, именно: *Парразіи* и *Зевксисѣ*.

Парразіи эфесскій и *Зевксисъ* гераклейскій, жившіе около 450 года до Р. Х., были оба ученики іонической школы, соперники въ искусствѣ, друзья *Перикла* и художники, которые трудомъ приобрѣли огромнѣйшія состоянія.—*Парразіи* блисталъ въ народѣ роскошью наряда; онъ всегда носилъ платье багрянаго цвѣта, надѣвалъ на голову золотой вѣнецъ, банты на сандаляхъ прикрѣплялъ золотыми завязками; жезлъ его былъ съ золотыми колечками. Замѣчательныя произведенія этого художника, также какъ и другихъ, извѣстны намъ только изъ описаній, а потому мы по необходимости, должны основываться на сужденіяхъ современныхъ имъ цѣнителей. Говорятъ, что *Парразіи* имѣлъ состязаніе въ живописи съ художникомъ *Тимантомъ* самосскимъ, и нарисовалъ для этой цѣли «*Аякса, спорящаго съ Одиссеемъ за оружіе Ахиллеса*»; однако былъ побѣжденъ своимъ соперникомъ. Несмотря на это, произведенія его возбуждали удивленіе современниковъ. Изъ многочисленныхъ работъ его извѣстны: картина «*Тезей*» и рисунокъ «*битва кентавровъ*», сдѣланный имъ для щита *Минервы Паллады*, отлитой изъ бронзы *Фидіемъ*. *Парразію* приписываютъ также усовершенствованіе ри-

сунка человеческого тѣла; въ фигурахъ его видны—отсутствіе шероховатостей и совершенная округленность.

Зевксисъ не уступалъ въ искусствѣ своему сопернику *Парразію*. О славѣ, которою пользовалась кисть этого художника, можно судить по его огромному состоянію, приобретенному имъ, впрочемъ, безъ большихъ хлопотъ:—нарисовавъ портретъ Елены, онъ показывалъ его всѣмъ за опредѣленную цѣну. Недостатка въ зрителяхъ не было, потому—что это образцовое произведеніе изумляло всѣхъ знатоковъ искусства того времени. Изъ другихъ работъ его также заслуживаютъ особеннаго вниманія «*Пенелопа*» и «*Семейство кентавровъ*». Отличительная черта его кисти—мягкость колорита и нѣжность женскихъ фигуръ. Рассказываютъ, будто *Зевксисъ* такъ естественно изобразилъ кисти винограда, что птицы, обманутыя яркостью красокъ, прилетали съ намѣреніемъ полакомиться ягодами; но художникъ этотъ, въ свою очередь, былъ обманутъ занавѣсью, нарисованною *Парразіемъ* на доскѣ.

Говоря о живописи, нельзя не упомянуть и о скульптурѣ, какъ искусствѣ, развитіе котораго тѣсно связано съ развитіемъ первой, тѣмъ болѣе, что живопись древнихъ грековъ, преимущественно въ концѣ V вѣка, многимъ была обязана вааянію. Скульптура въ это время шла впередъ быстрыми шагами. Знаменитый *Агеладъ*, изъ *Аргосса*, и его ученики: *Поликтетъ*, *Миронъ* и аеинянинъ *Фидій* (около 498 г. до Р. X.) изумляли древній міръ своими работами, особенно послѣдній, котораго статуя *Юпитера Олимпійскаго* почиталась чудомъ совершенства. Потомъ ученики *Фидія*: *Агорокристъ*—изъ *Паросса*, *Алкомений* (448 г. до Р. X.) шли на поприщѣ искусства по слѣдамъ учителя, и скульптура, при такихъ условіяхъ, приблизилась до возможной степени къ идеалу. Другіе художники, какъ — *Поликлетъ* сикіонскій ваятель, *Агенотъ* аеинскій, изваявшій статуи *Гармодія* и *Аристокитона*; потомъ *Агезандръ* родосскій, съ сыновьями *Поликротомъ* и *Аеиндоромъ*, прославившіеся группою *Лаокоона*; *Аристоней*, ваятель эгинской школы, всѣ создавали замѣчательныя произведенія.

При успѣхахъ скульптуры живопись, приходившая съ нею въ безпрерывныя соотношенія, начала принимать другой характеръ—натура заняла свое мѣсто въ области фантазій, и точность рисунка сдѣлалась неизбѣжною при нѣжности колорита; тщательное затушевываніе потеряло свою цѣну. Это всего яснѣе видно въ произведеніяхъ *Эвмопа*, сикіонскаго живописца и математика, жившаго около XIII олимпіады (404—400). Первымъ учителемъ его былъ *Эксенидъ*; но потомъ онъ слѣдовалъ одной натурѣ, подчинявшійся вліянію характера сикіонской скульптуры, и послѣдователямъ *Поликлета*. Работы *Эвмопа* отличаются строгимъ изу-

человекъ природы, классическою отдѣлкою, точностью и отчетливостью рисунка. Онъ положилъ первое начало сиционской школы, совершенно противоположной въ своемъ направленіи ионической, которая, какъ намъ уже известно, отличалась только нѣжностью рисунка; между-тѣмъ какъ сиционская назначила для себя главнымъ правиломъ—обращать все вниманіе на изученіе природы и точность рисунка.

Изъ учениковъ и послѣдователей Эвпомпа замѣчательнъ *Памфилъ*, преобладавшій искусство уже чисто академически и образовавшій величайшаго живописца своего времени — Апеллеса, который почитался совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ греческихъ художниковъ.

Апеллесъ, жившій отъ 356 по 298 годъ, родился, по мнѣнію некоторыхъ, въ Эфесѣ, а по другимъ, въ Колофонѣ, на островѣ Косѣ. Первымъ учителемъ его былъ *Эфоръ*, живописецъ эфесскій; потомъ онъ поступилъ въ знаменитую въ то время сиционскую школу, подъ руководство Памфила, гдѣ вскоре достигъ совершенства и превзошелъ своего учителя. Впослѣдствіи онъ переехалъ въ Македонію и приобрѣлъ дружбу Филиппа, царя македонскаго. Въ царствованіе Александра, около СХII олимпіады (328—324 г. до Р. X). кисти Апеллеса пользовалась громкою извѣстностью во всей Греціи, такъ что Александръ не позволялъ снимать портретовъ съ себя никому другому, кромѣ этого великаго художника. Древніе писатели передаютъ намъ одинъ анекдотъ, который можетъ въ нѣкоторой степени объяснить, какъ характеръ этого художника, такъ и короткія отношенія его съ Александромъ Македонскимъ. Когда Апеллесъ нарисовалъ его сидящимъ на любимомъ конѣ Будефалгѣ, и по окончаніи представилъ этотъ портретъ на судъ Александра, то благородное животное, бывшее въ то время подъ великимъ сѣдокомъ, увидѣвъ свое изображеніе, заржало; между-тѣмъ какъ Александръ не очень удивлялся кисти художника. Апеллесъ, оскорбленный замѣчаніями, сказалъ ему: «и Конь твой, любитъ живопись». . . Изъ замѣчательныхъ произведеній этого художника извѣстны: Венера Анадиомена, Антигона, спящая Венера и Александръ Молніеносецъ, съ перуномъ въ рукѣ; послѣдняя картина была поставлена въ эфесскомъ храмѣ, по смерти Александра Великаго, въ СХVIII Олимпіадѣ (304—300 г. до Р. X). Апеллесъ нарисовалъ нѣсколько портретовъ царя Антиоха. Отличительная черта характера картинъ Апеллеса—грація, въ чемъ древніе почитали его неподражаемымъ; такому убѣжденію служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ его картина, — выставленная въ храмѣ Эскулапа на островѣ Косѣ, — «Венера Анадиомена, вышедшая изъ морскихъ волнъ и выжимающая мокрые волосы». Это образцовое произведеніе начато Апеллесомъ въ послѣдніе дни его жизни, и, къ сожалѣнію, не окончено;—

смерть, постигшая его въ 298 году до Р. Х., на островъ Косъ, пошла ему окончательно отдѣлать картину. Ни одинъ изъ современныхъ живописцевъ не осмѣливался взять на себя, послѣ Апеллеса, трудъ — окончить это безсмертное твореніе знаменитаго художника. Апеллесъ былъ не менѣ замѣчательнъ и въ героической живописи, особенно въ идеальныхъ портретахъ древнихъ героевъ. Плиній говоритъ, что Апеллесъ употреблялъ только четыре краски, которыя умѣлъ самъ составлять изобрѣтеннымъ имъ способомъ. Самая большая похвала кисти этого художника заключается въ томъ, что въ честь его искусство живописи названо было—*Ars Apellesia*. Еще замѣчательно въ жизни Апеллеса то, что онъ для достиженія полного совершенства въ искусствѣ представлялъ всѣ произведенія свои въ какомъ-нибудь храмѣ на судъ народа и пользовался совѣтами каждаго, слушалъ замѣчанія не только художника, но и сапожника. Такое довѣріе къ отзывамъ другихъ послужило первымъ примѣромъ публичныхъ выставокъ произведеній искусства.

Нѣкоторые ставятъ въ параллель съ Апеллесомъ *Мелантія*, тоже ученика Памфила.

У Апеллеса былъ меньшей братъ, *Ктезилохъ*, впрочемъ далеко уступающій ему въ искусствѣ. Онъ между-прочимъ славился шутивымъ изображеніемъ рожденія Вакха изъ чреслъ Юпитера.

Изъ современниковъ Апеллеса болѣе другихъ извѣстны:—*Аристидъ* эвскій, жившій отъ 370—330 годъ. Его работы отличаются страстными и трогательными изображеніями; такъ, напримѣръ, онъ нарисовалъ раненную; при взятіи города, мать, которая уже борется со смертію, но все еще удерживаетъ груднаго ребенка, чтобы онъ не сосалъ крови вмѣсто молока.

Эсхионъ—славился изображеніемъ грацій и стыдливости, что можно замѣтить въ одной изъ его картинъ. «Новобрачная».

Наконецъ, третій былъ *Пазаній* сикіонскій, работы котораго отличаются декоративнымъ направленіемъ. Ему первому приписываютъ украшеніе потолоковъ живописью, особенно фигурами мальчиковъ, потому—что до него разрисовывались однѣ только стѣны. Онъ также съ большимъ искусствомъ употреблялъ живопись восковыми красками, для достиженія яркаго колорита въ цвѣтахъ, и считается лучшимъ художникомъ въ этомъ родѣ. Изъ превосходныхъ картинъ его извѣстна: «Гликерія, вьющая вѣнокъ.»

Во второй половинѣ IV вѣка также прославился *Протогенъ*. Къ его работамъ очень удобно можно отнести выраженіе: *Nihil otiosum, nihil sterile* (ничего празднаго, ничего безплоднаго), потому—что для изученія натуры и тщательной отдѣлки онъ не жалѣлъ ни времени, ни

трудоу; въ каждой мелкой подробности хотѣлъ онъ дойти до совершенства; такъ напримѣръ, надъ портретомъ Ламиса онъ трудился семь лѣтъ.

За нимъ слѣдуетъ *Никій* аѳинскій, трудолюбивѣйшій художникъ. Говорятъ, что онъ часто до того углублялся въ работу, что забывалъ ѣсть, и спрашивалъ невольниковъ, мылся ли онъ и завтракалъ ли. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, онъ старался соединить въ своихъ картинахъ важность композиціи древнихъ аттическихъ художниковъ съ современнымъ ему развитіемъ искусства. Изъ работъ его въ этомъ родѣ замѣчательна картина: «Царство мертвыхъ», сочиненная имъ по Гомеру.

Далѣе встрѣчаются: *Теонъ* самосскій, прославившійся своими фантазіями; *Антифилъ*, владѣвшій искусствомъ — придавать картинамъ большой эффектъ. Онъ принадлежалъ къ тому роду живописцевъ, которыхъ работы въ настоящее время извѣстны подъ именемъ геаге. Картины его, славныя по красотѣ и эффекту: «Мальчикъ, раздувающій огонь, и «Шерстодѣльная мастерская». Потомъ славились: *Никостратъ*, *Полидорій*, *Макаонъ*, *Галатонъ*, изобразившій Гомера и другихъ поэтовъ.

Въ III и II столѣтіи героическая и вообще историческая живопись въ Греціи начала быстро упадать, вмѣстѣ съ упадкомъ нравственности народа, и возвышаться мозаическое искусство. Однако, и при такомъ незавидномъ состояніи художествъ, мы встрѣчаемъ еще на поприщѣ живописи одно великое имя послѣдователя сикіонской школы. *Евфраноръ*, жившій въ СІІ олимпіадѣ, около 168 г. до Р. Х., успѣшно занимался, какъ живописью, такъ и скульптурою. Произведенія его кисти отличаются строгимъ изученіемъ природы, вѣрностью рисунка человѣческаго тѣла и полною округленностію. Замѣчательнѣйшія картины его слѣдующія: «Битва эвванцевъ, подъ предводительствомъ Эпаминонда, съ лакедемонянами, при Мантинѣ»; «двѣнадцать боговъ»; «умъ, притворяющійся безумнымъ»; «Латона, рождающая Аполлона, Диану и Юнону.» Онъ иногда, вмѣсто кисти, брался за перо; изъ его произведеній въ послѣднемъ родѣ извѣстны разсужденія: о пропорціи человѣческаго тѣла и о составѣ красокъ.

Предметами такъ называемой натуральной живописи были вещи обыденной жизни, какъ-то: кухонная посуда, внутренности лавокъ, домашнія животныя, фрукты, овощи и тому подобное. Въ этомъ родѣ славился художникъ *Паренкъ*. Изъ первыхъ художниковъ, занимавшихся мозаическимъ искусствомъ, упоминается о *Сазонѣ* пергамскомъ, почти современникѣ Паренка. На полу одной комнаты онъ представилъ лозанъ, по краямъ которой сидѣли голуби, и грѣясь на солнцѣ, или

изъ нея воду. Вокругъ локани были изображены разбросанныя хлѣбныя крохи.

Вскорѣ пала и знаменитая Греція. Римскій консулъ Мумій, въ 146 году, разбилъ послѣднія силы ахеевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Эллады, разрушилъ Коринтъ, и объявилъ Грецію римскою провинціею, подъ именемъ Ахаїи. Многие греческіе художники перѣехали въ Римъ, а съ ними, можно утвердительно сказать, и искусство переселилось въ Италію. Римская живопись, до покоренія Греціи, не представляетъ никакихъ замѣчательныхъ произведеній, поэтому, объ ней нельзя сказать ничего положительнаго; но послѣ присоединенія Греціи къ Риму, живопись, подъ управленіемъ прїѣзжихъ художниковъ, сдѣлала большіе успѣхи въ Римѣ, хотя въ началѣ и не было на этомъ поприщѣ ни одного знаменитаго живописца собственно изъ римскихъ гражданъ. Изъ замѣчательныхъ художниковъ того времени болѣе всѣхъ прославился въ Римѣ *Тимомахъ*, византійскій художникъ, котораго кисть пользовалась особеннымъ уваженіемъ во времена Юлія Цезаря (46 г. до Р. X.). Онъ заслужилъ громкую извѣстность искуснымъ и вѣрнымъ изображеніемъ человѣческихъ страстей. Изъ произведеній его достойны особеннаго вниманія два: первое—«*Медея, покушающаяся убить своего ребенка, но еще колеблющаяся между состраданіемъ и местию*»;—копія этой картины находится на одной стѣнѣ въ Геркуланумѣ; другое—«*Оскорбленный Аякъ, но скрывающій свой гнѣвъ*». Обѣ эти картины были куплены Юліемъ Цезаремъ за 80 талантовъ. Изъ прочихъ работъ Тимомаха извѣстны: «*Орестъ*», «*Ифигенія въ Тавридѣ*». Въ это же время славилась искусствомъ живописи *Лала*, изъ Казика.

Императоръ Октавій Августъ (30 до Р. X. — 14 по Р. X.), заботясь о благосостояніи своего государства, покровительствовалъ также искусствамъ и наукамъ; литература, художества и театръ процвѣтали въ его время. Развитіе изящнаго вкуса несомнѣнно влекло за собою усовершенствованіе стѣнной и декоративной живописи; тѣмъ болѣе, что тогда преимущественно обращено было вниманіе на театръ, какъ на одинъ изъ главныхъ предметовъ общаго увеселенія, о которомъ императоры болѣе всего заботились. Украшеніе фресками стѣнъ въ частныхъ домахъ было необходимымъ слѣдствіемъ роскоши. Какъ фрески, такъ и декоративная живопись состояли обыкновенно въ изображеніи заманчивыхъ морскихъ видовъ, садовъ, каналовъ, и тому подобнаго; а потому хотя вѣкъ Августа и считается золотымъ вѣкомъ искусствъ и наукъ въ Италіи, но ландшафтная живопись много вредила исторической, и тогда же началъ обнаруживаться упадокъ ея, который при тираніи преемниковъ Августа: Тиверія, Каллигулы и Нерона, уве-

лучился еще болѣе. Последний изъ этихъ недостойныхъ императоровъ, сменивъ Римъ, при перестройкѣ его, заботился исключительно объ украшеніи общественныхъ зданій; а потому при такихъ неутѣшительныхъ обстоятельствахъ, декоративная живопись приобрѣла совершенный перевѣсъ надъ историческою. Во времена Августа, на попрощь декоративной живописи славился художникъ *Лудій*, рисунки котораго очень хорошо сохранились на стѣнахъ Геркуланума и Помпеи.

Но несмотря на видный упадокъ искусства, еще нрѣдка являются имена великихъ художниковъ, поддерживающихъ своими талантами и трудами живопись, стремящуюся къ идеалу. Такъ, наиримѣрь, въ царствованіе императора Адриана (117 — 138 г.), — славился *Апеллесъ*, повѣстникъ своею картиною «Бракъ Александра и Роксаны». Сюжетъ этого произведенія слѣдующій: Роксана — идеаль дѣвственной красоты, сидитъ у брачнаго ложа, потупивъ глаза, стыдась стоящаго предъ нею Александра. Амуры улыбаются ей; одинъ изъ нихъ снимаетъ башмаки съ ногъ ея, другой срываетъ съ головы ея покровъ и указываетъ Александру на его молодую супругу, — нѣкоторые лежатъ около ложа и на оружіи царя. Гефестіонъ, какъ другъ жениха, стоитъ подлѣ него съ пылающимъ факеломъ.

Послѣ этого художника, римская живопись, перейдя въ руки рабовъ, пала совершенно, вмѣстѣ съ величіемъ самой имперіи; — политическія смуты, слабость императоровъ и частые набѣги варваровъ уничтожили всякое стремленіе къ искусствамъ и наукамъ. Живопись мнѣлась своихъ великихъ дѣятелей, и почти цѣлое тысячелѣтіе ожидала, — вмѣстѣ съ устройствомъ новыхъ государствъ, новыхъ жрецовъ искусства. Исторія итальянской живописи, до возстановленія ея великимъ Чинчабуэ, не представляетъ ничего интереснаго. Впрочемъ, при освѣженіи восточной римской имперіи и при возраставшемъ ея гражданскомъ благоустройствѣ, — въ этой новой державѣ, основанной на развалинахъ старыхъ, образовалась восточная или византійская живопись, которая хотя и не возвышалась но брала явный перевѣсъ надъ западною. Византійскія школы образовали многихъ живописцевъ, трудившихся не только въ своемъ отечествѣ, но исполнявшихъ работы и въ другихъ государствахъ. Въ Римѣ и во всей Италіи ихъ было очень много, да и первые итальянскіе художники, такъ-называемые возстановители итальянской живописи, имъ же обязаны начальными познаніями искусства живописи.

А. АФАНАСІЕВЪ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Съ открытія театра послѣ Великаго-поста до закрытія его предъ Успенскими-постомъ).

Дѣятельность московскаго театра. — Открытіе русскихъ спектаклей послѣ поста — Новые костюмы. — Прощальный спектакль г-жи Ирки-Матіась. Ея біографія — Бенефисъ г. Усачева: «Нѣтъ свѣтла Луза», драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. Анца, «Дипломатія жены, или рецептъ для исправленія мужей», комедія водевилъ въ одномъ дѣйствіи. «Женихъ по ошибкѣ, или эъ двумя зайцами погонитъся, ни одного не поймаетъ», водевилъ въ 1 дѣйствіи, «Жидъ за печатью», шутка въ 1 дѣйствіи. — Дивертиссементъ. — Прощальный спектакль г. Щепкина. — Общъ въ честь М. С. Щепкина, по случаю его отъѣзда за границу. — Возращеніе Н. М. Медвѣевой. — Бенефисъ г. Ольгина: — «Утро молодого человѣка», сцены, соч. А. Н. Островскаго, «Лекарь», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. В. А. Волларлярскаго, «Солать-Балагуръ, или дружба-дружбой, а служба-службой», оригинальная интермедія-водевилъ, въ 1 дѣйствіи, соч. актера П. Григорьева 1-го. — Бенефисъ г. Акимова, (режисера): «Бенвенуто Челлини», драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинъ, соч. Пола-Мѣриса — Сцены изъ комедій: «Житѣйская школа», соч. П. И. Григорьева 1-го. — Бенефисъ г. Колосова: «Дядюшка Федоръ Ивановичъ Русаковъ», комедія въ 1 дѣйствіи, соч. Карелина. — «Разлука также наука», комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. П. Григорьева 1-го. — «Жалецъ и жалица въ одной квартирѣ», водевилъ въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго актеромъ С. Байковымъ. — Паширомъ съ сюрпризами, или саратовскій медвѣдь», фарсъ à propos, въ 1 дѣйствіи, соч. П. Татаринова. — «Бѣда отъ ибнанаго сердца», водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Грава В. А. Соллогуба. — Бенефисъ г. Черкасова: «Идіотъ или Гейльбергерское подземелье», драма въ 5 актахъ и 8 картинахъ, перев. съ франц. «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума», комедія-

воденъ въ 1 дѣйствіи, Ф. А. Конн. — Исторія Каспара Гаузера, трагедія изъ этой исторіи въ исполненіи этой драмы. — Бенефисъ г. Пышкова: Второй актъ балета: «Сварливая жена». — Второй актъ балета: «Сильфиды», соч. Тальони. — Жена или карты, комедія воденъ въ 1 дѣйствіи, соч. П. И. Г. — «Цыганка», воденъ въ 1 дѣйствіи, соч. Н. Крестовскаго. — Бенефисъ г. Никифорова: «Пари», драма въ 2 дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ, соч. князя Г. В. Кугушева. — «Настроилъ, разстроилъ и устроилъ», воденъ въ 1 дѣйствіи. — «Чудакъ-покойникъ, или таинственный ящикъ», комедія воденъ въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго П. А. Каратыгинна. — Бенефисъ г-жи Васильевой: «Любскіе толки», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. П. Ермолова. — Жена какихъ много, или мужъ какихъ мало, комедія воденъ въ 1 дѣйствіи, соч. П. Г. — Странное явленіе Содержаніе комедіи Н. П. Ермолова. Нѣсколько словъ объ ея достоинствѣ и причины ея неуспѣха на сценѣ. Бенефисъ г. Соловьева (режиссера). «Старая аристократка» (Pani Kazatelanowa). комедія въ 1 дѣйствіи, переводъ съ польскаго С. Соловьева. — «Чему быть, того не миновать» (Wozzedniczka), комедія съ куплетами въ 1 дѣйствіи и 2-хъ картинахъ, переделанная съ польскаго С. Соловьевымъ. — «Что женщинамъ не хранить, потерявши плачень», воденъ въ 1 дѣйствіи С. Соловьева. — Медовый мѣсяцъ, или какъ проводить время молодые, комедія въ 1 дѣйствіи, заимствованная съ французскаго актеромъ С. Байковымъ. — Репетиція бенефисному спектаклю, картина дивертисманъ въ 1 дѣйствіи, съ пѣніемъ и танцами «Движущійся столъ», сценою изъ современной московской жизни, соч. В. И. Р.

Московскій театръ, по открытіи послѣ поста, отличался большою дѣятельностію. Въ теченіе одного мѣсяца было на немъ двѣнадцать бенефисовъ (стало-быть, почти по три бенефиса въ недѣлю). На каждый бенефисъ круглымъ числомъ приходится по три новыхъ или вновь поставленныхъ пьесъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже въ семь и въ восемь актовъ (какъ, напримѣръ: Бенвенуто Челлини, Идиотъ) и несмотря на такую огромную дѣятельность московскаго театра, ограниченнаго, по случаю пожара Большаго-театра, только одною сценою Малаго, немѣющаго даже достаточнаго мѣста для репетицій, почти всѣ вновь поставленныя пьесы были хорошо срепетованы и успѣшно сыграны.

Русскій театръ открылся послѣ Великаго-поста; 24 апрѣля, пьесою Сухонина «Русская свадьба въ концѣ XVII столѣтія», о которой не разъ было говорено въ «Пантеонѣ». Въ Москвѣ эта пьеса исполняется хорошо, хотя исполнителямъ ея и можно сдѣлать кой-какія замѣчанія. Нельзя не похвалить новыхъ костюмовъ, которые сдѣланы для этой пьесы. Старые сгорѣли во-время пожара Большаго-театра. Такихъ прекрасныхъ костюмовъ мы никогда не видали на нашей сценѣ. Право, можно сказать, вмѣстѣ съ Скалозубомъ:

Пожаръ способствовалъ имъ много къ украшенью!

И даже не только имъ, но вообще всѣмъ костюмамъ нашего театра. Теперь всѣ они новенькіе, съ иголки, любо дорого смотрѣть.

30 апрѣля былъ прощальный спектакль любимицы московской публики, талантливой танцовщицы Ирки-Матіасъ. Ирка-Матіасъ родилась

во Франціи, въ Ліонѣ, 4 декабря 1829 года (стало-быть ей теперь отъ роду 23 года съ половиною). Двѣнадцать лѣтъ отъ роду, она отвезена была въ Парижъ, гдѣ съ большимъ успѣхомъ изучала танцовальное искусство у извѣстнаго балетмейстера Мазилье.

Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, Ирка-Матіасъ дебютировала въ Руанѣ и поступила на тамошній театръ. Дирекція королевскаго театра въ Гагѣ сдѣлала молодой танцовщицѣ выгодныя предложенія, и Ирка-Матіасъ явилась на сценѣ гагскаго театра. Тамъ она танцевала два года и оттуда пріѣхала въ Москву, гдѣ дебютировала 17 сентября 1847 года, на сценѣ Большаго-театра. Въ свой первый дебютъ она танцевала pas de deux съ г. Монтасю, и испанскій танецъ, la gondeja (она первая исполнила этотъ танецъ въ Москвѣ). Несмотря на извѣстную любовь публики къ московской танцовщицѣ К. А. Санковской, молодая дебютантка принята была очень хорошо. Выразительное лицо, стройный станъ и удивительная ножка, подобную которой намъ рѣдко случалось видѣть на сценѣ, конечно много содѣйствовали къ успѣху восемнадцати-лѣтней дебютантки; даже можно было предсказывать, что изъ Ирки-Матіасъ выйдетъ танцовщица талантливая. Первый балетъ, въ которомъ появилась она въ Москвѣ, былъ *Гитана* (въ октябрѣ 1847 г.). 12 декабря того-же года, въ бенефисъ г. Монтасю, г-жа Ирка-Матіасъ рѣшилась появиться въ одномъ спектаклѣ съ г-жею Санковскою *, на что не рѣшались другія танцовщицы, зная пристрастіе москвичей къ г-жѣ Санковской.

Въ 1848 году былъ ея первый бенефисъ, въ которомъ она давала Жизель. Вотъ названіе балетовъ, въ которыхъ участвовала Ирка-Матіасъ въ Москвѣ: *Гитана*, *Сильфида*, *Воспитанница Амура*, *Пери*, *Асмодей* (Хромоу бѣсъ), *Жизель*, *Пахита*, *Сатанилла* **, *Возстаніе въ Сералѣ*, *Катарина*, *Эсмемальда*, *Мраморная красавица*, *Пакеретта* (любовь и вѣрность) ***. Кромѣ-того, она играла вѣтмыя роли въ пьесахъ: *Жоржъ* (Энгуильскій вѣмой), *Ольга* (Русская сирота), *Нѣ-*

* Въ этомъ бенефисѣ г-жа Санковская играла во 2-мъ актѣ балета «Сварливая жена», ею самою постановленнаго, а г-жа Ирка-Матіасъ роль «Воспитанницы амура», въ балетѣ того же имени, соч. Тальони.

** Сначала въ этомъ балетѣ, въ которомъ такъ хороша была г-жа Андреева въ главнейшей роли, г-жа Ирка-Матіасъ исполняла роль Леліи, и исполняла ее не совсѣмъ удачно, потомъ занимала роль самой Сатаниллы, и хотя мы отдадимъ въ этой роли преимущество предъ нею г-жѣ Андреевой и даже Санковской, но все-таки должны сказать, что и эту трудную роль исполняла она очень хорошо.

*** Въ бенефисѣ г. Самарина, въ 1850 г., она танцевала польку, вмѣстѣ съ г-жою Санковскою. Публика приняла прекрасно обѣихъ танцовщицъ.

маго (Аббатъ л'Эпе), Золотое (Влюбленная баядерка), и др. и даже говорящую роль танцовщицы въ водевилѣ Теолона, Le bénéficiaire, въ бенефисѣ г. Жене. Лучшими ролями г-жи Ирки-Матіасъ могутъ похвастаться: Мраморная красавица, Пахита, Пакеретта. Въ нихъ она была истинно граціозна. Мы слѣдили за развитіемъ ея таланта съ перваго дебюта ея на московской сценѣ до самаго ея прощанія съ московскою публикою, и видѣли, какъ постепенно росъ этотъ талантъ на глазахъ нашихъ. Молоденькая дѣвушка, еще не твердая въ искусствѣ танцованія, плохая мимическая актриса, въ началѣ своего поприща на московской сценѣ, она оставляетъ эту сцену уже артисткою, которою можетъ по справедливости похвалиться всякая сцена. Пребываніе Фанни-Эльслеръ въ Москвѣ благотворно подѣйствовало на талантъ Ирки-Матіасъ, особливо на ея мимику. Да, Москва, уступая нынѣ Ирку-Матіасъ ея роднѣ, съ гордостью можетъ сказать, что она возростила и взлелѣвала этотъ талантъ, что на сценѣ ея развилось, выросло и окрепло это молодое, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное дарованіе.

Въ послѣдній разъ г-жа Ирка-Матіасъ играла въ первомъ актѣ Гитаны. Здѣсь она протанцовала качучу (по требованію публики два раза) и las boleros de Cadix съ г. Монтасю (тоже два раза по востребованію).

4 мая былъ бенефисъ г-на Усачева. Онъ состоялъ изъ тѣхъ же самыхъ пьесъ, изъ которыхъ въ Петербургѣ составленъ былъ бенефисъ г-жи Самойловой 1-й въ нынѣшнемъ году, и начался неудачною драмою Анца: «Нѣмая сиротка Лиза». Пьеса эта не имѣла успѣха въ Петербургѣ.— не имѣла его и въ Москвѣ. Исполнена она... но что говорить объ исполненіи такихъ пьесъ, которыя даже для актера не представляютъ ничего, въ чемъ бы онъ могъ выказаться... Въ этой пьесѣ есть, впрочемъ, роль, лучше другихъ очерченная, это роль болтливаго и любопытнаго старика пьяницы садовника, и эта роль была прекрасно передана г-мъ Васильевымъ. Миленькій водевилъ Крестовскаго: «Дипломатія жены, или рецептъ для исправленія мужей», напечатанный въ «Пантеонѣ» нынѣшняго года, былъ очень хорошо разыгранъ г-жами Бороздиной и Вороновой и г. Шумскимъ.

«Жидъ за печатью» и «Женихъ по ошибкѣ», двѣ такія пьесы, о которыхъ говорить нечего. Бенефисъ г. Усачева, по своему составу, былъ одинъ изъ худшихъ, что, можетъ-быть, отчасти повредило и дру-

* Вмѣстѣ съ Фанни-Эльслеръ, исполнявшею главную роль въ этой оперѣ-балетѣ Обера. Pas de deux, протанцованное г-жею Иркою Матіасъ съ знаменитою танцовщицею, сопровождалось оглушительными рукоплесканіями, изъ которыхъ, по всей справедливости, нѣкоторая часть приходилась и на долю Ирки-Матіасъ.

гимъ бенефисамъ нынѣшняго сезона, подорвавъ къ нимъ довѣріе публики, потому что, несмотря на хорошіи составъ бѣльшей части бенефисовъ, ни одинъ изъ нихъ не могъ похвалиться многочисленностію почитателей.

Въ спектакль 7 мая ветеранъ московской сцены, М. С. Щепкинъ игралъ въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ своимъ за границу, куда отправился на полгода, для излѣченія больнаго сына. Пожелаетъ ли скорого и счастливаго возврата нашему знаменитому артисту!

Роли для прощанія съ публикою были выбраны г. Щепкиннымъ не совсѣмъ удачно. *Тяжба* не болѣе, какъ сцены, хотя и сцены Гоголя, и роль Бурдюкова, какъ ни хорошо она разыгрывается г. Щепкиннымъ, не представляетъ полнаго разгула таланту этаго артиста, а роль Кочкарева въ «Женидьбѣ», по моему мнѣнію, одна изъ неслишкомъ удачныхъ ролей Щепкина. Въ ней ему не достаетъ той безцѣльной хлопотливости, какая характеризуетъ эту личность, того жара, съ которымъ проявляется эта хлопотливость. Отчего бы Щепкину не проститься съ московскою публикою Городничимъ, Фамусовымъ или другою изъ лучшихъ ролей? И эффекта было бы больше, и впечатлѣніе было бы сильнѣе.

Но не въ спектакль 7 мая поклонники таланта Щепкина прощались съ нимъ. Многочисленные почитатели нашего комика пригласили его на обѣдъ, чтобъ русскими хлѣбомъ-солью выразить ему торжественно чувства общаго уваженія. Въ этомъ обѣдѣ участвовало почти все, чѣмъ можетъ гордиться въ настоящее время наука, литература или искусство Москвы.

Въ два дня явилось до семидесяти охотниковъ участвовать въ задуманномъ праздникѣ, и 10 мая, въ саду М. П. Погодина, на Девичьемъ полѣ, назначенъ былъ обѣдъ. Кстати посѣлъ къ тому времени и бюстъ М. С. Щепкина, мастерски исполненный В. А. Рамазановымъ.

«Почетный гость приглашенъ былъ наканунѣ: два литератора, С. П. Шевыревъ и А. Н. Островскій, и два актера, П. М. Садовскій и С. В. Шумскій, ѣздили къ нему съ приглашеніемъ отъ имени его почитателей.

«Въ 4 часа въ воскресенье (10 мая) собрались гости. М. С. Щепкинъ встрѣченъ былъ на балконѣ хозяиномъ дома, М. П. Погодинымъ, который сказалъ ему: «Привѣтствую васъ отъ имени вашихъ многочисленныхъ почитателей, здѣсь собравшихся; вы можете вообразить себѣ сами, какъ мнѣ пріятно быть ихъ представителемъ, въ увѣщаніе нашей двадцатипятилѣтней съ вами пріязни. Милости просимъ». Михайло Семеновичъ прослезился съ первыхъ словъ.

Всѣ присутствовавшіе наперерывъ спѣшили къ нему навстрѣчу, пожать руку.

Погода, ненастная въ-продолженіе всей недѣли, разгулялась какъ парочно, ко времени обѣда. Солнце сіяло во всея блескъ.

«Природа нынче за искусство», сказалъ Шевыревъ. «Оттого, что искусство обращается нынче къ природѣ», отвѣтилъ Островскій.

Обѣдъ устроенъ былъ въ аллеѣ, и состоялъ большею-частію изъ малороссійскихъ блюдъ, съ цѣлю укрѣпить въ отъѣзжающемъ за границу воспоминаніе о родной сторонѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, о родномъ очагѣ.

Въ срединѣ стола красовалась только-что прилетевшая огромная малороссійская драфа, въ перьяхъ; по сторонамъ великороссійскіе, бѣлые, какъ снѣгъ, поросята, при ассистенціи огромныхъ кулебякъ. За борщомъ послѣдовали вареники, и проч.

Когда налиты были бокалы шампанскаго, М. П. Погодинъ произнесъ слѣдующее:

«Милостивые государи! Нѣсколько лѣтъ сряду, въ этомъ самомъ саду, въ этотъ почти день и часъ, собирались мы обыкновенно къ незабвенному нашему Гоголю, правдивать его именины. Это былъ самый дорогой для него день, о которомъ онъ любилъ заранѣе хлопотать, съѣтоваться,—устроить. Въ послѣдній разъ, вы помните, — это такъ недавно, — сидѣлъ онъ здѣсь на краю, облокотясь на столъ, задумчивый и молчаливый, какъ-будто предчувствуя близкій свой конецъ. И вотъ нынѣ его нѣтъ между нами!..

Не могу не вспомнить объ немъ при этомъ случаѣ, по многимъ причинамъ.

Онъ первый поспѣшилъ бы выразить наши чувства глубокаго уваженія и истинной признательности тому достойному артисту, которому собрались отъ души воздать мы честь,—и кто лучше Гоголя исполнялъ бы эту обязанность? Чье слово можетъ имѣть столько вѣса, какъ въ автора Городничаго, Угѣшительнаго, Кочкарева и Бурдюкова?

Прибавлю еще вотъ что: Гоголь самъ обязанъ былъ многимъ Щепкину. Не говорю объ ихъ слишкомъ двадцатилѣтней, близкой, короткой связи, не говорю объ ихъ частыхъ бесѣдахъ, исключительно посвященныхъ драматическому искусству и русской жизни, не говорю о веселыхъ, живыхъ и умныхъ разсказахъ Щепкина, которые часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ Гоголя, — но тотъ смѣхъ, который Щепкинъ возбуждалъ въ Гоголѣ, еще молодомъ человѣкѣ, выступавшемъ на поприще, не былъ ли задаткомъ того смѣха, каковымъ послѣ подѣлилъ

насъ Гоголь съ такимъ обыткомъ? Вывода на сцену многія дѣйствующія лица, Гоголь не имѣлъ ли въ виду Щепкина?..

Есть русская пословица: началъ за здравье, а свелъ за упокой. Мнѣ пришлось наоборотъ—начать за упокой и свести за здравье..

Да здравствуетъ старшій, знаменитый представитель русской комедіи, заслуженный артистъ московской сцены, добрый, веселый, любезный, живой человекъ,—Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ!»

Раздались рукоплесканія, и здоровье Михаила Семеновича выпито всеми гостями до дна!

С. П. Шевыревъ произнесъ стихи, обращаясь къ знаменитому артисту :

Московской сцены честь и слава!
Комедій русскихъ красота!
Сердечный смѣхъ — твоя держава,
Игра — природы простота.

Художникъ честный, безъ упрека,
И красоты и правды жрецъ,
Казнитель страсти и порока,
Прими отъ насъ любви вѣнецъ!

При этомъ словѣ раздалось со всѣхъ сторонъ: «вѣнокъ, вѣнокъ!» — и на бюстъ Щепкина, стоявшій среди аллей, возложенъ былъ торжественно вѣнокъ изъ миртовыхъ листьевъ и цвѣтовъ.

Вѣнецъ тѣхъ чувствъ и наслажденій,
Намъ всѣмъ дарованныхъ тобой,
Когда твой вдохновенный геній
Насъ очаровывалъ игрой.

Игрою той веселоправной
Вѣнокъ давно ты заслужилъ,
Его тебѣ нашъ Гоголь славный
Еще при жизни присудилъ.

Всѣхъ слабостей людскихъ личины,
Отъ глубины душевныхъ силъ,
Изъ сердца пошлой, грязной тины,
Ты въ перлъ созданья возводишь.

И съ нами здѣсь незримымъ перомъ
 Пируеть, понятый тобой,
 Въ-слѣдъ за Мольеромъ и Шекспиромъ,
 Поэтовъ русскихъ честный строй.

Репертуаръ твой, безъ избытка,
 Ихъ именами озлатимъ:
 Капнистъ, Загоскинъ, Гоголь, Квитка,
 И Грибоѣдовъ съ Шаховскимъ.

Блаженъ, кто нашихъ чувствъ былъ эхомъ,
 Кто силу ихъ въ душѣ носилъ,
 И подъ веселымъ яремъ смѣхомъ
 Слезу сердечную таялъ.

Тѣмъ смѣхомъ намъ не обижаться,
 Таковъ ужъ сердца вѣщій гласъ:
 Тому надъ нами лишь-смѣяться,
 Кто чистымъ сердцемъ любитъ насъ.

Ты любишь насъ, смѣясь надъ нами,
 Надъ нашей праздной суетой,
 П жизни мелкими страстями,
 Съ ихъ безотрадной пустотой.

И жаромъ сильного попрека,
 Живѣй, чѣмъ блескомъ похвалы,
 Разумный образъ человека
 Въ насъ озаряетъ сердца мглы.

Прекрасны въ Божьемъ мѣрѣ грозы,
 Улыбки днѣ, и дождь, и снѣгъ!
 Прекрасенъ плачь, прекрасны слезы,
 И отъ души текущій смѣхъ.

Прощай до сладкаго свиданья!
 Скорѣй чтобъ Богъ тебя принесъ!...
 Для грохота, рукоплесканья,
 Для хохота сквозь радость слезъ!

Стрхи кончались подъ громомъ рукоплесканій.

Послѣ С. П. Шевырева прочелъ другіе стихи Н. В. Берга.

Здѣсь подъ этими вѣтвями,
Вспомнилъ я объѣдъ другой:
Здѣсь свѣдѣлъ когда-то съ нами
Имянинникъ дорогой.

Въ маѣ, радуясь раздолью
Зеленѣющихъ полей,
Здѣсь любилъ онъ хлѣбомъ-солью
Угощать своихъ друзей. —

Будто слышу и досель я
Раздающійся межъ насъ,
Полный чистаго веселья,
Оживленный, вѣщій гласъ....

Нѣтъ его.... сокрылся гений!...
Но остался съ нами тотъ,
Кто живыхъ его твореній
Типы намъ передаетъ. —

За великаго актера
Вышьемъ дружно: будь здоровъ,
Городничій Ревизора,
Бурдюковъ и Кочкаревъ!

Едешь въ путь ты, но смотри же,
Объѣзжая чуждый край,
На Рашель глядя въ Парижъ,
И своихъ не забывай!

Хлестакову здѣсь, пожалуй,
Безъ тебя не слобровать,
Да и Оспль славный малой
Тоже будетъ горевать;

Да и всѣ друзья и братья....
Такъ вернись же поскорѣй
Въ распростертыя объятія
Этихъ братьевъ и друзей!

Гости единогласно потребовали повторения: bis, bis!...

Послѣ Берга прочелъ В. И. Родиславскій свое стихотвореніе, съ провождавшееся тоже общими рукоплесканіями:

Настало время разставанья:
Разлука сердце намъ щемить,
И пѣснь хвалы пусть на прощанье
Тебѣ достойно прогремить!

Красою, славой русской сценѣ
Ты много лѣтъ, намъ Щолкинѣ, былъ,
И Талин и Мельпоменѣ
Ты честно, праведно служилъ!

Сокровища родныхъ поэтовъ
Уилъ достойно передать,
И Пушкинѣ, Гоголѣ, Грибоедовѣ
Спасибо громкое сказать

Тебѣ должны; и вѣстѣ съ ними
Хвала тебѣ изъ рода въ родъ
Съ воспоминаньяи живыми
Къ потомкамъ нашимъ перейдетъ!

Творилъ ты образы живые,
Ты нашу Русь лицетворилъ,
На сценѣ нашей ты впервые
Какъ человекъ заговорилъ.

Скорѣй, скорѣе въ путь обратный,
Тебя въ отчизну мы зовемъ
Здѣсь ждетъ тебя, артистъ нашъ славный,
Родной московской нашъ приѣмъ.

Михаилъ Семеновичъ, со слезами, всталъ, и прерывающимся голосомъ благодарилъ за честь, ему оказанную. Вотъ его слова:

«Священнымъ долгомъ считаю принести вамъ глубочайшую признательность за ту высокую честь, которой вы въ нынѣшній день меня удостоили. Къ сожалѣнію, несмотря на свойственное каждому человеку самолюбіе, я чувствую, что не въ полной мѣрѣ заслужилъ ее, и единственно обязанъ этой честью вашему доброму снисхожденію. Къ те-

му же все, что вы найдете во мнѣ достойнымъ какой-либо оценки, принадлежитъ собственно не мнѣ, — все это принадлежитъ Москвѣ, то-есть тому избранному, высоко-образованному обществу, умѣющему глубоко понимать искусство, которымъ Москва всегда была богата. Это общество, при самомъ моемъ появлении на московской сценѣ, благодаря содѣйствию покойнаго, многоуважаемаго моего начальника, Федора Федоровича Кокошкина, приняло меня въ свой кругъ. Въ этомъ кругу было все, — и литераторы, и поэты, и преподаватели московскаго университета; тридцать лѣтъ я находился въ этомъ кругу. Правда, я не судѣлъ на скамьяхъ студентовъ, но съ гордостію скажу, что я много обязанъ московскому университету въ лицѣ его преподавателей; одни научили меня мыслить, другіе глубоко понимать искусство. Бесѣды объ искусствѣ собственно для меня не умолкали, и я съ глубочайшимъ вниманіемъ вслушивался въ нихъ. И такъ, м. г., вы сами видите, что все, что находите вы во мнѣ замѣчательнаго, принадлежитъ собственно вамъ, — вы были, такъ-сказать, сѣятели, а мнѣ, какъ счастливцу, досталась жатва;—вы, м. г., вы создали для меня нынѣшній великій день! Въ тридцать лѣтъ многое измѣнилось, но измѣнялись лица, а мысль объ искусствѣ жила не измѣняясь; да, въ тридцать лѣтъ много выбыло изъ общества, много прибыло вновь, и къ числу первыхъ, съ сердечною горестію и глубокимъ уваженіемъ скажу, принадлежатъ и наши два великіе комическіе писателя. Имъ я обязанъ болѣе всѣхъ; они меня, силою своего могучаго таланта, такъ-сказать поставили на видную степень въ искусствѣ: это Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ и Николай Васильевичъ Гоголь. Находясь долго въ такой семьѣ, я былъ бы совершенно ничто, еслибъ изъ меня не вышло уже ничего дѣльнаго. И такъ еще разъ, съ совершенною признательностію, скажу вамъ, м. г., — вамъ все принадлежитъ, вашимъ бесѣдамъ я собственно обязанъ тѣмъ, что любовь моя къ искусству съ каждымъ днемъ развивалась болѣе и болѣе. Одно, что собственно принадлежитъ мнѣ, — это добросовѣстное занятіе, трудъ, на какой только способенъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою драматическому искусству; и да послужитъ это примѣромъ молодымъ мнѣ товарищамъ, которымъ дорога къ искусству гораздо болѣе очищена. Пусть изъ нынѣшняго дня они поймутъ, какая блестящая будущность ждетъ ихъ вперед: примѣръ предъ глазами. Вы м. г., на сорокъ восьмой году моего драматическаго поприща, сегодня подарили меня счастливѣйшимъ днемъ въ жизни моей; да, счастливѣйшимъ: вы меня, всегдашняго вашего собесѣдника, такъ-сказать семьянина, нынче удостоили быть избраннымъ вашимъ гостемъ. Это много, слишкомъ много для старика. Простите... тутъ я долженъ оста-

новиться по неволѣ, потому-что не нахожу словъ, чтобы хоть вкратчѣ выразить то глубокое чувство благодарности, какимъ проникнуто въ эту минуту мое старое, но все еще сильно-бьющееся сердце.»

Рукоплесканія не умолкали.

Т. Н. Грановскій сказалъ: «Позвольте мнѣ предложить бокалъ за здоровье тѣхъ, кому пришла благородная и прекрасная мысль нынѣшняго праздника.

Мы собрались сюда со всѣхъ приходоѡ нашей Москвы, во имя всѣхъ братающаго и соединяющаго искусства. И кому же приличнѣе быть председателемъ такого пира, достойнѣйшимъ представителемъ искусства, какъ не М. С. Щепкину! На Руси всегда было и будетъ много дарованій. Природа щедро надѣлила уметвенными силами русскаго человѣка. Но скажемъ со смиреніемъ, что намъ часто недостаетъ одного качества, безъ котораго благороднѣйшія силы безплодно гибнутъ: намъ недостаетъ терпѣнія въ трудѣ, выдержки, уметвеннаго упорства. Честь и слава русскому художнику, который почти полвѣка трудился на поприщѣ искусства, не слабѣя духомъ, не слабѣя усердіемъ! Да послужитъ его жизнь, исключительно посвященная служенію искусству, примѣромъ всѣмъ намъ, позднѣе его вступившимъ на поприще, и уже носящимъ въ груди начатки преждевременной усталости и охлажденія!»

Затѣмъ послѣдовали тосты за здоровье Н. А. Рамазанова, сохранившаго черты Щепкина, А. Н. Островскаго и П. М. Садовскаго, Васильева, Степанова, Шумскаго. «Всѣхъ, всѣхъ!» раздалось со всѣхъ сторонъ...

Послѣ обѣда Т. М. Домбровскій (новое приобрѣтеніе московской сцены, замѣчательный талантъ комическій), подошелъ къ Щепкину и сказалъ:

Мій милый, мій сердечный тату!
Погодишь тебе и насъ зазвавъ до себе въ хату
Винъ гарными вареньками накормивъ
И шампанскимъ добре напоявъ.

Мы все прибрали чистенько;
Напоя кажный зъ насъ въ смакъ.
Все будутъ згадовать частенько,
Та ще и спасибо скаже всякъ.

Яка жъ тому была причина...
Ты наша потиха одна!

Го насъ оставляетъ,
 Въ чужи края отъизжаетъ
 Такъ ми зійшлыся попрощаться,
 На дорогу добре нацѣловаться.
 Прощай! Цѣлую тебе, мій голубе сызенькій.
 Вертайся, вертайся жъ до насъ здоровенькій!
 Охъ! безъ тебе ни съ кимъ мыни Стецька дурного граты.
 Москва в я будемъ съ нетерпѣньемъ тата ждаты.

Bis! bis! bis!...

Между-тѣмъ загорѣлась жонка, а Щепкинъ и Садовскій прочли нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Гоголя. Потомъ Щепкинъ разсказалъ, съ неподражаемымъ своимъ искусствомъ, нѣкоторыя сцены изъ сочиненій Гоголя.

Къ позднему вечеру разъѣхались гости, пожелавъ любезному путешественнику счастливаго пути и скорого возвращенія.

Обѣдъ этотъ былъ истиннымъ торжествомъ искусства въ лицѣ одного изъ его почетнѣйшихъ представителей, полѣвка почти честно служившаго искусству, и по этому я счелъ долгомъ занести его описаніе на страницы Театральной Лѣтописи.

10-го мая, въ драмѣ Корженевского «Окно во второмъ этажѣ», появилась въ первый разъ по возвращеніи изъ двухгодичнаго отпуска въ Одессу, молодая артистка московскаго театра Н. М. Медвѣдева.

Г-жа Медвѣдева—изъ воспитанницъ московской театральной школы. Еще ребенкомъ появлялась она на подмосткахъ московскаго театра, въ комедіи Загоскина «Урокъ холостымъ»; потомъ она себя готовила для балета и изучала танцевальное искусство, но предъ выходомъ изъ школы перемѣнила свое намѣреніе, изъявила желаніе играть въ драмахъ и комедіяхъ, и въ 1847 году дебютировала на московской сценѣ въ комедіи Мольера «Школа женщинъ», въ роли Агнесы. Дебютъ ея сопровождался полнымъ успѣхомъ, который еще болѣе увеличился при игрѣ ея, въ томъ же году, въ двухъ новыхъ пьесахъ «Слѣпая» и «Эленъ или тайное покровительство».

Въ 1851 году г-жа Медвѣдева уѣхала въ Одессу. Еще до отъѣзда ея изъ Москвы г-жа Медвѣдева обладала весьма замѣчательнымъ дарованіемъ, въ которомъ было много граціи и простоты. Пребываніе г-жи Медвѣдевой на одесской сценѣ было для молодой артистки рядомъ блестящихъ успѣховъ, которые записалъ на свои страницы «Одесскій Вѣстникъ», пріѣтствовавшій московскую гостью громкими похвалами и сравнивавшій ее съ знаменитыми артистками.

При возвращеніи ея на московскую сцену, въ спектаклѣ 10 мая, мы замѣтили, что дарованіе г-жи Медвѣдовой развилось еще болѣе на одесской сценѣ, которой мы уже обязаны талантами г-жи Шубертъ и г-на Шумскаго.

Московская публика приняла г-жу Медвѣдову весьма хорошо.

Бенефисъ г. Ольгина, 11 мая, былъ составленъ слѣдующимъ образомъ: «Утро молодого человѣка», сцены, соч. А. Н. Островскаго, «Лекарь», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. А. В. Вонлярярскаго; «Солдаты Балагуръ, или дружба дружкой, а служба службой», оригинальная интермедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. актера П. Григорьева 1-го.

Комедія даровитаго Вонлярярскаго «Лекарь», напечатанная въ «Пантеонѣ», извѣстна нашимъ читателямъ. Разыграна она была на московской сценѣ очень хорошо. Особенно способствовали ея успѣху гг. Шумскій (въ роли Лекаря) и Садовскій (въ роли Коменданта) своею простою, естественною игрою.

«Утро молодого человѣка»—произведеніе автора комедій «Свои люди сочтемся» и «Не въ свои сани не садись»

Сцены эти не лучшее произведеніе А. Н. Островскаго, но «Утро молодого человѣка» авторомъ никогда не назначалось для сцены, хотя попавши на московскую сцену, очень хорошо было разыграно.

«Солдаты Балагуръ»—пьеса, тоже извѣстная читателямъ «Пантеона»: потому-что она въ немъ была напечатана. Разыграна она была очень хорошо, какъ обыкновенно на московской сценѣ разыгрываются пьесы изъ нашего народнаго быта.

Драма «Бенвенутто-Челлини», игранная въ переводѣ Василько-Петрова, въ бенефисъ г. Акимова, 15 мая, передѣлана Полемъ Мерисомъ изъ романа Дюма «Асканіо», переведеннаго и на русскій языкъ. Пьеса эта отличается тѣмъ же достоинствами и недостатками, какими обыкновенно отличаются всѣ романы Дюма, но ее можно смотрѣть съ удовольствіемъ, особенно если она хорошо поставлена, срепетована и разыграна.

Г. Леонидовъ весьма удовлетворителенъ въ роли Челлини. Много естественности, простоты, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувства и драматизма. Особенно хорошъ онъ въ сценѣ, когда уступаетъ Колумбу Асканію, и потомъ въ сценѣ, когда для отлитія статуи Юпитера, за недостаткомъ дровъ, бросаетъ въ огонь всю свою мебель и всѣ свои дорогія произведенія. Въ этой сценѣ, во второмъ представленіи драмы, бывшемъ 19 мая, г. Леонидовъ былъ еще лучше, чѣмъ въ первомъ. Лихорадочное утомленіе, происшедшее отъ трехъ ночей, проведенныхъ безъ сна, было выражено имъ прекрасно.

Роль Скопцоне была выполнена г-жею Медвѣдовой очень хорошо. Особенно въ сценѣ съ Челлини, глубокое чувство было выражено ею просто и естественно, безъ обыкновенныхъ драматическихъ слезъ и криковъ.

Въ роль герцогини д'Этампъ г. Рыкалова вполне выказала свою добросовѣстную, обдуманную игру и артистическій умъ, какими обыкновенно отличается игра этой артистки.

Г. Дмитревскій сумѣлъ придать колоритъ маленькой роли графа д'Орбекъ. Въ г. Дмитревскомъ театрѣ московскій обладаетъ артистомъ очень полезнымъ, хотя еще и мало оцененнымъ. Г. Дмитревскій играетъ всякую роль, какая ему попадется, къ какому бы амплуа она ни принадлежала, — и каждую роль исполняетъ добросовѣстно. Трудно найти роль, которую бы онъ сыгралъ дурно, несмотря на огромное количество сыгранныхъ имъ ролей, разнообразныхъ въ высшей степени и, по большей части, не замѣчательныхъ, неблагодарныхъ и даже дурныхъ. Есть роли, которыя г. Дмитревскій исполняетъ прекрасно, какъ на пр.: Яши въ «Скопинъ Шуйскомъ», Авраамія въ «Смерть Ляпунова», Рено въ «Матрость», Атонасеуса въ «Идиотъ», и многія другія. Для ролей благородныхъ отцевъ г. Дмитревскій актеръ незамѣнимый. Въ комедіахъ онъ хуже, чѣмъ въ драмѣ.

Сцены изъ комедіи «Житейская Школа», какъ кажется, нарочно были даны для г. Шумскаго, прекрасно играющаго въ этой пьесѣ роль поэта Забѣдкина и дѣлающаго изъ этого чисто карикатурнаго лица — лицо почти живое и типическое.

Бенефисъ г. Колосова, бывшій 18 мая, отличался количествомъ и разнообразіемъ новыхъ пьесъ, но вовсе не ихъ достоинствомъ. Лучше другихъ показала намъ первая пьеса бенефиса, комедія соч. Карелина «Дядюшка Федоръ Ивановичъ Русаковъ»; въ ней есть что-то похожее на истинный комизмъ, но изложеніе показываетъ въ авторѣ еще руку весьма неопытную въ литературномъ дѣлѣ.

Въ ней, въ маленькой роли воспитанницы Русакова, появилась новая дебютантка, свояченица бенефицианта, г-жа Григорьева, изъ воспитанницъ московской театральной школы. Объ ней мы еще ничего сказать не можемъ.

Комедія «Разлука также наука», несмотря на то, что была хорошо разграничена самимъ бенефициантомъ и г-жею Вороновою, что въ пьесѣ много веселости, показала весьма неестественною. Гдѣ существуютъ такіе супруги, какіе выведены въ этой пьесѣ, которыми, какъ дѣтьми, расцарапываются по произволу, одного посылаютъ въ Архангельскъ, а другую въ Тамбовъ, и все это въ какіе-нибудь полчаса, какъ-будто оба супруга

ничѣмъ не связаны, и ими можно помыкать, какъ малолѣтними, ставя ихъ, въ наказаніе, по разнымъ угламъ комнаты.

«Жилецъ и жилица въ одной квартирѣ»—обыкновенный водевилъ, какъ всѣ водевили въ два или три лица изъ походовъ парижскихъ молодыхъ людей и гризетокъ, да и изъ этихъ водевилей онъ не лучший. Мы, не обвиняя, предпочтемъ ему и «Взаимное обученіе» и «Ночь послѣ бала», и пропасть водевилей подобнаго рода.

«Папиросы съ сюрпризами или саратовскій медвѣдь», фарсъ à propos, соч. П. Татаринова, ниже всякой посредственности.

Лучше всѣхъ новыхъ пьесъ въ бенефисѣ Колосова была старая, водевилъ графа Соллогуба «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», прекрасно разыгрываемый на московской сценѣ.

Драма «Идіотъ или Гейльберское подземелье», данная въ первый разъ въ бенефисѣ г. Черкасова, 22 мая, заимствована изъ баснословной, вѣроятной, исторіи Гаспара Гаузера. Изъ исторіи, которою въ тридцатыхъ годахъ были наполнены странички всѣхъ Европѣйскихъ и всѣхъ русскихъ журналахъ. Фонтъ этотъ, какъ теперь помнимъ явился у насъ въ одно время—и въ Сѣверной Пчелѣ, въ другихъ журналахъ и даже въ «Галатеи». Но мы повторимъ давно забытый рассказъ, цѣликомъ выписывая его изъ книгъ одного изъ старыхъ нашихъ журналовъ.

«Гаспаръ Гаузеръ таинственный герой какого-то неразгаданнаго преступленія, совершеннаго въ началѣ выпѣшняго столѣтія въ Германіи. Гаспаръ провелъ дѣтство свое и юность въ заключеніи, лишennyй свѣта, до шестнадцатилѣтняго возраста. Марта 26-го 1828 года, въ глухую ночь вывели его изъ заточенія, долго везли, и оставили наконецъ на одной изъ улицъ Нюрнберга, съ письмомъ, адресованнымъ къ хозяйку дома, у дверей котораго онъ былъ покинутъ проводникомъ. Съ понятіями совершенно дѣтскими, Гаспаръ Гаузеръ умѣлъ удовлетворять только самымъ крайнимъ потребностямъ жизни, почти не зная употребленія чувствъ, не видалъ ничего въ мірѣ, кромѣ своей тюрьмы; не могъ слышать дневнаго свѣту и не могъ стоять на ногахъ, но понималъ нѣкоторые звуки человѣческаго голоса, потому-что его выучили произносить нѣсколько словъ и писать свое имя. Это происшествіе, надѣлавшее столько шуму въ окрестностяхъ и вскорѣ сдѣлавшееся извѣстнымъ всей Европѣ, привлекло, между-прочимъ, сострадательное любопытство профессора Даумера. Благодарный ученый взялъ на свое попеченіе этого сына природы, котораго сочли было за искуснаго притворщика и посадили въ городскую тюрьму, и въ которомъ обнаруживался прекрасныя качества ума и сердца. Быстрое ихъ развитіе много общало въ юности. Ознакомленный съ міромъ, онъ сталъ различать добро и зло, и

негодую на своихъ злодѣевъ, предаюсь ревностно урокамъ и наставленіямъ профессора. Уже протекло около шести лѣтъ со дня его втораго появленія на свѣтъ и онъ начиналъ забывать горечь прежней темничной жизни въ сладостномъ сближеніи съ понятіями объ обязанностяхъ человѣка, какъ кинжалъ изверга едва не лишилъ его вторично жизни. Къ счастью, рана была не опасна и онъ скоро оправился. Убійцу не нашли. Лордъ Стенгопъ взялъ несчастнаго подъ свое покровительство, помѣстилъ его въ Ангпахѣ, и готовился отправиться съ нимъ въ Англию. Между-тѣмъ разные толки о странной судьбѣ Гаспара обратили на себя вниманіе городскихъ властей, которыя тайно начали производить розысканія объ этомъ дѣлѣ. Декабря 14, 1833 года, Гаспаръ Гаузеръ встрѣтилъ на улицѣ какого-то незнакомца, который сказалъ ему, что хочетъ вручить ему важные документы, объясняющіе его темную судьбу, и назначилъ свиданье. Довѣрчивый юноша явился къ сроку въ условленное мѣсто; его ожидалъ прежній убійца, и на этотъ разъ ударъ былъ вѣрнѣе. Злодѣй пропалъ безъ вѣсти, а раненный Гаспаръ едва доползъ домой, и сказавъ нѣсколько словъ, умеръ.

Вотъ что извѣстно истиннаго объ Гаспарѣ или Каспарѣ Гаузерѣ. Исторія этого загадочнаго существа, съ его таинственнымъ заключеніемъ, съ его эффектнымъ появленіемъ въ Нюренбергъ и драматическою развязкою, давала полный разгулъ драматургамъ для пьесы эффектной и интересной, и дѣйствительно нѣсколько французскихъ писателей ухватились за этотъ сюжетъ. Намъ извѣстны двѣ драмы изъ жизни Гаспара Гаузера: одна весьма слабая, подъ заглавіемъ «Каспаръ Гаузеръ», въ переводѣ Валберха, была играна и на московской сценѣ, на которой имѣла нѣкоторый успѣхъ, благодаря превосходной игрѣ г. Самарина въ главной роли пьесы, именно въ роли таинственнаго Гаузера; другую мы видѣли въ бенефисѣ Черкасова, подъ заглавіемъ «Идіотъ или Гейльбергское подземелье», и какъ переводъ этой драмы принадлежитъ двумъ молодымъ людямъ, в притомъ не былъ еще игранъ на петербургской сценѣ, то я позволяю себѣ нѣсколько на ней остановиться.

Не заключая въ себѣ большаго достоинства, драма эта принадлежитъ къ числу эффектныхъ и занимательныхъ пьесъ. Постройка ея показываетъ въ авторахъ руку весьма опытную въ сценическомъ дѣлѣ; занимательность пьесы возрастаетъ отъ начала до конца, эффекты хорошо придуманы и искусно приведены, характеры очерчены хорошо, и все это, при орешемъ исполненіи, условливаетъ успѣхъ пьесы.

И дѣйствительно пьеса эта имѣла успѣхъ на московской сценѣ, судя по приему, сдѣланному ей публикой, чему не мало способствовали

ея хорошее исполненіе и хорошая музыка, нарочно для нея аранжированная г. Горшковымъ.

Главная роль, на которой держится вся пьеса, роль идиота, заключенника Гейльбергскаго подземелья, чрезвычайно трудная для исполненія, хотя и благодарная. Отъ артиста, ее исполняющаго, требуется много искусства и труда. Артисту, исполнявшему ее въ Парижѣ, она составила имя, и не мудрено: эта роль какъ бы экзаменъ для актера на амплу молодыхъ людей. Въ ней идиотъ проходитъ чрезъ все фазы, въ которыхъ только можетъ проявляться это амплу. Начинаясь чудовищемъ, не выдавшимъ ни свѣта Божьяго, ни людей, какъ Каспаръ Гаузеръ, она продолжается потомъ мимикою, подобно Энгувильскому нѣмому; далѣе идиотъ является до безумія влюбленнымъ молодымъ человекомъ; въ сильной же сценѣ съ матерью онъ становится лицомъ чисто драматическимъ, и наконецъ, оканчиваетъ свою роль сумасшедшимъ. Не легкаго труда для актера стоить уловить и передать все эти переходы, и къ чести г. Черкасова, занимавшаго эту роль на московской сценѣ, должно сказать, что онъ былъ хорошъ болѣе или менѣе во всехъ разнообразныхъ оттѣнкахъ своей роли. Вообще надобно замѣтить, что этотъ молодой актеръ идетъ примѣтно впередъ. Роль молодого боярина Гвоздева въ «Русской свадьбѣ» и роль идиота—два шага г. Черкасова, не маловажные на его поприщѣ.

Конечно съ величайшею достовѣрностію можно полагать, что роль идиота была бы выполнена еще лучше, еслибы ее занималъ г. Самаринъ, но и г. Черкасовъ выполнилъ ее отчетливо. Только мы посоветовали бы ему быть поживѣе въ движеніяхъ, когда онъ находится въ подземельи, а то медленность всехъ его движеній растягиваетъ эту сцену и дѣлаетъ ее немного утомительною; а въ сильной сценѣ съ матерью, въ предпоследней картинѣ, мы пожелали бы ему больше силы, которой недостаетъ у него для передачи этаго въ высшей степени драматическаго положенія. Но все-таки полная благодарность г. Черкасову за его трудъ надъ этою ролью, трудъ добросовѣстный и увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ. На его одной роли лежала почти вся пьеса, и онъ игрою своею нисколько не уронилъ ее.

Послѣ идиота, главною ролью въ пьесѣ является роль матери его, Вильгельмины Галлеръ, прекрасно исполненная г-жею Львовой-Синецкой.

Г-жа Рыкалова въ роли герцогини Гейльбергъ явилась пожилою женщиною, и несмотря на то, что она въ первый разъ играетъ въ этомъ амплу, была очень хороша.

Роль Атанасіуса по своему исполненію принадлежитъ къ числу лучшихъ ролей г. Дмитревскаго.

Г. Полтавцевъ очень хорошо сыгралъ роль молодого и веселаго артисткрата Фридриха Гельбергъ, и еще лучше пропѣлъ застольную пѣсню въ первомъ актѣ.

Одинъ изъ любимѣйшихъ здѣсь водевилей, а именно «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума», шелъ вслѣдъ за драмою въ бенефисъ Черкасова, и хотя онъ шелъ не въ первый, а чуть-ли не въ пятидесятый разъ, но все-таки смѣшилъ попрежнему публику и вызывалъ громкія рукоплесканія. Надобно замѣтить, что на московской сценѣ онъ прекрасно исполняется.

Такъ какъ на московскомъ Маломъ-театрѣ почти невозможно, по неустройству еще на немъ потребныхъ машинъ, дать, въ настоящее время, цѣлый балетъ; то г. Пѣшковъ, въ бенефисъ свой, бывшій 25 мая, давалъ отрывки изъ двухъ балетовъ, а именно второй актъ изъ балета «Сильфида» и второй-же актъ изъ балета «Сварливая жена».

Роль Сильфиды занимала г. Полна Жене, дочь прекраснаго комика московскаго французскаго театра Поля Жене. Г-жа Жене еще очень молода и не тверда въ танцевальномъ искусствѣ, но въ ней примѣтно дарованіе; изъ нея можетъ выйти современемъ замѣчательная танцовщица, если только она найдетъ хорошаго учителя.

Въ «Сварливой женѣ» роль Вероники занимала г. Тереза Теодоръ и хотя исполняла ее очень хорошо, но принята была холодно. Можетъ-быть воспоминаніе о двухъ любимицахъ московской публики, г-жахъ Санковской и Ирѣ-Матіасъ, которыхъ на московской сценѣ въ настоящее время замѣняетъ г-жа Теодоръ, было причиною такого холоднаго приѣма, котораго г-жа Теодоръ старательнымъ исполненіемъ роли Вероники вовсе не заслуживала.

Кромѣ этихъ двухъ актовъ изъ двухъ балетовъ, въ бенефисъ г. Пѣшкова шли два старые водевиля «Жена или карты» и «Цыганка», въ которыхъ отличалась молодая артистка московскаго театра, г-жа Бороздина.

Главною пьесою въ бенефисъ г. Никифорова, комика съ замѣчательнымъ, хотя и довольно одностороннимъ талантомъ, была драма въ двухъ актахъ съ прологомъ и эпилогомъ, «Пари», соч. кн. К. В. Кугушева, пьеса котораго «Комедія безъ названія», имѣла большой успѣхъ на московской сценѣ нынѣшней зимою, въ бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой. Драма «Пари» не новость для Петербурга. Нѣсколько лѣтъ тому она давалась на петербургской сценѣ не безъ успѣха, а потому распространяться объ ней мы и не будемъ, но у насъ можно было пожелать ей лучшаго исполненія.

Водевилъ «Настроилъ, разстроилъ и устроилъ» смѣшная пьеска, очень

хорошо разыгранная. Въ ней появилась въ первый разъ на сценѣ вторая дочь бенефицианта (старшая его дочь уже нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ играетъ на московской сценѣ). По незначительности роли и по дерзкому ея выходу на сцену, мы не беремся ничего сказать о дебютантѣ.

Последнюю пьесю бенефиса г. Никифорова была старая, но гнѣ на менте королевскій водевиль П. А. Каратыгина: «Чудакъ покойникъ или таинственный ящикъ». Въ немъ роль странствующаго актера игралъ въ первый разъ г. Шумскій. Прежде ее игралъ г. Живокини. Изъ г. Живокини въ этой роли мы не припомнимъ, стало-быть и не можемъ сравнить ее съ игрою г. Шумскаго, а потому, оставявъ въ сторонѣ вся сравненія, скажемъ, что г. Шумскій вывелъ эту роль очень хорошо.

Поговоримъ теперь о явленіи, самомъ замѣчательномъ въ нынѣшней театральной сезонѣ, о комедіи Н. П. Ермолова «Людскіе толки».

Еще до появленія этой пьесы на сценѣ ей предшествовали большіе толки. Нѣтъ еще случая читать ее въ рукописи, отзывались объ ней съ большими похвалами и предсказывали ей огромный успѣхъ, не нѣтъ еще этого случая, но уже много объ ней слышавшіеся, ждали съ нетерпѣніемъ ея появленія на сценѣ. Наконецъ комедія сыграна 2 іюля, въ бенефисъ г-жи Васильевой, и съ нею случилось странное событіе. Несмотря на ея неотъемлемыя, неоспоримыя достоинства, она не имѣла успѣха. Прежде, чѣмъ мы постараемся объяснить это явленіе, расскажем ея содержаніе, и даже сдѣлаемъ изъ нея нѣсколько выписокъ, которыя дадутъ понятіе о пьесѣ болѣе, чѣмъ рассказъ объ ней.

И такъ позвольте васъ пригласить на *soirée sauzante* къ Ивану Ивановичу Азарову (Нѣмчиновъ) и его супругѣ Дарьѣ Дмитриевнѣ (Сабурова). Являйтесь смѣло на этотъ вечеръ, не бойсь нисколько себя компрометтировать, какъ бы вы ни были разборчивы въ отношеніи общества: на этомъ вечерѣ вы будете въ *лучшемъ*, какъ говорится, въ *высшемъ* московскомъ кругу.

Но вы еще незнакомы съ Азаровымъ... ничего. Самъ Иванъ Ивановичъ Азаровъ

Англійскаго клуба

Старинный вѣрный членъ до гроба.

Тамъ онъ играетъ въ копѣчную или такъ называемую дѣтскую игру. Воспоминаніемъ о клубѣ онъ и начинаеть комедію:

Ну-съ! Английскому клубу честь
 И слава: — было что поѣсть.
 Что за уха! съ какими стерлядями!
 Съ печенками! подернута слоями
 Жиру! — и стояла двѣ тысячи рублей,
 И стояла, ей! ей! —
 А какъ подумать: чтобъ мы были
 Безъ клуба? Просто-бъ жили, жили,
 И умерли..... и все зачѣмъ?.....
 Теперь, ну, скучно дома — въ клубъ — играешь;
 Играть не хочешь — такъ встрѣчаешь
 Того—другаго, между-тѣмъ
 И вечеръ пролетаетъ
 Такъ скоро; весело....

Ну, какъ играетъ
 Нашъ Александръ Степанычъ! Просто кладъ.
 Да, съ нимъ играть всегда я радъ:
 Всегдашняя и вѣрная пожива.
 Въ Саратовѣ нѣтъне хуже! Особливо
 Когда онъ горячится! Нынче-бъ—миѣ играть;
 Я пасъ: пусть онъ беретъ. Онъ хватъ
 Скорѣй талонъ — не можетъ удержаться!
 Я будто и не знаю: ни гугу....
 Безъ трехъ въ червахъ! — До-сихъ-поръ не могу
 Наохотаться!

А вотъ и дражайшая половина Ивана Иваныча, почтенная Дарья Дмитриевна.

Они, какъ вамъ уже извѣстно, даютъ сегодня литературный учено-разговорный вечеръ, хотя вечера эти и неслашкомъ нравятся Ивану Иванычу, который высказываетъ явно свое неудовольствіе.

А съ нашими пустыми вечерами
 Мы все въ долгу. Съ долгами
 Какъ намъ раздѣлаться? Живемъ
 Въдѣ въ третьемъ этажѣ, Богъ знаетъ какъ, а домъ
 У насъ отдѣланъ по послѣдней модѣ.
 Нѣтъ, матушка! Живемъ не по породѣ!
 Да скука-то какая, Боже мой!.....

Но Дарья Дмитриевна имѣетъ свои причины дорожить этими вечерами. Только они одни и доставляютъ имъ вѣсь въ обществѣ. Но пусть она говорить сама:

Поди, толкуй съ нимъ — вечера
 Ему не нравятся! А чѣмъ мы взяли?
 Все вечерами. Насъ не знали —
 Теперь гостей не сгонишь со двора;
 У Лизы не бывало жениховъ, —
 Теперь не выберешь, кому дать слово;
 А все отъ нашихъ вечеровъ.

Конечно трудненько

Ученый вечеръ сдѣлать хорошенько,
 Зато приятно; Барсуковъ,
 Петровъ, не говорю ужъ о Петровой —
 Мнѣ говорить о каждой мысли новой,
 О каждомъ новомъ планѣ — а стиховъ
 И не печатаютъ, не показавъ мнѣ прежде,
 Такъ стало-быть и я
 Не изъ послѣднихъ; вѣдь невѣждѣ
 Такіе люди не были-бъ друзья.

Мысль найти своей дочкѣ Лизѣ (Чистякова) хорошую партію, господствующая аггере-репсе въ Дарьѣ Дмитриевнѣ. О, Дарья Дмитриевна примѣрная мать! Она вполне сознаетъ свои обязанности, не даромъ такъ часто повторяетъ она:

Да, дѣтямъ не понять,
 Чтѣ значать добрые отецъ и мать,
 До той поры, пока не будутъ сами
 Отцами или матерями!

И такъ, познакомившись съ хозяевами, мы смѣло явились посмотреть учено-литературно-разговорный вечеръ гг. Азаровыхъ, гдѣ шлетки и карты играютъ первую роль, гдѣ говорятъ обо всемъ, кромѣ литературы, и куда приглашенъ Тесаковъ (*Васильевъ*), известный полькеръ и петербургскій левъ.

Онъ выражается не такъ, чтобы свободно,
 Онъ то-есть, кажется, не мастеръ говорить.

Да какъ его не пригласить?
Онъ полькируетъ превосходно,

говорить о немъ Иванъ Ивановичъ Азаровъ, и когда ему замѣчаютъ, что здѣсь не балъ, а *soirée saillante*, вмѣсто всякаго другаго отвѣта, онъ повторяетъ:

Онъ полькируетъ превосходно.

Зато на разговорномъ вечерѣ Тесаковъ ведетъ себя прекрасно: онъ только кланяется и улыбается. Впрочемъ, дѣвцы отъ него безъ ума. Онъ говоритъ, что

Только съ нимъ однимъ
И можно танцовать.

И притомъ ему можно все повѣрить: «*Il est discret*», какъ говорить онъ. Но познакомимся съ другими гостями этого вечера.

Воѣ добродѣтельная и благотворительная дама, графиня Ларина (Львова-Синецкая). Добродѣтель для нея выше всего. Первая фраза, которую говоритъ она при входѣ въ гостиную Азаровыхъ, это о бѣдныхъ.

Поль-Москвы

Объѣдла — визиты отдавала
И тутъ же кстатѣ бѣдныхъ отыскала.
Какіе жалкіе! почти на чердакъ!
Въ промерзшемъ, грязномъ уголкѣ!
Три дня не ѣли! Имъ дала я
Хорошихъ книгъ.

И за нравственностію смотритъ она прекрасно: у ней есть дочь (Колпакова), она заботится о ея воспитаніи, о ея нравственности, даже во всѣхъ книгахъ у нея она перемѣнила *amoug* на *tamoug*.

Вслѣдъ за графиней Лариною пріѣзжаетъ литераторъ Петровъ (Турчаниновъ), который занимается всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ литературы, и который между тѣмъ принять въ обществѣ только потому, что онъ литераторъ.

Онъ пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ своею женою *Кунинундой Карловной* Петровой (Сабурова 2), тоже писательницей, которая не пропуститъ случая, чтобъ не написать стиховъ, а главное не откажетъ себѣ въ

удовольствию прочесть их другимъ, потому-что Богъ одарилъ ее способностью писать звучные стихи (не заботясь впрочемъ о мысли) на какомъ бы то ни языкѣ было. Она твердо увѣрена, что она знаменитость, равно, какъ и мужъ ея, и на просьбу прочитать что-нибудь на этомъ вечерѣ, когда Дарья Дмитриевна говоритъ ей:

Скажите наизусть,
Пожалуйста! Теперь вѣдь стало
Поэтовъ истинныхъ у насъ такъ мало.

Она скромно отвѣчаетъ:

Да, право, нечего сказать,
Я перестала ужъ почти совсѣмъ писать,
Я излѣнилась.

ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Намъ хоть повемножку
Хорошаго!

ПЕТРОВА.

Ну такъ и быть начну.

ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. *(Звонитъ, входитъ лакей).*

Подать воды, и сахару, и ложку!

ПЕТРОВА.

Стихи скажу я про одну
Прогулку, бывшую во-время бала
Въ саду, въ Италіи. Я написала
Ихъ по-нѣмецки, тамъ по-англійски, потомъ
По-русски сдѣлала, какъ знала; не взыщите.

ДАРЬЯ ДМИТРЕВНА.

Ахъ, Кунигунда Карловна, скажите,
Вы такъ владѣете стихомъ!

(Лакей приноситъ сахарную воду. Въ садъ идетъ около Петровой, которая сильно декламируетъ вздоръ, размахивая руками).

Кстати объ литераторахъ и ученыхъ. Здѣсь на вечерѣ есть три личности, съ которыми тоже стоить познакомиться. Это Ускоковъ (Ольгинъ), Гадаевъ (Дмитревскій) и Барсуковъ (Колосовъ). Все эти три лица очерчены прекрасно авторомъ комедіи.

Ускоковъ — отчаянный славянофилъ. Онъ является на вечерѣ съ огромною бородою, въ славянофильскомъ охабнѣ и съ шапкой мурмошкой. Онъ твердо увѣренъ, что въ старинной, до-петровской жизни нѣсть спасенія; онъ врагъ всехъ нововведеній, и когда случилась скандальная исторія, когда дѣло идетъ о нарушеніи чести семейства, онъ прямо говоритъ:

А какъ хотите,
Я знаю вамъ мои слова
Смѣшны; но вашему все это вздоры;
Тиранство. Такъ. А нравственность ничто?

БАРСУКОВЪ

А мужъ-то что. Онъ, говорятъ, все знаетъ;

УСКОКОВЪ

Жоржъ Сандъ не это допускаетъ.

Барсуковъ, одѣтый въ славянофильскую венгерку, съ французской бородкой, не имѣетъ, кажется, никакого постоянного мнѣнія; онъ готовъ спорить со всеми и обо всемъ. Сію минуту онъ утверждаетъ:

Все славяне:
И въ Англии и въ Индостанѣ.

А на вопросъ

Славяне въ Англии?

Онъ отвѣчаетъ прямо

Какъ будто я не знаю,
Да что жъ намъ этого? Вѣдь это споръ,
Лишь западниковъ сбить, а прочее все вздоръ
Вѣдь западниковъ я не уважаю,
А спорю такъ—безъ спора что за разговоръ!

Въ Гадаевѣ есть одно непоколебимое убѣжденіе, что онъ самъ человѣкъ необыкновенный, что онъ знаменитость, и это онъ готовъ высказать каждому. Онъ убѣжденъ, что онъ и знаменитый ученый, и знаменитый дилецъ. Не даромъ же онъ любитъ такъ часто въ разговорѣ ставить себя на ряду съ великими людьми.

Говорили

О Пушкинѣ—ну, вотъ и обступили
 Меня—вы знаете, я съ Пушкинымъ былъ другъ,
 Да до чего! Какъ что—нибудь напишетъ,
 Скорѣй ко мнѣ: читаю, онъ сидитъ, чуть дышетъ,
 Рѣшенья ждетъ, и если вдругъ
 Скажу не хорошо!—Онъ сочиненье,
 Бросаетъ.—Вѣрилъ онъ въ мое сужденье.

Или въ другомъ мѣстѣ:

Я помню, говорилъ мнѣ Талейранъ...
 Во-время Вѣнскаго Конгресса мы нерѣдко
 Видались съ нимъ. Его любилъ я разговоръ:
 Онъ говорилъ такъ ѣдко,
 Отвѣтъ его всегда былъ скоръ....
 Мы съ нимъ сошлись....

Но кто эти двѣ молодыя дамы, которыя на вечерѣ почти все вѣстѣ.

Одна Княгиня Двинова (Воронова), дама свѣтская, кокетка, львица, старающаяся быть злымъ языкомъ, другая ея подруга Боброва (Ольгина), которая набрала ее своимъ образцемъ во всемъ, а между-тѣмъ на каждомъ шагѣ насмѣхается надъ нею.

И такъ мы знакомы почти со всѣмъ обществомъ вечера г.г. Азро-выхъ. Но какая пустота вся бесѣда этаго общества! не даромъ же они сами говорятъ:

У насъ вѣтъ цѣли

Въ визитахъ, вечерахъ—мы чуть
 Не дремлемъ въ обществѣ.... А наши разговоры
 Почти всегда выходятъ сплетни, вздоры.
 А право насъ нельзя зато бранить,
 Что можемъ насъ занять?

ГАДАВЪ.

Вы правы, что же
У насъ на общій интересъ похоже?

КНЯГИНЯ ДВИНОВА.

А что нибудь да надо говорить....

Да, пустота страшная; они начнутъ разговоръ и не кончатъ, и это не только между пожилыми лицами этого общества, но послушайте разговоръ молодыхъ дѣвушекъ, напр. хоть Лизы, дочери Азаровыхъ, съ дочерью графини Лариной, тоже самое!

А сегодня еще общество оживлено; въ немъ является новое лицо, это Бѣльскій (Шумскій), только что пріѣхавшій изъ-за границы. Но кто же этотъ Бѣльскій?

Человѣкъ такой же, какъ и всѣ, нисколько не лучше, не хуже другихъ. Побудь онъ нѣсколько времени въ этомъ обществѣ, и онъ непримѣтно изчезъ бы подъ общимъ уровнемъ; но онъ только-что пріѣхалъ изъ-за границы, онъ новое лицо въ московскомъ обществѣ, и притомъ у него

Пять тысячъ душъ

Въ Саратовѣ, не заложенныхъ,
Да въ Петербургѣ домъ. Къ тому-жъ
Двѣ тетушки, и кромѣ Бѣльскаго, законныхъ
Наслѣдниковъ имъ нѣтъ.

Онъ новое лицо, — и на него въ эту минуту обращено все вниманіе общества. Азарова, эта нѣжная маменька, ловить его въ женихи своей Лизѣ; графиня Ларина, эта благотворительная дама, въ агенты своего благотворительнаго общества; славянофилы тащатъ его къ себѣ, западники къ себѣ; Княгиня Двинова мечтаетъ сдѣлать его своимъ поклонникомъ, зоветъ къ себѣ, при чемъ Боброва замѣчаетъ:

Смотрите, партію готовить мужу...

хотя, въ свою очередь, сама живо интересуется знакомствомъ Бѣльскаго. Однимъ-словомъ, всѣ заняты Бѣльскимъ, какъ новостію, о которой можно хоть поговорить, имъ, которымъ говорить рѣшительно не о чемъ: дѣла у всего этого общества нѣтъ никакого, то-есть, они ничего не дѣлаютъ и не хотятъ дѣлать, хотя бы и можно было имъ много въ своей

жизни найти себя, не только дѣла, но даже труда, и труда не легкаго; поэтому они всѣ рады Бѣльскому, который можетъ хоть на нѣсколько времени занять ихъ праздную скуку.

Но вотъ является и Бѣльскій на вечерѣ Азаровыхъ, и съ перваго же явленія вооружаетъ противъ себя все общество, разрушивъ всѣ его виды на себя. Онъ не женится на Лизѣ, не идетъ въ агенты благотворительной дамы, не дѣлается ни славянофиломъ, ни западникомъ, ни поклонникомъ Двиновой или Бобровой, — и все общество недоволено имъ.

Но скучно становится и Бѣльскому въ этомъ обществѣ, не потому, чтобы его тяготила пустота общества, не потому, чтобы Бѣльскій былъ чертъ-чуръ выше всего, — нѣтъ, какъ мы уже сказали, побудь Бѣльскій побольше въ этомъ обществѣ, и онъ бы слѣлся съ нимъ; но теперь вотъ какъ онъ высказываетъ впечатлѣнiе, сдѣланное на него этимъ обществомъ:

Господи, какъ мнѣ здѣсь скучно!

И разговоръ не клеится, и душно...

Я скажу одно,

И вы тотчасъ поймете

На что я жалуясь. Въ Москвѣ

Всего-то я недѣли двѣ,

И въ свѣтъ попалъ не по охотѣ;

Я никого почти не знаю — можетъ-быть

Всѣ здѣсь и очень милы — что же?

Я ихъ не знаю, что имъ говорить?

И Бѣльскій Богъ знаетъ какъ былъ радъ, когда на этотъ вечеръ пріѣхала его старинная знакомая, княгиня Вельшина (Рыкалова). Онъ забылъ все общество, и почти все время провелъ въ разговорѣ съ нею. Да и притомъ имъ было о чемъ говорить: Вельшина — кузина невесты Бѣльскаго (мы забыли сказать, что Бѣльскій женится, но общество Азаровыхъ ничего не знаетъ объ этомъ); они старые знакомые, у нихъ много предметовъ для разговоръ, но всѣмъ этимъ недоволено общество, обманувшееся въ своихъ видахъ, и какъ бы за пренебреженiе къ себѣ мстятъ Бѣльскому, и мстятъ по своему: составляется сплетня, по случаю которой даже молчаливый Тесаковъ разговорился. Сплетня состоитъ въ томъ, что Бѣльскій въ интригѣ съ Вельшиной, и ко второму акту комедii эта сплетня возрастаетъ уже до гигантскихъ размѣровъ.

По этой сплетнѣ, у Бѣльскаго съ Вельшиной есть уже дѣти, изъ которыхъ старшiй родился еще до свадьбы Вельшиной.

Во второмъ дѣйствіи авторъ вводитъ насъ въ домъ Павла Павловича Гарина (Садовскій), чловѣка весьма порядочнаго, на дочери котораго Машѣ (Сасильева) женится Бѣльскій. Отправимся къ Павлу Павловичу, у него же кстати сегодня пріемный день. Тамъ у него мы встрѣтимъ всѣхъ старыхъ знакомыхъ, съ которыми сошлись у Азаровыхъ; и еще у Павла Павловича мы увидимъ князя Свинецына (Степановъ), вельможу, предъ которымъ падаетъ во прагъ все это общество.

Подслушаемъ монологъ Бѣльскаго, пріѣхавшаго раньше, чтобъ еще до гостей повидаться съ своею невѣстою, и сцену его свиданія съ нею, сцену, очень натуральную и — рѣдкость въ подобныхъ сценахъ, — не приторно-сладкую отъ вѣжностей. Вотъ этотъ монологъ и сцена:

БѢЛЬСКІЙ ОДИНЪ

Позднилъ по свѣту довольно,
 Пора заняться дѣломъ. Ну, женюсь,
 Остепенюсь
 Какъ говорится, поелужу. Невольно,
 Въ извѣстную эпоху жизни, намъ
 Фланёрство надобѣсть—вѣдь мы не то, что наши
 Отцы, живемъ не по годамъ,
 По мѣсяцамъ—старѣемъ раньше.—(Встаетъ)

Что же Маша

Здѣсь нѣтъ? Сама велѣла мнѣ
 Пріѣхать раньше. (Садится) По веснѣ
 Оставлю Петербургъ и проживу все лѣто
 Въ деревнѣ.... мнѣ же новр это.
 Мы съ Машей проживемъ и безъ затѣй:
 Я безъ охотниковъ—а Мама безъ гостей,
 Шутовъ провинціальныхъ. Станемъ мы съ женою
 Читать, хозяйничать. Въ крестьянскій бытъ
 Я вникну, чтобъ каждый былъ и сытъ,
 И хорошо одѣтъ, и грамотенъ; устрою
 Я школу, непременно школу. Мнѣ
 Нельзя жъ все время отдавать женѣ.
 И лучше—счастіе прочтѣе. Какъ бывало,
 Нельзя ужъ мнѣ заглядываться на луну,
 Не вѣрю я въ существованье идеала
 Любви. Да тоже не могу жему
 Я называть бибидкой, дущкой

(Ходитъ по комнатѣ)

Эй!

Голосъ изъ-за сцены

Сейчасъ-съ.

ВЪЛЬСКІЙ

Ну что жъ!

Голосъ изъ-за сцены

Сейчасъ-съ.

ВЪЛЬСКІЙНу поскорѣй! (*Входитъ лакей*)

Что жъ Марья Павловна?

Ей доложили,

Что я пріѣхалъ?

ЛАКЕЙ

Да-съ

ВЪЛЬСКІЙ

Вели опять сказать,

Что я пріѣхалъ раньше, чѣмъ просили.

(Лакей выходитъ; Вѣльскій ходитъ и напѣваетъ)

La fortune

Importune

M'apparaît

Sans attrait!

*(Входитъ Маша).***МАША**

Bonjour. Ты ждалъ меня, Владиміръ?

ВЪЛЬСКІЙ

Ждалъ

Давно. Вѣдь я вчера сказалъ,

Что ты проспишь. Ну того не держала

Пари, а то бы проиграла. (*Нѣсколько минутъ молчанія*)

МАША

Владимиръ, ты не сердисься?

ВЪЛЪСКИЙ

За что?

МАША

Что долго ждалъ

ВЪЛЪСКИЙ

Ты шутишь, что за дѣло.

МАША

А я спѣшила, видишь, не успѣла
Получше причесаться.....

ВЪЛЪСКИЙ.

А я тутъ дѣлалъ планы въ ожиданьи;
Попробуй отгадать ихъ.

МАША.

Не могу.

Ты лучше расскажи.

ВЪЛЪСКИЙ.

Я думалъ, какъ весною
Съ тобою
Поведемъ мы въ деревню — будемъ жить
Тихонько, по помѣщичьи

МАША.

Я рада
Деревню я люблю, — изъ сада
Не буду выходить.
Въ деревнѣ хоть на вѣкъ готова я остаться.
Тамъ есть рѣка?

ВЪЛЪСКИЙ.

Большая.

МАША.

Мы кататься

На лодкѣ будемъ, ночью, при лунѣ,
 Ты любишь ночь? Но мнѣ, такъ ночью веселье.
 Не вѣрю привидѣньямъ даже и во снѣ,
 А ночью поневолѣ все страшнѣе
 И тишина такая.... Чудо!

БѢЛЬСКІЙ.

Я

Готовъ гулять всю ночь:
 Да это страсть моя!
 Любить прекрасное такъ естественно
 И ночью замечаешься, печально....
 Становится....

Приходъ Павла Павлыча прерываетъ бесѣду.

Свадьба БѢльскаго съ Машею совсѣмъ уже слажена, и даже въ тотъ же день Павелъ Павловичъ хотѣлъ объявить объ ней своимъ знакомымъ. Кстати у него сегодня пріемный день и они являются всѣ къ нему налицо. Азаровы, графиня Ларина, княгиня Двинова, Боброва, Петровы, Барсуковъ, Гадаевъ, Ускоковъ, Тесаковъ, и даже самъ князь Снинцынъ изволилъ пожаловать. А между-тѣмъ сплетня о БѢльскомъ съ Вельшиной переходитъ изъ устъ въ уста, и все растетъ болѣе и болѣе. Графиня Ларина, какъ дама строго нравственная, не взяла даже съ собою дочери, боясь встрѣчи съ Вельшиной. Петрова уже написала стихи на эту связь, (черта, вѣрно сѣваченная изъ московской жизни, гдѣ никакое подобное событіе, надѣлавшее шуму, не можетъ пройти, не вызвавъ на себя стиховъ, которые переходятъ изъ рукъ въ руки), всѣ гости перешептываются между собою, но толки свои скрываютъ отъ Павла Павловича, не потому, что БѢльскій женихъ Машы, этого еще не знаютъ, но потому, что Вельшина племянница Павла Павловича. Но намѣни, двусмысленности, нѣсколько подслушанныхъ словъ, въ которыхъ какъ-то странно перештаны имена БѢльскаго и Вельшиной, вообще молчаніе, когда онъ хотѣлъ спросить объясненія всѣхъ этихъ толковъ, заставляють прямо придумать Павла Павловича и начинаютъ сильно его беспокоить. Напрасно онъ ищетъ объясненія, всѣ молчатъ; только одинъ князь Снинцынъ выводитъ его изъ недоумія. Князь передаетъ ему сплетню, но передаетъ ее не

какъ сплетню, а какъ непреложную истину, и его слова какъ громъ поражаютъ старика.

Павелъ Павловичъ рѣшается отказать Бѣльскому, но какъ это сдѣлать? Онъ предоставилъ Машѣ выборъ жениха, она выбрала Бѣльскаго, онъ одобрилъ этотъ выборъ, и теперь, какъ уговорить дочь отказать Бѣльскому, даже не объясняя ей причины этого отказа, потому что какъ же объяснить ей такую причину.

Сцена отца съ дочерью, по моему мнѣнію — лучшая сцена въ комедіи и я прошу позволенія выписать ее цѣликомъ:

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (*выходитъ изъ кабинета и садится въ кресло; онъ очень разстроенъ. Маша, которую онъ не замѣтилъ, оставаясь, вается у двери*).

Не вѣрять! Ясно! Есть свидѣтели, ихъ много,
 Все шито, крыто! и нельзя никакъ,
 И неприлично объяснить ей. Просто, такъ
 Велѣть ей отказать, ужъ это слишкомъ строго,
 И Маша не привыкла. До чего
 Я дожилъ. И молчалъ еще! Вотъ жизнь—то наша!
 Ну, ждалъ-ли я.—Какъ придетъ Маша!
 На все она готова для него. —
 Онъ увезетъ... нѣтъ это слишкомъ дерзко. —
 А какъ узнать?.. Онъ поступилъ такъ мерзко,
 На все рѣшится. Не возьму я въ толкъ,
 Что дѣлать мнѣ... все снудалось... Рѣшиться
 Необходимо и мой долгъ
 За дочь свою вступиться,
 Въдѣ труденъ первый шагъ, а тамъ дамъ балъ,
 Забудеть... явится другой—она богата.
 А если не захочетъ, что тогда-то?
 Нехорошо я Машу воспиталъ;
 Вадорь—новое, пустое воспитанье
 Держать-бы въ страхѣ Божьемъ....
 Танцованье,
 Немножко по-французски и довольно.—Вотъ
 Идай-то новыхъ плодъ.

Боюсь я дочери сказать два слова;
 А кто же виновать? Повелъ ужъ такъ,
 Хотѣлъ добра ей, самъ попалъ въ просакъ.
 Однакожъ не просить другаго
 Съ ней объясняться.

Кто бы ожидалъ?..

Нельзя не вѣрить, князь вѣдь никогда не лгалъ,
 И знаетъ не одинъ онъ, всѣ—прекрасно!
 А давеча записка—это ясно (*Читаетъ*).

«Вы смѣялись надъ моимъ встревоженнымъ состояніемъ, что же дѣлать? Это впрочемъ естественно. Вы больше, нежели кто-нибудь, поймете почему...»

Улика налицо...

Нѣтъ, надобно рѣшиться. Что-же
 Позднѣе, равнѣе, все-равно, о Боже!
 А молодца я не пушу и на крыльцо;
 Велю сейчасъ же. А какъ живо
 Я представлялъ себѣ ихъ счастье! Особливо
 Тамъ, черезъ годъ, малютка, маленькій, его
 Назвали—бъ въ честь меня. Съ дѣтьми своими
 До моего конца я прожилъ-бы, я съ ними
 Дѣтей бы нянчилъ. Я люблю дѣтей.
 Такія ножки маленькія, ручки,
 Такое множество затѣй.
 Я баловалъ-бы ихъ... Ну, вотъ тебѣ и внучки!
 Тамъ что ни говори, а горько, нѣтъ
 Ужасно горько, и подѣ старость лѣтъ.

МАША (*видя, что онъ плачетъ, подходитъ къ нему*).

Папа, ты плачешь, отчего тебѣ такъ грустно?

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Ты здѣсь?.. Я плачу, да и есть обѣ чемъ.
 Съ тобой, мой милый другъ, вдвоемъ
 Обмануты, да какъ еще искусно!
 Нельзя было подозрѣвать.

(*Послѣ некотораго молчанія*)

Ты помнишь Маша, когда мать
 Твоя, покойница, кончалась, ей клялся я
 Тебѣ оставить выборъ жениха, одно
 Себѣ, однакожъ, право оставляя:
 Тебя отговорить... такъ видно суждено,
 Должно-быть, я предчувствовалъ. Я не напрасно
 Тебя любилъ и воспиталъ прекрасно,
 Любовью ты отплатишь за любовь.
 Пришла минута... я мою узнаю кровь...
 Что жъ ты молчишь?

МАША.

Я ничего не понимаю.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Да такъ; и нелегко мой другъ понять.
 Я старъ и опытенъ, а увѣряю,
 И я не могъ-бы ожидать,
 Не то, что ты. Ужасно.

МАША.

Что-жъ такое?

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Сказать не долженъ я, да и не хватитъ силъ.

МАША.

Скажи скорѣй, не мучь же вдвое.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (*останавливаясь на каж-
 домъ словѣ*).

Ты знаешь... какъ я Бѣльскаго любилъ,
 Былъ сватьбѣ радъ... и выборомъ доволенъ...
 Теперь....

МАША.

Теперь... Онъ... Что съ нимъ?.. Онъ не боленъ?..
 Бываетъ вродь...

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Нѣтъ, онъ здоровъ.

Ему что? горе-то не съ нимъ, а съ нами. *(Она что-то хочетъ сказать, онъ знаками останавливаетъ ее).*

Да впрочемъ что мнѣ говорить обняками;

Я все скажу, хоть горько, я готовъ.

Хотѣлъ я приготовить осторожно,

Но ты умна, не промѣняешь ты отца

На перваго гуляку и глушца *(Послѣ некотораго молчанія, рѣшительно).*

Послушай, Маша, свадьба невозможна. *(Помляче).*

Брось Бѣльскаго.

МАША.

Владимира? *(Рѣшительно).* Нѣтъ, никогда!

И не просите.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ *(съ сердцемъ).*

Какъ? Да я просить не стану.

Я просто откажу.

МАША.

Тогда...

(У ней кружится голова, она удерживается за спинку кресель).

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ *(испуганнымъ голосомъ).*

Сядь, Маша.

МАША *(вдругъ оправляется, подходить къ нему твердо):*

Нѣтъ. Такъ вы меня

До нынѣшняго дня

Увѣряли? «Выберешь сама». Прекрасно!

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ *(все миче и миче).*

Ахъ, Боже мой, вотъ до чего я дожилъ!

Неужь-то я тебя напрасно-бы тревожилъ?

Вѣдь и его любилъ я, и его
 Я поберегъ бы, въ наши гѣта
 Ужъ думаютъ.... не даромъ же моя печаль
 Неужь-то думаешь, что мнѣ тебя не жаль!
 Поплачь немножко, а ему карета!
 Не это забываютъ... Такъ-ли?

МАША.

Нѣтъ, мама,

Вѣдь я не дура,
 Скажи причины,
 Обсудимъ вмѣстѣ.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Не могу и половины
 Сказать. Повѣрь тому, что говоритъ отецъ,
 Вѣдь всякій знаетъ—я не лжець,
 Тебѣ давно не солгу я.

МАША.

Такъ не могу рѣшиться я.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Не я одинъ, все знаютъ. Вотъ и князь
 Мнѣ говорилъ. Давно подозрѣвали
 Одну исторію дурную, а вчерась
 Навѣрное узнали.
 Одно вчерашнее ужъ убѣдить могло,
 Еще есть доказательство... а слухи!
 Нѣтъ, онъ наглець!

МАША (вздрагиваетъ при послѣднемъ словѣ).

Сойдутся двѣ старухи,

Наврутъ—за ними и другіе, и пошле...
 Не думаютъ, что этими словами
 Они чернятъ и губятъ, тончутъ въ грязь,
 Имъ что? Считаютъ ихъ судьями,
 Онѣ рѣшаютъ. А вашъ князь
 Недальновидный тоже судить?

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (съ сердцемъ).

Что?

МАША.

Пустите,

Я все скажу вамъ: оттого,
 Что всѣ напали на него,
 Что онъ несчастливъ, вы хотите,
 Чтобы и я... Нѣтъ, не могу,
 Божусь вамъ, какъ не стерегите.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Такъ! ну вотъ!
 Вотъ новыхъ воспитаній плодъ!
 Не угляжу... вѣдь это и не ново!
 Нѣтъ, матушка не знала ты меня!
 Посмотримъ мы, чья перетянетъ.
 Меня дѣвчонка не обманетъ!
 Шалите! Съ нынѣшняго дня
 Мы собираемся въ деревню, тамъ на волѣ
 Ты можешь объ своей печальной плакать долѣ...
 Скажу процессъ, скажу, что ты больна,
 Что воздухъ нуженъ—мало-ль что? не знаю...
 Куплю борзыхъ большую стаю,
 И не соскучуся. А ты вольна,
 Голубушка, вздыхать, писать тетради бредней
 И ждать, какъ праздника, со станціи соседней
 Смотрителя, чтобъ душу отвести!
 А, Марья Павловна, вы умницы, всѣ глузы
 И князь Синицынъ не въ чести,
 Вамъ съ фраками не жить, посмотришь на тулупы.
 Чтобъ я остановить не могъ!
 Посмотримъ, познакомимся поближе,
 Я долго ужъ терпѣлъ, согну въ бараній рогъ,
 И будешь тише ты воды и ниже
 Травы! Со мною не шути!
 Ты просто не бойшься Бога,
 Не знаешь заповѣдей. Строго

Предписано къ родителямъ почтенье: «Чти
Отца и мать», и ты почтила!
Да что и толковать, не въ этомъ сила,
Одумаешься послѣ, а теперь
Пошла къ себѣ на верхъ и дверь
Я самъ запру. Не ожидалъ! убилъ!
По-крайней-мѣрѣ десять лѣтъ
Изъ жизни вонъ. Пріятная могила
Изъ-за кого! И то сказать, предметъ
Любви вы выбрали прелестный:
Мерзавецъ, человѣкъ безчестный!

Отецъ оканчиваетъ наставленія тѣмъ, что прежде смерти его онъ не дастъ позволенія на постыдный бракъ.

(Маша во все время, пока онъ говорилъ, дрожала вслѣдъ тѣломъ; она падаетъ безъ чувствъ на полъ; въ залъ слышнень смѣхъ).

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Боже мой! *(Бѣжитъ къ двери передней)*. Кто тутъ?
Скорѣе *(входятъ нѣсколько лакеевъ)*. Ради Бога поскорѣе
Воды, съ ней дурно *(Одинъ изъ людей бѣжитъ за водою,
прочіе пособляютъ ему положить Машу на диванъ)*.
Что-жь такъ долго не несутъ.

*(Вся уходитъ, онъ остается одинъ подлѣ Маши
и обмахиваетъ ее платкомъ).*

Ей Фекла, Марья, Катерина...

Она умереть... и я убилъ...

И такъ счастье семейства рушено, Маша и Павелъ Павловичъ убиты, Вельшина опозорена, Бѣльскому отказано отъ дома Гариныхъ, и въ добавокъ онъ получаетъ вызовъ отъ мужа Вельшиной, они дерутся, а между-тѣмъ общество забавляется чтеніемъ стиховъ на связь Вельшиной съ Бѣльскимъ.

Къ концу пьесы, когда между-тѣмъ общество вполнѣ разубѣдилось въ своей сплетнѣ, когда оно вполнѣ увѣрилось, что

Всѣ слухи вышли вздоры,

вбѣгаетъ Тесаковъ—онъ былъ секундантомъ Бѣльскаго,— и объявляетъ, что Бѣльскій раненъ

Даже и опасно,
Едвадь переживетъ — подъ сердце...

И всѣ эти люди, такъ безсознательно убившіе нѣсколько людей морально и даже одного физически своими безцѣльными сплетнями, своимъ пустословіемъ, начинаютъ упрекать другъ-друга, но потомъ какъ-будто находятъ себѣ оправданіе и даже успокоеніе въ словахъ княгини Двиновой:

Точно этого хотѣли!
Мы всѣ жалѣемъ. Говорили мы безъ всякой цѣли
А такъ... Вѣдь что-нибудь да надо говорить.

Въ разсказѣ нашемъ, несмотря даже на сдѣланныя выписки, мы не могли передать всѣхъ замѣчательныхъ подробностей этой комедіи, наименѣе къ несчастію, не ведѣвъ удачными стихами, мѣстами безъ соблюденія даже цезуры.

Мысль комедіи Ермолова, если хотите, не новая. У Шеридана въ его «Школѣ злословія» она почти та же, но въ комедіи Ермолова она выведена иначе. У Шеридана сплетня основывается все-таки на фактѣ, на интригѣ, дѣйствительно существующей, у Ермолова она вырастаетъ рѣшительно безъ всякаго основанія, и даже не изъ злости, а только изъ пустоты жизни, изъ отсутствія дѣятельности, интересовъ, изъ праздности, изъ недостатка предметовъ для разговора, изъ страсти пустословить, а главное изъ того, что

Вѣдь что-нибудь да надо говорить!

Пустота общества, составляющаго эту сплетню, отсутствіе въ немъ всякой дѣятельности и даже жизни, безцѣльность и безсознательность его разговоровъ и страсть отдѣлаться отъ всего однимъ бесполезнымъ болтовнею — прекрасно выражены Ермоловымъ въ его комедіи, въ различныхъ представителяхъ этого общества. Пустословить и литераторъ, ничего не пишущій, пустословить и славянофилъ, и западникъ, и свѣтская молодая дама, и дама нравственная, и важный господинъ, пустословить почти всѣ, болтаютъ безъ цѣли, безъ пользы, не давая себѣ отчета и даже не думая, что иногда пустая болтовня можетъ убить человѣка, погубить счастье семейства. Чтобъ олицетворить разные виды этой пустоты и истекающей изъ нея и изъ праздности страсти пустословить, въ замѣнъ всякой полезной дѣятельности, автору требовалось большее число дѣйствующихъ лицъ. Чтобъ выразить всю полноту взятой мысли, чтобъ въ разныхъ видахъ ея изобразить всю пустоту об-

щества, автору надобно было взять различныхъ представителей этого общества, и вывести на сцену и ученаго, проводящаго свое время въ безболезненныхъ спорахъ, и важное лицо, съ удовольствіемъ и любопытствомъ слушающее вздорные стипшонки о Вельшинѣ и Бѣльскомъ, въ то время, какъ разскажетъ его убійца отца семейства; и благотворительную даму, дающую «хорошія книги», вмѣсто хлѣба, бѣднымъ, три дни неѣвшимъ. Всѣ лица комедіи, по нашему мнѣнію, необходимы для полноты выраженія ея мысли, и тѣ, которые находятъ, что у автора нѣкоторыя изъ этихъ лицъ совершенно лишнія, не вникаютъ въ основную мысль пьесы. Мы старались показать, какъ авторъ очертилъ выведенныя имъ лица; теперь прибавимъ, что почти всѣ они выдержаны сначала до конца вѣрно и хорошо, развѣ за исключеніемъ одного только князя Вельшина, въ которомъ авторъ хотѣлъ выразить, какую власть надъ человѣкомъ хорошимъ, умнымъ и даже съ характеромъ могутъ имѣть людскіе толки. Князь Вельшинъ не вѣритъ связи своей жены съ Бѣльскимъ, а между-тѣмъ онъ убиваетъ его на дуэли, боясь, чтобъ свѣтъ не сталъ осуждать его за то, что мужъ промолчалъ, слыша такія вещи о своей женѣ. Это лицо у автора вышло неестественно.

Несмотря на все это, комедія не имѣла успѣха. Какая была этому причина?

Причина, по нашему мнѣнію, преимущественно заключается въ самой тонкости чертъ, какими написана комедія. Пьесу эту можно сравнить съ хорошо нарисованной картиной самыми мелкими штрихами. Картина прекрасна, но сцена, и притомъ сцена современная, имѣетъ свои условія: для сцены нужна не картина, а декорация, не мелкая живопись, а размахистое, бросающееся въ глаза декоративное искусство. Сцена требуетъ своего рода *преувеличенія*; сценическое правдоподобіе и естественность условны.

Вообще надо замѣтить, что въ пьесахъ этой нѣтъ такъ-называемыхъ эффектовъ, что немало вредитъ ей на сценѣ. Хорошо придуманный, выведенный и вытекающій изъ самаго дѣйствія, естественный, а не напущенный эффектъ на сценѣ дѣло немаловажное для успѣха пьесы; надо только, чтобъ не было злоупотребленія эффектовъ, какъ у французскихъ мелодраматурговъ, у которыхъ цѣлыя пьесы составлены только изъ однихъ трескучихъ эффектовъ.

Отдѣлка пьесы, хотя и довольно изящна, но через-чуръ мелка и наполняетъ отдѣлку пьесъ Мюссе; но изъ нихъ на сценѣ имѣютъ успѣхъ только его небольшія пьески, и притомъ для успѣха ихъ, необходимы такіе исполнители, какъ гг. Алланъ, Плесси, Брессанъ, Бертонъ. Маленькія пьесы Альфреда де-Мюссе могли еще найти такихъ исполнителей, ко-

торые были въ состояніи передать всю тонкость разговора этихъ пьесъ, потому—что каждая изъ нихъ требовала для своего исполненія по большей части не болѣе, какъ *двухъ* исполнителей, а г. Ермолову было слишкомъ трудно, если не вовсе невозможно найти для своей комедіи *восемнадцать* такихъ исполнителей, по числу его дѣйствующихъ лицъ. Въ пьесахъ, написанныхъ такимъ—образомъ, каждая фраза для того, чтобы произвестъ эффектъ, должна быть передана актеромъ въ совершенствѣ, а комедія Ермолова на нашей сценѣ была исполнена старательно, но не болѣе.

Соль комедіи Ермолова довольно мелка, это не Грибоедовская соль въ его «Горе отъ ума», а потому на сценѣ она едва могла щекотать нервы самыхъ внимательныхъ слушателей. Притомъ публика отъ комедіи ждала смѣшнаго, а этого Ермоловъ не далъ, и даже почти не могъ дать, потому—что смѣшить по большей части наружность, а наружность избраннаго Ермоловымъ для комедіи общества не можетъ смѣшить. Въ комедіи Ермолова выведенъ такъ—называемый *bon-ton*, а онъ выработалъ до совершенства, до изящества, свою щегольскую, привлекательную, изящную наружность. Юморъ надъ этимъ обществомъ у Ермолова слишкомъ тонкій, и эта тонкость и повредила комедіи, потому—что на сценѣ онъ вышелъ едва замѣтенъ, несмотря на весь его умъ и остроуту. Драматическая же часть пьесы мало трогаетъ зрителя, который не видитъ самой эффектной драмы, какъ—напримѣръ отчаянія Павла Павловича при разсказѣ князя Сивинцына о связи Бѣльскаго съ Вельшиной, дуэли князя Вельшина съ Бѣльскимъ (потому—что она происходитъ за сценою), а долженъ дополнять ее своимъ воображеніемъ; не видитъ и того, какъ подѣйствовала на Павла Павловича и Машу вѣсть о смерти Бѣльскаго, а зрители или, по—крайней—мѣрѣ, большая часть ихъ приходятъ въ театръ *смотреть*, а не *воображать*, и требуютъ, чтобы ихъ смѣшили до слезъ, или заставляли ихъ сердца судорожно сжиматься. Для успѣха пьесы на сценѣ мало, чтобы она была умно и хорошо написана,—надобно, чтобы она занимала и интересовала зрителя, чтобы она была вполнѣ доступна ему, чтобы онъ повнималъ и цѣнилъ ее, не употребляя особенныхъ усилій.

Все это вѣстѣ взятое, было причиною, что не имѣла успѣха эта пьеса, заслуживавшая, несмотря на ея недостатки, гораздо лучшей участи.

Разыграна она была весьма старательно, но восемнадцать ролей первыхъ нельзя раздать геніальнымъ актерамъ, а во—вторыхъ, нельзя отъ каждаго актера требовать совершенства. Впрочемъ, несмотря на старательность исполненія, комедіи повредило и то, что гг. Щепкинъ и Самаринъ, для которыхъ какъ—бы написаны роли Гарина и Бѣльскаго,

не могли въ ней участвовать, одинъ по-случаю отъѣзда за границу, другой по-причинѣ болѣзни, и хотя ихъ роли были исполнены артистами весьма даровитыми, но какъ онѣ не принадлежали къ амплу этихъ артистовъ, то нѣкоторые оттѣнки этихъ ролей и пропали на сценѣ.

Успѣху пьесы повредили, между-прочимъ, отчасти также и преувеличенные толки объ ней. Публика ожидала увидѣть въ ней по достоинству, по-крайней-мѣрѣ, второе «Горе отъ ума».

Старый водевиль «Жена какихъ много или мужъ какихъ мало», возобновленный въ бенефисъ г-жи Васильевой, имѣлъ успѣхъ. Разыгранъ онъ былъ довольно стройно г-жами Васильевой и Бороздиной, и г. Ленскимъ.

Г. Соловьевъ, режиссеръ московскаго театра, вмѣстѣ съ тѣмъ и драматическій писатель, подарившій уже нашей сценѣ большое количество переведенныхъ и передѣланныхъ имъ пьесъ, изъ которыхъ есть нѣсколько очень хорошихъ, какъ-напримѣръ: «Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ», «Симонъ сиротинка», «Самая обыкновенная исторія», «Невѣстѣ сорокъ-пять, приданого сто тысячъ», «Преступленіе или восемь лѣтъ спустя», и другія. Въ качествѣ драматическаго писателя, онъ почти весь свой бенефисъ, бывшій 5 июня, составилъ изъ своихъ пьесъ, изъ которыхъ двѣ были переведены имъ съ польскаго.

«Старая аристократка» состоитъ въ томъ, что сынъ (Черкасовъ) одной знатной дамы (Львова-Синецкая) женился на ея бѣдной воспитанницѣ (Васильева). Сначала объ этомъ бракѣ старая аристократка и слышать не хочетъ, потомъ смягчается и прощаетъ сына.

Интрига пьесы очень проста, но въ ней хорошо обрисованъ характеръ старой, гордой, непреклонной, слѣпой аристократки, который и былъ очень хорошо переданъ г-жею Львовай-Синецкой.

Комедія съ куплетами «Чему быть того не миновать» имѣетъ слѣдующее содержаніе: Одинъ молодой человѣкъ (Черкасовъ) поссорился въ театрѣ съ другимъ молодымъ человѣкомъ (Колосовъ) и слѣдствіемъ этой ссоры былъ вызовъ на дуэль. Но другъ перваго молодого человѣка (Дмитревскій) уговорилъ его просить извиненія, доказавъ ему, что онъ неправъ, и когда тотъ приходитъ просить извиненія у оскорбленнаго имъ молодого человѣка, то узнаетъ, что неизвѣстная ему молодая дѣвушка (Бороздина), въ которую онъ влюбленъ, сестра именно того самаго, котораго онъ оскорбилъ въ театрѣ. Молодой человѣкъ проситъ вмѣстѣ извиненія и руки этой дѣвушки. Итакъ, вмѣсто дуэли, устроивается свадьба. По нашему мнѣнію, ужъ если переводить дюжинные водевилы, такъ лучше съ французскаго; тамъ, по-крайней-мѣрѣ, почти въ

каждомъ водевилѣ интрига водена занимательно, а если польскіе водевили всё таковы, какъ эти «*Powzedniczka*», то Богъ съ ними.

«Медовый мѣсяцъ, или какъ проводятъ время молодые» былъ напечатанъ, а потому содержаніе его нечего рассказывать. Разыгранъ онъ былъ такъ-себѣ г. Шумскимъ и г-жею Вороновой.

«Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ» одинъ изъ лучшихъ переводныхъ водевилей, и хотя содержаніе его заимствовано съ французскаго, но онъ самъ представляетъ маленькую комедійку чисто изъ русскихъ нравовъ, такъ она искусно къ нимъ принаровлена. Пьеса эта уже цѣлые десять лѣтъ живетъ на нашей сценѣ, пользуется большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ, и всегда прекрасно разыгрывается. Г. Садовскій и г-жа Сабурова 1-я въ ней истинно прекрасны. Въ бенефисъ Соловьева роль стараго бриллианщика игралъ въ первый разъ г. Васильевъ. Прежде эту роль занималъ г. Живокини, но у г. Васильева она выходила лучше.

Каждый бенефисъ московскій оканчивается непременно дивертисманомъ. Это уже такъ заведено, и бенефисъ безъ *дивертиссемент* на московской сценѣ кажется невозможностью. *Дивертиссементы* эти до пожара Большаго-театра можно было раздѣлить на обыкновенные и необыкновенные. Обыкновенные состояли изъ плясокъ: по-русски, по-казацки, по-цыгански, по-арабски, и тому-подобное. Въ нихъ участвовали танцовщики и танцовщицы, имена которыхъ на афишѣ можно было встрѣтить только въ *дивертиссемент*ахъ. Въ балетной же афишѣ всё эти имена заключало въ себѣ одно слово *кордебалетъ*. Въ дивертиссементахъ же необыкновенныхъ подчасъ можно услышать пѣніе, а танцы въ нихъ исполняются такими танцовщиками и танцовщицами, имена которыхъ на балетныхъ афишкахъ стоятъ въ числѣ именъ солистовъ, солистокъ, корифеевъ московскаго балета. Со временъ пожара Большаго-театра *дивертиссементы* всѣхъ бенефисовъ были необыкновенные (если принять это раздѣленіе), потому-что на сценѣ Малаго-театра балетовъ не давалось, а балетные театралы только въ этихъ дивертисманахъ и могли наводить свои бивокли на хорошенькихъ корифей московскаго театра. Въ этихъ дивертисманахъ, къ удовольствію театраловъ и въ воспоминаніе ихъ бывшихъ наслажденій, исполняются то *pas de douze* изъ Пери, то *мазурка* изъ Сатаниллы, то всегдашній восторгъ театраловъ—полька венгерка.

Г. Соловьевъ не удовольствовался даже подобнымъ необыкновеннымъ дивертисманомъ; вмѣсто его онъ далъ цѣлую интермедію: «Репетиція бенефисному спектаклю», гдѣ выведены нѣкоторыя закулисныя тайны бенефисныхъ спектаклей. Но чтобъ вывести на сцену закулисныя тайны бенефисныхъ спектаклей, мало небольшой интермедіи: этихъ

тайнъ съ избыткомъ достанетъ и на добрый водевиль. Впрочемъ, все-таки попытка (хотя и не новая) г. Соловьева придать хоть какой-нибудь смыслъ этимъ *дивертиссементамъ* заслуживаетъ одобрение.

Бенефисомъ г. Соловьева кончились бенефисы нынѣшняго сезона московскаго театра, но не кончилась дѣятельность дирекціи относительно постановки новыхъ пьесъ. Несмотря на то, что бенефисы этого сезона доставили сценѣ довольно большое количество новыхъ пьесъ, повтореніями которыхъ она безъ нужды могла бы проваляться цѣлое лѣто, дирекція, воспользовавшись тѣмъ, что новое открытіе движенія столовъ надѣлало въ Москвѣ столько шума, поставила небольшую пьеску «Движущійся столъ», сцены изъ современной жизни, В. Н. Р. Въ то время, какъ петербургскіе журналы зывали къ своимъ водевилистамъ, чтобъ они не мѣшкали и скорѣе вклеивали въ рамки водевиля чрезвычайно пригодный для этого вопросъ о движущихся столахъ, перья московскихъ водевилистовъ двигались также легко, какъ столы, и слѣдствіемъ такого движенія были двѣ пьески. Одна изъ нихъ принадлежитъ перу уже извѣстнаго и нѣсколько десятковъ лѣтъ пишущаго литератора, автора Мизогина, Ракановъ, Сюрпризовъ, Москвы, Бѣдности и благотворительности, Комедіи безъ сватьбы, Дуелистовъ, однимъ-словомъ, она принадлежитъ Н. В. Сушкову, другая молодому человѣку, только что начинающему свое литературное поприще и подписавшемуся буквами В. И. Р. Первая пьеса называется «Движущіеся столы», *путь-чокъ* въ одномъ дѣйствіи, другая «Движущійся столъ», сцены изъ современной жизни. Изъ этихъ пьесъ послѣдняя была играна на сценѣ, а потому только объ ней мы считаемъ обязанностію сказать нѣсколько словъ, тѣмъ-болѣе, что она была играна и въ Петербургѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1853 года, когда вся Москва бредила движеніемъ столовъ, шляпъ, тарелокъ, колець, стакановъ и даже людей, одинъ мелкій чиновникъ, Калимахъ Пахомычъ Высокохолменскій (Садовскій) вздумалъ справлять свои именины. Мѣсто онъ занимаетъ не слишкомъ завидное, жалованье получаетъ маленькое; съ чего бы, кажется, ему вздумать справлять именины? Да вотъ что: у него общался быть Нефедъ Кузьмичъ Господжинниковъ (Степановъ). Нефедъ Кузьмичъ лицо важное и богатое, не само-по-себѣ, а въ сравненіи съ другими лицами этой пьесы, и на него Высокохолменскій имѣетъ свои виды. Нефеду Кузьмичу стонитъ слово сказать—думаетъ Высокохолменскій—и Калимахъ Пахомычъ пойдетъ въ гору, такъ, что его и рукой не достанешь. И онъ изъ всѣхъ силъ старается угодить Нефеду Кузьмичу, для него одного издерживается, думая, что чрезъ это угощеніе Нефедѣ Кузьмичу, онъ Богъ знаетъ что выиграетъ. Но не суждено сбыться мечтамъ Высокохолмен-

скаго. Собрались гости, изволилъ пожаловать и Нефедь Кузьмичъ. Все шло, какъ нельзя лучше, да разговоръ зашелъ о новомъ открытіи, и Нефеду Кузьмичу вздумалось сдѣлать опытъ надъ столомъ съ закускою. Опытъ, къ несчастію, удался, какъ нельзя лучше, столъ пошелъ; но полъ въ квартирѣ Высокохолмскаго былъ весьма неровень, столъ упалъ, съ нимъ полетѣла и закуска, и даже упалъ самъ Нефедь Кузьмичъ, поскользнувшись въ пролившейся по полу водкѣ. И такъ всѣ мечты Калимаха Пахомыча разбились, какъ графины съ водкою, разлетѣлись, какъ куски пирога при паденіи стола. Нефедь Кузьмичъ разсердился изволилъ, уѣхалъ, всѣ гости перессорились, разошлись, остался одинъ Калимахъ Пахомычъ, совершенно убитый, и говорить съ отчаяніемъ, почти сквозь слезы: «хороши я имянины—то справилъ... Нефедь Кузьмичъ уѣхалъ... разсердился изволилъ... гости всѣ разошлись,—перессорились... закуска по полу валяется... водка разлилась. Для чего я только убитился... на свою шею... вотъ вамъ и движущійся столъ!»

Это содержаніе, хотя не слишкомъ богатое, но достаточное для небольшихъ сценъ, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ избитой любовной интриги и свадьбы. Московская публика приняла пьесу съ громкимъ хохотомъ, петербургской—она не понравилась.

Московскій Корреспондентъ.

СМѢСЬ.

ДЕРЕВНЯ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ ОЦѢНЫ.

Октава Фелье.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

НОРЖЪ ДИВОНЪ, бывшій нотаріусъ, 60 лѣтъ, нѣсколько плѣшивъ, взглядъ кроткій и живой, костюмъ не совсѣмъ современный.

ГОСПОЖА ДИВОНЪ, его жена, 55 лѣтъ, маленькая, кругленькая, хлопотунья, вся въ черномъ.

ТОМАСЪ РУВИЕРЪ, 60 лѣтъ, щегольство бывалого *эмеэра*, борода вѣтромъ, говоритъ громко, не безъ занозарства.

МАРИАННА, старая служанка.

Дѣйствіе происходитъ въ небольшомъ мѣстечкѣ одной изъ отдаленныхъ провинцій Франціи.

Гостинная, служашая и столовая. Мебель и обои во вкусѣ Людовика XV. Надъ диваномъ часъ въ отдылкѣ изъ черепахи съ бронзою. Между двухъ оконъ барометръ. Портреты напудренныхъ лицъ, каждый съ письмомъ въ рукѣ. На каминѣ часы подъ колпакомъ эпохи Имперіи; двѣ вазы съ искусственными цвѣтами. — Шестъ часовъ вечера. Зима.

I.

НОРЖЪ ДИВОНЪ, **ГОСПОЖА ДИВОНЪ** и **РУВИЕРЪ** сидятъ за столомъ, передъ каминомъ; Марианна прислуживаетъ. Кругомъ стола похаживаетъ толстая бѣлая кошка.

Г-ША ДИВОНЪ. Я вамъ говорю, г. Рувьеръ: я думала, онъ совсѣмъ съ ума сошелъ... Прочь, Миннетта!.. Бѣжить по лѣстницѣ, кричить:

«Томась! Томась Рувьеръ! Гдѣ зтотъ шуть Томъ. Извините, г. Рувьеръ: вы знаете, это его любимое слово!.. А я-то плетусь за нимъ, догоняю, да и говорю, что это вѣрно г. дю-Люкъ въ новой коляскѣ... потому-что я слышала отъ г-жи Ле-Рандю, что г. дю-Люкъ обѣдаетъ сегодня въ Семонвиллѣ, и такъ-какъ онъ ужъ низачто не проѣдетъ Сен-Совера, чтобъ не заглянуть къ намъ, я и думала...

ДЮИОН. Но, другъ мой, что Рувьеру за дѣло до всего этого? Онъ не знаетъ ни г. дю-Люка, ни г-жи Ле-Рандю — не такъ ли? Сверхъ-того, ты знаешь, у г. дю-Люка свои лошади и онъ никогда не ѣздитъ на почтовыхъ. Стало-быть, это не могъ быть онъ.

Г-ЖА ДЮИОН. Ну, какъ хочешь, а я была убѣждена, что это онъ.

ДЮИОН. Хорошо, хорошо... Смотри, однако, за своей кошкой; она безпрестанно надѣдаетъ Рувьеру.

Г-ЖА ДЮИОН. Прочь, Минетта! Чтò это ты въ-самомъ-дѣлѣ... Сознайся, однакожъ, Дюион, что натуральнѣе было ожидать г. дю-Люка, нашего сосѣда, нежели г. Рувьера, котораго я не знала и о которомъ ты самъ не имѣлъ извѣстій больше тридцати лѣтъ. Откровенно говоря... Будьте сами судьей, г. Рувьеръ.

РУВИЕРЪ (*очевидно нѣсколько выведенный изъ терпѣнія*). Вы правы, десять тысячъ разъ правы!.. Но, извините, г-жа Дюион, ваши котлеты, кажется, въ бумажкѣ?

Г-ЖА ДЮИОН. Я именно такъ и приказывала приготовить Жанеттѣ... Я думала сдѣлать къ лучшему...

РУВИЕРЪ. Капитальное заблужденіе, сударыня. Я объѣхалъ кругомъ всего свѣта, но нужно было пріѣхать въ Сен-Совѣръ-ле-Виконтъ, чтобъ видѣть котлеты въ бумажкѣ.

Г-ЖА ДЮИОН. Какъ мнѣ обидно!.. Скушайте рыбки, г. Рувьеръ. У насъ можно имѣть рыбу только разъ въ недѣлю; но такъ-какъ г. Дюион очень любитъ рыбу, то я уговорилась съ порбалъскимъ рыбакомъ, и у насъ бываетъ лишнее блюдо каждую среду; и такъ-какъ, слава Богу, сегодня случилась среда...

ДЮИОН. Ну херошо, мой другъ, херошо! Чтò тутъ любопытнаго для Рувьера, скажи пожалуйста. (*Съ чувствомъ*). Скажи, Томъ, гдѣ былъ ты недѣлю тому назадъ, въ эту минуту?

РУВИЕРЪ. Недѣлю... въ Дублинѣ.

ДЮИОН. Въ Дублинѣ! Видишь ты!

РУВИЕРЪ. Изъ Дублина въ Лондонъ, изъ Лондона въ Джерси... и потомъ сюда!

ДЮИОН. И въ Джерси тебѣ пришла счастливая мысль нагрнуть къ старому товарищу...

РУВИЕРЪ. Вчера утромъ, мой другъ. Въ сѣняхъ моей отели висѣла карта Нормандіи; пробѣгаю ее машинально, въ ожиданіи завтрака, смотрю: Сен-Соверъ-ле-Виконтъ. Сен-Соверъ-ле-Виконтъ, думаю себѣ; да, вѣдь, тутъ, если не ошибаюсь, когда-то жилъ Жоржъ Дююи... пріятель мой Жоржъ! Что жъ, думаю, если живъ онъ, попрошусь къ нему обѣдать проѣздомъ. (*Безпокойно ищетъ глазами по столу*).

Г-ЖА ДЮЮИ (*съ предупредительностію*). Вы ищете чего-то, г. Рувіеръ ?

РУВИЕРЪ. Не безпокойтесь, пожалуйста. (*Повышая голосъ*) Маріанна!.. Кажется, Маріанной зовутъ вашу служанку?.. Маріанна, моя милая, нѣтъ ли у васъ лимоновъ? Къ рыбѣ подаютъ лимоны.

Г-ЖА ДЮЮИ (*бѣжитъ къ буфету и возвращается*). Пойдите, пойдите: вотъ лимоны.

РУВИЕРЪ. Тысячу разъ извините, что обезпокоилъ васъ.

Г-ЖА ДЮЮИ. И такъ, вотъ тридцать лѣтъ, г. Рувіеръ, вы скитаетесь... живете все въ дорогѣ, какъ настоящій странствующій жидъ?

РУВИЕРЪ. Положительно.

Г-ЖА ДЮЮИ. Боже мой, какъ мнѣ это не по сердцу!

РУВИЕРЪ. Вамъ конечно; но я... я оригиналь, вы видите.

Г-ЖА ДЮЮИ. Я думаю, г. Рувіеръ, вамъ въ-продолженіе вашихъ путешествій приходилось ѣсть вещи очень странныя?..

РУВИЕРЪ (*продолжая ѣсть*). Невѣроятныя! Маріанна, моя милая, подойди-ка сюда. Судя по запаху, который доходитъ даже сюда, въ кухню собираются жарить кофе. Вообще, и именно въ провинціи, его пережигаютъ, что отнимаетъ у него лучшей ароматъ... Бѣги же и скажи Жанеттѣ... Такъ кажется зовутъ твою подругу?.. Смотри скажи, что кофе надо только немного поджарить... поджарить только...

МАРИАННА (*въ помолоса уходя*). Все не по немъ!

РУВИЕРЪ. Любезнѣйшая г-жа Дююи, съ этой птицей случилось именно то, чего я боялся за кофе: она пережарена, или вѣрнѣе, изжарена слишкомъ скоро. Жалко: хорошая была птица.

Г-ЖА ДЮЮИ (*съ отчаяніемъ*). Все несчастія разомъ!.. Пожалуйста, извините, г. Рувіеръ... Но вашъ пріѣздъ былъ такъ неожиданъ... намъ оставалось такъ мало времени... Ради Бога, подарите намъ нѣсколько дней, и вы не то увидите — общаю вамъ.

РУВИЕРЪ. Вы слишкомъ добры; но сегодня же въ девять часовъ, ни минутой позже, я долженъ ѣхать... Да, вы были правы: я ѣдалъ дорогой неслыханныя вещи! Я ѣлъ кускусу подъ палаткой араба, кѣрри, глущее кѣрри, на берегахъ Гангеса; въ Явѣ ужаснаго трипанга, тамош-

нюю сельдь; въ Китаѣ знаменитыя гнѣзда ласточекъ подъ соусомъ изъ растороваго масла...

Г-ША ДЮНИИ. Боже мой!

РУВИЕРЪ. На Панамѣ, я ѣлъ жареныхъ обезьянъ... Нѣтъ въ цѣломъ мірѣ кушанья, котораго бы я не отвѣдалъ!

ДЮНИИ. Шутъ этотъ Томъ!

РУВИЕРЪ. И если есть въ подлунной мѣнѣ церемонный гость за обѣдомъ, — смѣю льстить себя надеждой, что это я. Индѣйцы Скалистыхъ горъ... эти дикари дѣйствительно одарены необыкновенной проищательностью!.. индѣйцы, говорю, дали мнѣ на своемъ языкѣ прозваніе, которое, слово-въ-слово, значитъ: желудокъ хорошаго расположенія духа... Я всегда всѣмъ доволенъ.

Г-ША ДЮНИИ. Не возьмете ли третьяго бекасики, г. Рувьеръ? Я съ удовольствіемъ вижу: вы ихъ любите.

РУВИЕРЪ. Сто разъ благодарю; да, люблю бекасики, не спорю. Но въ этихъ одинъ недостатокъ, и я не могу его скрыть отъ васъ: кромѣ того, что они слишкомъ недавно убиты, вы забыли слегка посыпать ихъ самымъ мелкимъ перцемъ, что необходимо для этой дичи... Простите мое любопытство, но ничто въ жизни, я думаю, меня такъ не интриговало, какъ это блюдо, вотъ на этой канфоркѣ... что это такое?

ДЮНИИ. Другъ мой, это я для тебя велѣлъ приготовить: это макароны.

РУВИЕРЪ. Макароны... это?

Г-ША ДЮНИИ. Да, г. Рувьеръ... это любезность Жоржа. Онъ мнѣ напоминалъ, что вы долго жили въ Италіи; я поскорѣй послала къ лавочнику, у котораго, къ счастью, случился маленькій запасъ макаронъ, и съ помощью «Королевскаго повара», потому-что Жанетта сблизась съ толку, я попробовала приготовить ихъ для васъ по-итальянски.

РУВИЕРЪ. По-итальянски! Но помилуйте, это совсѣмъ не по-итальянски... Впрочемъ, быть-можетъ, все-таки хорошо. Посмотримъ.

ДЮНИИ (*послѣ паузы*). Ну что, мой другъ?

РУВИЕРЪ (*рѣшительно*). Другъ мой, этого жевать нельзя! Это органныя трубки! Что жъ это, наконецъ! Стало-быть это ископаемыя макароны, окаменѣлыя... Богъ знаетъ что такое! Надо велѣть взять лавочника, который вамъ это продалъ... Онъ вѣрно принадлежитъ къ какому-нибудь обществу ассасиновъ...

ДЮНИИ. Марианна, возьми тарелку у г. Рувьера. О другъ мой, чѣмъ же мы тебя накормимъ?

РУВИЕРЪ. Я не прихотливъ! При томъ, вино твое отлично.

Г-ША ДЮНИИ. Я ужъ и не знаю что сказать. Я умру съ горя...

Г. Рувьеръ, отвѣдайте, по-крайней-мѣрѣ, моего рисоваго пирога — умоляю васъ на колѣняхъ.

РУВИЕРЪ. Очень охотно... какъ только покончу съ этимъ горошкомъ, который былъ бы безподобенъ, еслибы немножко пожалѣли масла.
(Слышенъ звонъ колокола).

Г-ЖА ДЮПЮИ. Ахъ! ужъ звонятъ въ церковь! (Встаетъ) Извините, г. Рувьеръ, я на минуту васъ оставляю; но вернусь до вашего отвѣда. (Беретъ съ кресла мантилью).

РУВИЕРЪ. Какъ, вы хотите идти въ такую погоду?

ДЮПЮИ. Жена моя, мой другъ, всякій день ходитъ въ церковь, не глядя на погоду, зиму и лѣто.

РУВИЕРЪ. А, хорошо! Я надѣюсь, вы довольны вашимъ пасторомъ, г-жа Дюпюи?

Г-ЖА ДЮПЮИ. О, какъ же! Что за достойный человекъ! Видите, пробудьте вы всего сутки, онъ завтра у насъ обѣдаетъ, и вы вѣрно бы не пожалѣли, что познакомились съ нимъ.

РУВИЕРЪ. Я убѣжденъ въ этомъ, г-жа Дюпюи, увѣрю васъ; но ужъ до другаго раза...

Г-ЖА ДЮПЮИ. Жоржъ, угощай хорошенько, гостя, пожалуйста, и пуще всего не забудь: г. Рувьеръ обѣщался отвѣдать моего риса... Рекомендую вамъ тоже мои варенья... Я сама ихъ дѣлаю, и это одна изъ моихъ маленькихъ претензій на искусство... До свиданія, милый г. Рувьеръ.

РУВИЕРЪ. До свиданія. (Г-жа Дюпюи уходитъ):

II.

ДЮПЮИ, РУВИЕРЪ и МАРИАННА.

РУВИЕРЪ. Гмъ!.. Посмотримъ рисъ...

ДЮПЮИ. Пей же, мой другъ; ты совсѣмъ не пьешь! (Опуская глаза) Скажи, пожалуйста, Томасъ, ужасной ты нашелъ провинціалкой мою жену, не правда ли?

РУВИЕРЪ. Но... нѣтъ.

ДЮПЮИ. Что жъ прикажешь? Она отсюда отроду ни ногой.. Ну, и прїездъ твой сбиль ее съ толку... Говорить вкось и вкривь: пустяки такія, что уши вянутъ.

РУВИЕРЪ. Вовсе, нѣтъ.

ДЮПЮИ. Да такъ ужъ! Не говори мнѣ! Ты былъ не въ своей тарелкѣ. Я и самъ тоже, впрочемъ... Право, мы какъ-будто дали обѣщаніе выказать себя съ самыхъ неблагопріятныхъ сторонъ... Я тѣмъ больше бѣсялся, что есть у ней и хорошія стороны, а бываютъ и удивительныя... Бѣдная женщина!..

РУВИЕРЪ. Я въ этомъ ни мало не сомнѣваюсь, мой другъ... Рѣсь ея чудесный, попробуй!

ДЮЮИ (*сѣдито на кошку*). Прочь, Минетта! Я веду утопить эту гадяву. (*Маріаннѣ*) Уведи кошку. Если она опять придетъ, я ее въ окно выкину. Неси кофе, и оставь насъ.

МАРИАННА. Пойдемъ, бѣдненькая — коли парижскіе господа тебя не любятъ. (*Въ полголоса выходитъ*) Все поставилъ вверхъ-дномъ въ догъ!

РУВИЕРЪ (*взявъ щипцы, шевелитъ въ каминъ и напѣваетъ*).
O bell'alma innamorata!.. o bell'alma innamorata!.. У васъ тутъ нѣтъ театра въ Сен-Соверъ.

ДЮЮИ. Театра? Хорошъ ты!.. У насъ театръ бываетъ только на ярмаркѣ, каждый годъ, въ половинѣ поста.

РУВИЕРЪ. Плохо!.. Что жъ вы дѣлаете по вечерамъ?

ДЮЮИ. Гм! Здной, бодтаемъ у каминъ, играемъ въ пикетъ, жена и я, или въ вистикъ съ сосѣдями...

РУВИЕРЪ. Ай-ай!..

ДЮЮИ. Лѣтомъ, я немного работаю въ саду... Потому мы гуляемъ по дорогѣ, до пригорка, на берегу, — или въ рощицѣ, вадъ рѣки... ну а тамъ... ложатся здѣсь рано!

РУВИЕРЪ. Гм!.. Это все очень нравственно! (*Минута молчанія. Маріанна, убравъ со стола, уходитъ*).

ДЮЮИ. Наконецъ мы одни! Я могу свободно пожать тебѣ руку, мой добрый Томасъ, мой старый товарищъ! Да пей же, Томъ; ты не пьешь! Ты скажешь мнѣ, что думаешь объ этой наливкѣ, пріятель!.. За твоѣ здоровье, мой другъ!.. Знаешь ли, вѣдъ мы тридцать-пять лѣтъ не видались?

РУВИЕРЪ. Да, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, или развѣ безъ маленькаго, какъ мы обнимались на улицѣ Монмартръ, на почтовомъ дворѣ, и клялись другъ-другу въ дружбѣ и перепискѣ... вѣчнхъ... Корреспонденція прекратилась, разумѣется, черезъ два года; но дружба глѣзла подъ пепломъ... А добрая у тебя наливка!

ДЮЮИ. По вкусу тебѣ? очень радъ! Право есть еще пріятныя минуты въ жизни, Томъ; сознайся?

РУВИЕРЪ. Кому ты это говоришь!

ДЮЮИ. И то! Тебѣ-ли не знать этого, Жюкондъ! Ты нисколько не измѣнился! остался также молодъ... «Молодъ я былъ и прекрасенъ!» помнишь, какъ это говорилъ Тальма?... Борода и усы у тебя точно у льва... Пей, мой другъ.

РУВИЕРЪ. Душа ты моя, Жоржъ! (*Облокачивается на столъ*).

говоря самыми дружескими тономъ). Скажи на милость, что это была у тебя за идея зарыться въ этомъ захоустьи,—а?

ДЮПОН (вдругъ серьезный). Ты находишь; я одичалъ, опустился?

РУВИЕРЪ. Нѣтъ, но что это за мысль, скажи-ка—между нами.

ДЮПОН. Да ужъ такъ—опустился, я и самъ чувствую. О, другъ мой! Провинція, видишь-ли, это не пустое слово! Она не украла своей славы, несчастная!.. Я люблю сравнивать ее съ этими источниками теплыхъ водъ, которые принимаютъ въ себя живое существо, а отдаютъ .. окаменѣлость... Что за идея, ты спрашиваешь? Э, Богъ мой! Да что такое жизнь, Томъ? Сдѣленіе случайностей, роковая сѣть, которая охватитъ тебя отъ рожденія... и таинсь до могилы!.. Вотъ ромъ, мой другъ.

РУВИЕРЪ. Имѣешь ты привычку каждый вечеръ предаваться такимъ щедрымъ возліаніямъ Бахусу—а, Жоржъ?

ДЮПОН. Никогда, мой другъ. Это въ честь тебѣ.

РУВИЕРЪ. То-то, я ужъ думаю себѣ... Это ромъ никакъ?.. Хорошо; продолжай свою одиссею.

ДЮПОН. Въ Парижѣ, ты знаешь, я рассчитывалъ на блистательную будущность: я долженъ былъ пріобрѣсти, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, контору адвоката кассационнаго суда. Пріѣзжаю сюда по семейнымъ дѣламъ, думая пробыть много-много три мѣсяца... Какъ-бы не такъ! Какъ возьметъ тебя за шиворотъ провинція, такъ увидится, что...

• И жадный Ахеронъ добычи не отдастъ! •

Словомъ, я предался очарованію... грубому, конечно, но ежедневному, непрерывному... этого провинціального жита-бытья; самъ не зная, втиснулся въ это пустое спокойствіе, въ изнѣженныя привычки, въ такое однообразіе, безъ недовѣрія къ искушеніямъ, пустымъ пожалуй—но въ одно прекрасное утро очутился накрытымъ ими, какъ желѣзной сѣткой—и остался пѣвнымъ!

РУВИЕРЪ. Ого! Г-жа Дюпон, я воображаю, тоже участвовала въ этой развязкѣ?

ДЮПОН. Другъ мой, вѣрь мнѣ или не вѣрь, но она была очаровательна. Кроме-того, была еще жива моя старуха мать; она видѣла свое счастье въ томъ; чтобъ я поселился здѣсь. Наконецъ, я женился, саялъ контору моего тестя—и всему конецъ... Выпей-ка кирвейки, Томъ.

РУВИЕРЪ. Сейчасъ. Но, скажи мнѣ, не сидѣлъ же ты тридцать лѣтъ безвыходно въ своемъ округѣ—быть не можетъ? Ты обывалъ по-крайней-мѣрѣ Францію? Былвасъ иногда въ Парижѣ?

ДЮЮЮ. Не говори мнѣ объ этомъ. Я объѣзжалъ Францію не дагве моего сада, а Парижа не видалъ со дня нашего прощанія въ Монмартрской-улицѣ.

РУВІЕРЪ. Какъ, чортъ возьми!.. У тебя была страсть къ путешествіямъ прежде?

ДЮЮЮ. И теперь тоже, мой другъ; да что станешь дѣлать? Женившись, я имѣлъ намѣреніе продать мою контору по истеченіи пятнадцати лѣтъ, сдѣлавъ кое-какія экономіи. Я думалъ свезти тогда жену въ Парижъ, а оттуда въ Пиренеи... Это была моя манія — увидѣть Пиренеи.. а тутъ родилась у насъ дочь послѣ пяти лѣтъ женитьбы...

РУВІЕРЪ. У тебя дочь?

ДЮЮЮ. Еще бы! Помилуй, а ужъ дѣдъ... Ну, надо было прѣдережать контору лишнихъ десять лѣтъ, чтобы дать приличное приданое. Какъ продалъ ее... старъ сталъ... и остался сидѣть въ креслѣ!.. Я тебѣ говорилъ: вся моя жизнь сдѣленіе роковыхъ событій... Не сдѣлаемъ-ли мы пуншъ, мой другъ?

РУВІЕРЪ. Сдѣлаемъ... Такъ у тебя дочь? И ты хорошо ее выдалъ, надѣюсь?

ДЮЮЮ. Очень. Она вышла за подпрефекта.

РУВІЕРЪ. За подпрефекта! Вотъ что!.. Ты много кладешь лимона.

ДЮЮЮ. Ты думаешь?.. Послушай, Томъ, объясни мнѣ одну тайну: какимъ-образомъ твоего умѣренного состоянія могло, въ-продолженіе полувѣка, хватить на твою праздную и великолѣпную жизнь?

РУВІЕРЪ (горячась). Мой другъ, у меня было десять тысячъ ливровъ дохода съ земель; я началъ съ того, что обратилъ мое состояніе въ банковые билеты, что удвоило мой доходъ; потомъ обратилъ все въ пожизненный доходъ; что его утроило. Тогда, свободный отъ всякаго стѣснительнаго отношенія, отъ всякой связи, отъ всякой общественной преграды, гражданинъ дѣлага міра, вольный какъ птица, я порхнулъ въ пространство! За твое здоровье, другъ Жоржъ!

ДЮЮЮ. Шутъ этотъ Томъ! Что жъ, вѣдь ты поступилъ рѣшительно, великолѣпно!

РУВІЕРЪ. Я посвятилъ мою юность отдаленнымъ странствіямъ, берегая для зрѣлаго возраста меньшія тягости. Моя нога, вотъ эта самая нога, Жоржъ, смѣшивала слѣдъ свой съ слѣдами тигра и слона на равнинахъ Индіи. Я не отставалъ отъ этихъ бродягъ исполнновъ въ ихъ бамбуковыхъ лѣсахъ, высокихъ и торжественныхъ.

ДЮЮЮ. Вотъ это жизнь, чортъ возьми!

РУВІЕРЪ. Два года спустя, я пріѣхалъ въ Кантонъ. Это было чудною лѣтнею ночью. Праздновали день восшествія китайскаго императора.

Наша лодка едва могла пробраться между яликовъ и лодокъ съ цвѣтами, увѣшенныхъ бездною фонарей; огни тысячи цвѣтовъ отражались въ рѣкѣ, вмѣстѣ съ звѣздами; издали мы видѣли свѣтившіеся на берегу фарфоровыя храмы!..

ДЮШИОН. Волшебное зрѣлище! Счастливецъ Томъ!

РУВИЕРЪ. Избавляю тебя отъ переходовъ. Изъ Китая я пустился въ Америку. Тамъ я путешествовалъ нѣсколько лѣтъ, спускаясь съ сѣвера на югъ, съ саваннъ въ пампасы, изъ огромныхъ суровыхъ лѣсовъ Канады въ веселыя рощи Бразиліи, то пѣшкомъ, то верхомъ, то — въ пирогѣ. Всего дольше пробылъ я въ Перу. Я не могъ вырваться изъ кокетливаго города, Лимы! (Съ особенной скромностію). У меня были на это важныя причины!..

ДЮШИОН. О, плуть! О, разбойникъ!

РУВИЕРЪ. И потомъ, я сдѣлался игрокомъ. Ты съ трудомъ вообразишь себѣ, Жоржъ, притягательную силу игорнаго стола въ этой странѣ. Какъ-будто кто высыпалъ на сукно плоды одного изъ тѣхъ волшебныхъ деревьевъ, которыя распускаются въ восточной легендѣ. Серебра тамъ увидишь мало, или и совсѣмъ не увидишь: но матовый слитокъ мѣшается тамъ съ золотыми блестками, огонь брилліанта съ молочнымъ свѣтомъ жемчуга; всѣ сокровища, похищенные изъ кануновъ у океана и земли, сталкиваются на твоихъ глазахъ. Сидишь цѣлыя ночи, съ прикованнымъ взглядомъ, съ растопленнымъ мозгомъ, — и переходишь двадцать разъ между закатомъ и восходомъ солнца, съ богатства Ротшильдова до нищеты Юва; плѣшивѣешь, сходишь съ ума, но зато сильно чувствуешь!

ДЮШИОН. Ну да!.. А я? Не игралъ отъ роду ни во что, кромѣ этого скучнаго виста, по пяти сантимовъ фишку!.. Но продолжай, Томъ! Ты меня электризуешь!

РУВИЕРЪ. Всему бываетъ конецъ, какъ ты знаешь. Въ одинъ грустный день, я сѣлъ на американское китоловное судно, которое отправлялось къ южному полюсу. Я прикоснулся рукою къ холоднымъ гранямъ нашего міра; видѣлъ, на ихъ лдяныхъ цоколяхъ, моржей съ человѣческими лицами, которые сидятъ на корточкахъ и мечтаютъ, какъ оивскіе сфинксы. Среди этихъ безмолвныхъ лимбовъ, чуждыхъ земной жизни, мною овладѣли ощущенія иного міра. Мнѣ представлялось, что я вижу новую планету. Я видѣлъ тамъ, если не ошибаюсь, дни и ночи, какія должны быть на нашемъ блѣдномъ спутникѣ... Что тебѣ сказать, мой другъ... Послѣ трехъ лѣтъ, не менѣе полныхъ приключеніями, — я очутился въ Рио-Жанейро, откуда отплылъ въ Европу, объѣхавъ всю окрестность земли... Такъ прошла моя молодость.

ДЮИОН. Другъ мой, кто не завидуетъ тебѣ! А съ-тѣхъ-поръ, Томъ?

РУБИЕРЪ. Съ-тѣхъ-поръ, я больше не путешествовалъ. Я прогуливался сначала по Средиземному-мору... Я воображалъ себя на тильерійскомъ бассейнѣ!.. Я осматривалъ всѣ его берега. Мало-по-малу, по-мѣрѣ-того какъ пришла зрѣлая лѣта, я ограничилъ мой кругъ, и теперь живу въ Европѣ, переселяясь изъ города въ городъ. Европа, мой милый, моя собственность, мое владѣніе! Всѣ праздники, которые даютъ въ ней природа и люди, даются для меня! Для меня у Неаполя его заливъ и театръ Сан-Карло, у Парижа—бульвары и Рашель, у Мадрида—Прадо и бой быковъ! Для меня дѣлали лондонскую выставку!.. Ну! Выпьемъ!

ДЮИОН. Томасъ, ты рожденъ гениемъ!.. Но ты ничего не говоришь о женщинахъ, мой другъ? Ты долженъ былъ видѣть великолѣпныхъ женщинъ! Въ Римѣ, наиримѣръ? Этотъ чудный римскій типъ, эти загорѣлыя жницы -Агго гомано?

РУБИЕРЪ. Да, особенно въ Транстеверѣ.

ДЮИОН. А въ Азіи?.. Въ Смирнѣ?.. Ты былъ въ Смирнѣ?.. Эти восхитительныя дочери Іоніи, съ секинами въ волосахъ... ты ихъ видѣлъ?

РУБИЕРЪ. Какъ же!

ДЮИОН. А памятники, Томъ ты о нихъ тоже ни слова? Альябра, Коллзей, Партемонъ?

РУБИЕРЪ. Не говорилъ потому, что эта дрянь вездѣ есть. Это видѣлъ всякій! (*Минута молчанія*).

ДЮИОН (*сильно стуча по столу*). Проклятіе! (*Встаетъ, закусываетъ руки въ карманы и начинаетъ ходить*).

РУБИЕРЪ. Чтѣ съ тобой?

ДЮИОН. Ахъ, Томъ, Томъ! Меня бросаетъ въ краску, какъ только сравню я твою судьбу съ моею Между-тѣмъ какъ твое сердце считало свои бѣшенія благородными или пріятными ощущеніями, мое—означало время какъ стѣнные часы на кухнѣ! (*Остается жива*). Потому-что... развѣ я жилъ... я? Вздоръ! Я родился! я спалъ и ѣлъ, и все тутъ! Чтѣ же вышло? Я одурѣлъ, я загрубѣлъ, я опустился, на лѣстницѣ существъ, до вѣдота... да раковины, до моллюска!

РУБИЕРЪ. Ну, ты заходишь слишкомъ далеко. Если у тебя нѣтъ той свѣжести воображенія, той живости ума, какъ прежде...

ДЮИОН. Ага! Видишь-ли, ты признаешься: я очень опустился.

РУБИЕРЪ (*встаетъ, закуриваетъ сигару, прислоняется къ камину, поправляя усы*). Послушай, Жоржъ, я буду откровененъ. Ты знаешь,

я всегда былъ откровененъ... Первое впечатлѣніе, когда я вступилъ въ твой домъ, было тяжелое. На меня повѣло, не знаю, какимъ-то запахомъ некрополя. Мнѣ казалось, я проникъ въ одно изъ обиталищъ древняго вѣка, завоеванныхъ у смерти терпѣніемъ антиварія. Покуда могли сказать тебѣ о моемъ прѣвѣдѣ, я съ одурѣлымъ любопытствомъ рассматривалъ эту мебель, эти картины, эти обои и драпировку, которыхъ мрачная чистота какъ-будто просится въ музейъ рѣдкостей; я припоминалъ утонченность твоего ума, щегольство твоихъ привычекъ, твой просвѣщенный вкусъ къ искусствамъ, и рѣшительно не могъ примирить прежнихъ блестящихъ надеждъ съ грустнымъ и пошлымъ существованіемъ, доказательства котораго печалили меня. Ты вѣнчалъ, заговоришь... Были ли зрѣніе мое и сужденіе подъ вліяніемъ размышленій, среди которыхъ ты засталъ меня, не знаю... но рѣчь твоя поразила меня... твой лобъ, казалось мнѣ, даже сдузился... я отеръ набѣжавшую слезу, и невольно, какъ-бы передъ твоей могилкой, подумалъ: «Вотъ все, что осталось отъ моего друга»!.. Я не оскорбляю тебя, Жоржъ!

ДЮПОН. Нѣтъ, Томъ, нѣтъ. Я и безъ того чувствовалъ свое надевіе. Я подозрѣвалъ его, по-крайней-мѣрѣ, и это подозрѣніе было невыносимо. Гораздо лучше увѣренность...

РУВИЕРЪ. Поговоримъ о другомъ, мой другъ... Ты продалъ свою контору? Что жъ ты теперь думаешь дѣлать?

ДЮПОН. Что мнѣ дѣлать! Буду продолжать умирать.

РУВИЕРЪ. Нѣтъ, лучше воскресай!.. Будемъ говорить серьезно, Жоржъ. Ты, женись, создалъ себѣ обязанности, ты выполнилъ ихъ до конца: прекрасно! Но теперь будущность твоей жены, дочери обезпечена... Что жъ тебѣ мѣшаетъ на годъ, на два опять окунуться въ потокъ блестящей жизни, освѣжить въ немъ твои силы? Ты знаешь, какимъ чуднымъ образомъ теперь путешествуютъ: въ два года ты можешь объѣхать Европу и захватить даже частичку Азіи... Отъ прикосновенія къ самымъ лучезарнымъ созданіямъ природы и искусства вся твоя свѣжесть, все движеніе твоей мысли возвратятся... Ты можешь удовлетворить эти желанія, которыя гложутъ твое сердце и сокращаютъ дни! Въ два года, не больше! И теперь, если ты предпочитаешь самоубійство во что-бы то ни стало, — твоя воля!

ДЮПОН. Да, помилуй, мой другъ; на что это будетъ похоже — мнѣ, въ мои лѣта, пустяться въ путь одному, какъ школьнику?

РУВИЕРЪ (подходя). Кто тебѣ говоритъ: одному? А я-то на что? Развѣ не готова къ твоимъ услугамъ моя опытность, мой знаніе, мой слуга, наконецъ, все, что я имѣю?

ДЮШИ. Какъ, Томъ? Въ-самомъ-дѣлѣ? Ты бы вездѣ мнѣ сопутствовагь? (*Начинають ходить рядомъ.*)

РУБИРЪ. За руку поведу, любезный! Отвѣчу за проводниковъ, за чичероне, за всѣ эти наказанія для туриста. Не благодари меня: я въ восхищеніи самъ. Твои впечатлѣнія оживягь мои. А потомъ, развѣ это не приятно, Жоржъ, кончить вѣстѣ жизнь, какъ мы ее начали: слить въ одно наши удовольствія, приключенія, наши шкатулки? Ну, рѣшено что-ли? а?

ДЮШИ. Признаюсь, мой другъ, никакой планъ не улыбался мнѣ больше; но...

РУБИРЪ. Никакихъ «но», конечно! Конца зимы мы дождемся въ Парижъ: танъ, покуда, чтобъ потерпѣть, ты увидишь музеи, спектакли... Я сведу тебя за кулисы... ты услышишь Альбони, Кривелли... Ты прежде любилъ музыку?

ДЮШИ. И теперь люблю, мой другъ! Я до-сихъ-поръ играю на флейтѣ.

РУБИРЪ (*съ увлеченіемъ*). Возьмешь флейту съ собой... Что, бинъ, я говорил?... Да... Зиму въ Парижъ: рѣшено; но съ первыми днями весны мы переходимъ Пириней; проводимъ три мѣсяца на полуострѣ въ... Мы воспользуемся лѣтомъ, чтобы объѣхать столицы Германіи... и спустимся въ Италію черезъ Триестъ и Венецію... Что ты скажешь объ этомъ планѣ?

ДЮШИ (*останавливается*). Скажу (*съ рѣшимостію*) что онъ восхищаетъ меня... Дай мнѣ сигару!.. Я скажу, что ты правъ, что я довольно долго жилъ для другихъ... что я далъ въ моей жизни довольно мѣста жертвамъ! Есть, наконецъ, обязанности и въ отношенія къ самому-себѣ (*Пускаетъ страшные клубы дыма*). Человѣкъ обязанъ отчетомъ въ своихъ дарованіяхъ!.. Умъ, воображеніе, чувство красоты — это благодѣанія, которыя обязываютъ, Томъ! Срамъ, преступленіе, достойное дикаря, давать этому священному пламени умереть подъ гасильникомъ!

РУБИРЪ. Ага! Взялся за умъ! Узнаю теперь моего Жоржа!.. Слушай же, мой другъ; давай ковать желѣзо, пока горячо. (*Зоветь*). Марианна!

ДЮШИ (*вдругъ понижая голосъ*). Тс... тс! Зачѣмъ тебѣ ее?

РУБИРЪ. Сказать ей, что ты ѣдешь, чтобы она приготовила, что нужно... Марианна!

ДЮШИ. Тс... тс!.. Какъ же это? Развѣ мы сегодня же ѣдемъ?

РУБИРЪ. Въ девять часовъ... Я заказалъ лошадей къ девяти часамъ, ты знаешь.

ДЮЮИ. Да, знаю... Но ночь того-и-гладъ будетъ ужасная... холодно, какъ въ Камчаткѣ... Мнѣ кажется, можно бы какъ-нибудь подождать до завтрашняго утра?

РУВИЕРЪ. Послушай, если ты боишься ознобить руки, если тебѣ страшна ночь въ каретѣ, нахлобучь себѣ колпакъ на носъ, ложись спать, и не говори мнѣ о путешествіи!

ДЮЮИ. Другъ мой, я не боюсь ничего и никого; но меня немножко удивляетъ эта торопливость. Я думалъ, все ужъ дня два-три... оглядѣться, знаешь... приготовиться...

РУВИЕРЪ. Какія тутъ приготовленія? Тебѣ нуженъ чемоданъ и немножко бѣлья; на это часа времени довольно. Нѣтъ у тебя денегъ, у меня есть. Ну, не ребячься же, Жоржъ; если ты отложишь свой отъѣздъ на два или на три дня, ясно, для тебя, какъ для меня, что ты не поѣдешь. Я не имѣю надобности говорить тебѣ, какія вліянія, какія препятствія побѣдятъ твою храбрость и уничтожатъ твою рѣшимость. Чтѣ бы тамъ ни было въ этихъ случаяхъ, нужно рѣшиться разомъ, или отказаться...

ДЮЮИ (*минуту подумавъ*). Ты опять-таки правъ... Давай руку, Рувіеръ. Буду.

РУВИЕРЪ (*зоветъ*). Мар...

ДЮЮИ (*поспѣшно*). Нѣтъ, не зови Маріанны... ненужно; я лучше ее знаю, чтѣ мнѣ надо. Я самъ все уложу, какъ только придетъ жена. (*Сматриваетъ на часы*). Восемь часовъ... теперь она скоро... Чтѣ жъ! Разумѣется, минута... невеселая минута, согласенъ... но, наконецъ, совѣсть на моей сторонѣ... да и... если моя чаша будетъ полна упительнымъ напиткомъ, чтѣ за бѣда немножко горечи по краямъ? Ахъ, Томъ! Какая неожиданная перспектива! Гренада, Венеція, Неаполь!.. Сонъ!.. Пять минутъ девятаго... Я далъ бы двадцать пять червонцевъ, чтобъ постарѣть на часъ... на четверть часа — только... Знаю, что это слабость, но...

РУВИЕРЪ. Хочешь, я возьму на себя предупредить твою жену?

ДЮЮИ. Откровенно сказать, Томъ, ты окажешь мнѣ услугу.

РУВИЕРЪ. Чтѣ жъ, изволь. Ну, конечно. Поди, укладывайся.

ДЮЮИ. Не то, чтобы, понимаешь, я боялся неприятной сцены; нѣтъ — это не въ ея характерѣ.

РУВИЕРЪ. Увижу, увижу.

ДЮЮИ. Въ-особенности, скажи ей, что я ее настоятельно прошу сохранить свое спокойствіе. Нѣжности только разстроитъ меня и не поведутъ ни къ чему.

РУВИЕРЪ. Скажу, скажу. Сбирайся же!

ДЮНИИ. Иду, иду. (*Возвращаясь*). Другъ мой, все это ты ей... полегче... а?

РУВИЕРЪ. Будь покоенъ. Только ты ужъ, не оставляй меня одного, какъ я выйду впередъ...

ДЮНИИ. Фя! Бѣжать во-время сраженія! Ты меня обижаешь, Томъ!

РУВИЕРЪ. Нѣтъ... потому-что въ этомъ случаѣ преглупая моя будетъ роль, понимаешь?

ДЮНИИ. Томъ Рувьеръ, я имѣю честь подтвердить вамъ, что рѣшеніе мое неизмѣнно, что сегодня вечеромъ, въ девять часовъ, была-не-была, я ѣду съ вами, и если вы желаете, чтобъ я далъ вамъ мое честное слово, даю... Дофолье?

РУВИЕРЪ (*береть его за плечи*). Укладывайся! (*Дюнион уходитъ*).

III.

РУВИЕРЪ одинъ; потираетъ руки.

А а! Такъ теперь съ вами, госпожа Дюнион!.. Конечно, моя главная цѣль въ этомъ дѣлѣ, обязать Жоржа... наставить его; но я не равнодушенъ къ удовольствію бросить молнію... въ строгость этой снѣжной матроны... Вотъ женщина, признаюсь, которая опровергаетъ все мои понятія... Рѣшительно невозможно, чтобы порядочный человѣкъ былъ осужденъ на вѣчное пребываніе въ одномъ мѣстѣ съ созданіемъ неприятнымъ... И не выдавши еще этой женщины, я ее понимаю, я ее обсуждалъ: она была мнѣ ненавистна! Да, я ее разгадалъ, начиная отъ ея валеныхъ башмаковъ, до чепчика съ плоскими оборками... Въ системѣ этого пошлаго быта все ея дѣла и поступки—въ блаженной симметріи, которая придаетъ всей этой мебели, такъ мудро разставленной, видъ глубокой скуки,—въ приторномъ методизмѣ, который дышетъ вся эта пресбитерія... все, до этого барометра, запотѣвшаго въ слѣдствіе ея любопытства, до этихъ глухѣйшихъ рѣдкостей: райской птички, несессера изъ раковинъ, стеклянныхъ нитокъ... этихъ небылыхъ кокосовъ, выточенныхъ пѣвничками... дало мнѣ мѣрку ея личности, физической и нравственной... Эта женщина — руку отдамъ на божіе имя! владеть яблоки въ бѣлье!.. Видный Жоржъ!.. А умный человекъ, между-тѣмъ... Мнѣ было очень досадно за него... но не было никакого терпѣнія... я весь обѣдъ былъ грубъ, какъ лондонскій извозчикъ... И совѣстно было... стыдно, даже... но вѣдь и мои нервы не изъ Френзы... Г. дю-Люжъ! г-жа Ле-Рандо! И рыба ея, и кошма!.. прости изъ рукъ вонъ... Нѣтъ, я не могу представить, чтобы ограниченное житье-бытье, узкій умъ, пошлая сплетня провинциальнаго задушеннаго

могли когда-нибудь соединиться въ типѣ, болѣе совершенномъ... и произвести женскую фигуру, болѣе неграціозную... Мы, вѣроятно, будемъ имѣть горячее объясненіе, потому-что я, хорошо зная, какія гарші скрываются подъ маскою добродушія и простоты, — вижу ее насквозь... Ну, да ужъ нашла коса на камень, или я жестоко ошибаюсь. Я уполномоченъ Жоржемъ... онъ мнѣ далъ слово... И я не отступлю. Добрый Жоржъ! воображаю, чего онъ не перенесъ, покуда согнулъ умную голову подъ это бессмысленное иго!.. Знаю я эту исторію! Сначала боролся храбро, а потомъ понемногу былъ побѣжденъ безпрестаннымъ, разрушительнымъ дѣйствіемъ этой страшной женской воли... Тридцать лѣтъ мученичества; но г-жа Дююи, держитесь: мститель пришелъ. (Смѣется). Это напоминаетъ мнѣ одно сраженіе... съ индѣйской негерой, у которой во-время сна я укралъ ея фетиша! Удивительная вещь, какъ всѣ старыя женщины похожи одна на другую. (При звукѣ отворяемой двери становится спиною къ камину).

IV.

РУВИЕРЪ. Г-ЖА ДЮЮИ.

Г-ЖА ДЮЮИ (выходитъ, обращаясь къ кошкѣ, которая хочетъ прокрасться за нею). Нѣтъ, нѣтъ! Тебя прогнали... и оставься тамъ. (Притворяетъ дверь). Ахъ, Боже мой!.. Какіе повѣсы!.. Они тутъ курили!

РУВИЕРЪ. Будто мы курили? (Громко вдыхаетъ воздухъ). Въ самомъ дѣлѣ! Вотъ видите ли, г-жа Дююи, до чего можетъ дойти расбѣянность: я и не замѣтилъ, до того мы съ Жоржемъ занялись нашимъ планомъ.

Г-ЖА ДЮЮИ (снимаетъ шляпу). Какимъ планомъ?... Вы остаетесь, г. Томъ?

РУВИЕРЪ. Гм! Не совѣжь! Но для Жоржа и для меня оно выходить тоже. Умѣете вы отгадывать загадки, г-жа Дююи?

Г-ЖА ДЮЮИ (глядя на него пристально). Вы ужъ не увезете ли съ собою Жоржа?

РУВИЕРЪ. Съ вашего позволенія, г-жа Дююи, я буду имѣть это удовольствіе.

Г-ЖА ДЮЮИ (смѣясь съ нерышимою). Вы сочтете меня ужасно простою, г. Рувьеръ, что я такъ серьезно отвѣчаю на шутку; но мнѣ, право, тяжело... вы тронули самую живую струну. Скажите, умоляю васъ, скажите, мой добрый г. Томъ, вы оставите мнѣ моего мужа?

РУВИЕРЪ. Оставляю вамъ его сердце, но персону его на время

похищаю. Вотъ въ чемъ дѣло въ двухъ словахъ: Жоржъ давно думалъ занять опять свое мѣсто въ мірѣ живыхъ людей, и съ радостью ухватился за внезапный отъѣздъ, который разомъ обрѣзываетъ всякое препятствіе.

Г-ЖА ДЮПЮИ (*облокачивается рукою о кресло и опускаетъ глаза; вполголоса*). Правда!

РУВИЕРЪ. Слушайте, какой онъ поднялъ шумъ съ чемоданомъ! Волочить его по полу какъ триумфальную колесницу!.. Однакожъ, я надѣюсь, вы не сочтете страннымъ, г-жа Дюпюи, что проживя тридцать лѣтъ безвыѣздно въ Сен-Совѣръ-ле-Виконтѣ, человекъ въ родѣ Жоржа...

Г-ЖА ДЮПЮИ. О, не объясняйте мнѣ... я все понимаю. Куда вы его везете?

РУВИЕРЪ. Да, сказать вамъ правду, хочу показать ему всего не немножку: сначала...

Г-ЖА ДЮПЮИ. На сколько времени?

РУВИЕРЪ. О... на годъ... или на два не больше. Ахъ, г-жа Дюпюи, какую это вамъ готовить будущность... Какъ въ эти нѣсколько мѣсяцевъ обогатится ваша ужъ и теперь блестящая коллекція предметовъ искусства и натуральныхъ рѣдкостей!.. Что вы объ этомъ скажете?

Г-ЖА ДЮПЮИ (*не слушавшая его, опускается на кресло и закрываетъ лицо руками*). О, Боже мой! (*Слышны ея глухія рыданія*).

РУВИЕРЪ (*наморщивая брови, всторону*). А а! Пошла элегія! (*Громко*). Послушайте, любезнѣйшая госпожа Дюпюи! Это неблагоразумно! Въ чемъ дѣло? Въ путешествіи! Путешествіе — не смерть же человека... изъ путешествія возвращаются: я вамъ привѣрю... Ну, а какъ же жены моряковъ-то!.. Послушайте!.. Еще!.. Право, это не хорошо!.. Вы ставите меня въ затруднительное положеніе, госпожа Дюпюи! Вы дѣлаете мнѣ чрезвычайно неприятнымъ мое посредничество!

Г-ЖА ДЮПЮИ (*дрожащимъ голосомъ*). Извините, господинъ Рувьеръ; вы видите, я... я не могу.

РУВИЕРЪ (*Дѣлаетъ жестъ нетерпѣнія, начинаетъ скоро ходить по комнатѣ, потомъ вдругъ останавливается передъ 1-жею Дюпюи*). Вотъ этого-то именно — я имѣю формальное порученіе сказать это — болѣе всего и желаетъ избѣжать Жоржъ.

Г-ЖА ДЮПЮИ (*полуставая, робко*). Какъ, развѣ я его и не увижу?

РУВИЕРЪ. Конечно, увидите, если немножко успокоитесь: если нѣтъ, то такъ какъ рѣшеніе его неизмѣнно, лучше было бы для васъ обоимъ этимъ и кончить.

Г-ЖА ДЮЮИ. Ну, я буду спокойна, общаю вамъ... нѣсколько минутъ еще... дайте мнѣ только нѣсколько минутъ... Я не могу... такъ вдругъ... О, Боже, Боже милосердый. (*Плачетъ*).

РУВИЕРЪ (*жестко*). Еще разъ, госпожа Дююи: ваше отчаяніе кажется мнѣ совершенно несоразмѣрно съ событіемъ. Что это, наконецъ! Не на войну же я его тащу, — вашего мужа!

Г-ЖА ДЮЮИ (*говоритъ какъ ребенокъ, отирая слезы*). Нѣтъ, нѣтъ... я знаю: онъ вернется.

РУВИЕРЪ. Вы благоразумны, г-жа Дююи: теперь настоящая минута вспомнить объ этомъ... Не надо думать въ цѣломъ свѣтѣ только о себѣ...

Г-ЖА ДЮЮИ (*съ трудомъ*). Но... г. Рувьеръ... онъ не привыкъ, не то, что вы, къ этой жизни, къ вѣчнымъ утомленіямъ; его здоровье слабѣе, нежели вы думаете. (*Беретъ его руки, съ порывомъ*). Вы будете заботиться о немъ, не правда ли?

РУВИЕРЪ (*менѣе жестко*). Какъ же!.. Разумѣется, положитесь на меня... я обязываюсь привести вамъ его свѣжаго и розоваго, какъ дѣвочку... Обязываюсь честью, слышите?... Но прошу васъ, чтобъ не было слезъ, а въ-особенности прощальныхъ сценъ.

Г-ЖА ДЮЮИ. Нѣтъ, нѣтъ. Вы будете довольны мною; вы увидите. Теперь все кончено. (*Улыбается*).

РУВИЕРЪ. Вотъ то-то же... прекрасно, г-жа Дююи, прекрасно!.. Я весьма уважаю рѣшительныхъ женщинъ... И теперь, какъ вы хладнокровны, позвольте вамъ повторить, что тутъ, право, не было причины такому неизмѣрному горю. Что такое годъ? Вы проведете полгода у вашей дочери, я полагаю; остальное время проживете здѣсь, тихо, славно, среди всего, къ чему привыкли и вы, и Жоржъ. Онъ даже и отсутствовать-то будетъ только вполонну, потому что все здѣсь будетъ говорить вамъ о немъ; вы на каждомъ шагѣ...

Г-ЖА ДЮЮИ (*дѣлая отрицательный знакъ головой*). Берегитесь, г. Томъ, берегитесь, чтобы принскивая утѣшенія, не усилить горя... котораго вы понять не можете.

РУВИЕРЪ. Простите меня; я понимаю, и хотѣлъ вамъ доказать...

Г-ЖА ДЮЮИ. О, я не обвиняю ни ума вашего, ни доброты, будьте увѣрены...

РУВИЕРЪ. Помилуйте!

Г-ЖА ДЮЮИ. Но, наконецъ, есть вещи, которыхъ нѣльзя угадать, г. Томъ... Думаете ли вы, сколько вашъ образъ жизни былъ непохожъ на нашъ?.. Вы были благоразумны... вы не допускали сердца путаться къ этимъ связямъ, которыхъ число и силу узнаешь только въ

тотъ день, когда онѣ разрываются... Здѣсь все связывало нами воспоминанія и сближало наши мысли!.. Все насъ любило, и все намъ было мило!.. Я такъ думала, по-крайней-мѣрѣ... Не дальше минуты тому назадъ, какую цѣну придавала я всѣмъ этимъ вещамъ, къ которымъ мы оба привыкли столько лѣтъ, къ послѣднимъ слѣдамъ нашихъ привычекъ... ко всѣмъ этимъ свидѣтелямъ плановъ, удовольствій, горестей, которые мы дѣлили пополамъ! А теперь они для меня,—развалины ложнаго счастья, обломки прежняго очарованія!

РУВИЕРЪ. Что вы? Какое преувеличеніе! Если и допустить, что это путешествіе нѣсколько возмутитъ ваше настоящее, прошедшее все-таки остается неприкосновеннымъ.

Г-НА ДЮЮИ. Вы ошибаетесь. Путешествіе это, конечно, само по себѣ ничего, но оно жестоко отвѣчаетъ на вопросъ, который я втайнѣ, задавала себѣ всю жизнь... Счастливы-ли Жоржъ?.. И что же? Я одна была счастлива... вотъ правда! (*Съ большимъ чувствомъ*). Онъ только смирялся, а счастливъ не былъ... Да! Сердце мое однакоже,—я не боюсь сказать этого,—было достойно его сердца; но въ остальномъ, я ему была неравна: я это чувствую. Что человѣкъ съ его умомъ могъ найти въ разговорѣ съ провинціалкой, чуждой всему и умѣвшей только его любить?

РУВИЕРЪ. Вы доводите до крайности сомнѣніе въ самой-себѣ. Что до меня касается, чѣмъ болѣе я васъ узнаю, тѣмъ болѣе выборъ Жоржа...

Г-НА ДЮЮИ (*вставая и улыбаясь*). Вы льстите мнѣ, г. Рувьеръ. оттого, что видите, какъ я страдаю... вы великодушны... Я не хочу оставаться въ долгу, и готова простить вамъ все, что вы сдѣлали мнѣ непріятнаго, потому-что въ первый разъ я обвиняла васъ ужъ очень давно.

РУВИЕРЪ. Меня? Чѣмъ могъ я это заслужить?.. Но прежде всего, вы успокоились, — скажите? Не знаю, отчего это, но мнѣ кажется, вы помолодѣли десятью годами.

Г-НА ДЮЮИ (*улыбаясь*). Да... у меня какъ-будто лихорадка... отъ этого, вѣрно.

РУВИЕРЪ. Успокойтесь, успокойтесь!.. Скажите лучше, отчего игралъ я такую грустную роль въ вашей участи?

Г-НА ДЮЮИ (*съ нѣкоторой экзальтаціей*). Вы, конечно, знаете, г. Томасъ, что съ перваго дня брака всякая женщина становится лицомъ-къ-лицу съ опаснымъ соперничествомъ воспоминаній своего мужа... Что до меня, я очень скоро замѣтила, что ваше имя, призывавшееся такъ часто, было для Жоржа любимымъ символомъ утра-

ченныя удовольствій... самымъ пріятнымъ воплощеніемъ бывалой мечты, бывалыхъ видѣній: въ его доброй, дорогой мысли вы изображали независимость, приключенія, время короткихъ страданій и надеждъ безконечныхъ... я была для него положительная жизнь, дрязги хозяйства, забота вчерашняго и завтрашняго дня... я была... проза, вы — поэзія; стало-быть, съ вами-то и нужно было бороться: я приложила къ этому все мои старанія, всю мою душу... Увы! что я ни дѣлала, вы были сильнѣе! Каждый день Жоржъ становился задумчивѣе, и я чувствовала, что всякая минута тоски была однимъ изъ вашихъ торжествъ... Сколько разъ подъ сѣнью этого очага, или подъ ивами этого садика скрывала я мои неудачи, мои слезы!... Но я была молода тогда... Богъ далъ мнѣ дочь: вы были побѣждены. (*Грустно*). Теперь... ангела нѣтъ, побѣда опять ваша..

РУВИЕРЪ (*прерывающимся голосомъ*). Кто знаетъ?.. Последнее слово еще не сказано. Вы увидите Жоржа, поговорите съ нимъ. Вы еще можете удержать его.

Г-ША ДЮПИОН (*кратко*). Я вамъ обѣщала, и не скажу ни слова.

РУВИЕРЪ. Гм! Я отдаю вамъ ваше слово; я не хочу быть вашимъ злымъ гениемъ, нѣтъ!.. Я рѣзокъ, себялюбивъ иногда: это мое ремесло, какъ стараго холостяка; но я не золъ...

Г-ША ДЮПИОН. Вижу. Но я знаю Жоржа: все мои усилія были бы напрасны; онъ только раздражаетъ его... И еслибы даже... какъ-нибудь... слезами я и могла удержать его, такъ теперь сама не захочу... Что бы я сдѣлала? Прибавила бы еще сожалѣніе, болѣе горькое и болѣе свѣжее, ко всемъ тѣмъ, которыя уже отравляютъ его жизнь. Завтра его тоска, его невольные намекы, даже его молчаніе, все упрекало бы меня въ моей грустной удачѣ... Нѣтъ, ему надо вѣхать.

РУВИЕРЪ (*спустя минуту*). Все это справедливо... чрезвычайно справедливо... Нѣтъ средства опровергнуть... вы правы... Вѣрьте, крайней-мѣрѣ, что на сколько будетъ зависть отъ меня, я сокращу срокъ его отсутствія...

Г-ША ДЮПИОН. Благодарю васъ. (*Протягиваетъ ему руку, которую Рувіеръ цѣлуетъ съ низкимъ поклономъ. Слышенъ шумъ и за нимъ голоса, г-жа Дюпионъ продолжаетъ въ ужасѣ*). Боже мой! Что такое?.. Это онъ. Да, это его голосъ (*Жоржъ Дюпионъ открываетъ дверь съ шумомъ и входитъ; за нимъ Марианна*).

V.

РУВИЕРЪ, Г-ША ДЮПИОН, ДЮПИОН, МАРИАННА.

ДЮПИОН. (*Марианнѣ*). На что это похоже! Чемоданъ съ бѣльемъ

для тебя точно гору нести! (Г-жа Дюпюи). Вообрази: она не нашла себя лучше забавы, какъ пустить мой чемоданъ по лѣстницѣ, сверху до-низа!

МАРИАННА. Вы какъ сказали мнѣ, что ѣдете въ Римъ, я ни рукъ, ни ногъ подъ собой не слышу!.. И силы нѣтъ совсѣмъ! Въ Римъ! Это новость... славная новость!

ДЮПЮИ. А тебѣ что за дѣло до этого, позволю спросить?

МАРИАННА. Да вѣдь ситѣшно же... вздумалось вамъ оставить госпожу Дюпюи одну... въ ея лѣта... Брать въ Римъ!.. Хорошо, коли свидаетесь опять!.. Я не отвѣчаю за это.

ДЮПЮИ (*удерживаясь*). Марианна, берегись! Ты видишь, я недоволенъ.

МАРИАННА. Я думаю... Вы недовольны другими, оттого—что недовольны собой: всегда такъ бываетъ!

ДЮПЮИ (*теряя терпѣнiе*). Пошла вонъ!

Г-ЖА ДЮПЮИ (*строю*). Иди сейчасъ внизъ.

ДЮПЮИ. Вонъ, не хочу тебя держать! Это послѣднее слово въ моемъ домѣ, и оно должно быть исполнено! Я тебѣ отказываю! (*Марианна уходитъ; Дюпюи жемъ*). Это твоя вина, любезный другъ. Ты позволяешь прислугѣ фамиллярныя отношенiя; вотъ что выходитъ изъ этого! Ты слышала: я отказалъ ей!

Г-ЖА ДЮПЮИ. Слышала. Я завтра ее разсчитаю, если ты не переѣдешь своего намѣренiя.

ДЮПЮИ. Если не переѣдешь?.. Привыкъ я что-ли бросаться изъ стороны въ сторону?.. Что я, флюгеръ какой? Меня считаютъ ослабѣвающимъ отъ лѣтъ, позволяютъ, у меня въ домѣ слугамъ давать мнѣ наставленiя...

Г-ЖА ДЮПЮИ. Радъ Бога, мой другъ, ни слова больше объ этомъ: завтра же ея не будетъ. Но мнѣ бы хотѣлось посмотреть, Жоржъ, все ли тутъ что нужно?.. Позволь взглянуть въ чемоданъ; нужныя плохiе знатоки по части тряпокъ; вногда не найдешь подъ рукой бездѣлицы какой-нибудь—и раздраженъ на цѣлый день... Я знаю, чего нѣтъ—можно кушать; но зачѣмъ, если можно обойтись безъ этого? (*Весело*). А вотомъ, это заставить тебя помнить обо мнѣ дорогою, повѣса!

ДЮПЮИ. Какъ знаешь, милая. Вотъ ключи. (*Г-жа Дюпюи уходитъ*).

VI.

РУВЕРЪ и ДЮПЮИ.

ДЮПЮИ (*измѣняясь въ тонѣ и въ лицѣ, по уходѣ жены*). Скажи пожалуйста: она, кажется, приняла это какъ мелязъ—лучше?

РУБИЕРЪ (*серьозенъ*). Совершенно... Знаешь, Жоржъ, въ ней есть много хорошаго, въ твоей женѣ.

ДЮПОН (*глядя на него внимательно*). Не правда ли?

РУБИЕРЪ. Она робка, скромна до-крайности.

ДЮПОН. Я тебѣ говорилъ, мой другъ... Она испугалась тебя... А какъ обошлось, какъ разговорились вы, я увѣренъ, ты едва узналъ ее!

РУБИЕРЪ. Такъ, я не скрываю отъ тебя, что сперва она была очень тропута; она нашла въ сердцѣ выраженія. . которыя меня поразили.

ДЮПОН. О, сердце есть у ней!

РУБИЕРЪ. Ты могъ бы прибавить, что есть и умъ, и самый утонченный, самый возвышенный—въ случаѣ надобности!

ДЮПОН (*въ восторгѣ*). Знаю, знаю! Я и самъ не дуракъ, а? Женелся ли бы я на ней, спрашиваю тебя, если бы не понималъ, въ ней есть что-то такое?.. И повѣрь, еслибы пришлось начинать жизнь сначала, кладя руку на совесть, я сдѣлалъ бы тоже самое... и я не только счастливъ моимъ выборомъ, но горжусь имъ!.. У ней есть недостатки... я вижу ихъ лучше всякаго; но что такое немножко неловкости, провинціальной манеры, когда рядомъ съ этими пятнами пробивается въ женщинѣ самая преданная, самая прочная нѣжность, прямой и здравый смыслъ, горячее свиреніе... и въ тоже время скромность. . всѣ качества, къ которымъ можетъ привязаться честный человѣкъ...

РУБИЕРЪ (*смѣется, ударяя его плечу*). А—а! Честный человекъ!.. Вотъ оно что!.. Ну... ладно...

ДЮПОН. Что такое?

РУБИЕРЪ. Хорошо ужъ! Заключение этой рѣчи довольно ясно: подумавъ хорошенько, отънѣвъ на досугъ соврѣвшее, которое у тебя въ домѣ, ты теряешь рѣшимость разстаться съ нимъ. Словомъ, ты отпугиваешь меня одного... Понимаю, понимаю...

ДЮПОН. Клянусь тебѣ...

РУБИЕРЪ. Да полно... понимаю, говорю тебѣ.

ДЮПОН (*не въ духѣ*). Плохо понимаешь... Я никогда не забывалъ качества моей жены; но будь она въ десять разъ лучше, все-таки правда, что я прожилъ вѣкъ свой какъ улитка!.. Добродѣтели ея покажутся мнѣ еще выше, когда чувство моего умственного униженія перестанетъ нѣшаться съ самыми пріятными ощущеніями... какъ...

РУБИЕРЪ (*пожимая плечами*). Смѣхъ, право, съ его умственнымъ униженіемъ!..

ДЮПОН. Не ты ли смѣялся надъ нимъ, минутой тому назадъ, когда рисовалъ мнѣ его красками... которыхъ энергію едва умѣрляла дружба!..

РУБИРЪ. И ты не видѣлъ, что я шутилъ?.. Всѣ умные люди, которые живутъ въ провинціи, воображаютъ себѣ, что дѣлаются идиотами... Я предчувствовалъ въ тебѣ эту манію... и чтобъ потѣшиться, дразнилъ тебя... ты же выпилъ къ тому.

ДЮПИОН. Что бы тамъ ни было, я хочу ѣхать... больше чѣмъ когда-нибудь; если и была минута нерѣшимости, она прошла; я могъ бояться, сознаюсь, впечатлѣнія этого отъѣзда на жену; но вижу, она покойна, и послѣднія опасенія исчезли.

РУБИРЪ. Послушай, Жоржъ; ты черезъ-чуръ довѣряешь наружности: чтобъ не раздражить тебя, жена притворяется твердою, а на душѣ у нея вовсе не то. Я знаю...

ДЮПИОН (*гнѣвно*). Ты знаешь, ты разсудилъ... что я тебѣ буду въ тягость, и хочешь оставить меня тутъ! Вотъ и все!

РУБИРЪ. Да нѣтъ же, Жоржъ!.. это недоразумѣніе — не болѣе. Я думалъ по твоему разговору, что ты перемѣнилъ настрѣненіе... Я хотѣлъ предупредить твое желаніе, возвращая тебѣ слово... Но если ты непреклоненъ—довольно: я въ восхищеніи.

МАРИАННА (*отворяетъ дверь*). Лошадей привели! (*Хлопасть, затворяя дверь*).

РУБИРЪ. А? Задушила бы она меня, еслибы могла, эта вѣдьма. И такъ станемъ одѣваться. (*Закутываются въ шинель, постукивая ногами о полъ*). Да, кстати!.. Ты, помнится, говорилъ, что не спишь въ каретѣ, а?

ДЮПИОН. Извини: какъ нельзя лучше.

РУБИРЪ. Ну, тѣмъ лучше... Запрягли, я думаю?.. Окно это на уgiftу? (*Отворяетъ окно и сейчасъ же затворяетъ*)... У, у! какой морозъ. Камни ломаютъ. Я боюсь, не замерзъ бы ты, бѣдняжка!

ДЮПИОН. (*одѣваясь для дороги*). Не бойся: я переношу холодъ, какъ лапландецъ.

РУБИРЪ. И прекрасно! (*Бьетъ девять часовъ. Входитъ г-жа Дюпионъ съ большимъ женскимъ платкомъ въ рукахъ*).

VII.

РУБИРЪ, ДЮПИОН, Г-ША ДЮПИОН, потомъ и МАРИАННА.

Г-ША ДЮПИОН (*отрывисто и съ волненіемъ*). Все готово. Вотъ ключи, мой другъ. Я исправила кое-что, забытое пополнила—тамъ увидишь; а вотъ тебѣ половина платка... обернуть шею...

ДЮПИОН. Какая глупость!.. Ну да ужъ давай... но къ чему было рѣзать хорошій платокъ!

Г-ША ДЮПИОН. Другая половина вамъ, г. Томасъ.

РУВИЕРЪ (*пристально смотритъ на нее*). Для меня?... О! благодарю васъ...

Г-ЖА ДЮЮИ. Вы будете помнить ваши обѣщанія, не правда ли? (*Рувьеръ дѣлаетъ утвердительный знакъ, и рѣзко отворачивается*). А ты, Жоржъ, будешь писать, особенно дочери?

ДЮЮИ. Часто—и тебѣ тоже (*Нахлобучиваетъ шапку на глаза*).

РУВИЕРЪ (*грѣетъ ноги и съ разсѣянностію смотритъ на календарь, который стоитъ на каминѣ; вдругъ*). Двѣнадцатое января!.. Какъ! Сегодня двѣнадцатое января?..

Г-ЖА ДЮЮИ. Да... что-жь это за число такое: двѣнадцатое января?

РУВИЕРЪ. О, это число касается до меня одного... Пять лѣтъ тому назадъ—въ это же время и почти въ этотъ же часъ, я переносилъ испытаніе, которому мудрено изгладиться изъ памяти.. Жоржъ, ты не слушаешь?

ДЮЮИ. Какое испытаніе? Несчастіе?..

РУВИЕРЪ. Я просто былъ болѣнъ, и болѣнъ въ трактирѣ, что весьма не весело.

ДЮЮИ (*сухо*). Больнымъ можно быть вездѣ.

РУВИЕРЪ. Очевидно. Но до чего впечатлѣнія болѣзни и самой смерти могутъ быть различны, смотря по условіямъ, подъ которыми онѣ застигаютъ насъ,—это надо испытать, чтобы постигнуть.

ДЮЮИ. Э! Смерть всегда смерть!

РУВИЕРЪ. Ты думаешь?... Посмотрѣлъ бы я на тебя... Это было въ Пескиерѣ, на Гардскомъ-озерѣ, прекрасной сторонѣ, впрочемъ... мы будемъ проѣзжать тамъ... я покажу тебѣ домъ... Задержала меня какая-то дрянная лихорадка... Съ недѣлю все шло хорошо, потому—что я былъ въ постоянномъ безпамятствѣ; но въ одинъ прекрасный вечеръ, именно съ двѣнадцатаго на тринадцатое января, я опомнился съ такимъ чувствомъ внутренней тревоги и слабости и въ тоже время съ такимъ страннымъ расположеніемъ ума, что не сомнѣвался нисколько въ близкомъ концѣ... И что-же Жоржъ? Я въ жизни видѣлъ не мало страховъ, самъ лезъ на нихъ — и вспоминаю о томъ съ какимъ-то удовольствіемъ; но когда я подумаю о минутѣ моего пробужденія въ этой мерзкой трактирной комнатѣ, меня до костей пробираетъ морозъ!.. (*Марианна входитъ, но по знаку г-жи Дююи останавливается у двери*).

ДЮЮИ (*подходя къ нему*). Что же ты увидалъ такое?

РУВИЕРЪ. Ничего особеннаго, между тѣмъ. Людей, которые, также какъ и я, думали, что пришелъ мой конецъ; старуху и молодого док-

тора, которые разговаривали въ одномъ углу, священника, стоявшаго на колѣняхъ у моей постели, и въ видѣ рамки къ этой похоронной сценѣ,—поблѣкля занавѣски и всю сборную мебель и утварь трактирнаго помѣщенія. Что возмутило меня, что перевернуло мнѣ всю душу,—это не пошлая обстановка комнаты, не саванъ, уже приготоовленный для мертваго... нѣтъ... а эта беззаботность и варварская разсѣянность, которыя меня окружали, это глубокое одиночество, безлюдье, среди которыхъ я умираю... Говорить я не могъ... но до-чего все это у меня осталось передъ глазами!.. Умоляющимъ взоромъ смотрѣлъ я на всѣ стороны, стараясь привязать къ чему-нибудь жизнь, которая меня оставляла, съ трепетомъ прося у этихъ безстрастныхъ лицъ знака участія, или хоть сожалѣнія, упрашивая самую стѣну, мебель, все... ища какого-нибудь предмета, который бы говорилъ моему сердцу... хоть одного воспоминанія, которое бы убаювало мой послѣдній сонъ... чего-нибудь, что бы меня знало и сказало бы мнѣ: прощай!.. Все было чужое!..

ДЮНЮ (*мрачно и ворчливо*). Смерть ни при какихъ обстоятельствахъ непріятна!.. Въ эту минуту одиночество можетъ имѣть свою грустную сторону, семейная обстановка имѣетъ свои стороны, которыя ничѣмъ не лучше.

РУБИРЪ (*со серьезною улыбкою*). Ты думаешь?.. Что касается до меня, смерть, какъ создалъ ее Богъ для всѣхъ людей, какъ переносятъ ее большая часть ихъ, смерть растроганная и утѣшенная, та, которую оплакиваютъ и которая сама плачетъ, являлась мнѣ, въ сравненіи съ моей агоніей, какимъ-то праздникомъ... О, въ эту ночь, странныя сдѣлалъ я размышленія. (*Бьетъ по лбу рукой*). Ну, ты готовъ?

ДЮНЮ. Къ твоимъ услугамъ!.. Какія ты могъ сдѣлать размышленія?

РУБИРЪ. Правду тебѣ сказать, у меня поубавилось немножко бодрости; я менѣе восхищался родомъ жизни, который избралъ въ общей колѣн... Зачѣмъ скрывать? Истинная книга жизни вдругъ раскрылась передъ моими глазами, и я прочелъ въ ней, на всѣхъ страницахъ, написанныя божественною рукою слова: *обязанность и жертва!*.. Я не хотѣлъ узнать сладость этого обыкновеннаго закона; я видѣлъ только его невыгоды; потому я узналъ и его благодѣнія; я бѣжалъ отъ связей къ независимости, и нашелъ только вѣчное изгнаніе; я мечталъ завоевать блага, невѣдомыя толпою, и завоевалъ — что же? молодость безъ привязанностей, старость безъ опоры, смерть безъ слезъ! (*Выразительно*). Тогда-то, Моржъ, тогда я узналъ, какою цѣною судьба продаетъ намъ эгоизмъ!..

ДЮНИО. Ты долго былъ въ этомъ положеніи?

РУБИЕРЪ. Довольно... чтобы никогда не забыть его!.. Молодой докторъ, видя, что мой взглядъ остановился на немъ, подошелъ къ моей постели, и я почувствовалъ на рукѣ прикосновеніе его руки, холодной, безстрастной, какъ его сердце. Я оттолкнулъ его и закрылъ глаза... Я былъ свидѣтелемъ смерти моего отца: вспомнилъ вдругъ его, съ ясностію воспоминанія, которая ослѣпила меня, какъ видѣніе, вспомнилъ всѣхъ тѣхъ, которые присутствовали при его последнемъ часѣ: домашнихъ слугъ, стараго доктора и сѣдаго священника, друзей его дѣтства; мою добрую мать—всѣхъ, наклонившихся къ нему, улыбавшихся ему сквозь слезы и облегчавшихъ ему смерть, какъ украшали они ему жизнь!.. При этой мысли, передъ этими образами, мое сердце, какъ ни зачерствѣло оно, растаяло рыданіями... (*Голосъ его надрыгается*). Я былъ спасенъ. (*Онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ; г-жа Дюнио, стоя облокотившись на каминъ, отворачивается, закрывая глаза рукою*).

ДЮНИО (смущенный). Эти воспоминанія тебя разстроиваютъ, мой другъ?

РУБИЕРЪ. Разстроиваютъ?... Да!.. И все, что я вижу здѣсь, въ этой гостиной, пробуждаетъ ихъ! (*Какъ будто про себя*). Всѣ эти старинныя помѣщенія похожи одно на другое... я все это видѣлъ въ моей первой молодости, въ моей лучшей молодости... Возлѣ окна, какъ и здѣсь, былъ маленькій рабочій столъ, за которымъ я каждый годъ заставлялъ мою мать; у каминна большое кресло, съ котораго вставалъ отецъ, чтобы обнять меня; на стѣнахъ семейные портреты, хранители домашняго мира и чести; вездѣ, какъ здѣсь, сплетеніе двухъ жизней, тѣсно связанныхъ... навсегда!.. Да, я ихъ видѣлъ... Мнѣ слѣдовало бы учиться, на нихъ глядя!.. И нужно же было мнѣ влечь по всей землѣ тоску моей безпріютной жизни, неутомимое сознаніе непризнаннаго долга,—прежде нежели я повялъ, что они счастливы меня!.. Да сами они знали-ли это?.. Не слышалъ я развѣ, какъ отецъ мой завидовалъ горькимъ удовольствіямъ, которыя мнѣ пришлось извѣдать? не былъ я развѣ, и не одинъ разъ, свидѣтелемъ или повѣреннымъ ихъ сожалѣній, ихъ взаимныхъ неудовольствій?.. Бѣдные старики! А, не стало одного, другая жить не могла безъ него.

ДЮНИО. Другъ мой!

РУБИЕРЪ (чрезвычайно разстроенный). И что жъ! Какъ только этотъ домъ опустѣлъ, я его продалъ!.. Хорошо сердце у меня!.. Комната, гдѣ я родился, окно, гдѣ работала моя мать, откуда я въ первый разъ увидѣлъ солнце, всѣ преданія, я продалъ все!.. Я сдѣлалъ

лучше... мое родовое наследство отчуждено навсегда. Я навсегда и навсегда адоволю цѣна злочина, такъ-что теперь на могу даже обезпечить моей старости приманчивое наследство, купить хоть какой-нибудь продажности. Но что мнѣ еще больше — я не могу даже купить этотъ бѣдный сельскій домъ, гдѣ могъ бы прожить одиночнѣ мои послѣднѣ дни... гдѣ меня любилъ-бы... по-крайней-мѣрѣ тыне прошлаго... (Съ усмѣлкой). Что-жъ, вѣдемъ мы, наконецъ?

ДЮПОНЪ (съ увлеченіемъ, беретъ его за руку). Да, Томъ, да, мы вѣдемъ, если ты откажешься занять у моего оцага мѣсто друга.. мѣсто брата! (Жанъ). А ты, не плачь... забудь эту минуту неблагодарности... первую въ моей жизни... и послѣднюю!

Г-ЖА ДЮПОНЪ (бросаясь ему на шею). Жоржъ! (Подбѣгаетъ къ Рувьеру, который смотритъ на нихъ слезными глазами). Ахъ, г. Рувьеръ, еслибы это счастье, которое вы намъ возвратили, могло и вамъ улыбаться, съ какимъ восторгомъ мы бы улыбались вамъ долю его!..

РУВИЕРЪ (колеблясь). Г-жа Дюпонъ!.. Друзья мои!.. Жоржъ. Правда не скрывать... Я какъ ребенокъ попался въ западню, которую ставилъ тебѣ. (Садится, въ изнеможеніи; Дюпону и г-жа Дюпонъ преступаютъ къ нему и спрашиваютъ. Въ-полголоса:). Сладкій сонъ для такого спрота, какъ я!..

Г-ЖА ДЮПОНЪ (всплескивая руками, въ восторгѣ). Остается!

МАРИАННА (утирая глаза въ углу). Пойду, постелю ему въ той.. въ голубой комнатѣ!

РУВИЕРЪ (поспѣшно вставая). Э! слынишь, Марианна!

МАРИАННА. Что прикажете.

РУВИЕРЪ. Не вздумай положить мнѣ ноги выше головы!.. Шестидесять сантиметровъ наклоненія, слышишь!.. А потомъ, сохрани тебя Боже... (Оставаемавается, качаетъ, улыбаясь, головой и продолжаетъ крохко). Дѣлай, какъ знаешь, Марианна; все будетъ прекрасно. (Марианна уходитъ). Видите, мои друзья, все этотъ проклятый эгоизмъ!.. но вы, вы меня отъ этого отучите... Уф!.. Такъ я, значить, отдохну немаложко! (Садится)... Сдѣлайте мнѣ еще удовольствіе, г-жа Дюпонъ... Я знаю по опыту муки изгнанія... позовите сюда вашу кошку!..

ЗААТЛАНТИЧЕСКІЯ СДВНЫ.

ОРЕГОНЪ, САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА И КАЛИФОРНІЯ.

Столица Орегона лежитъ при рѣкѣ Вильяметъ, впадающей въ Колумбію. Городъ болѣею частію построенъ въ ложбинѣ. Быстрое теченіе рѣки даетъ силу, которую можно прилагать по произволу; теперь уже пять или шесть мельницъ дѣйствуютъ безъ умолку, и можно еще устроить ихъ сколько угодно. Когда Орегонъ довольно населится, то будетъ однимъ изъ замѣчательныхъ мануфактурныхъ мѣстъ въ Америкѣ.

Городъ еще не многолюденъ, но дома поднимаются со всѣхъ сторонъ, и земли покупаются дорогою цѣною. Маленькіе деревянные домики, о двухъ и трехъ комнатахъ, отдаются въ наемъ за 150 и 200 долларовъ въ мѣсяцъ; земля длиною въ 200 и шириною въ 150 футовъ стоитъ не менѣе 200 долларовъ. Снимаютъ теперь на планъ мѣстность для устройства публичной прогулки. Все это населеніе, едва укрытое отъ непогоды въ слѣпленныхъ кое-какъ домикахъ, пускается уже въ самыя смѣлыя проекты.

Безплодность почвы вблизи города не позволяетъ ее обрабатывать, но въ 30 миляхъ отъ него лежитъ превосходная долина Вильяметская, которая, по своему примѣрному плодородію и пространству, можетъ прокормить многочисленное народонаселеніе. Я могу это сказать потому, что собственными глазами видѣлъ картофель и луковицы самой огромной величины. Разныя овощи растутъ въ изобиліи въ открытомъ полѣ, почти безъ всякаго ухода за ними. Отъ этой долины до самой столицы рѣки судоходна и можетъ поднимать лодки и суда въ 50 и 60 тоннъ.

Строить пароходъ, который облегчитъ сообщеніе земледѣльческаго округа съ мануфактурнымъ.

Я не могу не сравнить положенія американскаго выходца въ Орегонѣ, съ выходцемъ, поселившимся въ англійской колоніи Ванкуверъ: въ Орегонѣ каждый фермеръ получаетъ для обработыванія землю, ремесленникъ работу, всякій находитъ средства для своего обогащенія. Въ Ванкуверѣ едва найдется столько годной для обработыванія земли, чтобъ прокормить небольшую колонію. Этотъ островокъ принадлежитъ гудсоновской компаніи, и всѣ лучшія земли проданы дорогою цѣною.

Въ воскресенье мы ходили въ католическую церковь. Архіепископъ, въ полномъ облаченіи, говорилъ проповѣдь о покаяніи. На слѣдующій день мы взяли мѣсто на бригѣ во 120 тоннъ «*Magy-Dage*», чтобъ идти на Сандвичевы-острова; намъ сказали, что плаваніе можетъ продолжиться три недѣли, на это время мы и запаслись провизіей.

Наше отправленіе изъ Орегона было не очень благополучно; спускаясь по Колумбѣ, мы нѣсколько разъ садились на мель, а дойдя до устья этой рѣки, простояли за погодой цѣлые десять дней на якорѣ въ заливѣ Бакеръ. Противный вѣтеръ рѣшительно препятствовалъ намъ пройти чрезъ узкій и опасный каналъ, которымъ оканчивается устье. Въ двѣ недѣли морская жизнь ужасно мнѣ наскучила. Безпрестанный дождь держалъ насъ взаперти въ каютѣ, длиною въ 12 и шириною въ 6 шаговъ; она была у насъ и спальною, и столовою, и залой для бѣды.

Меблировка каюты была самая жалкая: для постелей — голыя доски, безъ матрацовъ, одно или два плохія одеяла; зато вдоволь блохъ. Вообще путешествіе по американскимъ степямъ казалось теперь намъ болѣе удобнымъ и покойнымъ; тамъ мы имѣли, по-крайней-мѣрѣ, свободное движеніе, а здѣсь обречены были на заключеніе.

Когда мы вышли въ море, судьба продолжала намъ неблагопріятствовать. Чрезъ 36 часовъ поднялся отъ зюйдъ-оста жестокий вѣтеръ, совершенно намъ противный; къ концу недѣли вся наша свѣжая провизія вышла, книги свои мы всѣ перечитали, и были въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Дни тянулись за днями, а вѣтеръ все не перемѣнялся, — наконецъ насталъ 48-ми-часовой штиль; теперь, думали, навѣрно перемѣнится вѣтеръ; — не тутъ-то было, опять противный, и вскорѣ даже сдѣлалась буря. На палубѣ брига было настоящее наводненіе. Капитанъ ругалъ помощника своего, помощникъ ругалъ матросовъ, пассажиры ругали повара, который морилъ ихъ съ голоду. Ночью опасно было спать: жестокий толчокъ могъ разбить голову или повредить челюсть объ доску ящика, служившаго намъ постелью; присоедините къ этому множе-

ство различныхъ наѣвкомыхъ, изъ которыхъ натуралистъ могъ бы сдѣлать цѣлую коллекцію: трудно было не потерять терпѣнія. Къ довершенію нашего горя, въ шлюпку, гдѣ были свиньи, нахлынула волна и всѣхъ ихъ потопила, такъ что 25 декабря, послѣ шестинедѣльнаго плаванія, для праздника Рождества, у насъ не было ничего, кромѣ дохлой свинины, да соленой рыбы, даже ни одной бутылки вина, чтобъ запить этотъ скудный обѣдъ; оставался одинъ только ромъ. Разумѣется, мы могли сказать, что все же это лучше, чѣмъ умирать голодною смертью въ какихъ-нибудь горахъ; однако, несмотря на эти мудрыя разсужденія, мы не могли забыть настоящихъ нашихъ лишеній, громко говорили, что еще не было такого несчастнаго путешествія изъ крѣпостцы Ванкувера къ Сандвичевымъ-островамъ, и проклинали бригъ *Maqu-Dage*.

Я думаю, никакимъ пассажирамъ не опротивѣла такъ морская жизнь, какъ намъ. Наконецъ на седьмой недѣлѣ мы увидѣли берегъ. О-какъ эти острова казались намъ прекрасны, когда съ попутнымъ вѣтромъ, подъ всѣми парусами, мы проходили между ними!

Никогда тропическая природа не казалась мнѣ такъ хороша вода такъ прозрачна, пальмы такъ величественны, растенія такъ зелены. Природа въ полномъ убранствѣ привѣтливо насъ встрѣчала, какъ-бы приглашая наслаждаться ею. Лоцманъ не могъ въ этотъ день ввести наше судно въ гавань; мы наняли лодку, переплыли черезъ коралловые рифы, и вышли на берегъ, прямо въ столицу острова Вагу.

Прежде всего мы отправились къ нашему генеральному консулу г. Миллеру, который былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ комнату въ своемъ прекрасномъ небольшомъ домикѣ, видомъ и удобствомъ своимъ напоминающемъ Англію. Фридь и миссіонеръ помѣстились у одного англійскаго купца. Первое впечатлѣніе, произведенное на насъ городомъ Гонолулу, было самое пріятное: красота мѣстоположенія, его неправильное, пріхотливое расположеніе, живописный видъ домовъ, обвитыхъ зеленью, окруженныхъ просторными галереями и осѣненныхъ кущами деревьевъ, мужественныя, веселыя лица островитянь—все это было для насъ пріятною новостію.

Берегъ отъ взморья, постепенно возвышаясь, сливается съ высокою цѣпью горъ. За городомъ лежитъ равнина, вполне заслуживающая свою славу; черезъ нее извиается дорога, ведущая на другую сторону острова. Эта долина весьма хорошо воздѣлывается и производитъ преимущественно корень тѣро, требующій постояннаго и частаго орошенія почвы. Вездѣ разбросаны небольшіе домики съ садами, наполненными всѣми тропическими растеніями. Хлѣбное дерево занимаетъ главное мѣсто; бана-

лима, апельсиныя и лимонныя деревья обременены прекрасными плодами; самыя вкусныя дыни у нихъ такъ обыкновенны, какъ у насъ рѣва.

Далѣе, гдѣ долина суживается и крутизна по обѣимъ ея сторонамъ становится неспособна къ воздѣлыванію, всѣ растенія предоставлены на волю могучей тропической природы: акація, дикіе померанцы и множество другихъ деревьевъ потрясаютъ своими косматыми вершинами надъ непроницаемою чащею переплетеннаго кустарника. Высокіе пики, всегда покрытые облаками, притягиваютъ къ себѣ изъ моря и воздуха влагу, которая, превращаясь въ воду, низвергается съ горъ безчисленными ручьями, поддерживающими всегдашнюю свѣжесть въ долинѣ. Климатъ на островѣ самый постоянный въ свѣтѣ. Вѣтерокъ съ моря дуетъ днемъ и ночью, и въ-продолженіе всего года термометръ не колеблется болѣе, какъ на 5 или на 6 градусовъ. Средняя температура около 84° Фаренгейта.

На восточной оконечности Вагу находится потухшій вулканъ; есть на островѣ и другіе вулканы, только никто не помнитъ ихъ изверженій. Между первымъ вулканомъ и городомъ стелется обширная равнина, по которой жители каждый вечеръ развѣзаютъ верхомъ, для прогулки, когда дневной жаръ немного уменьшится; особенно же по воскресеньямъ. Гайдъ-Паркъ не веселѣе, не оживленнѣе этой равнины: вигини, такъ называютъ здѣсь женщинъ, одѣты въ длинныя разноцвѣтныя платья. На головахъ у нихъ маленькія соломенныя шляпы съ лентами или волосы развѣваются по вѣтру, придерживаясь только гирляндой изъ свѣжихъ померанцевыхъ цвѣтовъ. Ихъ улыбающіяся лица, ихъ радостныя, звучныя голоса такъ прелестны, такъ натуральны, что невозможно имъ не восхищаться. Вигини славныя наездницы, и хотя лошади ихъ не самой чистой крови, однакожь такъ быстро несутся, что не очень легко слѣдовать за этими смуглыми красавицами.

Мужчины видныя-малые, смуглы лицомъ и болѣею частію немного выше средняго роста. Одежда ихъ состоитъ изъ маро, родъ плаща, который они дѣлаютъ изъ коры акаціи. Маро имѣетъ въ длину четыре, а въ ширину одинъ футъ; они обертываютъ имъ нѣсколько разъ себя выше пояса. Женщины изъ этой же ткани носили прежде коротенькія юбки; но съ прибытія миссіонеровъ, это слишкомъ эфирное одѣяніе замѣнено длинными разноцвѣтными платьями, которыя онѣ носятъ съ талією подъ мышками. Надо полагать, что пожертвованіе граціознымъ костюмомъ съ избыткомъ вознаграждено улучшеніемъ ихъ нравственности.

Островитяне, какъ легко понять, ведутъ жизнь простую, однако очень опрятны. Пища ихъ состоитъ преимущественно изъ пое, тѣста, сдѣланнаго изъ таро, которое они оставляютъ въ броженіи, пока оно не во-

лучить кислаго вкуса. Ложекъ не употребляютъ, садятся, поджавши ноги, вокругъ чашки, изъ которой берутъ тѣсто двумя пальцами. Обыкновенно присоединяютъ къ этому кушанью сырую рыбу. Въ этомъ случаѣ, каждый имѣетъ при себѣ чашку съ свѣжею водою, въ которой моетъ руки, послѣ каждаго куска рыбы, прежде нежели опуститъ пальцы свои въ національное блюдо. Бананы и кокосовые орѣхи также употребляются въ пищу, а иногда сарачинское пшено и сахарный тростникъ. Съ большими тщаніемъ занимаются они приготовленіемъ кавы, хмѣльнаго напитка, до котораго большіе охотники. На каву наложили теперь миссіонеры табу, то-есть запрещеніе, и потому приготавливаютъ его въ-тайнѣ. Кава дѣлается изъ корня растенія, похожаго на перецъ; женщины жуютъ его и выпускаютъ сокъ въ сосудъ, наполненный водою. По надлежащемъ броженіи, эта смѣшаная жидкость приобретаетъ удивительную крѣпость. Злоупотребленіе этого напитка сопровождается послѣдствіями, какія бываютъ отъ опиума: за опьяненіемъ наступаетъ общее разслабленіе, со-временемъ дѣлается сухотка и, какъ послѣ паралича, судорожныя подергиванія. Я говорилъ о ихъ опрятности, однакожь способъ приготовленія кавы и обыкновеніе ѣсть сырую рыбу не очень подтверждаютъ мое показаніе; впрочемъ я продолжаю поддерживать его во всей силѣ относительно самихъ лицъ. Островитяне часто плаваютъ, а женщины, и даже дѣти, по цѣлымъ часамъ остаются въ водѣ, и также плаваютъ не хуже мужчинъ.

Мы прожили уже недѣли двѣ въ Гонолулу, какъ г. Миллеръ извѣстилъ насъ, что можетъ, если мы желаемъ, представить насъ къ королю Тамеамае III. День къ этой церемоніи былъ назначенъ; я заказалъ черный фракъ портному, который самъ былъ червѣе этого фрака. Мы цѣлою толпою отправились во дворецъ, подъ предводительствомъ нашего консула въ трехугольной шляпѣ. По прибытіи нашемъ, хоръ туземныхъ музыкантовъ заигралъ англійскій національный гимнъ, не знаю, въ честь короля или нашего прихода. Мы прождали съ полчаса въ передней залѣ и познакомились тамъ съ разными начальниками въ европейскихъ мундирахъ. Трудно мнѣ передать ихъ имена; одинъ назывался въ родѣ Туе-туе, другой похоже на Пу-пу; это сочетаніе буквъ, совершенно намъ непонятное, безъ-сомнѣнія, на ихъ языкѣ имѣло значеніе самое почетное, аристократическое.

Наконецъ министръ иностранныхъ дѣлъ, украшенный огромною на груди звѣздою и изъяснявшійся съ примѣтнымъ шотландскимъ акцентомъ, пришелъ за нами, чтобъ представить насъ королю. Аудіенцъ-зала наполнена была знатью Гавайскаго королевства; чиновники находились по одну сторону короля, женщины по другую сторону королевы. Послѣднія сидѣли

по росту, какъ трубочки въ свирѣли Пана, отъ карлицы въ короткой юбкѣ и панталонахъ до королевы, которая стояла на ногахъ, потому что не могла бы умѣститься въ креслахъ. Мужчины сидѣли въ противоположномъ порядкѣ, и кажется, меньшіе по росту имѣли высшее значеніе.

Въ ту минуту, какъ мы вошли въ залу, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ читалъ, какъ настоящій янки, письмо отъ президента къ королю, который слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, не понимая ни слова по-англійски; а мы въ это время отъ нечего дѣлать снимали и надѣвали желтыя перчатки, и разсматривали раскрашенныя картинки, изображающія разныя войска нашей арміи. Этотъ королевскій музей очень напоминалъ модныя картинки, пригѣоленные къ стекламъ портныхъ. Когда я шелъ по залѣ, все еще слыша неприятное чтеніе посланника, чиновникъ со звѣздой на груди ударилъ меня по плечу. Положено было, чтобъ Фридъ представился первымъ, за нимъ миссіонеръ, а потомъ я. Кажется, между министромъ иностранныхъ дѣлъ и консуломъ нашимъ вышелъ споръ, кто изъ нихъ долженъ насъ представить. Консулъ одержалъ верхъ, а министръ утѣшился тѣмъ, что пойдетъ впереди кортежа и будетъ переводить королю наши титулы и званія.

Тамеамаеа приказалъ великому адмиралу, великану выше шести футовъ, снять со свѣчей, потомъ сказалъ, что радъ насъ видѣть. Несмотря на соглашеніе консула съ министромъ, послѣдній, жалѣя, что въ настоящемъ случаѣ не можетъ выказать всей своей важности, взялъ Фрида за руку и сказалъ королю на шотландскомъ нарѣчій, что Сандвичевы острова рѣдко имѣли посѣтителями такихъ важныхъ, какъ мы, особъ, что такой-то лордъ и такой-то герцогъ, безспорно, самые знаменитые люди, въ заключеніе же проговорилъ тираду стиховъ въ пятьдесятъ изъ трагедій Шекспира-Генрихъ V.

Послѣ моего поклона, когда я отходилъ, пятясь задомъ, какъ этого требовалъ придворный этикетъ, подъ каблукъ мой попались лапы огромной черной собаки, любимицы министра со звѣздой. Животное испустило страшный крикъ; опасаясь за свои икры, я такъ неосторожно повернулся, что, потерявъ равновѣсіе, чуть не упалъ въ объятія микроскопической дамы въ панталонахъ: отъ этого представленіе чуть не разстроилось. Но когда одинъ изъ товарищей моихъ, самый неловкій человѣкъ въ мірѣ, завязнувъ ногами въ креслахъ, упалъ слишкомъ неловко предъ глазами всего двора, я со всѣхъ ногъ бросился въ уголъ, и смѣшавшись съ толпою, чуть не померъ со смѣху.

Такъ кончилось наше краткое представленіе при дворѣ гавайскомъ,

и надо сказать правду, для полудняго двора торжество это было недурно.

Спустя нѣсколько дней послѣ этой церемоніи, одинъ англійскій купецъ пригласилъ насъ на сельскій праздникъ, который онъ давалъ для тридцати или сорока человекъ туземцевъ. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ конецъ предестной долины Вагу. Намъ дали лошадей, и мы заблаговременно пріѣхали туда вѣкорѣ послѣ полудня. Человѣкъ шесть островитянъ занимались тамъ устроиваніемъ изъ древесныхъ вѣтвей палатки.

Вдругъ долина оживилась: показались группы кавалеровъ и amazонокъ, блистающихъ яркими цвѣтами; изъ кавалеровъ—всѣ были приглашенные, но каждая дама могла привести съ собою, сколько угодно, пріятельницъ, лишь—бы онѣ были съ именемъ и хорошенькія. Когда онѣ пріѣхали, разумѣется, мы держали имъ стремя и помогали сходить съ лошадей. Замѣтивъ одну, дѣйствительно красавицу, я хотѣлъ снять ее съ сѣдла, но къ величайшему моему изумленію, вмѣсто благодарности за учтивость, она такъ стегнула меня своимъ хлыстикомъ, что мнѣ это вовсе не понравилось. — Вотъ, подумалъ я, премилая amazонка, только съ очень странными манерами. Островитянка расхохоталась, замѣтивъ мою невольную гримасу; но меня утѣшили тѣмъ, что я долженъ принимать эту шалость за особенное ко мнѣ благоволеніе и что эта продѣлка совершенно въ обычаяхъ острова.

Когда все общество собралось, стали помышлять объ обѣдѣ: свиньи, собаки, птицы и разныя овощи обернуты были въ широкія листья, положены на землю и прикрыты камушками, на которыхъ развели огонь. На мужчинъ возложена была обязанность мять пое, а дамы начали пѣть и танцовать. Пѣсни были болѣею—частію жалобныя, въ которыхъ главную роль играла любовь: голоса довольно монотонны, зато ужъ жесты очень выразительны. Мы, натурально, мало понимали, но намъ казалось, что тутъ была и импровизація, суля по повторенію однихъ и тѣхъ же фразъ и словъ. Солисть, какого бы ни былъ пола, продолжаетъ пѣть, не переводя духъ, не останавливаясь, до—тѣхъ—поръ, пока лицо не побагровѣетъ, и онъ совершенно не выбьется изъ силъ. Это монотонное пѣніе одушевляетъ однакожъ танцовщицъ, которыя вертятся и скачутъ, раздвигая не очень граціозно ноги. Главное состоитъ въ томъ, чтобъ какъ можно долѣе плясать безъ отдыха. Зрители, при каждой новой позѣ, вскрикиваютъ въ знакъ одобренія; наконецъ плясунья падаетъ отъ усталости, оглушенная криками, упоенная своимъ успѣхомъ.

Когда кушанья поспѣли, ихъ разложили на землѣ и всякій, безъ

церемоніи, принялся за любимое блюдо. Живность вскорѣ была востребована; несмотря на это, прелестныя островитянки нашли возможнымъ покушать столько пое, что оно съ трудомъ пошѣстилось бы въ любую шляпу. Вино и крѣпкіе напитки подавались по бутылкѣ на каждую группу. Такъ-какъ крѣпкіе напитки подвергнуты запрещенію, то гости обоого пола не замедлили потерять разсудокъ. — По мѣрѣ того, какъ бутылка опорожнялась, желаніе получить ее увеличивалось; вскорѣ сдѣлалась суматоха, поднялся крикъ, посыпались удары, и мы едва могли разнять враждующія стороны и водворить между ними миръ и тишину.

Но пора было подумать и о возвращеніи. Не легко было посадить на лошадей нашихъ амазонокъ. Пока двое изъ насъ прислуживали одной, другая, предоставленная себѣ-самой, потерявъ равновѣсіе, падала съ крикомъ на землю. Напоследокъ, кое-какъ усадили всѣхъ дамъ, подали знакъ къ отправленію, и прелестный эскадронъ пустился въ путь. Между амазонками была одна, ловкости которой я не могъ надвинуться. Приблизясь къ ней, я узналъ, что этимъ обязана она воздержности своей за обѣдомъ: короче сказать, это была та самая красавица, которая хлыстомъ своимъ при самомъ началѣ познакомила меня съ обычаями острова. Желая возобновить знакомство съ милой наѣздницей, я прищпорилъ мою лошадь; животное было доброй породы и пустилось во всю прыть. Красавица, чувствуя, что за ней несутся, ударила хлыстомъ свою лошадь, но было поздно, мой конь налетѣлъ на нее, нельзя было избѣгнуть удара; я нагнулся, чтобъ ее не задѣть, но мое колѣно коснулось ея ноги, и она со всего размаха упала на землю. Я думалъ, что тутъ ей и конецъ! Но, къ счастью, она была легка, какъ перышко, а лужокъ мягкій. Едва я соскочилъ съ лошади, амазонка была уже на ногахъ и сказала мнѣ съ обворожительной улыбкой: — не дурна! не дурна! — Милое твореніе, подумалъ я, ты хочешь сказать, что не ушиблась, а между-тѣмъ твои слова совершенно справедливы и въ настоящемъ ихъ значеніи, именно — ты очень, очень недурна и не сердита! и я, право, не встрѣчалъ болѣе милого, прелестнаго созданія. Я выразилъ ей, какъ умѣлъ, мой страхъ, мое сожалѣніе, мою радость, что она жива и здорова. Посадивъ ее на сѣдло, — на этотъ разъ она ужъ не ударила меня хлыстомъ, — я проводилъ ее до дому, и возвратясь къ себѣ, чувствовалъ, что влюбился въ нее.

Проживъ въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ шесть недѣль, Фридь и я подумали, что пора намъ направить путь къ востоку. Почти годъ я не получалъ извѣстій изъ Англіи, мы надѣялись найти къ себѣ письма въ Калифорніи. Случай къ этому теперь представился,

славный бригъ «Корсаръ» готовъ былъ идти въ Сан-Франциско, — капитанъ его, Англичанинъ, имѣлъ репутацію хорошаго моряка и пріятнаго собесѣдника. Юліусъ не могъ съ нами ѣхать, онъ намѣревался посѣтить прочіе Сандвичевы-острова и взялъ уже мѣсто на маленькомъ шлюпѣ, отправляющемся въ Овайги. На этомъ островѣ есть огнедышащая гора Монна-бога, одна изъ знаменитѣйшихъ въ свѣтѣ. Еслибы на это путешествіе не потребовалось мѣсяца, я готовъ былъ взойти на гору, извергающую пламень, и почтить у подошвы волкана мѣсто, гдѣ погибъ капитанъ Кукъ. Но чтобы видѣть ее только для удовольствія, — мы были сытехоньки. Надо было остальную энергію и терпѣніе поберечь на путешествіе въ Калифорнію, отъ котораго мы не ожидали большаго утѣшенія.

Въ февралѣ, въ пятницу (я очень хорошо это помню, потому что капитанъ объявилъ, что всѣ его счастливыя плаванія начинались именно въ этотъ напрасно обвиняемый день) мы вступили подъ паруса на Корсаръ, обратясь, послѣ многихъ мѣсяцевъ путешествія, въ первый разъ кормою къ западу. Юліусъ проводилъ насъ миль пять или шесть въ морѣ, потомъ мы разстались, выпивъ по стакану добраго шампанскаго за успѣхъ нашихъ путешествій. Вѣтерокъ былъ слабый, и мы шли не болѣе трехъ узловъ въ часъ, такъ-что до самаго вечера еще были видны высоты, окружающія прекрасный Гонолулу. Прислонясь къ снастямъ и смотря, сквозь вечерній сумракъ, на исчезающій берегъ, грустно говорилъ я самому-себѣ: прелестная тропическая природа, величавыя пальмы, прозрачныя воды, счастливый климатъ, простодушные островитяне, увижу-ли васъ еще когда нибудь?

Въ эту минуту мысли мои о родинѣ, намѣреніе мое навсегда возвратиться домой исчезли предъ пылкимъ желаніемъ побывать опять на этомъ благословенномъ островѣ, опять видѣть милый образъ молодой вигини, такъ ловко познакомившей меня съ обычаями своей страны. О Вагу! Еслибъ къ тебѣ ходили паровые вагоны, скоро утратилъ-бы ты всѣ прелести, которыми обладаешь! Но твоей поззіи нечего бояться этихъ вагоновъ, не легко достигать твоихъ очаровательныхъ береговъ! Много надо пройти сотенъ миль, много надо дней и недѣль подвергать себя всѣмъ непріятностямъ морскаго путешествія, чтобы насладиться твоими прелестями: ты далекъ, очень далекъ отъ насъ.

Многимъ не нравятся морскія путешествія; часто жалуются на монотонность ихъ; если не страдаютъ отъ морской болѣзни, то не могутъ терпѣть запаха смолы, скрипа на суднѣ въ бурю, хлопанья снастей и парусовъ. Всякій путешественникъ, рассказывая про свои путешествія, посвящаетъ нѣсколько строкъ описанію морской жизни, почему же и

мнѣ не воспользоваться этимъ примѣромъ, не потому, чтобъ я могъ сказать что-нибудь новое объ избитомъ предметѣ: ни что не ново подъ луною! Поневоля будешь говорить и писать о томъ, что было говорено и писано тысячу разъ прежде. Прошу напередъ прощенья у судей строгихъ, но мнѣ кажется, что всякое впечатлѣніе, вѣрно переданное, имѣетъ свою занимательность, и во-всякомъ-случаѣ, послѣ такого длиннаго путешествія за впечатлѣніями, послѣ столькихъ опасностей и безпокойствъ, можно позволить себѣ невинное удовольствіе подѣлиться ими съ публикой; это право въ особенности можетъ принадлежать путешественнику, который имѣлъ терпѣніе постоянно вести свой журналъ, терпѣніе, которое можетъ оцѣнить тотъ, кто самъ занимался подобнымъ дѣломъ.

Впрочемъ, настоящее наше путешествіе было самое благополучное и самое скорое. Три недѣли, какъ мы оставили Сандвичевы-острова, и уже бросаемъ якорь въ заливѣ Сан-Франциско. Какое множество входящихъ, выходящихъ, нагружающихся и разгружающихся судовъ! Какъ величественъ этотъ заливъ; съ одного конца его едва можно видѣть другой; городъ кажется не меньше Ливерпуля.

Погода однакожъ прескверная, но мы ни за что не остаемся на бригѣ. Нельзя же сказать, что мы въ Калифорніи, пока не вышли на берегъ! Итакъ непремѣнно сей-часъ отправляемся...

Съ чего же начать описаніе? Первое впечатлѣніе подобно тому, какое производитъ на васъ каждый американскій городъ: нѣтъ ничего новаго, улицы широкія, вымощенныя деревянною мостовою. Народонаселеніе озабоченное, неспокойное, неопрятное, небритое, развородное, — вообще все носить какой-то особенный характеръ, который я назову калифорнскимъ. Можетъ-быть, это происходитъ отъ множества игровыхъ домовъ, отъ золота, грудами наложеннаго на окна лавокъ, можетъ-быть еще... Впрочемъ, всего лучше помѣстить здѣсь письмо, которое писалъ я изъ Сан-Франциско; — впоследствии я узналъ, что оно помѣщено было въ газетѣ «Times»; еслибъ я предвидѣлъ, что оно будетъ опубликовано, конечно написалъ бы его съ большимъ стараніемъ, — всѣ предметы и происшествія описаны и рассказаны тамъ безъ всякаго порядка, какъ они представлялись и слѣдовали.

Сан-Франциско, марта 1850.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я пріѣхалъ въ Сан-Франциско; я употребилъ это время на осмотръ важнѣйшихъ золотыхъ росыпей. Послѣ столькихъ безпокойствъ и лишеній, чтобъ достигнуть этой страны, я думалъ, что не довольно буду вознагражденъ ею, но въ этомъ пріятнымъ

образомъ ошибся. Теперь, послѣ всего того, что видѣлъ, я не жалѣю о безпокойствахъ, даже какъ простой туристъ, безъ всякой особой цѣли. Я нахожу здѣсь обширное поле для наблюдений: это странное смѣшеніе разнородныхъ элементовъ, этотъ образчикъ разнороднаго общества, которое управляется само-собою, по законамъ, составленнымъ не изъ извѣстныхъ началъ, а по надобностямъ мѣстнымъ. Вотъ предметъ, для изученія котораго никакая другая страна ничего подобнаго не можетъ представить! Я не буду впрочемъ пускаться въ глубокія соображенія и ограничусь здѣсь, какъ и вездѣ, только тѣмъ, что прямо бросалось въ глаза и подстрекало мое любопытство.

При входѣ въ Сан-Франциско, васъ поражаетъ множество судовъ. Лондонъ и Ливерпуль конечно нейдутъ здѣсь въ сравненіе; но за исключеніемъ этихъ двухъ городовъ, и можетъ-быть еще Нью-Йорка, я не знаю другаго порта, въ которомъ было бы столько судовъ. Года два тому назадъ, на этомъ берегу только кое-гдѣ были разбросаны палатки; теперь съ удивленіемъ видишь растущій не по днямъ, а по часамъ городъ, въ которомъ считается уже болѣе тридцати тысячъ жителей. Сан-Франциско построенъ на песчаной возвышенности, которая круто спускается къ самому морю; но Американцы ничѣмъ не затрудняются и готовы рухнуть въ заливъ цѣлую гору, чтобъ спланировать мѣстность и расширить пространство земли, такъ-что сорокъ квадратныхъ футовъ, отнятыхъ у воды, имѣютъ цѣнность 5,000 долларовъ. Въ самой срединѣ города видны раснащенные суда, покрытыя крышами и служащія пресерьозно домами; бока ихъ прорѣзаны и служатъ наличною стороною лавокъ, наполненныхъ товарами. Видя цѣлую линію такихъ лавокъ, вы спрашиваете себя съ удивленіемъ: какой чудакъ размалевалъ фасады черными и красными полосами. Здѣсь есть уже и театры: французскій водевиль и италіанская опера. Но изъ всѣхъ мѣстныхъ удовольствій въ Калифорніи болѣе всего предпочитаются игорные дома, гдѣ находятъ себѣ удовлетвореніе жажда разсѣянія и прибытка или, правильнѣе сказать, жажда сильныхъ ощущеній! Игорныхъ домовъ много, не только въ Сан-Францискѣ, но и въ маленькихъ городкахъ; они всегда отворены и наполнены игроками и зрителями. Трудно дать вамъ понятіе объ этихъ адскихъ притонахъ! Представьте себѣ просторныя залы, гдѣ пышность соединена съ безвкусіемъ, гдѣ толпится четыреста или пятьсотъ человѣкъ, безъ различія пола, возраста, званія. Фаро, красное или черное и другія азартныя игры предпочитаются прочимъ. На столахъ груды золота и даже золотые слитки. Въ одномъ концѣ залы буфетъ, въ другомъ оркестръ. Музыка, толкотня, шумъ, смѣшеніе всѣхъ языковъ—производятъ зрѣлище, которому не найдется приличнаго

имени. Всѣ вооружены, начиная съ хвастуна, прѣѣхавшаго съ розсыпью съ мѣшкомъ золота на плечахъ, до авантюриста, пришедшей облегчить полновѣсные карманы счастливыхъ игроковъ. Я посѣщалъ четыре раза это негодное сборище, и всякій разъ былъ свидѣтелемъ какой-нибудь ссоры за оскорбленіе личности, оканчивавшейся, безъ сомнѣнія, пистолетами. Въ трехъ случаяхъ, оставшіяся въ живыхъ воспользовались преимуществомъ этого поспѣшнаго закона, который, можетъ быть, самъ поддерживалъ, не полагая, что придется испытать на себѣ приложение его. Не прошло шести часовъ послѣ ссоры, какъ законъ Lynch получилъ примѣненіе, и все вошло въ порядокъ.

Изъ Сан-Франциско я отправился на пароходѣ по рѣкѣ Сакраменто миль на 150, до города этого же имени. Въ два дня мнѣ надобно повтореніе однихъ и тѣхъ же сценъ, и я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ добраться до Мерисвилля, который по смежности своей съ разными протоками Сакраменто сдѣлался богатымъ складочнымъ мѣстомъ и довольно интереснымъ пунктомъ для наблюдателя.

Проведя пріятно вечеръ въ сообществѣ издателя газеты Marysville's Herald, который соединяетъ въ себѣ обязанности: журналиста, актера, учредителя концертовъ и аукціониста, я отправился на другой день въ мѣстечко, называемое: «les fourches de la Juba». Проѣхавъ нѣсколько часовъ верхомъ, и миновавъ крѣпостцу Сиерра-Невада, я настигъ золотопромышленниковъ. — Человѣкъ 200 или 300 работали на старомъ руслѣ рѣки. По сдѣланному между промышленниками условію, каждому изъ нихъ отводился шагъ на 30 участокъ, касающійся до настоящаго русла рѣки, чтобъ имѣть воду для промывки золотого песка. Владѣтель этого мѣста обогатился, передавъ право свое на золотыя розсыпи за значительную сумму денегъ. Теперь это право въ рукахъ многихъ компаній, по три и четыре человѣка вмѣстѣ, которыя въ свою очередь передадутъ ихъ другимъ многочисленнымъ компаніямъ, по мѣрѣ, какъ число искателей богатства увеличится. На послѣдокъ, всѣ эти раздробленныя до безконечности частички, вѣроятно, будутъ скуплены и соединены въ рукахъ большихъ капиталистовъ. Когда участокъ принадлежитъ компаніи изъ трехъ или четырехъ человѣкъ, у каждаго изъ нихъ особая работа: одинъ копаетъ песокъ, другой насыпаетъ имъ тачку, третій везетъ ее къ рѣкѣ, четвертый промываетъ песокъ. Если золотая пылъ слишкомъ тонка — употребляется ртуть для отдѣленія ея отъ песка. По большей-части золотыя розсыпи находятся близъ поверхности земли, но иногда добываются въ шахтахъ глубиною до шестидесяти футовъ.

Количество золота, добываемаго каждымъ промышленникомъ, пре-

стирается среднимъ числомъ до 40 франковъ въ день. Чтобы дать вамъ понятіе о богатствѣ золотыхъ россыпей, я приведу случай, слышанный мною на мѣстѣ отъ одного промышленника. Трое англичанъ купили участокъ въ 30 фут. ширины и во 100 футовъ длины за 7000 франковъ; два раза этотъ участокъ перепродавался за значительныя деньги, и каждый изъ продавцевъ думалъ, что онъ уже истощился. Въ три недѣли, новые покупщики заплатили покупную сумму, и сверхъ-того, каждому досталось чистой прибыли по 60 франковъ въ день. Между-тѣмъ этотъ участокъ еще не изъ самыхъ богатыхъ, а только лучше другихъ былъ разрабатываемъ, и въ 18 мѣсяцевъ далъ болѣе 100,000 франковъ.

Я слышалъ такъ много невыгоднаго о нравственности золотопромышленниковъ, что приготовился на прискахъ встрѣтить нѣчто въ родѣ бандитовъ, и когда ночевалъ въ небольшой палаткѣ, гдѣ человекъ 30 или 40 изъ этихъ господъ предавались игрѣ и попойкѣ, признаюсь, неслишкомъ приятно было мнѣ спать на одной койкѣ въ четверомъ, и безъ оружія, быть нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ этого сомнительнаго общества. Но, къ удивленію, долженъ сказать, что ни гдѣ въ подобномъ обществѣ не встрѣчалъ я болѣе тишины и порядка. Одинъ только разъ, ночью, спокойствіе наше было нарушено: койка, которую мы въ четверомъ занимали, отъ тяжести лопнула въ срединѣ, и мы, сонные, упали на землю.

Возвратясь въ Сан-Франсиско, я потомъ отправился на югъ для обозрѣнія присковъ, гдѣ золото извлекается безъ промывки. Мѣстоположеніе тамъ дѣйствительно превосходное и вовсе непохоже на долину при Сакраменто. Почва земли самая плодородная и доставляетъ разнообразныя произведенія. Даже во-время большихъ засухъ, всѣ долины орошаются множествомъ потоковъ, тогда какъ округъ Сакраменто, по бесплодности почвы и измѣнчивости погоды, едва ли когда будетъ воздѣлываться съ успѣхомъ; притомъ подобнаго минеральнаго богатства, можетъ-быть, нигдѣ не существуетъ. Кварцовыя жилы, изъ которыхъ добывается въ значительномъ количествѣ золото, простираются на сѣверъ и югъ на полтора градуса широты. Ртуть также получается въ огромномъ количествѣ, именно отъ трехъ до четырехъ тысячъ фунтовъ въ недѣлю, отчего должна будетъ рухнуть монополія Ротшильда въ этомъ минералѣ. Въ Мариполѣ, округѣ, гдѣ есть большія глыбы кварца, одна компанія, владѣющая нѣсколькими участками, устроила, съ большими издержками, машину, для раздробленія кварцовыхъ глыбъ. Компанія эта употребляетъ тридцать человекъ работниковъ, платя каждому по 500 франковъ въ мѣсяцъ. Въ настоящее время она получаетъ чистой прибыли отъ семи до восьми тысячъ франковъ въ день; это

вамъ покажетъ, что могутъ принести здѣсь пушечные въ оборотъ капиталы.

Во-время пребыванія нашего въ Сан-Франсиско, мы жили съ Фридошъ въ Ельдорадо, первой городской гостинницѣ. Мы имѣли комнату съ двумя постелями, и обыкновенно обѣдали за общимъ столомъ. Обѣдъ также хорошъ какъ въ «Astor-House» въ Нью-Йоркѣ: всего вдоволь и чистота примѣрная; говядина, баранина и дичь превосходны; вообще здѣсь можно жить очень хорошо. Издержки наши за квартиру и столъ простирались въ день по пятидесяти франковъ, разумѣется не включая сюда вина, которое не дешево и притомъ достоинства не высокаго. За столомъ всегда сидитъ такое множество разнородныхъ лицъ, что необходимо напередъ завладѣть стульями. Нашими ежедневными сосѣдями были судья и маіоръ, титла, говоря мимоходомъ, довольно обыкновенныя въ этомъ собраніи, такъ что на десять человѣкъ всегда найдется одинъ судья и маіоръ. Первому насъ отрекомендовали, второй самъ намъ рекомендовался. Къ судья мы обыкновенно прибѣгали за получениемъ разныхъ справокъ и объясненій. Это былъ умный законовѣдецъ, человѣкъ тонкій, со взглядомъ ястребинымъ; онъ путешествовалъ по Европѣ, много видѣлъ, и приобрѣлъ разнообразныя свѣдѣнія, которыми радъ былъ при случаѣ подѣлиться. Въ наружности его не было ничего особенно замѣчательнаго, но характеромъ онъ былъ настоящій янки. Впрочемъ онъ приобрѣлъ общежительность, и еслибы принадлежалъ къ высшему классу, то могъ бы прекрасно разыгрывать роль джентльмена. Маіоръ былъ во всемъ противоположенъ своему другу — судья, наружность и характеръ его довольно были странны. Высокимъ ростомъ прямымъ, не гибкимъ станомъ и большими усами походилъ онъ на простаго солдата, но былъ дороденъ, лавиты его цвѣли здоровьемъ и къ столу являлся онъ уже на веселѣ.

— Маіоръ, сказалъ судья, позвольте рекомендовать вамъ этихъ двухъ господъ, англійскихъ путешественниковъ.

Тутъ онъ произнесъ наши имена и имя маіора.

— Любезный судья, отвѣчалъ маіоръ, извольте замѣтить, что я имѣлъ уже честь познакомиться съ этими господами, и только не зналъ почтенныхъ ихъ именъ. Господа, позвольте предложить вамъ стаканъ вина. Если есть, продолжалъ маіоръ покручивая усы — если есть въ моей жизни минуты, которыя особенно пріятно мнѣ вспомнить, то конечно тѣ, которыя я провелъ въ обществѣ англичанъ. Тутъ маіоръ опорожнивъ свой стаканъ, прибавилъ: — Да, господа, я тотчасъ узналъ, кто вы. Оставайтесь въ Калифорніи или Соединенныхъ Штатахъ,

если вамъ встрѣтится надобность въ другѣ, маіоръ М*** всегда къ вашимъ услугамъ.

— Но, маіоръ, сказалъ судья, легко можетъ случиться, что эти господа никогда не будутъ имѣть надобности въ другѣ, въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете.

— Нельзя предвидѣть, что можетъ случиться въ такой странѣ, какъ эта. Я помню, какъ теперь, что со мною было назадъ тому двадцать лѣтъ: я игралъ въ карты; мой противникъ былъ одинъ офицеръ изъ нашего полку. — Мальчикъ! подай еще бутылку шампанскаго! Вино превосходное! никогда не пивалъ лучшаго, говорилъ маіоръ, наливая сиродиновымиъ сокомъ стаканы.

— Но позвольте, на чемъ я остановился?.. Да.. этотъ офицеръ былъ мнѣ близокъ, и я имѣлъ высокое понятіе о его честности, высокое понятіе, повторяю это вамъ, господа. Полоса игры шла противъ меня, ни одного лева. Мой партнеръ не могъ вытерпѣть... ругнулся... пріятель мой... Мальчикъ! подай еще кусокъ ветчины, самой лучшей! Господа, позвольте попросить эту бутылку... Это вино, не правда ли, доброе, какъ вы находите? Но на чемъ бишь я остановился... Да... пріятель мой ни слова, все сноситъ флегматически. Мы продолжаемъ проигрывать. Напоследокъ, вообразите, что сдѣлалъ мой партнеръ? Вынимаетъ ножикъ, и трехъ пальцевъ у моего пріятеля какъ не бывало. Онъ поднимаетъ страшный крикъ! «Кричи любезный, сколько душѣ угодно, но еслибъ у тебя было пять тузовъ, вмѣсто трехъ, я бы тебѣ всѣ пять пальцевъ отрѣзалъ.» Надо вамъ сказать, что пріятель мой показывалъ своему партнеру пальцами число своихъ тузовъ и, по несчастію, на этотъ разъ у него были три туза.

— Мнѣ кажется, сказалъ судья, что я слышалъ про эту исторію; но извините меня, я все херошенько не понимаю, какое отношеніе она можетъ имѣть къ этимъ господамъ и къ вашему вызову служить имъ?

— Къ этому—то я и хочу придти, если дадите мнѣ кончить. Мальчикъ! Джинну сигаръ! Мнѣ остается сказать два слова: вѣрный своему долгу, какъ офицеръ, какъ другъ, какъ джентльменъ, я принимаю это за личную себѣ обиду и раскраиваю голову моему партнеру: если этимъ господамъ угодно будетъ удостоить меня своей дружбой, я почту себя счастливымъ сдѣлать и для нихъ тоже самое.

— Это, конечно, весьма учтиво, сказалъ судья, но, можетъ-быть, эти господа не позволяютъ, чтобъ за нихъ дрались: такъ ли я понялъ, что вамъ угодно было сказать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ маіоръ, это не совсѣмъ такъ, но я увѣренъ, что вы хорошо меня поняли...

Судья, вѣроятно, находилъ дальнѣйшее объедеженіе излишнимъ, махнулъ, въ знакъ согласія, головою, и маіоръ, чтобы окончить этотъ вечеръ, предложилъ намъ зайти въ сосѣдній игорный домъ.

— Господа, сказалъ онъ, если вы желаете видѣть человѣка, умѣющаго играть въ фаро, я могу доставить вамъ это удовольствіе.

Въ двадцати шагахъ отъ гостиницы Эльдорадо есть игорный домъ этого же самаго имени, весьма обширный и наиболѣе посѣщаемый въ Сан-Франсиско. Въ углу стоялъ раскрытый, не занятый еще для фаро столъ, карты лежали на немъ лучшія, сукно было неистертое; очевидно, что этотъ столъ предназначался для игроковъ высшаго полета. Банкометы привѣтствовали насъ учтиво, конечно для нашего маіора, который, какъ казалось, пользовался здѣсь особымъ уваженіемъ.

Игра завязалась; я не могу разсказывать всѣхъ ея переходовъ, потому-что для этого нуженъ языкъ, мнѣ неважный; скажу только, что чрезъ полчаса маіоръ всталъ изъ-за стола порядочно ошпаненный и совершенно отрезвленный.

Въ побѣдку мою въ Марисвилъ, я оставаивался два дня въ Сакраменто. Погода была тогда холодная. Прогулявъ по городу, я возвратился въ гостиницу, и сядя въ общей залѣ, у камина, замечтался... По утру ранехонько, я увидѣлъ толпу людей на рыночной площади, у большого дерева. Спрашиваю о причинѣ такого сборища; отвѣчаютъ, что на разсвѣтъ одинъ бѣднякъ былъ повѣшёнъ на суку этого дерева, «Lynché» (это настоящій здѣсь терминъ). Газета, описывающая этотъ случай, лежала на стулѣ; я взялъ ее и началъ читать процессъ; въ это время подходит ко мнѣ человѣкъ самой подозрительной наружности и говоритъ:

— Иностранецъ, можно и мнѣ взглянуть въ эту газету?

— Когда кончу, отвѣчалъ я, продолжая чтеніе.

Мнѣ кажется, всякій человѣкъ, мало-мальски терпѣливый, удовольствовался бы такимъ отвѣтомъ, но мой проказникъ, не заботясь, что я началъ читать прежде, облокачивается на спинку моего стула, кладетъ одну руку на плечо мое, а другою придерживаетъ газету, чтобы читать ее вмѣстѣ со мною.

— А! а! сказалъ онъ, я вижу, что вы читаете исторію бѣднаго Жимъ, правда?

— Кто это Жимъ?

— Тотъ, кого сегодня поутру повѣсили, отвѣчалъ онъ, садясь на стулъ; Жимъ былъ моимъ пріателемъ... Я помогалъ его вѣшать.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? подлинно, это дружеская услуга. Но чѣмъ же такое онъ сдѣлалъ?

— Вы давно въ Сакраменто?

— Я здѣсь только съ утра и не знаю этого дѣла.

— О! такъ я вамъ разскажу. Жимъ, вотъ видите, былъ англичанинъ, то-есть, онъ прїѣхалъ сюда изъ Ботанибей, принадлежащаго корольствъ Викторіи, а гдѣ этотъ Ботанибей, право, хорошенько не знаю. Прїѣхавъ въ Калифорнію мѣсяцовъ шесть назадъ тому, онъ никого не зналъ и сталъ искать золото на собственный свой счетъ; — это было въ заливѣ Сигаръ, гдѣ и я работалъ. Недѣли чрезъ двѣ, у одного промышленника пропадаютъ триста долларовъ, которые зарыты были въ землѣ. Подозрѣніе падаетъ на Жима; выходитъ, что онъ почелъ легче выкопать изъ земли мѣшокъ съ деньгами, чѣмъ доставать изъ нее золотую пыль. Промышленникъ, у котораго похитили деньги, объявилъ, что Жимъ заплатится съ нимъ и этотъ скрылся.

— Стало-быть онъ не за это повѣшенъ?

— Кажется, что такъ. Еще прошлую недѣлю не знали, куда онъ дѣвался. Какъ вдругъ является Жимъ развязнымъ мальчишкой; карманы у него полны золота, и онъ отправляется прямо въ игорные дома. Однѣ кузнецъ, живущій въ Broad-Street, видя, что Жимъ безпрестанно валягрываетъ, увѣряетъ меня, что открылъ его секретъ и поймаешь на дѣлѣ. Но Жимъ былъ, не знаю почему, на этотъ разъ остороженъ, не плутовалъ и проигрывалъ. Разсердясь, онъ сталъ привязываться къ кузнецу; тотъ не смолчалъ, и потерявъ терпѣніе, зажимаетъ Жиму кулакомъ ротъ. Жимъ бросается какъ тигръ на кузнеца, выхватываетъ изъ кармана пистолетъ, и бацъ ему въ голову. Я первый наложилъ руку на убійцу; безъ меня, думаю что его растерзали бы въ куски.

«За судьей Паркеромъ! вскричало множество голосовъ.»

Судъ продолжался часа два; никто не сомнѣвался въ виновности Жима и въ ожидающемъ его наказаніи. Приговоръ надъ нимъ былъ произнесенъ, и въ секунду все было кончено.

Я встрѣтился съ капитаномъ Султеромъ, который возилъ насъ на маленькомъ пароходѣ изъ Сакраменто въ Мерисвилъ. Этотъ добрый швейцарецъ пригласилъ насъ на свою ферму и угостилъ по-нѣмецки, салатомъ съ сахаромъ и жаркимъ съ вареньемъ.

Въ длижансѣ, который отвезъ насъ изъ Мерисвила, случился однѣ калифорніецъ, отличавшійся грубыми словами и манерами, впрочемъ порядочно одѣтый и пользующійся уваженіемъ, въ которомъ не отказываютъ здѣсь никакому дѣловому человѣку. Онъ началъ со мною разговоръ вопросомъ: сколько я возьму за пуговицы на моей рубашкѣ, и на отвѣтъ мой, что онъ непродажныя, потому что получены въ подарокъ отъ друга, возразилъ, что если онъ мнѣ ничего не стóятъ, то тѣмъ выгоднѣе будетъ для меня продажа ихъ, и что я долженъ на это рѣшиться.

ся, иначе, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ ихъ у меня стянетъ, такъ онъ ему нравятся. Подобное объявленіе удивило бы всякаго, кто не знакомъ съ безстыдствомъ заатлантическихъ авантюристовъ; но здѣсь это очень обыкновенно, и я также мало оскорбился, какъ еслибъ онъ предложилъ мнѣ сигару. Принявъ все это за одинъ комплиментъ моимъ пуговицамъ, я застегнулъ однакожъ пальто, чтобы не ввести въ искушеніе этого человѣка.

Этотъ случай подалъ поводъ къ живымъ спорамъ и разсказамъ о томъ, что называютъ американцы «Smartness», тонкость, плутоватость въ дѣлахъ. Калифорніецъ занялъ насъ болтовнею, какъ успѣлъ приобрести четыре тысячи долларовъ. «Но, вотъ мы пріѣхали! сказалъ онъ, неуждно ли вамъ, господа, сдѣлать мнѣ честь выпить вишты по рюмкѣ виски».

Изъ Сан-Франциско мы отправились на пароходъ въ Акапулько, оттуда верхомъ въ Мексику, безъ особенныхъ приключеній, заслуживающихъ разсказа; изъ Мексики въ Вера-Крусъ, а оттуда на пакетботѣ въ Англію, въ Соутгемптонъ.

ЖИЗНЬ НА МОРЬ *

Человѣкъ и море.—Начало мореплаванія.—Вліаніе его на судьбу народовъ.—Преобладаніе морскихъ державъ.—Рѣчь Фемистокла.—Пиза и Венеція.—Флотъ Англіи.—Значеніе Франціи въ ряду морскихъ державъ.—Мореплаваніе, какъ источникъ просвѣщенія.—Разныя виды судовъ.—Корабль.—Краткій очеркъ кораблестроенія.—Вмѣстительность, вооруженіе и оснастка корабля.—Поэтическая сторона его.—Снятіе корабля съ якоря.—Путевая и боевая жизнь корабля.—Первый линейный корабль во Франціи.—Значеніе флага.—Флаги древнихъ.—Флаги общіе, частные, военные, коммерческіе, сигнальные.—Система Шазильона.—Языкъ флаговъ.—Общіе сигналы.—Расположеніе цвѣтовъ и правила поднітія флаговъ.—Флаги пиратовъ.—Морскія постановленія 1830 года во Франціи.—Вымпелъ.—Исторія бѣлаго и трехцвѣтнаго флаговъ.—Національное собраніе и конвентъ.—Происхожденіе краснаго, бѣлаго и голубаго цвѣтовъ въ гербѣ и флагѣ Франціи.—Галлы и Франки.—Старость корабля.—Англійскіе понтоны и французскіе пѣвники.—Пошылка къ бѣгству.—Ларивьеръ.—Дуэль на понтонахъ.—*Les français sont des farceurs.*—Жизнь на понтонахъ.

Человѣкъ, одаренный способностью замѣтывать матеріялы для своего существованія изъ окружающей его сферы, покорялся необходимости своей организаціи, воздѣлывая землю, оплодотворяя ее и покрывая жилищами, которыя расirocтpаняясь все болѣе и болѣе, превращались въ деревни и города.

Нужды открыли ему его силы и способности. Человѣкъ былъ окруженъ элементами, производительная сила которыхъ требовала его содѣйствія. Міръ былъ царствомъ человѣка, но царствомъ еще не вполне доступнымъ. Такъ какъ природа дала человѣку всѣ способы для пора-

* Подъ этимъ названіемъ мы помѣщаемъ нѣсколько сценъ, очерковъ и разсказовъ, заимствованныхъ изъ сочиненій: Корбьера, Жала, Грегана, Шевалье, Жюръенъ-де-ла Гравьера, относящихся къ мореплаванію и его исторіи. Думаемъ, что эти легкіе морскіе очерки будутъ имѣть интересъ для того, въ комъ одно названіе *моря* пробуждаетъ рядъ поэтическихъ картинъ. Жизнь на морѣ такъ различна отъ жизни на сухомъ пути, что разсказы о первой могутъ показаться многимъ новымъ и любопытнымъ. Надѣемся современемъ представить и еще нѣсколько извлеченій изъ писателей, посвятившихъ свои труды изученію и описанію морской жизни съ ея разнообразными явленіями.

А. Б.—а.

бошенія этого міра, то, покоривъ производительную силу земли своему произволу, онъ слѣдовалъ только первоначальному закону своего существованія. Изъ необходимости поддерживать его возникло земледѣліе и промышленность.

Но море казалось поставлено было границею, за предѣлы которой физическое сложеніе челоуѣка запрещало ему проникать. Берега его были предѣломъ для челоуѣка. Казалось, природа начертала на нихъ слова: «ты не пойдешь далѣе».

Всѣ земныя существа, покорствуя закону, вращались искони въ сферѣ, назначенной имъ природою по свойству ихъ организаціи. Значеніе ихъ въ цѣпи созданій не измѣнилось; они всѣ и всегда будутъ чѣмъ были прежде; ни одно изъ существъ не нарушило закона, которому покорны всѣ прочія породы. Только одинъ челоуѣкъ могъ освободиться отъ общаго предназначенія. Челоуѣку данъ былъ разумъ.

Предъ этимъ разумомъ разступились физическія преграды.

Скрѣпивъ вмѣстѣ нѣсколько древесныхъ вѣтвей, челоуѣкъ переплывалъ на нихъ черезъ рѣки, или сначала спускался съ помощью ихъ только внизъ по теченію. Но способы его плаванія мало-по-малу улучшались, и онъ рѣшился плыть уже не по одиѣмъ рѣкамъ, но и по морю, осторожно придерживаясь его береговъ. Наконецъ открытъ компасъ—и челоуѣкъ смѣло пустился въ водныя пустыни, безъ начертанныхъ путей, повѣряя свой путь по теченію свѣтилъ небесныхъ. Тогда рѣки, озера и моря уже перестали быть преградами между обитателями земли; напротивъ, они стали средствами болѣе удобными для сообщенія. Цивилизація перестала быть исключительнымъ благомъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ народовъ. Мореходы тюрскіе, египетскіе и греческіе въ древнія времена, Колумбъ, Магелланъ, Бугенвиль, Кукъ, Лаперузъ и другіе въ новѣйшія, — подвинули впередъ просвѣщеніе гораздо быстрее многихъ философовъ и мыслителей.

Отъ столкновенія народовъ, въ-слѣдствіе обмѣна ихъ произведеній, произошелъ обмѣнъ идей, и благодаря мореплаванію, всѣ народы слились въ одну общую челоуѣческую семью.

Но такъ-какъ нѣтъ блага въ природѣ, какъ бы оно ни было велико, котораго бы челоуѣкъ не употребилъ во зло, то и мореплаваніе послужило ему средствомъ къ злоупотребленіямъ.

Суда, перевозившія изъ края въ край плоды промышленности и торговли, наукъ и просвѣщенія, стали перевозить изъ страны въ страну вооруженныхъ воиновъ, и моря стали для враждующаго челоуѣчества новыми полями сѣчи и битвъ, гдѣ средства уничтоженія естественнымъ образомъ увеличались. Вскорѣ за сооруженіемъ торговыхъ судовъ по-

слѣдовало сооружеіе судовъ военныхъ, и народы поспѣшили принять средства торговли въ преобладанію.

И точно, стѣітъ только бѣглымъ взглядомъ окинуть исторію, чтобы убѣдиться въ сильномъ вліяніи мореплаванія на судьбу народовъ. Процвѣтаетъ—ли гдѣ флотъ,—тамъ процвѣтаетъ и страна; торговля народа увеличивается, промышленность распространяется, совершенствуется, богатство разливается во всѣхъ классахъ, земледѣіе улучшаетса, науки и искусства преуспѣваютъ. Изъ такого общаго благоденствія возникаетъ величіе страны, и истина эта такъ очевидна, что для ея доказательства достаточно представить лишь нѣсколько примѣровъ:

Такъ Мемфисъ, Тиръ и Карфагенъ, благодаря своимъ флотамъ, сдѣлались, каждый въ свое время, обладателями окружныхъ странъ.

Такъ Массилійская колонія (Марсель) одолжена была своимъ кораблямъ всѣмъ ея величіемъ и блескомъ.

«Граждане», говорилъ Фемистоклъ своимъ соотечественникамъ, бѣгущимъ отъ Персозъ, «садитесь на суда, на галеры, тамъ ваша отчина; пусть сожгутъ Афины, вы ихъ выстроите краше прежняго; вашими судами вы снова овладѣете Греціей!»

Римъ только послѣ морской побѣды, одержанной Душліемъ, утвердилъ свое могущество; и когда Римская Имперія пала предъ сѣверными варварами, приморскія страны Италіи, захвативъ обломки падающаго царства, владѣли ими долго, среди новыхъ могущественныхъ народовъ,—лишь силою своихъ флотовъ. Въ эти невѣжественныя времена, Пиза получила первая значеніе, благодаря счастливымъ соображеніямъ своихъ мореходовъ.

За нею Венеція, посреди своихъ лагуны, обогатила западъ своею торговлею.

Наконецъ возвысилась Генуя, корабли которой были источникомъ ея успѣховъ и богатства.

Не говоримъ о Родозѣ, хотя ему принадлежитъ слава основанія морскихъ наукъ, принятыхъ всѣми народами за руководство.

Не будемъ говорить и объ Испаніи, Португаліи и Голландіи, богатыхъ и цвѣтущихъ въ свое время своею торговлею, могущественныхъ своими флотами

Англія и Америка не флотамъ-ли обязаны тому значенію, которое оцѣ ниваютъ въ политическомъ быту народовъ?

Флотъ составляетъ одно изъ главныхъ основаній благоденствія и величія страны. Какъ бы ни велика и сильна была страна,—безъ флота могущество ея не полно.

Наполеонъ собиралъ лавры побѣдъ во всѣхъ странахъ Европы, а

между-тѣмъ, въ то самое время, Франція, лишенная произведеній своихъ колоній, терпѣла крайнія нужды посреди самихъ побѣдъ. Распространяя свои прибрежья, государство умножаетъ свое могущество и силу. У насъ передъ глазами Англія. Съ 20-ю милліонами своего населенія, она владѣетъ странами, которыя обширнѣе всего, что можетъ намъ представить исторія. Сѣверъ Америки принадлежитъ ей; всѣ африканскіе берега покрыты ея конторами, агенты которыхъ распространены на триста миль въ страну Кафровъ. Восточная Индія, съ 50 милліоновъ жителей, ежедневно возрастающихъ отъ слиянія съ бирманскими и марратскими племенами, составляетъ два полуострова, уже слившихся въ одну англійскую колонію.

Океанія почти вся принадлежитъ ей, а результатъ недавней войны съ Китаемъ открылъ ей нѣсколько портовъ Небесной-Имперіи, доселѣ бывшихъ негостеприимными.

Итакъ корабли, обогащая страну сбытомъ произведеній и обитавъ на произведенія иноземныя, содѣлывая самыя отдаленныя племена данниками своей промышленности, создаютъ элементы самыя вѣрные и самыя положительныя для величія страны.

Хотя Франція всегда сознавала и понимала значеніе и силу флота, надо однако сознаться, что мореходство имѣло въ ней эпохи неподвижности и даже застоя. По отдаленію Парижа отъ моря, вопросы о значеніи флота были часто оставляемы на второмъ планѣ въ мнѣніи общественномъ.

Морскіе начальники и офицеры, находившіеся въ отдаленныхъ портахъ, не могли обратитъ вниманія и заботливости властей на нужды и потребности флота. Высшее управленіе морскими силами долго считалось доходною должностію и отдавалось лицамъ, совершенно чуждымъ всѣмъ понятіямъ о морскомъ дѣлѣ.

Правительственный гений Кольберта предвидѣлъ всю силу, какую могъ приобрести Людовикъ XIV отъ флота, и выгоды, какія можно было изъ него извлечь для страны. Великій администраторъ захотѣлъ положить широкое и прочное основаніе флоту. Были устроены заводы, съ цѣлію наполнять морскіе арсеналы, созданные его морскими уставами. Заложены новые корабли подъ вѣдѣніемъ кораблестроительныхъ комитетовъ, устроенныхъ во всѣхъ большихъ портахъ. Матросы раздѣлены на разряды; морская администрація получила правильное распредѣленіе. Законы, разумно задуманные и исполняемые, опредѣлили порядокъ службы, обязанности подчиненныхъ и ихъ права. Судопроизводство и морскіе регламенты приведены въ ясность и точность съ такою искусствомъ, что всѣ торговыя страны посѣившія воспользоваться полною системою

новаго морскаго уложенія. Спустя десять лѣтъ послѣ того, корабли, украшенные французскими побѣдоносными флагами, развѣвались на всѣхъ моряхъ.

Позже, Людовикъ XVI старался всѣми мѣрами возстановить значеніе французскаго флота, которое было утрачено имъ во-время регентства. Восемь лѣтъ мира укрѣпили, упрочили морскія силы Франціи, и принесли счастливые плоды въ новомъ періодѣ морскихъ событій,—въ послѣдней войнѣ. Ламоть—Пике въ Атлантическомъ океанѣ, командоръ Сюффренъ въ Индѣйскомъ—морѣ возвеличили французскій флагъ и утвердили его славу и могущество.

Нельзя приписать реставраціи особенной заботливости о мореходствѣ, однако, несмотря на то, сколько богатствъ разлито во Франціи морскою торговлею, которой помогалъ только одинъ внѣшній миръ! Какое значительное вліяніе имѣла Франція, въ-продолженіе шестнадцати лѣтъ, во всѣхъ политическихъ вопросахъ, благодаря своимъ кораблямъ!

Значеніе Франціи между приморскими странами опредѣляется уже географическимъ ея положеніемъ. Лежащая у двухъ морей, омывающихъ большую часть ея границъ, она противопоставляетъ западу Азіи и сѣверу Африки южные берега свои, а матеріку Америки свою западную береговую часть. Характеръ самаго народа значительно увеличиваетъ выгоды ея положенія, будущность которыхъ опирается на многочисленныя рейды, доки, бассейны и порты, которыми полна вся страна. Всѣ предірія, требующія отваги и энергіи, найдутъ всегда сочувствіе въ душахъ нормандцевъ и бретанцевъ, равно-какъ всѣ спекулятивныя экспедиціи, самыя отдаленныя и опасныя, жадно будутъ приняты жирондистами и провансалами.

Неразрывная цѣпь, скрѣпляющая морскія силы съ прочими силами страны, естественныя отношенія мореходства къ процвѣтанію ея, и богатства, какія оно разливаетъ повсемѣстно, очевидны и неоспоримы. Жажда любопытства, устремленная на все, касающееся морскихъ знаній, морскихъ открытій, морскихъ картинъ, литература и искусства, стремящаяся удовлетворять ей, выказываютъ достаточно направленіе общественныхъ понятій и стремленій.

Значеніе внѣшняго могущества, возрастающаго съ каждымъ днемъ для страны, опирающейся на морскія силы, есть причина такого сильнаго развитія общественныхъ стремленій ко всему, что касается морской науки. Есть элементы въ обществѣ, которые уничтожаются съ теченіемъ времени. Есть другіе, которые время развиваетъ и распространяетъ до крайнихъ предѣловъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ мореплаваніе.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ цивилизаціи было соединеніе людей въ общества. Изъ семействъ возникли племена, изъ племенъ селенія, города. Изъ соединенія городовъ возникли народы; народамъ предназначено было составить государства. Прогрессъ ведетъ человѣка къ новому прогрессу. Прогрессъ обобщенія и соединенія не можетъ остановиться въ пути своемъ; его влечетъ впередъ общій законъ совершенствованія. Но такъ-какъ для своего дѣйствія процессъ обобщенія долженъ быть перенесенъ на народы, отдѣленные морями, океанами, корабли будутъ его естественнымъ и необходимымъ средствомъ сообщенія. Поэтому будущность флотовъ, силою обстоятельствъ и законовъ цивилизаціи, будетъ цѣпью, которая скрѣпитъ въ одно цѣлое разрозненные части огромнаго человѣческаго общества.

Корабль! Сколько людей на свѣтѣ знаютъ корабль только по наслышкѣ! Сколько такихъ, которые, не страшнувъ еще школьныхъ впечатлѣній, воображаютъ себѣ корабль по описаніямъ какой-нибудь галеры! Многіе судятъ о судахъ вообще по пароходамъ, на которыхъ они вѣдали лѣтнюю морскую компанію въ загородныя экспедиціи!

Разсмотримъ въ его подробностяхъ и въ цѣломъ, въ его неподвижности и въ его дѣйствіяхъ, это любопытное пловучее зданіе.

Говоря о корабляхъ, обратимъ вниманіе только на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ морская архитектура является во всей своей красѣ, во всемъ своемъ значеніи. Умолчимъ о тѣхъ, которымъ потребность перевозки дала формы тяжелыя и неуклюжія. Умолчимъ объ англійскихъ пакетботахъ и транспортныхъ судахъ, тяжелыхъ и широкихъ коробахъ, выстроенныхъ безъ всякаго соблюденія размѣровъ и вышней красоты; этихъ пловучихъ возовъ, ползающихъ изъ порта въ портъ, треща и вздрагивая отъ всякаго всплеска волны. Не станемъ говорить и о голландскомъ галіотѣ курносомъ, грузномъ, съ плоскими и широкими боками, объ этой несчастной баркѣ, которая едва двигается только при помощи сильнаго вѣтра и широкихъ парусовъ, сидитъ по шею въ волѣ, крехтитъ и захлебывается, какъ неискусный пловецъ. Оставимъ въ покоѣ неуклюжія подражанія югерамъ, транспорты прусскіе, датскіе, австрійскіе, турецкіе, снующіе по всѣмъ портамъ и выказывающіе всему свѣту, одинъ передъ другимъ, свой безобразный, неопрятный корпусъ, испачканный смолою!

Обратимъ вниманіе на шкуну, легкую, нарядную, какъ-бы выточенную изъ одного куска дерева, — такъ искусно округлены ея прекрасныя формы!

Взгляните на изгибъ ея борта, слегка спускающагося отъ носовой части къ срединѣ и приподнятаго къ кормѣ. Не напоминаетъ-ли этотъ

збрисъ роскошный контуръ кокотливо лежащей женщины? Какъ все очертанія ея правильны, чисты и художественны! Какая гармонія частей въ цѣломъ! Какъ граціозно качается она на волнахъ!... Летитъ-ли она свободно по влажной стихіи, не оставляя на ней слѣда, скользятъ-ли она между подводными отмелями, шкуна всегда, во всякомъ положеніи—любимица моряка. Она для него олицетвореніе красоты и игривости прелестной дѣвушки!

Вотъ предъ глазами вашими бригъ. Онъ не такъ красивъ, какъ шкуна, онъ менѣ изященъ, менѣ кокотливъ; но онъ сильнѣе, онъ плечистѣе, онъ тверже сидитъ на волнѣ. Это юноша въ полномъ развитіи и сознаніи своихъ силъ.

Вотъ еще предъ вами американскій пароходный пакетботъ; онъ предлагаетъ вамъ убѣжище и спокойствіе въ своихъ раззолоченныхъ салонахъ и будуарахъ, и презирая бури и волны, вѣрно стремится къ своей цѣли.

Вотъ трехмачтовый купеческій корабль — верблюдь пустыни океана! Плавно, спокойно онъ несетъ на хребтѣ, съ сознаниємъ своей силы, тысячу тоннъ груза.

Вотъ корветъ! Онъ не уступитъ въ красотѣ шкунѣ, въ горделивости бригу, и превзойдетъ ихъ отвагою и смѣлостью; потому-что сильнѣе ихъ вооруженъ, и разверстыя пасти его пушекъ грозятъ смертью.

Вотъ фрегатъ,—могучій и сильный властитель морей! Вотъ, наконецъ, корабль, пловучій городъ, цѣлая область на водахъ!

Чтобы понять эту гигантскую постройку во всемъ ея объемѣ, во всей силѣ и значеніи ея механизма, мало сказать: «Пригладитесь: вотъ какъ строится корабль, вотъ какъ онъ вооружается, вотъ какъ онъ дѣйствуетъ, вотъ какъ онъ плыветъ!» Нѣтъ! нагляднаго вниманія уже на готовый корабль недостаточно; всякое описаніе бессильно, всякій анализъ неполонъ. Надо побывать въ какомъ-нибудь значительномъ портѣ, выйти на его набережную въ ту минуту, когда входитъ на рейдъ эскадра; видѣть, какъ она втягивается въ бухты; надо побывать не разъ на верфи, гдѣ закладываются и строятся эти пловучія зданія; надо испытать самому морское сраженіе; надо выдержать сильную, величественную бурю. Тогда только вы будете въ состояніи понять, чего никакое искусство писателя никогда не изобразитъ въ точности.

Корабль представляетъ глазамъ два вида, двѣ стороны своего бытія. Неподвижность, или покой и дѣйствіе. Въ первомъ случаѣ онъ мертвое произведеніе плотника-строителя и такалажнаго мастера. Во второмъ случаѣ, онъ созданіе одушевленное, онъ боецъ, а *man of war*, какъ его называли Англичане.

Чтобы вполне понять значеніе корабля въ его двойственномъ видѣ, чтобы не ускользнула отъ анатомическаго обзора ни одна часть его, ни одна мельчайшая подробность, чтобы вы могли слѣдить неослабно за всѣми случайностями его подвижной жизни, — начните изслѣзованія ваши съ самой верфи, гдѣ онъ закладывается; не упускайте его изъ вида въ этой пустынѣ океана, которую онъ будетъ пробѣгать, не находя и не оставляя за собой слѣда. Слѣдуйте за нимъ до той минуты, когда онъ придетъ въ портъ послѣ своихъ безчисленныхъ странствій, состарѣвшись и полуизгнившій, — придетъ для своего конечнаго разрушенія, если только подводный утесъ, вихрь или битва не раскроютъ ему преждевременной могилы въ нѣдрахъ холодной, вѣчно шумящей влаги.

Длинное, толстое, мачтовое бревно, на концахъ котораго воздвигаются два другихъ нѣсколько меньшаго объема, составляютъ киль, форштевень и ахтерштевень корабля. На этомъ-то ничтожномъ основаніи воздвигается все зданіе. Несмотря на это, нѣтъ на землѣ постройки, которая могла бы поспорить съ нимъ въ крѣпости и твердости, такъ сила каждой отдѣльной части направлена къ поддержанію цѣлаго, такъ все цѣлое приспособлено къ поддержанію и скрѣпленію всѣхъ частей. На килѣ, который можно назвать спиннымъ хребтомъ судна, прикрѣпляются выпуклыя и урavnенныя ребра, такимъ-образомъ, что ихъ выпуклость, довольно явственная на среднѣй подводной части, чтобы дать округлость судну, постепенно уменьшается къ форштевеню. Эти же ребра идутъ къ ахтерштевеню расширяясь, для того чтобы дать больше твердости судну.

Для успѣшнаго сочетанія, нужно, чтобы постепенность округлости была рассчитана на столько, чтобы твердое сидѣніе судна на водѣ не вредило его ходу и чтобы быстрота хода не произвела опасной валкости. Изумительное сочетаніе двухъ совершенныхъ противоположностей: устойчивости и быстроты хода.

Остовъ этотъ одѣвается и связывается досками, которыя составляютъ его внутреннюю обшивку и окружаютъ его во всю длину сплошными поясами. Когда обошьютъ такимъ-образомъ весь его корпусъ, когда кузовъ судна будетъ готовъ и сдѣлается похожъ на длинный овальный ящикъ, этотъ ящикъ раздѣляютъ нѣсколькими настилками (палубами) и они составляютъ деки, то-есть этажи зданія, какъ трюмъ или подводная часть корабля, кубрикъ, батареи и проч. Каждый изъ этихъ ярусовъ раздѣлится на множество отдѣленій. Здѣсь помѣстится вода, тутъ смола, здѣсь пороховая камера. Вотъ капитанское помѣщеніе, подъ нимъ офицерскія каюты; тутъ повѣсятъ койки, сюда поставятъ пушки, здѣсь

устроенъ лазаретъ, тамъ церковь, тамъ отдѣленіе для оружія и амуниціи, тутъ канаты и веревки; далѣе задымится кухни, здѣсь камбузь, гдѣ раздается ежедневно провизія; тамъ помѣстятся помпы, запасные паруса, — одиницъ-словомъ, все, въ чемъ можетъ встрѣтиться необходимость въ путешествіи, все, что нужно для борьбы съ отмелями и подводными утесами, для борьбы съ океаномъ, вѣтрами, съ теченіями и водоворотами, все, что нужно для борьбы съ враждебными флотами, чтобъ помѣстить, кормить, одѣть, вооружить, защитить сотни людей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Безчисленное множество разныхъ матеріаловъ, снастей, провизіи, амуниціи, оружія, необходимыхъ кораблю, — поразительно. Если сложить все это на площади, оно составитъ гору едвали не выше самого корабля, а между-тѣмъ всему есть мѣсто и все расположено такъ уютно и кстати, что всѣ ходы свободны и остается еще довольно пространства для роскошныхъ салоновъ, будуаровъ, купаленъ и галерей для прогулки нижнихъ чинамъ.

Если насъ удивляетъ корпусъ корабля и вмѣстительность его внутренности, то что же сказать объ изумительной гармоніи его вооруженія и оснастки, этомъ образцѣ искуснаго и смѣлаго примѣненія? Нѣтъ въ мірѣ ничего сложнѣе корабля, а между-тѣмъ казалось бы, что стояло только подражать лебедю, когда онъ раскидываетъ по вѣтру крылья на зеркальномъ кристалѣ озера. Съ перваго взгляда точно можетъ показаться, что вся эта путаница веревокъ, парусовъ, продольныхъ и поперечныхъ кусковъ дерева представляетъ взору значеніе болѣе художественное, чѣмъ полезное. А между-тѣмъ въ кажущемся изобиліи снастей, нѣтъ ни одного болтика, кольца или блока, ни кусочка парусины или кончика веревочки, которые не имѣли-бы значенія и отъ которыхъ, въ данную минуту, не могли бы зависѣть гибель или спасеніе судна.

Искусство мореплаванія не состоитъ болѣе, какъ во времена его младенчества, въ томъ только, чтобы идти по вѣтру, выкинувши четырехугольный парусъ, и взятыя за весла, при упадкѣ или поворотѣ вѣтра. Наука, мореходства самая усовершенствованная и самая трудная изъ наукъ, нашла способъ подчинить себѣ море, и переменчивости вѣтра противопоставить искусство и средства, отысканныя для этого изученіемъ.

Корабль, спускаясь съ верфи, сходитъ обнаженный на колеблющуюся зрону. Едва онъ всплываетъ на воду, какъ его принимаютъ оснащать. Начинаютъ тѣмъ, что глубоко, до самаго келя, вставляютъ въ него три мачты, — три основанія его будущаго воздушнаго зданія. Бизань-мачта ставится на передней его части, гротъ-мачта на среднѣй и фокъ-

мачта на корнѣ. Каждая изъ мачтъ заканчивается вѣльгофтомъ, то-есть брускомъ, который однимъ концомъ надѣвается на вершину (топъ) мачты, а черезъ отверстіе другаго пропускаетъ вторую мачту (стенгу) нѣсколько тонѣе первой, поставленную нижнимъ концомъ (шпоромъ) на два бруска (лонга-саленги), привѣшленные съ обѣихъ сторонъ къ мачтѣ по килю судна, то-есть въ горизонтальномъ положеніи. Надъ стенгой вывѣшается такимъ же образомъ еще колѣно мачты (брамъ-стенга), тонѣе второй, а надъ этой еще тонѣе (бомъ-брамъ-стенга) съ шлюкштокомъ— послѣднюю ступенью воздушной лѣстницы, остріе которой вѣрзывается въ тучи. Три послѣднія мачты называются, кромѣ-того, общимъ именемъ той мачты, которая служитъ имъ базисомъ, поднимаются и опускаются по произволу, какъ колѣна составной зрительной трубы, съ тою только разницею, что мачты спускаются одна на другую, слабѣйшія на сильнѣйшія, тогда какъ въ зрительной трубѣ узкіе стволы входятъ въ широкіе.

Съ носовой или передней части корабля выходитъ въ наклонномъ положеніи еще мачта (бушпритъ), которая подобно другимъ, увеличивается въ длинѣ своей нѣсколькими колѣнами (утлегаремъ и бомъ-утлегаремъ).

Поперечныя бревна на мачтахъ, къ которымъ привѣшиваются паруса, называются реями. Они спускаются и поднимаются вдоль мачтъ. Но чтобъ укрѣпить мачты, распустить, поставить, подобрать паруса и дать реямъ надлежащее направленіе, тысячу веревокъ сбѣгаютъ съ рангоута въ разныхъ направленіяхъ, точно гигантскій паукъ заткалъ его воздушною сѣтью.

Мы уже говорили, что каждая частица этого общаго цѣлаго имѣетъ свое назначеніе. Но взгляните, до чего въ цѣломъ и частяхъ краснота соединяется съ полезнымъ. По первому брошенному взгляду, вамъ можетъ показаться, что только одна художественность отдѣлки присутствовала при оснащеніи корабля, такъ кокетливо онъ выказываетъ свой пышный нарядъ, а между-тѣмъ всѣ подробности глубоко обдуманы и прииѣнены къ пользѣ, къ сохраненію и защитѣ его. Несмотря на вѣтхость, мачты легки и отчетливо округлены; онѣ высятся въ воздухѣ одна надъ другою въ гармонической прогрессіи. Реи перекрещаютъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и поднимаясь, тоже дѣлаются все тоньше и короче, до самыхъ гибкихъ вершинъ. Рѣшетчатые марсы отдѣляются такъ рѣзко своею бѣлизною отъ черной сѣти вантовъ, точно опрокинутыя арфы. Узорчато переплетенная сѣть такелажа, нити которой бѣгутъ во всѣмъ направленіямъ, сверху книзу, со стороны въ сторону, отъ носа къ корнѣ, то сбѣгаясь вмѣстѣ, то разсыпаясь параллельно, пер-

пендикулярно, прямо, косвенно, перекрещаясь на тысячу ладовъ; всѣ эти нити, чистыя и лоснящіяся, дрожащія отъ малѣйшаго колебанія вѣтра, — все это составляетъ такое полное, изящное, гармоническое цѣлое, такъ изумительно обдуманное въ мельчайшихъ подробностяхъ, что съ этою обдуманностью не сравнится никакой трудъ искусной шеголки, когда она явится на балъ въ давно задуманномъ, обдуманномъ и приведенномъ въ исполненіе бальномъ нарядѣ. А еще вся эта красота не одушевлена жизнью; предъ вами только еще бездушная масса! Посмотрите на нее, когда она воодушевится подъ дыханіемъ океана! Бѣгите скорѣй на пристань, глядите, какъ корабль станетъ сниматься съ якоря! Вотъ, жизнь пробѣжала по всѣмъ его частямъ! Вся команда разсыпалась по палубамъ, побѣжала по марсамъ, повисла на реяхъ, закачалась на вантахъ. Блоки заскрипѣли, реи ровно, величественно стали подниматься, паруса заплоскались. Национальный флагъ торжественно возносится и развѣвается на золоченой корнѣ, между-тѣмъ какъ вымпелъ полочется и хлопаетъ на средней мачтѣ.

Но вотъ новое движеніе сообщилось всему корпусу корабля: поднимаютъ якорь, вонзившійся въ дно морское. Вспорхнули вѣстники кливера (косые паруса на бушпритѣ), возвѣщая, что якорь отдѣлился и корабль получилъ свободу; шумно заиграли они, и корабль покотился подъ вѣтеръ, — паруса затрепетали, наполнились... корабль радостно задрожалъ на волнахъ и — поплылъ!

Посмотрите, какъ передняя часть его, украшенная скульптурными украшеніями, мѣрно разрѣзываетъ воздухъ и воду! Какъ скользить онъ по вѣвистому пути, между прыгающихъ кругомъ него волнъ! Но вотъ кормчій повернулъ штурвалъ, руль сдѣлалъ движеніе. Замѣтили-ли вы, какъ послушенъ исполнивъ вліянію ничтожнаго куска дерева? Трепетавшіе сначала паруса мгновенно наполнились и склоненный, какъ-будто для отдыха, на лѣвый бокъ, корабль вдругъ величаво и спокойно перевернулся, чтобы лечь на правый. Онъ удаляется, онъ оставляетъ портъ. Бросивъ ему, въ знакъ прощанія, пушечный выстрѣлъ. И ты скрылся, ты покинулъ насъ на вѣскольکو лѣтъ! ты поплылъ въ другую часть Свѣта! Что-то будетъ съ тобою, пловецъ по пустынямъ океана? Какія случайности, событія, опасности, несчастія, побѣды ожидаютъ тебя? О, еслибы можно было слѣдовать за всѣми превратностями судьбы твоей, судьбы, замѣнчивой какъ видъ небесъ, непостоянной какъ волна, которая колышетъ тебя.

Вы видѣли—онъ былъ горделивъ и спокоенъ, отплывая при блестящемъ солнцѣ, качаясь на тихой волнѣ, подъ голубыми небесами. Онъ красовался позолотою и блестящими красками; волны играли съ нимъ,

вѣтеръ колыхалъ его паруса; радость разносилась въ тысячахъ отголосковъ его пловучаго народонаселенія; веселыя пѣсни раздавались всюду: на палубѣ, на снастяхъ, во всѣхъ ярусахъ его исполненнаго корпуса. И что-жь? Не даѣе, быть-можетъ, какъ завтра, все на немъ измѣнится: небо развернетъ передъ нимъ свою облачную завѣсу, море возстанетъ на него, вѣтры бросятъ ему въ лицо яростные шквалы. Мужайся, отважный исполинъ! убери, сложи крылья—паруса, смирись предъ порывами вѣтровъ, чтобы послѣ удобнѣе заставить ихъ служить тебѣ. Но болѣе всего остерегайся невидимыхъ враговъ, подводныхъ скалъ и отмелей!

И тогда, если корабль устоитъ противъ разъяренной стихіи и вѣтра, если не затретъ его между утесами или льдами, если не поглотить его морская пучина,—вы увидите его во-время затишья, отдыхающаго отъ бури, приводящаго въ порядокъ, въ ожиданіи новыхъ схватокъ съ враждебными стихіями, оборванныя и перепутанныя снасти, разорванныя въ ключья паруса, члены, пострадавшіе отъ бури.

Вотъ путевая жизнь корабля. Но есть для него иная жизнь.

Вотъ летитъ онъ между непріятельскими огнями; вотъ онъ окруженъ дымомъ своихъ собственныхъ пушекъ, или погружается въ волны, прострѣленный непріятельскими ядрами, или вотъ онъ, наконецъ, торжествуя побѣду, заставляетъ непріятеля спустить флагъ. Такая жизнь полна для него иного значенія, иной отваги; то славная, боевая жизнь корабля!

Послѣ этого страницы исторіи корабля наполнены. Остаются только очерки вѣшной его жизни, драматическія сцены юта, романтическія приключенія обитателей каютъ, дечныя похождения, юмористическіе очерки бака, описаніе чувствъ дружбы, вражды, мести, преданности, которыя онъ равнодушно носитъ и качаетъ на волнахъ океана.

Въ безчисленныхъ памятникахъ, оставленныхъ хройкою и мемуарами объ отдаленныхъ вѣкахъ исторіи первыхъ плаваній, былъ значительный пропускъ подробностей и самыхъ точныхъ описаній, которыя только однѣ могутъ оживить въ воображеніи характеръ данной эпохи.

Ученые, посвятившіе себѣ разработкѣ изысканій эпохи среднихъ временъ и времени возрожденія, тѣ, которые должны были отыскивать краски для своихъ произведеній, тѣ, наконецъ, которые, подобно Вальтеръ-Скотту и Жакобу Библиофилу, должны быть антикваріями, прежде чѣмъ сдѣлаться романистами, тѣ только могутъ понять, какихъ трудовъ и долгихъ изысканій стоило имъ вѣрное изображеніе какой-нибудь одежды, какого-нибудь разрушеннаго зданія, какого-нибудь забытаго судна. А потому думаемъ, что любопытно будетъ прочесть свѣдѣнія, отысканныя

въ старинныхъ лѣтописяхъ сѣверной Франціи, о первомъ линейномъ кораблѣ этой страны.

Простой діеппскій мастеръ, по имени Моренъ, построилъ первый линейный корабль Франціи. Эта громадная работа была предпринята по подряду, и подрядчикъ, по словамъ хроникки, исполнилъ свое дѣло къ полному удовольствію короля. Верфь устроена была на лѣвомъ берегу рѣки Вилёны, подъ Бернадской скалой, въ 1637 году. Корабль былъ 76-ти пушечный.

Размѣры, данныя строителемъ этой водяной крѣпости, подходятъ такъ близко къ размѣрамъ 74-хъ пушечнаго корабля нынѣшней постройки, что надо удивляться точности математическихъ выводовъ и исчисленій, по которымъ приведена въ исполненіе такая значительная работа. Корабль назывался «La couronne» (Держава). Всѣ пушки его были мѣдныя. Вотъ его размѣры:

Киль	120 фут.
Длина	135 —
Ширина	46 —
Глубина	50 —
Вышина средней мачты до флагштока	117 —
Полотна подъ парусами	36,000 —
Канатный якорь имѣлъ окружности	24 дюйм.
Длина каната	600 фут.
Вѣсу	14,000 фунт.
Главный якорь вѣсу	5,000 —

Составъ экипажа:

Капитанъ Лоне Розиль получалъ ежемѣсячно	300 франк.
Лейтенантъ Коке	100 —
Мичманъ Прево (изъ Орлеана)	50 —

Эти три офицера получили назначеніе отъ самого короля; капитану же предоставлено было пополнять нужный штатъ офицеровъ, составлять команду по своему усмотрѣнію, и доставлять имъ продовольствіе, за что онъ получалъ отъ правительства извѣстную сумму. Вотъ остальной составъ экипажа:

- 1 священникъ.
- 1 дьяковъ.
- 3 артиллериста.
- 2 сержанта.
- 6 капраловъ.
- 6 анспесадовъ (солдаты съ значительнымъ жалованьемъ; названіе ихъ происходитъ отъ слова anspect, аншпугъ):

- 1 шкиперъ.
- 4 подшкипера.
- 16 боцмановъ.
- 1 тимерманъ.
- 14 парусныхъ мастеровъ.
- 2 купора.
- 8 конопатныхъ мастеровъ.
- 3 кухмистра.
- 88 канонеровъ.
- 11 пушкарей.
- 3 оружейныхъ мастера.
- 500 матросовъ, имѣющихъ свидѣтельства о давнишней службѣ.

630.

Корабль стоялъ, по тогдашнему курсу.	500,000	лировъ.
Порохъ стоялъ фунтъ	14	су.
Свинецъ	2	—
Канать	4	— 6 денье (деньгъ)
Полотно англійское аршинъ	14	су.
Сухари, фунтъ	5	— мардовъ (полум.)
Сало	2	су 6 денье.
Горохъ	1	су.
Масло	4	су.

Такъ-какъ монета только условное значеніе стоимости, то легко можно отыскать аналогію, существующую между цѣнами той эпохи, и нынѣшними, и вывести по даннымъ здѣсь цифрамъ сравненіе издержекъ того времени съ нынѣшними.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о флагахъ вообще и о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ особенности.

Флагъ для моряка то же, что для солдата знамя. То и другое слово имѣютъ для нихъ одинаковый смыслъ, одинаковое значеніе—честь. Осъ-венные ми, матросъ и солдатъ клянутся скорѣ умереть, чѣмъ отдать одно или спустить другой передъ неприятелемъ.

Положеніе моряка требуетъ имѣть не одинъ, а нѣсколько флаговъ, но значеніе, о которомъ мы сейчасъ говорили, принадлежитъ только одному изъ нихъ. Надѣмся, что нѣсколько замѣтокъ, изложенныхъ нами, будутъ имѣть интересъ для тѣхъ изъ читателей, которые незнакомы съ моремъ и морскими постановленіями.

Флагъ дѣлается изъ особенной легкой шерстяной, нѣсколько прозрачной матеріи, называемой фладукъ. Его прикрѣпляютъ къ дрепку,

называемому флагштокъ, поднимають на суднѣ и распускають по вѣтру. Флаги бывають разныхъ цвѣтовъ и съ изображеніями разныхъ знаковъ, номеровъ, гербовъ, націй, провинцій, городовъ, имени капитана, хозяина судна, и наконецъ, названія самого судна.

Хотя исторія не сохранила ничего положительнаго объ отличительныхъ знакахъ финикійскихъ судовъ, однако несомнѣнно то, что они имѣли эти знаки. Жители Эгны первые изъ Грековъ прославились въ морскихъ битвахъ. Они отличались въ войнахъ противъ Персовъ, и вѣроятно, какой бы ни были постройки ихъ суда, на нихъ должны были существовать отличительные знаки. Морскія битвы Грековъ съ Персами предполагають возможность судамъ быть отдѣленными другъ отъ друга бурей или непріятелемъ; естественно, что они тогда должны были отыскивать своихъ, встрѣчаться между-собою, преслѣдовать вмѣстѣ врага, вступать съ нимъ въ бой. Для всѣхъ этихъ дѣйствій необходимы сигналы, по которымъ можно было бы различать свои суда отъ вражескихъ. Историки и поэты не объяснили намъ положительно этихъ отличительныхъ знаковъ древнихъ судовъ, хотя Гомеръ, Геродотъ, Страбонъ, Діодоръ, Фукидидъ очень часто упоминають о нихъ. Посмотримъ на флаги новѣйшихъ временъ.

Флаги бывають общіе и частныя. Первые неизмѣнны. Но если, по какому-нибудь случаю, дѣлается въ нихъ перемѣна, о ней сообщается между морскими націями, посредствомъ дипломатическихъ нотъ. Перемѣны въ такихъ случаяхъ касаются всѣхъ морскихъ націй и должны быть извѣстны каждой изъ нихъ.

Есть флаги, исключительно принадлежащіе военнымъ судамъ; подобныхъ флаговъ не могутъ поднимать суда коммерческія. Они поднимаются на флагштокъ, устроенномъ на ютѣ судна, на кормовой его части. Эта маленькая мачта, въ наклоненномъ положеніи, позволяетъ различать флагъ даже при совершенномъ безвѣтріи.

Необходимость переговариваться на большомъ разстояніи создала сигналы. Мы будемъ говорить здѣсь лишь о дневныхъ сигналахъ въ морѣ. Сигналы эти—тотъ же языкъ; они имѣють свою грамматику, свои правила, свой словарь.

Сигнальные флаги бывають произвольные, хотя всегда дѣлаются изъ обыкновенной флажной матеріи. Обыкновенно избирають для нихъ цвѣта, резко между-собою отдѣляющіеся, для того, чтобы легче было ихъ различать даже невооруженному глазу. Бѣлый, красный, желтый, зеленый и голубой — вотъ цвѣта, принятые для сигнальныхъ флаговъ. Голубой и зеленый никогда не помѣщаются вмѣстѣ; такъ же какъ бѣлый съ желтымъ, для того, чтобы нельзя было принять одинъ цвѣтъ

за другой, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда флаги уже не новы и отъ долгаго употребленія утратили первоначальную яркость цвѣтовъ.

Сигнальные флаги бываютъ одного цвѣта или разныхъ цвѣтовъ, расположенныхъ горизонтальными или вертикальными полосами, квадратами или въ шахматъ. Часто на срединѣ флага пошѣщается кругъ другого рѣзкаго цвѣта. Часто нѣсколько сигнальных флаговъ поднимаются вдругъ, или же отдѣльно на концахъ мачтъ или рей, но всегда на самыхъ видныхъ мѣстахъ.

Есть сигнальные флаги общіе всѣмъ націямъ. Напримѣръ, красный флагъ на мачтѣ или на кормѣ лодки, означаетъ, что судно нагружено порохомъ. Желтый флагъ означаетъ, что на суднѣ существуетъ эпидемія. Желтый флагъ называется карантиннымъ флагомъ.

Два судна враждующихъ между-собою націй, желающія вести переговоры, или судно, желающее вести переговоры съ непріятельскимъ портомъ, поднимаютъ парламентарскій флагъ. Въ такомъ-случаѣ принято всѣми націями, кромѣ французской, поднимать бѣлый парламентарскій флагъ на фокъ-мачтѣ.

Чтобы показать, что судно отнято у непріятеля, поднимаютъ на флагштокѣ два флага на одномъ флагъ-фалѣ, то-есть на одной веревкѣ, но такъ, что флагъ побѣдителя развѣвается выше, а флагъ побѣжденнаго подъ нимъ.

Если судно претерпѣваетъ крушеніе и требуетъ помощи, если оно требуетъ лодмана, то оно подбираетъ флагъ, то-есть національный флагъ на кормѣ *свертывается* и прикрѣпляется такимъ-образомъ, что не можетъ развѣваться по вѣтру.

Въ знакъ печали и траура, флагъ поднимается только до половины мачты. Во-время сраженія флагъ спускается въ знакъ того, что признаютъ себя побѣжденнымъ или сдаются непріятелю на капитуляцію.

Перейдемъ теперь къ частнымъ флагамъ.

Долго отыскивали способъ сочетанія цвѣтовъ, посредствомъ котораго при маломъ числѣ извлекалось бы возможно большее число знаковъ. Все вниманіе было устремлено на то, чтобы облегчить способъ переговоровъ посредствомъ сигналовъ, и избѣжать неясности и сбивчивости. Павильонъ, капитанъ корабля «Triomphant» (Побѣдоносный), убитый на немъ же въ 1782 году, на 52-мъ году отъ рожденія, оставилъ замѣчательную методу, по простотѣ и малосложности, при огромномъ числѣ знаковъ, которые еще могутъ быть распространены и умножены. Употребляя три флага для одного сигнала, а именно: первый для единицъ, второй для десятковъ и третій для сотенъ, достаточно только тринадцати флаговъ, чтобы выразить 999 знаковъ. Если каждому изъ

этихъ знаковъ дать цѣлую рѣчь, идею, какое-нибудь значеніе, полу читается обширное поле для общаго рѣчей.

Самые употребительныя сигнальныя флаги во французскомъ флотѣ слѣдующіе :

1. Голубой.
2. Красный.
3. Желтый.
4. Половина краснаго и половина бѣлаго.
5. Половина голубаго и половина бѣлаго.
6. Красный съ бѣлымъ въ шахматъ.
7. Голубой съ бѣлымъ въ шахматъ.
8. Красный кругъ въ бѣломъ полѣ.
9. Голубой кругъ въ бѣломъ полѣ.
10. Бѣлый кругъ въ красномъ полѣ.
11. Бѣлый кругъ въ голубомъ полѣ.
12. Красный кругъ въ голубомъ полѣ.
13. Голубой кругъ въ красномъ полѣ.

Чисто бѣлый цвѣтъ иначе не употребляется, какъ для парламентарскіхъ флаговъ.

Деять этихъ флаговъ означаютъ девять первыхъ цифръ; *два* послѣдніе изображаютъ нули и *два* изображаютъ повторительныя цифры.

Сигнальныя рѣчи раздѣляются обыкновенно на девять таблицъ.

Первая заключаетъ въ себѣ всѣ числа, начинающіяся единицею: 1, 10, 11, 12, 13, и проч., до 199. *Вторая* заключаетъ всѣ цифры, начинающіяся съ цифры 2, какъ-то: 2, 20, 21, 22, 23, 200, 210, и такъ далѣе, до 299. *Третья*—всѣ числа, начинающіяся съ цифры 3, и т.д.

Приспособивъ эти же таблицы къ разнымъ предметамъ, какъ-то: якорнымъ сигналамъ, паруснымъ, боевымъ, и прочее, получается безчисленное множество разныхъ знаковъ, увеличивающихъ сигнальный словарь. Всякій предметъ или отдѣлъ имѣетъ свой отличительный флагъ или мѣсто на суднѣ, гдѣ флагъ поднимается.

Но такъ-какъ приказанія, отдаваемые посредствомъ сигнальных флаговъ, могутъ быть понятны и непріятелямъ, еслибы они имъ сдѣлались извѣстны, то для избѣжанія подобнаго неудобства перемѣняютъ нумера сигнальныхъ флаговъ. Первая забота каждаго главнокомандующаго флотомъ, во-время военныхъ дѣйствій, состоитъ въ томъ, чтобы составить свои таблицы сигналовъ, которыя и раздаются всѣмъ капитанамъ судовъ.

Если возникнетъ малѣйшее сомнѣніе насчетъ секрета сигнальныхъ таблицъ, стоить только перемѣнить снова нумера и тѣмъ совершенно

собьешь съ толку. Такъ-напримѣръ, перенеса на 9-й номеръ номеръ 1-й, всѣ таблицы измѣнятся и флаги перемѣнятъ свое значеніе.

Предположимъ напримѣръ, что голубой флагъ означаетъ № 1-й, шахматный флагъ бѣлый съ краснымъ № 7-й, и красный кругъ въ бѣломъ полѣ № 9-й, что составитъ 179 номеръ, означающій, положимъ, приказаніе идти въ три колонны, ближе къ вѣтру. Перемѣстите цифру 9, и чтобы означенный флагъ означалъ № 1-й, голубой означаетъ тогда № 2-й, а шахматный красный флагъ означать № 8-й, что составитъ 281, подъ этими цифрами будетъ приказаніе выстроиться въ боевую линію и идти въ атаку, что совершенно различно отъ приказанія подъ № 179-мъ.

Суда очень часто бываютъ похожи другъ на друга, а потому легко поднять чужой флагъ и не быть узаннымъ. Въ военное время всякая хитрость позволена. Для того придуманы особенные сигналы. Они то же для моряка, что пароль для солдата, раздаются капитанами судовъ, сохраняются ими въ тайнѣ, и открываются только, когда въ нихъ встрѣтится надобность. Всякій капитанъ обязанъ даже бросать ихъ въ море, если предвидитъ, что они могутъ достаться въ руки непріятеля. Для подобныхъ сигнальныхъ знаковъ часто употребляютъ вмѣсто флаговъ пушечные выстрѣлы, ракеты и фальшфейеры. Часто употребляютъ все это вмѣстѣ, потому-что для нихъ нѣтъ и не можетъ быть положительныхъ правилъ.

Два брата англичанина, по фамиліи Люсcombe, изобрѣли общіе сигнальные флаги, посредствомъ которыхъ суда, принадлежація разнымъ націямъ, могутъ переговариваться между-собою, не зная сигнальныхъ знаковъ другъ-друга.

Арматоры и шкипера коммерческихъ судовъ пользуются во-Франціи правомъ составлять флаги по своему произволу. Флаги ихъ поднимаются на фокъ-мачтѣ. Цвѣта перемѣшиваются и сочетаются по прихоти каждаго. Вы часто увидите имя владѣльца или имя судна, написанное на флагѣ, или на брейдъ-вымпелѣ, большими черными буквами по бѣлому полю, или бѣлыми буквами по голубому полю. Это очень просто и прямо достигаетъ цѣли, но имѣетъ то неудобство, что рассмотреть его на дальнемъ разстояніи невозможно даже вооруженнымъ глазомъ. Часто вѣтеръ и даже самое положеніе судна представляютъ взору наблюдателя надпись навыворотъ, и потому расположеніе флаговъ по цвѣтамъ остается доселѣ лучшимъ и удобнѣшимъ способомъ для отлвчія судовъ, одного отъ другаго.

Въ торжественные дни суда убираются флагами. Мачты, реи покрываются ими во множествѣ, и разнообразіе ихъ представляетъ самое

пріятное зрѣлище. Есть нѣкоторое искусство въ расположеніи цвѣтовъ, и для этого, ббльшую частію, употребляютъ сигнальные флаги. Если поднимаютъ національный флагъ, то всегда на корнѣ; за нимъ слѣдуютъ національные флаги союзныхъ государствъ въ слѣдующемъ порядкѣ. № 1-му принадлежитъ мѣсто на нижнемъ реѣ, по правую сторону судна. № 2 му, на нижнемъ реѣ, по лѣвую сторону. № 3-му на фокъ-реѣ или среднемъ реѣ, съ правой стороны. № 4-му тамъ же, съ лѣвой. № 5-му, на третьемъ реѣ, съ правой стороны. № 6-му тамъ же, съ лѣвой стороны. Еслибы нашлось болѣе флаговъ союзныхъ державъ, то ихъ поднимаютъ на четвертомъ реѣ, въ томъ же порядкѣ. Никакой національный флагъ не поднимается на концѣ мачтъ. Это мѣсто представлено сигнальнымъ флагамъ; также запрещается подымать его на бушпритѣ.

Въ торжественные дни, во-французскихъ портахъ, французскіе суда распредѣляютъ флаги иностранныхъ державъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Первое мѣсто принадлежитъ флагу государства, судномъ котораго командуетъ находящійся въ портѣ старшій по чину капитанъ; если же случится, что находятся въ портѣ два капитана одинаковыхъ чиновъ, но разныхъ государствъ, то предпочтеніе отдается первому прибывшему въ портъ. Въ такомъ же порядкѣ распредѣляются мѣста и всѣмъ находящимся въ портѣ иностраннымъ флагамъ.

Въ чужихъ портахъ, на французскихъ судахъ первое мѣсто отдается флагу того государства, въ чьемъ портѣ находится французское судно; за нимъ уже слѣдуютъ флаги государствъ, которыхъ суда находятся въ портѣ, по чину капитановъ и въ томъ самомъ порядкѣ, какъ мы описали; потомъ слѣдуютъ флаги тѣхъ государствъ, консулы которыхъ находятся въ портѣ, и за ними наконецъ флаги прочихъ державъ.

Законъ требуетъ, чтобы каждое входящее въ портъ или вступающее въ бой судно поднимало свой національный флагъ. Въ военное время, всякое военное судно, поднимающее національный флагъ, обязано отдать ему честь пушечнымъ выстрѣломъ.

Два военныхъ судна, встрѣтившіяся въ морѣ, не желая быть узанными, или по какой-либо другой причинѣ, могутъ поднять флагъ, имъ не принадлежащій, но въ такомъ случаѣ онъ поднимается безъ выстрѣла. Поступить иначе считается противно законамъ чести и общественнаго довѣрія. Это правило, установленное 17-го марта 1696 года Людовикомъ XIV, для французскихъ судовъ, и именно для корсаровъ, принято было всѣми націями.

Естественно и очевидно, что всякое судно должно имѣть только одинъ національный флагъ, а кто поднималъ вдругъ два, тотъ почитался

за пирата. Пираты не только поднимали два флага, но и утверждали ихъ двумя выстрѣлами. Часто они поднимали черный флагъ, на которомъ изображалась Адамова голова, кости или шпаги, положенныя накрестъ.

Рѣдко пираты принуждаемы были скрываться, и часто должно было противъ нихъ принимать всѣ мѣры защиты. Вотъ что говорится во французскихъ морскихъ постановленіяхъ 1830 года:

«Если на кораблѣ будетъ находиться король лично, то корабль поднимаетъ національный флагъ на средней мачтѣ, на кормѣ и бушпритѣ. Присутствіе генералъ-адмирала означается четырехугольнымъ, трехцвѣтнымъ флагомъ съ гербомъ Франціи и двумя якорями, положенными накрестъ. Присутствіе адмирала означается трехцвѣтнымъ четырехугольнымъ флагомъ на средней мачтѣ. Начальникъ эскадры поднимаетъ трехцвѣтный брѣйдъ-вымпелъ на средней мачтѣ. Во время военныхъ дѣйствій ихъ брѣйдъ-вымпелъ будетъ цвѣта той эскадры, къ которой они приписаны. Если два дивизионные начальника будутъ находиться въ одной эскадрѣ, то старшій поднимаетъ свой брѣйдъ-вымпелъ на средней мачтѣ, а меньшій на фокъ-мачтѣ. Командующіе однимъ только судномъ поднимаютъ вымпелъ».

Флаги французскихъ коммерческихъ судовъ бываютъ трехъ родовъ: національный флагъ, вымпела и сигналы.

236-ю—статьею регламента 1765 года дозволялось шкиперамъ французскихъ коммерческихъ судовъ поднимать въ виду порта, въ который они входили, свой отличительный флагъ. Видъ и цвѣтъ этихъ флаговъ предоставлялся полному произволу шкиперовъ и негодіантовъ; правительство не входило въ эти распоряженія. Такъ было до 1817 года. Но тутъ политика стала примѣшиваться ко всему. Смерть Людовика XVI, двойное заключеніе Наполеона и двѣ послѣдовательныя реставраціи во многомъ измѣнили Францію. Появлялись кокарды и знамена всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Тогда-то нѣкоторые изъ мореходовъ, пользуясь правомъ, даннымъ имъ упомянутымъ регламентомъ 1765 года, разцвѣтились трехцвѣтными флагами, состоящими изъ красной, голубой и бѣлой полосъ.

Тогда въ вѣдомствѣ морскаго управленія составлено было уложеніе о флагахъ для купеческихъ судовъ, и представлено Людовику XVIII морскимъ министромъ графомъ Молё. Уложеніе было подписано королемъ 3 декабря 1817 года, и тотчасъ же разослано по всѣмъ портамъ и приморскимъ городамъ, съ повелѣніемъ наблюдать его въ точности и безотлагательно. Статьею I-ю этого уложенія хотя и предоставлялось шкиперамъ присоединять къ національному флагу отличительный флагъ

судна, но слова: «цвѣтомъ и видомъ по произволу каждаго» были выброшены, а въ статьѣ 6-й сказано было безъ дальняго объясненія: «Повелѣвается всѣмъ арматорамъ и шкиперамъ давать знать въ морское министерство о видѣ и цвѣтѣ, избранныхъ ими для флага на своихъ судахъ, и воспрещается употреблять его до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ онъ внесенъ въ списки коммерческихъ судовъ вмѣстѣ, со списками людей, составляющихъ команду судна».

Зло, котораго опасалось правительство, было пресѣчено VI статьею уложенія. Однако, не желая выказать всѣхъ своихъ опасеній, правительство не установило наказанія для ослушниковъ противъ новаго уложенія.

До-сихъ-поръ, коммерческія суда слѣдуютъ уложенію 1817 года; что же касается до національнаго флага, то купческія суда Франціи пользуются позволеніемъ носить его только съ 1765 года. За это лѣтъ до этой эпохи, имъ предоставлено было носить флаги, исключительно для нихъ назначенные, въ-слѣдствіе причинъ, сопряженныхъ съ достоинствомъ самаго національнаго флага.

Когда установленъ былъ для французскаго флага бѣлый цвѣтъ, тогда одни королевскіе корабли имѣли привилегію украшать имъ свою корму, и тогда же установленъ для частныхъ судовъ голубой флагъ съ бѣлымъ крестомъ, котораго не обязаны были защищать ни сухопутныя войска королевства, ни королевскія суда. Подобное различіе влекло за собою большія невыгоды для негоціантовъ.

Бѣлый флагъ, отличающій королевскія суда, былъ всюду предметомъ особенныхъ почестей и уваженія, которое умѣлъ ему доставить Людовикъ XIV; никто не осмѣливался оскорбить его, какимъ-бы то ни было образомъ. Подъ прикрытіемъ бѣлаго флага, всѣ коммерческія сношенія и обороты могли совершаться съ полнымъ довѣріемъ, потому-что остерегались быть несостоятельными въ тѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ, въ которыхъ предпологалось участіе французскаго правительства. Всѣ издержки въ-слѣдствіе поврежденія, нанесенныя судамъ отъ случайной неосторожности или умысла, легче и удобнѣе могли быть взысканы и пополнены. Вотъ почему арматоры и шкипера коммерческихъ судовъ, въ дальнихъ плаваніяхъ, позволяли себѣ поднимать королевскій флагъ.

Многія суда, несмотря на поднятый бѣлый флагъ, были однако оскорбляемы; другіе подъ эгидой этого знамени совершали сдѣлки, покрывшія флагъ безчестіемъ; многимъ изъ этихъ судовъ не отдавали должныхъ почестей, къ которымъ королевскія суда могли принудить, крайней-мѣрѣ, силою оружія и тѣмъ держать въ почтительныхъ отношеніяхъ къ королевскому флагу флаги враговъ и союзныхъ народовъ. Объ

этомъ дошли слухи и до короля. По представленію Ломоноса, Людовикъ XIV подписалъ новелліе, 9-го октября 1664 года, слѣдующаго содержания:

«Его величество, узнавъ, что многіе капитаны, шкипера, негоціанты, судохозяева и арматоры коммерческихъ судовъ, въ дальнихъ странствіяхъ по морямъ, вмѣсто того, чтобы носить установленный для нихъ національный флагъ, осмѣливаются поднимать на судахъ своихъ бѣлый королевскій штандартъ, пользуясь имъ для выгодъ своего плаванія и торговли, часто въ ущербъ его достоинства, не зная, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ средствъ отстоять права королевскаго флага, чтобы принудить къ должнымъ почестямъ тѣхъ, которые не захотѣли бы ихъ отдать флагу,—запрещаетъ въ слѣдствіе этого всѣмъ шкиперамъ, капитанамъ и проч. поднимать бѣлый флагъ, предоставленный только однимъ королевскимъ судамъ. Его величество повелѣваетъ, чтобы впредь они поднимали только прежде установленный національный флагъ, съ бѣлымъ крестомъ по голубому полю и съ королевскимъ гербомъ на срединѣ».

Правительство выслало нѣсколько военныхъ судовъ въ крейсерство, а именно къ африканскимъ берегамъ два корабля подъ командою Болье и Палласа, чтобы наблюдать за исполненіемъ устава.

Въ 1670 году 12 іюля Кольбертъ объявилъ новый морской уставъ, въ которомъ подтверждается запрещеніе 1664 года употреблать королевскій флагъ на коммерческихъ судахъ. Въ 1689, гениальный министръ издалъ извѣстное уложеніе, во многомъ заимствованное изъ морскихъ уложеній Голландіи и Англіи. Замѣчательное уложеніе Кольберта понынѣ служитъ основаніемъ французскому морскому кодексу и тоже сохранило статью, которая предписываетъ коммерческимъ судамъ носить голубой флагъ съ крестомъ; но къ статьѣ прибавлено слѣдующее: «Предписывается коммерческимъ судамъ носить флагъ съ бѣлымъ крестомъ на голубомъ полѣ, или, по своему произволу, всякій другой флагъ, для отличія судовъ между-собою, лишь бы онъ не былъ совершенно бѣлаго цвѣта».

Тогда-то появились тысячи разнообразныхъ флаговъ, на которыхъ голубой и бѣлый цвѣтъ были перемѣшаны въ разныхъ видахъ, по прихоти и фантазіи арматоровъ, но всегда такъ, что бѣлый цвѣтъ видимо первенствовала. Было ли то въ слѣдствіе тщеславія или выгоды, неизвѣстно, желало ли правительство наградить нѣкоторыхъ арматоровъ за оказанныя ему услуги, или имѣло намѣреніе заставить ихъ носить общій флагъ,—только въ 1765 году, какъ мы уже говорили, коммерческія суда получили позволеніе носить бѣлый флагъ, тѣмъ болѣе, что о

голубомъ флагъ съ бѣлымъ крестомъ исчезло даже самое воспоминаніе. Такимъ-образомъ, бѣлый флагъ сталъ развѣваться на всѣхъ рейдахъ, въ портахъ и въ моряхъ до 1790 года, пока не былъ созданъ новый флагъ, которому назначено мѣсто на бушпритѣ. Это нововведеніе имѣетъ свою исторію; она любопытна.

Въ Брестѣ, въ 1790 году, 16 сентября, въ эскадрѣ подъ начальствомъ Дальберъ-де-Ріома возникли безпорядки. Дальберъ поспѣшилъ донести о нихъ морскому министру де-ла-Люзерну, тотъ сообщилъ донесеніе начальника эскадры въ національное собраніе, а національное собраніе при копіи съ донесенія разослало увѣдомленія по всѣмъ морскимъ комитетамъ. Кюръ, главный докладчикъ и секретарь морскихъ комитетовъ, предложилъ декретъ, которымъ повелѣвалось разсмотрѣть дѣло, отыскать главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ и предать суду, а равно и виновныхъ въ оскорбленіи, сдѣланномъ контръ-адмиралу Бервару де-Мариньи Декретъ былъ принятъ и подписанъ, но остался безъ исполненія, потому-что безпорядки возрастали въ Брестѣ съ каждымъ днемъ и событія смѣнялись новыми событіями. Безпокойный духъ, занесенный изъ Санъ-Доминга на кораблѣ «Леопардъ», нашелъ пищу во французскомъ портѣ и поддерживался сходками; виновные стремились дать безпорядкамъ тѣ же размѣры, въ какихъ дѣйствовали ихъ сообщники въ столицѣ Франціи, и вотъ по какому поводу: морское уложеніе о наказаніяхъ было измѣнено въ національномъ собраніи. Многія статьи не понравились морякамъ или вѣрнѣе тѣмъ изъ нихъ, которые приняли на себя названіе «Защитниковъ брестскаго уложенія».

Комитеты морскаго управленія дѣятельно трудились для прекращенія безпорядковъ. Вотъ что было положено: «Комитетъ находить необходимымъ поспѣшить сдѣлать извѣстными правила о повышеніи морскихъ чиновъ, и замѣнить бѣлый флагъ трехцвѣтнымъ. Но между-прочимъ, комитетъ полагаетъ, что подобныя измѣненія могутъ быть приведены въ дѣйствіе только по совершенномъ прекращеніи безпорядковъ».

Національное собраніе, основываясь на заключеніи рапорта, приняло этотъ проектъ. По этому поводу возникли жаркія пренія. Правая сторона національнаго собранія защищала преимущества бѣлаго флага. Мирабо и лѣвая сторона защищали новые цвѣта.

Вандрёйль, желая отклонить исполненіе проекта, который, повидимому, долженъ быть принятъ большинствомъ голосовъ, сказалъ: «Прошу обратить вниманіе, что предлагаемые цвѣта для новаго флага неудобны уже тѣмъ, что приняты голландцами для своихъ судовъ».

Галлиссоньеръ прибавилъ:

«Необходимо удержать бѣлый цвѣтъ для нашего флага уже потому,

что голландцы и англичане иѣють трехцвѣтные флаги. Къ-тому же иѣра эта ведетъ къ большимъ издержкамъ...»

Вирье заключилъ пренія слѣдующею рѣчью:

«Предлагають замѣнить новымъ тотъ флагъ, которому Франція обязана съ-давнихъ-поръ славою и значеніемъ. Всѣ истинные патріоты ужаснутся этой переиѣны. Не ему-ли обязаны Сѣверо-Американскіе Штаты своимъ политическимъ существованіемъ? Подобная переиѣна осуждаетъ на забвеніе и наши подвиги. Я раздѣляю побужденіе, подавшее мысль нашимъ морскимъ комитетамъ предложить собранію утвердить видимый знакъ нашихъ преобразованій, а потому предлагаю, чтобы къ цвѣту перьевъ на племѣ Генриха IV присоединены были новые цвѣта, то-есть, говоря безъ аллегорій, чтобы къ прежнему бѣлому флагу прибавлена была полоса изъ національныхъ цвѣтовъ».

Мирабо опровергалъ это предложеніе, какъ и прочія. Послѣ долгихъ и горячихъ преній, національное собраніе отослало въ морской комитетъ вопросъ о составленіи морскаго знамени, и декретомъ 24 октября 1790 года положено было слѣдующее:

«Статья первая. Флагъ, поднимаемый на бушпритѣ, состоитъ изъ трехъ равныхъ полосъ, расположенныхъ вертикально, въ слѣдующемъ порядкѣ: Первая полоса около древка красная, вторая или средняя бѣлая, третья голубая».

Вертикальное расположеніе полосъ установлено было для отличія отъ голландскаго флага.

«Статья вторая. Флагъ, поднимаемый на кормѣ, слѣдующій: Верхняя его половина совершенно схожа съ вышеописаннымъ флагомъ бушприта, только въ четвертую часть его величины и окружена узкою полосомъ, половина длины которой будетъ красною и половина голубою. Нижняя часть флага будетъ вся бѣлаго цвѣта. Флагъ этотъ установленъ какъ для военныхъ, такъ и для коммерческихъ судовъ».

Морской комитетъ послалъ по этому случаю де-Флёрё, новому морскому министру, нарисованный снимокъ установленныхъ флаговъ. Де-Флёрё былъ только-что назначенъ въ должность морскаго министра, на мѣсто ла-Люзерна, оставившаго службу. Этотъ снимокъ хранится въ историческомъ отдѣленіи министерства. На немъ существуетъ слѣдующая надпись. «Установлено декретомъ національнаго собранія; 11 ноября 1790. За подписью Номпера, президента морскаго комитета».

Долго спустя послѣ смерти Людовика XVI, 27 плювіоза XI года, Жавъ-Бон—Сент-Андре, во-имя комитета общественнаго спокойствія, предложилъ декретъ, которымъ совершенно уничтожался бѣлый цвѣтъ и

переменялся порядокъ цвѣтовъ. Декретъ былъ принятъ, и вотъ его содержание:

«Статья первая. Установленный для судовъ флагъ на кормѣ декретомъ національнаго собранія сямъ уничтожается».

«Статья вторая. Национальный флагъ будетъ имѣть отнынѣ три національныхъ цвѣта; расположенныхъ вертикально, тремя равными половинами, такъ, чтобы голубой цвѣтъ былъ первый къ древку, бѣлый въ срединѣ и красный на развѣвающейся сторонѣ».

Въ 1814 году снова установленъ былъ бѣлый флагъ, совершенно забытый во-время революціи и имперіи.

1815 года, марта 20, трехцвѣтное знамя было снова принято, съ тѣмъ, чтобы сто дней спустя, уступить снова бѣлому, и бѣлый флагъ снова взвился на корабляхъ. Бѣлому флагу принадлежать славные дни въ пятнадцатилѣтнее его владычество: Наваринскій день и взятіе Алжира. Въ 1830 году, въ іюль, снова возстановленъ трехцвѣтный флагъ, существующій и нынѣ.

Скажемъ теперь о происхожденіи этихъ трехъ цвѣтовъ.

Людовикъ XIII замѣнилъ солдатскій шарфъ, связывавшій движенія воиновъ, бѣлою кокардою.

Временный избирательный парижскій комитетъ прокламировалъ 13-го іюля 1789 года о необходимости приступить безотлагательно къ составленію парижской полиціи. Къ этому были приняты всѣ мѣры: положено дать кокарду милиціонерамъ; цвѣта городскаго герба признаны самыми приличными, а потому въ статьѣ X-й прокламаціи сказано:

«Такъ-какъ необходимо, чтобы каждый членъ устанавливаемой милиціи носилъ отличительный знакъ, то члены временнаго избирательнаго парижскаго комитета постановили носить каждому милиціонеру кокарду изъ двухъ городскихъ цвѣтовъ—голубаго и краснаго. Тотъ, кто будетъ носить кокарду, установленную для милиціи, не бывъ въ нее записанъ, подвергается суду временнаго комитета».

Голубое поле и по немъ золотыя лиліи, въ парижскомъ гербѣ, и красное поле и на немъ корабль, въ гербѣ древней столицы Ильдефранса, объясняютъ намъ достаточно установленные два цвѣта, голубой и красный. Мы видѣли, что голубой цвѣтъ уступилъ первенство красному въ флагѣ, изобрѣтенномъ Номперомъ, что красный цвѣтъ уступилъ первенство голубому во флагѣ Жакъ-Бон—Сент-Андре и конвента; но когда и по какому случаю бѣлый цвѣтъ вошелъ въ трехцвѣтную кокарду—этого розыскать до-сихъ-поръ не могли. На этотъ счетъ было много толковъ, но они ни на чемъ не основаны.

Думали, что три цвѣта—олицетвореніе трехъ классовъ: красный—

дворянства, голубой—гражданъ, и бѣлый — духовенства. Но доказательствъ этому предположенію нигдѣ нѣтъ.

И почему красный цвѣтъ былъ цвѣтомъ дворянства? Почему голубой цвѣтъ—цвѣтъ огромной массы народа—не дворянъ? Не потому-ли, что онъ, по словамъ знатоковъ герольдіи, напоминаетъ происхождение первыхъ франковъ, потомковъ Сякамбровъ, жившихъ во фрижскихъ болотахъ? Геральдики, составляя гербъ Франціи, приняли для поля цвѣтъ воды, которая становится голубою по отраженію въ ней голубаго неба, и испестряли поле герба маленькими желтыми лиліями, которыя растутъ на фрижскихъ болотахъ.

Еще до 1789-го года королевскія галеры украшались трехцвѣтнымъ флагомъ, съ тою только разницею, что онъ былъ раздѣленъ на три полосы, горизонтально расположенныя: верхняя была красная, средняя бѣлая и нижняя голубая. На бѣлой полосѣ изображался гербъ Франціи по голубому полю.

Гербъ королевской фамилии съ давнихъ временъ имѣлъ тѣ же три цвѣта, голубой, бѣлый и красный. Въ V томѣ сочиненія подъ-названіемъ: «*Monuments de la monarchie*», мы находимъ слѣдующее: «Гвардейскіе швейцарцы Генриха III носили бѣлую одежду; между разрѣзами на швахъ проглядывала красная и голубая шелковая матерія. Чулки носили они разныхъ цвѣтовъ, голубаго и бѣлаго, шапки красныя. Гайдуки и скороходы его величества носили голубое платье, украшенное красными лентами, и бѣлые чулки».

Бренетонъ де-Моравжъ, въ книгѣ своей: «*Traité des marques nationales*», подробно описываетъ все, что принадлежало къ дворцовому этикету. Вотъ что онъ говоритъ между прочимъ: «Филиппъ французскій герцогъ Орлеанскій, единственный братъ Людовика XIV, принялъ для своей ливреи красный цвѣтъ съ голубымъ подбоемъ; украшенія изъ двухъ галуновъ, положенныхъ рядомъ, голубаго и бѣлаго цвѣтовъ, и вышитыя по краямъ краснымъ цвѣтомъ въ шахматъ. Эти цвѣта были приняты всѣми его потомками мужескаго пола».

Только королевская прислуга имѣла право носить голубое платье съ бѣлыми и красными галунами. Ливрея, принятая герцогомъ Орлеанскимъ, уже прежде него была принята Гастономъ, младшимъ братомъ Людовика XIII, по наслѣдству отъ герцоговъ Тосканскихъ изъ дому Медичи, потомковъ его по материнской сторонѣ.

Что касается до Людовика XIV, то до его брака, галуны на его ливреѣ были тоже трехцвѣтныя. Картины Вандермелена и королевскіи обои служатъ доказательствомъ этому. Послѣ же брака короля, галуны были двухцвѣтныя на голубомъ полѣ.

Итакъ, несомнѣнно то, что національные французскіе цвѣта были надравле цвѣтами королей. Жанъ-Бон—Сент-Андре, Мирабо и всѣ тѣ, которые стремились уничтожить бѣлый цвѣтъ, создавали новыя знамена, новыя флаги и кокарды изъ древнихъ королевскихъ цвѣтовъ, и вооружались противъ бѣлаго, забывая, что Генрихъ IV принялъ его для перьевъ своего шлема, потому-что такого цвѣта перья носились гугенотами въ противорѣчіе красной кокардѣ и красному шарфу католиковъ.

Въ религіозныхъ войнахъ, враждующія стороны принимали попеременно то французскіе, то англійскіе цвѣта. Эти цвѣта установились послѣ крестовыхъ походовъ. Англичане носили бѣлый крестъ, французы—красный. Въ царствованіе Филиппа Валуа, обѣ націи обмѣнялись цвѣтами. Объ этомъ говоритъ почтенный Августинъ Галланъ, въ своемъ: «Traité des enseignes et etendarts de France», напечатанномъ въ Парижѣ, въ 1836 году.

Первое французское знамя было голубого цвѣта. Его замѣнила орифламма огненнаго цвѣта. Во-время Карла VII было введено бѣлое знамя. Въ-послѣдствіи всѣ три цвѣта соединены вмѣстѣ и приняты французскими королями. Галланъ и Бренетонъ де-Моранжъ согласны въ этомъ.

Александръ Дюма, въ своей «Gaulle et France», слѣдуетъ тому же мнѣнію, которое, кажется, въ тысячу разъ правдоподобнѣе и основательнѣе всѣхъ поэтическихъ и баснословныхъ вымысловъ, которые хотятъ увѣрить насъ, что бѣлый цвѣтъ перешелъ къ французамъ отъ галловъ, красный отъ франковъ и голубой отъ королевскаго герба.

Положимъ, что лазурный цвѣтъ—цвѣтъ французскихъ королей; но почему же красный принадлежность франковъ? На чемъ это основано? Что касается до бѣлаго цвѣта, то за неимѣніемъ лучшаго, намъ, пожалуй, придется согласиться съ опредѣленіемъ Августина Галлана: «Бѣлый цвѣтъ, говорилъ онъ, давно принятъ французами, потому-что чистота его отвѣчаетъ ихъ нравамъ».

Корабль не украшается флагомъ тогда, какъ придетъ въ ветхость, и за негодностью осуждается для водяныхъ тюремъ, известныхъ подъ-названіемъ блокшифовъ, а у англичанъ подъ именемъ понтоновъ.

Англичанамъ принадлежитъ мысль, обратить военный корабль, негодный уже къ плаванію, въ обширную тюрьму для плѣнныхъ. Огромные остроги, окруженные тремя рядами стѣнъ, выстроенные на сушѣ, казались не довольно надежнымъ заключеніемъ и представляли еще нѣкоторыя средства къ побѣгу плѣнниковъ, несмотря на многочисленный гарнизонъ и неуспынный надзоръ.

На кораблѣ же, совершенно разоруженномъ, но съ рѣшетками во

въсѣхъ портахъ (окнахъ), окруженномъ днемъ и ночью неусыпною стражею, средства охранять плѣнниковъ были вѣрныя и удобныя.

Тамъ, безъ большихъ издержекъ, можно было помѣстить до 800 человекъ плѣнныхъ, до того тѣсно помѣщенныхъ, что найти средства къ побѣгу становилось рѣшительно невозможно. Плѣнные находились постоянно на глазахъ стражи, и всякое движеніе, клонящееся къ побѣгу или ослушанію, тотчасъ же останавливалось и было жестоко наказуемо. Достаточно было взглянуть на эти пловучія могилы, чтобы представились воображенію, во всей ужасающей наготѣ ихъ, всѣ страданія и лишения, вся пытка тягостнаго заключенія.

Разоруженный корабль, безъ мачтъ и парусовъ, безъ артиллеріи, но зато съ желѣзными, крѣпкими рѣшетками во всѣхъ отверстіяхъ; за рѣшетками блѣдныя, худыя, изнуренныя лица, вдыхающія испаренія стоячей воды—вотъ зрѣлище, которое представлялъ каждый чатамскій, портсмутскій или плимутскій понтонъ!

Сверхъ шканцевъ и палубы этихъ пловучихъ тюремъ, устроены были крыши. Тамъ узники могли дышать дневнымъ воздухомъ и подкрѣпить легкія, ослабѣвшія отъ ночной духоты и тѣснаго помѣщенія во ввутренности корабля.

Безпрестанныя переключки дѣлались начальникомъ понтона въ предупрежденіе замысловъ къ побѣгу плѣнниковъ, всегда готовыхъ жертвовать жизнью малѣйшей надеждѣ на побѣгу. Рѣшетки въ окнахъ осматривались по нѣскольку разъ въ день. Ихъ потрясали во всѣ стороны, какъ кольца на ногахъ каторжниковъ, вѣчно занятыхъ тѣмъ, какъ бы сбить или перепилить оковы, какимъ бы то ни было образомъ, и убѣжать.

Но несмотря на самый внимательный и предусмотрительный надзоръ англійской стражи, ловкость французскихъ плѣнниковъ превосходила бдительность и присмотръ ея, что и доказывается тѣмъ, что несмотря на всѣ мѣры англичанъ, чтобы сдѣлать побѣгу невозможнымъ, французскимъ не разъ удавалось бѣжать.

Люди пользующіеся свободой, не испытавшіе никогда долгой и тяжелой неволи, не могутъ понять, къ какимъ нечеловѣческимъ усиліямъ были готовы французскіе узники, чтобы освободиться, хотя на мигъ, изъ заточенія.

Нато, чтобы пролобить отверстіе въ суднѣ, надо употребить ограниченную сумму хитрости, терпѣнія и ловкости. А подобная работа удавалась почти каждому изъ плѣнниковъ на понтонахъ, хотя часто тѣмъ и оканчивалась.

По бокамъ понтона обыкновенно устроиваются, на восемнадцать дюйм-

новъ выше воды, деревянныя настилки. По нимъ день и ночь ходили часовые, которыхъ слышно было все, что дѣлалось за стѣнами кораблѣй. Ни одинъ вздохъ, ни одно движеніе, ни одинъ звукъ не могли ускользнуть отъ нихъ. Когда ночь окружала понтонъ тишиною, увеличенною безмолвіемъ спящихъ плѣнниковъ, когда она распространяла мракъ по берегу, охраняемому безчисленною стражею, и по дремлющей водѣ, едва колыхающейся отъ ночнаго вѣтра, тогда нельзя было крикнуть, произнести слова, пропѣть сквозь зубы какую-нибудь пѣсню, чтобы не быть услышаннымъ всѣми часовыми, всею окружающею понтонъ стражею.

А между-тѣмъ, подъ этими самыми деревянными досками, на которыхъ стояли внимательные часовые, мало-по-малу долбилось отверстіе; черезъ него бѣглецы погружались въ воду и выплывали на берегъ съ кожаной котомкою за плечами, заключавшею все ихъ достояніе.

Взгляните на лифійный корабль, приглядитесь къ толщинѣ его стѣнъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ слоевъ досокъ и брусевъ, и вы поймете, чего стоитъ вырубить и просверлить всю толщину корабельной стѣны, не пилою и топоромъ, но простымъ ножомъ, часто даже перочиннымъ, единственнымъ оружіемъ, оставляемымъ въ рукахъ плѣнниковъ. Послѣ немовѣрныхъ усилій, терпѣнія и неисчислимыхъ предосторожностей просверлить отверстіе, оставалось еще пробить мѣдную обшивку корабля. Новое препятствіе, надъ которымъ надо было еще сильнѣе трудиться. Пробить мѣдь безъ стуку невозможно; оставалось уничтожить металлическій листъ посредствомъ тихаго скобленія. Сдѣлавъ отверстіе близко отъ воды, можно потопить понтонъ; пробивъ его высоко, оно придетъ къ видному мѣсту и неизнуемо возбудитъ вниманіе часовыхъ. Надо было избѣжать двухъ крайностей. Сколько же надо вычисленій и удачи только для того, чтобы удалось нырнуть въ воду и поплыть подъ градомъ пуль неусыпной англійской стражи!

Отверстіе, пробитое такимъ-образомъ многими участниками въ работѣ, доставляло имъ возможность воспользоваться побѣгомъ.

Но если часовой замѣчалъ отверстіе, суматоха дѣлалась общою. Извѣстіе передавалось отъ стражи къ стражѣ. Гребныя суда, въ готовности всегда стоящія по берегу, спускались мгновенно на воду и начинали свои объѣзды кругомъ понтонна. Огни зажигались, плѣнныхъ будили и дѣлали имъ нѣсколько перекличекъ, и если во-время всей этой сумятицы открывали въ волнахъ нырнушаго бѣглеца, въ него стрѣляли со всѣхъ судовъ, и часто, вмѣсто бѣжавшаго, привозили на понтонъ мертвое тѣло его.

Средства къ побѣгу черезъ подпленные въ окнахъ рѣшетки сначала удавались нѣкоторымъ плѣннымъ, но обратили вниманіе надсмотрщиковъ,

и за рѣшетками стали наблюдать такъ, что должно было искать другихъ, болѣе надежныхъ способовъ. Тогда-то придумали пробивать отверстіе въ стѣнахъ корабля...

Ничто не сдружиаетъ такъ людей между-собой, какъ общія горести и страданія. Англичане употребляли всѣ возможные средства, чтобы подкупить нѣкоторыхъ плѣнныхъ быть измѣнниками и предателями своихъ собратій, и выдавать всѣ ихъ покушенія къ побѣгу. Но ни золото, ни обѣщанія не могли вынудить подобнаго предательства, особенно когда дѣло шло о готовящемся уже отверстіи. Въ этомъ случаѣ каждый сохранялъ тайну собратій и соотечественниковъ, какъ свою собственную. Притомъ же страхъ возмездія за подобную измѣну удерживалъ слабодушныхъ. Жестокое наказаніе неминуемо слѣдовало за такимъ поступкомъ.

Въ исторіяхъ понтоновъ существуетъ нѣсколько примѣровъ ловкихъ, искусныхъ, освобожденій. Приведемъ въ примѣръ одинъ побѣгъ, въ которомъ удача равняется отвагѣ и искусству.

Куттеръ, нагруженный порохомъ, въ ожиданіи разсвѣта, бросаетъ якорь подлѣ одного изъ плимутскихъ понтоновъ, съ тѣмъ, чтобы свезти порохъ на корабль «Эгмонтъ», стоящій въ портѣ и готовый уже къ отплытію.

Въ-теченіе ночи пробивается на понтонѣ уже давно заготовленное отверстіе. Ларивіеръ, которому слѣдовало первому имъ воспользоваться, нырнулъ въ воду и за нимъ пять или шесть другихъ плѣнныхъ.

Всѣ они достигаютъ куттера благополучно, влѣзаютъ на него и входятъ спящую команду въ двухъ каютахъ. Смѣльчаки запираютъ за собою двери той и другой каюты, связываютъ спящихъ англичанъ, душатъ проснувшихся, одѣваются въ ихъ платья и выходятъ къ разсвѣту на надубу судна. Ларивіеръ принимаетъ командованіе и исполняетъ его на англійскомъ языкѣ, поднимаетъ якорь, распускаетъ паруса и отплываетъ отъ понтона. Часовые и понтонная стража не замѣчаютъ подлога и совершенно новыхъ лицъ команды, чему помогаетъ еще не совершенно разсвѣтшее утро. Находясь на срединѣ рейда, куттеръ проходитъ подлѣ корабля «Эгмонтъ», на которомъ готовятся принять плывущихъ, но съ помощью довольно сильнаго вѣтра, совершенно попутнаго, плыветъ дальше, не останавливаясь. Команда корабля, уже готовая къ нагрузкѣ пороха, ожидаемаго съ куттера, смотритъ въ изумленіи на летящій на всѣхъ парусахъ куттеръ. Наконецъ «Эгмонтъ» понимаетъ, въ чемъ дѣло, и подаетъ сигналы на берегъ, но ихъ долго не понимаютъ.

Много прошло времени, пока слѣзаны были распоряженія послать нѣсколько легкихъ судовъ въ погоню за бѣглецами. Погоня продолжалась до самой ночи. Ночью куттеръ скрылся отъ преслѣдованій, и на

другое утро своего плаванія, Ларивіеръ торжественно влетѣлъ во французскую гавань, со своими связанными англичанами и съ грузомъ пороха, назначеннаго для неуріягеля. Такимъ-образомъ, счастливо освобожденные плѣнники, не только завоевали у врага свою свободу, но и добычу, обогатившую ихъ.

Англичане имѣли обыкновеніе вознаграждать тѣхъ плѣнныхъ, которымъ удавалось оказать услугу ихъ соотечественникамъ—англичанамъ. Одинъ изъ плѣнныхъ французовъ на чатамскомъ понтонѣ, желая воспользоваться великодушіемъ своихъ враговъ, успѣлъ какъ-то подкупить одного англійскаго часоваго, чтобы тотъ упалъ въ воду и тѣмъ доставилъ французскому плѣнному средство спасти своего врага. Устроенная такимъ-образомъ комитрагическая сцена была разыграна обоими актерами. Часовой мадаетъ въ воду, будто печально. Плѣнный устремляется взгляды за нимъ, плаваетъ какъ моржъ, съ отважностью схватываетъ часоваго и выноситъ его на берегъ.

Спустя восемь дней послѣ такого человѣколюбиваго подвига, спаситель плѣнникъ былъ уже во Франціи; расхваленный во всѣхъ англійскихъ журналахъ, онъ отъ души хохоталъ, рассказывая своимъ соотечественникамъ о своей чисто французской продѣлкѣ. *Les français sont des farceurs!*..

Плѣнные спали на понтонахъ въ всякихъ койкахъ, которыя на день снимались съ крючьевъ по звонку. Четыре унціи сыраго, непеченнаго хлѣба, нѣсколько дурной говядины или протухшей трески, нѣсколько унцій сухихъ овощей или картофеля, составляли дневную пищу плѣнныхъ.

Каждый изъ нихъ увеличивалъ скудную порцію своими трудами. Одни плели соломенные корзинки или обувь изъ кромокъ сукна, другіе вырѣзывали кораблѣики изъ дерева и кости, клеили ящички и картонки, дѣлали пуговицы и даже плели кружева. Всѣ эти издѣлія продавались англійскими солдатами на берегу за безцѣнокъ для плѣнныхъ, за хорошія деньги для выгодъ продавцевъ, которые, не трудясь, наживались отъ работъ своихъ плѣнниковъ.

Соединенные въ одно общество неволею и управляемые силою, обитатели понтоновъ, какъ и всякое другое общество, имѣли свои страсти и слабости: гордость и зависть, встрѣчающіяся и въ свѣтѣ. На понтонахъ были свои богачи, бѣдняки, велись разныя сдѣлки и договоры.

Богачи, нажившіеся торговлею плетеной обуви изъ кромокъ и соломенными корзинками, откупали одно—два мѣста у немущихъ, и тѣмъ избѣгали общей тѣсноты, и располагались въ своихъ салонахъ отдѣльныхъ рогею. Гордость проникла и сюда, хотя и прикрытая рогею,

на пяти-шести футахъ понтонной палубы! Непишущіе, за условленную плату, нанимались къ богачамъ и исполняли всѣ ихъ приказанія, какъ слуги.

Между плѣнными были ученые, которые обучали молодыхъ людей писать и читать, рисованью и арифметикѣ. Были на понтонахъ поэты и авторы, пѣсенники, драматурги и даже актеры. На иныхъ разыгрывались комедіи и водевилы, созданные мѣстнымъ вдохновеніемъ. Утонченность цивилизаціи пріютилась даже въ притонѣ нужды и горестей заточенія!

Нужды и горести озлобляли нравъ и разгорячали воображеніе. Ссоры были часты. Они рѣшались дуэлью. Дуэли были ужасны. Свидѣтелями ихъ было цѣлое народонаселеніе понтона. Злоба и жажда мести хитры на выдумки! У сражающихся не было оружія, его замѣняли циркули и бритвы. Одна изъ ножекъ циркуля, прикрѣпленная къ палкѣ, замѣняла шпагу. Бритва, воткнутая въ оконечность той же палки, замѣняла саблю. Такою выдумкою давалось обиженному средство выбирать оружіе.

Болѣе ничего и не требовалось. Несмотря на то, что плѣнные французы, вступая на англійскіе понтоны, лишались всѣхъ радостей, всѣхъ утѣшеній жизни, однако они не могли забыть вкоренившагося въ сердцахъ ихъ предразсудка, что запятнанная честь смывается только кровью.

Но довольно! Не станемъ возобновлять тягостныхъ воспоминаній, сопряженныхъ съ однимъ именемъ «англійскихъ понтоновъ».

А. В—А.

СОВРЕМЕННОЕ.*

ЛИТЕРАТУРА — Какъ въ Остѣ-Индіи издаютъ газету. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Канаты подводнаго телеграфа. — Согрѣваніе безъ топлива. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Народные театры въ Вѣнѣ. — **МЕНШІЯ ИЗВѢСТІЯ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Магнитизмъ и любовь. — Охота за гагарами. — Два жильца въ одной комнатѣ (*разсказъ*). — Ловля тунца въ древнія и новѣйшія времена — Тюльпаноманія. — Желѣзная мостовая. — Незодонтъ. — Происхожденіе слова *рококо*. — Странный поединокъ. — Выгодное предложеніе. — Электрическія палки. — Новое шампанское. — Заказы обѣда по телеграфу. — Странная судьба одной женщины. — Тайна (*разсказъ*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

Какъ въ Остѣ-Индіи издаютъ газету. — Вотъ что пишетъ одинъ изъ замѣчательныхъ англійскихъ журналистовъ, поселившійся въ Остѣ-Индіи. «Однажды я получилъ слѣдующее письмо изъ Кембриджа: «Любезный Джонъ! Старый полковникъ думаетъ, что въ здѣшней провинціи (Михрутъ, въ 160 вѣмецкихъ миляхъ отъ Бомбея и Калькутты) можно завести газету и что спекуляція эта будетъ очень выгодна. Мнѣ поручено предложить тебѣ 1200 рупій въ мѣсяць (9,700 руб. сер.

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des deux mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Genève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Eheaterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Literary-Gazette, Illustration, Gazette des Théatres и др.

въ годъ) съ готовою квартирою, если ты согласишься быть редакторомъ и издателемъ ея. Скажи: да,—и капиталъ, нужный для изданія, будетъ тотчасъ же собранъ.»

Бевгальскій климатъ не благопріятствовалъ моему здоровью, и я надѣялся возстановить его въ Михрутѣ, близъ Гималайскихъ-горъ. Я принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе, съ тѣмъ, что по мѣрѣ увеличенія числа подписчиковъ увеличено будетъ и мое жалованье. Я написалъ объ этомъ, и получилъ слѣдующій лаконическій отвѣтъ: «Все будетъ: напиши сейчасъ, сколько нужно денегъ для закупки станковъ, машинъ и бумаги.»

Я расчелъ, что на 2,500 фунтовъ стерлинговъ можно не только закупить все, но дать и рабочимъ въ счетъ будущаго жалованья (а безъ этого ихъ не вызовешь изъ Калькутты), оставивъ даже сотни дѣлъ въ резервъ. Съ слѣдующею почтою получилъ я требуемую сумму. Она была собрана по подпискѣ, въ два дни, съ тридцати офицеровъ и нѣсколькихъ высшихъ чиновниковъ компаніи.

Первое затрудненіе было при покупкѣ станковъ. Одинъ хорошій купилъ я изъ типографіи анабаптистовъ, но за второй долженъ былъ заплатить вдвое противу настоящей его цѣны, и эта уступка сдѣлана была еще по дружбѣ и въ одолженіе, а формы тотчасъ же были сдѣланы туземцами. Оставалось набрать рабочихъ для типографіи.

Остъ-индскіе наборщики обыкновенно португальскаго происхожденія. Они лицомъ очень смуглы, но ругаютъ туземцевъ *черными бестіями*. Они только тогда хорошо работаютъ, когда въ-половину пьяны (а иначе пальцы ихъ забнутъ отъ холода въ здѣшнемъ жаркомъ климатѣ). У нихъ маленькіе пальцы, которыми они набираютъ съ удивительною скоростію. Когда же они кончатъ дневную свою работу, употребя на это часа три,—они самыя дѣшвыя и распутныя созданія на землѣ. Они всегда по уши въ долгахъ, и кредиторы вѣчно за ними гоняются, хотя они имѣютъ привычку никогда не платить прежде судебного приговора.

Я нанялъ десять наборщиковъ, и далъ имъ ровно вдвое противу оклада, получаемаго въ Калькуттѣ. «Подумайте, какъ далеко мы будемъ жить отъ нашихъ семействъ, говорили они, и сколько денегъ надобно имъ посылать.»

Наборщики потребовали пять помощниковъ, которые обязаны были связывать формы и вкладывать ихъ въ станки. Сами наборщики почли бы униженіемъ исполнять эту обязанность. Притомъ же имѣть подлѣ себя людей, надъ которыми можно умничать, которыхъ можно бранить, а подъ часъ и потаскать,—это такъ пріятно для самолюбія. Эти помощники были туземцы, незнавшіе ни слова по-англійски, ни даже названія буквъ, и однакоже они были искусны въ своемъ дѣлѣ.

Нужны были два помощника печатнику, который тоже получалъ двойное жалованье. Самого же печатника было всего труднѣе достать. Много ихъ являлось, но свѣдѣнія ихъ были вовсе неудовлетворительны. Наконецъ, я взялъ одного молодого машиниста, котораго познанія тоже были слабы, но мнѣ не изъ чего было выбирать.

Станин и прочія принадлежности отправилъ я на транспортъ, буксируемомъ пароходомъ, а самъ со всѣми людьми занялъ мѣста на послѣднемъ. Видъ команды моей былъ самый живописный. Время года было холодное, и на всѣхъ наборщикахъ были толстые красные колпачки... Вдругъ, въ самую минуту отправления, явился судебный сыщикъ и взялъ подъ стражу двухъ наборщиковъ за долги. Но и у меня взяли они девять фунтовъ стерлинговъ въ задатокъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что они сами хлопотали о своемъ арестованіи.

Подъ надзоромъ печатника, люди вели себя сначала хорошо, но потомъ стали ссориться и не слушаться надзирателя. Нѣкоторые изъ нихъ взяли съ собою запасъ араку, и напивались до безчувственности. Одинъ изъ нихъ до того однажды ночью подгулялъ, что по утру разсудилъ броситься въ рѣку. Пароходъ тотчасъ же остановился и спустилъ лодку, но гораздо быстрее ея бросился на наборщика огромный крокодилъ, и исчезъ съ нимъ въ волнахъ. Дамы испустили вопль ужаса на пароходѣ, но на разгульную братію, кажется, это происшествіе не подѣйствовало. Они продолжали пьянствовать.

Весь путь до Аллахабада составлялъ цѣпь несчастій. (Пароходы только до этого мѣста доходятъ). Одинъ изъ наборщиковъ равилъ себя въ правую руку, и я не надѣялся на его выздоровленіе. Двое изъ помощниковъ наборщиковъ сдѣлались опасно больны глазами, а въ здѣшнемъ климатѣ отъ этого часто умираютъ. Одинъ изъ помощниковъ печатника захворалъ сильною простудою, а къ фактору пристапа лихорадка, которая едва было не свела его въ гробъ. Тутъ только понялъ я, какой ужасной отвѣтственности я подвергаюсь, принявъ на себя обязанность редактора газеты.

Наконецъ, удалось мнѣ свезти на берегъ въ Аллахабадъ остальныхъ полуживыхъ людей. Теперь намъ предстояло окончить дорогу сухимъ путемъ. Оставалось всего 427 англійскихъ миль.

Въ минуту моего прибытія очень трудно было достать воловъ и лошадей. Все было взято войскомъ. Я прибылъ тотчасъ же послѣ битвы при Муадки. Только золотомъ можно было преодолѣть эти затрудненія, и резервъ мой употребленъ былъ на это. Я все досталъ, все уложилъ, велѣлъ быть людямъ готовымъ, — и сбирался въ путь.

Вдругъ печатникъ вбѣжалъ ко мнѣ съ испугомъ:

— Что дѣлать, сэръ? люди хотять разбѣжаться...

— Отчего? спросилъ я.

— Всѣ боятся сейковъ (непріятелей) и хотять, для безопасности, воротиться въ Калькутту.

— Какимъ же средствомъ удержать ихъ?

— Надобно дать еще задатку и навить пьяными, чтобъ возбуждить ихъ мужество.

Я послѣдовалъ этому совѣту, но мнѣ досадно было видѣть, что самъ совѣтодатель заранѣе прибѣгнулъ къ тому же средству.

Впрочемъ, при отбѣдѣ могъ я удостовериться, что всѣ въ точности были пьяны, даже и туземцы. Одни сидѣли, другіе даже лежали, на

станкахъ и ящикахъ, и по крикамъ ихъ, пѣснямъ, возгласамъ мной бы подумалъ, что они везутъ адскія машины для истребленія семействъ.

Въ февралѣ прибыли мы наконецъ въ Михрутъ. Нѣсколько разъ дорогою опрокидывались мои поковки, но машины не попортились, а только одинъ ящикъ съ *картусами* разбился и многія буквы были потеряны. Не достало большого *H*, и я очень жалѣлъ объ этомъ, зная что эта буква будетъ мнѣ часто нужна, потому что главнокомандующаго звали Harding (Гардингъ).

— Ничего, спокойно отвѣчалъ печатникъ. Покуда мы отольемъ новыя *H*, мы два будемъ называть генерала *Ардингтома*, а потомъ наживимся.

Марта 4-го долженъ былъ выйти первый номеръ газеты, а 1-го явился ко мнѣ печатникъ и спросилъ, гдѣ же камень для укладки формы. Я объ этомъ, признаюсь, и не подумалъ. Тотчасъ же бросился искать по городу... Нигдѣ не было, а покуда привезутъ изъ Дели — нужна была цѣлая неделя.

Я бросился къ каменьщику, изготовляющему надгробные памятники. У него былъ одинъ въ запасѣ, и я его взялъ за пятнадцать фунтовъ стерлинговъ.

Наконецъ наступило 3-е число. Статьи были готовы и уже набраны: мѣстные извѣстия, корреспонденція, литература, поэзія... Вдругъ злобѣщій мой факторъ опять спросилъ меня:

— Какъ намъ быть съ печатаніемъ? Клею вѣтъ во весь городъ. Намъ надо дѣлать матрицы, а калькутцы говорятъ, что не умѣютъ обходиться съ ними.

Я начиналъ терять терпѣніе и бодрость. Сердиться было бесполезно, и я принужденъ былъ дѣлать матрицы изъ козьихъ шкуръ, набитыхъ хлопчатною бумагою.

Наконецъ столбцы были положены въ форму, которую свинтили и положили на камень. Печатникъ снялъ ее и съ помощникомъ повесъ къ станку... вдругъ споткнулся, и весь наборъ рассыпался. Восемь столбцовъ лежали на полу перемѣшанными... Я рѣшительно пришелъ въ отчаяніе. Была уже полночь!

Что значать всѣ затрудненія и несчастія въ свѣтѣ въ сравненіи съ мной. Я былъ утомленъ, измученъ, глаза мои налились кровью и слезами, и однакоже, видя всю газету на полу, я не могъ удержаться отъ смѣха.

— Дѣло плохо! сказалъ мнѣ факторъ, почесываясь: но дайте намъ, сэръ, бутылки двѣ водки, и мы всю ночь проработаемъ. Ступайте спать. Вы намъ только мѣшаете. Васъ всѣ боятся. А безъ васъ, мы въ 8 часовъ утра принесемъ къ вамъ готовую газету.

Я вздохнулъ, махнулъ рукою, далъ требуемую водку, — а самъ ушелъ къ себѣ, бросился на диванъ и крѣпко уснулъ.

Факторъ сдержалъ слово. Овъ по утру разбудилъ меня съ готовымъ экземпляромъ. Въ немъ было правда много опечатокъ, но все-таки листовъ былъ приличный.

Второй номеръ спустилъ я уже легче; третій еще лучше. Теперь

газета въ ходу, и финансовая часть ея процвѣтаетъ. Оказалось, что у меня лучший факторъ и исправнѣйшая типографія во всей Остѣ-Индіи.»

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Канаты подводнаго телеграфа. — Канатъ подводнаго электрическаго телеграфа изъ Англіи въ Бельгію, приготовленный въ Сундерландѣ, составлялъ, когда былъ свернутъ, кругъ въ 51 футъ въ діаметръ и 4 фута 6 дюймовъ въ высоту; длиною онъ 70 миль (105 верстъ) и вѣситъ 500 тоннъ (1250 пудовъ). Онъ стодитъ 33,000 фунтовъ стерлинговъ. Для приготовленія его употреблено сто дней, а для складки семдесятъ часовъ.

Другой канатъ, приготовляемый теперь на той же фабрикѣ для подводнаго электрическаго телеграфа изъ Англіи въ Ирландію, длиною въ 25 миль (376 верстъ), вѣситъ 180 тоннъ, изготовленъ въ 24 дня и стодитъ 13,000 фунтовъ стерлинговъ. Всего канатовъ для подводныхъ телеграфовъ изготовлено въ прошедшую зиму на той же фабрикѣ на 450 миль (675 верстъ).

Согрѣваніе безъ топлива. — Нѣкто Мейеръ въ Парижѣ вскорѣ будетъ производить публичныя опыты съ изобрѣтеннымъ имъ аппаратомъ, который посредствомъ тайнаго механизма будетъ нагрѣвать комнаты безъ топлива. Объ этомъ объявлено въ Presse, и всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ этого опыта.

III. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Народные театры въ Вѣнѣ. — Въ недавно вышедшихъ литературно-историческихъ очеркахъ Воурнфельда описано состояніе вѣнскихъ народныхъ театровъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ слѣдующимъ образомъ:

«Театральныя представленія, кукольныя комедіи и другія зрѣлища, какъ равно основанная потомъ итальянская опера, — начинались въ Вѣнѣ въ четыре часа пополудни, а въ шесть (и не позже семи) должны были оканчиваться, потому-что осенью и зимою было уже темно послѣ этого времени, а освѣщеніе по улицамъ еще не существовало.

Въ началѣ XVIII вѣка построено уже было нѣсколькимъ деревянныхъ театровъ, но мало-по-малу они исчезли вмѣстѣ съ кукольными комедіями. Въ 1707 былъ построенъ новый театръ у Кертнерскихъ во-

ротъ, гдѣ знаменитый *Гансвурст* (шутъ) *Досмъ Страницкій* получилъ дозволеніе открыть свои представленія съ *труппою нѣмецкихъ комедіантовъ*. Это была періодъ гансвурстовъ, поддерживавшіяся довольно долго. Плодовитая муза Страницкаго почерпала сюжеты своихъ фарсовъ изъ старинныхъ итальянскихъ пьесъ. Вставлялось только нѣсколько серьезныхъ сценъ и *арій*. Впрочемъ, въ пьесѣ часто говорилось: *«здесь можетъ Гансвурстъ производить свои шутки по произволу»*.

Въ 1725 году привелъ однажды Страницкій на сцену будущаго своего преемника Готфрида Преггаузера, бывшаго до того времени статистомъ. Самъ Страницкій становился старъ и слабъ. Преемникъ его упалъ на колѣни, и самымъ жалобнымъ голосомъ сказалъ: «ради смѣхотворенія, господа, смѣйтесь надо мною».

Весь театръ разразился гомерическимъ смѣхомъ. Страницкій подалъ новому Гансвурсту свой шутовской парядъ, — и новый любимецъ вѣнской публики вступилъ во владѣніе труппою.

Въ эту эпоху родъ пьесъ съ гансвурстами достигъ высшей степени совершенства. Тогда требовалось, чтобъ во всякой пьесѣ была *арія*, чтобъ часто въ пьесахъ были палочные удары, пощечины, полеты и низверженіе въ воду. Вотъ, наприимѣръ, еженедѣльный счетъ одного актера.

За шесть <i>арій</i> по 1 гульдену	6 гульденовъ
— одинъ воздушный полетъ	1 .
— скачокъ въ воду	1 .
— обливаніе водою	1 .
— двѣ пощечины	1—8 крени.
— одинъ пивокъ	34 .

Итого. . . 10—42

Но мало-по-малу вкусъ вѣнскихъ жителей сталъ очищаться, — и въ 1747 году явились первыя правильныя пьесы Вейднера.

Въ 1768 запрещено говорить на сценѣ на обумъ. Послѣднимъ Гансвурстомъ былъ нѣкто Курцъ. Бывши любимцемъ вѣнской публики, онъ вздумалъ поѣздить по Германіи, для собиранія денегъ; — но когда воротился въ 1770 году, вкусъ уже измѣнился въ столицѣ, шутки его не нравились, онъ принужденъ былъ закрыть театръ, — и съ нимъ окончилась *лѣтопись гансвурстовъ*.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Магнетизмъ и любовь. — Есть въ Парижѣ общество довольно многочисленное, хотя объ немъ многіе не имѣютъ даже понятія, — это общество магнетизеровъ.

Если у одного изъ адептовъ пропади часы или что-нибудь другое, если онъ хочетъ, узнать любятъ ли его, или чѣмъ ковычтся его проссъ, онъ отправляется къ магнетизеру, платитъ за сеансъ отъ трехъ франковъ до лундора, и сомнѣнія его исчезаютъ.

Разумѣется, что если магнитизмъ имѣть пламенныхъ послѣдователей, то у него еще больше враговъ, и часто эти два противоположныя качества встрѣчаются въ одномъ семействѣ.

Г. N былъ страстный приверженецъ магнитическаго общества, и напрасно старался передать своей хорошенькой женѣ свои правила и ученые; та смѣялась надъ чудесами ясновидѣнія и называла ихъ шарлатанствомъ.

Недавно этотъ поклонникъ Месмера вошелъ печально въ будуаръ жены и засталъ, что она читала какое-то письмо, которое спрятала при его приходѣ. Г. N не ревнивъ и даже не подозрительнъ, но онъ любилъ свою жену и думалъ, что она не можетъ имѣть отъ него тайнъ.

- Что это за письмо, милая Клара, спросилъ онъ?
- Что за любопытство, отвѣчала молодая женщина.
- Позвольте узнать, что у васъ за тайны, сударыня?
- Не ваше дѣло, сударь.

— Кажется, я говорю серьезно, а вы принимаете все въ шутку; покажите же письмо, говорю я вамъ, или...

— Зачѣмъ тебѣ это письмо, мой другъ? Я не дамъ тебѣ его оттого, чтобъ испытать тебя. Ты часто говоришь, что магнитизеры обладаютъ чудною силою и могутъ располагать дѣйствіями и волею обыкновеннаго человѣка. Ты хочешь знать, что тутъ написано, такъ ступай къ своему ясновидящему, и онъ прочтетъ тебѣ черезъ нѣсколько уличъ бумажку, которую я держу въ рукѣ.

- А если ты въ это время разорвешь письмо?
- Вашъ магнитизеръ прочтаетъ даже на мелкихъ кускахъ.
- Ты опять смѣешься, Клара! Я приказываю тебѣ отдать мнѣ письмо или я возьму его силою.

— Прекрасно, сударь. И вамъ не стыдно обращаться такъ съ женою. Кажется, я ничѣмъ не подала вамъ повода. Я хотѣла только испытать, правду ли вы мнѣ говорили о магнитизмѣ, потому-что ваши рассказы начинали производить надо мною дѣйствіе, но теперь вижу, что всѣ вы обманщики и употребляете физическую силу, а не магнитизмъ, чтобъ исполнить вашу волю.

— Неужели, Клара, ты начинала вѣрить въ магнитизмъ? сказалъ обрадованный мужъ, забывая свою ревность.

— Разумѣется, и ты можешь рѣшительно убѣдить меня. Я одна знаю, что написано въ этомъ письмѣ. Поѣдемъ къ твоему магнитизеру, и если онъ узнаетъ содержаніе его, я признаю себя побѣжденною, и буду самою страстною послѣдовательницею Месмера.

— Я согласенъ. Дай же мнѣ письмо, чтобъ и я еще разъ увѣрился въ могущество великой науки.

— Нѣтъ, мой другъ, я могу подумать, что ты за одно съ магнитизеромъ, и хочу увѣриться сама и навсегда.

Черезъ полчаса молодые супруги вошли въ квартиру магнитизера Молодой человѣкъ болѣзненной наружности былъ погруженъ въ магнитическій сонъ, и г. N подалъ ему свернутое письмо.

— Это... почеркъ мужчины. . проговорилъ тихо и съ разстановкой ясновидащій.

Г-жа N захохотала.

— Почеркъ мужской, но писала женщина продолжалъ онъ.

— Вотъ странно, сказала молодая женщина почти про себя. Какъ можетъ знать этотъ человекъ во снѣ, что письмо это отъ моей подруги Луизы.

— Оно подписано... борзогалъ магнитизерь... начинается буквою А, нѣтъ... I потомъ у... потомъ... и... потомъ з...

— Читайте скорѣе, сказалъ докторъ-магнитизерь: я вамъ приказываю.

— Я не могу... мнѣ больно...

— Я этого хочу!

Бѣдный больной судорожно сжимался на стулѣ и проговорилъ съ усиленіемъ:

— Луиза.

— Вотъ чудо, вскричала г-жа N съ неподдѣльнымъ удивленіемъ! Неужели онъ можетъ прочесть и все письмо.

— Безъ сомнѣнія, сударыня. Читайте, что тутъ написано.

И молодой ясновидащій началъ читать съ новыни судорожными гримасами: Благодарю тебя, милый другъ за кружева и ленты, которыя ты прислала.

— Довольно, закричалъ обрадованный супругъ. Ну, что, Клара, го ли тутъ написано? увѣрилась ли ты?

— Совершенно, мой другъ, отвѣчала супруга взявъ свое письмо, я никакъ не могла думать... Такое чудо! Теперь я вѣрю магнитному.

Въ самомъ-то-дѣлѣ письмо было подписано другимъ именемъ.

Охота за гагарами — Скалы и берега Норвегій, дикіе утесы и страшныя пропасти острововъ Шотландскихъ, Оркадскихъ, Ферозскихъ и Гебридскихъ служатъ убѣжищемъ многочисленнымъ породамъ птицъ, называемыхъ болотными, какъ-то гагарѣ, цаплѣ, чайкѣ и эйдеру. Эти лапчатые птицы очень полезны для бѣдныхъ жителей, удаленныхъ отъ центра цивилизаціи, и служатъ имъ для пищи и для одежды. Мясо нѣкоторыхъ изъ этихъ птицъ ѣдятъ свѣжее, другихъ солятъ и сохраняютъ. Яйца ихъ считаются превосходнымъ кушаньемъ, и даже сливкомъ роскошнымъ для людей, не привыкшихъ къ подобнымъ лакомствамъ. Изъ кожи гагары приготавливаются нижнія платья, которыя въ этомъ суровомъ климатѣ защищаютъ отъ сильнаго холода, и эти же самыя птицы даютъ каждый годъ огромное количество пуху. Драгоценный пухъ этотъ до того легокъ и эластиченъ, что довольно двухъ горстей его, чтобъ сдѣлать одѣяло легкое и до того теплое, что оно можетъ замѣнить лучшее шерстяное. Подобное произведеніе чрезвычайно важно, особенно въ сѣверныхъ странахъ. Вотъ почему главное занятіе жителей состоитъ въ добываніи этого дорогаго вещества, для котораго смѣлые охотники рѣшаются на такія опасності, что одна

мысль о нихъ заставить отступиться самаго отважнаго ловца, не привыкшаго къ подобной охотѣ. Постараемся описать, какииъ способомъ охотятся смѣльчаки за гагарами.

Берега Норвегіи окружены низкими и плоскими островами, на которые, въ обыкновенное время, гагары кладутъ свои яйца въ большомъ количествѣ. Охотникъ приближается на лодкѣ къ островамъ, и спокойно осматриваетъ всѣ гнѣзда. Они всегда свиты изъ морскихъ травъ, лежатъ на землѣ, и вся внутренность ихъ выложена пухомъ, который самка выщипываетъ у себя на животѣ. Въ каждомъ гнѣздѣ бываетъ обыкновенно четыре яйца бѣдно-зеленаго цвѣта, немного продолговатѣе простыхъ гусиныхъ яицъ. Охотникъ удаляетъ самку отъ гнѣзда со всѣми предосторожностями, беретъ ея яйца и собираетъ пухъ, оставя бѣдной матери только одно яйцо, для утѣшенія. Терпѣливое животное переноситъ это несчастье, не стараясь мстить, и поправляетъ его тѣмъ, что снесетъ еще вѣсколко яицъ и покроетъ ихъ снова своимъ пухомъ. Если же у ней неостанетъ его, то самецъ, въ свою очередь, выщипываетъ себѣ весь животъ, чтобъ согрѣть будущихъ дѣтей. Эта операція продолжается нѣсколько разъ съ однимъ и тѣмъ же гнѣздомъ. Увѣряютъ, что эти птицы, смиренныя и терпѣливыя съ охотниками, къ которымъ уже привыкли, не позволяютъ чужимъ распорядиться у нихъ въ гнѣздѣ, и всѣми силами противятся истребленію и похищенію своихъ яицъ, испуская страшныя крики. Эту странность можно объяснить тѣмъ, что туземцы обходятся съ гагарами очень ласково, и заботятся о ихъ благосостояніи. Въ Исландіи они сдѣлались почти ручными птицами, и вьютъ свои гнѣзда возлѣ самыхъ строений. Другимъ доказательствомъ миролюбиваго характера этихъ лапчатыхъ служитъ то, что иногда двѣ самки живутъ въ одномъ гнѣздѣ, и никогда не ссорятся между собою.

Эта охота не всегда безопасна, потому—что не всегда и не вездѣ можно легко собирать яйца и пухъ. Часто гагара выбираетъ для своего гнѣзда неприступныя, дикія скалы, гдѣ думаетъ, что человѣческая рука не достанетъ ее. Но развѣ есть препятствія, которыя нельзя преодолѣть терпѣніемъ и смѣлостію? Отважный охотникъ привыкъ ко всевозможнымъ опасностямъ, мускульнаго гибки, и онъ легко взбирается на отвѣсныя скалы, безъ ужаса смотритъ на страшныя пропасти, и пробираясь по уступамъ, гдѣ едва помѣщается человѣческая нога, опустошаетъ гнѣздо и спокойно возвращается со своей добычей по той же дорогѣ, какъ-будто шель по обыкновенной лѣстницѣ.

Островокъ Носсъ состоитъ изъ огромнаго утеса, вѣроятно оторваннаго отъ острова того же имени какииъ-нибудь переворотомъ въ природѣ; онъ считается самымъ опаснымъ для охотниковъ. Бока его гладки и остры, и онъ отдаленъ отъ твердой земли почти на сорокъ-восемь метровъ. Въ этомъ узкомъ пространствѣ море всегда сильно бушуетъ и не позволяетъ подойти къ берегу—и несмотря на всѣ препятствія, чело-вѣкъ все-таки и здѣсь остается побѣдителемъ. Долго спала эта почиталась неприступною, но вдругъ одинъ смѣльчакъ присталъ со своей лодкой къ подножію утеса и вскарабкался на самый верхъ. Съ другаго берега

товарища бросили ему канатъ, который онъ крѣпко привязалъ къ кольямъ, вбитымъ имъ въ землю; тоже самое сдѣлали они и съ другой стороны. Къ этому канату прикрѣпили корзину, которую посредствомъ другой веревки можно было двигать взадъ и впередъ. Эта исторія кончилась, дѣ несчастію, трагически. Смѣлый охотникъ, гордась своимъ успѣхомъ, не хотѣлъ воспользоваться воздушною дорогою, которую устраивалъ для него товарищи, и вздумалъ сойти со скалы такъ же, какъ вошелъ на нее, но это было гораздо труднѣе; несчастный оступился, и упалъ къ подножію скалы, истерзанный и разбившійся о камни.

Однако и эти опасныя средства не могутъ быть всегда употребляемы съ успѣхомъ. Часто охотникъ напрасно выбирается на высокія скалы и принужденъ спускаться въ глубокія расщелины между камнями, гдѣ гагары скрываютъ свои гнѣзда. Хладнокровная смѣлость, оказываемая охотниками въ самыхъ опасныхъ случаяхъ, возбуждаетъ удивленіе всѣхъ, кому случалось быть свидѣтелями этого. Приведемъ разсказъ сира Макензи о методѣ жителей Ферозскихъ острововъ охотиться за гагарами.

• Если скала совершенно гладка, и нѣтъ никакой возможности взойти на нее, то охотники спускаются на нее по веревкѣ съ другога, болѣе возвышеннаго мѣста. Чтобы веревка не могла быть разрѣзана остриемъ камней, ее придерживаютъ кускомъ дерева у самой пропасти. Посредствомъ условныхъ знаковъ, охотникъ даетъ знать своимъ товарищамъ, которые держатъ веревку, когда надобно его приподнять или опустить. Добравшись до мѣста, гдѣ есть гнѣзда, охотникъ отваживаетъ отъ себя веревку и начинаетъ работу. Иногда онъ стоитъ на выдавшемся камнѣ, и дѣйствуя съѣтъю, съ необыкновенною ловкостью ловить птицъ на лету, когда онѣ приближаются къ нему. Этотъ способъ ловить гагаръ употребляется охотниками даже тогда, когда они висятъ на воздухѣ, придерживаемые сверху канатомъ. Если между имъ и птицею находится уступъ, мѣшающій добраться до гнѣзда, то онъ начинаетъ раскачивать веревку и наконецъ обгибаетъ ея препятствіе. Но чтобы исполнить это, надобно имѣть необыкновенную ловкость и смѣлость. Когда онъ не можетъ съ помощію своей палки достать до какого-нибудь неприступнаго мѣста, то бросаетъ другую веревку товарищамъ, которые ждуть его внизу въ лодкѣ, и тѣ, вмѣстѣ съ верхними, забрасываютъ его на самыя страшныя вершины. Кромѣ неминуемой смерти, если веревка оборвется, охотникъ еще рискуетъ быть раздавленнымъ осколками скалы, которые ломаются въ это время и скатываются сверху.

Этотъ самый способъ употребляется и на другихъ островахъ. Веревки для этой охоты бываютъ двухъ сортовъ. Однѣ дѣлаются изъ кожи, другія вьются изъ коровьей шерсти. Первые почитаются лучшими, потому-что прочнѣе и не такъ скоро могутъ быть перерѣзаны выдавшимися камнями. Вотъ какъ онѣ приготовляются: берутъ баранью кожу и коровью, и разрѣзываютъ ихъ на полосы; только коровью рѣжутъ широкими полосами, а баранью поуже. Каждая полоса бараньей кожи плетется вмѣстѣ съ коровьею, и потомъ двѣ двойныя полосы крутятся вмѣстѣ и составляютъ веревку въ три дюйма въ окружности.

Длина этих веревок бываетъ отъ девяноста до двухъ сотъ футовъ, и онѣ продаются по тринадцати пенсахъ (1 фр. 30 с.) за гуазъ. Эти веревки въ такомъ почетѣ, что на островѣ Сентъ-Кильда одна такая веревка составляетъ приданое невѣсты. Этотъ островъ самый западный изъ всѣхъ Гебридскихъ, и хотя состоитъ изъ небольшого клочка земли, но на немъ собираются всѣ охотники, молодые и старые.

Лазанье по скаламъ и по берегамъ пропастей до того вошло въ привычку у жителей этихъ острововъ, что они преспокойно пускаются на всевозможныя опасности. Одинъ изъ современныхъ путешественниковъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ маленькія дѣти влезали на вершину утеса въ тринадцать тысячъ футовъ вышины, составляющаго оконечность Коначара, самой высокой горы острова, у подножія которой находится самая опасная пропасть всей Великобританіи. Эти дѣти тоже прехладнокровно добываютъ лица посредствомъ длинной гибкой палки въ родѣ удочки, на концѣ которой находится сѣточка изъ волосъ, приврѣпленная гусиными перьями. Этотъ же самый путешественникъ былъ свидѣтелемъ почти сверхъестественныхъ подвиговъ одного охотника за птицами, котораго держалъ на воздухѣ на веревкѣ только одинъ его товарищъ, и которой преспокойно все время разговаривалъ о чемъ-то, и успѣлъ поймать четырехъ гагаръ. Этотъ храбрецъ, съ двумя птицами въ каждой рукѣ, держался крѣпко за веревку, и ногами отталкиваясь отъ скалы, кружился надъ пропастью и дѣлалъ равныя гимнастическія шгуки, однѣ другихъ страшнѣе и ужаснѣе. Если подумать, что малѣйшая неосторожность товарища, держащаго веревку сверху, или усталость и истощеніе силъ могутъ быть причиною мучительной смерти двухъ людей — то нельзя не удивляться ихъ твердости и смѣлости. Разумѣется, бывають и несчастные случаи, хотя и очень рѣдко. Слѣдующій примѣръ покажетъ, какъ бывають они ужасны.

Охотники за гагарами часто пускаются одни въ свое опасное путешествіе. Въ такомъ случаѣ они вбивають въ землю колъ и привязавъ къ нему веревку, спускаются по ней куда имъ надобно. Въ одной изъ подобныхъ экспедицій случилось слѣдующее несчастіе. Охотникъ отправился, по обыкновенію, рано утромъ на охоту. Онъ приврѣпилъ веревку на вершинѣ утеса и началъ по ней спускаться. Подъ нимъ, немного всторону, былъ уступъ, на которомъ онъ надѣялся собрать много добычи, и потому онъ началъ раскачиваться и наконецъ ступилъ счастливо на желаемую платформу. Тутъ онъ нашелъ, какъ и ожидалъ, множество гнѣздъ, и отъ радости забылъ приврѣпить веревку вокругъ своего тѣла. Онъ выпустилъ ее изъ рукъ, и она, покачиваясь со стороны въ сторону, повисла неподвижно въ нѣсколькихъ метрахъ отъ уступа, на которомъ находился охотникъ. Увидя свою опрометчивость, онъ ужаснулся и лишился способности разсуждать, потому-что понялъ, какъ отчаянно его положеніе. Повемногу однако онъ началъ приходить въ себя, и призывавъ на помощь все хладнокровіе, приваился отыскивать средства къ спасенію. Какое ужасное положеніе! Надъ нимъ была огромная масса камней, до того гладкихъ, точно ихъ недавно полировали; подъ нимъ, въ глубинѣ разбивались съ шумомъ волны объ острые

камни и заглушили бы всякій отчаянный крикъ, еслибы кто-нибудь и зашелъ даже въ эту пустыню. Стало-быть, отъ людей нельзя было ожидать помощи, и ему оставалось одно послѣднее, отчаянное средство — смѣлый скачекъ въ сторону, чтобъ схватить свою веревку. Разумѣется, что если онъ не успѣетъ ухватиться за нее, то его ожидаетъ неминуемая смерть, но если онъ и останется на своемъ уступѣ, та же смерть, только продолжительная, ждетъ его. Охотникъ не долго думалъ; онъ прошепталъ короткую молитву, и собравъ всѣ силы бросился, въ пустое пространство... Онъ самъ рассказывалъ этотъ случай, потому-что успѣлъ ухватиться за веревку, и невредимо взобрался опять на вершину утеса.

Эта метода собирать гагачій пухъ употребляется только тогда, когда эти птицы вьютъ гнѣзда на высотахъ почти неприступныхъ, и потому опасности этой охоты неисчислимы; но если гнѣзда находятся внизу, то и тогда не совсѣмъ удобно брать ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ экспедиція отправляется въ лодкѣ, и причаливъ къ берегу, останавливается въ мѣстѣ, выбранномъ заранее для охоты. Тогда самый отважный изъ толпы привязываетъ къ кушаку своему веревку, и съ помощію длинной палки съ желѣзнымъ заостреннымъ концемъ влезаетъ на скалу, или его поднимаютъ товарищи на такую высоту, которая удобна для ихъ предпріятія. Оттуда онъ бросаетъ веревку другимъ охотникамъ и притягиваетъ ихъ къ себѣ. Эта операція продолжается столько разъ, сколько это нужно, чтобъ добраться до мѣстъ, гдѣ водятся гагары. Тогда охотники расходятся въ разные стороны между скалами; только все по двое, и у каждаго изъ нихъ есть веревка и палка. Для большей безопасности, они привязываются веревками одинъ къ другому, и когда гнѣзда находятся ниже платформы то одинъ спускаетъ другаго и потомъ поднимаетъ. На это трудное занятіе охотники употребляютъ нѣсколько дней, бросая добычу въ лодку, причаленную подъ скалами, и проводятъ ночи въ расщелинахъ скалъ, питааясь самымъ умѣреннымъ образомъ.

Иногда употребляютъ еще другое средство охотиться за гагарами. Въ мѣстахъ, гдѣ водятся эти птицы, ставятъ на ночь западни и дѣлаютъ петли, въ которыхъ на другое утро находятъ много плѣнниковъ. При этомъ случилось однажды слѣдующее происшествіе: одинъ охотникъ изъ Сенъ-Кильда разставилъ западни на уступѣ утеса, находившагося въ ста-пятидесяти футахъ надъ поверхностію моря, и окончивъ работу, хотѣлъ пойдти къ своей веревкѣ; но къ несчастію, попалъ самъ ногою въ петлю, споткнулся, и повисъ надъ бездною на одной ногѣ. Напрасно онъ употреблялъ всѣ усилія и вертѣлся во всѣ стороны, чтобъ удержаться за что-нибудь — камни были со всѣхъ сторонъ гладки, и онъ скоро выбился изъ силъ. Тогда онъ началъ кричать и звать на помощь; но вблизи не было никого, кто бы могъ его услышать. Скоро настала ночь, и несчастный долженъ былъ терпѣливо ждать утра. Можно вообразить, какую ужасную ночь онъ провелъ между небомъ и моремъ. Окоченѣлый отъ холода и чувствуя ужасную боль во всемъ тѣлѣ, онъ каждую минуту ждалъ, что тонкая веревка оборвется, и онъ полетитъ внизъ, ударяясь объ острые камни. Эта пытка продолжалась

нѣсколько длинныхъ, безконечныхъ часовъ. Наконецъ настало утро, и страдалецъ осмотрѣлся кругомъ, отчаяваясь уже въ спасеніи. Какъ же радостно забилося его сердце, когда онъ увидѣлъ въблизи одного изъ своихъ товарищей. Онъ собралъ угасающія силы и закричалъ такъ громко, какъ только былъ въ состояніи. На его зовъ прибѣжали охотники и посидѣли помочь ему, потому-что нѣсколько минутъ замедленія, — и несчастный погибъ бы непременно.

Всѣ мы, воспитанные посреди довольства и роскоши, разумѣется сравнительно, съ трудомъ можемъ понять, какъ могутъ жить эти бѣдные островитяне, принужденные жертвовать почти каждый день жизнию и переносить лишения, для того, чтобъ добывать самое необходимое для жизни. И несмотря на всѣ опасности и труды, люди эти счастливы и, вѣроятно, не согласатся промѣнять свою жизнь, полную ощущеній и тревогъ, на покойную жизнь городскихъ жителей.

Два письма въ одной конвертѣ. (Разсказъ). — Бабета, сказала молодая женщина, подписавшая въ концѣ письма имя Люси д'Омбрель: отнеси это на почту, только завтра, потому-что сегодня уже поздно и притомъ мы съ тобою измучились и тебѣ надобно отдохнуть.

— Я совсѣмъ не устала, сударыня, отвѣчала толстая, здоровая горничная. Вы знаете, что я привыкла много ходить, только мнѣ разлюмило голову отъ всего этого шума. Нечего сказать, хорошъ вашъ Парижъ.

— Ты къ нему скоро привыкнешь.

— Неужто вы здѣсь долго останетесь?

— Можетъ-быть.

— Боже мой! Какое несчастье! И что подумаютъ въ Монлюсонѣ о вашемъ скоромъ, неожиданномъ отъѣздѣ. Вѣдь вы просто убѣжали отсюда.

— Это письмо объяснитъ мое поведеніе и оправдаетъ меня въ глазахъ всѣхъ. Вотъ видишь ли, милая Бабета; мнѣ надоѣли преслѣдованія и просьбы моихъ родныхъ, чтобъ я вышла во второй разъ замужъ.

— Неужто вы любили шестидесятилѣтняго старика?

— Я любила его, какъ отца и уважала, какъ самаго добраго друга.

— И вы увѣрились, что не можете чувствовать такой же любви и уваженія къ г. Арману д'Омбрелю, молодому родственнику покойника, и потому убѣжали въ Парижъ, не дождавшись даже пріѣзда вашего жениха?

— Котораго сватаютъ мнѣ насильно. Я не хочу и видѣть его. Я увѣрена, что не могу его любить, и потому написала рѣшительный отказъ.

— Отчего-жъ было не посмотрѣть на жениха. Можетъ-быть, онъ и понравился бы вамъ.

— Нѣтъ, Бабета. Могу ли я забыть мою тихую, спокойную жизнь съ первымъ мужемъ. Какъ я была счастлива!

И молодая вдовушка тяжело вздохнула.

— Да, Бабета, продолжала она, я никогда не забуду, какъ счастливо и беззаботно жила съ своимъ мужемъ.

— Хорошій былъ старичекъ! Вы только и дѣлали, что вышивали ему туфли, то къ его именинамъ, то къ рожденію, то къ Новому-году, то къ Святой. Четыре пары туфель въ годъ! Чего ему еще!

— И я увѣрена, что судьба меня накажетъ, если я измѣню моему доброму, вѣрному мужу, и выйду за другаго. Нѣтъ, я останусь вдовою, несмотря на всѣ хлопоты моихъ родныхъ и знакомыхъ... Но я забыла, милая Бабета, что тебѣ пора отдохнуть. Ступай, я раздѣнусь безъ тебя; помоги мнѣ только убрать волосы на ночь.

И молодая женщина придвинулась къ туалету и разсѣянно смотрѣлась въ зеркало, покуда горничная расплѣтала ей густую косу.

— Это странно, Бабета, сказала Люси. Смерть моего мужа поразила меня ужасно, но горе не оставило слѣдовъ на моемъ лицѣ. А кажется я такъ много плакала о г. д'Омбрегѣ.

— Да, сударыня, я не вижу на вашемъ лицѣ ни одной морщинки, глаза ваши попрежнему свѣтлы... Но это оттого, что вы еще очень молоды.

— Мнѣ только двадцать-два года, проговорила хорошенькая вдовушка, со вздохомъ. Какія несносныя лѣта! Какъ бы я хотѣла, чтобъ мнѣ было шестдесятъ. Тогда никто бы не надоѣдалъ мнѣ комплиментами, никто не предлагалъ бы мнѣ жениховъ, и я бы спокойно могла грустить и оплакивать моего мужа... Но что-ты дѣлаешь, Бабета, зачѣмъ принесла папилютки? Я не хочу завиваться.

— Да, къ вамъ лучше идутъ бандо; вамъ это не разъ замѣчали въ Монлюсонѣ.

— Я люблю эту прическу потому, что чесалась такъ въ дѣвущкахъ, а всегда пріятно вспомнить это счастливое время. Ступай теперь, Бабета, и ложись. Ты мнѣ не нужна.

Въ эту минуту послышался далекій, глухой раскатъ грома, и блѣдный свѣтъ лампы на секунду утонулъ въ яркой молніи, освѣтившей комнату. Молодая женщина вдрогнула и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Бабета! Какая сильная гроза!

Горничная, вѣроятно, знала, что барыня ея очень боялась грозы, поэтому-что сказала, улыбаясь:

— Я останусь съ вами, сударыня! не бойтесь ничего.

Но Люси было совѣстно, изъ ребяческаго страха лишитъ покоя добрую свою спутницу, которая отъ усталости едва стояла на ногахъ и старалась не показывать, что ее клонитъ ко сну. Она опять послала ее спать, наказавъ только, чтобъ она осмотрѣла, крѣпко ли заперты двери и окна.

— Къ счастью, прибавила она, замки, кажется, хорошо запираются... а то въ Парижѣ, говорятъ, такъ много воровъ. Мы же одиѣ въ гостиницѣ. Богъ знаетъ, что можетъ случиться.

— Не безпокойтесь, сударыня, отвѣчала Бабета. Пускай придетъ хоть полдюжины мошенниковъ, я всѣхъ ихъ провожу отсюда метлой.

Развѣ вы забыли, что въ Монлюсонѣ меня считаютъ силачемъ. Я одной рукой могу поднять барана.

— Надѣюсь, что мы не будемъ нуждаться въ твоей храбрости. Ступай же. Я тоже чувствую, что меня клонить ко сну.

— Покойной ночи, сударыня. Пововите меня, если съ вами что случится. Я услышу васъ.

И Бабета вошла въ маленькій кабинетъ, отдѣленный тонкою перегородкою отъ спальни своей госпожи, и скоро уснула, несмотря на приближающуюся грозу.

Черезъ десять минутъ гроза разразилась надъ Парижемъ, но злобная поселанка крѣпко спала въ своей каморкѣ, тогда какъ слабонервная вдовушка дрожала отъ страха, спрятавшись въ альковъ, и не знала, что ей дѣлать, чтобъ пересилить свои волненіе. Наконецъ, она рѣшилась взять книгу и читать. Такъ какъ альковъ былъ очень просторенъ и закрывался плотными шелковыми занавѣсками, то она подвинула къ постели кресло, перенесла лампу, и взявъ первую попавшуюся книгу, начала читать съ какимъ-то лихорадочнымъ вниманіемъ.

Прошло полчаса, гроза не умолкала. Люси чувствовала уже начало первичскаго припадка, голова ея кружилась, въ ушахъ шумѣло, и она, жалѣя будить Бабету, вышла изъ алькова, чтобъ выпить стаканъ воды, который приготовленъ былъ для нея на маленькомъ столикѣ.

Молодая женщина немного удивилась, когда увидѣла, что вода была приготовлена съ сахаромъ и каплями Флеръ—д'оранжа, потому-что Бабета никогда сама не бралась готовить питье своей барыни, но не думая объ этомъ долго, она еще обрадовалась, что ей самой не надобно терять времени, и попишавъ золоченой ложечкой, вышла воду.

Почувствовавъ тотчасъ же облегченіе, Люси пошла поскорѣе къ алькову, но вдругъ холодный вѣтеръ пахнулъ въ занавѣску и чуть не погасилъ огонь. Она сама задрожала уже отъ холода, и осмотрѣла комнату.

Одно окно было растворено!

Тутъ уже молодая вдовушка испугалась не на шутку; она очень хорошо помнила, что Бабета, уходя, заперла всѣ двери и окна. Однако это приключеніе очень легко можно было приписать грозѣ; притомъ же комната была во второмъ этажѣ, стало-быть не было никакой возможности подумать, что кто-нибудь съ улицы вдумалъ забраться на верхъ.

И Люси, успокоившись немного, заперла окошко и возвратилась въ альковъ, начиная расказывать въ своемъ бѣгствѣ изъ тихаго провинціальнаго городка. Однако, кажется, въ эту ночь не суждено ей было успокоиться ни на часъ, потому-что черезъ нѣсколько минутъ рука, державшая книгу задрожала сильно; молодая женщина поблѣднѣла и должна была употребить всю силу воли, чтобъ не лишиться чувствъ. Что-жъ было причиною этого внезапнаго испуга?

На страницю, которую читала вдовушка, вдругъ упала капля горячаго воска, и она, поднявши голову, увидѣла передъ собою бронзовый подсвѣчникъ съ восковою свѣчею, вмѣсто лампы, которую сама держала въ рукахъ и поставила у своей постели. Эту перемену нельзя уже было приписать грозѣ, и бѣдная Люси до того перепугалась, что рѣ-

щилась искать защиты и помощи у Бабеты. Она отбросила занавѣску алькова и побѣжала къ комнатѣ горничной, но вдругъ громко закричала и остановилась, встрѣти новое диво...

Надобно возвратиться за нѣсколько часовъ назадъ и познакомиться еще съ однимъ дѣйствующимъ лицомъ, котораго мы найдемъ въ партерѣ Большой-оперы. Это молодой человекъ красивой наружности, съ голубыми глазами и каштановыми волосами... Манеры его не совсѣмъ парижскія, но въ немъ также нѣтъ ничего рѣзкаго, провинціальнаго. Напротивъ, эта оригинальность очень шла къ нему. Притомъ же онъ былъ достаточно образованъ, имѣлъ доброе сердце, веселый характеръ и самую твердую рѣшимость оставаться молодымъ человекомъ какъ можно дольше, до самаго нельзя.

Онъ со вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіемъ, выслушивалъ до конца каждый нумеръ, рассматривалъ декораціи, восхищался танцами и костюмами такъ наивно и отъ души, что ничто не могло развлечь его вѣт сцены, съ которой онъ не спускалъ глазъ. Разумѣется, что парижанинъ, или даже провинціалъ, прожившій нѣсколько въ столицѣ, не выказывалъ бы такимъ неприличнымъ образомъ своего восторга; но нашъ молодой человекъ не заботился о томъ, чтобы казаться; ему было весело, и онъ не думалъ скрывать впечатлѣнія, произведеннаго на него великолѣпнымъ спектаклемъ Большой-оперы.

Наконецъ занавѣсъ опустился, публика разошлась, музыканты спрятали свои инструменты, и люстра, опускаясь, чуть было не раздавила провинціала; тогда только онъ рѣшился выдти изъ театра, вмѣстѣ съ женщинами, открывающими ложи.

Увы! Восторгъ молодого человека долженъ былъ скоро охладѣть. потону—что погода была самая ужасная. Дождь заливалъ театральныи подъѣздъ, и молнія прорѣзывала черныи тучи.

Нашъ герой еще недавно былъ въ Парижѣ, и потому думалъ, что, онъ можетъ за одинъ франкъ презирать вѣтры и громы, и спокойно дождетъ домой въ закрытомъ экипажѣ. Онъ закричалъ первому извозчику, чтобы тотъ подавалъ, но автомедонъ проѣхалъ мимо, не обращая вниманія на пѣшехода. «Вѣрно онъ за грозою не разслышалъ моего голоса!» сказалъ самъ себѣ въ утѣшеніе провинціалъ и кликнулъ другаго извозчика. Но этотъ грубо засмѣялся на призывъ молодого человека, и продолжалъ ѣхать своею дорогою. Наконецъ, третій кучеръ, вѣроятно, добрые своихъ товарищей, согласился оставить свой экипажъ, но потребовалъ на водку четыре франка, что вмѣстѣ съ однимъ установленнымъ франкомъ составляло круглое число. Такъ какъ нашъ герой промокъ уже до нитки, то и поспѣшилъ согласиться на требованіе извозчика, боясь, чтобы и тотъ не уѣхалъ.

Черезъ полчаса счастливаго плаванія, они остановились передъ гостиницею Америка, гдѣ жилъ провинціалъ. Онъ вошелъ въ нижнюю комнату, гдѣ обыкновенно слуги, и иногда самъ хозяинъ заведенія, дожидаясь прихода своихъ жильцовъ до полувоча, и гдѣ всѣ проживающіе обязаны были оставлять ключи отъ своихъ комнатъ, если уходили куда-нибудь.

Нашего героя встрѣтила хозяйка гостиницы, и такъ какъ онъ только поутру остановился у ней и имѣлъ дѣло съ ея мужемъ, послѣ чего ушелъ на весь день, то и долженъ былъ объявить свое имя.

— А, это вы, сказала хозяйка. Вы записаны въ реестръ два раза, потому-что сначала мой мужъ записалъ васъ, а потомъ я. Мы ужъ подумали, что не понадобилась ли вамъ еще комната, но кажется вамъ довольно и одного номера... Вы знаете, что вашъ номеръ седьмой?

— Очень хорошо знаю, отвѣчалъ молодой человекъ, не очень довольный болтовнею хозяйки.

— Вотъ вамъ второй ключъ отъ № 7 продолжала она, подавая ему маленькій ключъ. Покойной ночи, сударь; вы найдете тамъ все, что вамъ нужно.

— Благодарю васъ, проворчалъ нашъ герой, не понимая, зачѣмъ ему дали другой ключъ; но довольный, что онъ уже дома и избавился отъ грозы, онъ побѣжалъ по лѣстницѣ въ свой номеръ. Засвѣтивъ одну изъ свѣчей, стоящихъ на каминѣ, онъ вынулъ изъ шкафа свой чемоданъ, и переодѣлся очень проворно.

— Вотъ теперь хорошо, проговорилъ онъ, закутываясь въ халатъ и поглядывая по сторованъ. Славная у меня комната! Хорошая гостиница Америва! А? да мнѣ приготовили стаканъ воды, сахаръ и элерь д'оранжевыя капли. Отчего не выпить на ночь.

И онъ положилъ въ воду три куска сахару, прибавилъ душистыхъ капель, и размѣшалъ все золоченою ложечкой.

— Однако здѣсь что-то сильно пахнетъ ароматами, началъ опять молодой человекъ, итѣвшій, вѣроятно, привычку разговаривать самъ съ собою. Отворю на минуту окно. Не мѣшало бы развести огонь въ каминѣ, чтобъ высушить мое пальто. Пойду, поищу дровъ. Можетъ-быть на счастье и попадетсѣ какой-нибудь сломанный стулъ.

И онъ зажегъ ночникъ и отправился въ кухню. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся, держа обломокъ рамки и спинку стула, которыя бросилъ въ каминъ.

— Ну ужъ наглотался я пыли, отыскивая топливо, проговорилъ онъ: даже въ горлѣ что-то остановилось. Хорошо, что у меня есть чѣмъ запить. Вѣдь я только что приготовилъ себѣ воду съ сахаромъ, а не выпилъ ее.

Онъ взялъ стаканъ и съ удивленіемъ остановился съ открытымъ ротомъ и выпученными глазами.

Стаканъ былъ пустъ.

— Это что за мистификація, проговорилъ нашъ герой. Куда дѣвалась вода, и еще съ сахаромъ? Неужели я лунатикъ? Что это опять за черемъна! Я зажегъ свѣчку, а теперь у меня горитъ лампа! Ужъ не живетъ ли здѣсь Боско или другой фокусникъ. У меня пропали три куска сахару, вода исчезла.. лампа явилась неизвестно откуда... Того я жди, что если я засну на кровати, то проснусь въ графинѣ. Хорошо номеръ 7. Удивительная гостиница!..

Нашъ герой, можетъ-быть, и долго бы продолжалъ свой монологъ,

но вдругъ его прервалъ крикъ ужаса. Онъ оглянулся и сама вскрикнула отъ удивленія.

Передъ нимъ стояла женщина, блѣдная, дрожащая, готовая упасть въ обморокъ.

Молодой человѣкъ былъ такъ пораженъ этимъ видѣніемъ, что не зналъ, что ему дѣлать, что сказать; но въ это время явилось еще третье лицо, и тоже остановилось въ ужасѣ, какъ окаменѣлая статуя.

Бабета проснулась, услыша крикъ своей госпожи, и увѣренная, что съ ней что-нибудь случилось необыкновенное, выбѣжала изъ своей комнаты, и увидѣла передъ собою незнакомаго мужчину. Вѣроятно, она забыла, что хвасталась справиться съ шестью разбойниками, потому-что и одинъ до того напугалъ ее, что она упала на колѣни и проговорила жалобно:

— Господинъ воръ, пожалуста не убивайте насъ!

Въ это время г-жа д'Омбрель успѣла немного оправиться и сказала тихо:

— Что вамъ угодно... сударь?

— Извините, сударыня, проговорилъ молодой человѣкъ, увѣряю васъ, что я не способенъ обидѣть женщину. Успокойтесь, объяснитесь...

— Возьмите этотъ кошелекъ, сказала Бабета, принимая его все еще за товарища Мандрена. У насъ больше ничего нѣтъ.

— Зачѣмъ мнѣ вашъ кошелекъ!

— Тамъ четыре лувдора.

— Ну такъ что жъ?

— Возьмите же это, господинъ воръ и смѣйтесь надъ моей госпожей!

— Однако, что это значить! За ного вы меня принимаете?

— Васъ!

— Ну да, меня?

— Вы, разумеется, честный человѣкъ, но имѣете привычку ночью прокрадываться въ чужія квартиры, чтобы...

— Для чего же?

— Да, чтобъ занимать деньги...

— Это прекрасно!.. Ха, ха, ха, ха!

Во-время этого разговора Люси разсмотрѣла незнакомаго, и увѣрилась, что онъ нисколько не похожъ на вора. Но все-таки присутствіе его ночью въ ея комнатѣ не доказывало честныхъ намѣреній, и потому она сказала довольно твердо и строго:

— Для чего же вы пришли сюда и въ такую пору, объяснитесь?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Я самъ хочу наконецъ понять что-нибудь изъ того, что со мной происходитъ. Увѣряю васъ, что у меня нѣтъ никакихъ злыхъ умысловъ и что мои намѣренія самыя честныя...

— Однако зачѣмъ вы въ первомъ часу ночи у меня въ комнатѣ?

— У васъ?

— Да, у меня... Отвѣчайте сейчасъ, или я позову людей.

— Вы удивляете меня чрезвычайно, увѣряя, что я у васъ. Я съ своей стороны готовъ побожиться, что вы у меня.

Люси д'Омбрель начала понимать, что какое-нибудь стеченіе об-

стоятельствъ произвело недоразумѣіе. Она теперь не боялась уже убійства или грабежа, но все-таки страхъ ея не проходилъ, хотя былъ другого рода. Можетъ-быть, она даже сомнѣла, что передъ ней не страшный бандитъ, а прекрасный, вѣжливый и насмѣшливый молодой человекъ. Она продолжала уже не такъ твердо:

— Я могу доказать вамъ, что наняла этотъ номеръ сегодня утромъ, даже вчера утромъ.....

— Въ такомъ случаѣ вы правы и я прошу у васъ прощенія. Ваши права законнѣе моихъ, и я ухожу, не дожидаясь даже, чтобъ выгнали меня.

— Какъ же вы смѣли увѣрять, что мы у васъ въ квартирѣ? закричала наконецъ Бабета, видя, что мнимый разбойникъ совсѣмъ не намѣренъ убивать ихъ или грабить.

— Я говорю сущую правду, моя милая. Я нанялъ этотъ номеръ во второмъ часу, вчера же, стало-быть я, какъ второй жилецъ, обязанъ уступить квартиру первому. Прощайте же. Я въ отчаяніи, что мнѣ глупость испугать васъ и оставилъ вамъ непріятное впечатлѣніе.

Люся наконецъ вздохнула свободнѣе; ее тронула вѣжливость и любезность незнакомца.

— Стало-быть, вы будете жертвою недоразумѣія, сказала она. Я сама уговаривалась съ хозяйкой этого заведенія.

— Вы наняли номеръ у хозяйки?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я настоящій жилецъ этой комнаты и предлагаю вамъ гостепримство, потому-что нанялъ номеръ у хозяйки, и вы, вѣроятно, согласитесь, что мужъ глава семейства и одинъ имѣетъ права распорядиться.

— Такъ все-таки выходитъ, что я была... и теперь еще... у васъ. Что же мнѣ дѣлать?

Молодая женщина была прекрасна въ своемъ смущеніи. Слезы досады дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ; она покраснѣла отъ волненія и стыдливости, потому-что чувствовала, что незнакомецъ съ восторгомъ любитъ ея красотой и наслаждается ея смущеніемъ. Наконецъ, ему стало жалко бѣдную женщину, и онъ сказалъ съ жаромъ:

— Простите меня, я невѣжда... а дышать.

— Что мнѣ вамъ прощать? Что вы сдѣлали?

— Я виновата передъ вами. Я это чувствую. Простите меня... что я еще не ушелъ.

Било два часа.

— Какъ поздно! проговорила молодая женщина.

Въ этихъ словахъ было столько выраженія, что тотъ, къ кому они относились, тотчасъ же исчезъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся опять, одѣтый уже прилично и съ чемоданомъ въ рукѣ.

— Я думаю, что нѣтъ никакой надобности будить хозяевъ, сказалъ онъ, кланаясь г-жѣ д'Омбредъ, потому-что могутъ произойти непріятности для васъ. Я постараюсь также, чтобъ привратникъ молчалъ о моемъ побѣгѣ ночью изъ гостиницы. Вы же можете быть спокойны,

потому-что никто не узнаетъ о нашей встрѣчѣ и мы, вѣроятно, не увидимся болѣе.

Бабета, какъ умная женщина, тотчасъ поняла, что надобно отвѣчать что-нибудь любовное на вѣжливость незнакомца, и такъ какъ барыня ея все еще не могла сказать ни слова отъ волненія, горничная не долго думала и сказала:

— Забудьте же вы, сударь, берете съ собою чемоданчикъ. Оставьте его здѣсь, и завтра приплите за нимъ, а то вамъ будетъ тяжело нести его самому.

Это предложеніе было очень пріятно молодому человѣку, и онъ отвѣчалъ, смотря на г-жу д'Омбрель.

— Если вы позволите, я буду вамъ очень баагодаренъ.

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте, проговорила чуть слышно вдова, и опустила глаза, сердясь сама на себя за свое смущеніе.

Потомъ они раскланялись, и постороивній наблюдатель замѣтилъ бы, что поклонъ ихъ былъ не церемонный, какъ между чужими, но и не совсѣмъ дружескій. Они какъ-будто боялись другъ-друга.

— Какой вѣжливый молодой человѣкъ, сказала Люси, когда осталась одна съ Бабетой.

— Какой красивый мужчина, замѣтила горничная, и какіе у него блестящіе глаза... особенно когда онъ смотрѣлъ на васъ, просто брилліанты...

Молодая вдова опять вскрикнула, и Бабета испугалась, думая, что явился третій жилецъ въ ихъ комнату. Но Люси вскрикнула отъ удивленія, потому-что прочитала имя и адресъ на чемоданѣ незнакомца. Потомъ она отослала горничную спать, потомъ вернула ее, и сказала, что завтра не нужно будетъ отсылать письмо, написанное ею.

— Вы не хотите послать письмо въ Монлюсонъ? спросила Бабета. Да вѣдь тамъ написано, что вы отказываетесь выйти замужъ за вашего двоюроднаго брата Армана д'Омбрель и хотите остаться вдовою.

— Мнѣ надобно прибавить въ письмѣ еще объ одномъ дѣлѣ... я завтра напишу. Ступай Бабета, оставь меня.

— Случай бываетъ часто умнѣ людей, сказала молодая женщина, засыпая... Завтра... увидимъ.

На другой день не очень рано, но и не поздно, когда жительницы № 7 уже оправились отъ ночнаго страха, явился къ нимъ комиссіонеръ за чемоданомъ. Кромѣ этого, онъ имѣлъ еще другую комиссію, узнать, смѣетъ ли господинъ этого чемодана явиться съ визитомъ, и еще разъ извиниться передъ госпожею д'Омбрель.

— Скажите тому, кто васъ послалъ, отвѣчала Люси, что я съ удовольствіемъ увижусь съ нимъ и что онъ сдѣлаетъ мнѣ большое одолженіе, если придетъ сейчасъ же, потому-что я хочу посоветоваться съ нимъ объ одномъ дѣлѣ.

Никогда еще ея желаніе не исполнялось такъ скоро. Ея слова произвели такое же дѣйствіе, какъ волшебная палочка феи, потому-что не успѣла она выговорить ихъ, какъ молодой жилецъ стоялъ уже передъ нею, такой же почтительный, вѣжливый и красивый какъ

вчера. Можно было подумать, что онъ самъ привелъ комиссіонера и дожидаяся его за дверью. Разумѣется, что это было одно любопытство и больше ничего.

Послѣ первыхъ обычныхъ комплиментовъ, молодые люди разговаривались почти дружески, и могли замѣтить, что оба не глупы и хорошо воспитаны.

— Вы недавно въ Парижѣ, сказала ему Люси, и говорите, что вчера только пріѣхали изъ Невера. Знаете ли вы этотъ городъ?

— Я родился въ немъ и выросъ, но вернусь туда какъ можнопозже.

— Это не лестный комплиментъ для вашихъ соотечественниковъ.

— Они очень честные и благородные люди, увѣрю васъ.

— Не можете ли вы дать мнѣ свѣдѣній объ одномъ изъ жителей Невера? Это мнѣ необходимо.

— Говорите, я готовъ вамъ служить.

— Дѣло идетъ о женитьбѣ.

— Это очень интересно! И вы хлопчете объ этой свадьбѣ?

— Ужъ не смѣтаете ли вы надъ нею?

— Нисколько.

Однакожъ, кажется, мы не о томъ говорили. Я спрашивала васъ объ одномъ изъ жителей Невера... о молодомъ человѣкѣ, котораго предлагаютъ въ мужа моей лучшей подругѣ...

— Какъ зовутъ этого счастливица?

— Арманъ д'Омбрель.

Молодой человѣкъ не могъ скрыть своего удивленія и небольшого страха, и только повторилъ:

— Арманъ д'Омбрель.

— Вы, можетъ-быть, не знаете его? спросила очень наивно молодая вдовушка.

— О нѣтъ, я его знаю... и даже очень хорошо. Помилуйте, какъ мнѣ не знать Армана д'Омбрель.

— И вы такъ великодушны, что не хотите описать мнѣ всѣ качества и недостатки вашего молодого соотечественника.

— Я могу сказать вамъ только одно, что Арманъ будетъ очень дурнымъ мужемъ.

— Дурнымъ мужемъ... Возможно ли!

— Для вашей подруги, поспѣшиль прибавить герой.

— Можетъ-быть, моя подруга будетъ такъ счастлива, что г. д'Омбрель полюбитъ ее?

— Я очень хорошо знаю, что Армана хотятъ женить на двоюродной его сестрѣ, но одна мысль о женитьбѣ почти по приказанію приводитъ его въ ужасъ, потому-что онъ совсѣмъ не знаетъ своей невесты; она его тоже, и послѣ свадьбы могутъ произойти разные неприятные сюрпризы. Нѣтъ, Арманъ не соглашается жениться на ней, закрывши глаза, и только потому, что родные находятъ этотъ бракъ приличнымъ и выгоднымъ.

Молодой человѣкъ говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ, какъ-будто

дѣло шло о немъ самомъ, а не объ его другѣ, и Люси, замѣтившая его необыкновенное оживленіе, сказала съ чувствомъ:

— И вы думаете также, какъ вашъ другъ?

— Развѣ вы находите, что Арманъ не правъ?

— Нѣтъ, но я боюсь за него...

— Бойтесь?

— Я боюсь, что вашъ другъ съ его благородными нѣжностями останется вѣкъ холостымъ.

— Признаюсь, что и Арманъ началъ уже терять надежду; но теперь... если онъ и не женится, то причиною этого будетъ не разборчивость моего друга, но его несчастіе или неумѣнье нравиться, потому что, кажется, онъ уже...

— Берегитесь, вы болтаете о чужихъ тайнахъ. Какая неспрочность.

— Вамъ я могу говорить о чувствахъ моего друга, и вы поймете меня, если я вамъ скажу, что онъ...

— Я не хочу ничего знать о его чувствахъ, но его правила нравятся мнѣ, и признаюсь, что я съ нимъ согласна.

— Возможно ли? Какое счастье?

— Поэтому-то я и хочу услужить этому необыкновенному молодому человѣку. Онъ не знаетъ Люси д'Омбрель, которую ему сватаютъ и, можетъ-быть, откажется отъ своего счастья. Я опишу вамъ въ подробности мою подругу.

— Не беспокойтесь. Это совсѣмъ лишнее.

— Я говорю не для васъ, но для вашего друга.

— Я увѣренъ, что онъ думаетъ тоже, что я.

— Тѣмъ хуже для него. Я все-таки продолжаю: Люси не дурна собою, съ чѣмъ согласны всѣ; она не глупа, и никто не скажетъ, что она недобра. Наконецъ, она считается самою богатою невѣстою въ Монлюсонѣ.

— Что жъ дальше?

— Какъ, вамъ еще мало этого?

— Напротивъ, очень много.

— Но я могла невѣрно описать ее. Она, можетъ-быть, еще лучше.

— Согласенъ, но я замѣтилъ, что часто тотъ, кто описываетъ, самъ гораздо лучше того лица, которое описываетъ.

Послѣ подобнаго замѣчанія надобно было переимѣнить систему нападѣнія, и Люси продолжала очень спокойно

— Знаетъ ли г. д'Омбрель, что его богатый дядюшка обѣщали лишитъ его наслѣдства, если онъ откажется отъ предполагаемаго брака?

— Да, этотъ дядюшка—тиранъ прислалъ даже пятьдесятъ старыхъ лундоровъ на покупку свадебной корзинки. Племянникъ пришелъ отъ этого въ ужасное отчаяніе.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Онъ рѣшился употребить эти старые лундоры съ пользою и

хорошенько повеселиться на нихъ въ Парижѣ, котораго онъ хорошенько не знаетъ. Онъ надѣется утѣшиться этимъ въ потерѣ наслѣдства.

Молодая женщина громко захохотала, что было довольно удивительно, потому-что она давно уже разучилась смѣяться отъ души, а именно со времени своего замужства съ старымъ д'Омбрелемъ, о которомъ, прибавимъ въ скобкахъ, она не думала со вчерашняго вечера или, вѣрнѣе сказать, со вчерашней ночи.

— И вашъ другъ, спросила Люси, вѣроятно, нашелъ въ Парижѣ утѣшеніе?

— Онъ нашелъ бы счастье, еслибы...

— Опять нескромность... Я вамъ уже сказала, что нелюбопытна, и если хлопочу, чтобъ вашъ другъ женился на моей подружкѣ, такъ оттого, что эта свадьба рѣшить и мою судьбу.

— Какъ же это?

— Мы съ Люси дали обѣщаніе выдти замужъ въ одинъ день и въ одинъ часъ. Вотъ почему я прошу васъ, чтобъ вы уговорили вашего друга жениться. Въ этомъ будетъ и моя выгода.

Молодой человѣкъ сдѣлалъ недовольную мину и продолжалъ съ видимою досадою:

— Ваша подруга и безъ Армана, вѣроятно, скоро найдетъ жениха, особенно если у ея родныхъ есть привычка навязывать ее незнакомымъ женихамъ.

— Навязывать!

— Разумѣется. Какъ же вы назовете женщину, которая заставляеть дядю лишнить племянника наслѣдства и которая посылаетъ пятьдесятъ лундоровъ на свою свадебную корзинку!

— Я не позволю вамъ обижать бѣдную мою подругу, вскричала Люси, вовсе не сердясь. Къ счастью, я могу разувѣрить васъ и отставить за ваши оскорбительныя подозрѣнія.

Она вынула свое вчерашнее письмо и подала его молодому человѣку. Тотъ со вниманіемъ прочелъ его до конца, и тогда только понялъ, что его одурачили.

— Ахъ, это вы! сказалъ онъ въ замѣшательствѣ, и вамъ не стыдно было смѣяться надо мною. Но какъ вы узнали...

— Что я принимаю г. Армана д'Омбрель? Я прочитала вчера ваше имя на чемоданѣ.

— Вы безжалостны.

— Нѣтъ, я вамъ очень благодарна зато, что вы вчера приготовили мнѣ стаканъ сахарной воды.

— И перемѣнилъ вашу лампу на свѣчку.

— И открыли окошко во-время грозы.

И оба они опять захохотали отъ души, не думая скрывать своего веселаго расположенія духа и удовольствія, что находятся вмѣстѣ. Но вдругъ Бабета избѣжала съ испуганнымъ видомъ и сказала отчаяннымъ голосомъ:

— Знаете ли вы сударыня, что про васъ говорятъ?

— Кто говорить и что?

— Говорятъ всѣ, что этотъ господинъ вашъ мужъ.

И горничная косо посмотрѣла на Армана.

— Это г. д'Омбрель, двоюродный братъ моего покойнаго мужа.

— Такъ вотъ отчего и случилась вся суматоха. Вы въ одинъ день и почти въ одинъ часъ наняли одинъ номеръ, и такъ-такъ фамилія у васъ одинаковая, то хозяинъ и хозяйка вообразили, что вы мужъ и жена, и дали вамъ два ключа отъ одной комнаты. Теперь у нихъ не выбьешь изъ головы, что вы вдова, и хотите всю жизнь остаться вдовою.

— Замолчи, Бабета. Пускай тамъ говорятъ, что хотятъ, а ты собери всѣ наши вещи. Сегодня вечеромъ мы ѣдемъ.

Горничная вышла.

— Прелестная Люси, сказалъ Арманъ, подходя къ молодой женщинѣ, я вижу въ ошибкѣ этихъ добрыхъ хозяевъ пророчество моего счастья. Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ:

— Какой же, любезный братецъ?

— Совѣтъ исполнить то, чего желаютъ ваши и мои родные, которыхъ вы такъ мило называете въ письмѣ тиранами. При томъ же Бабета сказала: *всѣ говорятъ*, что мы мужъ и жена; можно-ли намъ идти противъ всеобщаго мнѣнія?

— Вы забыли, что говорили о бѣдной Люси...

— Я смотрѣлъ только на васъ и не понималъ того, что говорилъ. Притомъ, вы уже простили меня. Отвѣчайте-же...

— До свиданія... Арманъ.

Кажется, нѣтъ никакой надобности рассказывать, какая послѣ этого была развязка въ Монлюсонѣ.

Мелли тунца въ древнія и новѣйшія времена. Словомъ *Θύνος*; Греки называли рыбу тунецъ (*Thon*) когда ей было уже болѣе года. Упомянувъ о ней, Аристотель называетъ ее тѣмъ же именемъ. Несмотря на это, происхожденіе тунца сомнительно, и остается выбирать между корнемъ греческаго слова и еврейской этимологіей. Приверженцы греческаго корнесловія производятъ *Θύνος* отъ *Θύνω* *бросаться съ яростью*, что даетъ довольно точную идею о бѣдномъ тунцѣ, окруженномъ оводами или слѣпными морскими, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай говорить.

Еврейская этимологія менѣе опредѣлительна, если ее станемъ искать въ словѣ *tannim*, которое мы переводимъ словомъ *Китъ*, какъ и равнозначущее ему слово *cetus*, хотя оно собственно выражаетъ всякую рыбу большаго размѣра, какой бы она ни была породы. Самка тунца называлась *thunnis*. Съ приближеніемъ весны, времени метанія икры, если вѣрить старинному повѣрью, самка покидаетъ мѣста своего обитанія въ Средиземномъ-морѣ и уплываетъ въ воды Чернаго-моря. Подобныя наблюденія, болѣе внимательныя, даютъ поводъ думать, что теперь правильное ежегодное переселеніе изъ одного моря въ другое

не существуетъ, и что нынѣ эта рыба мечетъ икру во всѣхъ мѣстахъ, который ей кажутся надежными для успѣшнаго возрастанія ея потомства. Метаніе икры обыкновенно происходитъ въ началѣ іюня. Въ непродолжительномъ времени выходитъ на свѣтъ новое поколѣніе. Молодые тунцы къ концу мѣсяца становятся величиною съ пискарка и бываютъ отъ полуторы до двухъ унцій вѣсомъ. Къ концу втораго мѣсяца, они уже становятся втрое больше и на столько же тяжелѣе. Въ первыхъ числахъ ноября, четырехмѣсячныя рыбки становятся уже въ двадцать разъ болѣе своего первоначальнаго объема; и вѣсятъ болѣе двухъ ливровъ, превосходя значительно своею удивительною силою развитія, не только всѣхъ обитателей озеръ, рѣкъ и прудовъ, но и тѣ породы, которые стремятся въ море, чтобы достигнуть тамъ окончательнаго своего развитія.

Карпъ и щука развиваются быстрѣе всѣхъ прочихъ рѣчныхъ рыбъ, однако щука рѣдко достигаетъ фута длины въ первые годы существованія, а карпъ вѣситъ три фунта только къ концу шестаго года.

Большая часть тунцовъ не достигаетъ зрѣлаго возраста и становится жертвою алчности своей родной матери, которая ихъ преслѣдуетъ и пожираетъ; несмотря на это, избѣгнувшіе этой участи слѣдуютъ за нею въ Средиземное-море и знакомятся съ нимъ подъ ея надзоромъ.

Аристотель въ своей Естественной Исторіи говоритъ, что молодой тунецъ не умираетъ въ-самомъ-дѣлѣ, а только метафорически, съ тѣмъ, чтобы спустя нѣсколько времени явиться новою рыбою, съ новымъ названіемъ, съ необъятыми размѣрами, въ видѣ *Ogcytus* или, по словамъ Атеней, въ видѣ *Cetus*, т. е. кита. Древніе, часто ошибавшіеся въ предметахъ, касающихся физики и естественной исторіи, думали, что тунцы рождались въ *Palus Meotides*, нынѣшнемъ Азовскомъ-морѣ и проходили въ Черное Киммерійскимъ Босфоромъ или Кафескимъ-проливомъ, расходились по Средиземному-морю, пробѣгая его по всѣмъ направленіямъ.

Изысканія ихтіологовъ, подкрѣпленныя долгимъ опытомъ моряковъ и рыбаковъ, сдѣлали новыя открытія въ жизни, нравахъ и плаваніихъ тунцовъ.

Теперь признано общимъ мнѣніемъ, что первоначально тунцы выходятъ изъ Океана, откуда, едва явившись на свѣтъ, спѣшатъ возвратиться; что входя въ Средиземное-море въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, черезъ Гибралтарскій-проливъ, они плывутъ по всѣмъ островамъ и берегамъ, по всѣмъ заливамъ, и постоянно стремятся къ цѣли своихъ долгихъ плаваній: къ Черному и Азовскому морямъ, которыхъ достигаютъ въ началѣ осени и откуда выходятъ, плывя правымъ берегомъ Дарданельскаго-пролива, тогда какъ входятъ въ Дарданеллы постоянно по лѣвой сторонѣ пролива.

Не подвержено никакому сомнѣнію, что тунцы предпочитаютъ водиться у береговъ Средиземнаго-моря. Придерживаясь мнѣнія древнихъ, нынѣ, не входя въ дальнѣйшія изысканія и вѣра древнимъ на-слово, относили это предпочтеніе къ изобилію жолудей морскихъ ду-

бѣтъ, будто бы растущихъ на днѣ морскомъ, и которые будто-бы служатъ обыкновенною пищею тунцовъ, отчего эта порода рыбъ и получила названіе *морскихъ семей*. Скорѣе можно допустить, что предпочтеніе, оказываемое Средиземному-мору, и именно въ некоторыхъ мѣстахъ на берегахъ его, въ особенности же берегамъ Сардиніи, объясняется тѣмъ, что эти берега удобнѣе для вывода дѣтенышей и изблужаютъ приличною для нихъ пищею. Настоящая же и несомнѣнная причина этого предпочтенія надолго еще останется тайною для наблюдателей.

Полагаютъ, что тунцы мечутъ икру свою при самомъ входѣ въ Средиземное-море, хотя они выходятъ оттуда шесть мѣсяцевъ спустя.

Замѣчено, что противу обыкновенія всѣхъ прочихъ рыбъ тунцы никогда не мечутъ икры при устьяхъ рѣкъ, а собираютъ для этого лишь берега ихъ.

Тунцы путешествуютъ стадами, плаваютъ съ изумительною быстротою, и преслѣдуютъ суда, по мнѣнію Коммерсона, съ тѣмъ, чтобы пользоваться тѣнью, лежащею отъ нихъ, столько же какъ и остатками кухни, которые они схватываютъ съ алчностью. Когда они путешествуютъ, то выстраиваются въ баталіоны или въ большіе параллелограммы, ряды которыхъ состоятъ всегда изъ равнаго числа рыбъ. Всѣ повороты и остановки происходятъ безъ замѣшательства и безпорядка, какъ стройными эволюціи выученнаго строя войска.

Плутархъ говоритъ, и Альдрованди за нимъ повторяетъ, что число рядовъ до того неизмѣнно, что если сосчитать одинъ изъ нихъ, то самымъ простымъ ариметическимъ способомъ можно безошибочно опредѣлить цифру всей плывущей массы.

Во-время затишья тунцы отдыхаютъ, рѣвятся, или гоняются за добычей; отправляются же въ путь только въ сильную погоду, плывя всегда по направленію вѣтра.

При входѣ въ Средиземное-море, перейдя уже Гибралтаръ, тунцы раздѣляются на два отряда; одинъ идетъ направо, по берегамъ Африки, другой налево, по берегамъ Европы; и тотъ и другой плывутъ по одному направленію къ востоку. Часть лѣваго отряда, пройдя берега Испаніи, Франціи, перерѣзываетъ заливъ Пюмбино и идетъ уже прямо къ своей цѣли. Правый отрядъ, который обыкновенно бываетъ крупнѣе, оглядя берега около Прованса, переходитъ большой проливъ между Тосканой и Корсикой, и обойдя западную часть этого острова, достигаетъ черезъ проливъ Бонифачіо сѣверной части Сардиніи, между-тѣмъ, какъ другой отрядъ, болѣе многочисленный, оставившій равнѣ берега Европы и вступившій равнѣ въ открытое море, гдѣ разстался съ отрядомъ, плывущимъ по берегамъ Африки, вступаетъ те же въ открытое море и плыветъ по тому же направленію къ западнымъ и южнымъ берегамъ.

За неимѣніемъ другихъ свѣдѣній, которыя оставили бы намъ писатели, по рыболовнымъ удамъ древнихъ можно судить, что ихъ рыболовные снаряды не уступали нынѣшнимъ. Они употребляли острогу для ловли крупной рыбы, дремлющей на поверхности воды или отды-

хающей на глубинѣ; равныя снадобы для отравы рыбъ, между прочимъ и цикламентъ, употребляемый нынѣ, какъ и во времена Опціана. Наконецъ Колумелла говоритъ, что римляне съ первыхъ временъ христіанской эры переносили съ уопѣхомъ икру всякаго рода рыбы изъ прѣсной воды, въ озера и рѣки, и тѣмъ наполняли ихъ рыбою.

Аристотель говоритъ, что рыбу били остроугою въ ту минуту, когда она выплывала на поверхность воды и радостно рѣзвилась, ударяя хвостомъ, не подоврѣвая близости врага.

Опціанъ описываетъ другой способъ, который былъ употребляемъ Фракійцами въ зимнюю пору. Они поражали рыбу, безвѣчно покоящуюся на самой глубинѣ водъ, на нѣстомъ днѣ Понта Евксинскаго. Орудіемъ для этого употреблялася кусокъ дерева, короткій, но толстый и кривой; оконечность его была обита свинцомъ для тяжести, а на деревѣ придрѣланы были во множествѣ желѣзныя острія и зубья.

Это убійственное орудіе прикрѣплялася на длинномъ канатѣ позади судна, откуда и бросалось въ самую глубь пропасти, на бѣдныхъ водяныхъ обитателей. *Эти ужасныя острія*, говоритъ поэтъ, *рамятъ одного въ бокъ, друаго въ голову, третьяго въ хвостъ, тому раздробляютъ спину, а этого разрываютъ на части*. Описавши бѣдствія рыбы, съ краснорѣчіемъ, достойнымъ Гомера, муза, которой мы обязаны описаніемъ этой картины, переходитъ въ паѣбсъ. Она громитъ проклятіемъ за подобныя жестокости и убійства невинныхъ, которыя по ея словамъ должны *внушать чувства состраданія сердцамъ самымъ жестокосердымъ*. Потомъ, съ легкостью, свойственною ей полу, муза постепенно переходитъ къ новой картинѣ, и представляетъ намъ группы рыбокъ, расположенныхъ по берегамъ, побѣдныя клики ихъ при видѣ умирающихъ жертвъ.

Тунецъ принадлежитъ къ самымъ пугливымъ рыбамъ. Объемъ его головного мозга, составляетъ $\frac{37}{100}$ долю всего его туловища и объясняетъ достаточно его недалекость. (Акула имѣетъ сравнительно только двѣ трети, а щука половину этой разницы). Малѣйшій шумъ, произведенный въ водѣ, повергаетъ все стадо тунцовъ въ неопытный страхъ и смѣненіе, и бросаетъ ихъ въ сѣти самаго неопытнаго рыболова.

Въ темную ночь, лодка, снабженная снастями, отчаливала отъ берега и плыла безъ шума, на веслахъ, обвязанныхъ соломой, къ мѣсту отдохновенія тунцовъ. Неудалекъ отъ этого мѣста рыбаки опускали въ молчаніи сѣти въ воду; потомъ, обогнувъ стадо, начинали вдругъ кричать, бить веслами и шестами по водѣ. Тунцы, испуганные фосфорическимъ свѣтомъ взволнованной воды и крикомъ, бросались отъ лодки и попадали въ сѣти, гдѣ рады были найти убѣжище и откуда мѣшало имъ выйти страхъ отъ шума и колыханія веревокъ, придрѣленныхъ по сторонамъ сѣтей.

За нѣсколько время до прибытія ожидаемаго стада рыбы, рыбаки собирались на главныхъ пунктахъ ежегоднаго прохожденія рыбы; эти мѣста, по словамъ Страбона были: Раріоліумъ или Піомбино, Portogroße въ Этруріи и мысъ Анжонъ въ Африкѣ. Рыбаки дежирали изъ

среды своей *φυρουλοποις* или сторожа тунцовъ, самаго опытнаго между всѣми рыбаками. Ему выстраивали для наблюденія башню, или помѣщали его на возвышенности скалы, для подавнiя знака при приближенiи рыбы.

Едва сторожъ могъ только завидѣть ожидаемое стадо рыбъ, какъ долженъ былъ поднять флагъ и дать условный знакъ внимательнымъ рыбакамъ, по какому направленiю они должны готовиться къ ловлѣ. При видѣ флага, рыбаковы успѣшно пускались въ море со всѣмъ прворствомъ военной дисциплины. Каждая лодка видѣла своего начальника, и всѣ равно торопились успѣть разставить свои сѣти навстрѣчу даво жданнымъ похитителямъ. Мгновенно воздвигалась пеньковая преграда кругомъ плывущаго стада, которое безъ всякой осторожности отдавалось въ плѣнъ.

Способъ подобной ловли перешелъ къ намъ отъ древнихъ почти въ неизмѣненномъ видѣ. Оппианъ упоминаетъ объ обширныхъ и сложныхъ сѣтяхъ, съ разными подраздѣленiями, представляющими какъ бы улицы города, съ разными переходами и внутренними воротами.

Рыба входитъ въ эту засаду съ довѣрчивостiю осаждающаго войска, предъ которымъ отворили бы ворота славшагося города.

Прежде думали, что успѣшную ловлю тунцовъ можно отнести къ неправильности ихъ зрительныхъ органовъ. Писатели не соглашались только въ свойствѣ такой неправильности зрѣнiя. Одни относили ее къ густотѣ прозрачной влаги, другiе же, и между ними Аристотель и Плиний, полагали, что неправильность эта, кака-бы тому ни была причина, существовала только въ правомъ глазу. Одно выраженiе Эсхила, вошедшее въ пословицу, помѣщаетъ неправильность эту въ лѣвомъ глазѣ. Аристотель основываетъ свое мнѣнiе на томъ, что тунцы плывутъ всегда правымъ берегомъ, чтобы войти въ Цонтъ Евксинскiй, для выбрасыванiя икры, откуда они возвращаются лѣвымъ берегомъ, переходя изъ моря въ море уже съ новымъ своимъ поколѣнiемъ.

Древнiе занимались ловлею тунцовъ предпочтительно во время полнолунiя. Привлекаемые свѣтомъ луны, тунцы цѣлыми стадами попадали въ разставленные для нихъ сѣти.

Нападенiе на тунцовъ морскихъ оводовъ и мучительная боль отъ укушенiя ихъ особенно способствуютъ успѣшной ловлѣ и заставляютъ стадо живьемъ отдаваться въ руки рыбаковъ. Гмелинъ называетъ этихъ ракообразныхъ паразитовъ *pennatula filosa*; Океанъ причисляетъ ихъ къ семейству *legnaea*.

Какъ ни мучительно для несчастныхъ тунцовъ укушенiе этихъ маленькихъ животныхъ, но ими не ограничивается число враговъ, преслѣдующихъ ихъ и жадующихъ ихъ крови.

Коммерсонъ говоритъ, что онъ находилъ въ кишкахъ тунцовъ аскаридовъ, глистовъ и другихъ насѣкомыхъ. И такъ бѣдная рыба, жортомъ вышнихъ враговъ, боль отъ укушенiя которыхъ приводитъ ее къ совершенному помѣшательству, осуждена еще на съѣденiе жабно червемъ.

При нападенiи морскихъ оводовъ, рыбакову не нужны ни сила, ни опытность въ искусствѣ, ни изобрѣтательность рыбаковъныхъ средствъ.

словъ. Полагаютъ, что оводы выходятъ изъ своихъ вязкихъ убъжищъ, гдѣ кишать въ безчисленномъ множествѣ, и что часто они пожираютъ весь кормъ, опускаемый на удахъ для приманки рыбъ. Они нечувствительно заползаютъ въ жабры своихъ жертвъ и причиняютъ имъ мучительную боль, которая прекращается только со смертію рыбы, потому-что, кромѣ воспаленія этихъ чувствительныхъ частей отъ укушенія, полагаютъ что морскіе овода испускаютъ ядовитое вещество, которое, дѣйствуя на мозгъ рыбы, производитъ ея помѣшательство. Въ мученіяхъ боли, она прыгаетъ и предается неистовому бѣшенству, какъ-будто подстрекаемая какимъ-нибудь невидимымъ бичеваніемъ, мечется изъ стороны въ сторону. Думая облегчить нестерпимыя терзанія, однѣ начинаютъ плыть съ усиленною быстротою; другія, вѣв себя, бьются по водѣ и подсакиваютъ иногда такъ высоко, что попадаютъ на самыя большія суда; случается даже, что, вырвавшись изъ воды, онѣ бросаются трепещущія на берегъ, предпочитая покой смерти невыносимымъ страданіямъ, отъ которыхъ нѣтъ другаго избавленія.

Причина, по которой морскіе овода нападаютъ предпочтительно предъ другими рыбами на тунцовъ, объясняется тѣмъ, что у послѣднихъ кожа около жабръ очень вѣжна и тонка.

Главныя мѣста, гдѣ древніе народы ловили эту рыбу, были на берегахъ Византіи и Испаніи, потому-что Средиземное-море, служившася на этихъ двухъ оконечностяхъ, заставляло отряды рыбъ соединяться у береговъ. Восходъ Плеядъ (11 мая) былъ сигналомъ къ началу ловли, которая продолжалась до заката Арктуса (6 августа). Время ловли въ новѣйшія времена гораздо продолжительнѣе. Оно начинается въ первыхъ числахъ апрѣля и кончается не ранѣе послѣднихъ чиселъ сентября, почитаемого рыбаками за самый успѣшнѣйшій мѣсяцъ для ловли.

Куда скрываются тунцы въ остальное время года, этого никто не знаетъ.

Яррель, говоря о макрели или скумбрѣ, замѣчаетъ очень основательно, что онѣ удаляются отъ насъ, можетъ-быть, на гораздо меньшее пространство, какъ обыкновенно полагаютъ; что онѣ выходятъ изъ недостижимой для насъ глубины, для метанія икры у береговъ, и свершивъ этотъ процессъ, оставляютъ поверхность воды, и снова уплываютъ въ свои темныя, недостижимыя обиталища.

Въ наше время, ловля тунцовъ происходитъ, болѣею частію, посредствомъ сѣтей. Часто за одинъ разъ вылавливается болѣе пятнадцати тысячъ миріаграммовъ тунцовъ, а въ одну памятную для рыбаководовъ весну поймано въ одинъ день шестнадцать тысячъ рыбъ, изъ которыхъ каждая вѣсила отъ десяти до пятнадцати килограммовъ.

Въ Марсели существуетъ одиннадцать тоней. Пять изъ нихъ принадлежатъ правительству, шесть остальныхъ частнымъ лицамъ. *Мадраюю* называется большое пространство воды, окруженной сѣтями, въ которыя искусно направляютъ рыбу и изъ которыхъ, если она взшла въ нихъ, ей уже нѣтъ болѣе возврата. Сѣти мадрагъ имѣютъ видъ параллелограмма или удлиненнаго конуса, въ полтораста брассовъ или шести фу-

товыхъ сажень въ длину и сорока въ ширину. Этотъ параллелограммъ раздѣленъ на три отдѣленія. Ихъ отворяютъ и закрываютъ по произволу, посредствомъ особенной подводной сѣти. Къ верхней части надраги прикрѣплена еще сѣть, спускающаяся до дна и которую называютъ хвостомъ. Она вреграждаетъ снизу путь рыбѣ, и поворачиваясь тоже по произволу, загоняетъ ее въ отдѣленія. Какъ только сторожевая лодка замѣтитъ, что рыба вошла въ первое отдѣленіе, то опускаютъ подводную сѣть первой комнаты и тѣмъ запираютъ возвратъ рыбѣ; потомъ поднимаютъ сѣть втораго отдѣленія, и когда, слѣдуя такимъ порядкомъ, рыба проберется въ третье отдѣленіе сѣтей, въ которомъ петли гораздо мельче, его поднимаютъ на поверхность воды простымъ способомъ и начинаютъ бить рыбу остроугою, или просто забираютъ ее руками. Испанцы и Португальцы основали тоже ловли тунца съ большимъ успѣхомъ на своихъ берегахъ, и топи въ Ковилѣ, въ Андалузій, принадлежавшія герцогамъ Медина-Чели, долго процвѣтали. Онѣ совершенно уничтожились въ половинѣ прошлаго столѣтія. Послѣ лиссабонскаго землетрасенія прохождение рыбы не возобновлялось на андалузскихъ берегахъ.

Топпи Сардиніи наслѣдовали тонамъ Испаніи и Португаліи и, казалось, воспользовались богатствами этихъ странъ, отнятыми бѣдственнѣйшимъ земнымъ переворотомъ.

Это обстоятельство впрочемъ только обогатило сардинскія ловли, которыя существовали задолго до землетрасенія, и основаніе которыхъ, уже въ большихъ размѣрахъ, относится къ шестнадцатому столѣтію. Тунцы входили въ загоны Сардиніи въ продолженіе шести недѣль въ году, начиная почти всегда неизмѣнно съ извѣстнаго дня, въ который являлось вдругъ до пятидесяти тысячъ рыбъ. Нынѣ это число уменьшилось третью, но зато тунцы, посѣщающіе берега Сардиніи, замѣстны своимъ объемомъ и величиною, и превосходятъ въ этомъ отношеніи даже своихъ лійонскихъ собратій. Прежде чѣмъ исчислять достоинства тунца въ гастрономическомъ отношеніи, скажемъ нѣсколько словъ о качествѣ его мяса, которое совершенно измѣняется смотря по величинѣ. Молодой жареный тунецъ очень нѣженъ и не имѣетъ для вкуса ничего затхлаго или прогорѣлаго, что свойственно тунцу, уже молодому. Тунецъ въ двадцать и до тридцати фунтовъ вѣсомъ, или отъ трехъ до четырехъ футовъ длины, всегда нѣжевъ и пріятенъ на вкусъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ вырастаетъ, чѣмъ болѣе онъ выигрываетъ въ своемъ объемѣ и длинѣ, тѣмъ съ каждымъ днемъ болѣе утрачиваетъ свои гастрономическія качества.

Тунцы достигаютъ изумительныхъ размѣровъ. Тѣ, которые доходятъ только до ста фунтовъ вѣса, называются въ Сициліи Scampino, что выражаетъ въ простонародномъ нарѣчій хлѣбъ рыбы. Mezzotunno, или полутунецъ вѣситъ отъ ста до трехсотъ фунтовъ.

Четти увѣряетъ, что они достигаютъ тысячи ливровъ и что бывали случаи, когда попадали въ сѣти тунцы, вѣсившіе до восемнадцати центнеровъ.

Аристотель упоминаетъ объ тунцѣ въ двѣнадцать центнеровъ вѣсу,

у котораго ширина хвоста въ узкомъ мѣстѣ была въ два лотя. Наконецъ Пеннанъ, писавшій сто лѣтъ тому назадъ, говоритъ объ одномъ тунцѣ, пойманномъ у береговъ Иверарн, наволненномъ подъ кожей сельдями и вѣсившемъ шестьсотъ сорокъ фунтовъ, который опровергнулъ своимъ явленіемъ мѣтвіе Чорчила, увѣрявшаго, что въ Шотландіи всѣ породы такъ измелъчались, что, по его словамъ, тамъ, между прочимъ:

Тошій паукъ сосеть чалуд муху.

Одинъ изъ огромнѣйшихъ тунцовъ, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія, былъ присланъ Альдовранди какимъ-то важнымъ испанскимъ грандомъ. Этотъ китъ-тунецъ имѣлъ тридцать два фута длины и шестнадцать въ окружности въ самой толстой его части. Такъ какъ это свѣдѣніе основано на правдивости испанца, то непреложность его несомнѣнна.

Альдовранди приложилъ къ труду своему, подъ названіемъ: de Piscibus, рисунокъ упоминаемаго тунца, снятый въ 1565 близъ Гибралтара. Рисунокъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что «цѣлый флотъ кораблей изображенъ былъ на бокахъ рыбы, начиная отъ хвоста до жабръ».

Между рыбами, отличающимися твердостью своего мяса, Галиенъ помѣщаетъ: китовъ, дельфиновъ, тюленей и большихъ тунцовъ. Последніе, по словамъ его, столько же неудобоваримы, какъ и прочіе, хотя еще менѣе вкусны.

Грекъ Архистратъ, объѣхавшій свѣтъ съ единственною цѣлью удовлетворить прихотямъ своего желудка, передалъ потомству важное открытіе, что нельзя пренебрегать тунцами Константинополя, Каристіума и Сициліи, хотя они и уступаютъ вкусомъ тунцу Гапповіума въ Италіи. Что же касается до тунца самосскаго, то онъ достоинъ являться только на трапезѣ Юпитера и самаго Архистрата.

Греки предпочитали нижнюю часть тунца прочимъ частямъ. Атенеи рекомендуетъ готовить *Es ditotos*, то-есть, душевое мясо тунца съ лукомъ и другими острыми приправами, въ сравненіи съ которыми нашъ гусь съ капустой и лукомъ можетъ почестъся легкою, удобоваримою пищею.

Остальныя части тунца солили, мариновали и продавали подъ разными названіями; по Атенею подъ названіемъ *хитри* и *Фолласа*, а по Галиену подъ именемъ *мѣла контиха*. Брюшная часть почиталась лучшею, ее готовили въ свѣжемъ видѣ или маринованною. Она продается и нынѣ подъ названіемъ тарантеллы. Потомъ слѣдовала *homatorichum* или плечная часть, наконецъ сухія части: *melandrias*, *subias* и *ureas*. Последнія двѣ вырѣзываемы бывали обыкновенно кубическими кусками изъ спины и хвоста.

Приготовленіе мяса тунцовъ было совершаемо на мѣстѣ, сей часъ послѣ ловли, и состояло въ соленіи, маринованіи и вяленіи. Средства, употребляемыя для соленія, почти однѣ и тѣже, какъ при соленіи трески. Соленый тунецъ употребляется въ Италіи, Испаніи, Левантѣ и въ Сардиніи. Большая часть маринованнаго тунца посылается во Фран-

цію и Геную. Тушецъ раздѣляется на тридцать частей, для соленія, маринованія и вяленія. Для каждаго изъ этихъ трехъ способовъ сохраненія его мяса назначены особенныя части, имѣющія свои названія и свои отдѣльныя качества. Ничто не теряется въ этомъ истинно полезномъ животномъ, которое въ этомъ отношеніи точно можно назвать морской свиньею. Не говоря о природномъ жирѣ, которыми облиты мягкія части тушца, добываютъ еще, посредствомъ выварки, жиръ изъ хрящей, костей и плавательныхъ перьевъ. Этотъ жиръ годенъ для краски, для выдѣлки кожъ, и употребляется на фабрикахъ толстыхъ суконъ.

Древніе приписывали жиру и желчи тунца, сверхъ всего этого, еще много лекарственныхъ качествъ.

Тюльпаноманія. — Въ Англіи, кажется, опять возвращается страсть къ тюльпанамъ. Нѣкто Грумъ славится теперь въ Клангамѣ искусствомъ своимъ въ разведеніи ихъ. Садъ его представляетъ цѣлое море тюльпановъ, самыхъ великолѣпныхъ и разноцвѣтныхъ. Лучшіе изъ нихъ прикрыты канвою, защищающею ихъ отъ вѣтра. Тутъ есть экземпляры рѣдкой красоты. Лучшій тюльпанъ прозванъ *Маркизъ Бристоль* и продается за сто гиней (600 руб. сер.). Другой, *Герцогъ Девонширъ* менѣе красивъ, но привлекаетъ также всеобщее вниманіе.

Железная мостовая. — Въ Бостонѣ (Сосѣдственныхъ Штатахъ) дѣлаютъ теперь по Говардстритской-улицѣ железную мостовую. Она состоитъ изъ круглыхъ ящичковъ (boxes) въ 12 дюймовъ въ діаметрѣ и 5 вышиною, раздѣленныхъ на шесть отдѣловъ такъ, чтобы лошадиная подкова не умѣщалась на нихъ. Интервалы между ними будутъ наполнены щебнемъ, или составомъ изъ асфальта и крупнаго песку. Поверхность ящичка изрыта (grooved); чтобы лошадь не могла скользить, а по краямъ слѣданы возвышенія (keys), соответствующія окраинамъ ближайшихъ плитокъ. Толщина наружнаго края 1 дюймъ. Внутренность ящичка наполняется веществомъ, представляющимъ прочное сопротивленіе. Изобрѣтатель этой мостовой г. Терри. Полагаютъ, что она войдетъ въ употребленіе и будетъ прочнѣе всякой каменной мостовой.

Мезодонъ. — Въ собраніи Лондонскаго Королевскаго Общества профессоръ Оуенъ, (извѣстный палеонтологъ) читалъ описаніе одной исчезнувшей породы животныхъ въ Южной-Америкѣ — *мезодона*. Это родъ травоядныхъ млекопитающихъ. Названіе имъ дано по особенному устройству ихъ зубовъ. До-сихъ-поръ найдены кости разныхъ ве-

личинъ этой породы. Судя по однимъ костямъ, величина ихъ была съ барана, по другимъ—съ ламу, по третьимъ съ зебра, а по величайшимъ съ носорога.

Происхожденіе слова рококо.— Нѣмецкій писатель Бернгардъ разсказываетъ, что въ 1792 году, во время пребыванія французскихъ эмигрантовъ въ Кобленцѣ, одинъ изъ французскихъ принцевъ спросилъ однажды за обѣдомъ о мѣстѣ жительства одного эмигранта, торговавшего платьемъ. Нѣмецкій камердинеръ старался объяснить, что этотъ эмигрантъ живетъ на той же улицѣ, въ томъ домѣ, гдѣ на вывѣскѣ изображенъ сюртукъ. Нѣмецкое названіе *Роко* (Rock) было весьма невразумительно для французовъ. Они поочередно повторяли *роко, роко, ко...* Наконецъ всѣ захохотали, и положили называть этотъ магазинъ *рококо*.

Страшный поединокъ.— На-дняхъ былъ въ Парижѣ весьма страшный поединокъ. Два фіакра-соперника условились окончить свои споры и вражду дуэлью на *бичахъ*. У нихъ были секунданты и множество свидѣтелей. Бой продолжался болѣе четверти часа, и уже у одного была синяя полоса черезъ все лицо, а у другого былъ оторванъ кончикъ уха... Вдругъ полиція, увидѣвъ многолюдное сходбище, взяло въ свое распоряженіе ратоборцевъ, а прочихъ разогнала.

Выгодное предложеніе.— Г. Барнумъ, величайшій спекуляторъ въ Соединенныхъ Штатахъ, считалъ, что во всѣхъ Штатахъ выпивается въ годъ на 250 милліоновъ долларовъ крѣпкихъ напитковъ. Изъ нихъ въ Нью-Йоркѣ истрачивается на это 25 милліоновъ. Онъ предложилъ городовому правленію Нью-Йорка заплатить ему эти 25 милліоновъ, запретивъ на одинъ годъ продажу крѣпкихъ напитковъ. За это онъ обязывается заплатить всѣ налоги и повинности за жителей, воспитывать всѣхъ дѣтей въ хорошихъ училищахъ, учредить въ каждомъ семействѣ бібліотеку изъ ста лучшихъ книгъ по выбору, доставить каждой семьѣ по три бочки муки, каждой женщинѣ и дѣвушкѣ по шелковому платью, каждому мужчинѣ полное платье и свободный входъ во всѣ музеи.

Городовое правленіе не отвѣчало еще ничего на это предложеніе.

Электрическія пали.— Въ англійскихъ газетахъ разсказываютъ, что-такъ называемыя электрическія пали сильно раскупаются теперь

Онѣ довольно тяжеловѣсны и въ наконечникѣ имѣютъ электрическій аппаратъ. Если наконечникомъ ударить въ твердое тѣло, то получается электрическая струя, освѣщающая все вокругъ на десять мннутъ.

Новое шампанское. — На балу парижской законодательной палаты подавали въ первый разъ новое шампанское, прозванное императорскимъ, въ честь Луи Наполеона. Виноторговый домъ Мулива въ Реймсѣ и Франкфуртъ взяли теперь поставлять это вино. Отличіемъ ему служить орелъ на пробкѣ. Вкусомъ оно не уступаетъ Клико.

Заказы обѣда по телеграфу. — На желѣзной дорогѣ изъ Нью-Йорка въ Буффало дается каждому пассажиру карта кушаньевъ и винъ содѣлателя слѣдующей станціи. Выбравъ себѣ что угодно, отдаетъ онъ кондуктору записку и деньги. Тотъ по электрическому телеграфу передаетъ на станцію полученные имъ заказы, и вручаетъ каждому пассажиру нумеръ, подъ которымъ переданы его требованія. По пріѣздѣ на станцію, каждый легко отыскиваетъ свой нумеръ на приготовленномъ столѣ, гдѣ уже все готово, что онъ приказывалъ. Послѣ чего никакой бѣготни слугъ и расчетовъ неужно. Не сказавъ ни слова, всякій съѣдаетъ и выпиваетъ что заранѣе заказалъ, и уѣзжаетъ далѣе.

Странная судьба одной женщины. — Клодина Франциска Миньо была дочерью одной овощной торговки въ Греноблѣ. Едва минуло ей шестнадцать лѣтъ, какъ одинъ секретарь влюбился въ нее и предложилъ ей свою руку. Но одинъ изъ его доброжелателей, имѣвшій большое вліяніе на всѣ его предпріятія, настоятельно отсовѣтовалъ ему этотъ неровный бракъ, и наконецъ убѣдилъ подождать годъ.

Однажды этотъ другъ загнанъ былъ проливнымъ дождемъ въ какой-то домикъ. Это было жилище матери Клодины. Пьеръ-де-Портъ увидѣлъ Клодину, и забывъ свои совѣты, данныя секретарю, самъ влюбился въ нее и предложилъ свою руку. Получивъ согласіе матери и дочери, онъ тотчасъ же отпраздновалъ свадьбу, и никогда не раскался въ этомъ торопливомъ поступкѣ. Онъ чрезвычайно разбогатѣлъ, потому-что жена вела всѣ дѣла его и съ молодыхъ лѣтъ приучила себя къ умѣренности и порядку.

Онъ скончался, оставивъ все свое имѣніе женѣ. Наслѣдники, разумѣется, завели съ нею тяжбу, и она принуждена была отправиться въ Парижъ. Здѣсь у мужа былъ старинный знакомый и покровитель.

маршалъ Лопиталь. Она обратилась къ нему съ просьбою о ходатайствѣ по наследству, и тотъ такъ усердно взялся за это дѣло, что Клодина выиграла его. Но послѣдствіемъ этого было то, что маршалъ влюбился въ молодую вдову своего друга и женился на ней.

И въ этомъ званіи Клодина сохранила свою любовь къ порядку, хотя съ честью поддерживала блескъ и пышность мужа, который вполнѣ былъ счастливъ и доволенъ ея любовію, нѣжностію и заботливостію. Но увы! ему было уже 75 лѣтъ, и онъ скорѣ скончался, оставя ей все свое имѣніе.

Продавъ помѣстье Ровей, она поселилась въ парижскомъ своемъ отелѣ, и продолжала жить открыто и пышно, но безъ малѣйшаго нареканія своему имени. Къ ней съѣзжалось все высшее общество, и между прочимъ король польскій Іоаннъ Казимиръ, сложившій съ себя корону и поселившійся во Франціи, гдѣ Лудовикъ XIV назначилъ на содержаніе его аббатство Сень-Жермень де-Пре, Сень-Торенъ въ Еврѣ и Сень-Мартенъ въ Неверѣ. Король, ежедневно посѣщая прелестную вдову, покорился ея красотѣ, уму и добродѣтели. Бракъ ихъ празднованъ былъ въ придворной церкви.

Только шесть недѣль продолжалось счастье новобрачныхъ. Король скончался, Клодина же, чтя память его, удалилась въ кармелитскій монастырь, гдѣ прожила до девятидесятилѣтней старости. Она умерла 30 ноября 1711 года.

тайна. (Разсказъ). Въ восьмидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, поселился въ Гаврѣ купецъ, по имени Жанъ Баптистъ Веронъ и основалъ торговое заведеніе на южной набережной, близъ таможи. Онъ объявилъ себя переселенцемъ изъ южной Франціи. Онъ былъ вдовъ, и съ нимъ былъ малолѣтній единственный сынъ его. Онъ привезъ изъ Парижа много рекомендательныхъ писемъ и имѣлъ обширные кредиты на многіе значительные торговые дома.

Съ этими значительными средствами сталъ онъ вести торговлю дѣятельно и честно. Всѣ охотно вступали съ нимъ въ сношенія, и скорѣ кругъ дѣйствій его чрезвычайно распространился, такъ, что чрезъ пятнадцать лѣтъ потомъ, сдѣлался онъ однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ Франціи. Самая торговля Гавра и благосостояніе города многимъ были ему обязаны.

И однакоже сограждане не любили его. Въ характерѣ его было много непріятныхъ сторонъ. Онъ былъ гордъ, неумолимъ, непреклоненъ, подозрителенъ, и эти качества легко возбуждали неудовольствія многихъ. Друзей у него совсѣмъ не было. Подитици онъ чуждался и не принадлежалъ ни къ какой партіи. Сперва старались вовлечь его въ разныя политическія общества, но онъ рѣшительно отъ

всѣхъ отназывался. А какъ онъ былъ вдовъ и богатъ, то многіа наменьки прочли его въ женихи своимъ дочерямъ, но и тутъ не успѣли завлечь его ни въ одиѣ сѣти. Онъ всякій разъ отвѣчалъ, что ищетъ сына, хочетъ для него одного трудиться.

Такимъ-образомъ прошли мимо г. Верона республика, директорія, имперія, и настала реставрація. Только тутъ оказалось нѣкоторое измѣненіе въ образѣ жизни гаврскаго негодянта. Онъ построилъ себѣ близъ Гавра, на морскомъ берегу, прекрасный загородный домъ, прозвалъ его Монбизу и началъ разсылать своимъ знакомымъ визитныя карточки, на которыхъ сказано было: Ж. Б. Веронъ, владѣтель Монбизу, Эгювила и проч.

Вскорѣ узнали, что онъ подружился съ однимъ изъ эмигрантскихъ аристократическихъ домовъ, де-Мерадъ. А какъ извѣстно было, что шевалье де-Мерадъ и дочь его, тридцатилѣтняя дѣва Гевриетта, были чрезвычайно горды и безпрестанно говорили о своихъ предкахъ, то изъ этого и заключили, что Веронъ представилъ Мераду доказательства въ своемъ дворянскомъ происхожденіи, хотя обстоятельства и принудили его заняться торговлею. Другіе же утверждали, что всѣ доказательства состояли въ деньгахъ; что Веронъ хочетъ женить своего сына на дочери Мерада и даетъ новобрачнымъ 300,000 фр

Евгеній Веронъ былъ прекрасный молодой человекъ, котораго весь городъ любилъ и уважалъ за душевныя его качества. Онъ ничего не зналъ о послѣднихъ городскихъ слухахъ, но однажды, когда ровно въ пять часовъ кончилась письменная работа въ конторѣ отца, тотъ со всегдашнимъ своимъ хладнокровіемъ обратился къ Евгенію и сказалъ ему:

— У меня есть важная для тебя новость, Евгеній. Я успѣлъ устранить всѣ препятствія аристократической гордости шевалье де-Мерала и бракъ твой съ дочерью его рѣшенъ наконецъ.

— Какъ! вскричалъ Евгеній съ изумленіемъ. Я долженъ жепиться?

— Разумѣется, отвѣчалъ отецъ очень спокойно. Свадебный контрактъ уже составленъ—и въ поведѣльникъ будетъ торжественно написано.

— Но, батюшка, дѣвица Мерадъ пятью годами старѣе меня...

— Что за бѣда! Зато союзъ этотъ самый выгодный и почетный. Я нарочно не хотѣлъ говорить тебѣ о немъ, покуда еще были препятствія; но наконецъ я успѣлъ устранить ихъ. Я для васъ устраиваю Монбизу; это будетъ прекрасное мѣстопробываніе для новобрачныхъ.

— Но помилюйте, сказалъ Евгеній: дѣвица Мерадъ мнѣ вовсе не нравится.

— И это не бѣда! Полно дурачиться, Евгеній. Я ужъ тебѣ сказалъ, что это дѣло кончено, и ты долженъ исполнить волю мою... Въ противномъ случаѣ... можешь на будущее время жить собственными средствами и не надѣяться на помощь мою при жизни, ни на наслѣдство послѣ смерти.

Послѣ этихъ словъ старикъ Веронъ взялъ шляпу и ушелъ.

Евгеній не смѣлъ ни остановить его, ни сказать ему слова въ отвѣтъ. Оставшись одинъ, онъ погружался въ самыя печальныя мысли.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ, уничтоженный приказаніемъ отца, которому неизбежно долженъ былъ повиноваться. Я не повиню Аделину, батюшка пойметъ мои страданія. Нѣтъ!.. Но прежде всего надобно посоветоваться съ Эдуардомъ.

Въ минуту взбѣжалъ онъ вѣскольکو ступенекъ вверхъ по лѣстницѣ, и очутился у брата Аделины, Эдуарда Леблана, перваго бухгалтера Вероновой конторы.

Въ короткихъ словахъ, но съ большимъ жаромъ разсказалъ Евгеній всю сцену съ отцемъ, и Эдуардъ душевно пожалѣлъ о разрушеніи всѣхъ надеждъ сестры, но сознавался, что онъ всегда предвидѣлъ сопротивленіе со стороны старика Верона. Надобно было однакоже сробѣщать печальное это извѣстіе Аделинѣ, и оба они отпра- вились на квартиру матери Эдуарда, жившей съ Аделиною въ Энгувиль.

Здѣсь Евгеній, увидя Аделину, забывъ, въ разговорахъ съ нею, зачѣмъ пришелъ, а если и вспомнилъ слова отца, то не рѣшался отравлять счастливыя минуты свиданія ужасною вѣстью. Зато Эдуардъ тотчасъ же увелъ мать въ другую комнату и все ей разсказалъ.

Это была умная женщина. Ей давно не нравились частыя посѣщенія Евгенія и любовь его къ ея дочери; но зная честныя правила молодого человѣка, она втайнѣ не отвергала возможности соединенія между ними—и допускала посѣщенія Евгенія. Только теперь почувствовала она все свое неблагоразуміе, и тотчасъ же, оставя Эдуарда, воротилась въ ту комнату, гдѣ сидѣли возлюбленные.

— Евгеній, — сказала она молодому человѣку: мнѣ нужно съ вамъ переговорить.

Онъ понялъ въ чемъ дѣло, и молча послѣдовалъ за нею въ другую комнату.

— Г. Веронъ! продолжала она. Я все знаю. Воля вашего родителя для меня священна. Съ этой же минуты должны вы прекратить всякое сношеніе съ Аделиною...

— Вы меня приводите въ отчаяніе, — отвѣчалъ онъ. Эдуардъ сказалъ вамъ о предположеніяхъ батюшки... но это несбыточный бракъ... Клянусь вамъ, что я никогда не перестану любить Аделины.

— Не расточайте бесполезныхъ клятвъ, г. Веронъ. Мы здѣсь играемъ не комедію Я знаю свѣтъ давно, — и честь моей дочери должна быть чиста въ общественномъ мнѣніи. Вы должны будете повиноваться родителю, иначе и вы будете осуждены этимъ же мнѣніемъ. Аделина современемъ утѣшится... Отложимъ же всторону эти романы, и поговоримъ о существенности, которая гораздо опаснѣе и ужаснѣе. Эдуардъ открылъ мнѣ сейчасъ другую тайну. Вашъ батюшка даетъ вамъ довольно значительное содержаніе. Надѣясь на это, вы взяли на-дняхъ

изъ кассы у Эдуарда двѣ тыщи франковъ. Вы рассчитывали ихъ отдать до перваго числа, то-есть до повѣрки кассы. Еслибъ вы по-вѣрились батюшкѣ, то безъ сомнѣнн онъ вамъ выдалъ бы въдесятеро больше на мелочныя покупки жениха; но теперь онъ нарочно не дастъ вамъ ни одного франка, покуда вы не покоритесь. Слѣдовательно, вы къ первому числу не въ состоянн будете возвратитъ денегъ въ кассу. По этому Эдуардъ мой не только будетъ лишень мѣста, но и обезчещень приговоромъ суда.

— Ради Бога успокойтесь,—съ живостію сказала Евгеній: это такая незначительная сумма, что я завтра же внесу ее.

— А откуда вы ее возьмете?..

— Признаюсь, еще не знаю,—но конечно всѣ мои знакомые...

— Всѣ они вѣрятъ кредиту и богатству вашего отца... Но я не хочу еще болѣе огорчать васъ. Прошу васъ только озаботитъся прежде всего спасеніемъ Эдуарда... Вы знаете, что я съ дочерью буду завтра весь день у г-жи Карсонъ. Если вы достанете денегъ и пополните кассу, то прошу васъ зайти къ намъ туда и обрадовать меня... Теперь же позвольте съ вами проститъся...

Евгеній откланялся и хотѣлъ воротитъся къ Аделинѣ.

— Нѣтъ, F. Веронъ,—сказала мать. Прошу васъ съ нею уже не вѣдѣться. Это необходимо для ея спокойствія и чести.

На другое утро отецъ и сынъ сошлись за завтракомъ, но оба хранили молчаніе. отецъ былъ угрюмъ, сынъ не смѣлъ начать разговора. Послѣ завтрака отецъ спросилъ у Евгенія:

— Надумался ли ты со вчерашняго дня? Рѣшился ли повиноватъся моему волѣ?

Евгеній съ жаромъ выразилъ отцу всѣ свои чувства любви, преданности и покорности, но умолялъ спасти его отъ предлагаемаго брака, потому-что далъ уже слово и клятву принадлежать другой.

— Да! слышалъ! прервалъ его отецъ. Ты ухаживаешь, за сестрою бухгалтеря моего Эдуарда. Но я думалъ, что это шутка. Неужели ты могъ думать, что я позволю тебѣ женитъся на дочери какого-то убитаго подпоручика наполеоновской арміи?

— Поручика гвардіи, возразилъ Евгеній.

— На дѣвушкѣ, прибавилъ отецъ, которая шьетъ и вышиваетъ за деньги.

— Развѣ трудолюбіе порокъ?

— Да я-то не хочу, чтобъ ты женился на нищей... Впрочемъ, чтобъ доказать тебѣ мое снисхожденіе, я не буду торопить тебя. Подумай, обсуди,—я подожду.

Сказавъ это, отецъ хотѣлъ идти, но Евгеній остановилъ его.

— У меня къ вамъ есть просьба. Хотя я, какъ вы знаете, веду самую акуратную жизнь, но... я сбѣлалъ нѣкоторые долги... всего двѣ тыщи франковъ, которые мнѣ сегодня же должно заплатитъ...

— Двѣ тысячи!—медленно повторилъ отецъ, насмѣшливо глядя на Евгенія.—Хорошо! Пришли мнѣ счеты и тѣхъ людей, которымъ ты долженъ,—я заплачу.

— Но это не такой долгъ... я проигралъ... на честное слово...

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ не могу помочь. Ты знаешь, я больше всего ненавижу игру и игроковъ. Прощай..

Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя Евгенія въ ужаснѣйшемъ положеніи. Онъ поутру посылая уже записки къ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ, прося ихъ о ссудѣ двухъ тысячъ франковъ, но всѣ прислали отбѣты съ разными извиненіями. Съ отчаянія рѣшился онъ обратиться къ отцу—и тотъ отказалъ.

Отправясь въ контору, для всенедельныхъ занятій, Евгеній сообщилъ Эдуарду о своихъ неудачныхъ попыткахъ, но старался однако же успокоить его, увѣряя, что достанетъ денегъ. Приходъ старика Верона прервалъ ихъ разговоръ. Веронъ по обыкновенію занялся бумагами и ничего не говорилъ ни съ нимъ, ни съ Эдуардомъ; но передъ выходомъ подозвалъ къ себѣ послѣдняго,—и съ принужденною ласковостію сказалъ ему:

— Г. Лебланъ! обстоятельства принуждаютъ меня отказать вамъ отъ службы въ моей конторѣ...

— Чѣмъ я заслужилъ эту немилость? — спросилъ съ изумленіемъ Эдуардъ.

— А какъ, по обычаю, я долженъ былъ предварить васъ объ этомъ за мѣсяцъ впередъ, то вы и имѣете право на полученіе мѣсячнаго жалованья впередъ. Вы можете ввать ихъ въ кассѣ, которую мнѣ сдадите завтра поутру.

— Но я смѣю повторить свой вопросъ: чѣмъ заслужилъ я?..

— Позвольте мнѣ не отдавать вамъ въ этомъ отчета. Но съ завтрашняго дня вы уже у меня не въ службѣ. Я даю вамъ мѣсячное жалованье и хорошій аттестатъ, надѣясь, что состояніе кассы въ исправности...

— Значить я погибъ! вскричалъ Эдуардъ.

Тутъ рассказалъ онъ Верону, что убѣжденный просьбами его сына, выдалъ ему изъ кассы двѣ тысячи франковъ, въ полной увѣренности, что до конца мѣсяца Евгеній внесетъ эту сумму.

— Да! вскричалъ Евгеній, бросаясь къ ногамъ отца. Это правда, и я одинъ во всемъ виноватъ.

Молча выслушалъ все это Веронъ, и хладнокровно отвѣчалъ Эдуарду.

— И такъ вы сознаетесь, г. Лебланъ, что обокрали меня на двѣ тысячи франковъ. Вы понимаете, что я не могу принять въ законное оправданіе просьбы моего сына... тѣмъ больше, что по знакомству его съ вашею сестрицею можетъ быть эти деньги ей же пошли на подарокъ. И такъ вотъ мое послѣднее рѣшеніе. Теперь пять часовъ. Чтобъ

пополнить кассу, я вамъ даю срокъ до семи часовъ. Послѣ этого требую предписаніе полиціи для взятія васъ подъ стражу, и завтра поутру, велю васъ отвести въ тюрьму...

— Батюшка! ради Бога! Что вы дѣлаете? въ совершенномъ отчаяніи вскричалъ Евгений.

— Ты же, Евгений, заставляешь меня быть строгимъ, отвѣчалъ отецъ. Ты же губишь своего друга. Я ему далъ до семи часовъ срокъ. Этотъ же срокъ даю я и тебѣ. Въ семь часовъ буду я въ соборной церкви, у вечерни, по случаю сегодняшняго праздника. Двадцать минутъ пробуду я въ церкви. Если ты согласишься повиноваться мнѣ, то приходи въ церковь и объяви мнѣ свое согласіе; тогда все останется между нами по старому. Если же не придеши, то Эдуардъ будетъ въ тюрьмѣ, а ты можешь искать самъ, чѣмъ жить на будущее время.

Послѣ этого старикъ ушелъ, а молодые люди рѣшились идти къ г-жѣ Карсонъ, у которой была мать Эдуарда и Аделина.

Г-жа Карсонъ была живая, красивая, тридцатилѣтняя вдова, содержавшая пирожную и конфектную лавку, которая всегда была наполнена посѣтителями, привлеченными веселою и откровенною любезностію хозяйки. Г-жа Карсонъ давно уже собиралась выйти замужъ за Эдуарда, который чувствовалъ къ ней большую склонность, но ей хотѣлось сперва нажить себѣ достаточный капиталъ, чтобъ прекратить торговлю.

Часто завѣзжалъ къ г-жѣ Карсонъ и старикъ Веронъ, полюбя ее живой и веселый разговоръ, а также вкусныя пирожки ея. Началомъ ихъ знакомства было происшествіе, случившееся съ Верономъ. Торопясь однажды пѣшкомъ на биржу, въ гололедицу, онъ упалъ и такъ сильно ударился головою, что пришелъ въ безпамятство. Это случилось передъ лавкою г-жи Карсонъ. Та тотчасъ же велѣла ввести его къ себѣ и послала за докторомъ; Верону пустили кровь, онъ пришелъ въ чувство и отвезенъ былъ домой. Врачъ объявилъ ему, что онъ спасеніемъ своимъ обязанъ заботливости г-жи Карсонъ, и съ-тѣхъ-поръ Веронъ часто заходилъ къ ней.

Къ ней-то явились Евгений и Эдуардъ, найдя уже тамъ Аделину и мать ея. Всѣ четверо рассказали ей свое дѣло и несчастіе угрожающее Эдуарду. Къ общему изумленію, г-жа Карсонъ не только не была тронута и опечалена ихъ рассказомъ, но даже сдѣлалась веселѣе прежняго.

— Да онъ просто чудовище! вскричала она, говоря о старикѣ Веронѣ... Постоите, я пойду къ нему и урезоню его.

При этомъ она схватила шляпку, шаль, перчатки и хотѣла идти.

— Куда вы, любезная Эмилиа? спросила г-жа Лебланъ. Неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ воображаете, что можете убѣдить этого гордаго и непреклоннаго человѣка?

— Почему знать? смѣясь отвѣчала г-жа Карсонъ. Я еще молода, рна собою, умѣю болтать...

— Но на него не подѣйствуетъ ничто на свѣтѣ, прибавилъ Эдуардъ. Почему, говоря о своей красотѣ и любезности, вы не должны забыть, что вы моя невѣста.

— О! помню, очень хорошо помню, отвѣчала г-жа Карсонъ, а бы не возбудить вашей ревности, я сейчасъ же отправлюсь на вѣчу г-ну Верону скажу ему слова два... Прощайте! друзья и не унывайте. Я иду; надѣйтесь на Бога.

Она ушла; нѣсколько минутъ были всѣ въ недоумѣніи.

— Что она хочетъ дѣлать? сказалъ Эдуардъ. Ужъ не намѣрена ли заплатить за меня?

— Я не допущу до этого! вскричалъ Евгений.

— Вы не имѣете никакого права, сказала г-жа Дебланъ, препятствовать Эмили спасти моего сына и своего жениха. Я ей буду очень благодарна за такой великодушный поступокъ... Но, кажется, она не шла съ собою денегъ... У нея что-нибудь другое въ головѣ...

— А вотъ это я сейчасъ узнаю, сказалъ Эдуардъ. Я пойду вслѣдъ нею, и если не услышу ея разговора съ г. Верономъ, то увижу по лицамъ ихъ успѣхъ или неудачу ея намѣреній.

Черезъ нѣсколько минутъ догналъ онъ ее у входа въ церковь, и идѣлъ, какъ она встрѣтивъ старика въ толпѣ народа, тихо ударила его по плечу. Тотъ быстро обернулся и гордо посмотрѣлъ, кто такъ фамильярно потревожилъ его; видъ пирожницы вовсе не смягчилъ угрюмаго выраженія лица его. Г-жа Карсонъ наклонилась къ нему и шепнула ему нѣсколько словъ, но Веронъ отрицательно кивнулъ головою и отвернулся отъ нея. Послѣ этого г-жа Карсонъ вторично еще ближе наклонилась къ нему и еще что-то шепнула. Но на этотъ разъ слова пирожницы какъ электрическимъ ударомъ потрясли старика. Онъ немедленно вскочилъ и съ какимъ-то ошѣпенѣніемъ смотрѣлъ на нее.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія съ обѣихъ сторонъ, г-жа Карсонъ повелительно кивнула Верону, чтобъ онъ слѣдовалъ за нею, и тотъ въ ту же минуту повиновался. Хотя онъ и полагъ ей руку, но по нетвердымъ его шагамъ видно было, что не онъ ее, а она его ведетъ. Эдуардъ видѣлъ, какъ они вышли вмѣстѣ, сѣли въ карету Верона и уѣхали.

Эдуардъ побѣжалъ назадъ къ своей матери и рассказалъ тамъ все, что видѣлъ. Всеобщее недоумѣніе еще болѣе усилилось, но напрасно старались придумать разгадку этой спены. Прошло восемь, девять, десять часовъ; наконецъ, во всеобщему изумленію подѣхала карета Верона, — и онъ вышелъ оттуда съ г-жею Карсонъ, а за ними одинъ извѣстный нотаріусъ съ нѣсколькими бумагами, которыя при входѣ въ комнату положилъ безъ церемоніи на столъ.

Черты лица Верона были самыя разстроенныя. Походка его похожа была на походку лунатика, дѣйствующаго подъ вліяніемъ какой-то непостижимой силы. Даже г-жа Карсонъ была блѣдна и взволнована, но

впрочемъ сохранила всегдѣшнюю свою любезность, веселость и гостеприимность. Она первая нарушила всеобщее молчаніе.

— Вообразите себѣ, друзья мои, сказала она, обратясь къ прочимъ какъ добръ и великодушнѣе г. Веронъ. Онъ было подалъ объявленіе какую-то ошибку въ его кассѣ, но потомъ вспомнилъ, что самъ взял изъ нея двѣ тысячи франковъ, не давши Эдуарду росписки, — и теперь прѣхалъ извиниться передъ его семействомъ въ своей забывчивости и несенномъ безпокойствѣ.

— Да! — прибавилъ Веронъ: всѣ счеты совершенно вѣрны, — и не понимаю, какъ могъ забыть... Извините меня, г. Деблавъ. Вы не окажете большое одолженіе, если останетесь моимъ бухгалтеромъ, с прибавкою тысячи франковъ въ годъ жалованья.

Всѣ бросились благодарить его.

— Пойдите, — сказала г-жа Карсонъ: онъ вамъ готовитъ другой пріятѣйшій сюрпризъ. Прочтите, г. Бурдонъ, бумаги, которыя мы такъ скоро и прекрасно составили.

Нотаріусъ улыбнулся — и прочелъ свадебный контрактъ Евгеніи Верона съ Аделиною Деблавъ, — съ тѣмъ, что въ день брака Евгенія получитъ въ свое собственное владѣніе Монбизу, съ 300,000 франковъ наличными деньгами, — и что съ этого дня торговый домъ Верона будетъ уже называться *Верона и сына*.

Когда чтеніе было кончено, г-жа Карсонъ подала старику Верону перо для подписанія контракта.

— Ваша подпись всего важнѣе, — сказала она кокетливо, но съ нѣкоторымъ повелительнымъ видомъ: — такъ вамъ и начинать.

Со вздохомъ подписалъ тотъ контрактъ и приложилъ печать. Послѣ него г-жа Карсонъ подводила поочередно всѣхъ и заставляла подписываться подъ диктовку нотаріуса.

Когда вся формальная процедура кончилась, г-жа Карсонъ обратилась къ Верону и нотаріусу.

— Однако уже поздно, господа. Вы вѣрно торопитесь домой, отдохнуть. Мы васъ не станемъ задерживать. Для выраженія нашей благодарности г ну Верону будете еще много времени.

При этомъ подала она ему руку, которую тотъ съ учтивостію поцѣловалъ и ушелъ вмѣстѣ съ нотаріусомъ.

— Чтѣ все это значить? вскричалъ Евгеній, когда отецъ его ушелъ; мнѣ кажется, что все это во снѣ.

Всѣ пристали къ г-жѣ Карсонъ и просили ее растолковать тайну.

— Тутъ нѣтъ никакой тайны! сказала она, весело смѣясь. Вѣдь никто изъ васъ не пытался просить старика убѣдительно и краснорѣчиво, Я попробовала — и мнѣ удалось. Можетъ-быть, судьба наградила меня такою любезностію и краснорѣчіемъ, которымъ нельзя противиться.

Разумѣется никто этому не вѣрилъ. Евгеній сталъ разбирать оставленные нотаріусомъ бумаги и нашелъ еще вексель въ пятьдесятъ тысячъ на имя г-жи Карсонъ отъ г. Верона.

— А это чтѣ? — вскричалъ онъ.

— Это приданое Эдуарду, — отвѣчала Эмилія. Я призналась доброму

старину, что давно уже невеста Эдуарда, но что наши финансы такъ плохи, что мы должны еще года два откладывать свадьбу, и г. Веронъ тотчасъ же объявилъ, что хочетъ видѣть объ свадьбы въ одинъ день.

Дѣйствительно, къ удивленію всего города, объ свадьбы правдываны были десять дней спустя. Г. Веронъ присутствовалъ при нихъ, но на другой же день переѣхалъ въ уединенный домъ за городомъ, передавъ все управленіе дѣлами своему сыну.

Каждый день почти навѣщали его объ четы—и старались любовью услужливостію, нѣжностію и попеченіями доказать ему свою благодарность. Старикъ принималъ эти выраженія съ признательностію, но по всему было видно, что какая-то тайна тяготитъ его. Онъ впалъ, въ глубокую задумчивость, которая черезъ годъ и свела его въ могилу. Смерть его сопровождалась угрызениями совѣсти и мученіями, которыя навели ужасъ на окружающихъ.

Въ завѣщаніи своемъ оставилъ онъ все своему сыну, назначивъ только г-жѣ Карсонъ еще пятьдесятъ тысячъ франковъ съ просьбою: *сохранить на всю жизнь обязанності, которая она на себя приняла въ извѣстный ей роковой день.*

Скорая смерть Верона, это завѣщаніе, прежній его подарокъ г-жѣ Карсонъ,—все это возбудило въ народѣ разныя слухи. Стали даже говорить, что онъ былъ отравленъ, — и генераль-прокуроръ принужденъ былъ произвестъ судебное слѣдствіе.

Оно открыло всю тайну.

Оказалось по документамъ, что старикъ Веронъ былъ сынъ значительной фамиліи, поселившейся въ Вестъ-Индіи. Тамъ провелъ онъ свою молодость самымъ буйнымъ образомъ, и однажды въ ссорѣ умертвилъ одного изъ своихъ друзей. Онъ былъ взятъ, судимъ уголовнымъ судомъ и приговоренъ къ галерамъ, на которыхъ и пробылъ нѣсколько лѣтъ.

Однажды онъ успѣлъ бѣжать, и спасся на одномъ купеческомъ кораблѣ, гдѣ нанялся въ матросы. Приѣхавъ во Францію, онъ успѣлъ поступить въ торговый домъ и отличился честностію и усердіемъ. Началась революція. Онъ спасъ своего хозяина отъ демагоговъ, женился на его дочери,—и когда тестъ его умеръ, онъ переселился въ Гавръ, гдѣ завелъ собственный свой торговый домъ.

Остальное извѣстно.—Возвратимся къ разсказу и вспомнимъ сцену, когда Веронъ упалъ и безъ чувствъ внесенъ былъ въ жилище г-жи Карсонъ. Та была одна—и спѣшила подать ему всевозможную помощь. При этомъ вдругъ увидѣла она на плечѣ роковое клеймо галерныхъ невольниковъ, Т. F. (*travaux forcés*). Она поспѣшно закрыла это и никому не говорила

Только въ ту минуту, какъ пришла хлопотать за Эдуарда и Евгенія, она, послѣ первой неудачной попытки, сказала Верону повелительно:

— Галерный невольникъ! иди за мною.

Веронъ съ ужасомъ повиновался. Онъ чувствовалъ, что отъ скромно-

сти этой женщины зависитъ вся его жизнь и честь. Но та торжественно клялась сохранить тайну по гробъ. Только судебное слѣдствіе вынудило ея признаніе, что не освободило, однакоже, Эмилию Карсонъ отъ заслуженнаго наказанія за необъявленіе правительству о преступникѣ, въ то самое время, когда она узнала объ этомъ.

Евгеній Вернонъ, принявъ фамилію своихъ предковъ, переселился съ Эдуардомъ въ Парижъ, гдѣ оба и основали одинъ торговый домъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Лѣто и журналы.—Раздѣленіе литературы, необозначенное въ риторикахъ. — Вариантъ стиховъ Тредиаковскаго.—Послѣднее сказаніе рецензента русскихъ журналовъ.—*Библиотека для чтенія* за іюнь и іюль.—Лѣтнія и зимнія статьи.—Переводная критика.—Итальянскій языкъ Литературной Летописи.—Опечатки и этимологическіе выводы.—Романъ г. Масальскаго, печатающійся въ третій разъ.—Повѣсть *Килгилла*. — Великосвѣтскость, риторика и грамматика.—Новыя мысли госпожи Надежды В*, взятая изъ стараго источника.—*Габриэль Эмилія Ожье* въ переводѣ г-на Крешева.—Слабые стили и неточность перевода.—Сравненія съ подлинникомъ.—Какъ обращается г. Крешевъ со стихами Ожье. Желанія Библиотеки для чтенія.—*Современникъ* въ лѣтніе мѣсяцы.—Четвертая часть *Рыбаковъ*.—Неправильность языка.—Стихи и проза г-на Полонскаго.—Латинская комедія, переведенная не по-русски.—Ученныя и критическія статьи.—Буква *emta*.—*Смѣсь и Новый Поэтъ*.—Старыя желанія.—Іюньская, іюльская и августовская книжки *Отечественныхъ Записокъ*.—*Марья Ивановна*, романъ г. Михайлова.—Различаютъ ли Отечественныя Записки дурные стихи отъ хорошихъ?—Рецензія поэмы г-жи Хвоцинской.—Серьезныя статьи.—Журналъ учено-литературный и литературно-ученый.—Старые писатели и новые журналы.

Іюнь! Іюль! мѣсяцы лѣтніе, мѣсяцы жаркіе, со свѣтлыми ночами, со свѣжимъ воздухомъ, съ загородными поѣздками, съ дачными вечерами, съ садовой музыкой, для иныхъ съ любовью и поэзіей, для другихъ съ преферансомъ на чистомъ воздухѣ, для нѣкоторыхъ съ флюсами и ревматизмами, съ пріятной лѣтнью для всѣхъ—а для журналистовъ въ-особенности; мѣсяцы, богатые свѣжею зеленью и не советѣмъ свѣжими статейками въ журналахъ, обильные комарами и даровыми сотрудниками; мѣсяцы, въ которые въ головѣ развиваются новыя мысли, въ сера-

цѣ живыя, часто непрощенныя ощущенія, въ запасныхъ картонахъ редакцій статьи, отмѣченныя краснорѣчивою надписью: *для лѣта*. Журнальную литературу предлагалъ кто-то раздѣлить на *зимнюю и лѣтнюю*. Основанія этого дѣленія дѣйствительно весьма уважительны, гораздо уважительнѣе многихъ риторическихъ дѣленій. Въ шести книгахъ ежемѣсячныхъ журналовъ, лежащихъ передъ нами, мы находимъ много статей, которымъ самое учтивое названіе будетъ—*лѣтнія статейки*.

Принимаясь за обычный разборъ этихъ журналовъ, намъ невольно пришелъ на память вариантъ извѣстнаго четверостишія Тредиаковского:

О лѣто, лѣто, ты горяче
И мухами обильно паче,
Только тѣмъ ты не похвальню,
Что не журвально.

Не то, чтобы журналы наши не выходили лѣтомъ или черезъ-чуръ запаздывали,—нѣтъ: они выходятъ непремѣнно, запаздываютъ очень немного, но и на нихъ, какъ на всю природу, дѣйствуетъ какъ-то обязательно это короткое лѣто, которымъ именно потому и хочется воспользоваться полнѣе, что оно такъ коротко. Мы сами не составляемъ исключенія въ этомъ правилѣ; даже нашъ Вѣстникъ, съ прошлаго года не пропускавшій ни одного мѣсяца, чтобъ не побесѣдовать съ читателями о русской журналистикѣ, въ іюлѣ удалялся въ дуга, дачи, деревни, твердя: *o gust! quando te aspiciam*, и это лѣтнее бездѣйствіе такъ понравилось ему, что осиливъ свою лѣнь для этой книжки, онъ чувствуетъ, что не въ состояніи продолжать своихъ бесѣдъ. Поэтому, сходя на неопредѣленное время съ поприща журнальной критики, онъ передаетъ свою обязанность другому лицу, которое, конечно, не будетъ отвѣчать за наши мнѣнія, точно также, какъ и мы сами не будемъ отвѣчать за мнѣнія нашихъ преемниковъ.

И такъ —

Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя!

Начнемъ съ самаго лѣтнаго изъ нашихъ журналовъ, съ *Библиотеки для чтенія*. Кромѣ начала романа Корреръ Бела, *Вильгельмъ*, пословицы Октава Фелье, неизвѣстно почему переименованнаго въ *Огюсть* и нѣсколькихъ мелкихъ статей въ Смѣси, всѣ остальные статьи іюньскаго и іюльскаго номеровъ этого журнала—весьма лѣтнія. Въ-самомъ-дѣлѣ, для кого новы и любопытны двѣ статьи о Леопольдѣ Робертъ, не знаменитомъ французскомъ живописцѣ, переведенныя изъ старыхъ

годовъ журнала *Revue des deux mondes*, статья объ атмосферической машинѣ Эриксона, нѣсколько разъ уже описанной во всѣхъ нашихъ журналахъ; музыкальный каталогъ старыхъ, никому не интересныхъ нотъ коллекціи Сантини, комедія какого-то Дугласа Джеральда: *Время творить чудеса*, написанная до того тяжелымъ языкомъ, что читать ее почти невозможно и переведенная слабо. Критика Ученыхъ Записокъ Академіи Наукъ очень суха, а разборъ романовъ Теккерей является очень поздно и должно быть переведенъ съ французскаго, судя по множеству галлицизмовъ и нерусскихъ фразъ и оборотовъ въ родѣ: «Человѣкъ, который смотритъ подъ поверхность предметовъ»; «у руки, одѣтой въ броню, для нанесенія ударовъ, была нѣжная ладонь для ласки». Не говоря уже о чисто-французской изысканности фразы, гдѣ это прочелъ авторъ статьи, что руки одѣваются въ броню? Что значить также слѣдующая фраза: «въ этихъ очеркахъ испорченнаго человечества многое безпокоитъ воображеніе, не вознаграждая ни того, ни другаго соразительною пользою.» Чего это: *того и другаго*? Что за выраженіе также: «авторъ *выжмаетъ* на памяти читателя образъ этой женщины.» О мелкихъ промахахъ и странностяхъ въ родѣ приторныхъ *условностей*, пожалованія Бульвера въ гении и проч., мы уже не говоримъ.

Литературная Лѣтопись написана не церемоннымъ языкомъ. На первой же страницѣ июньской лѣтописи находится слѣдующая фраза, которая должна быть очень пріятна для тѣхъ, кто пишетъ стихи. «Онъ не стихотворецъ и *сохватъ* не могъ». Далѣе говорится, что стихи для людей трынъ-трава и что голова — инструментъ самый дрянной для сужденій и не для нихъ выдуманъ. Но всего изыщитѣ слѣдующая фраза: «неужеликъ всегда изъ *глазъ* и *носа* русской пѣсни должна сочиться сопливая влага?.. Подумаешь, что русскій Маріо и русская Гризи обязаны по положенію быть первые плаксы въ мірѣ и утопать въ безпредѣльномъ насморкѣ.» Можно бы также быть немного внимательнѣе къ корректурѣ этой Лѣтописи; ошибки, особенно въ стихахъ, не только искажаютъ смыслъ, но и вовсе отнимаютъ его. Такъ въ стихахъ г-на Афанасьева, вмѣсто слова *порохъ*, два раза напечатано *проходитъ*; а слѣдующихъ двухъ стиховъ г. Ваненко мы даже вовсе не могли понять:

Ты отри, дѣвица, слезы:
Ты—для славы рождены.

Объ ошибкахъ въ прозѣ не говоримъ. На сорокъ-шестой страницѣ, въ первыхъ восьми строкахъ, нѣтъ ровно никакого смысла, отъ опечатокъ и перестановки строкъ. Хоть бы въ слѣдующихъ книгахъ редакція исправляла опечатки.

О странности литературныхъ, историческихъ и филологическихъ мѣтнѣй Лѣтописи не говоримъ. Для любопытства читателей, приведемъ только, что въ Словѣ о полку Игоря критикъ производитъ слово *клеть* отъ нѣмецкаго *gemieith*, а въ выраженіи: *комомъ* ржутъ за Сулою, — слово *комомъ* производитъ отъ латинскаго *compinis*. Критикъ употребляетъ также слово *элоквенція*, вѣроятно, изъ уваженія къ памяти Василья Кирилловича Тредіаковскаго.

Изъ литературныхъ произведеній, въ двухъ лѣтнихъ книгахъ «Библиотеки для Чтенія» помѣщенъ конецъ романа *Сосѣдъ* и начало романа г. Масальскаго: *Лейтенантъ и поручикъ*. О первомъ мы не скажемъ ничего, на основаніи извѣстной поговорки: *de mortuis aut bene aut nihil*; о второмъ можемъ сказать только, что онъ немножко опоздалъ явиться въ свѣтъ. Лѣтъ сорокъ и даже тридцать тому назадъ, онъ былъ бы очень хорошъ. Начать писать во-время большая заслуга, — кончить также. Кромѣ того, въ этихъ книгахъ помѣщена еще повѣсть *Княгиня* и пьеса *Габріель*.

Повѣсть *Княгиня* напечатана въ *Смѣси*, значитъ сама редакція не находитъ ее достойною занять мѣсто въ отдѣлѣ Словесности. Мы совершенно согласны въ этомъ случаѣ съ редакціею, но находимъ сверхъ-того, что и въ *Смѣсь* можно было бы не помѣщать этого разсказа, полного претензіями на великосвѣтскость, избитыми сентенціями, устарѣлыми характерами, неинтересными положеніями героевъ и героинь. Исторія начинается *за упокой*, смертью одного князя, послѣ котораго остается княгиня и двѣ княжны — героини повѣсти, хотя, неизвѣстно почему, повѣсть названа титуломъ ихъ матеря. Изъ двухъ княженъ одна горда и задумчива, другая, по правиламъ старинныхъ риторикъ (см. главу о контрастахъ) жива и весела. Первая выходитъ замужъ по любви, вторая — для того, чтобы выйти замужъ. Этимъ оканчивается вся повѣсть, сочиненія госпожи Надежды В***, являвшейся уже однажды въ «Современникѣ» съ подобною же плохую повѣстью. Не понимаемъ, что хотѣлъ высказать авторъ этого разсказа, развѣ нѣсколько новыхъ блестящихъ мыслей въ родѣ слѣдующихъ:

«Любовь такое высокое чувство! Что можетъ быть общаго между любовью и деньгами!»

«Смерть разлучаетъ насъ съ милыми сердцу, разрываетъ священные узы.»

«Проходитъ годъ, другой — и прежнія впечатленія смѣняются новыми, время беретъ свое.»

«Никогда не цѣнимъ мы такъ дорого всего окружающаго насъ, какъ *когда* покидаемъ его.»

Послѣдняя мысль только, высказанная не совсѣмъ по-русски, показалась намъ не очень новою. Тому давно, когда мы очень любили леденцы, попался намъ на нихъ конфетный билетикъ, выражавшій почти ту же мысль и такимъ же изящнымъ языкомъ:

Всѣхъ цѣну мы вещей тогда лишь познаваемъ,
Когда мы ихъ терлемъ.

Не споримъ, что госпожа Надежда В. могла не знать этого билетика. Въ исторіи литературы бываютъ случаи, что извѣстные писатели сходятся въ идеяхъ и часто даже въ выраженіяхъ.

Мы должны также остановиться на комедіи *Габріель* Эмиля Ожье, переведенной г. *Крешевымъ*. Ожье въ наше время лучшей писатель комедій въ стихахъ, *Габріель* — послѣ *Авантюристки*, — лучшая его комедія. Перевести звучный, гибкій стихъ Ожье — дѣло не легкое; онъ заслуживаетъ труда усерднаго, постояннаго; его нельзя переводить съ плеча. Г. Крешевъ печаталъ стихи въ разныхъ журналахъ, и этотъ переводъ едва-ли не первый его большой трудъ, хотя г. Крешевъ не могъ сдѣлать этого труда ни серьезнымъ, ни заслуживающимъ благодарности. Переводчикъ, написавъ строка за строкою и закончивъ ихъ рядами, болѣе или менѣе богатыми, вѣроятно счелъ, что этого довольно для перевода комедіи Ожье. Искренно жалѣемъ, что онъ ошибался въ этомъ случаѣ и что трудъ его пропалъ даромъ. Переводъ не даетъ никакого понятія о пьесѣ Ожье, и переводчикъ, не вникая часто въ смыслъ французскаго стиха — еще чаще передаетъ его искаженнымъ русскимъ стихомъ. Съ самыхъ первыхъ стиховъ начинаются странности, неправильности, невѣрности, неясности, изысканности. Вотъ примѣры:

... Подъ ростъ укладывать семью моихъ тетрадокъ.
..... Книга эта,
Въ которую мой умъ усердно такъ *попихъ*.
.... Да, у меня всегда клонился къ лѣвнй умъ.
.... Въ ломбардѣ у меня теперь до двадцати
Трехъ тысячъ, да еще десятокъ у Лашома.

(Какой это ломбардъ нашелъ переводчикъ въ Парижѣ и что за дѣло русскимъ читателямъ до какого-то *Лашома*, передѣланнаго впрочемъ для рифмы *дома* изъ французскаго *Lassusse*.)

..... Изрядный капиталець!
Во мнѣннй людскомъ съ нимъ выростешъ на палець.
.... Когда стихаетъ день и облаковъ изгибы
Вспыхая, гаснуть, мы вдвоемъ на лугъ пошли бы;
Я на рукѣ его повисла-бъ иѣживо, онъ

*Замедлили бы шагъ вслѣдъ за моею лькью;
Мы предавались бы восторгамъ, упоенью,
Нашъ восхищенный взоръ блуждалъ бы въ синевѣ
Небесъ.*

Не говоря уже о неправильностяхъ языка, какъ все это блѣдно, слабо, старо въ сравненіи съ этими превосходными стихами подлинника:

*Nous partirions le soir, à cette heure sereine,
Où l'ombre et le silence ont apaisé la plaine,
Nous irions! Quel bonheur. Moi pendue à son bras,
Lui sur mon pas plus lent ralentissant son pas
Et tous deux, regardant tomber la nuit immense,
Nous nous enivrerions d'amour et de silence.*

Съ приходомъ дяди Жюльена съ женою, которую переводчикъ называетъ вездѣ, для удобства и рифмы — *Адриеннъ*, точно она мужчина, стихи дѣлаются еще неглаже. Такъ почтенный дядюшка говоритъ съ первыхъ словъ о садѣ племянника:

*Дельфины стерегутъ лещей на днѣ пруда,
Чай золотая въ немъ лежитъ еще руда.*

Не ясно ли, что всѣ эти несообразности подобраны только для рифмы? Жюльенъ также, отвѣчая, жертвуетъ для рифмы смысломъ:

*.... Легкая болѣзнь и ни по транамъ
Пройдетъ, когда лечить порядочнымъ приданымъ.
.... Плотина, иногда спасающая взморье...*

Что это за извѣстіе? Тетушка, которой далеко за тридцать, говорить:

*И даже возрастъ мой не исцѣляетъ зла, — и дагѣ:
За что не любишь ты Жюльена? Чѣмъ навлекъ
Онъ равнодушіе, и отчего поблекъ
Такъ скоро метеоръ твоей любви?..*

Вѣрно метеоръ цвѣтокъ, если можетъ поблекнуть. Габріель отвѣчаетъ теткѣ такими же плохими стихами:

*Вся жизнь его теперь шахматная доска,
Гдѣ я играю роль ничтожнаго квадрата,
Не больше, знаешь, такъ — для дополненія штата.*

Не говоря уже объ этомъ последнемъ весьма тривіальномъ стихѣ, переводчикъ вовсе не такъ передалъ даже смыслъ одного французскаго стиха, въ подлинникѣ замѣняющаго три русскихъ стиха:

Sa vie est un damier dont j'occupe une case.

Вообще вся эта превосходная сцена вовсе даже не переведена г. Крешевымъ, который замѣнилъ все это набитыми фразами, тяжелыми стихами, натапнутыми рифмами. Отъ этого произошло, что характеръ Габріели вовсе не объясненъ въ переводѣ. Вѣроятно разговоръ этотъ показался длиннымъ Крешеву, а между-тѣмъ въ подлинникѣ стихи удивительные, начиная съ монолога:

... Tout me manque à la fois, tout, jusqu'à l'habitude,
Ce triste bonheur fait de paresse et d'oubli.
Où j'ai cru quelque tems mon coeur enseveli.
Je sens dans ma poitrine une fureur de vivre,
Une rébellion qui m'effraie et m'enivre
Je voudrais... je ne sais, hélas, ce que je veux;
Mais rien de ce que j'ai ne satisfait mes vœux

Весь этотъ разговоръ до послѣднихъ стиховъ Габріели:

Une vitre ternie a pu ternir le jour
Mais je crois à soleil et je crois à l'amour, —

ровсе не переведенъ.

Съ приходомъ героя пьесы, Стефана, разговоръ дѣлается еще неестественнѣе. Габріель спрашиваетъ:

Мосье Дарьо? Чтò доставляетъ намъ
Пріятность видѣть васъ?

Онъ отвѣчаетъ подъяческой прозой:

Чтобъ дать скорѣйшій ходъ письму,
Которое пришло поутру съ *эстафетомъ* (т. е. съ эстафетой)
За неизмѣнимъ курьера за отвѣтомъ
Рѣшился я пріѣхать самъ...

По уходѣ его, Габріель говоритъ, что она держитъ себя строго, для того, чтобы Стефанъ *не домогался сочувствія*. Опять выпущено больше половины сцены. Жюльенъ, возвратившись со Стефаномъ, приглашаетъ его остаться обѣдать, говоря, разумѣется, для рифмы:

Обѣдайте у насъ: соль есть, да *хлѣба корки*,

а Стефанъ кладетъ шляпу, говоря: *кладу оружіе*, какъ-будто шляпа оружіе? Первое дѣйствіе оканчивается стихомъ Тампоне,

Продамъ я этихъ дамъ жестокимъ эпиграмамъ.

Ничего похожаго нѣтъ въ подлинникѣ. Стихъ этотъ вовсе не идетъ къ дѣлу и сочиненъ переводчикомъ только для рифмы.

Выписываемъ изъ слѣдующихъ актовъ еще нѣсколько стиховъ, поразившихъ насъ своимъ неизяществомъ. Всѣхъ промаховъ противъ языка привести невозможно :

. . . И вы посмѣли бы дать клятву, скрытый другъ.
 . . . Твой розанъ, Габріель, съ кошачьими когтями.
 . . . Я требую цвѣтокъ. У васъ въ рукахъ ему
 Припишутъ смыслъ, какого бъ не хотѣли
 Ни сами вы — ни я.

Далѣе, говоря объ этомъ цвѣткѣ, Стефанъ называетъ его :

. Сынъ вари, сотканный
 Изъ блеску пурпура и вешняго тепла!

и боится, чтобы имя Габріели — молва

Не тронула своимъ дыханьемъ знойнымъ.

Тампоне говорить :

Представьте: Адриенъ не смыслитъ ни пакета,
 Ни экарте...
 . . . Для мужа кладъ, когда забавы нищешь въ картѣ.
 . . . Ужъ лучше карты взять въ такую соломоку.

Остальные лица выражаются также дико :

. . . Цвѣтуція *всмы* остались ей въ наследство.
 . . . Но молодыхъ людей къ чему жъ на скуку влечь.
 . . . Каковъ же вы игрокъ въ знакомыя-то игры,
 Да ваши выходы ужаснѣе, чѣмъ *тигры*.
 . . . Пойдемъ, ты будешь намъ *отсчитывать* очки.
 . . . И вы не знали бы, что хоть единымъ словомъ
 Безстыдныя уста *задать* посмѣли васъ.
 . . . Когда отецъ онъ трудится, чтобы *жатвой*
Трудовой томительныхъ судьбу *ей* *облегчить*,
 Я женщина могу одно: *стоять предъ клятвой*
Незыблемо.....
 . . . Но мнѣ осталось одно избрать изъ двухъ.
Смѣхъ или слезы надъ подобнымъ подозрѣньемъ.
Двухъ разъ не обмануть: не слѣпъ я и не глухъ.
 Едва изъ колыбели
Мой вышелъ разумъ и стоялъ безъ всякой цели.
 . . . Прекрасно, сколько я *шутникъ* *вашъ* *повялъ* васъ
 . . . Снисходительность моя плохая *штора*.
 . . . Такъ вы прикажете съ нимъ быть *фамиліарной*.
 . . . Тамъ не сотреть его талантовъ гордыхъ *тѣвъ*,
 . . . Признайтесь *для кого* *вылааетъ* *ваша* *страсть*?

Адриенна выражается такъ:

Но гдѣ жъ характеръ твой? Какъ передъ вѣтромъ колось
Онъ, бѣдный, *зыблется*— и долго ли упасть?
Ты даже не могла любви *микутннй колось*
Сдавить въ своей груди....

Что за языкъ, что за сравненія! Въ особенности заставляетъ улыбаться разговоръ Габріеля со Стефаномъ. Онъ говоритъ:

.... Вступленье ваше грозно,
Какъ вулканическій предъ изверженьемъ гулъ,
Что это, сонъ, кошмаръ ужасный?..
Не вѣрится ушамъ!..
Прощай, цвѣтокъ прощай! Неси тебя зефиръ!

Она говоритъ:

Судьба вамъ посылаетъ случай
Какого поискать. *Какъ дивный рядъ созвучій*
Слился въ немъ красота и умъ и капиталъ.
Хоть безкорыстны вы, но золото металлъ
Пріятный, *на него не жалуются плечи.*

Дальше есть вещи еще удивительнѣе: мозгъ, истрескавшійся какъ сума, ловить фантомъ за крылья и единый клейнодъ въ гнусную сѣть,— бархатный диванъ освѣжаетъ члены, Стефана избираютъ сосудомъ для скорби, жалкій земледѣль, разгадалъ личину, честь дрогнула какъ поблекшій листъ интригантъ — ужъ,

Который подъ пятой готовитъ зло прохожимъ.

Я не гурманъ, голодъ—мыслимъ вредъ,

И у тебя во рту чуть курится Гаванна—

странный пассажъ, непоколебимая любовь, и тысячи другихъ дивъ. Знаменитый разговоръ между Стефаномъ, Жюльеномъ и Габріелью переданъ уморительно. Стефанъ говоритъ:

Тамъ позабудемъ мы о ропотѣ людскомъ.
Туда мы скроемся и *черезъ колось пьлы* (???)
Зловѣщая молва тамъ не коснется насъ.

Не даромъ Жюльенъ, сказавъ, «что онъ принялъ за мирру дымъ угарный», прибавляетъ:

Тамъ растолкуйте же; палъ і поставьте точку.

Это совершенно справедливо по-французски, но можно ли переводить этотъ галлицизмъ?

Мы нарочно распространились объ этомъ жалкомъ переводѣ, изъ уваженія къ подлиннику и изъ уваженія къ русской поэзи, съ которой такъ неперемонно поступаютъ въ наше время. Мы могли бы распространить наши выписки плохихъ стиховъ еще на столько же страницъ, но остановимся на этомъ, приведа въ заключеніе лучшей монологъ въ перевода, чтобы читатель ознакомился съ нимъ вполне, а не по отдѣльнымъ стихамъ. Жюльенъ говоритъ:

.... Есть еще поэзія другая,
И нѣжный звукъ ея покуда не замолокъ,
Здоровье и покой въ сердца людей влагая:
То наслажденіе святой исполнить долгъ;
То *заполночный* трудъ, когда все сномъ обнято,
А ты надъ винною сидишь себѣ, *горбато*,
И освящаешь духъ, какъ влагой райскихъ струй,
Ребенку *положивъ* на щеки поцѣлуй.
Оставимъ чахлаю любовь безъ всякой *скрыли*,
Для тѣхъ, которые упрямы или слѣпы
И вопреки всему, хотять во тмѣ блуждать.
Но мы въ свои дома *внесемъ*, какъ благодать
Подругу чистую, въ томъ твердомъ убѣждены,
Что древо доброе приноситъ добрый плодъ.
Вотъ гдѣ достоинство, вотъ жизни назначенье!
Единый, вѣрный путь, какимъ изъ рода въ родъ
Онъ признавъ искони... А вы съ прямой дороги,
Лежащей *подъ рукой*, идете вкривь, гдѣ *ноги*
Исколетъ камень. Другъ, одумайтесь! .

Въ этой водянистой тирадѣ есть нѣсколько не дурныхъ стиховъ, но можно ли такимъ образомъ перевести подобный подлинникъ:

Voilà certe une belle et vive poésie:
J'en sais une pourtant plus saine et mieux choisie,
Dont plus solidement un coeur d'homme est rempli.
C'est le contentement du devoir accompli,
C'est le travail aride et la nuit studieuse,
Tandis que la maison s'endort silencieuse,
Et que pour rafraichir son labeur échauffant,
On a tout près de soi le sommeil d'un enfant.
Laissons aus cerveaux creux ou bien aux égoistes
Ces désordres au fond si vides et si tristes,
Ces amours sans lien et dont l'impiété
A l'égal d'un malheur craint la fécondité.
Mais nous autres — soyons des pères: — c'est-à-dire,

Mettons dans nos maisons, comme un chaste sourire,
 Une compagne pure en tout et d'un tel prix,
 Qu'il soit bon d'en tirer les âmes de nos fils,
 Certains que d'une femme angélique et fidèle
 Il ne peut rien sortir que de noble comme elle.
 Voilà la dignité de la vie et son but!
 Tout le reste n'est rien que prélude et debut;
 Nous n'existons vraiment que par ces petits êtres,
 Qui dans tout notre coeur s'établissent en maîtres
 Qui prennent notre vie et ne s'en doutent pas,
 Et n'ont qu'à vivre heureux pour n'être point ingrats.
 Ah, mon ami, voilà la seule route à suivre
 La seule volupté, dont rien ne désenivre!
 Vous l'avez sous la main et vous la rebutez
 Pour courir les hazards et les calamités.
 Réfléchissez encore!..

Прощаясь съ «Библіотекой для Чтенія», пожелаемъ ей имѣть побольше уваженія къ русской поэзіи, обращать больше вниманія на русскую словесность и сдѣлать позанимательнѣе науки и критику. Слѣзь ея весьма интересна, хотя въ ней нѣтъ, къ сожалѣнію, прежнихъ прекрасныхъ статей объ ученыхъ явленіяхъ и есть Иногородный Подписчикъ...

Переходя къ «Современнику», мы прежде всего остановимся на четвертой части *Рыбаковъ* Г. Григоровича. Къ сожалѣнію, въ седьмой книгѣ, вмѣсто окончанія ихъ, явилась повѣсть г. Полонскаго *Тифлискія сакли*, интересная по мѣстному колориту, слабая по содержанію, не оконченная, не объясненная. Въ пятой части *Рыбаковъ* авторъ описываетъ неутѣшительную картину семейной жизни Гришки и смерть Гѣба Савинова. Все это превосходныя, вѣрныя картины, полныя мысли и чувства. Къ сожалѣнію, и въ этой части не обходится безъ неправильностей языка. Вотъ нѣсколько фразъ, которыя легко было исправить даже въ корректурѣ: «Дуня успѣла уже *опостынуть* ему». «Въ головѣ рыбака была *острая, назойливая* мысль». «Какъ мало *соотвѣтствовало* парню настоящее его жительство». — «Надоѣло Гришкѣ *кипятиться* попусту». «Захаръ *знаменательно* подмигнулъ глазомъ. «Мало ли положилъ онъ песку въ мое сердце». — «Легкая, пустая душа его вспыхивала такъ же быстро, какъ заженная солома, но за то скоро и потухала». Что за сравненія! Подобныхъ мѣсть конечно немного въ повѣсти, но развѣ трудно было сдѣлать, чтобы ихъ и вовсе не было?

Комедія Плавта *Стиль*, весьма плохая въ подлинникѣ, переведена также очень плохо. Поминутно встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: жизнь *опостылила* мнѣ; я еще *лучше* печалюсь; я знаю, какъ надобно быть женщиной, если она такова, какъ ей быть должно: чтобы

когда она идетъ по городу, такъ себя держала, чтобы никто не имѣлъ права дурно сказать объ ней (каковъ языкъ)! Что они тамъ прокла-
жуются; рыбакъ принесъ рыбу; ея *сослужитель* и проч. и проч. Не думаемъ, чтобы кто-нибудь понималъ что-нибудь изъ этой комедіи и этого перевода.

Переводныя статьи этихъ книгъ: романъ Бульвера и *Литературныя признанія* д'Израели—очень слабы; за то мы давно не читали въ этомъ журналѣ такихъ прекрасныхъ стиховъ, какъ *Весна* г. Полонскаго. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести это стихотвореніе:

Воротилась весна, воротилась!
Подъ окномъ я встрѣчаю весну.
Просыпаются силы земныя,
А усталого клонить ко сну.

И напрасно черемухи запахъ
Мнѣ приносить ночной вѣтерокъ,
Я сижу и тружусь; сердце плачетъ,
А нужда задаетъ мнѣ урокъ.

Ты любовь — правдой жизни подруга —
Не сумѣла ужиться съ трудомъ.
Со слезами со мной ты простилась
И другимъ улыбнулась тайкомъ.

И лукаво подмазавши петли
У дверей, что нескромно скрипятъ,
Для другихъ засвѣтила лампаду
И окно занавѣсила въ садъ.

Изъ ученыхъ статей очень хороши въ этихъ номерахъ: *Путешествіе по Польсю и Бѣлорусскому краю* (двѣ статьи) и въ Критикѣ: *Труды по части русскаго языка въ 1852 году*. Въ этой послѣдней статьѣ мы замѣтили только одну странную обмолвку. Говоря о буквѣ ѳ, авторъ утверждаетъ что *ѳита* «пишется только въ иностран-
ныхъ словахъ, гдѣ въ греческомъ φ , въ латинскомъ, французскомъ, ан-
глійскомъ th». Въ греческомъ и латинскомъ такъ, но не въ англійскомъ
и французскомъ. Иначе Théaulon Thibaudan надо переводить Теолаунъ,
Өибодо, а Thackeray, Macbeth, Othello, писать Төккерей, Макбеөъ,
Өөелло.

Въ *Смѣси* хороши двѣ статьи г. Мельницкаго: *Переѣзды по Рос-
си въ 1852 году*. Мелкія новости составляются очень хорошо. За-
мѣтки Нового Поэта... но мы столько уже говорили о Новомъ Поэтѣ,
что считаемъ излишнимъ повторять прежде сказанное. Желанія наша ему

извѣстны: побольше скромности, уваженія къ литературѣ и читателямъ, поменьше толковъ о самомъ себѣ и литературныхъ совѣтовъ. «Современнику» же пожелаемъ побольше любви къ искусству, дѣльной критики и поменьше плохихъ стиховъ. Словесность въ немъ почти всегда хороша.

Въ послѣднихъ книжкахъ *Отечественныхъ Записокъ* первое мѣсто принадлежитъ новому роману г. Михайлова: *Марья Ивановна*. Это очень замѣчательное произведеніе, хорошо задуманное, выполненное весьма удовлетворительно. Предметъ романа составляетъ неудачный бракъ. Безхарактерный человекъ женится на пустой дѣвушкѣ, изъ которой, при другихъ обстоятельствахъ и при другомъ мужѣ, можетъ-быть что нибудь и вышло бы, но изъ которой выходитъ дурная жена; оттого, что никто не заботится о томъ, чтобы сдѣлать ее хорошею. Подробности романа очень занимательны, характеры очерчены прекрасно; въ особенности хороша одна бойкая дама Анна Марковна. Петербургскій бытъ лицъ мелкаго общества обрисованъ очень вѣрно, слогъ автора гладокъ и безукоризненъ.

Превосходное стихотвореніе князя Вяземскаго: *Масляница на чужой сторонѣ*, перепечатанное почти во всѣхъ изданіяхъ, вѣроятно извѣстно уже всѣмъ русскимъ читателямъ. Выписываемъ изъ него послѣднюю строфу—перлъ всего стихотворенія:

Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
 Нѣмецъ дока для всего,
 Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
 Что провалишься въ него;
 Но по нашему покрою,
 Если нѣмца взять въ расплохъ,
 А особенно явмою,
 Нѣмецъ, воля ваша, плохъ.

Не знаемъ, зачѣмъ послѣ такого превосходнаго стихотворенія помѣщенъ переводъ давно всѣмъ извѣстной *Жалобы дѣвушки* изъ Шиллера. Послѣ Жуковскаго не слѣдовало бы переводить этого стихотворенія, въ особенности такъ плохо, какъ сдѣлалъ это г. В. Л.—нѣ. Это странное помѣщеніе дурныхъ стиховъ подлѣ хорошихъ было уже замѣчено нами въ «Отечественныхъ Запискахъ» по поводу прекрасныхъ стиховъ Н. Д. Хвощинской, вслѣдъ за которыми было помѣщено также очень слабое произведеніе неизвѣстнаго стихотворца. Неужели «Отечественныя Записки» не видятъ разницы между хорошими и дурными стихами, или помѣщаютъ тѣ и другіе для контраста? Даже въ отнѣкъ поэтическихъ произведеній, и именно при разборѣ повѣсти въ стихахъ г-жи Хвощинской: *Деревенскій случай*, рецензентъ высказалъ очень странныя мнѣнія о неопредѣленности характера героя повѣсти, и о томъ,

что онъ въ началѣ разсказа не такъ поступаетъ и думаетъ, какъ въ концѣ. Спросимъ рецензента: неужели характеры другихъ, лучшихъ пѣзмъ русской литературы выдержаны болѣе, чѣмъ у г-жи Хвощинской? Какъ объяснить онъ, напримѣръ, Овѣгна, пренебрегающаго чистою, наивною, любовью Татьяны и влюбляющагося въ княгиню? Много ли поэтического чувства въ характерѣ такого человѣка, который никогда не мѣняетъ своихъ чувствъ?.. Но рѣшеніе этого вопроса повело бы насъ слишкомъ далеко, а мы торопимся проститься съ нашими читателями.

Впрочемъ, что-же еще можемъ сказать мы объ «Отечественныхъ Запискахъ»? Что ученые статьи въ нихъ занимательны, какъ всегда. Мы можемъ только назвать ихъ: это вторая статья г. Галахова о *Жуковскомъ*, критическая статья г. Бунге: *Джонъ Ло, Разказы Пропѣжжю*, Небольсина, *Дмитрій Полиоркетъ*, И. Бабста, *Библиографическія замѣтки* В. Гаевского, *Владиміръ Лукинъ* г. Пыпина, *Дорожныя записки по Закавказскому краю*, г. Егорова и всѣ статьи по отдѣлу *Иностранной литературы*, которыхъ нынче однакоже помѣщается гораздо менѣе, чѣмъ прежде.

Мелкія новости наукъ, искусствъ и литературы и Петербургскія Замѣтки также очень интересны, кромѣ нѣкоторыхъ черезъ-чуръ специальныхъ извѣстій съ алгебраическими и химическими формулами, теоремами дифференціального и интегрального счисленія и другими *ученостями*, не всѣмъ доступными. Если мы пожелаемъ также что-нибудь *Отечественнымъ Запискамъ*, такъ только именно поменьше этой тяжелой учености. Конечно, и на оберткѣ «Отечественныхъ Записокъ» выставлено, что это *учено-литературный* журналъ. Создаемъ, что намъ было бы гораздо пріятнѣе, еслибы онъ былъ *литературно-ученымъ*, и мнѣніе наше, вѣроятно, раздѣлять всѣ читатели.

II. НОВЫЯ КНИГИ.

Кіевъ и его достопамятности. Соч. *Н. Сементовскаго*. Кіевъ. 1852. Въ Губернской типографіи. Въ 12-ю долю листа. 257 стр.

Книга эта, отпечатанная въ Кіевѣ передъ наступленіемъ текущаго года, только въ началѣ его появилась въ нѣкоторыхъ книжныхъ лавкахъ петербургскихъ, принимающихъ на себя трудъ выписывать изданія иногородныя; но, не скроемъ, цѣлое лѣто пролежала у насъ на пись-

• Въ главной конторѣ «Пантеона» и у книгопродавца Крашенинникова: 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к. сер.

менною столѣ; не разъ мы приступали къ чтенію ея, и не разъ, утомленные, принуждены были прерывать его, брали другую книгу, менѣе испытывающую терпѣніе читателя и рецензента. Наконецъ намъ удалось одолѣть произведеніе г. Сементовскаго, и все-таки мы не узнали вполне ни древняго, ни настоящаго Кіева, пращура городовъ русскіихъ, колыбели христіанства и государственнаго значенія отечества, — достопамятнаго мѣста, гдѣ нѣкогда св. Апостолъ Андрей Первозванный водрузилъ крестъ спасенія и сказалъ ученикамъ своимъ: «Видите ли горы сія? ако на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнути имать!» Прошло около тысячелѣтія, и пророчество апостольское исполнилось: равноапостольный князь русскій низвергъ азыческаго Перуна съ береговъ Днѣпра, и въ водахъ его крестилъ народъ свой; на горахъ приднѣпровскихъ возсіяла благодать Божія, возникъ великій, украшенный многими церквами городъ, лѣтописи котораго представляютъ незабвенныя страницы славы и бѣдствій народныхъ, въ стѣнахъ котораго заключено столько драгоценнаго для воспоминанія и созерцанія историческаго...

Какую любопытную, исполненную живѣйшей занимательности и высокою поучительности книгу могъ-бы составить о Кіевѣ писатель съ дарованіемъ, при пособіи множества матеріаловъ и личнаго изученія на мѣстѣ. Г. Сементовскій имѣлъ подъ рукою эти матеріалы, и не воспользовался ими достаточно, былъ на мѣстѣ, и многого не досмотрѣлъ, — по-крайней-мѣрѣ многое описалъ весьма неудовлетворительно. Отъ это го его описаніе Кіева съ достопамятностями вышло такъ-же мало удачно, какъ и прежнія сочиненія того же автора: въ той же мѣрѣ, если еще не болѣе, лишено послѣдовательности или системы, необдуманно въ составѣ внутреннемъ и не можетъ похвалиться привлекательностью внѣшняго исполненія, — языкъ неправильный, слогъ витіеватый и высокопарный, производящій самое непріятное впечатлѣніе на читателя, который желалъ бы въ разсказѣ художественной простоты и неподдѣльнаго одушевленія, отнюдь не замѣняемаго пышными возгласами и приторною умилительностью, не изъ глубины сердца, а изъ кудравыхъ, темныхъ фразъ получающею свое искусственное начало...

Для какой цѣли составлена эта книга? — Чтобъ быть путеводителемъ при обзорѣ кіевскихъ достопримѣчательностей? Но вы запутаетесь въ лабиринтѣ ея сложнаго и неяснаго изложенія, безпрестанно прерываемаго великолѣпнымъ изображеніемъ личныхъ впечатлѣній автора или его историческими воспоминаніями, заимствованными изъ разныхъ сочиненій. Чтобъ узнать Кіевъ, прежній и нынѣшній? Но давно уже существуютъ его описанія, къ которымъ авторъ не прибавляетъ

ничего новаго, имъ самимъ открытаго или изслѣдованнаго, вовсе почти не касаясь Кіева нынѣшняго, благоустроеннаго и красиваго. Чтобъ доставить читателю удовольствіе пересказываньемъ стараго, всемъ извѣстнаго? Но такое удовольствіе доставляется только пересказываньемъ искуснымъ, т. е. съ новой точки зрѣнія, и при условіи поэтическаго, оригинальнаго разсказа, замѣчательнаго истинными красотами краснорѣчія, живой, бойкою кистью, а книга г. Сементовскаго, какъ упомянуто выше, написана вообще дурно, крайне нуждается въ корректурѣ и всякаго рода поправкахъ... Такииъ-образомъ, почти совершенно бесполезная, неудобная для изученія предмета, для справокъ, она еще менѣе пригодна для развлеченія читателя. Въ тяжелой, неумолимой обязанности библиографической, едва ли найдутся терпѣливые охотники близко съ нею ознакомиться. Нѣсколько выписокъ, на выдержку, дадутъ о ней приблизительное понятіе.

«*Возлюбленный* сынъ св. Владимира, *возлюбленный* за тихій нравъ и преданность Богу истинному, отправленъ былъ отцомъ съ войскомъ противъ печенѣговъ. На возвратномъ пути Борисъ, для краткаго отдыха, остановился лагеремъ на живописномъ берегу Алты. Недавно извѣщаютъ Бориса, что *отецъ его десять дней прошло уже, какъ отошелъ въ вѣчность*. Горестная вѣсть эта для Бориса, (запятая?) подала поводъ къ беспорядкамъ въ войскѣ его. Предавшись отчаянію и слезамъ, онъ былъ оставленъ тѣлохранителями своими, на вѣрность которыхъ вполнѣ полагался. Два брата *только Урины* (, Георгій и Моисей (, не покинули его, но *раздѣляли съ нимъ слезы* (раздѣляютъ горестъ, а не слезы) по великомъ князю; набожный Борисъ, сильно скорбя, прибѣгнулъ къ молитвѣ, и, съ вечера стоя на колѣняхъ, предъ образомъ Спасителя, молился е(Е)му. Къ утру, изнеможенный душевнымъ страданіемъ, дивившись силѣ тѣлесныхъ, онъ *повалился на постель*. Въ это время подкупленные Святополкомъ убійцы, (запятая?) тайно подошли къ шатру Бориса...» (Стран. 6.)

Далѣе подробно разсказывается о гибели несчастнаго Бориса отъ руки этихъ убійцъ, — событія, извѣстномъ каждому ученику гимназій, такъ краснорѣчиво и трогательно разсказанномъ въ Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина (не говоря уже о другихъ историческихъ писателяхъ), и такъ неловко, безъ особенной надобности, повторяемомъ въ разсматриваемомъ сочиненіи. Въ немъ подобныхъ повтореній бездна. Авторъ не упускаетъ ни малѣйшаго случая или повода, въ видѣ размышленій о судьбахъ Кіева и прилежащихъ къ нему мѣстностей, позаимствовать кое-что изъ той или другой книги и разсказать это *своими словами*, болѣею-частію весьма неудачно, — безпрестанно, почти на каждой страницѣ, именуя Кіевъ то *златоверхимъ*, то за-

ковчннмъ, и непрерывно распространяясь передъ читателемъ о своей личной набожности—свойство, достойное впрочемъ высокаго уваженія: но истинное, смиренное благочестіе изливается не въ кудрявыхъ фразахъ и громкихъ возгласахъ, чему представляютъ доказательство и образецъ творенія А. Н. Муравьева и книга графа Н. В. Адлерберга: «Изъ Рима въ Іерусалимъ», о которой недавно говорено было нами въ «Пантеонѣ».

.. «Быть-можетъ кievское поселеніе *Казарь* была малая колонія *Казарь*, обитавшихъ у пороговъ днiпровскихъ, впоследствии принявшихъ проименованіе *запорожскихъ казаковъ*...» (Стр. 57.)

Изволите ли видѣть, какая странность: *пороги* приняли названіе *казаковъ*? Авторъ очевидно хотѣлъ сказать не то. Съ такою точностью выраженія и постройкою фразъ написана вся книга. Вотъ еще, рядомъ, на слѣдующей (58-й) страницѣ, нѣсколько строкъ, безъ знаковь препинанія: «Безъ сомнѣнія каждый шагъ отъ жилища моего къ *Копыреву концу событія* давно минувшихъ вѣковъ ознаменовали чѣмъ-либо достопримѣчательнымъ».

Вмѣсто того, чтобъ предлагать читателямъ ясныя и положительныя указанія, авторъ гораздо охотнѣе—да оно и легче—становится на риторическія ходули, то и дѣло прибѣгая къ напыщенностямъ мнимо-высокаго слога, въ родѣ слѣдующей:

«Одинъ только Днѣпръ, *величественный Днѣпръ*, этотъ *свдой старикъ*, катящій среди *зеленыхъ береговъ* свои *серебристыя* волны, по которымъ неслись къ Византіи ладьи вѣщаго Олега, Игоря и Святослава, и который слушалъ пѣсни Баяна, Днѣпръ, поглотившій въ безднѣ своей истукановъ кievскихъ и омывшій азычское нечестіе Руси, Днѣпръ—нашъ русскій Іорданъ (сравненіе счастливое, но, помнится, оно принадлежитъ другому писателю), *течетъ и нынѣ, какъ текъ и прежде* (кто-жъ въ этомъ сомнѣвается?), у горъ кievскихъ и не считаетъ столѣтій, не оглядывается на давноминувшее, катя безвозвратныя волны свои въ море, какъ катятся предъ Кіевомъ *горы* (не горы ли) и столѣтія въ вѣчность. *Для одного Днѣпра нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго* (помилуйте! отчего-же такъ? Вы сами сейчасъ исчислили его достопамятное прошедшее). *Онъ все одинъ* свидѣтель тысячелѣтней судьбы Кіева; но плескъ волнъ его, которымъ, можетъ-быть, онъ передаетъ повѣсть временъ протекшихъ, понятнѣе однимъ Баянамъ» (стран. 83).

Вотъ, въ заключеніе, еще два интересныя мѣста:

«Въ китайской бесѣдкѣ, въ числѣ знакомыхъ, нечаянно встрѣтилъ я двухъ моихъ лицейскихъ товарищей (,) князя Б. и знакомаго намъ

по повѣстямъ и стихамъ Чужбинскаго (во избѣжаніе двоесмыслія, слѣдовало сказать по-русски: «и Чужбинскаго, знакомаго намъ по стихамъ и повѣстямъ его»). Они меня узнали. Полюлся разговоръ, начались воспоминанія давно умчавшейся юности (,) и я вмѣстѣ съ ними увлекся, да какъ было и не *увлестись*. (т. е. *увлечься*). Картина юности въ воображеніи и картина чарующей природы предъ очами. Какихъ увлеченій нужно болѣе для сердца человѣческаго? Мы припомнили всѣхъ нашихъ знаменитыхъ совоспитанниковъ нѣжинской гимназіи (лицей нынѣ); почтили памятью отошедшихъ (то-есть отшедшихъ) *въ путь всея земли*, по слову Пророка Давида, В. О. Домбровскаго—бывшаго профессора кievскаго университета, Е. П. Гребенку, Н. В. Гоголя, еще тогда мы не предвидѣли его ранней кончины. Вспомнили о *первомъ нынѣ нашемъ литераторѣ* Н. В. Кукольникѣ, Рѣдкинѣ, Базиліи, Романовичѣ и о *многихъ* (?) другихъ воспитанникахъ гимназіи, имена коихъ записали лѣтописи отечественной литературы. Много, весьма много передали мы другъ—другу рассказовъ изъ частной жизни этихъ *знаменитыхъ* нашихъ *литераторовъ*, которые могли бы служить прекраснымъ пополненіемъ ихъ біографіи» (стр. 181). *Литераторы*, которые могли бы служить прекраснымъ пополненіемъ собственныхъ біографій?! Что это такое? Можно ли такъ неправильно писать для печати, въ тоже время раздавая безусловно эпитеты *знаменитыхъ* г. Рѣдкину, Базиліи, Романовичу и *многимъ* другимъ, по выраженію автора, который такъ благосклонно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительно, подноситъ титулъ «перваго нынѣ литератора нашего» г. Кукольнику, по извѣстной скромности своей, безъ-сомнѣнія, чуждающемуся такихъ льстивыхъ привѣтствій. Г. Семеновскій, вѣроятно, не подумалъ, какъ трудно и щекотливо въ литературѣ, въ спорномъ дѣлѣ искусства, опредѣлять мѣста первыхъ, вторыхъ и послѣднихъ. Ни Державинъ и Карамзинъ, ни Пушкинъ и Жуковскій никогда не предъявляли правъ своихъ на первенство, и разборчивые современники не высказывали объ этихъ истинно-знаменитыхъ писателяхъ сравнительнаго мнѣнія, принадлежащаго потомству. Еще недавно, не далѣе какъ въ июльской книжкѣ «Пантеона», привели мы выписку изъ разсужденія «Новаго-Поэта» по вопросу о дѣйствительномъ значеніи разнородныхъ произведеній автора «Торквато Тасса», возбуждавшихъ и возбуждающихъ различныя, нерѣдко совершенно противоположныя приговоры критики,—и г. Семеновскому, литератору молодому, весьма малозвѣстному, по поводу случайной встрѣчи съ совоспитанниками своими, казалось бы, не слѣдовало произвольно раздавать кому бы то ни было вѣнки и эпитеты.

Другое мѣсто такого содержанія:

«Я посѣтилъ это заведеніе (искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Кіевѣ), и мысленно сравнивалъ его съ такимъ же заведеніемъ, существующимъ въ Новой-деревнѣ, близъ С.-Петербурга, гдѣ несравненный Излеръ даетъ своимъ *празднествамъ*, которыя присутствующаго на нихъ поневолѣ заставить забыть скуку и все, что тяготитъ сердце» (стран. 187). «Отъ высокаго до снѣжнаго одинъ шагъ!» — сказано не нами. Постоянно говоря о предметахъ серьезныхъ и важныхъ, г. Семеновскій вдругъ, и такъ неумѣстно-патетически, переходитъ къ *несравненному Излеру*.

Почти вся разбираемая книга посвящена глубокой старинѣ и древностямъ кievскимъ. Частенько, съ какою-то особенною любовью, толкуя о трехъ братьяхъ, Кіѣ, Щекѣ и Хоревѣ, и сестрѣ ихъ, Лыбеди, о которыхъ, разумѣется, нельзя сказать ничего достовѣрнаго, авторъ очень мало занимается новымъ, настоящимъ Кіевомъ, и мы, чтобъ пополнить этотъ существенный недостатокъ въ сочиненіи г. Семеновскаго, позволяемъ себѣ украсить нашу статью сжатымъ, но весьма удовлетворительнымъ очеркомъ, помѣщеннымъ въ фельетонѣ одной петербургской газеты:

«Лѣтъ двадцать пять тому, нынѣшня лучшая часть города была подъ липовымъ лѣсомъ, воспоминаніе о которомъ осталось лишь въ одномъ названіи *Липокъ*. Каменные дома, за исключеніемъ Подола, были на перечесть. Крепостикъ и новое строеніе рисовались совершенными пустырями, а дорога изъ Лавры на Старый-Кіевъ не совѣсьмъ, какъ говорятъ, была безопасна въ ночное время. Нынѣ Кіевъ совѣсьмъ не тотъ! Постоялые дома и корчмы вытѣснены отелями подъ фирмами европейскихъ столицъ, городъ раскинулся на всемъ пространствѣ отъ Днѣпра до Лыбеди, перерѣзанъ бульварами и проспектами, украшенъ множествомъ площадей, фонтанами и памятниками старины, добытыми изъ-подъ земли, застраивается домами, спорящими, по своей громадности, съ столичными. Словомъ—городъ принялъ фizioномію, приличную городу.

«Въ настоящее время характеристика народонаселенія Кіева обуславливается топографіею города. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Кіевѣ каждая его часть составляетъ отдѣльный городъ, съ особыми: составомъ населенія, нравами, образомъ жизни и занятіями. Липки—аристократическая часть города, есть въ мивіатюрѣ дворцовая набережная Петербурга, Арбатъ и Тверская Москвы; здѣсь проживаютъ: генералъ-губернаторъ высшіе чины военной и гражданской администраціи и богатые помѣщики. Печерская часть болѣе всего сходства имѣетъ съ Выборгскою и Петербургскою Сторонами, но тоже въ маломъ масштабѣ. Нынѣ вся

эта часть вошла въ черту крѣпостныхъ верковъ; жители ея болѣе и болѣе выселяются въ другія части города, а остающееся население состоитъ изъ служащихъ въ управленіяхъ: артилерійскомъ, инженерномъ и госпитальномъ, и изъ чиновниковъ губернскихъ присутственных мѣстъ. Здѣсь всѣ почти строенія деревянные; имъ опредѣлено время сломки, и воспрещены всякія починки. Все это вмѣстѣ придаетъ Печерской части единообразный видъ стараго, полуразрушеннаго города. — Крещатикъ—одна широкая улица, слабо напоминающая собою Невскій-проспектъ и Кузнецкій-мостъ, наполненъ магазинами, заселенъ ремесленниками и быстро застраивается трехъ этажными домами. Какъ единственная длинная и ровная въ городѣ улица, Крещатикъ, особенно въ зимнее время, посѣщается гуляющими пѣшкомъ и въ экипажахъ; лѣтомъ эта улица несносна по своей пыли. Часть Кіева, гдѣ прекрасно рисуются университетъ Св. Владиміра и Кадетскій-корпусъ, хотя и недавно введена въ черту города, но застроена красивыми, въ одинъ и въ два этажа, домами профессоровъ и ученыхъ — это Quartier Latin Кіева.—Собственно Старый Кіевъ есть древній городъ Св. Владиміра и Ярослава, съ его развалинами, историческими урочищами, древними зданіями и земляными окопами, изъ коихъ второй по древности, Ярославъ валъ, нынѣ срывается. За исключеніемъ каменныхъ церквей, возведенныхъ на древнихъ фундаментахъ, дома этой части не велики, деревянные и наиболѣе принадлежать бѣлому духовенству. Старый Кіевъ ожидаетъ своего преобразованія. И современемъ, когда проектъ устройства присутственных мѣстъ на площади между Михайловскимъ-монастыремъ и Софійскимъ кафедральнымъ соборомъ будетъ исполненъ, старый Кіевъ сдѣлается административною частію города, и тогда, конечно, приметъ болѣе опредѣленную фizioномію. Прочія двѣ части Кіева, Подоль и новое строеніе, имѣютъ также свое типическое различіе: первая населена кучествомъ, богата, хорошо застроена и ведетъ оптовую торговлю, во второй живутъ бѣдные мѣщане, ремесленники и мелочные торговцы, въ небольшихъ деревянныхъ домкахъ.» (*Русской Инвалидъ*, 1853 г. № 51.)

РУССКОЕ СТИХОСЛОЖЕНІЕ, *П. Перевальскаго*, изданіе третье, значительно дополненное и исправленное. Спб. 1853 г. Въ типографіи Эдуарда Веймара. Въ 12-ю л. л. IV и 75 стран. *

Третье, въ непродолжительное время, изданіе этой красиво и весьма

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и у книгопродавца П. А. Ратькова: 40 к., съ перемѣн. 65 к. сер.

исправно-напечатанной книжки доказываетъ, что она достигаетъ своей цѣли—служить хорошимъ пособіемъ для преподавателей, полезнымъ руководствомъ для учащихся и небезполезнымъ совѣтникомъ для переставшихъ уже учиться стихотворцевъ, которые не всегда успѣшно справляются съ хитростями и тонкостями версификаціи. Многочисленные и нерѣдко несовсѣмъ-удобнатыя теоретическія правила ся—г. Перевльскій постоянно уясняетъ и подкрѣпляетъ примѣрами, счастливо и съ твердымъ, полнымъ знаніемъ дѣла, выбранными изъ лучшихъ поэтовъ нашихъ: Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова. Приведены образцы и изъ другихъ менѣе знаменитыхъ или извѣстныхъ. Такъ, на примѣръ, на стран. 63 — 65, цѣликомъ помѣщены стансы Корсова: «Сельская жизнь», начинающіяся куплетомъ:

Блаженъ, кто мирно обитаетъ
Въ завѣтномъ прадѣдовъ селѣ,
И отъ проѣзжихъ только знаетъ
О бѣлокаменной Москвѣ...

планы с.-петербурга, составленные Н. Цыловымъ. Спб., 1853. Въ титографіи штаба отдѣльн. корпуса внутрен. стражи. Въ 4-ю л. листа *.

Художественная тетрадь эта, изданная въ воспоминаніе начального основанія Петербурга, 16 мая 1703 года, и совершившагося минувшему весною полуторастолѣтія существованія столыцы, открывается превосходно исполненными, въ литографіи гл. упр. пут. сообщ. и публичн. здан., портретами безсмертнаго основателя Петербурга и благополучно царствующаго Государя Императора; затѣмъ слѣдуютъ изящныя, въ томъ-же заведеніи литографированныя, изображенія: памятниковъ Петру Великому и Александру Благословенному; собора св. Исаакія Далматскаго; домика Петра I на Петербургской-сторонѣ, въ первоначальномъ его видѣ, и Благовѣщенскаго чрезъ рѣку Неву моста, съ подписью:

Великій Петръ, плѣнясь Невую,
Сказалъ: «Я градъ мой здѣсь устрою!»
Но волнъ широкихъ сжать не могъ.
Его Потомокъ, Царь могучій,
Пробилъ гранитомъ валъ могучій —
И мостъ чугунный дивно легъ!

* Въ главной конторѣ Пантеона: 10 р., съ пересыл. 11 руб. сер.

и наконецъ помѣщены, въ послѣдовательномъ порядкѣ, планы С.-Петербурга въ 1700 (прежней пустынной мѣстности), 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ, съ приложеніемъ въ концѣ плановъ нынѣшнихъ 13-ти Частей столицы. Къ каждому плану присоединено подробное изъясненіе, такъ-что легко видишь постепенное возрастаніе и настоящее блистательное ея благоустройство.

Опытный маляръ, или полное наставленіе въ малярномъ дѣлѣ, показывающее свойство малярныхъ матеріаловъ, способы окраски и обклейки поверхностей, со включеніемъ смѣтъ по этому *производству*, доставляющее возможность *производить* всѣ малярныя работы безъ пособія маляра и архитектора; съ приложеніемъ литограф(ф)ированнаго рисунка, составленное, для сельскихъ хозяевъ и домовладѣльцевъ, *Н. Матвѣевскимъ*. Спб., 1853. Въ типогр. Мин. Госуд. Имущ. Въ 8-ю д. л. 76 стран. *

Подробное заглавіе этой брошюры избавляетъ насъ отъ труда распространяться о ея содержаніи и ожидаемой отъ нея авторомъ пользѣ—не малярамъ, которыхъ пособіе, по мнѣнію его, уже излишне, а сельскимъ хозяевамъ и домовладѣльцамъ. Специальное руководство это составлено систематически и сопровождается ученымъ предисловіемъ, съ объясненіемъ, что «потребность въ малярномъ дѣлѣ чувствовали древнѣйшіе народы», фригійцы, вавилоняне, что оно процвѣтало и ранѣе—у египтянъ и во времена Моисея. Вѣроятно, полезная брошюра г. Матвѣевского не приобрѣла еще достаточной извѣстности, потому-что, въ-теченіе нынѣшняго лѣта, маляры, попрежнему, не оставались безъ работы въ Петербургѣ; зато сельскіе хозяева, безъ-сомнѣнія, не проминутъ воспользоваться предлагаемымъ наставленіемъ. Обертка чистенько-изданной брошюры украшена приличными предмету виньетками.

Таблицы для вычисленія процентовъ, отъ одного дня до ста лѣтъ по 4⁰/₀, 5⁰/₀ и 6⁰/₀, составленныя *А. Ерѣ-Еицемъ*. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб., 1853. Въ типографіи Э. Веймара. Въ 16-ю д. л. LXI и 359 стран.**.

Это новое изданіе драгоцѣнныхъ таблицъ отличается отъ перваго

* Въ главной конторѣ «Пантеона»: 1., съ пересылкою 1 руб. 25 коп. сер.

** Тамъ же: 75 к., съ пересылкою 1 р. сер.

болѣе удобною формою и четкимъ крупнымъ шрифтомъ; сверхъ-того къ нему присоединено подробное наставленіе съ примѣромъ ихъ употребленія. Для капиталиствъ и людей исключительно-практическихъ, книжка г. Ерѣ-Енца, конечно, важнѣе всевозможныхъ исторій, романовъ и повѣ...

Для нихъ первѣйшій идеалъ,
 Души прямое наслажденье,
 Когда процентовъ наращенье
 Составитъ новый капиталъ.
 А вамъ, мечтатели—поэты,
 Нажива—слава, сущій вздоръ,
 Или, на днѣ суровой Леты,
 Потомства строгій приговоръ!..

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Фельетонъ въ повѣсти и романъ въ фельетонѣ. — Лабиринтъ отдаленныхъ дачъ. — Соловей-чичероне — Отдѣлшій холостякъ и цѣлующій семейнякъ. — Короткое возобновленіе стараго знакомства или тѣсная дружба по поволу любви. — Три граціи вѣ будущій новый Лафонтенъ. — Ходячая афиша или всевѣдущій рассказчикъ. — Голландецъ изъ Америки и сочинитель оперы изъ манежа. — Тулонская дѣвочка и новая тиниственная сила природы, неразгаданнѣе известнаго круженія столовъ. — Фогельбергъ, Абботсфордъ и Босфоръ. — Веселье не безъ добраго дѣла. — Віолончель и красавецъ. — Патетическое начало романа на минеральныхъ водахъ въ бутылкахъ. — Незнакомые влюбленные или сила магнетизма глазъ. — Четыре времени года. — Неудачная поѣздка и обманутое ожиданіе. — Каба и новая комета. — Послѣдніе дни провинціала въ Петербургѣ. — Праздникъ въ новомъ родѣ, не старій ладъ. — Подражанія и совѣстничество. — Опять омы или безомыная встрѣча двухъ героевъ романа, не-соперниковъ. — Отъѣздъ и разлука. — Еще разъ омы, и всѣ въ разныя стороны. — Развязка повеловъ и неизвѣстное будущее.

Въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ Петербурга, менѣе общезвѣстныхъ, застроенныхъ полусельскими, полугородскими домиками, не такъ-то легко отыскать дачу или пріютъ, гдѣ поселился вашъ добрый знакомый, котораго вы желаете посѣтить по дѣлу ли, по приглашенію, а можетъ-быть, и просто для разнообразія вашихъ лѣтнихъ развлеченій. — Здѣсь, говорятъ вамъ: — обогните уголъ; сперва поверните направо, потомъ налево, дальше идите все прямо, и «упретесь» въ сѣренькій домикъ. — Кажется, вы въ точности послѣдовали этому указанію, не перемѣшали сторонъ, то-есть, вмѣсто правой, не повернули влево, и на оборотъ, — дѣйствительно уперлись въ сѣренькій домикъ; но оказывается, тутъ живетъ Кондратій Васильевичъ, а вамъ надобно Ивана Петровича, и всѣ сосѣднія дачки сѣренькія, какъ родныя сестры въ степенномъ возрастѣ. Какой-то обязательный прохожій, въ коричневомъ пальто и соло-

менной фуражкѣ, снабжаетъ васъ новымъ изустнымъ маршрутомъ, презвнесеннымъ очень бѣгло, скороговоркой; вы не довольно его поняли, и попали, разумѣется, опять не туда. Передъ вами большая дача, окруженная мѣньшими: это флигели, отдѣленія ея, принадлежащія одному и тому же хозяину, населенныя разными жильцами.—Иванъ Петровичъ? повторяетъ повстрѣчавшійся вамъ босой мальчишка, и немного подумавъ, рѣшительно прибавляетъ:—тутъ, вонъ позади *той*, сѣренькая, — сопровождая слова свои мимикой и движеніемъ грязныхъ рукъ. Пробираетесь за *ту*; на крылечкѣ «сѣренькой» сидитъ престрогая пожилая дама, оглядывающая васъ съ тупымъ недоумѣніемъ, между-тѣмъ какъ изъ окошка, уставленного яшевыми цвѣтами, выставляется бѣлокурая головка, видимо исполненная любопытства и выражающая пріятное ожиданіе: «не къ намъ ли это, наконецъ, толкнулся кто-то?» Убѣдясь, что снова ошибся, досадующій странникъ, не позволяющій себѣ спрашивать суровую старушку, медленно возвращается на дорожку, которая привела его къ этимъ совершенно чуждымъ ему особамъ. Вотъ онъ въ какой-то неправильной аллеѣ, пересѣкаемой другими подобными дорожками, путями, теряющимся у сѣренькихъ, желтенькихъ, лиловыхъ домишковъ съ красными или зелеными крышами, разбросанныхъ въ закоулкахъ, переулкахъ, затканыхъ садами, садками, палисадниками, огражденныхъ заборами, болѣе или менѣе высокими, плотными или полупрозрачными, изъ частокола, ветхими и подновленными. Дворниковъ не видать, новые случайные прохожіе или отвѣчаютъ: «не знаемъ», или надѣляются свѣдѣніями сбивчивыми, сомнительными. На бѣду, нѣтъ близко и мелочной лавочки, гдѣ можно было бы найти вѣрное изданіе мѣстной географіи; кругомъ тишина и какъ-будто безлюдье; чирикаютъ только птички, но съ ними не разговориться, и собственнаго гвѣзда онѣ вамъ не укажутъ. Пробродивъ напрасно цѣлый часъ, утомленный горожанинъ начинаетъ терять надежду и терпѣніе, расканвается, что отпустилъ пролетки, привезшія его въ эту глушь... не безъ удовольствія однако вдыхаетъ онъ въ себя свѣжій воздухъ зелени и не слишкомъ поразительный ароматъ цвѣтовъ...

Не такъ давно, именно въ началѣ іюня мѣсяца, нѣчто подобное случилось съ однимъ почтеннымъ толстякомъ лѣтъ за сорокъ. По его костюму, хотя и совершенно-приличному, но замѣтно-отставшему отъ новѣйшей моды, по его картузу, какого не носятъ на Елагинномъ или Каменномъ, въ Падолевскѣ или Петергофѣ, и всего болѣе по его походкѣ и приѣмамъ, каждый бы невольно заключалъ что это пріѣзжій, провинціалъ, никогда или, по-крайней-мѣрѣ, давненько не бывавшій въ Петербургѣ. Круглое, румяное лицо его сіяло простодушіемъ, добротою,

откровенностью, и развѣ бы лишь въ его маленькыхъ свѣтло-голубыхъ глазахъ человекъ проникательный открылъ признаки недюжиннаго ума, смѣливой оытности и даже образованія, безъ столичнаго лоска и современной утонченности; самая трость, на которую онъ тяжеленко упирался, очевидно пріобрѣтенная не отъ Юнкера, Дарзанса, или въ другомъ извѣстномъ петербургскомъ магазинѣ, казалось, пріѣхала съ нимъ издалека, да и сапоги его, — нельзя было не подумать, — шилъ, конечно, не Людвигъ или Пель...

— Нѣтъ, не отыскать мнѣ, видно, Дементья Андреевича? сказалъ толстякъ про себя, со вздохомъ, не столько отъ печали въ неудачѣ, сколько отъ усталости и тучности. — Шутка ли? больше получаса брожу по этимъ несноснымъ, перепутаннымъ дачамъ. Никто не знаетъ, и всѣ врутъ! А дали адресъ, кажется, вѣрный, толковый...

Съ послѣдними словами онъ пріѣхалъ на простую, неокрашенную скамейку, приставленную къ низенькому забору, на который упали вѣтви плакучей березы, отеръ платкомъ капли, струившіяся съ его влажнаго лица, и доставъ изъ кармана записную книжку, углубился въ одинъ изъ листковъ ея, гдѣ, вѣроятно, записано было мѣстожительство отыскиваемого знакома. День, какъ говорится, склонялся къ вечеру; стѣнные часы смежной дачи громко пробили девять, и въ слѣдъ затѣмъ переливчато зашелкалъ прелестный пѣвунъ, иногда приотливно залетающій къ намъ изъ лѣсовъ. — Поздненько я собрался, продолжалъ самъ съ собою рассуждать толстякъ: — проспалъ долго послѣ обѣда... да чуть ли не задаромъ и прокатился... Хоть соловья услышать довелось... Не зналъ я, что они здѣсь водятся... И какъ славно поетъ, злодѣй... точно изъ нашей далекой стороны залетѣлъ!

Говоря это, заѣзжій приподнялся со скамейки и сталъ на нее, съ неподлежавшимъ сомнѣнію намѣреніемъ высмотрѣть пѣвца, помѣстившагося, казалось, на той же плакучей березѣ или на одномъ изъ ближайшихъ деревьевъ густаго сада, къ которому она принадлежала: но птицы, мгновенно умолкнувшей и, можетъ-быть, споркнувшей, не нашелъ, а очутился, такъ-сказать, лицомъ къ лицу съ какимъ-то господиномъ, проходившимъ въ ту минуту по тропинкѣ, прилегавшей къ забору, — высокитъ, худощавитъ, блѣднымъ, въ темномъ домашнемъ сюртукѣ, съ легкою просѣдою на вискахъ, съ непокрытой головою и сигарою во рту...

— Извините, сказалъ нѣсколько смущенный любитель соловьевъ: не изволите ли знать, гдѣ здѣсь проживаетъ Дементій Андреевичъ***?

— Вамъ Дементья Андреевича надобно? съ странною улыбкою отвѣчалъ незнакомный дачникъ, тихимъ, симпатическимъ голосомъ, вперя въ толстяка грустно-задумчивый, но ласковый и пріятельскій взглядъ.

— Онь здѣсь проживаетъ... на этой самой дачѣ... Пожалуйте сюда, въ калитку... я буду имѣть удовольствіе проводить васъ къ нему...

— Ахъ, какъ вы добры, милостивый государь!.. всепокорнѣе благодарю... премного обязываете... а я было уже и отчаявался найти; всё почти здѣшнія «строевія» обходялъ, — бормоталъ толстякъ, осторожно опускаясь со скамейки на землю и пролѣзая въ калитку, бывшую въ двухъ шагахъ...

— Да, у насъ тутъ порядочный лабиринтъ; зато выбраться отсюда легко, безъ Ариадниной нити: облака пыли указываютъ дорогу въ городъ... проѣзжающихъ довольно...

— Мѣсто впрочемъ хорошее, — говорилъ заѣзжій, идя съ рядомъ съ обязательнымъ господиномъ: — далековато только отъ города...

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше — воздухъ чище и шуму меньше...

— Уединеніе сельское любите; точно-съ, «деревня лѣтомъ рай», какъ сказалъ Пушкинъ... А вы, милостивый государь, съ Дементьемъ Андреевичемъ знакомы?

— Какъ же-съ... очень хорошо... пріятели большіе...

— Весьма пріятно... каково-то онъ поживаетъ?

— По-маленьку; день да ночь, сутки прочь — къ старости да къ могилѣ ближе...

— Э, помилуйте! умереть-то всегда успѣемъ, а пожить подольше, право, не дурно; у васъ же, въ Петербургѣ, должно-быть такъ весело...

— О, да!.. для тѣхъ, кто еще не отвеселился...

Толстякъ взглянулъ на своего спутника: его оцвѣтшее, желтоватое, болязненное лицо какъ-бы служило октавою сказаннаго имъ. Вѣроятно, въ молодости покутилъ не въ мѣру? подумалъ первый.

— Вотъ, мы и пришли, продолжалъ провожатый: — Милости просимъ... прошу покорно садиться...

— Такъ, значить, вы съ Дементьемъ Андреевичемъ вмѣстѣ жительствоете?

— Нѣтъ-съ, одинъ: я самъ и есть тотъ, кого вы отыскиваете. Къ вашимъ услугамъ...

Вмѣсто отвѣта, толстякъ бросился въ объятія нежданно и неузнаваемо отыскавшаго знаконца, восклицая: ну, не болванъ ли я? куда глаза, память и догадка у меня дѣвались? Впрочемъ такъ измѣнился, что и признать было трудно...

— А вѣдь немного лѣтъ прошло... какихъ-нибудь десять или двѣнадцать... Не годы такъ сильно измѣнили... съ прошлой осени мѣсяцевъ пять вылежалъ въ постели...

— Вотъ что! Простуда, вѣроятно?

— Простуда... отвѣчалъ Дементій Андреевичъ сквозь зубы и какъ будто-бы глотая тяжелый звукъ, тщетно силившійся подавить мысль, не выраженную словомъ.

Толстякъ внимательно взглянулъ на тощаго, и подумалъ: «простуда, конечно, способствовала развитію болѣзни, дала ей толчокъ, опрокинувшій наружу слѣдствіе недуга душевнаго... какой-нибудь утраты, огорченія»— но и онъ также скрылъ свою мысль, не любя растревать воспоминаніемъ ни чужихъ, ни своихъ ранъ, которыя у него собственно давно запылились жиромъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился неизбежный чай; старинные знакомцы зашли у круглаго столика, и между ними мало-по-малу завязалась бесѣда, менѣе отрывистая, болѣе опредѣлительная и откровенная. Не предстоитъ надобности передавать ее въ подлинникѣ и подробности. Толстякъ говорилъ о принадлежащихъ ему поляхъ, пажитяхъ, выхвалялъ красоту дочерей своихъ и мѣстоположеніе своей усадьбы... прибавилъ, что лѣтъ семь тому нибѣль несчастіе лишится доброй жены, причемъ по ясному челу его пробѣжало темное облачко умирной временей горести, да легкій воздухъ вырвался изъ груди... и въ заключеніе пояснилъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ для окончанія нѣкотораго процесса и опредѣленія въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній шестнадцатилѣтняго сына, хорошо приготовленнаго домашнимъ воспитаніемъ.— «И дочерей притащилъ съ собою... не на кого было оставить въ деревнѣ, да и онѣ желали посмотрѣть Петербургъ»... — Тотщій, въ общемъ, лаконическомъ очеркѣ, исполненномъ ироніи и сарказма на самого себя, рассказалъ пріятелю еще неизвѣстныя ему обстоятельства своей жизни, коснувшись отчасти и всего ея поприща. То была не новая повѣсть природы пылкой и возвышенной, не направленной съ-молоду благоразуміемъ и опытнымъ руководителями, которые умѣли бы заблаговременно указать подводные камни жизненнаго пути и научить трудному, правда, искусству, удачно бороться съ ея искушеніями и опасностями...

— Много съѣлаешь глупостей, ошибокъ! — сказалъ онъ, — между прочимъ, съ досадою машинально отталкивая отъ себя неповинную чашку.

— Кто-жъ не дѣлалъ и не дѣлаетъ ихъ — и не чаще ли другихъ именно люди умные и страстные, увлекаемые благородными стремленіями, излишнею довѣрчивостью и— позволишь ли домогвить — тщеславіемъ или самонадѣянностью. Еслибъ каждый изъ насъ, доживъ до сорока, могъ воротить лѣтъ двадцать, съ сохраненіемъ приобретенной

опытности, вторично, разумѣется, мы не попали бы въ просакъ, проли успѣшнѣе между Сциллою и Харибдою: но какъ это невозможно ни физически, ни морально, то должно покориться естественному порядку теченія жизни и, по-крайней-мѣрѣ, остатка ея не портить ни бесполезными сѣтованіями на свое прошедшее, ни новыми ошибками въ настоящемъ, которыя будутъ уже непрощительны и совершенно невозвратимы или неисправимы. По-мнѣ, такъ главнѣйшая твоя ошибка состоитъ въ томъ, что ты до-сихъ-поръ одиночествуешь. Человѣкъ, обыкновенно, возится съ своимъ эгоизмомъ, самолюбіемъ и себялюбіемъ, съ своею милою ему особою, пока не очутится, лицомъ къ лицу, душой къ душѣ, съ другими не менѣе близкими, кровными привязанностями. Счастье или несчастье семьянина не сосредоточивается уже въ немъ одномъ: ему некогда и стыдно хандрить, горевать безъ толку. Радость и печаль дѣлитъ онъ со «своими»: первая чувствуется живѣе, вторая находитъ отраду и утѣшеніе... Женись-ка, любезный, и, посмотри, съ тебя иная жизнь какъ рукой сниметъ всѣ твои застарѣлыя, отъ долгаго ухаживанья за ними, душевныя болѣсти, да и здоровьемъ поправишься...

Дементій Андреевичъ, въ свою очередь, испытательно взглянулъ на гостя, съ внутреннимъ вопросомъ, ужъ не пріѣхалъ тотъ сватать ему старшую изъ дочерей своихъ; однакожъ, чтобъ замаскировать этотъ любознательный взглядъ, хитро промолвилъ:

— Жениться? Я, пожалуй-бы, и не прочь, да вѣдь это не такъ легко, какъ, напримѣръ, галстухъ купить. Надобно и самому немножко полюбить, и понравиться избранной... а я ужъ не молодъ и не больно, какъ видишь, красивъ становлюсь...

— Вадоръ, дружище! Тебѣ какихъ-нибудь тридцать семь или восемь — средній, обстоятельный возрастъ — мальчики и вертопрахи въ мужья не годятся. А что касается красоты, смѣю увѣрить тебя, безъ всякой лести и преувеличенія, ты еще молодецъ хоть куда, не смотря на свою худобу и блѣдность, или, лучше сказать, съ своею худобою и блѣдностью, которыя, при выразительныхъ и привлекательныхъ чертахъ лица, непременно тронутъ первое нѣжное сердце...

«Онъ рѣшительно прочитъ меня въ зятя!»! не могъ не подумать дачникъ, и молча, съ улыбкою, указалъ на свою просьбу.

— Ничего, пустяки! возразилъ толстякъ. На это, знаешь, есть помада. Нынче добрая половина мужчинъ красится, носить парики или накладки... зубы и волосы прежде всего измѣняютъ человѣку, особенно въ приморскихъ городахъ, гдѣ зато, какъ у васъ въ Петербургѣ, что ни шагъ, то дантистъ и парикмахеръ. Просьба не бѣда: у нивыхъ

въ двадцать-пять лѣтъ показывается, отъ глубокомыслия или свѣтской жизни... Ты, сколько мнѣ извѣстно, своевременно заплатилъ дань тому и другому...

— «Дѣла давно минувшихъ лѣтъ, преданье старины глубокой», тихо, безъ декламациі проговорилъ Дементій Андреевичъ...

— «И ласки дѣвы черноокой, и шалостей прошедшихъ слѣдъ!» въ рифму подхватилъ толстякъ, подливая рому въ стаканъ. — А?... вѣдь мы когда-то пописывали съ тобою стишки и прозу... Помнишь, ты еще никакъ не могъ справиться съ цезурою?..

— Съ цезурою сладить бы можно—да не стало терпѣнія—«присо-вокупай», и таланта, состряпать чтѣ-нибудь порядочное, не дюжинное...

— Да, ты, кажется, ничего не напечаталъ....

— Благодареніе доброму гению-охранителю, воздержался... этой глупостью и ошибкою не умножилъ другихъ...

— Почему же глупость — не всякая ошибка въ фальшь ставится. Я всегда былъ и противъ твоей ложной скромности, и противъ этого избитаго нареканія, будто у насъ дурно и мало пишутъ.. Не говоря объ отдѣльныхъ книгахъ, шесть или семь объемистыхъ періодическихъ томовъ ежемѣсячно, въ которыхъ почти вся современная русская и европейская литература! Я, мой милый, выписываю всѣ эти журналы и важнѣйшія газеты наши... Сколько сочиняютъ, переводятъ; сколько труда, работы! Если восхищаешься и доволенъ не всѣмъ съ-подрядъ, то нельзя не сознаться, что не мало встрѣчаешь добросовѣстнаго, дѣльнаго и занимательнаго...

— Да, издали, въ провинціи, умъ и дарованіе выше, дороже цѣнятся... У насъ здѣсь все это подъ глазами — присмотрѣлись, наслышались, пресытились. Согласись, однакожь, что многое было-бы гораздо лучше, совершеннѣе, еслбъ не слишкомъ торопились на срокъ, долше бы обдумывали и отдѣлывали...

Такъ, полусуто, полусерьѣзно, перескакивая съ предмета на предметъ, иногда не совсѣмъ послѣдовательно и логически, переходя отъ частнаго къ общему, отъ жизни къ литературѣ, тѣсно связаннымъ между собою, отъ личныхъ воспоминаній прежняго къ настоящему взаимному положенію своему въ свѣтѣ и обществѣ, старинные пріатели про-калякали почти до полуночи. Тогда только толстякъ хватился, что ему пора во-свойси и выразилъ сожалѣніе, что не нанялъ извозчика въ оба конца. Но дачникъ успѣшилъ успокоить его на этотъ счетъ: «стоитъ только выдти на дорогу», сказалъ онъ — «и ты спасенъ— какой-нибудь

запоздалый экипажъ непременно встрѣтишь... если не хочешь переночевать у меня?»

— Никакъ не могу... дѣти будутъ ждать, тревожиться...

— Правда; не смѣю удерживать... во всякомъ случаѣ я провожу тебя до возницы... чтобъ ты опять не заблудился..

— Это предложеніе принимаю съ удовольствіемъ и благодарностью. Итакъ въ путь... скоро двѣнадцать...

— Я готовъ... беру только картузъ...

Свѣтлость и прелесть петербургскихъ ночей въ іюнѣ достаточно уже изображены мѣстными стихотворцами и фельетонистами Легкая, освѣжительная прохлада, поэтическая тишина и ненарушимое безмолвіе, среди благоухающей зелени и цвѣтовъ, возбудили въ отправившихся вмѣстѣ друзьяхъ нашихъ самыя молодыя мечты и созерцанія, которыми они мѣнялись въ короткихъ словахъ и отрывистыхъ фразахъ. Задумчивый и нѣсколько разочарованный, Дементій Андреевичъ, не менѣе восприимчиваго толстяка, незамѣтно поддался обаянію этой ночной красоты, и воображеніе его нечувствительно перешло къ слѣдующей коварной мысли объ иной красотѣ: «А чтó... если она, въ-самомъ-дѣлѣ, такъ хороша, какъ отецъ описалъ, имѣетъ порядочное приданое и пойдетъ за меня безъ nevoли?»

Въ-слѣдствіе этой искусительной мысли, спустя двѣ или три минуты, съ величайшею наивностью, обратилъ онъ къ товарищу такое лукавое слово:

— Мы съ тобою (нѣтъ, подумалъ онъ: будущему, статья можетъ, тестю, ты говорить не подобаешь)... мы съ вами, почтенный Иванъ Петровичъ, переписывались такъ рѣдко, изъ-года-въ-годъ, что я о семействѣ вашемъ почти ничего не знаю. Вѣдь вы ужъ давненько отцомъ... вскорѣ, кажется, послѣ первой нашей разлуки, въ Москвѣ?.. Дочерямъ вашимъ тецерь...

— О, онѣ еще не такія старухи, чтобъ я сталъ скрывать ихъ гѣта, — отвѣчалъ помѣщикъ, не обращая вниманія на измѣненіе числа въ адресованныхъ къ нему мѣстоименіяхъ. Однакожъ, всѣ три уже невѣсты. Одной девятнадцать, другая только годомъ моложе, а меньшей въ посту пошелъ семнадцатый. Да вотъ, батюшка, пріѣзжай-ка завтра къ намъ обѣдать, такъ познакомимся съ ними лично. Красавицы, говорю тебѣ, писаныя. Трудно рѣшить—какой отдать предпочтеніе! И сыншишка тоже хватикъ—ловокъ, умень... тецерь ужъ басни пишетъ. Я тебѣ не сказки рассказываю, не отцовской похвалой морочу. Увидишь, повѣришь!

Девятнадцать лѣтъ? слушая его разсѣянно, толковалъ про себя дач-

никъ. Да это отлично! Жемчужнѣйшій возрастъ женщины — не ребенокъ и не перезрѣлый плодъ, — какъ тамъ не расписывай Бальзака своихъ матронъ -- почти совершенная мнѣ пара... я только ровно вдвое ея старѣе...

— Невѣсты, батюшка, невѣсты! продолжалъ толстякъ: но я не тороплюсь сбывать ихъ съ рукъ... За ними кое-что будетъ... Пусть повысмотрятъ жениховъ себѣ по сердцу... Мое же дѣло высмотрѣть тогда, чтобъ сердце ихъ не обманывалось, избрало людей достойныхъ, которые тоже обладали бы хоть маленькимъ достоянцемъ...

Дементій Андреевичъ немного поморщился въ сторону: его дѣлашки были не въ цвѣтущемъ положеніи, что, вмѣстѣ съ прочимъ, и составляло, вѣроятно, причину его хандры, недуговъ и меланхоліи.

Но разговоръ, распросы и обоюдныя вывѣдыванія, намѣренныя или изъ простаго любопытства, надлежало прекратить. Друзья вышли на дорогу и, какъ нельзя болѣе кстати — никто не повѣритъ, а вѣдъ сплошь и рядомъ случается — шагомъ, то-есть порожнякомъ, пробѣжавшая мимо извозчичья коляска предложила пѣшеходамъ нашимъ свои драгоценныя по соображенію съ временемъ и мѣстомъ услуги. Переговоры были разомъ кончены, безъ замедленія и проволочки, къ полному удовольствію обѣихъ сторонъ. Толстякъ протянулъ руку тощему, повторилъ свое приглашеніе, вскарабкался кое-какъ въ высокій экипажъ, развалился въ немъ настоящимъ бариномъ — и былъ таковъ...

Дементій Андреевичъ медленно и задумчиво побрѣлъ къ своей дачѣ, гдѣ плѣнительную тишину ночи прерывалъ еще болѣе плѣнительною пѣснью тотъ самый соловей, что помогъ толстяку нечаянно отыскать стариннаго знакомца...

Иванъ Петровичъ, не желая преувеличивать, все-таки смотрѣлъ на дѣтей своихъ нѣсколько-пристрастными родительскими взорами. «Сыннишка» его точно писалъ аполони, только очень плохіе, не справляясь ни съ стопами, ни съ пезурою, какъ Дементій Андреевичъ въ молодости, а впрочемъ неоспоримо былъ мальчишк бойкій, стройненькій и смалливенькій; что касается сестеръ его, то онѣ отнюдь не представляли собою совершеннаго, безукоризненнаго подобія трехъ грацій, и все, что можно было сказать о нихъ безъ гиперболы, это: «какія миленькія, хорошенькія!» По наружности, уму, образованію, первенство принадлежало старшей. Она была средняго роста, не полна и не худощава, а какъ слѣдуетъ — округлена въ надлежащей мѣрѣ... Глаза темно-голубые, влажные, вѣжные; носикъ немного вздернутый; ротъ маленькій; подбородокъ продолговатый; — особыхъ примѣтъ никакихъ, если не считать крошечной, чуть замѣтной бородавки на лѣвой щекѣ... лицо же вообще

не блѣдное и не румяное, и скорѣе смугловатое, нежели слишкомъ блѣлое; ручки и ножки, какъ должно уже судить по этому уменьшительному — маленькія и весьма пріятной формы; цвѣтъ волосъ крайне-темнорусый, почти впадающій въ совершенно-чёрный... голосъ мелодическій... золова арфа, какъ выражался одинъ сосѣдъ ихъ по деревнѣ...

Воспитана она была, вмѣстѣ съ сестрами, какою-то ученою миссъ, которая, ради учености, никогда не могла сдѣлаться мистриссъ, и, по этой почтенной причинѣ, скончалась въ пятидесятилѣтнемъ дѣвствѣ. Вослищаясь «Манфредомъ» и извѣстной мистеріей Байрона, въ которой понимала только вѣрность и преданность Адды, не хотѣвшей покинуть своего злополучнаго мужа; всю жизнь изучая Мурра въ его поэмѣ Лалла-Рукъ; вѣчно перечитывая роскошные стихи его счастливой подражательницы, Летиціи Ландонъ, или романы Леди Морганъ, — эта велемудрая гувернантка умѣла внушить старшей питомицѣ любовь къ английской литературѣ, и будущая героиня наша ничего такъ не желала видѣть за границею, какъ горы Шотландіи и замокъ баронета Вальтеръ-Скотта...

Толстякъ почти весь день занятъ былъ дѣлами, привлекшими его въ Петербургъ, и три псевдо-граціи волею-неволею проводили дни уединенные... читали, вышивали, мечтали... главнѣйше о замужествѣ. Единственнымъ ихъ разсѣяніемъ была прогулка въ Лѣтнемъ-саду, въ сопровожденіи баснописца-брата и одного молодого человѣка, который былъ не кто-иной, какъ сынъ того деревенскаго сосѣда, что голосъ старшей сравнивалъ съ золовой арфой...

Этотъ молодой человѣкъ принадлежалъ къ числу фатовъ средней руки; одѣвался по послѣдней модѣ и даже нерѣдко изобрѣталъ собственную; хвасталъ, между-прочимъ, тѣмъ, что у него три дюжины жилетовъ и столько же галстуховъ; говорили, будто бы онъ носитъ корсетъ, немного бѣлится и румянится; обстоятельство это достовѣрно не разрѣшалось — но не подлежало сомнѣнію, какъ очевидность, что онъ ежедневно завивался тщательно и перемѣнялъ перчатки, по-крайней-мѣрѣ цвѣтъ ихъ. Временемъ онъ былъ богатъ, и потому исправно и безсмысленно гранилъ тротуары, состоялъ членомъ трехъ клубовъ и постояннымъ посѣтителемъ всѣхъ театровъ, не пропуская ни одного гулянья или общественнаго сборища. Нѣкоторые, не шутя, сравнивали его съ Адонисомъ; иные сладенькую наружность его находили приторною. Впрочемъ онъ былъ далеко не глупъ, довольно образованъ и въ существѣ добрый малый; бѣгло объяснялся на двухъ языкахъ, російскою и французскою, зналъ наперечетъ всѣ городскія новости и вездѣ рассказы-

валъ о нихъ не безъ притязанія на остроуміе. Въ семействѣ толстяка, гдѣ онъ былъ свой съ-дѣтства, его звали просто Павлушей.

Надежда на благопріятный оборотъ въ судьбѣ придаетъ человѣку спокойствія, аппетита и сна. Давно уже Дементій Андреевичъ не спалъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какъ въ ночь послѣ неожиданнаго свиданія съ стариннымъ знакомцемъ. Совсе не рассчитывая на случайный каламбуръ, но лишь слѣдуя истинѣ, должно сказать, что ему сладостно грезилась какая-то грезовская головка, по всей вѣроятности воображеніемъ присвоенная старшей дочери помѣщика, и дачникъ нашъ всталъ на-утро свѣжій, сильный, почти совершенно здоровый. Въ лицѣ его гораздо меньше замѣтно было блѣдности и желтизны, глаза какъ-будто бы выдвинулись изъ впадинъ; на щекахъ показались признаки крови; два стакана добраго кофе и рачительный туалетъ приободрили его еще больше, и онъ точно сталъ молодцомъ хоть-куда, когда наконецъ совершенно было превращеніе съ его головою, послѣдовавшее уже не на дачѣ, а въ извѣстной, у Полицейскаго-моста, парикмахерской, на одной изъ оконъ которой нѣсколько лѣтъ красовалась, подъ стеклянныиъ колпакомъ, замѣчательная и превосходно исполненная карриатура: одна обезьяна, парикахеръ, убирала другую, джентльмена, франтовски одѣтаго и важно читавшаго газету... Проходя мимо, вы, конечно, не разъ любовались костюмировкой и ловкою позою этихъ художественно-представленныхъ чучель, и невольныя сближенія мелькали въ умѣ вашемъ, между-тѣмъ какъ превосходное исполненіе фигуръ, со всеи аксесуарами парикмахерскаго искусства, невольно исторгало у васъ и дань похвалы художнику-юмористу, и самый веселый, незлобный смѣхъ...

Но вотъ отдаленная, уединенная улица, гдѣ пріютился съ своимъ семействомъ толстякъ. Онъ вторично не узналъ-было пріятеля, который вчера былъ очень худъ, а сегодня вдругъ сталъ что-то очень хорошъ, и пожимая ему руку, двусмысленно улыбался, чѣмъ возбудилъ еще большую краску на ланитахъ смутившагося гостя, такъ что послѣдній предсталъ дочерямъ помѣщика настоящею розою...

— Полина, Надина, Александрина, говорилъ Иванъ Петровичъ, поочередно представляя дачнику дочерей.

Дементій Андреевичъ кланялся каждой порознь и всеи вообще, и покраснѣлъ уже какъ тюльпанъ.

Онъ всегда былъ очень застѣнчивъ съ новыми лицами, пока не ознакамливался съ ними покороче; да и при близкомъ знакомствѣ не отличался особенною бойкостью и предпримчивостью.

— Сейчасъ явится и сынишко... новую басню сочиняетъ. Начало очень удачно...

Пчела ужалила барашку въ лобъ,
И сѣла рядомъ на цвѣтокъ:
Барашекъ къ ней въ одинъ прыжокъ
И пчелку лапой — хлопъ !

— Мораль басни будетъ состоять въ томъ, что не должно обижать кроткихъ, подобно барашку, существъ, потому-что и они, поров, могутъ разгорячиться и, съ досады, больно прихлопнуть обидчика.

Дементій Андреевичъ не могъ не улыbnуться курьёзному объясненію этихъ стиховъ, сколько неправильныхъ, столько же и небогатыхъ рифмами...

Но намъ нельзя останавливаться на подробностяхъ и сценахъ, какъ въ настоящей повѣсти: фельетонный рассказъ своей мы должны вести съ быстротою паровоза, который останавливается только на станціяхъ или по какому-нибудь особенному случаю...

Пелагея Ивановна и Дементій Андреевичъ, при первой встрѣчѣ, произвели неодолимаго другъ на друга впечатлѣнія: но, очевидно, и показались другъ-другу противными. За обѣдомъ франтъ-Павлуша, пожаловавшій позднеенько, когда уже шли къ столу, успѣлъ завязать обширнѣе, довольно оживленный разговоръ, доставившій дачнику случай обнаружить даръ слова и познанія свом, а юному баснописцу неогнать нѣсколькими аксромтами, въ которыхъ мужскіе и женскіе стип находились въ страшной борьбѣ. Послѣ обѣда Пелагея Ивановна устала къ фортепяно и премило запѣла старинную русскую пѣсню:

Я вечеръ въ лугахъ гуляла
Грусть хотѣла разогнать..., —

неизвѣстную въ большихъ городахъ, гдѣ предпочитаютъ модные, самыя новѣйшіе романы, но не забытую еще въ далекнхъ деревняхъ и усадьбахъ. Простота и прелесть ея мелодіи, навѣвающей на душу вѣту, сладость и томленіе, тронули чувствительнаго Дементья Андреевича, и были первыми звуками, запавшими въ сердце его изъ устъ старшей дочери толстяка.

— Навѣщай насъ почаще! сказалъ тотъ на-прощаньѣ, и черезъ недѣлю дачникъ снова обѣдаль у временнаго городского жителя, снова слушалъ пѣніе Полины, которая на этотъ разъ угостила его хорошенькою итальянской аріей, долгимъ симпатическимъ взглядомъ и одною изъ тѣхъ очаровательныхъ, неизбежныхъ, какъ рокъ, улыбокъ, передъ которыми таютъ самыя загроубѣлыя мужскія натуры. Слѣдствіемъ было,

спустя лишь два дня, въ одинъ прекрасный вечеръ, задумчивый нашъ, совершенно неожиданно, подъ какимъ-то предлогомъ, опять

доб,
цугас

явился у толстяка, или, точнѣе, у Полины. Вскорѣ найденъ былъ предлогъ совсѣмъ оставить дачу, въ коей яко-бы сильно сквозило и стало холодно, при измѣненіи погоды, а городская квартира Дементья Андреевича оказалась по сосѣдству. Читатель самъ продолжаетъ: вскорѣ Дементій Андреевичъ сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ въ семействѣ толстяка, своимъ у нихъ человѣкомъ, другомъ дома, пожалуй... Такъ точно, и въ половинѣ іюля дѣла уже были въ такомъ положеніи, что преждебывшій дачникъ, улучивъ однажды удобную минуту, трепещущимъ голосомъ осмѣлился сказать Полинѣ: «Пелагея Ивановна... могъ-ли бы я надѣяться на счастье...»

— Надѣйтесь... прервала она... безъ надежды жить нельзя. Надежда сама по себѣ уже составляетъ счастье, льститъ всѣмъ... Это я говорю не на твой счетъ, Надя, — прибавила она громко, обращаясь къ сестрѣ, вошедшей на ту пору въ комнату, и зардѣвшись какъ вишня, сердито начала колотить по клавишамъ ..

Незамедлительно послѣдовать объясненіе и съ почтеннымъ родителемъ, который какъ-будто-бы нѣсколько удивился, услышавъ известное предположеніе, и поставилъ Дементья Андреевича въ недоумѣніе касательно того, ловко ли прятывается телстякъ, или выраженный имъ на дачѣ совѣтъ о женитьбѣ былъ только случайнымъ въ ходу разговора словомъ, не скрывавшимъ въ себѣ никакихъ личныхъ замысловъ...

Дементью Андреевичу не дали прямого, положительнаго обѣщанія. Однакожъ, ласковый, дружескій, хотя отчасти и уклончивый отвѣтъ, выраженный словами: «душевно благодарю тебя за честь, которую мнѣ дѣлаешь — но повремени, обдумай основательно, и позволь намъ подумать... а зимою милости просимъ въ наши стороны... тамъ, надосугъ, рѣшимъ обстоятельно», — этотъ двусмысленный, неопредѣленный отвѣтъ, скорѣе изъяслявшій согласіе, нежели отказъ, принятъ былъ въ первомъ смыслѣ искателемъ руки интересной Полины, и онъ продолжалъ частенько бывать въ домѣ, почти на правахъ жениха... разборчиво не возобновляя, впрочемъ, щекотливаго разговора ни съ дипломатомъ-отцомъ, ни съ кокетливой дочерью, которая была съ нимъ очень обходительна, очень къ нему внимательна и, казалось, расположена. Долгіе взгляды и очаровательныя улыбки не разъ повторялись...

Дементій Андреевичъ не былъ влюбленъ, во всей тѣснотѣ или обширности этого вѣчнаго глагола, потому-ли, что въ его лѣта не влюбляются уже со всею горячностью и тревогою первой молодости, потому-ли, что пережитое имъ прошедшее погасило въ немъ необузданный пылъ юношескихъ сердечныхъ движеній. Тѣмъ не менѣе, онъ, въ короткое время, успѣлъ почувствовать къ Полинѣ нѣжную и глубокую привязан-

ность, ту полутихую, не слишкомъ мятежную склонность, которая бываетъ сильнѣе и прочнѣе бѣшеной или отчаянной порывовъ восторженной страсти. Не совѣтъ равнымъ союзомъ этимъ герой нашъ, нѣсколько эгонистически, мечталъ скрасить остатокъ своей постылой жизни. Къ тому-жъ, съ желаемымъ обладаніемъ молоденькой и весьма привлекательной жѣночкой, онъ становился бы что таять корысть человеческую!—обладателемъ, какъ оказался, ста-двадцати не заложенныхъ душъ въ хлѣбной губерніи. Смиритесь, о вы столичные моты! Это, конечно, не такъ много для удовлетворенія всѣхъ желаній въ широкихъ размахѣ частнаго быта, но и не такъ мало для того, чтобы спокойно и безбѣдно закончить неудачное поприще, не обрекая себя, въ упадкѣ силъ и здоровья, безконечной таять и сямъ работѣ не по выбору и вкусу, безъ любимой пищи уму, душѣ и сердцу. Далеко не геркулесъ, нашъ худощавый Дементій Андреевичъ продолжалъ выпрадать нить свою у ногъ деревенской Омфалы, ловя ее сладостные взгляды и улыбки...

А между тѣмъ неслись дни за днями,
Сминаясь на «Водахъ» различными кочами,

о которыхъ исправно, вѣстѣ съ другими разсказаніями, доводилъ до свѣдѣнія дочерей толстяка ихъ давнишній знакомецъ и другъ дѣтства, красной Павлуша. Къ этому въ семействѣ Ивана Петровича такъ привыкли, что лишь являлся Павлуша, отъ него немедленно требовали «новостей», какъ публика обыкновенно требуетъ ихъ отъ фельетониста или журналиста отъ сотрудника своего по части такъ называемаго живаго отдѣла. Гдѣ хочешь, возьми да подай! Нѣтъ ихъ, такъ выдумай, изобрѣти позамысловатѣй, напрягая воображеніе, слухъ, зрѣніе, всѣ пять чувствъ, которыя, по живнію почтеннаго доктора Кобануса, постепенно засыпаютъ въ человѣкѣ,—и при этомъ чтобъ не засыпали читатели, то есть, чтобъ разсказано было все гладко да складно, ловко и занимательно, при условіи разнообразія новостей дѣльныхъ и недѣльныхъ, за недѣлю или за мѣсяць.

Не легко понять, какъ Павлуша или подобные ему разсказчики добровольно принимаютъ на себя эту трудную обязанность, не вознаграждаемую ни одобреніемъ публики, ни золотомъ изъ конторъ журнальныхъ. И то сказать, менѣе затруднительно разсказывать не для печати, безъ повѣрки и критики, и все вамъ сходить, если у васъ, о милый непечатный разсказчикъ, привлекательная наружность, пріятный голосъ, свѣтская манера, изящные приемы, немножко невинной насмѣшливости и еще меньше, но все-таки хоть капелька, искусства или умѣнья разсказывать....

Въ воскресенье, 2-го августа, полъ-вечерь, прелестьныя Полина, Надина и Александрина порядочно скучали. Отецъ цѣлый день былъ что-то не въ духѣ, и теперь, завершись въ кабинетѣ, писалъ окончательныя бумаги по своему процессу, долженствовавшему вскорѣ взять рѣшительный оборотъ. Дементій Андреевичъ, пріятель отца, другъ дома и полуженихъ, къ обѣду не являлся, потому-что обѣдалъ у нихъ наканунѣ. Молодой баснописецъ отпросился у родителя за городъ, отыскивать, вѣроятно, матеріаловъ для новаго аполога. Сестрицы сидѣли однѣ и — о граціи, какъ это можно! — симпатически дѣлали поочередно, не трудясь даже закрывать хорошенькія ротки, которые, такимъ образомъ, безъ малѣйшаго кокетства, приличнаго лишь въ присутствіи постороннихъ, обнаруживали зубки-перлы. Сестрицы, въ продолженіе около двухъ съ половиною мѣсяцевъ пребыванія своего въ Петербургѣ, успѣли уже осмотрѣть въ немъ все главнѣйшее-замѣчательнѣйшее, хотя, съ другой стороны, сѣверную Пальмиру нашу невозможно изучить совершенно и въ два съ половиною года, перебивали во всѣхъ извѣстнѣйшихъ магазинахъ и лавкахъ, два раза посѣтили Александринскій-театръ, видѣли на Каменно-островскомъ эффектную драматическую пьесу Октава Фелье, гдѣ супруги такъ глаго ссорятся цѣлыя десять лѣтъ и такъ умно и мило примирятся въ десять минутъ, видѣли разныя разности столичныя, и только загородье наше, съ своими вычурами, было для нихъ еще terra incognita. Иванъ Петровичъ, за дѣлами и хлопотами, все не могъ собраться свозить дочерей въ Петергофъ, Павловскъ и Новую-деревню, каждый разъ приговаривая: «куда съ такою *ордою*? Вѣдь самъ-пятъ! На всякаго по рублю серебромъ за входъ, да два экипажа, двѣ кареты брать надобно! Чай рублей цѣнанадцать, со всѣми операми, изведешь? Вѣдь это, по-старинному, на ассигнаціи, пятьдесятъ два съ полтникомъ! А между-тѣмъ управляющій пишетъ изъ деревни, что урожай не больно казистъ, и сколько уже здѣсь израсходовано!» и тому подобное...

И такъ сестрицы сидѣли однѣ, въ краснорѣчивомъ молчаніи, среди полусвѣта, разливнаемаго по комнатамъ большою лампою, подъ матовымъ, какъ водится, колпакомъ...

— Хоть бы ты, Pélagie, понграла что-нибудь на фортепьяно, запѣла? начала наконецъ младшая.

— Нѣтъ не расположена, апатически отвѣчала старшая, которую не совсѣмъ правильно изъ Пелагеи переименовали домашніе въ Полину.

— Сегодня, кажется, никто и не зайдетъ къ намъ? заунывно промолвила средняя. Уже восемь часовъ...

Но едва произнесла она эти слова, какъ изъ прихожей послышались

довольно впрочемъ тихіе звуки слабо-дребезжащаго, будто робкою рукою тронутаго колокольчика.

Сестрицы вострепнулись и оиравились.

— По звонку узнаю, сказала съ какою-то скрытною досадою Надина, ожидавшая, вѣроятно, не того гостя, котораго «по звонку узнала». — Такъ *деликатно* звонить только Дементій Андреевичъ...

Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ минуту, вошелъ смиренный герой нашъ, одѣтый съ большимъ вкусомъ и очень къ лицу, замѣтно пополнѣвшему съ-тѣхъ-поръ, какъ мы увидѣли его впервые, на дачѣ, блѣднаго, желтаго, истомленнаго болѣзнью, одиночествомъ и тупымъ безстрастіемъ.

Щечки Полины мгновенно покрылись живымъ румянцемъ.

Двѣ другія сестры значительно переглянулись, и вслѣдъ за тѣмъ опять звонокъ, на этотъ разъ быстрый и громкій.

Очередь вспыхнуть стала за Надиной.

— Узнаешь-ли по звонку? полушопотомъ, иронически спросила ее младшая, не имѣвшая еще поклонника и покажется никому не оказывавшая предпочтенія.

Вошелъ львенокъ Павлуша, и съ нимъ невидимо вошли веселость, смѣхъ, общій разговоръ. Не положивъ еще шляпы, подбитой бѣлоснѣжной шелковой матеріей, не стянувъ съ рукъ свѣжихъ пазовыхъ перчатокъ, онъ уже разсказалъ какой-то презабавный анекдотъ, разумеется, вымышленный, какъ большая часть анекдотовъ, повѣстей и фельетоновъ.

Два звонка и шумная бесѣда въ гостиной вызвали изъ смежнаго кабинета и озабоченнаго родителя, окончившаго, можетъ-быть, свою скучную работу.

Разомъ привѣтствуя обоихъ гостей, протягивая каждому по рукѣ, добрый толстякъ молвилъ, обращаясь собственно къ Павлушѣ:

— Новостей, новостей принесть намъ съ три короба?

— Есть запасецъ: коробовъ имъ не наполнишь, а на часокъ стоять...

Послѣдовало сообщеніе какихъ-то не обще-интересныхъ сплетней, частныхъ, для печати непригодныхъ...

— Далѣе?

— Вчера, 1 го августа, фонари по всему городу зажгли...

— Чудо, нечего сказать! Вѣдь это событіе у васъ ежегодно повторяется.

— Правда. Однако-жь, у насъ въ Коломнѣ объ этомъ за недѣлю разсуждаютъ и толкуютъ. Даровая иллюминація! Весь городъ празднично прогуливается по Невскому-проспекту и главнымъ улицамъ. И въ газетахъ пишутъ. Высчитали число фонарей. Съ коноплянымъ масломъ

3,729, ламповымъ 561, газовыхъ, 941, спиртовыхъ 2,550, въ числѣ ихъ 630 новыхъ, на Васильевскомъ-острову, и того 7,781 фонарь, если не ошибаюсь...

— Гдѣ ошибаться, коли цифры наизусть вызубрилъ!

— Для вашего удовольствія, почтенный Иванъ Петровичъ: я знаю, вы цифры любите...

— Ого! эниграмма! Ну, продолжай свою эпопею?

— Позвольте духъ перевести, и покажѣть *презентовать* васъ вотъ этими бездѣлками, отвѣчалъ Павлуша, вынимая изъ кармана что-то мелкое. То были коробочки съ зажигательнымъ трупомъ и новою резиною, вычищающею чернила.

— О вѣкъ изобрѣтеній! воскликнулъ толстякъ: великихъ и малыхъ, полезныхъ и пріятныхъ! Стало-быть, теперь уже анахронизмъ старинная наша пословица: что написано перомъ, не вырубишь топоромъ...

— Она всегда сохранить свой нравственный смыслъ, котораго эта резина не вытретъ, вѣдшаяся Дементій Андреевичъ, соблюдавшій до того глубокое безмолвіе, въ нѣмомъ созерцаніи красоты предполагаемой своей невѣсты, которая въ этотъ вечеръ дѣйствительно была какъ-то особенно хороша. Но ненадобно отвлекать Павла Павловича отъ его разсказовъ—не то онъ можетъ потерять нить ихъ...

— О, будьте спокойны на этотъ счетъ, милостивый государь; я не собьюсь съ дороги, и скорѣе вамъ, моимъ благосклоннымъ слушателямъ, понадобится нить Ариадны, чтобы выдти изъ лабиринта много-сложной городской хроники...

— Безъ древностей, Павлуша—требуемъ самаго новаго, вчерашняго... да скажи-ка, кстати, скоро ли начнутся представленія въ театрѣ-циркѣ? Мнѣ, старому кавалеристу, хотѣлось бы посмотреть эти конскія ристалища...

— Не раньше осени—слѣдственно, вы едва ли увидите, потому-что собираетесь въ деревню въ половинѣ нынѣшняго мѣсяца... впрочемъ, какъ постоянный посѣтитель, я могу разсказать вамъ полную исторію здѣшняго цирка, со временъ Гверры и Кюзана, который нынче пишетъ оперы.

— Назвѣдникъ пишетъ оперы? повторилъ Иванъ Петровичъ.

— Такъ точно, Поль Кюзанъ написалъ комическую оперу: «Лѣсной Демонъ»...

— Написалъ ее не Кюзанъ, а Клервиль... прервалъ Дементій Андреевичъ...

— Извините .. Клервилю принадлежатъ только слова, либретто, а музыку оперы все-таки сочинилъ нашъ бывший наѣздникъ...

.. — Что же лучше, музыка или слова?

— Не будемъ спорить о словахъ; доложу вамъ только, что музыкаю «Демона» доволенъ былъ самъ знаменитый Оберъ и восхищался музыкальные критики, въ томъ числѣ извѣстный Леонъ Гате...

— Да, всѣ они восхищались послѣ отличнаго завтрака, который предварительно задалъ имъ догадливый сочинитель оперы... не говоря уже о томъ, что Оберъ страстный охотникъ до лошадей, а Гате и лично скакутъ не хуже Кюзана...

— Такъ вы полагаете, что критиковъ и фельетонистовъ можно задобрить; что на приговоръ ихъ произведеніямъ литературы, искусства, остаются не безъ нѣкотораго вліянія пріязненные или непріязненные отношенія, причины косвенныя...

— Тише, господа! кажется, у васъ полемика начинается... Кюзана мимо. Переходимъ къ другому очередному предмету, какъ говорить въ парламентахъ... Только, пожалуйста, не о вертящихся столахъ, о которыхъ еще не перестаютъ разсуждать въ газетахъ, ни о тудонской дѣвочкѣ, которая, не дотрогиваясь до стѣны, силою магнетизма рукъ своихъ, утверждаетъ на ней полторафранковую монету и заставляетъ ее тамъ прыгать; ни о дилижансахъ и другихъ экипажахъ, которые, посредствомъ той же силы въ пассажирахъ своихъ, какъ паровозы, совершаютъ путь безъ лошадей; ни о новой силѣ одѣ, открытой извѣстнымъ ученымъ Рейхенбахомъ, которою знаменуется симпатія къ синему и антипатія къ желтому цвѣту, которая однимъ и тѣмъ же лучамъ солнечнымъ, въ различномъ ихъ преломленіи и при дѣйствіи ихъ на различные индивидуумы или субъекты, сообщаетъ то теплоту, то прохладу, одну и ту же воду дѣлаетъ для однихъ вкусною, для другихъ противною, и еще не вѣсть что, короче, ни о чемъ подобномъ, неудобопонятномъ и не доказанномъ положительно въ нашъ положительный вѣкъ... Расскажи намъ лучше немудреное, что-нибудь попроще, обыкновенное, житейское, не чуждаясь прозаической «толпы», какъ бы то ни было составляющей, однакожъ, общественное мнѣніе, толпы, для которой трудятся наука, искусства, литература, промышленность, всѣ роды человѣческой дѣятельности,—да, той самой простодушной, но гениальной въ большинствѣ своемъ толпы, которой такъ тонко льстятъ поэты и такъ замѣтно угождаютъ журналисты, ибо въ ней-то и заключаются надежнѣйшіе подписчики...

«Иванъ Петровичъ начинаетъ приходить въ пазось», подумалъ Де-

ментій Андреевичъ «Узнаю прежняго молодого человека-энтузіаста: онъ былъ болѣе воспріимчивъ, когда былъ менѣе толстъ...»

— Повинуюсь: для васъ, почтенный Иванъ Петровичъ, я готовъ на все! отвѣчалъ Павлуша, бросая нѣжный взоръ на вторую цѣль грацій, выразившей: «это для васъ, Надина!»—Повинуюсь—буду говорить о толстѣ, и тѣмъ охотиѣе, что самъ имѣю счастье принадлежать къ ней... съ условіемъ только, чтобъ меня не перебивали и не критиковали безопасно...

Толпа, продолжалъ онъ, принимая наивный видъ, въ остатокъ лѣта, покончивъ утромъ кое-какія, у каждаго имѣющіяся дѣлшки, вечеромъ спѣшить за предѣлы Петербурга, поближе къ нему или подальше отъ него. Сумерки теперь наступаютъ ранѣе, и потому каждый торопится добраться къ цѣли засвѣтло, взглянуть при дневномъ свѣтѣ на зелень, на цвѣты, уже начинающіе увядать, на густо опушенные листьями деревья, между вѣтвями которыхъ пробѣгаютъ уже первыя дуновенія осени... Что до меня касается, вы знаете, я безпрестанно странствую, днемъ и вечеромъ, до глубокой ночи: я неспѣша по природѣ и туристъ въ душѣ, ни чуть не менѣе самаго подвижнаго Джонъ-Буля. Путешествія же нынче такъ легки, удобны—пароходы дымятся у всѣхъ пристаней, а паровозы по всѣмъ путямъ быстрѣе мысли мчатся вихремъ, но безъ пыли, которую только пассажиры пускаютъ въ глаза своимъ визави, поднимая другъ передъ другомъ носъ...

— Остроты, околичности! вѣтерпѣливо замѣтила Полина. Нельзя ли сказать просто, гдѣ вы рыскали, были?

— Не близко-съ, Пелагея Ивановна! Напрасно изволите гнѣваться... На Фогельсбергѣ, въ Тироли, въ Виндзорѣ и Абботсфордѣ.

Иванъ Петровичъ и Дементій Андреевичъ значительно переглянулись, какъ будто говоря: «пошѣшался, кажется?» Надежда и Александра Ивановны наставили хорошенькія ушки свои, а Пелагея Ивановна, не удержавшись, воскликнула: «въ Абботсфордѣ, у Вальтеръ-Скотта? Когда же и какъ могли успѣть въ такое короткое время...

— На дняхъ-съ и на машинѣ, въ часъ, по Царскосельской желѣзной дорогѣ. Клопферъ показывалъ въ Павловскѣ туманныя картины, изображавшія замки, развалины, дворцы, монастыри заграничныя... А передъ тѣмъ ѣздилъ я въ Кронштадтъ, гдѣ мнѣ рассказывали, что въ началѣ нынѣшняго лѣта, въ тамошнюю гавань неожиданно явился, изъ Новаго-Свѣта, съ береговъ Сѣверной-Америки, богатый голландецъ Фамъ-деръ-Бильдъ, на собственномъ фрегатѣ-пароходѣ. Этотъ новый Монте-Кристо, съ семействомъ своимъ и друзьями, второй годъ уже постоянно разгуливаетъ по морямъ-океанамъ, останавливая плавуцій дождь свой

во всѣхъ извѣстныхъ портахъ, осматривая замѣчательные города и мѣстности. Такъ вздумалось ему, между-прочимъ, поглазѣть и на нашъ Петербургъ съ окрестностями. Восхищенный видѣннымъ, изумляясь всему, что въ-теченіе полутора вѣка, изъ суровой, пустынной природы приморской, сдѣлала искусство и неутомимый трудъ, Фанъ-дёръ-Билль, если вѣрить рассказамъ, посѣтилъ, въ заключеніе, и главныя наши загородныя гулянья. Говорятъ—я не выдаю за неопровержимый фактъ—говорятъ, что однажды этотъ наблюдательный путешественникъ оставался въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ до той поздней или ранней поры, пока на встрѣчу выходявшимъ оттуда здоровымъ не показались утромъ больные, пріѣхавшіе пить эти цѣлительныя воды...

— Въ будущемъ году, здоровые, которые такъ поздно засиживаются, много веселятся и пьютъ шампанскаго, вѣроятно, попадутъ въ рядъ больныхъ, прибавилъ Дементій Андреевичъ...

— Можетъ-быть, вы это испытали на себѣ, кольнулъ Павлуша, не простившій худощавому его прежнихъ замѣчаній.

— Я многое испыталъ; но это не должно прерывать вашего разсказа. Продолжайте въ томъ же родѣ!

— Въ эти самыя минуты, когда я имѣю честь бесѣдовать съ вами, на оныхъ же неутомчныхъ «Водахъ» происходитъ повтореніе бенефиса г. Фохта, преждебывшаго кондитера, который прославился карриатурами изъ сахара, а теперь пріобрѣтаетъ себѣ извѣстность въ качествѣ декоратора, устройствомъ иллюминацій на такъ называемыхъ праздникахъ, задаваемыхъ г. Излеромъ.

— Фохтъ всегда былъ «декораторомъ», сказалъ Дементій Андреевичъ.— Помню, надъ его кондитерской красовалась огромная вывѣска съ изображеніемъ, во весь ростъ, турка, читавшаго Сѣверную Пчелу...

— Я не такъ давно въ Петербургѣ и потому говорю только о настоящемъ. Мнѣ довелось быть въ первое представленіе этого бенефиса, названнаго: *Ночь на берегахъ Босфора*. О ней, какъ о чемъ-то дивномъ, возвѣщала исполнская, длиною въ 16, а шириною въ 14 вершковъ, афиша, въ которой сказано было, что это будетъ праздникъ великолѣпный, устроенный въ совершенно-новомъ родѣ; что «Иванъ Ивановичъ Излеръ и г. Фохтъ не жалѣли и не щадили ни издержекъ ни трудовъ, и употребили все средства, все свое знаніе и искусство, чтобы придать празднику этому — еще доселѣ небывалое изящество и сдѣлать его великолѣпнѣе всѣхъ праздниковъ, доселѣ виданныхъ на минеральныхъ водахъ»...

Какъ было не поддаться искушенію такого громкаго и рѣшительнаго объявленія, на которое типографія И. Глазунова и комп. израсходовала

большую часть своихъ крупныхъ и заглавныхъ шрифтовъ, истощила весь запасъ своихъ наборныхъ соображеній касательно красивѣйшаго расположенія текста? И точно, всё, кто не зналъ, какъ убить вечеръ и пустить въ коммерческій оборотъ лишнюю копѣйку — пустились на «Воды», сухимъ путемъ и водами. Невскіе парходики г. Оедорова, который тогда былъ озбоченъ газетною статьею по поводу противопоставлявшагося имъ соперничества и замѣчаніемъ о неточности времени ихъ прихода и отхода,—невскіе парходики, изнемогая подъ бременемъ живаго груза, не могли на палубахъ своихъ помѣстить всѣхъ желающихъ, ни вдругъ сосчитать добытаго кассою несмѣтнаго количества двугривенныхъ. Поэтому пролеткамъ, дрожкамъ, коляскамъ, каретамъ и всѣмъ наемнымъ экипажамъ—былъ тоже великолѣпный праздникъ, настоящій бенефисъ, чего нельзя сказать о бѣдныхъ животныхъ, тащившихъ увѣсистые дилижансы, гдѣ отъ обилія пассажировъ, едва не сидѣвшихъ другъ у друга на колѣняхъ, образовался тропическій климатъ, не охлаждаемый и опаснымъ сквознымъ вѣтромъ, дувшимъ во всё растворенныя окна, подъ всѣ шляпы и шляпки...

Не охотникъ наблюдать архитектурныя или декорационныя приготовления и процессъ постепеннаго зажиганія разноцвѣтныхъ шкаликовъ и китайскихъ фонарей, я по-днюшко являюсь на всѣ эти увеселенія. Когда, около десяти часовъ вечера, вошелъ я въ «босфорскія» залы, онѣ пестрѣли уже плотными толпами, тѣснившими одна другую, чтобъ поскорѣе выбраться въ садъ или завоевать мѣсто на скамьяхъ, ближайшихъ къ сценѣ разныхъ и безконечныхъ, въ первой залѣ, представленій. Скамьи эти не расположены амфитеатромъ, и головы переднихъ рядовъ заслоняютъ «зрѣлище» остальнымъ, гдѣ въ такомъ случаѣ уже не сидятъ, а стоятъ на скамейкахъ, «безъ различія пола и возраста». Жаръ и духота нестерпимые, вентиляторовъ нѣтъ, да и не знаю, много-ли бы помогли они. Можете вообразить, какъ полезенъ для здоровья непосредственный переходъ изъ душныхъ залъ въ прохладную атмосферу сада!

Не желая нажать кашель или горловую боль, я поспѣшилъ въ садъ, и попалъ, казалось, не на берега Босфора, а въ Японію, куда на самомъ дѣлѣ трудно попасть, по нелюбви туземцевъ къ европейцамъ. Пройдя нѣсколько шаговъ и вспомнивъ программу праздника, я обернулся взглянуть на фасадъ террасы, долженствовавшей быть «обращеннымъ въ великолѣпную *турецкую* палатку, украшенную знаменами, бубчуками и полумѣсяцами». Взглянувъ наверхъ, я увидѣлъ настоящій мѣсяцъ, двурогую луну, которая медленно, величественно и торжественно плыла въ темныхъ облакахъ. Передъ этою вѣчно-прекрасною

и плѣнительною картиною природы померкла въ глазахъ моихъ мною «восточная» иллюминація; не разсмотрѣвъ подробностей убранства «стурепкой палатки», я снова повернулся къ площадкѣ и, въ задумчивости, наткнулся на какой-то зеленый, прозрачный столбъ, освѣщенный изнутри...

Благодаря моей блистательной догадливости, я немедленно понялъ, что это-то и есть показанный въ афишѣ «огромный цѣлтуцій кактусъ». Цвѣты его, величиною побольше арбуза, недурно впрочемъ сдѣланные, издавали благоуханіе стеарина и ламповаго масла. Но искусственнымъ, въ гиперболическомъ видѣ, растеніемъ нельзя было долго любоваться—передъ мною раскидывалось дѣйствительно роскошное убранство первой площадки, оглашаемой глухимъ говоромъ диллетантовъ и стройными звуками оркестра Югана Гунгля... Здѣсь-то и была Японія!

По обѣимъ сторонамъ ея, то-есть площадки, а не Японіи, красовались «зеленыя пальмы»; по срединѣ же висѣла «новая колоссальная люстра», окруженная меньшими, какія и отдѣльно колыхались на оконечностяхъ или углахъ площадки, надъ которою переливчато-радужною сѣтью протягивалась цѣпь зыблящихся вазъ, гирляндъ, транспарантовъ;—лучше всего въ этой изящной иллюминаціи были люстры, и колоссальная, и меньшихъ размѣровъ. Отлично, со вкусомъ и очень рачительно раскрашенное полотно ихъ, пестрымъ смѣшеніемъ, тонкостью и яркостью иѣжныхъ цвѣтовъ походило издали на японскій фарфоръ. Нѣсколько минутъ глаза съ удовольствіемъ останавливались на этой воздушной декорациі, и потомъ, утомленные, искали другой...

Стояло только пройти сквозь живописную, темными цвѣтами отдѣленную арку, и передъ вами разстилались узоры второй площадки. Среди ея, противъ эстрады, гдѣ «упражнялся на шарѣ» г. Густавъ, ломались кабалы, показывались гимнастическія и атлетическія штуки, происходили «игры Ила и Лаомедона» и гимнастика на стульяхъ братьевъ Сабекъ, Коріоланъ (какое историческое имя!)—лежа на спинѣ, ногами подбрасывалъ бревно, какъ перышко, и наконецъ, такъ величавый въ афишахъ *Геркулесъ XIX столѣтія* — г. Гобергъ, изумлялъ неправдоподобною силою,—среди второй площадки, хочу сказать я, извѣстный мраморный фонтанъ, не шумѣвшій, впрочемъ, ропотно и не осыпавшій васъ водяными брызгами, огороженъ былъ низенькимъ полотнянымъ заборикомъ, разумѣется, размалеваннымъ, и по сей причинѣ носилъ наименованіе «турецкаго фонтана». Такъ-какъ я не былъ ни въ Турціи, ни въ Японіи, ни въ Китаѣ, то и не могу судить, на сколько оное оправдывалъ свое названіе...

По сторонамъ эстрады торчали, въ полумракѣ, узкія подобія минаретовъ, вышиною однакоже до одиннадцати сажень, а насупротивъ стоялъ плоскій мавзолей, съ девизомъ, заимствованнымъ, яко-бы, изъ арабскихъ поэмъ. Одинъ случившійся тутъ проказникъ, назвавшій себя ориенталистомъ, такъ перевелъ начертанныя на мавзолеѣ арабскія карикюльки: «Какими пустяками забавляетесь вы, господа! На какой вздоръ тратите деньги и время!»—Извините, возразилъ другой веселый господинъ: вашъ переводъ невѣренъ;—арабская надпись эга значитъ:

Мѣшайте дѣло съ пустяками
И забавляйтесь иногда!
Разрѣшено и мудрецами
Отдохновенье отъ труда.
На общій вкусъ забавы рѣдки,
На всѣхъ никто не угождалъ...
Одинъ здѣсь требуетъ котлетки,
Другой шампанскаго бокала;
Одинъ объ оперѣ вздыхаетъ,
Другой цыганскихъ примадоннъ
Не ниже Гризи поставляетъ.
У всякаго свой вкусъ и тонъ!
Толпѣ мазурки, польки, мильи,
Ученый безъ ума отъ книгъ...
Взгляните, старикашка хилый
Помолодѣлъ здѣсь хоть на мигъ...
А какъ довольны мододые,
Особенно прекрасный полъ —
Вотъ эти шляпки голубыя,
И этотъ сѣренькій камзолъ!

— Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ слышавшихъ оба перевода предпочли прозаическій, простой и короткій, —прибавилъ рассказчикъ, скромно потупляя глаза и такимъ-образомъ какъ-бы выдавая себя за неутѣшеннаго виновника малоудачной стихотворной импровизаціи.

Публика, по обыкновенію, раздѣлялась на нѣсколько партій. Одни слушали оркестръ въ саду, другіе глазѣли на иллюминацію, третьи пробирались къ звѣрицу Зама, откуда раздавалось негодующее рыканіе заточеннаго льва, или къ вновь устроенной панорамѣ Берлина, вырѣзанной изъ липоваго дерева, приплачивая по четвертаку за каждое изъ этихъ удовольствій; четвертые пили чай подъ натуральными липами; пятые дѣлали тоже самое въ ближайшей къ саду залѣ; шестые наполняли другую залу, главнѣйше любуясь тамъ ненаглядными живыми картинками, представлявшими нимфъ океана, Гомера, раснѣвающаго Иліаду, битву Геркулеса съ амазонками, индійскаго Бахуса, приговоръ Брута...

— Это стоило бы, кажется, посмотреть? вопросительно, но недоверчиво произнесъ толстякъ...

— Только мы, кажется, ничего не увидимъ, съ маленькимъ стованіемъ замѣтила Полина.

— Хоть разъ-бы, папенька, свозили вы насъ къ этому Излеру? подала голосъ Надина.

— Или въ Павловскъ,—въ свою очередь, выразила мнѣніе Александрина.

— Почему же нѣтъ; свезу разокъ, пожалуй... Однакожъ, живыхъ картинъ тамъ немного...

— Помилуйте, неисчислимый репертуаръ! возражалъ повѣствователь.— Да я вамъ на-память пропасть назову... Марсъ—Амуръ—Аполлонъ—Терпсихора и три граціи; Телемакъ и прибытіе Амфитриды на островъ Цитеры; греческіе войны передъ Троею; смерть Пріама и Ахиллеса, Одиссей въ полномъ составѣ; торжество Галатеи, Сусанны; раздраженный Геркулесъ; золотое дерево; молодая спартанка; похищеніе сабинокъ; Діана и Актеонъ, Юпитеръ и Венера въ разныхъ видахъ; жертва Ифигеніи; всякіе жрецы и жрицы... вся миеологія въ трико, подъ газомъ и въ цвѣтахъ...

— Все это, впрочемъ, легко вообразить, заключилъ Иванъ Петровичъ, побрякивая въ карманѣ денежками, которыя жалѣлъ на «пустяки», согласно приговору девиза изъ арабской поэмы...

— Ну, а самый Босфоръ и берега его? спросилъ Дементій Андреевичъ.

— Это также предоставляется вамъ *вообразить*, какъ думали, вѣроятно, и остроумные устроители «небывалаго, совершенно въ новомъ родѣ праздника». Они ограничились декорацией «турецкой крѣпости», ея фейерверочною осадю, бомбардированіемъ и взрывомъ. Билъ барабаны; музыка гремѣла военный маршъ... Очень было страшно—огонь трещалъ, какъ на пожарѣ, лопались бураки, пугались дамы и лошади безчисленныхъ экипажей за оградю;—неосторожная искра прожгла мнѣ палецъ; потомъ все потухло, потемнѣло... слышался голосокъ цыганки Груши: «И нѣтъ въ мірѣ очей»... ей подтянула Маша: «ѣхали ребята»... «ой, біда!» восклицали Лиза и Васильевъ, въ тактъ съ публикою, которая долго не могла раздѣхаться, отыскивая или ожидая своихъ возницъ... Кончивъ рассказъ, прошу стаканъ воды...

— И возьмете карточку? предложилъ хозяинъ, раскладывая ломберный столъ.

Иванъ Петровичъ, Дементій Андреевичъ и Павлуша устали за преферансъ, и въ заключеніе семейнаго вечера, толстякъ принужденъ

былъ сдаться на требованіе дочерей и возвратившагося сына-баснописца—свозить ихъ въ Новую-деревню...

Исполненіе этого обѣщанія послѣдовало не далѣе, какъ черезъ день, именно во вторникъ, 4 августа, въ третье повтореніе описанной бофорской ночи. Полина, Надина и Александрина узрѣли наконецъ собственными глазами всѣ эти чудеса санктпетербургскаго загородя, и узрѣли съ достаточнымъ удобствомъ, потому-что въ этотъ вечеръ посѣтителей на Водахъ было не слишкомъ много и слѣдственно не было ни тѣсноты, ни жары нестерпимой... *Силомѣръ* (динамометръ) и *указатель вѣса*, довольно изящно и симметрически устроенные подъ кровомъ прозрачныхъ павильончиковъ, по обѣимъ сторонамъ арки, на границѣ, разделяющей увеселительныя площадки, привлекали любопытствовавшихъ, узнать крѣпость своихъ рукъ и вѣсимость тѣла. Многіе тщедушные съ удивленіемъ и радостью убѣдились, что они существа не совсемъ безсильныя, потому-что посредствомъ извѣстнаго механизма поднимали нѣсколько пудовъ какой-то тяжести, скрытой подъ поломъ, и люди не безъ вѣса, потому-что сами составляли тяжесть въ нѣсколько пудовъ. Стрѣлки красивыхъ циферблатовъ указывали степень силы и вѣса каждаго. Самолюбіе нѣкоторыхъ измѣрявшихся и вѣшавшихся было вполне удовлетворено крупною цифрою—и наслажденіе это стоило не болѣе гривенника. Не много съ одного и порядочный сборъ съ сотенъ въ одинъ вечеръ. О промышленность, облакаемая въ форму науки! О пресловутыя «Воды», на которыхъ все найдешь, всего допросишься, кромѣ стакана воды!

Послушавъ увертюру въ «Гугенотовъ», «ксилофонъ, филомелу, мандолину и гармонику» тирольцевъ, изъ груди которыхъ, по странному замѣчанію толстяка-провинціала, излетаетъ иногда отрывистый, болѣзненный звукъ, въ такомъ родѣ, какъ будто-бы они внезапно проглотили кипятку; посмотрѣвъ на разныя разности, въ саду представляемыя, дѣйствующія лица повѣсти нашей перекочевали въ концертную залу. Благодаря малочисленности посѣтителей, Павлуша, распорядившійся на Водахъ какъ дома, успѣлъ завоевать первую скамейку. Посрединѣ помѣстились три сестрицы, съ боковъ Иванъ Петровичъ, опиравшійся на свою палку, и Дементій Андреевичъ, неимѣвшій въ жизни никакой опоры, кромѣ надежды на взаимность своей Полины. Суевѣвшемуся Павлушѣ и юному баснописцу не сидѣлось на мѣстѣ. Они сновали туда и сюда, желая видѣть, слышать все вдругъ и поспѣть всюду...

— Шестдесятъ тысячъ квадратныхъ футовъ! Сколько было труда и терпѣнія! говорилъ толстякъ, не спуская глазъ съ неизбѣжной пано-рамы Миссиссипи, медленно двигавшейся передъ зрителями подъ звуки

монотонной музыки. Города, озера, водопады, скалы при закатѣ солнца, крутые берега, пароходы, плывущіе и горящіе, хлопчато-бумажныя плантаціи, кипарисныя болота, сахарородныя мѣста, негры съ опущенными и зѣнъ съ поднятыми головами, рогатый олень и звѣри безъ роговъ, но болѣе опасныя, хижины индійцевъ и свинцовыя рудники, острова и горы, лѣса и пажити, вода и небо, и наконецъ Новый-Орлеанъ, вблизи котораго Миссиссипи, совершивъ теченіе слишкомъ въ тысячу-пять сотъ миль, впадаетъ въ заливъ Мехиканскій.

— Хорошая кисть, весьма старательное исполненіе: но долго смотрѣть соскучишься! сказалъ Дементій Андреевичъ, и тихо прибавилъ: это не то, что ваши глаза, Пелагея Ивановна...

— Перестаньте, вѣдь вы не мальчикъ, чтобъ говорить такіе комплименты.

Дементій Андреевичъ вздохнулъ про себя, впервые пожалѣвши, что онъ давно уже не мальчикъ, не юноша, котораго нѣжности выслушивали бы охотнѣе...

Ни пѣніе «вновь ангажированныхъ» сеньора Мирати и какой-то сеньорины, ни «японскія игры и хрустальныя пирамиды», составленныя изъ графиновъ съ разноцвѣтными жидкостями, въ нѣсколько ярусовъ, слишкомъ не заняли пропитанную англійскою поэзіей героиню нашу, хотя на горлышкѣ верхняго графина удивительно балансировалъ какой-то отчаянный художникъ, выдѣлывая въ тоже время руками, языкомъ и носомъ отважнѣйшія штуки, ежеминутно внушавшія опасеніе за цѣлость его головы, которую, вѣроятно, считалъ онъ послѣднимъ, обременительнымъ условіемъ своего существованія...

Но вотъ послышалось соло, не недостойное иной сцены, фантазія на любимую каватину изъ оперы «Niobe», и звуки Германовой виолончели, этого инструмента, такъ схожаго съ голосомъ человѣческимъ, какъ-будто-бы првлекли на мгновеніе симпатическое вниманіе Полины...

Еще мгновеніе...

О Полина! о бѣдная дѣвушка! зачѣмъ ты отвлекла взоры свои отъ этой нероскошной, но безопасной сцены? зачѣмъ слухъ твой не внимаешь долѣ мужественно-нѣжнымъ аккордамъ этой большой скрипки, почти заслоняющей скромнаго артиста, которому какъ-будто грустно и больно, что онъ добросовѣстно разыгрываетъ свои мелодіи не на подмосткахъ настоящаго театра?...

У барьера, отдѣляющаго тѣсное помѣщеніе оркестра отъ рубежа этой зальной сцены, въ граціозной, изящной позѣ, стоялъ молодой, стройный, прекрасный собою кавалеристъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ свою блестящую каску, другою поправлялъ свои густыя, шелковистыя, темно-

русые волосы. Его нѣсколько блѣдное, продолговатое лицо оживлялъ алый, благородный румянецъ, прозрачный, какъ розовая кисея, свѣгающій какъ робкая утренняя тѣнь. Двѣ широкія, пушистыя дуги бровей ложились черною тѣнью надъ большими, пламенными голубыми глазами. Пронзительный взглядъ ихъ случайно упалъ на Полину; ея взглядъ случайно встрѣтился съ этими свѣтлыми и жгучими взорами.

Они долго, нѣсколько минутъ, смотрѣли другъ на друга, словно повинувшись какой-то неодолимой магической силѣ, какому-то неотступному обаянію, и потомъ кавалеристъ исчезъ, увлеченный какимъ-то статскимъ франтомъ...

До слуха Полины слабо долетѣли медленные, сладостные звуки голоса скрывшагося красавца; виолончель медленно пѣла: но старшая дочь толстяка ничего уже не видѣла, не слышала. Щеки ея то горѣли, то цокрывались бѣлыми пятнами; руки и ноги ея странно дрожали, грудь колебалась, уста вдругъ заеклись. Сосѣдъ ея, нашъ злополучный Дементій Андреевичъ, все это видѣлъ, слышалъ ея трепеть, чувствовалъ за нее и вѣсть съ нею...

Онъ угадалъ, понялъ происходившее въ ея взволнованномъ, стѣсненномъ сердцѣ, его собственное замерло, и онъ такъ поблѣднѣлъ, что встревожилъ добраго Ивана Петровича, который, замѣтивъ его блѣдность и не замѣтивъ ничего другаго, обратился къ нему съ вопросомъ пріятельскаго участія: «не дурно-ли тебѣ, Дементій Андреевичъ?»

— Да, немного... здѣсь жарковато...

Они поднялись съ мѣсть и вышли въ садъ, на свѣжій воздухъ, по колку онъ можетъ быть свѣжъ и чистъ въ безвыходныхъ клубахъ табачнаго дыма отъ множества сигаръ и папирсовъ. Скоро онъ смѣшался съ пороховымъ, при блескахъ и раскатахъ фейерверка, на который Полина смотрѣла разсѣянно и тревожно, безпрестанно оборачиваясь, какъ будто-бы искала кого-то глазами...

Возвратились домой. Всегда кроткая и послушная, Полина стала вдругъ капризна и своевольна; сказала чуть не грубость покорному, безотвѣтному Дементію Андреевичу, сердилась на брата, ворчала на сестеръ, невнимательно отвѣчала на какой-то вопросъ отца, и въ заключеніе такъ раскритиковала Излера, какъ никогда не рѣшался ни одинъ раздосадованный фельетонистъ, охотно принося этому протею дань заслуженныхъ похвалъ. Но, что всего страннѣе и слишкомъ противорѣчиво;—тутъ же изъявила желаніе ѣхать къ нему на другой день или вечеръ, предназначавшійся въ пользу инвалидовъ.

— Шалишь... сверхъ-рубля шалишь, Поля! сказалъ толстякъ, улы-

бядь и любясь раскрасившимися щечками дочери. Стану я ежедневно возить васъ туда?!

— Завтра, Пелагея Ивановна, тамъ будетъ тоже самое, дерзнуть замѣтить огорченный женихъ.

— Повторится точь-въ-точь все сегодняшнее, пояснилъ Павлуша.

— Повторится сегодняшнее! повторила Полина задумчиво и какъ будто-бы говоря сама съ собою...

Спустя около недѣли, Павлуша явился, во-первыхъ, съ новыми рассказами, между-прочимъ, о бенефисѣ Шиндлера въ паркѣ близъ Лѣснаго института, иллюминированномъ шкаликами и бенгальскимъ огнемъ, и оглашенномъ пѣснями *шестнадцати* нѣмецкихъ пѣвцовъ, которые, если вѣрить рассказчику, лихо отхватывали «Камаринскую» Глинки, по программѣ значившуюся, впрочемъ, въ музыкальномъ собственно отдѣленіи концерта; а во-вторыхъ, съ афишею непомѣрнаго объема, простиравшаяся до полутора аршина въ длину и трехъ-четвертей ширины. Огромный листъ печати извѣщалъ о новомъ, 13 августа, на «Водахъ» бенефисѣ, г-жи Беккеръ, устроительницы живыхъ картинъ, пѣвца Крена, виолончелиста Германа и скрипача Мертке. Новый, разумѣется, «великодушный» праздникъ расписывался краснорѣчивѣе и—словно мы торопимся жить—общалъ Годъ въ три часа или четыре времени года. По словамъ афиши, это была затѣя опять «въ совершенно-новомъ и небываломъ родѣ», въ которой учредители «старались по возможности выдти изъ обыкновенной системы аранжировокъ, и придать празднику этому новый видъ, характеризующій его название». Чѣмъ-то привлекательнымъ и даже поэтическимъ вѣяло изъ широковъщательной программы, составленной довольно грамотно. Наружный фасадъ террасы долженствовалъ представить развалины готическаго замка, съ двумя на вершинѣ его аистами, символически изображающими наступленіе весны. Раздѣленные на четыре участка, двѣ главныя площадки сада претендовали, въ живой картинѣ, воскресить давно отлетѣвшую *весну*, поддержать отлетающее *лѣто*, придвинуть суровыя декорации и безъ того быстро-приближающейся *осени*; наконецъ, ни съ того, ни съ сего, пахнуть на васъ ледянымъ дыханіемъ бореевъ и мятелей *зимы*...

Уступая усиленнымъ просьбамъ сына и дочерей, въ особенности настоятельному требованію старшей, Иванъ Петровичъ волею-неволею согласился снова потѣшить свое семейство, показать ему диковинный «праздникъ», мечтавшій обогнать природу въ ея постепенномъ теченіи. Издержки на этотъ разъ уменьшались въ-половину, потому-что Дементій Андреевичъ, желая чѣмъ-нибудь угодить Полину, предложилъ съ своей стороны экипажъ...

Но Полинѣ ничто не могло угодить, ничто не могло развлечь ее внутренно, со времени перваго, столь роковаго посѣщенія «Воды». Она, что называется, металась изъ угла въ уголъ, «милый образъ, мимолетное видѣнiе» не выходили, не вылетали изъ ея горячей памяти и смятеннаго сердца, не давали ей покоя ни днемъ, ни ночью, усыпляли ея бодрствованiе, нарушали ея сонъ. Глаза ея помутились и блуждали какъ у помѣшанной. На иссохшихъ, отъ душевной тревоги, розовыхъ губкахъ образовались трещины, которыя привели бы въ недоумѣнiе любого архитектора; кругленькiя щечки ея замѣтно впали... Наконецъ, въ одномъ углу нашла она четверть листка почтовой бумаги, схватила стальное перо, которое ее прорѣзывало, какъ онъ ея сердце, и закипѣло страстное посланiе, адресованное, разумѣется, къ интимной деревенской подругѣ. Запечатанное, оно секретно вручено было вечеромъ Павлушѣ, съ тѣмъ, чтобы тотъ, для вѣрности, самъ отдалъ его, слѣдующимъ утромъ, на почту. Молодой человекъ, воротясь къ себѣ и отходя ко сну, вынулъ изъ кармана эту конфиденціальную корреспонденцію, положилъ ее на столикъ подлѣ кровати, улегся и закурилъ толстую вояжерку Морие. Свѣча горѣла, Павлушѣ спать еще не хотѣлось, читать было нечего; онъ протянулъ руку къ письмену Полины, повертѣлъ его нѣсколько времени въ рукахъ, подумалъ немного, спокойно сломалъ печать, и прочиталъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Такъ-то, добрая моя Паша, рѣшается судьба наша, по крайней-мѣрѣ судьба нашего бѣднаго сердца, которое такъ сильно умѣетъ полюбить и такъ мало смѣетъ выбирать. Меня выбралъ этотъ милый, благородный прiятель батюшки, Дементiй Андреевичъ, человекъ достойный всякаго уваженiя и любви, хотя онъ немного краситъ волосы, очень притомъ рѣдкiе. Я приготовлялась, прiучала себя полюбить его, какъ мужа, какъ старшаго брата, какъ отца. Папа желаетъ этого брака... однако-жъ, далеко не неволить меня. Мы почти помолвлены, и еще вѣсколько дней тому, я готова была сказать батюшкѣ: «выхожу за него, за Дементья Андреевича», и одна минута, одна случайная, нелѣпая встрѣча ниспровергаетъ мое благоразумное рѣшенiе, лишаетъ счастья достойнѣйшаго человека, который, кажется, безъ ума отъ меня и, конечно, весь остатокъ своей жизни преданно посвятилъ бы моему счастью...

«О, какъ молодъ, прекрасенъ *другой*, незнаемый! Очаровательный взглядъ его перевернулъ мою душу, морочитъ меня неотступно, сколько я не дѣлала надъ собою усилiй, чтобы освободиться отъ этого губительнаго влiянiя. Статься-можетъ, мы никогда уже болѣе не встрѣтимся. Я надѣла его только разъ, и потомъ всѣмъ.. онъ говорилъ

мнѣ такія сладкія рѣчи; рука моя горѣла въ его дрожащей рукѣ... за-
пекшіяся уста мои жгло пламя....

«Черты его какъ-будто бы напоминаютъ нѣсколько Виктора... по-
мнишь-ли, Паша... того хорошенькаго, тринадцатилѣтняго мальчика, ко-
торый нѣкогда росъ и игрывалъ съ нами... Мы давно забыли его и
совершенно потеряли изъ виду, съ-тѣх-поръ какъ ихъ семейство на-
всегда оставило сторону нашу. О тихая, прелестная сторона, зачѣмъ
я оставляла тебя навремя. Я не привезу уже съ собою прежняго спо-
койствія въ наши поля и горы, въ раздѣляющій усадьбы наши густой
лѣсъ, который скоро пожелтѣетъ, какъ я начинаю желтѣть теперь...
О, Паша, Паша, сколько нужна мнѣ въ эти дни твоя дружба, твой
совѣтъ, твое слово!.. Какъ быть? На что рѣшиться?..»

«Такъ вотъ оно что!» сказалъ самъ себѣ Павлуша. «Вотъ отчего,
Пелагея Ивановна, васъ такъ коробить и тяветъ на Воды... отчего
вы, сударыня, такъ угорѣли и одурѣли!—Ну, я отъ всей души поздрав-
ляю тебя, достопочтеннѣйшій Дементій Андреевичъ! Выходитъ, что въ
вѣрномъ выигрышѣ останется только твой портной, нашившій тебѣ та-
кихъ модныхъ визитокъ, пиджаковъ, пальто и столько жилетовъ разно-
цвѣтнаго пике... весь этотъ самоновѣйшій гардеробъ ни къ чему не по-
служилъ—износился, подобно самому тебѣ, передъ однимъ могуществен-
нымъ взглядомъ молодости и красоты мужской?»

Прозвнеся этотъ тонкій монологъ, Павлуша спокойно вложилъ об-
ратно въ конвертъ таинственное письмо, задулъ свѣчу, повернулся
на бокъ и заснулъ богатырски. Искусно вновь запечатанное, оно утромъ
отнесено было на почту, не самимъ Павлушей, а его человѣкомъ,
что, по основательному мнѣнію перваго, отнюдь не измѣняло ни суще-
ства дѣла, ни вѣрности доставки...

Наступилъ нетерпѣливо ожидаемый всѣмъ гостинимъ дворомъ и
всѣми комми четвергъ, вечеръ 13-го-августа, и провинціальное семей-
ство наше, въ сопровожденіи тѣхъ же кавалеровъ, прикатило на Воды
въ двухъ каретахъ. Полина какъ будто-бы сожалѣла, что посвѣшила
откровеннымъ къ подругѣ посланіемъ, такъ неосторожно довѣреннымъ
посредничеству вѣтралика.—«Письмо мое отиравлено?» тихо спросила
она Павлушу, когда онъ высаживалъ ее изъ кареты. — Вѣроятно, по-
лучено уже на мѣстѣ.—«Неприкосновенное?»—Помилуйте, за кого вы
меня считаете!

Вошли въ садъ. Первымъ провозвѣстникомъ весны былъ старый
знакомецъ кактусъ. Полотняные кустарники, коленкоровые цвѣты, ис-
кусственные розы, таковыя же гирлянды, транспараны, къ которымъ

не слѣдовало приближаться, чтобы не перазила васъ грубость кисти, украшала весенній участокъ, въ которомъ, по словамъ программы, «преобладалъ розовый цвѣтъ»; въ воздухѣ качались «живописныя люстры», и медленно, словно окорока вѣтромъ, колыхались чудовищной величины бабочки, тяжелыя, какъ свинецъ, неповоротливыя, какъ медвѣдь. Гдѣ имъ было перхаться по цвѣтамъ, когда онѣ были вдесятеро больше огромныхъ цвѣтовъ кактуса. Около помѣщенія оркестра кусты стѣснялись, образуя цвѣтникъ, едва-ли только «роскошный», по выраженію печатнаго объявленія... Картонныя деревья «въ полномъ цвѣтѣ» и съ «плодами», неудобными для вкушенія, составляли переходъ отъ весны къ лѣту, которое изображала «золотистая нива съ растущей на ней рожью»; мѣстами видѣлась что-то похожее или непохожее на «кошны сжатыхъ колосевъ, приготовленныхъ для уборки; по окраинамъ площадки разбросаны фрукты», которыхъ никто не поднималъ, съ трудомъ различая ихъ декоративные синонимы... вездѣ, говорило печатное описаніе, «преобладалъ здѣсь голубой цвѣтъ, какъ принадлежащій вальскамъ»...

Семейство Ивана Петровича, столь знакомое съ картинными сельской природы, не нашло на этихъ двухъ участкахъ ни малѣйшаго напоминанія весны и лѣта, и перешло въ остальные два, взглянувъ предварительно на одинокаго аиста, котораго поджаривали изнутри, за тѣмъ, чтобы онъ свѣтился надъ грустными развалинами... другаго аиста не видѣли...

Не слишкомъ удовлетворяла зрителей и аллегорія осени, съ копьями, увитыми нарисованнымъ виноградомъ, и транспараномъ—приготовленія морса, доказывавшимъ, что декораторъ Фохтъ не равнодушенъ еще къ прежнему ремеслу своему — кондитера. Не совсѣмъ сходно съ программю изображалась наконецъ и зима, долженствовавшая, по точному стилю афиши, представлять «характеръ мертвенности, въ который облекается природа въ это время года». Нѣсколько общипанныхъ метель отнюдь не замѣняли «иссохшихъ и замерзшихъ деревьевъ», и никто не замѣтилъ, чтобы послѣднія, по обѣщанію, покрыты были «линеемъ и снѣгомъ»; тщетно также взоры зрителей искали, равномѣрно обѣщанныхъ, снѣжныхъ полей и льдинъ, «свисшихъ съ крыши эстрады» на второй площадкѣ. Зато всѣ четыре участка дѣйствительно представляли общую картину мертвенности и какого-то унынія, происходившаго отъ этого неудачнаго смѣшенія полусвѣтовъ и цвѣтовъ...

Мертво и уныло было въ неопытномъ сердцѣ Подины, не нахо-

дившей того, для котораго она такъ желала попасть на этотъ затѣли-
вый бенефисъ,—кто вдругъ, нехота, сгубилъ ее собственную весну. Не
развлекли ее ни на мгновеніе игривыя пьески, мастерски исполняемыя
оркестромъ Югана Гунгя, ни его прекрасный вальсъ: «Souvenir de
Трианон»... Машинально только повторила она мысленно стихъ изъ не-
подражаемаго посланія Пушкина «къ вельможѣ»: «Ты помнишь Триан-
онъ и шумныя забавы»?

«Понимаю твою печаль и разсѣянность!» думалъ Павлуша, проник-
шій въ сердце Полины не совсѣмъ позволительнымъ способомъ. «Иванъ
Петровичъ»,—продолжалъ онъ вслухъ: «надобно заглянуть и въ кон-
цертную залу?» Пошли туда. Но ни новыя живыя картины г-жи Бек-
керъ, ни элегическое соло Жана Мейера на скрипкѣ, ни флейта Совле,
разыгрывавшая дивертиссементъ на мотивы изъ «Двухъ Фоскари»,
Байрона и Верди; ни русская пѣсня Кольцова: «Что ты спишь, мужи-
чекъ?» съ которою вздумалъ совладать какой-то не русскій пѣвецъ —
ничто не коснулось взоровъ и слуха влюбленной дѣвушки. Павлуша
замѣтилъ однакожъ, что она вздрогнула, когда віолончель Германа на-
чала русскую арію, и глаза ее быстро обратились къ одной сторонѣ
барьера: но тамъ, какъ тогда, въ граціозной позѣ, не красовался плѣ-
нительный кавалеристъ. Павлуша улыбнулся. Дементій Андреевичъ
поглядѣлъ. Онъ тоже наблюдалъ за своею терзаемою невестою...

«Здѣсь душно!» сказала Полина, щеки которой дѣйствительно пы-
лали. Всѣ снова въ саду, гдѣ если не душно, то и неслишкомъ просторно.
Не легко пробраться сквозь «живописныя триумфальныя ворота», т. е.
по-просту арку, раздѣляющую двѣ главныя площадки. Толстякъ смя-
сходительно любитъ прозрачную размазкою этихъ «воротъ», аллего-
рически убранныхъ трофеями, съ одной стороны—осени, съ другой —
зимы. Павлуша остритъ надъ поставленною на аркѣ неблагообразною
фигурою—въ-половину вакха, въ-половину арлекина... Дементій Ан-
дреевичъ ни на что смотритъ. Полина ничего не видитъ, потому-что
не хочетъ видѣть, не видя того, чье присутствіе сдѣлало бы для нея
вѣсколько сносите все это странное и нескладное зрѣлище...

Публика также не совсѣмъ имъ довольна; въ утомленныхъ глазахъ
ея слишкомъ долго тянется этотъ скороснѣбый *годъ въ три часа*.
Полина въ три часа переживаетъ годъ сердечной муки. Всѣ съ не-
терпѣніемъ ждутъ заключительныхъ потѣшныхъ огней, чтобы скорѣе
развѣхаться. Но и фейерверкъ раздѣленъ на четыре части. Взвилась
ракета, и загорѣлся букетъ цвѣтовъ. Это *весна*, какъ гласятъ над-
пись изъ огненныхъ буквъ. Черезъ полчаса, «золотистая нива» крас-

ныхъ и голубыхъ искръ и пламенный водопадъ, низвергающійся съ ображаемой скалы—представляютъ *лѣто*. Передъ третьею частью слышатся отдаленные звуки охотничьихъ роговъ, раздаются выстрѣлы, и ярко освѣщенный транспарантъ силится изобразить темный лѣсъ съ кабаньей въ чащѣ его охотой. Собаки немилосердно терзаютъ страшнаго звѣря. Это — *осень*. Ущелье горы, мнимо-падающій свѣгъ и лавина, поглощающая людей—предназначены возсоздать картину *зимы*, въ надписи которой недостаетъ отсырѣвшей первой буквы, что подаетъ поводъ къ каламбуру въ толпѣ: «зѣло не хорошо вышло».

Въ антрактѣ осенняго и зимняго фейерверковъ, на эстрадѣ второй площадки, г. Беккеръ аранжируетъ «разныя сцены изъ карнавала», представляемыя группою масокъ, арлекиновъ, пьеро, колобинъ. Всѣ эти болѣе или менѣе пріятныя фигуры выплясываютъ *pas de matelot*, мазурку *solo*, польское *pas de trois* и китайскій танецъ: но не успеваютъ свискать благоволенія публики, которая, при закрытіи завѣсы, единогласно шикаетъ и съ неудовольствіемъ расходится...

Афиша обѣщала еще «магическое изображеніе въ водѣ дворца волшебницы Морганы»: но исполненія не послѣдовало. Эта курьозная *фата-моргана*, возвѣщавшаяся многократно, каждый разъ отиѣнялась, то по случаю ненастной погоды, то по причинамъ, ближайше извѣстнымъ виновникамъ увеселеній на Водахъ. «Когда же будетъ *сія фата-моргана?*» спрашивалъ одинъ фатъ у другаго, вправлявшаго въ глазъ квадратное стеклышко. *Morgan*, отвѣчалъ тотъ, отнимая отъ глаза это стеклышко, мѣшавшее ему хорошенько разсмотрѣть трехъ молоденькихъ, свѣженькихъ особъ, медленно пробиравшихся къ выходу въ сопровожденіи нѣсколькихъ кавалеровъ. То были наши областныя граціи. Взоры Полины все еще блуждали въ толпѣ, и каждая блестящая каска, сверкавшая впереди, заставляла трепетать экзальтированную дѣвушку.

Напрасно, на обратнотъ пути, Павлуша истощался въ доказательствахъ, что неудавшійся въ Новой-деревнѣ бенефисъ — все-таки совершенство въ сравненіи съ штуками Дордана, Монплезира и Любека, гдѣ даютъ цеккинскія ночи, съ балансированіемъ корабля на *лбу*, японскія ярмарки, *всякому свое счастье*, или сюрпризы въ три коуѣйки серебромъ, и *рыцарскіе* праздники, состоящіе изъ припиленныхъ къ березкамъ картоновъ, на которыхъ намалеваны мечи, щиты, шлемы, латы и т. п. Напрасно! Недовольная собою и цѣлымъ свѣтомъ Полина не хотѣла вѣрить нисходящимъ степенямъ загородныхъ забавъ, а почтенный родитель ея выразилъ мнѣніе, что все это болѣе или менѣе балаганно, и умѣстнѣе было бы на масляницѣ, подъ качелями,

для простаго народа. «Высшее общество, избранная публика», прибавилъ Дементій Андреевичъ, «хотя изрѣдка и взглядываетъ на эти забавы, но вообще предпочитаетъ свой кругъ»...

— Вы разумѣете, вѣроятно, каменно-островское музыкальное гулянье? прервалъ Павлуша. — Да, тамъ вѣдетъ истиннымъ изяществомъ и дыханіемъ живой красоты, которая любитъ только роскошныя, поэтическія декорации оперы или балета... одними зрѣлищами тамъ не налюбуеться... напримѣръ, этотъ новомодный англійскій *кабъ*, на двухъ колесахъ, безъ козелъ, правимый жокеемъ съ запятокъ, черезъ кузовъ... Однакожь, и то сказать, однообразіе вездѣ и всѣмъ прискучиваетъ... Вотъ муринскіе дачники, которые даже въ газетахъ хвалились прелестью уединенія в сельской тишинѣ, подъ-конецъ лѣта начали позъывать и, какъ слышно, устраиваютъ мѣстный балъ. Павловскій-воксалъ, который доселѣ довольствовался исключительно оркестромъ Юсафа Гунгла, теперь вступаетъ въ счастливое соперничество съ заведеніемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ—и, посмотрите, многіе изъ лучшей публики явятся на бенефисъ Вальца, общающій что-то не совсемъ обыкновенное — морской праздникъ...

— Не посмотримъ, потому-что на-дняхъ выѣзжаемъ изъ Петербурга, — сказалъ толстякъ: процессъ мой конченъ, сынншко определень...

Полина вздрогнула; у Дементія Андреевича защемило подъ сердцемъ. Павлуша возразилъ:

— Потому-то именно, Иванъ Петровичъ, что скоро и надолго, если не навсегда, разстаетесь съ Петербургомъ, и надобно побывать въ Павловскѣ. Сообщеніе по желѣзной дорогѣ удобное и недорогое, а билеты на бенефисъ я буду имѣть честь представить вамъ...

— Очень, очень благодаренъ тебѣ, любезнѣйшій; да не хотѣлось бы замедлять отъѣздомъ...

— Ничуть не замедите: это послѣ завтра, 15 го числа, и снѣмъ увѣрить, не разочаруетъ васъ, какъ «Четыре времени года», которая сей-часъ мы видѣли, и которая общается еще ганзейскій «Любекъ», обыкновенно повторяющій въ каррикатурахъ все, что ни затѣютъ на Водахъ...

— Изволь, вези насъ куда угодно; будемъ восхищаться каррикурами, въ оригиналѣ и копіяхъ. Какъ вижу, ты, Павлуша, истый герой столичнаго загорожья и непремѣнный членъ всѣхъ общественныхъ гуляній и сборищъ; — это, кажется, единственная твоя спеціальность и профессія?

— Извините, я нахожу время для всего... занимаюсь науками и,

въ числѣ ихъ, даже астрономіей. Кетати, расскажу вамъ... 10-го числа, около девяти часовъ вечера, созерцая звѣздное небо, усѣянное нирядами свѣтилъ, я замѣтилъ между ними, или, говоря точнѣе, подъ созвѣдіемъ «Большой Медвѣдицы», небольшую комету. Она имѣла шаровидную форму и состояла изъ парообразнаго свѣтящагося ядра, или кометной головы, съ небольшоимъ хвостомъ, который тянулся отъ нея къ сѣверо-западу... Не будучи, впрочемъ, экспертомъ въ дѣлѣ астрономіи, я не могъ простымъ наблюденіемъ своимъ опредѣлять ни разряда, къ которому она принадлежитъ (плотная она или прозрачная), ни поперечника ядра, ни вещественнаго ея содержанія, ни длины хвоста, ни наконецъ отдаленности ея отъ солнца... я любовался этою кометою не какъ ученый, а только какъ обыкновенный любитель всѣхъ замѣчательныхъ явленій природы, на землѣ и на небѣ... Она замѣтна четвертый вечеръ сряду... Взгляните-ка сюда, Иванъ Петровичъ, Дементій Андреевичъ, Пелагея Ивановна! Она и теперь видна, хотя и склоняется въ направленіи къ юго-востоку, не измѣняя однакожъ своего первоначальнаго вида...

Всѣ устремили глаза по указанію пальца Павлуши: но, по неудобству астрономическихъ наблюденій изъ окна движущейся кареты, ничего не усмотрѣли.

— Ну, немного же ты намъ показалъ и невразумительно объяснилъ! сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Да я и самъ не могъ нигдѣ найти удовлетворительнаго объясненія, сколько ни рылся. О Галлеевой 1835 года кометѣ писали предвѣрительно въ газетахъ и журналахъ, опредѣляя мѣсяць, число и мѣсто ея появленія. О нынѣшней же они не промолвили ни полсловечка, и даже въ календарѣ, гдѣ обыкновенно помѣщаются обстоятельныя свѣдѣнія относительно всѣхъ воздушныхъ явленій въ—продолженіе текущаго года, о ней не упомянуто. Припоминая подробныя описанія огромныхъ кометъ, которыя наблюдали Шретеръ, Гершель, Белеслей, Поисъ, можно предполагать, что видимая мною... я вижу ее и въ настоящую минуту... принадлежитъ, вѣроятно, къ тому многочисленному отдѣлу кометъ, время появленія которыхъ, настоящее или ближайшее и будущее, по слишкомъ эксцентрической ихъ орбитѣ, трудно бываетъ опредѣлять...

Пелагея Ивановна не поняла ни слова изъ этого «хитраго», уклончиваго объясненія... быть-можетъ, потому, что вовсе не слушала астрономическую импровизацію Павлуши, наблюдая въ это время какую-то яркую звѣздочку, одиноко свѣтившуюся въ темномъ облачкѣ, и носясь

мыслью или мечтою за живымъ призракомъ, возмутившимъ ея дѣтское спокойствіе...

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. — Должно быть, — началъ Иванъ Петровичъ — должно быть, братъ Павлуша, заперъ земныхъ новостей у тебя повстощился, судя потому, что ты вдругъ, ни съ того, ни съ сего, залетѣлъ въ недосыгаемую высь...

— Ну, такъ и есть! Я зналъ, что вы это скажете. Но вы ошибаетесь — вотъ вамъ еще водяная новость — новые легкіе пароходики везуть желающихъ на Кушелевку и въ Полюстрово... Пріѣхалъ изъ-за границы — чуть было не забылъ — воздухоплаватель Пуатвель; одни говорятъ затѣмъ, чтобъ подняться изъ сада минеральныхъ водъ къ облакамъ и достоверно изслѣдовать новую комету; другіе утверждаютъ, да того лишь, чтобъ записаться въ Петербургъ въ числѣ отъѣзжающихъ за границу... Приближается осень и уже толкуютъ о новыхъ сюжетахъ для нашей итальянской оперы.

— Я ихъ не услышу... въ моемъ далекомъ «Ивановскомъ»... Но зато я слышалъ въ Петербургѣ чуднаго соловья. Это было на дачѣ у тебя, Дементій Андреевичъ... Представь себѣ, Полина: пѣлъ не хуже соловьевъ въ нашей роцѣ?

Полина молчала. Въ ея-ушахъ раздавались мелодическіе звуки виолончели Германъ и вѣжнаго голоса, глубоко запавшаго въ ея сердце...

Въ другой каретѣ, гдѣ помѣщались младшія сестры съ братцемъ-баснописцемъ, шелъ родственныи разговоръ о старшей, ея грусти и задумчивости съ нѣкотораго времени. — «Кажется, она неохотно идетъ за Дементія Андреевича?» говорила Надина. — «Ей никогда никто не нравился — ей все-равно, за кого не идти!» замѣтила Александрина. — «Прощайте, сестры!» молвилъ молодой поэтъ. — «Черезъ нѣсколько дней разстанемся надолго. Пріѣду въ Ивановское съ усамъ и съ печатнымъ экземпляромъ своихъ басенъ... Но изъ васъ, можетъ быть, ни одной ужъ не будетъ съ папашей: всѣ разлетитесь въ разныя стороны!»

Черезъ день, въ субботу, часовъ около восьми вечера, Павловскій вокзалъ и примыкающій къ нему садикъ, кипѣли и пестрѣли множествомъ посѣтителей. Разноцвѣтныя мантильи, шляпки, шелкъ и бархатъ, военныя шинели и фуражки, темныя и свѣтлыя пальто смѣшивались въ толпѣ и группахъ. Ихъ легкій, тихій говоръ едва слышался изъ-подъ стройныхъ, отчетливыхъ звуковъ классическаго оркестра Юсефа Гунгля, предоставившаго живой, одушевленный романтизмъ марииннику своему Іогану, любимцу Новой-деревни и половины петербургской публики...

Трудно было достать стулъ или овладѣть свободнымъ полуаршинномъ на скамьѣ. Поэтому бѣлая часть публики, въ ожиданіи вакантныхъ мѣстъ, прохаживалась вокругъ павильона, устроеннаго для военной музыки и въ тотъ вечеръ обтянутаго полотномъ или одинадцатью картинами, изображавшими достопамятнѣйшія событія изъ исторіи русскаго флота и мужественнѣйшіе подвиги доблестныхъ моряковъ нашихъ...

Тѣ, которые медленно прогуливались, и тѣ, которые спокойно сидѣли, взаимно изучали другъ-друга, въ-слѣдствіе стариннаго присловія: «себя показать, другихъ посмотреть». Всѣ возрасты, начиная отъ глупаго дѣтскаго и оканчивая согбеннымъ старостью, въ многочисленныхъ представителяхъ, мирно и согласно соединялись на этомъ тѣсномъ пространствѣ. Безъ иллюминаціи оно уже блестѣло золотыми и серебряными эполетами, аксельбантами, привлекательною цестротою и свѣжестью дамскаго наряда, молодостью и красотой. Взглядъ наблюдателя съ одинаковымъ любопытствомъ останавливался и на почтенныхъ ветеранахъ жизни; и на радостныхъ юношахъ, только-что вступавшихъ на дѣйствительное поприще ея, впервые появившихся въ обществѣ, потому-что это былъ день выпуска изъ кадетскихъ корпусовъ, такъ кстати совпавшій съ праздникомъ, посвященнымъ патріотическому воспоминанію о дняхъ славы русскаго оружія и геройскихъ жертвахъ, принесенныхъ отечеству благороднѣйшими его сынами...

Огни освѣтили садъ, зажглись внутри павильона, окруженнаго историческими транспаранами... вотъ побѣда при Чесмѣ и битва Наваринская; Сакенъ, взрывающій себя на воздухъ съ непріателемъ, и бригъ Казарскаго, вступающій въ неравную, но увѣнчанную торжествомъ борьбу съ двумя огромными турецкими кораблями; мичманъ Сухотинъ, умирающій на доскутьяхъ изорванныхъ и изгрызенныхъ имъ зубами сигнальныхъ книгъ, чтобъ онѣ не достались шведамъ, напавшимъ на него въ превосходныхъ силахъ, — и капитанъ-лейтенантъ Невельской, ни за что не сдающійся англичанамъ, которые не отнимаютъ у него ни шпаги, ни свободы, замуленные его отчаянною храбростію... Вотъ самъ нашъ Великій-Петръ, на Ладожскомъ-озерѣ, среди страшной бури, грома и молній, правящій рулемъ, и у Лахты, незадолго до ранней кончины своей, спасающій гибнущихъ солдатъ, — незабвенный преобразователь Россіи, по словамъ поэта, —

.... Тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля...

Къ-сочалѣннѣ, всё эти очень-недурно, для транспараннаго освѣщенія, сдѣланныя и довольно-объемистыя впрочемъ картины — казались слишкомъ малыя въ общемъ размѣрѣ великолѣпной и весьма эффектной иллюминаціи, узорчато обвивавшей все полукружіе воксала съ фонтанами и весь смежный садъ, блиставшій разноцвѣтными стеклянныя вазы и фонарями, украшенный флагами, трофеями и морскими ариатурами, именами заслуженныхъ мужей русскаго флота, убранный подобіемъ пальмовыхъ деревьевъ, мачтъ, кандебрами изъ якорей, съ пылающими ядрами и бомбами, колоннами въ видѣ пушекъ и, наконецъ, огненными гирляндами, съ которыхъ опускались три большія люстры изъщной формы и раскраски. Корзинки настоящихъ цвѣтовъ, обвивавшихъ средину мачтъ, искусное сочетаніе, переходы, переливы цвѣтовъ и тѣней, и привлекательный изумрудный отблескъ зеленыхъ шкалковъ, живописнымъ рисункомъ развѣшенныхъ по вершинѣ фасада воксальнаго, дополняли красоту рачительно соображенной и со вкусомъ обдуманной иллюминаціи, которая заключалась аркою надъ мостикомъ, перекинутымъ черезъ прудъ, и, на оконечности этого мостика, — большимъ транспаранномъ съ именами знаменитѣйшихъ вождей русскаго флота...

Молодежь, налюбовзвшись вдоволь этою обширною и, мѣстами, поэтическою картиною, перенесла наблюденія свои на картинки живыя, — хорошенькія личики, прелестно-освѣщенные матовою радугою всевозможнаго цвѣта огней, заслоненныхъ стекломъ и ширмами прозрачнаго раскрашеннаго полотна. Каждый могъ выбрать личико по своему вкусу, по своимъ понятіямъ о женской красотѣ и привлекательности. Ни одинъ любознательный и алчущій сердечныхъ впечатлѣній взоръ — останавливался на группѣ, которая скромно занимала малозамѣтный уголокъ, устьянной сидящими, нижней галлерей воксала. То были наши деревенскія граціи, вполсѣдніе наслаждавшіяся зрѣлищемъ загородныхъ праздниковъ петербургскихъ. Надина и Александрива казались довольными и веселыми: онѣ отъ чистаго сердца смѣялись какому-то шаловливому разсказу словоохотливаго Павлуши. Но черты старшей сестры ихъ выражали глубокое уныніе и тяжелую тоску. Ей вторилъ печальный и задумчивый Дементій Андреевичъ. Толстякъ безмолвно курилъ сигару, равнодушно смотря на толпу, но не безъ участія слѣда глазами за сынокъ-баснописцемъ, который вблизи расхаживалъ подъ-руку съ какинъ-то юнымъ знакомцемъ. Быть-можетъ, скорая разлука съ роднымъ дѣтищемъ и невольное воспоминаніе о той, которая дала ему жизнь и давно уже покоится на сельскомъ кладбищѣ, подъ стѣною плакучей березы, были причиною долго-непрерываемаго молчанія добраго Ивана Петровича.

Вдругъ все засуетилось въ толпѣ и въ толпахъ—всѣ поднялись съ мѣсто, устремились къ пруду — взвилась искрометная ракета, гранула словно боевой выстрѣлъ—и пошла огненная потѣха — озарилась пламенными клубами устроенная на другой сторонѣ пруда декорация «турецкой крѣпости Аяапы, осаждаемой русскимъ флотомъ»... разрушеніе, взрывъ, пожаръ!.. твердыня пала, и въ заключеніе роскошнаго фейерверка — изъ вазъ въ саду полетѣли разноцвѣтными римскія свѣчи, и бенгальскія огни покрылъ чуднымъ отблескомъ зелезъ кустарниковъ, скрывавшюся въ полумракѣ, вмѣстѣ съ военными пѣсенниками, которые въ тоже время огласили садъ ратною пѣснью побѣды... русское сердце стукнуло, и многіе изъ востытелей, не разъ бывавшіе въ дѣйствительномъ бою, живо припомнили себѣ опасныя и торжественныя минуты...

Надина, Александрина и братъ ихъ восхищены. Одна лишь старшая сестра не повеселѣла, и все томится своею тайною думою. Но что это съ вами, бѣдная Пелагея Ивановна? Вы горите огнемъ, вы смертельно блѣднѣете, трепещете? Трепещеть и блѣднѣеть испугавшій испрежнему нареченный женихъ вашъ, Дементій Андреевичъ... Оба они увидѣли въ толпѣ блдую кавалерійскую фуражку, — признали стройнаго красавца, что, недѣли двѣ тому, въ одно время съ ними, слушалъ на Водахъ игру Германа на виолончели...

— Гдѣ Павлуша? куда онъ запропастился? Звонять... возздъ отходить! восклицалъ Иванъ Петровичъ, замѣтивъ смятеніе и блѣдность дочери, которая, разумѣется, приписаны были внезапной дурнотѣ.

Но Павлуша не замедлилъ явиться и донести, что онъ былъ въ балаганѣ, когда-то построенномъ для цыганскаго хора, не утвердившагося въ Павловскѣ, и смотрѣлъ тамъ туманныя картины.—Да вѣтъ, прибавилъ онъ, — Клопферъ угощаетъ старымъ: изъ маленькаго ящика своего, скрытаго за большимъ полотномъ, наводитъ на него прежнія туманности, которыя показывалъ уже въ вечеръ *Привѣтствія музъ*...

Не переставая болтать, Павлуша, какъ умѣлъ, старался, на обратномъ, медленномъ пути въ Петербургъ, занять компанію свою рассказомъ содержанія недавно игранной на каменно-островскомъ театрѣ другой пословицы Октава Фѣлье: *le village*, исполненной ума и чувства въ изображеніи прелести домашняго очага, роднаго крова и семейныхъ привязанностей...

— Да, да! говорилъ Иванъ Петровичъ: — домашній очагъ, родной кровъ, свои поля и лѣсъ — лучше всего...

Черезъ два или три дня семейство провинціала возвращалось уже во свояси, послѣ необходимыхъ слезъ прощанья съ молодымъ баснописцемъ,

который, забывъ искусственную поэзію, рыдалъ какъ настоящій ребенокъ, бросаясь на шею, то къ отцу, то къ сестрамъ...

Павлуша, безъ-сомнѣнія, присутствовалъ при отъѣздѣ изъ Петербурга грацій и родителя ихъ, по московской желѣзной дорогѣ, и за немнѣніемъ другихъ новостей, объявлялъ, что описанный праздникъ въ Павловскѣ повторяется въ пользу «Общества посѣщенія бѣдныхъ»; а Дементій Андреевичъ, разставаясь, статья-можетъ на вѣкъ, съ возлюбленной, но не пламенкой къ нему Полиной, изъявилъ желаніе проводить Ивана Петровича до станціи ***, гдѣ ожидала провинціаловъ нашихъ помѣстительная дорожная карета, долженствовавшая доставить ихъ въ родимые предѣлы. На обезнадеженномъ женихѣ и невѣрной ея невѣстѣ, что называется, не было лица, и Дементій Андреевичъ, дѣршенія своего жребія, ожидалъ только, что скажетъ она ему при последнемъ прости: *да* или *нѣтъ*? Наканунѣ онъ сообщилъ уже мысли свои на этотъ счетъ отцу ея, который, съ обыкновенною своею простодушною откровенностью, отвѣчалъ: «Эхъ, Дементій Андреевичъ,—поздненько, любезный мой, собрался ты жениться, когда, не въ увѣрѣ тебѣ будъ сказано, отъ худобы, начало тебя сгибать въ колесо!»

Быстро, безъ коней, на волшебныхъ крыльяхъ пара, мчатся спокойные, комфортабельные вагоны. Толстякъ сладко дремлетъ подъ однообразное ихъ укачиванье; младшія его дочери тихо разговариваютъ между-собою; отъ времени до времени вмѣшиваются въ бесѣду ихъ и Полина. Съ бѣльшимъ и бѣльшимъ удаленіемъ отъ Петербурга, она, при вѣяніи свѣжаго воздуха, какъ-будто становится менѣе безпокойною и грустною: убѣжденіе въ невозможности, или, по-крайней-мѣрѣ, трудности, возвратить потерянное, добыть желаемое — уменьшаетъ горечь потери, миритъ съ нею усталое сердце и прекращаетъ безплодныя ея жалобы. Теплый лучъ надежды невидимо прокрадывается въ омраченную душу Дементія Андреевича...

Вечерѣтъ. Вагоны освѣщены. Совсѣмъ смерклось на окрестныхъ поляхъ. Вотъ и *** — я станція...

Иванъ Петровичъ, Пелагея, Надежда и Александра Ивановны выходятъ изъ своего вагона, сопровождаемые Дементіемъ Андреевичемъ, который долженъ услышать теперь изъ устъ первой Шекспировской: «быть или не быть»... ему супругомъ ея...

Изъ другихъ вагоновъ также выходятъ многіе на платформу, освѣтятся, промяться, платформа пестрѣетъ пассажирами въ различныхъ костюмахъ. Шорохъ и глухой говоръ...

Въ нашей группѣ происходитъ продолжительное прощанье. «Ну,

говорить толстякъ: «прощай, мой дорогой Дементій Андреевичъ! Спасибо тебѣ за дальнія проводы, за любовь и дружбу къ намъ!.. До свиданія, до пріятнаго свиданія, старый пріятель! Справедлива пословица: «старый другъ лучше новыхъ двухъ!» — А весною пріѣзжай къ намъ въ Ивановское... мы для твоего пріѣзда устроимъ тоже иллюминацію и фейерверкъ — ты у насъ лѣто прогостишь... и здоровьемъ поправишься...»

Смущенный Дементій Андреевичъ сквозь зубы благодаритъ за обязательное, но нѣсколько неопредѣленное и отчасти двусмысленное предложеніе, и потомъ поочередно подходитъ къ ручкѣ дочерей Ивана Петровича, по особенному расчету начиная съ младшей. Падина и Александрина надѣляютъ его наилюбезнѣйшими привѣтствіями, и даже дружески жмутъ худую и костлявую его руку... но рука Полины холодна, какъ ледъ, и уста ея нѣмы, какъ у покойницы...

Въ толпѣ продолжается невнятный говоръ, и вблизи кто-то провозноситъ имя «Виктора». Полина быстро подымаетъ голову, и въ двухъ, трехъ шагахъ, видитъ бѣлую фуражку, узнаетъ знакомаго-незнакомца — кавалериста.

«Папенька!» восклицаетъ взволнованная дѣвушка, подбѣгая къ отцу. — «Папенька, это Викторъ ***, нашъ Викторъ... Помните ли?... Подзовите его...»

— Очень можетъ-быть, что ты не ошибаешься, — флегматически отвѣчаетъ отецъ: — но съ какой стати я буду подзывать его, если онъ не узнаетъ насъ?.. Сколько лѣтъ прошло... тогда онъ былъ мальчишк... теперъ взрослый мужчина, в какой бравый, красивый мужчина!

Красивый — въ этомъ Полина ни малѣйше не сомнѣвалась, и, статья-можетъ, ей удалось-бы убѣдить отца возобновить давнее знакомство — но въ это самое мгновеніе поданъ былъ условный знакъ, и всѣ бросились къ ваггонамъ, занять свои мѣста...

Что происходило въ эти минуты съ нашимъ тощимъ героемъ, легче понять, нежели рассказать! Поездъ удалился и замогло вдали его рокотное движеніе; замолокъ и стукъ колесъ тяжелой кареты, скрывшей въ тѣсномъ своемъ пространствѣ толстяка съ дочерьми, — а бѣдный Дементій Андреевичъ все еще стоялъ, какъ вкопанный, на опустѣлой платформѣ!

Темно и мрачно было кругомъ. Ничто не нарушало вечерней тишины. Вѣтви едва видѣлась глубокая ложбина, въ которую упирался крутой, обрывистый косогоръ, и тамъ, на днѣ его, чуть свѣтились мелкіе, тусклые огоньки въ избушкахъ; еще лѣтѣе, за ложбиной и ка-

книжъ—то стрепшемъ, мѣрно плескалась бойкая рѣчка и чернѣлъ густой лѣсокъ; луна выныла изъ перловыхъ облаковъ, и звѣзда за звѣздой, то яркая, то блѣдная, показывалась на темносинемъ небѣ...

Здѣсь оставимъ мы нашего героя; здѣсь простился съ книгъ, во всей вѣроятности, навсегда: въ полночь, повѣздъ изъ Москвы возьметъ его съ собою, и утромъ Дементій Андреевичъ непременно будетъ спавъ на берегахъ Невы...

Что касается мечтательной Полины, дальнѣйшій романъ ея жизни тайна для насъ, какъ и для читателя. Быть-можетъ, пылкій порывъ ея сердца пройдетъ, какъ тревожный сонъ, какъ видѣніе и бредъ галочки — она образумится, одумается надосугѣ, и слѣдующимъ лѣтомъ осчастливитъ рукою своею преданнаго Дементія Андреевича, который, конечно, будетъ столько благоразуменъ, что не поселится съ нею въ Петербургѣ, чтобы новыми романтическими встрѣчами не возмутить ни своего счастья, ни ея покоя...

Если простая повѣсть наша не показала вамъ слишкомъ занимательною, а тѣмъ менѣе замысловатою, никто, безъ сомнѣнія, не отниметъ у нея достоинства «животрепещущей современности»: никогда «исторія» не слѣдовала такъ быстро за «событіями»... почти вчерашними... сколько бы они ни были малозначительны и эфемерны!..

Когда, въ будущей книжкѣ «Пантеона», мы вновь возвратимся къ бесѣдѣ съ вами, о снисходительный читатель, на дворѣ станетъ осень во всей формѣ: доскажемъ эпилогъ отлетающаго лѣта и, пользуясь антрактомъ между двумя сезонами, порою осенняго нешастья, — взглянемъ на другія, менѣ шумныя, но болѣе существенно-дѣятельныя стороны общественной жизни нашей, потому-что мы любимъ и повеселиться, и дѣло дѣлать. Пресытятся пустотою и мелочью безсмѣнныхъ развлеченій, однообразныхъ въ самомъ высшемъ разнообразіи своемъ, умъ проситъ иной пищи, сердце и душа впечатлѣній не столь легкихъ и переходчивыхъ...

ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОДЫ.

Не пускаясь въ дальнія разсужденія о всѣхъ предѣстахъ, представляемыхъ костюмами настоящей поры года, которые, своею простотой и разнообразіемъ составляютъ изъ дамъ букеты среди живыхъ цвѣтовъ, и дѣлаютъ ихъ легкими и красивыми, какъ бабочки, которыя порхаютъ надъ этими цвѣтами, мы на этотъ разъ прямо представимъ нашимъ читательницамъ пять избраннѣйшихъ образчиковъ господствующей моды. Вотъ они:

Первый костюмъ. Шляпка крошечная, миниатюрная, чуть-чуть не наколка, креповая, съ нашитой на ней рѣшеточкой изъ соломки. вмѣсто тульи, легкая накидочка изъ тафты. Шляпка эта закрываетъ одинъ затылокъ, такъ, что изъ-подъ нея видна вся прическа. Платье шелковое. Юбка состоитъ изъ четырехъ широкихъ волановъ; корсажъ—изъ накидной легкой кофточки съ испанскими прорѣзами на рукавахъ. Воланы, кофточка и рукава ея въ прорѣзахъ обшиты шотландскою пестрою лентой. Такою же лентой, съ маленькимъ бантомъ и длинными концами, перехвачено платье въ поясъ. Зонтикъ бѣлый, маленький, складной. Просто, изящно и богато.

Второй костюмъ. Платье изъ полосатаго пашмина, до-верху, безъ всякихъ отдѣлокъ и украшеній. Мантилья чернаго гласе à la mousquetaire. Она состоитъ изъ спинки шалью, рукавовъ и корсажа съ фалдами. Кругомъ она вся обшита зубчатыми фестонами изъ той-же матеріи въ три ряда, и фестоны эти перехвачены широкими нашивками изъ чернаго бархата, а нижняя часть мантильи оторочена кругомъ широкой бахромой, полу-шелковой, полу-синельной. Такая мантилья одна составляетъ уже прелестный нарядъ. Шляпка тюлевая, съ вышитыми, отогнутыми назадъ полями. Подъ полями гирлянда изъ розъ, вокругъ всей головы. На боку маленькое перо марабу.

Третій костюмъ. Сельскій. Шляпка итальянская соломенная, съ распущенными полями. Тулья перевязана широкой гроденаплевой лентой, которой концы виспадаютъ съ полей съ боку. Снизу поля подбиты тафтою, съ буфами по краямъ. Около ушей по маленькому букету цвѣтовъ. Подвазучки изъ широкой гроденаплевой ленты. Платье бѣлое кисейное, съ короткими рукавчиками. Корсажъ весь складочками; рукавчики обшиты кружевомъ. По корсажу, отъ плечъ къ поясу, на груди и на спинкѣ, перекрещиваются двѣ полосатые ленты, которыя на плечахъ оканчиваются бантиками, съ довольно длинными концами. Сверхъ

юбки сшита тюника изъ той-же матеріи, какъ и ленты, съ разрѣзаніи по сторонамъ, такъ, что передняя часть тюники образуетъ какъ-бы передничекъ, соединяющійся съ самою тюникомъ бантиками изъ тѣхъ же лентъ. Къ довершенію этого поэтического костюма легкій пла-токъ креповъ, бѣлый, съ бахромою.

Четвертый костюмъ. Домашній. Юбка изъ полосатаго ну-де-соа-гласе, безъ волановъ, съ бантами напередѣ, етъ пояса до подола. Кофточка съ таліей, изъ той же матеріи, простеганная мелко на легкой ватѣ. Кофточка имѣетъ отложной воротничекъ, отвороты на груди и рукава съ разрѣзаніи. Все это обшито шелковой бахромою, а въ поясѣ и около шеи кофточка схвачена бантами изъ лентъ.

Пятый костюмъ. Платье ну-де-соа, съ четырьмя широкими воланами, обшитыми агрананомъ съ кисточками. Кофточка съ открытымъ персажемъ и отворотами. Полудлинные рукава, съ разрѣзаніи отъ локтя. Кофточка вся кругомъ обшита тѣмъ-же агрананомъ, какъ и платье. Манжика à la mouquetaige, до-верху, вышитая гладью, равно и нижняя юбка, батистовыя. Шляпка бастовая, обшита на поляхъ узкой блондою, убрана бѣлыми цвѣтами съ зеленью. Ботинки подъ цвѣтъ платья.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФИС-ГАРМОНИКИ.

- СЗЕРНУ.** Zwölf Preludien in gebundenen Styl. (1 p. 72 к.)
- ЛИСЛ.** Deux sonates de Beethoven op. 26, 27, pour Physharmonica et Piano. (Chaque 1 p. 72 к.) Elegie d'Ernst, pour Physharmonica et Piano. (85 к.) Wiener salon-musik. Periodisches Werk für Physharmonica und Piano. Op. 51. № 13. zwei Potpourris nach der oper: der Prophète (2 p. 85 к.) № 14. 15. Vier Potpourris aus der oper: Huguenotten, zwei heft zu (2 p. 50 к.) № 16. Beethoven's. Adagio, Andante, Menuet aus 1-e Symphonie und Andante aus Quartette. Op. 59. (2 p 85 к.) № 17. Zwei lieder, Messe und fantasia von W. A. Mozart (2 p. 50 к.) № 18. Fantaisie über Théma von Beethoven, Haydn, Mozart und Schubert. (2 p. 50 к.) Les Etudes pratiques pour Physharmonica seul. (1 p. 15 к.) 24 Préludes dans tous les tons, pour Physharmonica (1 p. 15 к.) Reminiscences de l'opéra: Martha. (85 к.) La Romanesca. Fameux air de Danse. (85 к.) Soirées musicales de Rossini, transcrites pour Physharmonica et Piano. (8 p. 50 к.)
- MULLER.** Träume. Mignon-Fantaisien, für Physharmonica allein. Heft. 1. 2. 3. (каждая 1 p. 15 к.)

ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

- СУНС'З.** Minuet-Passé. Quadrille. (60 к.) Abschied von Petersburg. Walzer. (85 к.) Frühlingsboten. Sophien-Walzer. (85 к.) Elisen-Tänze Walzer. (85 к.) Camelia-Mazurka. (50 к.) Le Retour. Valse brillante. (85 к.)
- ЛАБИТЗКУ.** Helenen-Walzer. Op. 202. (85 к.) Frühlingsleider-Walzer. Op. 204. (85 к.) Waldblumen. Drei Polka. Op. 205. (85 к.) Huldigung den Frauen. Walzer. Op. 206. (85 к.) Gabrielle-Quadrille. Op. 207. (60 к.) Zur Rosenzeit. Walzer. Op. 208. (85 к.)
- ТРАУСС (СОЕН).** Annen-Polka. (30 к.) Nocturne-Quadrille. (60 к.) Zehner-Polka. Op. 121. (30 к.) Indra-Quadrille. Op. 122. (60 к.) Satanella-Quadrille. Op. 123. (60 к.) Phönix-Schwinger. Walzer. Op. 125. (85 к.) Rettungs-lubel-Marsch. Op. 126. (30 к.) Freuden-Gruss-Polka. Op. 127. (30 к.) Salon-Sprüche. Walzer. (85 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛѢ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНО, ВНОВЬ ИЗДАННЫЕ.

- ВАРИАНШОВЪ.** На небо взглянуть. (60 к.) Садъ роскошенъ и цвѣтистъ. (1 р.) Ты прости, ненаглядная. (70 к.) Такъ и рвется душа. (60 к.)
- ГАШКА И.** О милая дѣва. (85 к.) Я здѣсь, Иннизилья. (50 к.) Когда въ часъ веселый. (75 к.) Сомнѣніе. Уймется волненія страсти. (85 к.) Слышу ли голосъ твой. (60 к.) Если встрѣчусь съ тобой. (40 к.) Ходить вѣтеръ у воротъ. (50 к.) Не искушай меня безъ нужды. (50.) Голосъ съ того свѣта. (70 к.) Не называй ее небесной. (1 р.) Только узналъ я тебя. (60 к.) Сто красавицъ черноокихъ. (60 к.) О дѣва чудная моя (85 к.) Давно ли роскошно. (85 к.) Спи, мой ангелъ, почивай. (85 к.) Стой мой вѣрный бурый конь. (1 р. 30 к.) Между небомъ и землей. (85 к.) Всѣ номера отдѣльно изъ оперъ: Жизнь за Царя и Русланъ и Людмила.
- ГУРИЛЕВЪ.** Майскія noci. (70 к.) Долго ли же будешь, сердце, ты томиться. (50 к.)
- ДАРГОМОНСКІЙ.** Лихорадушка. (40 к.) Я все еще его люблю. (50 к.)
- КОВЬЕВЪ.** Не говори ни да, ни нѣтъ. (40 к.)
- РОМАНУСЪ.** Звѣзда прости пора мнѣ спать. (50 к.)
- ТИТОВЪ.** Намъ, братъ, пѣснями не кормить коней. (30 к.) Прости на долгую разлуку. (50 к.)
- ТИТОВЪ И.** Гусли мои гусли. (50 к.) Ахъ! не листъ осенній (40 к.) Я не скажу вамъ, кто она. (30 к.) Вѣтка. (30 к.)
- НИЛОВСКОЙ.** Зачѣмъ? Романсъ. (60 к.)

Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романсы и пѣсни можно получить

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой-Морской, въ домъ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и гдѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе ноть не менѣе, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И Пецы точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія ГГ. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эристомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 8.

МОТЯ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДЪЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

К. А. ТЕРНОВСКИМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧЪ ОКУНЬКОВЪ, помѣщикъ.

МОТИ, его дочь.

НИКОЛОДА КУЗЬМИЧЕННА, его сестра, пожилая дѣвушка.

САКРДОБЪ НАВЪЧЪ ФАРФОРОВСКІЙ, праздношатающійся.

АФРИКАНКА, лакей.

(Дѣйствіе происходитъ въ Подольскѣ, у Окунькова).

Гостиная: дверь въ глубинѣ, ведущая въ слѣдующую комнату, изъ которой выходъ въ садъ.
Двери по сторонамъ. Нагѣво китайскій бильярдъ. Столы, стулья.

I.

АФРИКАШКА, потому ОКУНЬКОВЪ.

АФРИКАШКА (въ брюкахъ и жилеткѣ, безъ сюртука, чиститъ фракъ Фарфоровскаго). Вотъ это сукнецо!.. Это можно то-есть чести приписать!. Чай, цѣлковыхъ по пяти аршинъ!.. Жениховское сукнецо, во всемъ форматѣ жениховское. И сколько у насъ этакихъ фраковъ перебивало, бѣда!.. И синихъ-то, и черныхъ-то, и это всякаго то-есть разбора. (плюетъ на щетку и чиститъ съ ожесточеніемъ). Да! Насчетъ чего другаго прочаго, а жениховъ у насъ не занимать стать, понаглядѣлись мы таки на нихъ. Приѣдутъ это такими, то-есть, фуфурями, ломаются, сударь мой, ломаются, и такъ-то, и этакъ-то, и на разные это термины, а глядь баринъ Николай Кузьмичъ, денька этакъ черезъ два, своей то-есть манерой, съ маху это дѣло въ резонть произведутъ, да всѣхъ во свояси и отправятъ, настоящее дѣло!.. (показывая направо) Еще спитъ... Вотъ этотъ нычче изъ Москвы приѣхалъ, да только на долго ли... (зѣваетъ). Эхма!.. Выспаться незадалось сегодня... а ужъ вѣдь сонъ, это, то-есть, нашему брату, это... (зѣваетъ). Это самое настоящее дѣло!.. (зѣваетъ). Чтобъ-те розарвало!..

Нашъ братъ во свѣ лишь отдыхаетъ,
Какъ господинъ себѣ живетъ
Во свѣ насъ баринъ не ругаетъ
Вотъ на яву, когда вернешься,
Домой, подвыпивши, бѣда!..
Во свѣ-жъ, какъ сильно не наньешься,
Проснешься трезвый навсегда!

(Относитъ фракъ на столъ, что подлѣ двери направо. Въ это время Окуньковъ входитъ сълѣва, въ халатъ и туфляхъ).

АФРИКАШКА (*всторону*). Э! Баринъ—то ужъ встамши!

ОКУНЬКОВЪ. Ну, что?.. проснулся?..

АФРИКАШКА. Кто—съ?..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, этоть... какъ его?..

АФРИКАШКА. Женихъ—то?.. Кажись, еще почиваетъ.

ОКУНЬКОВЪ. Шттъ!.. Не смѣй его называть женихомъ.

АФРИКАШКА. Слушаю—съ.

ОКУНЬКОВЪ. Ну, какъ онъ тебѣ показался, съ одной стѣроны, а? Уродъ? Рожа? а?

АФРИКАШКА. Я ихъ хорошенько еще не видалъ—съ.

ОКУНЬКОВЪ. Не видалъ... дуракъ!..

АФРИКАШКА. Слушаю—съ!

ОКУНЬКОВЪ. Что, онъ храпить?.. храпить?.. тѣмъ лучше?..

АФРИКАШКА. Не слыхалъ—съ; не могу, то-есть, доложить.

ОКУНЬКОВЪ. И рожа?.. Рожа?.. прекрасная?

АФРИКАШКА. Не могу доложить.

ОКУНЬКОВЪ. Пошелъ вонъ!..

АФРИКАШКА (*уходя*). Слушаю—съ.

II.

ОКУНЬКОВЪ одинъ, вздыхаетъ и начинаетъ ходить взадъ и впередъ по сценѣ; вдругъ останавливается, какъ-будто хочетъ говорить, бьетъ себя по лбу, опять начинаетъ ходить въ волненіи, и наконецъ останавливается у сулержской будки.

Уфъ!.. тяжело!.. (*таинственно*) Я самый несчастный человекъ во всемъ Подольскомъ уездѣ... Ей-Богу! Я даже самый несчастнѣйшій человекъ во всей Московской губерніи, съ одной стороны!.. (*публично*) Я вамъ сейчасъ представлю, въ чемъ дѣло!.. Извольте видѣть, я отецъ съ одной стороны; у меня есть дочь, Мотя... Ее, извольте видѣть, зовутъ Матреной, а я ее зову Мотей, такъ, для пущей нѣжности. И они увѣряютъ, что ей пора замужъ, — Мотѣ—то, въ двадцать—то два годика пора замужъ!.. Этакой вздоръ!.. Я самъ женился тридцати—семи лѣтъ, и то, кажется, съ одной стороны еще поторопился. И представьте, въ мой домъ врываются разные шарамыжники, они зовутся обыкновенно женихами, но они шарамыжники, чистѣйшіе шарамыжники. Я ихъ не спрашиваю, ничего отъ нихъ не требую, а они не даютъ покоя, съ одной стороны, ни мнѣ, ни моей дочери, — это ужасно, это неблагородно!.. Се—тре—мове!.. Тутъ хлопчешь, стараешься вырастить дочку себѣ на утѣшеніе, ухаживаешь за ней, денегъ не жалѣешь, учишь ее съ одной стороны, по—французски, по—нѣмецки... и вдругъ ни съ того, ни съ сего пріѣдетъ къ тебѣ ка-

кой-нибудь этакой сорванецъ, котораго ты, съ одной стороны, и въ глаза-то никогда не видалъ, подхватить ее къ себѣ и... (*свистить*). Фю!.. Поминай какъ звали!.. Вы вчера были отцемъ, а сегодня вы ничего!.. (*съ негодованіемъ*). Да вѣдь это денной разбой, душегубство!.. Я ее выростилъ, воспиталъ (*топнуть ногой*). Да вы представьте мое-то положеніе!.. За то я первому жениху,—правда, что я погорячился, дѣйствительно я погорячился, я ему, съ одной стороны, этакъ знаете колѣнкой!.. Комм-са! Да вѣдь просто мочи нѣтъ!..

Отъ поздней ночи до утра.
Скорбить родительское чувство,
О томъ, что ужъ пришла пора,
Матренѣ поступить въ замужество.
Разстаться съ ней, клянуся я,
Не въ силахъ буду согласиться...

Горе-то главное въ томъ, что Мотя-то моя хочетъ непременно замужъ... эту ей фантазію вбили въ голову... повѣрите, плачетъ, сердится; а ужъ я-ли ее не развлекаю: то шляпку ей изъ Москвы выпишу, то какую-нибудь этакую «скачку съ прешаствіями», такъ нѣтъ-съ, вынь да подай жениха. Ну, да вѣдь я тоже себѣ на умѣ... Я, признаться вамъ по секрету, только вы пожалуйста никому... я тонкая штука, съ одной стороны, я претонкая штука... (*публикъ вполголоса и оглядываясь кругомъ*) Я вотъ что выдумалъ... только вы пожалуйста никому... Чуть появится этакой фердакуръ, я ему сейчасъ въ какомъ нибудь въ этакомъ родѣ каверзу подведу, ей-Богу!.. Подумаю и подведу!.. Онъ, понимаете, и туды, и сюды, а я ему еще, а я ему еще .. Ну, и того... (*щелкаетъ пальцами*). Жеву-саяю!.. Я ужъ этакъ съ полдюжины спровадилъ! Больше! (*смотря направо*). Вотъ еще вчера пріѣхало новое животное, какой-то Фарфоровскій, его сестра рекомендовала, Нимфодора Кузьминишна, можетъ знакомы?.. Нимфодора Кузьминишна, этакая толстѣйшая бельфамъ?.. Нѣтъ? Незнакомы?.. Я васъ съ ней сегодня, если хотите, познакомя. Она у меня, съ одной стороны, богатая, богатая, богатая... и не замужемъ... и я, выводить, наслѣдникъ, — дѣло тонкое... надо будетъ его тонко спровадить... Я его очень тонко спроважу! Чтô жъ онъ однако не встаетъ, а? половина восьмаго!.. Вѣдь этакой болванъ, спитъ, почивать изволить .. Ба! Это чей фракъ?.. Его должно быть... дай-ко обыщу, нѣтъ ли чего въ карманахъ .. для свѣдѣнія... (*хочетъ взять фракъ, но изъ-за двери высовывается рука въ рубашкѣ и уноситъ фракъ*). Вотъ тебѣ два дня! Воришка!.. Постой, я уже тебѣ фѣ какую верну каверзу! фѣ какую!..

III.

ОКУНЬКОВЪ = МОТЯ.

МОТЯ (*входя слева*). Здравствуйте, папочка!..

ОКУНЬКОВЪ. Здравствуй, здравствуй, мое сокровище!.. (*публика*).
Рекомендую вамъ мое сокровище. (*Мотль*). Присядь, Мотя, такъ!..
(*публика*). Чтѣ-сь, а?.. Комъ-се-трежоли!!..

МОТЯ. Правду ли мнѣ сказала тѣтя?

ОКУНЬКОВЪ. Чтѣ тебѣ сказала тѣтя, Мотя?

МОТЯ. Чтѣ вчера изъ Москвы новый женихъ прѣѣхалъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Правда... (*вздыхая*). Прѣѣхалъ.

МОТЯ. Папочка! о чемъ ты вздыхаешь?

ОКУНЬКОВЪ. Мотя, послушай, мы теперь одни; откройся мнѣ съ одной стороны: неужели тебѣ ужъ въ-самомъ-дѣлѣ хочется замужъ?

МОТЯ. Хочется, папочка, ужасно хочется.

ОКУНЬКОВЪ. Извольте видѣть, хочется, этакое горе!

МОТЯ. Папочка, вѣдь мнѣ ужъ двадцать-два года.

ОКУНЬКОВЪ. Ну, двадцать-два... да чтѣ же въ этомъ?.. Вотъ тет-
кѣ твоей сорокъ-шестой, а она все еще мадузая.

МОТЯ. Вотъ очень интересно быть старой дѣвкой! Чтѣ, ты видѣла
жениха?.. Молодой?..

ОКУНЬКОВЪ (*угрюмо*). Не знаю, не смотрѣлъ въ зубы.

МОТЯ. Какъ въ зубы?.. Развѣ онъ лошадь?.. Вотъ ты ужъ начи-
наешь и къ нему придираешься.

ОКУНЬКОВЪ. Я?.. Помилуй!.. Я очень радъ, что онъ прѣѣхалъ; я
чувствую, съ одной стороны, къ нему этакое какое-то сочувствіе. Пра-
во! (*всторону*) Разбойникъ. (*ей*) Ты сама пойми, изъ чего хлопочу
я, чего мнѣ хочется?.. Ну, чего?.. Чтѣбъ ты была счастлива, дурочка.

МОТЯ (*перебивая*). И замужемъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, да, ну, да!.. (*всторону*) Это ей набили въ го-
лову... это только фантазія.

МОТЯ (*ласкаясь*). Какой ты милка сегодня.

ОКУНЬКОВЪ. Сама ты милка! Господи Боже-мой!.. Чтѣ это за ру-
ченки?.. Ну, покажи мнѣ свои ручки!.. а?.. (*всторону*): Съ одной
стороны только складываться начинается, а ужъ замужъ хочется.

Рождаеть тысячу сомнѣній,
Вамъ доложу, во мнѣ вопросъ:
Какъ у новѣйшихъ поколѣній
Поняте быстро развилось?..
Все это отъ чего случилось,

Пускай мнѣ кто-нибудь рѣшитъ:
Что чуть нудя въ свѣтъ явилась
И тотчасъ замужъ наровить,
И прямо въ маменьки глядѣть.

Удивительно, съ одной стороны.

МОТЯ. А вотъ тета говорить, что ты терпѣть не можешь моихъ жениховъ.

ОКУНЬКОВЪ. Я? Какой вздоръ! О контреръ! Вѣдь я тебѣ ужъ штукъ десять въ нынѣшнемъ году представилъ... почти по жениху въ мѣсяцъ; кажется достаточно съ одной стороны, се-та-се?

МОТЯ. Да ты всемъ отказываешь.

ОКУНЬКОВЪ. Если этотъ тебѣ не понравится, у меня ужъ другой готовъ... докторъ Киндербальзамъ, отличный человекъ... *(всторону)* Ужаснѣйшая рожа... этакая, прыничная форма!.. глупъ, какъ пробка... и носъ набалдашиникомъ!

МОТЯ. И хорошъ собой?..

ОКУНЬКОВЪ. Красавецъ!.. По французски такъ и рѣжетъ, такъ вотъ и рѣжетъ: ттттттттт, не чета *(показывая на право)* этому.

МОТЯ. Да вѣдь ты этого то еще не видалъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ, мелькомъ видѣлъ... не хорошъ: такой худой, худой, худой... длинный, длинный... длинный, негодится, совсѣмъ негодится.

МОТЯ. Ужъ ты сейчасъ и негодится!.. Ты просто не хочешь, чтобъ я шла замужъ?

ОКУНЬКОВЪ. Да нѣтъ же, нѣтъ!.. Поцѣлуй меня!.. Ну о чемъ ты плачешь?.. Ну?.. Чего тебѣ хочется, съ одной стороны?.. *(Прижимаетъ ей голову къ своей груди)*. Ну?..

МОТЯ. Замужъ! Замужъ!..

ОКУНЬКОВЪ *(всторону)*. Это ей натолювали!.. *(ей)* Не плачь, душка! Я тебѣ выпишу еще шляпку!..

МОТЯ *(съ чувствомъ)*. Что шляпка?.. у меня много шляпокъ!.. Не надо мнѣ шляпку!..

ОКУНЬКОВЪ *(разстроженный)*. Ну невадо, невадо!.. *(всторону)*. А я ей все-таки шляпку-то выпишу!..

НИИФОДОРА КУЗЬМИНИШНА *(за сценой)*. Смотрите у меня!..

ОКУНЬКОВЪ *(дочери)*. Штъ!.. тета идетъ!.. *(утираетъ ей платкомъ глаза)*. Перестань!..

IV.

ТѢМЪ. и **НИИФОДОРА КУЗЬМИНИШНА.**

НИИФОДОРА КУЗЬМИНИШНА *(входя слева, изъ средней двери)*.

Подносъ вынуть къ обѣду серебряный, да салфеточки новыя. Ахъ какъ я рада, что онъ прѣѣхалъ!.. Не знаете ли вы братецъ, любитъ онъ свиныя котлеты?..

ОКУНЬКОВЪ. Кто?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Сахардонъ Ильичъ?

ОКУНЬКОВЪ. Я почему знаю.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (живо). Ну, вы!.. Вамъ все-равно, вы ни о чемъ не позаботитесь.

ОКУНЬКОВЪ. Что-жъ мнѣ будить его для котлетъ что-ли? Да онъ пожалуй на меня такъ разхрапится, что на-поди!..

МОТЯ. А развѣ онъ храпитъ?

ОКУНЬКОВЪ. Храпить, душечка, ужасно храпитъ!.. Африкашка къ нему входилъ и сказывалъ: (*всторону*) На первый разъ не худо!.. (*громко*) Представьте съ одной стороны, подъ теплымъ одѣяломъ, лѣтомъ-то, въ июлѣ мѣсяцъ... (*всторону*): На первый разъ очень нехудо.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Стыдно вамъ на зятя-то наговаривать..

ОКУНЬКОВЪ. На какого это зятя?.. Во-первыхъ, онъ мнѣ еще не зять, да и будетъ ли еще зятемъ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (торжественно). Николай Кузьмичъ.

ОКУНЬКОВЪ. Что-съ?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Послушайте!..

ОКУНЬКОВЪ. Слушаю.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Вы вѣдь знаете, что у меня хорошее состояніе.

ОКУНЬКОВЪ (всторону). Вонъ оно куда пошло... (*громко*) Знаю.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я еще могла бы выдти замужъ, еслибъ захотѣла...

ОКУНЬКОВЪ. Вонъ она!.. вонъ она!.. Разкудахталась!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (продолжая). Еслибъ не рѣшилась остаться въ дѣвушкахъ, чтобъ упрочить счастье вашей же дочери...

ОКУНЬКОВЪ. Знаю, сестрица, и жеву ремерси боку, съ одной стороны.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (перебивая). Но съ однимъ условіемъ, помните?

ОКУНЬКОВЪ. Да, да... помню... какъ-же!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я хочу сама выдать замужъ Матрешу, сама, слышите?

ОКУНЬКОВЪ. Ну, да вѣдь это и мое лучшее желаніе; но надо-же жениха прискаты.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я жениха нашла: Сакердонъ Ильичъ, прекраснѣйшій молодой человекъ, нибѣтъ сто душъ, и я надѣюсь... я надѣюсь, слышите!

ОКУНЬКОВЪ. Слышу, слышу.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что онъ не будетъ принять, какъ прочіе.

МОТЯ (*перебивая*). Которыхъ ты, Богъ знаетъ, почему выгонялъ изъ дому.

ОКУНЬКОВЪ. И стоить говорить объ этой швали!.. Ну, ужъ народецъ!.. Свистуны, жидоморы... Душу съ начинкой продать готовы!.. Да вотъ хоть послѣдній Тураонъ Мардарычъ Перепелка, отчего сбрендилъ?.. Этакой гусь лапчатый! мало говорить, приданого. А? Мало?

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (*перебивая его*). Не правда!

ОКУНЬКОВЪ. Какъ? какъ, не правда?

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да такъ. Я стояла у дверей и все слышала.

ОКУНЬКОВЪ (*съ удивленіемъ*). А! (*всторону*) Впередъ всѣ двери на запоръ!

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Онъ бралъ Матрешу безъ приданого.

МОТЯ. Неужели?..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да, а Николай Кузьмичъ сказали, что онъ тебѣ не нравится.

МОТЯ. Да это просто изъ рукъ вонъ!.. Когда я тебѣ говорила, когда? Ну? Ну?

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Попался, попался!..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну-съ? Ну-съ? Когда она вамъ говорила?

МОТЯ. Когда я тебѣ говорила? Ну?

ОКУНЬКОВЪ. Что-жъ правда... я точно отказалъ Перепелкѣ... я...

... былъ ему отказать.

МОТЯ. Почему? Почему?

ОКУНЬКОВЪ. Потому... потому... да потому...

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да почему-же?

ОКУНЬКОВЪ. Потому, что разныя вещи про него узналъ...

МОТЯ. Какія?.. Какія вещи?..

ОКУНЬКОВЪ. Такія!..

МОТЯ. Да какія-же?..

ОКУНЬКОВЪ. Такія, что... что... что при дамахъ сказать нельзя!.. Выйдите отсюда объ и я пожалуй, съ одной стороны, вамъ все расскажу.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Николай Кузьмичъ! Я теперь буду держать ухо востро, вы меня не надуете!..

ОКУНЬКОВЪ (съ упрехомъ). Ма серь!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Вы меня не падуете, Николай Кузьмичъ... я буду слѣдить за вами.

МОТЯ. И я тоже.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да вотъ и Сакердонъ Ильичъ! (*Фарфоровскій входитъ*).

МОТЯ. Ахъ, какой милка!..

ОКУНЬКОВЪ. Тшт! Мотя! удержиись! (*Ритуфель*).

V.

ТЪМЪ, и **ФАРФОРОВСКІЙ**, изъ сада, въ невѣроятно узкихъ, невыразимыхъ, огромные воротнички и бантъ на галстухъ, фракъ).

ФАРФОРОВСКІЙ. Нимфодора Кузьминишна!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Братецъ, позвольте представить вамъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. За особенную честь себѣ поставляю.

ОКУНЬКОВЪ (*сухо*). Гмь!.. Очень радъ!.. (*всторону*) Съ одной стороны какая противная рожа...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*подводя Мотю*). Вотъ моя племянница!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*кланяясь*). Чрезвычайно пріятно!.. (*Окуньковъ поспѣшно подбѣгаетъ и становится между нимъ и Мотей*).

Вамъ высказать позвольте мнѣ,
Весь мой восторгъ и восхищенье,
Вашъ садъ—игрушка, заглядѣнье,
Я очарованъ имъ вполне!
И хоть я лестъ и ненавижу,
Но откровенно вамъ сказать,
Никакъ не ждалъ я увидать, (*кланяясь Мотѣ*),
Того, что, видя васъ, я вижу!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*всторону*). Прелестно! Обворожительно!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*) Погоди, я тебѣ задамъ куплетцы. (*громко*)
Очень мило, очень мило, очень!.. Я эти стишки читалъ въ двадцать
восьмомъ году; кажется въ Дамскомъ Журналѣ... (*Сестри взгляды-
ваетъ на него строго, онъ конфузится и сквозь зубы бормочетъ*)
Я это въ двадцать восьмомъ году читалъ...

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Скажите на милость!.. Я ихъ дорогой
сочинилъ,—съ чего взялъ, старый хрычъ?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я надѣюсь, Сакердонъ Ильичъ, что вы
пробудете у насъ хоть недѣлку?

ФАРФОРОВСКІЙ (*съ жаромъ*). Помилуйте!.. готовъ цѣлый годъ...
всю жизнь... и даже болѣе...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*смѣясь*). Безподобно!.. какъ это остро!..

ОКУНЬКОВЪ. Чрезвычайно!.. Я это читалъ въ двадцать девятомъ году въ Дамскомъ Журналѣ.

ФАРФОРОВСКІЙ. Неужели?.. (*всторону*) Странно! я это тоже дорогою сочинилъ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*подходя къ брату, тихо*). Какъ вы его находите?

ОКУНЬКОВЪ. Не хорошъ... носъ какъ-то не на мѣстѣ, и все такое, съ одной стороны.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Подите вы!.. (*Фарфоровскому*) Какъ вы провели ночь?.. Не холодно-ли вамъ было?

ФАРФОРОВСКІЙ. Я вовсе не спалъ: знаете, дорога, и потомъ разныя мечты, ожиданья...

МОТЯ. Право?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*смотря на брата*). А намъ сказали...

ФАРФОРОВСКІЙ. Что?..

ОКУНЬКОВЪ. Такъ, ничего!.. Африкашка навралъ!.. (*пугаясь*) Ла.. лакей... (*всторону*) Попался!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*брату*). Довольно! (*Фарфоровскому*) Такъ вы давно встали?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Я ужъ съ полчаса гулялъ по саду!..

ОКУНЬКОВЪ. Это... это все, съ одной стороны... ла...лакей...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*ему, съ презрительной улыбкой*). Довольно!.. (*Фарфоровскому*) Сакердонъ Ильичъ! Любите вы свиные котлеты?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Пожалуйста, не церемоньтесь со мной.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Любите?.. Я увѣрена, что любите. Я прикажу вамъ приготовить къ обѣду. (*Окунькову*) А вы распорядитесь виномъ.

ОКУНЬКОВЪ, Сейчасъ! . (*всторону*). Бываютъ же этакія противныя рожи!..

Я отправлюсь хлопотать,
И сюда вернуся.
Негодяя донять,
Честію влянуса.

МОТЯ и НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА

Я отправлюсь хлопотать
И потомъ вернуся... (*всторону*).

Лучше ^{мужа мнѣ}
зять намъ сыскать

Трудно, поручуся.

Въ вѣсть.

ФАРФОРСКИЙ, ОДИНЪ.

Дѣло мое, по-видимому, ладится: тетушка за меня горой, да и невѣста-то такъ умильно поглядываетъ... только старый хрычъ, родитель, не очень, кажется, благоволитъ. Чуть скажу что-нибудь остренькое,— кричить, что читалъ въ Дамскомъ Журналѣ, и вретъ, не читалъ: а своихъ стиховъ не печатаю съ-тѣхъ-поръ, какъ меня самого вездѣ жесточайшимъ образомъ распечатали. А барышня ничего... такая свѣженькая, розовенькая.. на щечкахъ ямочки,.. живеть!.. *засовывая самодовольно руки въ жилетные карманы*). Я съ своей стороны, прозвель на нее, кажется, довольно сильное впечатленіе... оно и не нушено... Я всегда произвожу довольно сильное впечатленіе!..

Мнѣ-ль съ Матрeной Николавной,
Отвыкать стать отъ побѣдъ, —
Милый, ловкій и исправный,
Мнѣ въ любви отказу нѣтъ.
Жень, дѣвицъ и вдовъ за мною
Волочилось просто тьма,
И ихъ всѣхъ сводилъ собою
Я рѣшительно съ ума!..
Не прибавя слова лишку,
Откровенно вамъ сказать,
Для меня свести интрижку,
Это просто ваплевать!
Всѣмъ мужчинамъ, я, не скрою,
Все-равно, что острый пожъ!
Я, какъ видите, собою,
Удивительно хорошъ!..
И извѣстенъ я за хвата,
Въ томъ поклясться я готовъ:
Отъ Покровки до Арбата
И до Прѣсенскихъ-прудовъ.

(Вынимая изъ кармана портъ-монне). Это что?.. А!.. портъ-монне... Я его намѣренъ подарить моей невѣстѣ... Десять рублей серебромъ далъ у Горбока—какъ дорого деруть французы проклятые... Это портретъ Эльслеръ, очень, очень приличный поларокъ.. *(причетъ портъ-монне)*. Однако, мнѣ надо быть осторожнымъ... Женухъ должень скрывать свои малѣйшіе недостатки—правда, что у меня ихъ только два—да все-таки... Во-первыхъ, не знаю, какъ-бы это половчей выразить... Я... я... чрезвычайно равнодушенъ въ отношеніи къ женскому полу...

Да!.. стоить хорошенькой женщиѣ взглянуть на меня.. этакъ какъ
нибудь, и кончено!.. Я перестаю быть человѣкомъ, я воспламеняюсь,
я превращаюсь въ ракету!.. Фа-а!.. Фррръ!.. честное слово!.. Фа
а!.. Фррръ!.. Во-вторыхъ, я.. оно дѣйствительно къ жениху какъ-то
нейдетъ... (*шепотомъ*): Я нюхаю табакъ!.. (*вынимаетъ табакерку*).
И вотъ улыка. (*открывая ее*): Виоле съ Березинскимъ: Наслажденье!..
Покуда никого нѣтъ нюхну!.. (*опускаетъ пальцы въ табакерку*).

VII.

ФАРФОРОВСКІЙ и ОКУНЬКОВЪ.

ФАРФОРОВСКІЙ (*увидя Окунькова*). А!.. (*быстро прячетъ та-
бакерку и выпускаетъ изъ пальцевъ табакъ на полъ*).

ОКУНЬКОВЪ (*указывая на табакъ*). Это что?

ФАРФОРОВСКІЙ. Гдѣ?.. Я ничего не вижу.. (*Окуньковъ накло-
няется и онъ тоже*). Вы потеряли что-нибудь?..

ОКУНЬКОВЪ (*поднимаясь*). Это табакъ?

ФАРФОРОВСКІЙ. Да! Табакъ!.. (*равнодушно*) Кто-нибудь про-
сыпалъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Да, да!.. Непремѣнно кто-нибудь просыпалъ!.. (*всто-
рону*): Хитерь, хитерь!.. а все попадется, съ одной стороны!..
Я свое возьму.

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Мнѣ, я полагаю, предстоитъ экзаменъ!
Сакердонъ!.. осторожиѣ!..

ОКУНЬКОВЪ. Я очень, очень радъ, любезнѣйшій Сакердонъ Ильичъ,
что вы къ намъ пріѣхали...

ФАРФОРОВСКІЙ. Я очень, очень радъ, любезнѣйшій Николай Кузь-
мичъ, что я къ вамъ пріѣхалъ. (*всторону*) Кажется привязаться не
къ чему.

ОКУНЬКОВЪ. Сестра мнѣ объяснила цѣль вашего посѣщенія... я
одобряю ее... (*протягивая ему руку*). Я согласенъ съ одной сторо-
ны, будьте моимъ зятемъ.

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*).. Онъ какъ-то странно выговорилъ все
это!.. (*ему*) Сестрица ваша вамъ объяснила цѣль моего посѣщенія,
вы одобряете ее. (*протягивая ему руку*). Вы согласны, съ одной
стороны, я буду вашимъ зятемъ.

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Да это просто попугай!.. (*вслушъ*) А
знаете, сперва-то я вѣдь не совсѣмъ былъ къ вамъ расположенъ... не
совсѣмъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Право?..

ОКУНЬКОВЪ. Мы про васъ кое-что слышали... (*толкаетъ его съ боку*). Вы покутили-таки съ одной стороны, на своемъ вѣку!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Ммъ!.. (*всторону*) Онъ, кажется, думаетъ, что я разболтаюсь...

ОКУНЬКОВЪ (*ему*) Да вотъ хоть послѣдняя-то ваша интрижка... Ну, съ этой жолы-персонъ... какъ бишь ее съ одной стороны...

ФАРФОРОВСКІЙ. Дѣло не въ имени.

ОКУНЬКОВЪ. Конечно!.. Вы для нея накуралесли порядкомъ... Хе, хе, хе!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Мм!..

ОКУНЬКОВЪ. И долговъ чай надѣлали? а? понадѣлал? Сколько? Бокó?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Мм!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Чтó онъ все мычитъ! (*ему*): Я надѣвсь; однако, что теперъ между вами все кончено!.. (*беретъ его подъ руку*). Расскажите-ко мнѣ, какъ это у васъ устроилось?.. Ну-те-ка?.. Раконте!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*съ чувствомъ*). Вступая въ ваше семейство, считаю для себя долгомъ вамъ рассказать все, все!..

ОКУНЬКОВЪ (*добродушно*). Рассказывайте, другъ мой... я человекъ добрый, хорошій... рассказывайте, мнѣ все, все, все...

ФАРФОРОВСКІЙ. Я вамъ расскажу все, все, все! Въ жизнь мою я любилъ двухъ существъ... (*оглядывая на двери, какъ бы опасаясь, чтобъ его не подслушали*).

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Теперъ не вывернешься!

ФАРФОРОВСКІЙ. Я любилъ папеньку и маменьку.

ОКУНЬКОВЪ. Какъ?.. Только!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Ни больше, ни меньше!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Вывернулся!.. Да это прехитрое животное... Кремeнь-кремeнь!.. (*ему, вынимая табакерку*): Нѣтъ, а не по вашему проказилъ... Хе, хе, хе! Да! И какія у меня, а вамъ доложу, интрижки бывали! Чудо!.. Особливо съ одной швейкой!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*живо*). Вѣрно съ Кузнецкаго-моста?..

ОКУНЬКОВЪ. Отъ мадамъ Лебуръ, съ одной стороны (*подноситъ ему разсыпано табакерку*). Не угодно ли?

ФАРФОРОВСКІЙ (*забывшись и протягивая руку*). Очень вамъ благ..... (*опомнясь*): Извините — я терпѣть не могу табаку...

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Весьма хитрое животное!.. Но я свое возьму!.. я свое возьму! (*ему*): Сакердонъ Ильичъ!.. Вы мнѣ нравитесь!.. вы мнѣ очень нравитесь! На лицѣ вашемъ написано чтó-то

такое... такое... вы мнѣ чрезвычайно правитесь, съ одной стороны .. Да! Вы именно такой мужъ, какого бы я хотѣла найти для моей дочери... потому-что съ ея характеромъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Съ какимъ характеромъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Характеръ-то у нея неподобный!.. Но иногда... ну, въѣд и нельзя безъ этого... иногда любить покапризничать...

ФАРФОРОВСКІЙ (съ *безпокойствомъ*). А!..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, и упряма!.. Не знаю, въ кого она уродилась, съ одной стороны!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*) Бранить дочь... странно!.. Хитрить старикашка.

ОКУНЬКОВЪ. Повѣрите ли, иной разъ чего не захочетъ, такъ хоть зарѣжь, такъ-таки просто хоть зарѣжь... ни «пру, ни ну!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Неужели?.. Какъ я радъ!.. Именно такую жену я и хотѣла найти.

ОКУНЬКОВЪ (*изумленный*). Право?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Честное слово!..

ОКУНЬКОВЪ. Тѣмъ лучше!.. тѣмъ лучше!.. (*пожимая другъ другу руки. Всторону*) Этотъ шарамыжникъ долженъ быть дипломатъ переодѣтый.

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Чтѣ взял?..

ОКУНЬКОВЪ (*дружелюбно*). Однако, мнѣ еще надо одѣться съѣздить. До свиданія, мой милый Сакердонъ Ильичъ!

ФАРФОРОВСКІЙ (*также*). До свиданія, мой милый Николай Кузьмичъ.

ОКУНЬКОВЪ (*всторону, идя въ глубину*). Погоди, сейчасъ попадешься!.. (*быстро ощупывая свои карманы*). Ахъ, куда это я дѣлъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Чтѣ?..

ОКУНЬКОВЪ. Табакерку!.. (*всторону, пока Фарфоровскій роется въ карманахъ*) Тутъ свитъ попадется, съ одной стороны (*Фарфоровскій вынимаетъ изъ кармана платокъ и сморкается. Всторону*). Рѣшительный дипломатъ!.. Напишу къ Киндербалъзаму, тотъ будетъ поладитѣ... и глушь, какъ пробка, я носъ набалдашиникомъ... (*уходя*) Я свое возьму, непремѣнно возьму!.. (*дѣлаетъ Фарфоровскому ручкой и потомъ плюетъ и уходитъ, говоря всторону*) Тьфу!.. Бываютъ же этакія противныя рожи!..

VIII.

ФАРФОРОВСКІЙ, потомъ **НОТА.**

ФАРФОРОВСКІЙ (*одинъ*). Будущій тещюшка остался съ носомъ!..

А каково было испытаніе!.. Я сдѣлалъ одну только ошибку... когда онъ подсунулъ табакерку, я чуть-чуть не высказался... (*оглядывается вокругъ*) Никого!.. Нюхну!.. Отведу душу!.. (*открываетъ табакерку*).

МОТЯ (*входя*). Сейчасъ, тѣтя!

ФАРФОРОВСКІЙ (*просыпая табакъ, всторону*). Опять?.. А!.. невѣста!..

МОТЯ. Ахъ, вы здѣсь одни!.. А гдѣ же папенька?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Онъ сейчасъ вышелъ.

МОТЯ. Что онъ еще съ вами не поспорилъ?

ФАРФОРОВСКІЙ (*въ удивленіи*). Какъ?..

МОТЯ. Вѣрно отложилъ до завтра.

ФАРФОРОВСКІЙ. Позвольте... за что же намъ ссориться?.. Конечно, я имѣю недостатки... я...

МОТЯ. Тсъ!.. кто проситъ васъ говорить о вашихъ недостаткахъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ (*удивясь*). Какъ?..

МОТЯ. Женяхъ долженъ скрывать ихъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Оно такъ, но вамъ ..

МОТЯ. Ни мнѣ и никому... вѣдь я вамъ не рассказываю про свои...

ФАРФОРОВСКІЙ (*улыбаясь*). Ну, это было бы лишнее, потому-что вашъ батюшка въ подробности мнѣ ихъ нечислялъ.

МОТЯ. Неужели? И вы повѣрили?

ФАРФОРОВСКІЙ. Я только тому вѣрю, что вижу, а я вижу одніе совершенства... (*всторону*) Если онъ читалъ это въ Дамскомъ Журналь, такъ я даю себѣ голову отрѣзать...

МОТЯ. Ахъ, помилуйте!.. Какіе вы насмѣшники!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Какъ она на меня посмотрѣла!.. брр! какъ она посмотрѣла! Я превращаюсь въ ракету!.. (*ей, съ чувствомъ*) Матрена Николаевна... Ахъ! Матрена Николаевна... Ахъ! Позвольте... (*цѣлуя ея руку*) позвольте!..

IX.

ТЪЖИ И ОКУНЬКОВЪ.

ОКУНЬКОВЪ (*входя въ сюртукъ и фуражку*). Мотя!.. (*подбѣгая съ бѣшенствомъ*) Вонь! вонь!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Какъ вонь?

МОТЯ. Папочка!..

ОКУНЬКОВЪ (*обнимая ее*). Бѣдная!.. Бѣденькая!.. Бѣднягачка!.. (*беретъ ея руку и утираетъ рукавомъ слезы поцѣлуя*).

ФАРФОРОВСКИЙ (*в сторону*). Что это онъ дѣлать?..

ОКУНЬКОВЪ (*ей*). Успокойся, не плачь!..

МОТЯ. Я вовсе не плачу, папочка...

ОКУНЬКОВЪ. А ты... ты!.. Я съ тобой раздѣляюсь, съ одной стороны!.. Какъ ты смѣлъ!.. Какъ ты смѣлъ!..

ФАРФОРОВСКИЙ. Но мнѣ кажется, я могъ, какъ женихъ...

ОКУНЬКОВЪ. Что? Женихъ?.. Ты женихъ?.. Ахъ, ты поджарый!.. Ахъ, ты... Да ты бѣлены объѣды что ли?

ФАРФОРОВСКИЙ (*обидясь*). Николай Кузьмичъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Я тебя ненавижу, слышишь! И она тоже тебя ненавидитъ... слышишь?..

МОТЯ. Папочка!..

ФАРФОРОВСКИЙ. Николай Кузьмичъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Слышишь? Она тебя ненавидитъ, съ одной стороны... Тебѣ здѣсь дѣлать нечего... пошелъ вонъ, дуракъ!..

ФАРФОРОВСКИЙ. Дуракъ!.. Николай Кузьмичъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Убирайся, покуда цѣлъ! Але-ву-кушѣ...

ФАРФОРОВСКИЙ (*теряя терпѣнье*). Николай Куз.... Ахъ!...

ОКУНЬКОВЪ.

ФАРФОРОВСКИЙ.

Я потерялъ терпѣніе,
Съ тобою дуракомъ,
Сейчасъ безъ объясненія
Нагѣво маршъ кругомъ.

Я вышелъ изъ терпѣнія,
Съ безумнымъ старикомъ,
И тотчасъ безъ сомнѣнія
Оставлю этотъ домъ.

ОКУНЬКОВЪ (*однимъ*).

Какое-то предчувствіе,
Имѣлъ я, такъ-сказать,
Что ты въ мое отсутствіе
Къ ней будешь подѣзжать.
Безъ разсужденія дальняго
Съ тобою порѣшу:
Я позову квартальнаго,
И просьбу напишу!

ОКУНЬКОВЪ.

ФАРФОРОВСКИЙ (*уходя къ себѣ*).

Я потерялъ терпѣніе, и проч.

Я вышелъ изъ терпѣнія, и проч.

X.

ОКУНЬКОВЪ, МОТЯ, НИКОДОРА КУЗЬМИНИНА.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИНА (*входя*). Что за шумъ?.. что такое?..

МОТЯ (плача). Это все напочма... онъ Сакердона Ильяча изъ дому выгналъ !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Какъ !.. Сакердона Ильяча ?..

ОКУНЬКОВЪ. Вашъ Сакердонъ Ильячъ наглоцъ ! человекъ безъ всякой нравственности, съ одной стороны !.. Не плачь, у меня есть другой... докторъ Киндервальзамъ... носъ набаджинникомъ... (опомнись) То-есть, нѣтъ, нѣтъ !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да что онъ сдѣлалъ ?..

ОКУНЬКОВЪ. Что онъ сдѣлалъ ?.. Да нѣтъ !.. этого нельзя себѣ представить... я ее выростилъ, воспиталъ, а онъ осмѣлился...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну-съ ?..

ОКУНЬКОВЪ. Осмѣлился поцаловать ручку у Моти... А? Какое ?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что-жь, до-сихъ-поръ, я не вижу ничего непристойнаго.

ОКУНЬКОВЪ. Какъ съ одной стороны ?.. (всторону) Этакія безстыдницы, эти старыя дѣвы !.. (вслухъ) Я объявлялъ ему, чтобъ онъ отправился, и онъ отправится...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. А! коли такъ, коли на те пошло, когда меня не хотятъ въ грошъ ставить... Ну, такъ я сама съ нимъ отправлюсь... Мы уѣдемъ вмѣстѣ... (хочетъ уйти).

ОКУНЬКОВЪ. Сестрица !..

МОТЯ. Тети !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (наступая на брата). Слушать ничего не хочу !.. Что же касается до моего состоянія; такъ знайте, коли на то пошло, что я способна, взять на заѣ, рѣшиться сама замужъ выдти !..

ОКУНЬКОВЪ (удивленный). Ай !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (продолжая). И имѣть своихъ собственныхъ дѣтей !..

ОКУНЬКОВЪ (быстро). Нѣтъ, нѣтъ !.. Ты не рѣшишься ?.. Ты съ одной стороны... ты неспособна...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Способна !.. Я на все способна !.. Оставьте меня !.. (запыхавшись, мадаемъ въ кресла).

МОТЯ. Тети !.. Милая !.. Голубчикъ !..

ОКУНЬКОВЪ (на кольяхъ). Нимфочка !.. Нимфуса !.. Ма-серь !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (уступая). Ну, что ?... что ?..

МОТЯ. Оставайтесь !.. Оставайтесь ?.. Да, тети ?.. Да ?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (ей). Для тебя (ему). Только на двухъ условіяхъ : первое Сакердонъ Ильячъ остается здѣсь.

ОКУНЬКОВЪ (всторону). Ахъ, волкъ его заѣшь !..

МОТЯ. Конечно !..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Второе: вы извинитесь передъ нимъ, и попросите прощенія !..

ОКУНЬКОВЪ (*вставая*) Я ? я ? Никогда !..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*вставая*). Прекрасно, Николай Кузьмичъ, прекрасно !.. Я ѣду !.. Человѣкъ !..

ОКУНЬКОВЪ (*останавливая ее*). Ну, ну !.. Ужъ ты сейчасъ и пошла, и пошла, и дышь коромысломъ.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Такъ вы извинитесь ?..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, ну, фишисе.

МОТЯ. Вотъ онъ !..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*брату*). Извинитесь... нето... понимаете ?..

XI.

ТЪ-ЖЕ, и **ФАРФОРОВСКІЙ** выходятъ изъ своей комнаты съ чемоданомъ, въ пальто.

ФАРФОРОВСКІЙ. Примите, государь мой, увѣреніе въ моей самой ограниченной преданности !..

ОКУНЬКОВЪ (*сухо*). Имѣю честь кланяться.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что же, Николай Кузьмичъ ?.. Только-то ?.. (*зоветъ*). Человѣкъ !..

МОТЯ. Папочка !..

ОКУНЬКОВЪ (*имѣ*). Сейчасъ. (*ему*): Сакердонъ Ильичъ! мнѣ нужно съ вами поговорить, съ одной стороны.

ФАРФОРОВСКІЙ (*сухо*). Что вамъ угодно ?

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Дрянъ! (*ему*). Неужели вы хотите отъ насъ уѣхать ?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Точно такъ...

ОКУНЬКОВЪ. Вы бы, право, лучше остались...

ФАРФОРОВСКІЙ. Мнѣ никакъ нельзя !..

ОКУНЬКОВЪ. Если вамъ нельзя, то я не смѣю настаивать. (*Фарфоровскій кланяется и идетъ къ двери*).

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. А! Только-то !.. (*Идетъ къ Фарфоровскому*). Человѣкъ !..

ОКУНЬКОВЪ (*ей*). Постой !.. (*ему*) Сакердонъ Ильичъ! Мнѣ нужно еще съ вами поговорить, съ одной стороны.

ФАРФОРОВСКІЙ (*сухо*). Что вамъ угодно ?

ОКУНЬКОВЪ (*треплетъ его по плечу*). Хе, хе, хе !.. У! у! Этакимъ сердитымъ !.. Развѣ вы не хотите отобѣдать съ нами ?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Не хочу... вы меня дуракомъ назвали...

ОКУНЬКОВЪ. Неужели вы обидѣлись?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Обидѣлся.

ОКУНЬКОВЪ. Ну, это другое дѣло! Если вы обидѣлись, съ одной стороны!.. (*сестрь*). Онъ обидѣлся съ одной стороны!.. (*ему*). Въ такомъ—случаѣ, я прошу меня извинить... Виноватъ, впередъ не буду!.. Же-ву-деманьд-де-ла-пардонъ. Позвольте вашъ чемоданъ... (*береть чемоданъ и пальто, и относитъ ихъ въ глубину сцены*).

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Давно-бы такъ!..

МОТЯ. Прекрасно!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Сакердонъ Ильячъ, въ знакъ мира, — поцалуйте мою племянницу,

ФАРФОРОВСКІЙ. О, съ большимъ удовольствіемъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Что?.. Нѣтъ!.. Мотя!.. (*тотъ цалуетъ ее*). О!.. (*хватаетъ стулъ и бросаетъ*).

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что вы, братецъ?..

ОКУНЬКОВЪ (*поднимая стулъ и садясь на него у самой аван-сцены*). Я?.. я... ничего... стулъ упалъ... (*всторону*). Я бы желалъ быть бѣшеной собакой! Я бы искусалъ, съ одной стороны, это животное, до смерти-бы искусалъ!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. А теперь надо сейчасъ же назначить день свадьбы.

ФАРФОРОВСКІЙ. Это было-бы превосходно!..

ОКУНЬКОВЪ (*подбѣгая*). Позвольте, позвольте!.. (*всторону*). Часъ отъ часу не легче!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну что-жь?.. Назначьте день ихъ свадьбы.

ОКУНЬКОВЪ. Но... по... позвольте...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Черезъ три мѣсяца хотите?

ОКУНЬКОВЪ. Ни за что!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Такъ черезъ два?..

ОКУНЬКОВЪ. Еще меньше!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Еще меньше?.. Стало черезъ мѣсяць?

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ!.. нѣтъ!! (*всторону*). Вотъ пристаи окаянныя!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну, такъ назначьте сами.

ОКУНЬКОВЪ. Извольте... извольте,—черезъ полтора года...

ФАРФОРОВСКІЙ. Полтора года!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Это почему?..

ОКУНЬКОВЪ (*рѣшительно*). У меня, съ одной стороны, нѣтъ чернаго фрака...

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*торжественно*). Николай Кузьмичъ! послушайте...

ОКУНЬКОВЪ. Слушаю.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Вы вѣдь знаете, что у меня хорошее состояніе.

ОКУНЬКОВЪ. Знаю, знаю!.. Ну такъ и быть, черезъ годъ (*восторону*). А въ это время...

ВСЪ. Черезъ годъ!.. Какъ это можно!.. Помилуйте!..

ОКУНЬКОВЪ. Ни-ни!.. Меньше не могу!..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Черезъ годъ!.. Это шутка!.. Я этого не допущу... Пойдемъ, племянница... (*идутъ къ двери; брату*) А вы подумайте хорошенько!.. Вы подумайте!.. (*уходитъ нальво*).

XII.

ФАРФОРОВСКІЙ и ОКУНЬКОВЪ.

ФАРФОРОВСКІЙ (*похлопывая его по животу*). Послушайте, тестюшка, нельзя-ли сбавить, а? Сбавьте,.. ну, для меня!..

ОКУНЬКОВЪ (*сурово*). Нельзя!

ФАРФОРОВСКІЙ. Мало ли чего нельзя, да можно.

ОКУНЬКОВЪ (*подбѣгая неумово къ билліарду, схватываетъ кій и бѣжитъ къ Фарфоровскому*). Вотъ я тебя!.. (*оставаивается, опомнясь, тотъ смотритъ на него съ удивленіемъ*). Не хотите-ли на билліардъ сыграть? А?..

ФАРФОРОВСКІЙ (*съ досадою*). Что? на билліардѣ!.. (*подумавши*) А впрочемъ давайте... только на интересъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Какъ на интересъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Такъ!.. Сыграемъ на полгода.

ОКУНЬКОВЪ (*восторону*). О! еслибъ мнѣ у него выиграть!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Согласны?..

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ не согласенъ!.. (*восторону*) Вѣроятно, мастеръ! Пожалуй облапошить!.. (*вслухъ*) Придумаемъ лучше другую игру съ болѣе равными шансами, съ одной стороны.

ФАРФОРОВСКІЙ. Какую же?..

ОКУНЬКОВЪ (*подумавши*). Четъ или нечетъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Извольте... на полгода!..

ОКУНЬКОВЪ. Да, да!.. Я начинаю!.. (*опускаетъ руку съ карманъ, потомъ вынимаетъ, восторону*) Дай Богъ хоть полтора годика выиграть!.. (*протягивая сжатую руку*) Четъ или нечетъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ (*восторону*). Была не была!.. (*сму*). Четъ!..

(Окуньковъ открываетъ руку) Четь, я выигралъ! (береть изъ ладъ двѣ монеты).

ОКУНЬКОВЪ (береть у него монеты назадъ). Два пятиалтынныхъ... вы проиграли!

ФАРФОРОВСКІЙ. Два пятиалтынныхъ — четь!..

ОКУНЬКОВЪ. Рубль пять копѣекъ — нечеть.

ФАРФОРОВСКІЙ. Да нѣтъ же, четь!..

ОКУНЬКОВЪ. Нечеть!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Нѣтъ, четь!..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, такъ не въ счетъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ (опуская обѣ руки въ карманы). Не въ счетъ!.. Не въ счетъ!.. Погоди же!.. (ему). Теперь моя очередь. (показывая правую руку). Четь, или нечеть?..

ОКУНЬКОВЪ (послѣ нѣкоторой нерпшительности). Нечеть!

ФАРФОРОВСКІЙ (опуская правую руку въ карманъ и открывая лѣвую). Нѣтъ, четь!

ОКУНЬКОВЪ. Вы, съ одной стороны, той рукой гадали...

ФАРФОРОВСКІЙ. Нѣтъ, этой.

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ, той.

ФАРФОРОВСКІЙ. Нѣтъ, этой!..

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ, той!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Ну, такъ и это не въ счетъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Этакъ мы никогда не кончимъ!.. Придумаемъ другую игру съ еще болѣе равными шансами, съ одной стороны!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Какую?..

ОКУНЬКОВЪ. Подержимъ на фигуры. Кто прежде пройдетъ по улицѣ, женщина или мужчина?.. дама или валетъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Извольте, я беру жевщину!.. На полгода в три мѣсяца мазу.

ОКУНЬКОВЪ. Ходить!.. Я беру мужчину! Разъ! Два! Три! Началось!.. (подбѣгаетъ къ окну, на улицу и открываетъ его).

ФАРФОРОВСКІЙ (вставляя въ глазъ лорнетку). Вотъ идетъ кто-то... (глядя). Позвольте... баба! дама!.. Ура!.. Я выигралъ!..

ОКУНЬКОВЪ (кричитъ). Нѣтъ! это не въ счетъ!.. Это не въ счетъ!.. (падая на стулъ). Заръзалъ!.. Убилъ!.. (схватываетъ себя за голову и стаскиваетъ парикъ).

XIII.

ТЪ-МЪ, НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА И МОТЯ.

ФАРФОРОВСКІЙ (идеть къ нимъ навстрѣчу). Поздравьте меня, свадьба будетъ черезъ три мѣсяца.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА (с радостью). Через три месяца!.. Мы едва успеем одеть приданое... это чудесно!..

ОКУНЬКОВЪ (вставая, в сторону). Ке-феръ? Ке-феръ?.. Самъель! Помогн!..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Надо какъ можно скорѣе отправляться въ ряды. Поѣдемъ, племянница; принеси мнѣ шляпку!..

МОТЯ. Сейчасъ, теть!

ФАРФОРОВСКІЙ. А мнѣ съ вами позвольте?

МОТЯ. Очень рада.

ОКУНЬКОВЪ (в сторону). Ахъ какая мысль! Мерси, Самъель! Спасибо! (*Нимфодоръ тихо*). Сестра! Мнѣ надо поговорить съ вами наединѣ. (*прикладываетъ палецъ къ губамъ*). Тесь!

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Боже мой!.. Какая у васъ странная физиономія. (*онъ опять прикладываетъ палецъ къ губамъ*). Сажердонъ Ильичъ! Прикажете, пожалуйста, заложить кофееку.

ФАРФОРОВСКІЙ. Слушаю-съ!.. (*уходитъ въ среднюю дверь. Мотя нальво*).

XIV.

ОКУНЬКОВЪ И НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что съ вами, братецъ, говорите?

ОКУНЬКОВЪ (*таинственно*). Тесь! Никто не можетъ насъ подслушать... (*обходитъ всл двери*). Тесь!

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что за тайна?

ОКУНЬКОВЪ (в сторону). Отъѣнная каверза!.. Какъ-то она ей понравится!..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну-съ?..

ОКУНЬКОВЪ. Тесь! (*беретъ ее за руку и подводитъ на авансцену*). Сестра! Эта свадьба невозможна!..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Это почему?..

ОКУНЬКОВЪ. Не спрашивай!..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Нѣтъ, я хочу знать!..

ОКУНЬКОВЪ. Тесь!.. Лучше не спрашивай! (*Она показываетъ нетерпѣніе*). Человѣкъ имѣетъ свои слабости, съ одной стороны...

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*не понимая*). Конечно; но что-жъ изъ этого?

ОКУНЬКОВЪ (в сторону). Подается!.. (*ей*). Она была такъ молода... такъ прекрасна, съ одной стороны...

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*удивленная*). Она?.. Кто она!..

ОКУНЬКОВЪ (*поэтически*). Я тоже!.. Я былъ такъ молодъ; такъ прекрасенъ, съ одной стороны; — мы встрѣтились въ Москвѣ, въ наскерадѣ... я не зналъ, кто она... она не знала, кто я... мы не знали, кто мы...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Довольно...

ОКУНЬКОВЪ. Музыка! свѣчи!.. любовь!.. молодость!.. на подъѣздѣ плашки, и... и... какъ сказать тебѣ...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Довольно...

ОКУНЬКОВЪ. Конечно!.. Ты дѣвушка... ты не должна знать... И вотъ какимъ-образомъ онъ, этотъ молодой человѣкъ... съ одной стороны, мой сынъ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Сакердонъ Ильичъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Именно!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Возможно-ли?.. Ахъ, Боже мой!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Повѣрила!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Но какъ могъ ты открыть это?

ОКУНЬКОВЪ. Вотъ сейчасъ; мы играли въ четъ или нечетъ... вотъ на фигуры... по улицѣ прошла баба!.. Я тебя спрашиваю, можно ли ее выдать за брата!.. Согласишься-ли ты на это?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. О! Никогда!..

ОКУНЬКОВЪ (*забываясь*). Въ шею его!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Но вѣдь онъ сынъ твой!..

ОКУНЬКОВЪ. Правда!.. (*со вздохомъ*). Ахъ! Сестрица! видѣть его и не смѣть, съ одной стороны, прижать его къ сердцу!.. А мнѣ бы такъ хотѣлось...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*сантиментально*). И мнѣ тоже!.. Какъ бы то ни было, онъ мой племянникъ!..

ОКУНЬКОВЪ (*въ ея тонѣ*). О, да!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я буду любить его всей душой!

ОКУНЬКОВЪ. О, да!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я откажу ему половину моего состоянія.

ОКУНЬКОВЪ (*въ томъ же тонѣ*). О!.. (*опомнясь и перемѣняя тонъ*). Нѣтъ! нѣтъ! это ужъ лишнее.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Почему- же?

ОКУНЬКОВЪ. Потому-что (*всторону*). Нѣтъ, это, братъ, будетъ! (*ей*). Наши благодѣянія могутъ породить въ немъ подозрѣнія... а онъ не долженъ никогда знать, съ одной стороны, тайны своего рожденія!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Это правда!.. Сколько для него, столько и для его матери.

ОКУНЬКОВЪ. Несчастливая!.. Клянись мнѣ, что не откроешь никому!..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Никогда!.. Клянусь!..

ОКУНЬКОВЪ. Благодарю тебя!.. (*всторону, весело*). Теперь я по-
ковенъ!..

XV.

ТЪ-ЖЕ. ФАРФОРОВСКІЙ. со шляпой въ рукѣ и **МОТЯ.**

МОТЯ (*вхдл.*) Вотъ ваша шляпка, тетя.

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (*всторону*). Бѣдныя дѣти!.. (*вслушь*).
Невадо, я не поѣду... (*садится*).

МОТЯ. Какъ?.. Отчего-же?..

ОКУНЬКОВЪ. У нея, съ одной стороны, судорога въ лѣвой ногѣ...
передъ дождемъ, должно-быть.

ФАРФОРОВСКІЙ. Надо-бы потереть нашатырнымъ спиртомъ.

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Вотъ я-те задамъ нашатырнаго спирту!..
(*ему*). Сакердонъ Ильичъ! Другъ мой!.. твою руку! (*какъ бы спо-
хватясь*). Вашу руку!..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (*всторону*). Боже мой!.. Онъ не вы-
держитъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*подавая руку*). Извольте!..

ОКУНЬКОВЪ (*съ жаромъ жметъ ее*). О! благодарю!.. благодарю!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Чтѣ это съ нимъ дѣлается?

ОКУНЬКОВЪ (*опуская руку*). Съ меня довольно и этого!.. Сестра
нмѣветъ вамъ сказать нѣсколько словъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Мнѣ?..

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да-съ... (*всторону*). Какое между
ними сходство!.. Одни и тѣ же носы!.. Какъ я прежде не замѣтила!..
(*вслушь, въ волненіи*). Сакердонъ Ильичъ!.. Другъ мой!.. Я желаю
вашего счастья... но потому-что... еслибъ вы знали...

ОКУНЬКОВЪ (*кашляя*). Гмъ!.. гмъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ. (*всторону*). Старикъ кашляетъ... оная чтѣ-нибудь
придумалъ...

НИКОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Словомъ... эта сватьяба... которая дол-
жна была осчастливить всѣхъ насъ... эта сватьяба рѣшительно невоз-
можна...

ФАРФОРОВСКІЙ. (всторону). Такъ!.. угадавъ!..

НОТЯ. Невозможна?.. Какъ, тета!.. и вы?..

ОКУНЬКОВЪ (Мотль). Оставь насъ!.. поди къ себѣ!..

НОТЯ. Нѣтъ! это ужь слишкомъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Дочь моя!.. я приказываю тебѣ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (присѣдая Фарфоровскому). Будьте здоровы!..

ОКУНЬКОВЪ (взявъ дочь подъ-руку). Мое почтеніе!..

ФАРФОРОВСКІЙ (береть ихъ за руки). Нѣтъ, извините!.. Это такъ не кончится!..

ОКУНЬКОВЪ. Что вамъ угодно?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Мнѣ угодно знать, почему вы мнѣ отказываете?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Спросите у брата...
ОКУНОВЪ. Спросите у сестрицы...

ФАРФОРОВСКІЙ. Нимфодора Кузьминична!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Не спрашивайте меня!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Николай Кузьмич!..

ОКУНЬКОВЪ. Меня тоже не спрашивайте!..

ФАРФОРОВСКІЙ (всторону). Да они какіе-то полоумные! (ей). Вамъ, вѣрно, про меня наговорили?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Нисколько!..

ФАРФОРОВСКІЙ (Окунькову). Можетъ, я имѣю несчастіе — вамъ не правиться!..

ОКУНЬКОВЪ. Мнѣ!.. Напротивъ, съ одной стороны!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Такъ что-же наконецъ?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Не спрашивайте меня!..

ОКУНЬКОВЪ. Меня тоже не спрашивайте!..

ФАРФОРОВСКІЙ (выходя изъ-себя). Это однако изъ рукъ вонъ!.. Я не позволю себя дурачить!..

ОКУНЬКОВЪ. Государь мой!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Сакердонъ Ильичъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ (все болѣе горячится). Нѣтъ!.. тысячу разъ нѣтъ!..

Вы должны объяснить мнѣ вашъ поступокъ!.. Я этого добьюсь...
Объясняйте!..

ОКУНЬКОВЪ. Никогда!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Добьюсь... добьюсь, непременно!.. Хотя бы мнѣ пришлось для этого... (береть его за воротъ) ~~идти~~ прямо...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (въ отчаяніи). Несчастный!.. Это отецъ твой!..

ФАРФОРОВСКИЙ. Кто?.. Онъ?..

ОКУНЬКОВЪ. (*всторону*). Выдала, злодѣйка!.. Се-мове!.. (*хочетъ уйти*).

ФАРФОРОВСКИЙ. Куда же вы!.. Позвольте!.. Позвольте!.. Такъ вы мой папенька?..

ОКУНЬКОВЪ (*въ замѣшательствѣ*). Да... да... да... болѣею частью... съ одной стороны!..

НИИФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Любовь... молодость... плошки на подъѣздъ...

ФАРФОРОВСКИЙ. На какомъ подъѣздъ?..

ОКУНЬКОВЪ. (*всторону*). На томъ... на этомъ... въ маскарадъ... (*всторону*). Се-тре-мове!..

НИИФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. И вотъ почему свадьба невозможна!..

ФАРФОРОВСКИЙ. Погодите!.. (*вынимаетъ изъ кармана портмоне, съ чувствомъ цалуетъ его, и подаетъ Окунькову*). Узнаете ли вы этотъ портретъ?

ОКУНЬКОВЪ (*разчувствовавшись*). О, да! о, да!.. Я узнаю ее!.. Это ты!.. Это она!.. Твоя маменька, съ одной стороны!.. Я чувствую, что слезы...

ФАРФОРОВСКИЙ (*хлопнувъ его по животу*). Ахъ, вы проказникъ этакой!.. Да это портретъ известной Фанни-Эльслеръ!..

ОКУНЬКОВЪ. Чего-съ? не можетъ-быть!.. (*всторону*) Се-боку-тре-мове!..

НИИФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Неужели?..

ФАРФОРОВСКИЙ (*смѣясь*). Спросите, кого угодно!.. Вчера купилъ на Кузнецкомъ.

НИИФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Братецъ!.. (*съ сердцемъ щиплетъ его*). Вы меня обманули?.. Хорошо!.. хорошо!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону, почесывая руку*). Ну! теперь окончательно попался!..

НИИФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Племянница!.. вотъ твой мужъ... свадьба будетъ черезъ мѣсяць!..

МОТЯ. (*радостно*). Возможно-ли?

ОКУНЬКОВЪ. Позвольте... по... поз...

НИИФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (*смотря на брата*). Николай. Кузьмичъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, да!.. Ну, да! Ну, черезъ мѣсяць... (*всторону*). Вотъ хитрецъ-то, такъ одурачилъ!.. А впрочемъ я еще, съ одной стороны, не теряю надежды... Я въ мѣсяць свое возьму... ей-Богу,

возьму!.. У меня къ тому-же есть на принѣтъ докторъ Киндерваль-
замъ, глушь, какъ пробка и носъ набалдашикомъ...

Хоть къ-нимъ онъ ловко подобрался
И поднялъ въ домѣ кутерьму,
И я хоть въ дуракахъ остался, —
А все-таки свое возьму.
Я не горюю и не плачу,
И даже увѣряю васъ:
Его и самъ я одурачу...
Но только въ слѣдующій разъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ X ТОМА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- ЗНАХАРЬ.** Историческій романъ въ трехъ частяхъ. (Часть 3). *В. И. Савинова.* (Кн. 7).
- ШАФЕРЪ.** Повѣсть Шарля Бернара. (Кн. 7).
- АРАБОКІЯ КАСИДЫ.** *В. Р. Зотова.* (Кн. 7).
- ШАЙСКАЯ ВЪСНЬ.** *Графини Евдокии Расстончиной.* (Кн. 7).
- ДРУЖБА.** Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. *А. И. Бибикина* (Кн. 8).
- МЕДАЛЬОНЪ.** Повѣсть *Евгенія Славинскаго.* (Кн. 8).
- ПАНОФЛЪ ПВАНОВИЧЪ.** Разсказъ *В. В. Толбина.* (Кн. 8).

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

- ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ ДВАДЦАТЫХЪ И ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.** *А. В. Брандта.* (Кн. 8).
- НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ИЖВОПИСИ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.** *А. Афанасьева.* (Кн. 8).

МЕНУАРЫ.

- НОВОБРАНЕЦЪ 1812 ГОДА.** Записки *И. И. Лажечникова.* (Кн. 7).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Открытие сезона — *Марія Симонъ.* — Нѣсколько словъ о содержаніи и направленіи современныхъ французскихъ драмъ. — Длинноты пьесъ и отсутствіе замѣчательныхъ. — Пьесы изъ процессовъ и уголовныхъ дѣлъ. — Драммы изъ современнаго быта и трагедіи. — Мнѣніе Эдгара Кинэ о трагедіяхъ и герояхъ ихъ. — Фелисьенъ Мальвилъ и его комедія. — Бенедиктъ г. Верне. — *Сочиненія Горация.* — *Дамскій угодникъ.* — *Друиъ Франсуа.* — Волшебный фарсъ, за немнѣніемъ фокусовъ. — Бенедиктъ г-жи Бурде. — Явное несчастье лучше скрытаго счастья. — Волдевилъ изъ оперы и оперетта мѣшца въ водевилѣ. — Г. Люге. — *Законодательный друиъ.* — Тиль Жюкриса. (Кн. 7).

МОСКОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Съ открытія театра послѣ Великаго-поста, до закрытія его предъ Успенскимъ-постомъ). (Кн. 8).

СМѢСЬ.

ЯЩИКИ. В. В. Толбина. (Кн. 7).

ПЕТЕРБУРГО-МОСКОВСКАЯ НЕЛЪЗМАЯ ДОРОГА. Письмо къ пріятелю. (Кн. 7).

БѢЛОРУССІЯ. Въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ. П. Шпилевскаго. (Кн. 7).

МОЙ КАПИТАНЪ. Эпизодъ изъ войны 1825 года въ Южной-Америкѣ. (Кн. 7).

ПРОГУЛКА ПО РОССИИ. Поѣздка въ Залѣсскій и Ярославскій край, въ томъ 1852 года. Н. И. Розанова. (Кн. 7).

ДЕРЕВНЯ. Провинціальныя сцены. Октава Фелье. (Кн. 8).

ЗААТЛАНТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. (Кн. 8).

ЖИЗНЬ НА МОРѢ. А. Б-а. (Кн. 8).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. Понсаръ и его пьесы.—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.**—Нынешнее состояніе газоосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (*подробности устройства и дѣйствій газоваго заведенія въ Филадельфій*), статья В. Карелина.—**ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.**—Добрый совѣтъ (*разсказъ Сторно де-Солокини*).—Школа художествъ въ Манчестерѣ.—**МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.**—Башня Барума.—Барнабиты во Франціи.—Выставка въ Нью-Йоркѣ.—Надписи въ Синайской долинѣ и египетскіе гіероглифы.—Японскіе обычаи: Вѣра, сватовство, женитьба.—Американскіе денди.—Счастіе приходитъ иногда во снѣ, но глупому сыну не въ помощь богатство.—Растеніе Aegilops.—Солиныя и огненные колоды въ Кіакинѣ (въ Китаѣ).—Замѣчательная долина въ Сѣверной-Америкѣ.—Новыя желѣзныя дороги въ Сѣверной-Америкѣ.—Ночное приключеніе (*разсказъ немцаго негодянта*).—Подводный городъ (*изъ записокъ путешественника*).—Банковая облигація (*разсказъ*). (Кн. 7).

ЛИТЕРАТУРА. Какъ въ Остъ-Индіи издають газету.—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.**—Канаты подводнаго телеграфа.—Согрѣваніе безъ топлива.—**ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.**—Народные театры въ Вѣнѣ.—**МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, АНЕК-**

ДЕТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.—Магнитизмъ и любовь.—Охота за гагарами.— Два жильца въ одной комнатѣ (*разсказъ*).—Ловля тунца въ древнія и новѣйшія времена.—Тюльпаноманія.—Желѣзная мостовая.—Незодовъ.— Происхожденіе слова *рококо*.—Странный поединокъ.—Выгодное предложеніе.—Электрическія палки.—Новое шампанское.—Заказы объѣда по телеграфу.—Странная судьба одной женщины.—Тайна (*разсказъ*).
(Кн. 8).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА: Журналы и книги лѣтомъ.—Іюльскія нумера «Отечественныхъ Записокъ», «Библіотеки для Чтенія» и «Современника».—Сѣтованіе «Новаго Поэта» о томъ, что у насъ нѣтъ будто-бы критики.—Последніе пять выпусковъ «Москвитянина».—Движущіея столы въ литературѣ; «Отшельникъ», истинное происшествіе, и новая брошюра о холерѣ.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ: Древніе и современники.—Фельетонъ и его антагонисты.—Дневникъ одного петербургскаго джентльмена.—Анахоретъ.—Екатерингофъ и дачи близъ Нарвской заставы.—Напрасныя метаморфозы.—«Марьяна-роща», превращенная въ «Монплеэръ», и бывшая «Александрія», переименованная въ «Дорданъ».—Рыцарскіе праздники въ Любекѣ и танцевальныя вечера въ Полюстровѣ.—Первое іюля на Елагиномъ-островѣ.—Невозмутимая тишина въ Муринѣ и непрерывное движеніе въ Новой-деревнѣ.—Тамошніе потѣшные огни и бенефисы, живыя картины и восковыя фигуры.—Аполлонъ и музы въ Павловскомъ воксалѣ. (Кн. 7).

I. ЖУРНАЛИСТИКА: Лѣто и журналы.—Раздѣленіе литературы, необозначенное въ риторикахъ.—Вариантъ стиховъ Тредьяковского.—Последнее сказаніе рецензента русскихъ журналовъ.—«Библіотека для Чтенія» за іюнь и іюль.—Лѣтнія и зимнія статьи.—Переводная критика.—Изящный языкъ Литературной Лѣтописи.—Опечатки и этимологическіе выводы.—Романъ г. Масальскаго.—Повѣсть — *Княгиня*.—Великосвѣтскость, риторика и грамматика.—Новыя мысли госпожи В*, взятая изъ стараго источника.—*Габріель*, Эмилія Ожье, въ переводѣ г-на Крешева.—Слабые стихи и неточность перевода.—Сравненія съ подлинникомъ.—Желанія «Библіотеки для Чтенія».—«Современникъ» въ лѣтніе мѣсяцы.—Четвертая часть *Рыбаковъ*.—Неправильность языка.—Стихи и проза г-на Полонскаго.—Латинская комедія, переведенная не по-русски.—Ученыя и критическія статьи.—Буква *Theta*.—Смѣсь и Новый Поэтъ.—Старыя желанія.—Іюньская, іюльская и августовская книжки «Отечественныхъ Записокъ».

сокъ». — *Марья Михайловна*, романъ г. Михайлова. — Различаютъ ли «Отечественныя Записки» дурные стихи отъ хорошихъ? — Рецензія поэмы г-жи Хвощинской. — Серьезныя статьи. — Журналъ учебно-литературный и литературно-ученый. II. **НОВЫЯ КНИГИ**: «Кіевъ и его достопамятности». Сочиненіе *Н. Семеновскаго*. — «Русско-стихосложеніе», *П. Переалльскаго*. — «Планы Санктпетербурга», составленныя *Н. Цыловымъ*. — «Опытный маляръ» или полное наставленіе въ малярномъ дѣлѣ, показывающее свойство малярныхъ матеріаловъ, способы окраски и обклейки поверхностей, со включеніемъ смѣтъ по этому производству, доставляющее возможность производить всѣ малярныя работы безъ пособія маляра и архитектора; съ приложеніемъ литографированнаго рисунка, для сельскихъ хозяевъ и домовладѣльцевъ, *Н. Матвѣевскимъ*. — «Таблицы для вычисленія процентовъ», отъ одного дня до ста лѣтъ по 4%, 5% и 6%, составленныя *А. Ерѣ-Емцемъ*. III. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ**: Фельетонъ въ повѣсти и романъ въ фельетонѣ. — Лабиринтъ отдаленныхъ дачъ. — Соловей-чичероне. — Отпѣтшій холостякъ и цвѣтущій семьянинъ. — Короткое возобновленіе стараго знакомства, или тѣсная дружба по поводу любви. — Три граціи и будущій новый Лафонтенъ. — Ходячая монета или всевѣдущій рассказчикъ. — Голландецъ изъ Америки и сочинитель оперы изъ манежа. — Тулонская дѣвочка. — Фогельсбергъ, Абботсфордъ и Бесфордъ. — Веселье не безъ добраго дѣла. — Віолончель и красавецъ. — Патетическое начало романа на минеральныхъ водахъ. — Незнакомые влюбленные, или сила магнетизма глазъ. *Четыре времени года*. — Неудачная поѣздка и обманутое ожиданіе. — *Кабъ* и новая монета. — Последние дни провинціала въ Петербургѣ. — Праздникъ въ новомъ родѣ, на старомъ ладѣ. — Подражанія и совмѣстничество. — Опять *омъ*, или безмолвная встрѣча двухъ героевъ не-соперниковъ. — Отъѣздъ и разлука. — Еще разъ *омъ*, и всѣ въ разныя стороны. — Развязка поневогѣ и невѣдѣнное будущее (Кн. 8).

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

УРОКЪ ПУШЬЯМЪ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. *Н. Крестовскаго*. (Кн. 7).

УПРЯМСТВО И НАСТОЙЧИВОСТЬ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. *Г. А. Стойковича*. (Кн. 7).

МОТА. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. *К. А. Тарновскаго*. (Кн. 8).

I. ЖУРНАЛИСТИКА:

Лето и журналы.—Раздѣленіе литературы, необозначенное въ риторикахъ.—Вариантъ стиховъ Тредиаковскаго.—Послѣднее сказаніе рецензента русскихъ журналовъ.—*Библиотека для чтенія* за июнь и июль.—Лѣтнія и зимнія статьи.—Переводная критика.—Изычный языкъ Литературной Лѣтописи.—Опечатки и этимологическіе выводы.—Романъ г. Масальскаго.—Повѣсть *Климилы*.—Великосѣтскость, риторика и грамматика.—Новыя мысли г-жи Надежды В*, взятыя изъ стараго источника.—*Габриэль Эмиля Окке* въ переводѣ г-на Крещева.—Слабые стихи и неточность перевода.—Сравненія съ подлинникомъ.—Желанія Библиотеки для чтенія.—*Современникъ* въ лѣтніе мѣсяцы.—Четвертая часть *Рыбаковъ*.—Неправильность языка.—Стихи и проза г-на Половскаго.—Литинская комедія, переведенная не по-русски.—Ученыя и критическія статьи.—Буква *омта*.—Смѣсь и Новый Поэтъ.—Старыя желанія.—Июльская, июльская и августовская книжки *Отечественныхъ Записокъ*.—*Марья Ивановна*, романъ г. Михайлова.—Различаютъ ли Отечественныя Записки дурные стихи отъ хорошихъ?—Рецензія поэмы г-жи Хвоцинской.—Серьезныя статьи.—Журналъ учебно-литературный и литературно-учебный.

II. НОВЫЯ КНИГИ:

- «Кіевъ и его достопамятности». Соч. *Н. Семеновскаго*.
- «Русское стихословеніе». *П. Перевальскаго*.
- «Планы С.-Петербурга», составленныя *Н. Цыловымъ*.
- «Опытный маляръ». Соч. *Матвѣевскаго*.
- «Таблицы для вычисленія процентовъ», составленныя *А. Ерв-Емцемъ*.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Фельетонъ въ повѣсти и романъ въ фельетонѣ.—Лабиринтъ отдаленныхъ датъ.—Соловей-чичероне.—Отцвѣтшій холостякъ и цвѣтущій семьянинъ.—Короткое возобновленіе стараго знакомства или тѣсная дружба по поводу любви.—Три градія и будущій новый Ласонтенъ.—Ходячая ашша или всевѣдущій рассказчикъ.—Голландецъ изъ Америки и сочинитель оперы изъ манежа.—Тулонская дѣвочка.—Фогельсбергъ, Аббатсбургъ и Босбургъ.—Веселье не безъ добраго дѣла.—Виолончель и красавецъ.—Патетическое начало романа на Минеральныхъ Водахъ.—Незнакомые влюбленные или свѣд магнетизма глазъ.—*Четыре времени года*.—Неудачная поѣздка и обманутое ожиданіе.—*Кабъ* и новая комета.—Послѣдніе дни провинціала въ Петербургѣ.—Праздникъ въ новомъ родѣ, на старомъ ладѣ.—Подражанія и совѣстничество.—Опять *омъ* или безмолвная встрѣча двухъ героев романа, не-соперниковъ.—Отъездъ и разлука.—Еще разъ *омъ*, и всѣ въ разныя стороны.—Развязка пеневогъ и неизвѣстное будущее.

V. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 8.

МОТЯ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго
К. А. Тарновскимъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Портретъ: Г-ЖИ ПОЛИНЫ ВІАРДО-ГАРСІИ, съ вѣрнаго даггеротипа
С. Левицкаго.
2. Музыка: ПОЛЬКА-ШАЗУРКА, соч. *Е. Буске*.

ПАНТЕОНЪ

выходить ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «**ГЕНЕРАЛА РУССКОЙ СЦЕНЫ**». Отъ Редакціи прилагаются къ нему: литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихкихъ портретовъ русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; новѣйшей музыки русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Московъ: Въ КОНТОРЪ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Баунова.

Только за подписку, принятую въ этихъ мѣстахъ, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому справедливому его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непремѣнно получаютъ ВСѢ КНИЖКИ, начиная съ первой, со ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **СЕДОРУ АЛЕКСѢВИЧУ КОНН**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.»

